

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Всероссийская научная конференция

XVI Ковалевские чтения

СОЦИОЛОГИЯ В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ

17-19/11/22 **МИРЕ:**

проблемы и перспективы

МАТЕРИАЛЫ

ББК 60.5
УДК 316
С69

Ответственные редакторы:

Н.Г. Скворцов
Ю.В. Асочаков

Редакционная коллегия:

О.Н. Безрукова
Ю.В. Веселов
А.Н. Сошнев
В.И. Дудина
С.Д. Савин
В.Н. Келасьев
В.В. Козловский
М.С. Куропятник
Н.А. Пруель
В.Г. Ушакова
А.А. Флягин

Рецензент:

Иванов Дмитрий Владиславович, д. соц. н., СПбГУ

С69 Социология в постглобальном мире. Материалы всероссийской научной конференции XVI Ковалевские чтения 17-19 ноября 2022 года. / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022. – 929 с.

ISBN 978-5-00197-062-0

© Ю.В. Асочаков, Н.Г. Скворцов 2022

© Коллектив авторов, 2022

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10
www.skifia-print.ru
Формат 60×90/8. Усл. печ. л. 116,13. Уч.-изд. л. 79,26. Заказ № 14283

ОГЛАВЛЕНИЕ

Секция 1: Кризис парадигмы глобализации и поиски новой теории социальных изменений.....	31
Асочаков Юрий Валентинович Глобализация как утопия: неравенство в постглобальном обществе	31
Ахмедова Муслимат Газиевна Каким будет глобальное единство?.....	32
Баранов Николай Вадимович Генезис понятия прекариат в западной и отечественной социологии.....	32
Башнина Нина Константиновна Креативный класс - ядро социального участия в обществе.....	33
Беляева Екатерина Александровна, Валеева Марина Владимировна Модели образовательного взаимодействия высших школ России и Китая.....	35
Бицадзе Николоз Анализ трансформации внешней политики России после распада СССР.....	37
Богомягова Елена Сергеевна Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье жителей Москвы и Санкт-Петербурга	38
Бойченко Богдан Игоревич Социотехнические барьеры цифровизации (на примере виртуальных операторов).....	41
Бороноев Асалхан Ользонович Феномен «малая родина» в жизни человека: содержание и функции	43
Бурдун София Антоновна Основные функции цифровых сервисов психологической помощи ...	44
Быков Владимир Петрович Коммунистическая идея Карла Маркса: истоки и следствия.....	48
Вербин Анатолий Александрович Интеллектуальная атмосфера в обществе псевдорреальности	53
Вершинина Инна Альфредовна Урбанистические сообщества и их методологическое значение для современной социологии.....	55
Воробьева Ирина Николаевна, Мехова Альбина Анатольевна Агенты социальных изменений как драйверы развития территории	56
Данилов Александр Николаевич Закат техногенной цивилизации: ценностная перезагрузка ...	57
Елишев Сергей Олегович Имперская государственность как основа успешного национального развития России.....	58
Задорин Вячеслав Владимирович О формальных основаниях социологических теорий в условиях выживания	60
Иванов Дмитрий Владиславович Цифровизация как социальная рутина в российских мегаполисах в условиях постглобализации	61
Иоффе Гавриил Анатольевич Состояние мысли о времени. На уход Бруно Латура.....	64
Кареев Дмитрий Валериевич Глобализация и современные международные конфликты.....	66
Катаев Дмитрий Валентинович Резонанс и социология отношения к миру как ответ на ускорение и расширение позднего модерна	68

Ковалёв Даниил Игоревич Динамика социальных и культурных структур в сетевой теории Х. Уайта	73
Костенко Валерий Валерьевич, Баранов Алексей Александрович Кризис парадигмы глобализации на фоне спецоперации России по защите республик Донбасса	74
Кутейников Александр Евгеньевич Социология международных отношений сегодня: состояние и перспективы.....	76
Лебедева Елена Викторовна Вертикальная и горизонтальная солидарность на примере городского участия	77
Ломоносова Марина Васильевна, Бурдун София Антоновна Перспективы развития цифровых сервисов психологической помощи в России в контексте проблем и потребностей пожилых людей.	78
Шабанов Виктор Леннардович, Ожован Михаил Иванович, Мюллер Наталья Владимировна, Лощинин Михаил Борисович Бимодальность распределений по доходу в бюджетных обследованиях домохозяйств Саратовской области в 2018 году	80
Масловский Михаил Валентинович Многообразие форм глобализации и множественные модерна: актуальные теоретические подходы	82
Матвеева Наталья Юрьевна Проблема социального идеала и современные проекты глобального переустройства общества	82
Мионов Денис Викторович Образ родины и малой родины в контексте формирования целостной гражданской идентичности	85
Мясников Артём Игоревич К вопросу об истоках антиглобализма в антиимпериалистическом дискурсе В. И. Ленина	86
Надточаева Надежда Владимировна Трансформация социальных систем в эпоху глобализации и постглобализации	87
Папошвили Мадлен Ильинична, Шаматава Лаша Владимирович Альтернативная модель неолиберального глобального миропорядка согласно квантово-релятивистской ноологии	88
Плетнев Александр Владиславович Сверхновые тренды постцифровой социологии.....	89
Подъячев Кирилл Викторович К вопросу о значении цивилизационной историософии для социологического знания в меняющемся мире.....	90
Поздняков Егор Константинович Перспективы деглобализации и реглобализации в мире и в России.....	92
Скворцов Николай Генрихович Глобализация и повседневность.....	93
Смирнов Пётр Иванович Перспектива глобализации: постцивилизационное варварство или разделенный (многополярный) мир.....	95
Солдатов Александр Васильевич, Солдатов Андрей Александрович, Романова Виктория Алексеевна Трансформации национальных политических систем в условиях новой реальности	96
Сукачев Сергей Владимирович Цифровая трансформация в сфере культуры и искусства	97

Терашкевич Илья Сергеевич Специфика социальных практик жителей российских регионов в интернет-пространстве	102
Ткаченко Кирилл Владимирович Трансформация академического жанра письма в постглобальном мире: теоретико-методологическая рамка Б. Латура	106
Тхакахов Валерий Хазраилович Феномен малой родины: теоретические перспективы исследования	108
Фомин Егор Васильевич, Зимова Наталья Сергеевна Сетевая солидарность российских пользователей как реакция на проведение Специальной военной операции России на Украине	109
Черноиванова Анна Сергеевна Цифровое неравенство в Российском мегаполисе: результаты исследования цифровых практик бездомных в Санкт-Петербурге	110
Чернышов Сергей Павлович Нелинейные социальные процессы в случае неопределенности	113
Секция 2: Новая социально-политическая реальность: вызовы и ответы внешней и внутренней среды	116
Алейников Андрей Викторович, Сунами Артем Николаевич Детерминанты конструирования риск-рефлексий	116
Андреенков Владимир Георгиевич Кризис доверия международным организациям – общественное мнение в международных отношениях	117
Баженов Анатолий Матвеевич Сергей Михайлович Соловьев о пространстве для демократизации российского общества	120
Баранова Галина Васильевна, Музалевский Владислав Игоревич Влияние информационно-психологических воздействий на социальное самочувствие граждан в современном мире	121
Басимов Михаил Михайлович Изучение динамики политических предпочтений молодежи Курганской области	122
Бельский Александр Михайлович Демографическая безопасность: теоретико-методологический аспект	123
Быков Александр Сергеевич, Васильева Дарья Игоревна Война и голод как предмет социологического осмысления в научном наследии П.А. Сорокина	126
Васильев Николай Александрович Социальные сети как новый медиакоммуникационный вызов (на пути к новому социальному миру)	129
Великая Наталия Михайловна Легитимность власти как основание консолидации российского общества	135
Великоростов Алексей Сергеевич Смешенная избирательная система, как институт демократии в Российской Федерации	137
Власова Ирина Владимировна Военная субкультура и национальная идентичность в России: история и современность	139
Головацкий Евгений Васильевич Цифровые ресурсы социального и политического взаимодействия сетевых сообществ региона: индикаторы измерения	140
Григорьев Виталий Евгеньевич Сетевая структура и протестная мобилизация	141

Деханов Сергей Александрович Право и сила как способы регулирования международных отношений	142
Дорохова Наталья Юрьевна О политической культуре дистанционного голосования россиян	143
Жаркова Татьяна Владимировна Динамическое изменение измерений цифровых следов в странах макрорегиона Большого Средиземноморья	147
Злотников Анатолий Геннадьевич Белорусы и русские в этнической структуре Союзного государства	150
Иванов Дмитрий Викторович Популизм в зарождающуюся постглобалистскую эру	154
Ирсетская Елена Александровна Социально-политические аспекты формирования общенациональной идеи консолидации власти и граждан в современном российском обществе.	156
Карпова Наталья Владимировна Методологические аспекты исследования исторического сознания российского общества	158
Лаврикова Анастасия Александровна, Шумилова Ольга Евгеньевна Образ будущего России: проблемы формирования и перспективы развития	159
Латов Юрий Валерьевич, Латова Наталия Валерьевна Шоковая реальность 2022 года (по данным социологического опроса в марте 2022 г.)	161
Ломоносова Марина Васильевна, Миронов Денис Викторович Политика памяти: к вопросу о методологии историко-социологического изучения голода в России	163
Мельников Михаил Васильевич Культурные травмы и национальные интересы России в начале 20-х годов XXI века	165
Меренков Анатолий Васильевич Формирование ориентаций личности на защиту суверенитета России в условиях специальной военной операции	167
Милецкий Владимир Петрович, Черезов Дмитрий Николаевич Роль человеческого фактора в воссоединении Новороссии с Россией	168
Михина Лаурита Константиновна, Сюй Син Медийная политика Китая в контексте российско-китайского экономического сотрудничества: вызовы и перспективы	170
Михнева Анастасия Ильинична Публичная власть как единая институциональная система и новая социально-политическая реальность Российской Федерации	172
Осадчая Галина Ивановна Евразийский экономический союз: социогуманитарные инструменты интеграции	174
Перова Анастасия Евгеньевна Внешние угрозы как точка бифуркации для России 21 века: современные культура и история	175
Пищикова Мария Викторовна Теория общественного договора для объяснения международных организаций	176
Рязанцева Ангелина Вадимовна, Юдина Дарья Игоревна, Александрова Анастасия Алексеевна Эффективность исторической политики основных политических сил в России.	177
Савин Сергей Дмитриевич Российские базовые национальные ценности: между политической идеологией и гражданским сознанием	179

Салимгареев Максим Владимирович Трансформация идентичности в условиях современного экзистенциального вызова.....	181
Саркисов Артем Олегович Влияние государственного стиля управления на формирование общественного сознания в России	182
Щапенко Наталья Петровна Общероссийская национальная идентичность в условиях социального разобщения	184
Сикевич Зинаида Васильевна О соотношении этнической и национальной идентичности.....	186
Сирота Наум Михайлович Вызовы и уязвимости России: международный аспект	187
Слатинов Владимир Борисович Трансформация социально-политической реальности в регионах России: промежуточные итоги деятельности губернаторов "новой волны"	188
Снегур Маргарита Романовна Проблема формирования перформативной национальной идентичности современной российской молодежи.....	189
Старовойтова Снежана Особенности определения понятия «национальное меньшинство»....	191
Тартыгашева Галина Владимировна Российская идентичность в условиях вызовов внешней среды	193
Тузиков Андрей Римович, Зинурова Раушания Ильшатовна Тренды в структуре идентификаций российского студенчества (кейс г. Казань).....	195
Усольцев Антон Григорьевич Влияние цифровизации на участие гражданского общества в социально значимых вопросах	197
Филимонов Руслан Максимович Особенности восприятия специальной военной операции населением РФ (на примере Саратовской области)	199
Черевкова Алена Игоревна, Чикарова Галина Игоревна Факторы социальной конфликтности Южнороссийского приграничья (на примере Ростовской области).....	200
Шевцов Алексей Владимирович Социологические проблемы дистанционного электронного голосования	201
Секция 3: Экономика и общество в постглобальном мире	204
Бабаров Николай Александрович Возможности и проблемы сравнительных исследований креативных индустрий России и Китая в постглобальном мире	204
Безносикова Дарья Олеговна, Иванова Светлана Петровна Проблема социального неравенства в обществе в условиях трансформации российской экономики	204
Буланова Марина Борисовна Влияние прекаризации труда российских преподавателей на их представления о настоящем и будущем.....	206
Веселов Юрий Витальевич Социальная структура доверия в постглобальном мире	207
Гилязова Дилара Ильгизовна Современные тренды занятости	208
Гладченко Алина Николаевна Новые формы занятости в условиях пандемии Covid-19.....	209
Горемыкина Полина Андреевна Траектории занятости пенсионеров на рынке труда	210
Горский Евгений Вадимович, Закатов Дмитрий Александрович Психологический подход как фактор эффективной коммуникации в экономических отношениях постглобального мира	212

Гудяева Людмила Влияние проведения масштабных деловых мероприятий для устойчивого позиционирования территории как центра научной мысли нового технологического уклада: региональный аспект	213
Деханова Наталья Геннадьевна, Деханов Сергей Александрович Проблемы рынка труда в условиях цифровой трансформации	215
Ермолаева Светлана Георгиевна, Аскеров Эльмар Фахраддин Оглы Особенности управления персоналом в информационном обществе	217
Закатов Дмитрий Александрович, Горский Евгений Вадимович Проблематика измерения уровня бедности на примере Вологодской области.....	221
Иванова Елена Игоревна Домохозяйства, состоящие из одного человека, в России: факторы роста и структура расходов	223
Ильин Владимир Иванович Человеческий капитал как возможность.....	225
Карапетян Рубен Вартанович Отношение доверия к институтам страхования (по результатам опроса населения РФ)	226
Карапетян Степан Арсений Рубенович Факторы доверия к финансовым институтам в условиях современного кризиса	228
Киселева Людмила Сергеевна Формат и работы в контексте игровой парадигмы занятости ..	231
Колосова Елена Андреевна Прекарные черты занятости в постглобальном мире	233
Константинова Лариса Владимировна Стратегические ориентиры трансформации высшего образования в условиях новых геополитических и экономических вызовов	234
Красильникова Татьяна Дмитриевна Анализ показателей благополучия Центрально-Чернозёмного экономического района	236
Кученкова Анна Владимировна Субъективная неустойчивость занятости в постглобальном мире.....	238
Лузина Виктория Андреевна Отношение к трудовой иммиграции в России (на примере г. Ярославля).....	239
Малышко Ярослав Олегович Забастовки как возможный метод ведения социально-трудового конфликта.....	241
Маркеева Анна Валерьевна Нестандартная занятость пожилых: потенциал и социальные риски	242
Мартьянова Наталья Александровна Возможен ли ренессанс советской профессиональной этики?	243
Моисеева Вероника Сергеевна Экологические практики жителей Санкт-Петербурга в условиях городской среды	244
Муханова Мария Николаевна Социальная адаптация сельского населения на рынке труда в условиях аграрных реформ	245
Никифорова Ольга Александровна Влияние пандемии на предпринимательский климат в Санкт-Петербурге	246

Овтина Александра Александровна Поляризация работников постиндустриального общества	247
Овчинникова Наталья Владимировна, Михайлова Елена Валерьевна Планирование выхода на пенсию в жизненной перспективе женщин старшей средней и предпенсионной возрастных групп: социально-экономические аспекты	248
Орлик Елена Николаевна Кризис западной модели глобализма и новый вектор образования	249
Пилипенко Игорь Валерьевич Влияние структуры владения жильем из плановой экономики на современный уровень жизни в странах Центрально-Восточной Европы – членах Евросоюза ...	251
Пискунова Александра Евгеньевна Благо и проклятье угольного региона: репертуар интерпретаций в публичном поле современного Кузбасса	252
Попова Ирина Петровна Социальная и организационная справедливость: тенденции взаимосвязей	253
Прищепова Татьяна Александровна Современные особенности развития российского рынка труда в условиях 2022 года	254
Рыжкина Юлия Владимировна Модель бизнеса Human to Human в российской реальности ..	255
Ситнова Вероника Олеговна Влияние политико-экономического аспекта на развитие России в условиях современных санкций	255
Смелова Алена Андреевна Общество активов в эпоху постглобальности	258
Соколова Дарья Андреевна, Селиванова Татьяна Валерьевна Региональное бизнес-доверие: концептуальное и операциональное содержание (на примере Дальневосточного федерального округа)	260
Станевич Анастасия Юрьевна Мотивационная структура специалиста в области перевода: социологический анализ	261
Татулян Арина Сергеевна, Шаршов Анатолий Романович Современные рынки труда и их функционирование	262
Файзуллин Фаниль Саитович, Файзуллин Ильгиз Фанилевич Проблема неполной занятости работающего населения и пути ее решения	264
Филатова Дарья Владиславовна Постглобальные тренды труда и занятости	265
Фролова Екатерина Андреевна, Медведев Александр Олегович Влияние распространения удалённого формата работы на социокультурный аспект внешней миграции	267
Царева Анна Владиславовна, Воробьев Сергей Алексеевич, Малинин Александр Владимирович Региональные особенности востребованности специалистов в области физической культуры и спорта на рынке труда Российской Федерации	268
Чжан Хаопэн История развития социальной стратификации в Китае	270
Чуйченко Валерия Дмитриевна, Шуклина Елизавета Игоревна Статистический анализ рынка труда Курской области	273
Шамсутдинова Ильзира Анасовна Совершенствование системы планирования и прогнозирования в промышленных предприятиях	275
Шегурова Яна Евгеньевна Экологическая культура молодежи в сфере потребления	278

Шкурко Егор Алексеевич Моделирование рынков при помощи стратегических сетей.....	280
Щербина Александра Вениаминовна Коммерциализация общительности в условиях ультраглобализации.....	281
Секция 4: Управление в пост-глобальном мире: вызовы и перспективы	283
Абдаллах Лейла Роль религии и традиций в формировании имиджа государства	283
Адмакин Данила Николаевич Влияние пост-глобальных процессов на стратегическое планирование в современных организациях	284
Близнецкая Екатерина Александровна Неформальные диалоговые структуры и механизмы в многосторонней климатической дипломатии.....	285
Бочаров Александр Кросс-культурные коммуникации между бизнесом и государством: поиск наилучшей GR-стратегии.....	287
Василенко Людмила Александровна Умное государственное управление в условиях цифровизации: для народа vs вместе с народом?.....	289
Васильев Владимир Петрович Государственное управление социально-экономическим развитием в условиях санкционного давления.....	290
Власова Наталья Владимировна Национальная безопасность России: проблемы постглобального пространства.....	291
Деркачева Диана Владимировна Модели избрания высшего должностного лица субъекта Российской Федерации: трансформация и перспективы	294
Дудина Виктория Ивановна Активизм знаний как вызов традиционным формам управления общественным здоровьем в пост-глобальном мире.....	295
Жилкин Антоний Сергеевич Трансформация глобализации: международная торговая политика	297
Зотов Виталий Владимирович, Губанов Александр Владимирович Социально-сетевое управление публичным пространством коммуникаций: между открытостью и закрытостью сетевых сообществ органов власти.....	299
Каменский Евгений Георгиевич, Огурцова Альбина Юрьевна, Маякова Анна Васильевна, Плякин Антон Семенович Модель "тройной спирали" в постглобалистском контексте : актуальна ли она для России?	300
Киселёва Наталья Ильинична Факторы, обуславливающие достижение показателей национальных проектов и национальных целей в сфере образования.	302
Колосова Галина Владимировна Социология цифрового управления и управляемости: вызовы и опасности техносоциальных алгоритмов, их регулирование и контроль.....	303
Лапина Светлана Валентиновна Общецивилизационные черты и национальные особенности управления в социальном государстве	304
Макаров Игорь Николаевич Трансформация социолого-управленческого понятия «государственное администрирование» в условиях нарастания глобальных рисков	307
Мальшева Галина Анатольевна Институциональный контекст цифровой трансформации в России.....	310

Масловская Елена Витальевна Перспективы применения концепции множественных модернов в социолого-правовых исследованиях (на примере стран Восточной Европы)	312
Меньшикова Галина Александровна, Александров Михаил Алексеевич Клиентоцентричность – новый курс развития России: проблемы оценивания	313
Николаева Алла Алексеевна Деятельность некоммерческих социально-ориентированных организаций на примере студенческих спасательных отрядов г. Москвы	314
Ожерельева Вера Сергеевна Влияние управленческой культуры на реальное поведение людей	316
Поджидаева Анастасия Юрьевна Государственная информационная политика: проблемы формирования и реализации в современном российском обществе	317
Рассказов Сергей Вениаминович Тезисы о социологии рекомендательных алгоритмов и их влиянии на общество и управление	318
Скоробогатский Вячеслав Васильевич, Скоробогатская Наталья Александровна Цифровизация государственного управления: пределы возможного	320
Степанов Иван Евгеньевич Теоретические основания исследования организационной культуры	321
Узюмова Наталья Владимировна О методологии исследования отзывов населения о ходе реализации национальных проектов и государственных программ в сфере образования	324
Хаблова Татьяна Алексеевна Доверие населения к органам государственной власти: управленческий анализ	325
Холоденко Юрий Александрович Риски цифровой трансформации государственного управления	327
Цветкова Галина Александровна О массовой занятости в сфере труда	330
Челенкова Инесса Юрьевна Идеино-ценностный концепт государственного управления российским обществом	331
Чуклинов Андрей Евгеньевич Конвенция ООН против коррупции и ее место в системе национальной безопасности России	332
Залялютдинова Кристина Рустамовна, Шведовский Вячеслав Анатольевич Построение модели управляемого хаоса для описания динамики протестного движения в России	334
Эсселевич Эрнест Алексеевич Цифровые алгоритмы в контексте социального действия	336
Яковлев Даниил Фейрузович, Андреева Ксения Эдуардовна Новые виды управления в пост-глобальном мире	338
Секция 5: Цифровизация. Становится ли общество счастливее?	340
Абрамова Софья Борисовна Возможности цифровой партисипации в реализации функций гражданского общества	340
Бабак Диана Игоревна Цифровая и доцифровая среда: сложности перехода	341
Бакулин Александр Викторович, Дерюгин Павел Петрович Социодинамика гендерных стереотипов в традиционном, индустриальном и информационном обществе: грани стираются	343

Балашова Кристина Алексеевна Последствия «цифрового счастья» для российского общества: проблемы, риски процессов цифровизации и развития IT-технологии.....	345
Баннова Олеся Сергеевна, Дерюгин Павел Петрович, Ян Юй Интеграция IT специалистов как социально-профессиональной группы.....	346
Банных Галина Алексеевна «Цифра» и «счастье»: что лежит в основе цифрового благополучия и как его измерить?.....	349
Белова Наталья Ильинична Российские врачи в эпоху цифрового здравоохранения: основные проблемы и вызовы	351
Близинцова Олеся Юрьевна Цифровизация общества сегодня и ее последствия	352
Богомякова Елена Сергеевна, Орех Екатерина Александровна Телемедицина в оценках жителей крупного города	353
Боев Евгений Иванович Развитие платформенных решений в системе государственного управления.....	355
Болдырев Игорь Иванович, Болдырева Елена Сергеевна Проблемы дистанционного обучения в ВУЗах	356
Брусов Иннокентий Максимович Влияние социальных сетей на общественное мнение.....	357
Будникова Наталья Сергеевна Медиатизация сельского населения на современном этапе	359
Бурганова Лариса Агдасовна, Мягков Герман Пантелеймонович Цифровизация высшего образования и виртуальное сотрудничество преподавателей и студентов.....	361
Бухтиярова Ирина Николаевна Цифровая идентичность и цифровой след: прогресс или дискомфорт?	363
Васильева Елена Игоревна, Орфониций Анастасия Васильевна К вопросу о критериях умных городов.....	364
Видясова Людмила Александровна Использование цифровых сервисов и социальное самочувствие жителей Петербурга разных возрастных групп	365
Гавва Дана Сергеевна, Резер Татьяна Михайловна Социальные сети как элемент информационной открытости органов местного самоуправления.....	366
Гавриленко Ольга Владимировна Искусственный интеллект и Большие данные в социальном прогнозировании: исследовательская технология или новая идеология?	368
Гольцман Анна Юрьевна Противоречия цифровизации в России	369
Григорьева Екатерина Александровна Утопичен ли умный город?	371
Грошева Любовь Игоревна Восприятие социального одиночества в условиях цифровой коммуникации	371
Дерюгин Павел Петрович, Баннова Олеся Сергеевна, Юй Ян Эмпирическая апробация положений интегральной концепции П.А. Сорокина в исследованиях ценностей IT-специалистов (На примере IT-групп России, КНР, Бразилии, США)	373
Добринская Дарья Егоровна Особенности идентичности в цифровой среде.....	376
Евсеев Евгений Алексеевич Подход к построению нечетких индексов	377

Епихина Юлия Борисовна Делают ли современные технологии людей счастливыми?	379
Жаркова Дарья Владимировна Эмоциональное единство в сети: являются ли виртуальные фанатские сообщества аффективными группами?	380
Жесько Элла Михайловна «Цифра» и пища: влияние онлайн посредничества на потребление пищи	381
Захаренко Надежда Проблемы правового регулирования распространения персональных данных в России	382
Землянская Анастасия Викторовна Управление рискогенным воздействием в условиях цифровой социализации молодежи.	383
Зернов Дмитрий Васильевич Медиатизация исторической памяти молодежи: ценностный аспект.....	384
Зотов Виталий Владимирович, Василенко Людмила Александровна Цифровизация публичного управления: от клиентоориентированности к новой бюрократии.....	386
Зубова Оксана Геннадьевна Социальное самочувствие пожилых людей при вовлечении в цифровое пространство современного российского общества.....	387
Иванова Наталья Анатольевна Цифровизация государственного управления: возможности и угрозы для общества и человека	388
Ивлева Ирина Владимировна Влияние социальных сетей и онлайн-сообществ на молодежь.....	390
Игнатъев Владимир Игоревич Агентность и интеракции в цифровом пространстве с искусственным интеллектом.....	391
Исакова Анастасия Александровна, Батурин Данил Евгеньевич "Это приложение пытается вмешаться в мою жизнь...": студенты о практиках использования селф-трекеров.....	393
Кан Антон Евгеньевич Как цифровизация влияет на человека и общество: цифровые технологии, цифровой город, цифровой человек.....	395
Каримуллин Тимур Альбертович Тренды виртуализации жизненного пространства молодежи	396
Килимова Людмила Викторовна Социальные риски в контексте цифровизации социума	397
Китайцева Ольга Вячеславовна Потенциал российских цифровых платформ в качестве работодателей в период экономической нестабильности	400
Комарова Яна Игоревна Цифровое образование как фактор, влияющий на показатели качества жизни.....	401
Хюнинен Александра Александровна, Коровина Анастасия Игоревна Умные города и гражданское общество: сравнительный анализ цифровых платформ мегаполиса и муниципалитета	402
Корчагина Мария Алексеевна Цифровизация общества: качество жизни и уровень счастья.....	404
Кранзеева Елена Анатольевна, Орлова Анна Владимировна, Бурмакина Анна Леонидовна Возможности использования современных методов исследования цифровой мобилизации ..	406

Кранзеева Елена Анатольевна, Головацкий Евгений Васильевич, Нятина Наталья Владимировна Цифровая мобилизация социального и политического взаимодействия региональных сетевых сообществ: к постановке вопроса	407
Кузванова Ангелина Леонидовна, Рыжкова Анна Андреевна Дегуманизация сфер образования и медицины в условиях цифровизации российского общества: социологический анализ	408
Кузнецов Алексей Владимирович, Борисов Григорий Александрович Цифровизация в России: перспективы в условиях санкционного давления	411
Кузнецов Игорь Сергеевич, Кузнецов Роман Сергеевич Цифровизация высшего образования и сокращение социального капитала студентов	412
Кузнецова Альбина Михайловна Проблемы развития цифровизации в России	413
Кузнецова Екатерина Михайловна Искусственный интеллект в жизни пожилых людей	415
Кузнецова Полина Юрьевна Проблемы цифровизации государственных и муниципальных услуг	416
Кургузов Виктор Сергеевич Особенности отношения старшеклассников г. Ярославля к электронному обучению с использованием дистанционных образовательных технологий: за и против	418
Кустышев Андрей Игоревич Человек и бизнес: проблемы взаимодействия в условиях цифровизации	419
Кученкова Анна Владимировна Об использовании цифровых следов для измерения субъективного благополучия	422
Ларина Алина Алексеевна Цифровизация: новые возможности и цифровое неравенство	423
Латыпова Алина Раилевна Интерактивный город — счастливый город. Экология публичного пространства современного города	426
Легостаева Наталья Игоревна Риски цифровой трансформации: новые вызовы цифровых экосистем	428
Ленкевич Александр Сергеевич Цифровизация как предчувствие: эффекты цифровой реальности	429
Лобышева Алина Сергеевна Проблемы, возникающие в экономике вследствие цифровизации	431
Луцева Анастасия Вячеславовна Личная безопасность в контексте Умного и Безопасного города	433
Лядова Анна Васильевна Тело как платформа: от Интернета вещей к Интернету тела – к вопросу о социальной рефлексии	435
Малинина Татьяна Борисовна Качество жизни в цифровой эпохе	438
Мартиросян Артём Саакович Цифровизация как общечеловеческое благо	440
Мартыненко Татьяна Сергеевна Технологии искусственного интеллекта в повседневной жизни: новые возможности и скрытые угрозы	441
Марьина Людмила Петровна Цифровизация современного искусства: медийный аспект	442

Медведев Максим Максимович, Сергеев Андрей Алексеевич Мифологизация функций виртуальной реальности.....	443
Медяник Ольга Викторовна, Легостаева Наталья Игоревна Разработка типологии потребителей финансовых услуг в период цифровой трансформации экономического сектора	444
Палагина Анастасия Игоревна Цифровая трансформация как фактор повышения эффективности и устойчивости бизнеса	445
Пашков Михаил Владимирович Влияние цифровизации на процесс глобализации образования	446
Пивоварова Марина Борисовна Повышение качества жизни человека в условиях цифровой трансформации общества	448
Платонова Юлия Юрьевна, Саликова София Георгиевна Развитие образовательной экосистемы для людей с ОВЗ и инвалидностью в условиях цифровизации	449
Поздеева Елена Геннадиевна Коммуникативные аспекты формирования образовательных экосистем	450
Проценко Владимир Сергеевич Новостная среда интернета и социальное самочувствие.....	453
Рафикова Ксения Фуатовна Этичность и вычислительные социальные исследования в эпоху цифровизации: противоречия и неверный результат	455
Резанова Екатерина Владимировна Электронный фриланс в условиях цифровизации	456
Романова Виктория Алексеевна, Голованова Оксана Владимировна Преимущества цифровизации в высших учебных заведениях (на примере СПбГМУ)	457
Рыбалко Михаил Николаевич Устройство деанонимизации: кто, кого, как и зачем	459
Рыльцева Александра Владимировна, Полтавская Мария Борисовна Цифровизация российского некоммерческого сектора в постглобальном мире: стимулы и барьеры.....	461
Савичев Александр Михайлович ГАУ Свердловской области «Центр адаптивного спорта «Родник»: цифровизация как способ повышения вовлеченности инвалидизированного населения в занятия адаптивной физической культурой и паралимпийским спортом.....	462
Середа Василий Михайлович, Саженкова Людмила Павловна Применение цифровых технологий в социальной сфере	463
Сапегина Алина Михайловна Трансформация ценностей общества в эпоху цифровизации.....	464
Сибирякова Юлия Васильевна Массовые открытые онлайн-курсы в контексте цифровизации образования.....	466
Сидоркина Валерия Владимировна, Курашвили Диана Давидовна Оценка эффектов цифровизации.....	467
Солдатенко Инна Геннадьевна Цифровизация системы здравоохранения Республики Беларусь	469
Сошнев Александр Николаевич Цифровизация России: состояния и перспективы.....	471
Сошнева Елена Борисовна Цифровизация как фактор устойчивого развития	472
Таирова Анжелика Таировна Развитие нотариата в цифровую эпоху	473

Татаренкова Дарья Юрьевна, Килимова Людмила Викторовна Нишнианидзе Ольга Олеговна Риски цифрового общества	474
Тимофеева Дарья Владимировна, Бычкова Наина Евгеньевна, Мосеев Марк Павлович Цифровизация и качество жизни. Цифровизация и уровень счастья.....	478
Трунова Екатерина Дмитриевна Противоречивость цифровизации. Цифровизация как инструмент скрытого контроля над обществом.....	480
Ужовский Владислав Сергеевич Особенности проявления цифровой политической активности на региональном уровне политики (на примере Саратовской области)	481
Харитоновна Елена Антоновна Цифровизация и ее влияние на человеческое счастье.....	482
Харманская Элина Юрьевна Гибридная реальность как тренд социальных изменений на примере концепции идентичности «онлайн» Л. Флориди.....	483
Хисаметдинова Зарина Наильевна, Рудая Анна Андреевна Влияние цифровизации на качество обучения математике в школе	484
Худяков Вадим Сергеевич Цифровизация как рычаг управления обществом.....	485
Цимбалюк Ольга Сергеевна Критическое мышление школьников в эпоху цифровизации	486
Чижов Александр Алексеевич, Костина Наталия Борисовна Цифровое равенство: текущая необходимость или вредная мечта?	487
Шаповалова Анна Андреевна Проблемы цифровизация образования в россии.....	490
Шляпников Виктор Валерьевич Цифровые помощники: этические аспекты	491
Шушунова Татьяна Николаевна Цифровая культура личности в контексте самосохранительной практики	492
Юй Ян , Дерюгин Павел Петрович, Баннова Олеся Сергеевна Особенности ценностей российских и китайских ИТ специалистов.....	493
Янышен Анна Андреевна Цифровые граждане	495
Ясников Николай Николаевич Связь социального капитала и интернет-практик населения Вологодской области.	496
Секция 6: Трансформация культурного пространства в пост-глобальном обществе.....	498
Абдаллах Лейла , Третьякова Ирина Дмитриевна Социологические концепции для анализа фильма «Паразиты»	498
Абрамова Софья Борисовна Отношение к телу в пост-пандемический период: «новая нормальность» в телесных практиках	499
Архарова Елизавета Германовна Индустрия красоты как социальное поле успеха	500
Бабанов Егор Александрович, Землянская Анастасия Викторовна Трансформация культурного пространства в пост-глобальном обществе	501
Баглаева Мария Федоровна медиатизация религии в период пандемии COVID-19	502
Бадмацыренов Тимур Баторович, Островская Елена Александровна Медиатизация религии: цифровые новаторы и медиабрендинг	504

Балаховский Никита Максимович Расширение коммуникативного пространства в пост-глобальном мире посредством социальных сетей.....	505
Белая Екатерина Константиновна, Кашина Марина Александровна Вызовы культуре глобального доминирования: практика использования мягкой силы Южной Кореей.....	506
Беседина Кристина Юрьевна Этапы становления социальной идентичности поэта.....	507
Борисюк Лидия Андреевна, Дерюгин Павел Петрович Доверительное и уважительное отношение к учителю как объект социологической диагностики, или к чему призывают тревожные итоги опроса учителей средних школ Красноярского края.....	508
Бурова Алина Вячеславовна, Морозова Александра Евгеньевна Граффити как элемент современной молодежной культуры.....	511
Василькова Валерия Валентиновна, Легостаева Наталья Игоревна Боты в социальных сетях: практики участия в решении социальных проблем.....	512
Вологжанина Кристина Константиновна Роль Интернет-коммуникации в пост-глобальном обществе.....	513
Воробьёва Надежда Юрьевна Действительно ли наступила новая осевая эпоха в культуре современного пост-глобального общества?.....	514
Гончаров Кирилл Эдуардович Типы лонгрида: различные уровни и формы интеграции контента и мультимедийных технологий.....	515
Гринченко Елизавета Александровна, Волков Юрий Григорьевич Социальная справедливость как социетальная ценность межэтнических отношений на юге России.....	516
Грошев Игорь Львович, Грошева Ирина Александровна Специфика трансформации исторического наследия в виртуальной среде информирования.....	518
Грунт Елена Викторовна, Сирётон Лайбангпинг Образ России в общественном мнении тайцев в условиях цифровой трансформации коммуникативного пространства Таиланда.....	519
Дроконова Ксения Евгеньевна Культура потребительского поведения студентов Финансового университета при Правительстве РФ в период пандемии COVID-19.....	521
Дубровин Владимир Леонидович Субъекты медиапроцесса, участвующие в создании современного отечественного художественного контента.....	524
Егорова Лилия Георгиевна, Туманов Дмитрий Валерьевич Особенности потребления медиаконтента аудиторией новых медиа.....	525
Емельянова Надежда Андреевна Трансформация социокультурного ландшафта музея: от аудитории до медиаэкспозиции.....	526
Желизнык Мария К операционализации понятия «герой нашего времени».....	527
Иванова Мария Евгеньевна, Гареев Эдуард Сагидулович, Валитова Ника Эдуардовна Роль символа как способа самоидентификации личности в пространстве социокультурной символики.....	528
Калюжная Софья Евгеньевна Геймификация культурного контента в рамках социально-культурного проекта для молодежи «Пушкинская карта».....	530
Коркия Эка Демуриевна Динамика культурной идентификации личности в городской среде.....	531

Корниенко Алла Владимировна Речевая агрессия в сетевом дискурсе (по материалам конкурса «Слово года»).....	533
Корунова Валерия Олеговна Оценка пандемийной динамики массовых коммуникаций в России (на примере Республики Татарстан).....	534
Кутузов Никита Олегович Риски воздействия виртуальной среды на население в системе восприятия молодёжи	535
Ластовенко Дарья Викторовна Проблематика фанатских исследований	536
Латова Наталия Валерьевна, Латов Юрий Валерьевич Дифференциация ментально-культурных ценностей жителей городов России: модернизированные миллионники, архаичные столицы?	537
Ленкевич Денис Сергеевич Влияние эстетики «deadpan photography» на фотографии постсоветского ландшафта	539
Лепешкина Лариса Юрьевна Возрождение этнических традиций в современной России: путь к архаизации или обновлению?	541
Линде Андрей Николаевич Происхождение социально-политических культуры, норм и ценностей: применение двухуровневой модели общества	543
Магомедова Виолетта Рамазановна Информационное искусство: основные характеристики.....	545
Максимов Арсений Андреевич От постмодерна к социальному порядку.....	547
Малютина Валентина Андреевна Человек в виртуальном пространстве: проблема трансформации в современном обществе	548
Манукян Татев Ованнесовна, Силиванова Регина Владимировна Сотрудничество России и Армении как феномен социокультурного взаимодействия.....	550
Масланов Евгений Валерьевич Осевое время и миссия науки	552
Милютина Полина Юрьевна, Самохина Мария Владовна, Кирильченко Александра Антоновна, Прокшина Ксения Александровна Цифровая репрезентация культурного пространства Москвы в социальной сети	553
Прудяк Валентин Владимирович Культурсоциология Джеффри Александера как методологическая программа социологии музыки.....	554
Рашидова Джамила Тофиковна Лингвистическая субкультура как социальный феномен постсовременного общества	555
Руднев Вячеслав Валентинович Проблема сохранения биоразнообразия. Культурный компонент и эпоха цифровизации.....	556
Саркисов Дмитрий Григорьевич Аспекты формирования информационной подготовки подкастов или радиопередач с помощью анализа цифровых следов и BigData-технологий.....	558
Свердликова Елена Альбертовна Российская деловая культура в условиях перемен и новых вызовов	560
Семенюк Ирина Николаевна Культура -многозначное социальное явление в современном обществе	562

Смирнова Диана Алексеевна Татуировка как объект социологического анализа (на материалах социологического исследования с использованием комбинированной стратегии)	567
Степанцева Ольга Александровна Современная субкультура детства: проблемы и перспективы развития	570
Теплов Иван Геннадьевич Другие точки культуры в цифровом обществе	572
Третьякова Анастасия Андреевна Архетипические константы культуры и их репрезентация в современном зарубежном кинематографе	574
Ускова Елизавета Владимировна Кризис цифровой культуры или новый этап развития?	575
Хачатурова Марина Олеговна Технология NFT: новое в искусстве в эпоху Интернета	576
Шелгинская Виктория Алексеевна Ивент-деятельность в современной молодежной социокультурной среде (на примере Свердловской области)	578
Шеремет Александр Николаевич Искусство как фактор социальной интеграции	579
Секция 7: Тенденции трансформации социокультурных ландшафтов в постглобальном мире	581
Багаева Алиса Валерьевна Социокультурные причины проявления кризиса коммуникативной культуры в этнофолиадах	581
Белкина Виктория Александровна Перспективы развития системы социально-экологического мониторинга как инструмента управления технической средой субъектов ЦФО	582
Ведерникова Мария Игоревна Имидж современной России в Европе: механизмы формирования и продвижения	585
Гвоздилов Денис Сергеевич Изменения культурных моделей: механизмы и правила.	586
Головнева Елена Валентиновна "Киноатлас СССР": культурно-идеологические основания проекта	586
Данкин Владимир Дмитриевич, Кукушкин Марк Евгеньевич Тенденции трансформации социокультурных ландшафтов российского рынка L&D в постглобальном мире	587
Дмитриева Елена Викторовна Постглобализация в сфере здоровья и здравоохранения: «крушение» или переосмысление концепции глобального здоровья	588
Завертяева Любовь Михайловна Развитие практик соучастия в музеях Санкт-Петербурга	591
Костоломова Марина Викторовна Постгуманизм: будущее человека в условиях конструирования новой социальной реальности	592
Куропятник Марина Степановна Некоторые подходы к переосмыслению культурного разнообразия в эпоху приставки "пост-"	594
Лебедева Ольга Николаевна, Подлесная Мария Александровна Генезис техно сферы в России: от «Пушкарского приказа» до «параллельных сред»	595
Немова Ольга Алексеевна, Ретивина Вероника Викторовна Изъяны постмодернизма как теоретического фундамента социальных наук	597
Николаева Марфа Викторовна Социокультурная идентичность молодежи Республики Саха (Якутия) и Республики Татарстан: сравнительный анализ	598

Соловьёва Марина Александровна, Полтавская Мария Борисовна Социокультурная адаптация и сегрегация детей-мигрантов в российских школах: направления исследования.....	600
Тимофеева Екатерина Владимировна Эпоха кризисов: социально-антропологический взгляд	601
Черняева Галина Владимировна Трансформация персонального культурного пространства в постглобальном обществе.....	602
Агузарова Елизавета Игоревна Гендерные особенности поведения в виртуальном пространстве	603
Секция 8: Гендер, феминизм, постфеминизм и антифеминизм на рубеже эпох	605
Амосова Анастасия Игоревна Традиционные гендерные стереотипы в представлениях современной российской молодёжи (опыт эмпирического исследования)	605
Ангел Ольга Юрьевна Профессиональное определение женщины с современном мире	607
Антонова Наталья Леонидовна, Полякова Виктория Владимировна Тело: становление новых ценностей в условиях постпандемии	608
Барбашева Ангелина Олеговна Применение лингвистической инклюзивности в речевом дискурсе трансгендерных и небинарных персон.....	609
Биккинина Джамия Дамировна Влияние феминистских подходов на трансформацию восприятия гендерно-ролевой модели в семье.....	610
Вэй Ицзюнь Гендер, феминизм, постфеминизм и антифеминизм на рубеже эпох : Гендерные роли в китайском образовании	613
Гайнетдинова Александра Камиловна Семейная политика в России и Китае: сравнительный социологический анализ	615
Ганеева Ильнара Маратовна Влияние мер по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на социально-экономический статус женщин в России и Китае	617
Гарманова Арина Андреевна Влияние гендерных стереотипов на представительство женщин в политической сфере современной России.	619
Демидов Аркадий Владимирович Гендерные стереотипы на российском рынке труда	620
Евсеева Светлана Дмитриевна К вопросу о трудовой дискриминации по гендерному признаку и меры её предотвращения	621
Зевари Тайеб шах Сайд Женщина в обществе традиционного типа: ограничения в возможностях	623
Иванова Варвара Михайловна Гендерные стереотипы и их влияние на развитие социального инфантилизма у мужчин.....	624
Иванова Татьяна Николаевна, Гуляев Никита Юрьевич, Гинятуллина Анна Заватовна Социологический анализ концепций гендерных ролей в современном турбулентном обществе	625
Кавун Анна Игоревна Контент женских журналов как показатель социальных трансформаций.	628

Кюрегян Марина Петровна Новые гендерные традиции: норма или дань моде	630
Лаптева Алиса Эдуардовна Полигамия как социальный феномен: причины возникновения и современные тенденции.	632
Липатова Татьяна Основные идеи марксистского феминизма	634
Логинова Мария Павловна Тело как отражение гендерной идентичности	636
Маматказина Виктория Дмитриевна, Нечаева Виктория Владимировна Трансформация гендерного перформанса в цифровом пространстве	638
Милованова Марина Юрьевна Гендерные ресурсы социальных изменений: к вопросу о методологии исследования	639
Мишина Екатерина Романовна Абьюз над мужчинами: анализ социологического опроса	641
Морозова Софья Александровна Становление новых гендерных ценностей и норм и/или возрождение традиций. Конфликт или симбиоз?	642
Муромцева Дарья Олеговна Феномен репродуктивного насилия над женщинами в России в настоящее время: концептуализация понятий.....	644
Нагний Мария Олеговна Сложная роль физической красоты в современном мире	645
Новоселова Елена Николаевна Гендерная специфика субъективных оценок родителями здоровья детей	647
Оргадыкова Альвн Хонгоровна Институт родительства в 21 веке: новые ценности и социальные нормы	648
Петрова Елизавета Михайловна Влияние гендерных стереотипов на включенность в спорт женщин.....	650
Проценко Ирина Андреевна, Панкова Светлана Николаевна Трансформация представлений о материнстве в цифровой среде	651
Пугач Виктория Федоровна Обучающиеся в системе образования России: социогендерные характеристики	652
Салихова Ирина Сергеевна Гендерный «разрыв» на российском рынке труда	654
Стадниченко Юлия Владимировна Проблема гендерного равенства в современном спортивном движении.....	655
Тангалычева Румия Кямильевна Гендерное неравенство в женском кинематографе Южной Кореи	657
Ушакова Валентина Григорьевна Гендерные исследования глобализации и постглобализации	658
Хафизова Виктория Рауфовна Трансформация образа нормативного мужского и женского тела	660
Чернова Анастасия Николаевна Проблема гендерного неравенства в деловых изданиях Санкт-Петербурга	661
Швецова Анастасия Владимировна Экономическая активность современных матерей в фокусе феминистской методологии.....	662

Шевченко Ирина Олеговна Мужчины и женщины на рынке труда в постглобальном мире	663
Шевченко Павел Владимирович Реформы в столичном образовании: гендерный аспект	664
Юдина Татьяна Николаевна Экономическая активность женщин-мигранток из Кыргызстана в московской агломерация	665
Секция 9: Молодежь и молодежная политика в российском обществе: социальные проблемы и потенциал развития.....	668
Абросимова Наталья Валерьевна Творчество в представлениях молодежи (по итогам прикладного исследования).....	668
Андреева Ксения Эдуардовна, Яковлев Даниил Фейрузович Психологическая устойчивость подростков в цифровую эпоху	669
Антонов Анатолий Иванович Демографические тренды и трансформация семейного образа жизни в условиях сокращения численности репродуктивных когорт 18-35 лет	671
Антонова Наталья Леонидовна Онлайн-активизм молодежи: практики, условия, эффективность	671
Артамонова Марина Васильевна Отношение студентов к персоналиям российской истории .	672
Астоянц Маргарита Сергеевна Дети и молодежь с инвалидностью: по-прежнему низкая включенность в систему образования.....	674
Басимов Михаил Михайлович, Басимова Полина Михайловна Картина причинно-следственных связей для специфической группы молодежи, сформированной по их отношению к «гражданскому браку».....	675
Баутина Юлия Евгеньевна Синдром эмоционального выгорания у студентов.....	676
Безрукова Ольга Николаевна, Самойлова Валентина Алексеевна Влияние опыта воспитания в родительской семье на практики отцовства в молодых семьях.....	677
Белых Алиса Юрьевна Социально-экономическая значимость государственной молодежной политики на примере молодежного правительства Воронежской области	679
Борзова Анна Сергеевна Факторы, формирующие ЗОЖ у студентов.....	680
Верпатова Оксана Юрьевна Проблема формирования доверия молодежи к власти	682
Владимиров Иван Андреевич Об источниках формирования ценностей в образовательной системе Российской Федерации	683
Вологжанина Кристина Константиновна Молодёжь в информационно-коммуникационном пространстве	684
Воробьева Полина Дмитриевна Феномен токсичной продуктивности и его место в студенческой среде.....	685
Галиева Гузель Илгизовна Репродуктивные установки современных мусульманок	686
Галич Людмила Петровна Интернет и новые технологии как инструмент расширения и/или сужения возможностей молодежи – две стороны цифрового общества	687
Гиляева Елена Салаватовна, Цыбенко Юлия Дмитриевна Взгляды молодежи на брачно-семейные, репродуктивные и родительские отношения	690

Глазунова Светлана Евгеньевна Социальный капитал медиаперсон в современной молодежной блогосфере (на примере России и Великобритании)	691
Гонашвили Александр Сергеевич И.С. Тургенев в зеркале общественного мнения молодежи Санкт-Петербурга.....	692
Грачев Виктор Григорьевич Метавселенные как угроза финансовому состоянию молодежи Российской Федерации.....	693
Гринберг Галина Павловна, Литвиненко Елена Юрьевна Роль музеев в формировании этнокультурной идентичности (на примере донского казачества)	694
Грязюк Алиса Евгеньевна, Недорезова Ксения Дмитриевна, Лашков Демьян Сергеевич Влияние рекламы на потребительское поведение студентов.....	696
Гуляева Людмила Владимировна Особенности формирование гражданского самосознания старшеклассников.	697
Давлетшина Лилия Авальевна, Хурамшина Айгюль Зуфаровна Роль образовательных организаций в реализации государственной молодёжной политики в Республике Татарстан: результаты социологического исследования	699
Демидова Елена Евгеньевна, Старикова Александра Вячеславовна Социогеографические аспекты деятельности молодежи в цифровую эпоху	702
Дроздов Евгений Вячеславович О реконструкции социальной значимости молодёжной политики России.....	703
Жданова Ангелина Эдуардовна Участие студенческой молодежи в развитии комфортной городской среды.	707
Железняк Софья Михайловна, Ракачева Ярослава Владимировна Характеристика когнитивных навыков и методы их развития в обучении молодого поколения	709
Жемчураева Седа Шахитовна Чеченцы: геноцид в 1944 году и его последствия для современной молодежи.....	710
Жиганова Дария Николаевна Образование в системе ценностей школьников города Череповца	712
Захаров Михаил Михайлович Проблема интеграции в городской социум детей иммигрантов: основные проблемы и перспективы их урегулирования. (На примере г. Санкт-Петербург).	714
Зверькова София Александровна Социальные связи или нетворкинг, как изменилось представление о коммуникации	715
Злотников Анатолий Геннадьевич Репродуктивные процессы белорусской молодежи	716
Ивченков Сергей Григорьевич Коммуникативные практики молодежи в современном виртуальном пространстве и их специфика.....	721
Иполитова Анастасия Андреевна Волонтерство как форма развития социальной активности молодежи в современном российском обществе	723
Казаренкова Татьяна Борисовна, Казаренков Вячеслав Ильич Социокультурные особенности социализации студенческой молодежи в постглобальном цифровом обществе	724

Калинич Владислав Сергеевич Актуальные институты формирования патриотических ориентиров у современной молодёжи в России	726
Каретникова Ксения Олеговна Лидеры мнений российской молодежи.....	728
Келасьев Олег Вячеславович Потенциал коворкинг-центров в расширении пространства самореализации молодёжи	730
Кемалова Лиля Исметовна Формирование гражданской культуры студенческой молодежи ..	731
Кирилина Татьяна Юрьевна, Сахневич Инна Валерьевна Комфортная городская среда как фактор привлечения молодых специалистов.....	733
Клочкова Анна Валентиновна Современный студент: ценности и риски.....	734
Ковалева Галина Александровна Жизненные планы одаренной молодежи глазами экспертного сообщества.....	736
Ковальчук Кирилл Валерьевич Влияние проблемы социального одиночества на личность молодого человека	737
Коптяева Арина Игоревна Нормативно-правовая основа молодежной политики в Вологодской и Ярославской областях	738
Корнева Кристина Евгеньевна Влияние лидера студенческой среды на формирование команды	739
Корунова Валерия Олеговна Оценка вклада молодежных инициатив в экологическое благополучие России (на примере Республики Татарстан).....	741
Костенко Валерий Валерьевич Участие молодежных общественных организаций в формировании политической и гражданской культуры молодежи на фоне спецоперации России по защите республик Донбасса.....	742
Косыгина Ксения Евгеньевна, Уханова Юлия Викторовна Гражданское участие молодежи как внутренний ресурс развития территорий	744
Круглов Владислав Владиславович Межкультурная "изоляция" в иноязычном образовании: проблемы и их решения	746
Кузнецов Евгений Максимович Детерминанты успеха в представлении современной молодёжи	747
Кузьмин Александр Геннадьевич Исследование мотивов участия молодежи в формальных и неформальных движениях (на примере г. Сыктывкара)	748
Кытина Полина Дмитриевна Практики социального участия молодежи (на примере г. Череповца)	750
Ленденёв Вадим Сергеевич Специфика предпочтений манипулятивных практик в молодёжной среде.....	752
Леонов Аркадий Константинович Миграционные установки школьников приграничного региона Дальнего Востока.....	753
Ли Цзяньхуэй Влияние новых электронных СМИ на ценности молодежи: на примере РФ и КНР	754

Липатова Татьяна Николаевна Особенности реконструирования этнорелигиозной идентичности молодых мигрантов-мусульман в Республике Татарстан	756
Максимова Наталия Геннадьевна Теоретический фундамент для объяснительной концепции скулшутинга	758
Мальшев Никита Витальевич Потенциал для развития органов молодежного самоуправления на примере Свердловской области	762
Мальчёнкова Анна Евгеньевна Правовая культура в сознании и поведении несовершеннолетних учащихся	764
Маранчак Анастасия Геннадьевна Интеграция студентов в социуме за период обучения в ВУЗе	767
Недорезова Ксения Дмитриевна, Грязюк Алиса Евгеньевна, Лашков Демьян Сергеевич Проявление агрессии среди молодежи	768
Никитина Татьяна Николаевна Трансформация семейных ценностей в поколении молодежи	769
Никифорова Анастасия Витальевна Влияние студенческих парламентских клубов на политическую культуру молодежи	772
Ниорадзе Георгий Владимирович Проблемы производственной практики профессий «человек-знак»: аналитический обзор литературы	774
Ниорадзе Георгий Владимирович, Рубина Анастасия Евгеньевна, Хроленко Татьяна Сергеевна Региональная дифференциация компенсаторного потенциала миграции в контексте естественной убыли населения России	775
Орешкина Алина Романовна Государственные проекты в сфере молодежной политики	776
Петрова Татьяна Эдуардовна Участие добровольцев (волонтеров) в сфере обеспечения пожарной безопасности: международный и отечественный опыт	777
Пивоваров Александр Михайлович Эволюция концепции гражданства: от права собственности к репродуктивным обязанностям	779
Попова Варвара Алексеевна Трудовые установки студенческой молодежи	782
Приморозько Ярослав Алексеевич Тотальность, (ин)толерантность и суицид: взаимосвязь систем социальных институтов и уровня суицида в современном обществе	783
Проказина Наталья Васильевна Государственно-гражданская и глобальная идентичность молодежи: взаимодополнение в условиях новой реальности	783
Путимцева Кристина Романовна Цифровые формы гражданской активности поколения Z в современной России	785
Раитина Маргарита Юрьевна, Покровская Елена Михайловна Особенности процесса социокультурной адаптации иностранных студентов: интернационализация в условиях современности	786
Руденко Лариса Дмитриевна Особенности потребительского поведения молодежи	787
Рыльцева Александра Владимировна, Речкунова Екатерина Романовна, Голодова Арина Дмитриевна Обыденные практики правильного питания: мечта и реальность	789

Савченко Ирина Алексеевна Основные проблемы в сфере занятости молодежи: социологическое исследование	790
Садыкова Асель Рашидовна Язык преткновения (Государственная молодежная политика по разрешению этнолингвистического конфликта в Республике Татарстан)	792
Самсонова Татьяна Николаевна О формировании гражданственности современных российских школьников.....	794
Свешникова Полина Сергеевна Влияние института семьи на финансовое поведение студенческой молодежи.....	795
Семенов Анатолий Викторович Гостевой брак как результат цифровизации коммуникативных систем.....	796
Сивоплясова Светлана Юрьевна, Сигарева Евгения Петровна Репродуктивные установки современной молодёжи: воспроизводство родительской или формирование оригинальной модели?.....	797
Симакова Анна Васильевна, Степуть Ирина Сергеевна Образовательная и постобразовательная миграция молодежи в развитии Российской Арктики (на примере автономных округов)	799
Скачковская Екатерина Андреевна От понятийных расхождений при изучении репродуктивного поведения к проблемам реализации демографической политики	800
Соколов Александр Владимирович, Гребенко Егор Дмитриевич Активность студенческой молодежи России.....	802
Соломатина Елена Николаевна Профессиональные ориентации современных выпускников: по результатам социологического исследования	803
Сорокина Нина Дмитриевна Преимущество поколений или конфликт отцов и детей?	804
Сущенко Анастасия Дмитриевна, Тарасьев Александр Александрович Прекаризация vs благополучие выпускников сразу после окончания вуза	806
Терехина Александра Григорьевна Карьерные ожидания студентов-социологов и реальное положение на рынке труда	807
Тертышников Анастасия Геннадьевна, Павлова Ульяна Олеговна Феномен моральной эксклюзии в современном обществе (на основе мнений студентов московских ВУЗов)	808
Тюрина Юлия Александровна Реализация государственной молодёжной политики в вузах России.....	809
Удовыдченко Алина Сергеевна, Рязанова Татьяна Александровна Гендерные стереотипы современной студенческой молодежи (на примере города Новосибирска).....	810
Фалеева Елизавета Павловна Экономическое поведение молодежи: цифровизация, предпринимательство, новые формы занятости	813
Фейгина Анна Яковлевна, Агузарова Елизавета Игоревна, Коровина Анастасия Игоревна Потребительская социализация детей и подростков в цифровом обществе.....	815
Филончик Александр Васильевич Социальная работа с молодежью	816
Халиков Кирилл , Чиркина Дарья Вячеславовна, Тищенко Екатерина Денисовна Стажерство как источник уязвимой занятости: анализ социального положения стажеров.....	818

Халилова Айнур Вахидовна Коммуникационные барьеры в цифровой образовательной среде	819
Харитошкина Екатерина Викторовна Идентичность современной молодежи в информационном обществе	820
Хорцев Андрей Алексеевич, Иванова Светлана Петровна Проблемы и основные направления совершенствования молодёжного рынка труда в Москве.....	821
Царева Анна Владиславовна, Малинин Александр Владимирович, Пухов Дмитрий Николаевич Особенности разработки мобильных приложений для поддержки формирования культуры здорового образа жизни детей школьного возраста Российской Федерации	824
Цветкова Галина Александровна Социальная модель просвещения XIX столетия: проблемы и их решение (в изысканиях Г. Спенсера)	827
Чекалина Алина Александровна Проблемы с профессиональным выбором ребенка в подростковом возрасте	828
Чередниченко Галина Анатольевна Школа-ВУЗ: социальные последствия институциональных преобразований	830
Черепанова Анастасия Евгеньевна Молодежное предпринимательство: отношение молодежи и готовность стать предпринимателем	832
Черкасова Татьяна Васильевна Российские студенты нефтяных вузов о своей профессиональной деятельности в цифровую эпоху освоения Арктики.....	833
Чернышова Анна Геннадьевна Направления российской государственной молодежной политики.....	834
Чурсина Анна Вадимовна Потребительское поведение студенчества на рынке массовых открытых онлайн курсов.....	835
Шекера Екатерина Александровна Так ли привлекателен Петербург для мигрантов? Факторы, раздражающие в повседневной жизни (на примере опроса дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге).....	836
Шibaева Арина Игоревна Участие во внеучебной деятельности как фактор социального самочувствия.....	839
Шматов Александр Сергеевич Изменение культуры молодежи в парадигме постглобальной реальности	840
Шупенько Татьяна Игоревна Актуальные проблемы определения критериев социального развития молодежи	842
Шустикова Наталья Михайловна, Воронова Лия Наилевна, Литвак Валерия Семёновна Особенности репродуктивного поведения подростков в условиях мегаполиса	844
Щелкин Александр Георгиевич "Отцы и дети": смена поколений - онтологический подход.....	846
Щербакова Лидия Ильинична Социальные практики подготовки инженеров-творцов на основе культурного наследия Донского казачества	847
Яковлева Ульяна Андреевна Тенденции внутренней миграции.....	848
Секция 10: Социальная поддержка населения в условиях общественных новых рисков	849

Абдулаев Арсен Джапарович Социальная трансформация института административных жалоб в среде гражданских инфраструктур на примере Санкт-Петербурга	849
Аксенов Павел Герадьевич, Захаренко Надежда Андреевна Социальная исключенность: участие некоммерческого сектора в решении проблемы.....	850
Алексеева Елизавета Игоревна Имидж социальной организации как инструмент фандрайзинга	852
Андреева Ксения Эдуардовна, Яковлев Даниил Фейрузович Вектор деятельности организаций социальной сферы в современной России	853
Архипова Елена Борисовна Региональные особенности обеспечения доступа СО НКО к предоставлению социальных услуг	855
Афанасьева Валерия Александровна, Нишнианидзе Ольга Олеговна Образ благополучия регионов Центрального Черноземья: критерий здоровья населения	856
Баранов Михаил Владиславович Проблема старения населения в России и Китае	859
Бердыева София Арслановна Цифровая коммуникация в сфере социального активизма здоровья России	861
Бистяйкина Динара Асымовна, Панькова Елена Геннадьевна, Соловьева Татьяна Владимировна Социально-экономическая поддержка семей с детьми в условия новых общественных рисков	862
Веселова Полина Васильевна Цифровизация в работе учреждений, предоставляющих социальные услуги	864
Грачев Дмитрий Сергеевич Волонтерство как способ социальной поддержки пожилых людей.	865
Денисова Алёна Алексеевна Конфликтологическое сопровождение семьи как метод работы с супружескими конфликтами	867
Домасевич Ирина Владимировна Новые подходы к организации системы социального обслуживания в Республике Беларусь	869
Дудина Виктория Ивановна Самоорганизация в сфере общественного здоровья как ресурс социальной поддержки в условиях новых общественных рисков	872
Ермилова Анна Вячеславовна Проблема дефицита культурного капитала у представителей сферы спорта: социологический аспект	874
Зотова Варвара Алексеевна, Кирилл Александрович Пузанов, Диана Руслановна Кодзокова «Пространство развития в современной городской среде: к постановке проблемы»	877
Имамвердиева Виктория Джумшудовна Представление студентов, обучающихся по специальности "Социальная работа" о профессии специалиста по социальной работе.....	878
Каменева Татьяна Николаевна, Разов Павел Викторович Институт семьи в фокусе социотехнических рисков	879
Коваленко Татьяна Николаевна Проактивная система как форма цифровизации в сфере социальной защиты лиц пожилого возраста	880

Кокорева Марина Евгеньевна Источники формальной и неформальной поддержки населения специалистами по социальной работе при столкновении с новыми общественными рисками	881
Колмык Анастасия Олеговна Функции специалиста по социальной работе в перинатальных центрах и женских консультациях: по результатам исследования	882
Латышев Дмитрий Михайлович Практики заботы о теле жителей Свердловской области во время пандемии COVID-19: аспект урбанизации	883
Лебедева Светлана Соломоновна, Юлия Юрьевна Платонова Минимизация общественных рисков старших возрастных групп в условиях неопределенности	884
Лобанов Валерий Васильевич, Русинова Елена Евгеньевна Проблемы коренных малочисленных народов Крайнего Севера в условиях промышленного освоения северных территорий Российской Федерации	885
Лоскутова Ирина Мироновна, Тарченко Вера Сергеевна Социальная работа как способ минимизации социальных рисков в современном обществе	888
Ляликова Софья Викторовна Семьи, практикующие семейное образование, в условиях социальной неопределенности	889
Лялина Ирина Николаевна, Плотов Леонид Евгеньевич, Золотова Анна Михайловна, Балакина Дарья Владимировна Установки и практики подростков 14-18 лет в получении профессиональной психологической помощи	890
Мазуро Екатерина Алексеевна Забота о пожилых, страдающих деменцией: развитие новых практик в Республике Карелия.....	891
Мартынова Ангелина Павловна Айтирекинг в практике социальной работы с детьми-инвалидами в Республике Карелия.....	892
Махкамова Шахло Юлчиевна, Ганиев Омон, Душамова Ширин Кудрат кизи Социально-экономические и демографические факторы установления пенсионного возраста.....	893
Мерзлякова Алена Сергеевна, Чигирева Полина Николаевна, Швецова Анна Андреевна Основные направления социальной активности пожилых людей.....	895
Мороз Егор Владимирович О некоторых аспектах конструирования ценностных основ социальной компетентности	898
Новожилова Ольга Алексеевна Социальная занятость как новое направление социальной работы с молодыми инвалидами.....	900
Ноздрина Надежда Николаевна, Шнейдерман Инна Моисеевна Жилищные условия семей с детьми: современное состояние и перспективы улучшения.....	901
Петухова Ирина Сергеевна Официальная и реальная практика оценки нуждаемости в социальных услугах	902
Пирогова Анастасия Олеговна Анализ политики государства по социальной защите граждан без определенного места жительства в РФ на примере Санкт-Петербурга.....	903
Пятышева Анастасия Владимировна Роль пешеходных зон в ответственном управлении общедоступной средой Санкт-Петербурга	904
Рогова Анна Михайловна, Давыдов Сергей Анатольевич Проблема оценки социальных рисков семей с детьми в практике социальной работы сегодня.	906

Рочева Яна Сергеевна Соблюдения прав женщин-инвалидов в Российской Федерации.....	907
Рубцова София Павловна Музыка в адаптивной физической культуре.....	909
Русак Ирина Николаевна Государственная адресная социальная помощь в Беларуси на современном этапе	909
Сачук Денис Игоревич, Фадеева Наталья Леонидовна Возможности системы социальной защиты для малообеспеченных семей	911
Смирнова Екатерина Алексеевна, Середа Василий Михайлов Профилактика расстройств пищевого поведения как новое направление социальной работы	912
Соловьёва Анна Александровна, Жанзакова Камилла Руслановна, Шишова Полина Антоновна Досуговая деятельность людей третьего возраста	913
Старшинова Алевтина Викторовна Риски стратегий обеспечения устойчивости социально-ориентированных НКО.....	914
Сулимова Алина Алексеевна Применение концепции активизации в социальной работе с лицами, освободившимися из мест лишения свободы.....	916
Тарасов Данил Андреевич Специалисты по социальной работе: новые требования к компетенциям и механизмы их формирования	918
Трушина Маргарита Алексеевна Ресурсы социальных служб по поддержанию благополучия различных социальных групп населения	919
Цыплакова Ольга Геннадьевна Социологическое обоснование актуализации потенциала пожилых людей в современном мире	922
Чикова Евгения Викторовна Поддержка НКО в обеспечении занятости людей с расстройством аутистического спектра	923
Шамкова Светлана Владимировна Социальная работа в условиях возросших рисков в обществе	925
Шнейдерман Инна , Шаров Сергей Юрьевич Государственная поддержка сельского жилья в условиях социально-экономической трансформации.....	926
Яковлев Даниил Фейрузович, Андреева Ксения Эдуардовна Социальное право, как важнейшее средство осуществления социальной политики.....	927
Яковлева Диана Витальевна Актуальные проблемы формирования социальной компетентности у воспитанников детских домов	928

СЕКЦИЯ 1: КРИЗИС ПАРАДИГМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОИСКИ НОВОЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК УТОПИЯ: НЕРАВЕНСТВО В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Асочаков Юрий Валентинович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российским научным фондом (грант № 21-18-00125)

Проект глобализации предполагал структурную гомогенность и культурную унификацию нового мира. Реальные процессы привели к тому, что «глобальность» локализована в суперурбанизированных анклавах и выглядит не как тотальность обществ и отношений между ними, а как сети (г)локальностей, конституируемых транснациональными / транслокальными потоками. «Глобальное» теперь означает не нечто планетарное, а нечто локальное, сконцентрированное в супергородах/мегаполисах сетевое и потоковое взаимодействие, которое в свою очередь имеет локализацию – участники сетевых/потоковых процессов образуют группы, дистанцированные не только от обитателей деглобализированного пространства, но от прочих жителей мегаполисов. Принятое социологическом и экономическом дискурсах глобализации различие «ядра» и «периферии» мирового социально-экономического порядка приобретает теперь совершенно иной смысл. «Ядро» становится распределенным, рассеянным в сетях, образуемых двумя-тремя сотнями космополитичных супер урбанизированных анклавов глобальности. Эти тенденции социального и экономического развития вынудили предпринять пересмотр модели и развития и перейти к анализу постглобализации – тенденции, которая возникла после того как стало ясно, что глобализация в том виде, в котором она нам представлялась, не состоялась.

Вызов постглобализации привычным моделям социального развития, связанным с институтами индустриального общества и национального государства, определяется не только концентрацией богатства, власти и культурного доминирования в супер урбанизированных анклавах глобальности.

Постглобализация проявляет себя в росте и автономизации супер урбанизированных анклавов глобальности, росте разрыва между этими глобализированными анклавами и остальными фрагментами общества, разрыве между насыщенной технологиями, информацией и ресурсами интенсивной современностью, сконцентрированной в супергородах/мегаполисах и стагнирующими, все более наполняющимися архаичным содержанием зонам периферий. Разрыв и нарастание различий между ними создает впечатления существования двух разных современностей, обладающих очень различными свойствами, определяющими различные стили жизни, характер, способы и уровень потребления.

Основные перспективы социального развития, как и основные социальные проблемы, определяются теперь процессами в этих очагах или эпицентрах пост глобализации. И основной очевидной тенденцией этого процесса определенно будет нарастание интенсивности неравенства и появление его новых форм. Следовательно, основной практической проблемой, решению которой должны служить предлагаемые социологией проекты будущего, снова станет проблема неравенства – проблема, лежащая в основе социальных диспропорций и напряженности, дегуманизирующая жизненный мир человека. Однако сложившиеся представления об известных формах (структурного, системного, институционализированного) неравенства становятся недостаточными для

понимания нового постглобального порядка и возникающих в связи с ним проблем. Социальные науки и социальная политика сегодня вполне ожидаемо сталкиваются с новым вызовом, вызванным тенденциями социальных изменений после постмодерна, глобализации и виртуализации: новые формы неравенства, возникающие в виртуальной реальности и проявляющиеся в дифференциации сетевых сообществ и в неодинаковой включенности в информационные потоки и в потоки технологических инноваций, требуют изменения и развития представлений о социальном неравенстве, его причинах и следствиях. Наиболее вероятную перспективу определения новых форм неравенства даст критический анализ цифрового общества, этой реальной формы (технологической основы) новой современности. Сегодня в социологии в основном развиваются и циркулирует позитивная и оптимистическая ее модель. Понимание неравенства и других социальных проблем, связанных с постглобализацией, и их осмысление возможно только на основе критической версии теории цифрового общества.

КАКИМ БУДЕТ ГЛОБАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО?

Ахмедова Муслимат Газиевна
(Финансовый университет при Правительстве РФ)

В вопросах глобального единства можно выделить две модели на первый взгляд могут показаться как альтернативные мировые модели развития, однако при всем внешнем различии между ними существует внутренняя глубинная связь, по существу в истории человечества доминировала одна единственная, а все альтернативные предложения – замаскированные, завуалированные модели глобального так называемого единства.

В истории развития человечества глобальное единство в прошлом осуществлялось за счет господства власти империи, которое якобы признает суверенитет многих стран в действительности осуществляет централизованное управление либо возникшей на основе взаимопонимания и договоренности глобальным правительством соединенных государств, каждая из которых отказывается от своего суверенитета в пользу абстрактного суверенитета человечества; оно ищет свой путь устанавливая созданное правовым путем господство. И всё это делается с одной целью – сохранить своё доминирование, ту модель, которая позволяет паразитировать на всём мире, как это было веками до этого, а такую модель можно удержать только силой.

С конца февраля 2022г. Россия начала битву не только за собственное существование и будущее. Но и за будущее всего человечества, выступая тараном неолиберальной глобалистской модели мироустройства, ускоряя процесс её уничтожения.

Вся история человечества есть в какой-то мере перманентный кризис. Основа его в том, что развитие есть расщепление, дифференциация, утрата первоначальной, примитивной, детской цельности. Дифференциация может привести – и приводит -к разрушению к цельности и к утрате смысла жизни. Смысл имеет только целостная жизнь, никакой набор частных его не дает.

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ ПРЕКАРИАТ В ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Баранов Николай Вадимович
(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Хочется выразить благодарность моему научному руководителю, Осиповой Надежде Геннадьевне и рецензенту Выпускной Квалификационной Работы, Осееву Александру Александровичу.

Сегодня на арену социально-классовой структуры выходит новая социальная группа, получившая название прекариат. Первым социологом, в трудах которого упоминается ненадежность как социальный феномен стал П.Бурдьё[7].

После актуализации понятия прекариат Г.Стэндингом[8,7-12] ряд социологов стали изучать роль «нового и опасного класса» в социально-классовой структуре современного общества. Среди них можно выделить представителя аналитического марксизма Э.О.Райта[11,5], британских социологов Р.Сеймура[9] и З.Баумана[2,52], польских ученых Т.Рахвала[9,26], П.Вержбицкого[5,114].

В отечественной социологии отсутствует единого определения прекариата, но существуют два подхода к его определению: как социального класса и как социальной группы. К представителям первого подхода можно отнести Ж.Т.Тощенко[4,244] и И.В.Воробьеву[3,138]. К представителям второго подхода относятся А.В.Бузгалин[2,24] и А.И.Колганов[2,24].

Современные западные и отечественные социологи, несмотря на разные определения формирующегося класса имеют одну схожую позицию. Прекариат является следствием крупномасштабной трансформации, обусловленной глобализацией. В ее рамках изменению подверглись экономические институты, правовые системы, а также трудовые отношения, которые способствовали появлению прекариата – наследника пролетариата и конечным продуктом глобального развития.

1. Бауман З. *Ретротопия* /Зигмунт Бауман; пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. Ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу?* // *Социологические исследования*. 2019. Том 45. № 1.
3. Воробьева И. В. *Российские ученые в условиях прекарной занятости* // *Вопросы управления*. 2021. №1 (68).
4. Тощенко Ж.Т. *Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография* / Ж.Т. Тощенко. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М. : Наука, 2018.
5. Andrzej Piotr Wierzbicki *The Future of Work in Information Society Political-Economic Arguments* // SpringerVS. 2016.
6. P. Bourdieu. *La précarité est aujourd'hui partout. Contre-feux, Ed. Liber Raisons d'agir, Grenoble, décembre 1997.* [Электронный ресурс]. Режим доступа URL:https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_161352.pdf (дата обращения 23.10.21).
7. Standing G. *The precariat, class and progressive politics: A response* // *Global Labour Journal*. 2016. Т. 7. №. 2.
8. Seymour R. *We Are All Precarious – On The Concept Of The 'Precariat' And Its Misuses. New Left Project.* 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL:<https://www.patreon.com/posts/we-are-all-13566822> (Дата обращения 26.10.2020).
9. Tadeusz Rachwał *Precarity and Loss On Certain and Uncertain Properties of Life and Work* // SpringerVS. 2017.
10. Wright E.O. *Is the precariat a class* // *Global Labour Journal*. 2016. Т. 7. №. 2.

КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС - ЯДРО СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ В ОБЩЕСТВЕ.

Башина Нина Константиновна
(Череповецкий Государственный университет)

Классические подходы к стратификации общества не соответствуют нынешним реалиям сложной и многоплановой структуры современного общества. Это связано с неполноценностью и несоответствием основных классических критериев выделения классов в современном обществе. Недостаточно просто указать доход или образование

индивида, чтобы отнести его к тому или иному классу. Неконструктивное использование экономического критерия как главного для стратификации общества привело к новым подходам.

С конца двадцатого века, с развитием технологий и изменением в экономической сфере происходят качественные изменения в структуре общества. Всё больше людей занимаются интеллектуальным и творческим трудом. Так происходит выделение понятия «креативный класс» в работе Ричарда Флориды. Ричард Флорида подчеркивает: «Поскольку креативность – это движущая сила экономического развития, «креативный» класс к настоящему времени занял в обществе доминирующее положение». [4, с.418]

Также существует описание характеристик «креативного» класса в работах других зарубежных и отечественных социологов. Так в словаре Уэбстера: креативность – это способность создавать значимые новые формы. То есть она становится «решающим фактором конкурентного преимущества».

Ещё одна интерпретация креативности принадлежит Дину Саймонтоу. Он определяет, что креативность – «акт привнесения в мир чего-то полезного, эффективного и неочевидного», т.е. она «объединяет в себе новизну, полезность и неожиданность».

Ричард Флорида дал новую категорию - «креативный класс». Ядро «креативного» класса по Флориде составляют представители науки, техники, архитектуры, искусства, музыки, дизайна и т.д. Также креативный класс обладает особыми отличительными чертами: креативность не равна интеллекту; способность к обобщению; уверенность в себе; креативность есть у каждого; тяжелый труд; отсутствие крепких связей; ориентация на внутреннюю мотивацию и духовное удовлетворение; уникальная социальная среда

В России «креативный» класс также широко рассматривается многими исследователями. Например, работы Масленниковой А.Ю. и работы Волкова Ю.Г. Обобщая опыт отечественных и зарубежных исследователей, Масленникова А.Ю. и Лапаев С.П. выделяют основные качества «креативного» класса. Представителям «креативного» класса характерна открытость и восприимчивость к новым знаниям. Они склонны к обмену знаниями между собой, они учатся друг у друга и перерабатывают в своём стиле полученные данные. «Креативные» могут работать на стыке разных профессий, их труд междисциплинарный. Простота в адаптации и мобильности позволяет им приспосабливаться к постоянно меняющемуся миру. Представители этого класса имеют высокую самооценку. У них сильно развита рефлексия по поводу востребованности на рынке труда. Ю.Г. Волков дополняет характеристику «креативного» класса ещё несколькими отличительными чертами: «самотивация и умение работать на стыке разных областей знаний». Он подчеркивает: «креативный» класс включает представителей «новых и старых» социально-профессиональных общностей, нацеленных на массовые инновационные практики разделяющие ценности творчества, свободы, ответственности и реализующих принцип ответственного профессионализма в социальной деятельности». [1, с. 45].

«Креативный» класс чаще всего является активным агентом социального участия. Связь между «креативным» классом и властью очень важна. И.А. Скалабан выделяет и конкретизирует понятия «социальное участие» и «общественное участие». Выделенные ею практики общественного участия позволяют в дальнейшем выделять новые «классы» в стратификации общества. [3, с. 45]

В. Петухов и Р. Петухов в зависимости от степени политизации и включенности в практики гражданского участия выделяют социальную группу – «профессионалы». К ним относятся россияне с высшим образованием и неручным характером труда. Они являются опорой демократических режимов. Для них, как для многих представителей среднего класса, особую важность играет состояние социальной среды, т.е. возможность участвовать в демократическом участии.

С помощью выше приведенных теоретических аспектов выделения критериев «креативного» класса А.А. Мехова и И.Н. Воробьева разработали индикаторную модель

его измерения. Основным критерием выделения такой категории граждан будет являться социальное участие граждан, в особенности различные практики социального участия, ценностные ориентации и установки, а также принадлежность к так называемому «креативному классу».

1. Волков Ю.Г. Креативный класс: поиск социологического концепта // Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2010. Выпуск 9. - М.: Новый Хронограф, 2010. - С. 43-60.
2. Воробьева И.Н., Мехова А.А. Агенты социальных изменений среди молодёжи: креативный потенциал // В книге: Социолог: образование и профессиональные траектории. материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения. Санкт-Петербург, 2021. С. 438-439.
3. Скалабан И.А. Участие и общественное участие как социологические категории // Теория и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 5А. С. 44-59.
4. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее/Ричард Флорида: пер. с англ. А.Константинов. Москва: АСТ, 2011. 418с.

МОДЕЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЫСШИХ ШКОЛ РОССИИ И КИТАЯ

Беляева Екатерина Александровна

(ФГАОУ ВО "Уральский федеральный университет им. первого Президента России им. Б.Н. Ельцина")

Валеева Марина Владимировна

(ФГАОУ ВО "Уральский федеральный университет им. первого Президента России им. Б.Н. Ельцина")

"The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged"

Процессы всемирной глобализации ведут к развитию академической мобильности. Меняющееся общество уже давно перестало быть закрытой и ограниченной системой национальных государств. В данной связи актуализируется вопрос об изучении моделей образовательного взаимодействия стран в мировом образовательном процессе. Одним из ключевых партнеров по развитию образовательного взаимодействия России является Китай. Этому способствует длинная история становления и развития этих отношений. Еще во времена Советского союза с 1949 по 1960 годы было подготовлено более 11 тыс. китайских стажеров, аспирантов и студентов, причем 50% расходов на их обучение взяло на себя советское правительство. Мы можем отметить, что международные связи в области образования в 40-50 годы XX века имели определенную специфику, которая выражалась в выполнении двойной функции: помощь КНР в подготовке национальных научных кадров и организация научных исследований, обеспечивающих связь образования с наукой. Таким образом, несмотря на следующий исторический период, связанный с прекращением взаимоотношений, многие китайские руководители и специалисты прошли обучение в российской высшей школе и хорошо помнят и уважают национальную систему России.

Невозможно отрицать, что в эпоху глобализации роль науки и образования стремительно возрастает, что прекрасно понимает руководство КНР. Расходы на образование и НИОКР в КНР каждый год увеличиваются на 15–20%, приближаясь к 2% ВВП. Потери в сфере образования и науки в годы «культурной революции» (1965–1976) компенсировались за счет массовой подготовки специалистов в лучших университетах стран Запада и США. В современном Китае важное место в жизни страны занимают три

академии – Академия наук КНР, Академия общественных наук и Академия инженерных наук. Каждая из них разрабатывает проекты в своей области, но практически все крупные проекты в сфере экономики проходят экспертизу во всех трех академиях [1].

Развитие процесса интернационализации, осуществляемой во всех сферах общественной жизни государств всего мира, и в том числе образовательном взаимодействии России и Китая, приобретает в современных условиях всеобъемлющий характер. Однако, в то же время, имеет место и обратный процесс регионализации, как стремление сохранения и развития уникальности отдельных регионов и национальных образовательных систем. В результате диалектического противодействия взаимообусловленных процессов интернационализации и регионализации актуализируются новые векторы российско-китайского взаимодействия в сфере образования.

Переходя от общественной риторики по поводу активного развития образовательного взаимодействия России и Китая, изменения пространственных и временных позиций университетов в современном образовательном пространстве мы вынуждены актуализировать ряд проблем и противоречий, которые складываются во взаимоотношениях стран-партнеров, на которые неоднократно указывали респонденты в ходе нашего исследования, а также эксперты-информанты и публичные деятели просвещения в своих интервью и докладах. Сублимируя все вышесказанное, мы отмечаем, что образовательное взаимодействие характеризуется несогласованностью в координации, несогласованностью самих образовательных программ стран-партнеров, безусловно, реалии развивающейся пандемии и геополитические особенности разделения полярности мирового пространства, разные позиции университетов-партнеров в мировых рейтингах создают условия для формирования определенных моделей взаимодействия университетов в рамках существующих программ и проектов.

Так, мы выделяем модель, сетевого взаимодействия университетов. К ней мы относим наиболее типичные университеты ШОС и БРИКС. Для модели сетевого взаимодействия характерно практически полное отсутствие вертикальной системы управления, администрация вузов является по сути координатором взаимодействия между структурными подразделениями вузов-партнеров. Среди плюсов такого взаимодействия можно назвать развитие открытого интегрированного образовательного пространства, среди минусов – различие в позициях университетов, которое изначально создает неравные возможности для участников взаимодействия. Так, как описывает в статье Алексеенко О.А. в топ-200 рейтинга QS лидирующие позиции занимают университеты США и Великобритании. Страны же БРИКС представлены в основном Китаем [2]. Данные очевидно показывают, что все университеты обладают разным экономическим и образовательным потенциалом.

Соответственно, возникновение разных условий вызывают и разницу в реализации образовательных программ, а также возможность для осуществления совместной научной деятельности.

Следующая, выделяемая нами модель – это модель образовательного партнерства между вузами. Она может реализовываться по разным направлениям. Она может реализовываться по программам 2+2, заключения договоров между вузами «В Китае трудно получить высшее образование из-за сильной конкуренции и высоких требований на экзаменах», говорит директор Института развития образования НИУ ВШЭ Ирина Абанкина. По ее данным, в России плата за образование ниже, чем в Китае, и в 5–6 раз меньше, нежели в среднем европейском или американском вузе [3].

Помимо этого, выделяется квота на обучение китайских студентов в российских вузах по программе Минобрнауки, которая дает возможность китайским абитуриентам учиться за счет Минобрнауки. Такая модель обучения существует достаточно давно, она успела себя зарекомендовать. Каждый год количество квот под обучение китайских студентов в российских вузах все время увеличивается.

Существующие модели образовательного взаимодействия не являются единственными возможными вариантами осуществления академической мобильности. Так, проведенное нами исследование, подтвердило актуальность развития дистанционных форм обучения и необходимость их внедрения в образование китайских студентов. Также особого внимания заслуживает межсекторальное и межведомственное образовательное взаимодействие России и Китая по созданию новых образовательных проектов.

1. Бергер Я. М. Экономика Китая: о трудностях мнимых и реальных // Там же. - 2011. - № 9. - С. 81-92.
2. Алексеенко А.О. Сетевой университет БРИКС и его роль в выстраивании новой архитектуры многостороннего взаимодействия в области образования и науки. <https://doi.org/10.20339/AM.09-17.038>.
3. Российские вузы набирают китайских студентов - Ведомости (vedomosti.ru).

АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Бицадзе Николоз

(Российский университет дружбы народов

Центр исследования и прогнозирования международной политики)

После того, как в Российской Федерации утвердилось верховенство постсоветской центральной власти, страна непрерывно трансформировала свою внешнюю политику. Сама Россия, которую на рубеже XXI века практически списали со счетов как глобальную державу, [1,69] через полтора десятилетия вернулась на мировую арену в качестве одного из наиболее крупных и активных геополитических и военных игроков.

Учитывая постепенный, но ощутимый рост гражданского самосознания россиян. Мы также должны учитывать, что утверждение России как великой державы произошло в контексте возобновившейся конфронтации с США, что свидетельствует о длительной и неравной борьбе. [2,85-96]

В первой части данной статьи мы постараемся показать на различных примерах как трансформировалась внешняя политика России на протяжении десятилетий независимой истории. Проанализируем важнейшие события, которые вели к переменам в российской внешней политике, а также дадим научное объяснение всем трансформационным процессам и конкретным решениям, которые Россия принимало по отношению к окружающей ее международной среде.

Статья рассматривает исторический период как 90-х годов, когда страна пыталась выйти на стабильные экономические рельсы, которые были покорены распадом СССР, так и политический режим, пришедший на смену хаосу 1990-х годов, который смог созреть в полноценное государство. [3,4]

Внешнеполитическое наследие Владимира Путина обширно и разнообразно, и впоследствии не раз будет разбираться различными учеными: сложный и противоречивый процесс, который неоднократно менялся в ходе своего формирования.

Еще в 2000 году Путин не возражал чтобы Россия стала частью НАТО; в 2001 г., стремясь стать важнейшим союзником США, отдавал приказы оказывать любую помощь и поддержку американским войскам в Афганистане; строя Большую Европу, простирающуюся от Лиссабона до Владивостока, Путин не только выступал в Бундестаге с речью на немецком языке, в которой провозглашал европейский выбор России, но и решительно призывал к обмену капитальными активами для создания общего экономического пространства. [4,87-113]

Наследие Путина будет тщательно изучено и проанализировано в ближайшие годы. Так что сегодня есть смысл рассмотреть его в практическом плане, через призму важнейших событий, которые вели, порой к кардинальным переменам.

1. Тренин Д. *Россия и мир в XXI веке.* – Litres, 2022.
2. Вик Х. Г. *Россия как великая держава-новая проблема для безопасности в Европе?* // *Мир перемен.* – 2009. – №. 1. – С. 85-96.
3. Корсунский Б. Л., Леонов С. Н. *Депрессивный район в переходной экономике // Владивосток: Дальнаука.* – 1999. – Т. 176. – С. 4.
4. Синтия Р. *Россия и НАТО: Пределы частичной интеграции // Актуальные проблемы Европы.* – 2004. – №. 4. – С. 87-113.
5. Синтия Р. *Россия и НАТО: Пределы частичной интеграции // Актуальные проблемы Европы.* – 2004. – №. 4. – С. 87-113.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКАХ ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Богомяжкова Елена Сергеевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Текст подготовлен при поддержке РНФ, проект № 21-18-00125.

Сегодня на смену тренду глобализации приходит тренд постглобализации, фиксирующий рост разрывов между крупными городами – мегаполисами и периферией. Как отмечают исследователи [1], образ жизни горожан характеризуется большими возможностями доступа к различным ресурсам, в том числе цифровым технологиям. Цифровизация всех сторон жизни представителей мегаполиса превращается в рутину, опривычивается. Однако, полагаем, что проникновение инноваций в различные сферы неравномерно и вызывает новые различия. Забота о здоровье является областью, где ожидания от цифровизации нередко расходятся с реальными практиками применения инноваций в повседневной жизни. Для описания процесса цифровизации жизни жителей крупнейших городов России – Москвы и Санкт-Петербурга, в первом полугодии 2022 г. было реализовано эмпирическое исследование (при помощи Ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования», проект № 106-27799). Метод – телефонный опрос, выборки формировались на основе квот; критериями отбора служили пол, возраст. В итоге в каждом городе опрошено по 600 человек. Полученные данные были обработаны с помощью программы SPSS Statistics (ver. 230). $P (Sig) < 0,05$ была принята значимой. Применялись корреляционный анализ (критерии Пирсона) и построение таблиц сопряженности. В фокусе нашего внимания – использование цифровых технологий для сохранения и поддержания здоровья. Остановимся на некоторых итогах.

Мы стремились выявить различия между жителями Санкт-Петербурга и Москвы. Так, в Санкт-Петербурге применение инноваций для заботы о здоровье статистически значимо не связано с такими социальными характеристиками, как гендер, образование, уровень дохода. Даже частота использования Интернета в целом и оценка респондентом собственного здоровья не коррелируют с цифровыми практиками поддержания хорошего самочувствия. Вместе с тем, слабо и умеренно с вовлечением в новые способы заботы связан возраст (см. Табл.1). Так, с увеличением возраста снижается распространённость практики поиска информации о подходящих клиниках или врачах в Интернете (критерий Пирсона=0,144, Sig.=0,01, здесь и далее, если не указано иное, используется критерий Пирсона) и онлайн-записи на прием к врачу (0,125). Значимо чаще более молодые респонденты используют цифровые устройства и мобильные приложения для селф-трекинга (0,188).

Таблица 1

Цифровые практики заботы о здоровье жителей г. Санкт-Петербурга, %, N=600

За прошедший год Вам приходилось использовать цифровые технологии для заботы о своем здоровье, а именно:	Сколько Вам полных лет?				
	18-29	30-39	40-49	50-59	60+
Искать в интернете информацию о подходящих клиниках или врачах?	75,6	65,7	59,8	58,2	53,8
Записываться на интернет-сайте на прием к врачу?	72,1	73,0	63,6	60,4	60,4
Оформлять больничный лист дистанционно?	19,8	16,1	19,6	16,5	9,5
Проходить консультацию с врачом в режиме онлайн?	7,0	9,5	3,7	5,5	5,3
Заказывать через интернет доставку лекарств?	40,7	27,0	30,8	37,4	24,3
Использовать мобильные устройства и приложения (цифровые трекеры, фитнес-браслеты, умные часы и т.п.) для контроля своего физического состояния	50,0	38,7	37,4	22,0	25,4

В Москве ситуация в целом схожа, однако отметим некоторые нюансы. Чем чаще опрошенные пользуются Интернетом, тем более они склонны искать информацию о подходящих клиниках или врачах в Интернете (0,142), записываться онлайн на прием к врачу (0,155), а также заказывать через онлайн-ресурсы доставку лекарств (0,138). Причем значимо чаще последнее делают женщины, а не мужчины (-0,193), что вероятно, обусловлено содержанием современных гендерных ролей, вменяющих женщине заботу не только о собственном здоровье, но и о здоровье членов семьи. Так же, как и в Санкт-Петербурге, при незначимости параметров образования и уровня дохода, важной детерминантой использования цифровых технологий для поддержания хорошего самочувствия оказывается возраст (см. Табл. 2). Так, более молодые респонденты несколько чаще оформляли больничный лист дистанционно в течение последнего года (0,134), заказывали через Интернет доставку лекарств (0,130) и занимались цифровым селф-трекингом (0,207).

Таблица 2

Цифровые практики заботы о здоровье жителей г. Москвы, %, N=600

За прошедший год Вам приходилось использовать цифровые технологии для заботы о своем здоровье, а именно:	Сколько Вам полных лет?				
	18-29	30-39	40-49	50-59	60+
Искать в интернете информацию о подходящих клиниках или врачах?	68,0	76,7	55,3	62,5	57,5
Записываться на интернет-сайте на прием к врачу?	74,7	71,3	66,7	71,9	65,3
Оформлять больничный лист дистанционно?	20,0	16,3	16,7	15,6	7,8
Проходить консультацию с врачом в режиме онлайн?	13,3	14,0	15,8	16,7	7,2
Заказывать через интернет доставку лекарств?	57,3	51,9	54,4	46,9	38,3
Использовать мобильные устройства и приложения (цифровые трекеры, фитнес-браслеты, умные часы и т.п.) для контроля своего физического состояния	57,0	56,6	43,0	28,1	29,9

Нужно отметить, что в обоих исследуемых городах цифровые практики заботы о здоровье статистически значимо связаны между собой. Так, те, кто ищет информацию о здоровье, врачах и лекарствах в Интернете, также склонны записываться на прием к врачу на онлайн-ресурсах, дистанционно консультироваться с врачом, заказывать лекарства в Интернете и вовлекаться в цифровой селф-трекинг. Любопытно, что частота использования Интернета очень незначительно коррелирует с некоторыми практиками цифровой заботы о здоровье среди москвичей. Вероятно превращение обращения к интернет-источникам в рутину (94,8% жителей Санкт-Петербурга и 92,7% жителей Москвы отметили, что пользуются Интернетом практически ежедневно) перестает детерминировать применение инноваций с конкретными целями. В то же время в отличие от Санкт-Петербурга, в Москве некоторые цифровые практики заботы о здоровье оказались связаны с участием в социальных сетях. Так, пользователи социальных сетей в отличие от тех, кто не пользуется, чуть чаще использовали дистанционные ресурсы для записи на прием к врачу (0,148), покупали лекарства на интернет-сайтах (0,133),

практиковали цифровой селф-трекинг (0,198). Полагаем, что сегодня не само по себе использование Интернета, а сетевая активность оказывается значимой детерминантой применения инноваций для заботы о здоровье.

Интересно что один из самых заметных разрывов между наиболее молодой и наиболее взрослой возрастными группами наблюдается в случае цифрового селф-трекинга в обоих городах. Значительно меньшее вовлечение представителей группы старше 60 лет в цифровое самонаблюдение может быть обусловлено следующими обстоятельствами. С увеличением возраста фиксируется более негативная оценка респондентом своего самочувствия, а, соответственно, можно предположить, что возрастает и потребность в сохранении здоровья. В то же время связь между цифровым селф-трекингом и оценкой самочувствия не обнаружена, т.е., полагаем, что цифровой самомониторинг не рассматривается в качестве инструмента сохранения и укрепления здоровья.

Хотелось бы остановиться еще на одном аспекте, значимом в контексте рассматриваемой темы. Так, нередко в качестве основного показателя цифровизации здравоохранения рассматривается внедрение телемедицины и дистанционных коммуникаций с врачом. Полученные данные демонстрируют, что на сегодняшний день телемедицинские услуги наименее популярны среди опрошенных. Так, лишь 6,3% респондентов в Санкт-Петербурге и 12,7% в Москве общались с врачом онлайн в течение последнего года. В Санкт-Петербурге телемедицина наиболее востребована среди респондентов в возрасте 30 – 39 лет (9,5%), а наименее – в группе старше 60 лет (5,3%). В Москве чаще всего консультировались с врачом дистанционно представители группы 50 – 59 лет (16,7%), а реже всего респонденты в возрасте старше 60 лет (7,2%). В целом, обнаружено, что услуги телемедицины в большей степени распространены в Москве, что может свидетельствовать о более высоком уровне развития подобных сервисов в этом регионе.

В целом, несмотря на значительные сходства жители Санкт-Петербурга и Москвы демонстрируют некоторые различия в цифровых практиках заботы о здоровье. Кроме того, варьирует и популярность применения инноваций с разными целями. Так, в обоих городах наименее распространены телемедицина и дистанционное оформление больничных листов – практики, наиболее часто упоминаемые при обсуждении цифровизации здравоохранения в публичном дискурсе. Гораздо чаще горожане ищут релевантную информацию и покупают лекарства в Интернете, записываются на прием к врачу онлайн. Мы видим неравномерное вовлечение в цифровые практики заботы о здоровье жителей мегаполисов, а применение оптики постглобализации дает основания поставить вопрос о еще больших вариациях в применении инноваций в других регионах страны.

1. Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации//Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44 – 55.

СОЦИОТЕХНИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ОПЕРАТОРОВ).

Бойченко Богдан Игоревич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Благодарю своего научного руководителя Екатерину Александровну Орех за научное и личное наставничество. Так же благодарю Софию Шелемову за помощь в редактировании текста.

Каждый из нас взаимодействует с разными организациями, от банка до службы доставки, и если раньше для удаленной коммуникации в распоряжении был только один

канал – телефонная связь, то в процессе цифровизации этих каналов становится больше: социальные сети, мессенджеры и т.п. Раньше эти каналы служили для связи двух людей, например, пользователя и оператора. Но в последние годы, позвонив в архив или написав в службу поддержки банка, мы сталкиваемся с виртуальным оператором.

Виртуального оператора необходимо выделить на фоне других технологий, которые используются давно, например, автоответчиков. В отличие от них, виртуальный оператор способен участвовать в разговоре и ведет похожий на естественный диалог: он воспринимает уникальные реплики пользователя и отвечает специфичным для ситуации образом, используя для этого синтез речи [1,100].

Считается, что технология виртуальных операторов будет распространяться все больше [2,140] и актуальной становится разработка подходов к изучению взаимодействия технологии и человека.

Мы предлагаем два методологических направления изучения социотехнических барьеров в коммуникации с виртуальным оператором. Оба существуют в рамках символического интеракционизма, но предполагают разные перспективы анализа: «дедуктивную» перспективу, основанную на работе «Стигма» Ирвина Гофмана [3,2], и «индуктивную» перспективу, основанную на подходе конверсационного анализа к коммуникации [4, 702]. И в последующем объединяем оба направления в рамках одного подхода, благодаря выводам исследования Пеликан о существовании двух этапов адаптации [5, 40].

“Дедуктивная” перспектива описывает, как люди начинают взаимодействие, опираясь на свои представления о работе, по-видимому, основанные на предыдущем опыте взаимодействия с другими людьми. «Индуктивная» перспектива схватывает то, что происходит на втором этапе адаптации, фиксирует проблемы, возникающие у пользователей при распознавании коммуникативных «сигналов» робота о том, что очередь говорить переходит к пользователю.

В результате исследования мы выделили два основных социотехнических барьера. Под социотехническим барьером мы понимаем систематически возникающую «поломку» в коммуникации между человеком и технологией, обусловленную особенностями дизайна технологии и спецификой процесса коммуникации. Первая «поломка» в коммуникации человека и технологии выражается в сбое очередности производства реплик участниками взаимодействия. Дизайн робота и специфика ожиданий пользователя диктует проблему соблюдения чередования реплик. Вторая - в невозможности интерпретировать реплики или реализовывать запрос на действие. Содержательное наполнение технологии выступает ограничением для распознавания нетипичного запроса и его интерпретации, а физические и технические возможности пользователя выступают ограничением для реализации запроса на действие со стороны технологии. Представляется, что данная тема имеет широкие перспективы для дальнейшего изучения.

1. *Приключения технологий: барьеры цифровизации в России : П75 [монография]/Л.В.Земнухова [и др.]—М.—СПб.:ФНИСЦ РАН, 2020. — с. 100*

2. *Пройдаков, Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта / Э. М. Пройдаков // Научно-исследовательские исследования. – 2018. – № 2018. – С. 129-153. – DOI 10.31249/scis/2018.00.09. – EDN YQTRVJ.*

3. *E.Goffman. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. . N.Y.: PrenticeHall, 1963. Chapters 1 and 2 (3-6).*

4. *Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. 1974. Vol. 50. № 4. P. 696–735.*

5. *Pelikan, H. (2015). How Humans Adapt to a Robot Recipient : An Interaction Analysis Perspective on Human-Robot Interaction (Dissertation). Retrieved from <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:liu:diva-119510>*

ФЕНОМЕН «МАЛАЯ РОДИНА» В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА: СОДЕРЖАНИЕ И ФУНКЦИИ

Борноев Асалхан Ользонович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00742 «Феномен малой родины и его место в конструировании социально-культурных символов и ценностей гражданской идентичности»)

Феномен малой родины чрезвычайно актуальное явление в жизни каждого человека и в целом общества. Поэтому это понятие часто встречается в художественной литературе, развивается активно автобиографическая проза, имеются исследования междисциплинарного характера и формируются различные движения, общества по возрождению и развитию малых родин, что является проявлением гражданского общества.

В докладе показывается важность малой родины в социализации индивидов в детские и отроческие годы, в формировании жизненных стратегий, в приобретении индивидуальной и гражданской идентичности, что составляет основу любви и верности не только к месту рождения и развития, но и к большой Родине. Как писал известный писатель В.Шаламов, в годы детства и ранней юности в пространстве малой родины «рождается Родина».

В докладе представлено авторское понимание сущности феномена, раскрыто его содержание как определенной социальной реальности, имеющей широкие функции, позволяющей рассматривать его как предмет социологического исследования. Более конкретно — это системное понятие, включающее воспоминания и память о раннем периоде жизни человека, о семье, родителях, других близких по крови и соседству, о социальной, культурной и природной средах, в рамках которых происходит первичная социализация индивида, формирование жизненных ценностей и основ ментальной структуры. Пространственное существование малой родины связывается с такими понятиями, как деревня, село, улица, поселение, город, регион (область, республика территориальное образование — Сибирь, Поволжье, Дальний Восток и т.д.). Безусловно, в разных странах представление о малой родине различно в зависимости от традиций восприятия пространства ранних годов в жизни (детства и отрочества). Проблемы малой родины существуют в понятиях «мест памяти» (школа «Анналов»), «пространство мест» (М.Кастельс), в школе устной истории (П.Томпсон) и т.д.

В докладе приводятся данные исследований (контент-анализ литературы, экспертный опрос (30)), которые показывают огромную значимость концепта малой родины в жизни людей, определяя их семейную, региональную память, определяющего их идентичность. Обосновывается важность исследований для более глубокого понимания процесса социализации в период детства и отрочества, формирования ценностных ориентаций и жизненных стратегий, которые сопровождают человека в последующие годы жизни. Концепт малой родины, кроме того, важный фактор активизации у населения интереса к истории семьи (генеалогия), месту рождения, что является основой действий по их возрождению и развитию. Память и отношение к малой родине — важная часть культуры каждого человека, это благодарность и память. Как писал известный отечественный мыслитель И.Ильин, «...каждый из нас должен... научиться ценить дары, полученные от прошлого и выражать благодарность» (И.Ильин. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993, с. 430).

Понятие малой родины, как видно из сказанного, является важным фактором фундаментального понимания проблем становления человека и перипетий его жизненного пути.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Бурдун София Антоновна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российским научным фондом (грант № 21-18-00125 «Цифровизация как социальная рутина в суперурбанизированных анклавах дополненной современности»).

В России становление консультативной психологии как профессиональной сферы деятельности началось в 80-е годы XX столетия, оформившись в наши дни в динамично развивающийся рынок услуг. При этом, несмотря на существование десятков крупных профессиональных ассоциаций, немыслимого количества специалистов, оказывающих психотерапевтические, консультативные услуги в самых разных формах (телефоны горячих линий, очные и онлайн приемы у специалистов, мобильные приложения, тренинги и т.д.), до сих пор является неразрешенным вопрос о легитимации и лицензировании деятельности психотерапевтов и консультирующих психологов. Законодательство в этой области существует в рамках дихотомии в операционализации ключевых понятий «психотерапия» и «психологическое консультирование». В сознании многих людей оба вида деятельности являются эквивалентными друг другу, однако с профессиональной точки зрения между ними существуют принципиальные отличия [1].

Профессиональная психологическая помощь стала как никогда актуальна в период пандемии для всех слоев населения: по данным интернет-сервиса «Авито.Услуги» спрос на услуги психологов у россиян в 2021 году вырос на 99% по сравнению с показателями 2020 года [2]. Повышенный спрос на психологическую и психотерапевтическую помощь в России во время пандемии оказался в основном удовлетворен за счет достаточно развитого цифрового сегмента психологической помощи.

Сервисы психологической помощи представлены в сети Интернет в виде сайтов и позиционируются как «маркетплейсы для услуг психологов». Ключевая функция такого сервиса – подбор подходящего специалиста для оказания услуг по психотерапии или психологическому консультированию в онлайн-формате. Однако, большая часть сервисов контролирует весь процесс работы с психотерапевтом, предоставляя клиенту платформу для записи на прием, оплаты услуг и обратной связи, а в некоторых случаях и для проведения сессий. Например, на платформе «Ясно» (<https://yasno.live>) видеоконсультации происходят прямо на сайте. По отношению к специалистам, чьи услуги предлагаются на сайте, компания, владеющая сервисом, зачастую является работодателем. В этом случае сервис устанавливает стоимость консультаций и регламентирует их формат. Однако, существует и другой тип сервисов, который занимается исключительно посредничеством между клиентом и специалистом. В таком случае специалист сам устанавливает стоимость и формат услуг, в то время как сервис занимается проверкой специалиста, его продвижением и взимает комиссию за каждого найденного клиента.

Количество постоянных пользователей сервисов для подбора специалистов, занимающихся оказанием психологической и психотерапевтической помощи в 2022 г. составляет около 100 тысяч, а суммарное количество посещений сайтов за май 2022 г. составило около 950 тысяч.

Через данные сервисы можно воспользоваться услугами специалистов, основная часть которых это психологи-психотерапевты, прошедшие дополнительную ступень последиplomного образования и супервизии. На сайтах представлены и другие

специалисты из смежных сфер: врачи-психиатры, клинические психологи, детские и семейные психологи, сексологи. Интернет-сервисы также предлагают простое решение сложного для своих клиентов вопроса о профессионализме специалиста, к которому они обращаются за помощью. Это особенно актуально в российском правовом контексте, где лицензирование консультирующих психологов и психотерапевтов не зафиксировано законодательно [3]. Прежде чем использовать интернет-сервис как площадку для своей профессиональной деятельности, специалист должен предоставить полную информацию о себе в соответствии с определенным набором требований (высшее профильное образование, дополнительное образование, прохождение супервизии и т.д.). Такой тщательный отбор может выступать в качестве одной из форм легитимации деятельности специалистов формирующейся индустрии психологической помощи.

По разным оценкам, основная аудитория сервисов – женщины и мужчины в возрасте от 18 до 45 лет из Москвы и Санкт-Петербурга [4]. Это объясняет специфику работы сервисов, опирающихся в своей маркетинговой стратегии на продвижение в социальных сетях (Social Media Marketing). Основная часть постов, статей, аудио- и видеоматериалов, производимых в рамках данных маркетинговых кампаний, направлена на просветительскую деятельность и помощь в преодолении стигматизации психических расстройств.

Более того, активному расширению целевой аудитории сервисов во время пандемии COVID-19, содействовал гибкий B2B («бизнес бизнесу») компонент деятельности сервисов. Он позволил удовлетворить запросы представителей самых разных коммерческих компаний о сотрудничестве в области сохранения психологического здоровья их сотрудников. Так, сервисы организовывали психологические вебинары и воркшопы или индивидуальные психотерапевтические сессии в различных форматах (покрытие компанией 50% стоимости всех проведенных сессий с сотрудниками или 3-5 сессий для каждого сотрудника, проведенных за счет компании и т.д.) [5].

Ключевыми особенностями контекста, в котором существует цифровая индустрия психологической помощи, выделенными в ходе исследования, являются: психологическая уязвимость населения; отсутствие универсального лицензирования профессионалов в сфере психологической помощи; сензитивность практики и новаторство онлайн подхода [6]. Как отмечают исследователи, в том числе Л. В. Земнухова, психотерапевтическая практика в России пока находится на стадии институционализации, в то время как потребность в консультативной психологии и психотерапии возрастает с каждым днем [3].

Аналитика репрезентации цифровых сервисов психологической помощи позволила получить информацию о специфике их работы и выделить ряд функций, которые ими выполняются:

1. Функция профилактики заболеваний и сохранения здоровья населения.

Основная функция всех подобных сервисов – подбор специалиста для оказания услуг по психотерапии или психологическому консультированию. Цифровые сервисы психологической помощи открывают новые перспективы в сохранении психологического благополучия населения России. Оказывая психологическую поддержку, сервисы снижают риск развития тяжелых форм психических расстройств у своих клиентов путём ранней диагностики и оказывают терапевтическую помощь пациентам с уже установленным диагнозом.

2. Просветительская функция.

Не менее важна и другая, латентная функция сервисов психологической помощи. По разным оценкам, их основная аудитория – женщины и мужчины в возрасте от 18 до 45 лет из Москвы и Санкт-Петербурга и, поэтому в качестве основной маркетинговой кампании сервисы активно используют продвижение в социальных сетях (Social Media Marketing). Например, пять крупнейших сервисов психологической помощи в сумме имеют более 800 тысяч подписчиков в социальных сетях. Основная часть постов, статей,

аудио- и видеоматериалов, производимых в рамках данных маркетинговых кампаний, направлена на просветительскую деятельность и помощь в преодолении стигматизации психических расстройств.

3. Функция конструирования идентичности.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что сами платформы позиционируют себя как часть культуры жителей мегаполисов и относят свои услуги к так называемым практикам «лайфстайл», которые служат индивидам в качестве одного из средств выражения идентичности. По этой причине можно говорить о функции интеграции сообщества.

4. Функция оценки профессиональной квалификации специалистов.

Интернет-сервисы предлагают простое решение сложного для своих клиентов вопроса о профессионализме специалиста, к которому они обращаются за помощью. Это особенно актуально, как было подчеркнуто ранее, в российском правовом контексте, где лицензирование консультирующих психологов и психотерапевтов не зафиксировано законодательно. Прежде чем использовать интернет-сервис как площадку для своей профессиональной деятельности, специалист должен предоставить полную информацию о себе в соответствии с определенным набором требований (высшее профильное образование, дополнительное образование, прохождение супервизии и т.д.). Тщательный отбор специалистов, который проводят сервисы, может выступать в качестве одной из форм легитимации деятельности специалистов индустрии психологической помощи.

5. Функция содействия формированию толерантной городской среды.

Процесс перехода психологических услуг в цифровое пространство играет особую роль в формировании толерантной среды в городе. «Привлекая внимание к проблемам, способствующим разобщению горожан (ксенофобия, сексизм и другие виды дискриминации), сервисы предоставляют возможность сформировать толерантное мышление на индивидуальном уровне и смягчить негативные последствия интолерантного отношения. А транслируя своей аудитории инклюзивность и толерантность как корпоративные ценности, бизнес способен популяризовать толерантное мировоззрение» [7].

Около 60% всех мигрантов в России сосредоточено в Москве, Подмосковье, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. По этой причине создание толерантной среды особенно актуально в многонациональных, разнообразных по религиозному и культурному наследию мегаполисах. Толерантная среда – это особая форма организации личностных взаимоотношений, в основе которой лежит понимание и принятие другой самости, другой культуры [8]. На индивидуальном же уровне для формирования толерантного отношения к «другим» требуется тщательная проработка глубинных ценностей и формирование новых, более нейтральных установок. Для этих целей многие специалисты рекомендуют когнитивно-поведенческую терапию (КПТ), которая эффективна в лечении фобий путем преобразования негативных мыслительных паттернов (стереотипное мышление, деструктивные способы выражения агрессии и т.д.) в позитивные [9]. Безусловно, ксенофобия не входит в Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем десятого пересмотра (МКБ-10) и, соответственно, не является психическим заболеванием или расстройством, тем не менее, ксенофобия и ненависть к «другому» характеризуются как иррациональное, деструктивное поведение и, поэтому несут в себе опасность как для самого индивида, так и для общества.

Кроме того, психотерапия и психологическое консультирование эффективны в сопутствующих проявлению ксенофобии явлениях, таких как решение конфликтов, основанных на межэтнических, межконфессиональных разногласиях, поиск взаимопонимания между представителями разных групп, помощь в реабилитации жертв дискриминации и т.д.

Несмотря на остроту проблемы адаптации мигрантов, важно не забывать о дискриминации и стигматизации другого рода. Обращаясь к функциям цифровых сервисов психологической помощи, выделенным ранее, необходимо подчеркнуть просветительскую функцию, которая, по большому счету, позволяет уменьшить влияние общественной стигмы и снизить порог, который клиентам психотерапевта или консультирующего психолога приходится преодолевать при первом обращении. Стыд, внушаемый людям с расстройствами психики или психологическими проблемами в семье больше не удерживает их от обращения за помощью. Подобным образом, такие явления как сексизм (дискриминация по признаку пола), эйджизм (дискриминация по возрасту), расизм, национализм (дискриминация по расовому/национальному признаку) также находятся в повестке просветительских постов, статей или видео в социальных сетях сервисов психологической помощи, поскольку это позволяет привлечь клиентов, столкнувшихся с подобными проблемами.

Ряд выделенных функций нельзя назвать исчерпывающим, тем не менее, он дает возможность взглянуть на перспективы развития индустрии психологической помощи – ее трансформации и институционализации. Возможно, что на наших глазах рождается стандарт ведения психотерапевтической практики, закрепляющий роли клиента и специалиста, а также закладывающий основы для дальнейшей регуляции деятельности специалистов психологического консультирования и психотерапии с определенным набором профессиональных компетенций.

Цифровые сервисы психологической помощи, выполняя важные функции, такие как: функция профилактики заболеваний и сохранения здоровья населения, просветительская функция в сфере психического здоровья, функция конструирования идентичности, функция оценки профессиональной квалификации специалистов, функция формирования толерантной городской среды; способствуют институционализации индустрии психотерапии в России. С их помощью сфера психологической помощи становится доступнее и популярнее, нивелируя влияние общественной стигмы. По этой причине цифровизация в сфере психологической помощи не просто представляет собой перенос аналогового опыта в диджитал-пространство, а потенциально несет в себе тенденции трансформации индустрии в целом.

1. Козлов Н.И. Психологическое консультирование и психотерапия: основные отличия // ПСИХОЛОГОС — Энциклопедия практической психологии. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologicheskoe-konsultirovanie-i-psihoterapiya-dvoe-zn-osnovnye-otlichiya> (дата обращения: 03.09.2022).
2. «Авито.Услуги» назвали города, где сильнее всего вырос спрос на психологов // «Газета.Ru». URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/01/27/17200615.shtml> (дата обращения: 03.10.2022).
3. Земнухова Л.В. Когда О'кей, Гугл не справляется: как найти психотерапевта в мире людей и технологий // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. — 2019. — № 11(1). — С. 166–176.
4. Код красный: 10 российских сервисов, которые помогут найти психолога // интернет-журнал Rusbase. URL: <https://rb.ru/longread/psychology-startups/> (дата обращения: 03.10.2022).
5. Психологическая поддержка ваших сотрудников: «Ясно» для бизнеса // официальный сайт сервиса «Ясно». URL: <https://business.yasno.live/> (дата обращения: 10.09.2022).
6. Hanley T. Researching online counselling and psychotherapy: The past the present and the future // *Counselling & Psychotherapy Research*. 2020. v. 21. p. 493-497.
7. Бурдун С.А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИНДУСТРИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ // Сборник тезисов победителей конкурса студенческих исследовательских работ по проблематике формирования толерантной среды в Санкт-Петербурге в 2022 году. — 2022. — С. 73-75.
8. Пчелинцева И. Толерантность, как она формируется? // *МОЗАИКА-СИНТЕЗ*. — 2001.

9. *Guy-Evans O. What Is Xenophobia? // Simply Psychology. URL: www.simplypsychology.org/xenophobia-fear-of-strangers.html (дата обращения: 18.09.2022).*

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ КАРЛА МАРКСА: ИСТОКИ И СЛЕДСТВИЯ.

Быков Владимир Петрович

*Маркс был прежде всего революционер.
Ф. Энгельс.*

*Характер человека – это его судьба.
Гераклит Эфесский.*

*Честь тому, кто однажды навеет человечеству сон золотой!
М. Горький. "На дне". (парафраз).*

"Главное в учении Маркса, - писал В.И. Ленин, - это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества" (1. 23, 1). Можно согласиться с тем, что выяснение всемирно-исторической роли пролетариата было для К. Маркса крайне важным делом. Но, думается, основной его идеей, его, так сказать, "сверхидеей", была все же идея создания нового общества, противоположного "капиталистическому", а именно коммунистического, общества. В течение всей своей жизни он стремился доказать, - опираясь на "естественные законы, действующие с железной необходимостью", и на "силу абстракции" (2. 23, 6), - неизбежность перехода человечества, при помощи "диктатуры пролетариата", от капитализма к коммунизму.

В советское время в литературе обычно утверждалось, что "важнейшими теоретическими источниками марксизма явились классическая немецкая философия, английская политическая экономия, французский утопический социализм", что "наряду с этим Маркс и Энгельс критически и творчески обобщили всю прошлую и современную им практику классовую борьбу и революционного движения трудящихся масс" (3, 315). Можно констатировать, что такой подход, взятый как исходный, если не совсем блокировал, то существенным образом затруднял беспристрастное и многостороннее рассмотрение проблемы становления марксизма: направляя внимание исследователей на "объективную логику становления марксизма" (4, 4), он, по существу, ограничивал исследовательское поле изучением "теоретического существования" (2.1, 379-380) Маркса как исторического деятеля в.

В работе "Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)" Ленин отмечал: "Маркс Карл родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная" (1. 26, 46). И в этой работе, и во всех других Ленин не ставит перед собой вопрос: почему Маркс, родившийся и живший в благополучной, "бюргерской", семье, однажды превратился не только в сторонника коммунистической идеи и начал страстно развивать ее, но и стал одним из основателей влиятельного коммунистического движения; почему он, далее, пришел к выводу о том, что цели коммунистического движения "могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя" (2. 4, 459, 446)? В самом деле, неотвратимо возникает вопрос: если "благодаря родителям Карла Маркса, брак которых был на редкость счастливым, юность его, как и его старшей сестры Софьи, протекала весело и беззаботно" (5, 30), то что толкнуло этого человека, имевшего хорошие перспективы в благополучии прожить свою жизнь, на опасный, полный многих лишений, путь революционера?

Маркс указывал, что первыми толчками к его экономическим занятиям и изучению социализма, заставившими его "удалиться в учебную комнату", были дебаты в рейнском ландтаге о положении мозельских крестьян, о краже леса и дроблении земельной собственности, о свободе торговли и покровительственных пошлинах, а также "отзвуки французского социализма" (2. 13, 5-6). Это разъяснение было принято в качестве руководящего его соратниками и последователями, и прежде всего, Энгельсом. "Современный социализм, - писал Энгельс, - по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, капиталистами и наемными рабочими, а с другой - царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века" (2. 19, 189). П. Лафарг, зять Маркса и его верный последователь, также доказывал, что Маркс, этот "мастер социалистической мысли", пришел к коммунистическим убеждениям "не путем сентиментальных размышлений, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям рабочего класса, а путем изучения истории и политической экономии" (6, 6).

Думается, согласиться с утверждением, что марксизм возник исключительно в результате наблюдения Марксом за процессами, происходящими в современном ему обществе, и чтения им соответствующей литературы, было бы искажением его, марксизма, сути. Очевидно, корни коммунистической - и при этом радикальной - позиции Маркса следует видеть как в общественном положении, так и в личности этого человека, т.е. в том "субъективном факторе", который для многих адептов "строгой науки" представляется феноменом, ничтожно малым и ничего, в общем-то, не решающим, но который может, как показывает практика, существенно "переформатировать" социум. И, несомненно, прав был Л.Д. Троцкий, утверждавший, что Октябрьская революция в России была бы невозможна без Ленина, без его интеллекта, стальной воли, мужества, самоотверженности, организаторских способностей и т.д., и т.д. История показала, что никто из большевиков до приезда Ленина в Петроград в апреле 1917 г. не помышлял о захвате власти и установления ими диктатуры: проявляя "политическую бесхребетность", все ограничивались лозунгом "введения демократического республиканского строя" (7, 313). Ленин, поистине, стал творцом "октябрьского переворота", а затем и новой страны.

Следует, как представляется, задать себе вопрос, в общем-то риторический: разве случайно Маркс, еврей по происхождению, сын "выкреста", человека, отказавшегося от иудаизма и принявшего христианство, обращается (осенью 1843 г. в работе "К еврейскому вопросу) к феномену "еврейства" с тем, чтобы заявить о своем самом негативном отношении к последнему? Разумеется, нет. Анализ показывает: Маркс делает это потому, что, по его мнению, "евреи", считающие себя "избранным народом", живут в "обособлении от человечества" (2. 1, 383). Он, как можно достаточно уверенно предположить, понимает, что в то время происходит в немецком обществе, и действует сообразно ситуации. А происходит, как указывает Меринг, следующее: "Скупка евреями поместий и земель, чрезвычайно усилившаяся в двадцатые годы, в период кризиса в сельском хозяйстве, вызвала в Рейнской провинции сильную ненависть к евреям" (4, 31). Именно потому, что "еврейство" становится все более чуждым и угрожающим "обществу", Маркс заключает, что необходима "эмансипация общества от еврейства" (2. 1, 413). Однако это заключение лишь частично удовлетворяет Маркса. Обнаружив, что современный ему мир, как таковой, устроен и живет по "еврейским" принципам, т.е. на основе частной собственности и торгашества, порождающих его, общества, "еврейскую ограниченность" (2. 1, 413), Маркс приходит к революционному выводу, что этот мир надо "изменить" (2. 3, 4), уничтожив, соответственно, и то, и другое. В "Манифесте Коммунистической партии" он (вместе с Энгельсом) заявляет: "... Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности" (2. 4,

438). От прежнего упования на "бога" и "человечество" (которое проявляется в "Размышлениях юноши о выборе профессии") Маркс переходит на атеистические позиции и обрушивается с беспощадной критикой того гражданского общества и того государства, которые он видит, - и, прежде всего, в Германии. "Германия, - пишет он, - глубоко увязла в грязи и с каждым днем увязает все глубже" (2, 1, 371). Его отталкивает как "жалкие люди", населяющие Германию, так и "уродливость" государственного строя этой страны (2, 1, 371-372). Для него Германия – вовсе не "страна поэтов и мыслителей" (5, 44), а тот "филистерский мир", в котором эти "обыватели", эти "все еще патриоты" составляют основную массу общества, этого "мира политических животных", этого "животного царства" (2, 1, 373-374). Вообще, заявляет он, "филистерами, их обществом, кишит мир, подобно тому, как труп кишит червями" (2, 1, 372). По представлению Маркса, идеалом немца, живущего в "скотских условиях" (2, 1, 377) является жизнь животного. "Того, чего хочет обыватель, - жить и размножаться ..., - пишет он, - хочет и животное; какой-нибудь немецкий политик разве ещё прибавит: но человек-то знает, что он этого хочет, а немец настолько, мол, рассудителен, что ничего большего он и не хочет" (2, 1, 373). В итоге, по мнению Маркса, "отвратительнейший деспотизм" (2, 1, 371), порожденный той массой "филистеров", которые составляют основную массу как "верхних", так и "нижних" слоев населения Германии, должен быть уничтожен. И хотя он в то же время утверждает, что всякий народ может, внезапно поумнев (? – В.Б.), осуществить все (? – В.Б.) свои благие желания" (2, 1, 371), это воспринимается как случайное отклонение от главного в его логике.

В марксистской литературе обычно утверждается, что период с 1843 по 1848 гг., т.е. к моменту создания "Манифеста Коммунистической партии", - период перехода Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к научному коммунизму. Однако беспристрастный анализ работ Маркса этого не подтверждает. Прежде всего, нет никаких оснований "заподозрить" "раннего" Маркса в симпатиях к "трудящимся массам" и их способностям преобразовать мир. Да, Маркс убежден в необходимости "предстоящей нам революции" (2, 1, 371). Но это - убежденность человека элиты, человека, стоящего над миром "обычных людей". Народные массы, по его убеждению, неспособны самостоятельно ни думать, ни определять свою судьбу. Изменить общество, считает он, в состоянии только такие люди, как, как он. "Предоставим, - пишет он, - мёртвым хоронить и оплакивать своих мертвецов. Но завидна участь - быть первыми среди тех, кто со свежими силами вступает в новую жизнь. Пусть это будет и нашим уделом" (2, 1, 372). Позже Маркс подтверждает свою позицию, т.е. позицию человека нового мира, видящего "глубже всех и дальше всех". "Коммунисты, ... - провозглашает он в "Манифесте", - на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения" (2, 4, 437).

Почему Маркс не пошел, например, по пути Иисуса Христа, тоже отказавшегося от принадлежности к еврейскому миру и выдвинувшего альтернативу ему в виде отказа от стяжания, в виде братского единения всех "рабов божиих" и в то же время не отказавшегося от подчинения властям предрержающим (ибо они – "от Бога"), и т.д., и т.д.? Очевидно, потому, что, кроме желания отомстить глубоко чуждому и враждебному ему "буржуазному" обществу, им руководила его природа, природа бойца. Особенность этой природы хорошо показывают, в частности, его письма отцу, его стихи и т.д. Эта его природа завораживала, подчиняла, пленяла многих, и очень сильных, людей (здесь достаточно вспомнить хотя бы его друга, Энгельса). Этой его природы побаивались многие. Меринг отмечал: "... И отец Маркса взирал уже порою с тайным страхом на "демона" в душе любимца-сына. ... Его мучили не мелкие заботы и тревоги матери-наседки, мечтавшей об удачной карьере для сына, а смутный страх перед гранитной твердостью характера Карла, чуждой его собственной мягкой душе" (5, 30, 40-41). Все,

видевшие Маркса вблизи, отмечали его колоссальную энергетику, мощный интеллект, готовность переносить тяжелейшие лишения жизни, способность взаимодействовать с другими людьми, при этом оставаясь "прирожденным властителем", обладающим "боевым, воинственным духом" (5, 33, 38, 42). Если выражаться современным языком, Маркс был ярким "пассионарием". В представлении Платона, философ должен быть и "мужественным", и, в то же время, "кротким" (9. 3, 179). Увы, Маркс не мог быть "кротким"! Он, изначально был не только исследователем ("пожирателем книг", по его собственному выражению), но и человеком, обреченным на активнейшее участие в практической политике, новым "Прометеем" (5, 58). Именно поэтому на вопрос в шуточной анкете, заданный ему дочерью Женни: "Ваше представление о счастье?", он ответил: "Борьба" (2. 31, 491). Говоря о Марксе, Мering заключал даже, что "борец всегда имел в нем перевес над мыслителем" (5, 58, 27).

Маркс заявлял: "... Конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времён не есть наше дело" (2. 1, 379). Однако в действительности с ним произошло обратное, а именно "провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времён". В уже упомянутой анкете Маркс утверждал, что основной его девиз: "Подвергай все сомнению". Вся его теоретическая и практическая деятельность, однако, говорит о том, что если Маркса иногда и "грыз червь сомнения", то где-то уж очень глубоко. В том, что частная собственность должна быть уничтожена, что для достижения своих целей коммунистами должна быть установлена "диктатура пролетариата", Маркс не сомневался ни на миг. И вполне справедливо, думается, М.А. Бакунин характеризовал Маркса как "доктринера" (хотя и сам был законченным, в своем анархизме, доктринером, боровшимся против всякой "государственности" и за "экономическое равенство") (8. 4, 18).

Следует признать, что созданная Марксом и Энгельсом революционная идеология мощно двинула вперед мировое рабочее и коммунистическое движение, что она чрезвычайно эффективно способствовала преобразованию мира, сделав его более справедливым, гуманным и т.д. Но практика показала, в итоге, что в представлении Маркса о будущем имело место немало суждений, не соответствующих "упрямой" реальности. Во-первых, оказалось (вопреки этому величайшему в истории экономисту!), что институт частной собственности представляет собой гораздо более устойчивое явление, чем он себе его представлял, что без этого института нормальное существование общества невозможно, поскольку без него начинает обостряться проблема себестоимости продукции, нарастает товарный дефицит, не удовлетворяется множество "постоянно растущих потребностей" населения, и т.д., и т.д. Приняв во внимание "императивы" реальности, российские большевики поняли крайность тотального "обобществления собственности на средства производства" и перешли к "новой экономической политике". С 90-х годов в России уже почти все в экономике пошло "не по Марксу". Если что и осталось, то это необходимость "укрощения" частной инициативы, подчас очень опасной, силой государства. Во-вторых, Марксом был существенно переоценен революционный потенциал и интернационализм рабочего класса. Многие в мире, а особенно нападение нацистской Германии на Советский Союз, наглядно показало, что лозунг "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" если и имеет под собой основу, то весьма и весьма зыбкую, что, вообще, наличие наций и национальных государств есть реальность, которая совсем не желает по мановению некой "волшебной палочки" уходить в прошлое, что патриотизм не есть что-то уродливое, а вполне естественное почитание людьми своих предков, своей истории. И т.д., и т.д. В-третьих, из учения Маркса следовал вывод о коммунизме как о своего рода "прекрасной вечности". Впоследствии Энгельс вынужден был признать, что однажды человечество столкнется с истощением природных ресурсов и, соответственно, с чрезвычайно серьезными проблемами. Сегодня мы видим, что все обостряющийся дефицит ресурсов создает на нашей планете множество "точек напряжения", ведет к столкновениям государств друг с другом. Наконец, в-четвертых, Маркс проигнорировал

ту опасность, на которую так настойчиво указывал уже упомянутый Бакунин, а именно на очень большую вероятность превращения революционных вождей, после их победы над угнетателями, в очередной стоящий над народом господствующий класс. После Октябрьской революции российские большевики вплотную столкнулись с этим пренеприятнейшим явлением. Ленин вынужден был заявить: "Самый худший у нас внутренний враг - бюрократ, это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который пользуется всеобщим уважением, как человек добросовестный. Он немножко дерет, но зато в рот хмельного не берет. Он не научился бороться с волокитой, он не умеет бороться с ней, он ее прикрывает" (1. 45, 15). История Советского Союза "в лицах" показала, каким может быть "культ личности", "волюнтаризм", "субъективизм" и т.д.

Итак, практика продемонстрировала, что решение проблемы будущего состоит не в том, чтобы устранить ту или иную, "неудобную", сложившуюся веками и тысячелетиями сторону экономической, социально-политической и прочей жизни общества, а в том, чтобы должным образом "соединить противоположности". В письме Иосифу Дицгену Маркс писал: "Когда я сброшу с себя экономическое бремя, я напишу "Диалектику". Истинные законы диалектики имеются уже у Гегеля, - правда, в мистической форме. Необходимо освободить их от этой формы" (2. 32, 456). Думается, такое разъяснение было попыткой сокрыть истину. В самом деле, известно, что Маркс, кроме своих основных занятий экономикой, завершившихся созданием многотомного "Капитала", стал знатоком истории философии (как известно, защитил докторскую диссертацию на тему "Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура"), написал 1000 (!) страниц по математике, освоил 8 иностранных языков (в том числе, например, румынский и русский), написал множество работ по всемирной истории и истории отдельных стран, входил в мельчайшие детали современного ему политического процесса, посвятил огромное количество времени практической политической деятельности, и т.д., и т.д. И при этом он, всегда утверждавший себя в качестве "сознательного диалектика" (2. 20, 10) противника "метафизики" и, таким образом, - приверженца "неумолимой самокритики" (5, 53, 57), не написал ни одной работы по диалектике! Думается, таким образом, что суть дела вовсе не в занятости Маркса политической экономией или чем-либо другим, а в том, что если бы он признал всеобщность законов диалектики, то ему пришлось бы признать, вслед за Платоном, что "государства, где правит не бог, а смертный, не могут избежать зол и трудов" (9. 4, 165), что, следовательно, со временем любое общество, любое государство, даже самое процветающее, дряхлеет и гибнет. Но в таком случае тот идеал коммунистического общества, который Маркс отстаивал в течение всей его жизни, очень потускнел бы, - со всеми вытекающими отсюда последствиями. Очевидно, что для него это было абсолютно невозможно.

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах. Издание пятое. - М.: Издательство политической литературы. 1967-1975.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. - М.: Государственное издательство политической литературы. 1955-1974.
3. Философская энциклопедия / Под ред. Ф.В. Константинова. Т.3. - М.: Советская энциклопедия. 1964.
4. Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма. Издание третье. - М.: Мысль. 1986.
5. Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. - М.: Издательство государственной политической литературы. 1957.
6. Лафарг П. Воспоминания о Марксе. - М.: Издательство политической литературы. 1958.
7. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. - М.: Политиздат. 1990.
8. Бакунин М.А. Избранные сочинения в 5 томах. - М.: Голос труда. Петербург-Москва. 1919-1922.

9. Платон. Сочинения. В 4 т. Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1990-1994.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ АТМОСФЕРА В ОБЩЕСТВЕ ПСЕВДОРЕАЛЬНОСТИ

Вербин Анатолий Александрович

(Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна)

По признанию авторитетных социологов в настоящее время общественное пространство в западных странах заполняется исключительно пропагандистскими материалами, т.е. псевдособытиями и псевдофактами. По заявлению авторитетного американского социолога и журналиста Криса Хеджеса (Chris Hedges), более пятнадцати лет сотрудничавшего с самой авторитетной газетой в США The New York Times и лауреата Пулитцеровской премии, «сейчас в основных источниках информации западных стран свобода слова полностью отсутствует, и только в совершенно незначительной степени она сохраняется в социальных сетях» [1]. Иными словами, общество западных стран превратилось в общество псевдореальности [2, 89].

Если раньше так называемые серьезные издания во всех западных странах регулярно содержали достаточно пространные материалы, посвященные разнообразным спорным социальным проблемам, то теперь все они заполнены исключительно односторонними изложением внутренних и международных событий, а также однотипными комментариями по всем актуальным аспектам современной жизни. И более того, университеты, считавшиеся раньше авторитетными структурами теоретических социологических исследований актуальных социальных проблем, а также центрами открытых дебатов по различным актуальным общественным вопросам и, как писал два года назад авторитетный американский социолог П. Мэй, «были бастионами прогрессивной социологической мысли», резко деградируют в этом отношении [3, 14].

Они превращаются в некое подобие пропагандистских платформ по распространению одностороннего толкования событий и фактов, исходящего исключительно от истеблишмента. А всякие попытки представить какие-либо иные объяснения соответствующих фактов или событий немедленно цензурируются или просто замалчиваются. А если какой-нибудь диссидент пытается публично изложить свою версию событий или фактов, то он немедленно подвергается остракизму. Такая практика приобрела широкое распространение в североамериканских университетах и теперь называется культурой отмены (cancel culture). Эта практика представляет собой отказ от общения с диссидентами в социальных сетях и в личных отношениях, запрет на их выступления перед студентами в рамках университетских мероприятий или просто в университетских аудиториях. А если такой диссидент все-таки пытается выразить свою точку зрения публично, то тогда организованные группы его противников создают ему обструкцию в виде самых разнообразных помех, оскорблений, криков [3, 14].

Известный французский социолог Ф. Д'Иррибарн подтверждает появление такой же тенденции и во французских университетах. По его словам, такая практика «стала процветать в последнее время». И «вместо того, чтобы нам ожидать, что наши университеты являются местом цивилизованных дебатов и совместной выработки рациональных решений теми, кто имеет несхожие позиции», в них происходит «конфронтация и взаимные оскорбления между выразителями несовпадающих точек зрения» по актуальным социальным и политическим вопросам [4, 18].

Такая интеллектуальная среда в западных странах сложилась неслучайно и не вдруг, неожиданно. Она стала продуктом длительного и сознательного развития пропагандистских технологий, которые идут от создания в 1917 году специального

комитета при администрации США (Комитета по общественной информации) для распространения пропагандистских материалов в США и Европе в связи с вступлением этой страны в первую мировую войну. Первый теоретик того периода У. Липманн писал по поводу технологии пропагандиста, что «без какой-нибудь формы цензуры пропаганда невозможна. Чтобы осуществлять пропаганду, должен быть какой-то барьер между публикой и событием. Доступ к реальному событию должен быть ограничен до того, как кто-то создаст псевдособытие, которое ему необходимо или желательно» [5, 43]. Иными словами, пропаганда невозможна, если событие представлено публике в его истинном смысле. Для пропагандиста истина должна быть затемнена или искажена, а работа пропагандиста состоит в том, чтобы объяснить публике, что псевдособытие и есть истинное событие. А названный комитет, как писал еще один теоретик этого времени, «бомбардировал публику полными энтузиазма сообщениями о колоссальных военных усилиях нации. Голоса диссидентов были утихомирены либо с помощью договоренности, либо убеждением со стороны министерства юстиции. Интеллектуальная и эмоциональная бомбардировка шла со всех сторон (реклама, новости, добровольные ораторы, рекламные щиты, школы, театры). Цели и идеалы войны непрерывно доходили до глаз и ушей народа. Эти агрессивные (high-pressure) методы в то время были новыми, но с тех пор стали обычными. Истерия царила повсюду. Сообщения о том, что немцы – это звери или гунны, воспринимались нормально. Люди верили самым фантастическим статьям о жестокостях с их стороны». И в качестве итога автор подчеркнул, что «пропаганда военного времени ускорила развитие системы формирования общественного мнения» в Америке [6, 74-76].

В настоящее время распространение лживой информации приобрело еще более мощные масштабы. Так, по поводу событий на Украине в западных СМИ присутствует исключительно прославление действий правительства и армии этой страны. А, на пример, доклад Международной амнистии от 4.08.2022 о нарушении правил ведения войны украинской армией (размещение военных подразделений в школах и больницах, осуществление пусков ракет из жилых районов) замалчивается [7]. Присутствие в общественном пространстве практически исключительно пропаганды и отсутствие рациональных дискуссий ведет к потере способности людьми вести ее, неумению предложить идеологическому противнику разумные аргументы и, следовательно, замене дискуссии пустыми отрицаниями и оскорблениями. Как писала американская газета Wall Street Journal, «искажение фактов в политике существует со времени античных Афин, но наша постистинная эра придала этой тенденции некоторый деструктивный толчок: отказ от признания фактов становится свидетельством (политической – А.В.) преданности» [8, 14].

Таким образом, идеологические дебаты и политическая борьба теряют даже видимость рациональной дискуссии, что ведет к потере умения вести ее. Подтверждая это, известный американский социолог Дж. Сакс заявил, что США это «первое в мире общество, перенасыщенное СМИ, <...> технологически богатое, перенасыщенное рекламой, но бедное знанием». Он добавляет, что «эгоистический экономический интерес гигантов СМИ и их собственников обеспечивает непрерывный поток рекламы и преднамеренный поток научной дезинформации», выгодных для самих гигантов СМИ, и все это «обеспечивает манипулирование граждан со стороны корпораций» [9, 133, 157].

1. Hedges Chr. *Chris Hedges Repot: Ukraine and the crisis of media censorship* <<https://youtu.be/N0H7PIJcEP0>> Accessed 22.09.2022.

2. Вербин А.А. *Общество псевдореальности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 2021, серия 3, № 2.*

3. May P. *La Pensée conservatrice mal aimée de l'Université américaine // Le Figaro, 4/5.05.2019.*

4. D'Iribarne Ph. *Pourquoi l'intolérance et le sectarisme progresse parmi les universitaires // Le Figaro, 25.01.2019.*

5. Lippmann W. *Public Opinion. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1922.*

6. Bernays B.L. *Public Relations*. Norman: University of Oklahoma Press, 1952.
<<https://www.amnesty.org/en/latest/news/2022/08/ukraine-ukrainian-fighting-tactics-endanger-civilians/>> Accessed 5.08.2022.
7. Goldstein R.N. *Our moment of truth* //Wall Street Journal, 17/18.08.2018. Sachs J. *The Price of Civilization*. N.Y.: Random House, 20011.

УРБАНИСТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА И ИХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Вершинина Инна Альфредовна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Дебаты о будущем социологии во многом являются результатом серьезных социальных изменений в самых разных сферах общественной жизни, среди которых французский социолог П. Ле Гале особо выделяет новую волну капитализма, экологический кризис, эрозию национального государства, усиление индивидуализма и противоречивость процесса глобализации [5, 348].

Социология оформляется как наука в качестве способа теоретического самопостижения и саморефлексии общества модерна, которое характеризуется как индустриальное, капиталистическое, оформляющееся в виде национального государства [1, 10-11]. Крупные города как составляющие этого общества сразу же оказываются в центре внимания классиков социологической науки, тем более что социальная история современных обществ, по мнению Ч. Тилли, – это их урбанистическая история, поскольку общества во многом конституируются теми же процессами, которые оформляют их города [6, 2]. Неудивительно, что урбанистика представляет собой значимый компонент социологического мышления и социологической теории на всех этапах ее развития, даже когда центральным понятием было общество.

Однако глобализация способствовала пересмотру пространственно-временных отношений, а парадигма обществ, организованных в рамках национальных государств, потребовала своего пересмотра [4, 80]. На рубеже XX и XXI веков все чаще стали звучать тезисы о «социологии за пределами обществ» [3] или «социологии без обществ» [2]. Глобализация ставит перед социологией методологические вопросы, которые предполагают пересмотр понятийности, в частности, поиск альтернатив категории «общество», прежде центральной для социологии. Одним из вариантов может быть понятие «сообщество», которое позволяет анализировать социальную жизнь как в условиях глобализации, так и в постглобальном мире.

Традиционно сообщество было ключевым понятием социологической урбанистики, однако сегодня сфера его применения может быть расширена. Подход к анализу социальной жизни, в основе которого лежит понятие «сообщество» позволяет рассматривать не только различные пространственные формы, но и фиксировать ключевые социальные изменения. С. Сассен полагает, что если становление общества модерна представляло собой движение от муниципального устройства к национальному государству, то сейчас мы наблюдаем обратный процесс. Урбанистическое сообщество вновь становится своеобразной «стратегической линзой» [7, 143] для изучения основных макросоциальных преобразований, как это было и в самом начале становления социологической науки.

Изучение сообществ позволяет оценить многообразие социальных процессов, структур и практик, а также помочь составить представление о повседневной жизни людей и разных социальных групп. Сообщество – это одна из ключевых категорий в социологии, значение которой может в ближайшее время возрасти, поскольку данный подход позволяет анализировать самые разные формы социальной жизни и фиксировать основные социальные изменения.

1. Полякова Н. Л. *XX век в социологических теориях общества*. М.: Логос, 2004.
2. Турен А. *Социология без общества // Социологические исследования*. 2004. № 7.
3. Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М.: изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
4. Beck U. *The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. № 1.
5. May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M. *The Future of Urban Sociology // Sociology*. 2005. Vol. 39. № 2.
6. Read S. *Intensive urbanisation: Levels, networks and central places // The Journal of Space Syntax*. 2013. Vol. 4. № 1.
7. Sassen S. *New frontiers facing urban sociology at the Millennium // British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. № 1.

АГЕНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ КАК ДРАЙВЕРЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Воробьева Ирина Николаевна

(Череповецкий государственный университет)

Мехова Альбина Анатольевна

(Череповецкий государственный университет)

Категория социальных изменений имеет обширную историю её осмысления. Широкое распространение получил постмодернистский или организационно-деятельностный подход. В соответствии с ним активная преобразующая роль в обществе принадлежит социальным агентам, которые обладают высокими уровнем потенциала и социальными ресурсами. При таком подходе идея социальных изменений будет тесно связана с концептами социального капитала, социальных ресурсов и человеческого потенциала.

Данные категории получили детальное осмысление и изучение в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Среди зарубежных необходимо выделить имена П.Бурдьё, Р.Патнема, Дж.Колумана. Среди отечественных ресурсный подход детально представлен в трудах В.А. Ядова [3], Т.И.Заславской, В.В.Радаева [2], Н.Е.Тихоновой. В зарубежной практике он получил распространение с точки зрения осмысления категории ресурса, капитала, взаимосвязи данных категорий. В отечественной практике теоретическое осмысление существенно расширяется практикой измерения капитала и ресурсов. Наличие ресурсов выступает стратификационным основанием. В таком аспекте через измерение уровня деятельностных ресурсов общества возможно определение потенциала социальных изменений, а, соответственно, и потенциала развития города, региона, территории, общества в целом.

Нами была предложена своя индикаторная ресурсная модель, которая может служить основанием для стратификации населения [1]. Теоретическим основанием модели стали ключевые характеристики наиболее активных в социальном плане слоев населения, предложенные в трудах выше приведенных авторов. На наш взгляд, агенты социальных изменений должны обладать определенным набором ценностных ориентиров и установок, среди которых основополагающими являются инициативность, внутренний локус ответственности, готовность объединяться для решения социально значимых проблем. Но ядром индикаторов их выделения являются реальные поведенческие практики, в основе которых положены практики социального участия, такие как активная деятельность в общественных организациях, неформальные практики соучаствующего управления, благоустройства городской среды, благотворительной деятельности, а также практики помогающего поведения.

Согласно эмпирическому исследованию по авторской индикаторной модели, проведенному в г.Череповце Вологодской области в марте 2022 года по репрезентативной

квотной выборке в соответствии со структурой населения старше 18 лет, ядро агентов социальных изменений составляет 4,6%, а периферия ядра, которые обозначены авторами, как активисты 17,4%. Количеством данных групп населения в городе, регионе, на наш взгляд, может измеряться социальный потенциал развития территории, а их мотивация может стать основой для стимулирования активной деятельностной позиции более инертных слоев населения, которые тоже обладают мобилизационным потенциалом.

1. Воробьева И.Н., Мехова А.А. (2022). *Агенты социальных изменений: критерии идентификации и построение индикаторной модели // кономические и социальные переменны: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 126-144.*
2. Радаев В.В. *Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация ресурсов // Общественные науки и современность. 2002. №2. С. 2-32.*
3. Ядов В.А. *Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: Возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? / под ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001. С. 310–319.*

ЗАКАТ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ЦЕННОСТНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

*Данилов Александр Николаевич
(Белорусский государственный университет)*

Техногенный тип цивилизационного развития дал человечеству множество достижений и долгое время воспринимался как магистральный путь общественного прогресса. Но уже во второй половине XX века проявились и начали обостряться многочисленные глобальные кризисы как вариации двух основных – экологического и антропологического. В XXI веке происходит нагромождение нерешенных проблем, новых вызовов и конфликтов. Все это можно обозначить как состояние цивилизационного перехода. «В конце XX в., когда человечество столкнулось с глобальными проблемами, с новой силой зазвучали вопросы о правильности выбора путей развития, принятых в западной (техногенной) цивилизации, и, как следствие, об адекватности ее мировоззренческих ориентаций и идеалов» [2, 484].

Для преодоления кризисных явлений в жизни общества необходимо, в первую очередь, направить усилия на разрешение духовного кризиса. За последние десятилетие и белорусское общество прошло значительную эволюцию от ценностей выживания и стабильности к ценностям самовыражения и развития. Меняется миссия образования, которая предстает не просто в качестве некоторой второстепенной отрасли, а системообразующей частью национальной культуры. «Поэтому, когда мы говорим об интеграции образовательного процесса, идея обогащения качеством, преимуществами должна быть поставлена во главе угла» [1, 414].

В настоящее время человечество подошло к опасной черте своего развития – к точке бифуркации, когда его деятельность на основе научно-технических достижений в состоянии привести к собственной гибели. Выход неизбежно будет найден, на смену техногенной цивилизации придет новая парадигма развития, которая обернется кардинальной перезагрузкой базовых ценностей. Использование накопленных знаний и позитивного опыта прошлых поколений, преодоление негативных последствий человеческой деятельности служат основанием новой цивилизации. Предстоит утверждение нового гуманизма как основы нравственного самосохранения, необходимого условия достижения безопасного будущего, нового мировоззрения, связанного с возвращением способности осознавать реальные смыслы человеческого бытия, как новой целостности, способной к жизни в едином комплексе мироздания. Такое переосмысление, в свою очередь, является первым шагом на пути к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

В ситуации перемен, которая значительно активизирует в культуре процесс отбора нового контекста, появляется стремление к быстрому обновлению базовых ценностей без должного историко-социального отбора. Возникает опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ перспективы. В зависимости от того, сможет ли человечество справиться с существующими опасностями, зависит его будущее.

1. Миронов В.В. *Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью*. Москва: РГ-Пресс. 2020.
2. Стёпин В.С. *Теоретическое знание: структура, история эволюции*. – Минск : Белорусская наука, 2021.

ИМПЕРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА УСПЕШНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Елишев Сергей Олегович

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Изучение феномена «империи» и связанной с ней проблематикой в настоящее время представляет собой одно из перспективных направлений современных научных исследований, актуальность которого обусловлена необходимостью определения дальнейшего выбора вектора развития Русского мира, российского общества и государственности в современных масштабных геополитических реалиях.

Для России и русского народа империя представляет традиционную форму государственности. Однако, в сознании большинства «россиян», термин «империя» воспринимается с ярко выраженным отрицательным оттенком, что является следствием господствующих в нашем обществе на протяжении нескольких десятилетий определённых идеологических установок. При этом империя обычно отождествляется либо с большой по своим территориальным владениям державой (между тем не всякая держава является империей, хотя, бывает, и претендует, стремится именоваться таковой); либо с особым типом государственных образований, стремящихся к максимальному расширению своих территорий (территориальная экспансия) вкупе с нещадной эксплуатацией «порабощённых» народов, т.е. с державами колониальными, часто для поднятия своего статуса именуящими сами себя «империями».

В реальности дело обстоит совсем иначе. Стремление к «постоянной» пространственной экспансии не является базовой характеристикой империи. Экспансионистская политика (территориальная, политическая, экономическая или другая), в определённые этапы исторического развития в одинаковой мере характеризует как империи, так большую часть государств мира не имперского типа (например, США), и она, как и в случае с государствами «не империями», бывает возможна лишь в случае наличия у стержневого имперского этноса (или у этноса создающего державу в государствах не имперского типа) достаточного уровня пассионарности, а также благоприятных внешнеполитических и внутривнутриполитических условий. Когда этого нет, наблюдается стремление к удержанию, сохранению достигнутых величин.

Империи не стоит отождествлять и с крупными колониальными державами. Колониальные державы (классическими примерами которых являются Карфаген, держава инков, Великобритания, Франция, Португалия, Япония), используя силу, выступают в роли паразитов, богатеющих и развивающихся за счёт грабежа колоний и эксплуатации населяющих их народов. В основе колониального владычества лежит идея обогащения одного народа, общества, государства за счет других – колонизируемых. Идея же империи (имперская идея) – это идея симфонии, мирного сосуществования различных

национальных культур и этносов под управлением имперского стержневого этноса во имя общего благополучия.

Империя есть особый тип универсальных полиэтнических и поликультурных государственных образований, характерными чертами которых являются:

– наличие имперского стержневого этноса (нации, несущей бремя созидания империи, судьба которой (в зависимости от особенностей процесса этногенеза или выполнения ею определенных функций, соответствию должному стереотипу поведения) неразрывно связана с судьбой империи) с особым стереотипом поведения (существенными чертами его являются способность ужиться с другими этносами, перенимать у них определённые навыки, родниться с их представителями, при этом неукоснительно соблюдая взятые на себя обязательства по охране и защите дружественных этносов от внешних угроз);

– имперской элиты (имперской аристократии, включающей в себя аристократию стержневого имперского этноса, а также представителей аристократии других этносов, входящих в империю);

– особой структуры взаимоотношений между метрополией и провинцией, а также между входящими в империю этносами, позволяющей вошедшим (добровольно или недобровольно) в состав империи этносам сохранять свой традиционный образ жизни, экономические структуры, систему местного самоуправления, а подчас и государственность (что позволяет говорить о том, что империи, как особые формы государственного устройства, сочетали в себе элементы унитарного и федеративного устройства). Имперские правительства никогда не проводили политику ассимиляции вошедших в империю народов, способствуя сохранению их этнокультурного и религиозного своеобразия. При этом вхождение или присоединение тех или иных территорий в состав империй часто знаменовало приток инвестиций в регион, а также развитие экономической жизнедеятельности. Они реально становились и ощущали себя частью целого имперского организма, а не колонией.

В свою очередь имперский стержневой этнос, воплощая в жизнь идею отказа от национального эгоизма, во имя интересов всеобщего целого, реализуя принцип «разделяй и властвуй», выступал арбитром в межнациональных конфликтах внутри империи, защитником национальных меньшинств перед лицом более крупных этносов, входящих в империю (по формуле В.Л. Махнача: «малый» с «большим» против «среднего»)[1, 156-157]. Например, русские при освоении Сибири, фактически, спасли эвенков (тунгусов) от истребления их якутами, более крупным этносом, точно также как способствовали установлению мира между кавказскими, а также другими народами империи. Именно поэтому действия России по «принуждению к миру» режима Саакашвили были так естественно-одобрительно восприняты в «незападном» мире, как возвращение её к традиционной имперской политике защиты «малых» народов (осетин и абхазов) от притеснения их народами «средними», более крупными (грузинами).

В силу универсального характера имперской идеи, любую империю в отличие от национальных государств нельзя охарактеризовать и как «тюрьму народов», в которой наблюдается нещадная эксплуатация «покорённых» народов. Любые такие высказывания есть «идеологемы» и плод политической мифологии. В этом ключе вполне обоснованно возражение В. Кожина клеветникам Российской империи: «И если уж называть Россию «тюрьмой народов», то, в точном соответствии с логикой, следует называть основные страны Запада не иначе как «кладбищами народов»»[2, 138-140].

В этом контексте неудивительно, что империи – довольно редкий феномен мировой истории. Создать империю может не каждый народ. Классическими империями являются Персидская, Римская, Византийская, Российская империи.

В то же время, истории известны множество примеров, когда державы в своём историческом развитии имели все шансы стать империями, обладали рядом присущих империям характеристик, себя таковыми именовали, но по разным причинам ими не

стали. Такие государства именуются протоимпериями. К протоимпериям относятся: Ассирийская держава, Китайская «империя», Священная Римская империя, Протоимперия Чингисхана, Османская Порта, «Империя» Великих Моголов, Германская империя.

Также следует отметить, что империю не всегда характеризует монархическая форма осуществления государственной власти. Римская империя, например, зародилась в республиканский период её истории.

Если же говорить о России, то следует констатировать, что вся история России и русского народа неразрывно связана с понятием империи. Без преувеличения можно сказать, что империя – это судьба России, а трудное, но почётное бремя её созидания – историческая миссия русского народа. Насколько она будет успешна – сказать невозможно: русские в своём этногенезе ещё не вышли из стадии надлома. Следует помнить, что эту стадию этногенеза преодолевали не все народы. Но насильственно прерванный исторический тип развития русской государственности, который представлен Российской Империей, должен подлежать восстановлению, и будущее русского народа, осуществление его чаяний и стремлений в XXI веке наилучшим образом обеспечит именно Империя. Не только русский, но и большинство народов мира верят и желают того, чтобы это случилось.

1. Махнач В.Л. *Очерки православной традиции*. М., 2000.

2. Кожин В. *Россия. Век XX-й*. М., 2008.

О ФОРМАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ В УСЛОВИЯХ ВЫЖИВАНИЯ

Задорин Вячеслав Владимирович

(Волгоградский государственный университет (1),

Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС при Президенте РФ (2))

Цель построения социологической теории в условиях крайне ограниченных ресурсов – сформулировать описание (образ, идею, концепцию) отношений внутри малой социальной группы (в которую включен социолог), а также отношений данной группы с другими группами для максимально длительного существования данной популяции как возможно единственных представителей человечества, как биологического вида.

Рекурсия. Вопрос о том, насколько само описание мира социолога делает мир таким, каким он предстает в этом описании, является одновременно и метафизическим, и метаматематическим, и социологическим. В условиях крайне ограниченных ресурсов приоритет ценностей ученого смещается от истины к выживанию человека, как особи биологического вида, поэтому социологическая теория в условиях крайне ограниченных ресурсов должна провозглашать большую эффективность деятельности людей, руководствующихся данным описанием, нежели деятельности без такового. В математике и теории доказательств похожий прием называется рекурсией – социологическая теория описывает мир, включающий социологическую теорию. Иными словами, одно из первых, о чем предстоит позаботиться социологу – убедить окружающих в большей эффективности их действий в случае использования социологического описания мира. Понятно, что в случае отсутствия сопровождающей социолога группы, такой проблемы не возникает, и тогда основная задача – ее поиск, так как тот, кто удовлетворен тотальным одиночеством, не будет социологом.

Принцип транзитивности $(A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (A \supset C))$. Будучи аксиомой исчисления высказываний (как классического, так и интуиционистского), представляющей схему чисто условного умозаключения, он может быть также интерпретирован, как схема рассуждения по первой фигуре аристотелевской силлогистики с добавлением связанной кванторами предметной переменной в исчислении

одноместных предикатов: $\forall x(A(x) \supset B(x)) \supset (\forall x(B(x) \supset C(x)) \supset \forall x(A(x) \supset C(x)))$. Если есть те, кого можно в чем-то убедить, используя рациональную аргументацию, то простейший, но максимально очевидный способ для этого – вышеприведенный аристотелевский силлогизм по первой фигуре: «Все А есть В. Все В есть С. Следовательно, все А есть С» или чисто условное умозаключение: «Если А, то В. Если В, то С. Следовательно, если А, то С».

Дедукция возможных следствий. Прогностическая функция социологической теории будет успешно и абсолютно полно реализована, если социологу удастся вообразить все возможные сценарии развития событий при осуществлении (или не осуществлении) каких-либо действий. Дедукция возможных следствий происходит по единственному правилу вывода исчисления высказываний – Modus ponens, объявляющему правильным («дедуктивным») переход от утверждения основания условной посылки в другой посылке к утверждению следствия условной посылки в заключении (а также от отрицания следствия к отрицанию основания – правило контрапозиции): $A, A \supset B \vdash B$ и $A, \neg B \vdash \neg A$.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РУТИНА В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ В УСЛОВИЯХ ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ

Иванов Дмитрий Владиславович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российским научным фондом (грант № 21-18-00125).

Происходящий в последние 10-15 лет разворот социальных процессов к постглобализации, то есть от тенденций формирования единого и открытого социального пространства к формированию анклавов глобальности, появлению новых разрывов в уровне и качестве жизни, к созданию новых барьеров для транснациональных сетевых и потоковых структур, требует пересмотра исследовательских подходов и к процессам цифровизации. Цифровизация в последние годы стала модной темой в отечественной социологии. При этом в академических текстах явно преобладает подход к цифровизации, заданный технократическим мышлением и представляющий социальные изменения как эффекты технологических инноваций и управленческих решений, как формы адаптации к ним.

«Свежий» срез социологических публикаций, взятых за последние два года (2020-2021) наглядно демонстрирует господство такого подхода. В макросоциологической перспективе новое состояние общества редуцируется к развитию цифровой инфраструктуры стран и регионов [1–3], а эффективность функционирования социальных институтов практически во всех сферах общества от экономики и политики до культуры и образования оценивается по уровню внедрения цифровых сервисов и степени достижения показателей правительственных программ технологического развития [4–6]. В микросоциологической перспективе анализ практик во всех сферах жизненного мира от работы до заботы о здоровье сводятся к освоению цифровых устройств и сервисов и к оценке уровня компетенций и степени эмоциональной вовлеченности при использовании цифровых технологий [7–9].

Социологические исследования цифровизации сейчас – это зависимый дискурс. Менеджеральный дискурс цифровизации, возникший в 1990-х гг. [10], подхвачен российскими социологами в последние годы вслед за спичрайтерами высших госчиновников, и поэтому бюрократические манифесты вроде программы «Цифровая экономика Российской Федерации» служат базовыми референтами для исследователей наряду с западными академическими источниками [11]. Дискурс цифровизации сейчас

является запоздалым дискурсом. Данные регулярно проводимых массовых опросов и статистических обследований свидетельствуют о рутинном характере использования цифровых технологий большинством населения. Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету, превышает 76% [12], доля взрослого населения, ежедневно пользующегося интернетом, достигает 75% [13]. Процессы, представляемые в дискурсе цифровизации как новые и трансформационные, уже с конца прошлого века изучаются социологами под другими названиями: информатизация, компьютеризация, виртуализация [14; 15]. Таким образом, актуальной задачей для социологов является изучение цифровизации не как инновационного и трансформационного процесса, а как социальной рутины, как обыденности практик, укорененных в уже сформированных социальных структурах и нормативных порядках.

Подход к цифровизации как к изменениям и инновациям нужно подвергнуть критической деконструкции, поскольку инновационными и трансформационными процессы цифровизации предстают только в не критически воспринимаемом дискурсе политиков, управленцев и разработчиков цифровых сервисов. Поборники цифровизации не создают новые социальные практики, а следуют за уже возникшими, внедряют инструменты, которые масштабируют уже существующие практики и переводят их на подконтрольные государству и крупным корпорациям платформы. Дискурс цифровизации отражает не социальные инновации, а менеджериально-бюрократическую апроприацию (от англ. appropriation – присвоение) рутинных практик виртуализации социальных процессов.

В ряду других в качестве наиважнейшего показателя процессов цифровизации уже традиционно берется распространенность и интенсивность практик использования интернета. Интернет-коммуникации пользователей представляют собой активные и в большинстве случаев отрефлектированные практики. Существуют также и фоновые, менее отрефлектированные практики использования цифровых технологий: общение по мобильным телефонам, оплата товаров и услуг банковскими картами, использование банкоматов, платежных терминалов, турникетов в транспорте и общественных пространствах, считывание QR-кодов и т. д. Такого рода практики также приводят к генерации цифровых данных, циркулирующих через компьютерные сети. Однако именно интенциональное обращение к интернет-сайтам чаще всего ассоциируется с процессами цифровизации, находится в фокусе внимания как пользователей в их повседневной жизни, так и ученых в их исследованиях социальных эффектов распространения цифровых технологий. Поэтому в представляемом здесь исследовании рутинной цифровизации в качестве эмпирических индикаторов были взяты активность и креативность в социальных сетях, функционирующих на интернет-платформах. Эти показатели социальной рутинности использования цифровых технологий прошли апробацию в эмпирическом исследовании в двух российских мегаполисах в 2020 и 2022 гг.

Исследование было проведено в Москве и Санкт-Петербурге. Методом сбора данных был телефонный опрос. Формализованные интервью проводились с использованием технологии CATI на оборудовании ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования» (проекты № 106-16435 и № 106-27799). Опрос проводился по квотным выборкам. Квотирование осуществлено по полу и возрасту. Объем выборок составил 356 (в опросе 2020 г.) и 600 (2022) человек в Москве, 420 (2020) и 600 (2022) в Санкт-Петербурге. Ошибка для каждой выборки не превышает 5% с вероятностью 95%. В данной статье анализируются те результаты опросов, которые позволяют оценить степень включенности жителей мегаполисов в интернет-коммуникации.

Данные проведенного исследования показывают, что использование интернета стало социальной рутиной в крупнейших городах, где для абсолютного большинства жителей включенность в новые сетевые структуры является показателем наполненности жизни, поскольку интенсивные обмены в коммуникационных сетях открывают доступ к

новым социальным и культурным ресурсам, которых нет в непосредственном окружении индивида, увеличивают его (или ее) социальный капитал за счет многочисленных «слабых связей» и насыщают жизнь социокультурным опытом получения и создания символических продуктов.

В российских мегаполисах отчетливо выделяются две основные категории по отношению к использованию интернета – абсолютно доминирующая группа оценивающих свое использование интернета как ежедневное, чья доля выросла за последние два года и сейчас превышает 90% и альтернативная группа заявляющих о неиспользовании интернета вообще, чья численность на порядок меньше и по последним данным колеблется на уровне статистической погрешности (Табл. 1). Данные исследования показывают также, что ежедневное использование интернета стало рутинным и для подавляющего большинства представителей низкодоходных групп населения, что требует пересмотра понятия «цифрового разрыва».

Таблица 1. Распределение ответов респондентов в Москве и Санкт-Петербурге на вопрос о частоте использования интернета, %

	Москва		Санкт-Петербург	
	2020	2022	2020	2022
Пользуются ежедневно	87,2	92,7	83,7	94,8
Практически / совсем не пользуются	7,1	3,2	9,7	1,7
Пользуются ежедневно в нижней потребительской страте	70,3	75,9	67,6	84,3
Практически / совсем не пользуются в нижней потребительской страте	23,6	13,8	23,9	5,9

При сравнении полученных данных с данными об использовании интернета в среднем по России, которые регулярно представляет Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), можно заметить, что показатели ежедневного использования интернета по каждому из мегаполисов уже в прошлом году были существенно выше текущих общероссийских показателей, даже с учетом роста доли постоянных пользователей за последние полтора-два года в ситуации ограничительных мер, оправдываемых противодействием распространению коронавирусной инфекции. По данным ВЦИОМ доля пользующихся интернетом практически ежедневно составила к сентябрю 2022 года 75%, а доля совсем не пользующихся интернетом – 15% [13].

Отличие данных об уровне включенности в интернет-коммуникации населения Москвы и Санкт-Петербурга от средних по России указывает на безусловное лидерство суперурбанизированных центров постиндустриального развития в процессах виртуализации социальных отношений. В мегаполисах, где постоянные и всепроникающие интернет-коммуникации практикуются как часть ежедневной социальной рутины и востребованы абсолютным большинством населения и где для их развития имеются инфраструктурные возможности, вполне релевантными выглядят заявляемые российскими чиновниками проекты тотальной цифровизации процессов производства, предоставления услуг, обучения, документооборота и т. д. Однако в менее урбанизированных и менее экономически развитых регионах, где поворот от глобализации к постглобализации происходит на гораздо более низком уровне развития инфраструктуры, доля постоянно включенных в интернет-коммуникации жителей лишь немного превышает половину взрослого населения, цифровизация предстает как форма принудительной виртуализации социальных институтов и процессов, создающая предпосылки для новых форм дискриминации, зависимости от доминирующих групп и социального исключения для тех, кто не имеет возможности или не осознает необходимость быть активным участником интернет-коммуникаций.

1. Смирнов А. В. *Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность* // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 1. С. 129–153.
2. Грошев И. В., Краснослободский А. А. *Цифровизация и креативность российских регионов* // *Социологические исследования*. 2020. № 5. С. 66-78.
3. Добринская Д. Е. *Что такое цифровое общество?* // *Социология науки и технологии*. 2021. Том 12. № 2. С. 112-129.
4. Эфендиев А. Г., Гоголева А. С., Балабанова Е. С. *О влиянии компьютеризации на социальные аспекты трудовой деятельности специалистов* // *Социологические исследования*. 2020. № 9. С. 114-121.
5. Левашов В. К., Гребняк О. В. *Цифровая культура российского общества и государства* // *Социологические исследования*. 2020. № 5. С. 79-89.
6. Ларина Е. Д. *Предпосылки и социальные последствия цифровизации системы образования в России и Китае* // *Вестник СПбГУ. Социология*. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 102-112.
7. Давыдов С. Г. *Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19* // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2. С. 403–422.
8. Давыдова А. М., Солянова М. А., Соренсен К. *Дисциплинарные практики цифрового селф-трекинга: между эмансипацией и контролем* // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 1. С. 217–240.
9. Глухова М. Е. *Роль цифровых технологий в преодолении депрессии: кейс студентов Санкт-Петербурга* // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2021. Том 24. № 2. С. 31–55.
10. Tapscott D. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York: McGraw-Hill, 1995. 342 p.
11. Selwyn N. *What is Digital Sociology?* Cambridge, UK: Polity Press, 2019. 134 p.
12. *Информационное общество в Российской Федерации 2020: статистический сборник [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»*. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. 268 с.
13. ВЦИОМ. *Пользование интернетом*. 2022. URL: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения 01.10.2022).
14. Castells M. *The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture: Vol. I*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. 594 p.
15. Иванов Д. В. *Виртуализация общества*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 96 с.

СОСТОЯНИЕ МЫСЛИ О ВРЕМЕНИ. НА УХОД БРУНО ЛАТУРА

Иоффе Гавриил Анатольевич

(Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена)

Бруно Латур (1947-2022) – выдающийся автор, мимо мысли которого нельзя пройти, потому что она – очередной шаг на извилистом, а порой и трагическом, пути истории мысли. Онтология Латура двойственна в отношении времени. Тут будто бы само существо реальности сопротивляется изящной попытке философа ее обуздать. Само это обуздание, хватающее движение – замаскировано, оно будто и не хочет удерживать, но хочет приклеиться и всегда быть здесь, с реальностью. Это слияние похоже на гегелевское преодоление субъективизма, но совсем иное, инструментальное, непритязательное. А потому более опасное.

Открывающаяся в эпистемологии Латура свобода записи всего мыслимого создает онтологическую равнозначность всех вещей. Вот мысль из «Пересборки социального» [1]: если кто-то говорит, что Бог внушил ему то или иное намерение, то запишите и Бога в цепочку связей. Латур выступает против предварительного методологического различения. Но за этим кроется онтологическое высказывание. Мы не должны думать о том, что есть до записи. Все должно попасть в запись. Может показаться, что это – лишь

вариация теоремы Томаса. Действительно, последняя задолго до Латура выразила онтологические амбиции социологии, но скорее неосознанно. Это был шаг в направлении неминуемого сближения наукообразной философии и социологии. Еще Дюркгейм предложил вариант социальной эпистемологии в «Элементарных формах религиозной жизни». В самой философии теория языковых игр Витгенштейна изнутри связала проблему истины с обществом. Латур создает уже социальную онтологию. Если формулировка Томаса была еще чисто социологической и подразумевала «понимание реального» у респондента, то Латур говорит совсем о другом: есть не «для кого-то», а суть есть. А это невиданная для науки степень свободы. Культурная война «научного» (наукообразного) мира и мира «ненаучного» породила фундаментальную ошибку естественного языка повседневности: представление о том, что наука отвечает на вопросы онтологии, прежде всего вопрос «что есть?». Латур отказывается от этого представления просто снимая сам вопрос. Но при этом, будучи противником Канта, повторяет движение его мысли. Соединяя науку и философию в единую сферу ответов на вопрос «что происходит?», Латур адресует ограничения, поставленные Кантом для мысли, – науке: она просто описывает связи между вещами, не утверждая, есть ли та или иная вещь и что она есть. Все, что претендует на существование должно попадать в поле зрения науки. Не для того, чтобы впоследствии выяснить онтологический статус. А для того, чтобы выстроить цепочку связей между вещами и представить ее в публичной сфере. Но субъективизм Канта здесь только переносится на шаг дальше, делегируется абстрактному обществу. Латур скорее повторяет его на новом витке, предполагая, что сущность и онтологический статус вещей будут определены в ходе публичного обсуждения. Это и есть новая социальная онтология. Так, эффектно и обнадеживающе, впуская все разнообразие сущего в кабинет ученого, или наоборот, выпуская ученого на простор реальности, Латур делает обратное. Он говорит самой этой реальности молчать. Не Бог вершит судьбы мира, но наоборот. Истина есть, но она – так же непостижима, потому что ее выражение – дело будущего решения публичной сферы. Таким образом, кстати, осуществляется проект социологии как науки наук О. Конта. Такой онтологический шаг опасен тем, что реальность здесь не объективируется ученым, не захватывается им, как того опасался Хайдеггер. Дело здесь в том, что ученый к этому миру становится равнодушен, он исчезает из мира, он отдает мир на съедение миру же. По Латуру, ученый становится по сути записывающим устройством с последующей функцией передачи записи.

Казалось бы, по Канту же, здесь все верно: запись связей и никакой метафизики. Но в том то и гениальность Канта, что пройти мимо его сетей может только религиозная философия, переводящая проблему познания в надежду на откровение истины Кем-то другим. Но Латур пытается идти старым путем, и попадает в область трех проблем. Первая – равенство «записанных» вещей здесь является скрытой онтологической позицией, которая тем самым навязывается публичной сфере. Вторая – авторитет науки, который уже есть на момент появления эпистемологии Латура, и является причиной этого навязывания. Третья – сам ученый, который должен эту позицию «изъятия» навязать себе, а это уже этический выбор.

Вторая пара приближает нас к затронутой теме времени – описана Латуром в книге «Нового времени не было» [2] – обособление реальностей и одновременное порождение гибридов. Мысль Латура состояла в том, что с определенного исторического периода мысль стала отделять природу от культуры, а действие человека, напротив, стало активно их смешивать, производя новые вещи. Для Латура, и это он выразил в том числе в эссе «Куда приземлиться» [3], такое положение вещей стало проблемой. Мысль теперь стала обязанной «догнать» действие и соединить культуру с природой. Поэтому для него так важно было включить в исследование «не-человеков». Но здесь же Латур выразил и скрытую двойственность своей собственной программы. Он что-то соединил, но при этом что-то и разделил. Что же? Латур вывел всё на одну плоскость, он уравнивал вещи, тем самым оказав огромную услугу многим из них. Но он умалил при этом другие вещи. Так

всегда происходит с проблемой неравенства и известными способами ее решения. А умаление здесь имеет значение не для самих умаленных вещей, а для всего остального мира, потому что, как опять же лучше многих других знал Б. Латур, все вещи связаны. Эпистемологическое равенство у Латура неизбежно привело к равенству онтологическому. А это есть то, от чего он сам всячески хотел уйти, убрав позицию ученого и оставив людям свободу решений.

Отсюда мысль о глобальном сегодня должна быть заострена на вопросе связи выравнивания с сущностным значением иерархического порядка вещей. Как Бог может быть равен моллюску, если только Бога уже нет, а богом названа природа или жизнь? Как властвующий может быть равен подвластному, если только власть переходит к кому-то третьему, кого мы не видим? И с другой стороны, как могут быть равны религии, культуры, народы, если для каждой религии есть своё священное, для каждой культуры своя красота, для каждого народа своя правда? Как могут быть равны мужчина и женщина, если это разные сущности? Мы сегодня должны проблематизировать невротизированную опытом XX века философию всеобщего равенства, которая только скрывает проблему разного, не решая ее, а напротив усугубляя. Ведь разное рано или поздно вырвется на свободу с утроенной силой.

1. Латур Б. *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию.* - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. - 384 с.
2. Латур Б. *Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии.* - СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. - 240 с.
3. Латур Б. *Где приземлиться? Опыт политической ориентации.* - СПб.: Из-во Европейского у-та в Санкт-Петербурге, 2019. - 202 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Кареев Дмитрий Валериевич

(ФГБОУ Ивановский государственный университет)

Еще в 2004 году В. Б. Кувалдин справедливо отмечал, что «новый мировой порядок, возникший после холодной войны, никем не установлен и не освящен. Не случайно, его нередко называют «новым мировым беспорядком». В отличие от прошлого, сейчас нет каких-то общепринятых правил игры на международной сцене. Одновременно действуют различные установки, в значительной степени противоречащие друг другу. Это создает опасную ситуацию неопределенности, двусмысленности, конфликтующих подходов» [3, 72]. Поэтому одним из факторов, по-прежнему нарушающим стабильность государств, является борьба за сферы влияния, за ресурсы и т.д. В связи с процессами глобализации, даже локальные конфликты имеют тенденцию к расширению и постепенному превращению в конфликты региональные, и даже мировые, что необходимо предотвращать. Также при изучении конфликтов, нужно учитывать, что их характер в современном мире изменился, следовательно, для их урегулирования необходимо понимать их сущность и не забывать о том, что конфликты являются неотъемлемой частью общественной жизни.

Но что такое межгосударственные конфликты? В целом, конфликт/противостояние/оппозиция/столкновение индексно-противоположных целей, интересов, мотивов, позиций, мнений, замыслов, критериев или же концепций субъектов оппонентов в процессе общения коммуникации [1, 15]. Конфликтологи, политологи, работающие в области международных отношений отмечают, что «понятие «конфликт» употребляется применительно к ситуациям, в которых одни группы людей (племенная, этническая, лингвистическая или какая-либо другая) находится в сознательном противостоянии к другой группе (или другим группам), поскольку все эти группы преследуют несовместимые цели». Соответственно и понятие «международный

конфликт» выводится или из социального взаимодействия, развертывающегося в конкретно-исторических условиях или из психологического состояния в группах. Двигаясь в этом направлении, ученые пытаются сопоставить и по возможности объединить некоторые из наиболее удачных определений. Важно подчеркнуть, что понятию «национальные интересы» при этом отводится центральное место.

Термин «национальные интересы» часто понимается двояко. В первом значении национальные интересы ассоциируются с вопросами внешней политики, поскольку представляют образ нации (или национального государства), которая должна защищать свои интересы на международной арене. Иногда понятие национальных интересов связывают с внутривнутриполитическими задачами — в этом случае используют иные подходы к трактовке данного термина. Во втором значении национальные интересы выступают как способ анализа внешней политики — такой подход характерен, например, для школы политического реализма, и в частности для Г. Моргантау. В этом случае понятие «национальных интересов» соотносится с внешнеполитическим вариантом «общественных интересов», поскольку обозначает наиболее адекватную для той или иной нации систему взаимоотношений с другими государствами. Термин «национальные интересы» также указывает на факторы, ограничивающие возможности того или иного государства.

Противоречия интересов разных стран становятся причиной серьезных конфликтов, но в международных отношениях они чаще вызваны неадекватно сформулированными и превратно воспринятыми национальными интересами или принятыми мерами национальной безопасности. Так или иначе, основным побудительным мотивом внешнеполитической активности является национальный или государственный интерес. С другой стороны, собственно концепция национального интереса всегда базируется на ценностных нормах и конкретном идеологическом содержании [4, 63]. Наиболее болезненны и эмоционально насыщены конфликты, возникающие в результате ущемления ценности этноса. Ценностные конфликты могут иметь место в любой сфере жизнедеятельности общества.

Также одной из наиболее важных причин является территориальные притязания. Они могут быть вызваны различными событиями, такие как: произвольное и несогласованное изменение границ, затрагивающее интересы людей и общностей, возвращение депортированного народа с желанием присвоения территории, которую они населяли исторически, а также первоначальная нечеткость границ, дающая возможность трактовать определенную местность в интересах любой из противоборствующих сторон.

Современные конфликты стали одним из ведущих факторов нестабильности на планете. Будучи практически не управляемыми, они показывают тенденцию к разрастанию, подключению все большего числа участников, что создает серьезную угрозу не только тем, кто непосредственно вовлечен в конфликт, но и всем живущим на Земле. В современном интеграционном мире эта угроза значительно возрастает, если принимать во внимание и то, что даже в случае незначительных региональных конфликтов вспыхивают крупные конфликтогенные ситуации.

По той причине, что современные конфликты являются прямой угрозой всему живому, а кризисные отношения между государствами до сих пор имеют место быть, возникли новые формы войн. На данный момент международные конфликты могут носить скрытый характер, и средства, применяемые государствами для достижения своих целей, могут носить иной характер, чем раньше.

Современная война имеет свои особенности, которые следует учитывать при планировании обороны. Её характерными чертами являются глобальность, тотальность, сетевой характер и широкое использование невооружённых средств [2, 53]. Современная война втягивает в себя всю нацию, делая каждого в какой-то степени солдатом – в военное или мирное время. Отныне цель войны – полная аннигиляция политической власти, а заодно и государственности противника.

Объектами нападения в войне в физическом пространстве оказываются оборонный потенциал атакуемого, его вооружённые силы, его экономический и демографический потенциал, которые подвергаются всякого рода разрушающим воздействиям со стороны противника, использующего в этих целях как вооружённые, так и невооружённые средства. Причём непрямая агрессия оказывается более эффективной, чем прямая.

Объектами нападения в войне в ментальном пространстве становятся сознание политической элиты, массовое сознание народа, их психологическое состояние, средства массовой информации.

В заключении стоит отметить, что в настоящее время нельзя утверждать, что конфликты исчезли из мировых отношений. Политическая практика взаимодействия на мировой арене в первое десятилетие XXI в. убеждает в ошибочности представлений об исчезновении конфликтов как явления, присущего международным отношениям, или хотя бы уменьшении их интенсивности и значимости. Они не только существуют, но и по-прежнему являются той «фокальной точкой» мировой политической системы, в которой сходятся и ярко обнаруживаются характерные для нее тенденции и противоречия [5, 39].

Говоря о современных методах ведения войн, а также о происхождении этих методов, можно говорить лишь о том, что конфликты в современных международных отношениях решаются более скрытым путем, часто неясным для оппонента. В настоящий момент мы живем в век информации, и именно информация представляет собой главное оружие, которое способно разрушать не только государство, но и самосознание его граждан.

1. Дружинин В. В., Конторов А. С., Конторов М. Д. Введение в теорию конфликта. М., 2002 г. С. 15.
2. Корабельников А. А., Соловьёв А. А. Сущность и содержание современной войны // Национальные приоритеты России. 2016. №1 (19). С. 53.
3. Кувалдин В.Б. Глобализация и новый мировой порядок / Современные международные отношения и мировая политика. Отв. ред. Торкунов А.В. М., 2004. С. 72.
4. Трухачёв В. В. Национальные интересы: теоретический дискурс проблемы // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2010. №1. С. 63.
5. Фельдман Дмитрий Михайлович Международный конфликт и будущее системы международных отношений // Власть. 2010. №11. С. 39.

РЕЗОНАНС И СОЦИОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЯ К МИРУ КАК ОТВЕТ НА УСКОРЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА

*Катаев Дмитрий Валентинович
(ФГБОУ ВО ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского)*

Известный немецкий социолог, председатель коллегии Макса Вебера в Эрфурте, автор концепции ускорения и резонанса Хартмут Роза разработал оригинальную версию «Социологии отношения к миру», или, как он ее также называет, «Социология резонанса» или «Новая критическая теория». В своих публичных выступлениях с критикой условий жизни, ускорения, «глухого мира», кризисов современности (демократии, экологии, психологии), а также в многочисленных статьях и монографиях он постоянно обращается к проблемам расширения и ускорения и ответу на эти проблемы - резонансу.

Социология (социологическая теория), в понимании Розы, это теоретическая реакция (рефлексия) на процессы социальных изменений, которые происходят в обществе. Социальная теория призвана ответить на три вопроса: об основаниях социального порядка, социологическом описании и объяснении модерна, то, что Роза называет (синтезом); о причинах, принципах и закономерностях социальных изменений

(динамика); о границах и возможностях влияния социального действия на процессы социальных изменений (праксис) [15, 17]. Однако эти процессы сопровождаются отчуждением, аномией, одиночеством, рессентиментом, девиациями. Поэтому социологическая рефлексия должна включать в себя диагноз патологий.

Х.Роза следует этой концептуальной рамке при разработке своих теоретических построений. Это относится к ранним работам, посвященных критике модерна, таким как «Ускорение: изменение структур времени в модерне» [8], как и в многочисленных статьях, которые в большей мере направлены на социологический анализ описания и объяснения модерна, закономерностях социальных изменений, т.е. в терминологии Розы на синтез и динамику и в определенной степени на диагноз. Поздний модерн, в отличие от раннего и зрелого модерна характеризуется процессами расширения и ускорения, вызванных конкуренцией, которые, по его мнению, предотвращают и ограничивают возможности счастливой или удавшейся жизни.

Ни позитивистская, ресурсно-ориентированная социология (ТРВ), ни классическая критическая теория не дают ответов на ключевые вопросы о счастливой, удавшейся жизни в условиях кризисов современности (экологического, психологического и политического). Поэтому, начиная с 2012 г. Роза стремится сказать больше о «систематической социологии отношения к миру»: «Цель, соответственно, сказать больше систематического и субстанциального об удавшейся (полноценной) жизни, не теряя почвы эмпирически обоснованной социальной науки, без дрейфа в сторону спекуляций, чистой философии, эзотерики или религии» [11, 19]. Его не устраивает просто описание и выявление закономерностей, установление причин социальных изменений таких как расширение, ускорение, конкуренция, выявление патологий или нарушенного отношения к миру. Именно здесь он вводит понятие резонанса и социологии отношения к миру, как ответ на процессы ускорения.

Исследование предметного поля жизни (ее качества и полноценности) становится возможным через отношение к миру (*Weltbeziehung*), которое определяется двумя модусами: опытом мира (*Welterfahrung*) и освоением мира (*Weltaneignung*). Таким образом социология отношения к миру операционализирует вопрос об удавшейся (полноценной) и неудавшейся (неполноценной) жизни, как вопрос об удавшемся и неудавшемся отношении к миру.

Социология отношения к миру представляется критикой исторически реализованных отношений резонанса и таким образом становится модифицированной и обновленной формой критической теории. Поэтому «концепция резонанса может преодолеть традиционное противостояние теорий и философий, основанных на идее идентичности, с концепциями, опирающимися на идею различия. Резонанс требует не идентичности, а преобразующего переживания различия» [11, 313].

Итак, «Новая классическая теория» («Социология отношения к миру», «Социология резонанса», «Социология благой жизни») в отличие от классических, рациональных и критических теорий охватывает телесность, чувственные переживания, романтику и материальность. Современный социологический мейнстрим ориентирован на количественную методологию и представление репрезентативных результатов опросов населения, с акцентом на точные измерения и оптимизацию в целях исследования социальных отношений, но не на ответном отношении субъекта и мира. Такая постановка проблемы ведет Розу к комбинации различных теоретических традиций: марксизма и веберовской социологии, франкфуртской критической теории и функционализма, феноменологии и теологии. Мульти- и междисциплинарный подход обуславливает дистанцирование от культурного пессимизма и социально-политическое и теоретическое требование изменения мира через попытку актуализации критической теории.

Такой теоретический подход был подвергнут критике со стороны социологов (как представителей позитивизма, так и критической теории), философов. В качестве основных направлений критики выступают: избыточность понятия резонанса, которое

одновременно является дескриптивным и нормативным, охватывает все сферы социальных отношений и становится политико-этическим требованием [3, 582; 5; 18, 54; 21, 291]; бесконфликтность и недостаточная критическая перспектива, мессианский характер теории резонанса, обещание спасения после бесконфликтного единства, исключает из критической теории капитализм, эксплуатацию, неравенство, господство, идеология [6]; «Нормативный монизм»: теория резонанса должна стать «метакритерием успешной жизни», таким образом она претендует на полную гегемонию. Модель резонанса все же не соответствует обилию вариантов повседневного опыта, считает Хартман [5] и не соответствует практическому опыту; взаимосвязь теоретических конструкций и эмпирического обоснования: кроме биографий, обращения к литературе и поэзии Х. Розе практически нечего привести в качестве эмпирического обоснования или исследовательской программы. Как критики, так и последователи теории резонанса сходятся во мнении, что новая критическая теория Х.Розы нуждается в большей детальной проработке исследовательской программы, конкретизации понятия резонанса и включения в нарратив такие феномены, как власть, капитализм, неравенство [3;18]. Чтобы избежать критики в «мессианстве», оценки социологии резонанса как «политико-этической программы» сформулированной на «языке романтизма», отсутствия эмпирической базы (за исключением биографий и литературных текстов), отсутствия четких контуров исследовательской программы и др., Роза стремится создать теоретический фундамент «социологии отношения к миру»/ «социологии резонанса», доказать «резонанс и отчуждение являются в принципе вполне операционализируемыми понятиями», а также «теоретическим инструментом критической социологии» [11, 752].

Роза, как и его реципиенты концептуализируют ключевые понятия в поле философии религии и теологии [17; 13; 21; 1], и эмпирически проверяет ее в области социальной педагогики и социальной работы. В этом же направлении проводятся исследования его реципиентами [19; 4]. Примечательно, в данной связи, что Роза не отходит от методологической позиции «креативного конструктивизма» и феноменологической трактовки резонанса и отчуждения, включающие анализ (литературных) текстов, автобиографическое повествование, кейс-стади. Тем не менее ряд существенных изменений в ходе корректировки концепции происходят. Во-первых, Роза переходит от негативной коннотации отчуждения, как противопоставления резонансу, к диалектической трактовке взаимосвязи. Ван ден Екер рассматривает социологию резонанса, как продолжение и развитие гегелевской диалектики [2]. Во-вторых, йенский профессор уточняет понятия резонанса через оси резонанса, которые в отличие от самого метеорического толкования, становятся предметом теоретического осмысления и эмпирической верификации: Висенгер в СМИ [20], Винберг в социальной педагогике и социологии образования [19], Гросс на примере социальной работы [4]. В-третьих, в своих поздних работах Роза развивает идею диалектического, но не дуалистического понимания резонанса и отчуждения. Недоступность, неподконтрольность резонанса становится главной темой в теологических и социально-философских выступлениях и монографиях (как последовательный ученик Ч. Тейлора [17] и единомышленник Реквитца [7]). Несмотря на значительные улучшения теории и ее эвристических возможностей, многие аспекты концепции резонанса и критики расширения и ускорения так остались так и не проясненными.

Итак, резонанс – ключевое понятие социологии Х.Розы: «Резонанс, как и отчуждение, являются «основными категориальными понятиями систематической социологии отношения к миру» [11, 281], при этом цель образования этого понятия является двоякой. С одной стороны, резонанс это решение проблем ускорения, кризисов современности, преодоление отчуждения в «немом», «безмолвном» и «глухом» мире. В этом отношении концепция резонанса выступает как мета-критерий успешной, и счастливой жизни, преодолевая редукционизм ресурсно-ориентированных подходов и претендует на полную гегемонию: «Критика отношений резонанса не нуждается в

дополнении отношениями признания, распределения, взаимопонимания, производственными и т.д., поскольку она уже их интегрировала» [11, 749]. С другой, - это рациональная, научная категория, которая раскрывает свой потенциал при анализе отношения миру. Для этого он выделяет идеально- типовые характеристики резонанса и выстраивает три оси резонанса трем направлениям— социальному, материальному и экзистенциальному [1] или горизонтальные, диагональные и вертикальные резонансные оси, от стабильности которых зависит полноценная (счастливая) жизнь.

Если обобщить фрагментарные исследования резонанса, то идеальный тип может выглядеть следующим образом: преобразование (*Anverwandlung*), трансформация, а не присвоение или приспособление: «вспышкой надежды на трансформацию и реакцию в безмолвном мире» [11, 750]; музыкальная метафора, камертоны, вибрации, прикосновения, с ответной реакцией; универсальное, всеохватывающее понятие, так как резонанс может возникнуть с любым объектом; эмоциональное воздействие, когда затрагиваются «значимые оценки», модус отношения «тройное созвучие тела, души и мира» [11]; имманентная непредсказуемость и неподконтрольность; транскультурный феномен и результат конкретной социокультурной ситуации; ответное отношение, реакция; «идея вибрирующего провода»; обнаруживает качество социальных связей и отношений; эвристический потенциал для исследования понимания и отношения к миру; как рациональная (научная) концепция описывает связь между субъектом и объектом или телом. В дальнейшем он эмпирически и аналитически подробно определяет отношение к миру [11] через резонансные сферы и резонансные оси [11, 331–516] Он различает: «горизонтальное измерение» (межчеловеческое пространство) с резонансными сферами семьи, дружбы и политики, «диагональное» измерение, которое включает отношение к вещам в таких областях, как работа, школа, спорт или потребление, «вертикальное измерение» [11, 331], куда относятся всеобъемлющие идеи или жизнь в соответствии с измерениями религии, природы, искусства и истории. В дальнейшем Х. Роза предпочитает говорить о социальных, материальных и экзистенциальных «осях резонанса» [1]. Роза считает приоритетными экзистенциальные «оси резонанса», поскольку «люди ищут и находят их» потому, что эти «оси соотносят и связывают их с жизнью, бытием, или вселенной как таковой».

Итак, единственное в чем нуждается человек для счастливой жизни это стабильные и надежные оси резонанса по всем трем направлениям — социальному, материальному и экзистенциальному [1].

Поздний модерн, в понимании и Розы, с одной стороны повышает потенциалы резонанса, самоэффективность субъектов, определяет современность, как «увеличение резонансной чувствительности» [11, 624], с другой, - — именно (поздние) современные условия ускоренного общества ограничивают и предотвращают резонанс и история модерна представляет собой «историю катастрофы резонанса» или рост потенциалов отчуждения [11, 517-632]. Причинами катастрофы резонанса выступают процессы ускорения, соответственно модернизации и динамизации материальных, социальных и духовных отношений. В условиях конкуренции у субъектов не остается времени на стабильные резонансные отношения, их замещают инструментальные отношения, которые являются более значимыми для самоутверждения акторов. Депрессия, выгорание, рессентимент являются следствием «безмолвия мира», результатом «расколдовывания» и отчуждения. Поэтому Роза заявляет: «Резонанс остается обещанием современности, но отчуждение является его реальностью» [11, 624]. Отчуждение «обозначает специфическую форму отношения к миру, в которой субъект и мир противостоят друг другу индифферентно или враждебно и внутренне бессвязно », это состояние, «в котором преобразование мира не происходит», «мир становится холодным, отсутствующим, жестким, безответным» [11, 316].

Роза в определенной мере становится заложником своей теоретико-методологической рамки, которую он предложил в рамках работы «Социологические

теории» - синтез, динамика, прaxis. Ищет решение в резонансе, которое становится больше теологическим и социально-философским. Тем не менее уход от дуалистического толкования взаимосвязи резонанса и отчуждения, конкретизация резонансных осей раскрывают эвристические возможности как в теоретической социологии (в том числе и в рамках актуализации классика Вебера и не только), так и программой качественного исследования, пусть пока реализованной в поле исследования СМИ, социальной педагогики и социальной работы.

1. Роза Х. (2018). *Идея резонанса как социологическая концепция // Глобальный диалог. Т. 8. № 2. С. 41–44.*
2. Van den Ecker M. *Zur Dialektik von Resonanz und Entfremdung – Hegels dialektische Methode in Hartmut Rosas Resonanztheorie. Jena, 2019.*
3. Esser H. (2019). *Situationslogik: Analytisch-empirische Soziologie und die Erklärung von sozialer Ungleichheit, gesellschaftlicher Dynamik und historischen Umbrüchen // Dörre K., Rosa H., Becker K., Bose S., Seyd B. (Hrsg.). Große Transformation? Zur Zukunft moderner Gesellschaften: Sonderband des Berliner Journals für Soziologie. Wiesbaden: Springer VS. S. 567–585.*
4. Groß M. *Spiritualität der Sozialen Arbeit. Resonanz bei Hartmut Rosa und Sein bei Meister Eckhart als Verbundensein mit dem Anderen. Baden-Baden: Nomos, 2022.*
5. Hartmann M. (2016). *Im Resonanzhafen bekommt die Welt ein anderes Gesicht. Rezension zu Hartmut Rosas Buch Resonanz. Eine Soziologie der Weltbeziehung // Frankfurter Allgemeiner Zeitung. 05.04.2016. URL: https://fazarchiv.faz.net/document/FAZ_FD1201604054795937 (дата доступа: 02.04.2020).*
6. Meißner H. (2017). *Ein anderes Subjekt ist möglich. Kritische Soziologie und der Blick an den Grenzen // Peters Ch., Schulz P. (Hrsg.). Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion. Bielefeld: transcript. S. 145–158.*
7. Reckwitz A., Rosa H. (2021). *Spätmoderne in der Krise : was leistet die Gesellschaftstheorie? Berlin: Suhrkamp.*
8. Rosa H. (2005). *Beschleunigung: Die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne. Frankfurt/M: Suhrkamp.*
9. Rosa H. (2012). *Weltbeziehungen im Zeitalter der Beschleunigung: Umriss einer neuen Gesellschaftskritik. Berlin: Suhrkamp.*
10. Rosa H. (2013). *Beschleunigung und Entfremdung: Entwurf einer kritischen Theorie spätmoderner Zeitlichkeit. Frankfurt/Main: Suhrkamp.*
11. Rosa H. (2020). *Resonanz: eine Soziologie der Weltbeziehung. 3. Aufl. Berlin: Suhrkamp.*
12. Rosa H. *Unverfügbarkeit. Salzburg ; Wien : Residenz Verlag, 2021.*
13. Rosa H. (2022) *Demokratie braucht Religion. München: Kösel.*
14. Rosa H., Endres W. (2016) *Resonanzpädagogik: Wenn es im Klassenzimmer knistert. Weinheim/Basel: Beltz.*
15. Rosa H., Strecker D., Kottman A. (2018). *Soziologische Theorien. 3. Aufl. Konstanz: UVK.*
16. Schlette M., Hollstein B., Jung M., Knöbl W. (2022). *Idealbildung, Sakralisierung, Religion. Beiträge zu Hans Joas Beiträge zu Hans Joas' 'Die Macht des Heiligen' (Reihe: Soziologie/Soziologische Theorien). Frankfurt/ New York: Campus Verlag, 2022*
17. Taylor C. (2017). *Resonance and the Romantic Era: A Comment on Rosa's Conception of the Good Life // Rosa H., Henning Ch. (eds.). The Good Life Beyond Growth. New Perspectives. L.: Routledge. P. 55–70.*
18. Wetzel D. (2017). *Resonanz in der Soziologie: Positionen, Kritik und Forschungsdesiderata // Breyer T., Buchholz M. (Hrsg.). Resonanz — Rhythmus — Synchronisierung. Bielefeld: transcript. S. 47–64.*
19. Wienberg J., Buddeberg J. (2020) *Resonanzstrategien im Umgang mit Beschleunigung und Digitalisierung // Jahrbuch Medienpädagogik. № 17. S. 33–58.*
20. Wiesinger M. (2021). *Resonanzeffekte in den Massenmedien am Beispiel Radio und Fernsehen. München GRIN Verlag.*
21. Witte S. (2017). *In Liebe gebor(g)en: Heilsversprechen der Resonanz als Symptom für das Unbehagen in der Kultur Psychoanalytisch-kultur theoretische Anmerkungen zu Hartmut Rosas Soziologie der Weltbeziehungen // Peters Ch., Schulz P. (Hrsg.). Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion. Bielefeld: transcript. S. 291–310.*

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СТРУКТУР В СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ Х. УАЙТА

Ковалёв Даниил Игоревич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В условиях неопределенности социального мира не теряют своей актуальности проблемы процессуальности и динамичности различных явлений и феноменов. Одной из основных задач социологии становится изучение динамики социальных и культурных структур [5, 137].

В настоящее время в социологической теории активно ведутся дебаты между антиэссенциалистскими и субстанционалистскими подходами [4].

М. Эмирбайер (M. Emirbayer) и Ф. Депельто (F. Dépelteau), опираясь на прагматизм Д. Дьюи и А. Бентли, критикуют подходы методологического индивидуализма (теория социального действия М. Вебера, теория рационального выбора) и холизма (структурализм, системная теория). Отвергая различные формы социального детерминизма, они отстаивают реляционно-процессуальный подход. Реляционно-процессуальный подход фокусируется на изучении социальных транзакций (интеракций) как динамичных и непрерывных процессов [3].

Также Э. Эбботт (A. Abbott) формулирует программу “процессуальной социологии”, в рамках которой социальный мир постоянно находится в процессе формирования, пересборки и разрушения [1].

Еще один антиэссенциалистский проект был представлен американским социологом Х. Уайтом (H. White). Уайт критикует структуралистский сетевой анализ за отведение культуре второстепенной роли, и для преодоления данного недостатка была предпринята попытка по концептуализации механизмов дуальности социальных и культурных структур [6].

В своей сетевой теории Уайт, с одной стороны, пытается преодолеть дилемму структуры/культуры, а с другой стороны, фокусируется на том, как в условиях турбулентности происходят изменения социальных и культурных связей.

Для концептуализации динамики структуры и культуры Уайт, опираясь на Н. Лумана, подчеркивает три формы неопределенности социального мира:

1. Культурная неопределенность (ambiguity). Это неясность и двусмысленность культурного содержания социальных связей.

2. Социальная неопределенность (ambage). Это неясность социальных ролей акторов в сети.

3. Контингентность (contingency). Это неясность в отношении устойчивости и долговременности позиции актора в сети. Контингентность может возникать в результате действий как самих акторов, так и под влиянием внешних событий (инфекции, стихийные бедствия) [5, 151].

Несмотря на всю абстрактность концептуальных построений, уайтовская классификация вполне может послужить теоретической рамкой для эмпирических исследований, использующих социо-семантический сетевой анализ. Так, социо-семантический сетевой анализ фокусируется на изучении процессов и в социальных отношениях (связи между акторами), и в семантических отношениях (связи между концептами), и в структурах связи между социальными и семантическими порядками [2]. Поэтому использование идей Х. Уайта в сетевых исследованиях может способствовать укреплению взаимосвязи между теорией и эмпирией.

2. *Dépelteau F. (Ed.). The Palgrave handbook of relational sociology. London: Palgrave Macmillan, 2018.*
3. *Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology // American Journal of Sociology. 1997. Vol. 103. No. 2. P. 281–317.*
4. *White H., Godart F., Thiemann M. Turning Points and the Space of Possibles: A Relational Perspective on the Different Forms of Uncertainty // Applying Relational Sociology / eds. F. Dépelteau, C. Powell. New York: Palgrave Macmillan, 2013. P. 137–154.*
5. *White H. Identity and Control: How Social Formations Emerge. Princeton: Princeton University Press, 2008.*

КРИЗИС ПАРАДИГМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ФОНЕ СПЕЦОПЕРАЦИИ РОССИИ ПО ЗАЩИТЕ РЕСПУБЛИК ДОНБАССА

Костенко Валерий Валерьевич

(ФГКВБОУ ВО «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации»)

Баранов Алексей Александрович

(ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Орловский филиал)

Специальная операция по защите республик Донбасса, начатая Россией 24 февраля 2022 года, открыла не только непосредственное противостояние с нацистской Украиной, поддержанной странами Запада, в первую очередь США, членами ЕС и НАТО, но и запустила механизм углубления кризиса парадигмы глобализации, продвигавшейся объединенным Западом последние 35-40 лет. До этих событий, развитие российской политической, социальной, экономической систем характеризовалось в первую очередь всепроникающим влиянием глобализации и тотальной взаимозависимостью ведущих мировых субъектов и основных социальных явлений [1]. Это основывалось на разносторонней мировой экспансии, которую отдельные страны Запада (или объединения стран) осуществляли в политике (использование международных институтов для продвижения своих интересов), экономике (международное разделение труда, монополизация международной торговли и финансовых услуг), информационной составляющей (контроль над социальными сетями, СМИ и коммуникационными системами), в науке, культуре и спорте (утечка перспективных специалистов в различных областях, контроль над массовой культурой и международными спортивными функционерами), имевшей основной целью полную конвергенцию всех мировых цивилизационных систем, естественно под контролем стран Запада [2. С. 264- 66]. Для России это означало, что страны Запада, считающие, что они более «цивилизованы» в социально-политической, экономической, научно-технической, оборонной сферах, проявляли свою вовлеченность в события, происходящие в нашей стране и на пространстве бывшего СССР, с целью навязать России свойственные им политические, жизненные и ценностные установки, западное мировоззрение и свойственные им либеральные ценности.

Более того, ведущие политики, политологи и социологи стран Запада не скрывали, что продвижение глобализации в России необходимо для создания «нового мирового порядка», направленного против нее. «Россия посмела бросить вызов США и была побеждена в холодной войне. Как побежденная страна, Россия должна быть раздроблена на отдельные части и находиться под полным контролем победителей» [3. С. 127] – убежденно заявлял З. Бжезинский, апологет западной политической элиты. А философ С. Хантингтон указывал на тот факт, что «новый мировой порядок» по версии США,

основанный на распространении глобализации на весь мир, непременно вызовет острый цивилизационный конфликт Западной и славянской, а фактически, русской православной цивилизацией [4].

Однако, реагируя на события на Украине, страны Запада, в первую очередь занимающие лидирующие позиции США, вынуждены последовательно проводить политику, прямо разрушающую выстраивающуюся ранее парадигму мировой глобализации. Заявляя своей целью политическую изоляцию России, страны Запада разрушили практически все международно-правовые нормы, на которых базировалась глобализация. Блокируя участие России в международных институтах (кроме пока ООН), они показывают всем остальным странам мира, что может произойти, если они не будут следовать установленными Западом «правилам» и «нормам», что глобализация и была задумана для продвижения и защиты интересов небольшой группы «избранных». США и страны ЕС под предлогом противостояния «агрессивной» политике России ввели практику трансграничного использования законодательства в отношении как российских государственных структур, так и российских юридических и физических лиц [5]. Введя экономические санкции, США и их союзники сломали глобальное экономическое пространство, которое с таким усердием создавали десятилетиями. Откровенно пренебрегая нормами ООН, ВТО и других международных организаций, они разрушили глобальные каналы поставки сырья, готовых товаров, движения финансов, демонстрируя даже своим союзникам, таким как Германия, полное пренебрежение их интересами. Насаждая откровенную цензуру, запрещая российские СМИ, открыто поддерживая прозападные оппозиционные молодежные движения, страны Запада показали, что те морально-нравственные нормы, которые они активно пропагандировали и продвигали как ценности глобализации – демократия, свобода слова, свобода вероисповедания, незыблемость частной собственности, свобода передвижения, являются просто ширмой для реализации своих собственных геополитических интересов [6. С. 15-18]. Многие исследователи утверждают, что главное «достижением» глобализации по - американски – это огромное неравенство между западными и не западными, в первую очередь африканскими и азиатскими странами: 20% западных стран мира используют 86% мировых ресурсов, а на 80% не западных доводится только 14% [7]. Таким образом, именно бедные страны принуждены испытывать на себе проблемы фатальных недостатков глобализации [8. С. 29- 43].

Происходящие события явно говорят о том, что парадигма глобализации, продвигаемая странами Запада находится в глубоком, системном кризисе. Возможно, в скором времени на смену западной глобализации, основой идеологии которой является либеральный фашизм, преследование свободомыслия, ликвидация любых национальных особенностей, декларируемое однообразие и различные психические и сексуальные извращения [9. С. 154], придет возрождение роли национального государства, сохранение и развитие политической, экономической, культурно-исторической, морально-нравственной основы многовекового существования России.

1. Баранова Г.В. Социальная напряженность: особенности методологии и методики ее анализа и прогнозирования в регионах российской федерации // автореферат дис. ... кандидата социологических наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). Москва, 2009.

2. Civil Movements: The Impact of Facebook and Twitter // URL https://www.researchgate.net/publication/281748504_Civil_Movements_The_Impact_of_Facebook_and_Twitter (Дата обращения: 03.09.2022).

3. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство: пер. с англ. М.: Международные. отношения, 2010. 288 с.

4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: пер. с англ. / М.: АСТ, 2003. 603 с.
Эксперты назвали самые изменившиеся из-за санкций отрасли экономики [Электронный ресурс] URL <https://www.rbc.ru/economics/28/10/2019/5db1a76a9a794744a5d6e13a> (дата обращения: 14.08.2022).

5. Баранова Г.В., Костенко В.В. Деструктивность социально-политической активности молодежных общественных организаций // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 6 2. С. 15-18.
6. Глобализация мировой экономики [Электронный ресурс]: URL:http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mc&tmcat=189&type=news&mm_menu=58&newsid=945 (дата обращения: 15.08.2022).
7. Иванов, Н. Глобализация и бедность / Н. Иванов, Н. Гоффе, Г. Манусова // *Мировая экономика и международные отношения*. №9 2010. С 29-43.
8. Чернов А. В. Либерализм и фашизм как родственные явления: социально-философский анализ // *Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности сб. науч. трудов: в 10 т. Т.6. Тамбов: Юком, 2015. 164 с.*

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ СЕГОДНЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кутейников Александр Евгеньевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Социология международных отношений является областью социологии, сложившейся на границах социологии и других научных дисциплин: теория международных отношений, политическая наука, теория международного права. Предметом социологии международных отношений является международная жизнь и ее отдельные компоненты: международные акторы, глобальные социальные группы, формы и институты международных отношений, мировые процессы.

Первая книга, в название которой включено выражение «социология международных отношений» написана русским эмигрантом, одним из идеологов движения «Смена вех» Ю. В. Ключниковым. Она вышла в свет в Берлине в 1922 году. За сто лет, прошедших с тех пор, в истории социологии международных отношений (СМО) были подъемы и спады. В 1950–1970-х годах она оформилась в особую область социологии. В 1966 году проблематика СМО стала одной из двух главных тем VI конгресса Международной социологической ассоциации. На следующем Конгрессе учредили исследовательский комитет по СМО, однако вскоре он прекратил свою работу.

На протяжении второй половины XX в. СМО развивалась преимущественно в отечественной и французской науке. Вехи история СМО маркированы научными публикациями отдельных специалистов, единой последовательной линии не прослеживается. Тенденции превращения СМО в отраслевую социологическую дисциплину не получили своего завершения.

Тем не менее, социологические концепции, социологические методы сбора и обработки информации, включая количественные, широко используются специалистами, изучающими различные аспекты мировой системы, и международниками-практиками. С помощью социологии получены детализированные знания, например, о социальных и профессиональных группах людей, вовлеченных в международные взаимодействия, негосударственных акторах, сетевых связях. Многие специалисты, не называя себя социологами, фактически применяют в своей работе социологический подход.

Фокус научного интереса социолога — люди в их социальном окружении. Социология позволяет понять подлинное устройство мирового сообщества, выявить объективные процессы и тенденции развития, очистить полученные результаты от идеологических и политических наслоений. Преимущества социологии по сравнению с другими научными дисциплинами заключаются в возможностях проводить полевые исследования, собирать большие массивы данных, сочетать теоретические и эмпирические методы, использовать машинные способы обработки, наглядно представлять результаты исследований.

Достижения СМО открывают возможности для формирования новых областей социологических знаний и отраслевых социологий, таких как социология мировых процессов, социология мирового гражданского общества, социология международных институтов, социология мировых акторов.

1. Ключников Ю. В. *На великом историческом перепутье*. М., 2001.
2. Ключников Ю. В. *На великом историческом перепутье: пять глав по социологии международных отношений*. Берлин, 1922.
3. Кутейников А. Е. *От социологии международных отношений к социологии мировой политики // Социологические исследования*. 2013. № 12. С. 57–64.
4. Цыганков А. П., Цыганков П. А. *Социология международных отношений: Анализ российских и зарубежных теорий*. М., 2006.

ВЕРТИКАЛЬНАЯ И ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОГО УЧАСТИЯ

Лебедева Елена Викторовна

(Белорусский государственный университет)

Привлечение горожан к активному участию в благоустройстве и развитии городских территорий в последние годы прослеживаются не только в западных городах, но и в постсоветских. Развитие и укрепление сообществ способствует повышению качества городской среды с меньшими временными и ресурсными затратами, становится альтернативой разрастанию аппарата муниципальной бюрократии, позволяет реализовать право горожан на местное самоуправление. Если же городские сообщества не проявляют активности, это ведет к искажению принципов и целей долговременного развития всего города. В последние несколько лет в постсоветских городах наблюдаются процессы консолидации гражданского общества, в частности укрепление соседских сообществ, которые активно заявляют своё право на управление городом. Характерной чертой такого активизма является его низовой, децентрализованный характер (создание «соседских чатов», дворовые инициативы, местные праздники, самостоятельно организованные спортивные турниры, коллективное благоустройство территории и пр.). Однако сегодня этому противостоит противоположная тенденция – усиление административного контроля за жизнью горожан (запрет на любые самостоятельно организованные массовые мероприятия во дворах, принудительная ликвидация урбанистических инициатив и общественных объединений, активная организация прогосударственных акций по благоустройству с «добровольно-принудительным» вовлечением в них горожан). Такая ситуация приводит к появлению довольно парадоксального социального явления – формированию «вертикали городского участия» по линии городские власти-коммунальные службы-жильцы, без поддержки устойчивых взаимосвязей в горизонтальной плоскости (жильцы-жильцы). В связи с этим возникает большое количество исследовательских вопросов о том, какую роль играет соседская коммуникация в реализации собственного «права на город»? Какие именно формы горизонтального взаимодействия достаточны для того, чтобы горожане были вовлечены в происходящие социальные процессы? Может ли городское участие быть полностью вертикальным, без наличия низовых инициатив, самоуправления и местного лидерства? Проведённые ранее исследования показали взаимосвязь между состоянием соседской коммуникации и готовностью горожан участвовать в благоустройстве. Так, среди горожан, охарактеризовавших свои отношения с соседями как плохие, никто не участвовал в благоустройстве двора, а 45,5% отметили, что не планируют делать это в ближайшем будущем. Среди тех, кто не общается в чате со своими соседями, каждый третий не планирует участвовать в благоустройстве, а среди тех, кто общается только каждый пятый. Следовательно, хорошие отношения между соседями благотворно влияют

на мотивацию тратить собственные ресурсы на улучшение окружающей среды, тогда как усиление «вертикали участия» не способствует вовлечению горожан в совместную заботу о городе.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ И ПОТРЕБНОСТЕЙ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ.

Ломоносова Марина Васильевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Бурдун София Антоновна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российским научным фондом (грант № 21-18-00125).

Рассматривая процесс цифровизации индустрии психологической помощи в современной России, нельзя не выделить его влияние на трансформацию индустрии в целом. Однако, также важно обратить внимание на потенциальную целевую аудиторию, оставшуюся пока вне поля зрения специалистов цифровых сервисов психологической помощи незамеченной – пожилых людей, которые нуждаются в психологической поддержке ничуть не меньше молодежи или взрослого населения.

Коэффициент демографического старения в России составил 11,7% в 2017 году и 12,8% в 2021 году. Ежегодно этот показатель продолжает расти, в первую очередь, по причине снижения рождаемости [3]. Кроме того, пожилые люди стали одним из самых уязвимых слоев населения в период пандемии COVID-19. Высокий риск заболеваемости, самоизоляция, финансовые трудности и ограниченный доступ к цифровым ресурсам привели к «пандемии страха», росту алкоголизации, тревожности, депрессий и других психологических трудностей. По данным Всемирной Организации Здоровья, около 15% населения в возрасте 60 и старше страдают от психических расстройств, самые распространенные из них – деменция и депрессия [6].

Несмотря на активную дестигматизацию психологических трудностей и повышение доступности психотерапии и консультирования, цифровая индустрия психологической помощи остается относительно закрытой для пожилых людей, в силу самых разных факторов: от недостаточного высокого уровня цифровой грамотности до страха и недоверия к сервисам, аккумулирующим персональную информацию (многие пожилые люди считают, что при регистрации и во время сессии психологического консультирования их личная информация и персональные данные могут стать доступны другим лицам, в то время как у людей молодого возраста это опасение практически отсутствует). В дополнение к этому можно отметить факторы территориального дисбаланса в доступе к высококвалифицированной психологической помощи, уязвимое финансовое положение пожилых людей – все это провоцирует увеличение социального исключения пожилых и эйджизм (дискриминация по возрастному признаку). Как показывают исследования, именно пожилые люди чаще всего не имеют возможности пользоваться цифровыми ресурсами [2]. Анализируя огромное количество уязвимостей в механизмах решения острых проблем во время пандемии COVID-19, эксперты к числу особо незащищенных категорий граждан прежде всего относят: молодежь до начала трудовой деятельности, пожилых, неработающих женщин и инвалидов [4]. И в этом случае очевидно, что финансовая уязвимость – это то, что объединяет представителей этих социальных групп, несмотря на более существенные отличия: гендер и возраст.

Причем, большинство российских пенсионеров – женщины, многие из которых имеют установленную инвалидность.

В настоящее время только несколько цифровых сервисов психологической помощи делают акцент на проблемах, с которыми могут столкнуться пожилые люди. Так, например, консультирование по вопросам «выстраивания отношений с пожилыми родителями» и «налаживания общения со старшими родственниками». Причем, очевидно, что в этих случаях пожилые люди теряют свою субъектность и рассматриваются как агенты межличностных отношений, чьи интересы и потребности часто игнорируются.

Исследования, направленные на изучение личностных факторов достижения психологического благополучия в пожилом возрасте, показали, что одним из ключевых факторов является способность личности находить новые смыслы жизни и тем самым обретать временную перспективу в повседневной жизни. Причем, центральной стратегией в конструировании новых смыслов выступает адаптация через развитие в процессе межличностного общения и взаимодействия [1]. В этом отношении цифровые сервисы психологической помощи обладают большим потенциалом. Принимая во внимание уже успешно используемую сервисами модель родительско-детских и родственных отношений, можно взглянуть на взаимоотношения пожилых с детьми и родственниками с другой точки зрения, таким образом помогая пожилым обрести субъектность в психотерапии, что становится вполне выполнимой задачей.

Учитывая весь спектр барьеров, ограничивающих в целом доступ пожилых людей к новым технологиям, стоит отметить, что именно цифровые сервисы психологической помощи могут стать более доступными для пожилых, в отличие от других высокотехнологичных услуг в области сохранения и поддержания здоровья. Но возникает самый главный вопрос: как сделать услуги цифровых сервисов психологической помощи доступными для пожилых людей, учитывая, что российские пенсионеры являются одной из самых экономически уязвимых социально-демографических групп? И здесь, может быть, стоит обратиться к опыту цифровых сервисов по активному расширению целевой аудитории во время пандемии COVID-19, когда к ним обратились представители самых разных коммерческих компаний с предложениями о сотрудничестве в области сохранения психологического здоровья своих сотрудников. Гибкий B2B («бизнес бизнесу») компонент деятельности сервисов позволил реализовать подобную модель. Так, сервисы организовывали психологические вебинары и воркшопы или индивидуальные психотерапевтические сессии в различных форматах (покрытие компанией 50% стоимости всех проведенных сессий с сотрудниками или 3-5 сессий для каждого сотрудника, проведенных за счет компании и т.д.) [5].

Цифровые сервисы психологической помощи, выполняя важные функции, такие как: функция профилактики заболеваний и сохранения здоровья населения, просветительская функция в сфере психического здоровья, функция конструирования идентичности, функция оценки профессиональной квалификации специалистов, функция формирования толерантной городской среды; способствуют трансформации и институционализации индустрии психотерапии в России, в то же время игнорируя нужды наиболее уязвимых слоев населения, в данном случае – пожилых, труднодоступной для сервисов категории, ввиду существующего цифрового разрыва. Говоря о том, что сервисы сделали психологическую помощь более доступной, важно подчеркнуть, что в текущей ситуации шаг навстречу новым технологиям приводит к её отдалению от тех групп населения, кому эта помощь нужна в той же или даже большей степени. Ключом к раскрытию потенциала новых технологий и цифровых сервисов для самых широких слоев населения в сфере охраны здоровья, в том числе психологического, на государственном уровне является поиск путей решения проблемы эксклюзивности цифровых ресурсов.

2. Григорьева И. А., Чернышова С. П. Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. — Т. 12. №. 2. С. 186-196.
3. Доброхлеб В. Г. Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 2. С. 66-76.
4. Епихина С.Б. Война и мир: анализ пандемии COVID-19 в терминах гибридной войны. Психоэмоциональные факторы и психоматическая медицина в борьбе с SARS-COV-2 // Экономические стратегии. 2020. № 7 (173). С. 62-69.
5. Психологическая поддержка ваших сотрудников: «Ясно» для бизнеса / официальный сайт сервиса «Ясно». 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://business.yasno.live/> (дата обращения: 10.09.2022).
6. Mental health of older adults / The World Health Organization official website. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-of-older-adults> (дата обращения: 10.09.2022).

БИМОДАЛЬНОСТЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЙ ПО ДОХОДУ В БЮДЖЕТНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЯХ ДОМОХОЗЯЙСТВ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2018 ГОДУ

Шабанов Виктор Леннарович
(ФИЦ СЦ РАН, Саратов)

Ожован Михаил Иванович
(МГУ)

Мюллер Наталья Владимировна
(директор Центра обучения инвалидов СПбГЭУ)

Лощинин Михаил Борисович
(Независимый исследователь)

Феномен бимодальности состоит в том, что подавляющая часть населения устойчиво во времени распределяется между двумя существенно различными значениями дохода, которым соответствуют два максимума плотности вероятности. Согласно эргодической гипотезе, такого рода распределение дает основание идентифицировать два способа жизни и две социально-экономические группы, которые авторы склонны называть (1) группой или модой выживания и (2) группой или модой достатка.

Бимодальность распределения по доходам была впервые обнаружена в статистиках физических лиц Украины в 1999 [1], где она наблюдалась в большинстве из 530 районов, а также в бюджетных обследованиях домохозяйств Саратовской области в 1998-2000 [2]. В дальнейшем в течение 8 лет наблюдения (2001-2008) первая мода выживания в статистиках физлиц убывала, а вторая мода достатка появлялась и возрастала [3].

Наблюдение эволюции бимодальности продолжено на базе похозяйственных данных обследования Росстата по Саратовской области за 2018 год [4] посредством улучшенного метода плотности (см. рисунок).

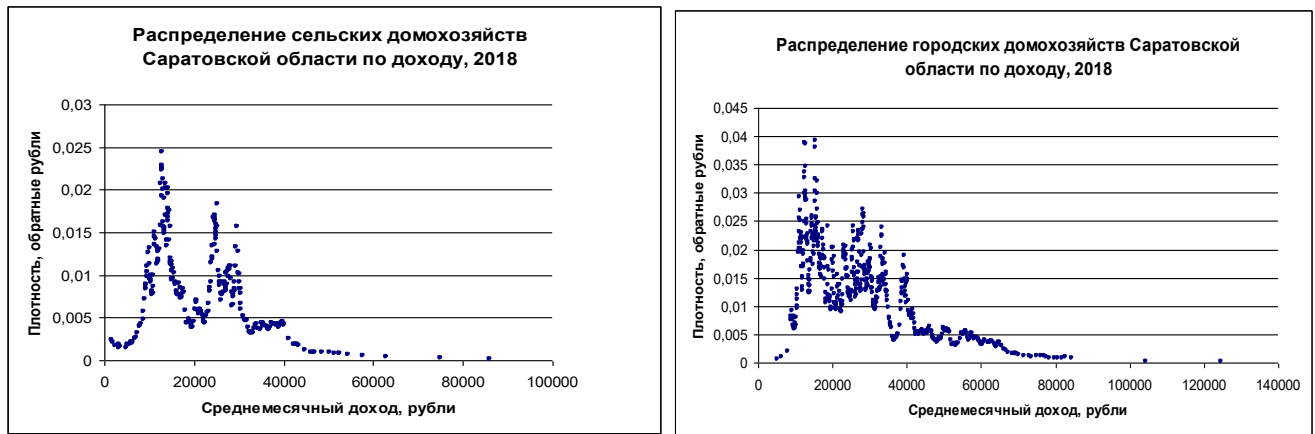

Рисунок. Плотности распределений сельских и городских домохозяйств Саратовской области по величине располагаемого денежного дохода в 2018

По сравнению с обследованиями домохозяйств 1998-2000 гг., обе моды в 2018 г. уверенно воспроизводятся, существенно сдвинуты вправо и уширены, особенно вторая мода и особенно в городах. При этом вторая мода полностью сформировалась и отделилась от первой в сельской статистике. Средний за 2018 прожиточный минимум на душу областного населения составил 8610 руб./мес. [5] или 20,8 тыс. руб./мес. в среднем домохозяйстве с размером 2,6 чел. В том же году средний доход в первой моде был около 15 тыс. руб./мес., а во второй моде в селах около 26,4 и в городах около 37,6 тыс. руб./мес.

Возможной причиной бимодальности является качественное различие способов выживания и достатка, первые из которых исторически связаны с семейной обработкой земли, а вторые – с индивидуальным трудом. М.М. Ковалевский был одним из первых, кто указал на ведущую роль домохозяйств в социальной эволюции и на особую эффективность коллектива в условиях выживания: в своих «Очерках» он отмечает умощнение персональных усилий, производимое сплоченным коллективом [6, Лекция 4].

Бимодальное распределение масс населения, его объективность и универсальность, находящие подтверждение в обследованиях домохозяйств, требует пересмотра представлений о социальной структуре и ее параметрах. Метод построения и интерпретации плотности распределения, примененный в данном исследовании, полезен для проверки качества обследований домохозяйств.

1. С. Лекарь, М. Лоцинин. Эконометрия физических лиц Украины в 2000 году // Украинский журнал «Экономист», 2004, №1, с. 66-82.
2. С. Лекарь, В. Шабанов, Ю. Привалов, М. Лоцинин. Неоднородность поселенчества: социально-экономический аспект // Украинский журнал «Экономист», 2011, №6, с. 4-30.
3. М. Лоцинин. Оценка неравенства участников рыночного социума Украины // Научный форум «Наука и общество», СПб: Экономика и социология XXI века: Тезисы докладов, 2010. – СПб: Изд-во Политех. ун-та, 2010. с. 328-342.
4. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах в 2018 году. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 15.09.2022).
5. Прожиточный минимум в Саратовской области в 2020 году и ранее. Режим доступа: <http://potrebkor.ru/minimum-saratovskaia-archive.html> (дата обращения: 15.09.2022).
6. М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Пер. С.П. Моравского. – М.: ОГИЗ, 1939. – 187 с. Режим доступа: <http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1893> (дата обращения: 15.09.2022).

МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МНОЖЕСТВЕННЫЕ МОДЕРНЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Масловский Михаил Валентинович
(Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН)

Среди социологических концепций глобализации выделялись два основных подхода. Некоторые исследователи стремились выявить одну доминирующую логику глобализации, рассматривая, прежде всего, развитие мировой капиталистической системы. Но высказывалась также точка зрения, согласно которой процессы глобализации определяются несколькими различными факторами, причем одновременно сосуществуют «собственные логики экологической, культурной, экономической, политической и общественно-гражданской глобализации» [1, 26]. С таких позиций представил анализ противоречий глобализации М. Манн, опирающийся в данном случае на свою концепцию источников социальной власти [2]. На многообразии форм и направлений глобализации указывали также представители концепции множественных модернов в современной исторической социологии. При этом выделялись пять уровней, на которых могут рассматриваться множественные модерны. Во-первых, это уровень национальных государств. Так, неоднократно обсуждались параллели и контрасты между путями формирования современного общества в Великобритании и Франции. Второй уровень представляют региональные паттерны модерна, как, например, Скандинавия или Центральная Европа. Третий уровень относится к цивилизационному наследию как источнику различий между типами модерна. В данной связи рассматривалась, в частности, конфуцианская цивилизация с центром в Китае, влияние которой распространилось на всю Восточную Азию. В качестве четвертого уровня характеризовались «альтернативные модерны», которые вели борьбу за преобладание на мировой арене. Типичным примером здесь выступает коммунизм как особая разновидность современного общества. К данному перечню добавляется также пятый уровень «глобальных модернов» как различных конфигураций экономических, политических и культурных паттернов [3, 77-78]. В целом с позиций концепции множественных модернов представления о том, что процессы глобализации приведут к формированию единой мировой системы, являются несостоятельными. Динамика глобализации в действительности сопровождалась процессами регионализации, а также дифференциацией на уровне цивилизаций и отдельных государств. Вместе с тем, глобализация никогда не представляла собой единый процесс. Скорее можно говорить о множественности глобализаций, одним из аспектов которой стало распространение на протяжении «краткого XX века» коммунистической версии модерна [3, 180-184]. Ряд положений концепции множественных модернов, по-видимому, являются актуальными и для анализа социальных процессов, происходящих в современном мире.

1. Бек У. *Что такое глобализация?* М., 2001.

2. Манн М. *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945-2011 годы.* М., 2018.

3. Arnason J. *The labyrinth of modernity: Horizons, pathways and mutations.* Lanham, 2020.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА

Матвеева Наталья Юрьевна
(Российский университет транспорта)

Человечество находится на очередном историческом этапе своего развития, ознаменованном симптомами глубокого социально-экономического и политического

кризиса. Отличается этот этап от прошлых подобных периодов тем, что сейчас ни одна страна или культура не может предложить внятного нарратива развития, идеи будущего, или, говоря более традиционными терминами, социального идеала. В прошлом переходные эпохи были ознаменованы мощными религиозными и идеологическими движениями. Так, в Римской империи это было христианство, позже, в средневековой Европе – протестантизм, затем пришли периоды революционных идей, проникнутые верой в возможность реализации новых социальных идеалов. В частности, идеи, сконцентрированные в лозунге «свобода, равенство, братство» Великой французской революции или коммунистические идеи революции русской ориентировали людей в хаосе, обусловленном сломом социального порядка, и давали им надежду на будущее. Теперь же кризис характеризуется отсутствием освещающих путь идеалов.

Однако в настоящее время существуют достаточно детальные проекты будущего устройства и переустройства общества. Так, сейчас много говорится про «великую перезагрузку», «зеленый поворот» и «цифровой кредит», уже апробируемый в Китае, или про «цифровой паноптикон», обозначенный так Джоном Урри [3]. Однако следует обратить внимание на то, что эти проекты, уже находящие своё воплощение в реальном социально-экономическом и социально-политическом пространстве, не способны заменить то, что принято называть социальным идеалом. Это управленческие идеи, призванные дать ответ на определённые вызовы, но никак не идеальные цели.

Кроме того, в настоящее время идеальная цель социального развития должна быть гибкой, иметь возможность адаптации к ситуации любого общества Земли, чего нельзя сказать о вышеуказанных проектах. Глобализация, как парадигма развития, также не нашла поддержки народов мира, и теперь ясно, что она не является идеалом, а лишь констатацией факта международной связности и взаимозависимости. Но эмпирический факт наличия глобализации не означает того, что этот факт стал идеалом стремлений, нарративом будущего. Скорее как раз напротив, отсутствие в нарративе глобализации социального идеала и разрушило сам нарратив. Его вспышка и быстрое угасание показало, что фактическое состояние дел, или пожелания какой-либо части общества, отнюдь не совпадают с идеальными социальными смыслами различных народов.

Таким образом, крупные проекты последних десятилетий – глобализация, «великая перезагрузка», «зелёный переход», «цифровой кредит» – не могут быть основами для формулирования социального идеала и не являются программами будущего социального развития, опирающимися на идеал, каковыми были в своё время как либеральная демократия, так и социализм.

Для того, чтобы уяснить соотношение социального идеализма и социального проектирования вышеуказанного типа необходимо рассмотреть основные характеристики социального идеала.

Во-первых, идеал не должен совпадать с наличным положением дел или устройством социальных институтов где-либо, даже в самой благополучной по некоторым критериям стране. Идеал по своему существу – это вневременный, внепространственный, трансцендентный реальному обществу смысл. Мы можем ориентироваться на социальный идеал как недостижимую цель стремлений, и именно её недостижимость и составляет необходимое качество, благодаря которому идеал остаётся идеалом: «основным определением идеала в его отношении к миру эмпирической действительности является понятие о нём как о требовании вечного совершенствования» [2, 69]. Следовательно, никакой «зелёный переход» или «цифровой кредит» не может выступить в качестве социального идеала. Роль такого типа масштабных проектов в развитии современного общества нельзя отрицать, и, по-видимому, их количество будет только нарастать, но эта роль лежит в другой плоскости – в плоскости конкретных управленческих стратегий и целей.

Однако подобные планы и проекты, в свою очередь, должны быть ориентированы на социальный идеал. Если они не имеют его перед собой, они рано или поздно обречены

на провал (как это ярко показала история нарратива глобализации). В этом смысле «зеленый переход» со всеми его издержками и рисками представляется более ориентированным на идеал, даже не сформулированный чётко (чёткость формулировки вряд ли достижима для трансцендентной цели, поскольку она уходит всё дальше по мере приближения, мы узнаём какие-то её очертания, но не можем познать на всю глубину). В случае «зелёного перехода», идеал – это гармония человечества с природной средой, что вполне вписывается в стремление к более широкому идеалу богочеловечества, сформулированному Сергеем Булгаковым [1].

Здесь уместно перейти ко второй особенности социального идеала. Она состоит в наличии такой характеристики, как свободное, гармоничное развитие нравственной духовной личности. Эта необходимая черта социального идеала, без которой все самые справедливые с виду проекты обречены на провал, что и показала история XX в., в частности, в нашей стране. Эту черту даже абсолютизировал П.И. Новгородцев, считая её единственно возможным социальным идеалом [2, 120]. При этом идеал развития личности предполагает признание принципов солидарности и единства личности с другими людьми, начал равенства и свободы [2, 111].

Третья особенность социального идеала состоит в том, что он всегда применяется к конкретному эмпирическому состоянию общества. Поэтому не может быть одинаковых способов приближения к идеалу – в каждом конкретном случае необходимо учитывать данное состояние и нужды общества, создавать условия для развития его внутренних творческих сил. Поэтому конкретные меры политической жизни всегда относительны, и вера в абсолютное значение определённой формы правления или социального порядка есть превращение относительного в абсолютное, или идолопоклонство [4, 373].

Таким образом, в современных проектах социального преобразования было утрачено представление о социальном идеале, что сделало их, с одной стороны, частичными, не универсальными (например, китайская система «цифрового кредита»), с другой стороны, лишила их реальных перспектив (глобализация, «великая перезагрузка»). Только проект, связанный с природной средой и угрозами всему человечеству – «зелёный переход», – имеет шансы на перспективное развитие именно благодаря этому выходу за пределы конкретных политических интересов, хотя и нуждается в серьёзном переосмыслении с позиций нравственного идеала и универсальности применения. Кроме того, он направлен на определённый спектр проблем, а не на пересоздание целостной социальной системы.

Тем не менее, человечество нуждается в новом проекте развития, разработанном на основе принципов социального идеализма: свободного развития личности, равенства, социальной солидарности и социальной справедливости, учёта индивидуальных особенностей развития каждой культуры и каждого народа, создания условий для проявления индивидуального и коллективного культурного творчества. Социальное проектирование должно быть ориентировано на философские принципы социального идеализма. Для этого необходимо продолжать исследования по разработке и осмыслению социального идеала, задач по приближению к нему с точки зрения вызовов конкретного исторического момента и конкретной социальной ситуации.

1. Булгаков С.Н. *Философия хозяйства* // Соч. в 2-х тт. М.: «Наука», 193. Т. 1. С. 49-308.
2. Новгородцев П.И. 1991. *Об общественном идеале*. Москва: Пресса.
3. Томин Л.В., Балаян А.А. *Цифровой паноптикум. Как автократии используют технологическую инфраструктуру?* // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2019. №3 (29).
4. Франк С.Л. *Духовные основы общества* // *Русское зарубежье*. Лениздат, 1991. С. 243-433.

ОБРАЗ РОДИНЫ И МАЛОЙ РОДИНЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕЛОСТНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Миронов Денис Викторович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, грант №20-011-00742

В контексте рассмотрения того, как сопрягаются между собой глобальное и локальное в повседневных социальных практиках, особое значение приобретает проблема отношения человека к конкретному месту его пребывания, к пространству, к которому он испытывает личную привязанность. Очевидно, что человек мыслит себя как в масштабе мира его повседневной жизни (среду его социального бытования здесь формирует семья, близкое окружение, профессиональные группы, локальные территориальные общности), так и в масштабе отдельной страны или всего мира в целом, когда, например, происходит оценка положения его страны в системе международных отношений.

В точке сопряжения этих миров формируется целостная идентичность человека, которая при определенных обстоятельствах может дифференцироваться, например, на профессиональную, конфессиональную, этническую или любую другую, связанную с принадлежностью его к какой-либо значимой для него группе. Особняком здесь стоит гражданская идентичность.

Формирование гражданской идентичности происходит при отождествлении индивида себя с обществом или государством. При этом необходимо принимать во внимание, что гражданская идентичность может быть дуальной, если оформившееся гражданское общество будет противопоставлять себя государству, и в таком случае либо индивид будет осознавать свою связь с (гражданским) обществом, либо отождествлять себя с государством. Там, где нет явного антагонизма в отношениях между государством и общественными институтами, индивид не будет поставлен в ситуацию выбора, и на базе его представлений об общности интересов государства и общества сформируется целостная гражданская идентичность. Такой исход процесса гражданской идентификации является наиболее приемлемым ни сколько для индивида, сколько для государства.

Гражданская идентичность формируется в первую очередь под влиянием внешних условий в процессе их интернализации. Данный процесс в значительной степени находится под внешним контролем агентов социализации: семьи, школы, социального окружения, наконец, государства. Именно эти институты условно предлагают набор символов, в которых отображаются характеристики общности, с которой отождествляет себя человек.

На наш взгляд, часть символов и представлений условно связаны с интимным миром человека, с тем, что представители феноменологической социологии, а вслед за ними и Ю. Хабермас называют жизненным миром, а часть формируется под влиянием того, что упомянутый выше автор называет системой и центральным ее элементом — государством. В контексте нашего исследования в первом случае возникают условия для формирования комплекса представлений о малой родине, во втором о родине.

Малая родина является для многих синонимом дома, знакомого личного пространства, связь с которым так или иначе поддерживается постоянно. События, происходящие на малой родине, всегда находят отклик у людей. Поэтому когда мы говорим о малой родине мы можем говорить о так называемом патриотизме снизу. Патриотизм начинается не с бюрократических директив, а с конкретных дел на местах, с сопереживания людьми тем проблемам, которые их непосредственно касаются. Бывшей малой родины не бывает, она одна как семья, в которой вырос человек. В таком случае

разумно предположить, что эта привязанность к месту взросления и становления человека как личности определяет отношения человека к тому, что с ним происходит сейчас, влияет на его оценки текущей социально-политической повестки и т. д., и, таким образом, закладывает фундамент его гражданской идентичности.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ АНТИГЛОБАЛИЗМА В АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. И. ЛЕНИНА

Мясников Артём Игоревич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Современный этап мирового политического развития после окончания Холодной войны именуется эпохой глобализации. Различные политологи представляют свои определения данного феномена, однако исследователи часто указывают на интеграцию национальных государств в мировую экономику под влиянием транснациональных корпораций.

В ответ на это произошло формирование антиглобалистского движения. Важную роль среди антиглобалистов играют сторонники левой идеологии. Если в западных странах после окончания Холодной войны сохранялся интерес к работам Маркса и Ленина, то в России марксистская теория всячески исключалась из науки и общественного дискурса. В связи с этим автор считает актуальной тему данной работы.

В основе глобализационных процессов находятся экономические процессы. В.И. Ленин ещё в годы Первой мировой войны написал работу «Империализм, как высшая стадия капитализма», где описал наступление новой экономической эпохи, чьи элементы, по мнению некоторых авторов [3, 86], можно проследить и у нынешнего капитализма.

Ленин назвал данный период высшей и последней стадией капитализма, где будут возникать мировые войны ведущие к социалистической революции [4,6]. В подтверждение этих тезисов нужно напомнить, что XX век перенес две Мировые войны и ряд антиколониальных революций. Социалистический лагерь, возникший в результате этих событий, распался в конце XX века, однако менялась и сама капиталистическая система.

Можно выделить следующие тенденции, характерные для современной стадии капитализма:

Если в начале XX века Ленин писал, что союзы капиталистов стремятся влиять на политику путем экономического раздела мира, то уже в начале XXI века эту роль на себя перенимают транснациональные корпорации. Финансово-олигархический капитал создает такие международные институты, как Международный валютный фонд и Всемирная торговая организация, для диктата своей политики [2, 645];

Современный империализм стремится не просто к вывозу капитала из стран, теперь он стремится к полному господству над экономикой в различных странах, стремясь управлять и контролировать их финансовой системой;

Экономической экспансии современный капитализм стремится достичь как через международные экономические институты, так и через военные (НАТО) и правовые (международные суды) [1, 37].

Несмотря на попытки социалистического лагеря в XX веке кардинально изменить капиталистическую систему не получилось, но в современное время происходит рост антиглобалистских движений. Это выражается как и в виде победы на выборах политиков-антиглобалистов, так и в виде масштабных протестных акций. При этом в нынешнюю капиталистическую эпоху продолжают происходить империалистические военные конфликты, что еще может дать возможность подтвердить тезису Ленина про империализм как канун социалистической революции во всемирном масштабе.

1. Бузгалин А.В. *Империализм в XXI веке: протоимперии и «Восстание периферии»* // *Экономическое возрождение России*. — 2017 — №3(53). — 32-38 с.
2. Кагарлицкий Б.Ю. *От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации*. — М.: Издательство ВШЭ, 2010. — 680 с.
3. Кошкин А. В. *Горизонт диалектики*. — СПб.: Аврора, 2020. — 176 с.
4. Ленин В.И. *Империализм, как высшая стадия капитализма*. — М.: ЛЕНАНД, 2019. — 128 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ

Надточаева Надежда Владимировна

(Белорусский институт стратегических исследований)

Любое общество представляет собой систему. Данная система функционирует в рамках общественного договора, который можно описать как “правила игры” в конкретном социуме. Основой обозначенного договора, в свою очередь, выступают ценности и “мифы”, выработанные обществом в процессе своего генезиса. Основная функция “мифов” заключается в легитимации существующего порядка и в обосновании ценностной матрицы. Выражаясь упрощенно, “мифы” обосновывают, почему хорошо — это хорошо, а плохо — это плохо.

Общественный договор, в свою очередь, является базисом социальных институтов, которые представляют собой комплексы устоявшихся траекторий взаимодействия социальных субъектов в рамках какой-либо сферы. Социальные институты образуются в процессе коммуникации между индивидами и распределении властных отношений, представляющих собой систему вертикальных связей внутри социума.

Любое общество занимает определенное место на шкале “открытости/закрытости”, представляющей своеобразный континуум. Чем ближе общество к открытости, тем более легко оно склонно интегрировать в себя различные новые практики, элементы, быть подверженным влиянию извне и т.д. В этой связи глобализацию, предполагающую всеобщую интеграцию и унификацию, можно характеризовать как рост открытости подсистем, входящих в мир-систему.

Данный процесс привел к снижению гомогенности крупных геополитических блоков, что во многом обусловлено идеологическим вектором глобализации (включая тренд на мультикультурализм), повышением уровня миграции, распространением информационно-коммуникационных технологий, делающих продукты чужой культуры доступными. Определяющими ценности и модели поведения стали не социально-демографические характеристики, не место проживания, а потребляемый индивидом контент и круг его общения (в т.ч. виртуальный).

Важным следствием глобализации послужило также то, что население, видя отличные от собственных модели поведения и усваивая чужие “мифы” и ценности, постепенно интегрировало их в свои установки и повседневные практики, что оказывало влияние на общественный договор и социальные институты в системах.

В последнее время наблюдается откат глобализации и увеличивается тенденция роста независимости крупных блоков. Это может привести к перестройкам внутри социальных систем. В краткосрочной перспективе последствием может выступить некоторая энтропия, вызванная, с одной стороны, отходом от прежних “правил игры”, а, с другой, невозможностью отдельных социальных акторов реализовать собственные установки. Однако в долгосрочной перспективе это дает возможность субъектам социальной системы выработать более релевантный общественный договор с упором на ценности, характерные для данного социума, а также увеличить внутреннюю гомогенность общества, что увеличит социальную стабильность.

Таким образом, трансформация социальных систем в эпоху постглобализации носит двойственный характер, однако дает им немало возможностей.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОДЕЛЬ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО ГЛОБАЛЬНОГО МИРОПОРЯДКА СОГЛАСНО КВАНТОВО-РЕЛЯТИВИСТСКОЙ НООЛОГИИ

Папашвили Мадлен Ильинична
(CIPRF (<https://ciprf.ge/ru>))

Шаматава Лаша Владимирович
(CIPRF (<https://ciprf.ge/ru>))

Грузинская научная школа, в начале 2000-х годов сумела развить “Психологию установки” Дмитрия Узнадзе до масштабов таких феноменов, как нация и цивилизация. Новая интердисциплинарная теория называется “квантово-релятивистская ноология” (далее, Ноология).

Теория получена дедуктивным методом, а доказательства - эмпирические. Ноология дает дефиниции и уточняет такие понятия и важнейшие феномены, как: нация, цивилизация, мировое сообщество, государство, культура и т.д.

Ноология даёт возможность долгосрочного прогнозирования общественных процессов мирового масштаба. В монографии, изданной в 2004 году, спрогнозированы процессы примерно с 2010 года. Эти прогнозы оправдались. Ниже предлагаем неполный перечень прогнозов:

- Украино-Российского конфликт;
- Деглобализация;
- Рост изоляционистской политики в большинстве стран;
- Рост влияния производственно-технологической экономики во всем мире;
- Рост показателя поляризации как между странами, так и внутри государств;
- Арабская весна;
- Брексит;
- Выход Марин Ле Пен во второй тур выборов и её последующее поражение;
- В США: Обама саге, победа Трампа, резкий рост внутренней поляризации;
- Рост политического и экономического влияния Китая и т.д.

Конец XX века явился эрой апофеоза неолиберализма, символом чего стала книга Фрэнсиса Фукуямы “Конец Истории”, где автор представляет либеральную демократию вершиной развития и безальтернативной моделью. Хотя, как это ни парадоксально, трещина в гегемонии США и Запада появляется именно в этот исторический период, демонстрацией чего стали нескончаемые хроники военной интервенции США.

С началом XXI века, миф о непоколебимости гегемонии США разрушился. С одной стороны, набирает силу Китай, чему сопутствует такое событие геополитического значения, как восстановление России и её амбиция зафиксировать себя силой, с которой нужно считаться. С другой стороны, разрушение начинается и внутри империалистической структуры США: растёт поляризация внутри страны, усиливаются антиглобалистские и антикапиталистические движения, и внутри Евросоюза тоже начинается разлад.

А вместе с началом Украино-Российского конфликта, спиральный и необратимый характер глобального кризиса стал явным. Геополитическая напряженность, идеологические распри, антагонизм всё сильнее, но ни одна школа международных отношений не может предложить выход из тупиковой ситуации.

Ответом на стагнацию в международных академических кругах является грузинский научный продукт “квантово-релятивистская ноология”. С использованием Ноологии становится возможным дать глубокую оценку противостоянию коллективного

Запада и России, определить роли главных международных акторов - России, Китая и США, и предложить альтернативу глобальному политическому порядку. Данная альтернатива называется “Доктрина Оптимализма”.

Согласно доктрине оптимализма, стратегия присвоения ресурсов, которой придерживаются основные глобальные игроки (США, Евросоюз, Россия, Китай, Индия и т.д.) устарела. Оптимальным является стратегия распределения ролей.

СВЕРХНОВЫЕ ТРЕНДЫ ПОСТЦИФРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

Плетнев Александр Владиславович
(СПБУ МВД РФ)

Теоретические тренды анализа цифровизации устоялись и уже не являются описанием новейших тенденций. Для представителей поколения Z и появляющегося поколения A цифровая коммуникация является естественной частью повседневной жизни [2]. Их не привлекают цифровые технологии. Напротив, их интересует природа и всё, находящееся за пределами урбанизированного сообщества. Это обстоятельство свидетельствует о наступлении постцифровой эпохи.

Важнейшей темой социологии остаётся социальная поляризация. Множество кросс-культурных исследований показывают растущую поляризацию по уровню доходов и как следствие повышение уровня аномии и девиации.

Растущее неравенство в обществе приводит к идеологизации в политической сфере. Неспособность индивидов поддерживать желаемый уровень потребления приводит к психосоциальному стрессу мертоновского типа. Это порождает в обществе недовольство, которое требует выхода. Политики нелиберального толка предлагают избирателям каналы, чтобы «выпустить пар», находят виноватых в общественных проблемах. В качестве виновников общественных проблем называется глобальное потепление, расизм, различные виды дискриминации. В итоге вместо решения реальных экономических проблем населению предлагаются каналы выхода недовольства. Социологическая теория (критическая расовая теория) выступает в качестве идеологической основы нелиберальной политики.

Другим важнейшим социологическим трендом является использование технологий Big data, которое приводит к появлению стихийного эмпиризма. По сути. «огромный объем данных предоставляет множество возможностей и проблем для исследователей и практиков. Он имеет различную структуру (неструктурированную, полуструктурированную, структурированную) и множество типов (таких как текст, фото, видео и аудио)»[1, р.5]. Большие данные порождают у исследователей соблазн делать выводы без должной опоры на теорию.

Существенное влияние на постцифровую социологию оказывает использование искусственного интеллекта в качестве актора социологического исследования (в частности использование линейной регрессии и прогнозной модели). Если в начале эпохи искусственного интеллекта ставилась задача обучить его выполнять определенные действия, то в настоящий момент ставится противоположная задача – получить от искусственного интеллекта объяснение того, каким образом он решил поставленную задачу.

1. Darwiesh A., Alghamdi M. I., El-Baz A. H. Elhoseny M. *Social Media Big Data Analysis: Towards Enhancing Competitiveness of Firms in a Post-Pandemic World // Journal of Healthcare Engineering, 2022, Vol. 1, pp. 1-10. Doi 10.1155/2022/6967158*
2. Qiang Fu, Jiaxin Gu, Ziqing (Amy) Zeng, David Tindall, *A manifesto for computational sociology: The Canadian perspective // Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie, 2022, Vol.59, Iss.2, pp. 200-206. Doi 10.1111/cars.12379*

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИСТОРИОСОФИИ ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ.

Подъячев Кирилл Викторович
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

События, происходящие в мире по крайней мере с 2008 года, подтвердили то, что идеи «конца истории» и «общества 3.0» оказались ошибочными. Есть основания полагать, что февраль 2022 года поставил точку на отрезке истории, который можно отсчитывать от Великих географических открытий. Евро- или западоцентричный мир пришёл к концу – в этом тезисе уже нет научной новизны. Но, таким образом, актуализируется дискуссия о новом формате мироустройства как в политико-экономическом, так и в социокультурном аспекте. Основной тренд её сводится к тому, что глобалистский проект провалился, но и национальные государства в том виде, как они сложились к середине прошлого века нежизнеспособны, поскольку большая их часть не имеет ресурсов для поддержания технологии хотя бы на уровне начала века нынешнего. Значит, единственный вариант ухода от обанкротившегося глобализма с сохранением наиболее значительных достижений цивилизации, – это переход к миру социально-политических общностей, меньших, чем человечество, но больших, чем национальные государства. А таковые общности – это макрорегионы, которые должны формироваться не по строго географическим основаниям, но по принципу социокультурной близости, чтобы быть устойчивыми. Такова геополитическая задача.

С ней связана и задача научная. Ещё основатель социологии, французский мыслитель Огюст Конт выдвинул идею о двух социологиях: статической и динамической [9, 339 - 343]. В условиях бурного технического развития XX в., породившего и масштабные социальные сдвиги, вторая стала преобладающей. Но сегодня, пожалуй, едва ли не более актуальной является первая.

Таким образом, из двух концептов осмысления истории (историософии) – формационного, представляющего историю человечества как единый процесс смены социально-экономических формаций и цивилизационного, видящего в ней сложное взаимодействие более или менее замкнутых общностей, сегодня второй представляется наиболее актуальным.

Цивилизационный подход куда более мозаичен, он представлен в работах разных авторов, опирающихся на один фактологический базис, но различные методологические основания. Хотя цивилизация в основном трактуется как социальная «единица, более узкая, чем человечество, но несравненно более широкая, чем отдельное общество или отдельно взятая культура» [9, 277], содержание этого термина у разных авторов существенно различается. Целостной цивилизационной теории пока не выработано и потому единственный способ работы – это сравнительный критический анализ работ соответствующих мыслителей.

В основе данного подхода лежит циклическое восприятие истории, явно навеянное природными циклами и широко распространённое в Древнем мире. Концептуализация его имеет длительную историю. Первым мыслителем данного направления следует считать Абдаррахмана ибн Хальдуна (1332 – 1406). Значительный вклад в его становление внесли Ж. Боден (1530 - 1596), Дж. Вико (1668 - 1744) и Ш.Л. де Монтескьё (1689 - 1755), которого некоторые европейские авторы считают идейным предшественником Конта и предтечей социологии [9, 121].

Основоположником научной цивилизационистики следует считать русского мыслителя Н.Я. Данилевского (1822 - 1885) [3]. Крупнейшими мыслителями этого направления являются также О. Шпенглер (1880 – 1936), А. Дж. Тойнби (1889 – 1975). Существенный вклад внесли авторы западные: Х. Макиндер, К. Квигли, С.Ф. Хантингтон,

Г.Э. Алмонд и отечественные: Д.С. Лихачёв, Л.Н. Гумилёв [2], А.С. Панарин, И.М. Дьяконов [5], В.Л. Цымбурский.

Все эти социальные мыслители по-разному подходили к типологизации цивилизаций. Они расходятся в употреблении терминов («цивилизация», «культура», «этнос», «нация»), в отношении детерминизма, определении количества цивилизаций и в понимании самой природы этого явления. Единственное, в чём все они согласны, это в отрицании линейного прогресса и классификации социальных общностей как «передовых» и «отсталых».

И почти все они не считали Россию частью Европы или Запада. Хотя для одних Россия была абсолютно самостоятельным и самодовлеющим миром, для других - частью «славянской» (Данилевский) или «православной» (Тойнби) цивилизаций.

Выдающийся социолог А.Г. Здравомыслов также указывал: «Понять такое общество, как Россия, возможно только на основе его собственного исторического развития» [6, 250]. Разделяет эту позицию и академик М.К. Горшков [1, 12].

Современный украинский историк академик П.П. Толочко (едва ли не единственный, кто и после 2014 года продолжал твёрдо держаться принципа методологической строгости и бескорыстного поиска научной истины) вовсе не был пророссийским, всегда стоял за независимость украинского государства. Он, однако без всяких оговорок и полутонов утверждал в одной из последних работ: «невозможно не признавать, что восточнославянский православный мир (к каковому принадлежит и Россия –К.П.) представляет собой особую цивилизационную общность» [8, 232].

Таким образом, российское общество по мнению почти всех авторов, державшихся цивилизационной историософии, представляет собой некоторый особый феномен. А игнорирование этого политиками, особенно «вхожденцами» от кадетов начала XX в. до Е.Т. Гайдара привело к трагическим последствиям.

В политическом дискурсе идея суверенитета сегодня доминирует. Мы утверждаем, что не только в политике, экономике, но и в области социального знания необходимо то, что можно назвать цивилизационным суверенитетом [4, 51]. Россия как цивилизация – это не дань политической моде, но реальный феномен. Полагаем, что его базовые характеристики сложились к концу XIV в. и с этого времени могут быть прослежены по источникам [7]. Изучение его с опорой не только на умозрение, но на социологические методы, является необходимым для дальнейшего успешного развития науки, приближения к истине.

1. Горшков М. К. *Российское общество как оно есть*. М.: Новый хронограф, 2011. Гумилёв Л.Н. *Конец и вновь начало*. М.: АСТ, 2018. – 512 с.
2. Данилевский Н.Я. *Россия и Европа*. С.-Пб.: Азбука-Аттикус, 2020. – 672 с.
3. Даренский В.Ю. *Идеология цивилизационного суверенитета России (в контексте отношений Россия – Запад)* // Вестник Удмуртского университета. Серия: Социология. Политология. Международные отношения. 2020, т.4, вып. 1. С. 51 – 61
4. Дьяконов И.М. *Пути истории: от древнейшего человека до наших дней*. Москва: URSS, 2007. - 380 с.
5. Здравомыслов А.Г. *Поле социологии в современном мире*. М.: Логос, 2010. – 410 с.
6. Подъячев К.В. *К вопросу об исторических основаниях российской специфики развития: Куликовская битва и формирование централизованного государства* // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 5А. С. 16-25. DOI: 10.34670/AR.2020.70.82.002
7. Толочко П.П. *От Руси до Украины: пути исторической памяти*. М.: ДРЗ им. А.И. Солженицына, 2020 – 232 с.
8. Шацкий Е. *История социологической мысли*. Пер. с польск. Т.1. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
9. Шпенглер О. *Закат Европы. Геистальт и действительность: очерки морфологии мировой истории* / пер. с нем. М.: Эксмо, 2006. 797 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГЛОБАЛИЗАЦИИ В МИРЕ И В РОССИИ

Поздняков Егор Константинович
(УИУ РАНХиГС)

Важность рассмотрения текущего положения России в через призму идей Дани Родрика, в частности изучая парадокс глобализации [1, 241]. Рассматривая глобализацию и деглобализацию в мире можно заметить тенденцию на комбинирование трёх факторов, из которых в конце выпадает один. Можно выделить такие понятия как "Гиперглобализация", "Демократия в национальных государствах", "Национальный суверенитет". Из трёх факторов государство может выбрать только два, при наличии третьего фактора будет противоречие и разрушение системы. Россия базируется (можно сделать небольшое замечание, что после начала СВО оценка положения России затруднена, но отчасти может быть экстраполирована на текущий момент (09.10.2022)) в стандартных двух факторах: Гиперглобализация и Национальный суверенитет. Данная комбинация факторов позволяет иметь открытые для движения капиталов и рабочей силы рынки (гиперглобализация), а также возможность реализации своей политики, не ограничиваясь международными договорами (Россия ратифицировала некоторые договоры, влияющие на самостоятельное проведение политики, но в сравнении с Европой, неспособной проводить самостоятельную политику в сфере финансов, с некоторыми оговорками, Россия имеет более высокий уровень суверенитета). Европа в свою очередь имеет Демократию (работу выборных и демократических органов) Гиперглобализацию (свободное передвижение капиталов), а США являются обладателями Демократии и Национальным суверенитетом, но теряют Гиперглобализацию.

Спорной позицией является такое мнение, что Европа представляет из себя пример провала Гиперглобализации, так как в Европе сохраняются некоторые тенденции деглобализации и не решаются проблемы связанные с очень низкой скоростью перетекания трудовых ресурсов, а также присутствием политических и культурных барьеров. В сравнении с Европой можно привести Россию, которую можно рассмотреть как 89 субъектов сотрудничающих друг с другом при единой валютной системе, что снижает транзакционные издержки [2, 658]. Также можно отметить тот факт, что регионы имеют возможность балансировать уровень безработицы (благодаря отсутствию границ), к примеру развивающиеся регионы с низкой безработицей могут получить трудовых мигрантов и нормализовать уровень безработицы до естественных уровней, а регионы с высокой безработицей потерять людей оттягивающих развитие региона через социальные выплаты.

Стоит понимать, что даже при отсутствии Гиперглобализации страна будет встречаться с немного другим типом глобализации, в частности можно привести пример Китайской Народной Республики, которая знаменита тем, что имеет сильные ограничения для движения капитала, но при этом является одним из крупнейших производителей всего, также без Китая сложно представить современную экономику, которая завязана на дешёвом производстве. Является ли КНР, которая заключала контракты с самыми большими компаниями Америки в постройке на территории КНР фабрик, заводов, основанных на иностранных технологиях, является поставщиком огромного количества предметов самым разным странам мира, неглобализованной страной? Скорее всего КНР в своё время дала понятию "глобализация" самый живой пример, который только существует сегодня. Исходя из мысли выше можно сделать вывод, что говорить о деглобализации в позитивном тоне можно только в частных случаях.

Важно отметить, что не стоит рассматривать страны сугубо в ровном разделении на два фактора, более того не стоит рассматривать приведённые типы факторов как конечные

("Гиперглобализация", "Демократия в национальных государствах", "Национальный суверенитет"), они лишь наиболее распространённые.

1. *Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики / пер. с англ. Н. Эндельмана; под науч. Ред. А. Смирнова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 576 с.*

2. *The American Economic Review, Vol. 51, No. 4 (Sep., 1961), pp. 657-665 URL: <https://www.jstor.org/stable/1812792?origin=JSTOR-pdf>. (Дата обращения: 09.10.2022)*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Скворцов Николай Генрихович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Известно, что исторически важнейшими факторами влияния на изменение повседневной жизни людей выступают индустриализация и тесно связанные с ней урбанизация и развитие государства. Превращение экономик из кустарных и сельскохозяйственных в экономики обрабатывающие и добывающие, внедрение технических новшеств, рост и развитие городов, изменение принципов управления (прежде всего на локальном уровне) прямо и непосредственно влияли на организацию повседневности, меняя ее формы и практики. Влияние же современной глобализации на повседневность имеет другой характер и иные последствия.

Глобализация представляет собой в высшей степени комплексный феномен. Это взаимодействие множественных технологических, культурных, экономических, институциональных, социальных и экологических тенденций в огромном пространственно-временном масштабе. Глобализация является процессом интенсификации кросс-национальных культурных, экономических, политических, социальных и технологических взаимодействий, который приводит к образованию транснациональных структур и интеграции культурных, экономических, финансовых, политических, социальных процессов на глобальном, наднациональном, региональном и локальном уровнях [1].

Процессы глобализации представляют собой набор контекстуальных детерминант. Контекстуальных, поскольку именно эти черты составляют общий контекст происходящих в мире изменений. К ним относятся: институциональные (глобальное управление), экономические (глобальный рынок), социокультурные (глобальная коммуникация, распространение информации, межкультурные контакты), а также глобальные изменения в окружающей природной среде. Усиливая взаимозависимость государств, глобализация порождает потребность в создании структур глобального управления (ВТО, МВФ, ВОЗ и др.). Изменение экономических инфраструктур ведут к возникновению глобальных рынков и глобальной торговой системы. Новые технологии коммуникации, высокие темпы распространения информации, усиление разнообразия культурных потоков находят свое выражение во взаимодействии глобальных и локальных культурных элементов. Наконец, глобальное индустриальное воздействие на природу порождает колоссальные угрозы существующим экосистемам, находящие свое выражение в глобальных изменениях климата, уменьшении биологического разнообразия, озоновом истощении и т.п.

Вместе с тем, на этом уровне глобализация задает только контекст, точнее контекстуальные рамки изменений. Этот уровень (макроуровень) и уровень повседневности (микроуровень друг от друга) отделяет значительная дистанция. Макроуровень оказывает влияние на микроуровень не прямо, а через систему

посредствующих механизмов, так называемых «периферийных детерминант глобализации».

Говоря о влиянии глобализации на повседневную жизнь, можно утверждать, что все составляющие глобализации как набора детерминант оказывают то или иное влияние на повседневность и ее структуры. Однако наиболее очевидным образом такое влияние осуществляется такими ее элементами, как глобальные рынки и глобальная торговая система, глобальная коммуникация, глобальная мобильность, кросс-культурные взаимодействия.

Среди структур повседневности наиболее отчетливо выделяются: материальные, коммуникативные, интеракционные, поведенческие. К материальным структурам повседневности традиционно относятся такие очевидные и наблюдаемые явления, как питание, жилище, одежда, потребление, здоровье/болезни и т.д. Коммуникативные структуры характеризуют способы и средства получения и обмена информацией в повседневной жизни. Под интеракционными (относящимися к микроуровню социальной интеракции) понимаются формы и паттерны обыденного социального взаимодействия – с родственниками, соседями, друзьями и т.п. Наконец, поведенческие структуры обыденности – это бытовые привычки и стереотипы, использование времени и т.д. Процессы глобализации влияют на все эти структуры. Однако при этом наибольшее воздействие испытывают материальные и коммуникативные, тогда как интеракционные и поведенческие подвержены глобализационным влияниям в гораздо меньшей степени.

Глобализация как явление в значительной степени представляет собой интернационализацию культуры общества потребления, распространение паттернов потребительского общества по всему миру. Глобальные рынки и мировая торговая система, сложившиеся в последние десятилетия, стимулируют постоянный рост торговли. Сильное влияние глобализации испытывает на себе такой «классический» сегмент материальных структур повседневности, как питание людей. В результате серьезным образом изменился ассортимент продовольствия, представленный в структуре питания. Переход к обществу потребления – через распространение средствами массовой информации культуры потребительского общества – означает возникновение экономики потребления, потребителя (а не производства, производителя). В основе этой экономики – стремление к расширению спектра потребностей потребителя, заставляющем его чувствовать нужду во всё большем количестве товаров и их постоянном обновлении.

Другим видом структур повседневности, переживающих чрезвычайно серьезное воздействие глобальных процессов, является сфера коммуникации. На современную коммуникацию огромное влияние оказывают колоссальные технологические новации и изменения. Это интернет, развитие мобильной связи и т.д. Повседневная коммуникация значительно изменила свои привычные формы и каналы, значительно расширив границы повседневного коммуникационного пространства и сделав их чрезвычайно проницаемыми.

Меняются повседневные взаимодействия, меняются агенты интеракции. Это вызвано общими изменениями в социальном взаимодействии людей, среди которых выделяется характерная для глобализации интенсификация миграционных потоков. Всеобщие перемещения охватывают огромные потоки людей (трудовая миграция, беженство и т.д.). Процессы миграции имеют своим следствием, во-первых, вовлечение в круг общения гораздо более широкого круга людей, а во-вторых, появление в нем «иных», «других» – представителей иных культур с характерными для них поведенческими особенностями. Значительное количество контактов и взаимодействий осуществляются с носителями других культурных паттернов. Изменение условий повседневного взаимодействия повышает риски этнических и межкультурных конфликтов.

Наконец, изменениям подвержены и наиболее консервативные составляющие повседневности – поведенческие структуры. Конечно, они меняются очень медленно, но,

тем не менее, под влиянием глобализации изменения происходят и в этой сфере. Весьма заметно это проявляется в досуговом поведении (шопинг, развлечения и т.п.).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, глобализация есть набор контекстуальных детерминант, по-прежнему обуславливающих общий вектор происходящих в мире изменений. Во-вторых, в силу особой природы повседневности, ее составляющие подвержены влиянию глобализационных процессов через опосредующие механизмы, «периферические детерминанты». В-третьих, в наибольшей степени процесс глобализации влияет на материальные и коммуникационные структуры повседневной жизни.

1. См., напр.: Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с пол. М., 2005. С. 602-620.

ПЕРСПЕКТИВА ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПОСТЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ВАРВАРСТВО ИЛИ РАЗДЕЛЕННЫЙ (МНОГОПОЛЯРНЫЙ) МИР

Смирнов Пётр Иванович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Глобализация, начавшись в период великих географических открытий, на рубеже XX–XI веков казалась близка к завершению. Возникли единые пространства: экономическое (обмен продуктами и услугами), информационное (обмен значениями и смыслами) и правовое (обмен решениями). Была создана техническая и организационная инфраструктура, обеспечивающая их единство: межнациональные организации и корпорации, транспортные, энергетические и производственные системы, Интернет, ООН. «Расщепленный мир», о котором в 50-е годы XX века писал И. Ефремов («Туманность Андромеды»), шел к объединению, но, вопреки надежде писателя, не основе коммунизма, а на основе капитализма, чему радовался Фукуяма («Конец истории?»). Но ныне этот процесс приостановился и даже пошел вспять. Социологи и экономисты заговорили о глокализации, а политики о многополярном мире. Под действием объективных факторов мир разделился на соперничающие центры силы

Основных фактора разделения два: 1) борьба за ресурсы между крупными объединениями людей; 2) отсутствие единой системы ценностей, принятой в планетарном масштабе. Положение Устава ООН о человеке с его правами как высшей ценности осталось декларативным (и порочным).

Действие обоих факторов сказалось на ряде более конкретных явлений и процессов. Главные из них:

- Осознание гибельности глобализации, идущей на порочных основах рыночной цивилизации («капитализма»). Эти основы суть: признание высшей ценностью человека, богатства и хозяйства как приоритетных ценностей, через которые человек утверждает себя в обществе, доминирование эгоистичности в рыночной форме и акта купли-продажи как способа доступа к этим ценностям. Функционирование общества на этих основах, вкупе с ужасающей мощью человеческой деятельности, влечет проблему истощения ресурсов (экологическую), превращение человека в товар на рынке личностей (Э. Фромм), проблему свободного времени и др.

- Стремление США (лидера рыночной цивилизации) установить мировую гегемонию (стать единственно подлинной мировой сверхдержавой – З. Бжезинский), а также навязывание ими миру ценностей и образцов поведения, которые призваны упрочить их господство, обеспечить обладание ими мировыми ресурсами, а западной элите привычное существование.

- Наличие прочных объединений людей, стремящихся жить на основе собственных ценностей и способных противостоять давлению США.

Наступает век постцивилизационного варварства («Средневековья»), в коем применение силы неупорядоченно и чрезмерно.

Выход из варварства – в «единодушном созидании Духа Земли» (Тейяр де Шарден), конкретнее, в движении к духовно-игровой цивилизации (П. Смирнов). ООН нужно признать высшей ценностью разумную жизнь, ее носителем человечество, а мировому обществу обеспечить самореализацию человека через ценности, не приносящие вреда природе (славу, святость, власть, знание, мастерство).

ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Солдатов Александр Васильевич

(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)

Солдатов Андрей Александрович

(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)

Романова Виктория Алексеевна

(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)

В условиях перехода от локальных социально-экономических систем к глобальному рынку политическая сфера конкретных государств оказывается стоящей перед серьезными вызовами, в данных условиях вырабатываются различные стратегии взаимодействия с электоральными массами: от выбора в условиях ограниченного числа альтернатив до самого широкого предложения рынка электоральных услуг. В обоих случаях присутствует высокая степень неопределенности, которая искусственно стимулируется, ответом могут быть многочисленные примеры деструктивного поведения избирателей: формирование антимейнстримных блоков и объединений, протестное голосование, неучастие в выборных кампаниях, массовые акции протеста. Политическая система в подобных условиях оказывается перед серьезными вызовами, стратегии решения проблемы в подобной ситуации могут быть различными.

По-прежнему остается применимой ситуация традиционного административного давления: недопуск и снятие неудобных кандидатов, силовые разгоны протестных демонстраций, следует отметить, что подобные методы являлись привычными в условиях расцвета «закрытых» политических систем, характерных до середины XX столетия. В современных непростых реалиях высокой степени политической турбулентности административные границы политической системы крайне размыты, и она для своего более эффективного функционирования вынуждена взаимодействовать со все большим числом акторов. В подобной ситуации невозможно четко определить границы политической сферы, как таковой, поскольку она по факту включает в себя и неполитических субъектов, таких как транснациональные корпорации (ТНК), многочисленные «социальные сети», общественные движения и неправительственные организации, политическая система теряет свою прежнюю аутентичность и на место прежних видимых очертаний приходят подвижные коммуникативные границы. Политическая сфера легко обнаруживает свои границы в условиях любого административного давления, поскольку подобным образом создаются внешние барьеры и система ограничивается от окружающей среды, в свою очередь коммуникативное взаимодействие обнаруживает политику в более широких общественных сферах путем опосредованного воздействия на социальные процессы. Политика перестает являться простой производной государственных служб, и политическая сфера существенно расширяет свои границы в обществе, средством для этого служат различные имитационные технологии конструирования образов субъектов политики. Общественные

группы не являются лишь объектом манипуляций, они сами продуцируют множество трендов, которые могут поменять устоявшиеся политические ориентации многих субъектов социального поля. Политическая сфера вынуждена принимать подобные вызовы, повышая степень своей стрессоустойчивости. В качестве примера можно привести движения антиглобалистов в 90-е годы XX века, которые рассматривались в качестве «маргинальных». Все технологии подобных организаций на заре становления глобализации сводились к организации протестных акций, наиболее известными из которых были выступления во время проведения ежегодного экономического форума в Давосе.

В «нулевые годы» нынешнего века антиглобализм перестал являться экстремальным трендом и наметилась тенденция к его легализации в общественно-политическом дискурсе, в Европе появились многочисленные партии евроскептиков, получавших немалые голоса не только на национальных выборах в конкретных государствах, но и на голосованиях в Европарламент. В конце 10-х годов текущего столетия уже 45-й президент США Д. Трамп, страны-авангарда процесса глобализации заявлял с высоких трибун, что будущее не за глобалистами, а патриотами. В 2022 году крайне правые партии получили очень значительный процент голосов на выборах в парламент Швеции и фактически одержали победу на парламентских выборах в Италии. Учитывая, что у истоков антиглобалистского движения России стояли ультраправые силы, отметим, что на сегодняшний день с подобных позиций, с учетом сильно изменившейся ситуации, выступают и правоконсервативные силы.

Следовательно, антиглобализм перестал являться абстрактной категорией, а получает свое воплощение в реальных политических процессах в виде защиты национальных интересов и традиционных ценностей, а также требованием контроля над миграцией. Но политическая система, расширяя собственные пределы влияния (что дает основания именовать ее политической сферой), не может в полной мере уклоняться и от своих, выражаясь словами американского социолога Т. Парсонса, целедостиженческих функций. Политика подчинена в современных условиях рыночному механизму, где общественные запросы (спрос) диктуют предложения, но спрос в политике — это управляемый процесс, о чем еще в 40-е годы XX века писал американский экономист Й. Шумпетер. Политическая система имеет двойную природу гражданско-государственную и рыночную. Первая не случайно стоит впереди, поскольку именно она определяет конечную, равно как и промежуточную цель любого решения, но политическая сфера не только принимает сигналы извне, но и транслирует собственные смыслы.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Сукачев Сергей Владимирович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российским научным фондом (грант № 21-18-00125).

Необходимость разработки социологического подхода к исследованию цифровизации практик в сфере культуры, а также трансформации социокультурных пространств стала актуальна с их принудительным переходом на онлайн-платформы с началом пандемии Covid-19. На основании работ современных исследователей были выделены три общих подхода к рассмотрению феномена цифровой культуры: культура, появившаяся в результате распространения цифровых технологий и практик наряду с аналоговыми; набор компетенций, необходимых для использования ИКТ в повседневных практиках и коммуникациях; формирование единого информационного пространства для

предоставления и получения цифровых услуг в сфере искусства, государственного управления [1].

Среди исследований цифровизации культуры ситуация развивается аналогичным образом. Существует два основных подхода к анализу цифровой культуры. Первый основан на принципах трансгуманизма. В данном случае цифровая культура имеет всеобъемлющий характер, человек и окружающая среда трансформируются в результате процесса цифровизации. Второй основан на гипотезе техно-гуманитарного баланса. Он определяет цифровую культуру как множество различных концептов, которые можно практически осуществить с учетом возможностей человека и культуры [2]. Опора на социоцентристскую теорию предоставляет наиболее широкий взгляд на проблему и позволяет проанализировать текущие общественные трансформации с различных позиций, не исключая влияние человека, экономических, духовных, политических отношений.

Важно обратиться к истории возникновения цифрового искусства. Оно тесно связано с художественными течениями предыдущих периодов, в частности — с авангардным течением. Деятели культуры зачастую в первую очередь реагируют на технологические прорывы и перемены в обществе. Первые экспериментальные форматы творчества появились еще до начала глобальной цифровой трансформации, что подчеркивает ее социальную обусловленность. Художники стремились обновить язык искусства, освоив новые возможности виртуализации образа, осмыслить новые телекоммуникационные и виртуальные пространства, используя при этом доступные цифровые девайсы и технологические новации [3].

Границы термина «цифровое искусство» отчетливо сформировались к концу XX века, когда соответствующие произведения начинают встраиваться в институты культуры по всему миру. Терминология, связанная с высокотехнологичными формами искусства, до сих пор так и не устоялась; то, что сейчас известно как «цифровое искусство» с момента зарождения несколько раз меняло название: когда-то его называли компьютерным искусством, потом мультимедийным или киберискусством (1960–1990-е), сегодня же, наряду с термином «цифровое искусство» часто используют другой «медиаискусство» — в конце XX века он по большей части употреблялся применительно к кино и видео, равно как и к звуковому искусству и всевозможным гибридным формам [4]. Уже в 1970–1980-х годах деятели искусства в своих перформансах использовали спутники для трансляции видео и звука, что сейчас уже приняло вполне привычную для людей форму «стриминга». Процесс глобализации четко обозначил курс на преодоление географических границ для охвата более широкой публики, повышения доступности культурного просвещения и обмена, мультикультурализма. Компьютерные технологии продолжили развиваться и внедряться в культурный контекст, пока не стали рутинными. Сейчас культурные артефакты активно создаются при помощи технологий VR (от англ. Virtual reality – виртуальная реальность) и NFT – создания токенизированных версий цифровых или реальных активов, существующих в одном экземпляре. Так что в ближайшем будущем нас ждет возникновение новых форм арт-объектов и способов взаимодействия с ними. В области социальных исследований на данный момент обсуждается вопрос становления метавселенной.

На контрасте с традиционными формами искусства главным свойством цифровой культуры и искусства является смещение фокуса от объекта к концепту, то есть к виртуальности — изменяющейся структуре. Это новые возможности воплощения уже существующих форм творчества, а именно использование авторами инновационных технологий для создания произведений, новые способы коммуникации со зрителем, способы восприятия объекта. Привычные культурные практики никуда не исчезают, а трансформируются и переходят на другой уровень. Динамика этого процесса связана с активностью творческих деятелей, непрерывным развитием и совершенствованием технологий.

В процессе становления цифровой культуры многие цифровые объекты и репродукции получили официальный статус произведений искусства, а дочерняя компания Microsoft «Corbis», основанная в 1995 году, владеет правами на их демонстрацию. Это неизбежно способствует трансформации институтов культуры: меняется форма организации экспозиций, специфика хранения артефактов — цифровое искусство и архивы, несмотря на нематериальность, требуют наличия пространства, неважно локализованного или нет, такого же ухода и содержания, как и традиционное искусство. Зачастую это написание кодов, используемых для создания новых инструментов в виде программного обеспечения и платформ, работе серверов, их технического обслуживания. Трансформируются коммерческие отношения внутри и между институтами культуры, между институтами культуры и другими социальными институтами. Это происходит по причине оцифровки артефактов и дальнейшего их распространения.

Институты культуры зачастую самостоятельно начинают использовать интернет для экспозиции артефактов и репрезентации себя. Это имеет положительные стороны в виде сравнительной дешевизны содержания виртуальных музейных пространств и возможности выставлять для публики коллекции, находящиеся в хранилищах. Практически все институты на данный момент имеют страницы в социальных сетях или сайты, начиная от крупнейших, как Эрмитаж, и заканчивая районными библиотеками. Это обусловлено необходимостью выстраивать имидж в медиа в связи с претерпевшими изменения процессами коммуникации; повышения вовлеченности в трансформировавшиеся практики; что соответствует привычным коммуникативной и просветительской функции таких учреждений. Музеи и выставочные залы работают над внедрением виртуальных дополнений к материальным предметам искусства или пространствам выставки, это могут быть AR-объекты (от англ. Augmented Reality – дополненная реальность), аудиогиды или описания предметов, открывающиеся при помощи QR-кода. Таким образом, они предлагают посетителю испытать одновременно аналоговый и виртуальный опыт. Все чаще появляются проекты, например, «Izi.travel», который разрешает опубликовать собственные аудио-туры любому желающему, а не только сотрудничающим музеям. Таким образом, открываются новые возможности для коммуникации внутри культурной среды. А особенность прогулочных туров на площадке заключается в том, что, по сути, они находятся в виртуальном пространстве, но тем временем превращают пространство вокруг пользователя в музейное и локализуется там, где человек находится в момент времени.

Однако существуют полярные мнения касательно цифровизации музеев. Б. Гройс описывает дискуссию между сторонниками и противниками музейной цифровизации следующим образом: «Некоторые приветствуют подобное развитие, надеясь, что в результате кризиса музеев, отказавшись от своей устаревшей и неоправданной претензии на элитарность, станет более открытым, привлекательным и доступным широкой публике. Другие же, напротив, опасаются, что, присоединившись к медиасети, музей потеряет свою автономию и превратится в художественный диснейленд для «возвышенного» развлечения» [5].

Стоит упомянуть внедрение NFT-технологии в арт-пространство как трансформацию института коллекционирования предметов искусства. Изначальная задумка проектов заключалась в предоставлении неизвестным, локальным художникам, музыкантам, дизайнерам возможности монетизировать свои произведения, продавая их виртуальные копии, что служило бы трамплином для развития начинающих артистов. Однако достаточно быстро такие произведения превратились в виртуальный товар. По факту он не имеет ценности без образа за собой. Более стоящими являются коллекции и объекты, выпущенные при поддержке популярных артистов, уже производящих впечатление успешных и привлекательных. Корпорации включились в эти виртуальные экономические отношения и организуют коллаборации с мировыми звездами.

Интернет и социальные сети, основанные на принципах свободы, предоставляют эту свободу и деятелям искусства, и обычным потребителям. Так как это культурное взаимодействие происходит в полностью публичном и открытом пространстве, появляется возможность вести диалог как с другими деятелями, так и с пользователями. Резонанс, вызванный работой одного артиста, может вызвать мгновенную волну ответных реакций, при этом от оригинальной работы скорее сохранится сам образ, а формы будут разнообразными. Новое медиаискусство в публичном пространстве сетей — будь то сетевое искусство, или искусство, в котором задействованы мобильные устройства, или так называемые публичные интерактивы, или интерфейсы, предполагающие соучастие зрителей, — можно считать новой формой публичного искусства. Этому способствовало распространение парципаторной культуры (культуры участия), когда пользователи медиа сами становятся участниками творческого процесса [6]. Аудиогиды и другие технологические средства, и само цифровое искусство, представляемое в культурных пространствах, могут позволить зрителю наладить коммуникацию: контакт с экспертом, искусствоведам, критиком или самим автором. Благодаря технологиям, зритель может принимать участие в создании произведения не только с помощью интерпретации воспринятого, как это было раньше, и погружаться в артефакт, но и использовать для этого все виды чувственного восприятия: визуальное, текстовое, аудиальное, что приводит к тому, что оно поглощает тебя, а не наоборот. Что, как писал Вальтер Беньямин в своей известной работе «Произведения искусства в эпоху технической воспроизводимости», является потерей «ауры» произведения. Искусство становится предметом развлечения. Упадок ауры по Беньямину есть не только следствие технического прогресса, но и социальная необходимость сделать культуру доступной для масс.

Очевидная тенденция виртуализации современного искусства заключается в том, что авторы при создании произведения делают акцент на создании привлекательного образа, в том числе конструировании собственной идентичности, нежели на оригинальность и наполненность работы смысловым содержанием. Как отмечает Деникин А. А., цифровое искусство позволяет каждому, даже если он не имеет специальных философских, научных или исторических знаний, стать причастным к искусству, обращенному ко всему человечеству [3]. Идеи В. Беньямина спустя многие годы находят подтверждение.

Для того, чтобы рассмотреть особенности в процессе культурного взаимодействия между акторами, которыми выступают пространство, зритель, автор, музей, мы считаем правильным начать с анализа вовлеченности людей в культурные практики. Обращаясь к данным «MAGRAM Market Research» [7] о посещении жителей Москвы и Подмосковья музеев, можно сделать вывод, что основным источником информирования о культурных событиях выступает «сарафанное радио». Женщины на 17% чаще получают информацию в процессе живого общения, что отсылает к гипотезе о том, что мужчины в целом принимают меньшее участие в культурной жизни. Далее следуют интернет-источники: самостоятельный поиск, сайты и реклама. Мужчины чаще женщин узнают о мероприятиях посредством радио. Наиболее вовлеченными в культурную жизнь также являются люди с высшим образованием. Это отражает наличие определенной связи эффективности источника информации и социально-демографических характеристик.

В то же время необходимо рассмотреть влияние ценностей людей на вовлеченность в практики. Руководитель направления «Пушкинский. Youth» ГМИИ им. А. С. Пушкина Наталья Гомберг выяснила у представителей поколения Z (респонденты в возрасте 14–19 лет) зачем они ходят в музеи [8]. Анализируя ответы респондентов, можно выделить основные причины — отдых, получение удовольствия, возможность коммуникации и интеграции в общество, возможность приобщиться к истории, возможность уйти от повседневности, пространство свободы, пространство для рефлексии, а также мода, имидж и мерчендайз. Так или иначе, многие связывают это с эмоциональной сферой.

Некоторые респонденты упоминают практики использования цифровых технологий несмотря на то, что вопрос этого не подразумевал. Это публикация фото из музеев в социальные сети, использование пространства коворкинга при музее, прослушивание музыки во время просмотра выставки. Для молодых людей вовлеченность в культурные практики и практики использования цифровых технологий может строиться на имиджмейкинге, — конструировании образа в социальной сети и статуса в жизни, — потребности в реализации и поиске единомышленников, свойственной эпохе дабл-пост чувство, что нам критично не достает тактильности, вещественности, материальности, ощущения подлинности, ощущения здесь и сейчас[9], которое можно удовлетворить в точках доступа к реальности [10]. У взрослых людей можно отметить влияние родительской роли на использование технологий. Посещение музея с ребенком приводит к более активному использованию гидов и экскурсий, что говорит о желании расширить кругозор и знания ребенка, сделать его поход в музей интересным, в то время как у самого родителя таких потребностей уже может и не быть.

На основании проведенного анализа можно выделить проблемы, возникающие в процессе трансформации культуры. Становится актуальным вопрос об обеспечении свободного, непривилегированного доступа к мировому культурному наследию. При одинаковом уровне доходов и образования дополнительные преимущества получают пользователи цифровых технологий. Остальные оказываются исключенными из информационного пространства, что порождает культурный разрыв, связанный с невозможностью создать образ, вступая в культурную коммуникацию. Таким образом, индивиды теряют доступ к полезной информации, популярности в виртуальных сообществах, возможности получить поддержку. Еще одна немаловажная проблема состоит в том, что смысл современного искусства на данный момент сводится к построению образа. Главная тенденция — доступность культурного опыта, не требующая специальных знаний. Как следствие, культура и искусство превращаются в сферу развлечения, которая главным образом должна выполнять досуговую функцию, наряду с тем, чтобы служить пространством, где человек может на время освободиться от давления «реальности».

1. Сукачев С. В. Ускорение процессов цифровизации культуры в условиях пандемии COVID-19 // *Социолог: образование и профессиональные траектории*. 2021. С. 105–107.
2. Елькина Е. Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики // *Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего*. 2018. №. 2. С. 195–203.
3. Деникин А. А. "Постцифровая эстетика" в художественных практиках цифрового искусства // *Наука телевидения*. 2017. №. 13.2. С. 106–123.
4. Пол К. *Цифровое искусство*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 272 с.
5. Гройс Б. *Медиаискусство в музее* // *Moscow Art Magazine [web-caim]*. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/88/article/1931> (Дата обращения: 15.05.2022)
6. Jenkins H. (2006) *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York, London: New York University Press. 318 p.
7. Исследование посещения музеев Москвы MAGRAM Market Research (2020 г.) URL: <https://magram.ru/upload/iblock/76d/76d6eb9c602677b7b7f8ed2ce84d4fed.jpg> (Дата обращения: 31.05.2022).
8. Почему поколение Z ходит в музеи. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/392723-zachekinitsya-na-vystavke-pochemu-pokolenie-z-hodit-v-muzei-i-razbiraetsya-v> (Дата обращения: 10.06.2022)
9. Москалюк М. В. *Произведение искусства в эпоху тотальной воспроизводимости*// *Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий*. Материалы Всероссийской научной конференции. 08 октября 2020 / под ред. С. Житенёва и др. Litres, 2021.
10. Иванов Д. В. *От глобализации к постглобализации: анклавы дополненной современности и перспективы социального развития* // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2019. № 1. С. 12-18.

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Терашкевич Илья Сергеевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российским научным фондом (грант № 21-18-00125).

В современной России большинство людей ежедневно использует интернет: его суточная аудитория составляет примерно 70% взрослого населения [2;49]. Интернет стал частью повседневной рутины, платформой для общения, работы, развлечения, поиска информации и т. д. Однако использование интернета различается территориально: суперурбанизированные мегаполисы, «перенасыщенные» сетевыми и потоковыми ресурсами, живут своей собственной социокультурной жизнью, в то время как реальность в российских регионах «блеклая» и «опустошённая» [2;52]. Это приводит к тому, что активность региональных пользователей в интернете отличается от активности пользователей из больших городов. Становится важно понять и проанализировать суть этих отличий.

Для осмысления темы нужно учесть генезис интернет-технологии, а также ценности и нормы её создателей. Изначально интернет был инновационным проектом исследовательского института при министерстве обороны США и использовался ограниченным кругом учёных-специалистов из академического сообщества [5]. Благодаря им интернет стал средой, в которой сформировалась своя собственная культура, важным элементом которой стала идеология свободы [там же;]: в первую очередь — свободы коммуникации и распространения информации. Это, а также гибкость и открытость сетевой архитектуры интернета, позволяла пользователям трансформировать и переопределять его, тем самым привнося свои улучшения [5; 44]. В последствии, когда интернет превратился в более доступную технологию, в нём начали формироваться «виртуальные сообщества», вместе с которыми появились социальные инновации. Таким образом, интернет становится особым, эклектичным пространством, в котором вместе сосуществуют различные группы пользователей, с разными нормами и ценностями, но которых объединяют свобода, неформальность и виртуальность взаимодействия. «Реальные» вещи и поступки в этом пространстве «виртуализируются» — заменяются виртуальными аналогами (симуляциями) [1;7].

Можно назвать это пространство постмодернистским в том смысле, что законы «реального» мира, представления о хорошем и плохом, смешном и несмешном, содержательном и бессодержательном теряют или изменяют свои привычные значения. «Сетап» и «панчлайн» в шутке; начало, середина и конец в художественном произведении; «Здравствуйте» и «С уважением» в письме; возраст и реальный статус в общении; гендер и идентичность — всё это становится более гибким и изменчивым.

Стоит также обратить наше внимание на место жительства, как фактор, влияющий на использование интернета и информационных технологий. Подобную идею мы можем наблюдать у Мануэля Кастельса («...использование интернета сильно дифференцировано в территориальном отношении вследствие неоднородного распределения технической инфраструктуры...»[5;246]), у Д.В. Иванова (глобальная социальность не сформировалась, существует цифровой разрыв между «анклавами глобальности» и остальными территориями [2;46]), а также в ряде эмпирических исследований: «Фактор места проживания именно в разрезе «город-село» оказывает влияние на процессы цифрового развития» [6;11]; «Для жителей отдалённых территорий их место проживание во многом предопределяет довольно низкие возможности в сфере информатизации» [7;56] и прочее.

Отдельно стоит выделить качественно иное цифровое неравенство — неодинаковую включённость пользователей в виртуальное пространство. Тот, кто больше вовлечён в интернет-пространство, знает его законы и правила, способен манипулировать и управлять своим виртуальным образом, чтобы получить привилегии, статус, блага и встать на вершину виртуальной иерархии. Следовательно, тот кто слабо включён в процессы интернета и руководствуется законами реального мира, оказывается на периферии «виртуального» пространства, что создаёт почву для конкуренции и новую форму неравенства [1]. В исследовании Иванова, Асочакова и Богомяковой для определения развитости потоковых и сетевых структур используются такие критерии как включённость, активность и креативность в социальных сетях [3]. Под креативностью понимается «создание собственным действием реальных и виртуальных объектов» [3;70]. В работе также отмечается: жители старшего возраста, а также жители регионов менее активны в интернете, нежели молодёжь, люди среднего возраста и жители мегаполисов.

Обобщая написанное выше, можно заключить, что территориальный фактор влияет на включённость пользователей в цифровую среду. Жители регионов менее активны и креативны в интернет-пространстве, нежели жители мегаполисов. Это может быть обусловлено отсутствием необходимых экономических и социальных ресурсов; недостатком желания, образования, компьютерной грамотности, а также характером труда и возрастом жителей.

Несмотря на то, что жители регионов менее активны в интернет, они используют его: общаются, самовыражаются, создают контент и обсуждают общественно-значимые вопросы в социальных сетях. Однако в их интернет-практиках (под этим подразумевается регулярное производства контента в социальных сетях) существует определённая специфика, для понимания которой требуются не только количественные методы, но и подробное рассмотрение виртуального контента, производимого этими пользователями: «постов», «репостов», комментариев, групп, «пабликов», мемов и т. д. Можно утверждать, что такой контент не соответствует неким правилам и нормам интернет-культуры наиболее включённых пользователей: логика «реального» мира применяется в «виртуальном» мире. Иными словами, «реальные» представления экстраполируются на «виртуальный» контекст. Разберём это подробнее.

Как уже писалось выше, законы «реального» мира работают иным образом в виртуальном пространстве. Автор считает, что строгая логика «реального мира» перестаёт работать. На смену ей приходит «виртуальная логика» - новая система смыслов, в которой всё «нереально» и непостоянно. Пользователь, который разделяет эту систему смыслов, способен лучше понимать интернет, его культуру; взаимодействовать с другими пользователями; конструировать идентичность и образы. По мнению автора: дихотомия «реальной логики» и «виртуальной логики», является удобной «оптикой» для анализа процессов цифрового неравенства и цифрового разрыва.

Разберём представленные идеи подробнее на конкретных примерах. Тексты типичных пользователей интернета, понимающих «виртуальную логику», достаточно показательны. Как правило, они написаны неформально, их авторы сознательно отходят от языковых норм, занимаясь «языковой игрой»; расстановка знаков препинания носит условный характер и теряет свою изначальную функцию. Слова имеют меньшее значение, а любая дискуссия может быть сведена к «троллингу», высмеиванию, оскорблению или игнорированию оппонента. Пользователь, который в большей степени разделяет «логику реального мира», как правило, старается соблюдать языковые нормы и воспринимает, дискуссию и комментарии всерьёз, как «реальную». Такой пользователь может становится жертвой «троллинга» и апеллировать к «реальному» миру и его законам. Стоит также внимательнее рассмотреть расстановку знаков препинания. «Виртуальный» тип пользователя часто отказывается от точек, запятых, восклицательных знаков. Он может более творчески подходить к своему тексту, изменяя его структуру и форму. «Реальный» тип пользователя склонен правильно расставлять знаки препинания, использовать много

восклицательных знаков и точек; в редких случаях у него может возникнуть трудность с постановкой «пробела»: он не знает, ставить ли «пробел» перед запятой, тире и т.д. (это характерно для пожилых людей, которые неуверенно пользуются телефоном или компьютером). С «эмоджи» наблюдается ещё более интересная тенденция. «Виртуальный» пользователь использует так называемые «смайлики» в умеренных количествах, чтобы выразить эмоцию, но чаще наблюдается иная картина: излишнее использование «эмоджи» позволяет довести сообщение до абсурда, показать ироничность, нарочитую глупость и создать комический эффект. «Реальный» же пользователь использует «эмоджи», как инструмент для выражения эмоций.

В рамках данной темы стоит также рассмотреть публикации и интернет-мемы пользователей. Публикации пользователей «виртуального» типа направлены на создание искусственного образа, идентичности, в то время как публикации пользователей «реального» типа фрагментарно отражают их «реальную» жизнь: в них они могут делиться своими «реальными» достижениями, выкладывать фотографии членов своей семьи. Главное отличие в том, что для первых не так сильно важна их реальная жизнь, как их образ в интернете. Зайдя на страницу полностью «виртуальных» пользователей, будет сложно сказать, что они из себя представляют в «реальности»: есть ли у них родственники; бывали ли они в других странах; как выглядит их квартира и т. д. Возможен также третий случай, когда пользователь не доверяет интернету и социальным сетям и распространяет как можно меньше информации о себе.

Мемы же за последние годы прошли трансформацию от шутки, забавной картинке к абстрактному референтному образу, в котором может не быть ничего комического. Мемы стали нарочито антикомичны. Парадоксально, но таким образом они высмеивают традиционные представления о юморе и «реальную логику». К примеру, в социальных сетях пользователи старшего поколения могут отправлять друг другу открытки, что в «реальности» является обычной практикой. Однако среди молодых пользователей это приобретает иной смысл — несерьёзный, ироничный; эта практика доводится до абсурда.

Основываясь на данных эмпирических исследований, можно сказать, что распределение пользователей, придерживающихся «виртуальной логики» и «реальной логики» неоднородно: в регионах преобладает второй тип. Жители регионов хуже вовлечены в интернет-пространство, оно для них имеет меньшую значимость: физическое присутствие предпочтительнее (а иногда и доступнее), нежели общение в интернете. Их публикации в социальных сетях и комментарии отражают их «реальные» представления. Интернет для них — не более чем инструмент для общения, без которого можно прожить. Если возраст влияет на уровень активности в сети, то он также может влиять на показатель «виртуальной логики»: чем старше пользователь, тем хуже он понимает нормы и ценности интернета, его условность, изменчивость и ироничность. Содержание его комментария будет понятно, чётко выражено, как в «реальной» жизни. Публикации, к примеру, в группе районной газеты будут выглядеть не как посты в интернете, а как тексты из «реальной» газеты, напечатанной на «реальной» бумаге. Коммуникации с другими пользователями будут проходить как с «реальными» людьми, в привычной манере: в общении будут учитываться возраст, пол и социальный статус собеседника. В такой ситуации есть риск стать жертвой «тролля» или бота. Региональный пользователь, ничего не подозревает, воспринимает бота, как «реального» человека, к чьей информации он может прислушаться; он не осознаёт, что боты — не живые люди, а программы или виртуальные идентичности.

Таким образом, автором выделяется два типа пользователей, имеющих разные представления об интернете, культуре поведения в интернете, а следовательно — ведущих себя в нём по-разному. Можно предположить, что в регионах преобладает «реальный» тип пользователей, который в силу социально-экономического статуса воспринимает интернет иначе. Региональный житель — это пользователь, который применяет законы «реального» мира в «виртуальном» пространстве. На это влияет цифровой разрыв между

мегаполисом и малым городом: недостаток в последнем цифровой инфраструктуры, экономических ресурсов, товаров и услуг. При таких условиях интернет скорее вторичное средство общения, а конструирование виртуального образа имеет меньшую значимость, чем в мегаполисе. Согласно гипотезе автора, социальные интернет-практики, контент производимый региональными пользователями будут (в большинстве случаев) отражать их «реальные» представления, иметь скорее привычную, традиционную форму, отличаться на фоне социальных интернет-практики пользователей мегаполиса, для которых интернет — средство учёбы, работы, покупки товаров, а также — самое главное — способ сконструировать виртуальный образ и показать свой статус.

Изучение специфики социальных практик жителей российских регионов в интернет-пространстве — относительно новое направление в исследованиях. Как правило, исследователи собирают и анализируют количественные показатели, неизменно отмечая разницу в цифровом развитии между крупными городами и регионами; связь между возрастом и образованием пользователей, и их активностью в социальных сетях. В данной работе предлагается опуститься на более низкий, микро-уровень абстракции и рассмотреть практики региональных пользователей напрямую, в их повседневном взаимодействии.

Автор данной работы полагает, что основное отличие региональных пользователей от городских — иное восприятие интернета, его норм, ценностей, законов, а также меньшая вовлечённость и значимость интернета в повседневной жизни, что проявляется в контенте, создаваемом пользователями. Данное исследование является не более чем эскизом, а представленные идеи и концепция — гипотеза, которая требует дальнейшей доработки, осмысления и сбора эмпирического материала.

Для дальнейшей разработки темы будет осуществлён сбор эмпирического материала в районных группах в социальной сети «ВКонтакте». Будет проанализировано тематическое содержание постов, стиль их написания; акцент также будет сделан на коммуникации региональных пользователей с «виртуальными идентичностями» - ботами и троллями.

Результаты данного исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки темы цифровизации в контексте цифрового разрыва между мегаполисами и регионами.

1. Иванов, Д. В. *Виртуализация общества* / Д. В. Иванов. – Санкт-Петербург : Центр "Петербургское востоковедение", 2000. – 96 с. – ISBN 5-85803-154-4. – EDN RQCRDJ.
2. Иванов Д. В. *Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации* // Социологические исследования – 2020. – Номер 5 С. 44-55 [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250009397-9-1> (дата обращения: 25.05.2022). DOI: 10.31857/S013216250009397-9
3. Иванов Д.В., Асочаков Ю.В., Богомякова Е.С. (2021) *Включенность в интернет-коммуникации и креативность в социальных сетях как показатели социального развития*. Журнал социологии и социальной антропологии, 24(2): 56–80. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.3>
4. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. Ред. О.И. Шкаратана.* - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.
5. *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе* Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. - Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. - 328 с. (Серия «Академический бестселлер»).
6. Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. *Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России* // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1
7. Шиняева О. В., Слепова О. М. *Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска* // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61>

ТРАНСФОРМАЦИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЖАНРА ПИСЬМА В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКА Б. ЛАТУРА

Ткаченко Кирилл Владимирович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Теоретические построения Б. Латура, артикулированные акторно-сетевой теорией, являются частью корпуса современных социологических теорий, которые со свойственной им метафоричностью «сетей и потоков», отвечали на брошенный социальным наукам вызов, опосредованный парадоксализованным перетеканием глобализации в постглобализацию [1, 13]. В «Науке в действии» [3] Б. Латур ставит перед собой задачу описать метод, направленный на изучение социального конструирования технауки. В этой работе наука предстает как коллективное (акторы) и протяженное (сети) предприятие, которое использует огромное количество социальных ресурсов для конструирования научных фактов (сетей) и превращения их в черные ящики. Если в своей недавней работе [2] Б. Латур растягивает между собой различные аттракторы как крайние позиции дискурсов о земле и её будущем, так или иначе порождённых нестабильностью постглобального мира, то в «Науке в действии» мы находим теоретико-методологическую рамку, которая позволяет выявить ресурсы, вовлеченные в производство нового научного знания и любого другого знания, опосредованного текстовым форматом. Представление науки с точки зрения акторно-сетевой теории зиждется на том, что наука – это безусловно социальное и, как следствие, глобальное предприятие. Акторы, вовлеченные в сеть под названием «наука», задействуют ресурсы социального характера и переопределяют её статус с каждым новым утверждением. В связи с этим важно реактуализировать предложенную Б. Латуром теоретико-методологическую рамку, позволяющую выявлять вовлеченные в производство научных фактов ресурсы риторического характера, имеющих в своих корнях перформативную механику, что в свою очередь освежает взгляд на академический жанр письма.

В «Науке в действии» Б. Латур призывает следовать за учеными туда, где творится магия, где научные факты пребывают в незаконченном и незавершенном виде. Для того, чтобы застать научные факты в незаконченном виде, предлагается ряд методологических правил, но далее мы рассмотрим только те из них, которые касаются академического жанра письма. Первое правило связано с противопоставлением законченного технаучного факта и незавершенного факта, находящегося в процессе становления [3, 46]. Готовый технаучный продукт представляет из себя черный ящик, который уже выполняет свою функцию, но не раскрывает перед нами подробный ряд операций. Разобрать черный ящик предприятие весьма и весьма энергозатратное, если вообще возможное, поэтому Б. Латур предлагает изучать технаучные факты в тот момент, когда они ещё не предстали как законченные продукты – черные ящики наряжены в свои выглаженные костюмы и представлены публике в лучшем свете. Сопровождается это правило ликами дуалистичного бога Януса – один его лик уже все знает (готовый научный факт), а другой ещё молод и не крепок (научное утверждение в процессе производства). Следующие два методологических правила идут бок о бок друг с другом. Второе методологическое правило концентрируется вокруг идеи о том, что акторы, выстраивающиеся в сеть постоянно переопределяют её статус, поэтому участь технаучных фактов зависит от будущих утверждений [3, 400]. Третье правило ещё более интересное, поэтому предлагаем цитату: «нам нужно было перестать считать, что Природы самой по себе достаточно для разрешения разногласий, и начать принимать во внимание нестрый список ресурсов и союзников, которых ученые собирают под свои знамена, чтобы не позволить несогласным их опровергнуть» [3, 170].

Предложенная методологическая комбинация призвана продемонстрировать, как академический жанр письма задействует набор «сильных» риторических приёмов для того, чтобы заставить читателя принять научное утверждение. Б. Латур сознательно уходит от проверки научных фактов на предмет истинности, переконцентрируя внимание на изменения, которые претерпевали научные утверждения, какие ресурсы и союзники призывались на бою битвы, дабы отстоять статус научного утверждения. На страницах «Науки в действии» мы скорее всего не найдем точного определения понятия «ресурсы», но становится совершенно понятно, что это средства риторического характера, которые актуализируют социальный капитал в поддержку научного утверждения. Природа, по мнению Латура, становится причиной всех технонаучных споров только к тому моменту, когда споры по поводу научного утверждения завершились, когда сложилась плотная сеть консенсуса, которую в конечном итоге принимают будущие поколения. Иными словами, будущие поколения наделяют природу ответственностью за решенную технонаучную проблему. На деле же именно общественный консенсус ставит точку в технонаучных баталиях. Однако в какой-то степени природа все же причастна к разгорающимся научным спорам. Б. Латур указывает, что в тот момент, когда наглядности природы для разрешения технонаучного конфликта «здесь и сейчас» недостаточно, – призывается максимально возможное количество социальных ресурсов, целью которых является защита авторской позиции, поэтому Латур говорит об этом прямо: чем выше разногласия, тем более технической становится литература [3, 61], соответственно, жанр академической (технической) литературы – это самый социальный жанр, т.к. он задействует намного больше ресурсов риторического характера для защиты излагаемого тезиса, нежели художественная литература. Задача ресурсов риторического характера одна – оставить читателя в одиночестве [3, 105], но это оперативная задача, стратегическая цель заключается в том, чтобы заставить читателя принять излагаемое утверждение, а через принятие побудить его к действию.

Таким образом, жанр академического письма по Б. Латуру всегда имеет цель. Академическое письмо настроено на то, чтобы подарить читателю чувство социального одиночества – «я один, а против меня когорта данных, ссылочный аппарат, логическая структура текста, таблицы, диаграммы, цитаты классиков, выступающих с броневику в поддержку научного утверждения». Однако оставить в одиночестве – это техническая задача второго порядка, главная цель – это убедить в истине излагаемого научного утверждения [3, 73], а через убеждение побудить его к действию. В этом основной прагматический смысл академического письма по Б. Латуру – действие на основе научного знания. Научное знание используется людьми в самых различных сферах общественного бытования. Сама технонаука более широкое понятие, чем наука и техника, которое включает в себя все, где присутствуют самые отдаленные элементы науки. Б. Латур не использует понятие «перформативность», однако становится понятно, что речь идет именно о перформативности науки, актуализированной через риторические приемы, заимствующиеся в академическом жанре письма. Предложенная концептуализация перформативности академического письма может быть переложена на любое текстовое и публичное письмо, что в свою очередь открывает новые перспективы не только для изучения науки в постглобальном и текстоцентричном мире, но и любых других сетей, акторов и потоков парадоксальной современности, артикулированных через текст. Заведомо оставим за скобками механику перформативности по Б. Латуру. Раскрыть её – задача иного порядка. На данный момент можно констатировать одно – жанр академического письма претерпевает изменения, и социология в постглобальном мире должна искать новую исследовательскую оптику для его изучения.

1. Иванов, Д. В. От глобализации к постглобализации: анклавы дополненной современности и перспективы социального развития / Д. В. Иванов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2019. – № 1. – С. 12-18. – DOI 10.33491/telescope2019.102. – EDN YWZTJJ.

2. Латур Б. *Где приземлиться. Опыт политической ориентации.* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
3. Латур Б. *Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри общества* / пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.

ФЕНОМЕН МАЛОЙ РОДИНЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тхакахов Валерий Хазраилович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00742)

Изучение феномена малой родины имеет сложившуюся и признанную традицию в гуманитарных и социальных науках. Настоящий материал подготовлен на основе научного отчёта по проекту РФФИ, утверждённому экспертами фонда в 2021-2022 гг. и который продолжается и в настоящее время. Феномен малой родины изучался в его связи с гражданской идентичностью на двух взаимосвязанных уровнях: теоретико-аналитическом и эмпирическом. В первом случае исходной ориентацией выступали подходы: пространственный, феноменологический, биографический, гуманитарно-географический, антропологический, теория культурной травмы. Каждый из них тесно связан с определённым отношением к категории места и основным кредо – «место имеет значение». Как известно, внутри пространственного подхода сложились и сосуществуют две аналитические перспективы – концепция пространства мест и концепция пространства потоков. Значимость первой актуализировалась в эпоху глобализации/глокализации. По сути, это реакция – научная и социальная – на господствующее положение пространства потоков и те последствия, которые им детерминированы. Аналитическая структура социального пространства с делением её [в логике А.Лефевра, 2015] на абстрактную и абсолютную части позволяет «поместить» феномен малой родины во вторую разновидность пространства. Абсолютное пространство трактуется как природное, «органическое» пространство, как хранитель гражданского единства и различных связей внутри сообществ. Социальная и культурная основа данного пространства это местные сообщества, различные группы, соседства, практики социального взаимодействия, идентичность и память, которые скрепляют поколения в пространстве мест. Феномен малой родины – порождение абсолютного пространства, нежели абстрактного. Абсолютное пространство охватывает миры повседневности (воспринимаемое) и образно-символическое (переживаемое). Это жизненные миры, которые производят и используют её жители, которые также включают их пространственную практику и пространства репрезентации. Пространство мест это исторически укоренённая организация нашего опыта; это мир значений и культурных кодов, связанных историей и идентичностью [Кастельс, 2000]. По-прежнему, большинство людей как в развитых, так и в традиционных обществах живут и воспринимают своё пространство как пространство мест. Ему противостоит и навязывает свои модели и логику производства и потребления абстрактное пространство (задуманное) – доминирующая форма эпохи неолиберального капитализма. Идентификационная категория малой родины – составная часть процесса конструирования и символического присвоения жизненного мира пространства мест. В исследовании малая родина как символическая часть гражданской идентичности трактуется как совокупность представлений и практик сопринадлежности индивида и группы к пространству мест рождения, происхождения и первичной социализации. Малая родина – это то, что чувственно-эмоционально и практически объединяет в их лояльной привязанности к месту – физическому и символическому. При этом понимание

гражданской идентичности основывается на социологической традиции, связывающей её с негосударственными формами социальных отношений и саморганизации. Гражданская идентичность места базируется на локальных ценностях и производстве социальных практик, демонстрирующих определённое отношение к малой родине – патриотизм, ностальгию, забвение, коммеморативные мероприятия, благотворительность, проекты возрождения, имплементация в систему образования. С научной точки зрения феномен малой родины необходимо анализировать как в статике, так и в динамике. Одним из перспективных направлений родиноведения (homeland studies) является рассмотрение проблемы утраты малой родины в результате добровольных или принудительных переселений. На примере кейсов затопленных территорий (Молога и черкесские аулы) показано, что утрата малой родины детерминирует: а) разрыв социальных и культурных связей внутри и между сообществами; б) появление низовой саморганизации местных активистов, которые заново конструируют гражданскую городскую идентичность, объединённые проблемой утраты; в) активное формирование культурного дискурса, в котором малая родина позиционируется как субъективная ценность и как одно из оснований жизненного мира. Малая родина как представление и социальная практика в пространстве гражданской идентичности обеспечивает посредством своих агентов воспроизводство социального взаимодействия (реального или воображаемого) с местом и поддерживает социокультурные связи с ним в рамках природного и культурного ландшафта сообществ; способствует узнаванию, подтверждению идентичности места. Выбор феноменологического и биографического подходов также связан с общим видением места и роли малой родины в идентификационных процессах. Эмпирическое сопровождение Проекта нацелено на выявление различных категорий респондентов как о самом феномене малой родины (анкета «Моя малая родина»), так и о тех социальных практиках, которые реально существуют по её поводу.

Общие перспективы концепции пространства мест связаны:

1. с возрождением интереса в мире и в России к локальной идентичности – социальной, культурной, политической; с ростом интереса к проблемам памяти, генеалогии и малой родины;
2. с расширением практик символического сопротивления логике абстрактного пространства/пространства потоков, пытающегося деконструировать местные традиции, идентичность и ценности локальных сообществ;
3. с активизацией идеологии неоконсерватизма, неомарксизма, оппонирующих пространственным практикам неолиберализма;
4. с ориентацией на междисциплинарность, которая значительно расширяет эпистемологические возможности научного описания и объяснения феномена места и малой родины.

СЕТЕВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ КАК РЕАКЦИЯ НА ПРОВЕДЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РОССИИ НА УКРАИНЕ

Фомин Егор Васильевич

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Зимова Наталья Сергеевна

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Высшая школа современных социальных наук
(факультет))*

Исследование посвящено изучению механизмов формирования социальной солидарности в период Специальной военной операции России на Украине (далее – СВО). Анализ подходов Дж. Александера [1], П. Штомки [2] к изучению солидарности позволил

предположить, что проживание коллективной травмы ведет к появлению новых форм сетевой солидарности.

Безусловно, реальный анализ происходящих событий ученые могут дать спустя десятилетия, но уже сейчас методы цифровой социологии позволяют взглянуть на протекание отдельных социальных процессов [3].

Нами рассматриваются события СВО в отечественном сегменте интернета с 24.02.2022 по 24.04.2022 года. Технический инструмент – система анализа социальных медиа Крибрум. Наиболее ярко проявляются элементы социальной солидарности:

повышение доверия социальным институтам, высшему руководству страны. Рейтинг эффективности работы Президента В.В. Путина вырос с 60-63% до 81%, рейтинг недоверия снизился с 21% до 13-8%. Также выросли показатели доверия к Премьер-министру М.В. Мишустину (с 49.9% до 62%) [4]. Пользователи писали: «Мишустин это надёжный тыл, когда Путин и Шойгу на передовой! Вместе сила!».

формирование единой символической знаковой системы. В сообщениях пользователей прослеживается несколько способов применения символов Z, V, O: как предлог, показывающий цели СВО: «За правду», «За веру», «За свободу», «За справедливость»; для указания защищаемых категорий: «За народ», «За славян», «За ребят», «За дедов», «За детей»; для отражения территорий: «За Донбасс», «За Державу», «За Россию», «За отечество»; использование знаков «Z» и «V» в лозунгах: «Сила V правде!», «За победу!», «Задача будет выполнена!», «Победа будет За нами!».

единая трактовка исторического прошлого: травмирующий опыт Великой Отечественной Войны, который воспроизводит народный нарратив страдания через воспоминания и переживания о войне;

единое понимание целей и задач принимаемых государственных решений. По теме денацификации опубликовано на 163.5 % большее сообщений, чем по демилитаризации. Задача по демилитаризации кажется пользователям утилитарной, а по денацификации культурно и идеологически значимыми. Основные сюжеты травматического нарратива: ущемление прав русскоязычного населения, преступления против Донбасса, фашистская идеология.

1. Alexander Ch.J. *Culture trauma, morality and solidarity: The social construction of «Holocaust» and other mass murders // Thesis Eleven. L. 2016. Vol. 132. No 1.*
2. Штомпка П. *Социальное изменение как травма // Социологические исследования. М. 2001. № 1. с. 6-16.*
3. Зимова Н. С., Фомин Е. В. *Сетевая солидарность как ответ на коллективную травму (на примере специальной военной операции России на Украине) // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 3. – С. 148-165.*
4. ВЦИОМ, *Доверие политикам, 04 сентября. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> (дата обращения – 10.09.2022).*

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИЙСКОМ МЕГАПОЛИСЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАКТИК БЕЗДОМНЫХ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Черноиванова Анна Сергеевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (грант № 21-18-00125).

Цифровизация (цифровая трансформация) общества – это глобальная тенденция постиндустриального общества. Менеджерский дискурс последних 10–15 лет представляет цифровизацию как комплекс инновационных процессов, кардинально меняющих функционирование социальных институтов и общественную жизнь. С другой

стороны, развитие цифровых технологий в социокультурной среде крупнейших российских городов уже не является для жителей крупных городов трансформацией, для большинства населения – это воспроизводство рутинных практик. Об этом свидетельствуют результаты многих эмпирических исследований и в том числе данные опроса жителей Москвы и Санкт-Петербурга в феврале – марте 2020 г.: более 80 % взрослого населения – ежедневные пользователи Интернета, более 50 % – создатели цифрового продукта в социальных сетях [1].

Цифровые технологии, уже ставшие неотъемлемой частью нашей жизни могут влиять на социальные процессы, в частности, усиливать социальное неравенство.

Цифровое неравенство можно определить как новую форму социального неравенства, обусловленную технологическими, социально-экономическими, демографическими факторами использования современных технологий. О цифровом разрыве как о социальной проблеме начали говорить 25 лет назад. За это время созданы модели осмысления цифровых технологий в контексте социальной жизни.

В первую очередь стоит отметить работу Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1996–2000 гг.). Часть работы М. Кастельса посвящена проблеме «цифрового разрыва». На фоне увеличения значимости интернета в повседневной жизни, М. Кастельс разделяет людей на «интернет имущих» и «интернет-неимущих» [2, с. 303].

Новый подход к концептуализации социальных изменений предлагает, доктор социологических наук, профессор Дмитрий Владиславович Иванов. Он указывает на тенденцию поствиртуализации. Поствиртуализация связана с рутинизацией цифровых практик. Современные технологии: мобильные телефоны, платёжные устройства и приложения, QR-коды, электронные проездные карты стали привычной частью жизни человека в мегаполисе [3].

Степень распространённости медиа-сетей и цифровых технологий современном обществе велика настолько, что исследователи выделяют три особенности информации:

1. Информация стала базовым благом в современном обществе.
2. Информация остается статусным: несмотря на феномен перегруженности общества информацией, она может быть дефицитной в определённых обстоятельствах.
3. Информации является источником навыков. Всё чаще не материальный или физический доступ к цифровым технологиям и медиа имеет значение, а возможность их использовать и получать из этого использования выгоду[4].

Сегодня получение государственной социальной помощи напрямую связано с использованием таких интернет-порталов, как «Госуслуги», «Работа в России» и интернет-банков, а адаптация в городе – с использованием платёжных терминалов, онлайн-карт и т.д.

Бездомные, как социальная группа, считаются исключёнными из социального взаимодействия, – они стали объектом исследования. Все респонденты являются получателями социальных услуг и при проведении интервью проживали в отделениях социального центра. Обращение за социальной помощью свидетельствует об ориентированности человека на улучшение жизненных условий. Средний возраст респондентов – 48 лет. Предмет исследования: цифровые практики и отношение к ним среди обозначенной группы респондентов.

В исследовании приняли участие 15 респондентов из 24 проживающих на момент проведения интервью. Были подобраны две категории: бездомные, вернувшиеся из мест лишения свободы и бездомные, проживающие в доме ночного пребывания. Если все респонденты первой группы имеют травмирующий опыт превентивного исключения из общества и дистанцирования от цифровых технологий, то респонденты второй группы имели возможность самостоятельно принимать решения, в том числе, и в вопросах цифровых практик. Респонденты проживают в разных отделениях Санкт-Петербургского

государственного казенного учреждения «Центр учёта и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определённого места жительства».

Исследование проводилось методом структурированного интервью. Интервью с респондентами получилось разной продолжительности от 3 до 20 минут. Полученные данные анализировались по схеме: в какой период и какие цифровые технологии впервые появились в жизни респондента, был ли перерыв в использовании цифровых технологий или травмирующий опыт, который заставил отказаться от них и как это отразилось на отношении к цифровым технологиям в жизни респондентов. Другой блок вопросов в интервью был направлен на изучение цифровых практик респондентов: репертуар устройств и цель их использования.

Результаты исследования

Глобальная тенденция цифровизации оказывает существенное влияние на людей, оказавшихся в уязвимом положении. Цифровые технологии доступны для бездомных людей, но существуют определенные особенности восприятия и практик их использования. Анализ результатов исследования позволил выделить некоторые дискурсивные и поведенческие паттерны.

Дискурсивные паттерны

Дискурсивные паттерны выражаются в отношении к цифровым технологиям. Результаты исследования показали, что на отношение влияет возраст, когда цифровые технологии появились в жизни человека и наличие (или отсутствие) периода, когда они были недоступны для использования.

В интервью с респондентами, впервые столкнувшимися с цифровыми технологиями после 30 лет (а несколько человек только в возрасте 47–50 лет), некоторые вопросы о цифровых технологиях вызывали затруднения, волнение, иногда – возмущение. Освоение цифровых технологий вызывает сложности, а потребность в их освоении продиктована необходимостью внешнего мира.

В самом уязвимом положении оказываются люди, которые никогда прежде не пользовались цифровыми технологиями. Сложности начинаются с самых простых для городских жителей вещей: написания смс, пополнения счета сим-карты. Вопрос овладения цифровыми технологиями связан с адаптацией в городе и интеграцией в общество.

Вторая группа респондентов – это люди, добровольно ушедшие из дома или потерявшие его в силу трагических обстоятельств. Существенного перерыва в использовании цифровых технологий у них не было. Несколько респондентов указали, что на протяжении всей жизни часто теряли, меняли телефоны. Значительным отличием респондентов группы является появление компьютера раньше, чем появился телефон (у 5 из 8 респондентов).

Некоторые респонденты отказались от цифровых технологий: «я пользовался и смартфоном с интернетом, и банковскими картами, и скидочными картами – толку от них нет!». Респонденты, считающие современные технологии важной частью современной жизни указывают на желание пройти обучающие курсы.

Только у двоих респондентов есть друзья, готовые помогать с настройкой телефона. В наиболее уязвимом положении оказываются благополучатели, трудоспособного возраста (от 48 до 61 года), не имеющих возможности обратиться за помощью и получить объяснения.

Поведенческие паттерны

Поведенческие паттерны – это репертуар цифровых сервисов и гаджетов, которые используют респонденты в повседневной жизни. Респондентам предлагалось ответить на вопрос о «пользовательском наборе»: список электронных устройств ранжировался по степени персонификации пользователя.

В исследовании группы респондентов из числа получателей социальных услуг не выявило паттерна предпочтения обезличенных сервисов и технологий. Можно

предположить, что использование банковской карты необходимо для получения пенсий, пособий, т. к. многие работают неофициально. Только у одного респондента не было ни банковской карты, ни смартфона, ещё у трёх либо банковская карта, либо смартфон.

Типичным «набором пользователя» является банковская карта (13 чел.), электронный проездной (13 чел.), смартфон (12 чел.).

Далеко не все пользуются скидочными картами (8 чел.), платёжными терминалами (7 чел.), ЕКП пользуются 5 респондентов (они же пользуются и смартфоном, и практически всеми вышеперечисленными технологиями). Мобильные телефоны были у 5 человек, планшеты – у троих, ноутбук – у одного.

Заключение

Результаты исследования оказались во многом неожиданными. Во-первых, развеян стереотип, что все бездомные дистанцированы от мира настолько, что не имеют доступа к цифровым технологиям. Во-вторых, развеяно предположение, что бездомные, если и пользуются, то предпочитают неперсонифицированные технологии и сервисы по причине их маргинального положения.

Типичным «набором пользователя» является банковская карта (13 чел.), электронный проездной (13 чел.), смартфон (12 чел.). Смартфон – это не просто статусная вещь, многим смартфоны и доступ в интернет помогали в трудных жизненных ситуациях и являются важной частью жизни для поддержания социальных связей и профессиональной деятельности.

На восприятие цифровых технологий влияют следующие факторы: возраст, когда цифровые технологии впервые появились в жизни человека; дистанцирование от общества (добровольное или принудительное) и доступ к цифровым технологиям на протяжении жизни.

Результаты исследования группы бездомных, проживающих в социальных, можно считать достоверными, поскольку социально-демографический портрет проживающих практически не меняется в отделениях подобного типа. Перспективой будущих исследований становится продолжение исследования на примере других организаций и изучения других категорий бездомных (обращающихся за ночлегом на одну ночь или не посещающих социальные организации). Также можно обратить внимание на возможность разработки новых практик социальной работы с учётом полученных результатов исследования.

1. Асочаков Ю. В., Богомякова Е. С., Иванов Д. В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 75–86. DOI: 10.31857/S013216250012083-4.

2. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс ; под ред. В. Харитонова ; пер. с англ. А. Матвеева. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманит. ун-та), 2004. – 328 с.

3. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9.

4. van Deursen A., van Dijk J. Internet skills and the digital divide // New Media & Society. 2010. Vol. 13, iss. 6. С. 893–911. DOI: 10.1177/1461444810386774.

НЕЛИНЕЙНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЛУЧАЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Чернышов Сергей Павлович

(Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта, А.А. Леонова)

Человек, как и любой другой живой организм когда-либо обитавший на нашей планете, находится в постоянном бурном развитии. Изначально человек занимался

собираательством и охотой на сравнительно небольших животных, но при этом не находился на вершине пищевой цепи и значительно проигрывал более крупным хищником. Но за невероятно короткий промежуток времени по геологическим меркам человек успел овладеть природными стихиями (например, научился добывать огонь), успешно наладил аграрное производство и подчинил себе почти все остальные биологические виды, населяющие Землю, изменил географию нашей планеты (построил каналы разделяющие материки и др.), построил огромное количество городов, а также начал осваивать другие космические тела в Солнечной системе. Причиной такого успеха является человеческий мозг [1], ведь именно благодаря нему человек способен прогнозировать, представлять те вещи, которые в природе еще не существуют. Кроме этого, человек наделен способностью к социализации и мирному взаимодействию с другими людьми и решать почти все вопросы сообща. Очень тяжело себе представить, что без социума, но благодаря отдельным индивидам человек смог бы достичь такого прогресса, тем более за такие короткие сроки. Развитие человека, как биологического вида, неразрывно связано с развитием человеческого общества. Вопрос направленности социально-исторического процесса, относящийся к области общественного развития и социодинамики стал одной из важнейших проблем для социальной философии XXI века. Люди проявляли интерес к этой проблеме еще в античности, а в настоящий момент он усилился. Научные и технические открытия поспособствовали изменению научного мышлению, изменениям подвергалась традиционная классическая научная концепция, основанная на линейных принципах развития общества [2]. Выбор нелинейных методологий вполне логичен, так как один из важнейших аспектов нелинейных постнеклассических концепций связан с тем, что субъекты и объекты, которые ранее казались осмысленными с помощью инструментов, предлагаемых классическими и неклассическими науками оказалась гораздо сложнее, чем предполагалось изначально. Если посмотреть на всю историю человечества, включая время, когда все люди жили в племенах, то можно заметить, что развитие человека происходило неравномерно. По разным оценкам первые люди стали населять Землю от 1.5 до 2.3 млн лет назад [3]. В это время человек вел образ жизни, который далек от современного жизненного устоя среднестатистического жителя планеты и мало чем отличался от образа жизни современных обезьян. Древние люди жили в саваннах, популяции были с упором на большое количество самцов. Самцы сотрудничали друг с другом, с целью добычи пропитания с помощью охоты и собирательства, охраны своей территории проживания от других племен и хищников и защиты самок и детёнышей. Как говорилось выше, в это время человек не занимал верхнее место в пищевой цепи, он был гораздо слабее более крупных хищников, постоянно подвергался нападению и в основном занимался выживанием [1]. Освоение огня человеком стало переломным моментом в социальной эволюции, позволившим людям разнообразить белковую и углеводную пищу появившейся возможностью приготовить её, развить свою активность в ночное время, обогреть своё жильё, а также защищаться от хищников. По разным оценкам это событие произошло около миллиона лет назад [4]. Это событие изменило устоя человека, теперь он мог добыть любую пищу, устраивать пожары в лесах, тем самым лучше защищать свое место обитания, и также он мог одолеть других более крупных хищников. Человек сам стал суперхищником.

Это событие показывает, что развитие человека на протяжении всего периода жизни на Земле нельзя рассматривать как перманентный линейный процесс. Произошло событие, в результате которого настали резкие необратимые изменения не только для всей биосферы, но и для социальных процессов человека.

1. Музыка О. А. *Линейная (классическая) и нелинейная (постнеклассическая) концепции социально-исторического процесса: сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. – 2012. – №. 11-1. – С. 192-196.*
2. Харари Ю. Н. *Sapiens. Краткая история человечества. – Litres, 2020.*

3. Luke K. *Evidence That Human Ancestors Used Fire One Million Years Ago* // *Science Daily*. Available at: <https://www.sciencedaily.com/releases/2012/04/120402162548.htm>. Referred on. – 2017. – Т. 3.
4. Spoor F. et al. *Reconstructed Homo habilis type OH 7 suggests deep-rooted species diversity in early Homo* // *Nature*. – 2015. – Т. 519. – №. 7541. – С. 83-86.

СЕКЦИЯ 2: НОВАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ СРЕДЫ

ДЕТЕРМИНАНТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ РИСК-РЕФЛЕКСИЙ

Алейников Андрей Викторович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Сунами Артем Николаевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00115, <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>.

В современной литературе попытки решения проблемы основ рискованного поведения, как правило, «переключаются с риска на социальную адекватность или прибегают к практическому разуму..., что заканчивается провалом “оценки риска”» [1,76], преобладает уклон на устранение и минимизацию подверженности рискам, сужая тем самым область управления ими до снижения и хеджирования, а оценка «стоимости риска» ассоциируют с негативными последствиями.

В нашей статье [2], на которую опираются данные тезисы, выделены структурные, акторно-ориентированные и институциональные факторы воздействия на формирование риск-рефлексий.

Риск-рефлексии понимаются нами как сложные и подвижные конфигурации оценки и классификации угроз, закрепленные посредством обобщения динамики взаимосвязей в матрице «субъект–решение–вероятность–потери»[3].

Структурный фактор связан с хеджированием рисков конфликтов «ограниченности ресурсов», определяющих социальную базу политического воспроизводства. Поскольку эти ресурсы приносят высокую прибыль тем, кто их приватизирует и реализует специальные действия, ведущие к изоляции основной массы от доступа к ним, они являются ядром монополюльно структурированной системы управления рисками. Характер распределения благ и статусов замыкается на механизмах управления рисками, которое является критически важным дефицитным ресурсом.

Акторно-рефлексивные факторы связаны с вопросами конструирования риск-коммуникаций в ситуациях блокировки критической рефлексивности угроз и опасностей, противостоящей в определенной мере риск-дискурсу власти, столкновениях индивидуальных сигналов об угрозах с системой правил их интерпретации в публичном политическом дискурсе [4].

В аспекте институциональных факторов мы отмечаем, что в конфликтном взаимодействии риск-рефлексии – это способ навязать другой стороне конфликта желаемое видение ситуации относительно возможных вариантов исхода, получения дополнительных дивидендов, в условиях противодействия, сохранив при этом собственную устойчивость. В качестве одного из индикаторов деятельности риск-бенефициаров можно рассматривать так называемую «доктринную несостоятельность» риск-рефлексивности, когда важные факты в анализе и оценке угроз подменяются идеологическими и политическими атрибутами.

1.Бехманн Г.Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010.

2. Алейников А.В., Сунами А.Н. Факторы конструирования риск-рефлексий: конфликтные грани размежеваний // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Вып. 3.
3. Диев В. С. Неопределенность, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте // Сибирский философский журнал. 2019. № 4.
4. Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис 2019. № 4.

КРИЗИС ДОВЕРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ – ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Андреевков Владимир Георгиевич
(Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ))

Основными субъектами международных отношений как на политической арене, так и в научных исследованиях были и до сих пор остаются государства. Однако, постепенно приходит понимание многосубъектности международных отношений, где немалую роль играют отдельные политические лидеры, бизнес группы, организации гражданского общества, а также сами люди [3; 4]. Влияние людей на отношения между странами проявляется в разных формах – через личностную коммуникацию между жителями стран, родственные или другие межличностные связи, экономические отношения, голосование за кандидатов, проводящих определенную политику, а также через формирование общественного мнения об отдельных странах и внешнеполитических действиях и политики этих стран [1]. «Образ страны» влияет на оценку ее внешнеполитических инициатив, поведенческие аспекты взаимодействия со страной (туристические, экономические, образовательные), отношение к производимым продуктам и услугам, культуре [2; 5]. В результате цифровой и коммуникационной революции последних двух десятилетий роль общественного мнения в решении вопросов внешней политики и отношении между странами существенно расширилась, хотя пока серьезным образом недооценивается как исследователями, так и политиками.

Последний год показал глубину кризиса, в котором находится сегодня вся система международных отношений. Постепенный рост противоречий между странами привел к открытому противостоянию и полному разрушению конструктивных связей. Во многом такой взрыв произошел из-за того, что общественное мнение населения разных стран мира не было вовремя услышано. Признаки острой неудовлетворенности людей сложившейся уже более полувека назад системой международных отношений, в том числе деятельностью международных организаций, иерархией стран, стилем политики ведущих держав появились еще в начале 2000-х годов, и усилились после кризиса 2008 г.

Доверие конструктивной роли лидеров ведущих мировых держав – Китая, США и России, а также позитивное отношение к ООН опустилось во многих странах до очень низких значений (Табл. 1). Позитивное мнение об ООН еще сохраняется у жителей европейского мира и англоязычных стран, но за их пределами встречается значительно реже. Особенно важно, что недоверие к ООН испытывают общества тех стран, которые находятся в центре больших международных конфликтов и где помощь ООН в их урегулировании могла бы быть очень велика – Пакистан, Палестина, Турция, Израиль, Тайвань, Россия. За последние двадцать лет отношение к ООН во многих странах изменилось к худшему – разочарование в этой структуре испытали жители Пакистана, России, Аргентины, Японии, Китая, Венесуэлы, ЮАР и Нигерии.

Лидеры ведущих стран мира как основные действующие лица международной политики вызывают еще меньшее доверие. В большинстве стран деятельность ни одного из лидеров трех держав – Китая, США и России – не оценивается положительно больше, чем половиной опрошенных жителей многих стран. Оценка внешнеполитической деятельности Президента США резко упала во многих странах во время работы Д. Трампа

(в частности, в Тунисе, Аргентине, Японии, Мексике). Отношение к лидерам Китая и России еще до начала конфликтных событий 2022 года оставалось противоречивым. В некоторых странах позитивные оценки внешнеполитической деятельности китайского лидера в последние 10 лет возросли (в частности, в Турции, Тунисе, России, Аргентине, Мексике), но в среднем в мире оценка китайского лидера остается довольно низкой. Деятельность Президента России стала более позитивно оцениваться в 2010-2021 годы в Турции, Аргентине, Мексике, Индонезии, но значительная часть населения в других странах испытывала к его деятельности большое недоверие.

Противоречивость, разочарование и скептицизм к международному политическому лидерству говорит о серьезном кризисе в системе международных отношений и необходимости проведения коренных реформ. Международные организации, которые не пользуются консолидированным доверием людей, не могут выполнять возложенные на них функции регулирования межстрановых отношений, проводить общую политику по глобальным проблемам, сглаживать и урегулировать конфликты.

Таблица 1. Население разных стран мира о роли лидеров ведущих держав и ООН в международных отношениях

	% верят, что ведет верную политику в международных отношениях			% благоприятное мнение об
	Лидер Китая	Лидер США	Лидер России	ООН
Пакистан	47	9	7	19
Палестина	23	14	23	25
Турция	29	10	30	28
Израиль	32	66	33	30
Тайвань	25	63	34	33
Россия	57	31	78	34
Аргентина	30	20	26	38
Япония	12	39	25	39
Китай	88	43	55	41
Индия	21	50	38	42
Венесуэла	28	20	22	44
Бразилия	23	23	18	47
Египет	33	25	13	48
Венгрия	14	31	30	50
ЮАР	48	41	35	53

Чехия	17	27	33	56
Мексика	30	7	25	57
Нигерия	58	58	41	58
Ливан	42	20	42	60
США	31	45	21	60
Франция	20	28	15	62
Украина	28	44	11	62
Австралия	31	39	27	62
Испания	22	28	18	64
Германия	23	25	31	66
Индонезия	22	28	34	66
Великобритания	29	35	23	69
Канада	27	35	24	69
Кения	53	60	37	70
Южная Корея	24	39	25	75
Польша	14	41	11	77
Дания	17	10	12	80
Швеция	19	29	15	80

Примечание. Данные Pew Research center <https://www.pewresearch.org>.

ООН: Вопрос «Каково ваше мнение об ООН?» очень благоприятное, благоприятное, не благоприятное, очень неблагоприятное. Жирным выделены страны, где произошло серьезное падение уровня доверия

Лидеры: «Насколько Вы доверяете, что лидер ___ (Китая/ России/ США ведет верную политику в международных отношениях?)»

Пакистан, Палестина, Китай, Венесуэла, Египет – данные 2012-2016 гг.

Услышать запросы и потребности разных обществ и социальных групп по вопросам международной политики гораздо сложнее, чем в отношении внутристрановых проблем. Прямых показателей отношения и мнений людей по внешнеполитическим вопросам совсем немного, поэтому необходим комплексный научный анализ, который включал бы как поведенческие аспекты (коммуникацию, миграцию, экономическую деятельность, ожидания и установки по внешнеполитическим вопросам), так и исследования общественного мнения в разных странах. Наиболее эффективны для проведения надежных межстрановых сравнений сравнительные межстрановые опросы, которые методически построены на эквивалентных методиках. Пока таких сравнительных опросов особенно в странах бывшего СССР остро не хватает.

1. Андреевкова А.В. Человеческое измерение российско-казахстанских отношений // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследования*. N3. 2022. Стр. 92-104. DOI: 10.24412/1994-3776-2022-3-92-104
2. Шестопал Е. Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования / *Образы государств, наций и лидеров*. [Под ред. Е.Б. Шестопал]. М.: Аспект Пресс, 2008. С.8-24.
3. Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики: взаимодействие с государственными и межправительственными организациями// *Мир и Политика*. 2013. N10. С. 257.
4. Bardes B. A., Oldendick R. *Beyond Internationalism: A Case for Multiple Dimensions in Foreign Policy Attitudes* // *Social Science Quarterly*. 1978. N. 59. P. 496–508.
5. Buhmann A. *Measuring Country Image. Theory, Method, and Effects*. Springer VS, 2016. 163 P.
5. Fan Y. *Branding the nation: towards a better understanding* // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2010. Vol. 6. No. 2. P. 97-103.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ О ПРОСТРАНСТВЕ ДЛЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Баженов Анатолий Матвеевич
(Тульский государственный университет)

Сергей Михайлович Соловьев (1820 – 1879) – выдающийся русский историк. Он является автором многих научных трудов, но самая главная работа его – это сочинение «История России с древнейших времен».

Крупнейшей научной заслугой С.М. Соловьева было обоснование им закономерности, исторической обусловленности петровских преобразований, которым он посвятил пять томов «Истории России». С.М. Соловьев был убежден в том, что с петровских реформ началась новая история России.

Ученый полагал, что в это время были заложены начала формирования пространства для демократизации российского общества. Одним из средств в развитии общества С.М. Соловьев считал приобщение русских людей к научному знанию. Формулируя такое умозаключение, историк опирался на афоризм «Знание – сила», принадлежащий английскому философу Фрэнсису Бэкону (1561 – 1626) [1, 12].

С.М. Соловьев в этой связи замечает: «Посредством науки человек и народ переходит из одного возраста в другой: из возраста, где господствует чувство, в возраст, где господствует мысль» [2, 37]. По мнению ученого, это расширяет пространство для проявления самостоятельности, самодеятельности и организации людей для жизни на новых началах.

Петр I (1672 – 1725) придавал большое значение развитию образования в стране. Ученый подробно описал усилия царя по созданию различных школ и подготовке отечественных специалистов, изданию газет, по учреждению театров, музеев. Ученый писал: «После школ и книг третьим могущественным средством для умственного развития, для расширения умственной сферы русского человека, могущественным средством для уничтожения прежней замкнутости и застоя было сообщение сведений о том, что делается в России и в других землях» [3, 77]. Это способствовало убыстрению процесса демократизации российского общества. Приобщение к грамотности, образованию, просвещению содействовало формированию навыков самостоятельного управления повседневной жизнью и стремлению к объединению населения для решения возникающих проблем.

С.М. Соловьев заметил, что в результате преобразования россияне приобрели другой образ. Историк отмечал: «Они живо чувствовали, как в двадцать лет расширилась их умственная сфера, как они много узнали, как изменились вследствие того их понятия и

взгляды, они чувствовали себя совершенно другими людьми, и на языке их невольно появились слова, что они перешли из небытия в бытие» [4, 128]. В совокупности все это позволило расширить пространство для демократизации российского общества.

1. Бэкон Ф. *Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы* // Ф. Бэкон. *Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2.* М.: Мысль, 1978. С. 12.
2. Соловьев С.М. *Публичные чтения о Петре Великом* // С.М. Соловьев. *Сочинения. В 18 кн. Кн. XVIII. Работы разных лет.* М.: Мысль, 1995. С. 37.
3. Соловьев С.М. *Сочинения. В 18 кн. Кн. VIII. История России с древнейших времен. Т. 15-16.* М.: Мысль, 1993. С. 77.
4. Соловьев С.М. *Публичные чтения о Петре Великом* // С.М. Соловьев. *Сочинения. В 18 кн. Кн. XVIII. Работы разных лет.* М.: Мысль, 1995. С. 128.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Баранова Галина Васильевна

(Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации»)

Музалевский Владислав Игоревич

(ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Орловский филиал)

Современная действительность обнажила целый ряд проблем, связанными с социально-экономической и общественно-политической ситуаций, непосредственно влияющих на социальное самочувствие граждан, устойчивость общественного развития. Однако в век стремительного развития средств массовой информации и коммуникации мир столкнулся еще с одной не менее значимой проблемой, влияющей на социальное самочувствие людей - информационно-психологическое воздействие [1]. В свою очередь от социального самочувствия зависит поведение отдельных личностей, общественных групп, народов, государств. В настоящий период обострения рисков и угроз по причине сложившейся геополитической ситуации, направленное информационно-психологическое воздействие формирует определенное отношение к ситуациям и процессам, происходящим в стране и мире. Особенно требуют глубокого анализа, возможности своевременного обнаружения с целью своевременного противодействия информационные влияния, осуществляемые для целенаправленной дестабилизации социально-политической обстановки в отдельно взятых регионах и стране в целом; подмены и дискредитации традиционных мировоззренческих, духовно-нравственных и культурных ценностей; дезинформации, манипулирования общественным мнением и поведением людей; формирования целевого отношения (конструктивного или деструктивного) к факту, событию, ситуации, организации, лицу, группе лиц, особенно молодежи [2], государству.

Выявлено, что деструктивное информационно-психологическое воздействие на социальное самочувствие людей обладает качественными и количественными (уровневыми) характеристиками. Среди качественных характеристик выделяются [3]:

– «недовольство», которое распространяется в различных сферах общественных отношений (социально-политической, правоохранительной, социально-экономической, этноконфессиональной, информационно-культурной);

– «напряженность», характеризующаяся осознанностью неудовлетворенности ситуацией, процессом, личностью и т. п. с учетом степени из значимости для субъектов воздействия;

– «протест», характеризующийся готовностью людей участвовать в протестных действиях для оказания влияния на ситуацию или их участия в несанкционированных

акций протеста, столкновениях по мотивам национальных и (или) религиозных противоречий, в акциях вандализма по мотивам расовой, национальной, религиозной ненависти, либо вражды, в демонстрациях экстремистской атрибутики и символики и т.п. [3]

В качестве количественных характеристик в процессе исследования выделены: частота воздействий по определенной тематике, проблеме, ситуации (количество «вбросов»); скорость распространения воздействия; степень «точности» воздействия на конкретные субъекты. В процессе исследования построена модель анализа информационно-психологического воздействия, позволяющая выявлять меру деструктивного влияния на определенные субъекты общества по конкретным направлениям. Построенная модель дает своевременную информацию для осуществления противодействий деструктивному информационно-психологическому воздействию на социальное самочувствие людей для поддержания стабильности общественного развития.

1. Михайлов А. П., Петров А. П., Прончева О. Г., Прончев Г. Б. Моделирование периодических дестабилизирующих воздействий при информационном противоборстве в социуме // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2016. № 16. 13 с.
2. Костенко В.В., Козачок В.И., Баранова Г.В. НЕЕТ молодежь в современной протестной деятельности молодежных общественных организаций // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 2. С. 126–136.
3. Костенко В.В. Особенности протестной деятельности молодежных общественных организаций в регионах центрального федерального округа России на современном этапе процесса общественного развития // Вестник ВЭГУ. 2018. № 4 (96). С. 151–161.

ИЗУЧЕНИЕ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Басимов Михаил Михайлович

(Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»)

В предлагаемом докладе рассматривается динамика политических предпочтений студенческой молодежи Курганской области на основе результатов двух социологических исследований (2014 и 2019 гг.). Для сравнения использовался авторский метод множественного сравнения: метод [1-3], апробация [4-7 и др.].

Молодежь непосредственно влияет на формирование политической ситуации в стране, определяя ее будущее, будучи при этом наиболее динамичной группой. Это подчеркивает актуальность данной проблемы для социологии. В двух проведенных исследованиях совпали 9 вопросов с номинальными ответами, что позволило сравнивать все результаты в общей задаче множественного сравнения, в том числе и группы по одинаковым ответам, но представляющих разные годы, что показывает динамику отдельных интервальных показателей в рамках рассматриваемых исследований. Задачи множественного сравнения в социологическом исследовании возникают на стыке двух типов переменных социологической анкеты, когда номинальные переменные, рассматриваемые как внешние критерии по отношению к множественному сравнению, используются для формирования групп множественного сравнения. В дальнейшем эти группы сравниваются по интервальным показателям анкеты. В приводимых в докладе результатах отражено сравнение по 21 интервальной переменной 178 номинальных групп, представляющих данные двух исследований.

Для примера рассмотрим результаты сравнения интервальной переменной «Интерес к политике» для групп по вопросу с номинальными ответами «Оценка своей политической активности» (результаты 2014 и 2019 гг.).

Достаточно высоко оценивают свой интерес к политике две группы 2014 года, кто подписывал коллективные обращения и петиции (сравнительная весомость равна +3193); кто участвовал в проведении избирательной кампании (+2811), т.е. политически активные респонденты. При этом и наиболее низкую оценку интереса к политике мы наблюдаем, прежде всего, у трех групп респондентов того же 2014 года: кто участвовал в забастовках (-2932); кого политика раздражает (-3257); кому безразлична политическая деятельность (-3454). По результатам опроса 2019 года групп с достойной для описания положительной сравнительной весомостью оценки политической активности не выявлено, а две группы 2019 года с отрицательной сравнительной весомостью не столь ярко со знаком «минус» оцениваются в рамках множественного сравнения по сравнению с группами 2014 года: кого политика раздражает (-1938) и кому безразлична политическая деятельность (-2812).

Аналогичные результаты при сравнении данных 2014 и 2019 годов наблюдаются и по другим интервальным параметрам и группам в рамках номинальных ответов рассматриваемой задачи.

Таким образом, 2014 год отличается значительной более сильной дифференциацией групп в рамках интервальных переменных, а в 2019 году в связи с резким спадом политической активности молодежи, ее интересом к политике респонденты стали склонны к все более нейтральным оценкам явлений политической жизни общества, политических деятелей, партий и т.д.

1. Басимов М.М. *Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография*. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 224 с.
2. <http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author>
3. Basimov M.M. *Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods)*. Monograph. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 185 p.
4. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of family* // *The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 684.*
5. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of profession* // *The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 906.*
6. Basimov M.M. *Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent* // *Russian sociology in the period of crisis, critique and changes* / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013. С. 108-119.
7. Basimov M. *Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers)* // *(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2017. P. 7–28.*

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бельский Александр Михайлович
(Белорусский государственный университет)

Демографическая безопасность представляет собой состояние защищенности развития государственного образования от внутренних и внешних демографических угроз, обеспечивающее сохранение за ним самого статуса государства. В таком понимании демографическая безопасность включает в себя комплекс мероприятий (демографическая политика), которые являются реакцией ответственных органов

конкретной страны на реальные и потенциальные внешние и внутренние угрозы в ближайшей и средне- долгосрочных перспективах [1, С. 39-51]. Обозначенное создает «территориально-временную рамку» проектируемого и реализуемого демографического курса исходя из тех условий и целей, которые преследует то или иное государство [2, С. 122-128].

Данная «территориально-временная рамка» обуславливает то, что для ряда государств демографическая безопасность заключается в реализации мер по увеличению численности коренных жителей (реализуется в экономически развитых государствах Северной Америки и Западной Европы), или политике по сокращению темпов прироста населения, а в некоторых странах по абсолютному снижению численности населения в них (Китай и Индия). Также известна стимулирующая (пронаталистская) политика, которая реализуется в тех странах, для которых характерны низкая плотность населения на единицу территории и высокий ритм рождаемости и политика по стабилизации численности жителей, называемая политикой стационарного оптимума населения и др.

Вместе с этим, имеются и другие подходы к определению демографической безопасности, всю совокупность которых российский исследователь С. Панарин видит возможным свести к двум основным: во-первых, инструментальный подход, который заключается в том, что демографические процессы оцениваются не сами по себе, а с точки зрения их вклада в решение тех или иных недемографических задач общества, рассматриваются лишь как средство, инструмент для достижения других, недемографических, целей; во-вторых, ценностный подход, который предполагает самоценность демографических процессов, существование автономных, экзистенциальных демографических целей. В этом случае демографическая безопасность понимается как защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей, а ее укрепление связывается с удлинением человеческой жизни, повышением эффективности демографического воспроизводства, расширением демографической свободы.

Демографическая безопасность является частью общей концепции национальной безопасности и тесно переплетена с другими ее составляющими, в числе которых экономическая безопасность, политическая, культурная, социальная и др. Это образует разветвленную систему обеспечения национальной безопасности, где каждый элемент находится во взаимосвязи с другими и не может быть исключен. Вычленение демографической безопасности и рассмотрение ее в отдельности от других «недемографических» целей государства сомнительно. При таком подходе мы будем оперировать понятиями воспроизводства населения, его размещения и движения, а также структуры. Но каждый из этих компонентов тесно связан с другими видами безопасности. Процесс воспроизводства населения как минимум увязан с социальной инфраструктурой этого процесса в широком понимании. Структура населения тесно переплетена как с экономической безопасностью в случае рассмотрения чрезмерной молодости или старости популяции, так и с культурной безопасностью в направлении смещения этнических и религиозных пропорций. Видится верным только комплексный анализ всех характеристик, причем с учетом уровней реализации (континент, государство, регион и т.д.). Таким образом, мы отходим от самостоятельного значения демографической безопасности, т.е. связи с сугубо одной фундаментальной стороной жизнедеятельности организмов - физической выживаемостью, ввиду того, что обеспечение «выживаемости» на современном этапе развития общества очевидно и важным становится уже качество жизни социетальных организмов и сам их качественный состав, т.к. самостоятельно количество в качество, без соответствующих ситуации действий, не перейдет.

К ключевым аспектам демографической безопасности можно отнести: численность населения, размещение населения, структуру населения, естественное движение населения, миграционное движение населения, воспроизводство населения. Все они имеют определенные формы демографических угроз.

Демографическая безопасность как состояние защищенности количественного и качественного состава населения страны от внешних и внутренних угроз позволяет говорить о том, что объектом демографической безопасности, соответственно, является население страны, а субъектами, обеспечивающими ее - органы власти, в первую очередь, министерства здравоохранения, экономики, труда и социальной защиты.

Уже подчеркнутой особенностью демографической безопасности является то, что ее обеспечение зависит от состояния безопасности в других сферах - экономической, экологической, продовольственной, социальной, культурологической и др. А неблагоприятная ситуация в обществе приводит к снижению рождаемости и увеличению заболеваемости и смертности людей. С другой стороны, неблагоприятная демографическая ситуация становится угрозой национальной безопасности - возникает дефицит трудовых ресурсов, снижается обороноспособность страны, вырождается культурный потенциал. Именно поэтому в форме научного сопровождения демографический фактор учитывается как в экономических, так и социально-гуманитарных науках.

На сегодняшний момент систему демографических наук непосредственно условно можно представить в виде нескольких блоков. Первый из них включает теоретические демографические науки. Теоретическая демография базируется на общей теории народонаселения и призвана разрабатывать основные методологические принципы анализа социально-демографических процессов и явлений, а также изучать закономерности воспроизводства населения, что формирует теоретический базис для составления демографической политики. Основываясь на общей теории народонаселения, теоретическая демография создает фундамент для развития всех демографических наук. Второй блок образуют методики демографического анализа. В него входят следующие подразделы: источники данных о населении, статистические, математические, социологические методы исследования населения, картографирование населения, а также моделирование социально-демографических процессов. Затем следуют региональная демография, блок прикладных демографических исследований и отраслевая демография, далее – социально-демографическое прогнозирование, предшествующее созданию теоретических основ социально-демографической политики.

Состав системы показателей демографической безопасности имеет определенные критериальные уровни и включает в себя: 1. Показатели уровня отдельных аспектов демографической безопасности. 2. Показатели направления и скорости изменения уровня отдельных аспектов демографической безопасности. 3. Показатели последствий изменения уровня отдельных аспектов демографической безопасности (демографических потерь).

В заключение, хотелось бы особо подчеркнуть, что актуальность, потребность и необходимость всестороннего статистического анализа демографической безопасности определяются тем местом, которое она занимает в реализации текущих и стратегических задач концепции национальной безопасности, составляющей краеугольный камень фундамента для выживания и успешного развития любого государства. При этом к основным особенностям демографической безопасности, как объекта статистического исследования относится то, что она: а) формируется за счет внутренних и внешних факторов, последние из которых обычно имеют опосредованное, а иногда и латентное отношение к результатам эволюции рассматриваемой популяции; б) может быть рассмотрена на глобальном, государственном, региональном, местном и т.п. уровнях, чьи интересы зачастую не только не совпадают, но и вступают в противоречия между собой; в) соприкасается практически со всеми областями общественной жизнедеятельности, что крайне осложняет ее отнесение к какой-нибудь одной укрупненной разновидности национальной безопасности; г) является как междисциплинарной и межобъектной, так и многоаспектной категорией, требующей осторожного обращения, особенно в плане

содержательной интерпретации отдельных количественных индикаторов демографического развития общества.

1. Бельский, А.М. Региональный анализ демографической ситуации: текущее состояние и направления обеспечения демографической безопасности (кейс Могилевской области Беларуси 1990-2018 гг.) / А.М. Бельский // *Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических наук: теория, методология, практика: Материалы V международной научно- практической конференции / под общей ред. Е.В. Королюк. – [Электронный ресурс]. – Электрон, текстовые дан. (3,32 Мб). – Краснодар, Издательство: Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго РФ, 2019. – С. 39-51.*

2. Бельский, А.М. Демографическая безопасность региона: основные проблемы, пути решения и научное сопровождение (кейс Могилевской области Республики Беларусь) / А.М. Бельский // *Стратегии и инструменты управления экономикой: отраслевой и региональный аспект: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., 23 мая 2019 г. / Под общ. ред. проф. В.Л. Василёнка. – СПб.: Издательство ООО «НПО ПБ АС», 2019. – С. 122-128.*

ВОЙНА И ГОЛОД КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ П.А. СОРОКИНА

Быков Александр Сергеевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Васильева Дарья Игоревна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российского научного фонда (грант № 22–28-01076).

П.А. Сорокин обращается к анализу войны и голода как социальных явлений в таких работах, как «Социология революции» (1925), «Социальная мобильность» (1927), «Социальная и культурная динамика» (1937 - 1941), «Человек и общество в условиях бедствий» (1942) и др. Изначально П.А. Сорокин рассматривал войну, голод и другие социальные катаклизмы как составляющую человеческой эволюции и прогресса, однако события, произошедшие с ним лично, значительно изменили его взгляды, заставив его уйти от позитивистских моделей войны и мира: «Что бы ни случилось со мной в будущем, я уверен, что три вещи навсегда останутся убеждениями моего сердца и ума. Жизнь, как бы ни была она тяжела, – это самая прекрасная, удивительная и чудесная вещь в мире. Только посвятив ее в служение долгу, можно сделать ее счастливой и тем самым наполнить душу необоримыми силами, чтобы служить идеалам, – таково моё второе убеждение. И, наконец, в-третьих, я убежден, что жестокость, ненависть и несправедливость никогда не были и никогда не будут способны построить на земле Царство Божие» [3, 233-234].

Среди изданных до эмиграции П.А. Сорокина работ, в которых ученый придерживается бихевиористских взглядов на войну и сопровождающие ее социальные явления, особое место занимают газетные статьи. В 1917–1918 гг. П.А. Сорокин создал серию публицистических работ, включающую в себя как статьи на политические темы, так и автобиографические очерки. В одном из таких очерков под названием «Бойня: революция 1917 года» можно проследить за повседневной жизнью российского общества перед Гражданской войной и в её начале: «Наступил серьезный кризис. Пока заседал исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов, нас внезапно информировали по телефону, что большевики организуют на следующее утро вооруженную демонстрацию солдат и рабочих с требованием: “Долой капиталистическое правительство!” Не было сомнений, что подобная демонстрация будет означать падение

Временного правительства и конец наступательных операций на фронте. А значило это также и гражданскую войну, и кровопролитие. В противовес их акции мы проголосовали за организацию невооружённой демонстрации, запланированной на следующую неделю. Тем самым мы постарались пресечь попытку проведения вооруженной демонстрации. На следующее утро «Правда» анонсировала согласие большевиков принять участие в нашей мирной демонстрации. На этот раз мы выиграли, но я опасался, что в следующий раз победа будет на их стороне <...> Вечером в городе произошли стычки и совершены были несколько убийств. Красный подол революции все более и более приобретал кровавую окраску. Голод возрастал» [4, 235].

В исследовании «Голод как фактор», проведенном им в 1921–1922 гг., но так и не изданном перед изгнанием ученого из Советской России, как и в автобиографических очерках, П.А. Сорокин описывал голод как одно из важнейших социальных явлений, которое приводило к мирной эмиграции – «Если пищевая гора не идет к Магомету, то голодный Магомет в силу пицетаксиса сам притягивается к пищевой горе», но также это явление происходило и во время войны [2, 227]. Как утверждает П.А. Сорокин, «голод или его угроза при невозможности утолить его иными способами порождает войну, а война – порождает голод. Эти два близнеца почти всегда неразлучны и вместе гуляют по миру» [2], «голодные массы, притягиваемые пищевыми скопами и богатствами других групп, будут пытаться силой преодолеть их сопротивление, вторгнуться в их пределы с тем, чтобы завоевать их и ограбить» [2, 243]. При этом П.А. Сорокин выделял группу факторов, которые влияют на интенсивность и масштабы насильственной миграции и последующих попыток колонизации и захвата продовольственных ресурсов или их эквивалентов, а именно степень голода, экономический уровень стран иммиграции, расстояние до этих стран, уровень военной мощи обеих сторон. Войны, вызванные причиной голода отдельных социальных групп, согласно П.А. Сорокину, могут принимать разные формы и иметь различные исходы. Ученый приходит к данным выводам, основываясь на анализе исторических процессов разного масштаба. Помимо войны голод также оказывает значительное влияние на состав и структуру населения через функции «второго порядка». В качестве одного из итогов данной работы он отмечает, что «изменения, вызываемые голодом таким путем, колоссальны, грандиозны, катастрофичны» [2, 266].

Научный интерес ученого к изучению массового голода и причин его возникновения, а также дальнейшая работа по изданию книги «Голод как фактор» послужили поводом для конфликта с советской властью. Однако следует заметить, что голоду П.А. Сорокин продолжил уделять особое внимание и в более поздних работах зарубежного периода творчества.

Работами П.А. Сорокина, относящихся к европейскому периоду его жизни, являются «Листки из русского дневника» (1924) и «Социология революции» (1925). Сквозь призму описанных в данных работах событий, происходящих в России в 1918–1922 гг., можно понять, что социальные процессы, происходящие во время Гражданской войны, были обусловлены катастрофической социально-политической напряженностью в обществе, которая нарастала день за днем. Революция 1917 г. складывалась из-за ущемления следующих потребностей и рефлексов населения: потребность питания; рефлексы индивидуального самосохранения; рефлексы группового самосохранения; потребность в жилище, одежде, тепле и т. п.; половые рефлексы; инстинкты собственности; инстинкты самовыражения и собственного достоинства [3, 513–514]. Ущемление большинства вышеперечисленных рефлексов населения происходило и во время Гражданской войны. Накануне революционных потрясений, согласно П.А. Сорокину, можно наблюдать подавление следующих инстинктов:

1) индивидуального самосохранения среди 50—60 миллионов мобилизованных солдат, вырванных из нормального состояния ужасной смертоносной войной, замученных холодом, голодом, паразитами, окопной жизнью и прочими лишениями;

2) группового самосохранения среди более 90 процентов населения вследствие постоянных поражений, беспомощности властей и даже государственной измены ряда деятелей;

3) пищеварительного инстинкта, следуемое из дезорганизации экономической жизни общества и сложности продуктового обеспечения городов, в особенности обострившееся в конце 1916 года;

4) инстинкта свободы, связанное с введением военного положения в стране с 1914 года (военная цензура, трибуналы, деспотическая политика, проводимая в жизнь государственными ставленниками);

5) собственнического инстинкта, вызванного, с одной стороны, обнищанием большей части населения, на плечи которого обрушились все тяготы военного времени (рабочие, государственные служащие, интеллектуалы, часть буржуазии и крестьянства); с другой — обогащением барышников; с третьей — правительственным вторжением в экономические отношения (установление фиксированных цен на зерно, которые всегда ниже рыночных);

6) сексуального инстинкта населения беспутством правящих кругов и распутищиной [4, 282-283].

Подавление большинства вышеперечисленных инстинктов относится не только к Гражданской войне 1917–1922 гг. в России, но практически ко всем войнам в истории других стран.

При этом в своих работах П.А. Сорокин отмечал, что к революционным потрясениям приводят два фактора. Первый из них – это невозможность удовлетворения минимального уровня вышеуказанных инстинктов у значительной части общества, их ущемление; второй фактор связан с отсутствием возможности у правящих или защищающих порядок социальных групп противостоять предпринимаемым попыткам свергнуть текущий режим власти.

Вышеизложенные выводы отражают бихевиористское мышление П.А. Сорокина. Однако после переезда из Европы в США, в работах этого автора можно заметить эволюцию от бихевиористского взгляда на человека в войне к интегральной методологии, которая предстала перед читателями в его фундаментальной работе «Социальная и культурная динамика» американского периода жизни и творчества П.А. Сорокина, в течение которого были опубликованы и другие его наиболее известные широкому кругу читателей работы.

Обратимся к другой известной работе П.А. Сорокина «Человек и общество в условиях бедствий», в которой П.А. Сорокин обращается к проблеме голода, так или иначе уже разработанной во время российского и европейского периодов своего творчества, но здесь автор рассматривает голод под другим углом. В данной работе П.А. Сорокин сделал акцент на том, что без самой главной причины, то есть без дезинтеграции религиозных, моральных, юридических и других ценностей данного общества или обществ, ни одна комбинация дополнительных условий не может вызвать революцию или войну. П.А. Сорокин в качестве одной из косвенных причин или «дополнительных условий» наступления войны отмечает возникновение космических и биологических обстоятельств, способствующих распаду системы ценностей и норм. Голод, который сопровождал революционные всплески начала XX века и Гражданскую войну, как раз относится к таким обстоятельствам. Кроме голода, к подобным обстоятельствам П.А. Сорокин относил эпидемии, наводнения и другие природные катаклизмы [1, 64]. П.А. Сорокин пришел к выводу, что войны, ударяя своей разрушительной силой по всему обществу, но в особенности по низшему и среднему классам, вызывают их обнищание и стремительное ухудшение качества жизни, провоцируя голод, рост заболеваемости в том числе из-за недостатка лекарств, продовольствия и распространения антисанитарии [1, 63].

Таким образом, взгляды П.А. Сорокина на войну и предшествующий ей, а также сопровождающий её голод, претерпели критические изменения, а вместе с его личными взглядами изменилась и используемая им методология. Сформулированные П.А. Сорокиным теоретические положения в его ранних работах, написанных до эмиграции, и в работах, написанных уже в Европе и Америке, существенным образом разнятся. Обращение к материалам социологической публицистики П.А. Сорокина является неотъемлемой частью историко-социологического изучения войны и голода. Социально-политические условия, в которых П.А. Сорокин состоялся как ученый, нашли отражение в его многочисленных научных трудах.

Как уже было упомянуто, изначально П.А. Сорокин придерживался бихевиористского подхода и верил, что психика людей работает таким образом, что люди осознают жестокость и бесполезность войн и в конечном итоге положат им конец. Однако мы видим противоположную тенденцию: войны, а вместе с ними и голод, продолжают и по сей день, приобретая новые формы и продолжая уносить жизни людей в разных странах. К переосмыслению методологии при изучении голода и войн П.А. Сорокина подтолкнул тот факт, что он осознал и увидел на своем личном опыте разрушительную силу и ужасы Русской революции 1917 года и Гражданской войны, а также Второй мировой войны.

1. Ломоносова, М. В. *Война сквозь призму научного наследия Питирима Сорокина* / М. В. Ломоносова, А. С. Быков // *Наследие*. – 2018. – № 2(13). – С. 57-69.
2. Сорокин П.А. *Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь*. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014. – 496 с.
3. Сорокин П.А. *Листки из русского дневника. Социология революции*. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. – 848 с.
4. *Человек. Цивилизация. Общество* / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК НОВЫЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИОННЫЙ ВЫЗОВ (НА ПУТИ К НОВОМУ СОЦИАЛЬНОМУ МИРУ)

Васильев Николай Александрович
(ФНИСЦ РАН)

Аннотация.

Автор статьи поставил перед собой задачу выделить и охарактеризовать главные факторы, лежащие в основе глобальных изменений в медиакоммуникациях в РФ. Анализ большого количества новейших источников информации позволил сделать вывод, что социальные сети превратились в важнейшее звено инфраструктуры информационного пространства и в один из главных инструментов борьбы с российским государством и российской цивилизацией. Поэтому перед научным сообществом и, главное, политической властью стоит задача эффективного противодействия агрессивной информационно - сетевой политики недружественных стран.

Ключевые слова.

Социальные сети, сервисы, сетевые игры, медиакоммуникации, политика, пользователи, специализация, энтертейнмент, интернет, информационное пространство.

Введение.

Социальные сети и сервисы являются эффективными носителями и передатчиками любой информации, формируют отдельные группы по специализированной информации, активно ей обмениваются и обсуждают. Высокий уровень доверия в социальных сетях сформировался на основе высокого личного доверия пользователей друг к другу, а также вследствие навязываемой социальными сетями доктрины «открытости» любой

информации [2,43-61]. То есть в сети бытует мнение, что любую информацию можно легко и быстро проверить. Это далеко не так, но эту иллюзию разделяет большинство пользователей. Нужно учитывать, что формируют информационную повестку люди, которые, как правило, профессионально занимаются информацией. И профессиональные информационщики могут быть в любой сети, имеет ли она иностранное или отечественное происхождение. Поэтому отечественные по происхождению социальные сети сами по себе не являются панацеей от информационной войны. Телеграм вроде бы отечественная социальная сеть, но антирусских телеграм-каналов в ней в три раза больше, чем пророссийских. Существует примерно 100 активных антирусских каналов и примерно 30 активных, с приличной по масштабам аудиторией, пророссийских. Среди топ-50 телеграм-каналов в категории «политика» только 59% каналов являются пророссийскими. При этом оппозиционный телеграм-канал Нехта имеет более двух миллионов подписчиков, а известный пророссийский colonelcassad - чуть больше 700 тысяч.

Чьи интересы стоят за этими «волнами» показало цунами антирусских фейков, захлестнувших социальные сети до и в ходе военной спецоперации по демилитаризации и денацификации Украины. Социальные сети стали инструментом осуществления стратегии «геополитической экспансии и гегемонии», овладения всем миром, информационным оружием борьбы с государствами, «которые стремятся к обеспечению национального цифрового суверенитета и сохранению независимого и стабильного функционирования собственных политических режимов в современных условиях» [1,95]. Соцсети как поле производства «информации об информации» в невиданных масштабах меняют не только сложившуюся систему духовно-нравственных и культурных ценностей все новых и новых миллионов людей, но и политические взгляды и критерии оценки происходящего. Поэтому культуролог Владимир Винников считает, что современное человечество проходит «новую стадию рабовладения», в котором вместо эксплуатации физических сил человека эксплуатируются его «интеллектуальные и душевные силы» [4,3]. Новые способы воздействия на массовое сознание на самом деле стары как мир: создать миф и заставить людей в него поверить. Конечно, при этом нужна режиссура, но не зря же великий режиссер Эмир Кустурица не так давно признал себя «творческим ничтожеством» по сравнению с западными режиссерами украинского майдана. Режиссеры фейков фабрикуют наглядные доказательства чего угодно. Поэтому поточное производство и распространение фейков о бомбежках «российскими агрессорами» мирных жителей, в том числе родильных домов, превратилось в широкомасштабное и беспрецедентное по оболваниванию миллионов военное нападение на нашу страну в виртуальном пространстве. Чрезвычайно действенное, поскольку последующее разоблачение этих фейков доступно пользователям, по числу с одуроченными не сопоставимое. Речь идет об информационно-сетевых войнах, которые представляют собой реальную угрозу безопасности не только России, но и любых государств и национальных суверенитетов. Ведь по одной «эсэмэске» с дубинками и в масках собираются десятки тысяч людей и сметают власть без применения иностранной военной силы, но в интересах иностранных держав. Сейчас мало кто помнит, что Интернет в начале 1990-х лично «продвигал» вице-президент США А. Гор. И продвинул – через все границы, железные занавесы, запреты и т.д. А потом в разных странах стали расцветать «цветы» революций и «революции роз». Революция в IT-технологиях была использована для создания «условий, необходимых для процветания наших интересов и ценностей» - так буквально написано в «Национальной стратегии для нового столетия», принятой США в 1997 году. А информационная мощь американско-европейских медиа и экспансия атлантической культуры стали новым видом оружия для завоевания мирового господства. В условиях проведения военной спецоперации по защите ДНР и ЛНР, демилитаризации и денацификации Украины социальные сети используются Западом для дезинформационного цунами, сметающего на пути все, что ему противостоит. При этом,

российские информационные источники, включая «Russia Today», запрещаются, правдивая информация блокируется – вопреки таким провозглашаемому на Западе «основополагающим» принципам демократии, как «свобода слова», «свобода доступа к информации», которые применяются только для дезинформации населения потенциального противника. Информационная агрессия осуществляется не только для дезинформации, но и для разрушения национальной идентификации (американская пропагандистская акция «мне стыдно, что я русский»), национальной памяти, доблести и гордости с последующей атакой на национальный культурный код – глубинное национальное самосознание, лежащее в основе духовно-нравственной и культурной идентичности, на которой построено любое национальное государство [3,6-33].

Фейковый контент как часть эффективной информационной войны

Социальные сети и сервисы как носители разнообразного контента подвержены большому уровню фейковой информации. На январь 2022 года Следственный Комитет заблокировал всего 1600 фейков [vedomosti.ru, 2022]. В России нет оперативного центра системного анализа информации и контента на ее правдивость, фейки становятся огромной частью пропаганды, нанося последовательные и непрерывные удары по информационной политике. Борьба с фейками крайне сложно, большинство пользователей не обладают знаниями по распознаванию фейковых новостей. Фейки обрастают сомнительными фактами, которые множатся в геометрической прогрессии, создавая иллюзию правды. С развитием технологий появилось новое явление, deep fake, «глубокий фейк». Разница между «обычным» и «глубоким» заключается в гораздо более высоком качестве дип фейка. Его могут отличить от правды только высокотехнологичное оборудование, эксперт может доказать, что это фейк, только на основе накопленного опыта, нелогичности и несоответствия фейка каким-то другим событиям, происходящим в тоже время в том же месте. Просто зрительно понять, что это фейк – практически невозможно. Фейки становятся неотъемлемой частью контента – они привлекают новых зрителей, увеличивают посещение информационных ресурсов, распространяются с гигантской скоростью, «убедительно» работают на пропаганду, способствуют продвижению других фейков. Фейки производятся сознательно как часть общего информационного потока, противодействовать им можно только производством высококачественных информационных материалов - особенно в сложной ситуации, как, например, на Украине, где такие возможности крайне ограничены. Лавинообразная информационная экспансия Запада на нашу страну, резко обострившаяся в условиях военной спецоперации России на Украине, привела, наконец, к решительным действиям политической власти по отношению к иностранным социальным сетям. Были заблокированы Facebook, Instagram и Twitter. Facebook и Instagram, продукты американской компании Meta Platforms, являются мировыми лидерами, ежемесячная аудитория которых составляет 3,6 млрд человек, а ежедневная активная аудитория 2,1 млрд человек [F. Richter, 2021]. В России показатели этих компаний также велики, Facebook – 37 млн человек, и Instagram – 67 млн пользователей в месяц, но они не являются лидерами российского сетевого рынка [Statista, 2022]. Так, количество месячных активных пользователей ВКонтакте составляет 72 млн. человек [G. Todorov, 2022], а Telegram 45,5 млн [B. Dean, 2022]. Twitter также американская социальная сеть, которая специализируется на бизнес аудитории и политической аудитории. Главная особенность сети – активное распространение неподтвержденной информации в сфере бизнеса и политики, нацеленное на последующее цитирование в других медиа. Так, по данным исследований сентиментного анализа твитов за 2020 год, более 40% контента на площадке посвящено политике [Y. Yener, 2020]. Аудитория в мире 329 млн человек, аудитория в России 3 млн ежемесячных пользователей. В результате этих изменений американские сети потеряли возможность получать актуальную информацию о российской аудитории; утратили возможность создания, модерации и контроля информационной повестки для наиболее лояльной к США аудитории в нашей стране, например, Instagram только по

предварительным данным потерял около 16% российской аудитории [Р. Таиров, 2022]. Эти изменения значительно повлияли на карту социальных сетей в России. Наибольшая часть (4 млн человек) перешла в социальную сеть ВКонтакте. Еще 0,5 млн человек перешло в Одноклассники и 0,4 млн человек перешли в Яндекс Дзен. Наблюдается стремительный рост Телеграм, который составил за последний месяц более 11,6 млн человек. А доля трафика Телеграм в России среди всех мессенджеров составила 63%. Часть пользователей перераспределили своё время на те социальные сети, где они и так присутствовали. С момента начала кризиса уникальные сеансы просмотров на YouTube выросло на 5 миллионов. На 15% увеличились просмотры в ВК Видео и количество загружаемого контента в ВК Reels увеличилось вдвое. На 1 млн человек увеличились посещения в Яндекс.Дзен. Многие вернулись на забытые социальные сети: LiveJournal демонстрирует рост трафика на 0,3 млн человек, а числа уникальных пользователей на 30%. Аудитория российской социальной сети Одноклассники, которая, казалось бы, должна была значительно выиграть от блокировки иностранных сетей, подросла на полмиллиона пользователей. Американские соцсети не только утратили возможность проведения пиар акций и пропаганды своей позиции, но и потеряли доходы от российской рекламы, в том числе от блогеров и инфлюенсер маркетинга, например, потери дохода Meta оценивают в сумму до 40 млрд рублей [Sostav, 2022]. Пользователи – блогеры лишились доходов от размещения рекламы в этих сетях, особенно в Instagram, где активно используются видео ролики («video reels»). Общие потери от блокировки составили, по разным оценкам, от 200 до 800 млн долларов. Фактически безработными стали примерно 270 тыс. человек. Таким образом, в результате последних изменений, по данным Brand Analytics за март 2022 года, пользователи частично потеряли возможность регулярного посещения сети [В. Черный, 2022]. Однако нельзя не признать последствия этих изменений достаточно противоречивыми, а действия властных структур – не последовательными. Их попытка борьбы с всевластием американских сетей во многом блокируется открытым доступом к этим сетям через бесплатные приложения VPN (Более 130 программ, в том числе новые разработки, доступны для скачивания в русском Apple Store и Google Market), которые после 24 февраля 2022 года в России установило около 3,3 млн россиян. Конечно, как и предполагалось, VPN освоили не все, да и пребывание в запрещённой социальной сети негативно повлияло на желание российских пользователей выкладывать «сторис». Очевидно, что при необходимости жёсткого запрета на использование запрещённых социальных сетей необходимо проводить более комплексные ограничения, в частности, запрет или ограничение VPN сервисов.

Важность государственного участия в создании и продвижении информационного контента.

Описанные выше обстоятельства со всей серьезностью ставят вопрос об информационной политике государства, адекватной современным процессам, протекающим в медиа сфере. Социальные сети и сервисы достигли такого уровня влияния, что даже на их «родине», в США, президент Байден потребовал от Конгресса установить более строгие правила защиты конфиденциальности данных, запретить таргетированную рекламу для детей и заставить социальные сети разрабатывать свои продукты с учетом безопасности несовершеннолетних. Во всем мире государственные структуры принимают непосредственное участие в контроле социальных сетей, разрабатываются новые законы, ограничивающие возможности социальных сетей и сервисов. И речь идет не только об ограничении пользования в интернете тотализаторов, в том числе якобы спортивных, благодаря которым дети легко подсаживаются на «спортивные казино» и становятся игровыми наркоманами. Государственную значимость обретает индикативная коррекция контента и обеспечение бесплатных ресурсов в сети (государственных, медицинских, образовательных, научных, культурных), и прежде всего - разработка таких условий для развлекательного, в том числе игрового контента, которые соответствовали бы отечественной культуре и национальным интересам страны.

Учитывая скорость обновления и распространения информации в соцсетях необходимо осознать важность перестройки всего телевидения, оно должно быть значительно быстрее и основано на многочисленном и ежедневно меняющемся видеоряде. Необходимо «разбавлять» однобокие и одноплановые брифинги с долгим перечислением нанесенного противнику ущерба эффективными и свежими видео материалами с места событий. Важность и настоятельная необходимость новой информационно-сетевой политики государства диктуется не только беспрецедентным обострением информационной войны Запада, но и очевидным процессом деструкции единого культурно-информационного пространства России, которое представляет собой такую же основу целостности государства, как экономика и территория, а также плачевным состоянием технологической базы отечественных медиа. Поэтому в России в деятельности медиа особое значение приобретает такая принципиально новая функция, как духовная и культурная консолидация общества и всей огромной страны.

Между тем, сегодня государство фактически не работает на информационном рынке как заказчик и дистрибьютор информационного контента. Нет единых центров создания и обработки собственного контента, а также борьбы с фейками и создания собственных фейков. Сегодня информационную угрозу России несет манипулирование с помощью разных медиа, в том числе социальных сетей, общественным сознанием (дезинформация, демонстрация натуралистических сцен жестокости, убийств, расправ, насилия, распущенности; целенаправленное навязывание асоциальных и противоправных эталонов поведения и стилей жизни и т.д.) [5,3-8]. В нынешней кризисной ситуации в стране и в мире невозможно построить эффективную коммуникацию между государством и обществом без проведения вдумчивой и последовательной информационной политики в области социальных сетей и сервисов. Эта политика должна быть последовательной и многоуровневой от общего подхода к рынку социальных сетей до индивидуальной целенаправленной работы с каждой социальной сетью.

Государственный подход к рынку социальных сетей сервисов.

В новом цифровом мире государство больше не может быть только законодателем, контролером и распределителем, государство обязано быть непосредственным участником всех цифровых процессов от создания нового информационного контента до его эффективной дистрибуции в медиа среде. Контент основывается на продуманном позиционировании, выражаясь не только в тексте, но и в символах. Символы фактически являются графическим продолжением контента – выражают суть позиционирования. Символы – это язык информации будет воспринят обществом, если он будет не только соответствовать истине, но и будет обладать привлекательной формой подачи, оперативно распространяться и мультиплицироваться по всем медиа. Государство в лице уполномоченного министерства должно активизировать работу с информационным контентом, разрабатывать позиционирование информационных задач, формировать символы и смыслы, адекватные национальным интересам в этой сфере. Государство обязано постоянно реагировать на недружелюбные вызовы со стороны социальных сетей и сервисов и подобающим образом отвечать. Если социальные сети являются источниками антироссийской пропаганды, их необходимо закрывать, блокировать, перекрывать доступ к ним. Если доступ обходят с помощью VPN, ограничивать использование VPN, использовать штрафы (в Китае штраф за использование анонимайзеров эквивалентен 10 тыс. рублей). Кроме этого, государство в лице уполномоченного органа обязано:

- поддерживать развитие существующих отечественных сетей и сервисов;
- контролировать отечественные сети и сервисы на предмет возникновения антироссийской пропаганды;
- закрывать антироссийских блоги и телеграм-каналы, что является обычной практикой в других странах, а в России даже вопрос об этом не ставится;
- содействовать открытию новых, особенно специализированных сетей и сервисов;

временно приостановить развитие в стране других иностранных сетей;
создать единый координационный государственный Центр по работе с социальными сетями и сервисами с правом оперативного управления ситуацией в социальных сетях и с главной тактической задачей – максимально широкое донесение до всех технически достигаемых аудиторий текущей информационной государственной повестки;

создать в рамках работы Центра нескольких национальных контент-центров по систематическому сбору, обработке и размещению государственной информации в социальных сетях с использованием всех современных информационных технологий;

организовать во всех населенных пунктах, находящихся в орбите кризисных событий, сеть поставщиков контента с четким функционалом, материальным, информационным, методическим и кадровым обеспечением для регулярного создания и пересылке в Центр качественного видео и фото контента;

разработать и реализовать исследовательскую программу, которая позволит на регулярной основе получать подробную аналитическую информацию о состоянии информационного рынка, что позволит оперативно реагировать на изменения в информационной среде, а также проводить собственную скоординированную для всех медиа эффективную информационную политику, в том числе и в отечественных и иностранных социальных сетях и сервисах.

Заключение.

Социальные сети и сервисы становятся главными медиаканалами коммуникаций для государственной информационной политики. Это уже произошло в экономически развитых государствах, прежде всего, в США, Евросоюзе и Китае. Поэтому в этих странах социальные сети и сервисы определяются уже даже не как часть интернета, а как самостоятельное медиа со своими пользователями, специализацией и медиа бюджетами. Аналогичные процессы происходят в России. На протяжении последних двадцати лет страна впитывала в себя иностранные социальные сети и сервисы. И сейчас наступил «момент истины» – пора понять, какой должна быть политика государства по отношению к социальным сетям и как в этой среде должен работать государственный информационный механизм.

1. Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. Трансформация Интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло(локал)анклавизации // Социологические исследования, 2021, С.95.
2. Васильев Н. А., Комиссаров С. Н. Социальные сети. Формирование нового социального мира // Гуманитарий Юга России. – 2021. – Т. 11. – №. 4. – С. 43-61.
3. Горшков М. К. Реальности пореформенной России: четверть века социальных трансформаций в социологическом измерении // Россия реформирующаяся. – 2018. – №. 16. – С. 6-33.
4. Винников В. Человек сердца // Завтра. 2009. № 53 (841). С. 3. См. URL: <https://pub.wikireading.ru/153281> (дата обращения 21.10.2021)
5. Запесоцкий А. С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. - 2002. - № 2. - С. 3–8.
6. Ведомости 2022, Россиян будут наказывать за призывы к санкциям и антивоенные лозунги// <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/03/03/912035-budut-shtrafovati-za-prizivi> (Дата доступа: 28.03.2022)
7. F. Richter 2021, Meta Reaches 3.6 Billion People Each Month// Statista, <https://www.statista.com/chart/2183/facebooks-mobile-users/> (Дата доступа: 28.03.2022)
8. Statista 2022, Average monthly number of users of Meta in Russia in January 2022, by platform// <https://www.statista.com/statistics/1294187/russia-meta-users-by-platform/> (Дата доступа: 28.03.2022)
9. B. Dean 2022, How Many People Use Telegram in 2022? 55 Telegram Stats// Backlinko <https://backlinko.com/telegram-users> (Дата доступа: 28.03.2022)
10. G. Todorov 2022, 50+ Impressive VKontakte Statistics in 2022// ThriveMyWay <https://thrivemyway.com/vkontakte-stats/> (Дата доступа: 28.03.2022)

11. Y. Yener 2020, *Step by Step: Twitter Sentiment Analysis in Python* //TowardsDataScience <https://towardsdatascience.com/step-by-step-twitter-sentiment-analysis-in-python-d6f650ade58d> (Дата доступа: 28.03.2022)
12. Р. Тауров 2022, *Аналитики оценили потери признанной экстремистской Meta от блокировки в России* // Forbes <https://www.forbes.ru/tekhnologii/460625-analitiki-ocenili-poteri-priznannoj-ekstremistskoj-meta-ot-blokirovki-v-rossii> (Дата доступа: 28.03.2022)
13. Sostav 2022, *ФНС раскрыла суду доходы Meta в России* //Sostav <https://www.sostav.ru/publication/meta-platforms-52282.html> (Дата доступа: 28.03.2022)
14. Д. Кучерявых 2022, *В России резко вырос спрос на VPN-сервисы* // Lenta.ru <https://lenta.ru/news/2022/03/01/vpn/> (Дата доступа: 28.03.2022)
15. В. Черный 2022, *Как изменились соцсети в марте 2022 года* // Brand Analytics <https://br-analytics.ru/blog/social-media-march-2022/> (Дата доступа: 28.03.2022)
16. АКАР 2022, *Объем рынка рекламы* // akarussia https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size (Дата доступа: 28.03.2022)

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ КАК ОСНОВАНИЕ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Великая Наталья Михайловна

(Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН)

Легитимность политической власти, обеспечивающая устойчивое развитие общества, в современной социологической науке измеряется через уровень доверия к ней со стороны различных социальных групп, а также через реальное политическое участие граждан, участвующих в формировании органов государственной власти. При этом органы публичной власти, осуществляющие управленческие функции, должны исходить из политических интересов и социально-экономических потребностей большинства граждан страны, волю которых выражают избиратели, используя различные институты и формы непосредственной демократии [1, 37].

Интерес к легитимности закономерным образом возникает в кризисные периоды, когда консолидация и интеграция общества становятся значимым элементом поддержания стабильности и обеспечения эффективного функционирования государственных структур. Следуя логике Ж.Л.Жабо, мы предлагаем рассматривать следующие формы легитимности: демократическая, технократическая (или эффективная), идеологическая, онтологическая [4], которые в современном обществе дополняют друг друга.

Эмпирической базой статьи стали данные мониторинга «Как живешь, Россия?», который проводится Центром стратегических социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН под руководством В.К.Левашова более 30 лет.

Важнейшим основанием легитимации является доверие к власти и согласие с политическим курсом, что становится возможным не только благодаря участию граждан в выборах, но и в случае отражения народной воле в политических решениях.

Несмотря на ужесточения законодательства, регулирующего деятельность некоммерческого сектора, на множественные факты возбуждения уголовного преследования людей, участвующих в протестной активности, общий фон поддержки власти за последние несколько лет не менялся [2]. По результатам последней волны мониторинга «Как живешь, Россия?», самым высоким уровнем поддержки среди всех властных институтов пользуется президент (74%), затем с большим отрывом идут правительство (52%), главы регионов (43%) и законодательные органы власти (35% у Совета Федерации и 31% у Государственной Думы) [3, 14].

Закрепленная в российской политической культуре персонификация власти в кризисные периоды сопровождается воспроизводством надежд на сильного лидера, способного решить все проблемы. Как результат, россияне продолжают высоко оценивать

деятельность президента В. В. Путина, чей рейтинг вырос почти на балл по сравнению с 2021 годов (7,8 против 6,1 балла в 2021 году) [3, 25]. Соответственно, выросла доля опрошенных, чье мнение относительно деятельности В.Путина за последние годы улучшилось. Именно действующий президент рассматривается сегодня в качестве лидера, способного вывести Россию из кризиса.

Вызывает тревогу, что другие институты власти не смогли стать серьезными базами для консолидации различных социальных групп общества. Так, порядка трети опрошенных (36% в 2022 г.) не поддерживают ни одну из существующих ныне политических партий. Рейтинг «Единой России», хоть и вырос за последний год, не превышает 24%. Что касается других парламентских партий, то их поддерживают от 2% (Новые люди, Справедливая Россия) до 8% (ЛДПР) и 9% (КПРФ).

Специфика организации выборов, распространение практики выдавливания из списков неудобных кандидатов, создание барьеров для представления своей позиции в СМИ за последние годы существенно снизило ценность выборов как важного института демократии. На последние выборы 2021 г. в ГД пришло порядка 52% избирателей, а на региональных выборах сентября 2022 явка в 7 субъектах федерации не превышала 40 %, а максимальной была в Тамбовской (58%) и Саратовской (54%) областях.

В целом россияне демонстрируют высокий уровень лояльности государственной власти, однако количество граждан, полностью удовлетворённых политической системой общества (19%) сравнялось с количеством тех, кто считает, что ее надо менять радикальным образом (18%). При этом 77% опрошенных убеждены, что они не могут повлиять на политические процессы в стране, что вкупе с индикатором «людям во власти нет никакого дела до простых людей» (как считают почти 60%) показывает высокий уровень отчуждения населения от власти. На фоне низкого уровня доверия к выборам, что проявляется в т.ч. в низкой явке, это свидетельствует о возможном кризисе легитимности.

Опрошенные значительно выше оценивают усилия государства в сфере обеспечения национальной безопасности и считают, что изменения в лучшую сторону произошли в области технологического развития (62%), экономического потенциала страны (44%), достижения экономической независимости страны (43%). Что касается усилий государства в плане персональной жизни граждан, то здесь количество тех, кто считает, что изменения произошли в худшую сторону, превышает количество оценивающих перемены позитивно. Речь идет о таких индикаторах, как уровень и качество жизни граждан, доступность медицинского обслуживания, свобода слова и свобода совести и ряда других. Не случайно за время проведения СВО выросло количество респондентов, считающих, что Россия должна активно развивать отношения с остальным миром (49% против 44 в 2020 г), а также снизить свою активность на международной арене и сосредоточиться на своих внутренних проблемах (30% против 25% в 2020 г.) Другими словами, по-прежнему актуальным остается вопрос о необходимости обеспечивать социальные стандарты и гарантии.

Полагаем, что ресурс консолидации, построенный на общинных началах и патриотизме имеет свой запас прочности. Если качество жизни граждан начнёт ухудшаться, это будет снижать и уровень легитимности к власти. Подтвердить это соображение позволяет факторный анализ, демонстрирующий зависимость доверия от отношения к политической системе общества, когда граждане, недовольные политической системой демонстрируют низкий уровень доверия ко всем институтам политической власти.

Можно констатировать, что сложившаяся низкоконкурентная модель партийной политической системы с несменяемыми политическими лидерами исчерпала возможности публичной легитимации. Критически низкий уровень доверия граждан к существующей представительной модели ставит вопрос о необходимости её концептуальной социально-политической модернизации с целью консолидации публичной легитимности российского государства. Учитывая имеющийся рост патриотических настроений граждан в период

СВО и довольно активную информационную политику администрации президента, можно предположить, что высокий уровень доверия к президентской власти будет сохраняться. С другой стороны, это может создавать дополнительные риски, связанные с возможностью возникновения недовольства на фоне снижающегося уровня жизни и продолжения военных действий с привлечением мобилизованных граждан, когда вся ответственность будет возлагаться только на президентскую власть и персонально действующего президента.

1. Авдеев Д.А. Современная проблематика деятельности органов публичной власти в свете их легитимности // *Государство и право*. 2021. № 7. С. 36–46.
2. Великая Н.М. Общественная легитимация политической власти в контексте трансформации гражданского общества в современной России // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2022. № 2. С. 59–71. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-59-71
3. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года: [бюллетень] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 91 с.
4. Chabot J.- L. *Introduction a la politigue*. P., 1991. P.58-67.

СМЕШЕННАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА, КАК ИНСТИТУТ ДЕМОКРАТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Великоростов Алексей Сергеевич

(Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

На сегодняшний день реализация демократии и вовлечение граждан в управленческие процессы страны происходит посредством проведения выборов, то есть непосредственного волеизъявления граждан проживающих на территории муниципальных образований, тем самым они выбирают граждан (депутатов), которые будут решать вопросы, относящиеся к ведению Российской Федерации, субъекта Российской Федерации и вопросы совместного ведения, поэтому крайне важно использовать механизмы обеспечивающие объективность принятых гражданами решений, чтобы нормативно правовой акт не стал инструментом фаворитизма отдельных групп, а работал именно на благо всего общества. Руководитель исследовательских проектов ВЦИОМ Михаил Мамонов, подчеркивая актуальность политических акторов отметил, что «Более 60% опрошенных россиян заявили, что в РФ нет политических партий, которые были бы им интересны, однако свыше 70% респондентов убеждены в их необходимости в современной России. В то же время мы видим, что партии сегодня являются малорезонансным элементом политики. Абсолютное большинство, 63%, заявляют о том, что сегодня для этих людей нет партии, которая представляла бы для них интерес, и только около трети считают, что такая партия действительно есть, которая им интересна. В итоге страдает главная функция партии – эта их способность выражать интересы россиян» [1].

Избирательная система - это один из институтов демократического государства. Инструментом данного института являются выборы, посредством которых граждане проявляют активную гражданскую позицию. С одной стороны, мы можем говорить о влиянии граждан на социально-экономическое развитие Российской Федерации, если иметь ввиду выборы на федеральном уровне, с другой стороны выборы - это движущая энергия для политической объединений и государственных деятелей порождающая конкуренцию, которая играет роль катализатора для кандидатов. Рассматривая избирательную систему как институт следует отметить, что на ее функционирование влияют ряд аспектов.

В первую очередь, это культурная почва - жизненная среда функционирования избирательной системы. С одной стороны, избирательная система – это институт, основанный на демократических началах, чем подчеркивается значимость гражданина как субъекта общественных отношений, возникающих в процессе формирования выборного органа власти, и его участия в избирательном процессе. Основой для определения такой роли являются конституционный принцип народовластия. В рамках конституционного принципа равенство прав и свобод человека и гражданина, каждый гражданин вправе реализовать притязания на право избирать и быть избранным.

Инструментом, посредством которого граждане реализуют притязания на это право, являются выборы. Результатом выбора гражданина является полезность не для конкретного гражданина, но для общества в целом. Осуществляя выбор, гражданин опосредствованно оказывает влияние на социально-экономическую Российской Федерации, а также на внутреннюю и внешнюю политику государства. С другой стороны, существуют неформальные институты, которые могут вносить искажения в этот процесс.

Вторым является политический аспект, который заключается в борьбе, конкуренции между политическими объединениями и кандидатами, только в здоровой конкуренции за голоса граждан рождаются идеи по реформированию существующей действительности на благо общества.

Третий аспект – это бюрократизация процесса выборов, то есть систематизация процессов и разработка методик. В условиях разных избирательных систем трудно выдвинуть определение избирательной системы с точки зрения бюрократии, однако бюрократия – это то благо, которое исключает хаос и вносит порядок в избирательный процесс, регламентирует правила поведения как для граждан, так для политических объединений и кандидатов. Речь идет именно о систематизации процессов, а не о создании видимости и использовании норм для отсеивания негодных кандидатов.

Обобщая все выше сказанное, избирательная система - это один из институтов демократии, основанный на конституционных принципах равенства, прав и свобод человека и гражданина, народовластия и законности. Избирательная система обеспечивает претензию каждого гражданина на право избирать и быть избранным и регулирующий юридическими нормами поведение граждан, политических объединений и кандидатов, а также регламентирует избирательный процесс в целом.

В Российской Федерации преобладает смешанная избирательная система - избирательная система, при которой часть мандатов в законодательный орган власти распределяется по мажоритарной системе, а часть – по пропорциональной системе. То есть эта избирательная система сочетает в себе механизмы пропорциональной и мажоритарной избирательных систем.

Положительные аспекты смешанной избирательной системы в существующих реалиях:

1. создает баланс между мажоритарной и пропорциональной избирательными системами
2. стимулирует создание региональных отделений политических партий, повышается эффективность их работы и растет конкурентная борьба;
3. улучшается качество законотворческой деятельности,
4. укрепляет политические партии, поскольку часть депутатов избирается на пропорциональной основе.

Отрицательные аспекты смешанной избирательной системы в существующих реалиях:

Снижение уровня социальной мобильности отдельных кандидатов от политических партий и эксплуатирования имиджа партии для завоевания авторитета граждан

Отсутствие ответственности за невыполнение политической программы перед гражданами или ответственности за низкий уровень эффективности деятельности отдельных политических акторов

Отсутствие взаимосвязи идеологии и программы политической партии, сегодня идеология понимается политическими партиями, как идеальная система ценностей и не отражает реальной ситуации, поэтому необходимо, чтобы партия мыслила свою идеологию, как перечень проблемных зон, в рамках которых они хотят аккумулировать процесс, только тогда политическая партия становится субъектом социальной чувствительности, поскольку отходит от идеализированных образов и обеспечивает социальный эффект от деятельности представительного органа власти.

Смешенная избирательная система предоставляет возможность голосовать как за конкретного кандидата, так и за политические партии, в конечном итоге, с одной стороны, это способствует здоровой политической конкуренции, дает возможность активным гражданам влиять на внутреннюю политику страны, более точному отражению общественных интересов и улучшает деятельность законодательного органа. Стоит отметить, что сегодня в стране низкая правовая культура населения, что подтверждается отсутствием активного гражданского общества, которое призвано обеспечить стабильное функционирование избирательной системы, однако актором, который позволяет нивелировать риски выступает политическая партия «Единая Россия». Она очень прочно вошла в систему управления, ее представители замещают должности в органах исполнительной власти и в органах законодательной власти, что обеспечивает высокую скорость реализации управленческого решения. Смешенная избирательная система позволяет сохранить представительство в законодательных органах власти, часть депутатов избирается по партийным спискам, а это значит, что в случае падением уровня доверия к данной политической партии, голоса избирателей могут забрать оппозиционные партии, но у политической партии есть шанс набрать голоса за счет голосование за конкретных кандидатов, которые также могут являться представителями различных политических партий. Таким образом, такая избирательная система направлена на сохранение политической монополии для нивелирования деструктивных процессов, но может стать катализатором для ситуации институциональной ловушки, которая заключается в следующем: политическая партия получает большинство мест в законодательном органе по партийным спискам, при голосовании за конкретного кандидата члены этой политической могут избираться как самовыдвиженцы, но негласно использовать ресурсы партии таким образом, если одерживают победу только кандидаты из этой партии фактически происходит узурпация власти в законодательном органе, что исключает наличие честной политической конкуренции.

1. ВЦИОМ: только треть респондентов заявляют об интересе к той или иной политической партии [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/politika/10452101> (дата обращения 01.10.2022).

ВОЕННАЯ СУБКУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Власова Ирина Владимировна

(Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ.)

В разные исторические периоды, в условиях внешней угрозы национальной целостности страны, ученые обращаются к проблеме национальной идентичности.

Самое сложное для страны военное время – время единения разных поколений, разных субкультур, осознания принадлежности к одной великой нации. Все социальные институты активно включаются в процесс социализации граждан. Особое место в нем отводится институту образования.

Военное образование для России, начиная с середины XIX века — это особый социальный институт - базовая, неотъемлемая ценность, наряду с религиозной, основа идентичности сословных групп. Профессиональная идентичность выпускника военного заведения Российской империи, его ценностная система мировоззрения была неразрывно связана с национальной идентичностью.

Современное общество называют - «общество риска» (У. Бек), «общество потребления» (Ж. Бодрийяр). Глобальные процессы, предполагающие взаимодействие и интеграцию, вызвали обратное явление - стремление стран к обособлению, разъединению. Эти обстоятельства являются основными причинами напряженных и конфликтных ситуаций в мировом пространстве, создающей угрозу национальной безопасности.

Современные исследования в области национальной безопасности неразрывно связаны с исследованием основных видов идентичности: культурной, национальной, религиозной, профессиональной.

Профессиональная идентичность какой-либо субкультуры развивается в ее недрах в соответствии с традиционными ценностями, нормами данной культуры. Представители военной субкультуры призваны выполнять особо важную функцию - защиту страны, обеспечивая ее внутреннюю и внешнюю безопасность.

В России защита национальных интересов создается усилиями силовых министерств, призванных обеспечивать безопасность граждан на личностном, общественном и государственном и уровнях. Осуществление указанных задач требует серьезной интеллектуальной подготовки. Степень национальной безопасности страны и граждан во многом зависит от качественного уровня военного образования в современной России.

В рамках защиты национальных интересов Отечества выпускники военных институтов страны должны уметь эффективно организовать работу по противодействию внутренним и внешним угрозам национальной безопасности государства, что предполагает отчетливое осознание своей национальной, профессиональной идентичности, понимания неразрывности интересов различных субкультур в обществе. Большая роль в выполнении указанных задач подлежит решению в области военного образования.

Таким образом, в современной ситуации политические и социальные институты призваны развивать социальные пространства и социокультурную среду, направленную на солидарность различных профессиональных субкультур, осознание национальной идентичности. Основное внимание следует обратить на развитие системы военного образования в России.

ЦИФРОВЫЕ РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ РЕГИОНА: ИНДИКАТОРЫ ИЗМЕРЕНИЯ

*Головацкий Евгений Васильевич
(ФГБОУ ВО "Кемеровский государственный университет")*

Традиционные мобилизационные схемы, базирующиеся на приоритете административного доминирования и избирательного использования общественных инициатив, требуют исследовательского внимания и актуальной модификации своей организационно-исполнительной части. Приоритеты определения актуальных драйверов социального и политического взаимодействия смещаются в сторону возможностей сетевых, мобильных или облачных участников повседневной социально-политической коммуникации. «Пользовательская политика» формирует новые приоритеты социальных и политических запросов. Сетевая региональная мобилизация становится элементом диалога населения, городских организаций и власти. Недостаточно изученной стороной

социальных и политических взаимодействий гражданских сообществ и власти региона являются формы мобилизации субъектов социально-политических отношений [1].

Исследование быстрых «реактивных» взаимодействий позволяет по-новому взглянуть на методы построения социальных и политических взаимодействий в регионе [2, 83].

В процессе изучения социальной активности россиян в качестве цифровой гражданской активности используется понятие интернет-активизм, характеризующийся специфическим общественно-политическим контекстом развития [3, 42].

Среди региональных индикаторов измерения ресурсов социального и политического взаимодействия сетевых сообществ можно использовать: коммуникацию по актуальной повестке; оценочный характер коммуникации; апелляцию пользователей к социальным ролям (формируемым в сети); риски перехода социального содержание информационного контента в политическое; латентные протестные практики и низкий уровень доверия сетевых участников демонстраторам провластного контента и пр.

Приемы и особенности социального и политического взаимодействия в регионе за время пандемической, экономической и политической изоляции и рисков изоляции магистральных направлений российского развития, становятся зависимыми непосредственно от оценок населения и социальных сообществ, а в определенных ситуациях от мнения отдельных пользователей (аффилированных или латентно присутствующих в сетях), с учетом запросов региональных сообществ.

1. Golovatsky E., Kranzeeva E., Orlova A., Burmakina A. Social Practices of Mobilizing Population Initiatives: Prospects for Hybrid Methodology// International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2018. Vol. 289. Pp. 8-13. doi: <https://doi.org/10.2991/csis-18.2019.2>

2. Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В. Социальное и политическое взаимодействие местных сообществ региона в условиях реактивных отношений: кейсы благоустройства городского пространства // Вестник Томского гос. ун-та. 2021. № 464. С. 81-90.

3. Соколов А.В., Барский Я.В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности // Власть. 2021. Т. 29. № 6. С. 42-47.

СЕТЕВАЯ СТРУКТУРА И ПРОТЕСТНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Григорьев Виталий Евгеньевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

23 января 2021 года прошли акции протеста в защиту Алексея Навального. В социальной сети ВКонтакте (СС) ядро движения было представлено «штабами Навального» Участники СС имели возможность регистрироваться как в штабных группах, так и в качестве участников акций протеста.

Исследования мобилизации предсказывают, что более плотные и компактные сети облегчают мобилизацию. Еще одна повышенная характеристика у протестующих — количество «треугольных» отношений, ситуаций, в которых два человека связанные с третьим, оказываются связанными и друг с другом. Децентрализованная структура организации способствует активизации протестного поведения. На эффективность может оказывать влияние соотношение размеров ядра и периферии группы и наличие структурных дыр.

Доля мобилизованных, участники из штабной группы, выразившие намерение поучаствовать в митинге выступала зависимой переменной.

Независимые переменные: плотность сети, диаметр наибольшего компонента, доля наибольшего компонента, доля изолированных узлов, коэффициент

кластеризации, показатели централизации, спектральный зазор. Контролировались величина сообщества и число митингующих.

Для моделирования были использованы модели на основе бета-регрессии (обычная, LASSO и с усилением). Сильные корреляции независимых переменных приводят к высокому индексу обусловленности. В такой ситуации я прибегаю к преобразованию переменных методом главных компонент. 5 из 11 компонент заслуживали рассмотрения (суммарная доля объясненной дисперсии составила 95%). Статистически значимых связей не было обнаружено. Незначительность коэффициента детерминации (2,4%) указывает на практическую незначимость переменных. Альтернативный подход, основанный на отборе переменных с наибольшими нагрузками на каждый значимый компонент также не показал значимых связей.

Таким образом, можно утверждать, что структурные или топологические характеристики сети штабных групп практически не оказывают влияния на эффективность мобилизации. Ни одна из 5 гипотез не получила подтверждения.

То, что нам не удалось подтвердить наличие этих связей может означать, что ОСС не является реальной средой взаимодействия и организационных усилий, а выступает исключительно как средство информирования и, вероятно, в первую очередь направленное на людей не входящих в актив движения, а присоединяющихся к акциям время от времени. Действительно, многие альтернативные ресурсы (такие как Telegram) предоставляют более надежные и защищенные способы общения.

Следует подчеркнуть, что мы изучали не само участие, а намерение выраженное в виде регистрации на соответствующем мероприятии. И наконец, я бы отметил, что отсутствие влияния структурных сетевых свойств на успех мобилизации не исключает влияния локальных сетевых свойств отдельных узлов на протестное поведение.

ПРАВО И СИЛА КАК СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Деханов Сергей Александрович

(Московский государственный гуманитарно-экономический университет)

На протяжении практически всей длительной истории международные отношения знают, если отбросить нюансы, два агрегированных типа мирорегулирования - силовое и нормативное[2;40].

И еще совсем недавно казалось, что нормативно-правовое регулирование окончательно берет верх над силовым, так как в международных отношениях право есть воля сильнейшего[1;49].

Впервые барьер на пути силы был поставлен в 1928 году Парижской конференцией, война как средство разрешения международных споров была признана незаконной.

С принятием устава ООН в праве войны произошли принципиальные изменения. Покончено с его главной в прошлом частью-правом на войну.

Ярким примером торжества права над силой являются Нюрнбергский и Токийский международные военные трибуналы, которые впервые в истории человечества вынесли суровые приговоры лицам, виновным за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

В 1945 г. в рамках ООН был создан Международный Суд ООН, сыгравший определенную роль в предотвращении межгосударственных конфликтов.

В 1998 г. был подписан Римский статут по созданию Международного уголовного суда, но процесс ратификации оказался сложным и длительным.

Статут вступил в силу. Международный уголовный суд будет рассматривать дела о геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности, включая систематические убийства, пытки, изнасилования и сексуальное порабощение. Суд

займется также агрессией, когда страны договорятся о формальном определении этого термина. Самая влиятельная держава - США отозвала свои подписи от подписания статута. Очевидно, американская политическая элита понимает, что в действиях отдельных американских граждан - военных и гражданских лиц содержатся составы преступлений, предусмотренных статутом, за которые они рано или поздно должны понести международно-правовую ответственность.

Простое перечисление действующих судебных учреждений, общие положения о приоритете права не должны порождать тенденцию к преувеличению той роли, которую сегодня в мировой политике фактически играют международные суды.

Нельзя забывать, что всякое право в мире было добыто путем столкновений, каждое важное правовое начало нужно было сначала отвоевывать у тех, кто ему противился, и каждое право - все равно, отдельного лица, или целого народа - предполагает постоянную готовность его отстаивать. Право есть не просто мысль, а живая сила. Поэтому - то богиня правосудия, имеющая в одной руке весы, на которых она взвешивает право, в другой держит меч, которым она его отстаивает. Меч без весов - есть голое насилие, весы без меча - бессилие права. Право есть непрерывная работа, работа не только одной государственной власти, но всего народа. Вся жизнь права - есть картина напряженного и систематического труда всей нации, каждого индивидуума в отдельности.

За право необходимо бороться. В борьбе обретишь ты право свое. Кто делает из себя червяка, тот не может потом жаловаться, если его попирают ногами»[3;3]. Кто не чувствует, что в том случае, когда беззастенчиво нарушают и попирают его право, вопрос идет не просто об объекте его права, но об его собственной личности, кто а в подобном положении не испытывает стремление защищать себя и свое полное право, тот уже человек безнадежный, и нет никакого интереса привлекать его на свою сторону. Уступчивость, кротость миролюбие, отказ от осуществления права – плохой помощник праву.

1. Гроций Г.О праве войны и мира. Репринт. с изд.1956 г.- М.: Ладомир, 1994.-868с.
2. Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования/Ю.П. Давыдов.- М.: Наука, 2002.
3. Кант И. Метафизические основания учения о добродетели. Крейцнах, 1800.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ДИСТАНЦИОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ РОССИЯН

Дорохова Наталья Юрьевна

(Российский государственный гуманитарный университет)

Аннотация: В статье рассматривается политическая культура дистанционного голосования россиян. Введение дистанционного электронного голосования анализируется с точки зрения с точки зрения формирования политической культуры избирателей.

Ключевые слова: ДЭГ, дистанционное электронное голосование, выборы, цифровизация, политика, политическая культура.

Достижения научно-технического прогресса все активнее внедряются в нашу повседневную жизнь. Как когда-то электричество и двигатели внутреннего сгорания, Интернет-технологии сегодня превращаются из футуристичных проектов в часть нашей обыденной реальности. Не будет преувеличением отметить, что в современном мире едва ли осталась хотя бы одна сфера деятельности общества, не затронутая процессами цифровизации.

Учитывая данную тенденцию, было бы странным полагать, что внедрение цифровых технологий может обойти стороной политическую жизнь страны. В первую очередь, речь здесь может идти об электоральных процессах – основном способе ротации

и воспроизведения политической элиты государства. Тема введения Дистанционного электронного голосования в последнее время все активнее обсуждается в российском обществе. Так, представители Общественной Палаты РФ выразили надежду, что процедура Дистанционного электронного голосования (ДЭГ) может быть распространена на все регионы России уже к президентским выборам 2024 года.

Основой обсуждения политически активных кругов являются в первую очередь технологические и организационные аспекты данного вопроса. Так, сторонники ДЭГ апеллируют к неизбежному техническому прогрессу, а также повышению явки за счет привлечения к выборам активных пользователей информационно-коммуникативных технологий. Противники же указывают на сложности общественного контроля за прозрачностью данной процедуры, что неизбежно ведет делегитимизации результатов выборов.

Автор данного доклада предлагает посмотреть на вопрос введения дистанционного голосования с точки зрения формирования политической культуры избирателей.

Для начала необходимо обратиться к основным понятиям и определить используемые дефиниции.

Основные понятия и термины

Изучение понятия «Политическая культура», как самостоятельной предметной области было впервые начато американскими исследователями Г. Алмондом и С. Вербой в середине 1950-х годов. Вместе с тем, данное явление описывалось в трудах и более ранних ученых и мыслителей: политическое поведение и ценностные установки индивидов являлись предметом многих мыслителей и философов, начиная с Аристотеля, и закачивая такими учеными, как Маркс, Спенсер, Вебер. В самом общем смысле, политическая культура может быть определена, как реализация политических знаний, ценностных ориентаций, образцов поведения социального субъекта (личности, класса, общества) в исторически определенной системе политических отношений и политической деятельности.

Существует достаточно много определений, обозначающих термин «электоральное поведение». Вместе с тем, в рамках настоящей работы предполагается принять за основу формулировку, предложенную исследователем Н.А. Моисеенко, определившего электоральное поведение, как процесс, в ходе которого граждане принимают решение относительно своего участия в голосовании на выборах и конкретно голосования за те или иные политические партии, либо за политических кандидатов. Акцент данной формулировки на выборе, совершаемом гражданами в ходе избирательного процесса, позволяет подчеркнуть их роль, как субъектов политического пространства, а не потенциальных объектов электоральных манипуляций. Кроме того, важной отличительной чертой данного определения является другой акцент автора, а именно признание поливариативности поведения избирателя в рамках электорального процесса: признание возможности гражданина осуществить волеизъявление не только непосредственно на избирательном участке, но и на стадии принятия решения об участии в голосовании. Вместе с тем, представляется необходимым несколько дополнить предложенную формулировку, и добавить, что выбор гражданина в контексте электорального поведения также может распространяться и на другие аспекты электорального процесса: в частности, на отношение к итогам голосования (признанию/непризнанию результатов выборов).

Таким образом, можно отметить, что выборы выполняют две основных функции: с одной стороны, в ходе выборов происходит процесс ротации элиты и воспроизведения властной структуры государства, с другой – выборы могут быть расценены, как одна из практик гражданского участия, легитимирующей властные отношения в существующей форме.

«Электронная демократия», как часть политического процесса

Одним из основных трендов последних лет является массовое внедрение цифровых технологий в политические и управленческие процессы. Среди стран, выступающих признанными лидерами данного процесса можно выделить Японию, Эстонию и Сингапур. В данных странах не только активно развиваются т.н. институты «Цифрового правительства», но происходит активное внедрение процедур «Электронной демократии» - использование цифровых технологий в рамках электорального процесса. Механизм электронной демократии включает в себя электронное голосование, коллективное обсуждение социально-значимых проблем в режиме онлайн, сетевые сообщества как механизм реализации гражданских инициатив и коллективных практик, коллективные обращения граждан (как инструмент воздействия на принятие политических решений), контроль за деятельностью органов власти.

Данный процесс имеет ряд положительных последствий – электронные процедуры позволяют существенно сократить финансовые расходы на содержание государственного аппарата, а также проведение многих значимых мероприятий, за счет перевода их в онлайн-формат. Кроме того, Интернет - коммуникации позволяют повысить прозрачность деятельности государственных органов всех уровней, сократить время реагирования на общественные проблемы, получить качественную обратную связь, уменьшить коррупционную составляющую при проведении государственных закупок и тендеров.

Проведение голосования на выборах в электронном формате, по мнению сторонников данного проекта, также имеет ряд значительных преимуществ перед традиционной процедурой выборов. Кроме вышеперечисленных положительных аспектов, отмечается, что электронное голосование может привлечь к участию в выборах граждан, не охваченных «оффлайн-голосованием» - в первую очередь, это связывают с сокращением временных затрат на посещение избирательного участка, а также повышением комфортности процедуры, в том числе, и плане отсутствия возможного психологического давления на избирателей.

Вместе с тем, у процесса электронного голосования находится достаточно большое количество противников. Критики данной инициативы указывают на ряд существенных недостатков ДЭГ, которые, по их мнению, не могут быть компенсированы открывающимися преимуществами. В первую очередь, отмечается, что процедура электронного голосования не только не способствует прозрачности избирательного процесса, но и напротив, открывает дополнительные возможности для фальсификаций. Данный вывод основывается на невозможности идентифицировать личность избирателя, и доподлинно установить, кто именно принимал участие в голосовании. Кроме того, противники электронной процедуры голосования указывают на отсутствие технической возможности осуществлять работу института наблюдателей в электронном формате, а, следовательно, снижение контроля за ходом голосования. Ставится под сомнение и возможность сокращения издержек при проведении выборов: для осуществления возможности электронного голосования также необходим штат высококвалифицированных специалистов, а также технически-сложное и дорогостоящее оборудование

Опыт «электронной демократии» в России

С 2010 года в Российской Федерации существует Программа развития информационного общества, призванная способствовать развитию институтов гражданского участия и контроля в электронной форме. Одним из примеров такого участия можно назвать акцию «Бессмертный полк», проходившую в 2020 и 2021 годах в дистанционном формате из-за пандемии новой коронавирусной инфекции, а также появления сервисов для создания онлайн-петиций в поддержку различных инициатив.

Как показали результаты исследования, проводившегося группой ученых Российского экономического университета в 2020 году, среди жителей Москвы и Московской области, 61,9% опрошенных принимали участие в акции «Бессмертный полк» онлайн, 46,7% выразили готовность подписать онлайн-петиции. Кроме того, результаты

исследования продемонстрировали высокий уровень одобрения процедуры онлайн-голосования: проголосовать в формате онлайн готовы 76,3% респондентов.

Однако, несмотря на высокий процент одобрения электронного голосования, даже в 2020 году у данной инициативы нашлось и немало противников: 45,7% респондентов выразили опасения, что итоги такого голосования могут быть сфальсифицированы из-за закрытости процедуры и дополнительных возможностей манипуляций с результатами волеизъявления граждан.

В 2021 году Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) было впервые массово опробовано на выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, а также выборах депутатов законодательных собраний субъектов федерации и органов местного самоуправления. ДЭГ состоялось в 7 субъектах Российской Федерации: в Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской, Ярославской областях, Москве и Севастополе.

Результаты электронного голосования ознаменовались рядом крупных скандалов – значительная часть кандидатов поставила под сомнение достоверность результатов, пришедших на избирательные участки из системы ДЭГ. Было отмечено, что результаты электронного голосования сильно расходятся с результатами, полученными в ходе голосования на физических избирательных участках. При этом, в Москве электронное голосование сыграло решающую роль при подведении итогов выборов: почти половина москвичей из числа голосовавших (около 1,8 млн) отдали свой голос дистанционно. По итогам выборов, многие кандидаты обратились в суды с исковыми заявлениями об оспаривании итогов ДЭГ, кроме того, в Москве прошел ряд массовых протестных акций с требованием отмены результатов электронного голосования.

Резюмируя, можно сделать следующие выводы.

Несмотря на постепенное развитие в Российской Федерации институтов электронной демократии, внедрение цифровых технологий в электоральные процессы на сегодняшний день не получило однозначной оценки со стороны российского общества. Несмотря на достаточно высокий процесс числа участников ДЭГ, недоверие к его результатам демонстрируют как представители различных политических сил, так и сами избиратели.

Учитывая данное обстоятельство, можно отметить, что практика ДЭГ в контексте формирования политической культуры россиян также играет двоякую роль. С одной стороны, результаты социологических исследований и данные ЦИК демонстрируют рост числа участников электронного голосования, что указывает на то, что граждане делают выбор в пользу участия в электоральном процессе. Однако с другой стороны, при отсутствии базового доверия к результатам ДЭГ, внедрение такой формы голосования может привести к дополнительной делегитимизации избирательных процессов в России.

Дополнительно отмечается, что вывод о том, что при наличии серьезных сомнений в прозрачности процедуры ДЭГ, выбор в пользу такой формы участия был сделан гражданами из соображений личного комфорта, может свидетельствовать еще об одной тревожной тенденции, а именно отсутствию у избирателей осознанного понимания важности волеизъявления и дефициту чувства ответственности за состояние дел в обществе.

1. *Постановление ЦИК России от 20.07.2021 N 26/225-8 (ред. от 03.09.2021) "О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года"*
2. *Давыдова Ю.А. Каргаполова Е.В., Роль электронной демократии в обеспечении власти и управления/Россия: тенденции и перспективы развития, 2021, С. 541*
3. *Дьякова В.В. Выборы в контексте трансмиссии гражданской культуры/ Вестник экономики, права и социологии, 2021, № 1, С. 121*
4. *Козлова А.С., Понявина М.Б., Проблемы электронного голосования/ Вести научных достижений. Экономика и право, 2020, №3, С.94*

5. Моисеенко Н.А., *Электоральное поведение молодежи: управленческий аспект* // «Экономика. Социология. Право», 2020, №2(18), С. 80.
6. Тиуридзе Л.А. *Электронная демократия как средство организации общественно-политической деятельности граждан // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. – № 1 (115). – С. 20–26*
7. Усикова Л.Ф., *Политическая культура/ Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 2010, С. 92*
8. Almond, G. & Verba, S. (2014) *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh [The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations]. Translated from English. Moscow: Mysl'*
9. *В ОП назвали ожидаемые сроки введения электронного голосования по всей России/ Известия [эл. ресурс], URL:https://iz.ru/1060992/2020-09-15/v-op-nazvali-ozhidaemye-sroki-vvedeniia-elektronnogo-golosovaniia-po-vsei-rossii (дата обращения: 02.09.2022)*
10. *У выборов удлинился цифровой след/Коммерсантъ [эл. ресурс], URL:https://www.kommersant.ru/doc/5230583(дата обращения: 02.09.2022)*
11. *Интернет — за «Единую Россию»/ Новая газета [эл. ресурс], URL:https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/21/internet-za-edinuiu-rossiiu (дата обращения: 03.04.2022)*
12. *«Власть послала компартию на три буквы — в ДЭГ» /Новая газета [эл. ресурс], URL:https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/21/vlast-poslala-kompartiiu-na-tri-bukvy-v-deg (дата обращения: 02.09.2022)*

ДИНАМИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ИЗМЕРЕНИЙ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В СТРАНАХ МАКРОРЕГИОНА БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Жаркова Татьяна Владимировна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Актуальность данной научной работы определяется динамичным развитием процессов современности, что обозначило актуальность макрорегионализации, а также определило значимость формирования больших регионов. Активную позицию в данных процессах занимает Россия, формируя ряд факторов, которые в последствии влияют на развитие макрорегиона Большого Средиземноморья в геополитической, дипломатической, экономической, культурной и военной позиции.

Цель работы заключается в выявлении особенностей информационного дискурса о России в медиапространстве Средиземноморского региона.

Объектом исследования являются медиаресурсы региона Большого Средиземноморья.

Предметом исследования являются особенности дискурса о России в медиасфере стран БС.

Степень изученности проблемы. Отметим, что на данный момент времени опубликованных работ по исследованию данных проблем мы можем найти в работах Е. Адлер, А. Алибони, Ф. Теннера, Б. Кроуфорда и др.

Задачи научной работы: анализ медиаресурсов стран БС в современных информационных реалиях, обозначить медиаресурсы стран Средиземноморья как особую структуру, формирующую общественное мнение касательно граждан РФ.

Динамичное развитие процессов современности обозначило актуальность макрорегионализации, а также определило значимость формирования больших регионов. Активную позицию в данных процессах занимает Россия, формируя ряд факторов, которые в последствии влияют на развитие макрорегиона Большого Средиземноморья в геополитической, дипломатической, экономической, культурной и военной позиции.

Большое Средиземноморье выступает географическим, геополитическим и культурным пространством, которое располагается между Южной Европой, регионом Чёрного моря, Кавказом, регионом Каспийского моря, Ближним Востоком, а также

Северной Африкой. Не удивительно, что для Российской Федерации данный макрорегион имеет огромное значение, что находит своё подтверждение в концепции внешней политики РФ 2018 года [1].

В связи с возрастанием региональных угроз, значимость Большого Средиземноморья усиливается. Основными факторами, повлиявшими на изменения военно-стратегических, дипломатических и геополитических позиций России в регионе стали воссоединение Крыма с Россией, возрастание влияния НАТО, террористические угрозы.

На данном этапе развития Большого Средиземноморья протекает огромное количество конфликтов, связанных с территориальными разногласиями поликультурного характера. В этих конфликтах участвуют государственные и негосударственные субъекты. Несмотря на данные разногласия, макрорегион Большого Средиземноморья является одним из основных центров социальной, сетевой, культурной коммуникации в мире [2].

Данная характеристика макрорегиона рождает потребность в изучении изменений динамических измерений цифровых следов в странах Большого Средиземноморья, в частности, на сегментирование интернет-пространства региона на предмет упоминания России; на анализ тематик публикаций с упоминанием РФ, а также информационных потоков медиа сообществ региона, что в итоге позволит проследить изменения динамических измерений цифровых следов в регионе Большого Средиземноморья.

Основным же мотивом при выборе предмета для исследования именно этого региона заключается в нескольких факторах, среди которых, конечно же, события Русской весны, действия Вооруженных сил РФ в Сирии, а также новая позиция России во внешних отношениях с Ливией, Египтом и т.д. Помимо всего вышеперечисленного, не стоит забывать, что само по себе Большое Средиземноморье является одним из самых важных территорий в мировом развитии, доказательство чему - интенсивные прорывы в изобретении и распространении средств цивилизации [3].

По этим причинам изучение данного макрорегиона становится основным способом для исследования динамических изменений измерений цифровых следов в странах макрорегиона Большого Средиземноморья по отношению к России, что является проблематикой переднего края для современных социологов.

Не менее очевидным фактом является и то, что регион Большого средиземноморья выступает значимым пространством коммуникаций в период мировой глобализации и развития. Поэтому о данном регионе можно говорить как о важном макрорегионе, особенностью которого является развитое коммуникативное пространство, обусловленное географическими обстоятельствами, а также мощным развитием социальных и политических сфер.

Отметим, что с интенсивным развитием коммуникативного поля макрорегиона происходит трансформация политического и культурного дискурса, осуществляется переход мирового общества на коммуникационные интернет-технологии. Все сферы деятельности поддаются влиянию научно-технических изменений, благодаря которым происходит переход на иной уровень взаимодействия и дискурса. Информационная система Большого Средиземноморья также под влиянием данных изменений.

Актуальное информационное пространство макрорегиона можно условно разделить на два компонента дискурса информационных субъектов - онлайн- и оффлайн-сообщества. Вышеперечисленные площадки организованные и социально-активные, имеющие все нужные элементы для выполнения функций коммуникации между каждой единицей сообществ. Любой информационный субъект чаще всего состоит в нескольких структурах и сообществах, определяющиеся между собой сетевым распределением [4].

Информационный дискурс обладает важной особенностью - он существует в разных формах и видах информационного пространства. Например, это может быть сетевое сообщество, созданное на обсуждении последних политически-значимых событий

в регионе, или же это могут быть структуры оппозиции, критикующие изменения в культурной и политической сфере [6].

Одной из важных особенностей информационного дискурса является его трансформация в практически все сферы деятельности индивидуума. Для процесса трансформации информационного дискурса характерно важнейшее условие: появление новейших технологий в создании культурной и политической картины. Говоря о трансформации информационного дискурса, отмечаем многоплановость этого процесса, так как он захватывает не только новые социальные каналы, но и приобретает новую форму, меняя вид, становясь новой информационной технологией, способной формировать массовое сознание и определять политический дискурс.

Современные информационные дискурсы на тему России в регионе Большого Средиземноморья также трансформируются и меняются в связи с событиями Русской весны, действиями Вооруженных сил РФ в Сирии, а также новой позицией России во внешних отношениях с Ливией, Египтом и т.д. [5]

В рамках метода контент-анализа, который, в свою очередь, можем разделить на две категории исследования - анализ содержания образов, а также анализ контекста. Информационный дискурс о России в медиапространстве Большого Средиземноморья, а именно - текстовый, является основным содержанием нашего исследования, а интернет-ресурсы здесь - контекст, площадка и пространство, внутри которого данный дискурс и формируется.

Данная трансформация демонстрирует не только динамическое изменение измерений цифровых следов в макрорегионе Большого Средиземноморья, но и меняет сам контент, который создает необходимость исследования, выделения и описания восприятия по-другому.

Информационный дискурс о России в медиапространстве Большого Средиземноморья, а именно - текстовый, является основным содержанием нашего исследования, а интернет-ресурсы здесь - контекст, площадка и пространство, внутри которого данный дискурс и формируется.

Таким образом, рассматривая современные информационные медиаресурсы Большого Средиземноморья в онлайн-пространстве, можно охарактеризовать дискурс, происходящий внутри данных ресурсов, со стороны репрезентации официальных сайтов, личных страниц журналистов в социальных сетях.

1. *Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на конференции «Средиземноморье: римский диалог», Рим, 23 ноября 2018 года // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3419721.*

2. *Геостратегический атлас Большого Средиземноморья // Официальный сайт проекта Геостратегический атлас Большого Средиземноморья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: rusrimland.ru.*

3. *Описание Средиземноморского института региональных исследований // Официальный сайт Mediterranean Institute for Regional Studies. [Электронный ресурс]. Режим доступа: mirs.co/about-overview-policy.aspx.*

4. *Устав Ассоциации средиземноморских исследований // Официальный сайт Mediterranean Studies Association. [Электронный ресурс]. Режим доступа: mediterraneanstudies.org.*

5. *Устав Международного исследовательского центра «Средиземноморское знание» // Официальный сайт International Centre for Studies and Research Mediterranean Knowledge. [Электронный ресурс]. Режим доступа: mediterraneanknowledge.org.*

6. *Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. М.: МИФИ, 2003. – 388 с.*

БЕЛОРУСЫ И РУССКИЕ В ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Злотников Анатолий Геннадьевич

(Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации)

*Выполнена по ГПНИ "Экономика и общество" Национально Академии наук
Беларуси*

Этнические процессы отражают социально-политическое, экономическое, духовное развитие и повседневное поведение населения, происходящие на Планете и различных государств. По материалам последней советской переписи населения в 1989 г. численность этнических русских в населении Беларуси составила 1342,1 тыс. чел. или 13,22%. В этот период белорусов в России проживало 1206,2 тыс. чел. С начала 1990-х годов динамика численности белорусов в России и русских в Беларуси стала нисходящей, что связано, во-первых, с реэмиграцией, вызванной развалом единого демографического пространства, и, во-вторых, с тенденциями процесса суверенизации.

В численности населения Республики Беларусь на протяжении послевоенного времени русский этнос является традиционно вторым – после белорусов. Вместе с тем за годы суверенного развития последних 30-ти лет численность русского этноса в Беларуси существенно сократились с 1 342 099 человек в 1989 г. до 706 718 человек в 2019 г. (См.: табл. 1) или в 1,9 раза при общем уменьшении численности населения страны на 7,27%. А удельный вес русских в этнической структуре Беларуси за 1989-2019 гг. снизился с 13,22% до 7,51%. Аналогичные изменения происходили и в этническом составе населения России. Так, за период 1989-2010 гг. уменьшение численности белорусов в населении России было более высоким, чем русских в Беларуси, – с 1 206 222 чел. в 1989 г. до 521 443 чел. в 2010 г. или в 2,3 раза.

Таблица 1. Численность белорусского и русского этносов в населении приграничных белорусско-российских областей Республики Беларусь и Российской Федерации, по материалам национальных переписей, чел.

	1989 г.		1999 г.		2009 г.		2019 г.	
	Белорусы	Русские	Белорусы	Русские	Белорусы	Русские	Белорусы	Русские
Беларусь	7904623	1342099	8159073	1141731	7957252	705084	7990719	706718
Витебская	1119479	213911	1129141	187872	1047978	124958	934925	138075
Гомельская	1338097	210419	1301346	169263	1271019	111085	1211234	108712
Могилевская	1051885	166007	1044249	132075	975147	86256	915633	62232
	1989 г.		2002 г.		2010 г.		2021 г.	
	Русские	Белорусы	Русские	Белорусы	Русские	Белорусы	Русские	Белорусы
Россия	119865946	1206222	115889107	807970	111016649	521443	116488289	817462
Брянская	1410960	11299	1328448	7733	1210136	5570	1153139	4673
Псковская	797436	12496	717101	9664	616432	6672	594809	6251

Смоленская	1085161	22384	980073	16231	893675	12012	884966	11873
------------	---------	-------	--------	-------	--------	-------	--------	-------

Прежде всего важной является характеристика этнических процессов в приграничных регионах. Приграничными регионами Союзного государства – Беларуси и России являются шесть областей – по три с каждой стороны: с белорусской – Витебская, Гомельская и Могилевская области и с российской – Брянская, Псковская и Смоленская области. В приграничных с Российской Федерацией белорусских областях проживает 309 019 человек этнически русского населения или 43,71% общей численности русского этноса в Беларуси. Численность русских за последнее 30-летие (1989-2019 гг.) в приграничных белорусских областях уменьшилась почти на 260 тыс. чел. Из них наибольшая численность (138 075 человек) и соответственно наибольший удельный вес (12,16%) русских в численности населения областей приходится на Витебскую область. Второй по численности русского этноса среди приграничных регионов в Республике Беларусь является Гомельская область, где перепись населения Республики Беларусь 2019 года зафиксировала численность русского этноса в 108 712 человека или 7,83%. В Могилевской области, которая в этнической русской структуре Республики Беларусь опережает лишь Гродненскую область, русский этнос в численности ее населения составил 62 232 человек или 6,07%. Среди остальных, не граничащих с Российской Федерацией белорусских регионах, наибольшая численность русских приходится на столицу – город Минск – 148 079 человек, но в этнической структуре города их удельный вес составил 7,34%. Численность проживающих русских в Брестской области составляет 97 936 человек с долей в ее этнической структуре 7,26%; соответственно: в Минской области – 86 408 человек и 5,87% и, наконец, в Гродненской области – 65 550 человек и 5,41%.

За период 1989-2019 гг. из приграничных белорусских областей с Российской Федерацией наибольшее уменьшение численности русского этноса приходится на Могилевскую область – почти на две трети – 62,51%. В Гомельской области численность русского этноса за это 30-тилетие сократилась почти вдвое – на 48,34%. Более высокая стабильность русского этноса связана с Витебской областью, в которой его численность за прошедшее 30-тилетие уменьшилась немногим более, чем на одну треть – на 35,45%. В целом динамику уменьшения численности русского этноса в белорусских приграничных регионах с Российской Федерацией характеризует следующая географическая тенденция: наименьшее уменьшение приходится на северные районы, и наибольшее – на южные районы.

В ходе российских переписей в этнической структуре приграничных с Беларусью российских областях сложилась следующая ситуация. По материалам всероссийской переписи 2010 года в двух российских приграничных (Псковской и Смоленской) областях доля белорусов была третьей в их населении, уступая титульному этносу – русским, а также и украинцам. В Брянской области белорусы были четвертым по численности этносом – после русских, украинцев и татар. По материалам последней всероссийской переписи населения 2021 года доля белорусского этноса во всех приграничных российских областях оказалась второй после титульной нации.

По данным Росстата национальный состав населения России согласно последней переписи населения (2021 г.) распределён следующим образом: «русские – 116 488 289 (79,80%) человек, татары – 5 590 854 (3,83%) человека, украинцы – 2 963 299 (2,03%) человек, башкиры – 1 678 716 (1,15%) человек, чувашаи – 1 649 521 (1,13%) человек, чеченцы – 1 372 168 (0,94%) человек, армяне – 1 138 607 (0,78%) человек, аварцы – 817 462 (0,56%) человека, мордва – 846 657 (0,58%) человек, казахи – 656 889 (0,45%) человек, азербайджанцы – 627 694 (0,43%) человека, даргинцы – 510 914 (0,35%) человек, удмурты – 642 291 (0,44%) человек, марийцы – 613 096 (0,42%) человек, осетины – 525 511 (0,36%) человек, белорусы – 817 462 (0,56%) человека, другие национальности (менее 0,5% каждая) – 9 035 871 (6,19%)». Если в 2010 г. белорусы в этнической структуре населения

России занимали 16-е место, то в 2021 г. разделили с аварцами 9-10 места, а среди титульных этносов бывших советских республик стали третьими, уступая украинцам и армянам.

Анализ итогов российской переписи населения 2021 года показывает, что по сравнению с предыдущей (2010 г.) переписью численность белорусского этноса увеличилась почти на 300 тыс. чел. или на 56,8%. В относительных величинах – это самый высокий прирост титульных этносов независимых постсоветских государств в населении Российской Федерации. Несмотря на более миллионный прирост численности украинской диаспоры в населении России ее прирост в относительном исчислении меньше белорусов – 53,7%. Эти данные свидетельствуют о существенных изменениях в этнических тенденциях Союзного государства – Беларуси и России. Дело в том, что по данным предыдущих национальных переписей России численность белорусов составляла в 2002 г. – 807 970 человек, а в 2010 г. – 521 443 человека. И вдруг после длительной тенденции уменьшения численности белорусского этноса (за два десятилетия – 1989-2010 гг. – более вдвое – почти на 685 тыс. или на 56,8%) вдруг такое увеличение – за последнее десятилетие прирост белорусов в населении Российской Федерации составил около 300 тыс. чел.

С чем же связан такой рост диаспоры белорусов в России? Росстат данных переписи 2021 г. по этническому составу российских краев и областей полностью еще не опубликовал. По российским приграничным с Республикой Беларусь областям имеется информация по этническому составу: в Смоленской области численность белорусов – 11 873 человека и в Псковской области – 6 251 человек. В отношении Брянской области указан только процент белорусов в этнической структуре области – 0,4%, который при перерасчете на абсолютные показатели нами определен приблизительно в 4 673 человека. Причем, в российских приграничных областях наблюдается тенденция сокращения численности белорусов. В связи с тем, что еще данные об этническом составе российских регионов за 2021 г. не опубликованы, обратимся к материалам по этнической структуре по переписи 2010 года.

Тогда наибольшая численность белорусов пришлось на столицу России – город Москву – 39 225 чел. Вторым регионом по численности белорусов являлась «северная столица» России – город Санкт-Петербург – 38 136 чел., причем процент белорусов в «северной столице» значительно более высокий, чем в Москве. Далее: Калининградская область – 32 497 чел., Московская область – 31 665, Тюменская область – 25 648 (в т.ч.: Ханты-Мансийский автономный округ–Югра – 14 073 чел.), Республика Карелия – 23 345, Краснодарский край – 16 870, Ленинградская область – 16 830, Ростовская область – 16 493, Челябинская область – 13 035, Мурманская область – 12 050, Республика Башкирия – 11 680, Свердловская область – 11 670 и Смоленская область – 12 012 человек. При этом в девяти российских регионах (Калининградской, Ленинградской, Мурманской областях, а также в Санкт-Петербурге, Республики Карелии, Вологодской, Смоленской, Псковской и Амурской областях) белорусы в их национальной структуре были после русских и украинцев третьим этносом. Еще в семи регионах белорусы входили в пятерку ведущих этносов, причем, Забайкальский край, Иркутская, Магаданская и Сахалинская области – это регионы Дальнего Востока.

Сравнивая тенденцию изменения численности белорусов (49,37%) в приграничных российских областях с тенденцией изменения русского этноса в приграничных белорусских областях (52,35%) выявляется близкая их корреляция. Конечно, в абсолютных показателях численность белорусов в этнической структуре приграничных российских областей в разы меньшая: «белорусских брянчан» в 23 раза меньше, чем «русских гомельчан», «белорусских псковичан» в 22 раза меньше, чем «русских витеблян» и «белорусских смолян» в 5 раз меньше, чем «русских могилевчан».

Изменения в этнической структуре приграничных регионов связаны с механическим движением их населения. В последние годы особенностью миграционных

процессов в Республике Беларусь является рост трудовой миграции. Особенно значима роль белорусской трудовой миграции в российском направлении. За 2015-2019 гг. рост численности белорусских трудовых мигрантов, получивших статус резидентов на российском рынке труда, составил 175,0%. По данным миграционных служб Российской Федерации в 2015 г. на российском рынке труда статус резидентов получили 307 510 граждан Беларуси. В 2016 г. их численность составила 345 801 чел., в 2017 г. – 394449 чел., в 2018 г. – 452 064 чел. и в 2019 г. – 538 024 чел. При этом наблюдается постоянный их прирост. Так, если за 2016 г. прирост белорусских трудовых мигрантов на российском рынке труда составил 38,3 тыс. чел., то в 2017 г. этот прирост составил 48,6 тыс. чел., в 2018 г. он увеличился еще на 57,2 тыс. чел., а за последний, доковидный 2019 год его прирост еще значительно увеличился, составив 86,0 тыс. чел.

Это позволяет предположить, что рост белорусских трудовых мигрантов в России на рынке труда России формирует не только доноров российского рынка труда, но в качестве экспатов – и доноров прироста численности населения Российской Федерации. Наибольшая численность белорусских трудовых мигрантов ориентирована на рынок труда Центрального и Северо-Западного федеральных округов, что в настоящее время (данные 2018 г.) составляет почти три четверти (74,3%) белорусско-российского рынка труда. Из них на Центральный федеральный округ приходится более половины всех белорусских трудовых мигрантов в России – 50,9%, а на Северо-Западный федеральный округ – около четверти (23,4%).

Эти тенденции в белорусской трудовой миграции на российском рынке труда объясняют рост численности белорусов в этнической структуре населения России по переписи 2021 г. Во-первых, очевидна прямо пропорциональная зависимость роста численности белорусов в этнической структуре России, с одной стороны, и роста трудовой миграции, с другой. Во-вторых, более высокий уровень численности белорусов в этнической структуре регионов сопровождается и более высокими региональными показателями величины белорусской трудовой миграции. В-третьих, более высокие показатели белорусов в этнической структуре регионов и масштабы белорусской трудовой миграции отражают и более высокие уровни их экономического и социального развития, а значит – и наибольшую привлекательность для трудовых мигрантов этих регионов России.

Внутрибелорусской региональной особенностью трудовой миграции в российском направлении является ориентация на российский рынок труда белорусских граждан преимущественно восточных (Витебской, Гомельской и Могилевской) областей. Трудовая миграционная ориентация населения западных регионов (Брестской и Гродненской областей) связана с западным вектором – Польшей и Литвой. Такая региональная особенность трудовой миграции связана с приграничными реалиями, к которым относится этническая структура регионов.

По общей численности белорусов в этнической структуре Центрального федерального округа по данным переписи 2010 г. лидирующее место занимала Москва и Московская область, хотя в сравнении с другими этносами в этих регионах они расположены соответственно на седьмом и пятом местах. В этнической структуре приграничных (Брянской и Смоленской) российских областей ЦФО белорусы после украинцев по переписи 2010 г. были третьими по величине этносами. В Северо-Западном федеральном округе среди 11-ти его регионов в семи из них белорусы по численности являлись третьим этносом. Расселение белорусского этноса в российских регионах отражает более высокий уровень социального и экономического развития этих российских регионов, что и отражают масштабы роста белорусской трудовой миграции на более развитом российском рынке труда.

Основной поток белорусских трудовых мигрантов в ЦФО в 2018 г., как и в предыдущие годы, ориентирован на Москву (116,6 тыс. чел или 50,6%) и Московскую область (50,4 тыс. чел. или 20,5%). Следующие привлекательные для белорусских

трудовых мигрантов приграничные с Беларусью регионы – Смоленская (13,7 тыс. чел.), Брянская (10,6 тыс. чел.), также Калужская (10,0 тыс. чел.) области. Смоленское направление в основном обеспечивают трудовые мигранты Могилевской и Витебской областей, брянское – гомельские и могилевские трудовые мигранты. Калужское направление – это приграничное с подмосковьем направление. В целом можно сказать, что основная часть белорусских трудовых мигрантов в ЦФО представляет московское направление (Брянская, Смоленская, Калужская и Московская области, а также г. Москва) – 87,4% рынка труда этого округа.

Другой «столичный» регион России (г. Санкт-Петербург и Ленинградская область) привлекает 76,6 тыс. белорусских трудовых мигрантов или 72,5% рынка труда СЗФО. Белорусский «десант» трудовых мигрантов в российском анклаве – Калининградской области составил 9,4 тыс. чел. Граничащая с Витебской областью Псковская область – следующий значимый рынок труда для белорусских трудовых мигрантов в этом округе.

Именно эти тенденции в белорусской трудовой миграции на российском рынке труда и отражают рост численности белорусов в этнической структуре населения Российской Федерации. Из тех регионов Российской Федерации, где по данным переписи населения 2010 г. было зафиксировано более 10 тыс. белорусов, по данным переписи 2021 г. пока имеются сведения по некоторым отдельным ее субъектам. Это: Калининградская область, где численность белорусов составила 36 855 человек и где их прирост составил 4 358 чел.; Ленинградская область с численностью белорусов в 19 697 человек (прирост 2 867 чел.); Мурманская область – 12 381 человек (прирост 331 чел.). Также существенна численность белорусов в Республике Крым (18 935 человек) и Симферополе (3 587 человек). Думается, что этот рост характерен прежде всего и для двух российских столиц – Москвы и Санкт-Петербурга, Московской, Ростовской, Свердловской и Челябинской областей, а также Краснодарского края.

Таким образом, увеличение численности белорусов в этнической структуре Российской Федерации характерно для тех российских регионов, где, во-первых, белорусская диаспора была многочисленной и десятилетие назад, во-вторых, где на рынке труда растет и численность белорусских трудовых мигрантов, и, в-третьих, чему способствуют преференции российского законодательства для занятого населения из Республики Беларусь. Это значит, что в целом миграционное движение белорусских граждан в Российскую Федерацию, как на постоянное место жительства, так и трудовой миграции обусловлено прежде всего более высоким уровнем социально-экономического развития этих регионов, а также общностью и близостью родственных социокультурных факторов.

ПОПУЛИЗМ В ЗАРОЖДАЮЩУЮСЯ ПОСТГЛОБАЛИСТКУЮ ЭРУ

Иванов Дмитрий Викторович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

За последние годы, в процессе трансформации общества под действием многочисленных вызовов современности, стремительно поднимает голову популизм, в разных странах по всему миру. Было бы неправильно считать это явление чем-то новым в мировой политике, однако именно глобализация заложила почву ещё в 80-ых годах прошлого века для его становления [8], [7].

Сам концепт популизма, являющимся в основе своей реляционным, подчеркивающим социокультурное измерение и которым в политических и социологических исследованиях часто пренебрегали, увеличивает свой социологический компонент, по мере большего восприятия популизма, что отсутствовало в популярных концептуализациях до этого [10].

«Популизм» несет в себе ярко выраженные нормативные коннотации (в том числе в большинстве «научных» определений). Важно отметить при этом, что зачастую он пытается ассоциироваться с краями правого или левого спектров политического поля [5].

Ведущим толчком к его поистине «мировому» распространению стала победа Дональда Трампа на выборах президента США в 2016 году, что привело к появлению новой ещё не до конца оформившейся идеологии трампизма, ядром которой выступил правый популизм. Образ сильного авторитарного лидера, использующего национальный корень своего государства в борьбе против космополитического глобализма стал довольно популярным в первую очередь в среде ущемлённых и фактически игнорируемых этой самой глобализацией до этого времени [9].

Параллельно с происходящим в Северной Америке выделяются несколько других очагов популярности популизма, а именно Европу, Латинскую Америку и Индию. И если в двух последних регионах о популизме знали не понаслышке ещё с начала прошлого века, то европейский популизм имеет куда более сложную и новую структуру, которая выразила как недовольство среди населения сложившейся партийно-политической системой в данных странах, так и запрос на проведение более независимой и прагматической политики в отрыве от блокового мышления прошлых политиков [4].

Во многом в этом и заключается главный парадокс современного популизма. В попытке изменить и трансформировать политический порядок и, соответственно, своё место в нём, популисты стремятся с помощью сплочения «коллектива» собственной страны сломить сформировавшийся «коллективизм» международный, который уже закрепил за каждой страной собственную роль [6].

Конечно, было бы неправильно считать, что популизм – это коллективистское явление, что довольно хорошо показала эпидемия Covid-19, но именно коллективизм сегодня является его ситуативным союзником. Это стало возможным в следствие распространения индивидуалистического либерализма в качестве приоритетной доктрины в международных отношениях.

Несмотря на продолжающиеся споры о природе и справедливости популизма, мы должны признать его сильную ведущую роль в рамках международных отношений, а также увеличивающуюся популярность к нему в старых демократиях [3], так и в новых [1], [2].

1. В Сербии завершили парламентские и президентские выборы // rg.ru URL: <https://rg.ru/2022/04/03/v-serbii-zavershilis-parlamentskie-i-prezidentskie-vybory.html> (дата обращения: 05.10.2022).
2. Италия голосует с энергией // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5572525> (дата обращения: 05.10.2022).
3. Итоги парламентских выборов во Франции: Макрон потерпел поражение, Ле Пен и Меланион торжествуют // rg.ru URL: <https://rg.ru/2022/06/20/itogi-parlamentskih-vyborov-vo-francii-makron-poterpel-porazhenie-le-pen-i-melanshon-torzhestvuiut.html> (дата обращения: 05.10.2022).
4. Eiermann M., Mounk Y., Gultchin L. *European populism: Trends, threats and future prospects* // Tony Blair Institute for Global Change. – 2017. – Т. 29.
5. Freedon, Michael. 2003. *Ideology: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
6. Forgas J. P., Crano W. D. *The psychology of populism: The tribal challenge to liberal democracy* // *The Psychology of Populism*. – Routledge, 2021. – С. 1-19.
7. Kienpointner M. *Racist manipulation within Austrian, German, Dutch, French and Italian right-wing populism* // *Manipulation and ideologies in the twentieth century*. – 2005. – С. 213-236.
8. Piccone P. *Federal populism in Italy* // *Telos*. – 1991. – Т. 1991. – №. 90. – С. 3-18.
9. Post C. *The roots of Trumpism* // *Cultural Dynamics*. – 2017. – Т. 29. – №. 1-2. – С. 100-108.
10. Roberts, Kenneth. 1995. "Neoliberalism and the transformation of populism in Latin America," *World Politics*, 48(1): 82–116.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ КОНСОЛИДАЦИИ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Ирсетская Елена Александровна

*(Финансовый университет при Правительстве РФ; ВЦИОМ; ИСПИ ФНИСЦ РАН Центр
социальных и социально-политических исследований)*

Социально – экономические и политические изменения, которые привели сегодня к дестабилизации экономической системы России, а также явились причиной множества проблем во всех сферах общественной жизни, оказали значимое влияние на общественное сознание и самочувствие российских граждан, заставили их еще раз задуматься о судьбе и пути развития России, о ценности русской нации и русских, как единого сплоченного народа, объединенного общей культурой, традициями, гражданской позицией. Сегодня, несмотря на то, что Америка и страны Запада продолжают реализацию политики санкций в отношении России, а также пытаются повлиять на изменение менталитета и идейных убеждений россиян, данные исследований отмечают рост социальной сплоченности наших граждан, а также поддержки деятельности Правительства и Президента РФ. «По данным ВЦИОМ, показатель одобрения деятельности президента с 28 марта по 3 апреля 2022 года составил 78,9%. На прямой вопрос о доверии главе государства положительно ответили 81,6% респондентов» [1].

Отметим, что развитие и обоснование идеологии для процессов общественной интеграции играет ключевую роль в вопросе консолидации граждан, а также укрепления национального самосознания и солидарности, поддержки и социального доверия существующей политической системы. Обращаясь к анализу смены идеологием в социальной динамике, начиная с 20 века, современные исследователи отмечают сегодня общественный запрос на «новую» идеологию, которая могла бы выступить фундаментом перехода к обновленному институциональному циклу развития российского общества. Идеология «нового солидаризма» может стать мировоззренческой основой для укрепления консолидации общества и власти. Данная идеология интегрирует идеи либерализма и социализма, именно те ценности, которые востребованы среди российских граждан [2]. Данные социологических опросов сегодня отмечают рост количества россиян, которые заявляют о том, что социально-политические положения так называемой «левой» идеологии, им наиболее близки. Либеральная ценность «свободы» становится все менее популярной, россияне все больше отдают предпочтение идее социальной справедливости. Практически две трети россиян заявляют о том, чтобы хотели бы видеть Россию, как «страну с высоким уровнем жизни». Для достижения этой цели 62% опрошенных считают необходимым введение системы государственного планирования и распределения, схожей с советской. Рыночные отношения «классического капитализма» импонируют только 24% опрошенным [3].

В этой связи сегодня актуализируется общественный запрос на обоснование и реализацию социально-политической организации российского государства, как интегрированной модели общества, сочетающей опыт советского периода и ряд идей и достижений либеральной демократии. При этом, важно понимать тот факт, что полный возврат и реализация предшествующей, социалистической модели, невозможен, учитывая глубинные изменения, произошедшие в общественной жизни. Президент России, В.В.Путин, в ходе "Прямой линии" (2018 г.) отметил, что восстановление «советского» социализма особо не требуется, а то, что действительно необходимо и востребовано в современном обществе - это построение социально-ориентированного государства [4]. В этой связи, необходимость развития идеи патриотизма по отношению к собственному народу и государству приобретает особое звучание и становится значимой для широких слоев населения. Эта идея сегодня получает

большую поддержку на уровне Президента России. По мнению В.В. Путина, ценности, которые объединяют россиян - это «...суверенитет России, ее национальные интересы, территориальная целостность» [5]. На одном из недавних своих выступлений, Президент также подчеркнул, что «... В тяжелейшие времена испытаний наш народ всегда объединялся и спланивался вокруг главной идеи - патриотизма, любви к Отечеству» [6]. Таким образом, в деятельности Президента четко прослеживается развитие и поддержка идей патриотизма. Сегодня безусловными патриотами себя считают 54% граждан РФ. Если провести сравнение с результатами опроса, проведенного ВЦИОМ в 2000 году, то видно, что сегодня этот показатель достиг максимального значения. Сами россияне, рассуждая о значении патриотизма говорят, что для них быть патриотом - это значит «любить свою страну» и «работать и действовать во благо процветания страны» [7].

Для развития идеи патриотизма на государственном уровне в России созданы специальные институты: Росмолодежь и Роспатриотцентр, а деятельность по патриотическому воспитанию молодежи реализует Минпросвещения. В 2016 году Сергей Шойгу создал военно-патриотическое движение «Юнармия», которое сегодня ведет успешную деятельность и активно развивается. С 1 сентября 2022г. во всех школах России каждый понедельник организуются торжественные мероприятия по поднятию российского флага, под звуки российского гимна. Данная инициатива получила поддержку на уровне Президента, а также вызвала одобрение среди 59% россиян [8]. Можно сделать вывод о том, что в вопросах развития идеи патриотизма и патриотического воспитания молодежи сегодня наблюдается единение граждан и основных политических институтов РФ, что безусловно является положительной тенденцией, которая будет способствовать укреплению единства русской нации и доверия политическому курсу, реализуемому Президентом В.В. Путиным. Перенесение идей патриотизма из духовной сферы в политическую способно выступить мощным фундаментом и опорой политической системе, а также это будет способствовать формированию гражданской идентичности россиян и обеспечению стабильности и устойчивости российского государства в целом.

Подводя итог, отметим, что в условиях сложившегося кризиса, как в социально-политической, так и в экономической сфере, важной задачей становится принятие мер по обеспечению интеграции и консолидации российского общества для преодоления негативных последствий. Россиянам необходима обновленная система идей и духовно-нравственных ориентиров, которые были бы способны объединить граждан и политические институты в деле преодоления социальных и экономических проблем, вызванных кризисными потрясениями.

1. Егорова В. Социологи фиксируют дальнейший рост поддержки Путина - более 80% // *Российская газета*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/04/08/sociologi-fiksiruut-dalnejshij-rost-podderzhki-putina-bole-80.html> (Дата обращения: 08.10.2022)
2. Бессонова О. Э. Идеология в общественном развитии России: новый ракурс // *Социологические исследования*. 2022. № 1. С. 18 DOI 10.31857/S013216250017233-9
3. Сергеев М. На рыночную экономику рассчитывает лишь каждый четвертый // *Независимая газета*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/economics/2021-09-12/4_8249_economics1.html. (Дата обращения: 05.10.2022)
4. Прямая линия с Владимиром Путиным // *Официальная страница Президента РФ*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57692>. (Дата обращения: 05.10.2022)
6. Путин назвал объединяющие россиян ценности // *Деловая газета «Взгляд»*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/politics/43217839-putin-nazval-obedinyayuschie-rossiyan-tsennosti/> (Дата обращения: 04.10.2022)
7. Путин отметил, что народ России во времена испытаний всегда спланивала любовь к Отечеству // *Официальный сайт ТАСС*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8428037>. (Дата обращения: 04.10.2022)

8. Пресс выпуск: «Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать»// Официальный сайт ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat>. (Дата обращения: 03.10.2022)

9. Пресс выпуск: «Новации школьного патриотизма: за и против»// Официальный сайт ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novacii-shkolnogo-patriotizma-za-i-protiv>. (Дата обращения: 03.10.2022)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Карнова Наталья Владимировна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

В свете переживаемых Российским государством событий, являющихся эпохальными для его будущего развития, особый ракурс приобретают вопросы исторического сознания, связанные с осмыслением исторической преемственности, пониманием роли страны в мировом политическом процессе. При этом несмотря на частое употребление самого понятия «историческое сознание» методологическое единообразие относительно его содержания отсутствует [3,52]. Междисциплинарный характер к исследованию этой проблемы создает еще большие трудности в поисках единого знаменателя и выработки общей трактовки.

В системе российской социологии традиции изучения исторического сознания были заложены Ю.А. Левадой, определявшим его как форму сознания общественного [4,191]. В структуру исторического сознания он включал (1) блок профессионально созданного знания об истории, и (2) блок обыденного восприятия в обществе своего исторического прошлого, охватывающего сферу массового сознания. Это подчеркивает, что абстрактный анализ исторического сознания невозможен: важно ясно представлять, о каком из блоков мы говорим, поскольку каждый из них имеет свою специфику и свои основы функционирования.

При исследовании массового уровня исторического сознания, методологически эффективной является его трактовка как элемента политической культуры, которая позволяет с внеидеологической позиции рассмотреть отношение людей к своему прошлому как устойчивую совокупность ориентаций. Поскольку при любых идеологемах массовый уровень исторического сознания, выраженный в установках, стереотипах представлениях, мифологических образах, остается отражением и выражением традиций политической культуры нации.

В силу сущностных особенностей, определяемых временным отражением политической реальности, анализ массового уровня исторического сознания также требует понимания механизмов функционирования социальной памяти и ее протяженности, которая включает в себя, как «оперативную» память, охватывающую непосредственное прошлое, так и «долговременную», архивирующую в себе то прошлое, «которое уже не может воспроизводиться» [4,192].

Если для «оперативной» памяти характерны практические формы хранения информации, которые обслуживают текущие социальные потребности общества, то для памяти архивированной историческое сознание обеспечивает воспроизводство исторически сложившихся образов конкретного народа, в которых заключается его мифология, хранящая политический опыт далекого прошлого. Фактически историческая память народа о далеком прошлом выступает и проявляется в форме сознания мифологического.

Таким образом, история и историческая память общества вплетаются в очень сложную ткань национального самосознания народа, что «превращает историческую

реальность в культурную конструкцию» [6,16]. Генетические структуры остаются очень жизнеспособными, образуя политико-культурную матрицу, которая не просто хранит в себе мифологические представления об историческом прошлом страны, но и предопределяет «идеологические» запросы общества и его субъектов по отношению к исторической миссии своего государства.

1. Буганов А. В. Русские начала XXI в. Историческая память и этнокультурная идентичность // *Историческая память и российская идентичность* / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С.52-68.
2. Карпова Н.В. «Back in the USSR», или о причинах ностальгии российского общества о золотом веке // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2020. № 1. С. 41-45.
3. Кочетова Ю.Ю., Тимченко Н.С. Проблема исторического сознания: методологические подходы // *Знание. Понимание. Умение*. 2020. №4. С. 52-58.
4. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // *Философские проблемы исторической науки* / отв. ред. А. В. Гулыга, Ю. А. Левада. М., 1969. С. 186-224.
5. Репина Л.П. Память истории и историческое сознание в фокусе категориального анализа М.А. Барга // *Харківський історіографічний збірник*. 2015. Вип. 14. С. 5-16.
6. Шнирельман В. А. Социальная память – вопросы теории // *Историческая память и российская идентичность* / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С.12-34.
7. Элиаде М. *Аспекты мифа*. М.: ООО «Академический Проект», 2010. 251 с.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Лаврикова Анастасия Александровна
(Тульский государственный университет)

Шумилова Ольга Евгеньевна
(Тульский государственный университет)

В ситуации неопределенности, обусловленной, с одной стороны, усложнением и подвижностью структуры взаимодействий представителей элитных и массовых групп и, с другой, – изменением геополитической ситуации происходят как модификация традиционных противоречий, связанных с формированием образа будущего страны, так и возникновение целого ряда новых.

Исследования начала 2000-х гг. показывали, что обычные граждане смотрели в то время на будущее России довольно пессимистично. Однако к середине второго десятилетия XXI в. в российском обществе произошли достаточно серьезные изменения в восприятии образа страны: «комплексы национальной неполноценности», которые доминировали с середины 1980-х гг., остались в прошлом, и перспективы России стали выглядеть оптимистичнее [1]. Пандемия и события внешнеполитического характера внесли свои коррективы и сделали горизонт видения будущего существенно короче, при этом достаточно неопределенными стали взгляды россиян и на само стратегическое развитие страны. Противоречивость также проявлялась в актуальных оценках состояния страны и собственных идеологических воззрений. Существенная доля россиян указывает на то, что советская политическая система кажется им лучше «нынешней», но данную позицию нельзя считать ретротопией (З. Бауман), т.к. распад СССР, как правило, не вызывает у них негативных эмоций. Скорее поиск «якоря» в прошлом связан с реакцией на прохождение точки бифуркации, смену привычного и пересмотр взглядов на нормальное.

К числу объединяющих компонентов образа будущего можно отнести только своеобразный запрос на совершенствование модели социального государства по пути преодоления высокого уровня социального и регионального неравенства, улучшения материальное положение каждого, снижения рискогенности ситуации, отражением чего выступает выявленная в ходе исследований интеграция общественного мнения в зоне «страхов и тревог».

Согласно кросс-культурным исследованиям Г. Хофстеде [2] Россия относится к странам с долгосрочной ориентированностью социума (показатель по данному параметру равен 81), что проявляется в фокусе внимания на будущем, однако в последние годы наблюдается отказ даже от среднесрочного планирования. Такое несоответствие культурной матрицы указывает на существование высокой напряженности в отношении восприятия будущего. Ограничение горизонта планирования текущей ситуацией во многом объясняется доминированием у россиян низких оценок собственной ресурсообеспеченности, отсутствием веры в возможность что-либо изменить в окружающем мире, проявлениями техно-гуманитарного дисбаланса, недостатком публичной дискуссии на тему будущего.

Отсутствие целостного позитивно наполненного образа будущего страны при общей размытости представлений о настоящем и прошлом ведет к снижению чувства уверенности в завтрашнем дне, защищенности, сокращает возможности выбора адекватных жизненных стратегий.

Принимая во внимание главные предикторы оптимизма в отношении будущего России, выявленные в ходе исследований [3, 4, 5], качестве наиболее перспективного механизма конструирования образа будущего следует рассматривать «наведение смысловых мостов», что предполагает объединение интерпретационных схем деятельности главы государства, презентации себя как представителей российского общества и гордости за страну в контексте свободы личности и прав человека, социальной справедливости и социальных гарантий. При этом целесообразно детализировать интерпретативные схемы, и здесь нужны не столько позитивные прогнозы, сколько конкретные примеры успешного опыта взаимопомощи среди россиян, истории о том, как доверие другим людям оказалось оправданным и принесло успех. Также для формирования видения желаемого будущего необходимо выработать общий язык, набор образов и категорий.

1. Шестопал Е.Б. Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 99–112.
2. Hofstede Insights: инструмент сравнения стран [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries/> (Дата обращения: 10 августа 2022 г.)
3. Нестик Т.А. Отношение личности к прошлому, настоящему и будущему России: результаты эмпирического исследования / Социальная и экономическая психология. Часть 1: Состояние и перспективы исследований / Отв. ред. Т. А. Нестик, Ю. В. Ковалева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С.190 – 211.
4. Нестик Т.А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Октябрь – ноябрь. Том 2. Выпуск 9(14): Горизонты будущего. С.6- 48.
5. Макушева М. О. «Конфликт и солидарность». Как конфликт России и Украины проецируется на общественное мнение россиян // Социодиггер. 2022. Июль. Т. 3. Вып. 7 (19): Радикализация. Поляризация мнений и разрывы в коммуникации. С. 11 - 20.

ШОКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ 2022 ГОДА (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА В МАРТЕ 2022 Г.)

Латов Юрий Валерьевич
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Латова Наталия Валерьевна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Отечественными социологами в последние годы поднимается вопрос, не следует ли сформировать «социологию кризиса» в качестве нового направления социологических исследований. Такие идеи являются логичной реакцией на чередование кризисов (одних только социально-экономических кризисов – три за последние 15 лет), которое наблюдают современные россияне. Однако научная обоснованность этой идеи неочевидна. Ведь если рассматривать кризис как длительный период нестабильности, то изучением «социологии кризиса» российские социологи занимаются с 1980-х гг., поскольку всё развитие позднесоветской и постсоветской России в значительной степени совпадает с чередованием разнообразных кризисов. Совсем другое – сам момент кризиса как таковой, когда общество осознанно переживает состояние «потери старого мира», пока не обретет вновь «почву под ногами». Такие периоды длятся недолго, их очень трудно «поймать», поскольку в такие периоды фрустрация поражает и самих социологов. Однако бывают исключения, когда и бифуркационная ситуация длится несколько недель, и социологам удается «подгадать» с проведением исследования. В марте 2022 г. сотрудникам Института социологии ФНИСЦ РАН удалось провести очередной общероссийский опрос именно в момент очередной «эпохи перемен». В центр внимания при этом была поставлена проблема проявления у россиян в ситуации кризиса катастрофического сознания – страха перед настоящим и ближайшим будущим.

В 2010-х гг. традиционно преобладали оценки ситуации в России как напряжённой. Однако даже на этом фоне зафиксированный мартовским опросом уровень критичности в отношении положения дел в стране выглядит гипер-высоким: как катастрофическое его оценили 16% (при «обычных» 7–11%), а как напряжённое/кризисное – 70% опрошенных. Ранее наиболее критично ситуация оценивалась во время кризиса 2014–2016 гг., когда сумма «кризисных» и «катастрофических» оценок достигала 80%. Исключительность ситуации весной 2022 г. заметна и в том, что впервые за весь период наблюдений доля респондентов, полагающих ситуацию нормальной/спокойной, оказалась ниже доли считающих ее катастрофической (14% против 16%).

В то же время, как и в предыдущие годы, в марте 2022 г. фиксировалась четкая закономерность: чем «ближе» к человеку находятся оцениваемые реалии, тем менее критично они воспринимаются. В частности, лишь 6% россиян назвали нормальной/спокойной ситуацию в мире, тогда как применительно к России доля оптимистических оценок составила 14%, к региону проживания респондента – 35%, а к конкретному месту проживания – 44%.

Среди различных социально-демографических характеристик наиболее существенно на оценки текущей ситуации в России влияет, как и следовало ожидать, самооценка человеком своего материального положения: чем оно хуже, тем хуже он оценивает и ситуацию в стране, проецируя на макромир материально-экономические аспекты состояния собственного микромира. Так, если среди россиян с хорошим материальным положением ситуацию в стране нормальной/спокойной считали в 2022 г. 22%, то среди людей с плохим материальным положением – только 10%.

Оценивая ситуацию в стране, в регионе и месте проживания, некоторые респонденты давали «катастрофические» оценки дважды, а то и трижды, демонстрируя тем самым последовательный «катастрофизм», гипертрофированно трагическое

оценивание ситуации, способное привести в повседневной жизни к паническим реакциям. Их антагонистами выступали представители другой крайности – граждане, которые дважды-трижды оценивали ситуацию (в России, своём регионе и в месте проживания) как вполне нормальную, даже несмотря на то, что против страны уже была в тот момент развернута масштабная «экономическая война», а экономисты предсказывали рост инфляции и безработицы. Вся совокупность опрошенных разделилась, в зависимости от их оценок текущей ситуации в России (в стране в целом, в регионе и месте проживания), на три группы: «спокойные», давшие не менее 2-х ответов «ситуация спокойная» (35% выборки); «катастрофисты», давшие не менее 2-х ответов «ситуация катастрофическая» (6%); «тревожащиеся» – все остальные (59%). Как видим, «катастрофисты» оказались в явном меньшинстве.

Хотя к марту 2022 г. у россиян уже имелся в целом успешный опыт переживания в 2014–2016 гг. последствий «Крымской весны», не только аналитики, но и большинство граждан осознавали, что новая волна российско-украинского конфликта будет заметно ожесточеннее предыдущего. Кроме того, хотя нарастание противостояния России и Украины происходило давно, события конца февраля – начала марта 2022 г. стали неожиданностью почти для всех в мире, включая и россиян. Поэтому переживание их россиянами как экстраординарного шока является вполне закономерным. Несколько неожиданным стало, скорее, то, что этот шок оказался не очень сильным и, как показали социологические опросы последующих месяцев, не слишком долгим. В частности, если в марте 2022 г. впервые за весь XXI век доля россиян, считающих ситуацию в стране «катастрофической», превысила долю считающих ее «нормальной», то месяцем спустя их соотношение вернулось к обычному виду. Уже к концу весны 2022 г. шоковая реакция прошла, россияне начали привыкать к очередной «новой реальности», которая для большинства граждан мало чем отличается от «старой» и в настоящее время.

Результаты опроса в марте 2022 г. интересны именно тем, что они «поймали» уникальную ситуацию переживания экстраординарного шока, которая длилась не более месяца. Этот короткий период стал своего рода «моментом истины», выявив возможности россиян противостоять ухудшению ситуации «на излом». Ведь сначала, в январе-феврале, свертывание ковид-пандемии обозначило «свет в конце тоннеля», но практически сразу после этого вследствие начала СВО и антироссийских гиперсанкций обозначилась перспектива новых не менее серьёзных проблем.

Важно отметить, что под влиянием шока различия мнений россиян значительно снизились, нивелировавшись в сторону поддержки своего правительства. Сам этот эффект был вполне ожидаем и предсказуем, но зафиксированная сила его действия выглядит неожиданно высокой. Поскольку в ходе предыдущих опросов доля россиян с критическими по отношению к существующему режиму настроениями устойчиво составляла порядка 15–20%, то очень низкая доля «катастрофистов» (лишь 6%) означает, что даже эти недовольные в большинстве своем не стали в трудной ситуации предаваться панике, «раскачивая лодку». «Катастрофизм» вообще оказался сильнее связан с тяжелыми личными обстоятельствами, чем с оппозиционными взглядами. При этом готовность к протестным выступлениям демонстрировало меньшинство «катастрофистов» (13–20% от общего их количества). Противоположная группа россиян, «спокойные», была почти в 6 раз многочисленнее (35%) и демонстрировала готовность к протестам ещё реже (3–12%).

«Объединение вокруг флага», ярко продемонстрированное россиянами в марте 2022 г., безусловно, имеет и существенные ограничения. Предыдущий цикл реагирования россиян на обострение российско-украинского конфликта, примерно совпавший с кризисом 2014–2016 гг., продемонстрировал, что «новая реальность» через год-другой начинает возвращаться к «старой реальности». Высокая вероятность повторения этого цикла была видна даже в марте 2022 г.: хотя подавляющее большинство (84%) населения приняло правительственный дискурс о решающей роли внешних угроз, но парадоксально одновременно с этим россияне по-прежнему считали важными такие внутренние задачи

как борьба с коррупцией, формирование эффективной национальной экономики и снижение социального неравенства. Даже успешное для России завершение российско-украинского конфликта не может решить эти задачи, которые временно отодвинуты с актуальной повестки дня, но отнюдь не аннулированы.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОЛОДА В РОССИИ.

Ломоносова Марина Васильевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Миронов Денис Викторович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российским научным фондом (грант № 22-28-01076).

Актуальность историко-социологических исследований, реконструирующих социальную историю России, связана с необходимостью и возможностью восстановления динамики изменений ценностно-нормативной структуры российского общества на протяжении XX–XXI вв. В новом цифровом мире историческое прошлое становится актуальным полем политической борьбы, идеологического противостояния, а у государств появляются две новые формы внешней и внутренней политики: одна - для реального мира, другая - для виртуального.

В российском обществе по многим причинам, в основном, идеологическим, традиционно был и остается очень низкий уровень исторической культуры. Современная историческая наука вновь оказалась зажатой между политикой, правом и экономикой. Несмотря на то, что в последние десятилетия в обществе значительно повысился интерес к отечественной и зарубежной истории: издается большое количество исторической литературы, возникают новые исторические журналы и телепередачи, популярными становятся исторические художественные и документальные фильмы, представители академического сообщества, считают, что эта ситуация искажает восприятие истории и негативно влияет на саму историю как отрасль научного познания. Существует разрыв между популярной и «кабинетной» историей, и не просто разрыв, а крайне опасное для общества отчуждение одной от другой.

Мифологизация исторического сознания, утрата исторической памяти служат важнейшим инструментом конструирования политического и культурного ландшафта современности. В этой ситуации споры вокруг методологии истории давно перестали быть предметом только лишь академического дискурса, они в упрощенном виде, претерпев идеологическую обработку, стали частью общественных дискуссий, вошли в сферу политики. Как отметил французский историк Марк Ферро: «Границы мира раздвигаются, экономически он все больше унифицируется, в то время как политическая обособленность стран сохраняется. В этих условиях история становится все более весомым аргументом в столкновении государств, наций, культур и этнических групп» [2, 7]. Указанное в этом замечании обстоятельство можно резюмировать как то, что история становится ресурсом для различных субъектов социально-политического процесса. И как вокруг любого другого ресурса, вокруг истории разворачивается борьба за возможность использовать ее потенциал в реализации тем или иным субъектом социально-политического процесса своих целей. Эта борьба определяет направленность политики памяти, как на государственном, так и на общественном уровне. Характер этой борьбы, ее участники, тип и структура отношений между ними представляют интерес для социологического исследования.

В планировании и реализации политики памяти важную роль играет историческая наука. От ее состояния зависит направленность дискуссий о ставших вдруг злободневными событиях прошлого, формирование конкретных социальных практик их меморизации вне академического пространства и т.д. Отсюда возникает необходимость обозначить отличительные черты в развитии исторической науки в России. Как и в развитии других социальных наук, например у социологии, у истории имеются теоретико-методологические разрывы, которые уместно назвать «научными революциями в силу сложившихся внешних обстоятельств», которые сформировали определенные историографические парадигмы. Поскольку их смена не происходит по классическому сценарию Т. Куна [1], когда одна парадигма сменяет другую, это сказывается на осмыслении узловых моментов истории России. Неоднозначность трактовок важных исторических вех у профессиональных историков, их споры, выходящие за рамки академической среды, способствуют формированию особого стиля общественных дискуссий о прошлом страны, когда апеллируют не к фактам, а к удобным, конъюнктурным интерпретациям, кои в логике этих дискуссий сами превращаются в факты. Это рельефно проявилось в начале постсоветского периода истории России, когда происходило столкновение сторонников теоретико-методологической базы советской историографии и ее противников, находившихся в поиске альтернативной базы. Состояние неопределенности в академической среде исторических дисциплин в итоге сказалось на отражении исторических реалий в общественном сознании в современной России.

К числу таких реалий относится период Гражданской войны и последовавший за ней голод в Поволжье 1921-1922 гг. Тема голода, являясь одной из самых малоизученных и табуированных в истории России, позволяет, как никакая другая, изучить формирование политики памяти в условиях развития цифровых технологий. Сущностные характеристики голода, которые обуславливают внешнюю и внутреннюю цензуру, становятся востребованными зарубежными исследователями, а сама тема голода в России активно используется ими как инструмент политики памяти. С целью политической пропаганды зарубежные средства массовой информации конструируют образ русского человека, обладающего аморальной сущностью, позволяющей, в случае кризиса и борьбы за свою жизнь, нарушать фундаментальные запреты и табу, не останавливаясь даже перед убийством детей и близких родственников.

Важным обстоятельством недостаточного осмысления периода Гражданской войны и последовавшего за ней голода в Поволжье 1921-1922 гг. является тот факт, что центральной темой политики памяти на протяжении последних 20 лет в современной России выступает Великая Отечественная война (1941-1945). Масштабность, катастрофичность, а также субъективность восприятия событий тех лет на уровне личности и нации, вызванная целым комплексом морально-нравственных страданий народа, с одной стороны, не позволяет достигнуть требуемого уровня объективного социологического анализа в изучении механизмов политики памяти, с другой стороны, отбрасывает часть предшествующих исторических событий и подчиняет оставшиеся логике и рамкам войны.

При изучении периода Гражданской войны и последовавшего за ней голода в Поволжье 1921-1922 гг. высоким эвристическим потенциалом обладает историческая социология, что обусловлено следующими двумя основными причинами:

1. Историко-социологические исследования, научные результаты которых позволяют реконструировать социальную историю России, сегодня незаслуженно вытеснены на периферию социологического знания. Но именно историческая социология, создавая предпосылки для плодотворного взаимодействия социологии с историей, формирует теоретико-методологический фундамент для глубоко анализа причин и динамики современных проблем. Изучение общества в его основных характеристиках социальных изменений требует обращения к ресурсам теоретической социологии и к специфике

конкретных исторических исследований. Именно такое сочетание дает историческая социология.

2. Активное вторжение медиасреды и новых сетевых коммуникационных средств во все институциональные процессы обуславливает необходимость грамотного формирования государственной медиаполитики (как внутренней, так и внешней). При этом интерпретации трагических событий и бедствий прошлого используются как инструмент конструирования политического и культурного ландшафта современности. В эпоху «постправды» интерпретация, будучи фундаментальным методом работы с текстами как знаковыми системами, приобретает особое значение. В соответствии с концепцией диалога М.М.Бахтина, текст как форма дискурса и целостная функциональная структура открыт для множества смыслов, существующих в системе социальных коммуникаций. Он предстает в единстве явных и неявных, невербализованных значений, буквальных и вторичных, скрытых смыслов; его существование в культуре осуществляется «на рубеже двух сознаний, двух субъектов».

Стоит отдельно отметить, что политизированность тематики голода становится барьером для объективного научного анализа, но именно эти характеристики наиболее востребованы идеологами, политиками, лидерами экстремистских организаций. В этой ситуации историко-социологическое изучение политики памяти о голоде в России обладает высоким эвристическим потенциалом, так как создает хронологическую дистанцию между исследователем и изучаемой темой.

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. – 310 с.

2. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный Клуб 36.6, 2014. – 480 с.

3. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. - 368 с.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАВМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В НАЧАЛЕ 20-Х ГОДОВ XXI ВЕКА

Мельников Михаил Васильевич

(Новосибирский государственный технический университет НЭТИ)

В социально-политической науке не сформировалась общепринятая позиция по поводу определения национальных интересов. Их рассматривают как синоним общественных, народных, государственных интересов. Трудности формирования общей позиции проявляются в дискуссиях по поводу того, насколько могут быть отождествлены друг с другом нация и государство, представляют ли они единый социальный субъект. М. Вебер и П. Бурдьё показали, что государство как институт публичной власти эволюционирует из института частной власти. [1, 678; 2, 80] В ходе эволюции у людей, проживающих на территории, которую в течение длительного времени контролирует государство, усиливаются комплексы общих ценностей, появляется коллективная идентичность, лояльность к государству и его институтам. Нация формируется и существует как культурная общность в культурном пространстве. Ю.М. Лотман отметил, что пространство культуры может быть определено как пространство общей памяти. [4, 200] М. Хальбвакс изучал коллективную память как память и воспоминания о событиях, имеющих значение для членов коллектива или группы. Наиболее обширными группами являются национальные группы, или нации. [5] Им свойственны воспоминания о событиях, способных оставить глубокие следы в национальном сознании.

Вернемся к национальным интересам. Е. Вятр признал основой национальных интересов государство, способное обеспечить своим гражданам национальную безопасность. [3, 22] Средством укрепления национальной безопасности является

производство объединяющих нацию общих ценностей и коллективных идентичностей, включая национальную память. Национальная память представляет собой совокупность социальных и групповых представлений о прошлом, производимых с целью укрепления общей солидарности между социальными группами, составляющими единую нацию. Любое государство должно быть заинтересовано в том, чтобы это производство было непротиворечивым и успешным. Но чем сложнее социальная структура общества и организация элитных групп, тем выше вероятность, что прошлое может стать объектом конкуренции между элитными группами за представление наиболее привлекательного для каждой из них образа прошлого и его национализацию. В последнем случае имеется в виду формирование единого и легитимного для всей нации образа прошлого, который вместе с тем наиболее комфортен для той элитной группы, которая продвигала его принятие на национальном уровне особенно успешно. Под комфортностью здесь понимается высокая степень ощущения членами этой элиты удовлетворения, обусловленного тем, что национализированный посредством их усилий образ прошлого легитимизирует удержание членами элиты государственной власти в своих руках. Содержание этого образа может быть разным, но оно должно включать в себя компоненты национальной памяти, укрепляющие, а не ослабляющие коллективную идентичность и солидарность нации.

Обратим внимание на феномен культурной травмы, его место и значение для конструирования образа прошлого, его легитимизации в национальном сознании и его значение для продвижения национальных интересов. По Дж. Александру культурная травма возникает, когда люди чувствуют, что подверглись воздействию ужасного, по их мнению, события, оставившего глубокие и болезненные отпечатки в их памяти как членов какой-то группы и повлиявшего на коренные изменения их настоящей и будущей коллективной идентичности. [6, 3]

Изучение взаимосвязи между национальной памятью и культурной травмой привели ученых к заключению о том, что необходимым условием для возникновения в коллективной памяти общества или группы ощущения, что какое-то событие переживается им как культурная травма, является работа, проводимая в обществе людьми, которых М. Вебер в рамках социологии религии называл группами носителей. Применительно к культурной травме их можно назвать коллективными акторами процесса травмы. Эти люди формируют и передают другим людям соответствующие символические представления о каком-то событии как о травме. Их также можно назвать людьми, заинтересованными в том, чтобы такие представления были поддержаны в обществе. Конструирование события как национальной культурной травмы осуществляется посредством заявлений и действий представителей группы носителей о произошедшем событии, привлечении нарративов травмы, скорби, негодования и требования эмоциональной, институциональной и символической компенсации для пострадавшей национальной идентичности. Для того чтобы осуществляемая ими работа оказалась эффективной, она должна получать поддержку со стороны государства. Это возможно, если государство рассматривает продвижение связи между национальной памятью и культурной травмой как укрепление национальной идентичности и безопасности.

Перейдем к России. Рассмотрим три события, или факта, которые могут переживаться в коллективной памяти как культурная травма. 1. Политические репрессии в СССР в период 1930-начала 1950-х годов. 2. Человеческие потери СССР в годы Великой Отечественной войны. 3. Распад Советского Союза и связанные с ним межнациональные конфликты в годы перестройки и разнообразные потрясения 1990-х годов. Каждое из этих событий соответствует основным признакам культурной травмы, но их конструирование как травмы имеет особенности, вызванные гетерогенностью коллективных акторов процесса травмы. В состав группы коллективных акторов памяти о репрессиях могут быть включены люди, пережившие репрессии, их дети и родственники; ученые и активисты,

занимающиеся изучением обстоятельств и последствий репрессий; люди, воспринимающие политические репрессии как трагическую страницу истории СССР. В состав группы акторов памяти о жертвах войны входят люди, родственники которых были убиты в ходе и вследствие военных действий; ученые, изучающие человеческие потери СССР в это время; члены поисковых отрядов; представители органов власти, общественных организаций, средств массовой информации, периодически напоминающие населению о тяжелой цене победы. В состав третьей группы входят люди, проживавшие в указанное время на территории СССР и бывшего СССР; люди, проживавшие в указанное время в других странах, симпатизирующие СССР; родственники людей из первой и второй групп, находившиеся в указанное время в возрасте раннего детства и родившиеся в последующие годы. Производство памяти о репрессиях является наиболее противоречивым и применительно к нынешним обстоятельствам способно не укрепить, а ослабить национальную солидарность и безопасность. Производство памяти о жертвах войны также не может содействовать национальным интересам, поскольку включает в себя нарратив слабости государства в период Великой Отечественной войны, что не соответствует интересам государства. Наименее противоречивым является производство памяти о распаде СССР, поскольку оно удачно вписывается в активно продвигаемый руководством современной России дискурс о компенсации, которую должна получить Россия за нанесенные ей культурные травмы.

1. Бурдые П. *О государстве*. М.: Изд. дом «дело». РАНХиГС, 2016. 720 с.
2. Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. Т. IV. Господство. 542 с.
3. Вятр Е. *Теория национальных интересов в науке и политике* // *Социология*. 2015. № 2. С. 15-28.
4. Лотман Ю.М. *Избранные статьи. Том 1. Таллинн: Александра. 1992. 479 с.*
5. Хальбвакс М. *Коллективная и историческая память* // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2-3(40-41).
6. Alexander J.C. *Culture trauma, morality and solidarity: The social construction of 'Holocaust' and other mass murders* // *Thesis Eleven*. 2016. Vol. 132 (1). P. 3–16.

ФОРМИРОВАНИЕ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ НА ЗАЩИТУ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Меренков Анатолий Васильевич
(Уральский федеральный университет)

Специальная военная операция, начавшаяся 24 февраля 2022 года, проводится для защиты суверенитета России. Актуальной задачей становится использование механизма формирования у каждого гражданина страны ориентаций на активное участие в решении этой задачи.

Действие этого механизма включает следующее. Во-первых, понимание целей борьбы за независимость страны для ее сохранения и развития. Во-вторых, представления о достижениях создателей ее культуры в разных сферах науки, экономики, политики, культуры. В-третьих, знание истории становления как самостоятельного политического образования, всегда отстаивающего на протяжении всей истории свою независимость. Эта информация должна даваться в такой форме, которая вызывает сильные положительные чувства, побуждающие следовать примеру предков. Таким переживанием является гордость за людей, проявляющих мужество, храбрость, готовность жертвовать своей жизнью ради свободы страны.

На основе гордости воспитывается стыд за тех, кто подчиняется инстинкту личного выживания любыми способами. Раскрываются мотивы поведения предателей, направленные на реализацию эгоистических интересов. Ими же руководствуются люди,

выжидающие исход борьбы своего народа с теми, кто стремится установить власть над ним. Вырабатывается понимание того, что каждый человек при возникновении угрозы суверенитету России оказывается в ситуации выбора: защищать или предать. Формируется долг и ответственность за ее настоящее и будущее, рождая установку на личное участие в борьбе за независимость. В полной мере выражается любовь к Отечеству, как сильнейший побудитель стать вместе с соотечественниками на его защиту от внешних врагов. Возникает потребность использовать все имеющиеся средства для обеспечения суверенитета страны. В системе ценностных ориентаций личности утверждается понимание того, что только совместными действиями, сотрудничая на фронте, в тылу можно одержать общую победу.

Становление ориентаций в будущем защищать страну начинается с раннего детства, когда происходит выработка гордости, стыда, совести, долга, ответственности. Используются рассказы для детей о подвигах героев прошлым времен, изучается история развития России в школе, учреждениях профессионального образования, раскрывается героическая борьба народа за свою независимость. Однако распространение с 90-х годов в стране идеологии достижения личного успеха любыми способами, реальное формирование ориентаций на необходимость обеспечения и укрепление политического, экономического, технологического суверенитета в России отсутствовало. В этом одна из причин разного отношения отдельных людей, социальных групп как к самой СВО, так и частичной мобилизации, начавшейся в конце сентября 2022 года. Возникает проблема реорганизации политического воспитания граждан страны, начиная со школы, на протяжении всей жизни.

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В ВОССОЕДИНЕНИИ НОВОРОССИИ С РОССИЕЙ

*Милецкий Владимир Петрович
(СПбГУ; СПбГЭТУ (ЛЭТИ))*

*Черезов Дмитрий Николаевич
(Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)*

Как известно, Президент В.В. Путин 30 сентября подписал Указ о воссоединении Луганской и Донецкой народных республик, а также Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. 3 октября Государственная Дума, а 4 октября Совет Федерации единогласно одобрили президентские законопроекты и внесли соответствующие изменения в Конституцию РФ, в результате которых в России появилось четыре новых субъекта Федерации. Была исправлена историческая несправедливость, совершенная 100 лет назад Лениным и большевиками, которые без всякого согласия населения региона, именовавшегося Новороссией, отделили эту территорию и административно включили её в состав формировавшейся тогда новой союзной республики – Украинской ССР. Объяснялось это необходимостью усилить рабочим классом Донбасса аграрную Украину, доведенную до социально-экономической разрухи во время Гражданской войны режимами П. Скоропадского, С. Петлюры, Батьки Махно и другие персонажами.

Воссоединение с Россией произошло во исполнение волеизъявления населения этих регионов, выраженного на всенародном голосовании, проходившем в 23-27 сентября 2022 г., которое поставило точку на длительных усилиях руководства России путем переговоров с киевскими властями урегулировать конфликт последних с населением Донбасса. Этот конфликт возник после государственного переворота 22 февраля 2014 г., совершенного украинскими радикалами с киевского Майдана под руководством А. Турчинова и свержения законного президента страны В. Януковича. Узурпаторов тут же поспешил признать весь Коллективный Запад. Но их власти отказались подчиняться

народы Новороссии. В результате в 2014 г. населением Донбасса были учреждены Донецкая и Луганская народные республики (ЛДНР), подвергшиеся жестокому прессингу со стороны Киева, организовавшего против этих республик в рамках антитеррористической операции (АТО) настоящий геноцид. Руководство России предприняло все возможные усилия для мирного урегулирования этого кровопролитного конфликта в рамках «Норманской четверки» и Минских соглашений, подписанных среди прочих и президентом Украины П.А. Порошенко. Но ни Порошенко, ни нынешний главарь марионеточного киевского режима В.А. Зеленский не выполнили ни одного пункта этих соглашений. Вместо этого в 2022 г. киевский режим беспрецедентно усилил обстрелы мирных населенных пунктов ЛДНР, в чем выразилось негативное влияние Человеческого фактора на реальную политику.

В сложившейся ситуации руководство ЛДНР обратилось за помощью к Президенту В.В. Путину. Глава Российского государства по согласованию с Советом Безопасности и Федеральным Собранием РФ принял историческое решение о проведении Специальной войсковой операции (СВО). Предприняв превентивный шаг 24 февраля, Верховный фактически совершил «катапультирование России в самый эпицентр глобальных потрясений», в ходе которого было решено «обеспечить великое будущее Великой России в результате Великих перемен». Фактически по воле ВВП начала происходить смена генерального вектора эволюции всей современной Эпохи, конфигурация которой начала трансформироваться из однополярной в многополюсную систему, в которой не будет места бесцеремонному диктату гегемона (США). И этих действиях Президента России получила воплощение позитивное влияние Человеческого фактора на реальную политику.

Началась масштабная демилитаризация и денацификация Украины, в ходе которых на стороне Киевского режима выступили США, Евросоюз и некоторые другие западные страны. Развернулась необъявленная глобальная война Коллективного Запада с Россией на всех фронтах: военно-техническом, финансово-экономическом, политическом, информационно-пропагандистском и др. Минские соглашения западными лидерами были преданы забвению. Западные страны с целью истощения и дезорганизации страны обложили Россию несанкционированными Советом Безопасности ООН тысячами различных санкций (11800), организовали настоящую травлю русских в Европе и Америке и др. По сути, Коллективный Запад в настоящее время ведёт против нашей страны необъявленную Прокси-войну (Война по доверенности или на чужой территории руками местной власти), которые в XX и нынешнем веке глобальный гегемон (США) вел десятки раз, начиная с войн в Корее в 1953 г. и Вьетнаме в 1970-е годы, бомбёжки Сербии в 1999 г., заканчивая войнами против Сирии, Ирака и других стран в десятые годы нынешнего столетия. Напомню, что попытка США оккупировать и покорить Афганистан, предпринятая после теракта в отношении Башен-Близнецов в Нью-Йорке 11.09.01, бесславно закончилась позорным бегством американского воинского контингента из этой страны летом 2021 г.

В результате боестолкновений на Юго-Востоке Украины не только практически уничтожена вся военно-техническая инфраструктура Украины, но и фантастических масштабов достигли потери украинской стороны, которые, по оценкам экспертов, уже составили свыше 100 тысяч убитыми и порядка полумиллиона раненных и иных пострадавших. Экономика и социальная сфера Украины оказались в руинах. Численность беженцев в Европу превысила 5 миллионов человек и около 2 миллионов переместилось в Россию. Как следствие по воле преступного киевского режима некогда вполне благополучная европейская страна с населением почти 50 млн. человек, благоприятным климатом, выходом в два моря, солидными запасами энергетических и минеральных ресурсов и питьевой воды, достаточно развитой индустрией и сельским хозяйством, имевшая все возможности успешно развиваться и даже процветать благодаря не только географической близости с Россией, но и глубоким историческим, социально-экономическим, религиозно-культурным и иным связям со славянским соседом, была

превращена преступным режимом Зеленского фактически в настоящее пепелище. В который уже раз за последнее столетие по злой воле безответственных политиканов весь мир погрузился в глобальное столкновение, чреватое Мировой войной, в чем находит своё воплощение деструктивное влияние Человеческого фактора на реальную политику.

В сложившихся условиях в полной мере раскрылся политический талант и лидерские качества В.В. Путина, сумевшего консолидировать российское общество и организовать отпор действиям глобального гегемона (США) и Коллективного Запада в целом, не допустить захвата ЛДНР укро-нацистами. Более того, Президент поддержал стремление народов Луганской и Донецкой народных республик, а также освобожденных районов Запорожской и Херсонской областей к воссоединению с Россией. Была восстановлена историческая справедливость. Ведь до октябрьской (1917 г.) революции Украины как государства не существовало. И Новороссия, и Малороссия являлись были частями великой Российской империи. Вместе с тем в этом историческом воссоединении народов России воплотилось позитивное влияние Человеческого фактора на политику, выразившееся в решающей роли волевой личности В.П. Путина в организации этого масштабного исторического события. Оно не могло бы состояться в 1990-е годы при Президенте Б.Н. Ельцине, который в силу своих личностных особенностей не сделал ничего для сохранения исторических территорий России во время распада (демонтажа) Союзного государства. Хотя, как минимум, по совету А.А. Собчака, мог бы «отпускать союзные республики с тем, что у них было до вступления в СССР». В этом выразилась совершенно очевидная негативная роль Человеческого фактора в проводимой им политике на постсоветском пространстве.

Окончательное воссоединение четырёх регионов Новороссии с Россией состоялось 4 октября на заседании Совета Федерации, который одобрил договоры о вхождении в состав РФ четырех новых регионов — Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР), а также Херсонской и Запорожской областей. Теперь они стали законными и полноценными составными частями единого Российского государства, территория которого является неприкосновенной и будет защищена всеми имеющимися у российских властей средствами, включая проведение Анти-террористической операции против агрессивного киевского режима на территории новых субъектов Федерации. Хотя это может привести к перерастанию Прокси-войны в настоящую войну с глобальным гегемоном (США) и Коллективным Западом в целом. Но именно этого меньше всего желают руководство и народы России, добивающиеся мирного урегулирования конфликта на Украине.

МЕДИЙНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Михина Лаурита Константиновна
(МГИМО МИД России)*

*Сюй Син
(МГУ)*

После февральских событий этого года и последующих санкций коллективного Запада против России, экономических кризисов разных возросла актуальность и необходимость переориентации российской экономики на новые рынки. Речь идет об Азиатско-тихоокеанском регионе и, в первую очередь, о Китае. В информационном поле Россия и Китай обоюдно поддерживают линию по развитию дружеских связей и всеобъемлющего стратегического партнерства; официально страны заявляют об открытости отечественных рынков друг для друга. Только за последние 8 месяцев товарооборот России и Китая за последние полгода вырос на 31,

4%, достигнув 117,205 млрд долларов (в сравнение, за весь 2021 год рост был 35,8%, составив 146,887 млрд долларов). [1] Таким образом, концепция «разворота России на Восток» поощряется, и все больше российских компаний, утративших возможность вести свою деятельность на европейских рынках, стремятся осуществить быстрый выход и реализация своей продукции в Китай.

Но, как известно, «Восток – дело тонкое». Китайская продукция действительно начинает стихийно заполнять российский рынок, и речь идет не только о мелком производстве, но и технике. Но делает ли так же Россия? К сожалению, пока что ответ на данный вопрос заключает в себе больше возможностей для российского бизнеса, чем демонстрирует реальные успешные кейсы. При экспорте российских товаров на китайский рынок отечественные бизнесмены сталкиваются с рядом проблем. Во-первых, китаисты сходятся во мнении, что спрос на российские товары в Китае сильно переоценен. Подобная ситуация сложилась из-за слишком оптимистичных публикаций российских СМИ. Так, например, РИА Новости опубликовало материал с заголовком «Бизнесмен из КНР: китайцы готовы переплачивать за российскую еду». Но речь шла о Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). В данном районе лишь 40% населения составляют этнические китайцы, другие 45% приходится на уйгуров и 15% на другие нацменьшинства. Сама территория граничит с Россией, а следовательно исторически имеет более тесные связи с ней. Однако это место является одним из наименее развитых экономических центров; там мало представлена продукция крупных иностранных брендов, динамика потребления ниже, чем в других частях Китая, таких как Пекин или Шанхай. [2] Российские продукты питания представлены широко только в приграничных с Россией провинциях, в остальных частях страны крайне мало и чаще всего в небольших магазинах импортной продукции или на маркетплейсах. Во-вторых, китайский бизнес и сам китайский потребитель в значительной степени отличаются от российского и европейского. Для выхода на китайский рынок требуется продуманная финансовая стратегия, долгосрочная PR-кампания и медийное обеспечение. Дело в том, что Китай имеет особую культуру потребления, которую во многом обуславливает не только историческая традиция, но и то обстоятельство, что страна является одним из мировых лидеров в сфере электронной коммерции. Динамика, специфика продаж и, что не мало важно, законодательное регулирование этой сферы сильно отличается от западного и российского, от чего заслуживает особого внимания. Ведь выход на китайский рынок и сотрудничество с Китаем занимает особое место в политико-экономической стратегии России. Так, если российский производитель хочет успешно развивать свое дело в Поднебесной, то ему помимо знания новаторских законов и специфики регулирования продаж необходимо также ознакомиться с ключевыми особенностями китайской культуры, трендами китайского маркетинга и психологией китайского потребителя.

Процесс продаж в Китае уникален. Причиной этому является ряд тенденций, пронизывающих китайское общество. К ним относятся:

- а) технологизация и цифровизация продаж (лайвстриминг, развитая работа алгоритмов);
- б) высоко-конкурентный внутренний рынок, в том числе рынок e-commerce;
- в) быстро растущий спрос на качественные товары (тезис о том, что «китаец купит все» в настоящее время является неактуальным) ;
- г) популяризация национальной культуры (высокий уровень патриотизма);
- д) экстраполяция своей культурной картины мира на элементы другой культуры;
- е) зачастую необычные для иностранца рекламные кампании и методы продвижения;
- ж) проведение масштабных распродаж, приуроченных к китайским праздникам и приносящих большую прибыль;
- з) деятельность блогеров «нового поколения»;

и) политизация рынка и высокий уровень мобилизации китайских гражданских потребителей на фоне крупных внешнеполитических событий (бойкот западных товаров на фоне отказа США закупать хлопок в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и обвинений в адрес китайского правительства).

Понимание этих тенденций при переориентации экспорта на Восток в настоящее время является вызовом для российских предпринимателей и крупного бизнеса. Но изучение особенностей китайской культуры, маркетинга и психологии китайцев, успешная интеграция этих знаний в корпоративную стратегию развития открывает новые перспективы для отечественного производства и дальнейшего экспорта и стимулирования высокого спроса на российскую продукцию.

1. *Товарооборот между Россией и КНР за восемь месяцев 2022 года вырос на 31,4%. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220907/tovarooborot-1815002832.html> (дата обращения: 01.10.2022)*
2. *Откуда берутся мифы о популярности российских продуктов в Китае? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ekd.me/2020/10/russian-products-in-china/> (дата обращения: 07.10.2022)*

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ КАК ЕДИНАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА И НОВАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Михнева Анастасия Ильинична

(ФГБОУ ВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ", Волгоградский институт управления- филиал)

Аннотация: рассмотрены особенности новой социально-политической реальности России в связи с формированием единой системы публичной власти в свете новых конституционных поправок, принятых в 2020 году. Обозначены основные концептуальные вопросы в сфере политического обеспечения новых законодательно установленных рамок осуществления государственной власти и местного самоуправления и прежних действующих политико-правовых принципов.

В управленческой сфере под влиянием различных политических и геополитических процессов происходят трансформации и изменения уже сформировавшихся определенным образом явлений, механизмов и процессов. Новый облик государственного и политического управления современной России появляется под влиянием нормативно-правовых и конституционных изменений 2020 и последующих годов. Основным политическим лозунгом, под которым трансформируется аппарат государственного и муниципального управления, является формирование единой системы публичной власти, основой этого выступают конституционные поправки ст. 131 Конституции РФ, позволившие использовать в политическом диалоге такое понятие как единая система публичной власти [1].

О важности трансформации системы политического управления свидетельствует позиция главы государства, который отмечает, что разрыв между уровнями власти отрицательно сказывается на людях, неправильно для общества и угрожает целостности страны [2]. Новая социально-политическая реальность публичной власти обеспечивает согласованность политических действий и политической стратегии на всех ветвях и всех уровнях власти, определяет политический и правовой статус субъектов соответствующих отношений: органов государственного и муниципального управления, их должностных лиц, политических партий и их лидеров. Деятельность перечисленных субъектов

приобретает особую важность в процессе реализации Стратегии национальной безопасности РФ от 2 июля 2021 года [3].

Как политическая реальность единая система публичной власти постепенно становится законодательной и обретает нормативно-правовой смысл. Законодатель закрепил Федеральным законом о Государственном Совете [4] политико-правовую категорию «публичная власть», объединившую всю совокупность элементов государственного аппарата и механизма его функционирования. Поэтапная трансформация системы публичной власти повлечет системную деятельность субъектов политической системы. Создается необходимая нормативно-правовая база, предпринимаются попытки создания новых законов на федеральном уровне, прежде всего, Федеральный закон № 414-ФЗ «О формировании единой системы органов публичной власти в субъектах РФ» [5], а также в процессе одобрения новый законопроект в области местного самоуправления - «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [6]. Данный факт свидетельствует об институциональности публичной власти, которая обростает и выражается в виде органов публичной власти.

Трансформация государственного и муниципального управления направлена на создание комплекса нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы соотношения всех уровней власти, пределов их воздействия между собой, закрепляющих формы и методы взаимодействия всех органов публичной власти по вертикали.

На наш взгляд, российская политическая реальность для ее стабильности требует выстраивания в одну систему всех властных институтов федерального, регионального и местного уровней. Преимущества такого шага видятся в формировании согласованности взаимодействия регионов и муниципалитетов, обеспечении единого информационного пространства и социально-политического поля. В этом смысле впервые введенная в жизнь и социально-политическую практику политическая концепция единой системы публичной власти как нельзя лучше объединяет и координирует действия властных органов субъектов федерации.

Современная политика России ориентирована на укрепление вертикали власти, на упрочнение роли и положения руководящей элиты, распространение публичных государственных интересов и ценностей. В соответствии с новыми поправками, принятыми в 2020 году в Конституцию РФ, органы государственной власти получили большой комплекс полномочий в отношении органов местного самоуправления, в частности, влиять на процесс их формирования и функционирования.

В условиях быстро изменяющейся политической и геополитической реальности в связи с обеспечением национальной безопасности нашего государства, защите его суверенитета и территориальной целостности данные обстоятельства свидетельствуют и подчеркивают актуальность рассмотрения тематики единой институциональной системы публичной власти в новых законодательных установлениях и социально-политических, социально-экономических способах их реализации в современной жизни как основах политической стабильности российского общества, формирования правового демократического государства.

Приоритеты политической трансформации направлены на демократизацию российского государства, построение гражданского общества, обеспечение национальной безопасности. Для этого на сегодняшний день действующее законодательство расширяет полномочия государственной власти в отношении местных органов. Однако, формирование единой системы публичной власти ориентируется и ставит во главу угла не местные принципы и задачи, а общегосударственные – национальная безопасность, национальная экономика, здравоохранение государства, защита его экологии и другие. Формирование единой системы публичной власти необходимо для эффективного осуществления общегосударственной национальной политики.

В целях обеспечения единого согласованного политического пространства трансформация системы публичной власти должна быть направлена на принятие государственных управленческих решений с учетом интересов всех уровней власти, единую научно-концептуальную и политико-правовую основу проведения государственных решений в жизнь и обеспечения национальной территориальной целостности государства, защиты и выражения национальных интересов России, защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина. При этом построение институциональной системы публичной власти во главе с Президентом РФ является ответом на новые угрозы внешней и внутренней национальной безопасности России.

1. Конституция Российской Федерации 1993 года.
2. Послание Президента РФ Путина В.В. Федеральному Собранию РФ. 2020 г. 15 января // Российская газета. № 7 (8061). 2020 г.
3. Стратегия национальной безопасности РФ, утверждена Указом Президента от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II). Ст. 5351.
4. Федеральный закон от 8 декабря 2020 года № 394-ФЗ «О государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020 г. № 50 (часть III). Ст. 8039.
5. Федеральный закон № 414-ФЗ от 21.12.2021 года «О общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Российская газета от 27 декабря 2021 года. № 294 (8645).
6. Проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Принят в первом чтении 25.01.2022 года // СПС Консультант плюс.
7. Федеральный закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 40. Ст. 3822.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИНТЕГРАЦИИ

Осадчая Галина Ивановна

(Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН)

За годы, прошедшие с начала создания Евразийского экономического союза, интеграционные процессы набрали позитивную динамику, поскольку они отвечают экономическим запросам стран-членов и общей тенденции формирования макрорегионов в глобальной экономике. Однако усиление нестабильности оказывает отрицательное влияние не только на экономику, но и на политику, культуру, идеологию, социальную сферу Союза. Необходимость отстаивания интересов Союза побуждают лидеров государств – членов искать новые эффективные инструменты и механизмы воздействия на результативность интеграционных процессов. Очевидно, что сделать это только с позиций экономической целесообразности невозможно.

В первую очередь нужны такие инструменты, которые смогут наполнить смыслом идеологию интеграционных процессов, обеспечат формирование единых ценностных ориентиров, будут способны воздействовать на самоопределение и идентичность личности, сумеют воспитать потребность в реализации, в том числе самореализации в рамках единого союза, создадут духовное единство народов, его населяющих.

Долгожданным для движения в этом направлении стало утверждение Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [1]. В этом документе сформулированы контуры экономического взаимодействия в новых областях - образовании, здравоохранении, туризме и спорте. Перспективы развития гуманитарного сотрудничества в рамках евразийской интеграции, конкретные инструменты, механизмы социально-гуманитарного сотрудничества были впервые

обсуждены на Первом Евразийском международном экономическом форуме [2]. Однако это пока протокол о намерениях, систематизация рекомендаций экспертов. Здесь не обозначены субъекты гуманитарного сотрудничества, системность мероприятий, не определены финансовые источники и финансовая политика гуманитарного сотрудничества. Чтобы достигать успеха в интеграции нужно постоянно анализировать в мониторинговом режиме гуманитарной составляющей сотрудничества, формирующихся евразийских ценностей, идеалов, норм, развития инфраструктуры, создания рабочих мест. Успешность возможна, если будет дисциплина, энергия исполнителя, контроль.

1. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета №12 от 11 декабря 2020 г. // URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12

*2. ПЕРВЫЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
https://eurasianeconomic.org/spotlight/news_7354.phtml*

*Подготовлены Основные тезисы Первого Евразийского экономического форума
https://www.alt.ru/images/news/files/2022/91225/itogovaya-rezolyutsiya_EEF.pdf*

ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ КАК ТОЧКА БИФУРКАЦИИ ДЛЯ РОССИИ 21 ВЕКА: СОВРЕМЕННЫЕ КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ

Перова Анастасия Евгеньевна

В 21 веке история мира продолжает свою поступь, и мы по-прежнему пишем все важнейшие страницы, отвечая за свое развитие и будущее, будущее наших детей. Важно понять, что общество трансформируется, отвечая вызовам и открытиям времени, и мы не только повторяем уроки прошлого, но и сталкиваемся с новой реальностью. Появляется так называемая «глобальная деревня», в которой новости и культура распространяются горизонтально [1].

Наша страна, Россия, переживает – в который раз – всегда тяжелый момент самоопределения. Его важно не только выдержать, но и выйти с позитивным, долгосрочным результатом, годящимся и для будущих поколений, и для стран-соседей, и для всего мира. Ведь идентичность важна не только для самой определяющейся нации, она – форма ответа в диалоге с другими культурами [2, 50].

Специфика современности такова, что при всей внешней полноте глобализации культуры и возможностях межнационального общения с помощью сети Интернет на личностном уровне, отношения в многополярном мире накаляются. В первую очередь это видно по мировой политике и проходящих войнах. Тенденции распространения милитаристских, нацистских и сатанистских, как граничащих с ними, убеждений в мире, в том числе как запланированный конец христианства, предсказанный в Апокалипсисе, нарастают и становятся осязаемыми, выходят из серой зоны.

Защита и противодействие полюсу убийств и разврата в России лежит именно в области славянского языка и культуры, полной богатства и наследия предков. Противопоставление и отчуждение от России, высказанные в странах Запада в связи с военными действиями в Украине, можно рассматривать как точку роста для самой страны. Потенциал можно найти в книгах и музыке, образовании и медицине, спорте, а также в воспитании новых поколений.

На самом деле, в России давно встал вопрос отделения от Запада и поиска своего места, еще в 19 веке [3]. Мы славяне, русские, наше место в самой большой стране Евразии: это уже наше, наше наследие и нам с этим надо смириться. Не время искать место себе, время не растрчивать попусту прошлое и настоящее и расти.

Патриотизм не должен насаждаться примитивным, он должен тянуть человека к свету – от отупляющих взглядов, пагубных пристрастий, вредных привычек – к глубине

самовыражения и любви к Родине и природе, людям, говорящим на одном языке. Будущее поколений – это граждане, выбирающие остаться здесь, в своей стране, и способные творить из любви и осмысленно, в мире многонациональной Российской Федерации. Тогда мы победим – не в смысле военных или политических действий, а как страна и общество.

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника Центр, 2003.
2. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3.
3. Чуркина И.В. К вопросу об отечественной историографии славянофильства // Славяне и Россия, 2015.

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Пищикова Мария Викторовна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-514-12001

Помимо государств, традиционно являющихся наиболее влиятельными участниками политического взаимоотношения, следующими яркими акторами можно считать международные межправительственные организации (ММПО). Существует множество теоретических подходов к изучению ММПО, данная работа предлагает анализировать данные организации при помощи теории общественного договора.

Использование теории общественного договора предполагает рассмотрение ММПО в качестве результата договора на глобальное управление, который, по своей сути является формой общественного договора на международном уровне, сторонами которого выступают государства [1; 34]. Теория общественного договора наиболее полно описана в работах Гоббса, Локка и Роулза и представляет собой форму взаимодействия, благодаря которой индивиды избегают анархии и связывают себя коллективным управлением, в условиях которого они могут обеспечить себя общественными благами, такими как экономический обмен, безопасность и закон [3;4;5]. Можно заметить, что данное определение перекликается с заявленными целями создания ММПО, часто заключающиеся в поддержании мира, безопасности и равном распределении благ [2, 34]

Авторами одной из теорий международных организаций в 2019 году было проведено социологическое исследование [2 46], целью которого выступало изучение процесса заключения договора о создании ММПО и его влияния на структуру подобных организаций. Опираясь на полученные результаты можно выделить два типа международных межправительственных организаций: ММПО общего назначения и ММПО специального назначения.

Первый тип целиком опирается на транснациональное сообщество, охватывает нормативно связанные народы, обладает разнообразной политической юрисдикцией и основан на договоре, в котором не полностью указано назначение данной организации. Второй тип формируется на базе договора, в котором точно опеределена цель создания организации, которая охватывает тех, кого затронула конкретная социальная проблема. Отличает данный тип организации то, что у неё узкая политическая юрисдикция [2,48].

Можно отметить, что расширение политической юрисдикции ММПО напрямую зависит от неполноты заключаемого договора. Первый тип ММПО характерен для тех

организаций, которые охватывают население, имеющее схожие культуру, религию, географическое положение и политико-правовые институты, в то время как для организаций второго типа скорее характерно большее разнообразие участников, что приводит к нежеланию государств жертвовать своими полномочиями и опаске оказаться в эксплуатируемом состоянии [2,60].

Таким образом, теория общественного договора может быть успешно использована в социологическом подходе изучения международных межправительственных организаций, так как помогает детально изучить социальные условия, влияющие на формирование структуры ММПО и помогает сформулировать теоретический подход в изучении данных организаций.

1. Hooghe, L. and Gary Marks *Delegation and Pooling in International Organizations. Review of International Organizations*, 2015, 10(3): 305–28.
2. Liesbet Hooghe, Tobias Lenz, and Gary Marks *A Theory of International Organization A Postfunctionalist Theory of Governance, Volume IV*. New York, Oxford university press, 2019
3. Rawls J. *The Law of Peoples, with “The Idea of Public Reason Revisited.”* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999
4. Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского/ Томас Гоббс; пер. с англ. А. Гутермана – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020– 704с.*
5. Локк Дж. *Два трактата о правлении/ Дж. Локк; пер. с англ. Е.С. Лагутина и Ю.В. Семёнова – Москва; Челябинск: Социум, 2022 –405 с.*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В РОССИИ.

Рязанцева Ангелина Вадимовна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Юдина Дарья Игоревна

(Ресурсный центр «Центр социологических и Интернет-исследований»)

Александрова Анастасия Алексеевна

(Ресурсный центр «Центр социологических и Интернет-исследований»)

Работа подготовлена в рамках НИОКТР №121062300141-5 «Комплексное исследование факторов и механизмов политической и социально-экономической устойчивости в условиях перехода к цифровому обществу».

В статье представлены результаты исследования, проведенного с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет исследования».

Историческая политика является эффективным инструментом связи между правящей элитой и гражданами. Конструируя образ прошлого, политические акторы не только влияют на коллективную память граждан, но и формируют их коллективную идентичность.

В проведенном исследовании мы поставили цель определить, насколько эффективна политика памяти, проводимая основными политическими силами в России, то есть, как и в какой степени им удается передать свое представление о прошлом страны и как эта политика влияет на отношение граждан к истории.

Для этого основные идеи об истории России, транслируемые прогосударственными, левоконсервативными и либеральными силами были сопоставлены с результатами телефонного опроса петербуржцев и жителей Ленинградской области,

который был проведен колл-центром РЦ ЦСИИ Санкт-Петербургского государственного университета с 20 января по 17 февраля 2022 года. Выборочная совокупность исследования составила 1210 респондентов, предельная ошибка выборки – 2,8% при уровне достоверности 95,0%.

В целом в России государство по своим медийным ресурсам остается самым могущественным актором формирования коллективной памяти. Ключевая идея, продвигаемая в прогосударственной повестке, состоит в представлении России в качестве «хорошей» империи, которая время от времени в своей истории сталкивается с врагами (внешними и внутренними) и побеждает их (так или иначе) [1;2]. Имперскоцентристская логика политики памяти приводит к тому, что главными персонажами в истории страны становятся правители и военачальники.

Другое крупное политическое направление в России – левоконсервативное. Его дискурс в значительной мере согласуется с провластным, поскольку оба разделяют основную идею о том, что Россия должна быть империей. Самыми явными и постоянно ретранслируемыми отличиями левоконсервативной повестки является более яркий сталинизм и прославление революции 1917 года вместе с ее главным революционером – Лениным [3].

Крупным движением, предлагающим оппозиционный официальному дискурсу взгляд на историю России, является либерализм. Спора с провластной пропагандой, оппозиционеры стараются убедить свою аудиторию, что исчезновение Советского Союза – это не трагедия, а неизбежность, и время 90-ых – это далеко не столько время хаоса, высокой преступности, сколько время возможностей и необходимых стране реформ, сделавших жизнь россиян в конечном итоге лучше, чем до распада советской империи [4;5]. В свою очередь, главные герои «либеральной» истории России – реформаторы.

Данные нарративы были сопоставлены с результатами телефонного опроса, которые касались того, как видят историю страны и как к ней относятся жители Петербурга и Ленинградской области. Анализ был сконцентрирован на том, как набор представлений о прошлом у жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области изменяется в зависимости от двух факторов: типа медиапотребления и возраста.

Мы не смогли в должной степени оценить влияние левоконсервативного дискурса ввиду того, что количество респондентов, которые назвали левые СМИ и публичных спикеров среди своих информационных источников, оказалось недостаточно для статистического анализа. Однако в целом гипотезы о зависимости между типом медиапотребления, возрастом и приверженностью к определенным историческим нарративам были подтверждены.

Так, подтвердилась гипотеза о том, что жители Петербурга и Ленинградской области, доверяющие преимущественно прогосударственными СМИ, чаще придерживаются официального, прогосударственного взгляда на историю России. Самым важным событием в истории России для данной группы людей выступает Вторая мировая война. Тогда как Сталин и военачальники чаще рассматриваются как личности, позитивно повлиявшие на развитие страны, а Горбачев и Ельцин, наоборот, отрицательно.

Также была подтверждена гипотеза о том, что люди, доверяющие преимущественно либеральным СМИ, чаще придерживаются либерального взгляда на историю России. В соответствии с либеральным дискурсом положительными персонажами в истории России респонденты чаще называли различных реформаторов (Александра II, Столыпина, Горбачева и т.д), а отрицательным – Сталина.

Для общего понимания контекста формирования исторической памяти мы изучили отношение жителей региона к истории как к науке в целом, и к истории России в частности. Выяснилось, что граждане видят политизацию истории, но в то же время доверяют существованию научно доказанных исторических фактов, вместе с тем большинство опрошенных воспринимают историю России как историю побед и верят в предопределение будущего страны ее прошлым.

При этом отношение к истории также различно между разными возрастными аудиториями. Так, например, жители Петербурга и Ленинградской области, доверяющие преимущественно прогосударственным СМИ, чаще придерживаются позитивного взгляда на историю России и считают, что будущее страны сильнее всего предопределяется ее прошлым.

Таким образом, можно говорить о том, что конкурирующие в историческом дискурсе идеи находят отклик в коллективной памяти определенных групп граждан, что свидетельствует об эффективности политики памяти, проводимой основными российскими политическими акторами.

1. Domańska M., Rogoza J. *Forward, into the past! Russia's politics of memory in the service of 'eternal' authoritarianism. OSW Report 2021-11-22.* – 2021.

2. Wijermars M. *Memory politics in contemporary Russia: Television, cinema and the state.* – Taylor & Francis, 2018. – С. 266. DOI: 10.4324/9781351007207

3. Linchenko A., Anikin D. *The political uses of the past in modern Russia: The images of the October revolution 1917 in the politics of memory of Russian parties //European Politics and Society.* – 2020. – Т. 21. – №. 3. – С. 356-370. DOI: 10.1080/23745118.2019.1645430

4. Максим Кац* // YouTube URL: www.youtube.com/c/maxkatz1 (дата обращения: 24.08.2022).

5. Владимир Милов**// YouTube URL: www.youtube.com/c/ВладимирМиловУруру (дата обращения: 24.08.2022).

*Максим Кац включен Минюстом РФ в реестр физических лиц— иностранных агентов

**Владимир Милов включен Минюстом РФ в реестр СМИ— иностранных агентов

РОССИЙСКИЕ БАЗОВЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ: МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГЕМОЙ И ГРАЖДАНСКИМ СОЗНАНИЕМ

Савин Сергей Дмитриевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В российском политическом дискурсе в центре внимания в последние годы находится вопрос о ценностях. Причин этому несколько. Первая, консервативный тренд во внутренней политике как реакция на попытки «цветной революции». Естественно, что идеология консерватизма ищет опору в традиционных ценностях. При их помощи происходит попытка стабилизировать ситуацию авторитарными методами, сохранить легитимность власти. Вторая, обострившийся конфликт с Западом. Во многом это противостояние приобретает черты конфликта идентичности. Новая российская идентичность конструируется с опорой на цивилизационную концепцию, представление о России как особом культурно-историческом типе. Опять-таки естественно, что такие представления опираются на поиск некоего нормативно-ценностного ядра как цивилизационной основы. В результате на официальном уровне в России ставится вопрос о национальных ценностях как о политической идеологеме. Этот вопрос начинает носить стратегический характер.

Так в 2021 г. была принята новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1], в которой впервые на государственном уровне были сформулированы традиционные российские духовно-нравственные ценности. А их защита объявлена одним из приоритетов национальной безопасности, в том числе от нападков со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных и экстремистских организаций. Для противостояния чужеродному влиянию в Стратегии формулируется понятия культурного

суверенитета и единого культурного пространства российского общества. Авторами Стратегии называются не только консервативно-патриотические, такие как служение Отечеству и ответственность за его судьбу, крепкая семья, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, высокие нравственные идеалы, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, но и вполне либеральные в современном понимании, такие как жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность.

Еще ранее в 2012 г. в ФГОС. 18.2.3. сказано, что программа воспитания и социализации обучающихся при получении среднего общего образования должна быть построена на основе базовых национальных ценностей российского общества, таких, как патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, здоровье, труд и творчество, наука, образование, традиционные религии России, искусство, природа, человечество. А в сентябре 2022 г. в официальной речи Президент РФ В.В. Путин заявил, что основой сплоченности российской нации должны послужить суверенитет, свобода, созидание и справедливость. И в качестве нравственных базовых ценностей были названы человеколюбие, милосердие и сострадание. [3] По сути, базовые христианские ценности.

Как видим, набор ценностей, называемых базовыми или традиционными, достаточно широк. Они включают в себя и морально-нравственные, и гражданские, и государственно-патриотические. В то же время наблюдается стремление на государственном уровне концептуализировать эти ценности с целью использования их не просто для консолидации российского общества, но формирования нового мировоззрения молодого поколения. В частности, речь идет о пересмотре содержания предметов общественных наук и внедрении в учебные планы высшего образования базовой дисциплины «Основы и принципы российской государственности». Однако при построении такой политической идеологии остается важный социологический вопрос: насколько постулируемые ценности соотносятся с той ценностной картиной общества, которая есть в данный момент? Поскольку, как известно, ценностная картина мира не меняется в одночасье, да вообще с трудом меняется у взрослых.

Кроме того, стоит и помнить о неких ограничениях конструирования системы «господствующих» ценностей. И опасности мессианских идей. В дореволюционной России конструировали одну русскую мессианскую идею, закончилось крахом империи. В Советском Союзе другую мессианскую идею, а закончилось все крахом советского общественного строя. Абсолютизация конструируемых ценностей с большой тенденцией ведет к ценностному разрыву и опасности резкой идеологической делигитимации в кризисных условиях.

Между тем какие-то базовые национальные ценности в российском обществе есть. Но насколько они соответствуют заявленным постулатам в эмпирическом плане недостаточно верифицировано. Кроме того, не следует путать базовые национальные ценности и политические ценности, базовые национальные ценности и традиционные ценности. Они могут в отдельных случаях совпадать, но в целом это ценности второго порядка. Гражданская нация объединяется не только на основе традиционных ценностей, а политические ценности преимущественно связаны с господством той или иной политической силы, идеологии. Базовые же национальные ценности – это социокультурный базис общества, отличающий его от других обществ, определенный сплав традиций и инноваций, определяющий его уникальные черты. Они влияют на историческое сознание как живую нить прошлого-настоящего-будущего. И далее можно говорить о формировании национальной идентичности и гражданского сознания.

По результатам всероссийского опроса 2019 г. (N=1600), проведенного Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ, среди ценностей, разделяемых российскими гражданами, преобладают – мир (32,1%), достоинство (10,8%), свобода (10,5%), порядок (10,4%) и правда (9,7%). Их можно назвать ценностями так называемого первого порядка. Ориентация на мир значительно превышает другие ценностные

ориентации россиян, что напрямую свидетельствует о значимости для них не только стабильности, но особой гуманистической направленности социальных связей, а также идеалов духовного единения. «Квадрат» (примерно по 10%) ценностей достоинства, свободы, порядка и правды хорошо описывает сбалансированность модели общественно-политического устройства как баланса между свободой и порядком, человеком и государством. Необходимо также отметить, что идея справедливости в русской традиции заключена в ценности правды. Ценности равенства (6,7%), веры (5,7%) и достатка (4,7%) можно назвать ценностями так называемого второго порядка. Они в некоторой степени разноплановы и связаны с тремя идеологиями: социалистической, консервативной и либеральной. Эти три силы в настоящее время активно конструируются в дискурсивном политическом поле и в перспективе могут составить основы для парламентских партий. К сожалению, негативное значение для целей консолидации российского общества имеет низкая ценность солидарности (менее 3%).

Общий исследовательский вывод заключается в утверждении, что российское общество может быть стабильным и в то же время плюралистическим и открытым при сохранении ядра традиционных духовно-нравственных ценностей. Надо понимать и в научно-практическом плане обосновывать, что российские ценности могут быть и консервативными, и либеральными, и религиозными, и светскими. При этом гражданское сознание должно формироваться не через конфликт ценностей, а через их синтез. Именно в конфигурации и определенном сплаве ценностей видится их рассмотрение как базовых национальных ценностей, а не взятых сами по себе.

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. N 413) [Электронный ресурс] <https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9baf6e0/>

3. Путин заявил, что России нужна консолидация всего общества [Электронный ресурс] <https://tass.ru/politika/15921565>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВЫЗОВА.

Салимгареев Максим Владимирович

(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Уникальная событийность текущей ситуации, безусловно прерывает сложившийся ритм социальных процессов и подталкивает к осмыслению проблем трансформации общероссийской идентичности.

Если рассматривать трансформацию идентичности абстрактно, то вполне вероятно перед нами возникнет форма особого взаимодействия с реальностью, а из него может появиться экзистенциальный поворот в восприятии индивида или группы, где возникающие изменения можно описать термином преобразование.

Преобразование идентичности как событие, как внутренняя, когнитивная ситуация по своей сущности выпадает из круга повседневности поскольку связано с потрясением основ сложившейся жизни и возникающей на ее основе самоидентификации. Оно по своей сущности выступает на границе разрыва привычных связей и значений. Важно заметить, что преобразование, связанное с восприятием своего образа, не выступает в форме плана, проекта, программы или доктрины, поскольку призвано к преодолению отрицания возникшей ситуации вызова. Например, конкретный субъект в рамках своей повседневности погружен в бесконечную череду повторяющихся правовых,

экономических, культурных и иных действий, через которые реализуются его функциональная определенность, системная обусловленность, подкрепляемая стабильностью социальных связей. Однако, его сознание, вернее сказать способность последнего к воображению, как известный результат когнитивной революции, принципиально способно к такому взаимодействию с реальностью, когда всё может начаться с исходных позиций.

Изменение траектории своих ментальных и социальных маршрутов, может проявиться в виде полного и резкого изменения существующего типа идентичности. Если всмотреться в геополитический слой текущего момента как в экзистенциальную ситуацию вызова, то в нём можно обнаружить то, что вмещается в понятие неопределенности. Последняя в своей структуре имеет два уровня. На первом находится её субстанциональные инстанции, на втором процессуально изменяющиеся смыслы и ценности в их исторической перспективе.

Очевидно, что современные политические, социальные, экономические и иные события находятся в каком-то отношении к друг другу, что порождает ситуацию, когда они как социальная энергия овладевают смыслом, так что последний только и способен к учреждению новой системы категорий, приемлемой в настоящий момент времени. Все происходящие события в ситуации неопределенности производят и учреждают новые взаимосвязи и новые завязи социальных смыслов, а значит способны к трансформации идентичности.

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ

Саркисов Артем Олегович
(ВГУ филиал РАНХиГС)

Актуальность исследования заключается в том, что Россия на протяжении последних десятилетий находится под жестким давлением со стороны современного мира, который предлагает нам современные веяния 21 века. Это касается не только социальной или культурной жизни, но и управленческой и экономической структуры. Стиль управления, по современным меркам, должен быть демократическим со всеми его особенностями. Данную тенденцию мы приняли в 90-х годах прошлого столетия и введем ее до сих пор. Однако, российскому государству свойственны патерналистские отношения между гражданами и государством, что в свою очередь не очень хорошо сочетается демократическим режимом. В России видится собственный путь в управленческой структуре, который будет независим от остального мира.

Стиль управления – это метод управления, который определяет дальнейшее поведение в управленческой структуре сложной системы от организации до государства. Модель управления государством непосредственно влияет на развитии общественного сознания населения страны.

На протяжении более 13 столетий в России формировался собственный стиль управления, который претерпевал множество изменений, однако основная идея данного стиля не менялась. Формула проста: сильный лидер-сильная страна. Данный тип управления был присущ России на всех его этапах начиная от княжеской Руси и заканчивая нашими днями. Данная модель отложилась в умах российского народа, вошла в его менталитет и воспринимается до сих пор как норма. На основании этих данных родилось множество теорий и моделей, которые наглядно показывают, что при жесткой и авторитарной власти российского государство входило в этап расцвета, экономики, промышленности, агрокомплекса и т.д. А при более либеральной и демократической власти некоторые аспекты приводили к упадку и потрясениям. Поэтому хочется

рассказать о данной характерной особенности управленческой модели России, как авторитаризм[3].

Складывание авторитарной модели управления сформировалось под воздействием ряда факторов, которые отчетливо были видны на Руси и в будущей Российской Империи. Все эти составляющие формировали в умах население представления о сильной власти и жестком управлении, которая послана им Богом для защиты и покровительства. Такой вид отношений между государством и обществом называется патерналистским. Государство поддерживает население, обеспечивает ему базисные потребности, а население в обмен на данные предоставленные блага позволяет государству диктовать свою модель жизни в обществе и его основ в публичном и частном характере. Данная тенденция в российской истории прослеживаются довольно четкие подробные отношения. Примером может стать, начинающиеся при Иване 3, закрепощение крестьян. Их привязанность к господину или земле была сильной, так как крестьяне понимали, что, дав государству власть, то оно их защитит от внешних и внутренних угроз. Они были готовы работать на земле помещика и восхвалять «богом данного» правителя, который дал им свободу от врага и других бед. Эти отношения очень сильно укрепились в сознание людей и давали почву для создания авторитарного режима. Решающим фактором укрепления авторитарной власти в советское время можно считать лидера, обладающий признанием большей части нации, что позволяет ему удерживать власть мирным путем определенной политической силы. Следует отметить, что также, как и до этого в СССР прослеживается тенденция патерналистических отношений. Советский народ доверился государству, дал ему неограниченные полномочия в создании некоей модели государства, так как оно защищало их и строило идеальное коммунистическое общество, в которое все верили и надеялись[4].

Авторитарный стиль управления в России из столетия в столетие не изменяется, меняется лишь только форма преподнесения народу, данного стили: вера в сверхъестественность монарха, сильная идеология, двигающая народ на определённые цели, или надежда на создание гражданского общества с развитыми институтами политической власти в государстве. Все это на протяжении 1138 лет сформировало в умах людей мысли о том, что по-другому как иметь патерналистические отношения с государством не является нормой и правильным. Русский народ подчиняется, видя в этом нормальный ход событий и правильный сценарий их жизни. Данный аспект уложился в менталитете России, который в большинстве своем не приветствует митинги, демонстрации за изменение чего-либо, т.к. не видит в этом большого смысла исходя из выше сказанного в работе. Из смешения в 90-е годы авторитарного и демократического режима получился гибридный стиль, который вобрал в себя многовековую тенденцию авторитарности и либерализацию, и демократизм 90-х годов прошлого столетия[1].

В современной России каждым годом личная власть Президента увеличивается и становится все более авторитарной по отношению к политической сфере, заставляя ее при любой ситуации учитывать мнение Президента. Институт Президентства в РФ является основой для формирования авторитарного стиля управления, который, однако, сдерживается правовыми основами государства в рамках разумного и приемлемого.[2] Авторитарный стиль управления годами формировался на основе харизматического стиля лидерства, которому присуще подчинение себе важных общественных институтов и решение важнейших государственных задач на уровне собственной интуиции и догадок, не учитывая мнение остальных государственных органов, отвечающим по данным вопросам и задачам[5].

Признаки авторитаризма не очерняют власть и ее стиль управления, так как данный стиль довольно закономерен в России уже на протяжении более 1000 лет российской истории. Авторитарный стиль управления в России присущ всем сферам общественной жизни, например крупному бизнесу или системе здравоохранения. Тенденции к авторитарности исторически сложились и уже возникает некая сложность в либерализации или демократизации управленческой структуры в России. Авторитаризм

не является отрицательной или негативной тенденцией в российской обществе, а наоборот является единственным верным способом управления огромной страной и таким же огромным бизнесом. Формирование данного стиля управления в нашей стране подчеркивает отличие от остальных стран. Нельзя говорить о том, что сформировалось единое национальное сознание, которое развивается с каждым годом. Наоборот мы не пришли к такому сознанию и поэтому та модель управления, которая развивается в нашей стране подталкивает нас к объединению и созданию общественного сознания ни как совокупность отдельных национальностей и народностей, а как единой нации с сформировавшимися принципами и устоями!

1. Альшиц, Д. Н. *Начало самодержавия в России* / Д. Н. Альшиц. – Москва : Наука. Ленинградское Отделение, 1988. – 246 с. – Текст : непосредственный.
2. Ворожейкина, Т. Е. *Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия* / Т. Е. Ворожейкина. – Текст : непосредственный // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. – 2009. - № 4. – С. 50-68.
3. Ключевский В.О. *Курс русской истории : полный курс лекций* / В. О. Ключевский. – Москва : Мысль, 1995. – 774 с. – Текст : непосредственный.
4. Рыбаков В. А. *Советское государство: эволюция политического режима* / В. А. Рыбаков. – Текст : непосредственный // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. – 2016. - № 3. – С. 32-38.
5. Салимьянова, Э.И. *Формирование авторитарного режима в России в наши дни* / Э. И. Салимьянова. – Текст : непосредственный // *Инновационная наука*. – 2017. - № 4. – С. 149-150.

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО РАЗОБЩЕНИЯ

Сащенко Наталья Петровна

(Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН)

Актуализация проблемы национально-государственной идентичности продиктована сегодня процессами дальнейшего экономического расслоения и социального разобщения общества в условиях вызовов внешней и внутренней среды, выраженных в поляризации общества по типу «свой» - «чужой», фрагментации идентичности по модели «все против всех» и трансформации социальных представлений о своей стране.

Противоречивый характер восприятия социально-политических процессов в российском обществе после начала специальной военной операции 2022 года, по мнению многих ученых, усилился, демонстрируя два основных направления: от социальной интеграции (консолидации) и до социальной дифференциации (фрагментации). Ученые фиксируют такие явления как социальная консолидация, солидаризация, сплочение, так и социальная фрагментация, раскол, рост интолерантности к другому [1, 11-20; 2; 3]. Для анализа и последующего объяснения этих процессов представляет интерес обращение к теории «сообществ судьбы» Петера Бэра. Эта теория попадает в поле теорий конфликта, социальных ритуалов и мобилизации ресурсов, динамику которых она отражает. В то же время, анализируя социальную энергию через призму условий сплоченности-солидарности, можно выйти на научную проблему недостаточности некоторых условий предложенного подхода для анализа национальной и временной специфики российского общества [4].

Концептуально мы исходим из того, что российская идентичность динамично формируется в политическом, историко-культурном и геополитическом контекстах. Поэтому в ее анализе мы опираемся на философский (5) и социологический (6; 7; 8) подходы при объяснении переходного состояния общества, «социальной травмы»,

«культурной травмы», «промежуточной модальности развития». А переход от теории социальной дифференциации (9) к современным социологическим теориям радикального модерна (10) позволил увидеть наличие противоречий в социальной рефлексии изменяющейся реальности. Социальные представления, являясь неотъемлемой частью социального мышления, испытывают непосредственное влияние любых изменений глобального контекста, что проявляется в изменении их содержания. Поэтому в анализе социального мышления, в частности трансформации социальных представлений, потребовалось обращение к социально-психологической теории социальных представлений С.Московичи для определения смысловых рамок восприятия социальной реальности, задающих направленность изменений и устойчивость национально-государственной идентичности [11].

Были применены следующие методы исследования: онлайн-опрос молодых пользователей социальных сетей с включением проективных методик; методика свободных ассоциаций, направленная на выявление социальных представлений по Ж.-К.Абрику; контент-анализ высказываний качественно-количественной модификации; метод прототипического и категориального анализа по П.Вержесу. Для выявления риска ослабления национально-государственной идентичности и ее иерархизации применена широкая системная экспликация семантики и синтаксиса слов, имплицитно свернутых в социальных представлениях о мире политического. При экспликации психического в социальных представлениях обнаруживается слоистое строение категориальной структуры сознания, включающее в себя центральную зону устойчивых представлений и зону потенциальных изменений. В зоне ядра обнаруживается двойственное толкование основных элементов социального представления о России («Россия» как страна и «Россия» как государство, в том числе с позитивной и негативной коннотациями одновременно; исчезновение из ядра социального представления ассоциаций и образов, связанных с культурой; «гордость» за прошлое и «стыд» за настоящее, «Россия-дом» как родной очаг и «Россия-дом» как брошенное место), что актуализирует проблему национально-государственной идентичности в историко-культурном контексте.

Исследованы структурно-функциональные и содержательно-морфологические характеристики социальных представлений о России. Выявлены различия в социальных представлениях молодежи разных категорий, а также обнаружены различия в значимости и валентности элементов зоны «ядра» [12]. Анализ динамики восприятия основными группами и слоями населения социально-политической ситуации в России 2020 - весной 2022 года позволит автору в следующей работе выявить и описать структуру адаптационного механизма массового сознания к травмирующему периоду неопределенности переходного состояния общества.

Выводы:

Выявлена деформация социальных представлений сетевого сообщества в сторону их упрощения и внутренней противоречивости, что свидетельствует об отсроченных рисках нестабильности социальных систем.

В период неопределенности переходного состояния общество реагирует пересечением двух процессов: социальной консолидацией/социальной фрагментацией. Автор определяет консолидацию российского общества в последний год как ситуативную; обозначает важность научных исследований условий этих процессов, в первую очередь таких переменных как: национально-государственная идентичность, морально-нравственная плотность, чувство социальной взаимосвязи, психологическое состояние общества, отношение к экономическим преобразованиям, отношение к политическому курсу страны, «социальный язык» (темы, метафоры, энергетика высказываний), и социально-политические риски, носящие отложенный характер.

Это в первую очередь риски трансформации социальных представлений, социальной и национально-государственной идентичности, искажения адаптационных механизмов массового сознания в социально-политическом пространстве и как следствие,

– риски деградации социальной ткани. Переходное состояние общества усложняется, ослабляя или тормозя важные адаптационные социально-психологические механизмы, выводя проблему сложности переходного состояния из аналитического поля социальных наук в междисциплинарное пространство.

1. Макушева М.О. «Конфликт и солидарность». Как конфликт России и Украины проецируется на общественное мнение россиян // Социодиггер. 2022. Июль. Том 3. Выпуск 7(19): Радикализация. Поляризация мнений и разрывы в коммуникации. – 66 с.
2. Амбарова П.А. Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования, 2022, № 1. С. 41-51.
3. Ким А.С., Полоюшкевич О.А. Социальная солидарность через просоциальные практики гражданских активистов и волонтеров// Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы: Материалы VIII Международной научно-практической конференции/ Под общей редакцией О.А. Полоюшкевич. Иркутск, 2022. 307 с.;
4. Baehr P. (2005) Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS. *European Journal of Sociology*, 46 (2).
5. Зиновьев, А.А. На пути к сверхобществу. «Издательство АСТ», 2008, 335 с.
6. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 1997.-270 с
7. Штомпка П. Социальное изменение как травма//Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.
8. Тоценко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). Москва: Издательство «Весь Мир», 2020. — 352 с.
9. Luhmann N. *The Differentiation of Society*. New York: Columbia University Press, 1982.
10. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
11. Moscovici S. *La psychanalyse, son image et son public: Etude sur la représentation sociale de la psychanalyse [Psychoanalysis, its image and audience: Study of the social representation of psychoanalysis]*. Paris, France, 1961. 650 с.
12. Сащенко Н. П. Рискогенный потенциал идентификационных процессов в российском сетевом сообществе//Третьи декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Вызовы пандемии, парламентские выборы и стратегическая повестка дня для общества и государства: материалы науч.-практ. конф. (Москва, 24 декабря 2021 г.) / Отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 193 с./ С. 104 – 115.

О СООТНОШЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сикевич Зинаида Васильевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В связи с феноменом национальной идентичности важнейшим представляется вопрос о соотношении «национального» и «этнического» в массовом сознании граждан .

Судя по данным исследований, которые проводились коллективом лаборатории этнической социологии и психологии факультета социологии под руководством автора (2011 – 2021 гг.) соотношение этнической и национальной идентичности может выражаться в следующих формах:

Доминирующая этническая идентичность. Этническое самоопределение существенно преобладает над национальным, национальный компонент самосознания хотя и сохраняется, однако носит второстепенный характер (например, «я прежде всего татарин, но и россиянин тоже»). Эта форма является ведущей для представителей «нерусских» народов России, живущих в пределах своих национальных образований.

Национальный нигилизм на фоне этнического фанатизма. Этническая идентичность не просто доминирует, но приобретает агрессивный характер интолерантности, национальный компонент полностью отсутствует (например, «я –

татарин, в силу гражданства вынужденный быть россиянином»). Эта форма носит маргинальный характер и является ведущей для представителей радикальных националистических движений и организаций в национальных образованиях РФ.

Доминирующая национальная идентичность. Национальное самоопределение заметно преобладает над этническим, хотя этнический компонент также сохраняется (например, «я прежде всего россиянин, но и татарин тоже»). Эта форма является основной для -1) для представителей «нерусских» народов России, живущих за пределами своих национальных образований; 2) для части русских, живущих в пределах национальных образований других народов РФ; 3) для выходцев из смешанных семей, затрудняющихся в этническом самоопределении.

Этническая и национальная индифферентность. Оба компонента выражены слабо, не актуализируются в сознании и поведении (например, «то, что я татарин и россиянин, мне совершенно безразлично»). Эта форма соотношения этнической и национальной идентичности присутствует в сознании граждан РФ независимо от их этнической принадлежности, преимущественно младших возрастных групп.

Сдвоенная идентичность. Этнический и национальный компонент в сознании индивида совпадают. Эта форма типична для русских («я – русский и одновременно россиянин»).

Национальный фанатизм на фоне этнического фанатизма. Эта форма является маргинализацией сдвоенной идентичности и присутствует в форме выдвижения националистических лозунгов типа «Россия – для русских» и может иллюстрироваться таким примером «я – русский, и только русские и есть настоящие россияне».

Национальная идентичность проявляется в форме признания определенных базовых символов, которые составляют основу национальной солидарности. К ним могут быть отнесены следующие:

символы патриотизма как интегральная характеристика национальной идентичности, включающая признание и освоение государственной символики (в частности, гимн, флаг и герб);

национальная идея;

исторические символы;

культурные символы;

язык как символическая среда функционирования национальной солидарности;

морально-этнические символы;

символы образа жизни (символы повседневности)

Система символов выполняет защитно-адаптивную и консолидирующую функцию в формировании и утверждении национальной идентичности. Формирование системы символов происходит в ходе первичной и вторичной социализации как семейной, так и институциональной.

ВЫЗОВЫ И УЯЗВИМОСТИ РОССИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ

Сирота Наум Михайлович

(Государственный университет аэрокосмического приборостроения)

В 2020-гг все более отчетливо проступают признаки цивилизационного разлома мироустройства. Усиливается тенденция к изменению глобального баланса сил в пользу азиатского ареала. Приближается к биполярному противостоянию глобальное соперничество США-КНР, которое становится драйвером и ключевой осью динамики мировой политики, экономики, безопасности. В международном плане действует комплекс факторов, создающих угрозу российской государственности.

1. В развернувшемся военно-силовом соперничестве Россия является относительно слабым актором и прежде всего с точки зрения экономики, в которую интегрирована

прежде всего в качестве сырьевого придатка Ее доля в ВВП мира в 2020 г. составляла 1,7% в то время как США – 24,8%, Китая – 17,4%, Еврзоны – 17,2%. По номиналу ВВП у России 11-е место в мире [1].

2. Противостояние России с Западом по ряду параметров обладает признаками холодной войны с увеличивающейся вероятностью конфронтационного сценария. Немыслимая еще недавно масштабная война может стать возможной из-за конфликта на Украине, ставшего самым острым кризисом в Европе после 1945 г. Актуальна мысль американского политолога Р.Легвольда о том, что вероятность такой войны может оказать некоторое положительное влияние, привнеся осторожность в растущее стратегическое соперничество великих держав и усилив их стремление лучше управлять своими ядерными отношениями [2].

3. Повышение мировой значимости Китая создает для России опасность оказаться в неприемлемой для себя роли «ведомого» партнера, утратить позиции в региональных сферах своего влияния, особенно в Средней Азии. В глобальной стратегии КНР, ориентированной прежде всего на доступ к сырьевым ресурсам, России отводится роль прежде всего поставщика сырья. При обострении противоречий Китая с соседями по региону или отношений с Соединенными Штатами Россия может оказаться втянутой в конфликт, создающий угрозу её безопасности.

4. У России есть ненадежные ситуативные попутчики, но нет союзнических связей, основывающихся на общности идеологических и политических позиций. Российская внутренняя и внешняя политика нередко сохраняет явственный отпечаток характерной для прошлого авторитарно-имперской традиции,стораживающей потенциальных партнеров по союзам и коалициям. Неопределенность и нестабильность окружения России затрудняет выстраивание с кем-либо отношений на длительную перспективу

5. В обстановке обостряющегося геополитического соперничества и взаимозависимости между двумя наиболее мощными центрами силы современного мира – США и Китаем оптимальная стратегия России, на наш взгляд, должна состоять, во-первых, в сохранении самостоятельности как от Запада, так и от Китая; во-вторых, в максимальной прагматизации внешней политики для укрепления своих позиций на обоих направлениях сотрудничества; в-третьих, в налаживании сбалансированных отношений с Индией, Японией и государствами Юго-Восточной Азии; в-четвертых, в позиционировании России в качестве лидера государств, не приемлющих ни американской, ни китайской гегемонии и стремящихся к самостоятельному развитию

1. Данные по статье: Миркин Я. Россия в глобальной политике. Финансовой // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. №6. С. 245-254. [Электронный ресурс]. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossia-v-fin-politike/> (дата обращения 01.12.2021).

2. Легвольд Р. Ядерное оружие и ядерная война: распространение и обладание. Россия в глобальной политике. 2022. – Т. 20. – № 3. – С. 100-104. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rasprostranenie-i-obladanie> (дата обращения: 20.06.2022).

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГУБЕРНАТОРОВ "НОВОЙ ВОЛНЫ"

*Слатинов Владимир Борисович
(ФГБОУ ВО "Курский государственный университет")*

Во второй половине 2010-х годов кадровая политика федерального Центра претерпевает серьёзную трансформацию, она становится ориентированной на обширную ротацию корпуса глав российских регионов, кроме того, в качестве доминирующего

типажа руководителей территорий выступают так называемые губернаторы «новой волны». Появление этой когорты было обусловлено расширяющимся после завершения «крымской весны» спросом населения на переориентацию политической повестки в пользу решения внутренних, прежде всего, экономических, социальных и инфраструктурных проблем. Ответом руководства страны на изменение социально-политических запросов общества стала «технократизация» исполнительной власти. Базовая идея «технократического транзита» состояла в том, чтобы, не меняя существующие институты, провести в них кадровую ротацию и использовать современные практики управления (проектный подход, систему KPI и проч.)

С 2017 года наблюдалась высокая динамика кадровых изменений в руководстве российскими регионами. За 2017-2022 годы состоялось 95 кампаний (включая - досрочные) по прямым выборам глав субъектов РФ. В ходе прямых выборов за 6 лет было избрано 65 новых глав территорий. Новые главы регионов в подавляющем большинстве состояли в специально сформированном кадровом резерве, а также прошли обучение по программе подготовки руководителей территорий в РАНХиГС при Президенте РФ (45 человек по состоянию на осень 2022 года).

Для направляемых в регионы представителей «новой волны», большая часть которых ранее работали на федеральных управленческих позициях, важнейшим залогом успешности является способность к быстрому знакомству с регионом и его особенностями, а также освоение компетенций по управлению территориями. Основным фактором поддержания легитимности власти является краткосрочный эффект обновления руководящих позиций в регионе. Дееспособность политической стратегии и устойчивость позиций внутри территории определяется характером «врастания в почву», то есть особенностями взаимоотношений с местными элитами. Игра на «эффекте обновления» и внешнем контрасте с прежним правлением стимулирует к проявлению «отзывчивости» и формированию новых механизмов участия гражданского общества в определении повестки дня, однако, возникают сомнения в устойчивости этих механизмов за пределами избирательных кампаний. Политически выигрышной на старте правления является также «инфраструктурная повестка» с акцентом на дорожное строительство и обновление городской среды, однако, и она опирается в фактор времени и ресурсной обеспеченности. Будучи ресурсно и институционально зависимыми «операторами» федерального политического курса, губернаторы «новой волны» обнаруживают явный дефицит «авторской повестки», что актуализирует проблему их вклада в процесс регионального развития в средне и долгосрочной перспективе.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРФОРМАТИВНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Снегур Маргарита Романовна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Проблема национальной идентичности приобретает особо значимый характер на сегодняшний день в силу глобальных противоречивых процессов, которые, с одной стороны, размывают национальные границы, а с другой – способствуют укреплению национального самосознания. Рост уровня международной торговли, количества различных союзов и договоров, стандартизация системы образования, повышение уровня географической мобильности, распространение интернет-технологий обусловили появление и развитие транснационализма и значительный уровень взаимозависимости государств. В то же время происходит рост роли нации в общественных процессах на разных континентах, и можно говорить о смещении фокуса внимания на национальный уровень, что находит свое выражение в успехах правонационалистических политических идей, в неодобрении гражданами расходования бюджетных средств в пользу беженцев и

мигрантов, в стремлении к наращиванию темпов отечественного производства и т.д. В период нестабильности и непредсказуемости люди особенно стремятся быть причастными к большой группе, близкой по мировосприятию, и разделять с ее членами общие победы и страдания.

Российская молодежь, как наиболее активная демографическая группа, также включена в эти процессы и находится на их стыке. С одной стороны, данная возрастная группа (от 14 до 35 лет) социализировалась в период бурного развития технологий, интернета, массовой культуры, международных стандартов образования, программ академической мобильности и т.п. Иными словами, была активна включена в международные глобальные процессы. С другой стороны, сегодня социально-политические условия меняются, и значительно большее внимание уделяется патриотическому воспитанию, росту уровня национального самосознания в образовательных учреждениях. Более того, ряд исследователей отмечают рост уровня политической активности современной российской молодежи [1;2;3], что зачастую встречает различные оценки представителей старшего поколения. Выражение недовольства и критика действующей власти воспринимается как показатели отсутствия национальной принадлежности, а одним из вариантов представления современной молодежи является их описание в медиа как не патриотов, которые забыли традиции и корни.

Процесс нациестроительства, реализуемый различными социальными институтами, предполагает создание определенного поля символов и образов, которые составляют коллективную память и становятся ресурсами для конструирования чувства принадлежности к нации конкретного индивида. Значительную роль в этом играет политика памяти или историческая политика, которая реализует свои функции необязательно в негативном контексте. В процессе коммуникации многие символы присваиваются индивидами в результате воздействия на чувственную составляющую, а современные технологии позволяют использовать различные приемы для воздействия на восприятие человека и трансформацию его ценностных ориентаций.

В то же время конструирование национальной идентичности разворачивается и на индивидуальном уровне. Материалом для этого процесса являются повседневные практики, часть из которых наделяются национальными смыслами. Национальные символы и образы, оформленные в определенные ценностные установки, становятся ориентирами, обуславливающими ежедневный выбор модели поведения в различных социальных ситуациях.

Таким образом, современная российская молодежь находится в сложных условиях, когда в общественном пространстве существует множество различных маркеров национальной идентичности, в том числе имеющие также и разные смыслы. Коллективная память, межпоколенное взаимодействие, символы и образы могут предлагать определенный идеальный тип национальной идентичности, выражаемый в повседневных практиках. С другой стороны, результаты активной социокультурной трансформации глобального пространства также оказывают влияние на восприятие и усвоение национальных образов, что создает предпосылки для несоответствия в понимании национальной идентичности социальными институтами и самими молодыми гражданами.

1. Попова О. В. Модели идентичности политических акторов в современной России // *Политическая наука*. 2018. №2. С. 173-194.
2. Трынов Д.В. — *Политическое участие молодежи: поддержка vs протест* // *Социодинамика*. – 2019. – № 12. – С. 298 - 314. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195.
3. Франц В.А. Особенности распространения протестных настроений в среде российской городской молодежи в условиях информационного общества (на примере Екатеринбурга) // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*, 2020, №3, стр. 61-80.

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО»

Старовойтова Снежана

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90025

В современном мире не существует четко унифицированного определения понятия «национальные меньшинства». Международное право не дает универсального определения данному термину, однако, это не говорит о том, что международное сообщество полностью игнорирует проблемы, связанные с национальными меньшинствами. Существуют примеры, когда отсутствие всеобъемлющего определения данного понятия не создает препятствия на пути эффективной защиты прав национальных меньшинств. Однако все же выработка единого определения является одной из главных проблем международного права и принципиальным вопросом для самих национальных меньшинств.

Трудности при выработке универсального понятия «национальные меньшинства» связаны с существованием большого количества различных групп, разнообразием ситуации, а также различным отношением государств, политиков, ученых и представителей самих меньшинств к данному вопросу.

Существует большой спектр классификаций представителей меньшинств по различным признакам: этническим, конфессиональным, языковым. Однако не все этнические и другие характеристики способствуют образованию национального меньшинства. Как правило, конфессиональная, языковая или этническая особенность каждая по-отдельности является решающей в формировании соответствующих ей меньшинств.

Национальные меньшинства являются разновидностью меньшинств, и в то же время имеют свои особенности. К таким особенностям можно отнести количественный критерий. Для того чтобы группа могла быть признана национальным меньшинством, она должна быть меньше по численности, чем другая этническая группа. Такое мнение представляется весьма резонным уже потому, что оно напрямую вытекает из этимологии слова «меньшинство» [1, 35]. Однако в каждом государстве национальные меньшинства составляют различное процентное соотношение от числа этнического большинства. Кроме того, существуют ситуации, в которых ни одна из групп не составляет этническое большинство. Или же некоторые группы могут представлять собой меньшинство с точки зрения всего населения страны в целом, однако являться большинством в определенных регионах [1, 35]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что абсолютизация количественного критерия при определении национального меньшинства не всегда является оправданной.

Также национальным меньшинствам характерен критерий недоминирования. Защита меньшинств оправдана только в том случае, если меньшинство не занимает доминирующего положения в государстве. Критерий недоминирования означает, что меньшинство не имеет возможности в полном объеме развивать свои культурные, языковые, религиозные особенности в государственной и общественной жизни [1, 35–36].

Одним из важных критериев национальных меньшинств является то, что они проживают за пределами своего национально-территориального и национально-государственного образования, в инонациональной среде, однако при этом соблюдают традиции, обычаи своей национальной культуры. Другими словами, представители той или иной национальности, не проживающие в стране своего национально-территориального и национально-государственного образования, но продолжающие свои

национальные традиции в инородной среде будут являться национальными меньшинствами. Таким образом, критерием, образующим группу национальных меньшинств, выступает их самобытность, связанная с национальной культурой.

Ввиду того, что объединяющим фактором группы того или иного национального меньшинства является общая культура, традиции, язык, историческая память и другие особенности, члены национального меньшинства выражают свои права коллективно. Однако, следует помнить, что коллективные права национальных меньшинств обладают своей спецификой, обусловленной целями и интересами. Как правило, целями национальных меньшинств являются сохранение своей национальной идентичности, самостоятельного решения вопросов развития языка, образования, национальной культуры. Это связано с тем, что в процессе интеграции национальных меньшинств в инородную культурную среду происходит внутреннее объединение представителей этнической группы, что способствует их коллективному сплочению [2]. Однако, коллективные права национальных меньшинств нельзя рассматривать как совокупность индивидуальных прав лиц, принадлежащих к этим меньшинствам. Это связано с тем, что именно в процессе объединения людей по признаку национального и культурного единства появляется новая категория общности, которая, согласно Т. Парсонсу, не равна сумме отдельных ее элементов, а является больше данной суммы [3]. Поэтому, необходимо различать права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам и права данной общности в целом. Вместе с тем, в случае, если коллективные права ущемляют права отдельного индивида, как отмечает Б. Н. Топорнин, то цели, объединяющие такую общность, антигуманны и противоправны [5].

В ситуации, когда речь идет о национальных меньшинствах, важно понимать, что существенным фактором является признание их государствами, на территории которых они постоянно проживают, именно «национальными» группами. Группы могут быть признаны национальными в случае, если они проживают на территории государства продолжительное количество времени. Помимо этого, данные группы должны преследовать свои цели, как правило, это цели сохранения и развития своей самобытности путем политического участия (партии меньшинств), что характерно понятию «национальность», так как данный термин, по мнению М. Я. Сарафа, характеризуется культурным и политическим компонентом [4].

Аккумулируя вышесказанное, несмотря на отсутствие единого универсального определения понятия «национальные меньшинства», существуют критерии, на основании которых та или иная группа может считаться национальным меньшинством. К данным критериям относят: количественный критерий (однако его абсолютизация не всегда является оправданной); критерий недоминирования; проживание за пределами своего национально-территориального и национально-государственного образования и, при этом, сохранение и развитие своих культурных особенностей; признание государствами, на территории которых они проживают, «национальными» группами. В процессе интеграции национальных меньшинств в инородную культурную среду происходит внутреннее объединение индивидов этнической группы, что способствует их коллективному сплочению для сохранения своей национальной идентичности, самостоятельного решения вопросов развития языка, образования и национальной культуры.

1. Катъко Н. С. Критерии определения меньшинства. – 2001.
2. Мукомель В. и др. Миграция в контексте межнациональных отношений // *Этнодиалог*. – 2014. – №. 1 (45). – С. 114–117.
3. Парсонс Т. Система современных обществ. – М. – 1998.
4. Сараф М. Я. *Нация, национальность, национальное культурное пространство* // *Пространство и время*. – 2016. – №. 3-4 (25-26). – С. 114–118.
5. Топорнин Б. Н. *Современный российский федерализм: человеческое измерение* // *Права человека и межнациональные отношения*. – 1994. – С. 4–37.

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Тартыгашева Галина Владимировна

(ФГБОУ ВО "Российский государственный гуманитарный университет")

В рамках глобального противостояния с Западом, проблемы сохранения национальной идентичности, сохранения территориальной и культурной целостности России, приобретают особую актуальность. Многонациональный и многоконфессиональный состав России, в современных условиях, можно интерпретировать, прежде всего, как угрозу и возможность для внутренней дестабилизации страны и разжигания межнациональных конфликтов.

Благоприятный тренд в сфере межнациональных отношений в России наблюдается начиная с 2016 года. Результаты последних исследований общественного мнения россиян (мониторинг ФАДН России, мониторинг ИСПИ ФНИСЦ РАН, общероссийские опросы ВЦИОМ, ФОМ за 2016-2021 гг.), фиксируют снижение роста межнациональной напряженности и числа межэтнических конфликтов. Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общей численности граждан Российской Федерации (2016 г. – 66 %; 2018 г. – 78,4%; 2020 г. – 81,1%, 2022 г. – 80,7%). Доля граждан, отмечающих отсутствие в отношении себя дискриминации по признаку национальной, языковой или религиозной принадлежности 2016 г. – 82%; 2020 г. – 84%, 2022 г. – 83,7%. [2] [3]

Согласно результатам мониторинга ИСПИ РАН, в рейтинге наиболее значимых угроз «обострение межнациональных отношений» занимает 18 место и кумулятивный процент за период мониторинга с 1992 по 2021 гг. составил порядка 11%. [4]

Согласно данным экспертных опросов 2019 и 2021 гг. «Мониторинг общественного мнения населения относительно актуальных социокультурных угроз», «Образ будущего России», проведенных Центром социологических исследований РГГУ, проблему сохранения общероссийской идентичности необходимо рассматривать на стыке нескольких актуальных задач: сохранение единства нации и целостности территории, сохранение единого культурного пространства и самобытности, предотвращение роста межнациональной напряженности и конфликтов, проблемы адаптации мигрантов.

Большинство экспертов в 2019 и 2021 гг. не сомневались, что Россия в будущем сохранит свою территориальную, культурную и национальную целостность: *«Она абсолютно безусловна. В государстве есть механизмы, чтобы эту целостность обеспечить и более того, в условиях монолитного государства, фактически, и как бы мы не говорили о многонациональном государстве, 84% - это государствообразующий народ. И в этом смысле, государство монолитное. Если государство не планирует идти на поводу у кого-то, то, мне кажется, это некая безусловная категория»* (Эксперт 1, 2019).

В рамках экспертного опроса 2021 г. эксперты отметили, те преимущества, благодаря которым Россия сохранит свою целостность: *исторический опыт* (Эксперт 6), *доминирование ценностей русской цивилизации* (Эксперт 4), *централизованное бюджетное финансирование* (Эксперт 8), *скрепах, зафиксированных в новой редакции Конституции РФ образца 2020 г.* (Эксперт 2), *суровые климатические условия, централистская политическая система и внутренняя интеграция народов России* (Эксперт 9), *трансформация в сторону унитарного централизованного государства* (Эксперт 3).

Большинство экспертов рассматривают угрозу обострения межнациональных отношений на территории России, как перманентно существующую. ¼ часть экспертов оценили ситуацию с межнациональными отношениями в России и в 2019 г. и в 2021 г. как спокойную, 1/3 экспертов предположили, что межнациональные противоречия в будущем в России будут возрастать.

«...они, несомненно, будут усиливаться, так как есть непреодолимые противоречия, связанные с разной скоростью модернизации, разной скоростью вестернизации российских регионов.... И эти люди приезжают в регионы, где приняты совершенно другие культурные модели, им становится там тяжело адаптироваться, и населению с ними тяжело общаться, поэтому межнациональные проблемы будут расти» (Эксперт 10, 2021).

Эксперты выделили определенные опасные тенденции, связанные с возможной дезинтеграцией страны в отдельных республиках Северного Кавказа, в Татарстане, Башкортостане, Калмыкии, Тыве, Якутии. И возможные противоречия в данных регионах, объясняются бедностью этих регионов, либо деятельностью националистически настроенных местных элит. Эксперты отметили, что привлечение мигрантов – необходимая мера в ситуации депопуляции населения, поэтому государству и обществу стоит всемерно способствовать их адаптации и воспитанию культуры толерантности среди населения.

Тем не менее, если в 2021 г. эксперты характеризовали ситуацию с межнациональными отношениями как спокойную, общероссийскую целостность как безусловную: *«Ну, это такая безусловная величина. На сегодняшний день, вообще никаких предпосылок к этому делу нет. Все движения, которые есть там, националистические, сепаратистские или какие-то такие, они, фактически, сегодня уже не функционируют. Это какие-то остались только некие безумцы в регионах» (Эксперт 4).*

То в настоящее время, проблемы внутрироссийских межнациональных отношений отошли на второй план, поскольку актуализация «антирусской» риторики, идеи «деколонизации» и борьбы за права нерусских народов, активно используются в качестве мощных инструментов ослабления России. Кроме того, современная ситуация со специальной военной операцией в 2022 г., беспрецедентное количество санкций и откровенная русофобия со стороны западного мира, привели к консолидации российского общества против «внешнего врага».

Конфликт в Украине спровоцировал на Западе очередной виток дискуссии о деколонизации России. 24 июля 2022 г. в Вашингтоне прошло очередное заседание Хельсинкской комиссии по правам человека на тему "Деколонируя Россию: моральный и стратегический императив", где в качестве основной идеи звучал тезис о том, что Россию необходимо «деколонизировать», чтобы она раз и навсегда стала «достойным участником европейской безопасности и стабильности».

Решение давно назревшего вопроса о «владычестве Москвы над коренными народами», чье «национальное самоопределение» Кремль «подавляет самыми жестокими методами», предлагается за счет распада государства и независимости многочисленных республик в составе Российской Федерации. В настоящее время межнациональная напряженность будируется с помощью воспроизводства в публичном информационном пространстве идеи геноцида нерусских народов, посредством их преимущественного участия в СВО в качестве «пушечного мяса». Появилось большое количество общественных организаций как в России, так и за рубежом, которые занимаются продвижением дискурса о «русском колониализме». Кроме того, ошибки и просчеты военкоматов на местах, в национальных республиках, после объявления частичной мобилизации, могут значительно повлиять на межнациональную напряженность в стране.

Таким образом, согласно данным экспертных опросов, эксперты в целом, весьма оптимистично оценили перспективы межнациональных отношений в контексте формирования общегражданской идентичности, но обратили внимание на угрозу мгновенной эскалации, тем более, в случае, намеренного раскачивания. Поэтому для сохранения и укрепления общегражданского единства существует необходимость постоянного мониторинга и профилактики межнациональных отношений, а также ответных информационных действий, разъяснения истинных намерений

заинтересованных субъектов политики. Кроме того, для гармонизации межэтнических отношений необходимо, прежде всего, создавать качественные условия жизни, обеспечивать рост уровня доходов и т.д.

1. Бабенков Р., Лихоманова Е. «Мы видим консолидацию как внутри страны, так и на передовой»// Известия. 08.09.2022 г. <https://iz.ru/1391909/roman-babenkov-elena-likhomanova/my-vidim-konsolidatsiiu-kak-vnutri-strany-tak-i-na-peredovoi>. (дата обращения 01.09.2022 г.)
2. Щеголькова Е.Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 499—520. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260> (Дата обращения: 20.04.2021 г.)
3. 29 августа 2022 года состоялась рабочая встреча Президента Российской Федерации Владимира Путина с руководителем Федерального агентства по делам национальностей Игорем Бариновым.// <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/29-avgusta-2022-goda-sostoyalas-rabochaya-vstrecha-prezidenta-rf-vladimira-putina-s-rukovoditelem-fadn-igorem-barinovyim> (Дата обращения: 10.09.2022)
4. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года: [бюллетень] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. – 68 с. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956> DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021 ISBN 978-5-89697-368-3

ТРЕНДЫ В СТРУКТУРЕ ИДЕНТИФИКАЦИЙ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА (КЕЙС Г. КАЗАНЬ)

Тузиков Андрей Римович

(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Зинурова Раушания Ильшатовна

(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Идентичность – важная составляющая культуры общества и не менее важная часть патриотического сознания. Молодежь в данном отношении – одна из важнейших социальных групп нашего социума, определяющее его будущее. Поэтому исследования динамики гражданских идентификаций молодежи являются актуальными.

Исследование российских общегражданских идентификаций студентов высшей школы было проведено осенью 2021 года. Выборку составили 842 студента вузов Казани. Использовалась случайная, стратифицированная выборка, что соответствовало целям исследования.

В социологии изучение идентификаций форматируется в рамках опросных методик (Тест Куна и Макпартленда и т.п.). В наших исследованиях идентификации замерялись блоком вопросов относительно того, с какими группами опрашиваемый ощущает общность. Предлагалось оценить степень общности с 1) гражданами России, 2) жителями СНГ, 3) жителями Республики Татарстан, 4) сверстниками, имеющими сходные интересы, 5) представителями своей этнической группы, 6) жителями г. Казань (своего города/села).

Абсолютный лидер идентификаций – это ощущение общности со своей семьей и друзьями (83,8%). Конечно, не стоит противопоставлять эту идентификацию другим, однако, на наш взгляд это говорит о недостаточной сформированности общероссийской гражданской идентичности и уровня доверия в нашем обществе. Поэтому и наблюдается повышенное тяготение к ощущению общности, прежде всего, со своей семьей и друзьями.

Феномен студенческой идентичности в гражданском плане – бинарность, то есть практически равное ощущение своей общности с Россией и Татарстаном. Но! Надо отметить, что более половины опрошенных ощущают в высокой степени общность со

своей этнической группой (даже несколько более чем с жителями Республики Татарстан и чуть меньше, чем с Россией в целом).

Для более детального рассмотрения вопроса идентичности было проверено, что в понимании студентов высших учебных заведений означает понятие «свой». Также этот вопрос мог стать проверочным для предыдущего признака идентификации. Полученные данные аналогичны распределению ответов на первый вопрос и практически подтверждают наш вывод относительно бинарности гражданской идентификации казанских студентов. Для «поколения цифры» также значительно выражена и «сетевая» идентичность (36,6% считают их «своими», а 37,6% считают их своими в какой-то степени). Для контроля студентам был задан вопрос: «Насколько для Вас важно чувствовать свою близость к...?» с просьбой оценить степень важности от 1 до 10 баллов (по возрастающей).

Первые места по суммарным баллам заняли близость с жителями своего города/села, членами семьи, гражданами России, жителями Республики Татарстан, представителями своей этнической группы.

Итоговым вопросом по блоку идентичности был проективный сюжет относительно того, кем Вы себя ощущаете, находясь за пределами Казани и Республики Татарстана. Указанная проективная ситуация ставит респондента перед необходимостью самоопределения с выбором своей принадлежности. Лидирует общероссийская идентификация (64,3%), на втором месте практически с равными результатами татарстанская и этническая идентификация (41,6% и 45,2% соответственно). На третьем месте «локальная идентичность» - принадлежность к своему городу.

Помимо прямой самоидентификации и распределения по степени локальности общностей, важным параметром является эмоциональный компонент. Так, задумавшись о том, о чем и о ком бы они скучали, и даже тосковали в случае переезда в другую страну, респонденты отвлекаются от «здесь и сейчас» и могут, отвечая на вопрос, проявить больше искренности и чувствительности, которую они прячут в повседневной жизни и взаимодействиях. Возможности выбора отражали те же маркеры идентичности, уже указанные выше. Наряду с «однозначными» ответами были и промежуточные опции типа «затрудняюсь ответить» и «испытывал бы редко». Распределение ответов было следующим: так часто испытывали бы тоску по стране, в которой родились, в случае переезда в другую страну - 42% (не испытывали бы 7,6%); испытывали бы тоску по народу, к которому принадлежите, в случае переезда в другую страну - 42,5% (не испытывали бы 10,3%); испытывали бы тоску по своему городу (селу) - 52% (не испытывали бы - 8,5%); испытывали бы тоску по возможности говорить на своем языке - 54,6% (не испытывали бы 6,7%); испытывали бы тоску по семье, родственникам - 75% (не испытывали бы - 3,2%); испытывали бы тоску по друзьям - 70% (не испытывали бы 3%); испытывали бы тоску по городам России - 28,1% (не испытывали бы 17,8%); испытывали бы тоску по природе своей страны - 48,1% (не испытывали бы - 9,1%). Результаты данного фрагмента исследования подтверждают в основном выводы, полученные на основе предыдущего блока вопросов.

Согласно авторскому подходу, гражданско-патриотическое сознание включает в себя, прежде всего, идентичность, маркеры которой были показаны выше, но и отношение к символам страны и символическим датам в истории страны. Важность преемственности в «ощущении страны» не вызывает сомнений, но не менее важно чтобы молодежь гордилась и настоящим своей страны. В рейтинге объектов гордости в современной России на первых местах: 1) наследие предков (Победа в Великой Отечественной Войне и территория); 2) дружба и сотрудничество народов России; 3) достижения культуры (литература, музыка, спорт), 4) научные достижения (в том числе космос); 5) построение сильного и независимого государства.

В качестве важнейших проблем, препятствующих росту гордости за свою страну, молодежь считает нехватку справедливости в окружающей жизни (38,6%), уверенности в

благополучном будущем (33,9%), уверенности, что не будет разрушительных социальных конфликтов (30,1%).

Локальные патриотические настроения, однако, не мешают принципиальной готовности покинуть и Татарстан, и Россию, в том числе и в ближайшее время. Свыше 60% студентов выразили в 2021 году готовность через какое-то время уехать в другие регионы России (прежде всего, в Москву и Петербург), а около 50% готовы это сделать в ближайшее время. Что касается выезда за рубеж, то около 50% готовы, или скорее готовы это сделать. Конечно, это только настроения и они не означают реальные действия для всех ответивших, но события конца сентября 2022 года показывают, что «уезжальные настроения» могут материализовываться.

В целях детализации «уезжальных» настроений за рубеж были заданы вопросы относительно приемлемости тех или иных условий, при которых студенты готовы уехать учиться или работать за границу. Результаты отражены в ниже приведенных диаграммах. Почти 70% готовы полностью и скорее готовы уехать за рубеж и остаться там на постоянное место жительства, НО! Сохраняя гражданство России. То есть гражданство России для них представляет ценность, с которой они бы не хотели расставаться. В тоже время мы видим, что суммарно около 35% допускают для себя и возможность ради учебы или работы за рубежом полный отказ от российского гражданства. Таковых трудно назвать в полной мере патриотами страны, даже если часть из них, проживая за границей они будут любить Россию и при определенных обстоятельствах помогать отстаивать ее интересы.

Таким образом, проведенное исследование показывает неоднозначность трендов в динамике гражданско-патриотической идентичности студенчества крупных городов-миллионников (типичным представителем, которых является Казань), что ставит вопрос об изменениях подходов и практик в государственной молодежной политике и системе высшего образования.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА УЧАСТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ВОПРОСАХ

Усольцев Антон Григорьевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Выстраивание диалога между органами власти, принимающими решения, и гражданами, на которых принятые меры оказывают непосредственное влияние, является неотъемлемой чертой современного государственного управления. Важность подобного механизма объясняется необходимостью взаимодействия власти и общества в целях формирования благоприятных условий в стране, улучшения качества жизни населения. А также для дополнительной легитимации управленческих решений государства, путем увеличения прозрачности государственной деятельности и вовлечения заинтересованных граждан в процесс обсуждения и принятия решений. Отсутствие диалога может привести к самым непредсказуемым и неблагоприятным последствиям: увеличение протестных настроений среди граждан; несогласие с принятыми решениями и как следствие, несоблюдение законодательных актов; увеличение недоверия к органам власти и др.

Происходящая повсеместно цифровизация и интернетизация сформировала у граждан желание принимать участие не только в различного рода коммуникациях, но и в процессах принятия решений, которые оказывают влияние на уровень их жизни [2, с. 35]. Подобное стремление привело к включению в публичный политический процесс большого количества акторов, не имеющего ресурсов для принятия решений. Однако игнорирование их интересов, как было сказано выше, влечет за собой негативные последствия. Продиктованные вышеуказанной тенденцией требования привели к

необходимости создания каналов для коммуникации с населением. Начинают формироваться цифровые платформы не для оказания тех или иных услуг, а для обсуждения общественно значимых тем различными акторами: государственными агентами и гражданами. Современные цифровые информационно-коммуникационные технологии позволяют населению принимать электронное участие, которое подразумевает набор технологий, предназначенных для обеспечения электронного взаимодействия органов власти с гражданами с целью учета их мнения во время принятия решений [4, с.

454]. Цифровые платформы образуют новый и дополнительный способ коммуникации органов власти с населением в качестве партнеров. Это, в свою очередь, способствует повышению уровня открытости политических институтов, снижению протестной активности [1, с. 147-150].

Также для понимания мотивации создания цифровых платформ обратной связи государственными органами и верным представляется упоминание классификации гражданской активности С. В. Патрушева, который выделял гражданское участие и гражданское действие [3, с. 25-26]. Первый тип подразумевает публичную активность, которую принято связывать с реализацией прав и свобод, что, в свою очередь, позволяет достигать индивидуальных, групповых и общественных целей в существующих институциональных и нормативно - правовых рамках. Второй тип - гражданское действие - направлен на публичную активность, целью которой является трансформация существующих институциональных практик и законов. Гражданское действие встречает больше преград и трудностей, чем гражданское участие, потому что данному процессу противодействуют репрессивный механизм, силовой аппарат, бюрократия и другие организационные препятствия.

Ввиду вышесказанного, логичным представляется вывод о том, что каналы коммуникации, формируемые государственными органами благодаря цифровым технологиям, своей целью имеют ограничение появления гражданских действий, которые бы подвергали опасности стабильность государства и институциональные рамки. Таким образом, цифровые платформы обратной связи контролируют процесс трансформации, исходящей снизу, находя компромисс, необходимый для сохранения баланса между гражданским обществом и органами власти.

Более того, вышеописанное указывает на заинтересованность государственных акторов в вовлечении активных граждан в созданные институциональные формы гражданского участия. Подобного рода утверждение позволяет прийти к выводу о том, что цифровые платформы имеют не просто формальный характер, но и практически - ориентированный. Таким образом, органы власти мотивированы в повышении привлекательности данного механизма, что, в свою очередь, стимулирует к улучшению и приведению в соответствие с запросами населения цифровых платформ.

1. Камаев Р. А., Григорьева В. В. *Качество государственных услуг малому бизнесу // Инновация и инвестиции. 2016. № 11. С. 147-151.*
2. Майоров А. В. *Цифровые технологии в управленческой деятельности: философско - антропологические и прикладные аспекты // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2019. №5. С. 34-47.*
3. Патрушев С. В. *Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования // Полис. Политические исследования. 2009. №6. С. 24-32*
4. Чугунов А. В. *Электронное участие как канал обратной связи власти и граждан: проблемы институционализации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, № 4 (17). С. 453–459.*

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НАСЕЛЕНИЕМ РФ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Филимонов Руслан Максимович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

21 сентября 2022 г. в выступлении Президента РФ В.В. Путин к нации были затронуты несколько ключевых вопросов: 1) объявление о проведении референдумов на подконтрольных вооружённым и союзным силам РФ территориях ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей 23-27 сентября; 2) поддержание предложения Министерства обороны и Генерального штаба о проведении в РФ частичной мобилизации; 3) поручение Правительству РФ и Минобороны по определению правового статуса добровольцев.

Задачами исследовательской работы являются: 1) изучение общественного мнения относительно факта вхождения территорий ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей в состав РФ; 2) определение того, как изменилось настроение общественности по отношению к военнослужащим российской армии в сравнении с весенним периодом (на основе сравнения результатов опроса, проведенного в мае и сентябре); 3) выявление уровня доверия населения к главе государства после объявления проведения мобилизации; 4) рассмотрение особенностей добровольчества, а именно мотивов граждан Саратовской области, побудивших их к принятию решения о добровольной службе на Украине.

Описание выборки. В исследовании приняли участие 147 человек, проживающих на территории Саратовской области, в возрасте от 18 лет и выше. По полу: мужской пол – 62 человек; женский пол – 85 человек. В социологическом исследовании не могли принять участие лица: а) младше 18 лет; б) не являющиеся жителями Саратовской области; в) являющиеся сотрудниками Правительства региона, местных администраций и военных комиссариатов. По возрастным категориям: 1) 18-24 лет – 20 человек (8 – мужского пола; 12 – женского пола); 2) 25-34 лет – 26 (11 – мужского пола; 15 – женского пола); 3) 35-44 лет – 37 человек (17 – мужского пола; 20 – женского пола); 4) 45–54 лет – 30 человек (13 – мужского пола; 17 – женского пола); 5) 55-64 лет – 19 человек (7 – мужского пола; 12 – женского пола); 6) 65 лет и выше – 15 человек (6 – мужского пола; 9 – женского пола). Также нами был проведён экспресс-опрос граждан, которые добровольно прибыли в военный комиссариат с целью заключения военного контракта на короткий период (добровольцы). В ходе исследования нам удалось опросить 43 человека в возрасте 22-55 лет.

Результаты исследования свидетельствуют о гетерогенности российского общества, но мы не можем говорить о чёткой гендерно-возрастной дифференциации. При этом как было выявлено, мы можем указывать на взаимосвязь снижения доверия к действующему президенту с решением проведения мобилизации, в частности, доверие упало среди женщин, чьи родственники мужского пола попали в «зону риска» (список мобилизованных). Связаны данные перемены с расхождением действий с ранними заявлениями, а именно исключение сценария проведения мобилизации и несвоевременным присоединением территорий ЛДНР, Херсонской и Запорожских областей. Также интересным является стратификация «добровольцев» на группы в зависимости от их мотивов заключения краткосрочного контракта на службу.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ЮЖНОРОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Черевкова Алена Игоревна
(Южный федеральный университет)

Чикарова Галина Игоревна
(Южный федеральный университет)

Статья подготовлена в рамках проекта «Цифровой атлас политических и социально-экономических угроз и рисков развития Южнороссийского приграничья: национальный и региональный контекст («Цифровой Юг»»)» № СП-14-22-06.

Несмотря на то, что концепция фронта неоднозначно воспринимается в научном сообществе [1], приграничья все чаще оказываются в фокусе исследовательского внимания. Актуальность изучения Южнороссийского приграничья, под которым понимается территория субъектов СКФО и ЮФО, обусловлена, с одной стороны, геополитической значимостью данного региона, а с другой – внутренне неоднородной и противоречивой характеристикой региона. Это рассматривается нами как факторы конфликтогенности, способные дестабилизировать устойчивое развитие региона. Социальная конфликтогенность понимается как совокупность обстоятельств и противоречий, формирующих социальную напряженность, которая потенциально может привести к конфликту [2]. В качестве примера субъекта РФ, составляющего Южнороссийское приграничье, рассмотрим Ростовскую область.

В Ростовской области наблюдаются комплекс социально-демографических проблем. Фиксируется естественная убыль населения – с 2019 по 2021 гг. численность постоянного населения сократилась на 1,1%, а смертность по итогам 2021 г. более чем в два раза превышает рождаемость. Население области является старым – 24,4% населения области старше 60 лет [3]. Несмотря на устойчивый миграционный приток в область, коэффициент демографической нагрузки остается высоким [4], а сама миграция при этом становится фактором конфликтогенности. Уровень зарегистрированной безработицы в Ростовской области на начало 2022 г. составил 3,6% [3], а по показателю «уровень бедности» Ростовская область располагается на 51 месте среди субъектов РФ [5].

Конфликтогенный потенциал сосредоточен в таких социально значимых сферах как образование и здравоохранение, где на фоне недофинансирования наблюдается дефицит кадров и неудовлетворенность уровнем оплаты труда, высокий износ зданий и иной инфраструктуры. Специфическими проблемами сферы здравоохранения выступают разрушение звена первичной медицинской помощи и социальное неравенство в доступе к медицинской помощи, кризис доверия к медицине [3, 6], а для сферы образования – дефицит мест в дошкольных и школьных учреждениях. Сложившаяся ситуация способствует возрастанию количества коррупционных преступлений: за 7 месяцев 2022 г. их численность возросла на 84% в сравнении с аналогичным периодом 2021 г. [7].

Донской регион – один из самых многонациональных регионов Российской Федерации, на его территории по разным данным проживают представители порядка 150 этнических групп, также представлены различные религиозные конфессии, что делает необходимым постоянный мониторинг социальной напряженности в регионе.

Таким образом, можно сделать вывод, что к основным факторам социальной конфликтогенности в Ростовской области, представляющей Южнороссийское приграничье, относятся депопуляция населения и рост демографической нагрузки на работающее население, активные миграционные процессы, кризисные явления в основных социальных институтах, полиэтничность региона.

1. Басалаева И.П., Дубман Э.Л., Мизис Ю.А., Мильчев В.И., Сень Д.В., Урушадзе А.Т., Ходарковский М. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сень // *Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования*. 2020. №1 (27).
2. Монастырская Н. И. Концепт «конфликтогенность»: определение дефиниций // *Science Time*. 2014. № 11 (11). С. 234-238.
3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
4. Бессмертный И.В., Латун В.В., Меринова Ю.Ю., Кузьменко Д.Р. Территориальные особенности демографической нагрузки в Ростовской области // *Московский экономический журнал*. 2021. № 2.
5. Официальный сайт Правительства Ростовской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.donland.ru/>
6. Вялых Н.А., Нор-Аревян О.А. Влияние пандемии COVID-19 на повседневность и социальное самочувствие медицинских работников Ростовской области // *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 7(173). С. 15-20.
7. Средний размер взятки в Ростовской области с начала 2022 года составил 770 тысяч рублей [Электронный ресурс] // *Эксперт ЮГ*. URL: <https://expertsouth.ru/news/sredniy-razmer-vzyatki-v-rostovskoy-oblasti-s-nachala-2022-goda-sostavil-770-tysyach-rublej/>

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ

Шевцов Алексей Владимирович

(Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена)

В прошлый год на нашей секции прозвучали вопросы об изменениях электоральных практик после введения дистанционного электронного голосования. По-видимому, актуальность данной темы достаточно очевидна, во всяком случае, для членов научного сообщества.

Попробуем в самом общем виде описать проблематику влияния технологического нововведения на содержание и формы политического волеизъявления граждан.

С позиций развития избирательных технологий речь идет о появлении новых возможностей для оптимизации избирательного процесса. Интересно, что во многих работах за точку отсчета берется афинский механизм «клеротерий», с помощью которого осуществлялась подлинно демократическая жеребьевка, а отнюдь не избрание кандидатов [6, С. 171].

Если де отвлечься от схоластических споров о том, насколько сам институт выборов соответствуют идее народовластия, то можно отметить, что сама процедура постоянно обрастала разнообразными техническими средствами. Можно прочертить траекторию усложнения процесса, от акустического анализа («кто кого перекричал на площади»), до весьма изощренных арифметических расчетов по итогам рейтинговых голосований. Галька («псефос»), черепки («остракос»), шары («баллота»), бумажные бюллетени, кабинки, письма по почте, перфокарты и т.п. Из данного бесконечного списка совокупность сайтов, серверы, баз данных ничем особым не выделяется. Обычное новшество, одновременно ускоряющее осуществление процедуры волеизъявления, и затрудняющее контроль за итогами данного действия.

С другой стороны, внедрение персональных компьютеров и информационных сетей породило определенную эйфорию по поводу грядущих качественных изменений в социальной жизни. Не осталась в стороне от оценки данных процессов электоральная социология [7, С. 143–151].

С точки зрения социального прогресса данные технологии являлись основой для очередного перехода общества в новое, более высокое состояние. Определение

перспектив очередного «дивного нового мира» вращалось, на наш взгляд, на рубеже тысячелетий вокруг двух основных идей.

Узкий политико-правовой аспект воплотился в концепции «Электронных Афин» (Б. Барбер). Причем она пришла на смену «теле-демократии» 1980-х гг., опирающейся на использовании кабельного телевидения. Разумеется, цифровые информационные технологии в целом, и Интернет в частности, предоставляли гораздо более широкие возможности для преобразования политической системы. Они позволяли осуществлять постепенный переход к прямой демократии посредством разнообразных видов интерактивного участия граждан в процессе управления общества на всех уровнях [3, С. 7-16].

Широкий социально-коммуникативный аспект отражается в названии работы Г. Рейнгольда «Умная толпа: новая социальная революция» (2002)., Связанные между собой с помощью высокотехнологичных коммуникаторов члены «смартмонов» получали новые возможности для действий в публичной сфере. Образно выражаясь, пресловутое гражданское общество получало волшебные электронные ключи для вскрытия «постыдных» тайн общества политического.

Эйфория относительно качественных изменений стала затухать в конце первого десятилетия XXI в. под влиянием углубления кризиса глобальной капиталистической системы.

Параллельно шел процесс внедрения данных технологий в избирательные практики. Благо первый опыт использования электронных средств при подсчете голосов относится к 1960-м гг. Теперь же применение компьютерных сетей позволяло реализовывать свои политические права и обязанности не выходя из дома [4, С. 18–22].

Как и любые новшества в области политики, затрагивающие интересы влиятельных политических группировок и социальных групп, данный процесс сопровождался целой серией скандалов. Упомянем наиболее известные. 1) США 2004-й. Чарльз Стюарт о появлении «из неоткуда» миллиона голосов. 2) Эстония, 2015-й. «Вирус» Мярта Пыдера. О последней президентской кампании в США говорить еще рано, так сказать, «продолжение следует».

В России данный процесс рассматривают как составную часть формирования «электронной демократии», наряду с «электронными приемными», порталом «Госуслуги» и т.п. [1, С. 58–60; 2, С. 18–21]

Роль социологии преимущественно сводится к осуществлению традиционной «демоскопии», к выяснению посредством опросов спектра мнений, так сказать, «кто как представляет, кто чего думает, и кто чего хочет». Так, по мнению В. И. Федорова «социологический подход раскрывает электронное голосование как сложный общественный процесс, в котором участвуют организаторы выборов, избиратели, кандидаты, наблюдатели, журналисты, производители программно-технических решений. Отношение к электронному голосованию изучается методами прикладного социологического исследования. Большой вклад в разработку данного направления исследований внесли А. Альзаед, Л. Капоруссо, Р. Смит. Социологи могут показать динамику изменения отношения различных групп общества к электронному голосованию до и после выборов» [Федоров В. И. Обзор основных направлений исследований электронного голосов // Соц.-гуманитар. знания. 2021. № 3. С. 321].

На фоне снижающейся явки увеличивается охват населения. Избирательные участки теперь могут проникать почти в каждый дом. Плохая погода теперь не может считаться поводом для снижения процента проголосовавших. Снижаются расходы на привлечение граждан, неспособных добраться до участков по логистическим или медицинским причинам.

Упрощается процесс оповещения и рекламы самих выборов, как со стороны государственных и муниципальных избирательных органов, так и со стороны

политических технологов противоборствующих кандидатов и партий. Так сказать, технология «от дома к дому» дополняется приемами «не выходя из дома».

Причем еще более усиливается влияние аудиовизуальной продукции, и еще более ослабляет воздействие печатного слова. Снобистские заявления студентов «а я телевизор не смотрю», сопровождаются преподавательским комментарием «смотришь посредством «ютюбов» и прочих «телеграмов», смотришь, и даже не замечаешь этого». Жертва пропаганды даже не замечает манипулятивных инструментов. Идеальное решение.

В процесс включается дополнительное число активистов разных научных, общественных и политических направлений. С оговорками можно сказать, что массовый характер данному движению открыл «метод Ребекки Меркьюри» (VVPAT) – способ проверки итогов с помощью заверенных избирателями бумажными бюллетенями.

Серия «цветных революций» сделала конфликт по оспариванию итогом выборов повседневным рутинным делом. Вспомним поучительный опыт проекта «Умное голосование». Виртуализация избирательных процедур только усиливает недоверие к ним со стороны, как рядовых избирателей, так и оппозиционных политических структур. Поводов для обвинений организаторов выборов в массовых фальсификациях становится гораздо больше.

Вопрос об обоснованности этих обвинений – дело второстепенное. Главное, ставится под сомнение сам институт выборов, сходный с проблемой неконкурентной советской избирательной системы. Зачем тратить время и деньги, если результат predetermined. А символический ритуальный смысл представления в общественном пространстве политической системы могут выражать и другие институты.

1. Истомина Ю. С. *Электронное голосование в системе электронной демократии в России // Право в современном мире: Сб. науч. ст. М., 2018. С. 58–60.*
2. Овчинников В. А. *Теоретико-практические аспекты электронной демократии и электронного голосования / В. А. Овчинников, Я. В. Антонов // Юрид. мир. 2013. № 4. С. 18–21.*
3. Руденко В. Н. *Новые Афины, или Электронная республика (О перспективах развития прямой демократии в соврем. о-ве) // Полис: Полит. исслед. 2006. № 4. С. 7–16.*
4. Трушалова Т. О. *К вопросу о соотношении понятий «электронное голосование» и «дистанционное электронное голосование» // Юрид. мир. 2022. № 1. С. 18–22.*
5. Федоров В. И. *Обзор основных направлений исследований электронного голоса // Соц.-гуманитар. знания. 2021. № 3. С. 321.*
6. Федоров В. И. *Электронное голосование: идея фикс или основа демократий будущего? // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 1/2. С. 170–185.*
7. Шевцов А. В. *Интернет и российская электоральная социология // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2013. № 156. С. 143–151.*

СЕКЦИЯ 3: ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ РОССИИ И КИТАЯ В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Бабаров Николай Александрович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Современная концепция креативной индустрии зародилась на Западе в конце XX века и стала одной из ведущих концепций современной экономики. Однако процесс осознание важности развития индустрии и понимания её сущности продолжается, а само развитие происходит неравномерно [1; 5]. Поэтому имеет смысл сравнения и изучения различных подходов для обмена практическими и теоретическими достижениями, но при этом необходимо учитывать современную ситуацию формирующийся постглобальности. Наиболее полезным кажется вопрос о возможностях и проблемах метода сравнения креативной индустрии Китайской народной республики (далее Китай) как одной из передовых стран в данной отрасли и Российской Федерации (далее Россия) как представителя догоняющей стороны.

Главным преимуществом при сравнении этих двух стран является сходный исторический опыт социализма и опыт Китая как страны лидера, что даёт возможность для получения нового опыта для развития индустрии в России. Также важна возможность поиска точек равноправного сотрудничества в отрасли при поддержании дружеских отношений между странами. Последняя особенно сильно связана с необходимостью понимания некоторых особенностей внутренней политики Китая, развития его рынка и специфики деловых отношений в нём, а также понимания возможности конкуренции в некоторых отраслях (например, в сфере мобильных игр).

Одна из главных проблем при сравнении заключается в неясности самого понятия «креативная индустрия», отраслей, входящие в неё, а также различия во взглядах и подходах к данной отрасли экономики в двух странах. Особенно интересными кажутся проблемы соотношения «культурности» (направленность на человеческое развитие) и «креативности» (удовлетворения потребности) в двух подходах.

Отдельной проблемой ставится развитость системы статистики и учёта креативных индустрий в двух странах, а также проблемы качества, глубины и открытости данных.

В целом можно говорить о широких возможностях сравнительных исследований малоизученных «дружественных» стран, а также о необходимости проведения отдельных исследований креативных индустрий с позиции России и Китая.

1. Креативная экономика Москвы в цифрах / В.В. Власова, М.А. Гершман, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2021. — 108 с.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ОБЩЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Безносикова Дарья Олеговна

(Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ))

Иванова Светлана Петровна

(Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ))

С переходом от плановой к рыночной экономике, тема социального неравенства стала подниматься гораздо чаще, ведь теперь производители товаров и услуг должны

подчинятся спросу потребителей, чтобы оставаться конкурентоспособными. Следовательно, принцип «всем всё поровну» уже не актуален, а это значит, что разница между бедными и богатыми растёт.

Тем не менее, мнения специалистов сходятся на том, что на данный момент времени социальное неравенство в России состоит из слоёв, которые отличаются между собой по следующим стратификационным критериям:

высшего (элита – все те, кто обладают огромным количеством ограниченных ресурсов, тем самым имея власть и влияние как в конкретной сфере, так и в обществе в целом);

среднего – немногочисленная категория граждан, которая располагается между высшим и низшим слоем (также есть мнение, что среднего слоя в России практически не существует, а в статьях чаще обозначают – класс ниже среднего);

низшего – самый многочисленный слой или «простой народ» [2].

Социальное неравенство в нашей стране сложилось как раз-таки из-за следующей ситуации: богатые продолжают богатеть (зачастую незаконными способами, например, путём коррупции), а бедные остаются бедными. Соответственно, средней прослойки общества как таковой не существует, что весьма печально, поскольку увеличение численности среднего класса выступает гарантом политической стабильности и развития общества и его благосостояния.

Также резкий переход к рыночной системе привёл к девальвации рубля, росту безработицы, задержке заработных плат или полное их отсутствие, что негативно сказалось на социально-экономическом состоянии общества.

Ко всему прочему прибавим ситуацию с инфляцией, когда цены на товары и услуги увеличиваются, при этом их качество не повышается, а доходы граждан остаются на прежнем уровне. Это приводит к снижению покупательской способности.

Инфляция привела предпринимателей к нездоровой конкуренции и монополизму, поскольку перед ними стоит задача защиты от конкурентов и сохранения своих позиций на рынке, что приводит к слияниям и сговорам. Это тормозит развитие рыночного хозяйства, то есть и саму экономику страны в целом, так как усложняются условия для развития начинающих фирм, завышается стоимость товаров (но не их качество) – неэффективное распределение ограниченных ресурсов, а это главная причина социального неравенства.

В последние годы непредвиденная ситуация с возникновением пандемии высветила новые масштабы бытующего неравенства благодаря возникшему кризису на, можно сказать, мировом уровне. Это послужило созданию ряду новых отчётов со статистическими данными о неравенстве доходов (Всемирный банк, Росстат, Люксембургское исследование доходов и др.).

Вновь возвращаясь к переходу России от плановой к рыночной экономике, в 1991 году коэффициент Джини равнялся 0,26, а уже после перехода в 1993 году – 0,498. Конечно, последний результат многим может показаться сомнительным, поскольку данная цифра, вполне вероятно, была ещё выше, потому что в то время большую часть доходов не декларировали. Тем не менее, результат один – за 2 года общество сильно расслоилось: появились очень богатые и очень бедные. Таким образом, ещё одной основной причиной социально-экономического неравенства является рынок, главный девиз которого – «каждый сам за себя».

Данные Росстата, Всемирного банка и других организаций обычно отличаются, однако мне удалось найти следующие результаты в приведённой ниже таблице 1 за 2012-2020 гг.:

Таблица 1 Индекс Джини по данным Росстата и Всемирного банка за 2012-2020 гг.

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Росстат	0,42	0,419	0,416	0,413	0,412	0,41	0,413	0,411	0,403
Всемирный банк	0,407	0,409	0,399	0,377	0,368	0,372	0,375	-	-

Исходя из данных таблицы, прогноз складывается следующем образом: в лучшем случае, можно рассчитывать на сохранение планки в пределах последних показателей. В худшем случае она будет расти, являясь последствием пандемии. [1]

В настоящее время страны Запада усилили ограничительные меры после признания Россией независимости ДНР и ЛНР и началом специальной военной операции. Вступившие в силу санкции являются колоссальными по своему масштабу и уже повлияли на экономику и жизни многих россиян неизбежным ростом цен.

1. «Открытый журнал» / Рубрики / Экономика / Коэффициент Джини: все ли равны? [Электронный ресурс] – URL: <https://journal.open-broker.ru/economy/koefficient-dzhini/> (дата обращения: 01.03.22).

2. Справочник от Автор24: Уровень социального неравенства в России [Электронный ресурс] – URL: https://spravochnick.ru/sociologiya/socialnoe_neravenstvo_i_socialnaya_mobilnost/uroven_socialnogo_neravenstva_v_rossii/ (дата обращения – 26. 02. 22).

3. Иванова С.П., Мясоедов А.И. Концепции управления человеческими ресурсами организации //В сборнике: Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Международной научно-практической конференции. Материалы Круглого стола. 2020. С. 372-377

ВЛИЯНИЕ ПРЕКАРИЗАЦИИ ТРУДА РОССИЙСКИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ НА ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

Буланова Марина Борисовна

(ФГБОУ ВО "Российский государственный гуманитарный университет")

При поддержке гранта РФФ № 18-18-00024 "Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества"

В июне 2021 г. научный коллектив под руководством д.ф.н., проф. чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко провел всероссийское исследование «Прекариат-2021», в ходе которого были опрошены 400 преподавателей вузов, представляющих 22 субъекта РФ. В числе других проблем изучалось влияние факторов прекаризации труда преподавателей на их повседневную жизнь. Особый интерес в связи с нарастанием факторов неопределенности жизни общества вызывают представления преподавателей высшей школы о своем настоящем и будущем.

В последнее время в высшей школе наблюдаются латентно происходящие процессы прекаризации, затрагивающие в первую очередь профессорско-преподавательский состав вузов. Среди маркеров прекарной занятости можно назвать: специфические формы и условия организации трудового процесса (возрастание доли временных контрактов); неясность в оплате труда (увеличение интенсивности занятости на ставку и количества неоплачиваемых видов работ); отстраненность от принятия решений (за счет деятельности «эффективных менеджеров»); социально-психологическую неудовлетворенность (рост пессимистических настроений). В целом отмечается настроение тревожности у преподавателей, связанное с ситуацией неустойчивой

занятости. Так, для пятой части опрошенных (19%) серьезным фактором, осложняющим их деятельность, является опасение стать безработным. В какой-то мере наличие ученой степени и звания является страховкой от подобных случаев, но и среди этой подгруппы риски потери работы были высказали 15,9% опрошенных [1, 157].

Отмеченные факторы прекарной занятости усилились в ситуации новой реальности, связанной с вызовами пандемии. Сказались неожиданный и массовый переход на дистанционное образование (ранее распространявшееся только на некоторые виды дополнительного образования), потребовавший быстрого освоения непривычных для большинства преподавателей навыков и компетенций. Вырос объем технических и методологических задач, с которыми столкнулись преподаватели, работая на различных образовательных платформах, что было отмечено и нашими коллегами [2].

Смыслы повседневной жизни профессорско-преподавательского состава оказались тесно связанными с их производственными задачами (политическая неактивность оказалась последствием переработок, досуг – продолжением трудовой деятельности). Неудивительно поэтому, что оценки будущего для пятой части (21,1%) профессорско-преподавательского состава окрашены в пессимистические тона. Общее состояние нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне влияет на те ближайшие цели, которые ставят преподаватели: 31% хотели бы обеспечить будущее детей; 23,3% - приобрести собственность (квартиру, дом, дачу); 26,8% - найти подработку или другие источники доходов [1, 169]. Вполне понятные цели, но в их основе лежит желание защитить себя и своих близких.

1. *От прекарной занятости к прекаризации жизни. Коллективная монография /Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Изд-во «Весь Мир», 2022. Гл. 8. С. 155-173.*
2. *Интеллигенция в новой реальности: сборник научных статей. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2021. С. 25-52.*

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДОВЕРИЯ В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Веселов Юрий Витальевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант 20-011-00155 А
«Доверие в цифровом обществе и экономике»)*

Кто, кому доверяет в постглобальном обществе? «Доверие может быть определено как уверенность в надежности человека или системы ... » [5,34]. В ком чувствуют уверенность россияне? Как правило, это ближний круг людей: семья, близкие друзья, родственники. В РФ полностью доверяют членам семьи - 85.1%; в Бразилии – 57,0%; в США - 59.3%; в Литве - 67.8%; в Азербайджане - 90.5% (World Values Survey, Wave 7: 2017–2020). А вот доверие людям, которых встречаешь впервые низкое: в РФ таким полностью не доверяют 31.7%; в США - 17.7%; в Германии - 16.5%; в Азербайджане - 41.8%. Как дифференцируется доверие в зависимости от пола, возраста, доходов и образования, места проживания? В городах уровень генерализованного доверия несколько выше, чем в сельских поселениях различие составляет примерно 10%. Пол, возраст и семейное положение для генерализованного доверия практически не имеет значения, а вот если говорить о цифровом доверии, то оно существенно выше у мужчин, чем у женщин. Образование существенно влияет на любые виды доверия – у людей с высшим образованием генерализованное доверие на 14% выше, чем у лиц с начальным или неполным средним образованием, и на 10% выше, чем у лиц со средним образованием.

Какие различия в социально-профессиональной структуре доверия? Для предпринимателей уровень генерализованного доверия самый высокий – 44,6%; затем идут специалисты с высшим образованием – 37,4%; квалифицированные рабочие – 21,1%; государственные служащие – 14,3%. Доверие правительству во многих странах не высокое, но Россия в этом случае в конце списка, согласно исследованиям Edelman Trust Barometer в 2021 г. оно составляет 34% в сравнении с 82% в Китае; 79% в Индии; 59% в Германии. В нашем исследовании на вопрос «Доверяете ли Вы правительству Российской Федерации»? в среднем по выборке, сумма ответов «Полностью доверяю» и «Частично доверяю» - 46,4%; для предпринимателей – 32,5%; для рабочих – 43,9%; для специалистов – 39,6%; для государственных служащих – 42,8% (но самая высокая поддержка ожидаемо у неработающих пенсионеров - 63,5%). Повлияет ли высокий уровень предпринимательского доверия на изменение генерализованного доверия в российском обществе? В краткосрочной перспективе вряд ли, ведь предпринимателей в нашем обществе не так много, отношение к ним населения далеко не однозначно положительное [2]. Культура доверия/недоверия, формировавшаяся в России в течение всего XX столетия не может измениться быстро.

*1. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, Polity Press, 1990.
Veselov Y., Kapustkina E., Sinyutin M. A note on entrepreneurial trust in the Saint-2.
Petersburg region of contemporary Russia // International Journal of Entrepreneurship
and Small Business. 2008. Vol. 6. No. 1. <https://doi.org/10.1504/IJESB.2008.017388>*

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ЗАНЯТОСТИ

Гилязова Дилара Ильгизовна

(ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан»)

Ни для кого не секрет, что всемирная пандемия коронавирусной инфекции повлекла за собой новый мировой кризис. Естественно, это коснулось и рынка труда. На мировом рынке стал востребован удаленный режим работы; количество сотрудников, уволившихся по собственному желанию, стало больше, вопреки кризису; ощутила больше стало чисто фрилансеров, преимущественно младше 30 лет; а также значительно ускорился процесс автоматизации деятельности. С марта 2022 года геополитический фон и санкционное давление еще больше пошатнуло реальность.

К мировым трендам занятости можно отнести:

Примирение с удаленным форматом работы и сочетание его с гибридной формой.

Более разнообразные виды работ (проектные задания, работа по контракту, разовые заказы и др.). Гиг-экономика сейчас тоже имеет большое распространение и это тоже останется неизменным.

Количество вакансий превышает количество желающих. Это объясняется тем, что кандидаты стали более уверены в себе и рассчитывают на высокий уровень заработной платы, оборудованное рабочее место и дополнительные преимущества. Наиболее сильные компании стараются удовлетворять желания сотрудников, в виду того, что они стремятся к восстановлению после кризисов и усилению своих позиций на рынке.

Автоматизации процессов для замены рутинной работы и использование искусственного интеллекта [1].

В таких странах, как Великобритания, Япония, Новая Зеландия, Бельгия, Шотландия, Испания тестируют введение четырехдневной рабочей недели. Майкрософт Япония опробовали четырехдневную рабочую неделю еще в 2019 году и обнаружили, что это привело к повышению производительности на 40% и снижению потребления электроэнергии на 23% [3].

Для того, чтобы охарактеризовать большое количество сотрудников, уволившихся по собственному желанию, появился термин «Великое увольнение». «Как отмечают российские специалисты рынка труда, причины усиления ротации кадров сопоставимы с зарубежными – переосмысление своей деятельности во время карантина, появление в отдельных сферах (особенно в IT) новых возможностей и ожесточение конкуренции за высококвалифицированных специалистов, из-за чего фирмы стали предлагать переходящим к ним сотрудникам более привлекательные условия» [2]. Дополнительно это объясняется привлекательностью перехода на фриланс и оформление самозанятости.

1. Осадчая Е.Р., Макаревич М.Е. Изменение рынка труда с 2018 по 2022 год. - Перспективы развития институтов права и государства. Сборник научных статей 5-й Международной научной конференции. Редакция: А.Н. Пенькова (отв. ред.). Курск, 2022. -С.420-429

2. Табах А., Подругина А. Трудное время для рынка труд. – Макроэкономика, 2022.

3. Jennings M. What are the biggest trends in the job market in 2022? May 2022. [Электронный ресурс] : <https://www.techradar.com/features/what-are-the-biggest-trends-in-the-job-market-in-2022> (дата обращения 07.09.2022)

НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Гладченко Алина Николаевна

(Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова)

В условиях цифровизации экономики новые формы занятости постепенно вытесняют традиционные. Если в начале 2000-х годов доля населения, вовлеченного в нестандартные формы занятости, колебалась в диапазоне от 25 до 30% занятого населения, к 2017 году она выросла до 40% [1]. Нестандартные формы занятости включают: временную занятость, гибкую занятость, неформальную занятость, платформенную занятость, удаленную занятость.

Пандемия COVID-19 повлияла на развитие новых форм занятости, прежде всего, работы «на удаленке» за счет вынужденного продолжительного локдауна. Однако возвращение к привычной социально-экономической жизни не привело к отказу от новых форм занятости, возникших во время пандемии. Например, «Ростелеком» планирует оставить часть сотрудников на «удаленке» для обеспечения привлекательных условий труда и экономии на аренде офисов [2]. Внесены изменения в трудовой кодекс относительно удаленной работы. Фактически, как отмечают социологи, ссылаясь на результаты, полученные в рамках «Корона-ФОМ», пандемия «рутинизировалась» [3].

Чтобы выявить, рассмотреть и оценить распространение новых форм занятости в период пандемии, проведен социологический опрос жителей Ярославской области трудоспособного возраста на момент начала пандемии – мужчины возраста от 19 до 62 лет и женщины возраста от 19 до 57 лет (n = 61). Респондентам заданы вопросы о возможностях и ограничениях новых форм занятости, в том числе, работе в удаленном режиме, о желании работать в условиях новых форм занятости.

Результаты исследования показали, что наиболее распространены формы традиционной занятости – 65% опрошенных работают в стандартной форме. Часто встречаемая форма нестандартной занятости – гибкая занятость, которой занимается 44% опрошенных. Новые формы занятости привлекают больше мужчин, чем женщин (54% и 46% соответственно) и люди среднего возраста – от 31 до 54 лет (46%).

Респонденты связывают новые формы занятости с возможностями, нежели ограничениями (59% и 41% соответственно). Больше всего возможностей респонденты видят у удаленной занятости – 31% и гибкой занятости – 27%. Работа «на удаленке» ассоциируется с возможностью работать отовсюду (26%), экономить время и личные

средства (25%). В свою очередь, гибкую занятость респонденты ценят за возможность удобно распределять время (34%), возможность совмещать несколько деятельностей (20%).

Вместе с тем, новые формы занятости воспринимаются респондентами как сопряженные с рисками. Чаще всего с рисками ассоциируется гибкая занятость (35%) и неформальная занятость (22%). Занятые в формате гибкой занятости отмечают отсутствие общения на работе (21%). Неформально занятые в качестве риска отмечают отсутствие документального подтверждения трудоустройства (26%), возможность остаться без заработной платы, например во время декрета или болезни.

Во время начала пандемии с изменениями столкнулись 75% опрошенных в связи переходом на удаленную работу. Большинство респондентов не готово работать в режиме дистанционной занятости. Чаще других установку на отказ от удаленной работы разделяют женщины и пожилые (55-57 лет).

Результаты исследования не позволяют сделать однозначный вывод о широком распространении новых форм занятости. Работающие видят в новых формах занятости не только преимущества, но и риски, на работе и другие. Нестандартная занятость привлекает преимущественно молодых людей – от 19 до 30 лет. Дальнейшему распространению новых форм занятости могут способствовать цифровизация и появление всё новых и улучшенных технологий коммуникации. Последствия пандемии также оказывают влияние на нестандартную занятость, сформировав у работников новые представления о возможной организации своей трудовой деятельности.

1. Маслова Е.В. Регулирование нестандартной занятости населения в Российской Федерации : теоретико-методологические и практические вопросы : автореферат дис. ... д-ра экономических наук. [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008702136?page=3&rotate=0&theme=black> (дата обращения: 28.09.2022).
2. Глазков К. Жизнь после пандемии: прогнозы и ожидания [Электронный ресурс]. URL: <https://covid19.fom.ru/post/zhizn-posle-pandemii-prognozy-i-ozhidaniy> (дата обращения: 20.03.2022).
3. Свешникова А., Соболевская А. Рынок труда после пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://covid19.fom.ru/post/rynok-truda-posle-pandemii> (дата обращения: 20.03.2022).

ТРАЕКТОРИИ ЗАНЯТОСТИ ПЕНСИОНЕРОВ НА РЫНКЕ ТРУДА

Горемыкина Полина Андреевна

(Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова)

Старение населения стало глобальным явлением, охватив все регионы и страны мира. Россия – не исключение. По данным Росстата, 15,8% жителей страны находились в 65 лет и старше [1]. Согласно официальному демографическому прогнозу к 2030 г. доля населения в возрасте 65 лет и более возрастет до 18% [2, 601-602].

Вследствие старения населения увеличилась демографическая нагрузка на трудоспособное население пожилыми людьми. В результате все чаще звучит мнение, что пожилые должны дольше оставаться на рынке труда. Однако готовы ли к такому шагу сами пожилые, а также – работодатели, которым предстоит нанимать пенсионеров.

С целью изучения трудовой занятости проведено социологическое исследование методом анкетирования, которое направлено на выявление траекторий занятости пенсионеров. Опрос прошли 60 человек, находящиеся на пенсии по старости, проживающие в Ярославле и Ярославской области, из них 15 мужчин и 45 женщин.

Установлено, что около 60% пенсионеров остаются на рынке труда после наступления пенсионного возраста. Они начинают покидать рынок труда в возрасте 65-69

лет. В качестве основных причин продолжения трудовой деятельности пенсионеры называют: маленькую пенсию (33%), стремление общаться с людьми (18%) и привычку работать (18%). Таким образом, мотивы занятости имеют преимущественно экономический характер. Пенсионеры как правило заняты в сферах образования, науки, культуры, здравоохранения, торговли и ЖКХ.

Дольше на рынке труда после выхода на пенсию остаются женщины (75%), люди с высшим образованием (64%), не испытывающие проблем со здоровьем (79%).

С целью описания траекторий занятости в анкету включен блок вопросов о трудовой мобильности пенсионеров. Установлено, что большинство опрошенных (62%) не хотели бы менять работу и сферу занятости, если будет такая возможность (62% опрошенных). Кроме того, 56% категорически исключают переезд в другой город или область ради свободных вакансий, что говорит о низком уровне мобильности. Вместе с тем, 70% опрошенных готовы повышать квалификацию, осваивать новые компетенции, например, работать на компьютере, если новые навыки помогут им сохранить имеющуюся работу или найти новую (56% опрошенных). Но при этом, говоря о готовности к переобучению, повышению квалификации, улучшению владения компьютером, большая часть готова и хотела бы уделить этому время, если бы эти навыки помогли им трудоустроиться (70% опрошенных). Таким образом, пенсионеры демонстрируют низкую трудовую мобильность, что может служить барьером их занятости.

Барьеры занятости пенсионером можно разделить на две группы: внутренние и внешние. К внешним барьерам относят отсутствие подходящих вакансий, негативное отношение со стороны работодателей, отсутствие обучения или программ по переквалификации специальностей. Примерами внутренних барьеров можно считать установки пенсионеров на свою ненужность обществу и отсутствие поддержки, страхи обучаться чему-то качественно новому, субъективный уровень здоровья, отсутствие установки на трудовую мобильность. Такие результаты говорят о том, что нужно проводить определенные мероприятия, чтобы преодолевать барьеры. К ним можно отнести курсы по переподготовке и повышению квалификации, курсы по обучению компьютерной грамотности, выделение определенного количества рабочих мест для пенсионеров.

Все полученные данные позволяют сделать вывод о том, что проблему занятости пенсионеров нельзя отодвигать на второй план, поскольку нагрузка на экономически активное население увеличилась и государству выгодно, чтобы пенсионеры продолжали свою трудовую деятельность после выхода на пенсию. При этом многие лица, относящиеся к данной категории сталкиваются с рядом проблем при трудоустройстве/продолжению своей трудовой деятельности из-за возраста, нежелания работодателей брать на работу пенсионера, нехватки навыков в сфере владения компьютером, проблем со здоровьем.

1. ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ НА 1 ЯНВАРЯ 2021 ГОДА (Статистический бюллетень) Москва 2021 г. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения 8.04.2022)
2. Щербакова Е.М. Старение населения: мировые тенденции, 2013 //Демоскоп Weekly. 2014. № 601-602. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0601/barometer601.pdf> (дата обращения: 10.04.2022)

ПСИХОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПОСТГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Горский Евгений Вадимович

(ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»)

Закатов Дмитрий Александрович

(ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»)

Глобализация задала новый вектор в формировании обслуживания потребителей. Появляются новые тренды и требования в экономическом поведении как для покупателей, так и для ритейлеров. Один из таковых - это применение сложных систем сегментирования и клиентоориентированности. Одним из важных трендов в развитии доверительных отношений, на наш взгляд, является применение психографического подхода в сфере обслуживания.

Любой человек требует особого подхода, какого именно – выявляется через анализ, и проецирование черт схожих людей из опыта коммуникации.

Таким образом, актуально создать модель, которая практически будет решать проблему коммуникации с разными клиентами, основанную на сегментации потребителей посредством психографии в маркетинге.

Сегментация разделяет аудиторию на основании когнитивных атрибутов, делая упор на эмоции клиентов, их убеждения и мировоззрения. Методика помогает создать психографические портреты для каждого сегмента рынка.

Одной из наиболее известных и широко распространенных методик психографического сегментирования рынка выступает американская модель сегментирования потребительского рынка под названием «VALS». В основе своей она опирается на мотивацию и ресурсы, которыми обладает потребитель для совершения покупки. В то же время многие критикуют данную методику за чрезмерно упрощенную трактовку личности и ее покупательского поведения. Кроме того, ее использование сопряжено с большими затратами и в большинстве случаев требует привлечения высококвалифицированных специалистов.

Метод VALS получил широкое распространение в маркетинге при сегментации потребительского рынка, позволяя учитывать социально-демографическую составляющую его поведения. Способ также описывает стиль жизни и поведение потребителя. Однако данная технология имеет объективные ограничения, поскольку жизненный стиль клиента не бывает идеальным. Любой потребитель склонен совершать не типичные для него поступки.

На некоторых этапах процесса покупки, особенно на стадиях формирования покупательских предпочтений и убеждений, а также на стадии непосредственного совершения их акта купли-продажи, наиболее эффективным средством воздействия оказывается личная продажа.

Личная продажа и методики сегментирования – это ключ к успешной клиентской работе и продаже. Мы на данном этапе условно выделяем такие виды покупателей, которые в основном встречаются из общего потока потребителей и которых мы можем идентифицировать таковыми при непосредственном контакте, не пользуясь опросниками, и статистикой посещения им разных сайтов. Наша классификация основывается на нескольких моделях сегментирования таких авторов, как: А. Митчелл, который совместно с другими специалистами разработал модель сегментирования VALS, которую далее адаптировали и улучшали Русецкая Э. А. [3], Божук С.Г. и Краснов А.С. [1], Гончаров И. Л. и Горелова О. А. [2].

Сводная таблица ключевых характеристик психографических типов.

Ключевые характеристики	Психографические типы			
	«Осторожные консерваторы»	«Интересующиеся новаторы»	«Неуверенные»	«Эксперты»
Мотив покупки	Сохранение комфорта жизни.	Потребность в эксперименте.	Удовлетворение жизненной необходимости в товаре.	Удовлетворение четкой потребности
Главная ценность	Стабильность в жизни.	Следовать темпу жизни, развитию технологий и трендов.	Эффективное удовлетворение потребностей.	Обладание оптимальной для него техникой

Теория психографического сегментирования наилучшим образом способна объяснить причину покупки товара разными потребителями.

Психографический подход в обслуживании поможет выходить на иной личный, индивидуальный уровень клиентского сервиса. Посредством включенного наблюдения мы можем улучшить качество клиентского обслуживания в отдельно взятом магазине той или иной розничной сети.

1. Божук С.Г., Краснов А.С. Развитие методов маркетинговых исследований поведения потребителей в виртуальной среде // Практический маркетинг. 2016. №12-1 (238-1). - 11-16с. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-metodov-marketingovyh-issledovaniy-povedeniya-potrebiteley-v-virtualnoy-sredama> обращения (дата обращения: 25.02.2022)

2. Гончаров И. Л., Горелова О. А. Психология потребительского выбора и его влияние на ценообразование в условиях рынка // Вестник ГУУ. 2020. №8. - 110-116 с. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-potrebitel'skogo-vybora-i-ego-vliyanie-na-tsenoobrazovanie-v-usloviyah-rynka/viewer> (дата обращения: 23.01.2022)

3. Русецкая Э. А., Козел И. В., Русецкий М. Г. Преимущества психографического сегментирования рынка страховых услуг // Дайджест-финансы. 2013. №6. - 30-37 с. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-psihograficheskogo-segmentirovaniya-rynka-strahovyh-uslug> (дата обращения: 10.02.2022)

ВЛИЯНИЕ ПРОВЕДЕНИЯ МАСШТАБНЫХ ДЕЛОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ КАК ЦЕНТРА НАУЧНОЙ МЫСЛИ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Гудяева Людмила

(ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан»)

Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Конверсия научного потенциала региона для решения задач глобальных научно-технологических фронтиров», проект № 20-310-90018.

Кадровый потенциал науки является сегодня как важнейшим компонентом научно-исследовательского кластера страны и её территорий. Опыт зарубежных стран, а также динамики кадров в Российской Федерации свидетельствуют о нарастании дефицита научно-образовательных кадров, спрос на которые исходит от растущего сектора экономики в сфере научно-исследовательских работ, а также числа и масштабов научно-педагогических организаций [1, 3]. Кроме того, необходимость и актуальность развития

кадров для науки регионов и страны в целом, возникла и остается проблемой с переходом к рыночной экономике, когда произошли серьезные кадровые потери в науке и экономике [2, 96].

К примеру, в Республике Татарстан, численность НПП в структуре российской численности составляет чуть менее 14%. По численности республика опережает регионы как Томскую, Новосибирскую, Свердловскую области. Однако следует отметить, что численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в отношении к общей численности занятых в экономике, значительно отстает от всех рассматриваемых в бенчмаркинге субъектов (от среднероссийского уровня отстает в 1,5 раза). Для Республики Татарстан доля НПП, имеющих ученую степень, доля молодых НПП (до 39 лет) в общей численности НПП остаются одними из лучших среди рефератных регионов. За период 2020–2021 доля иностранных НПП отстает от среднероссийских значений, в 2,7 раза меньше, чем в Томской области, в 1,74 раз – чем в Свердловской области. [4].

Говоря о сущности научно-технических и научно-просветительских мероприятий (конференции, симпозиумы, конгрессы и пр.), необходимо отметить, что она заключается в том, что здесь происходит более глубокое осмысление актуальных научных проблем, так как происходит объединение потоков научной информации от разных участников и разных научных школ. Соединение значительного количества специалистов в формате коллективной научной коммуникации создает эффект кооперации научного труда и повышает результативность научной деятельности в целом для общества [3, 236]. Для отдельного ученого участие в такого рода мероприятиях является важным фактором его профессионального роста и развития.

Исследования, посвященные оценке влияния деловых мероприятий на экономику страны и регионов проводились рядом ведущих аналитических и консалтинговых агентств Oxford Economics, PwC и других [5]. Органичная интеграция научно-технических мероприятий в программы крупных региональных деловых и выставочных форумов позволяет: расширить исследовательскую повестку научно-технологического сообщества и синхронизировать ее с приоритетами стратегии развития территории; объединить репутационные, научные, финансовые и инфраструктурные ресурсы; повысить статус проводимых мероприятий и регулярность их проведения; расширить состав участников и создать условия для качественного изменения результатов мероприятий. При этом, безусловным преимуществом такого вовлечения общества в науку, выступает тот факт, что проведение широкомасштабных мероприятий, включающих деловую, выставочную, научно-техническую и культурную программы оказывает значительный экономический эффект для территории.

1. Гудяева Л.А., Прыгунова М.И. Поддержка молодых ученых как ключевой приоритет экономического развития и укрепления устойчивого положения России на глобальном рынке человеческого капитала: региональный аспект // *Национальная безопасность / nota bene*. 2021. – № 5. С. 1 - 10.
2. Гудяева Л.А. Подходы к оценке характеристик кадрового потенциала сферы научных исследований: региональный аспект // *Электронный экономический вестник*. – 2020. – № 3. – С. 95-101.
3. *Наука и общество : современные зарубежные исследования : сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН ; отв. ред. – Гребеничкова Е.Г. ; ред.-сост. Булавинова М.П. – М., 2018. – 228 с. – (Информация. Наука. Общество).*
4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат): официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 23.09. 2021).
5. *The science of citizen science / Vohland K. [et al.] eds. – Cham : Springer, 2021. – 529 p.*

ПРОБЛЕМЫ РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Деханова Наталья Геннадьевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Деханов Сергей Александрович

(Московский Государственный Гуманитарно-Экономический университет)

Современное общество существует в эпоху масштабных процессов глобализации и цифровизации общества. Эти процессы очень неоднозначны по своей природе. С одной стороны, они приносят несомненно позитивные изменения в общественное развитие. С другой, они разрушают сложившийся в большинстве государств социальный порядок и условия занятости населения, обостряет проблему глобального цифрового неравенства, изменяет его конфигурацию. Помимо новых форм социального неравенства, обостряются и те проблемы, которые существовали ранее - проблема низких доходов, социальной справедливости, обеспечения равного доступа к благам здравоохранения и образования.

Согласно исследованию Бирмингемского университета уже к концу в 2022 года практически четверть рынка труда (22 %) будет состоять из «цифровых профессий». Однако здесь необходимо сделать ремарку относительно того, что эта тенденция характерна для стран с развитой «экономикой знаний». Так, например, доля занятых в сфере, условно обозначенной как «знание», включающей в себя высококвалифицированный интеллектуальный труд и когнитивные нерутинные задачи в странах, которые можно отнести к экономике ресурсов (Эфиопия, Уганда, Зимбабве и др.) составляет 1-2%. (например, это профессии преподавателя, врача, ученого, высококвалифицированного инженера, руководителя. В то время как в странах, относящихся к переходному типу от экономики ресурсов к экономике знаний доля высококвалифицированных специалистов колеблется от 8% в Малайзии и Саудовской Аравии до 17% в России. В странах уже достигших уровня экономики знаний, таковых от 24-25 % (Япония, США) до 34% в Сингапуре и 45% в Великобритании. Соответственно, доля занятых в сферах, требующих лишь базового уровня квалификации (уборщики, продавцы, водители, грузчики, охранники), в странах экономики ресурсов составляет от 67% в Эфиопии до 57 в Уганде, в странах переходного типа от 51% в Малазии до 35% в России, а в странах, экономики знаний – от 30% в Японии до 15-17% в Германии и США [1].

Индикатором того, можно ли отнести ту или иную экономику, к экономике знаний по методологии Й. Расмуссена, является, с одной стороны, спрос на высококачественный человеческий капитал экономики страны, а, с другой стороны, предложение, которое обеспечивают отрасли, его производящие. Приходится констатировать, что сегодня в России нет критической массы спроса на знания.

Однако общий вектор социально-экономического развития таков, что к участникам рынка труда предъявляются абсолютно новые требования. Радикальные технологические изменения заставляют всех участников рыночных отношений полностью переосмыслить и перекроить всю структуру взаимодействий. Цифровизация в трудовой сфере не только создаёт новые профессии и рабочие места, которые вытесняют с рынка профессии более традиционного типа, но и значительно повышает требования к адаптационным способностям индивида в условиях стремительно меняющегося рынка труда.

Бесспорно, цифровизация ведет к сокращению рабочих мест, поскольку ввиду автоматизации процессов, необходимость внедрения в процессы человеческого ресурса просто отпадает. При этом, если ранее можно было наблюдать, как сокращения кадров в промышленной сфере компенсировалось их ростом в сфере услуг, то теперь можно наблюдать, как даже последняя зачастую начинает меньше нуждаться в человеческой рабочей силе, заменяя его искусственным интеллектом. То есть число профессий,

исчезающих и появляющихся в процессе цифровизации просто несопоставимо, и в этом одна из основных характерных черт влияния цифровизации на рынок труда и занятость. Если ранее число исчезающих профессий достаточно равномерно компенсировалось появлением необходимых кадров в других отраслях, то в случае цифровизации, речь идет об абсолютно несопоставимом процессе замещения.

Цифровизация повлияла так же на поколенческую связь в рамках рынка труда, когда профессия переходила «от отца к сыну». Теперь, в условиях постоянных изменений, такие процессы значительно усложнились.

Сегодня люди сталкиваются с необходимостью постоянного расширения своих компетенций, актуализации своих знаний и навыков. Внедрение цифровых технологий предъявляет к современным специалистам рынка труда особые требования:

- повышенная роль гибкости и активности специалистов;
- повышенное внимание к обладанию социальным интеллектом или так называемым «soft skills»;
- существенно снижается востребованность профессий, работа которых сводится к формализованным повторяющимся операциям;
- рост спроса на специалистов, обладающих цифровой грамотностью [2].

Цифровизация, наряду с глобализацией, актуализирует неразрывно связанные со сферой социально – трудовых отношений проблемы социального неравенства и социальной справедливости. Профессиональная структура подвергается все большим изменениям, и эти изменения происходят в невероятно быстрых темпах. Одним из знаковых следствий технологических трендов на рынке труда станет распространение феномена так называемых «лишних людей» – тех, чей базовый уровень навыков и готовность к изменениям не позволят сохранить трудоустройство в конкуренции с роботами или алгоритмами. «Лишние люди» в условиях современной экономики могут пополнить ряды неформальной занятости, стать источником социальной напряженности [3, 41].

Помимо новых профессий, огромное значение приобретает появление новых форм занятости: платформенной занятости, работа посредством мобильных приложений, удалённой занятости, фрилансу, неформальной занятости. Конечно не все эти формы занятости связаны с высококвалифицированным трудом, но бурное развитие их стало возможно именно благодаря развитию цифровых технологий. Такие перемены существенно повлияют на социальные отношения, пенсионное страхование и страхование по безработице.

В настоящее время государством нашей страны запущено достаточное количество программ, направленных на воздействие на рынок труда в цифровой сфере, развитие актуальных компетенций у трудящегося населения и реализации всевозможной поддержки. Об эффективности данных программ мы сможем судить уже в течение ближайших нескольких лет.

1. Boston Consulting Group (2017) *Embracing Industry 4.0 – and Rediscovering Growth*. URL: <https://www.bcg.com/capabilities/operations/embracing-industry-4.0-rediscovering-growth.aspx>
2. Gartner *4 Steps to Develop Digital Dexterity in Your Workplace*
3. Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Социальные вызовы цифровой революции // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2019. Т.15. № 4. С.39-45.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ермолаева Светлана Георгиевна
(ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Аскеров Эльмар Фахраддин Оглы
(ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Аннотация. Усложняющаяся внешняя среда организации приводит к поиску дополнительных ресурсов организации. Несмотря на то, что подход к персоналу персонал-издержки остается актуальным, все больше работодателей понимают важность использования человеческого капитала в повышении конкурентоспособности организации. В информационном обществе поиск необходимых сотрудников, накопление информации о сотрудниках, управление знаниями в организации все более осознаются не только теоретиками, учеными-исследователями в области управления персоналом, но и практиками, руководителями и сотрудниками организации. Цифровизация в организации – это прежде всего необходимость освободить время и силы для другой работы с персоналом, что позволит более полно использовать человеческий капитал организации, потенциал каждого работника. Авторами проведено исследование об осведомленности об особенностях управления персоналом в информационном обществе, восприятии респондентами цифровизации в управлении персоналом, значимости и рисках развития управления персоналом в информационном обществе в условиях неопределенности.

Ключевые слова и словосочетания: неопределенность, информационное общество, цифровизация, управление персоналом.

Введение

На усложнение внешней среды организации обращают внимание современные российские и зарубежные авторы. Р. Лайкерт назвал факторы эффективной организации – это сложность, динамизм, неопределенность [2, 33]. Современный акроним VUCA (нестабильность, неопределенность, сложность, неоднозначность), означающий изменяющуюся реальность, характеризует нашу жизнь (термин придуман американскими военными). Учитывая факты перманентных изменений, общество предпринимает шаги по оперативному реагированию на вызовы современности. Современная модернизация развитых стран идет по пути трансформации общества в информационное, то есть такое общество, работающие члены которого заняты производством, сбором, хранением, переработкой и использованием информации в цифровом виде. В России также взят курс на информатизацию, государство сделало акцент на этом векторе развития общества, разработав Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» [2]. Получение школьниками и студентами доступа к образовательным онлайн-курсам, приобретение бизнесом новых программных продуктов, появление новых опорных центров Национального киберполигона – эти и другие события (в 2022 году) характеризуют деятельность по реализации Национальной программы [2]. Развитие техники, технологий, компьютеризация и цифровизация осуществляется непосредственно на рабочих местах персоналом организаций. В связи с этим реализация задач страны, происходит на рабочем месте, обусловлена достоинствами и недостатками персонала, человеческим капиталом. Например, цифровизация в большой степени применяется в документообороте. Цифровой тренд в документообороте организации, управлении персоналом все более поддерживается с точки зрения удобства применения, обеспечения хранения, поиска, создания документов. Однако и другие функции, например, организация труда персонала осуществляется в настоящее время с помощью компьютера,

частью реализации функций является передача и прием оцифрованной информации между работниками, обмен информацией по корпоративным сетям, программам.

Методология

Цель исследования: изучение осведомленности респондентов по применению управления персоналом в информационном обществе. Проведено пилотажное исследование в виде анкетирования. Количество респондентов 49. Из них женщин – 55.6%, мужчин – 44.4%. Распределение респондентов по возрасту: до 30 лет – 88.9%. более 30 лет – 11.1%. Распределение по образованию: среднее – 26.7%, среднее профессиональное – 15.6%, высшее (специалитет) – 13.3%, высшее (бакалавриат) – 33.3%. Сфера деятельности респондентов – это, в основном, образование (57,2%), производство (18,5%) и другие сферы. Таким образом, выборка представлена молодыми людьми, в основном, до 30 лет, имеющими среднее, среднее профессиональное образование, высшее образование, часть респондентов получают образование, некоторые из них второе. У трети респондентов опыт работы отсутствует, либо он небольшой, что также, возможно, обуславливает выбранные варианты ответов. В качестве задач исследования выступили: обозначение факторов, обуславливающих изменения, происходящие в информационном обществе; выделение основных функций управления персоналом в ходе цифровизации, последствий применения управления персоналом для организации, рисков цифровизации для организации.

Результаты исследования

Можно предположить, что именно человек выполняет самую важную роль в преобразовании общества, в том числе информационного. В Таблице 1 представлены ответы респондентов на вопрос «Что (кто) является главным фактором изменений в информационном обществе?». Выбирая в качестве главного фактора изменений человека, респонденты подчеркивают тем самым важность человеческого капитала, его развития, использования, управления в организации.

Таблица 1. Что (кто) является главным фактором изменений в информационном обществе?

Варианты ответов	Распределение ответов респондентов, в %
Компьютер	23.4
Человек	51.1
Искусственный интеллект	25.5.
Другое	0

Исследование показало, что почти половина респондентов выбирают в качестве факторов изменений «компьютер» (23.4%) и «искусственный интеллект» (25.5%). То есть, 48.9% респондентов воспринимают развитие цифровой техники, разработки в области искусственного интеллекта значимыми факторами происходящих инноваций. Однако, более половины респондентов (51.1%) отметили, что изменения в обществе опираются на человека, осуществляются с его помощью и управляются человеком.

Поскольку система управления в организации, реализующая основные функции планирования, организации, мотивации, контроля, включает важную подсистему управления персоналом, то респонденты, выбирая функции кадрового менеджмента в эпоху цифровизации (Таблица 2), считают, что наиболее сильный акцент менеджером в подходе к персоналу сделан на «мотивации» персонала (51.1%), следующие по частоте выборы респондентов – «планирование» (44.4%), «организация» (42.2%), «контроль и составление отчетов» (33.3%), «прогнозирование» (31.1%). Мотивация современного персонала – «дело тонкое», хотя и на первый взгляд может казаться простым.

Таблица 2. Какие управленческие действия относятся к функциям менеджмент персонала в современном обществе?

Варианты ответов	Распределение ответов респондентов, в %
Планирование	44.4
Прогнозирование	31.1
Мотивация	51.1
Составление отчетов (контроль)	33.3
Организация	42.2
Другое	2.2

Среди функций управления персоналом респонденты выбирают, преимущественно, мотивацию, планирование и организацию (Таблица 2). Другие функции, которым респонденты отдают меньшее предпочтение – это прогнозирование и составление отчетов. В варианте ответа «другое» было высказано мнение о бесполезности «тестирования». Обращая внимание на такое мнение, следует отметить, что тестирование относится к оценочным процедурам, которые проводятся при найме, отборе, назначении стимулирования, аттестации персонала. Это не единственное оценочное средство в управлении персоналом, есть и другие, такие как интервью, анкетирование, оценка в деловой игре, оценка профессиональных качеств кандидата или оценка при назначении в резерв, карьерном росте [3].

Реализация функций управления персоналом зависит от того, каким образом будет реализован стандартный набор функций управления персоналом. В Таблице 3 представлены ответы респондентов на вопрос «Какой ряд задач может решить грамотный выбор модели управления персоналом в информационном обществе?»

Таблица 3. Какой ряд задач может решить грамотный выбор модели управления персоналом в информационном обществе?

Варианты ответов	Распределение ответов респондентов, в %
Повышение производительности и качественной составляющей труда	46.7
Создание «наиболее продуктивной» квалификационной структуры персонала	48.9
Формирование работоспособного и сплоченного коллектива	46.7
Повышение квалификации персонала	28.9
Стимулирование и мотивация труда	24.4
Улучшение организации труда	33.3
Оптимизация средств на содержание персонала	15.6

«Грамотный выбор модели управления персоналом», по мнению респондентов, может иметь массу положительных последствий для организации. Наибольшую частоту выборов получили варианты ответов «создание «наиболее продуктивной» квалификационной структуры персонала» (48.9%), «повышение производительности» (46.7%), «формирование работоспособной команды» (46.7%), «улучшение организации труда» (33.3%). Правильный выбор модели управления персоналом позволит улучшить как инструментальную, деловую сферы деятельности организации, повышением производительности труда, так и эмоциональную сферу (социально-психологический климат) организации (создание работоспособного и сплоченного коллектива). Если учесть, что организация находится в среде с высокой степенью неопределенности, то выбор модели управления персоналом может изменяться с изменением управления

организацией и изменением внешней среды, что поднимает важность такого выбора, а умение делать выбор востребованным. Модель управления персоналом может изменяться с точки зрения эволюции управления персоналом (управление производительностью, управление человеческими отношениями, управление человеческим капиталом). Таким образом, навыки принятия решений в области управления персоналом могут стать востребованными с развитием информационного общества.

Казалось бы, вопрос внедрения информационных технологий в управление (и управление персоналом) вопрос решенный, однако, теоретики и практики в управлении изменениями в организации считают, что изменения могут вызывать трудности: возможно, например, сопротивление, поэтому необходим комплекс мероприятий по работе с проведением инноваций в организации, преодолением сопротивления проведению инноваций, а также тщательная проработка других рисков, связанных с внедрением инноваций (Таблица 4).

Таблица 4. Какие риски существуют в информационном обществе для организации? (несколько ответов)

Варианты ответов	Распределение ответов респондентов, в %
Невыполнение стратегии организации	34
Неумение работать в коллективе	57.4
Неэффективное управление людьми	66
Неправильные подбор и расстановка персонала	23.4
Другое	0

Среди рисков развития цифровизации общества и управления респонденты отмечают «неэффективное управление людьми» (66%), «неумение работать в коллективе» (57.4%). Оба риска связаны с социально-психологическими процессами в группах, с социологической точки зрения повышаются риски снижения эффективности управления группой и работы в группе (общности). «Шлейфом» за более очевидными рисками идут риски «невыполнения стратегии организации», а также «неправильный подбор и расстановка кадров».

Исследование показало, что риски организации, возникающие в информационном обществе, связаны с управлением людьми, их умением работать и взаимодействовать друг с другом, совместимостью, сплоченностью и солидарностью работников.

И несмотря на то, что процессы цифровизации активно реализуются в современном обществе, ответ на вопрос «Стоит ли вводить информационные технологии в систему управления персоналом?» звучит не совсем однозначно (Таблица 5).

Таблица 5. Стоит ли вводить информационные технологии в систему управления персоналом?

Варианты ответов	Распределение ответов респондентов, в %
Да, думаю, стоит	51.1
Нет, думаю, не стоит	31.1
Затрудняюсь ответить	17.8

Немного более 50% ответили «да, думаю, стоит» (51.1%), 31.1% респондентов ответили «нет, думаю, не стоит», остальные затруднились ответить. Треть респондентов, предполагая возможные риски использования информационных технологий в управлении

персоналом, считают, что не стоит внедрять информационные технологии в HR-менеджмент.

Выводы

Ответы на вопросы анкеты предполагают идентификацию с сотрудником организации или менеджером организации. Отвечая на вопросы анкеты, респондентам (результаты анкетирования в Таблице 3), приходится «примерить» на себя управленческую роль или представить (смоделировать) ситуацию выбора модели управления персоналом. «Примеривание» роли и моделирование позволяют расширить психологические границы за счет перехода в другую роль, а также познакомиться с опытом принятия управленческого решения. Возможен также вариант анализа имеющегося опыта управления в организации (верхнего, среднего или нижнего звена) либо управления персоналом.

Руководителям и рядовым сотрудникам организаций современного общества важно понимать как устроен менеджмент организации и, в частности, связь между менеджментом в информационной сфере и менеджментом в других сферах управления в организации, и в первую очередь с кадровым менеджментом, так как связь с управлением персоналом в информационном обществе определяет скорость научно-технического прогресса, сбалансированность организации в отношении рынка и человеческого фактора.

Более половины респондентов согласны с тем, что управление персоналом нельзя представить в отрыве от использования информационных технологий, так как именно информационные технологии позволяют в значительной степени автоматизировать процессы в любой организации. Но необходимо помнить, что информационная система, применяемая в управлении персоналом, – это лишь инструмент и успех его применения зависит от руководителя и работников.

Если акцент делается только на передаче информации, то управление людьми может стать не эффективным, поэтому важно учитывать все сферы управления в организации, как информационный менеджмент, так и управление персоналом [3]. Информационный менеджмент и управление персоналом могут стать полноценными элементами системы управления организацией.

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»// Сайт Правительства России URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/> (Дата обращения 29.03.2022)
2. Ружанская Л.С. Теория организации: учебное пособие / Л.С. Ружанская, А.А. Яшин, Ю.В. Солдатова; под общ.ред. Л.С. Ружанской. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2015. – 200 с.
3. Управление персоналом организации: Учебник /Под. Ред. А.Я. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 514 с.
4. Привалов Н.Г., Семин А.Н., Шаймарданов Н.З., Салчинский В.И., Стахеева Л.М., Юсупов М.Л. Социальное партнерство: от рынка труда к гражданскому обществу/ Под науч. Ред. Н.Г. Привалова. – Екатеринбург: Изд-во УралГСХА, 2003. – 353 с.

ПРОБЛЕМАТИКА ИЗМЕРЕНИЯ УРОВНЯ БЕДНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Закатов Дмитрий Александрович
(ФГБОУ ВО "Череповецкий государственный университет")

Горский Евгений Вадимович
(ФГБОУ ВО "Череповецкий государственный университет")

В современном мире бедность считается одной из самых актуальных из социальных проблем. Данный феномен невозможно описать без таких понятий как: экономического

статуса и дохода, социального неравенства и стратификации, образа жизни, жизненных потребностей, потребительской корзины, а также без самой социализации людей, которые оказались за чертой бедности. Проблема бедности заключается в том, что минимальные потребности в разных странах существенно различаются из-за уровня развития государства.

Феномен бедности опасен для государства тем, что люди за чертой бедности более склонны к алкоголизму и наркомании, что в свою очередь влияет не только на самих бедных, но и на окружающих. Федотов в статье «Влияние бедности на распространение алкоголизма и наркомании в регионах России» пришел к выводу, что существует тесная взаимосвязь между бедностью населения и распространению алкоголизма и наркомании. [6]

Для выявления бедности были разработаны разные подходы. Первым выделили абсолютный подход. Он заключается в том, к бедным относят домохозяйства и отдельно проживающих граждан, имеющих доход ниже определенного абсолютного минимума. [5]

В альтернативу абсолютному подходу социолог Питер Таунсенд рассматривал относительную бедность как материальное положение индивидуумов или семей, уровень дохода которых ниже порога бедности, соответствующего фиксированной доле среднего дохода. [1,31] В социологии под относительной бедностью понимается состояние, при котором отдельно выбранная единица (индивид или семья) получают доход ниже среднего, и не имеет роли тот факт, может ли семья позволить себе с этим доходом все базовые потребности.

Для выявления уровня бедности по абсолютному подходу нужно обратиться к Федеральной службе государственной статистики по Вологодской области. Величина прожиточного минимум с 1 июня 2022 г.- 31 декабря 2022 г. Составляет 14059 рублей. [4] По данным Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области доход до 14.000 рублей имеют 17.9% населения Вологодской области.

Если за основу взять относительный подход, то нам нужно знать среднедушевой доход населения Вологодской области, по последним данным, среднедушевой денежный доход у жителя Вологодской области составляет 31.612 рублей. [3] В рамках относительного подхода мы можем предположить, что все, кто получают меньше 60% среднедушевого дохода Вологодской области, находятся за чертой бедности, т.е. получают меньше 19.000 рублей. [2] Таким образом, за чертой бедности по относительному подходу находятся 32.6% населения Вологодской области.

В рамках использования разных подходов для выявления уровня бедности на примере Вологодской области можно сделать следующий вывод: на данный момент не существует универсального подхода к измерению бедности, однако, существует абсолютный подход, который показывает число бедных, основываясь на стране, в которой происходит измерение.

1. Townscnd P. *Poverty in the United Kingdom*. Berkeley: Univ. of California, 1979. P. 31.
2. Росстат. *Распределение населения Вологодской области по величине среднедушевого денежного дохода*. [Электронный ресурс]. Режим обращения: <https://vologdastat.gks.ru/storage/mediabank/Дин2.htm> (дата обращения: 24.09.2022)
3. Росстат. *Динамика среднедушевых денежных доходов населения Вологодской области*. [Электронный ресурс]. Режим обращения: <https://vologdastat.gks.ru/storage/mediabank/ДинСДД.htm> (дата обращения: 24.09.2022)
4. Росстат. *Сведения о величине прожиточного минимума и потребительской корзине в Вологодской области*. [Электронный ресурс]. Режим обращения: <https://vologdastat.gks.ru/storage/mediabank/Величина%20прож%20min.html> (дата обращения: 24.09.2022)
5. Сазанов, И. С. *Уровень бедности в России: национальные и международные критерии* / И. С. Сазанов // *Исторические, политические и юридические науки*. 6.

Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2012. - № 12 (26), - ч.2.

7. Федотов А.А. Влияние бедности на распространение алкоголизма и наркомании в регионах России // Социологическое исследование. – 2010г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-bednosti-na-rasprostranenie-alkogolizma-i-narkomanii-v-regionah-rossii/viewer> (дата обращения: 24.09.2022).

ДОМОХОЗЯЙСТВА, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА, В РОССИИ: ФАКТОРЫ РОСТА И СТРУКТУРА РАСХОДОВ

Иванова Елена Игоревна

(Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН))

Доля домохозяйств, состоящих из одного человека, неуклонно растет и стабилизируется на высоких значениях, что демонстрируют и статистические данные, и данные социологических опросов многих стран мира. Согласно данным переписей населения в европейских странах, доля в общем числе домохозяйств варьирует от 30% в странах Южной Европы до 40% и более в странах Северной Европы. Так, в Италии насчитывалось 32% (2020 г.), а в Швеции – 41,7% (2021 г.) домохозяйств из одного человека. В США в 2021 г. показатель был ниже по сравнению с европейскими странами - 28,5% -, но сохраняется тенденция к его росту [1].

В России также наблюдается увеличение абсолютного числа людей, ведущих хозяйство без партнеров и родственников. За 20 лет, прошедших между переписями 1989 и 2010 гг., доля домохозяйств, состоящих из одного человека, удвоилась: с 116 до 257 на 1000 домохозяйств. По данным микропереписи 2015 г., показатель возрос до 306 на 1000 и приблизился к значениям, характерным для европейских стран [2]. Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, обследования домохозяйств за 2020 год, в выборку попало 1506 одиноких (из них 1094 валидных случаев), или 234 на 1000 всех учтенных домохозяйств. Это вторая по величине группа после группы домохозяйств, состоящих из 2 человек [3].

Повышение доли населения, проживающего в одиночестве, может отражать сдвиги, происходящие в отношении общества к феномену, изменения в поведении, когда люди сознательно выбирают одинокое проживание как образ жизни. Современные тенденции роста числа одиноких людей связывают с ростом достатка, уровня благосостояния у молодых людей и сопутствующим стремлением сохранить свою независимость. Однако одиночество может быть и вынужденным вследствие изменения семейного состава, например, разводов, отделения выросших детей в самостоятельные домохозяйства, смерти членов семьи.

Анализ возрастной структуры домохозяйств, состоящих из одного человека, за 2020 г. на основе данных РМЭЗ показал, что проживают в них в основном люди старше 60 лет, их доля составила 74,6%. Как видно из таблицы 1, наибольшее число из них родились в 1951-1960 гг. (27,9%) и 1941-1950 гг. (25,6%). Гендерные соотношения характеризуются многократным преобладанием женщин, их доля наиболее высока в старших возрастных группах – более 90%.

Таблица 1. Распределение лиц, проживающих в домохозяйствах, состоящих из одного человека, по году рождения, 2020 г. (рассчитано по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ [3])

Год рождения респондента	Проживающие в домохозяйствах из одного человека		Из них:			
	Всего	%	Мужчины		Женщины	
			Всего	%	Всего	%

1940 и ранее	231	21,1	18	7,8	213	92,2
1941-1950	280	25,6	23	8,2	257	91,8
1951-1960	305	27,9	33	10,8	272	89,2
1961-1970	152	13,9	22	14,5	130	85,5
1971-1980	54	4,9	20	37,0	34	63,0
1981-1990	28	2,6	11	39,3	17	60,7
1991-2000	37	3,4	15	40,5	22	59,5
2001-2002	7	0,7	3	42,9	4	57,1
Итого	1094	100,0	145		949	

Следовательно, в домохозяйствах, состоящих из одного человека, в России проживают, в основном, женщины в возрасте старше 60 лет. К данной категории населения трудно применить концептуальные подходы, доказывающие одиночество как сознательный выбор уединенного образа жизни, следствие индивидуализации.

Демографические сведения показывают, что основными факторами формирования одиноких семей являются сверхсмертность мужчин в молодых и средних возрастах, высокая разводимость, миграция взрослых детей в крупнейшие города. Данные процессы, согласно прогнозам, и в будущем сохраняют свою актуальность. Следовательно, высокая доля одиноких домохозяйств в России не является следствием добровольного выбора обеспеченного населения, является следствием неблагоприятных изменений в демографических структурах.

Преобладание пожилых женщин в домохозяйствах, состоящих из одного человека, определяют специфику и приоритеты в их потребительских стратегиях. На питание большие затраты отмечаются практически во всех возрастных группах – они входят в первые 3 позиции в рейтинге затрат домохозяйств. На втором месте находятся отложенные деньги и деньги, данные в долг. На третьем – погашение кредитов, уплата налогов. Для самой старшей группы на первую позицию вышли траты на топливо. Старшие возрастные группы больше средств затрачивают на материальную поддержку родственников, но значительно меньше - на одежду и коммунальные услуги.

Таблица 2. Структура расходов домохозяйств, состоящих из одного человека, по возрасту респондентов в 2020 г. (рассчитано по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ [3])

Суммы*	Год рождения						
	1991-2000	1981-1990	1971-1980	1961-1970	1951-1960	1941-1950	1940 и ранее
1.	1266,7 (9)	4916,7 (5)	4702,6 (5)	3266,8 (8)	2676,2 (9)	3430,6 (6)	5498,0 (5)
2.	166,7 (11)	1722,2 (10)	26094,9 (1)	5444,4 (4)	3892,4 (7)	5803,7 (3)	3697,9 (6)
3.	3900,0 (6)	3244,4 (8)	4278,6 (6)	4633,6 (5)	5388,9 (5)	4767,9 (5)	11666,7 (1)
4.	4330,7 (5)	4640,0 (6)	3355,0 (8)	3515,5 (7)	3356,4 (8)	2925,3 (8)	2913,5 (9)
5.	1174,7 (10)	1338,5 (11)	1235,5 (11)	1564,3 (10)	2087,4 (10)	2412,4 (10)	3253,5 (7)
6.	18850,0 (1)	8255,6 (4)	6516,5 (4)	7318,7 (3)	8285,5 (1)	2586,7 (9)	1206,7 (10)
7.	10000,0 (2)	12130,0 (1)	15800,0 (2)	13111,1 (2)	5758,8 (3)	6533,9 (2)	7156,4 (4)

8.	3750,0 (7)	4300,0 (7)	2842,1 (9)	3879,5 (6)	5681,6 (4)	4893,6 (4)	8189,4 (2)
9.	8665,7 (3)	9620,0 (2)	10170,2 (3)	7683,3 (1)	7536,6 (2)	7496,7 (1)	8032,1 (3)
10.	1877,8 (8)	3141,3 (9)	2144,2 (10)	2809,3 (9)	1515,2 (11)	1675,7 (11)	718,8 (11)
11.	8500,0 (4)	9611,1 (3)	3850,0 (7)	1032,2 (11)	4042,4 (6)	3073,7 (7)	3055,6 (8)

*Суммы, потраченные в течение месяца на:

- 1 - предметы домашней обстановки и на бытовую технику;
- 2 - строительные материалы, материалы для ремонта и за услуги по ремонту и строительству жилья;
- 3 - топливо для заправки автотранспорта, двигателей, дрова, уголь, торф, керосин;
- 4 - квартиру, включая аренду, и коммунальные услуги;
- 5 - лекарства, включая витамины и другие медикаменты;
- 6 - уплату любых страховых взносов, на погашение кредита, возврат ссуд, уплату налогов на недвижимость и транспорт, оплату лицензии, пошлин;
- 7 - суммы, данные в долг и отложенные;
- 8 - помощь родителям, детям, внукам, не являющимся членами домохозяйства;
- 9 - питание дома и вне дома;
- 10 - приобретение одежды и обуви для взрослых, для членов домохозяйства 18-ти лет и старше;
- 11 - мобильный телефон, телевизор, магнитофон, видео, компьютер, фотоаппарат.

Структура расходов домохозяйств, состоящих из одного человека, свидетельствует о том, что затраты их членов, прежде всего, связаны с поддержанием системы жизнеобеспечения. В то же время, они часто делают сбережения и дают деньги в долг.

1. URL: <https://www.statista.com/statistics/730604/family-structures-italy/>; URL: <https://www.statista.com/statistics/524909/sweden-number-of-single-person-households/>;
2. URL: <https://www.statista.com/statistics/242022/number-of-single-person-households-in-the-us/> (Дата обращения 09.10.2022)
3. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.html;
4. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (Дата обращения 09.10.2022)
5. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (Дата обращения: 09.10.2022)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ

Ильин Владимир Иванович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Данное исследование по поддержано РФФИ (грант No. 19-29-07559)

Категория человеческого капитала разработана в экономической науке, исходя из специфики ее предмета и доступных методов сбора статистических данных [1,2,3]. В таком виде она заимствована и социальными науками, что существенно сужает их эвристические возможности исследования данного феномена.

Человек, с точки зрения экзистенциализма, не имеет заданной сущности. Это проект, который он реализует в меру своих желаний и возможностей — личных и внешних. Его физические, психические и культурные характеристики — это лишь шансы

реализации проекта, который может иметь много вариантов. В процессе их реализации можно выделить несколько этапов.

1) Абстрактные возможности. Они есть, но человек о них может и не подозревать или не иметь представления о путях их реализации. Человек сам для себя — «черный ящик».

2) Ресурсы — это реально используемые возможности. То, что не используется, ресурсом не является. Индивид, с одной стороны, знает лишь о части своих потенциальных возможностей, а с другой — у него часто нет предпосылок (воли, организованности, адекватного стечения обстоятельств), чтобы превратить их в ресурс. Человеческие ресурсы принимают двоякий вид. а) Потребительский ресурс. Это использование личных качеств для удовлетворения своих потребностей и причуд (например, знание иностранного языка может повысить качество досуга). б) Рабочая сила, продаваемая на рынке труда. Иначе говоря, индивид сдает в аренду свои способности, получая заработную плату. Человеческий потенциал часто не превращается в рабочую силу из-за отсутствия доступных рабочих мест.

3) Человеческий капитал. В марксистской традиции капитал — это ценность, стоимость которой возрастает в процессе рыночного оборота. Человеческие ресурсы становятся капиталом, когда они приносят прибыль.

Процесс превращения человеческих ресурсов в человеческий капитал приобретает две основные формы. (а) Покупаемая чужая рабочая сила, результаты труда которой реализуются фирмой на рынке с целью получения прибыли. Дивиденды на человеческий капитал (прибавочная стоимость) присваиваются фирмой. В этой модели предприниматель выступает как посредник, превращающий рабочую силу в человеческий капитал. (б) Индивид самостоятельно выходит на рынок с собственными человеческими ресурсами, превращая их посредством своей предпринимательской активности в человеческий капитал, приносящий ему прибыль. Ключевым человеческим ресурсом, делающим возможным такое превращение, являются предпринимательские способности. Большинство людей, обладая потенциальными возможностями, не имеют этой предпосылки. В результате потенциал блокируется субъектностью на пути превращения в человеческий капитал.

Таким образом, судьба имеющегося у индивида личностного потенциала зависит, с одной стороны, от его субъектности (вектора устремлений и способностей), а с другой — от стечения внешних обстоятельств. В результате формальное образование, состояние здоровья и т.д. — это не показатели человеческого капитала, а всего лишь шансы, что он может возникнуть.

1. Becker G.S. (1964). *Human Capital*. N.Y.: Columbia University Press.

2. Mincer J. (1958) *Investment in Human Capital and Personal Income Distribution*. In: *Journal of Political Economy*. Vol. 66. P. 281–302.

3. Schultz T.W. (1972) *Human Resources*. N.Y.: National Bureau of Economic Research.

ОТНОШЕНИЕ ДОВЕРИЯ К ИНСТИТУТАМ СТРАХОВАНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ РФ)

Каранетян Рубен Варганович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование выполнено в рамках проекта «Оптимизация страховой защиты населения в условиях биологической угрозы» (Санкт-Петербургский государственный университет, Pure ID: 92423693)

Глобальной проблемой человечества является обеспечение его приспособляемости к постоянно меняющемуся социально-экономическому пространству. Современный мир ускоряет процессы, приводящие к радикальному изменению условий и образа жизни людей, заставляя находить наиболее адекватные с их точки зрения стратегии поведения. При этом спонтанно возникают новые угрозы, такие как экономические кризисы, меняющие социальные и психологические установки в поведении людей. Это не может не отражаться как на функционировании рынка страхования, так и на доверии населения к его продуктам.

На сегодняшний день страхование в России является объектом стратегического планирования, важной задачей которого выступает изучение отношения доверия населения страховым институтам в России. Доверие населения традиционным и новым страховым технологиям несет в себе достаточно высокий потенциал для их развития. Однако, это также требует дальнейшей разработки диагностических процедур и инструментов для выявления структурных и динамических характеристик восприятия и готовности к использованию современных страховых технологий, познания причин, процессов, механизмов и следствий изменений отношений людей к страховым услугам. В качестве одного из методов изучения доверия к институтам страхования был использован интернет опрос, проведенный с 26.05.2021 по 27.05.2021.

Выборочную совокупность образовали респонденты РФ. Выборка составила 1045 человек (465 мужчин, 578 женщин). Опросник был размещен на интернет-платформе SurveyMonkey2. Обработка результатов проходила с использованием программы SPSS. 26.0 и программы StatTech v. 1.2.0. Надежность опросника проверялась коэффициентом Альфа Кронбаха, который получился равным 0,930.

Основным выводом исследования является факт того, что отмечается преобладание недоверия к финансовым (в частности, страховым) институтам как более веская причина финансовой тревожности населения. О том, что в целом доверяют страховым институтам, и тому, как государство регулирует рынок страхования и инвестирования высказалось около четверти опрошенных. Тех же, кто испытывает недоверие значительно больше, порядка 41%. Самое же популярное, нейтральное отношение к проблеме – треть респондентов, свидетельствующее либо о безразличии к данной теме, либо о затруднении в ответе, скорее всего по причине неиспользования страховых программ. Подтверждением недоверия является утверждение 26,2% респондентов, что страховая компания не покрывает все их расходы при возникновении страхового случая, склонны так считать более 57% опрошенных, при нейтральном ответе 20%.

Но вот что обращает на себя внимание, с утверждением «я никогда не куплю страховку, потому что не верю страховым компаниям» согласилось меньшинство опрошенных, немногим более 16%. С тем, что недоверие является аргументом не приобретать страховой продукт несогласны более 63%. Самый же высокий показатель тех, кто абсолютно не согласен с данным тезисом – 17,7%. Возможная причина такого различия с двумя предыдущими позициями в том, что некоторые продукты страхования являются обязательными, и вне зависимости от доверия к страховым институтам, люди вынуждены страховать. Об этом говорят также ответы об актуальности страхования – «Я предпочитаю жить сегодняшним днем и не вижу смысла в страховании», которые в целом отображают практически равное распределение с легким смещением в сторону несогласия, средневзвешенное значение – 3,95.

Еще одной причиной может являться неудовлетворенность государственной политикой в сфере регулирования рынка страхования и инвестирования. С точки зрения большинства респондентов (53,9%) государство должно нести ответственность за частные коммерческие махинации перед теми гражданами, которые от этого пострадали. Более того, 68,1% опрошенных считает, а 39,5% убеждены, что должен существовать более жесткий контроль деятельности страховых компаний, банков и пенсионных фондов. Представляется, что его должно осуществлять государство.

Диссонируют с оценками выше ответы об отношении к цифровым финансовым инструментам. Так онлайн платежам и переводам не доверяет меньшинство, чуть более 15%, в то время как подавляющее большинство 75% склонны доверять данным инструментам, причем, абсолютное доверие у 44% респондентов. Мы находим объяснение этому в двух причинах. Первая связана с ощущениями у людей устранения «посредника» в лице финансовой организации выполняющей транзакции, когда оказывается возможным мгновенное и неограниченное распоряжение своими, пусть и виртуальными, финансовыми средствами, при этом с достаточной степенью информативности. Отсюда, в частности, отмеченное опрошенными удобство управлять банковским вкладом через приложение, чем ходить в банк – 83%, 58,8% считают это бесспорно удобным.

Вторая лежит в плоскости экономии времени. Тезис о том, что «благодаря онлайн сервисам оплаты проще вовремя оплачивать все обязательные платежи (ЖКХ; налоги; кредит; страховка и пр.) полностью поддерживает 60,4% респондентов, всего же согласны с ним более 80%.

Есть и еще одно обстоятельство, которое, как нам представляется, способствует росту доверия к цифровым финансовым инструментам - растущая цифровая грамотность населения. Средневзвешенное значение утверждения «считаю, что мой уровень цифровой финансовой грамотности на высоком уровне» составило 4,54, что позволяет судить о сравнительно высокой оценке респондентами своих цифровых знаний, более половины оценили своей уровень как высокий.

Таким образом, мы имеем ситуацию, при которой наблюдается сдержанная неудовлетворенность экономической ситуацией, которая в том числе выражается недоверием к экономическим инструментам привлечения потребителей. В той или иной степени не доверяют рекламе, маркетингу, политике скидок и распродаж более 48%, 24,6% выразили свое безразличие. Отсюда возникает эффект желая большинства сразу же потратить появившуюся большую сумму денег на текущие потребности или сделать крупное приобретение. К сожалению, отметим, что ценность здоровья не находится в числе первых приоритетов, и средства специально для этого не сберегаются 61% респондентов. Предпочтут довериться судьбе почти 44%, в то время как заплатят за страховку около 30% опрошенных. Тоже касается сложной финансовой ситуации, когда большинство использует традиционные (неформальные) ресурсы для решения проблемы - более 51%, против 31%. В целом же следует отметить, что, несмотря на незначительную позитивную динамику последних лет, доверие к финансовым институтам (в том числе страхованию) не является убедительным. В исследовании Edelman Trust Barometer [1], средний уровень доверия к бизнесу в России в 2021 году составил 34%, снизившись на 1 п.п., в то время как средний показатель по странам мира – 61%, в том числе США - 64%, Китай – 70%.

1. *Edelman Trust Barometer 2021*, с. 42.
<https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer.pdf>

ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ К ФИНАНСОВЫМ ИНСТИТУТАМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

Каранетян Степан Арсений Рубенович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Мы попытались разобраться, почему важно доверие к финансовым институтам. Основными причинами значимости доверия являются соображения финансовой стабильности и жизнеспособность бизнес-модели финансовых учреждений. Низкое

доверие к финансовому сектору может подорвать финансовую стабильность (Guiso, 2010). В худшем случае это может даже привести к отказу от услуг того или иного банка. Низкое доверие также может нанести ущерб индустрии финансовых услуг, что, в свою очередь, нанесет ущерб как отрасли, так и экономике, сократив доступность капитала для производственных целей [1]. Кроме того, потребители могут переключиться на нефинансовых поставщиков финансовых услуг, таких как технологические компании и пиринговые рынки (Ebay, RBNB, UBER).

Далее обратимся к измерению доверия к финансовым институтам. Мы различаем широкое доверие (доверие к финансовым учреждениям в целом) и узкое доверие (доверие к собственному финансовому учреждению). Здесь мы также обсудим, чем доверие к финансовым учреждениям отличается от генерализованного доверия. Генерализованное доверие относится к доверию к другим людям, с которыми нет прямых отношений. Как считают Сапиенца и Зингалес [2]: «Когда мы говорим, что доверяем кому-то, мы подразумеваем, что мы думаем, что он будет участвовать в полезных, ненаносящих ущерб действиях, поэтому мы рассмотрим возможность сотрудничества с ним».

Наконец, мы рассматриваем детерминанты (широкого и узкого) доверия к финансовым учреждениям, где различные факторы доверия подразделяются на пять групп: экономические факторы (например, финансовые кризисы), характеристики и поведение финансовых учреждений (например, качество их услуг и их финансовое положение), характеристики потребителей (такие как демографические характеристики, их финансовая грамотность и доступ к информации, а также экономические и политические взгляды), меры политики и институциональные настройки, а также другие виды доверия (например, генерализованное доверие). Большинство исследований доверия к финансовым учреждениям проводятся в одной стране, но есть и несколько межстрановых исследований. Мы пришли к выводу, что важно проводить различие между финансовыми учреждениями, такими как банки, страховые компании и пенсионные фонды. Поскольку у этих учреждений очень разные бизнес-модели, факторы доверия к банкам, страховым компаниям и пенсионным фондам могут различаться. Оказывается, большинство исследований доверия к финансовым институтам сосредоточено на банках. Что касается движущих сил доверия к финансовым учреждениям, мы пришли к выводу, что большинство исследований сосредоточено на ограниченном наборе потенциальных детерминант доверия.

Помимо демографических переменных, таких как возраст и пол, рассматривается большое разнообразие потенциальных движущих сил. Не существует исследования, в котором рассматривались бы все эти потенциальные факторы одновременно. С учетом этой оговорки кажется, что доверие зависит от экономической ситуации: доверие ведет себя проциклично и испытывает негативное влияние финансовых кризисов. Кроме того, имеет значение поведение финансовых учреждений: их культура и поведение по отношению ко всем заинтересованным сторонам, предоставление качественных услуг и финансовое благополучие оказывают положительное влияние на доверие. Наконец, хотя доверие связано с потребительскими характеристиками (включая их доступ к источникам информации, а также их политическими и экономическими ценностями), многие из этих отношений кажутся контекстно-зависимыми (например, зависящими от конкретного уровня доверия, рассматриваемого финансового учреждения, страны и времени).

Таким образом, доверие к финансовым учреждениям может повысить финансовую стабильность. Но очевидно и обратное: финансовая нестабильность, особенно финансовые кризисы, могут привести к снижению доверия к финансовым учреждениям (см. раздел 4). И этот эффект может длиться долго. Осили и Полсон [3, 650] обнаружили, что иммигранты, пережившие системный банковский кризис до проживания в США, с меньшей вероятностью будут иметь расчетные счета в США, чем иммигранты из той же страны, не имевшие такого опыта. Эффект сильнее всего проявляется у иммигрантов, которые были старше во время кризиса, вероятно, потому, что они чаще имели

банковские счета и теряли сбережения. Клиенты, которые доверяют своим банкам, также будут доверять финансовым инновациям (таким как интернет-банкинг), которые внедряют эти банки (Dimitriadis and Kyrezis, 2008).

Далее мы задались вопросом, как измерить уровень доверия?

В нескольких исследованиях проводится различие между широким и узким доверием. Согласно Хансен [4, 169], широкое доверие можно определить «как ожидание потребителя, что компании в рамках определенного типа бизнеса в целом надежны и на них можно положиться в выполнении своих обязательств». Сирдешмух и др. [5, 18] определяют узкое доверие как «ожидание потребителя, что поставщик услуг [то есть конкретное финансовое учреждение] надежен и на него можно положиться в выполнении своих обязательств».

В исследованиях используются качественно разные опросы для этих концепций. Некоторые из них включают вопросы, напрямую спрашивающие респондентов, насколько они доверяют финансовым учреждениям. «Доверяете ли вы своему основному банку, то есть [название банка]? Пожалуйста, присвойте баллы от 1 до 10, где 1 означает «Я совсем не доверяю этому», а 10 означает «Я полностью доверяю этому», а промежуточные баллы служат для градации вашего ответа». «Не могли бы вы указать степень вашего доверия к банкам?» где можно использовать одни и те же показатели.

Кроме того, в некоторых исследованиях анализируется доверие к менеджерам финансовых учреждений, основанное на следующих вопросах: «Я собираюсь назвать некоторые учреждения в этой стране. «Пожалуйста, скажите мне, как бы вы оценили честность и этические стандарты людей в этих различных областях — очень высокие, высокие, средние, низкие или очень низкие». [6] Другой пример — Ван дер Круйзен и др., которые измеряют как доверие к добросовестности менеджеров финансового сектора, так и доверие к их компетентности. [7].

1. Экономические факторы доверия к финансовым институтам

Доверие к финансовым институтам зависит от экономических факторов: оно движется проциклически. Стивенсон и Вульфферс исследуют доверие к банкам и финансовым учреждениям, а также к банкирам в США и обнаруживают сильную отрицательную связь с уровнем безработицы [8, 285]. Проциклическость доверия подтверждает межстрановой анализ по 98 странам: в странах с наибольшим ростом безработицы также наблюдалось резкое падение доверия к финансовым институтам и банкам. Связь наиболее сильна в странах ОЭСР.

Экономическая ситуация также актуальна для доверия к финансовым институтам, помимо банков. Основываясь на данных Евробарометра по 25 европейским странам, Науманн [9], например, сообщает, что уровень безработицы отрицательно связан с доверием потребителей к будущему своих пенсий.

2. Политика финансовых учреждений

Ван Дален и Хенкенс [10, 477] обнаружили, что доверие к голландским поставщикам пенсионных услуг (пенсионным фондам, банкам и страховым компаниям) зависит от их предполагаемой честности, компетентности, стабильности и доброжелательности. Они также показывают, что доверие к пенсионным фондам выше, чем доверие к банкам или страховым компаниям. Особенно в отношении таких характеристик, как честность и благотворительность, пенсионные фонды получают более высокие оценки, поэтому меньше людей считают пенсионные фонды нечестными или думают, что они ориентированы на интересы организации, а не на интересы клиентов.

Потеря доверия по также относительно высока в случае негативных сообщений в СМИ, падения цен на акции и непрозрачной информации о продуктах. Используя данные за 2016 год и обновленный список факторов, Ван дер Круйзен [7] показывает, что голландцы указывают, что продажа их данных банками другим компаниям приведет к сильнейшему снижению доверия. В 2020 году обмен данными с третьих лиц без

одобрения потребителей является основным фактором снижения доверия как к банкам, так и к страховым компаниям.

Ключевой вопрос заключается в том, как восстановить доверие к финансовым учреждениям после кризиса или даже во время других негативных событий, таких как банкротство банков или сокращение пенсий.

1. Jaffer, S., Morris, N. and Vines, D. (2014) *Why trustworthiness is important*. In: *Capital Failure: Rebuilding Trust in Financial Services*, Morris, N. and Vines, D. (eds.), Oxford, Oxford University Press.
2. URL: <http://www.financialtrustindex.org/resultswave28.htm>. (Дата обращения 27.09.2022 г.)
3. Осипов, О. и Полсон, А. (2014) *Кризисы и доверие: системные банковские кризисы и поведение вкладчиков*. Журнал финансовой экономики 111: С.646–660.
4. Hansen, T. (2017) *The moderating effects of financial broad-scope trust on consumer knowledge, cognitive effort, and financial healthiness*. *Journal of Consumer Behaviour* 16(2): P. 161–175.
5. Sirdeshmukh, D., Singh, J. and Sabol, B. (2002) *Consumer trust, value, and loyalty in relational exchanges*. *Journal of Marketing* 66(1): P. 15–37
6. URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.101.3.281> (Дата обращения 27.09.2022 г.)
7. URL: https://econpapers.repec.org/article/tafapplec/v_3a51_3ay_3a2019_3ai_3a12_3ap_3a1212-1231.htm (Дата обращения 28.09.2022 г.)
8. Стивенсон, Б. и Вулферс, Дж. (2011) *Доверие к государственным учреждениям в течение бизнес-цикла*. *American Economic Review: Papers & Proceedings* 101 (3): 281–287.
9. Naumann, E. (2018) *Trust in ageing societies: confidence in pensions across Europe*. In: *Welfare State Reforms Seen from Below*, Ebbinghaus, B. and Naumann, E. (eds.), Cham, Palgrave Macmillan.
10. Ван Дален, Х. и Хенкенс, К. (2018) *Создание и разрушение доверия к пенсионным организациям: эмпирическое исследование участников пенсионного обеспечения*. *Женевские работы о рисках и страховании - вопросы и практика* 43: С. 473–491.

ФОРМАТ ИГРАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ ИГРОВОЙ ПАРАДИГМЫ ЗАНЯТОСТИ

Киселева Людмила Сергеевна

(Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы)

Аннотация. В докладе сделан акцент на феномене игработы и перспектив ее распространения в обществе будущего. Играрбота - формат, появившийся в результате конвергенции игры и работы. В 30-х гг. XXI в. игра станет нормой в повседневной жизни и в работе. В настоящее время стремительно обогащается понятийный аппарат игровой парадигмы; появляются перспективные профессии, связанные с игровой деятельностью. Наиболее актуальными сферами распространения игработы являются социальные медиа, журналистика, образование, маркетинг, использование игроков в виртуальных мирах для решения реальных задач.

Цифровая трансформация общественной жизни оказала значительное влияние на рабочую среду и культуру. Технологии способствовали выводу работы и общения за пределы физического местонахождения, а также дали возможность заниматься работой в свободное время и наоборот. Наиболее очевидно это проявляется в формате игработы - формата, появившегося в результате конвергенции игры и работы.

В XXI веке жизнь предъявляет к человеку новые требования - отказ от шаблонных решений и действий, приоритетность подвижности и гибкости мышления, быстрая ориентация и адаптация к новым условиям, творческий подход к решению все более разнообразных и сложных, больших и малых проблем. «Человек играющий» принципиально меньше отягощен грузом социально обусловленных стереотипов. Он

обладает более мобильными реакциями, способностью манипулировать любыми пластами информации, гибко моделировать социальное и профессиональное поведение. Постепенно и по разным причинам рабочая деятельность обретает черты игровой. Игровые форматы взаимодействия превращаются в инструменты производства - особенно если результатом производства станет идея или организационный процесс. В некоторые монотонные виды операторской деятельности вводятся элементы игры, чтобы обеспечить поддержание нужного уровня внимания. Неотъемлемой частью рабочего процесса постепенно становятся конкурсы и соревнования, а используемая в них мотивация тяготеет к тому, чтобы окончательно стать нематериальной. В тоже время, компьютерные игры постепенно начинают выполнять рабочие цели третьих лиц - проводить диагностику, генерировать идеи, обучать своих пользователей навыкам, полезным во внеигровой реальности.

В зарубежных исследованиях авторство термина «playbour» (англ. play - играть и labour - труд, занятость) принадлежит теоретику видеоигр J. Kücklich [1], который подразумевал под playbour любое взаимодействие или сетевой опыт, в котором используются игровые техники (поглощение, погружение, повторение, рекомбинация), чтобы получить от пользователя некоторую работу, которая может способствовать увеличению прибыли компании. В частности, исследуя моддинг как нестандартный труд, J. Kücklich указывает, что 1) моддинг не является категорией наемного труда, внештатной или добровольной работы, 2) моддинг не является категорией досуга, игры или искусства, и отмечает неопределенный статус моддинга по отношению к традиционным представлениям о работе и досуге. R. Ferrer-Conill, анализируя тенденцию включения игрового мышления и игровых элементов в рабочие процессы на предприятиях, приходит к выводу о том, что игра, с одной стороны, пытается расширить возможности работников в самореализации, а с другой стороны, усиливает эксплуатацию, наблюдение и контроль над работниками [2].

Джабали М. делает акцент на преимуществах формата игработы, заключающихся в возможности преодоления проблемы мотивации. Традиционно за термином «работа» закрепился образ деятельности, требующей воли и сосредоточенности, опирающийся на внешнюю мотивацию - получение средств к существованию и достижение статуса. В работе присутствуют черты рутины, однообразия, ограниченности доступных вариантов и сценариев, «скуки» в широком смысле [3]. Игровая деятельность, напротив, обладает чертами творчества, радости, спонтанности и полагается на естественную мотивацию. Игра обычно не ассоциируется с общественной или личной пользой, ответственностью или процессом социализации личности. Российские ученые в прогнозной модели будущего образования к 2023 году спрогнозировали смену структуры занятости и образа жизни. С их точки зрения, к 2030 году наступит эпоха тотальной игры - игра станет нормой в повседневной жизни и в работе. Игработа понимается ими как массовое использование игроков в виртуальных мирах для решения реальных задач.

Неотъемлемой частью современной жизни, обеспечивающей двустороннюю коммуникативную среду и творческий выход для отдельных людей, являются гибридные формы работы, игработа и цифровой труд. Так, с развитием новых форматов цифровых медиа, особенно социальных сетей, медиа-потребление трансформировалось в активное цифровое просвещение, где потребитель также становится производителем цифрового контента. Термин «просьюмер» (англ. producer of content (производитель контента) + consumer of content (потребитель контента)) относится к тем индивидуальным создателям контента, которые являются потребителями, но одновременно производят контент без прямого стимула или связи с коммерческой организацией. Цифровая экономика начала трансформироваться в новую инновационную версию традиционной экономики труда, позволяя просьюмерам контента получать доход от своей деятельности. Происходит трансформация игровых досуговых мероприятий в сторону более профессиональных характеристик, примером которых является личное вещание (видеоблоггинг, стриминг).

С. Archer [4] в своем исследовании акцентирует внимание на влиятельности матерей-блоггеров, для которых ведение блогов стало игрой, а маркетологи решают вопросы по взаимодействию с этими влиятельными в социальных сетях лицами, которые все чаще рассматриваются как способные продавать продукты и идеи через свои блоги и аккаунты в различных социальных сетях.

Мы констатируем, что игра обогатит возможности занятости молодежи, даже детей; дает возможность совмещения видов деятельности для занятых домашних трудом. Игровая парадигма занятости наиболее актуальна в настоящее время в сфере медиа, в образовании и в коммерческом использовании возможностей виртуального мира.

1. Kucklich J. *Precarious Playbour: Modders and the Digital Games Industry* // *The Fibreculture Journal*. 2005. Issue 5. URL: <https://five.fibreculturejournal.org/fcj-025-precarious-playbour-modders-and-the-digital-games-industry/> (Дата обращения 09.10.2022)

2. Ferrer- Conill R. *Playbour and the Gamification of Work: Empowerment, Exploitation and Fun as Labour Dynamics*. In: Bilic P., Primorac J., Valtisson B. (eds.) *Technologies of Labour and the Politics of Contradiction*. Palgrave Macmillan, Cham. 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-76279-1_11

3. Джабали М. *Про игру и фрутменеджмент* // URL: <https://newtonew.com/opinion/game-life> (Дата обращения 08.10.2022)

4. Archer C. *Social media influencers, post-feminism and neoliberalism: How mum bloggers' 'playbour' is reshaping public relation* // *Public Relation Inquiry*. 2019. Vol.8. Issue 2. <https://doi.org/10.1177/2046147X19846530>

ПРЕКАРНЫЕ ЧЕРТЫ ЗАНЯТОСТИ В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Колосова Елена Андреевна

(Российский государственный гуманитарный университет)

Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект №18-18-00024).

Под прекарризацией занятости, как правило, понимают трудовую деятельность на неустойчивых, негарантированных условиях, обуславливающих высокий риск потери работы или сокращения ее объемов не по желанию работника [1, с. 85].

Основные критерии отнесения деятельности к прекарной занятости это: «численность работников, для которых характерно негарантированное социально-правовое положение (отсутствие трудового договора или его краткосрочность), специфические формы и условия организации трудового процесса; произвольная оплата труда или ее эрзацы; полное или частичное отсутствие социальных гарантий; отстраненность от принятия решений в своей организации; социально-психологическое восприятие своего социального положения, когда работники не видят удовлетворяющих их перспектив гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни» [2, с. 90]

На основе анализа данных, полученных в ходе двух всероссийских исследований «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества», проведенных в 2021 и 2022 гг., выявлены особенности прекарности условий труда в зависимости от семейного положения и наличия детей у работника.

Отсутствием социальных льгот, медицинским обслуживанием и отсутствием перспектив в работе и карьере обеспокоены в первую очередь те работники, у которых нет детей. Кроме того, обнаружена связь с возрастом тех, для кого важны данные характеристики. Среди них преобладает молодежь, которая находится на стартовых позициях в трудовой деятельности.

Тех, кто менял место работы за последние полгода гораздо больше среди бездетных. Тех, кого условия труда устраивают больше в группе имеющих детей (40% против 58% в 2022 г.). Работники, не имеющие детей, преимущественно состоящие из

вчераших студентов и людей, только начинающих свой трудовой путь, предъявляют куда большие требования к работодателям, а, следовательно, и к предлагаемым условиям труда.

Работники с детьми более надежная рабочая сила, поскольку держаться за свое место, не готовы менять его, и готовы терпеть определенные ограничения, в силу необходимости получения регулярного заработка, чтобы прокормить семью, и не готовы этим рисковать.

Несмотря на тяжелые последствия пандемии во всех сферах общества, работники с детьми практически не ощутили на себе ухудшения в условиях труда. Это обусловлено не в последнюю очередь тем, что большинство работников с детьми имеют бессрочный договор, дающий максимальное число гарантий от государства.

1. Кученкова А.В. Прекаризация занятости как фактор дифференциации заработной платы и социального самочувствия работников // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2021. №1. С. 84-96.

2. Тоценко Ж.Т. Общие и специфические критерии прекарной занятости (опыт эмпирического анализа) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 90-102.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Константинова Лариса Владимировна

(Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова)

Аннотация: В статье представлены три стратегии развития российской высшей школы в условиях новых геополитических вызовов. Определяется направление трансформации высшего образования в рамках опережающей стратегии и ориентации на запросы отечественной экономики – развитие опережающего образования по профессиям будущего на основе формирования междисциплинарных компетенций и поддержки профессиональной мобильности.

В условиях современных геополитических вызовов перед российской высшей школой стоит проблема определения новой стратегии развития. Такая стратегия может иметь разную направленность:

1. Адаптационная стратегия – разработка и реализация оперативных мер реагирования на попытки международной изоляции российской высшей школы с целью достижения ее устойчивости, приспособление вузов к функционированию в условиях введенных ограничений путем приостановки определенных видов деятельности или их перевода в сокращенный режим.

2. Догоняющая стратегия - ориентация на задачи импортозамещения: приоритезация задач подготовки кадров для отраслей и сфер экономики, высвобождаемых в связи с уходом зарубежных компаний; переориентация тематики научных исследований на разработку технологий, заимствованных ранее за рубежом и попавших под санкции; изменение вектора международного академического сотрудничества в сторону дружественных стран.

3. Опережающая стратегия – максимальное использование возможностей ухода от многих ранее установленных внешними правилами ограничений, задействование собственных драйверов и ресурсов с целью выхода на новый уровень развития и содействия достижению национальных целей; ориентация на достижение лидирующих позиций российского высшего образования в мире, на качественный уровень прорывных

научных исследований и разработку новых технологических решений уровня индустрии 4.0.

Определяя направления трансформации системы высшего образования в России в рамках опережающей стратегии важно понять, как она будет способствовать экономическому росту. Очевидно, что в современных условиях такая система должна ориентироваться, в первую очередь, на запросы отечественной экономики, одним из основных вызовов которой является высокий динамизм изменений и неопределенность развития рынка труда и социально-профессиональной сферы. В этих условиях образовательная политика должна обеспечивать не только адаптацию вузов к динамично изменяющимся запросам общества, но и их возможности готовить специалистов для профессий будущего, и тем самым конструировать профессиональный ландшафт экономики будущего. То есть речь должна идти о формировании системы опережающего высшего образования.

Опережающее высшее образование предполагает трансформацию жестко стандартизированного и зарегламентированного образования в сторону его гибкости и вариабельности, что может обеспечивать быстроту реакции на внешние вызовы и изменения, на постоянные динамические переходы. В современных условиях перспективной становится подвижная образовательная система, интегрированная с реальным сектором и наукой, предполагающая возможность реализации одновременно «длинных», «коротких» и «высокоскоростных», фундаментальных и практикоориентированных, проектнонасыщенных образовательных программ, возможности динамичных изменений их содержания, индивидуализации образовательных траекторий обучающихся, обеспечения одновременно узконаправленной специализации и междисциплинарности, транспрофессиональности, soft-skills-ориентированности.

Уже очевидно, что профессии будущего, которые будут появляться и заменять существующие в течении ближайших 15-20 лет — это профессии на стыке нескольких дисциплин, теряющие «жесткость описаний» и требующие междисциплинарных компетенций. В этой ситуации более перспективными окажутся те образовательные системы, которые снимают барьеры в виде жестких стандартов (образовательных, профессиональных) с развития многопрофильных («гибридных») образовательных программ, реализуемых на стыке направлений подготовки и специальностей, где стандарты приобретают более рамочный и рекомендательный характер, допускают возможность наполнения образовательных программ требованиями из разных профессиональных сфер, где масштабно реализуются сетевые образовательные технологии и индивидуальные образовательные траектории, позволяющие обучающимся одновременно овладевать межпредметными компетенциями. В целом очевиден тренд, что профессии будущего будут возникать на стыке отдельных профессиональных сфер. Поэтому наиболее конкурентоспособной окажется та модель высшего образования, которая будет подразумевать необходимый баланс, с одной стороны, узкой профессиональной специализации и стандартизации, а с другой, – междисциплинарности и персонализации.

Естественным следствием повышения динамизма профессиональной сферы и важным фактором экономического роста становится профессиональная мобильность работников, предполагающая их способность перемещаться из одной профессии в другую, менять профессиональную траекторию несколько раз за период активной трудовой жизни.

Чтобы отвечать потребностям развития профессиональной сферы, высшее образование должно быть мобильным по своей структуре и принципам функционирования [1]. Результаты выборочных обследований, проведенных, статистическими органами Российской Федерации в 2020 году свидетельствуют о том, что

только 70% выпускников вузов имели работу, связанную с полученной специальностью, а 30% работали не по специальности [2, 162]. При этом 33,9% населения в возрасте от 25 до 29 лет намерены в дальнейшем участвовать в непрерывном образовании [3, 85]. Эти данные не столько говорят о несоответствии вузовской подготовки запросам рынка труда, сколько о возрастающей потребности в профессиональной мобильности выпускников уже на этапе окончания вузов.

Опыт многих стран, в том числе и нашей, показывает, что в условиях динамичной профессиональной сферы многоуровневая система высшего образования в большей степени отвечает требованиям профессиональной мобильности, чем традиционная. Поэтому обновленная система уровневой высшего образования в России должна быть направлена именно на мобилизацию данного потенциала и обеспечение возможностей профессиональной мобильности уже на этапе обучения в вузе.

Предполагается, что это возможно за счет установления исходных принципов, на которых такая система должна выстраиваться, чтобы соответствовать запросам быстроменяющейся экономики, развивающейся в условиях неопределенности и технологической обусловленности, в числе которых:

гибкий подход к количеству лет обучения по образовательным программам разного уровня;

соответствие количества лет неразрывного цикла высшего образования отраслевой специфике и скорости изменений в конкретных профессиях;

многоформатность различных уровней высшего образования;

конкретизация целевых ориентаций образовательных программ разного уровня;

гибкость и открытость образовательных программ;

междисциплинарность и транспрофессиональность;

баланс фундаментальности и практикоориентированности;

задействованность преимуществ электронного (онлайн) обучения;

соответствие передовым мировым практикам.

В целом, заново выстраиваемая уровневая система высшего образования должна одновременно давать возможность междисциплинарной профессиональной мобильности и глубокого погружения в профессию.

1. Игошев Б. М. *Сущностно-логический анализ мобильности как межнаучного понятия // Педагогическое образование в России. 2014. № 1. С. 105-111.*

2. *Индикаторы образования: 2022: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022.*

3. *Индикаторы образования: 2022: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022.*

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЛАГОПОЛУЧИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЁМНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА

*Красильникова Татьяна Дмитриевна
(Юго-Западный Государственный университет)*

Проблема сложности в характеристике благополучия является весьма актуальной не только для российской действительности, но и для всего общества в целом. Потому как понятие «благополучие» многомерно и представляет собой целую систему, которая характеризуется сложной взаимосвязью социальных, культурных, экономических, психологических и духовных факторов. Благополучие человека находит выражение в целом ряде сходных понятий, таких как: субъективное благополучие, объективное благополучие, удовлетворенность жизнью, счастье, психологическое благополучие,

качество жизни, психологическое и эмоциональное здоровье и т.п. Исходя из этого, на первый план выходит проблема создания единой системы измерения благополучия. На сегодняшний день существует множество различных подходов к определению понятия «благополучие», нами же были рассмотрены подходы Балашовой Г.К., Козлова В.Н., Бочаровой Е.Е., Леонтьева Д.А. [1].

В современной России в Центрально-Черноземный экономический район входит пять регионов: Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая и Тамбовская области. В перечень показателей благополучия входят такие критерии, как здоровье, возможности трудоустройства, социально-экономическое развитие, окружающая среда и безопасность. По нашему мнению, именно социальная и экономическая базы определяют вектор развития отдельного субъекта РФ и обеспечение роста благополучия [2]. Социальная группа показателей характеризует здоровье нации через демографические параметры, экономическая группа показателей отражает состояние и развитость экономики. Поэтому в данной работе мы выделили ряд конкретных параметров, которые будут замеряться, а именно – уровень ВВП, уровень занятости, уровень безработицы, ожидаемая продолжительность жизни и общий коэффициент смертности по субъектам.

Возможности трудоустройства характеризуют два основных показателя: уровень безработицы и уровень занятости населения. На основе этих показателей можно сделать выводы об относительной способности человека находить работу и оставаться на ней, а также о социально-экономической ситуации в регионе [3].

Говоря об уровне занятости населения, следует отметить, что, во-первых, данный показатель рассчитывается путем соотношения численности занятого населения к численности экономически активного населения. Во-вторых, считается, что оптимальный уровень занятости населения равен от 60% до 70%. Если значение выше рекомендуемого, то из этого следует, что на исследуемой территории велико количество нетрудоспособного населения в лице детей, не достигших трудоспособного возраста, и пенсионеров, снижение же влечет за собой сокращение ВРП [2]. Полная занятость не означает абсолютного отсутствия безработицы. Экономисты считают фрикционную и структурную безработицу совершенно неизбежной: следовательно, «полная занятость» определяется как занятость, составляющая менее 100% рабочей силы [4].

Проанализировав данные Росстата за период с 2010 по 2019 год, легко заметить закономерность: максимальный прирост показателей уровня занятости наблюдается в 2011-2013 гг. На основе этого можно сделать вывод, что в данный период времени в регионах Черноземья происходил социально-экономический рост, иначе говоря, происходило повышение уровня продаж и выпуска продукции, что подразумевало под собой большее количество людей, участвующих в этом процессе, отсюда и рост уровня занятости.

Опираясь на данные Росстата за период с 2010 по 2019 год, закономерным будет сказать, что, на первый взгляд, все регионы Черноземья имеют тенденцию к снижению уровня безработицы. Рекордно высоким уровнем безработицы среди исследуемых областей обладала Курская область в 2010 году – 8.2. Эта цифра говорит о спаде экономики, однако на протяжении 10 лет мы видим относительно стабильный спад безработицы [5]. Одними из факторов снижения могут служить повышение качества рабочего места и условий труда. Но тем не менее уровень безработицы в Курской области выше других регионов Черноземья, что может говорить о некотором отставании Курской области в социально-экономическом развитии от других регионов.

Таким образом, нами были приведены данные, которые помогут собрать образ благополучия регионов Черноземья. Так среднее значение изменения ВРП Курской области равно 30 745,51, меньшее значение у Воронежской области (30 192,45) и Тамбовской области (22 681, 12), а большее у Белгородской области (41 838,4) и Липецкой области (33 471,72). Аналогичную картину можно увидеть и в средних значениях индекса динамики: Курская область со значением 1,114, и по обе стороны от нее Воронежская и

Тамбовская (1,130 и 1,119 соответственно) и Белгородская и Липецкая (1,103 и 0,951 соответственно). Подобный расклад обстоит и со средними значениями уровня занятости: на первом месте Липецкая область (65,67), на втором Белгородская (65,32), на четвертом Тамбовская (61,29), на пятом Воронежская (62,01), а на третьем – Курской область со значением 63,72, то есть Курская область снова оказывается посередине. И средний индекс динамики в Курском регионе также находится в центре совокупности (1,0075), опять же большее значение у Воронежской (1,0102) с Белгородской (1,0099) областями, а меньшее у Липецкой (1,0029) и Тамбовской (1,0020).

1. Балашова Г.К. Опыт применения методики изучения субъективного благополучия в социологическом исследовании / Г.К. Балашова // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2012. – № 35. – С. 57-89.
2. Богданова Е.Е. Выявление факторов, влияющих на уровень жизни населения стран мира / Современные научные исследования и инновации // Е.Е. Богданова. — 2013. — № 12. — С. 87
3. Бояринова А.С. Проблемы измерения социального и экономического благополучия человека / А.С. Бояринова // Экономика России в XXI веке: сборник научных трудов XII Международной научно-практической конференции "Экономические науки и прикладные исследования". – 2015. –Т.1. – С. 378-383.
4. Воронин Г.Л. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия / Г.Л. Воронин // Социологический журнал. – 2009. – №3. – С. 41-54.
5. 17 целей. Устойчивое развитие. Департамент по экономическим и социальным вопросам [Электронный ресурс] URL: <https://sdgs.un.org/goals> (Дата обращения: 03.10.2022)

СУБЪЕКТИВНАЯ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ЗАНЯТОСТИ В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Кученкова Анна Владимировна

(Российский государственный гуманитарный университет)

Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект №18-18-00024).

Распространение в последние десятилетия прекаризованных форм занятости, характеризующихся сокращением или отсутствием социально-правовых гарантий, институциональных форм и механизмов поддержки работников, сказываются на их субъективном благополучии [1, 2], способствуют формированию *чувства незащищенности, неустойчивости в сфере труда*, под которым понимают субъективно оцениваемую и нежелательную вероятность потери работы или связанных с нею выгод, а также эмоциональное переживание опасений, беспокойства по поводу этих потенциальных угроз [3]. На фоне введения Западом в отношении России широкомасштабных санкций весной-летом 2022 г. последовало закрытие и приостановка деятельности иностранных компаний, прерывание логистических цепочек по поставке необходимых комплектующих. Для работников разных отраслей возросли риски потери работы или изменения условий трудовой деятельности и занятости.

По данным всероссийского опроса работающего населения, проведенного в рамках проекта «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» под руководством Ж.Т. Тоценко, в мае 2022 г. большинство работников (72,7-82,2%) было уверено, что в ближайшее время они не столкнутся с приостановкой деятельности или закрытием организации, переводом на сокращенный рабочий день, отправлением в неоплачиваемый отпуск, трудовыми конфликтами. Соответственно 18,7-27,3% ожидали таких перемен. Менее распространена уверенность в отсутствии угрозы увольнения, сокращения и урезания зарплаты (64-66,6%). Субъективная незащищенность в сфере

труда выше среди работников частных предприятий, в сфере промышленности, строительства, сельского хозяйства, торговли, транспорта.

Ключевыми факторами, детерминирующими субъективную неустойчивость в сфере труда, являются объективные проявления негарантированной, прекаризованной занятости (в первую очередь – отсутствие бессрочного трудового договора и социально-правовых гарантий вне зависимости от отрасли, в которой занят работник). Субъективная незащищенность в сфере труда сопряжена с сокращением объемов экономического, социального, культурного капиталов работника, снижением оценок собственной жизни в целом и в отдельных сферах, а также внешних условий жизнедеятельности и ситуации в стране.

1. Кученкова А.В. Прекаризация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 1. С. 101–120.

2. От прекарной занятости к прекаризации жизни. Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тоценко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. 364 с.

3. Смирнова А.Ю. Двухкомпонентная модель субъективной незащищенности в сфере труда в зарубежных исследованиях: психологическое содержание и диагностика феномена // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 99-105.

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДОВОЙ ИММИГРАЦИИ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЯРОСЛАВЛЯ)

Лузина Виктория Андреевна

(Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова)

Миграция как сложный демографический процесс оказывает влияние на социально-экономическое, политическое, культурное развитие современных государств. Трудовая иммиграция представляет собой пересечение государственной границы с целью продажи своей рабочей силы [1, с. 17]. На сегодняшний день Россия является одной из ведущих стран по миграционному притоку населения. Российский рынок нуждается в восполнении нехватки низкоквалифицированной рабочей силы, необходимой для развития трудоемких отраслей экономики. С одной стороны, мигранты с низкой профессиональной квалификацией, не владеющие в совершенстве русским языком, не могут быть полноценными конкурентами на рынке труда для местного населения. С другой, нелегальная миграция создаёт угрозы для общественной безопасности: 72% преступлений мигрантов за 2021 г. приходится на выходцев из «безвизовых» стран СНГ [2]. Поэтому трудовая иммиграция привлекает внимание исследователей.

По данным опроса ВЦИОМа за 2021 г. (N=1600) 60% россиян отметили, что в присутствии мигрантов положительных и отрицательных сторон поровну, 27% - выделили больше отрицательных, 11% - положительных сторон. Больше половины респондентов (54%) поддержали идею отказаться от использования труда мигрантов в строительстве, около трети (32%) выступили против таких мер. 41% опрошенных не согласились с полезностью труда мигрантов для экономики страны, более четверти (28%) согласились, еще 24% отчасти согласны, отчасти не согласны. Более половины (57%) россиян отметили, что иммигранты повышают уровень преступности, и почти столько же (56%) считают, что иммигранты восполняют нехватку рабочей силы на низкооплачиваемых должностях. В сравнении с опросом ВЦИОМа 2005 г. оценка положительного влияния трудовых мигрантов на экономику страны респондентами выросла с 20 до 28 [3].

По данным опроса ФОМа 2018 г. (N=1500) более трети (37%) россиян готовы видеть мигрантов только на рабочих местах, не требующих квалификации; почти столько же (36%) готовы видеть их на любых рабочих местах, где есть дефицит кадров, 11%

вообще не хотят их видеть и только 5% готовы видеть мигрантов на рабочих местах, требующих высокой квалификации [4].

В целом, за последние годы отношение к трудовой иммиграции несколько улучшилось. По мнению россиян, мигранты восполняют нехватку рабочей силы на низкооплачиваемых должностях. При этом они негативно относятся к занятию мигрантами более высоких должностей, требующих квалификации и образования.

В рамках опроса Левада-Центра 2017 г. (N=1600) две трети (67%) россиян отметили, что правительству РФ следует попытаться ограничить приток приезжих, менее четверти (19%) отметили, что не следует ставить на пути притока мигрантов административные барьеры, используя его на благо России [5]. По данным опроса, проведенного в декабре 2021 г. (N=1640), более трети (37%) россиян не пускали бы в Россию цыган, четверть (27%) - выходцев из Африки, (26%) - из Средней Азии (таджиков, узбеков), около четверти (23%) – китайцев [6].

Исходя из этого можно сделать вывод, что наибольшая социальная дистанция у населения РФ наблюдается в отношении цыган, выходцев из Африки и Средней Азии. Более положительное отношение отмечается к чеченцам, евреям и украинцам.

Для изучения особенностей отношения к трудовой иммиграции в России было проведено собственное пилотажное исследование на примере города Ярославля. Исследование проводилось методом интернет-опроса. Анкетирование проводилось с 26 мая по 1 июня 2022 года. В опросе участвовало 60 жителей Ярославля: 50% женщин и 50% мужчин. Респонденты были опрошены в пяти возрастных группах: 18-24 (20%), 25-34 (20%), 35-44 (20%), 45-49(20%), 60 лет и старше (20%).

По результатам исследования половина (50%) респондентов не считают присутствие мигрантов в своём городе чрезмерным. Однако, ровно столько же (50%) отметили, что государству следует ограничить поток трудовых мигрантов. Более половины участников негативно относятся к присутствию мигрантов в правоохранительных органах (51,7%), две трети (68,3%) - в органах местной власти и самоуправления. Треть респондентов (35%) негативно относятся к присутствию мигрантов в сфере образования и медицины. 31,6% и 18,3% респондентов готовы видеть среди членов семьи белорусов и украинцев. 38,3% пускали бы в Россию только временно выходцев из Средней Азии, 25% - с Северного Кавказа, 18,3% - из Закавказья.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что жители города Ярославля не считают приток мигрантов в регион чрезмерным. При этом население не готово к присутствию иностранцев на высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых должностях, в частности, в сфере государственного управления. Наиболее негативное отношение респондентов было выявлено к мигрантам из Средней Азии и Северного Кавказа, а наиболее положительное - к белорусам и украинцам. Миграционная политика государства, по мнению респондентов, должна корректироваться в сторону ограничения потока трудовых мигрантов.

1. Волох В.А. Трудовая миграция: политико-правовые и социально-экономические аспекты привлечения и использования иностранной рабочей силы, Москва 2010 г., 251 с.

2. Преступность среди мигрантов в России за год выросла на 5,9 процента 18.01.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220118/prestupnost-1768445652.html> (дата обращения 19.09.2022)

3. Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение, ВЦИОМ, 18 ноября 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie?ysclid=18wy5yy78u586986400> (дата обращения 07.10.2022)

4. Отношение к трудовым мигрантам, ФОМ, 11 октября 2018, [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14114?ysclid=18wz8kcjrw269284650> (дата обращения 07.10.2022)

5. *Отношение к трудовым мигрантам*, Левада-Центр, 24.04.2017, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam/> (дата обращения 07.10.2022)

6. *Ксенофобия и мигранты*, Левада-Центр, 24.01.2022, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> (дата обращения 07.10.2022)

ЗАБАСТОВКИ КАК ВОЗМОЖНЫЙ МЕТОД ВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОГО КОНФЛИКТА

Мальшико Ярослав Олегович

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

С конфликтными ситуациями люди сталкиваются постоянно на протяжении всей жизни человека. Так как человек большую часть своей жизни проводит в рамках трудовой деятельности, то большое влияние на его развитие оказывают в том числе и социально-трудовые конфликты, с которыми многие сталкиваются очень часто.

В рамках нашей статьи мы будем использовать основополагающий для нас термин – *социально-трудовой конфликт*. На наш взгляд, наиболее точное определение данному понятию дал доктор социологических наук Осеев А.А.. Социально-трудовой конфликт – вид социального конфликта. Это особый вид общения, в основе которого лежат противоречия в системе трудовых отношений. Это столкновение противоположно направленных действий работников, вызванное расхождением интересов, ценностей и норм поведения [2].

С целью анализа частоты возникновения социально-трудовых конфликтов и их влияния на различные трудовые процессы, нами было проведено собственное авторское пилотажное социологическое исследование, в котором было опрошено 215 респондентов, занятых в трудовой деятельности на различных предприятиях.

Среди опрошенных респондентов только у 18% на работе никогда не возникало каких-либо конфликтов. У 16% конфликты на работе возникают часто, у 41% - иногда, а у 25% опрошенных конфликты возникают довольно редко.

В рамках нашего исследования мы решили уделить особое внимание такому способ участия в конфликтах, как забастовка. Организованный отказ части работников работать, для того, чтобы попытаться заставить работодателей пойти на уступки и повысить заработную плату, сократить продолжительность рабочего дня, улучшить условия труда и т. д. [1]. Мы интересовались об участии респондентов или их коллег в забастовках на рабочем месте. Лишь 7% опрошенных указали, что они или их коллеги принимали участие в данном формате высказывания своего мнения, а 93% такого участия не принимали.

В целом, поддержкой со стороны респондентов по результатам исследования, забастовки не пользуются. Женщины чаще не поддерживают забастовки, чем мужчины. Также женатые/замужние чаще, чем холостые/не замужние указывают, что выступают против забастовок. Респонденты с низким уровнем материального положения или поддерживают (ставят оценки выше среднего) или наоборот выступают против забастовок, в то время сотрудники с более высоким доходом чаще выступают нейтрально. Женщины чаще, чем мужчины указывают, что не приняли бы участие в подобном мероприятии.

Таким образом, можно утверждать, что забастовки – крайне непопулярный метод ведения конфликтов, который используется редко и только при самых крайних случаях.

1. *Академик. Словарь бизнес терминов*, 1998 – [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/4442> (дата обращения: 29.09.2022).

2. Осеев А.А. *Трудовые конфликты и методы их разрешения*, 2016 – [Электронный ресурс]. – URL: <https://forpsy.ru/works/referat/trudovyye-konflikty-i-metody-ih-razresheniya-oseev-a-a/> (дата обращения: 30.09.2022).

НЕСТАНДАРТНАЯ ЗАНЯТОСТЬ ПОЖИЛЫХ: ПОТЕНЦИАЛ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

Маркеева Анна Валерьевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Старение населения – это глобальный тренд, который требует не только изучения, но реализации проактивной политики для нивелирования негативных эффектов тренда для сложившихся социально-экономических институтов. Углубление демографического дисбаланса влияет на рынок труда, требует поиска путей более активного вовлечения пожилых в трудовую жизнь. Стратегия продолжения трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста будет расширяться. Об этом свидетельствуют данные опросов: согласно данным ФОМ (2021) на вопрос о будущем работы (через 50 лет) 24% указали, что люди будут работать дольше, чем сейчас, 25% - столько же, как сейчас[1].

Сегодня спектр решений по развитию занятости пожилых концентрируется на программах удержания их на текущих рабочих местах, в сферах стандартной занятости. Вместе с тем потенциал новых форм занятости не задействован полностью из-за сложившего стереотипа о нежелании и/или неготовности пожилых включаться в такие формы (что расходится с рядом существующих исследований) и опасений в усилении дискриминации и отсутствии возможностей для защиты пожилых работников от негативных эффектов прекаризации. Проблемы прекаризации отношений существуют, однако необходимо признать, что пожилые уже задействованы в неформальном секторе, доля занятых в данном секторе составляла 18,5%[2].

Развитие новых форм занятости может содействовать появлению новых источников дохода для пенсионеров (актуально с учетом ограниченности создания качественных рабочих мест со стандартной занятостью), созданию гибких условий работы (особенно в дистантных формах, надомной занятости), позволяющих пожилому человеку выстраивать гибкие траектории, сочетающие внутрисемейные обязанности, хобби и трудовую деятельность.

Реализация потенциала новых форм занятости в текущих российских условиях возможна только в условиях:

-разработки согласованной политики в отношении занятости пожилых на всех уровнях, необходимо преодоление существующего разрыва между государственными/региональными и внутрикорпоративными уровнями;

-целенаправленной работы с пожилыми по формированию «портфельного подхода» к занятости. Преодоление складывающегося в общественном сознании стереотипа восприятия любых отклоняющихся от стандартных форм занятости как «дискриминирующих», «ущербных» может дать толчок к построению более гибких стратегий занятости пожилых;

-переход к «портфельной занятости» требует от государства и бизнеса создания механизмов, позволяющих пожилым работникам переключаться с одной стратегии занятости на другую;

-оперативности решения вопросов в области регулирования новых форм, устранения «излишних» надзорно-контрольных мер;

- интеграции технологий Больших данных для оценки востребованности новых форм занятости и создания программ содействия новым формам занятости;
- повышении правовой и цифровой грамотности пожилых.

Выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

1. *Работа в будущем. Возможно ли общество, где в труде нет необходимости?* 09.02.2021. ФОМ. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14537> (дата обращения 28.09.2022)

2. *Старость в регионах России. Оценка благополучия на основе открытых статистических данных.* –М.: при поддержке Фонд Тимченко и Райффайзенбанка, 2021. С.41 URL: <https://tochno.st/materials/starost-analiticheskiy-otchet> (дата обращения 15.09.2022)

ВОЗМОЖЕН ЛИ РЕНЕССАНС СОВЕТСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ?

Мартыанова Наталья Александровна

(Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена)

Термин «советский профессионал» может рассматриваться в современном постглобальном мире как идеальный тип классического профессионала. В нем можно выделить целый комплекс взаимосвязанных этических и символических элементов:

специфическая символика, основанная на героизации и романтизации профессий («рыбак — профессия мужественная», «гордая профессия — шахтер», «сапер — профессия героическая»). Этот символизм проявляется и в обозначении самих профессий, например: «витязи в огнеупорных робах» (о пожарных), «кудесники в мире органики», «труженики химических лабораторий» (о химиках), «богатыри земных недр» (о шахтерах) и т.д. Это коррелировало с общественным настроением на героические, масштабные достижения: «велик советский человек, дерзновенны дела его», «страна героев, страна мечтателей, страна ученых».

Повышенные требования к себе и профессиональному сообществу (членам коллектива). Для рабочего, к примеру, считалось обычным делом, итак перевыполняя план на 20-30%, стремиться к возможности уверенно выполнять полторы нормы (150%) [2, с. 37; 3, с. 7].

Искренняя увлеченность профессией, поглощенность ею. Советский профессионал в своем идеальном воплощении жил работой, вдохновлялся ею и не мыслил себя вне своей профессиональной идентичности. Для многих из них «понедельник начинался в субботу», и даже на выходных или в отпуске думать о работе и профессии было нормой.

Готовность к дополнительным обязанностям (субботники, дежурства, общественная работа, уборочные работы в колхозах/совхозах). Далеко не все выполняли их «с оттенком усталой обреченности»: были и энтузиасты, воодушевляющие и сплочающие коллектив.

взаимопомощь/коллективизм. «Каждый — коллективу, коллектив — каждому!». Однако ошибочно считать, что акцент на коллективизм препятствовал эффективной творческой индивидуальной работе. Можно найти немало примеров среди советских ученых, актеров, писателей, у которых яркая индивидуальность вполне сочеталась с восприимчивостью к нормам коллективизма.

наставничество/шефство. По словам токаря А. Русовой: «я с радостью думаю о том, как замечательно, что в характере наших новаторов есть такая черта: добился успеха сам — научи товарища» [1, с.12].

стремления к локальным и общим (общесоюзным) трудовым достижениям. Они принимали вполне конкретную форму: соцсоревнования, пятилетки в 3-4 года и пр.

Эти и другие этические принципы вовсе не ушли в прошлое безвозвратно. Напротив, их актуальность и эффективность подтверждается все больше с каждым годом. Возможно, вместо бесконечного поиска «лучшего/умного/более эффективного» управления трудом в постглобальном мире стоит взять на вооружение и развить этические нормы и установки советских профессионалов.

1. Русова А. Увлекательная профессия: записки токаря / Под ред. Е.А. Кулешова. Ярославль, 1955.
2. Свистунов И.М. Почетная профессия / Под ред. Е.В. Емельяновой. Л., 1956.
3. Шеходанова Л. Любимая профессия / Под ред. Б. Черкасова. Красноярск, 1956.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Моисеева Вероника Сергеевна

(Санкт-Петербургский Политехнический Университет имени Петра Великого)

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты проведенного исследования отражают степень применения жителями Санкт-Петербурга экологических практик, их отношение к ним, а также был выявлен ряд проблем, с которыми жители сталкиваются при желании применить экологические практики.

Цель исследования: определить отношение жителей города Санкт-Петербург к использованию экологических практик, выявить развитость инфраструктуры города для их реализации.

Для отражения более целой картины были использованы данные исследования «Мусорная проблема и гражданское общество», проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в 2017 и 2019 годах [1]. А также за основу написания были взяты результаты опроса, проведенного в 2022 году в Санкт-Петербурге студенткой направления «Социологические исследования в рекламе и PR» Моисеевой В.

Предметом исследования является отношение жителей города Санкт-Петербург к экологическим практикам.

Объектом исследования выступили жители от 18 до 54 лет.

Гипотеза-основание была выражена следующим образом: жители Санкт-Петербурга применяют экологические практики.

Что касается гипотез-следствий, они были обозначены в количестве девяти штук, которые будут представлены поочередно вместе с результатами исследования далее.

Для опроса аудитории были выбраны два метода исследования: онлайн анкетирование и фокус-группа, состоявшая из студентов 2 курса.

Таким образом, были получены следующие данные, которые подтверждают или опровергают выдвинутые гипотезы:

Основная часть жителей Санкт-Петербурга осведомлены об экологических практиках, что подтверждают и результаты онлайн анкетирования и фокус-группы.

Только малая часть жителей регулярно применяет экологические практики в повседневной жизни – так выглядит вторая гипотеза-следствие. Данная гипотеза была опровергнута результатами онлайн-опроса.

Самые распространенные применяемые практики: шэринг, осознанное потребление, замена одноразового на многоразовое (покупка только необходимого количества товаров). Данная гипотеза была частично подтверждена, также популярными оказались варианты экономии ресурсов и отдельный сбор отходов.

Большинство жителей Санкт-Петербурга не знают об экологических акциях (например, сбор крышек от ВкусВилла или акции по разделению мусора в жилых районах

города) и не принимают в них участие. Данная гипотеза была частично опровергнута, так как большинство жителей знают об экологических акциях, но не участвуют в них.

Жители Санкт-Петербурга сталкиваются с отсутствием инфраструктуры для экологических практик. Большинство респондентов отметили отсутствие контейнеров для раздельного сбора мусора (42,6%), только четверть респондентов ответили, что в районе, где они проживают, нет контейнеров для сдачи одежды и обуви, а также 51% уверены, что в их районе отсутствуют велодорожки. Данная гипотеза была также подтверждена в рамках фокус-группы.

Большинство жителей не используют контейнеры для раздельного сбора отходов. Гипотеза справедлива, при том, что 43% респондентов отметили их отсутствие и 16% их не используют.

Инфраструктурные изменения повлияли на поведенческие установки жителей: некоторые жители стали применять практику раздельного сбора, некоторые жители узнали о практике раздельного сбора мусора, основная часть жителей никак не изменила свои установки

Результаты фокус-группы также показывают, что с появлением специальных баков рядом с домом повлияло на их заинтересованность в экологии и привило полезные привычки, в частности практику раздельного сбора отходов. По результатам онлайн-опроса 42 процента респондентов ответили, что инфраструктурные изменения никак не повлияли на их экологические установки.

Жители СПб выбирают более экологичный способ передвижения (пешком, личные средства индивидуальной мобильности, кикшэринг и тд) в основном из-за экономии финансов. Данная гипотеза была подтверждена. 57% опрошенных выбирают этот способ передвижения, потому что экономят деньги, 51% из-за экономии времени, 35% из-за заботы о здоровье. Только 7% предпочитают передвигаться этим способом в целях заботы об окружающей среде.

Жители СПб считают, что развитию экологических установок горожан способствуют административные штрафы.

57% респондентов онлайн анкетирования согласны с этим предположением. Мнение людей, участвовавших в фокус группе, разделилось на две позиции: нужны только принудительные меры, либо совмещение поощрений с системой штрафов.

Таким образом, была выявлена непосредственная связь между развитием экологической инфраструктуры и поведением потребителей. Было отмечено, что на сегодняшний день люди готовы менять свои взгляды на потребление, на утилизацию отходов, что сейчас и происходит активно, учитывая тот факт, что экологичное потребление является трендом. Для мотивации людей необходимо улучшение инфраструктуры со стороны государства, что послужит дополнительной мотивацией.

1. Готовы ли россияне к раздельному сбору мусора: в Москве представили результаты исследования НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]- URL: <https://www.asi.org.ru/news/2019/10/28/gotovylirossi/>

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА В УСЛОВИЯХ АГРАРНЫХ РЕФОРМ

*Муханова Мария Николаевна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

Целью данной работы является попытка поиска эмпирических свидетельств процесса формирования новых слоёв в социальной структуре и в изменившейся институциональной и социокультурной среде российского села за 30-летний период. Изучение процессов адаптации сельского населения на аграрном рынке труда привело к

задачам анализа по выявлению его механизмов формирования социальных слоев, изменившие не только аграрный рынок труда, но и облик российской деревни. На основе анализа динамики отраслевой занятости на аграрном рынке труда во всех Федеральных округах рассмотрены механизмы адаптации сельского населения к рыночной экономике, которые привели к разрушению сельхозпредприятий, возникновению капиталистических форм производства и новых трудовых практик - занятости в неформальном секторе. Информационную базу составили данные крупномасштабных панельных исследований Росстата 2012-2021 гг. и Всероссийские сельскохозяйственные переписи 2006 г., 2016г., 2021 г., а также исследовательские практики в регионах РФ. Было выявлено, что доля занятых как в целом, так и на региональных аграрных рынках сокращается по мере роста развития экономики, ускорения урбанизации, легализации неформальной занятости, присутствие сельскохозяйственных производителей с передовыми технологиями, а также сети ритейлеров в сфере торговли и услуг в крупных населенных пунктах. Сельскохозяйственные переписи показали взаимозависимые процессы сокращения фермерских хозяйств и роста объема земель и сельхозпроизводства в них. Эти результаты стали доказательством того, как фермеры с профессиональным опытом управления, внедряя инновационные технологии и техники, применяя новые бизнес модели в хозяйстве сумели противостоять различным издержкам и теневым практикам и стать структурами, акторами деятельности для модернизации производства в регионах, формируя предпринимательские слои в социально-структурных процессах российского села. Социальные слои, занятые в неформальном секторе сферы услуг, сформировали новую социальную инфраструктуру в сельских поселениях.

Какие социальные конструкции реформ повлекли за собой рациональные (в то же время успешные) типы социального и трудового поведения и их интеграцию в новых условиях? Какими конкретными способами и формами эти смыслы были реализованы в повседневной жизни сельских жителей, как они строили свою новую социальность во взаимодействиях? Эти вопросы как установки станут темой нашего обсуждения.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ КЛИМАТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Никифорова Ольга Александровна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Аналитическое исследование «Оценка условий осуществления предпринимательской деятельности в Санкт-Петербурге в 2021 году» выполнено СПбГУ в рамках государственного контракта, с его полным отчетом можно ознакомиться по ссылке <https://ombudsmanbiz.spb.ru/%d0%b8%d1%81%d1%81%d0%bb%d0%b5%d0%b4%d0%be%d0%b2%d0%b0%d0%bd%d0%b8%d0%b5-%d0%be%d1%86%d0%b5%d0%bd%d0%ba%d0%b0-%d1%83%d1%81%d0%bb%d0%be%d0%b2%d0%b8%d0%b9-%d0%be%d1%81%d1%83%d1%89%d0%b5%d1%81>

В связи с распространением коронавирусной инфекции в 2020–2021 годах состояние предпринимательского климата в России и Санкт-Петербурге претерпевает множество изменений. Кроме того, на предпринимательский климат влияют и внешние обстоятельства: общемировые экономические, геополитические и социальные явления.

В течение этого периода государство предпринимает ряд мер, направленных, с одной стороны, на борьбу с пандемией, с другой стороны, на преодоление негативных последствий, вызванных ограничениями распространения COVID-19.

В ответ на текущие преобразования предприниматели вынуждены не только подстраиваться под постоянно меняющиеся условия, но и преодолевать последствия проблемных ситуаций, которые сложились ранее. Таким образом, можно отметить эффект снежного кома, когда на традиционные проблемы бизнеса накладываются последствия влияния пандемии.

Основные трудности у предприятий были связаны в 2021 году с вынужденным снижением объемов производства, переводом персонала на дистанционную работу, с ограничением доступа посетителей и соблюдением санитарных норм, в том числе получением QR-кодов и требованием вакцинации сотрудников.

В результате анализа исследований предыдущих периодов выявлено ухудшение общей экономической ситуации в стране, следствием чего является падение платежеспособного спроса (об этом заявляли 60–80% опрошенных предпринимателей [1]).

В 2020-2021 годах наиболее значимой проблемой для бизнеса стала пандемия и ее последствия. Интересным результатом анализа предпринимательского климата в 2021 году стало выявление динамики рынка труда, которая оказалась чувствительной для бизнеса. За 2021 год более чем на треть вырос дефицит кадров. В Петербурге отмечен рост спроса на специалистов всех уровней и видов квалификации, в том числе квалифицированных рабочих и кадров среднего уровня квалификации.

В качестве других проблем, предприниматели отмечают рост финансовых рисков, связанных с неблагоприятными условиями ведения экономической деятельности, с внешними санкциями, с пандемией и ее последствиями. Сложнее всего приходится малому малому бизнесу, чьи финансовые и кадровые ресурсы более ограничены по сравнению с крупными игроками рынка.

Исследование предпринимательского климата требует постоянного анализа традиционных для региона проблем и выявления новых вызовов и возможностей, что позволит оперативно предпринимать управленческие решения, предлагать меры поддержки и оценивать их эффективность.

ПОЛЯРИЗАЦИЯ РАБОТНИКОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Овтина Александра Александровна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Формирование постиндустриального общества сопровождается активными изменениями во многих сферах жизни людей, одной из которых является сфера труда и занятости. В этих условиях меняются требования к работникам, трансформируются их стратегии поведения на рынке труда и занятости.

Согласно концепции постиндустриального общества Д. Белла, индустриальное общество перестает быть таковым, когда происходит переход от производства товаров к экономике услуг. В постиндустриальном обществе преобладает работа с информацией и возрастает роль навыков взаимодействия с другими людьми [1].

М. Кастельс, отмечая, что информация являлась важным элементом любого общества, называет современное общество информационным. Под воздействием цифровизации генерирование, обработка и передача информации становится решающим фактором повышения производительности организаций. В связи с этим труд делится на «самопрограммируемый» и «родовой». Первым занимаются «информационные производители» - работники, на высоком уровне владеющие технологиями работы с информацией и знаниями, гибкие, способные к принятию решений в условиях неопределенности, инновационные, нестандартно мыслящие, получившие качественное образование. Еще одно их свойство – самопрограммирование, т.е. они сами оценивают деловую среду и преобразуют себя (свое мышление, знания, навыки) в соответствии с ее требованиями. Работники «родового» труда выполняют простые,

низкоквалифицированные задачи, не требующие тщательной подготовки, а потому они легко заменяемы. Общее условие для всех работников – индивидуализация труда – всю ответственность за его результаты работники несут индивидуально независимо от положения в структуре организации [2].

3. Бауман, называя современное общество «текучим», «жидким», обращает внимание на то, что происходит уход от жестких стандартов в трудовой деятельности. Тем не менее общество всегда формирует новые нормы взамен старых. В новых условиях человек должен становиться «неутомимым покупателем», т.е. быть включенным в постоянный процесс «покупания», а результат «покупки» перестает быть важным. В рабочем процессе главным становится постоянный поиск лучших для себя условий, а не нахождение их. Мобильность, возможность принимать решения на больших расстояниях становится еще одним важным фактором успешной деятельности [3].

В целом, в постиндустриальном обществе выстраивается поляризация работников «старого» и «нового» труда. Трудовая деятельность первых сводится к монотонным несложным операциям, редко приносящим работникам удовлетворения, вторые являются высококвалифицированными специалистами в интересующей их сфере деятельности.

1. Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. N. Y.: Basic Books, 1976. 301 pp.
2. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана*. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Бауман З. *Текущая современность: пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова*. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

ПЛАНИРОВАНИЕ ВЫХОДА НА ПЕНСИЮ В ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ЖЕНЩИН СТАРШЕЙ СРЕДНЕЙ И ПРЕДПЕНСИОННОЙ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Овчинникова Наталья Владимировна

(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Михайлова Елена Валерьевна

(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Социально-экономическое положение россиянок в возрастной когорте от 45 лет до выхода на пенсию характеризуется такими особенностями, как уязвимость на рынке труда [1, 269], а также повышенная семейная нагрузка, которую Е. Здравомыслова [2, 13] предлагает описывать как «синдром сэндвича», когда с одной стороны дети все еще не являются самостоятельными, а с другой стороны, родители становятся беспомощными стариками. И те, и другие требуют времени и заботы прежде всего со стороны женщины. В то же время, возраст 45+ можно рассматривать как период накопления активов – профессионального и жизненного опыта, «экспертности», максимально высокого заработка у тех женщин, которые находятся на пике своей карьеры. Важнейший аспект этого возраста – осознание приближения пенсионного возраста. Как женщины в возрасте 45+ оценивают целесообразность подготовки к пенсии для себя лично, что именно они планируют предпринимать, имеются ли в их распоряжении необходимые экономические ресурсы – для ответа на эти вопросы было проведено социологическое исследование на целевой выборке работающих женщин в возрасте от 45 до 57 лет (не вышедших на пенсию), проживающих в Ярославской области. Исследование проводилось методом личного формализованного интервью в период с 1 по 19 июля 2022 года, N=131 человек.

Выяснилось, что больше половины опрошенных не планируют свою жизнь на пенсии - 55,0%, начинают об этом задумываться 33,6%, а четкий план есть только у 11,4%. Планирование жизни на пенсии актуализируется по мере приближения пенсионного возраста, причем перспектива планирования в большинстве случаев не является

долгосрочной.

В возрастном диапазоне от 45 до 49 лет доля тех, кто в той или иной степени планирует жизнь на пенсии составила 40,9%, среди тех, кому от 50 до 54 лет таковых 43,5%, среди 55 – 57 летних – 60,0%.

По мнению опрошенных женщин, чтобы подготовиться к пенсии человек должен, прежде всего, делать сбережения – 55,7%, иметь источник пассивного дохода – 43,5%, сделать полное медицинское обследование – 33,6%, привести в порядок зубы – 30,5%, а также сделать ремонт квартиры или дачи – 26,0%. Отдельные респонденты (3,8%) отметили, что правильно жить одним днем, а готовиться к пенсии бесполезно. По результатам исследования это же они постараются реализовать и для себя лично. Тем самым представления женщин о желательном и их реальные планы по подготовке к пенсии в значительной степени совпадают, что указывает на достаточно оптимистичную оценку собственных материальных возможностей подготовки к пенсии.

В целом по результатам поведенного исследования можно сделать вывод о том, что для женщин в возрасте 45+ в полной мере характерно стремление создать определенную «подушку безопасности» перед выходом на пенсию, что, очевидно, требует более длительной концентрации материальных ресурсов, по сравнению с тем, что можно реализовать

в возрастном периоде 55 – 57 лет, с которого для большинства начинается осознанное планирование пенсии. Получается, что фактическая подготовка к пенсии начинается до того, как уход с работы начинает осознаваться в качестве ближайшей жизненной перспективы и реализуется, прежде всего, в экономическом аспекте.

1. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г., Овчинникова Н.В. Отношение женщин к пенсионной реформе 2018. Старшее поколение современной России. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского. 2021. С. 268-272.
2. Бороздина Е.А., Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Збота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования // Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства. Сер. «Гендерная социология». Санкт-Петербург. 2019. С. 6 – 23.

КРИЗИС ЗАПАДНОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗМА И НОВЫЙ ВЕКТОР ОБРАЗОВАНИЯ

Орлик Елена Николаевна

(Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых)

События последнего десятилетия дают основания считать, что западная модель глобализации, к которой были восприимчивы идеологи построения постиндустриального и информационного общества в России, переживает серьезный кризис. Союзы и объединения развитых европейских стран и США более не обеспечивают финансового и социально-экономического процветания их участников, продвижения по решению проблем национальной и экологической безопасности, борьбы с бедностью, регулирования внешней миграции и т.п.

Это не может не сказаться на гибкости мировой экономики, порождающей резкую смену и скачки в конфигурации размещения и диверсификации производств, усиливающей неопределенность социально-трудовых отношений.

Таким образом, процессы глобализации и включенность российской экономики в международное разделение труда диктуют свои правила. В этой связи на российском рынке труда большим спросом пользуются специалисты, имеющие опыт работы в нескольких компаниях, способные совмещать разные, дополняющие друг друга

профессиональные роли. Кроме того, вне конкуренции оказываются носители такого опыта, который еще формально не прописан в государственных стандартах подготовки специалистов.

С одной стороны, эти перемены продиктованы переходом на новые технологии, с другой – изменением самого характера найма и оценки трудового потенциала носителей рабочей силы.

Однако это не отменяет общих тенденций развития постиндустриального и информационного обществ, построенных на основе научно-технических и информационно-коммуникативных революций, результаты которых прослеживаются в инновациях, принципиально новых технологиях освоения природных ресурсов и переработки продуктов прошлого труда.

Для эффективного освоения этих достижений

требуется формирование глобального сознания, ценностями которого являются восприимчивость к экономическим и культурным изменениям в обществе, гуманное отношение к людям и окружающей природной среде, толерантность, нравственная и информационная культура, системное научное мышление, творческое отношение к труду, наконец, забота о своем здоровье и теле.

Решить эти задачи не представляется возможным без реформирования системы профессионального и, прежде всего, высшего образования. В настоящее время в научном мире развернута дискуссия о том, каким оно будет после официального отказа от Болонской системы, и возможен ли возврат к «советской системе специалитета». Очевидно, что оба образовательных модуля не отвечают запросам текущего времени, поскольку каждый из них предоставляет ограниченный доступ к фундаментальным и гуманитарным знаниям; первый из-за ориентации на подготовку узкопрофильных специалистов, а второй из-за подчинения образовательного процесса конкретно-исторической идеологии.

В этой связи целесообразным представляется: во-первых, что для освоения нового социально-экономического пространства, формирующегося в условиях зрелого глобализма, требуются компетентные специалисты с высоким уровнем интеллектуального развития, функционально грамотные, способные отвечать на вызовы и запросы профессиональной среды и общества. Во-вторых, обучение в высшей школе должно быть не только массовым, но и доступным. Однако несмотря на наметившуюся тенденцию увеличения набора будущих студентов на бюджетные места в вузы, этих мест явно недостаточно. К примеру, за последние три года их количество увеличилось всего на 46 000 [2 с. 6]. В этой связи следует использовать резервы практики подготовки специалистов

в вузах на целевой договорной основе с предприятиями и организациями, испытывающими дефицит в квалифицированных кадрах с высшим образованием. Речь идет о частно-государственном партнерстве в образовательной сфере. В-третьих, повышение квалификации специалистов с высшим образованием, включая профессорско-преподавательский состав вузов, должно носить не только непрерывный, но и возобновляющийся и многоступенчатый характер. Центрами такой переподготовки наряду с вузами должны также стать научно-производственные объединения, осваивающие передовые технологии. В-четвертых, необходимо усовершенствование системы дистанционного обучения и самообразования на основе новейших информационных технологий, эффективного использования электронной информационно-образовательной среды вузов путем усиления не только наглядности и функциональности учебных программ, но также расширения интерактивных форм взаимодействия сторон образовательного процесса.

1. Демиденко Э.С. Перспективы образования в меняющемся мире// СОЦИС 2005.

№ 2. С.80-87.

2. Куда послать выпускников вуза// «АиФ» 2022. № 16 от 20-26 апреля. С. 6-7.

3. Михайлов О.В., Денисова Я.В. Дистанционное обучение в российских университетах: «шаг вперед, два шага назад»// *Высшее образование в России* 2020. № 10. С. 65-76.

4. Нансо М.Д. Образование в условиях рыночных отношений// *Социология образования*, 2018. № 6. С. 21-27.

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРЫ ВЛАДЕНИЯ ЖИЛЬЕМ ИЗ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО- ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ – ЧЛЕНАХ ЕВРОСОЮЗА

Пилипенко Игорь Валерьевич

(Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН)

Даже спустя тридцать лет после начала рыночных реформ 11 бывших соцстран из Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), ставших членами Европейского союза (ЕС) в 2004-2013 гг., включая три республики бывшего СССР (Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония), кардинально отличаются от западноевропейских государств в части распределения домохозяйств по типу владения жильем.

Так, в 11 странах ЦВЕ средний уровень владения домохозяйствами жильем с учетом приватизированных в 1990-е гг. государственных квартир составляет в среднем 76% (на 2018 г.). Это более чем в два раза превышает средний показатель по 15 странам Западной и Северной Европы (ЕС-15, включая на 2018 г. Великобританию), где в настоящее время 35% домохозяйств владеют собственным жильем без ипотеки. В то же время в 11 странах ЦВЕ приобрели жилье в ипотеку 11% домохозяйств и остальные 13% жилье снимают, а в ЕС-15 30% домохозяйств купили жилье в ипотеку и 35% домохозяйств свое жилье арендуют.

Институты из плановой экономики в виде индивидуального, кооперативного и государственного жилья, ставшего в рыночной экономике частной собственностью большинства населения стран ЕС-11, не только смягчили последствия перехода к новой системе хозяйствования, но и стали фактически демпфером, снижающим диспаритеты в уровне жизни между странами ЦВЕ и более развитыми странами-членами ЕС.

Для оценки влияния фактора жилья в собственности, мы предлагаем методику учета в одном показателе уровня доходов и особенностей расходов домохозяйств, исходя из структуры владения жильем и давая более точную оценку уровня жизни. Согласно нашим расчетам, для домохозяйств из одного человека средние показатели уровня жизни по ЕС-11 и ЕС-15 с учетом паритета покупательной способности (ППС) и расходов на ипотеку и аренду жилья различаются в 1,59 раза, а разница между наиболее богатой (Люксембург) и наиболее бедной (Болгария) страной Евросоюза составляет, по нашим подсчетам, 2,48 раза по сравнению с диспаритетом в 3 раза при калькуляции с одним ППС.

Уровень жизни в странах ЕС-11, по нашим расчетам, составляет 68% от среднего по ЕС-28 показателя на 2018 г. по сравнению с 61% по ППС. Ввиду относительно меньших расходов на аренду жилья и ипотеку уровень жизни в Румынии в домохозяйствах из одного человека ближе на 7,9% к среднему по ЕС-28, чем при расчетах с одним ППС, также на 7,6% ближе у Эстонии, на 7,5% – у Хорватия, на 7,4% – у Литвы, на 7,2% – у Польши, на 6,6% – у Чехии, на 6,2% – у Словакии, Латвии и Болгарии, на 6,0% – у Венгрии, и на 5,7% – у Словении. Различия в уровне жизни между группами стран ЕС-11 и ЕС-15 с учетом наших поправок оказываются менее значительными, чем диспаритеты в уровне жизни по ППС между самыми богатыми и бедными регионами Великобритании, Румынии, Болгарии, Италии, Словакии, Польши и Испании.

БЛАГО И ПРОКЛЯТЬЕ УГОЛЬНОГО РЕГИОНА: РЕПЕРТУАР ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В ПУБЛИЧНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОГО КУЗБАССА

Пискунова Александра Евгеньевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Несмотря на динамичную объективацию постпространственной модели развития современных социальностей, в постглобальном мире все более отчетливо признается пространственный характер общественной жизни [1]. Усиливающаяся регионализация обращает внимание на формирование локализованных идентичностей и реализацию региональных моделей развития. В современной ситуации точками динамического напряжения оказываются ресурсные регионы, среди которых особое место занимают угледобывающие. Учитывая изменения на глобальном рынке производства энергоресурсов, угольная промышленность тем не менее продолжает процветать во многих регионах мира, а уголь остается ядром достаточно спорных программ развития корпораций и государств [2]. Кроме того, период пандемийных ограничений 2020 г. сопровождался сокращением добычи угля и падением цен на энергоносители, что обернулось энергетическим кризисом и своеобразным «угольным ренессансом», который стал ощутимее на фоне спецоперации на Украине и антироссийских санкций.

В контексте множества противоречий и оценок добычи угля обратимся к социально-экономическим реалиям Кузбасса – одного из наиболее заметных угледобывающих регионов в стране и на мировом рынке. Здесь угольная промышленность представляется краеугольным камнем регионального самосознания, которое включено в процессы постоянного производства смыслов. Как интерпретируется современное социально-экономическое положение Кузбасса различными субъектами? Какие позиции и стратегии обнаруживаются на дискурсивной арене угольного региона? Анализ публичного поля позволил обнаружить основные приемы и механизмы рационализации региональной модели угольного экстрактивизма. Дискурс регионального управления обоснован принципом устойчивого развития, в котором диалектически сочетаются стремление к диверсификации экономики и укрепление угольной отрасли. Публичные высказывания угольного бизнеса пытаются мимикрировать под риторику социально ответственных корпораций, камуфлируя хищническое стремление к максимизации выгоды. Конфликты, несправедливое распределение ресурсной ренты и экологические издержки затушевываются, маскируясь риторикой солидарности регионального сообщества в обеспечении благосостояния общей Родины. Местное «большинство» пытается противостоять навязанному метадискурсивному «соглашению» о «богатом и благополучном Кузбассе», подразумевающему лояльность к политэкономическому status-quo региона.

Обобщая, публичное дискурсивное поле современного Кузбасса – широкий спектр оценок присутствия угледобычи в пространстве региона, от механизма устойчивого развития и залога общего благосостояния до причины экологического кризиса и источника социальной несправедливости.

1. Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А. Постглобальное социокультурное развитие: пространственный аспект // *Общественные науки и современность*. 2020. № 6. С. 19-34.
2. Brown B., Spiegel S. J. Coal, climate justice, and the cultural politics of energy transition // *Global Environmental Politics*. 2019. № 19 (2). P. 149-168.

СОЦИАЛЬНАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Попова Ирина Петровна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Исследования организационной справедливости представляют интерес в связи с тем, что позволяют на уровне организаций проследить, как воспринимается справедливость тех или иных аспектов трудовых отношений в них – характера и процедур распределения (вознаграждений в виде доходов, профессионального продвижения), взаимодействия при этом, организованного менеджментом таким образом, чтобы оно было успешным (см.: [1]). Междисциплинарность в развитии этого направления опирается на многообразие точек зрения при рассмотрении справедливости в сфере трудовых отношений, так же как и социальной справедливости в целом. Социологический фокус исследований в этой сфере направлен на рассмотрение различных аспектов справедливости в трудовых отношениях через оценку субъективных и объективных составляющих на различных уровнях: общества в целом, организации, отдельных групп работников [2]. Актуальна постановка вопросов субъективного оценивания справедливости, выработки коллективных норм оценки, которые могут рассматриваться в точки зрения этих исследований.

В нашем исследовании [3] мы сосредотачивались на вопросах взаимосвязи восприятия справедливости в организации и удовлетворенности трудом / работой. Один из выводов исследования подтверждает предположение о прямой связи между субъективным ощущением справедливости в сфере трудовой деятельности и оценкой справедливости общественного устройства, в целом принципов дистрибутивной справедливости. Воспринимаемая справедливость отношений в обществе проецируется на воспринимаемую справедливость на уровне отношений в организации, что подчеркивает значимость принципов дистрибутивной справедливости в целом, на всех уровнях общества, а не только непосредственно в организациях. С этим уровнем тесно связано ощущение несправедливости при на рабочих местах, где нарушаются права работников предприятием: задолженность предприятия перед работником из-за невыплат вовремя; вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе администрации и уменьшение зарплаты или сокращение часов работы не по желанию работника. Анализ данных показывает, что несправедливость ощущается как следствие внешних обстоятельств, ситуации на предприятии / в организации, и не зависит от установок работающих или их качества как рабочей силы [3].

Таким образом, подходы к организационной справедливости дают возможность фокусироваться на взаимосвязи между восприятием справедливости в организации и установками и оценками социальной справедливости на уровне общества в целом.

1. *The Oxford Handbook of Justice in the Workplace / ed. by R.S. Cropanzano, M.L. Ambrose, 2015.*
2. *Попова И. П. Социальная справедливость в научных дискуссиях 1990–2010-х годов // Мир России. 2016. № 3. С. 56-75.*
3. *Попова И.П. Социальная справедливость в сфере занятости и труда в России // Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае: [монография] / М. К. Горшков [и др.]; Отв. ред. М. К. Горшков, П. М. Козырева, Ли Пэйлинь, М. Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. М.: Издательство Новый Хронограф, 2021. С. 238-272.*

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ 2022 ГОДА

Прищепова Татьяна Александровна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

В связи с нынешней ситуацией в стране на российском рынке произошли некоторые изменения, которые в свою очередь, привели к изменениям на рынке труда.

Рынок в экономике представляет собой систему институтов, учреждений, регулируемых правилами и процедурами, касающимися обмена товарами и услугами между этими учреждениями или людьми [1]. Он в свою очередь делится на рынки товаров и услуг, рынки труда, валютные рынки и т.д. Рынок труда – совокупность социально-трудовых отношений, связанная с отношениями «купли-продажи» рабочей силы, ее условиями найма и использования [2]. Для современной экономики характерно такое явление, как глобализация, т.е. экономическая мировая интеграция стран, которая связана с либерализацией и дальнейшим увеличением объема и разнообразия международной торговли товарами и услугами, повышением интенсивности проникновения международного капитала, ростом мировой рабочей силы и т.д. [3].

Из-за введенных против России санкций со стороны иностранных государств, участие страны в процессе глобализации нарушено. На данный момент наиболее существенно санкции «ударил» по сферам банков, IT и медицины [5]. В связи с этим в IT и медицине испытывается нехватка сотрудников, а в банковском секторе идет сокращение персонала.

Также, по причине неопределенности, связанной с кризисной ситуацией, компании воздерживаются от долгосрочных стратегических планов, что отражается на рынке труда: компании не заинтересованы в поиске долгосрочных отношений, т.к. гибкое планирование вновь стало актуальным и организации нацелены на решение задач «здесь и сейчас».

Не стоит забывать, что рыночная экономика склонна к экономической нестабильности, выражающейся в цикличности развития, безработице и росте цен [3]. Безработица – социально-экономическое явление, связанное с неспособностью части экономически активного населения найти себе работу [4]. Согласно закону РФ "О занятости населения в Российской Федерации" безработными являются все лица трудоспособного возраста, которые: а) не имели работы в течение отчетного периода; б) в настоящее время могут работать; в) ищут работу.

По последним данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) уровень безработицы в периоде «май-июль» составил 3,9%, что практически на 1% ниже естественного.

Анализ рынка труда указывает на необходимость регулирования некоторых его сфер для их сбалансирования. Приоритетными направлениями на рынке труда на 2022 год являются развитие медицины и IT.

1. Николаева А.А., Курлянчик А.А. Анализ показателей эффективности и результативности деятельности органа государственного управления // *Экономика и менеджмент систем управления*. 2018. № 3-2 (29). С. 245-255.
2. Рынок труда: учебник / под ред. В. С. Була, Н. А. Волгина. М., 2000.
3. Савченко И.А. Теоретико-правовые основы системы социальной защиты в России // *Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова*. 2017. № 3 (27). С. 26-35.
4. *Экономическая теория: конспект лекций* / Фролова Т.А. Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2009.
5. Guttal, Shalmali. "Globalisation." *Development in Practice*, vol. 17, no. 4/5, 2007, pp. 523–31. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/25548249>. Accessed 4 Oct. 2022.

МОДЕЛЬ БИЗНЕСА HUMAN TO HUMAN В РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Рыжкина Юлия Владимировна

(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Маркетинг сейчас уже больше, чем просто B2B или B2C. Деление сегментов и целевых аудиторий, безусловно, осталось, однако маркетинг стал человечнее, ближе к потребителям, честнее, эмоциональнее [3]. Уже несколько лет в сфере маркетинга используется модель бизнеса H2H.

H2H или Human to Human постепенно переходит и в сферу управления персоналом. Модель «от человека к человеку» — новый подход ко всем процессам взаимодействия с людьми. Новую идеологию Human to Human отличает фокус на самом человеке, баланс рабочего и личного, честный диалог и доверие между сотрудниками и работодателем. И российские компании постепенно идут к этому подходу, в том числе и в HR-сфере.

Ранее в бизнес-структурах опирались на модели Company to Resources — от компании к ее ресурсам. Руководство было заточено на результат, какими же силами и способами он достигался — начальников мало интересовало. В 2000-е годы концепция Company to Resources развилась до Company to Employers [2]. Сотрудников начали замечать, поощрять, ценить. Однако Россия, традиционно, отставала от западного мира в таких вопросах.

О Human to Human российские работодатели осознанно задумались только лишь в 2020 году, во время пандемии и локдаунов. Когда на первый план встали вопросы сохранения производительности, управленческие команды задумались о человечности. Парадигма отношений работодатель-сотрудник начала меняться. Запрос от сотрудников на прозрачность информации и процессов начал удовлетворяться [1].

Стоит отметить, что смена вектора на H2H является прерогативой пока только крупных корпораций и холдингов, IT-компаний и коммуникационных агентств, расположенных в столицах и городах-миллионниках.

Модель Human to Human стала новой нормальностью. Бизнес подстраивается, показывая человеческое лицо не только клиентам, но и со своими сотрудникам.

Human to Human — про заботу, прозрачные процессы и коммуникации. Человечное отношение внутри коллектива улучшает качество жизни сотрудников, а обстановка доверия располагает к слаженной и эффективной работе. Независимо от экономической, внешнеполитической ситуации сотрудники были и остаются главным ресурсом компании. Ресурсом, особо нуждающимся в заботе и внимательном отношении.

1. 90% опрошенных профессионалов сказали, что им приходится работать сверхурочно // Рамблер URL: <https://news.rambler.ru/sociology/46444549-90-oproshennyh-professionalov-skazali-chto-im-prihoditsya-rabotat-sverhurochno/> (дата обращения: 08.10.2022).

2. Человек человеку – человек: главные черты концепции Human2Human в работе с персоналом в ритейле // NR URL: https://new-retail.ru/business/personal/chelovek_cheloveku_chelovek_glavnye_cherty_kontseptsii_human2human_v_rabote_s_personalom_v_riteyle3635/ (дата обращения: 08.10.2022).

3. There is no more B2B or B2C: It's Human to Human, H2H // Bryan Kramer URL: <https://bryankramer.com/there-is-no-more-b2b-or-b2c-its-human-to-human-h2h/> (дата обращения: 10.10.2022).

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО АСПЕКТА НА РАЗВИТИЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ САНКЦИЙ

Ситнова Вероника Олеговна

(Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов)

Поскольку экономические показатели являются одними из основных показателей при оценке развития социально-политической системы страны, в данном исследовании

активно анализируется их динамика с целью определения влияния экономико-политических санкций на уровень жизни населения России, будущее социально-культурное развитие российского общества и выявления возможных направлений изменения российской экономической политики.

С апреля 2013 года против России начали вводиться масштабные санкции. С тех пор с каждым годом санкционное давление на Россию нарастало. 18 марта 2014 года состоялось присоединение Крыма к России, после которого последовал ряд значительных ограничений со стороны Запада. По данным Росстата и расчётам экспертов МГИМО, из-за санкций Россия недополучила 0,5% ВВП в 2014 году и 0,7% в 2015. Спад в экономике сильно сказался на уровне жизни россиян. Так, по словам докладчика ООН Идриса Джазаира, количество людей, живущих за чертой бедности (до 10 тыс. рублей в месяц) увеличилось на 4,3 млн. человек за период с 2013 по 2016 года.

Но основные санкции на сегодняшний день начали вводиться после объявления специальной военной операции[7]. Наибольшими потерями для российской экономики стали ограничения импортных и экспортных потоков, отток инвестиций и разрыв деловых отношений в сфере научно-производственного и научно-технологического сотрудничества с иностранными компаниями и странами в целом. Социально-экономические прогнозы специалистов указывают на возможность застоя научно-технологического прогресса в России в случае продолжительного действия ограничений. Это повлечёт значительное отставание во всех отраслях экономики, если Россия в ближайшее время не найдет новые пути для обеспечения доступа к мировым технической и технологической базам.

По предварительным подсчётам Минэкономразвития от 28 сентября 2022 года[3]:

Снижение ВВП за 2022 год составит примерно 3%;

Сокращение инвестиций в основной капитал будет равно 2%, тогда как потребительский спрос снизится на 6,1%;

Средний уровень безработицы в 2022 году составит 4,2%, а падение реальных располагаемых денежных доходов населения окажется на уровне 2,2%;

Экспорт товаров из России в 2022 году повысится на 84,2 млрд. долларов (за счёт повышения цен на газ, нефть, зерно и др.), а в 2023 прогнозируется снижение на 49,6 млрд. долларов от уровня 2022. Импорт товаров в Россию в 2022 году понизится на 27,8 млрд. долларов, а в 2023 прогнозируется повышение на 27,1 от уровня 2022.

Из макроэкономического опроса Банка России[4], индекс потребительских цен на 2022 год составит 12,9%, а в 2023 – 6%.

На основании динамики основных экономико-социальных показателей в 2022 году Минэкономразвития заявил об устойчивости экономики России и потенциалу к восстановлению роста уже в 2023 году. Для достижения подобного результата государству требуется оказывать активное содействие отечественным предприятиям путём уменьшения налоговой нагрузки и субсидирования, в особенности технологического сектора. Но главной задачей государства было и остаётся поддержание достойного уровня жизни граждан. Для этого, помимо восстановления экономики, необходимо активно реализовывать различные социальные программы, от выплат пособий до обеспечения культурного просвещения населения.

Анализ перспектив развития экономики России на период 10-15 лет проводился Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП)[5]. Было выдвинуто три возможных направления: «автаркия», «институциональная инерция», «борьба за рост». Наиболее вероятными из них являются второй и третий сценарии, но подобную оценку можно дать лишь краткосрочно, так как вероятность реализации напрямую зависит от перспектив развития ситуации на Украине.

Сценарий «Автаркии» раскрывает максимально автономную систему экономического и социально-политического устройства России, где всё наиболее полно создаётся внутри страны, но с падением качества и научно-технологического уровня

производимой продукции. Следствие этого – снижение уровня жизни населения и нарастание социальной напряжённости.

Сценарий «Институциональной инерции» основывается на том, что государство сможет лишь стабилизировать макроэкономическую ситуацию. Тогда до 2030 года ожидаемый рост инвестиций и потребительского спроса – до 2,5% в год, а уровень безработицы останется в рамках 5,5-6%. В экономике начнётся стагнация, которая будет вести к технологическому отставанию, падению благосостояния россиян, напряжённости в регионах и опасности роста серого сектора экономики.

Сценарий «Борьбы за рост» рассматривает ситуацию, когда государство активно модернизирует российскую экономику под новые экономические условия, тесно сотрудничает с частным предпринимательством. Инвестиции растут на 3,5% и выше в год, уровень безработицы 4,5-5%, доходы населения увеличиваются на 2,5-3,7% в год, рост ВВП достигает 2,7%. Данный сценарий является наиболее позитивным для российского общества.

Внешнеэкономическая политика, главная цель которой, в основном, это улучшение благосостояния граждан и страны в целом, является сферой, требующей особого внимания и изменения в условиях современных санкций. Развитие внешнеэкономических отношений особо важно для поддержания уровня экспорта и импорта, для получения доступа к мировой технологической базе.

Эксперты центра исследований международной торговли РАНХиГС проанализировали, с какими странами в 2022 году Россия продолжила сотрудничество [6]. Партнёрство с Китаем является приоритетным, так как КНР – один из главных центров научно-технологического прогресса и основной российский импортёр, экспортёр (\$36,26 млрд. экспорт в Россию и \$61,44 млрд. импорт из России за первое полугодие 2022 года). Кроме того, стоит отметить заинтересованность Китая в сухопутных поставках энергоносителей из России на случай морской углеводородной блокады со стороны США.

Республика Корея стала одним из основных внешнеэкономических партнёров России в 2022 году (экспорт из России \$16,9 млрд., импорт в Россию – \$12,99 млрд.). Корейская экономика отличается высокой степенью наукоёмкости. Сотрудничество с РК позволит российскому технологическому сектору, оказавшемуся в условиях частичной изоляции, развиваться путём перенимания и совершенствования их технологий, а также проведения совместных разработок.

Давними и перспективными экономическими партнёрами России являются страны Ближнего Востока. Россия экспортирует в данный регион широкий ряд продукции, в том числе военной, ведёт активное сотрудничество в развитии атомной энергетики. Помимо внешнеторгового партнёрства существует возможность продуктивного сотрудничества с банками Персидского залива для перенаправления финансовых потоков.

Африка интересна богатыми залежами редкоземельных металлов, которые активно используются в электронике. Кроме того, африканские страны представляют собой перспективный рынок для экспорта российской продукции.

Выводы, которые можно сделать из проведённого исследования:

Экономические санкции сильно повлияли на экономическо-социальный рост России, но экономика проявила сравнительную устойчивость, что, при скорейшем мирном разрешении военного конфликта на Украине, позволит вернуться к постепенному росту ВВП уже во второй половине 2023 года, а в 2025 году – к докризисному состоянию экономики.

Наиболее вероятными сценариями развития экономической и социальной систем России на ближайшие 10-15 лет являются стагнация или постепенная модернизация, при остановке дальнейшей эскалации конфликта.

Наибольшим фактором риска является изоляция России от мировой научно-технологической базы. В случае отрицательных результатов в налаживании доступа к ней

через Китай и Республику Корею, Россию ждёт многолетнее экономическое отставание и снижение уровня жизни во всей стране, но в особенности в регионах.

В ближайшее время наиболее перспективными направлениями внешнеэкономической политики России представляются Китай, Республика Корея, Ближний Восток и Африка.

Кризисные явления наблюдаются не только в России, но и по всему миру. Хотя основное внимание сейчас направлено на экономические аспекты, не стоит забывать об их неразрывной взаимосвязи с социально-политическим развитием страны и культурой. Неблагоприятные сдвиги в этих областях наблюдаются уже сегодня, и их продолжение ведёт к глобальному мировому кризису во всех сферах жизни общества. Но анализ динамики экономико-социальных показателей позволяет прогнозировать различные сценарии развития ситуации и предпринимать меры для обеспечения наиболее благополучного будущего.

1. Афанасьев А.А. *Формирование ограниченно открытой экономики суверенного типа в современной России*. М.: Первое экономическое издательство, 2022. – 108 с.
2. Рашитова, Е. И. *Российская экономика в условиях санкций // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы V Международная научная конференция (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.)*. СПб: Свое издательство, 2016. – С. 137-141.
3. *Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт*.
https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov.html (дата обращения: 30.09.2022).
4. *Центральный Банк России. Официальный сайт*.
https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения: 30.09.2022).
5. *Эксперты назвали три сценария развития экономики России под санкциями*. РБК. <https://www.rbc.ru/economics/11/08/2022/62f384ed9a79473c8719c88fc> (дата обращения: 25.09.2022).
6. *С какими странами и регионами Россия сотрудничает в 2022 году*. РБК. <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/630e225e9a7947f6257a14ae> (дата обращения: 18.09.2022).
7. *Какие санкции вводили против России в 2022 году*. TASS. <https://tass.ru/info/14538591> (дата обращения: 21.09.2022).

ОБЩЕСТВО АКТИВОВ В ЭПОХУ ПОСТГЛОБАЛЬНОСТИ

Смелова Алена Андреевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Критическая дискуссия о развитии позднего капитализма в эпоху постглобальности свидетельствует о том, что капитализм замыкается в себе и превращается в форму феодализма (или неофеодализма). [Дин,2020]. Передача семейного богатства становится прерогативой высшего класса, в то время как, так называемый, «средний класс» живет в больших или глобальных городах, не владея никакой собственностью, без возможности накапливать ресурсы и зарабатывать себе на жизнь, прямо или косвенно обслуживая богатых. Это рождает культурное чувство заблокированности будущего – люди и общества ощущают, что их жизнь спекулятивна. Вместе с тем, в эпоху постглобальности формируется новая экономика - экономика активов.

В своем первоначальном значении актив - это единственное достаточное имущество для оплаты долгов и наследства. Оно происходит от англо-французского «assetz». Однако, сегодня актив определяется без привязки к долгу; скорее это собственность, которая приносит поток. Под активом понимается объект, который позволяет своему собственнику сохранять ценность и извлекать долгосрочную

экономическую ренту за счет владения и контроля, а не за счет прибыли от рыночного обмена [1]. В качестве примера актива могут выступать недвижимость, финансовые и юридические объекты (биткойны, права собственности), цифровые данные, инфраструктурные и природные объекты, инновации, общественные блага, «монетизируемые социальные проблемы», а также люди и их знания и умения. Эти объекты не являются простыми товарами (если мы посмотрим с марксистских позиций – они не имеют какой-либо явной потребительской ценности, отдельной от их меновой стоимости). Также они не являются общим платежным средством. Преобразование объекта в актив – это научно-технический процесс «трансформации нарратива», основанный на методах финансовой оценки, которые превращают вещи в активы, при этом также устанавливаются границы, характеристики и ценность актива, а сами социальные субъекты «пересматриваются, изменяются и реконцептуализируются» [2]. Речь идет о формировании последовательных символических цепочек оценок объекта, создающих его финансовую ценность в будущем. Эмпирический фокус понятия объясняется опорой на традиции исследований науки и технологий (STS) и социальных исследований финансов.

Экономика активов обновляет капиталистическую систему, (ранее основанную на товарной экономике), путем выстраивания своей собственной экономики, опирающейся на логику ликвидности, (а не платежеспособности как товарная экономика). Наиболее ярким примером экономики активов выступают инвестиции в жилую недвижимость, основанные на кредите. Демократизация кредитования, низкие процентные ставки и организованное сокращение запасов социального жилья, - все эти меры способствовали расширению домовладения за счет ипотечных кредитов и устойчивому росту цен на недвижимость. Однако сложная нелинейная временная связка всего процесса: приобретение активов, обслуживание долга и повышение стоимости активов, - привела к тому, что управление ликвидностью стало непосильной задачей для широких слоев домовладельцев. Как результат, инвестиции в недвижимость превратилась в токсичный актив. Так после 2008 г. страны Европы столкнулись с проблемами недостроенных домов, городской морфологии, идущей вразрез с потребностями жителей в социальной и транспортной инфраструктуре, а также просроченных платежей по ипотечным кредитам и др. Далее непроданные, незанятые и лишенные права выкупа дома были массово выкуплены у неплатежеспособных застройщиков частными инвестиционными компаниями и превращены в ценные бумаги, что позволило превратить токсичные активы обратно в залоговые активы.

Однако, в дальнейшем инфляция активов породила новую логику классового неравенства. Если первоначально идея кредитных инвестиций в жилую недвижимость связывалась с мечтой роста благосостояния для масс, то продолжающийся рост цен на недвижимость привел к тому, что значительные слои населения в развитых капиталистических странах оказались лишенными права собственности на жилье. По большей части это относится к молодому поколению. При отсутствии финансовой поддержки родителей выход на рынок жилья для молодого поколения «среднего класса» стал невозможным. Та же тенденция прослеживается и на рынке частного образования и предпринимательства – без поддержки родителей молодой человек не может позволить себе ни получить профессию, ни начать собственное дело, т.к. родители, как правило, выступают гарантами выданных кредитов.

Выходом из сложившейся ситуации является экономика активов, которая расширяет спектр объектов, которые способны приносить доход в условиях неполной, нестабильной и негарантированной занятости. Одной из технологий реализации экономики активов являются цифровые платформы, позволяющие преобразовать свободно располагаемую личную собственность в активы домохозяйств, и прежде всего, молодых домохозяйств. Это цифровые платформы аренды (CarNextDoor, Airbnb), аутсорсинговых услуг (Deliveroo, Uber), рабочей силы (Fivver, TaskRabbit, Upwork,

Amazon Mechanical Turk, Peopleperhour). Другой технологией экономики активов является возможность создания репутационного капитала как обновленной формы человеческого капитала. Путем публикации обзоров, рейтингов, рекомендаций и др. создаются метрики, способные измерить качество и надежность объекта. Все это повышает ценность платформы, а со временем репутация превращается в актив и, по сути, становится в один ряд с другими активами, например, с собственностью [3].

Так, движение к обществу активов не означает возврат к феодализму, но, напротив, предполагает его разворот в сторону расширения спектра объектов, которые будут подвержены спекуляциям. Однако, в справедливости такого вывода еще предстоит разобраться.

1. Adkins L., Cooper M., Konings M. (2020) *The Asset Economy: Property Ownership and the New Logic of Inequality*. Polity.

2. Birch K., Muniesa F. (eds.). (2020) *Assetization: Turning Things into Assets in Technoscientific Capitalism (Inside Technology)*. The MIT Press.

3. Konings M., Adkins L., McKenzie M., Woodman D. (2022). *Dimensions of the asset economy// Distinktion: Journal of Social Theory*. №23:1. P. 1-14, DOI: 10.1080/1600910X.2022.2058718

РЕГИОНАЛЬНОЕ БИЗНЕС-ДОВЕРИЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ И ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

*Соколова Дарья Андреевна
(ДВФУ)*

*Селиванова Татьяна Валерьевна
(ДВФУ, Школа естественных наук)*

Автор выражает благодарность корейскому фонду "Korean Foundation", при поддержке которого выполнено данное исследование (Support for Policy-Oriented Research Program, 2022)

Формирование бизнес-доверия на региональном уровне является необходимым условием инвестиционной привлекательности Дальневосточного федерального округа. Большинство исследований ограничено дескриптивным анализом процесса формирования бизнес-доверия на микроуровне в рамках маркетинговых концепций. Для установления общих закономерностей процесса формирования бизнес-доверия на региональном уровне необходимо эксплицирование общепринятых феноменов к изучаемой проблематике и разработка формализованных методов оценки бизнес-доверия. В рамках постнеклассической научной рациональности региональное бизнес-доверие может рассматриваться как полисубъектная саморазвивающаяся среда, где экономическая деятельность, коммуникативная активность и рефлексия являются средообразующими факторами [2]. Среда регионального бизнес-доверия включает в себя 1) экономических агентов, 2) бизнес-отношения, 3) культурные аспекты их взаимодействия. Региональное бизнес-доверие может рассматриваться как метасубъект, как среда, имеющая свойства субъектности, а именно: 1) целостность, обеспечивающуюся целеполаганием и различными типами активности; 2) способность к саморазвитию и самоорганизации в процессе адаптации к изменяющимся условиям; 3) системная интеграция и др. Системными элементами региональной среды бизнес-доверия являются: 1) региональная система экономических связей - функциональное бизнес-доверие; 2) ценностно-смысловые системы (коммуникативные, поведенческие, морально-этические и др.), сформированные на основе устоявшихся бизнес-связей в условиях неопределенности; 3)

сети доверительных бизнес-отношений-социальное бизнес- доверие. Опираясь на гипотезу семиотической непрерывности, совокупность этих разноуровневых систем можно рассматривать как образ среды регионального бизнес- доверия [1]. Концептуальное содержание феномена «региональное бизнес-доверие» будем определять как метасубъект, располагающий определенными ресурсами для реализации ожиданий бизнес-партнеров, как социальную норму доверительного поведения и как ценностно-смысловую систему. Для исследования процесса формирования и развития регионального бизнес-доверия необходимо определить операциональное содержание отдельных составляющих данного феномена. На основе интервьюирования менеджеров 52 дальневосточных компаний определены факторы функциональной составляющей регионального бизнес-доверия, подтверждающие способность экономики региона достичь стратегических результатов экономического сотрудничества. Для ДФО значимым показателем регионального бизнес-доверия является уровень развития инфраструктуры: состояние транспортной, энергетической, телекоммуникационной, социальной инфраструктуры региона, устойчивость ее к условиям неопределенности, степень открытости (объем концессионного рынка), вектор динамики развития. В качестве второй операциональной характеристики функциональной составляющей регионального бизнес- доверия предлагаем использовать показатель интеграции экономических процессов, выраженный через качественные и количественные характеристики внешнеторгового оборота ДФО со странами Северо-Восточной Азии.

1. Лепский В.Е. Механизмы саморегулирования сложностью в рефлексивно-активных средах инновационного развития// Синергетика инновационной сложности/ Под ред. В.И. Аршиновой и Е.Н. Князевой. – М.: «Прогресс-Традиция», 2011. – С. 427-442.

2. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии, – 2003. – № 8. – С. 5-17.

МОТИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СПЕЦИАЛИСТА В ОБЛАСТИ ПЕРЕВОДА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*Станевич Анастасия Юрьевна
(ФГБОУ ВО МГЛУ)*

Мотивация труда является одним из динамических показателей, который меняется на протяжении профессионального пути любого человека. В данном исследовании автор обращается к изучению мотивации специалистов в области перевода, уделяя внимание различиям между респондентами с разным опытом работы.

В контексте изучения мотивации переводчиков выделяется целый пул психологических исследований, например, тест мотивации производительности, который определяет, как мотивационные ориентации влияют на количество и качество переводимого текста [1]. Подобные исследования рассматривают мотивацию переводчиков как предиктор производительности и успеха в академическом и профессиональном контексте [2].

Отдельного внимания заслуживает методика измерения мотивации достижения (Achievement motivation inventory (Schuler, Heinz; Thornton, George C. III; Frintrup, Andreas & Mueller-Hanson, Rose; 2004)) [4]. Встречаются эмпирические исследования, где с помощью данного опросника изучается структура мотивации переводчиков разных уровней: от выпускников вузов без опыта работы до профессионалов с опытом работы от 20 лет. Было выявлено, что молодые переводчики в большей степени показывают высокие оценки по шкале гибкости и адаптивности [3]. Более опытные переводчики отличаются высокими оценками по таким шкалам, как, например, независимости и доминирования.

С целью проведения социологического анализа автором было опрошено 300 переводчиков. На основе собранных данных был проведен факторный и кластерный анализ методом *k*-средних. С помощью факторного анализа было выявлено, что мотивы переводчиков можно условно разделить на три группы: 1) альтруистические и социально-значимые, 2) профессионально-прагматические и 3) монетарно-прагматические мотивы. Первая группа мотивов является значимой для переводчиков с любым опытом работы; группа профессионально-прагматических мотивов значима лишь для начинающих специалистов.

Кластерный анализ позволил типологизировать переводчиков следующим образом: 1) мотивированные оптимисты, 2) ориентированные на доход и удобство, 3) влюбленные в профессию. Было выявлено, что с увеличением стажа работы растет доля ориентированных на более комфортные условия работы и высокий заработок, в то время как доля мотивированных оптимистов падает.

Таким образом, проведенный анализ доказал гипотезу о том, что профессиональные мотивы меняются в зависимости от стажа работы переводчиком.

1. *Hodáková, Soňa. (2021). Motivational Structure and the Interpreter's Personality. 10.4324/9781003087977-11.*
2. *Kalman, Csaba & Horváth, Ildikó. (2020). Motivational disposition of translation and interpreting graduates. The Interpreter and translator trainer. 15. 10.1080/1750399X.2020.1838180.*
3. *Melicherčíková, Miroslava. (2022). Motivácia profesionálnych tlmočníkov a študentov/absolventov: podobnosti a rozdiely. Nová filologická revue. 14. 58-75. 10.24040/nfr.2022.14.1.58-75.*
4. *Schuler, Heinz & Thornton, George & Frintrup, Andreas & Hanson, Rose. (2004). AMI – Achievement Motivation Inventory.*

СОВРЕМЕННЫЕ РЫНКИ ТРУДА И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Татулян Арина Сергеевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Шаршов Анатолий Романович

(СПбГУ)

Рынок труда и занятость — важные направления политики многих государств. Например, в Европе — это одно из основных направлений в программе работы Еврофонда на 2021–2024 годы, потому как структура рынка труда и его функционирование определяют жизнь общества.

С точки зрения социологии рынок труда представляет собой консолидированное социальное пространство, в котором задействовано большое количество людей. Трудовая деятельность — это социальный процесс, непосредственно влияющий на дифференциацию социальных субъектов в обществе, а также на интеграцию общества в сплоченное и единое целое, в результате которого устанавливается уровень заработной платы и занятости акторов на рынке труда.

Рынок труда выполняет несколько функций, одной из которых является организация места, где работодатели и работники встречаются для установления размера заработной платы.

Существуют различные социологические теоретические подходы, объясняющие функционирование рынка труда. Среди них классическая политическая экономия (А. Смит, Д. Рикардо и Дж. Б. Сейя), неоклассическая экономическая теория (А. Маршалл, Л. Вальрас, Дж. Б. Кларк), монетаристская теория (М. Фридман, Э. Фелпс), неоклассический синтез (Х. Ламперт, П. Самуэльсон) и институционализм (Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, Дж.

Данлоп, Л. Ульман). Разные теоретические подходы означают разные факторы и их влияние на рынок труда.

Также существует ряд основных современных теоретических подходов к исследованию рынка труда: теория человеческого капитала Г. Беккера, Дж. Мансера, Т. Шульца, теория двойственного рынка труда Дж. Данлопа, П. Дерингера, М. Пайора, К. Литбитера, концепция контрактной системы занятости М. Бейли, Д. Гордона, К. Азати, теория гибкости рынка труда Р. Буайе, Г. Стандинга.

Все эти теории и концепции помогают понять и объяснить социальные процессы на рынке труда, в частности разные проблемы на нем. Как и в любой системе, на современном рынке труда есть несколько основных актуальных проблем. В настоящее время среди основных проблем можно назвать отсутствие прогресса в устранении гендерного разрыва в участии в рабочей силе; сохранение неформальной занятости; а также факт о том, что более одного из пяти молодых людей (до 25 лет) не работают, не учатся и не проходят профессиональную подготовку, что ставит под угрозу их будущие перспективы трудоустройства.

Эти проблемы отражают различный доступ разных социальных групп к рынку труда и, так называемой, «достойной работе» (decent work). С социологической точки зрения, эту ситуацию можно объяснить теорией Питера Дерингера и Майкла Пиоре о рынке труда, который разделен на два сегмента. Эта теория используется для объяснения дискриминации на рынке труда среди различных социальных групп, именно поэтому в данном контексте важно ее учитывать [1].

В условиях двойственного рынка труда необходимо отметить отход от стандартной занятости и появление новых форм занятости. Стандартная модель занятости предполагает стабильные рабочие места, полный рабочий день, оплату труда в виде заработной платы. Эта модель занятости используется в современной экономике все реже, так как менее каждого четвертого работника занято на соответствующих ей условиях в настоящее время.

При этом ключевыми факторами, вызывающими сдвиг в сфере трудовых отношений и распространение нестандартных форм занятости, являются изменения в технологии, в организации труда и производства. Такие формы занятости принято называть нестандартными, среди них: неполная занятость, временная занятость; случайная занятость; чрезмерная занятость; самозанятость; занятость в неформальном секторе; заемный труд (аутсорсинг, лизинг персонала); удаленная работа [2].

В развитых странах ситуация иная: здесь рост новых форм занятости выражается в увеличении доли гибкой занятости при общем повышении как уровня ее правового регулирования, так и заработной платы.

При всех своих негативных характеристиках неформальная занятость не лишена определенных преимуществ. К ее положительным сторонам можно отнести возможность смягчения кризисных явлений на рынке труда, повышение доходов населения, создание базы для развития малого бизнеса, удобный режим работы.

На сегодняшний день, согласно отчету Еврофонда «Вызовы и перспективы в ЕС», хотя общая доля нестандартной занятости оставалась относительно стабильной, наблюдается рост «сложной» нестандартной занятости, такой как очень маргинальная временная работа, короткие временные контракты, работа без контракта и случайная работа [3]. Большинство новых рабочих мест было создано в сфере нестандартной занятости, и одним из основных способов увеличения доли нестандартной занятости была смешанная нестандартная занятость [4].

И в этом контексте все большее внимание уделяется важности «достойного труда» в достижении устойчивого развития, которое направлено на «содействие инклюзивному и устойчивому экономическому росту, полной и продуктивной занятости и достойной работе для всех» [5]. Эта концепция включает в себя возможности для работы, приносящей справедливый доход, надежное рабочее место и социальную защиту, лучшие

перспективы для саморазвития и социальной интеграции, возможность свободного выражения своих проблем, организацию и участие в процессе принятия решений, затрагивающих их интересы и жизнь в целом, равенство возможностей как для женщин, так и для мужчин.

В данном контексте немаловажно отметить тенденцию возрастания потребности акторов рынка труда в переобучении и в повышении квалификации. Это выражается как с точки зрения обращения соискателей за услугами, которые помогут им улучшить существующие навыки/приобрести новые, так и в ориентации государственных структур на разработку и внедрение программ эффективного подхода к работе с человеческим капиталом и кадровой политики [6].

1. Doeringer P. B., Piore M. J. *Unemployment and the dual labor market //The Public Interest.* – 1975. – Т. 38. – С. 67.
2. Eurofound. *Labour Market Change: Trends and Policy Approaches Towards Flexibilisation. Challenges and Prospects in the EU Series.* – 2020.
3. *Skills policies and systems // ILO: [сайт].* — URL: <https://www.ilo.org/skills/areas/skills-policies-and-systems/lang--en/index.htm> (дата обращения: 19.07.2022).
4. *ILO Monitor on the world of work. Ninth edition // International Labour Organisation* — 2022.
5. Sloane P., Latreille P., O'Leary N. *Modern labour economics.* – Routledge, 2013.
6. *World employment and social outlook: trends 2022.// International Labour Organisation* – 2022.

ПРОБЛЕМА НЕПОЛНОЙ ЗАНЯТОСТИ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Файзуллин Фаниль Саитович

(Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН)

Файзуллин Ильгиз Фанилевич

(Институт стратегических исследований Республики Башкортостан)

Анализ основных тенденций развития современного рынка труда показывает расширение объёма неполной занятости населения трудоспособного возраста. Такая форма безработицы стала развиваться быстрыми темпами в условиях перехода к рыночной экономике. Первая попытка проведения жёсткой кредитно-финансовой реформы привели к резкому усилению финансового давления на предприятия. Сокращение вакансий перестало быть источником экономии фонда оплаты труда, предприятия перешли к практике использования режимов неполной занятости и неоплачиваемых отпусков. Оценить масштабы скрытой безработицы достаточно сложно.

Сегодня основными составляющими скрытой безработицы является: наличие занятых неполное рабочее время и, соответственно, получающих низкую плату за свой труд. Оформление административных отпусков с частичным сохранением или без сохранения заработной платы; направление в отпуск на более длительный срок с сохранением при этом минимальной заработной платы; увеличение различных неоплачиваемых простоев. По нашим расчётам около 10% трудоспособного населения России, в той или иной мере, попадает в категорию неполной занятости [1, 103]. Вместе с тем, следует отметить показатели неполной занятости на различных предприятиях, отраслях и регионах существенно отличаются.

Результаты исследования, проведённые Башстатом в 1 квартал 2022 года, в Республике Башкортостан в режиме неполной занятости находились 10,18% работающего населения. В их числе 2,0% по соглашению между работником и работодателем, 0,5% по вине работодателя или не зависящим от него простоев, 7,6% - по письменному заявлению

работника без сохранения заработной платы от списочной численности работающего населения. Удельный вес незанятых работников за последние 3 года особо не меняется. Наибольший уровень неполностью занятых работников в промышленности и строительстве, сельском хозяйстве, наименьший в силовых структурах, в энергетической и информационно-коммуникационных отраслях [2].

Исследования показывают, что неполная занятость формирует социальную напряжённость и способствует усилению протестных настроений среди самых различных слоёв населения. В России, к сожалению, до сих пор нет единой системы регулярного исследования проблем работников, которые находятся в состоянии неполной занятости. Это существенно затрудняет возможность реализации потребностей этой социальной группы. В связи с этим, необходимо создать специальные центры по изучению, так называемой, скрытой безработицы основной формой, которой является неполная занятость работающего населения. Необходимо разработать долгосрочную стратегическую программу и план решения проблем, имеющих в этой области с максимальным учётом всех форм и особенностей неполной занятости населения. Социальная программа сокращения неполной занятости работающего населения должна разрабатываться на всех уровнях: на уровне страны, регионов, муниципалитетов, отраслей и конкретных предприятий. Следует также законодательно определить статус неполно занятых работников, установить некоторые льготы, повысить роль и ответственность местных властей в решении проблемы сокращения рабочих часов и трудоустройства освобождающегося от работы населения.

1. Ф.С. Файзуллин И.Ф. Файзуллин Неполная занятость как форма безработицы и фактор бедности работающего населения. Известия Уфимского научного центра РАН. 2021. № 2, стр. 104-108.

2. Федеральная служба государственной статистики по Республике Башкортостан. <https://bashstat.gks.ru/folder/26137>

ПОСТГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

Филатова Дарья Владиславовна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

За последнее время глобальный мир претерпел значительные изменения: новая система развития всего общества, глобализация, информатизация, цифровизация, упрощение различных общественных, технологических и производственных процессов вследствие распространения информационных технологий, которые активно совершенствуются и по сей день. Интернет, компьютеры, сотовые телефоны, телевидение, различные гаджеты - всё это стало неотъемлемой частью жизни общества, без чего практически каждый человек не представляет своей обычной, привычной и комфортной жизнедеятельности [1].

Данная трансформация общества коснулась каждой сферы общественной жизни, подверженной влиянию информации и “информационных сетей”. Она связана с изменением экономики, политики, социальной сферы, технологических и промышленных процессов, с распространением цифровых технологий. В итоге происходит повсеместный переход к модернизации и автоматизации, претерпевают изменения многие отрасли и виды общественной деятельности. Развиваются такие технологии, как искусственный интеллект, нанотехнологии, робототехника, облачные вычисления, технологии 3D-печати, виртуализация [2].

Этот процесс коснулся и сферы труда и занятости. Занятость - это совокупность отношений по поводу участия населения в трудовой деятельности; выражает меру его включения в труд, степень удовлетворения общественных потребностей в работниках и

личных потребностей в оплачиваемых рабочих местах, в получении дохода. Занятость является важнейшей характеристикой рынка труда [3]. Все больше появляются и распространяются компании, специализирующиеся на информационных технологиях, вводятся новые цифровые аспекты, требования умения разбираться в новейших способах и методах деятельности в сфере компьютеризации к сотрудникам, создание различных сайтов, ресурсов и интернет-площадок, увеличивается спрос на IT-специалистов, рост нерегистрируемой и нестандартной занятости, возможность совмещать несколько видов занятости, а также рост притока работников в сферу услуг. Сейчас любой человек, разбирающийся в цифровых технологиях, может зарабатывать и развиваться в интернете, все больше актуализируются и поддерживаются фриланс и интернет-бизнес [4].

За последнее время мир кардинально изменился вследствие таких глобальных событий, как пандемия COVID-19, международные волнения. Все это не могло не повлиять на рынок труда и всего общества. Люди были вынуждены освоить новые навыки и умения, получить знания в области информационных технологий и виртуализации, распространились удаленная работа и дистанционное обучение. Во многом это упростило рабочие процессы, но нельзя сказать, что оно же и не усложнило, так как старшему поколению трудно влиться в современные тенденции постглобального мира в отличие от поколения Z, которое с раннего возраста начинало разбираться в информационных процессах. Для молодежи существуют огромные возможности выбора вида деятельности в области интернет-технологий, ведь молодое поколение достаточно быстро приспосабливается к изменениям и подстраивается под актуальные тренды современного мира [5]. Как итог, можно сказать, что общество постоянно растет и на смену одному поколению приходит современное поколение, которое будет все более совершенствовать рабочие и производственные процессы [6].

Однако нельзя не сказать о том, что автоматизация все же сокращает рабочие места и тем самым увеличивает безработицу. Также здесь можно и упомянуть факт лишения работы вследствие различных санкций, в итоге чего закрываются различные предприятия и люди лишаются работы, они вынуждены искать новое место работы, что в актуальных обстоятельствах вызывает трудности. Нельзя не упомянуть тот факт, что информационное пространство может приводить к социальному неравенству, неравному и неполному доступу к информации, навязыванию определенного образа жизни, действий, настроений, приоритетов, ценностей и различных принципов. Здесь можно наблюдать отрицательное влияние информатизации [7].

Таким образом, к трендам в сфере труда и занятости в постглобальном мире можно отнести распространение удаленного режима работы и фрилансеров, изменение спроса на рынке труда (приоритет специалистов в сфере IT-технологий, программирования, но снижение предпочтения оффлайн-услуг), увеличение онлайн-магазинов и, соответственно, как контактных, так и бесконтактных доставок на дом, автоматизация технологических процессов. Современные технологии позволяют обществу и, в первую очередь, молодежи найти работу в различных типах занятости, которые сейчас имеют большую популярность: самозанятость, ИП, аутсорсинг, аутстаффинг, частичная и удаленная занятость [8;9]. Соответственно, существуют огромные возможности для использования своих знаний, умений и навыков в постоянно изменяющемся мире и информационном обществе.

1. Смирнова, В.Р., Шарыпова, Т.Н. СМИ и массовые коммуникации // Понятие информационного общества. Его основные характеристики. - 2021. - С. 13-14.
2. Аранжин, В.В. Глобальные тренды и тенденции в области занятости // Экономика труда. – 2019. - С. 1353-1372.
3. Ермолаева, С.Г., Рынок труда, учебное пособие // Занятость населения. Государственное регулирование. - 2015. - С. 35.
4. Евстафьев, Д., Ильницкий, А. Завтра // Постглобальный мир [Электронный ресурс] URL: https://zavtra.ru/blogs/pyat_gipotez_o_budushem_mire (дата обращения: 03.10.22)

5. Просвирина А.И., Какадий И.И., Государственная социальная помощь на основании социального контракта // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 3. С. 48.
6. Табах, А., Подругина, А. Эксперт // Трудное время для рынка труда [Электронный ресурс] URL: https://www.raexpert.ru/researches/labor_market_2022/ (дата обращения: 03.10.22).
7. Галанова, К.С. Рынок труда будущего. Основные тренды // Экономика и бизнес. - 2021. - С. 59-61.
8. Савченко И.А. Теоретико-правовые основы системы социальной защиты в России // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2017. № 3 (27). С. 26-35.
9. Николаева А.А., Павлова Т.С. Компьютерная зависимость у детей и подростков // Социосфера. 2019. № 2. - С. 117-120.

ВЛИЯНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ УДАЛЁННОГО ФОРМАТА РАБОТЫ НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ

Фролова Екатерина Андреевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Медведев Александр Олегович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В последние годы многие компании стали активно внедрять в свой рабочий процесс формат удалённой работы, при котором сотрудники исполняют свои должностные обязанности вне помещения работодателя. С 2019 года число сотрудников в России, работающих на “удалёнке”, выросло в сотни раз, на что решающим образом повлияла пандемия Covid-19. При этом за рубежом данная практика давно считается повсеместной (Мальшев, 2018). Формат удалённой работы, с одной стороны, отвечает запросам работников, будучи более комфортным форматом в плане удобства совмещения рабочих и домашних дел (Один из дома: удаленка в постпандемической жизни, 2022), а с другой, для компаний удаленная работа позволяет снизить или вовсе исключить некоторые затраты (например, аренда офиса) (Ананишев, 2020).

Переход компаний на удаленный формат работы, как одно из направлений развития цифровизации рабочего процесса, позволяет сотрудникам работать из любой точки мира. Данная опция может выступать решающим фактором в росте внешней эмиграции, так как позволяет работникам изменять место проживания без страха остаться без постоянного дохода. При этом, удаленная работа в компании родной страны при физическом местонахождении в стране иммиграции может внести некоторые коррективы в привычные практики социокультурной адаптации мигрантов:

социально-культурная адаптация в “чужой” стране более не представляется как стрессовый фактор, так как имеет менее вынужденный характер ввиду отсутствия острой необходимости в поиске новой работы;

связи мигранта со страной эмиграции остаются довольно крепкими, так как это подкрепляется необходимостью вести рабочие процессы на родном языке в коммуникации с представителями “родной культуры”;

из-за отсутствия необходимости включения в “чужую” культуру, формирование обособленных и устойчивых культурных анклавов становится проще, что в будущем только увеличит количество людей, эмигрирующих из-за различных причин, но не желающих перенимать чужую культуру

Таким образом, влияние распространения формата удалённой работы на практики социокультурной адаптации мигрантов представляет собой перспективы для дальнейших исследований.

1. Ананишев, В. (2020). Удаленная работа и эффективность бизнеса: факторы, тренды, влияние пандемии коронавируса. *Московский экономический журнал*(11), 355-363.
2. Малышев, А. (2018). Эволюция практики удалённой работы в России и за рубежом. *Вестник СИБИТа*, 3(27), стр. 33-40.
3. Один из дома: удаленка в постпандемической жизни. (5 Июль 2022 г.). Получено 9 Октябрь 2022 г., из Веб-сайт ВЦИОМ: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odin-iz-doma-udalenska-v-postpandemicheskoi-zhizni>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСТРЕБОВАННОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА НА РЫНКЕ ТРУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Царева Анна Владиславовна

(ФГБУ Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры)

Воробьев Сергей Алексеевич

(ФГБУ Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры)

Малинин Александр Владимирович

(ФГБУ Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры)

Анализ данных о востребованности специалистов на региональных рынках труда Российской Федерации дает возможность оценить сбалансированность спроса и предложения по различным группам вакансий, особенности кадрового спроса различного квалификационного уровня, профессиональной подготовки и возможности повышения квалификации. Оценка востребованности специалистов различных профессий включает в себя: объем открытых вакансий, заявленных организациями; объем вакансий и резюме на рекрутинговых сервисах, отражающий рыночную картину востребованности профессий; канал поиска работы и сотрудников через социальные сети личных контактов и каналы персональной коммуникации; подготовку кадров учебными заведениями в рамках сотрудничества с организациями по дальнейшему трудоустройству. Картина спроса и предложения вакансий на таких сайтах поиска работы, как Rabota.ru, SuperJob.ru, AVITO.RU.Работа и др., отражает различные срезы рынка и дает возможность получить данные о диапазоне заработной платы, характеристиках вакансий и резюме по различным областям занятости, требования к уровню и особенностям квалификации и др. Крупнейший в России онлайн-рекрутинговый портал HeadHunter.ru (hh.ru) предоставляет информацию о показателях кадрового спроса и предложения в различных отраслях на основании данных об имеющихся резюме и вакансиях, а также публикует актуальные показатели конкуренции по регионам и отдельным сферам деятельности, позволяющие выявить сбалансированность рынка труда в регионах Российской Федерации [1].

Сбалансированность рынка труда – это динамическое равновесие профессионально-квалификационной структуры предложения трудовых ресурсов и экономически целесообразных рабочих мест [2, 35-36]. Важным показателем общей сбалансированности кадрового рынка является численность открытых резюме и вакансий. На основании анализа данных портала HeadHunter.ru за период 15 августа-15 сентября 2022 г. был выявлен значительный разброс в количестве представленных резюме и вакансий и их соотношения в различных регионах Российской Федерации. В числе других показателей, портал HeadHunter регулярно публикует специализированный показатель

конкурентности - так называемый «hh-индекс», отражающий соотношение представленных резюме и заявленных организациями вакансий. Данный индекс позволяет определить средний уровень конкуренции на рынке труда региона, без учета специальностей и отраслей рынка. Сравнительный анализ показателей конкурентности различных регионов России отражает состояние рынка вакансий в зависимости от плотности населения регионов, открытости информации о вакансиях, предпочтения рыночных каналов поиска работы и др. На примере индексов конкурентности регионов Северо-Западного (СЗФО) и Дальневосточного (ДФО) федеральных округов, в таблицах 1 и 2 представлено распределение показателей спроса и предложения региональных рынков труда по данным HeadHunter.ru на 1 сентября 2022 года.

Таблица 1. Показатели рынка труда регионов СЗФО

Регион	Число вакансий	Число резюме	Индекс конкурентности
Архангельская область	4047	14589	3,6
Вологодская область	5029	21176	4,2
Калининградская область	4941	32944	6,6
Ленинградская область	8992	31428	3,5
Мурманская область	3916	11911	3
Ненецкий автономный округ	101	299	3
Новгородская область	2740	9615	3,5
Псковская область	2348	8336	3,5
Республика Карелия	2487	9994	4
Республика Коми	2147	12757	5,9
г. Санкт-Петербург	Открытые данные отсутствуют	Открытые данные отсутствуют	6

Таблица 2. Показатели рынка труда регионов ДФО

Регион	Число вакансий	Число резюме	Индекс конкурентности
Амурская область	3918	12727	3,2
Еврейская автономная область	382	974	3,6
Забайкальский край	3138	15023	4,8
Камчатский край	1123	3406	3
Магаданская область	783	2554	3,3
Приморский край	9109	27569	3
Республика Бурятия	3820	13833	3,6
Республика Саха (Якутия)	2356	9880	4,2
Сахалинская область	2118	9281	4,4
Хабаровский край	7991	29139	3,6
Чукотская автономная область	141	136	1

Сравнение показателей конкурентности рынков труда регионов позволяет выявить наиболее высококонкурентные регионы, а также регионы с менее выраженной конкурентностью. По данным портала на сентябрь 2022 г., большинство регионов имеет средние показатели конкурентности, от 3 до 4,5, то есть 3-4 соискателя на одну вакансию.

На примере двух вышеописанных регионов, наиболее высока конкуренция соискателей в Забайкальском крае (4,8) и Сахалинской области (4,4) ДФО, в Калининградской области (6,6), Санкт-Петербурге (6) и Республике Коми (5,9) СЗФО. Наименее конкурентный регион, где число резюме почти равняется числу вакансий, - Чукотская автономная область ДФО (1).

С целью получения информации по качественным и количественным характеристикам востребованности различных видов специалистов в организациях физической культуры и спорта, в период с 2020-2022 г. специалистами ФГБУ СПбНИИФК была проведена серия анкетных опросов представителей организаций физической культуры и спорта в регионах Российской Федерации [3]. В исследовании, проведенном в июне-июле 2022 г., приняли участие представители 1086 организаций. Были получены данные по востребованности различных групп профессий в перспективе 4 лет, с 2022 по 2025, появление которых связано с расширением деятельности организаций. Самые высокие показатели появления новых рабочих мест в связи с организационным развитием отметили такие регионы, как Дагестан, Ростовская область, Бурятия и Республика Саха (Якутия), Башкирия, Новосибирская область, Хакасия и Тыва, Москва, Московская и Владимирская области, Санкт-Петербург, Республика Коми и Архангельская область. Присутствует сходство востребованности специалистов в регионах одного федерального округа, особый интерес к специалистам по адаптивной физической культуре был выявлен в Московской и Владимирской областях Центрального федерального округа (ЦФО), а также в регионах Камчатского и Забайкальского края (ДФО). Потребность в технических специалистах по наладке спортивного оборудования особо отмечена в Северо-Западном ФО (в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Архангельской области), а также в Башкирии, Ростовской и Брянской областях. Высокая потребность в заполнении вакансии главных тренеров была выявлена в Бурятии, Дагестане, Новосибирской области, Тыве, Рязанской и Омской областях; в спортивных судьях – в Республике Саха (Якутия), Тыве, Тюменской, Рязанской, Ростовской и Брянской областях, а также Республике Коми. Выраженный интерес к специальностям «спортивный психолог» и «специалист по антидопинговому обеспечению» отмечен в Чувашии. Полученные данные не только позволяют выявить сравнительный уровень востребованности специалистов физической культуры и спорта в различных регионах, но и наметить необходимые направления роста показателей востребованности в целом по Российской Федерации, федеральным округам и отдельным субъектам [4].

1. HeadHunter. Сервис для поиска работы и подбора персонала. URL: <https://hh.ru/>.
2. Василенко Д.В. Сбалансированность регионального рынка труда: особенности управления / Д. В. Василенко // Сборник научных работ серии "Экономика". 2021. № 21. С. 35-46.
3. Воробьев С.А., Щенникова М.Ю., Брейдер Н.А. и др. Востребованность в специалистах физической культуры и спорта с учетом показателей кадрового обеспечения отрасли // Теория и практика физической культуры. 2021. № 8. С. 104–106.
4. Воробьев С.А., Брейдер Н.А., Щенникова М.Ю., Богомолов Г.В. Состояние отрасли физической культуры и спорта на основе сравнительного анализа показателей регионального развития // Теория и практика физической культуры. 2022. № 3. С. 110-112.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В КИТАЕ

Чжан Хаопэн

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Социальная структура Китая имеет богатую историю, которая начинается от феодального общества в императорском Китае [1, 1–55]. В течение нескольких

тысячелетий в Китае главным критерием определения социального статуса было обладание землёй, хозяйством и имуществом. Так, во время правления династии Цинь (221 г. до н. э. – 1840 г н.э.) китайское правительство разделило китайский народ на четыре сословия: помещики, крестьяне, ремесленники и купцы. После династии Хань (202 г. до н.э. - 220 г. н.э.) произошло частичное восстановление феодализма: возникли богатые и влиятельные семьи с большим количеством земли и огромным количеством полукрепостных крестьян.

Во время правления **династии Сун** социум представлял собой пирамиду: основание – простолюдины (жители города и сельское население). От простолюдинов отличался социальный слой дворян и правительственных чиновников. Вершиной социальной пирамиды был королевский дом династии Сун. Во времена правления этой династии процветали работорговцы, которые незаконно похищали простолюдинов и продавали их в рабство. В конце правления династии Сун два слоя общества поляризовались: состоятельные землевладельцы и простолюдины [2, 252]

В период правления династии **Юань** происходило разделение населения страны на основе их деятельности: фермеры, солдаты, ремесленники, охотники, врачи, посыльные и ученые-конфуцианцы. Кроме того, во времена правления династии Юань рабство считалось обычным явлением. Также следует упомянуть, что статус раба являлся наследственным.

После падения династии Юань, в 1368 году образовалась новая императорская династия - **Династия Мин**. Императорский двор Мин вел общенациональный реестр всех подданных. Правительство данной династии официально оформило регистрацию населения при помощи так называемого желтого буклета, в котором записывался каждый член данной семьи. Помимо желтого буклета в стране действовал также и белый буклет, в котором записывались налоги, которые та или иная семья должна была выплатить. Распространенные до этого времени многочисленные категории населения сократились всего до трех – солдаты, простолюдины и ремесленники. Данные социальные категории были фиксированными и передавались по наследству. Дворяне во времена правления династии Мин принадлежали к касте простолюдинов. В это время существовало два типа дворян. Те, кто сдавал начальный экзамен императорского экзамена, назывались Шэньюань. Все Шэньюань получают фиксированное пособие от императорского двора. Остальные дворяне зарабатывали на жизнь преподаванием в частных школах. 10 % фермеров во времена династии Мин были самостоятельными фермерами. 90 % – наемными фермерами. Это означало, что богатые землевладельцы нанимали их на службу.

Среди ремесленников также различали две группы мастеров: официальные мастера, которые работали при дворе, и простые мастера, которые работали для других людей.

Королевский дом считался самым крупным и привилегированным социальным слоем. В середине 17 века население королевского дома было настолько большим, что их расходы на жизнь составляли до 225,79% налоговых поступлений за год, что привело к фактическому банкротству правительства.

Во времена правления **династии Цин** население можно было разделить на пять категорий: высшее сословие - император и его ближайшие родственники, социальные бюрократы, джентри, рабочие и низшие классы. Большинство джентри владели землей, жили на доходы от земледелия, но среди них были учёные. Джентри происходили из дворян, они проживали в больших городах или поселках. Социальные бюрократы, в свою очередь, отвечали за организацию общественных работ и участвовали в управлении обществом. Социальные бюрократы носили отличительную одежду и пользовались особыми правами, поскольку они обладали особенным статусом. К классу рабочих относились крестьяне, рабочие и купцы (торговцы). Крестьяне были самым многочисленным и наиболее уважаемым сословием, а торговцы находились в самом низу

социальной иерархии и воспринимались как низший класс из-за их неэтичной деловой практики.

Низшие классы обычных людей были разделены на две категории: «простолюдины» (хорошие) и «злые» люди (плохие). Плохие люди подвергались жесткой дискриминации, им запрещалось сдавать Имперский экзамен. Кроме того, плохие и хорошие люди не могли создавать семью.

Итак, китайское общество императорской эпохи представляется стабильным. Оно имело социальную структуру, в основе которой лежали клановые общины, объединенные имперской государственностью. Эти черты общественного строя традиционного Китая циклически воспроизводились на протяжении всей истории страны.

С течением времени в Китае сменялись династии, философские учения, совершенствовались искусства, углублялись знания об окружающем мире, появлялись новые религиозные системы, постепенно совершенствовалась технология сельскохозяйственного и ремесленного производства. Китайскую историю характеризовало пространственное развитие, приведшее к образованию в XVIII в. огромной по территории и численности населения империи.

Цинский Китай - воплощение представлений Конфуция об обществе: в котором высокого положения можно достичь, будучи образованным, обладая большими знаниями. В европейской истории средних веков развитие определялось утверждением института частной собственности, рынка, которые означали переход к буржуазному обществу.

В 1949 году произошло знаменательное событие в истории Китая – образование Китайской Народной Республики. После господствовавшей на протяжении многих веков монархической формы правления в страну пришла демократия. Несомненно, данное событие не могло не оказать серьезное влияние на структуру китайского общества. Так за образованием КНР последовали три этапа трансформаций социальной стратификации в стране. [3, 103].

Первые трансформации социальной стратификации произошли в период с **1949 г. по 1956 г.** В эти годы в стране велось активное строительство социализма. Таким образом, на основе социалистических идей, общество в этот период времени было представлено следующим образом: небольшое количество государственных кадров на вершине социальной пирамиды составляет социальную элиту. Ниже следует рабочий класс, состоящий из работников государственных предприятий и государственных учреждений. А многочисленный крестьянский класс находится на низшем уровне общества.

Изменения структуры общества Китая продолжились и в период с **1957 по 1985 годы**, став вторым этапом трансформационных преобразований социальной стратификации Китая. В это время активно проводились различные реформы в аграрном секторе экономики, направленные на ускорение процесса урбанизации в стране. Население постепенно стало мигрировать в города, следуя принципам горизонтальной мобильности. Таким образом, статус рабочего класса несколько возрос по сравнению с классом крестьян.

После **1985** года продолжились начатые в стране реформы. Государство стало активно развивать свою экономику и промышленность, тем самым дав возможность возникновению новых социальных слоев, таких как, предприниматели, бизнесмены, управляющие и т.п. В это же время постепенно уменьшается доминирование рабочего и крестьянского классов, усиливается роль города по сравнению с деревней. Однако, помимо всего прочего, с появлением новых общественных слоев наблюдается довольно серьезное расслоение и дифференциация социальных структур.

1. Ли И, Структура и эволюция китайской социальной стратификации. University Press of America, 2005 С. 1–55

2. История Китая/ Под ред. А.В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ. Изд-во «Высшая школа», 2002 – 736 с.

3. Доклад о социальной стратификации современного Китая // («Дандай чжунго шэньхуй цзецэн яньцзю баогао») / Гл. ред. С.И. Лу. — Пекин, 2002 (на кит. яз.) 411с.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Чуйченко Валерия Дмитриевна

(ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»)

Шуклина Елизавета Игоревна

(ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»)

Рынок труда- система общественных отношений, в которой происходит движение трудовых ресурсов, а именно воспроизводство, обмен и использование рабочей силы. Тесно связанные с ним понятия занятость и безработица являются ключевыми макроэкономическими показателями рынка труда. Данные показатели всегда изменяются в условиях нестабильной, часто изменчивой внешней среды. На их основе осуществляется оценка текущих тенденций и перспектив развития экономики, инвестиционной привлекательности страны и регионов, рисков и возможностей для эффективного функционирования организаций.

Все компоненты рынка труда в совокупности обеспечивают сбалансированность спроса и предложения рабочей силы, реализацию права людей на труд и свободный выбор вида деятельности, а также определенную социальную защиту. В итоге взаимодействие всех компонентов рынка труда нацелено на создание и поддержание баланса интересов всех субъектов рынка труда. Рынок труда имеет несколько основных функций, главными из которых являются социальная и экономическая. Социальный аспект рынка труда составляют проблемы, которые необходимо решить при помощи правильной социально-экономической политики[2].

Говоря о ситуации на рынке труда, можно сказать, что на сегодняшний день особую актуальность приобретает безработица как социально-экономическое явление. Острота проблемы безработицы порождается следующими причинами:

человек - экономический ресурс особого типа. Потерянное рабочее время невосстановимо, и тот объем благ, который не был сегодня произведен из-за безработицы, уже нельзя компенсировать в будущем;

рост безработицы сокращает спрос на товары на внутреннем рынке. Люди, не получающие зарплату, вынуждены довольствоваться лишь самым минимумом средств существования. В результате затрудняется сбыт товаров на внутреннем рынке страны;

безработица обостряет политическую ситуацию в стране. Причиной тому растущее озлобление людей, лишившихся возможности достойно содержать свои семьи и проводящих день за днем в изматывающих поисках работы;

рост безработицы может привести к росту числа преступлений, которые люди совершают, чтобы добыть нужные блага;

чрезмерная безработица влечет большие экономические, социальные и психологические последствия.

Следовательно, безработица мешает обществу развиваться и двигаться вперед с учетом своих потенциальных возможностей. В конечном итоге это рассматривается как снижение темпов экономического роста, отставание объемов увеличения валового национального продукта[1].

В Курской области, так же, как и в большинстве регионов, в последние годы обострилась ситуация с безработицей.

Рисунок 1. Динамика численности безработного населения Курской области по данным службы занятости с 2014 по 2020 гг.

С учетом складывающейся ситуации, численность безработных Курской области, по сравнению с прошлыми годами, значительно возросла (рисунок 1). Анализируя рисунок, видим, что в течение семи лет численность безработных постепенно растет с каждым годом, однако 2020 год характеризуется резким ростом числа безработных в связи со сложной эпидемиологической обстановкой, нестабильностью социально-экономической сферы в целом. Однако в январе-октябре 2021 года в городе Курске высвобождены от занимаемой должности 699 человек 78 работодателями, что на 10,2% меньше количества высвобожденных работников в аналогичном периоде 2020 года[3].

В течение трех лет в Курской области преобладает доля женщин, потерявших работу. Максимальным значение было в 2017 году. Среди мужчин также наиболее высокое значение наблюдалось в 2017 году, постепенно показатель снижается до 1,4 тыс. человек в 2019 году.

Наибольшее значение по безработным находится в возрастном диапазоне 20-29 лет и в среднем составляет 32,4%. Наименьшее значение приходится на возрастную группу от 60 лет и старше – 0,5%.

Безработных женщин больше всего среди обладательниц среднего профессионального образования 38,5%, у мужчин этот показатель также высок и составляет 42,5%. Меньше всего безработных среди лиц, не имеющих никакого образования.

Количество официально зарегистрированных безработных на 01.11.2021 составило 1315 чел.; по предварительным данным уровень официально зарегистрированной безработицы сократился относительно января-октября 2020 года на 4,1% и составил 0,5%.

В банке вакансий службы занятости зарегистрированы 6373 вакансии.

На рабочие профессии с высокой квалификацией приходится 21,3% (1358 вакансий); 2576 вакансия (40,4%) - вакансии на рабочие места без специальной подготовки; прочие вакансии (по специальностям: врачи, бухгалтеры, преподаватели, инженеры – конструкторы, библиотекари и др.) составляют 38,3%. Продолжительность существования вакансии на рынке труда составляет 1,4 месяца [4].

Принимая во внимание тенденции развития экономики и рынка труда целью государственной политики в долгосрочной перспективе является создание правовых, экономических и институциональных условий, обеспечивающих развитие гибкого эффективно функционирующего рынка труда, позволяющего преодолеть структурное несоответствие спроса и предложения на рабочую силу, сократить долю нелегальной занятости, повысить мотивацию к труду и трудовую мобильность [5].

Исходя из выше изложенных данных можно сказать, что наиболее уязвимыми социальными группами, доля которых в структуре безработных наиболее велика, являются: женщины, молодые люди (от 16 до 30 лет). Уменьшение напряженности на рынке труда возможно вследствие содействию гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям - в подборе необходимых работников; модифицирование структуры

трудовых ресурсов, сокращение дисбаланса на рынке труда; поддержка предпринимательской инициативы нетрудоустроенных граждан; осуществление социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными.

С учетом сложившейся ситуации можно выделить общие меры по предотвращению отрицательных последствий безработицы:

- трудоустройство непосредственно на предприятии путем создания новых рабочих мест;
- организация общественных работ ;
- поощрение частного предпринимательства и стимулирование самозанятости населения, развитие малого бизнеса;
- переподготовка и профессиональная подготовка по дефицитным специальностям и профессиям;
- использование гибких форм занятости ;
- широкая информация населения о возможности трудоустройства, проведение ярмарок вакансий, дней открытых дверей и т.д.

Следовательно, учитывая проведенный анализ положения безработных на рынке труда Курской области, в сложившихся условиях, можно с уверенностью утверждать, что поддержка граждан региона, которые готовы и способны трудиться на территории области, является приоритетной задачей для руководства области и государства.

1. Абрамов, А.П. Социально-экономические показатели занятости населения и безработицы в Курской области: ретроспективный анализ [Текст] / А.П. Абрамов, Ф.А. Гавриков // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2019. – № 5 (34). – С. 187-196.
2. Токарев, А.В. Проблема занятости и безработицы [Электронный ресурс] / А.В. Токарев, А.А. Рабцевия // Научный электронный архив. – Режим доступа: <http://econf.rae.ru/article/7607> (дата обращения: 02.12.2021).
3. Чекалина, И.В. Анализ занятости и безработицы в Курской области [Текст] / И.В. Чекалина // Школа молодых новаторов. – 2020. – С.241-244.
4. Меньшакова, М.А. Анализ государственного регулирования рынка труда и безработицы в Курской области [Текст] / М.А. Меньшакова // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2019. – 2019. – С. 279-284.
5. Нишнанидзе, О. О. Социально-демографические показатели уровня безработицы Курской области / О. О. Нишнанидзе, М. А. Лыкова // Добровольчество в современном мире: нравственный идеал нашего времени : сборник научных статей I-й международной студенческой научно-практической конференции, Курск, 26–28 октября 2016 года / Ответственный редактор С.И. Беленцов. – Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2016. – С. 163-169.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Шамсутдинова Ильзия Анасовна

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Аннотация. В работе предложен алгоритм системы планирования и прогнозирования и описаны этапы, которые позволяют на основе учета специфических особенностей нефтедобывающих компаний, жизненного цикла организации, тенденции развития отрасли и экономики в целом выстроить гибкую, маневренную, надежную и адаптивную модель принятия управленческих решений.

Ключевые слова: планирование, прогнозирование, жизненный цикл.

Одним из факторов повышения эффективности деятельности промышленных предприятий, в т.ч. и нефтяных предприятий, является совершенствование системы

планирования и прогнозирования, которая должна быть гибкой к изменениям внутренней и внешней среды, качественной и адаптивной для достижения, поставленных целей компании с учетом производственного, финансово-экономического и социально-экологического потенциала предприятия.

Анализ подходов и методов к прогнозированию и планированию показал, что промышленные предприятия нуждаются в новых, адаптивных к современным реалиям методах. Одним из направлений совершенствования системы планирования и прогнозирования может стать учет мировых тенденций экономики в целом, отрасли, региональных и специфических особенностей той или иной отрасли, а также учет жизненного цикла [5, 6, 7, 8, 10].

Основываясь на данных положениях, в статье предложен алгоритм формирования интегративной системы планирования и прогнозирования, который разделен на несколько этапов:

Анализ текущего состояния предприятия:

А) анализ внутренней среды: с учетом специфических показателей, присущих данной отрасли, а также финансово-экономических (выручка, себестоимость, капитальные затраты, рентабельность) и социально-экологических (средняя заработная плата, выработка на одного работника, текучесть кадров, удельные выбросы в атмосферу парниковых газов и другие специфические показатели экологического характера);

Б) анализ внешней среды (анализ конкурентов, анализ рыночного окружения с учетом специфики организации);

2. Учет жизненного цикла:

А) отрасли (с учетом тенденций развития отрасли, в т.ч. на региональном уровне);

Б) организации (на основе комплексного анализа (в т.ч. с использованием исторических данных, анкетирования сотрудников, отчетных и внутренних данных предприятия) производственных, финансово-экономических и организационно-правовых показателей, скорости развития);

В) дочернего (структурного, зависимого предприятия) – на основе определения жизненного головной организации;

Г) производственной единицы (месторождения, бассейны, скважины).

Последние два пункта относятся к рекомендациям при формировании общего бизнес-плана компании в части планирования и прогнозирования деятельности отдельного бизнес-блока (направления деятельности).

На основе анализа наиболее распространенных моделей (в т.ч. L.Greiner [1], I.Adizes [4], W.Torbert [3], F.Lippitt [2], A.Downs, B.Scott) при определении жизненного цикла организации важно с учетом специфики организации принять решение относительно:

- количества стадий, т.к. единого мнения по данному вопросу нет;

- оцениваемых факторов и основных анализируемых показателей: модель определения стадии жизненного цикла должна быть многофакторной, а оцениваемые показатели относительными, т.к. компании имеют разный размер, масштабы производства и поток денежных средств;

- горизонта исследуемых показателей: для организаций возникших в результате приватизации советских предприятий учитывать показатели только после 1994 г. или с момента создания организации.

Остановимся на каждом этапе подробнее. После расчета показателей внутренней и внешней среды предлагается провести сравнительный анализ с аналогичными среднеотраслевыми значениями каждого показателя. Среднеотраслевые значения могут быть рассчитаны на основе усредненных показателей согласно годовых, финансовых отчетов и статистических данных по исследуемой отрасли. Итогом данного этапа является обобщение результатов, выявление возможностей и угроз и определение текущей позиции компании для выбора оптимальной стратегии. Инструментами при выборе оптимальной

стратегии могут выступать PEST-анализ, SWOT-анализ, ETOM-анализ, SNW-анализ, SPACE-анализ. У каждого из перечисленных методов имеются как достоинства, так и недостатки, в ряде работ для анализа предлагается комбинировать несколько инструментов. Важно отметить, что каждый из данных методов должен быть адаптирован под особенности и специфику, исследуемого предприятия.

На основе работ [9, 11, 12] автором адаптирована система показателей, используемых для SPACE-метода, с учетом особенностей деятельности нефтяных предприятий и условно разделена на 4 группы (таблица 1).

Таблица 1 – Показатели для проведения SPACE-анализа

Группа	Критерии
Финансовая сила предприятия	Производственные расходы; рентабельность вложенного капитала; стабильность получения прибыли; ликвидность; структура задолженности;
Промышленный потенциал	Стабильность добыча нефти, уровень выполняемости запасов нефти, проходка в бурении, дебит
Социально-экологические показатели	Темп роста заработной платы, производительности труда, уровень текучести кадров и экологические показатели предприятия
Стабильность отрасли и конкурентные преимущества	сравнение с среднеотраслевыми значениями основных показателей; стадия жизненного цикла отрасли; продолжительность жизненного цикла отрасли и стадии развития, качество продукции и темп инфляции

Каждый фактор оценивается экспертно в шкале от нуля до шести. Далее вычисляется среднее значение факторов для каждой группы и отмечаются точки в системе координат. Соединив точки, получается фигура, по которому согласно расшифровкам определяется оптимальная рекомендуемая стратегия для компании: определяется (корректируется) основная цель, стратегические, долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные планы.

При составлении бизнес-плана, на наш взгляд, первоочередным является учет жизненного цикла структурного (зависимого, эффектообразующего) предприятия. Директивы и целевые установки головной организацией, должны формироваться с учетом жизненного цикла структурного предприятия, производственной единицы. Под производственной единицей в данном случае необходимо понимать не только, например, месторождение, но и его составляющие – кусты, скважины и т.д. Другими словами, при составлении планов становится важным учет системы «вложенности жизненных циклов», т.к. на жизненный цикл головной компании оказывает влияние жизненный цикл структурного (зависимого) предприятия, а на жизненный цикл структурного (зависимого) предприятия оказывает влияние жизненный цикл разрабатываемых месторождений, которые зависят от жизненного цикла, пробуренных на данном месторождении скважин (зависимость представлена на примере нефтяных компаний).

Таким образом, одной из самых актуальных задач промышленных компаний в настоящее время является формирование эффективной системы планирования и прогнозирования, способной гибко ориентироваться к изменениям VUCA-среды.

1. Greiner L. E. *Evolution and Revolution as Organizations Grow* // *Harvard Business Review*. – 1972. – Vol. 50. – № 4. – P. 37-46.
2. Lippitt G. L., Schmidt W. H. *Crisis in a developing organization* // *Harvard Business Review*. – 1967. – Vol. 45. – № 6. – P.102-112.

3. Torbert W. R. *Pre-bureaucratic and post-bureaucratic stages of organization development* // *Interpersonal Development*. – 1974. – Vol. 5. – № 1. – P. 1-25.
4. Адизес, И. *Управление жизненным циклом корпорации* / И. Адизес; пер. с англ. под науч. ред. А.Г. Сеферяна. – СПб.: Питер, 2007. – 384 с.
5. Бажжаев М. М. *Совершенствование методического подхода к формированию цепочки создания стоимости нефтяной компании* // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. – 2018. – №. 6. – С. 30-30.
6. Бирюкова В. В. *Стратегическое управление устойчивым развитием нефтяной компании* // *Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии*. – 2014. – №. 5 (39). – С. 105-112.
7. Будова Е.В. *Интегрированная модель жизненного цикла организации* // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки*. – 2013. – № 5. – С. 56-62.
8. Буренина И. В., Варакина В. А. *Система единых показателей оценки эффективности деятельности вертикально-интегрированных нефтяных компаний* // *Вестник евразийской науки*. – 2014. – №. 1 (20). – С. 6.
9. Волкова С. П. *Методика SPACE-анализа* // *Роль социально-гуманитарного знания в развитии интеллектуального потенциала нации : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 25 февраля 2021г. : Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2021. С. 34-37. URL: <https://apni.ru/article/1977-metodika-space-analiza>*
10. Зиница О. С., Лазариди С. В. *Подходы к бизнес-планированию в VUCA мире* // *Вектор экономики*. – 2019. – №. 1. – С. 73-73.
11. Мусина Д. Р., Кашиеварова Ю. А. *Апробация методики оценки стратегии развития вертикально-интегрированной нефтяной компании на примере ОАО "АНК" Башнефть"* // *Электронный научный журнал Нефтегазовое дело*. – 2013. – №. 1. – С. 418-427.
12. Тарасюк В. М. *Проблемы бизнес-прогнозирования добычи нефти на поздней стадии разработки месторождений и инструменты их решения: автореферат, Москва, 2007 г.*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Шегурова Яна Евгеньевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Активному обсуждению темы экологии, а также экологических ценностей поспособствовал начавшийся во второй половине XX столетия глобальный экологический кризис. Он затронул интересы разных социальных слоев общества. В этот период произошла переоценка ценностей в сторону обсуждения экологической ситуации в мире. Общество напрямую столкнулось с проблемами экологии и рационального природопользования, охраны окружающей среды и исчезающих видов животных. Именно кризис и всемирное обсуждение проблем экологии поспособствовали активному развитию новых экологических концепций, теорий и практик. Это смогло повлиять на то, что экологические проблемы стали активно обсуждаться в мировых сообществах.

В настоящее время все активнее разрабатываются разные концепции и теории в сфере экологии. Развиваются производства по переработке вторичного сырья, пункты приема пластика и других видов отходов. В данный период времени можно говорить о поэтапном становлении экологической культуры и экологического сознания индивидов. Под экологической культурой понимается система знаний и умений, ценностных ориентаций человека в области окружающей среды [4]. Одним из условий ее формирования является непрерывное образование в области экологического знания. Стоит отметить, что формирование экологической культуры выступает как фактор гармонизации и оптимизации отношений между обществом и природой [3].

В XX веке активно начинается развитие массового производства, повлекшее за собой усугубление экологической ситуации в мире. Ежедневное производство десятков миллионов товаров приводит к загрязнению окружающей среды и растрате природных

ресурсов. В ряде случаев, товар даже не находит своего покупателя и многие из этих товаров не подлежат переработке. В современном мире наблюдается феномен перепотребления. Под этим термином подразумевается потребление, которое превышает стандартные потребности индивида [1]. Можно сказать, что перепотребление обесценивает потребляемый товар: продукты покупаются в избытке и не успевают использоваться, товары используются частично и в итоге отправляются на свалку. Потребитель зачастую ориентируется на стоимость товара, не обращая внимания на его экологические характеристики, ввиду ограниченности денежных средств.

Как правило, далеко не каждый товар утилизируется правильно. Так как многие люди не знают, как правильно утилизировать тот или иной продукт. В этом кроется проблема непросвещенности в сфере экологического знания несмотря на то, что в современном мире идет активная разработка и внедрение экологических инноваций в повседневную жизнь.

Эта двойственная ситуация порождает противоречия. С одной стороны, некоторая часть людей придерживается экологических ценностей и норм в повседневной жизни, а другая часть людей даже об этом не задумывается. Но все-таки, стоит заметить, что в последние годы многие индивиды, в частности молодежь, стали осознаннее подходить к выбору и покупке товаров. Ведь с каждым годом активнее ведется экологическое просвещение населения. Поэтому исследование того, как экологическая культура влияет на поведение молодежи, является довольно актуальным. Ведь молодежь – активный агент потребления на современном рынке товаров и услуг.

Изменяющиеся методы природопользования, возникновение новых экологических проблем – все это требует открытия новых экологических законов и теорий, которые помогут развиваться экологической культуре дальше. Ведущим компонентом в системе экологической культуры выступает личность со своими взглядами, убеждениями и поступками. Именно личность является субъектом управления процессами взаимодействия природы и общества [5]. В этом случае необходимо формирование экологического сознания посредством развития экологической культуры в обществе. Поэтому, данную проблему необходимо изучать и исследовать с помощью социологических методов и исследований.

1. Авласович Е.М. Потребительство как основной мотив жизнедеятельности современной молодежи // *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*. – 2019. – №6. – С. 1–4.
2. Бодрийяр Ж. *Общество потребления: его мифы и структура*. – Москва: Республика, 2006. 268 с.
3. Виноградова Е.Г. Экологическая культура и устойчивое развитие: единство природы, общества и культуры // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. – 2020. – № 4(28). – С. 70–76.
4. Воедилова И.А. Экологическая культура как новое качество культуры // *Астраханский вестник экологического образования*. – 2012. – № 1(19). – С. 90–92.
5. Дорошко О.М. Современные подходы к определению понятия «экологическая культура» // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. – 2012. – № 9. – С. 51.
6. Карабукаев К.Ш. Значение экологического сознания в формировании экологической культуры // *Вестник Института философии и политико-правовых исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики*. – 2017. – № 1. – С. 98–101.
7. Маслова Ю. В. Экологическая культура современного российского общества: сущностные черты и тенденции семантических трансформаций // *Гуманитарий Юга России*. – 2019. – Том 8. № 4. – С. 178–188.
8. Симоненко Н.И. Экологическая культура в современном социокультурном дискурсе: к определению онтологической сущности экологической культуры // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2009. – № 29(167). – С. 63–67.

9. *Фортуатов А.А. Анализ методологических подходов, используемых при формировании экологической культуры личности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2018. – № 4(158). – С. 352–361.*
10. *Fielder A. Promoting Sustainable Consumption. Good Practices in OECD Countries / OECD. – Paris, 2008. – 55 p.*
11. *Potocnik J., Spangenberg J. Moving Beyond the Gospel of Eco-Efficiency of Friends of the Earth Europe / European Commission. German Federal Ministry for Environment. Nature Conservation. Building and Nuclear Safety / ed. by Rijnhout L., Mastini R. – Brussels, 2018. – 34 p.*
12. *Rodic L. Sustainable consumption and production // Global Waste Management Outlook. – New York, 2014. – P. 40–42.*
13. *Thidell Å. Sustainable consumption and green lifestyles / Workshop on sustainable consumption and green lifestyles of the Nordic Council of Ministers. – Odense, 2010. – 18 p.*

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЫНКОВ ПРИ ПОМОЩИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ СЕТЕЙ

Шкурко Егор Алексеевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В течение последних 20 лет в экономике набирали популярность методы network science, в рамках которых взаимодействие агентов можно рассматривать как социальные графы или сети. Язык теории графов является удобным для изучения взаимодействий агентов как на микроэкономическом, так и на макроэкономическом уровне [1, 86].

В network science существует крупная парадигма стратегических сетей – сетей, участники которых действуют согласно собственным интересам и могут выбирать с кем создавать связь, то есть рациональность каждого отдельного узла сети является главной движущей силой к построению определенной архитектуры графа [3, 201]. Этот взгляд принципиально отличается от моделей случайных графов, достаточно успешно использовавшихся для изучения поведения людей.

Стратегическое формирование сетей описывается с помощью теоретико-игрового подхода и теории общественного выбора – фундаментальный вклад в теорию неслучайных сетей внес экономист Мэттью Джексон. Основной ее идеей является получение выигрышей и выплату цен игроками за нахождение в конкретной сети. Ориентируясь на заданные цены и выигрыши игроки проявляют рациональное поведение, стараясь максимизировать выгоду для себя или для всей сети в целом. В связи с этим они имеют различные горизонты планирования – в моделях агенты могут быть как «близорукими», то есть продумывать только ближайшие связи, так и мыслить с опорой на более далекую перспективу. Параметры рациональности агентов приводят к тому, что их действия создают граф конкретной архитектуры – он может обладать свойствами стабильности и эффективности в различных интерпретациях, основанных на понятиях равновесий Нэша и эффективности по Парето. Анализируя архитектуру таким образом, можно делать выводы о желании или нежелании игроков строить новые связи или разрывать старые. При многих итерациях построения связей и выбора партнеров агенты обеспечивают эволюцию сети, то есть череду изменений, которая может привести к тому, что сеть, обладающая изначально одними свойствами, сведется к другим – такую возможность преобразования сети называют «сходимостью» [4, 45]. Упомянутые выше идеи служат настройками для имитационного моделирования, которым исследователи занимаются с целью прогнозирования изменений сетей и проведения экспериментов в данной области [2, 1145].

1. *Мусатов Д. В. и др. Теория и эмпирика социальных интернет-сетей и их экономические приложения // Экономическая наука современной России. 2015. №. 2 (69). С. 86-96.*

2. Carrillo J. D., Gaduh A. *Dynamics and stability of social and economic networks: Experimental evidence // Journal of Economic Behavior & Organization. 2021. № 188. pp. 1144-1176.*
3. Jackson M. O. *Social and economic networks. Princeton: Princeton university press, 2010. 648 p.*
4. Jackson M. O., Wolinsky A. *A strategic model of social and economic networks // Networks and groups. 2003. №71. pp. 44-74.*

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩИТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ УЛЬТРАГЛОБАЛИЗАЦИИ

Щербина Александра Вениаминовна

*(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им.
В.И.Ульянова)*

Популярность концепта «социальный капитал» (СК) – индикатор признания общительности созидаемым и накапливаемым ресурсом, который может становится действенной силой, обретать субъектность.

СК исследуется как наименее осязаемый, в сравнении с физическим (здания, оборудование) и человеческим (знания, умения, навыки) капиталом. В качестве индикаторов СК в национально-государственном измерении рассматриваются индекс доверия, членство в общественных организациях, количество добровольных ассоциаций. Рост СК – важнейший фактор развитости экономики и конкурентоспособности нации-государства, демократии и политической активности, психологического здоровья и благополучия сообщества, группы, личности. Эмпирические исследования СК в его национально-государственном измерении в 90-ые гг. XX в. носили тенденциозный характер (Ф. Фукуяма – яркий пример): выводы из сравнения СК постсоветских, посткоммунистических стран, особенно РФ, с западными демократическими странами с рыночной экономикой были предрешены. Но неутешительные данные были получены и в исследованиях западного общества: они свидетельствовали о сокращении участия американцев в добровольных ассоциациях, об уменьшении времени, затрачиваемого на неформальное общение и деятельность в общественных организациях, о снижении индекса доверия [1].

Парадоксально, но при истощении национального СК наблюдается тенденция роста роли и значения репутационного, информационного, капитала в структуре, размерах и стоимости бизнеса. На фоне падения веса «традиционных» экономических показателей значение брендов и «гудвилл» только возрастает. В последние десятилетия с этими тенденциями коррелирует возрастание объема сетевых коммуникаций. В качестве зримых воплощений СК сегодня рассматриваются нетворкинг – расширение сети знакомств для заработка и карьеры (и широко обсуждается, как не растерять их и приумножить дистанционно), краудфандинговые площадки, позволяющие привлекать средства на реализацию бизнес-идей и социально-значимых программ, монетизация аудитории независимых блогеров

Самый ценный ресурс, формирующий СК – время. Оно вкладывается во все отношения, включая отдых. За финансовым и экономическим капиталом лежит «свой» труд. СК определяется эффективностью использования связей, т.е. средств и достижений «чужого» труда. Деятельностный аспект СК означает, что его накопление возможно только через его потребление и использование, он возникает и растет на всех уровнях практической включенности личности во взаимодействие участников. Культурно-политическая доминанта (ядро) СК – баланс личных, групповых и общественных интересов.

Наиболее благоприятные условия для роста СК складываются в социальном государстве. Расходы на медицину, образование, поддержку семей обеспечивают

первоначальное накопление и возможность для индивида инвестировать в СК, как форму и способ развития человеческого капитала. В свою очередь равенство возможностей и жизненных шансов – обязательное условие эффективности СК. Социальное государство формирует средний класс, представители которого и являются субъектами СК. В эпоху НТР, атома и космоса необходимыми формами развития личности полагались дополнительное (непрерывное) образование, научно-техническое творчество, искусство, физкультура, туризм и т.п. Создавая доступную инфраструктуру, государство управляет свободным временем взрослой личности. В эпоху пандемий, зеленой энергетики, ИИ, социальных сетей значение «первоначального накопления», т.е. этапа формирования личности, резко меняется. Анализируя современные формы СК, мы не должны забывать, что за ним всегда стоит личность. Условия формирования личности задают способы и направления использования СК. Личность не растворяется в СК, она всегда больше его, даже если растет в нем. Чем мощнее платформа (становление личности), тем больше скорость оборота СК. От других видов капитала он отличается тем, что его «постоянная» и основная часть есть сама личность в ее предшествующем опыте совместного формирования и становления с родителями в семье, с друзьями, учителями и наставниками в школе, вузе, армии.

Культурно-цивилизационное измерение личности определяется условиями «первоначального накопления» персонального капитала, характером ее дальнейшей социализации, и, как результат, скоростью и масштабом наращивания СК. Вне полноты народно-хозяйственного комплекса неизбежны монополизация и деградация социальных лифтов, ротационных коридоров личностного роста. Чем в большей степени личность укоренена в значимых для страны сферах разделения труда, чем в более конкурентной среде существует – тем в большей степени формируемый ею СК национален. Для РФ очевидна приоритетность науки и образования, энергетики (добыча, переработка, упаковка и доставка), с/х и пищевого производства, ВПК, транспорта (в т.ч. воздушного, водного и космического). Состояние этих сфер сегодня не только задает стандарт социального государства, но и определяет его геополитическую проекцию.

Если личность не развивается, ее СК не наращивается. Одно дело – взаимодействие в сферах, значимых для страны и определяющих ее место в международном разделении труда, другое – становление и участие персонального капитала в заранее обреченных на периферийность сферах бытового, коммунального и цифрового обслуживания. Связи и отношения личности замыкают ее в движение по кругу, обрекают на повторение, сегрегацию, т.к. сфера коммуникации становится имитацией включенности и не работает на развитие личного человеческого капитала. Роль СК как оборотного капитала становится здесь очевидной. Если личный капитал не развивается, – социальный сам по себе может увести только в сферу формирования, комментирования и обслуживания кумиров. Личность и ее общительность коммерциализируются. Человеческий и социальный капиталы становятся своего рода сырьем для экспорта в другие страны. Иначе говоря, в социальном государстве (и западном, и советском), горизонтальные связи были ступенями роста личности, а теперь они становятся условиями аренды личностного потенциала сетевыми компаниями. Независимо от региона рождения и воспитания, языка общения, гражданства в условиях ультра-глобализации сетевые сообщества становятся космополитическими («четвертый мир»), а их общительность – товаром.

Наконец, вопрос о монополии и собственнике СК – не только теоретический. Это предмет борьбы и конкуренции. Контроль и регулирование общительности, осуществляемые с помощью социального рейтинга (КНР) и политических правил (Запад), имеют здесь подчиненное значение социальных приоритетов поведения, режимов социальной дисциплины.

1. Putnam R. D. Bowling alone: the collapse and revival of American community / Robert D. Putnam. – N. Y.: Simon & Schuster, 2000.

СЕКЦИЯ 4: УПРАВЛЕНИЕ В ПОСТ-ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

РОЛЬ РЕЛИГИИ И ТРАДИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА

Абдаллах Лейла

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Аннотация. Интерес для социологической науки представляет культурный компонент имиджа государства, выходящий на международную политическую арену с точки зрения разнопланового влияния религии и традиций на его конструирование, а также взаимосвязи религии и политических процессов и ее воздействия на общество в целом.

Ключевые слова: имидж государства, религия,

В последние годы исследования в области территориального имиджа пользуются большим спросом, что обусловлено проблемой конструирования современного государственного имиджа в контексте многоконфессионального мира. Основными инструментами имиджологии в контексте религиозного фактора являются:

уровень светскости государства и свободы вероисповедания,

многообразие конфессий,

интенсивность участия религии в общественных и политических процессах,

деятельность политических религиозных организаций в системе управления государством,

использование религиозных символов и образов в политической коммуникации,

обращения религиозных лидеров, участие политических деятелей в религиозных ритуалах и встречах с религиозными лидерами, влияние религии на закон, духовно-нравственное состояние общества (определение поведения людей),

регулирование общественной жизни, уровень осведомленности международной аудитории о традициях и обрядах, духовных ценностях, культурных архетипах, этических нормах и религиозных символах государства.

Нам представляется, что имидж страны будет укрепляться, если в нем отражаются культурные элементы национальной жизнедеятельности, традиции, этика и система духовно-нравственных ценностей. Именно традиционная культура, религия и традиции формируют национальную идентичность государства на международной арене. На сегодняшний день религия и традиции играют значительную роль в конструировании имиджа государства: выдвигание на передний план религиозных, социокультурных, политико-культурных, этических и духовных различий, а также формирование концепций национальной идентичности.

Рассмотрим роль религии и традиций в формировании имиджа государства на примере современного Афганистана. Афганистан находится под властью движения «Талибан» (запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.) и считается авторитарным государством в результате действий исламистов, запугивающих население организацией массовых вооруженных беспорядков. Происходит «насильственная исламизация» и ограничение представителей других конфессий в свободе передвижения и обеспечения прав, в результате чего по данным комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) условия свободы вероисповедания в Афганистане значительно ухудшились, несмотря на обещание защиты всех религиозных групп [1]. По мнению Е. А. Крашенинковой, деятельность религиозных лидеров Афганистана способствует формированию позитивного имиджа государства в исламском

мире [2, 539], однако, на западе проблема фактической реализации прав и свобод в Афганистане все еще находится под вопросом.

1. В США заявили об ухудшении состояния свободы вероисповеданий в Афганистане // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3678173.html> (Дата обращения: 15.09.22)
2. Крашенникова Е.А. Религиозная дипломатия в урегулировании афганского конфликта: возможности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – № 19. – С. 533-544.
3. Hakala U., Lemmetyinen A., Kantola S.-P. Country image as a nation-branding tool // Marketing Intelligence & Planning. – 2013. – Vol. 31 No. 5. – P. 538-556.
4. Телегина, К. И. Понятие и структура имиджа государства / К. И. Телегина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12-2(50). – С. 191-194.

ВЛИЯНИЕ ПОСТ-ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Адмакин Данила Николаевич

(Российский университет транспорта (МИИТ))

Актуальность исследования заключается в том, что современные организации оказываются под влиянием таких пост-глобальных процессов как: пост-пандемия, финансовые кризисы, миграция населения, масштабные политические противостояния. Все это напрямую влияет и на стратегическое управление в современных организациях.

Ключевые слова: стратегическое планирование, глобальные процессы, кризисы, пандемия.

Процессы пост-глобализации основаны более на политическом контексте, обозначая процесс роста и автоматизации анклавов глобальности, связанных между собой: потоками товаров, технологий, информации, людей, и различных по уровню жизни.

Пост-глобализм подразумевает под собой наличие в данной системе элементов, которые имеют более значимое стратегическое расположение, повышенную привлекательность, а также повышенный образовательный и культурный уровень для современных компаний. На текущее время данные элементы подразумевают под собой мегаполисы, которые приводят к суперурбанизации.

Одним из важнейших инструментов в управлении является планирование. Планирование подразделяется на оперативное, текущее и стратегическое. В период пост-глобализации появляются множества внешних угроз, которые в свою очередь создают неблагоприятные условия для развития общества. В период, когда общество стремительно меняется самым подверженным и непредсказуемым является стратегическое планирование. Стратегическое планирование в данных условиях подвергается серьезному влиянию внешней среды, поскольку, возможно предсказать дальнейшее развитие событий даже в период первых месяцев, а в некоторых случаях недель, достаточно сложно и не представляется возможным. [2]

Стратегическое планирование характеризуется периодом времени от 5 лет и более, однако в текущее время, стратегическое планирование как инструмент используется в большей степени крупными игроками бизнеса, теми кто имеет достаточное количество ресурсов. Характерными чертами стратегического планирования является: построение запасов; рост экспорта; минимизация рисков; поиск и укрепление позиций на рынке сбыта; цифровизация и автоматизация; повышенное внимание к антикризисному управлению.

В текущей ситуации стратегическое планирование укрепилось в инструментарии только крупных компаний, поскольку малый и средний бизнес после последнего испытания – пандемии, перестало планировать что-либо сроком более чем на 1 год. Даже государство не во всех отраслях и сферах деятельности допускает планирование сроком более 5 лет, стоит отметить тот факт, что государственный бюджет только не давно стал планироваться сроком на 5 лет.

В большинстве кризисов последствием является снижения уровня доверия общества, учреждений, компании в экономику определенного государства, что в последствии влечет за собой ухудшение уровня экономики данного государства. Конец двадцатого и начало двадцать первого века характерен кризисами в большинстве случаев, основанных на динамике изменения цен на нефть. По мимо этого, стоит отметить уникальное для нашего времени положение – пандемия COVID-19. [1]

Пост-глобальные процессы влияют на современные организации главным образом посредством: изменения процесса управления персоналом (сокращение, удаленная работа, миграция); создание новых нормативных документов (законов); нарушение логистики и связей; изменение структуры организации; вынужденное сокращение объема работ.

Вывод. Для повышения уровня стратегического планирования в современных организациях следует учитывать влияния пост-глобальных процессов на организацию и сферу бизнеса в целом. С целью повышения эффективности стратегического планирования необходимо: осуществлять анализ пост-глобальных процессов; оказывать посильную поддержку персонала организации в неблагоприятных условиях; мотивировать руководящий состав на развитие профессиональных компетенций.

1. Базаров, Т. Ю. Психология управления персоналом: учебник и практикум для вузов / Т. Ю. Базаров. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. С. 381

2. Кибанов, А. Я. Основы управления персоналом: учебник. М.: Инфра-М, 2019. С. 432

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ДИАЛОГОВЫЕ СТРУКТУРЫ И МЕХАНИЗМЫ В МНОГОСТОРОННЕЙ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Близнецкая Екатерина Александровна
(МГИМО МИД России)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества, научный проект № 21-514-12001.
The reported study was funded by RFBR and DFG, project number 21-514-12001*

В последнее десятилетие отмечается резкий рост количества неформальных структур, создающихся в качестве вспомогательных площадок для многостороннего политического диалога по вопросам изменения климата за пределами формальных конференций Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН).

В научной литературе отсутствует консенсус относительно названия таких форматов взаимодействия государств. Это не традиционные межправительственные организации, потому что у них, как правило, нет учреждающего устава или иного международного договора, постоянно действующего секретариата, системы официальной документации, органов, бюджета и штаб-квартиры, но при этом они регулярно организуют встречи, на которых государствами обсуждаются международные проблемы и согласовываются коллективные действия. Ряд авторов относят их к неформальным межправительственным организациям [1, 194], другие авторы рассматривают их как практику или предпочитают называть их клубами, политическими диалоговыми форумами. Есть и общие термины, обозначающий любые форматы международного

взаимодействия государств ограниченного членства минилатерализмом, групповой или клубной дипломатией. Подавляющее большинство работ, посвященных неформальным диалоговым структурам посвящена сотрудничеству государств либо в финансово-экономической сфере, либо в области безопасности, хотя в сфере многостороннего сотрудничества по климату распространение неформальных структур еще более заметно.

В период активных переговоров по будущему соглашению, которое придет на смену Киотскому протоколу по инициативе США, проводился Форум крупнейших экономик по энергетике и изменению климата (Major Economies Forum on Energy and Climate Change (MEF)), объединявший 17 государств-крупнейших эмитентов выбросов парниковых газов. Форум собирался регулярно вплоть до принятия Парижского соглашения, и возобновил свою работу при Администрации Байдена. В годы президентства Трампа, когда США находились в процедуры выхода из Парижского соглашения, действовала Министерская встреча по климатическим действиям — ежегодное мероприятие, в котором принимали участие министры и высокопоставленные представители более чем 30 стран, включая министров стран Большой двадцатки и председателей переговорных групп. В 2010 году впервые по инициативе Ангелы Меркель состоялась конференция Петербургского климатического диалога, и с тех пор Климатический Диалог проводится ежегодно, способствуя открытому обсуждению в малых группах ключевых вопросов международной климатической политики. Также с 2010 года также по инициативе США проводится Министерская конференция по чистой энергии (Clean Energy Ministerial (CEM)). Членами CEM являются 28 государств и Европейская комиссия.

Рост числа неформальных структур в климатической дипломатии, расширение их членства и углубление специализации, подтверждается эмпирически, и это однозначно делает их заслуживающими внимания социологов-международников. Каковы движущие силы этого процесса? Всегда ли неформальные межправительственные организации являются исключительно межправительственными? Являются ли неформальные диалоговые форматы вспомогательными в отношении к РКИК как главной международной межправительственной основы для согласования мер глобального реагирования на изменение климата или обладают самостоятельной значимостью, дополняя лакуны многостороннего сотрудничества в рамках формальных международных учреждений?

Целью исследования служит определение сущности и роли неформальных структур в многосторонней климатической дипломатии. Для выполнения цели была составлена база неформальных диалоговых структур, которые были активны в два периода, особенно важных для климатического сотрудничества – в течении 2014–2015 (период завершения переговоров по Парижскому соглашению) и 2020–2021 гг (период завершения переговоров по Правилам выполнения Парижского соглашения), и осуществлена их типологизация. Таким образом, данное исследование, и развивает представление о процессе разработки международного климатического права, и раскрывает некоторые причинно-следственные связи процесса фрагментации «ландшафта» глобальной климатической политики.

Климат включает в себя множество вопросов от декарбонизации, и технологий до финансов, и с каждым годом международная климатическая повестка только расширяется. Все большее количество как государств, так и негосударственных акторов переходят от заявлений к реализации климатических стратегий. Сегодня уже невозможно представить себе такое международное учреждение, которое могло бы охватывать все вопросы климатической повестки и координировать действия всех значимых игроков. Парижское соглашение закрепило подход «снизу-вверх» в климатическом сотрудничестве, что означает, что достижение согласованных целей должно поддерживаться совокупностью усилий государств, определяемых ими самостоятельно, с учетом «общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей». Кроме того,

на межгосударственном уровне управления (режим РКИК ООН) очерчены лишь общие принципы взаимодействия сторон. Все вышесказанное предопределяет спрос на самые разные формальные, но чаще неформальные диалоговые (если быть точнее, неформализованные) структуры и механизмы взаимодействия сторон в многосторонней климатической дипломатии.

Можно выделить три формы неформального взаимодействия в климатической дипломатии, основанные на типологии, предложенной Вестервинтером и др. [2, 5]: автономные неформальные структуры; неформальные методы взаимодействия внутри РКИК; сети и партнерства, создающиеся с участием государств, МПО, негосударственных акторов. То есть одни неформальные структуры могут быть созданы как независимые объединения, другие создаются «внутри» формальных межправительственных организаций, третьи связаны с деятельностью транснациональных сетей, эпистемиологических сообществ, транснациональных частно-государственных партнерств.

Табл. 1 Формы неформального взаимодействия в климатической дипломатии. Примеры.

Автономные неформальные структуры	Неформальные методы взаимодействия внутри РКИК	Неформализованные сети и партнерства
- Форум крупнейших экономик по энергетике и климату (MEF), - Министерская встреча по чистой энергии (СЕМ), - Петербургский диалог	- Группа 77+Китай, - Группа малых островных государств (SIDS) - Предварительные совещания перед Конференцией сторон РКИК (PreCOP)	- С 40 - Коалиция в защиту климата и чистого воздуха (CCAC) - Саммит «Одна планета» (One Planet Summit)

Совокупность неформальных диалоговых структур и механизмов встроены в существующую формальную межправительственную систему, представляя собой политически гибкий механизм координации взаимодействия государств и значимых негосударственных участников. Распространение диалоговых форматов отражает стремление государств искать взаимоприемлемые подходы к решению климатической проблемы в свободной от формальностей среде, однако было бы неправильно говорить о выполнении ими функций международного управления. На встречах СЕМ или MEF не принимаются решений, поэтому и не требуется поиск консенсуса, но сам факт обмена мнениями на их площадках служит строительным блоком для построения консенсуса в рамках РКИК ООН и других МПО.

1. Vabulas F., Snidal D. *Organization without delegation: Informal intergovernmental organizations (IGOs) and the spectrum of intergovernmental arrangements* // *The Review of International Organizations*. – 2013. – Т. 8. – №. 2. – P. 193–220.

2. Westerwinter O., Abbott K. W., Biersteker T. *Informal governance in world politics* // *The Review of International Organizations*. – 2021. – Т. 16. – P. 1–27.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ БИЗНЕСОМ И ГОСУДАРСТВОМ: ПОИСК НАИЛУЧШЕЙ GR-СТРАТЕГИИ

Бочаров Александр
(РАНХиГС)

Между государством и бизнесом существует разрыв. Этот разрыв приводит к возникновению различных противоречий, и почти все они вызваны непониманием между

двумя субъектами. Глобализация и трансформация мировой социальной сферы делает правительства и бизнес зависимыми от межкультурной коммуникации. Деловое взаимодействие с правительствами и так является чрезвычайно сложным, а взаимодействие с иностранным правительством может оказаться трудной задачей. Более того, если бизнес не имеет представления о культуре и языке новой страны, это становится невыполнимой задачей. Данное исследование направлено на преодоление разрыва между правительством и бизнесом путем нахождения взаимопонимания с помощью лучшей GR-стратегии.

В качестве примера можно привести следующее исследование, которое было проведено в поисках стратегии преодоления противоречий межкультурной коммуникации. Были опрошены значимые лица в различных департаментах и ведомствах, ответственные за один или несколько аспектов иностранных дел.

Люди, независимо от их географического положения, как оказалось, имеют общие желания. Не было никакой разницы, где эти люди служили - за границей или в Соединенных Штатах, за исключением того, что те, кто отправлялся на зарубежные позиции, сталкивались с дополнительной проблемой адаптации к жизни в новой физической, культурной и социальной среде. [2].

Это общее требование было связано со способностью вступать в межкультурные отношения и/или интерпретировать их. Те, кому приходилось работать в другой стране, сталкивались с дополнительной проблемой, как уже говорилось ранее. Им и их семьям приходилось иметь дело с культурным шоком, а также с часто трудной адаптацией к жизни в месте с другим жильем, питанием, климатом, транспортом, медицинским обслуживанием, образовательными учреждениями и другими социальными, религиозными и политическими организациями [1].

Многие исследователи поддерживают необходимость развития навыков человеческих отношений, понимания людей из других культур, развития уважения к другим гражданам, адаптивности и выработки привычки общаться с каждым иностранным гражданином на индивидуальной, а не стереотипной основе.

Лишь несколько ведомств считали, что для тех, кто работает на федеральное правительство и должен быть направлен на работу за границу, требуется обучение навыкам жизни и работы в межкультурной среде. В течение некоторого времени Институт иностранной службы Государственного департамента, Агентство международного развития, Информационное агентство США и Корпус мира пытались предоставить тем, кто отправляется в зарубежные командировки, необходимую информацию, установки и навыки для межкультурного общения, взаимодействия и жизни. [4] Казалось очевидным, что люди, которые остаются в Соединенных Штатах и отвечают за помощь туристам из других стран в адаптации к нашей культуре и ценностям, также нуждаются в навыках межкультурного взаимодействия. Исследование [3] также показало, что люди, которым приходилось изучать и понимать информацию и данные, полученные в культуре, не разделяющей наши ценности, и чье восприятие было основано на их культуре, совершали ошибку, полагая, что наши ценности и восприятие являются универсальными. В результате разработки политики, агенты действий и лица, принимающие решения, получали отчеты, которые явно не отражали реальность.

Пробел, образовавшийся в понимании новых культур, можно уменьшить. Эта проблема очень актуальна в настоящее время, особенно для предприятий, работающих с новыми местами в пределах одной страны, например, в России, где проживает более 180 национальностей и культур, или в новых странах с другой культурой, что увеличивает барьер для входа на рынок.

2. Johnston, Mary Boppell, "Training Needs of Overseas Americans as Seen by Their National Co-Workers in Asia," *Peace Corps Program and Training Journal*, Vol. 11, No. 4, 1975, pp. 25-28.
3. Lewis, Anthony Marc, "Re-Examining Our Perceptions on Vietnam," Washington, D.C., *Central Intelligence Agency Internal Report*, August 10, 1974.
4. Triandis, Harry, "Culture Training Cognitive Complexity and Interpersonal Attitudes," in R. Borslin, S. Bochner, and W. Lonner (Eds.), *Cross-Cultural Perspectives on Learning*, New York: Wiley, Halsted Press, 1975, pp. 39-77.

УМНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ДЛЯ НАРОДА VS ВМЕСТЕ С НАРОДОМ?

Василенко Людмила Александровна

(ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00694 «Публичное управление как конфигурирование релятивных сетей в публичном пространстве цифрового общества».

Одно из часто применяемых названий процесса цифровизации государственного управления – «Государство для людей». И это несомненно достижение Правительства РФ, реализуемое, исходя из его конкретных интересов – выполнение государственных функций в цифровом формате через оказание населению вполне формализованных государственных услуг с минимальными издержками. Это сервисная модель с набором государственных услуг потребительского характера с мультиканальным доступом и использованием «интеллектуальных агентов» [Василенко, 2021: 12]. Такая идеология направлена на выполнение функций государством без участия населения, интересы которого учитываются в той мере, в какой они совпадают с задачами органов власти. Платформа обратной связи с гражданами, создаваемая в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление», также не предусматривает участие граждан в управлении как субъектов (электронный формат работы с обращениями-жалобами граждан, голосования и обсуждения по заданным органами власти темам, варианты систем «Активный гражданин», «Добродел», «Наш город» и т.п.). По результатам опросов населения и экспертов, становление субъектности граждан в части признания необходимости совместных действий в сборе критической информации, осуществления контроля над выполнением принятых решений, наличия полноценного партнерства в решении возникающих проблем сегодня не реализуется и не ставится как задача [Василенко, Зотов, Захарова, 2021].

Другая идеологическая модель, носящая гуманитарный характер, может называться «Государство вместе с народом». Эта модель опирается на принцип субъект-субъектных управленческих отношений и предполагает усиление негосударственных акторов за счет создания «умных» интеллектуализированных систем партнерского взаимодействия. Такая идеология может реализоваться в условиях опережающей вторичной социализации участников [Василенко, 2004: 491], «вращиванием» качества ответственной субъектности с соответствующими социальными лифтами, геоинформационной культуры безопасности [Трансформационные процессы...] и развитием правил взаимодействия в сети Интернет, возникших в период ее возникновения [Митин, Василенко, 1996].

1. Василенко Л. А. *Опережающее образование как способ выживания человечества // Безопасность Евразии. 2004. № 3 (17). С. 491–505. DOI 10.18411/Vasilenko-1-1.*

2. Василенко Л.А. Цифровой прорыв: достаточно ли умным в цифровом государстве будет публичное управление и насколько умны элита и граждане? // *Цифровая социология*. 2021. № 3. С. 6–15.
3. Василенко Л. А., Зотов В. В., Захарова С. А. Использование потенциала социальных медиа в становлении участвующего управления // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2020. Vol. 20. No. 4. С 864–876. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-864-876.
4. Митин А. И., Василенко Л. А. *Глобальная компьютерная сеть Internet (история, организация, доступ, перспективы)*. М.: Интеллект, 1996. DOI 10.18411/Vasilenko-2-9.
5. *Трансформационные процессы в системе допуска к государственной тайне России.* / [Василенко В. И. и др.]. М.: Проспект, 2010. DOI 10.18411/Vasilenko-3-2.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Васильев Владимир Петрович

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Практика ряда развитых стран на протяжении почти 80 лет показала необходимость государственного регулирования экономики. Только рыночные структуры, даже такие мощные, как транснациональные корпорации, не способны обеспечить эффективное распределение ресурсов. Рост объемов экономики, новые социальные вызовы обуславливают необходимость координации, определения «правил игры», обеспечивая их соответствующими нормативами и финансовыми ресурсами. Рыночные принципы часто не срабатывают, требуют корректировки со стороны государства. К тому же новые политические обстоятельства диктуют новые «провалы рынка».

В связи с этим теоретические исследования государственного регулирования экономики смещаются от назойливых утверждений о минимизации масштаба государственного участия в социально-экономической динамике в сторону поиска современных форм управления и эффективности. Современную экономику трудно представить без бюджетно-налогового, антимонопольного и монетарного регулирования, которые являются основными направлениями деятельности государства в социально-экономической сфере

Цифровое развитие ставит новые задачи по поиску оптимальности методов государственного регулирования, применения новых управленческих технологий, переходу от электронного к «цифровому правительству». Названные проблемы особенно актуальны для России, где тяжелый трансформационный период 1990-х гг. сопровождался уходом государства из экономики. Лишь с начала 2000-х гг. начались процессы позитивного участия государства в экономическом регулировании. Этот процесс также противоречив. Экономика не вышла на траекторию устойчивого развития, некоторые меры государственной экономической политики являются дискуссионными и не всегда приводят к заявленным результатам.

Новым явлением последних нескольких лет является переход многих стран к скоординированному стратегическому планированию, в реализации целей которого (благополучие, борьба с бедностью, экология) участвуют и государство, и бизнес [1]. В России в 2020 г определены пять Национальных целей развития до 2030 г и начата работа по реализации национальных проектов с государственным финансированием [2]. Стратегическим механизмом назван переход от макроэкономической сбалансированности к запуску нового инвестиционного цикла.

Однако масштабные санкции западных стран по всем направлениям рыночных институтов переформатировали среднесрочные направления деятельности. В ручном режиме выстраиваются новые логистические схемы поставок комплектующих для целого ряда промышленных предприятий, включение восточного направления. Инвестиционная

деятельность строится по направлениям структурной трансформации и обеспечения технологического суверенитета. Источник финансирования – Фонд национального благосостояния и финансы государственных корпораций.

1. *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.*

https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R

2. *Указ Президента РФ от 21 июля 2020 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».*

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПОСТГЛОБАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Власова Наталья Владимировна

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ульяновский государственный университет»)

В течение 2020-2021 года основное место в информационном пространстве заняла тема распространения новой опасной инфекции COVID-19. Вследствие охватившей мир пандемии общество и его отдельные подсистемы подвергаются серьезным трансформациям. Успешное преодоление кризисного периода напрямую связано с вопросами обеспечения национальной безопасности и зависит от эффективности управленческой деятельности на общегосударственном и региональном уровне, от согласованности взаимодействия государственных и общественных институтов.

«Национальная безопасность» означает состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [3].

Международные научные сообщества расходятся в оценках происхождения коронавирусной инфекции. Существует мнение, что этот вирус изобретен человеком в специальных лабораториях и, следовательно, является бактериологическим оружием [1]. Современная трансформация общественных отношений, вызванная пандемией, представляет угрозу национальной безопасности для всех стран без исключения. Поэтому встает вопрос о поиске новых форматов системного управления национальной безопасностью, возможного пересмотра принципов ее построения и осуществления.

В условиях пандемии коронавируса система связей между государствами подверглась трансформации. Закрытие границ, сокращение объемов мировой торговли оказали негативное влияние на мировую экономику. Прежние глобальные геополитические стратегии развития государств и транснациональных объединений были скорректированы. Существенные изменения затронули значительные области социальной реальности, оказали серьезное влияние на функционирование многих социальных институтов. С целью сохранения базовых форм работы структур и организаций, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность граждан, руководством стран была начата разработка новых подходов к поддержанию национальной безопасности.

В научной среде распространено мнение о том, что в посткризисном мире не будет одного или двух основных центров силы, произойдет образование ситуативных коалиций нескольких влиятельных держав. В случае негативного развития событий возможно нарастание международной напряженности вплоть до военных конфликтов с применением оружия массового уничтожения. Возрастают риски совершения диверсионных атак с применением биологического оружия, направленных как против

высшего руководства, так и с целью нанесения максимального ущерба рядовым гражданам.

Процесс создания приемлемой стратегии выхода из глобального кризиса и ее воплощение может растянуться на несколько лет. В условиях неопределенности путей дальнейшего стратегического развития, расхождения мнений экспертов в оценке степени опасности нового вируса отмечается стремление власти к созданию дополнительных механизмов по ужесточению мер, контролирующего социальное поведение граждан. В различных формах фиксируется усиление государственного влияния на экономику, что связано с необходимостью повышения управляемости социально-экономических процессов в кризисный период, минимизации политических рисков. Строгий контроль развития социальных процессов позволит обеспечить поддержание относительной стабильности. Вследствие этого ожидается дальнейшее повышение значимости контролирующих структур, которые регламентируют работу предприятий и частного бизнеса.

Поведение людей во много обусловлено существующей системой ценностей, моделей поведения и установок, что во многом обуславливает их реакции на изменяющиеся условия жизни. В отличие от западных обществ, установка на неукоснительное соблюдение закона проявляет себя недостаточно. У российских граждан существует особое представление о нормах закона и их соблюдении. В связи с этим необходимо ужесточение юридической ответственности за нарушение норм закона, не менее важна неотвратимость наказания. Систематическое, а не разовое, информирование и тщательный социологический контроль за его результатами может обеспечить достижение поставленных целей. Для повышения эффективности пропаганды семейных ценностей среди молодежи, ответственным специалистам необходимо сделать выбор в пользу создания гибких и индивидуальных методик работы с разными социальными группами – половозрастными, конфессиональными, территориальными и другими. Лишь комплексная информационная работа с молодым поколением, начиная со школы, способна принести существенный результат.

В новой социальной реальности актуальна проблема неравенства возможностей представителей молодого поколения на рынке труда. Проблемы трудоустройства молодежи способствуют росту социальной напряженности в обществе. Экономически неблагополучные слои населения являются подходящей средой для распространения идеологии сообществ криминальной и экстремистской направленности. Растущее недовольство в молодежной среде приводит к росту влияния популистских партий, которые спекулируют на теме неравенства возможностей, не предлагая конструктивных путей решения социальных проблем. В связи с указанными причинами, необходима разработка дополнительных механизмов, облегчающих процесс получения работы представителями молодого поколения, реализация системы дополнительных мер, стимулирующих работодателей к трудоустройству молодых сотрудников.

Новые вызовы, связанные с пандемией, диктуют необходимость частичного отказа личности от некоторых прав и свобод. Находятся люди, которые полагают, что введенные ограничения нарушают их конституционные права. Любое вмешательство государственных структур в их частную жизнь вызывает у данной категории людей негативную реакцию. Они опасаются расширения полномочий правоохранительных органов, давления на предпринимателей. Также оппозиционную часть российского общества волнует невозможность проведения митингов в период ограничений. В связи с этим повышаются риски обострения противоречий в обществе и возникновение новых стихийных, либо заранее скоординированных протестных акций. Правительство многих стран, например США, Германии, Франции уже столкнулись с подобными проблемами. Отмечается рост митинговой активности, неповиновения сотрудникам силовых структур. Происходят столкновения радикальных сторонников диаметрально противоположных точек зрения.

Ситуация с распространением вируса и мерами по противодействию пандемии может обострила многие социальные противоречия, способствовать возникновению новых конфликтов. Поэтому важной задачей является разработка системы превентивных мер по недопущению неконтролируемого развития внутрисударственных конфликтов.

Большую положительную роль в период распространения коронавирусной инфекции сыграла «цифровизация» [4]. В частности, переход на дистанционное обучение российских школ, колледжей и вузов не вызвал сложных, неразрешимых технических проблем. Любое образовательное учреждение при наличии интернета может обеспечить двустороннюю передачу образовательного контента. Однако предлагаемые онлайн технологии не могут заменить в полной мере процесс живого общения преподавателя и обучаемого. Таким образом, просматривается угроза падения образовательного уровня населения России [2].

Ещё одна важнейшая задача в кризисный период – предотвращение последствий техногенных катастроф и природных бедствий, находящееся в ведении МЧС. Россия является одним из лидеров в данной сфере. Российские специалисты участвуют в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Подобные операции вызывают недовольство у части россиян, так как часть средств на них выделяется из госбюджета, но кроме получения навыков работы в самых разных условиях, налаживаются связи с иностранными правительствами, поддерживается престиж и авторитет государства. Государства, способные выделить обученный контингент миротворцев и спасателей, смогут обеспечить себе длительное присутствие в зоне бедствия, влияние на социальные и политические процессы, а, значит, и весомое положение на мировой арене.

Процесс выхода из экономического кризиса, преодоления негативных последствий пандемии может занять длительное время, а некоторые вызванные ей социальные трансформации окажутся необратимыми. В условиях новой реальности на первый план выходят такие проблемы обеспечения национальной безопасности как успех восстановления государственной экономики, поддержание достойного уровня жизни граждан, недопущение острых социальных конфликтов. Повышение эффективности государственного регулирования, слаженности работы властных структур позволит нейтрализовать негативные последствия пандемии в интересах всего российского общества.

1. Безуглая, Н. С. Национальная безопасность и пандемия коронавирусной инфекции COVID-19: вызовы экономической системе государства и перспективы по обеспечению ее безопасности / Н. С. Безуглая, И. Н. Шамрай. // Регионоведение. – 2020. – Т. 28, № 3. – С. 449–469. – DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.112.028.202003.449-469>.

2. Ерохина, Е. В. Угрозы реализации национальных интересов Российской Федерации в период после пандемии / Е. В. Ерохина, Ю. Б. Джергеня. // Экономическая безопасность. – 2020. – Т. 3. – № 3. – С. 259–272. – DOI: [10.18334/ecsec.3.3.110681](https://doi.org/10.18334/ecsec.3.3.110681).

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-02072021-n-400/strategiia-natsionalnoi-bezopasnosti-rossiiskoi-federatsii/> (дата обращения: 04.10.2022)

4. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/2369d7266adb33244e178738f67f181600cac9f2/ (дата обращения: 27.11.2021).

МОДЕЛИ ИЗБРАНИЯ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Деркачева Диана Владимировна
(ВИУ (ф) РАНХиГС при Президенте РФ)*

Актуальность темы наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации берет свое начало с 2004 года, когда существенным образом был подвержен изменению существующий порядок избрания глав регионов РФ. Стоит отметить, что в период с 1999г. по 2004г. действующий президент РФ – Владимир Владимирович Путин утверждал, что прямые выборы глав субъектов РФ является для России необходимым институтом, исходя из специфики федеративного и многонационального государства [1, 3]. При этом сам механизм прямых выборов признавался как наиболее эффективный для формирования региональной власти.

13 сентября 2004 года на расширенном заседании Правительства РФ, посвященном последствиям трагических событий в Беслане, Президент РФ выступил с инициативой реформирования системы государственной власти РФ, частью которой стало предложение об избрании глав субъектов РФ законодательными органами субъектов РФ по представлению Президента РФ [4, 121]. Так было принято решение заменить выборный механизм избрания назначением губернаторов Президентом РФ, вызванное необходимостью создания эффективной системы внутренней безопасности, повышения доверия населения к власти и укрепления государственной структуры.

В послании Президента к Федеральному собранию 2011 года был определен новый курс на комплексное реформирование политической системы страны и децентрализацию государственной власти, составной частью которого стало изменения порядка избрания главы субъекта РФ.

С принятием Федерального закона от 2 мая 2012 г. №40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» был утвержден новый порядок, который определил переход от института назначения высшего должностного лица субъекта РФ к институту выборов высшего должностного лица субъекта РФ [2, 3]. В соответствии с этим законом глава субъекта РФ должен быть избран гражданами России на основе всеобщего прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком не более пяти лет и не может замещать указанную должность более двух сроков подряд. Кандидат признается избранным, если на него проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании.

Однако менее чем через год в данный закон были внесены поправки, согласно которым субъекты РФ были наделены правом заменить всенародные выборы на избрание высшего должностного лица субъекта РФ депутатами законодательного органа субъекта РФ [3, 36].

Также стоит отметить, что с принятием Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.11.2021 №414-ФЗ законодатель закрепил две основные модели избрания высшего должностного лица субъекта РФ: 1) избрание высшего должностного лица субъекта РФ гражданами РФ; 2) избрание высшего должностного лица субъекта РФ депутатами законодательного органа субъекта РФ. Статья 23 указанного Федерального закона закрепляет, что Конституцией (уставом) или законом субъекта РФ может быть предусмотрено, что высшее должностное лицо субъекта РФ избирается депутатами законодательного органа субъекта РФ.

Таким образом, действующие модели избрания высшего должностного лица субъекта РФ, с одной стороны, позволяют гражданам реализовать свое право на избрание выборных должностей, закрепленное в Конституции РФ, а также право на выражение

своей воли через избрание более предпочтительного для населения кандидата; с другой стороны, избрание губернатора депутатами законодательного органа субъекта РФ является более легитимной формой, позволяющей учитывать все особенности региона и выстраивать сильную вертикаль власти.

1. Васильченко Д.Ю. Проблемы избрания (наделения полномочиями) высших должностных лиц субъектов РФ: история и современные перспективы / Д.Ю. Васильченко // Наука, техника и образование, 2014. С. 1-5.
2. Маринова С.Ш., Кандрина И.А. Новый порядок регулирования полномочиями главы администрации РФ: анализ законодательства и практики / С.Ш. Маринова, И.А. Кандрина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2017. С. 1-6.
3. Тимербаев Т.А. Трансформация института выборов глав субъектов Российской Федерации / Т.А. Тимербаев // Правовое государство: теория и практика, 2016. С. 35-41.
4. Тихонов К.А. Целесообразный отказ от прямых выборов и введение системы назначения глав субъектов Российской Федерации / К.А. Тихонов // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2019. С. 119-124.

АКТИВИЗМ ЗНАНИЙ КАК ВЫЗОВ ТРАДИЦИОННЫМ ФОРМАМ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ ЗДОРОВЬЕМ В ПОСТ-ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Дудина Виктория Ивановна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-18-00261

Активизм знаний – сравнительно новый подход, который рассматривает активизм как средство продвижения результатов исследований в сферу принятия политических и управленческих решений. В научной литературе как правило активизм знаний исследуется с точки зрения связи исследований и политики. Традиционные подходы передачи знаний (knowledge transfer), создания знаний (knowledge creation) и обмена знаниями (knowledge exchange), все чаще начинают рассматриваться как неэффективные по сравнению с подходом «активизма знаний» (knowledge activism) как средства, с помощью которого данные исследований могут быть использованы в контексте политического действия. Хотя исследователями признается риск для академической объективности такой явной политизации, тем не менее справедливо считается, что исключение исследований из политической сферы ведет к снижению/отсутствию влияния исследований на практику [1].

Подход активизма знаний очень слабо изучен по отношению к проблемам общественного здоровья. В то же время, существует множество явлений в области общественного здоровья, которые могут быть исследованы именно из перспективы этого подхода. Так, например, в контексте пандемии коронавируса активизм знаний выступает в форме блогов и сообществ, посвященных обнаружению искажений в статистических данных, которые допускаются в официальной информации, обсуждению исследований эффективности вакцин и лечения.

Исследования активизма знаний в области общественного здоровья немногочисленны, но показывают важность этого явления как ресурса управления процессами в общественном здравоохранении на уровне организаций и сообществ. В недавнем канадском исследовании [2], опрос специалистов по охране здоровья и безопасности труда использовался, чтобы выяснить количество времени, которое респонденты посвятили различным типам представительской деятельности. Было выяснено, что опрошенные, участвовавшие в деятельности, которая была определена, как активизм знаний, чаще принимали участие в сложных интервенциях и сообщили о

лучших результатах своей работы. Перенаправление медицинской власти в альянсе с такими группами, как мигранты и противники приватизации в сфере здравоохранения, рассматривается в исследовании [3]. Медицинская власть здесь изучается с принципиально новой точки зрения, сами врачи рассматриваются авторами как представители активистских движений, участвующих в так называемом «доказательном активизме клиницистов» (clinician-led evidence based activism).

Другим примером активизма знаний в сфере общественного здоровья является активное включение пациентов в процессы производства знания. Например, организации по защите интересов пациентов с генетическими заболеваниями все активнее участвуют в биомедицинских исследованиях, особенно в трансляционных (прикладных) исследованиях, призванных переводить результаты фундаментальных исследований на уровень прикладного знания, чтобы удовлетворить потребности людей, которых они обслуживают. Одним из наиболее известных примеров такой деятельности является деятельность PXE International (www.pxe.org), организации защиты пациентов с генетическим заболеванием эластической псевдоксантомой, основанной родителями детей, страдающих от этого заболевания. Деятельность этой организации служит примером того, как группы активистов могут ускорить научные исследования. Данная организация приняла методы, которые впервые были предложены другими правозащитными организациями и интегрировала их с новыми подходами и с франчайзингом. Деятельность этой организации привела к созданию общей инфраструктуры, позволяющей группам по защите интересов пациентов инициировать, проводить и интенсифицировать исследования [4]. «Деятельность PXE International была, по сути, одним из первых примеров того, как взаимоотношения между наукой и обществом могут постепенно трансформироваться и расширять сферы влияния неспециалистов на научно-исследовательскую политику биомедицины» [5, 77].

Наибольшее развитие активизм знаний в области общественного здоровья получил в области редких заболеваний. Организации по защите интересов пациентов с редкими заболеваниями поддерживают и обучают как самих пациентов, так и членов их семей, а также участвуют в исследованиях на различных уровнях. Эти организации также могут участвовать в решении некоторых проблем проведения трансляционных исследований редких заболеваний. Они также могут способствовать интенсификации исследований, акцентируя внимание на подходе, который фокусируется на переходе от понимания биологических аспектов болезни к разработке прогностических, диагностических, социально-психологических и терапевтических стратегий, которые могут принести непосредственную пользу пациентам.

Изучение редких заболеваний сталкивается с рядом проблем. Некоторые из этих проблем носят достаточно очевидный и общий характер, например, малый размер выборок пациентов, доступных для исследования. Другие проблемы связаны с такими социальными и экономическими факторами, как финансирование и конкуренция за исследовательские гранты, которые по своим условиям требуют наличия определенного исследовательского задела в виде уже проведенных исследований и опубликованных статей, что не всегда возможно в случае с редкими заболеваниями, которые, например, не привлекали достаточно исследовательского интереса. Также исследования редких заболеваний привлекают существенно меньше интереса со стороны фармацевтических компаний, которые заинтересованы в расширении своего рынка. Другим важным моментом является обеспечение связи фундаментальных исследований с прикладным аспектом, с обеспечением трансляции и внедрения фундаментальных результатов в систему здравоохранения, чтобы ускорить переход от фундаментальной науки к методам лечения и технологиям, которые принесут пользу конкретным пациентам. Активистские группы готовы принимать на себя больше рисков в поисках методов лечения редких заболеваний. Кроме того, они обычно меньше по размеру и менее зависимы от бюрократии, чем традиционные исследовательские организации, поэтому могут быстрее

предпринимать необходимые шаги в исследовании. Такого рода организации могут объединить свои возможности по координации сообщества пациентов, интересы которых они защищают, с привлечением ученых-исследователей для продвижения исследований, направленных на прикладные цели. Наиболее успешные модели активизма знаний объединяют определенные аспекты академических моделей (строгая наука), коммерческих предприятий (коммодификация и подотчетность) и правозащитных организаций (доверие и гибкость) и используют их для создания гибридной модели продвижения исследований [4].

Интенсификация исследований через создание сообществ людей, которые могут делиться своим опытом жизни с заболеванием, создание через это сообщество научного предприятия, направленного на индустриализацию лечения или технологии с целью улучшения жизни пациентов, является важным направлением деятельности в сфере активизма знаний в общественном здоровье. Активизм знаний выполняет значимую социальную функцию, обеспечивая общественное влияние на исследовательские приоритеты, направляя внимание исследователей на постановку исследовательских вопросов с учетом интересов самих носителей проблем здоровья, что является важным моментом для развития прикладных или трансляционных исследований, а также для совершенствования управленческих практик в области общественного здравоохранения.

1. Gillies D. *Knowledge activism: bridging the research/policy divide*, *Critical Studies in Education*, 2014, 55(3). P. 272-288.
2. Hall, A., Oudyk, J., King, A., Naqvi, S. and Lewchuk, W. *Identifying knowledge activism in worker health and safety representation: A cluster analysis*. *American Journal of Industrial Medicine*, 2016, 59. P. 42-56.
3. Pushkar, P., Tomkow, L. *Clinician-led evidence-based activism: A critical analysis*. *Critical Public Health*, 2021, 31(2). P. 234–243.
4. Terry, S., Terry, P., Rauen, K. et al. *Advocacy groups as research organizations: the PXE International example*. *Nature Reviews Genetics*, 2007, 8. P. 157–164.
5. Гребеницкова Е.Г. *Биологическое гражданство: от пациентских организаций до потребительской геномики*. *Человек*. 2019. Т. 30, № 6. С. 72–81.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА

Жилкин Антоний Сергеевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

In light of recent fundamental challenges in international relations (e.g. COVID-19 pandemic, armed conflicts and new trade barriers), it is necessary to reconsider the future of globalisation. The World Economic Forum in Davos has always been a place for the promotion of global partnerships between public and private stakeholders. However, this year (2022) was quite different due to the devastating armed conflict in Ukraine and more aggressive China behaviour[1]. Can these challenges underline the end of globalisation?

If for decades, while negotiating trade cooperation, the political tensions were out of context, now this has changed dramatically. Nowadays, Western countries are much more selective in their foreign trade policy. At the Davos forum, the NATO Secretary-General stated: "trade has brought a lot of prosperity and wealth to all of us, but the problem is that it has a price. Some of this economic interaction with authoritarian regimes is undermining our security. We have to choose security instead of vulnerability and over-reliance on authoritarian regimes"[2]. This message supports the idea of being more selective while conducting economic relations with authoritarian states.

However, withdrawing from critical regions (e.g. Least Developed Countries) is not always the solution. It is the responsibility of developed countries to assist vulnerable local communities[3]. Many residents are dependent on their incomes, and if Western companies

merely leave them, this can have a disastrous impact on the local community. The European Union shows a positive example from this perspective. Thanks to the EU GSP policy, developing countries are relieved from tariffs and customs duties in exchange for ratification of core UN/ILO conventions concerning human/labour rights and good governance[4].

We tend to believe that trade interest would lead to export and universal adoption of the Western democratic model everywhere in the world[5]. On the one hand, according to the Democracy Index, approximately one-third of the world's population lives in dictatorships[6]. On the other hand, declaring that trade has no influence on political decision-making and human rights issues is also not appropriate. This idea has been proven by the EU GSP policy.

The term deglobalisation might be misleading because there will not be an end to international trade. A friend-shoring trade policy would be a commonly used approach. It means that a country tries to bring production to its allies[7]. Under the presidency of Joe Biden, the US is now again committed to partnerships with its allies. The cooperation between the US and the EU is now not only about strengthening trade relations but promoting common values like human and labour rights[8].

In conclusion, the necessary diversification does not become an excuse for isolation and protectionism[9]. A transition from neo-liberal to sustainable and socially oriented globalisation might be a solution.

1. Heath R. *RIP Davos Man, long live globalisation*. Politico, 2022. Available at: <https://www.politico.com/news/2022/05/25/world-economic-forum-davos-globalization-00035228> (Accessed: 8 October 2022);
2. *Special address by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the World Economic Forum Annual Meeting*. NATO, 2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_195755.htm (Accessed: 8 October 2022);
3. Coke-Hamilton P. *We must help developing countries escape commodity dependence*. United Nations Conference on Trade and Development, 2019. Available at: <https://unctad.org/news/we-must-help-developing-countries-escape-commodity-dependence> (Accessed: 8 October 2022);
4. *Generalised Scheme of Preferences: the EU's GSP removes import duties from products coming into the EU market from vulnerable developing countries*. European Commission, 2022. Available at: https://policy.trade.ec.europa.eu/development-and-sustainability/generalised-scheme-preferences_en (Accessed: 8 October 2022);
5. Griswold D. *Does free trade promote democracy and political and civil freedom?* The Globalist, 2004. Available at: <https://www.theglobalist.com/does-trade-promote-democracy/> (Accessed: 8 October 2022);
6. *Less than half the world lives in a democracy – EIU Democracy Index 2021*. Democracy Digest, 2022. Available at: <https://www.demdigest.org/less-than-half-the-world-lives-in-a-democracy-eiu-democracy-index-2021/> (Accessed: 8 October 2022);
7. Maihold G. *A new geopolitics of supply chains: The rise of friend-shoring*, SWP Comment, No. 45/2022, Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP), P. 2. Berlin, <https://doi.org/10.18449/2022C45>;
8. *U.S.-EU Joint Statement of the Trade and Technology Council 16 May 2022 Paris-Saclay, France*. US Department of Commerce, 2022. P. 36. Available at: <https://www.commerce.gov/sites/default/files/2022-05/US-EU-Joint-Statement-Trade-Technology-Council.pdf> (Accessed: 8 October 2022);
9. *Special Address at Davos 2022 by Olaf Scholz, Federal Chancellor of Germany, in full*. World Economic Forum, 2022. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2022/05/olaf-scholz-speech-to-davos-2022-in-full/> (Accessed: 8 October 2022).

СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ КОММУНИКАЦИЙ: МЕЖДУ ОТКРЫТОСТЬЮ И ЗАКРЫТОСТЬЮ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Зотов Виталий Владимирович

(Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет))

Губанов Александр Владимирович

(Центр управления регионом Курской области)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-011-00694*

Высокая популярность сетевых ресурсов наряду с широким функционалом обуславливают их значимую роль в формировании пространства публичных коммуникаций [1]. Использование социальных медиа способствует переходу к действенной двусторонней симметричной модели коммуникаций органов власти, структур гражданского общества, социальных групп населения и их активистов, а также актуализирует развитие социально- сетевого управления публичными коммуникациями как разновидности социального управления, направленного на конфигурирование в публичном пространстве коммуникаций диалого-партнёрской сети представителей заинтересованных сторон в целях решения актуальных общественно значимых проблем. В соответствии с Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ, каждый орган государственного и муниципального управления, а также подведомственные им структуры, обязаны организовать в социальных сетях собственные страницы в виде групп/сообществ. При этом официальные аккаунты органов власти эффективно применимы в двух существенных аспектах: 1) прямой канал коммуникации с гражданами с целью аккумуляции, обработки и последующего анализа актуальных проблем; 2) тиражирование в социальных сетях информации, в том числе являющейся ответом на рассмотрение поступающих от граждан обращений.

Но благодаря информационно-коммуникационной среды происходит интенсификации социальных взаимодействий, что обеспечивает гражданам все более широкий доступ к альтернативным точкам зрения на возможное решение проблемы. Это лишает государства роли властного, координирующего центра в пространстве публичных коммуникаций и обуславливает процесс ослабления его позиций в пользу сетевых структур, которые стремятся к осуществлению контроля и идеологическому манипулированию. Их инструментом становится троллинг, который практикуется на дискуссионных онлайн-платформах. Он нацелен на разрушение естественного потока общения и провоцирование эмоционально негативной реакции членов сетевого сообщества за счёт публикации неприемлемых (агрессивных или провокационных) комментариев. Это вынуждает органы власти вначале исключать наиболее злостных нарушителей, а затем закрывать сервис комментариев как таковой. Безусловно, это ведёт к снижению негатива в официальных аккаунтах органов власти. Но довольно часто последние начинают злоупотреблять ситуацией и блокируют не только деструктивных акторов, но и любого критически настроенного актора сетевого пространства публичных коммуникаций. Тем самым перед органами власти возникает дилемма открытости и закрытости сетевых сообществ органов власти, которая на наш взгляд может решаться при помощи алгоритмов анализа профилей пользователей и сопоставления с требованиями решаемой общественно значимой задачи ещё на стадии включения в свои социальные группы. Это позволит дать оценку релевантности пользователя и более объективно подойти к учету его мнения.

1. Зотов В.В., Губанов А.В. Формирование пространства публичных коммуникаций субъекта РФ в условиях превалирования социальных медиа // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3 (59). С. 57-61.

МОДЕЛЬ "ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ" В ПОСТГЛОБАЛИСТСКОМ КОНТЕКСТЕ : АКТУАЛЬНА ЛИ ОНА ДЛЯ РОССИИ?

Каменский Евгений Георгиевич
(АНО ДПО УНЦИЯ)

Огурцова Альбина Юрьевна
(АНО ДПО УНЦИЯ)

Маякова Анна Васильевна
(АНО ДПО УНЦИЯ)

Плякин Антон Семенович
(АНО ДПО УНЦИЯ)

*Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда № 22-28-00662, <https://rscf.ru/project/22-28-00662/>*

В контексте реализации принципа децентрализации власти, морфологически разнородный, гетерогенный социокультурный ландшафт федеративного пространства территории России актуализировал процессы формального делегирования ее субъектам широких полномочий в сфере политического, экономического и культурного развития в национальной постглобалистской стратегии «Прорыва». В результате анализа информационных источников [1-3] можно констатировать, что интеграция ценностно-нормативного содержания институтов тройной спирали «власть – бизнес – наука/образование» обуславливает появление новых регулятивных систем, эксплицируемых в концепте новой ценностно-прескриптивного пространства. Оно определяется как система политических императивов новой трансинституциональной среды, где норматив достижения целей калькулируемости имеет статус базовой ценности. Стандарт измеримой «эффективности» приобретает ценностно-императивный (прескриптивный) характер.

Например, определяя статус «тройной спирали» в инновационной политике как системе реформ научно-образовательного пространства, в первую очередь необходимо описание самой этой системы с институциональных позиций, что позволит учитывать как социокультурные, системные, так и организационные, формально-управленческие аспекты функционирования спиральной модели. Это особо актуально именно в условиях перманентной модернизации высшего образования, в контексте которой наиболее активно с 2003 года Россия меняла принципы и механизмы научно-образовательной политики в границах Болонского процесса и общей государственной политики РФ. В то же время с начала 2010-х годов и до настоящего момента вектор исследовательского интереса и политического внимания перенаправляется преимущественно на вопросы интеграции российского высшего образования и реального сектора экономики в процессы национальной политики «инноватизации». Например, в этот период отмечалось: «Концепция модернизации российского образования, действовавшая на период до 2010 г., а также и Национальная доктрина образования Российской Федерации, ориентированная на период до 2025 г., определяют образование в качестве генерального направления экономического и социокультурного развития страны путем существенных изменений

всей системы образования на основе его опережающего развития и инновационных технологий» [4, 89].

Обзор формального нормативного поля развития «тройной спирали» позволяет выявить ориентацию политических реформ на создание наукоемкой среды обеспечения региональной экономики, и, в результате, повышения экономической конкурентоспособности всего государства. При этом можно констатировать, что политически инициированную тенденцию интеграции науки и образования и ориентированность на коммерциализацию результатов научно-образовательной деятельности сегодня развивают именно российские университеты.

В результате можно говорить о том, что политическая ориентация целеполагания современных университетов нацелена на удовлетворение региональных социально-экономических потребностей, их тесное взаимодействие с политической властью субъектов РФ и бизнес-сообществом территорий по обеспечению их результатами научно-образовательной деятельности, что фактически и описывается моделью «тройной спирали». Теоретически формы взаимодействия институтов «спирали» в процессе интеграции проходят стадии от патерналистской роли государства в отношении бизнеса и высшей школы в административно-командной системе (например, СССР) к свободному партнерству на началах гражданского общества.

Теоретики отмечают, что наиболее сбалансированной и продуктивной с точки зрения генерации и внедрения инноваций, что особо актуально для внутреннего политического запроса на импортозамещение в России, является третья, сетевая стадия в указанном цикле. Однако в реальности она еще не сформирована, так как предполагает свободную интеракцию институциональных субъектов всех трех сфер спиральной модели (государства, бизнеса и университетов). Фактически же сегодня многократно возрастает роль политических институтов, имеющих возможность выступать в роли медиатора и арбитра в процессах трансинституциональной «спирализации».

Так, сегодня и политики, и научно-педагогическое сообщество говорят о необходимости создания «сбалансированной» системы регионального высшего образования, учитывающей специфику конкретных территорий, в том числе потребностей рынка труда, то есть запроса бизнес-субъектов.

Отметим, что к настоящему времени концепция тройной спирали как политически инициированная модель в отношении научно-образовательной среды реализуется во внедрении концепции предпринимательского университета и находит свое развитие в предложении конкретных методологических инструментов новейших топологических и сетевых подходов [5].

Говоря о роли политических институтов как медиатора процессов становления «тройной спирали», можно констатировать, что современные нормативно-правовые акты устанавливают для субъектов научно-образовательной деятельности не только новые приоритеты «инноватизации». На высшем политическом уровне признается и необходимость сохранения целей национального высшего образования, которые можно называть традиционными. Например, Указ Президента РФ 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в отношении развития образования при разработке нацпроекта «Образование» предписывал Правительству РФ в качестве целей ориентироваться на «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» [6]. Тем не менее Указ также ориентирует органы исполнительной власти на достижение указанной цели в рамках приоритетов «технологической», «инновационной» парадигмы социально-экономического развития. То есть контекстуально ценностно-нормативная трансинституциональная модель «тройной спирали» в развитии, например, вузов как центров генерации инноваций, сохраняется. Это соответствует необходимой сегодня прагматической установке современного этапа модернизации на политические

задачи импортозамещения и социально-экономической безопасности России в постглобальной миросистеме.

1. Хамидулин, В. С. Модель тройной спирали и региональное экономическое развитие: роль университета [Текст] / В. С. Хамидулин // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. – 2018. – Т. 10. – № 4. – С. 598–609. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-4-598-609
2. Шестак В.П. Модель «тройной спирали», ФГОС 3++ и образовательные программы в высшей школе России [Текст] / В.П. Шестак // *высшее образование в России*. - 2017. - №2. - С.15-23.
3. Шкодинский, С.В. Привлечение инвестиций в развитие промышленных предприятий с использованием модели «Triple helix (тройная спираль)» [Текст] / С.В. Шкодинский, А.Г. Назаров // *Вестник Евразийской науки*. – 2019. – №2. – С.2-13.
4. Путилина, Н.В. Модернизация высшей школы в стратегическом единстве ее профессиональной и культуровоспроизводящей функций [Текст] / Н.В. Путилина // *Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология*. - 2012. - №2. - С.87-91.
5. Заякина Р.А. Топология предпринимательского университета: динамическая дескриптивная модель [Текст] / Р.А. Заякина // *Высшее образование в России*. - 2017. - № 11 (217). - С. 69-78.
6. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>

ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ ДОСТИЖЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ.

*Киселёва Наталья Ильинична
(Финансовый университет)*

НИР госзадание Правительства РФ за 2022 год

Достижение целей национального развития является приоритетным направлением деятельности Правительства Российской Федерации. Ожидания как населения, так и системы образования достаточно высоки, поэтому важно знать, какие факторы в большей степени определяют успех реализации всех запланированных показателей.

В соответствии с замыслом исследования определены следующие подходы к анализу факторов.

1. Нормативно-правовой. В рамках анализа нормативно-правовой базы обобщена система факторов, влияющих на достижение национальных целей в области образования (в рамках исполнения национального проекта «Образование» и госпрограммы «Развитие образования»):

создание современной образовательной среды, включая цифровую;

внедрение новых образовательных технологий в целях получения детьми качественного образования;

повышение доступности дополнительного образования, в том числе развитие инфраструктуры для выявления, поддержки и развития талантов;

выявление и развитие способностей и талантов, а также оказание поддержки талантливым детям;

развитие профессиональной ориентации.

2. Субъективный подход. Методом полуструктурированного интервью среди 500 российских экспертов в области образования в сентябре 2022 года выявлено какие

факторы и в какой степени влияют на достижение целей национального развития и показателей национального проекта «Образование» и госпрограммы «Развитие образования». Опрос показал, что кадровый фактор является основополагающим, так по мнению 57,1% опрошенных не зависимо от региона проживания, утруждают, что только высокий профессионализм обеспечивает достижений намеченных целей и планов, а без подготовленных кадров, готовых целенаправленно организовывать исполнение намеченных показателей невозможно добиться успехов. Вторым по значимости стал финансовый фактор (55,8% опрошенных). Действительно, недофинансирование текущих и прошлых нацпроектов и программ, отразилось не только на отдельных отраслях, но и на уровне доверия Правительству РФ. Отсюда и понимание экспертами, что финансовые вложения в систему образования является долгожданным процессом. И на третьей позиции – добросовестная работа органов власти (40,3% опрошенных). Полученные данные свидетельствуют о том, что только комплексный подход и совместная работа с органами государственной власти, позволят повысить эффективность реализации нацпроектов и государственных программ.

3. Математическое моделирование. Сбор объективных данных о финансировании и системе мероприятий для достижения целей развития в области образования позволил составить достоверные математические модели на уровне значимости 0,01. Согласно факторному моделированию выявлено, что не только финансирование является наиболее существенным фактором. Среди ведущих факторов выявлены: степень охвата национальными проектами и госпрограммами, а также количество мероприятий на 1 млн. человек. Баланс этих показателей определяет успех развития системы образования и обеспечивают достижение национальных целей.

Таким образом, использование разных подходов для оценки факторов, влияющих на реализацию стратегических задач, обуславливает возможность отбора оптимальных факторов для эффективного управления реализацией национальных проектов и программ для достижения целей национального развития.

СОЦИОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО УПРАВЛЕНИЯ И УПРАВЛЯЕМОСТИ: ВЫЗОВЫ И ОПАСНОСТИ ТЕХНОСОЦИАЛЬНЫХ АЛГОРИТМОВ, ИХ РЕГУЛИРОВАНИЕ И КОНТРОЛЬ

Колосова Галина Владимировна

(Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена)

В настоящее время в системе социальной защиты Российской Федерации произошло значительное продвижение в стремлении специалистов государственных учреждений к профессиональному развитию через непрерывное образование и повышение квалификации. Дополнительное образование напрямую влияет на качество оказываемых социальных услуг, повышение удовлетворенности и уровня комфорта граждан, внедрение инновационных технологий и методик.

В связи с текущей потребностью специалистов социальной сферы в профессиональном росте. Мы понимаем, что необходима постоянная модернизация информационных электронных ресурсов специалистов. Поэтому на базе Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Городской информационно-методический центр «Семья» была создана цифровая платформа-агрегатор «Профессиональная социотека Санкт-Петербурга» [1].

Платформа является единой базой данных, которая позволяет накапливать, систематизировать, анализировать и распространять практики, методики, технологии и инновации в сфере социального обслуживания. Она способствует постоянному

повышению квалификации специалистов, обмену опытом с коллегами и внедрению новых форм работы.

В настоящий момент планируется ряд изменений, направленных на развитие электронной платформы, таких как наращивание содержательной, исследовательской и научной составляющих в практической деятельности специалистов в сфере социального обслуживания населения, повышение доступности, измерение удовлетворенности получателей социальных услуг практиками и разработка критериев качественного отбора лучших практик, совершенствование технического обеспечения.

1. «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИОТЕКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА» [Электронный ресурс]. URL: <http://family.ksp.gov.spb.ru/programmy-i-proekty/> (дата обращения: 07.10.2022).

ОБЩЕЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Лапина Светлана Валентиновна

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь)

Автор доклада благодарен всем сотрудникам кафедры государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления, с которыми ей посчастливилось сотрудничать в качестве заведующей кафедры (1996-2019 гг.).

Социологи, а вслед за ними практически все гуманитарии и обществоведы не устают повторять, что в определении перспективных направлений общественного развития сегодня особую роль играет осознание того факта, что социум – это не давящая над человеком тотальность, а сложноорганизованное сообщество индивидов, преследующих определенные цели в соответствии со своими потребностями. Политика, экономика, культура – это результат совместной деятельности людей, а, следовательно, в управлении всеми сферами общественной жизни необходимо искать пути эффективного использования всех ресурсов для удовлетворения безграничных потребностей человека.

Очевидно, что такая проблематика социологична в своей основе. То есть управление всеми сферами общественной жизни не может элиминировать социологическое содержание решаемых задач. Они порождаются социальной практикой, в ней они находят и свое разрешение. С позиций же социологической науки все управленческие новации являются умозрительными конструкциями, если они не включают анализ действующих социальных субъектов.

Социальные субъекты – это реальные действующие акторы разной степени общности – от человечества в целом до отдельно взятого индивида. Их объединяет наличие общей, специфичной для человека и человечества черты – способности к сознательной, целесообразной и целенаправленной деятельности в соответствии с потребностями и интересами, формирующимися конкретной социокультурной (макро- и микро-) средой, в которой живут и действуют индивиды и их сообщества.

Справедливости ради следует отметить, что в последнее время учеными и практиками в системе управления значительное место отводится фактору, получившему название «человеческий капитал». Однако в этом понятии прослеживается значительная объективация субъективного в своей основе начала. Человек и его потребности должны сохранять приоритетность в определении перспективных направлений развития современных социальных государств. Общество и государство, целью которых является абстрактно понимаемая эффективность, могут быть для отдельного индивида совсем «не эффективными».

Располагая специфическими методами познания, социология всегда привносила свое видение в изучение социальной сферы общества, которую исследовали представители других общественных и гуманитарных дисциплин. В методологических ориентациях разного плана (макро- и микро) социология была также едина в том, что социальные явления и процессы должны анализироваться как некоторая система, в которой обязательно присутствуют взаимодействующие социальные субъекты, акторы и т.п. Названия «действующих лиц» в разных концепциях могли модифицироваться, сохраняя главные отличительные признаки, в число которых включались следующие: активность, способность к целеполаганию, направленность на других действующих субъектов, а также разная степень включенности в макро- и микросоциальную среду.

Социологическая специфика в рамках исследования процессов управления выражается в том, что в **социологии управления как специальной (частной) социологической теории «управление» рассматривается в виде особой формы организованного целенаправленного социального взаимодействия.** Абстрактные методологические «объекты» управления в рамках социологического подхода приобретают реальную субъектную сущность, так как социальное взаимодействие – это процесс, вовлекающий в свою орбиту тех, кто обладает субъектными параметрами, т.е. является социальными субъектами.

На уровне макросоциологических ориентаций социальное взаимодействие рассматривается как социальные отношения (социальные связи), анализ которых может осуществляться специфическими социологическими методами и на эмпирическом уровне. В теории конфликта (в т.ч. – в марксизме) и структурно-функциональном анализе исследование процессов управления приобретало определенный институциональный характер, а эффективность управленческих воздействий ставилась в зависимость от оптимального выбора средств и методов управления со стороны управляющей системы, управляющего института. Ортодоксальный марксизм однозначно определял государство как основной социально-политический институт управления, определяющий всю систему общественных отношений (надстройку) и приводящий ее в соответствии с управляемым им же экономическим базисом.

В микросоциологических ориентациях социологи, исследовавшие процессы управления, сосредоточивали свои теоретические и прикладные интересы на выявлении содержания и характера социального взаимодействия, преломляющегося в системе социальных ролей и статусов отдельных индивидов. В теории обмена, как самой общей теоретической концепции этого плана, управленческие взаимодействия исследовались как поведенческие стратегии, определяемые системой ценностей и оценками, интериоризированными индивидом из окружающей его социокультурной среды.

Анализ управления на микросоциологическом уровне выводит на анализ таких процессов, которые имеют специфические характеристики, присущие явлениям и процессам общественной жизни. Говоря словами классика современной социологии Э.Гидденса: - «При изучении общественной жизни социолог сталкивается с действиями, **значимыми** (выделено Э.Гидденсом – прим. С.Л.) для людей, их совершающих. В отличие от объектов природы (которыми тоже можно управлять – прим. С.Л.), люди обладают самопознанием, они видят смысл и цель в том, что они делают. Точно описать общественную жизнь невозможно, если мы, прежде всего, не уловим смысл, который люди вкладывают в свою деятельность». [1, с.36]

Для изучения ценностных ориентаций, мотивов, мнений, личностных смыслов деятельности социология располагает достаточно обширным инструментарием, базирующимся на соответствующих теоретических построениях. Только изучение общественного мнения имеет целую историю фундаментального и прикладного плана. Как показал исторический опыт, наиболее эффективным является такое управление, методы, средства и технологии которого основаны на точных сведениях о тех, кем управляют, а не базируются лишь на определении целей управления, пусть и позитивно

значимых. Именно такого рода управленческие принципы, основанные на изучении интересов, ценностей, установок всех взаимодействующих субъектов (управляющих и управляемых), реализуясь в общественно-политической практике, приводят к созданию социального государства.

«...социальное государство представляет собой особый тип высокоразвитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, установлению в нем социальной справедливости и солидарности. Социальное государство знаменует высокий уровень сближения целей и гармонизации отношений государственных институтов и общества».[2, с.46; 4]

Таким образом, социальное государство предстает в виде особого качественного состояния социально-политического управления, основанного на учете интересов всех представителей гражданского общества и их социальной защите. Не вдаваясь в подробный научный анализ социально-политического управления (власти), следует отметить, что это явление носит системный характер, связывая воедино тех, кто управляет, и тех, кем управляют. Цели, задачи, формы реализации социальных функций власти могут быть разными, но в структуре власти всегда будут присутствовать элементы, отражающие **мысли, настроения, мнения**, определяющие, в конечном итоге, **действия** тех, кем управляют.

В современном обществе государство является главным социально-политическим институтом, обладающим властными полномочиями. И хотя формы государственного устройства демонстрируют чрезвычайное разнообразие, каждое государство ориентировано на использование важнейшего социального ресурса – поддержки народа.

Говоря словами Конфуция, к идеям которого в последнее время обращаются очень часто, «...если будет поддержка народа, будет и все остальное». Такой вывод великого мудреца цитируют многие современные исследователи феномена власти, анализируя знаменитую беседу Конфуция со своими учениками. В ней он дал определение искусства управления страной, которое заключается «в приближении народа к тем, кто управляет» и кратко выразил содержание понятия «власть» - это «обеспечение безопасности народа, забота о его сытости и поддержка народа». При этом последний названный фактор – «поддержка народа» был поставлен во главу угла. И первое – «безопасность», и второе – «сытость», по мнению Конфуция, зависят от третьего – «поддержки народа». [3, с.29]

Слова Конфуция – метафора, в которой прослеживается значимость в структуре управления тех факторов, которые исследуются в социологии управления. Гораздо более близкими по времени являются сведения о развитии социологических исследовательских центров и институтов во всем мире, центров, которые создают информационную базу для принятия социально ориентированных управленческих решений. Информацию социологического рода используют аналитики и политические деятели; широкомасштабные социологические исследования проводятся в периоды предвыборных кампаний с целью изучения и прогнозирования электорального поведения граждан; социологические данные используются в маркетинговых исследованиях и определении рекламных стратегий; социологи участвуют в разработке социальной рекламы и т.д.

Изучение мнений и предпочтений, ценностных ориентаций и оценок различных слоев населения, разных социальных групп составляет эмпирическую базу для принятия управленческих решений; социологические данные используются в ходе организации управления; а также в ходе контроля и подведения итогов. Главное в этой схеме – это то, что социология управления располагает исследовательским инструментарием, позволяющим дать научно-теоретическое обоснование и предоставить эмпирические данные, необходимые для реализации управленческих стратегий в социально-ориентированных государственных системах.

Если социологию управления представить как научный проект, целью которого является совершенствование управленческих результатов, имеющих социальную значимость, то формирование особой формы социально-политического устройства, которое получило название социального государства, может служить апробацией выводов, сделанных социологами, изучающими управленческие процессы как особый вид социального взаимодействия, субъект-субъектного в своем содержании. Анализ практики управления социальными явлениями и процессами в современном обществе, позволяет сделать вывод, что все развитые государства сегодня де-факто являются социальными. В этом смысле социология управления может рассматриваться как реализованный научный проект.

Развитие социального государства в его разных национальных моделях, и это подтверждает исторический опыт, зависит от того, насколько глубоко учитываются в государственном управлении интересы всех социальных групп, общностей, социальных институтов и социальных организаций – всех элементов социальной структуры. Для белорусской модели социального государства характерна ориентация на создание благоприятной социальной среды, способствующей реализации конституционно закрепленного положения о том, что высшей ценностью в нашей стране является человек. Это является приоритетным направлением государственной политики Республики Беларусь, суть которой выражается в принципе: «государство – для народа».

Социология управления – одна из тех общественных наук, которые способны на фундаментальном и прикладном уровнях обеспечить дальнейшее развитие социального государства, обосновывая выбор инновационных управленческих стратегий и разрабатывая социальные технологии их внедрения. Социологическое образование управленческих кадров в этом плане может решить очень важную государственную задачу – оптимизировать процессы государственного управления за счет расширения его научной базы. Социология управления в лице тех, кто овладел ее основными положениями, должна стать «научным посредником», который обеспечивает практическую реализацию научных разработок, сближая тех, кто их создает, с теми, кто их реализует.

1. Гидденс, Э. *Социология*. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – с. 36.
2. Гончаров, П.К. *Социальное государство: сущность и принципы // Вестник Российского университета дружбы народов*. - Сер.: Политология. - 2000. - № 2 - С. 46-59.
3. Мильнер, Б. *Фактор доверия при проведении реформ // Вопросы экономики*. 1998. № 4. – С.29.
4. *Основы социального государства под ред. проф. С.В.Лапиной*. – Минск: МГПУ им.М.Танка, 2008.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ» В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Макаров Игорь Николаевич
(Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС)

Развитие понятийного аппарата отечественной социологии управления происходит под воздействием непрерывного трансдисциплинарного синтеза социальной философии, политологии, юриспруденции, менеджмента и других отраслей знания. Предметный анализ проблемы показывает, что в процессе эволюции социолого-управленческих категорий заметную трансформацию претерпевают такие понятия, как «власть», «бюрократия», «аппарат управления», «социальный контроль» и некоторые другие. Среди них термин «государственное администрирование» занимает особое место, поскольку, не

являясь порождением, собственно, социологии, функционально вполне может быть использован в эмпирических исследованиях в рамках данной дисциплины.

Вместе с тем, понятие государственного администрирования не получило пока должного социологического осмысления. Сложность здесь состоит, прежде всего, в том, что даже в российской административно-правовой науке, имеющей целые школы и довольно богатые исторические традиции, оно всё ещё «не имеет устоявшегося определения» [1,4]. Ещё одна трудность связана с чётким разграничением категорий «государственное управление» и «государственное администрирование». Зачастую исследователи не видят между ними никакого различия. Наконец, основная проблема обусловлена выбором наиболее адекватного теоретико-методологического подхода в самой социологии управления для наполнения анализируемого понятия конкретным содержанием. Среди них можно выделить системный, синергетический, феноменологический и когнитивный подходы [2].

Несмотря на указанные обстоятельства, российская социологическая мысль вносит существенный вклад в концептуализацию рассматриваемого понятия. В эволюции представлений о данной категории в рамках отечественной социологии управления, с нашей точки зрения, можно выделить ряд этапов, каждый из которых обусловлен не только объективными историческими особенностями развития страны, но и соответствующими субъективными запросами со стороны политической власти. Траектория данной эволюции – от использования категории «административный» исключительно в значениях «полицейский» и «бюрократический» (конец XIX - начало XX вв.) - через отождествление её с понятиями «организационный» и «управленческий» (20-70-е гг. XX в.) - до введения в социологию термина «административно-командная система», заимствованного из популярной в то время экономической теории (80-90-е гг. XX в.).

Нынешний этап характеризуется менее идеологизированным и более сбалансированным взглядом на администрирование как на совокупность социальных институтов и практик по реализации исполнительно-распорядительных функций власти в общей системе государственного управления. В то же время, дискуссия о социолого-управленческом содержании и границах применения данного понятия не только не прекращается, но и, в связи с нарастанием глобального внешнего воздействия на Россию, выходит на новый уровень. Так, О.Э. Бессонова в середине 2000-х гг. выдвинула концепцию перехода в некоторых постсоветских странах от экономики «административного раздатка» к экономике «либерального раздатка», синхронной с экономикой «социального рынка» на Западе [3,100]. Нетрудно заметить, что понятие «административный раздаток» является, по существу, ничем иным, как сформулированным по-другому понятием «административно-командное управление», которому в качестве «панацеи» традиционно противопоставляется более эффективное «либерально-рыночное управление». Однако употребление его в современных условиях представляется, как минимум, сомнительным. На это, в частности, указывает О.Н. Яницкий: «Как признают сами лидеры объединенной Европы, европейский либерализм в его нынешней форме потерпел поражение: он вырожден в свою противоположность - бюрократический фундаментализм» [4].

Уязвимость долгое время казавшихся стабильными западных административных моделей со всей очевидностью показали последствия пандемии коронавируса в 2020-2021 гг., а также военно-политические события 2022 г. При либеральном «бюрократическом фундаментализме», как и при любой иной форме господства бюрократии, как справедливо подчёркивает Ж.Т. Тощенко, «значительно уменьшается влияние социальных институтов, общественных и добровольных сообществ и объединений», составляющих «живую ткань» гражданского общества [5, 168]. На таком тревожном фоне всё большую популярность приобретают идеи З. Баумана о «социальной турбулентности» - сравнительно длительных состояниях социума, характеризующихся прерыванием «ламинарного» его исторического

развития, неопределённостью выходов из данных состояний и последующими глубокими социально-структурными трансформациями.

В связи с этим, можно выделить несколько обобщённых черт государственного администрирования в обществах, находящихся в «турбулентном» состоянии. В первую очередь – не просто повышение роли исполнительно-распорядительной власти, но превращение её, по сути, в единственный центр принятия управленческих решений, преобладание мобилизационных методов управления. Но, одновременно, и резкое возрастание внутриэлитной и межэлитной конфликтности, дезорганизация государственной бюрократии вследствие политической непредсказуемости реализации тех или иных распоряжений. Кроме того, в долгосрочной перспективе «социальная турбулентность» предполагает включение в управленческие механизмы новых классов и групп общества, что ведёт, в конечном счёте, к качественному изменению всей административной среды.

Исключительно важное значение приобретает государственно-управленческий опыт Китая. Многократно раскритикованная административная модель с жёстко иерархическим устройством, ведомственная структура управления по территориально-отраслевому принципу доказывает здесь свою эффективность. По всей видимости, политическое руководство КНР в полной мере осознаёт, что наступившая «цифровая эпоха», с одной стороны, несёт с собой новые управленческие риски, но с другой – практически безгранично расширяет возможности социального контроля. Согласно некоторым экспертам, на смену провозглашённой в 1949 г. «диктатуре народной демократии» в Поднебесной приходит «цифровая диктатура».

О сходных процессах в российских условиях говорят как перенос большинства административно-документационных процедур в виртуальное пространство – на интернет-портал «Госуслуги», так и анонсированное в 2020 г. намерение Центральной избирательной комиссии полностью перевести систему выборов всех уровней на дистанционную электронную основу. Это означает, что понятие «государственное администрирование» становится всё более близким по смыслу к понятию «цифровое администрирование». Однако прогрессивные тенденции дебюрократизации вступают в явное противоречие с реалиями государственно-управленческой вертикали, сложившейся за два последних десятилетия. Изучение общественного мнения позволяет сделать вывод, что она всё меньше соответствует социальным потребностям и неуклонно погружается в состояние системной дисфункции. Картину кризиса усиливает «реставрация» некоторых архаичных, феодально-сословных атрибутов: «вотчинно-служебной» собственности, роста «государственных податей», чрезвычайного расширения функций и численного состава полицейских и надзорных служб, nepoтизма.

Таким образом, современное состояние категориального аппарата отечественной социологии управления требует, как нам представляется, адаптации и закрепления в нём понятия «государственное администрирование», установления оптимальной взаимосвязи данного понятия с другими социолого-управленческими категориями. Уточнение и дальнейшее использование данного понятия в конкретных социологических исследованиях должно базироваться на критическом анализе отечественного и зарубежного административного опыта, более тесной интеграции науки с практикой государственного строительства, разработке управленческих моделей, адекватных вызовам нынешней эпохи.

1. Глушко Е.К. *Государственное администрирование: правовые вопросы.* – М.: ТЕИС, 2013. – 160 с.
2. Щекотин Е.В. *Социальное управление в турбулентном обществе: вопросы безопасности и риска*// Социум и власть. 2016. № 1(57). – С.87-92.
3. Бессонова О.Э. *Образ будущего России и код цивилизационного развития.* – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2007. – 124 с.

4. Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска// *Общественные науки и современность*. 2011. № 6. – С.155-164.
5. Тоценко Ж.Т. *Общество травмы: между эволюцией и революцией*. – М.: Весь мир, 2020.- 352 с.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИИ

Мальшова Галина Анатольевна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Цифровая трансформация это комплексный системный феномен, который предполагает внедрение цифровых технологий во все аспекты человеческой жизнедеятельности. Она ведет к коренным преобразованиям в инфраструктуре социальных, экономических и политических отношений. Технологии цифровой эпохи начинают играть ключевую роль в общественном производстве и потреблении, определяя поведенческие практики и мировоззрение современного человека.

Цифровая модернизация экономики и социума является универсальным трендом, который влияет на развитие всех регионов мира. В условиях глобальной технологической революции для российского общества возникают новые экономические и социально-политические вызовы. Весьма значимая часть этих вызовов локализована в институциональной сфере.

Институциональная природа цифровизации амбивалентна, в ней наличествуют, наряду с вертикально-административными, горизонтально-сетевые компоненты. Прозрачность и дисциплина цифрового менеджмента сочетается с гибкостью, вариативностью и децентрализацией административных методик, что обусловлено платформизацией и алгоритмизацией цифрового управления [5, 134-135]. Поэтому сетевой характер цифровых процессов, как неотъемлемой части новейших промышленных революций, порождает известные ожидания по поводу отказа от иерархизированных структур в пользу горизонтальных взаимодействий.

Согласно одной из теорий экономического роста, институциональный дизайн общества определяет особенности проявления универсальных тенденций на той или иной национально-локальной почве, и, как следствие, детерминирует динамику и эффективность модернизационных преобразований, инициируемых государственно-политическими элитами. Укоренившиеся в различных странах институты могут послужить либо локомотивом, либо, наоборот, «ловушкой» на пути национального развития. Считается, что для поступательного роста (а тем более для модернизационного рывка) требуются «правильные» политические институты и конкурентная политическая среда [3].

Между тем в научных кругах существует консенсус относительно того, что отечественная институциональная традиция строится главным образом на принципах вертикально-централизованного администрирования и дефиците политической конкуренции. «Первоначальный институциональный выбор» России предопределяет историческую траекторию нашей страны, с присущими ей аутентичными качествами – внутренним социальным порядком, набором формальных институтов и неформальных институциональных практик [1].

Соответствующая специфика характеризует и российскую управленческую и политическую культуру. Политическая культура социума отражает совокупное представление об общественном благе и оптимальном общественно-политическом устройстве, являясь результирующей его разнонаправленных политико-культурных сегментов. Нетрудно заметить, что, несмотря на многообразие спектра, российская политическая и управленческая культура как целостное явление – этатистская по духу и

базируется на постулате о сильном государстве. В российской ценностно-нормативной модели по-прежнему «очевидно доминирование традиционализма» [6, 14], а социокультурный код нашей страны отличает парадоксальное сочетание способности к краткосрочным инновационным прорывам с «высокой дистанцией власти и высоким избеганием неопределенности» [1, 14].

Таким образом, российские элиты и общество, столкнувшись с универсальными вызовами технологического перехода, вынуждены решать проблему адаптивности устоявшихся культурных и административных практик, а также вопрос об институциональной готовности страны к требованиям цифровой эпохи.

Однако институциональная и политико-культурная траектория России может стать преимуществом, если рассматривать в числе возможных сценариев технологической модернизации отечественной экономики и социума ее мобилизационный вариант.

Мобилизация экономики и общества неоднократно становилась государственно-политическим ответом России на экзистенциальные вызовы и практиковалась в те периоды ее истории, которые были сопряжены с угрозой потери национального суверенитета. В актуальной геополитической обстановке России необходимо не только отстаивать государственный суверенитет, но и оставаться одним из лидеров «в процессе смены технологических укладов» [7]. Наличие реальных угроз безопасности российского государства, т.е. превращение гибридных угроз в непосредственные, может означать перевод цифровой трансформации в мобилизационный режим. Ее первоочередной задачей становится создание независимой технологической экосистемы и обеспечение информационной и цифровой безопасности страны.

Мобилизационный сценарий национального цифрового проекта предполагает акцент на определяющей роли государства в распределении и концентрации ресурсов, в укреплении административной дисциплины и повсеместном внедрении в управленческие практики плановых механизмов производства и потребления (т.е. переход к своего рода «Цифровому Госплану»).

Следует заметить при этом, что идея плановой экономики, в ее модернизированной цифровой версии, в целом вписывается в канву социальных ожиданий российских граждан, что во многом обусловлено характерной для нашего общества «институциональной трансляцией» исторической памяти [4]. Кроме того, высказывается предположение, что модель цифровизации, построенная на началах кибернетического планирования, могла бы послужить национальной альтернативой активно продвигаемому проекту всемирной цифровой «перезагрузки», цель которой – привести мировые экономику и общество к единому знаменателю и полностью подчинить их интересам западных глобалистских элит [2].

1. Аузан, А. А. "Эффект колеи". Проблема зависимости от траектории предшествующего развития - эволюция гипотез / А. А. Аузан // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2015. – № 1. – С. 3-17.
2. Ведута, Е. Н. Цифровая диктатура или цифровая демократия? / Е. Н. Ведута, А. Ю. Потеряйко // Актуальные вопросы экономики, управления и права: сборник научных трудов (ежегодник). – 2020. – № 4. – С. 4-34.
3. Замулин, О. А. Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России / О. А. Замулин, К. И. Сонин // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 11-36. – DOI 10.32609/0042-8736-2019-1-11-36.
4. Левада-Центр. Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении. Аналитический отчет. 24.03.2020 // URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze-v-rossijskom-obshhestvennom-mnenii/> (дата обращения: 09.10.2022).
5. Смирнов, А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность / А. В. Смирнов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1. – С. 129-153. – DOI 10.14515/monitoring.2021.1.1790.

6. Тульчинский, Г. Л. *Перспективы российской политической культуры* / Г. Л. Тульчинский // *Социально-политические науки*. – 2014. – № 4. – С. 11-15.
7. *Цифровая трансформация национальной безопасности в контексте глобальных гибридных угроз* / А. И. Агеев, М. А. Аверьянов, С. Н. Евтушенко [и др.] // *Экономические стратегии*. – 2021. – Т. 23. – № 4(178). – С. 60-69. – DOI 10.33917/es-4.178.2021.60-69.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ МНОЖЕСТВЕННЫХ МОДЕРНОВ В СОЦИОЛОГО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ)

Масловская Елена Витальевна
(Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН)

Деятельность консервативно-популистских правительств в Восточной Европе и их нелиберальные проекты конституционных, правовых и политических реформ следует понимать в контексте сталкивающихся посткоммунистических процессов трансформации. Вместо интерпретации построения либеральной демократии (после 1989 г.) как телеологического и прогрессивного процесса, трансформации свидетельствуют о борьбе за основополагающие нормы и базовые принципы посткоммунистических режимов. Анализ поддержки политическими и общественными акторами идей прав человека и принципа конституционализма до и после 1989 года показывает, что такие идеи продвигались для разных целей и в соответствии с различными политическими проектами. Между тем, социологические и политологические подходы, ориентированные на структурные факторы трансформаций, оказываются не в состоянии объяснить тенденции в развитии политико-правовых институтов в странах Восточной Европы в последние десятилетия. В докладе раскрываются ограничения применимости к оценке трансформационных процессов в политико-правовой сфере в восточно-европейских странах модернизационной теории в ее вариантах, восходящих к функционализму. Подчеркивается, что парадигма транзитологии, тесно связанная с постулатами теории модернизации, также не в состоянии объяснить изменения, происходившие в этих обществах. Для анализа указанных процессов необходимо учитывать особенности траекторий развития стран региона в различные периоды, многообразные формы их исторического наследия и избирательное использование такого наследия теми или иными политическими акторами и представителями юридической корпорации в настоящее время. В сложившейся ситуации существует потребность применять более широкий спектр подходов к проблематике трансформаций правовых институтов. Одним из перспективных теоретических направлений в данном случае является концепция множественных модернов (Й. Арнасон, П. Вагнер, П. Блоккер). Вместе с тем в докладе отмечается, что данное направление в основном остается на уровне общей теории. Очевидно, оно должно быть дополнено более широким спектром эмпирических исследований реального функционирования правовых институтов в восточно-европейских странах. Как показывают уже проведенные исследования, политика ЕС в отношении новых государств-членов зачастую основывалась на формальных принципах верховенства права и независимости судебной власти, тогда как социальные аспекты реализации этих принципов в основном игнорировались. Задачей дальнейших эмпирических исследований, опирающихся на теоретические положения концепции множественных модернов, может стать более полное раскрытие особенностей траекторий правового развития восточно-европейских стран с конца 1980-х гг. до настоящего времени.

КЛИЕНТОЦЕНТРИЧНОСТЬ – НОВЫЙ КУРС РАЗВИТИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНИВАНИЯ

Меньшикова Галина Александровна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Александров Михаил Алексеевич

(Санкт-Петербургский Государственный Университет)

Клиентоцентричность – новый тренд развития страны, который был предложен премьер-министром страны М. В. Мишустинным в 2021 году. Цель тренда – внедрение принципов и стандартов клиентоцентричности в органах исполнительной власти, информационной системы клиентоцентричности (обратная связь, профиль клиента, реестр жизненных ситуаций, мониторинг) и HR-системы (цифровой профиль госслужащего, технологии искусственного интеллекта).

В рамках внедрения принципов клиентоцентричности в государственном управлении для сосредоточения работы органов власти вокруг интересов конкретного человека, проводится эксперимент по апробации инструментов, обеспечивающих внедрение принципов клиентоцентричности в государственном управлении. В эксперименте участвуют 6 Министерств и 3 области РФ, были озвучены направления их отчетности. Также создан проект «Государство для людей» (им стало одно из подразделений Аналитического Центра при Правительстве РФ).

Клиентоцентричный подход в государственном управлении подразумевает создание профиля клиента для идентификации гражданина и предоставления ему государственных услуг, необходимых в определенной жизненной ситуации. При реализации персонифицированного подхода к оказанию услуг будет создана система сбора обратной связи, требующая внедрения системы мониторинга государственных услуг.

Самым распространённым способом прямой коммуникации акторов в государственном секторе стали интернет-платформы. Одна из целей курса клиентоцентричности – создание и совершенствование государственных интернет-платформ, в частности, «Госуслуг», превращение их в массовый канал коммуникации между населением и властью. Их оценивание описано в ряде публикаций, в том числе у Добролюбовой Е. И., описывающей применение комплексного подхода, что предполагает отражение ряда обстоятельств: дифференцированное оценивание; учёт интересов как минимум 4-х групп стейкхолдеров: населения, правительства, НКО, бизнеса; учет не только преимуществ, но и рисков; использование внешних оценочных средств.

В ходе аналитического исследования предложений по оцениванию платформ выявлена необходимость дополнения базовых статистических оценок результатами социологического мониторинга, регулярно опрашивающего представителей всех групп стейкхолдеров: работников правительства, населения, бизнеса, социальных работников, включая тех, кто работает в благотворительных организациях. А также необходимость в комплексной преимущественно числовой системе оценивания основных характеристик интернет-платформ в рамках курса клиентоцентричности и обозначенных особенностей комплексного оценивания. В статье предложены практико-ориентированные основы системы оценивания интернет-платформ.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКИХ СПАСАТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ Г. МОСКВЫ

Николаева Алла Алексеевна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

На территории Москвы существует множество социально-ориентированных некоммерческих организаций, деятельность которых заключается в предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий [1]. Одной из подобных организаций является Всероссийская общественная молодежная организация «Всероссийский студенческий корпус спасателей», которая является одной из основных СО НКО в деле спасения не только в Москве, но и во всей России.

В состав ВСКС входит свыше 8000 добровольцев из 72 субъектов Российской Федерации [2]. Все студенты-спасатели проходят специальную подготовку для оказания квалифицированной помощи специальным службам при возникновении чрезвычайных ситуаций, а также для регулярной информационной и профилактической работы с населением в области культуры безопасности [3].

С целью оценки деятельности некоммерческих социально-ориентированных организаций, в июне 2022 года было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие добровольцы студенческих спасательных отрядов в возрасте от 18 до 35 лет, а также начальники отрядов, всего 104 человека.

Благодаря проведению эмпирического исследования в форме опроса удалось выявить следующие положения в состоянии дел студенческих спасательных отрядах г. Москвы:

Добровольцы студенческих спасательных отрядов, в большинстве случаев имеют стаж добровольческой деятельности - до 1 года, наименьшее число добровольцев имеют стаж – от 3 лет до 4 лет.

Данные показатели могут свидетельствовать о том, что большое количество добровольцев теряют интерес к деятельности и уходят из отряда (с каждым годом количество добровольцев сокращается практически в 2 раза). При этом все опрошенные добровольцы отмечают повышенный интерес к спасательному делу, а также к сфере добровольчества в чрезвычайных ситуациях, из которых 74 % отметили желание получения квалификации «Спасатель».

Студенческие спасательные отряды в большинстве случаев (52%) проводят менее 5 мероприятий в месяц, что является показателем ниже среднего. При этом добровольцы по - минимуму принимают в них участие – 1-2 раза в месяц - 45%. Из данных показателей можно сделать вывод, что мероприятия проводятся, но зачастую добровольцы не принимают в них участие, скорее всего, из-за отсутствия интереса именно к данной категории мероприятий, или же по иным причинам.

Опрошенные добровольцы оценили уровень материально-технического оснащения студенческих спасательных отрядов в диапазоне от 4 до 6 баллов из 10 возможных. При этом 69 % опрошенных отметили, что такого количества оснащения недостаточно. Недостаток материально-технического обеспечения может негативно сказаться на качестве обучения добровольцев, а также на качестве и количестве проводимых отрядом мероприятий.

Уровень финансового состояния студенческого спасательного отряда респонденты оценили на 4-5 по 10-балльной шкале. При этом 93% отмечают, что в отряде отсутствует система членских взносов, а 96% утверждают необходимость увеличения объема денежных средств.

Исходя из данных показателей можно отметить, что финансирование отряда может осуществляться из 3 источников: поддержка органов государственной власти, грантовые и

субсидиарные конкурсы, а также финансовая поддержка со стороны образовательного учреждения, на базе которого сформирован студенческий спасательный отряд. Однако на практике подобные источники финансирования далеко не всегда реализуются.

Коммуникация руководящего состава отряда с добровольцами осуществляется посредством проведения общих очных собраний, а также путем использования групповых бесед в мессенджерах. Данные показатели указывают на средний уровень ведения коммуникации: очные встречи являются эффективным средством для общения с добровольцами, однако часто их проводит не всегда будет возможность, с чем могут справиться групповые беседы в мессенджерах, где с наибольшей вероятностью добровольцы могут оперативно реагировать на присланную им информацию.

Главными средствами мотивации студентов-спасателей, по мнению респондентов, считается: возможность получения квалификации «Спасатель», получение жизненно-важных знаний и навыков, возможность участия в командировках, в том числе в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. То есть, важные мотивирующие факторы, которые существуют в отрядах – получение важных знаний и применение их на практике. Однако респонденты наиболее часто отметили следующие меры мотивации, которые они хотели бы видеть в своем студенческом спасательном отряде: увеличение числа выездных мероприятий, освобождение от очных занятий в образовательном учреждении, повышенная стипендия и т.д.

Респонденты также отметили следующие факторы, способствующие ухудшению деятельности студенческих спасательных отрядов: межличностные конфликты, снижение интереса у добровольцев, недостаточный уровень оснащения, низкий уровень мотивации, нехватка времени у студентов на занятия в студенческом спасательном отряде, отсутствие работы с добровольцами: координация и информирование и т.д.

Общей системе функционирования студенческого спасательного отряда респонденты дали оценку выше среднего (диапазон от 5 до 8 баллов из 10 возможных)

Таким образом, исходя из результатов полученного исследования, можно выявить ряд проблем, способствующих снижению эффективности деятельности студенческих спасательных формирований:

1. Нехватка материально-технического обеспечения в формированиях;
2. Низкий уровень финансирования деятельности формирований;
3. Низкий уровень вовлеченности студентов-спасателей в деятельность формирования;

Низкая координация и взаимодействие со студентами-спасателями добровольных студенческих спасательных формирований.

Указанные проблемы могут являться причиной некачественной организации деятельности студенческого спасательного формирования. Так, нехватка материально-технических и финансовых ресурсов может являться следствием низкого уровня осведомленности руководящего состава студенческого спасательного формирования о формах его получения, а также о существующих мерах поддержки формирований. Данная проблема может негативно сказаться на общем функционировании студенческого спасательного формирования, так как для обучения студентов-спасателей необходимо специализированное оборудование, без обучения студент-спасатель не сможет осуществлять деятельность в рамках формирования, а также не сможет принимать участие в мероприятиях. Также подобная проблема способствует сокращению числа проводимых внутри формирования мероприятий, что может негативно сказаться на вовлеченности студентов-спасателей в его деятельность, а также снижение у них интереса к данному роду деятельности.

Низкий уровень вовлеченности студентов-спасателей непосредственно может быть вызван низкой активностью студенческого спасательного формирования, а также неграмотным взаимодействием руководящего состава со студентами. Это может значительно снизить число личного состава формирования, что негативно скажется на

осуществлении его деятельности – при малой численности формирования невозможно перекрывать и охватывать большое количество мероприятий, направленных на достижение уставных целей.

Низкая координация и взаимодействие со студентами-спасателями вызвана неправильным подходом руководящего состава формирования к вопросам взаимодействия с ними, также безответственное поведение и отсутствие интереса к развитию личного состава студенческого спасательного формирования. Указанная проблема также способна оказать негативное воздействие на численность студенческого спасательного формирования, а также снизить роль спасательного движения среди молодежи.

Таким образом, следует отметить, что деятельность студенческих спасательных отрядов в г. Москве сталкивается с рядом проблем, решение которых может повысить их эффективность и привлечение новых сил в данные организации.

1. Кувшинова А.А., Савченко И.А. Экономическое поведение подростков XXI века // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 1. С. 352-358.
2. Просвирина А.И., Какадий И.И. Государственная социальная помощь на основании социального контракта // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 3. С. 48.
3. Савченко И.А. Теоретико-правовые основы системы социальной защиты в России // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2017. № 3 (27). С. 26-35.

ВЛИЯНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РЕАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ

Ожерельева Вера Сергеевна

(ГБОУ ВО МО Технологический университет им. А.А. Леонова)

Жизнедеятельность людей и общественных систем не является абсолютно произвольной и беспорядочной. Общество вырабатывает определенные средства и механизмы, упорядочивающие и регулирующие человеческое поведение и социальное взаимодействие. Изучению этих средств и механизмов уделяется большое внимание в социологии. Их рассмотрение раскрывает многие грани управления общественными системами и процессами.

Ориентация на те или иные ценности лежит в основе и управленческой деятельности. И задача социологии управления - выявить на какую ценность ориентирована конкретная управленческая деятельность, соответствует ли эта ориентация стоящим перед целям, совпадает ли провозглашаемое с реальностью. Выяснение позволяет в ряде случаев повысить эффективность управления.

Культура в организациях относится к ценностям, нормам и моделям действий, которые характеризуют социальные отношения внутри формальных организаций. Жак (1951) впервые описал изменяющуюся культуру фабрики, определив ее как обычные или традиционные способы ведения дел, которые в большей или меньшей степени разделяются всеми членами организации и которые новые члены должны изучить и, по крайней мере, частично принять, чтобы быть принятыми на службу фирме.

Управленческая культура влияет на успех организации от найма новых сотрудников до удержания талантов и вовлеченности сотрудников. Культура любой

организации напрямую влияет на типы кандидатов, которых она привлекает, и сотрудников, которых она держит.

В то время как любая управленческая культура будет развиваться со временем — особенно по мере роста команды и привлечения новых сотрудников — то можно предпринять шаги, чтобы адаптировать свою культуру, чтобы лучше соответствовать

ценностям и миссии своей организации. Но сначала нужно понять тип организационной культуры, который существует в организации.

Культура управления (управленческая культура) — это совокупность духовных ценностей в сфере деятельности по целенаправленному воздействию на хозяйственную жизнь организации, стили руководства и решения руководителями проблем, стили поведения руководителей.

Можно выделить 4 типа управленческой культуры: клановая, культура адхократии, рыночная и культура иерархии.

ТИП 1: КЛАНОВАЯ КУЛЬТУРА

Основной фокус: Наставничество и командная работа

Определяющие качества: гибкость и осмотрительность; внутренняя направленность и интеграция

Девиз: «Мы все в этом вместе».

ТИП 2: КУЛЬТУРА АДХОКРАТИИ

Основной фокус: Принятие рисков и инновации

Определяющие качества: гибкость и осмотрительность; внешняя направленность и дифференциация

Девиз: «Рискните, чтобы получить печенье».

ТИП 3: РЫНОЧНАЯ КУЛЬТУРА

Основной фокус: Конкуренция и рост

Определяющие качества: стабильность и контроль; внешняя направленность и дифференциация

Девиз: «Мы в нем, чтобы выиграть его».

ТИП 4: КУЛЬТУРА ИЕРАРХИИ

Основной фокус: Структура и стабильность

Определяющие качества: стабильность и контроль; внутренняя направленность и интеграция

Девиз: «Сделай все правильно».

В современных условиях преобладающими тенденциями в развитии управленческой культуры руководителя образовательной организации является повышение степени ее гибкости и адаптивности к изменениям; инновационный характер деятельности учебных заведений, который провоцирует изменения в культуре управления; прямая зависимость результативности управления образовательной организацией от эффективности управления организационной культурой организации.

1. Бондаренко В. В. *Управление. Введение в профессию: учебник* / В. В. Бондаренко, В. А. Дина. - М.: КНОРУС, 2012.

2. Васьков М. А. *Теоретико-методологические подходы к анализу управленческой культуры//Россия реформирующаяся: Ежегодник-2010/Рос. акад. наук, Ин-т социологии; ред. кол.: М. К. Горшков (отв.ред.) и др. -М.: Новый хронограф, 2010. — С.61–75.*

3. Кумунджиева Е. Л. *Теоретический анализ педагогического тезауруса культуры управления//Вестник екатерининского института-2014. — № 3(27),С.30–34*

4. *Социология управления: учеб. пособие / А. В. Верещагина и др.; отв. ред. С. И. Самыгин. — Ростов н/Д: Феникс, 2014. -318с.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Поджидаева Анастасия Юрьевна

(ФГБОУ ВО Иркутский государственный университет)

На сегодняшний день общество активно переживает становление и развитие информационной индустрии, характеризующиеся процессом технологической

конвергенции, либерализации, возрастанием значимости знаний, появлением облачной демократии, структурными изменениями в системе трудовых отношений. От степени представленности в виртуальном пространстве и эффективной работы государственных органов зависит образ страны как для его граждан, так и для иностранных государств.

Вместе с тем, необходимо отметить значительное увеличение числа юридических коллизий, связанных с применением цифровых технологий в сфере экономики. Также, несмотря на активное изучение цифрового пространства и механизмов его регулирования, на сегодняшний день нет единой принятой трактовки термина государственная информационная политика (ГИП).

ГИП представляется одним из важнейших векторов развития в рамках национальных задач, что подтверждается исследованиями, проведенными фондами «Медиастандарт», «Общественное мнение» и ВЦИОМ.

Говоря об отличительных чертах ГИП, необходимо выделить высокий уровень ее персонализации, а также использование ею преимущественно прямых каналов распространения информации при недостаточной степени развитости обратной связи. Для более лучшего понимания специфики формирования ГИП, автор обращается к зарубежному опыту ее введения, в частности – опыт КНР, США и Европейского союза.

Информационная политика при правильной и успешной реализации дает положительные результаты. Его ценность заключается в том, что он способен повысить уровень благосостояния людей, улучшить материальный и культурный уровень жизни людей, расширить сферу социальных и бытовых услуг. Подводя итоги, стоит заметить, что за годы становления отечественной политической науки был наработан определенный пласт исследований, посвященных сущности и механизмам реализации информационной политики. В этой связи актуальной задачей является систематизация и выявление основных подходов, сложившихся в научной литературе.

ТЕЗИСЫ О СОЦИОЛОГИИ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫХ АЛГОРИТМОВ И ИХ ВЛИЯНИИ НА ОБЩЕСТВО И УПРАВЛЕНИЕ

Рассказов Сергей Вениаминович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

«Цифровые» алгоритмы составляют основу современных коммерческих и социальных платформ. В первой группе систем они выявляют интересы потребителя и советуют ему товары. Во второй – новостная лента с ранжированными строками предлагает индивидууму ссылки на разнообразный новостной, развлекающий, информирующий, обучающий и иной контент, также принимая во внимание предварительно определенные предпочтения конкретного человека. Алгоритмы являются «цифровыми», поскольку задаваемая ими последовательность действий реализуется компьютерными программами. В данном выступлении обосновывается важность социологического осмысления рекомендательных алгоритмов (РА) для предупреждения возникновения негативных социальных процессов вследствие их применения. Рассматриваемые алгоритмы относятся преимущественно ко второй группе платформ.

Тезис 1. Рекомендательные алгоритмы, по сути, конструируют индивидуальную социальную реальность. Используя образное представление Эли Паризера (Eli Pariser), механизмом ее формирования является «пузырь фильтров», под которым понимается «персонализированная экосистема информации, обслуживаемая ... алгоритмами на основе их мнения о конкретном человеке» [7]. Алгоритм становится технологическим актором, промежуточным между субъектом и объектом теории социального действия [1]. Учет функций такого актора и особенностей его влияния на социальные взаимодействия дополняют содержание указанной социологической теории.

Тезис 2. Рекомендательные алгоритмы оказывают влияние на социальные взаимодействия и, следовательно, на общество, управление и управляемость. В подтверждение этого тезиса укажем на негативные последствия изменений в алгоритме персонализации информации одной из зарубежных социальных платформ. В 2018 году лента новостей стала функционировать с учетом приоритета показателя «значимых социальных взаимодействий», что способствовало росту репостов и комментариев. На первый взгляд, казалось бы, что в этом плохого? Как выяснилось, помимо ожидавшихся положительных результатов, они могли усиливать «формирование такого негатива в контенте, как «токсичность [например, сцены насилия], недостоверность, фишинг» (цит. по [2, 89]). Иногда советы-рекомендации алгоритмов принимают форму незаметного навязывания чьего-либо мнения. Такое воздействие наблюдалось в алгоритме политического микротаргетирования скандально известной в недавнем прошлом иностранной аналитической компании.

Тезис 3. «Технари», математики и ИТ-специалисты, практически безраздельно доминируют в области разработки рекомендательных алгоритмов. Традиционно выделяются такие три основные направления РА, как коллаборативная фильтрация, фильтрация на основе контента и гибридный подход. В простейшем случае они используют эвристические формулы средневзвешенных оценок пользователей и их похожесть [4]. Более продвинутые методы основаны на разнообразных матричных разложениях [8] и многослойных нейронных сетях [6]; по смыслу, они включают в модель взаимодействия переменные второй и более высоких степеней с учетом неявных откликов, временного фактора, вероятностных показателей. Сугубо технический взгляд, случается, не вникает в тонкости реальной социальной жизни. Скажем, характеристики некоторых алгоритмов чувствительны к возможному смещению набора данных при использовании временных рядов с различным пониманием социального смысла событий на отдельных исторических периодах. Отсюда возникает ошибочная интерпретация и выдача некорректных алгоритмических рекомендаций [3]. Другой пример относится к случаям с «чувствительными» для общества последствиями вследствие того, что алгоритмы социальной платформы не различали диалекты языка страны «пребывания» с нестабильной политической обстановкой. Возможное решение этих и им аналогичных проблем состоит, в частности, в использовании или разработке методов, учитывающих контекст [5], семантику [9], социальные связи [10] той предметной области, в которой функционирует конкретный РА. Возвратимся к началу третьего тезиса. Как видно, «технарям» нужны «гуманитарии» (оставляем в стороне дискуссионный вопрос, кто важнее), обладающие необходимыми для наполнения системы социологическими знаниями и способные представить этот контент в понятном для программирования виде.

Тезис 4. В исследовании РА на стыке информатики и социальных наук просматриваются прообразы новых «цифровых» методов эмпирического социологического исследования. Например, возможности современных информационных технологий позволяют имитировать поведение пользователей социальных платформ посредством внедрения в них множества ботов с алгоритмически заданными требуемыми интересами. Применив их в одном из зарубежных исследований рекомендательной системы, обнаружилось, что ее алгоритм «подталкивает людей к все более и более экстремальному контенту и, тем самым, - к увеличению времени просмотра» (цит. по [2, 92]). Как говорится, «ничего личного, это просто бизнес» (время трансформируется в деньги от рекламы). Рассмотренный метод и методология далеки от завершенности, однако его идея и открывающиеся возможности, на наш взгляд, представляют интерес для социологии.

Содержание данной работы раскрывает социологическую модель рекомендательных алгоритмов и обращает внимание на возможность их опасного влияния на общество. С учетом сказанного, обоснована важность применения социологического

знания при разработке нормативного регулирования, направленного на выявление и уменьшение создаваемых алгоритмами угроз.

Выражаю благодарность профессору Л.В. Сморгуну за предложенную им автору идею исследования направления «Алгоритмы и технополитика».

1. Н.Н. Мельник. Теории социального действия: от многообразия подходов к интеграции // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 260-266.
2. Рассказов С.В. 1.6. Алгоритмы и технополитика. В кн.: Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2022. С. 81-96.
3. Рассказов С.В. За пределами математики: рекомендательные алгоритмы и угрозы государственной управляемости / Доклад на Первом Московском политологическом форуме «Политическая наука сегодня: междисциплинарные подходы». Москва, 15-16 апреля 2022, ИОН РАНХиГС совместно с РАПН и АПН.
4. Фальк К. Рекомендательные системы на практике. М.: Изд-во ДМК, 2020.
5. Gaurav Yadav. Context Aware Recommender. Режим доступа: <https://github.com/yadavgaurav251/Context-Aware-Recommender> / (accessed: 29.09.2022).
6. Heng-Tze Cheng et al. Wide & Deep Learning for Recommender Systems // DLRS 2016: Proceedings of the 1st Workshop on Deep Learning for Recommender Systems. September 2016. Pp. 7–10.
7. Parramore L. Eli Pariser on the future of the Internet. October 8, 2010. URL: https://www.salon.com/2010/10/08/lynn_parramore_eli_pariser/ (accessed: 29.09.2022).
8. Rendle S. Factorization Machines // ICDM '10: Proceedings of the 2010 IEEE International Conference on Data Mining. December 2010. Pp. 995–1000.
9. Sarika Jain. Understanding Semantics-Based Decision Support. CRC Press, Taylor & Francis Group, 2020.
10. Pethuru Raj et al. Demystifying Graph Data Science: Graph algorithms, analytics methods, platforms, databases, and use cases. London: The Institution of Engineering and Technology, 2022.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОГО

Скоробогачкий Вячеслав Васильевич
(Уральский институт управления - филиал РАНХиГС)

Скоробогачкая Наталья Александровна
(Уральский федеральный университет)

Одной из актуальных задач развития российского социума является модернизация системы государственного управления, приведение государственного устройства в соответствии с требованиями, которые предъявляет новая социальная реальность – переход от индустриального к информационному обществу. Но первые шаги по применению современных технологий не привели к повышению эффективности государственного управления, а его низкое качество становится основным фактором, препятствующим экономическому росту и формированию человеческого капитала.

С нашей точки зрения, причина низкого качества государственного управления и противоречивых следствий его цифровизации заключается в том, что по основным своим характеристикам российское общество остается советским [2]. Пережитая на рубеже 1990-2000-х годов архаизация социальных, экономических и политических институтов создала ситуацию институциональной ловушки, в которой находится российское общество сегодня и которая препятствует эффективному использованию технологий нового поколения.

Идея цифровизации в России получила сегодня тотальное значение. Она рассматривается как путь к модернизации («догнать и перегнать!») не только экономики,

но и сферы социальной коммуникации, культуры, образования, здравоохранения и, наконец, государственного управления [1]. Эта идея приобрела всеобъемлющий характер и применяется в различных областях общественной жизни без учета того, имеются ли для ее осуществления необходимые и достаточные условия, в первую очередь, институциональные, а не только технические, финансовые и кадровые.

Но при таком подходе в тени остаются не только институциональные, но и политические факторы и подходы к осуществлению намечаемых инноваций. В последние два десятилетия дистанцирование от публичной политики является своеобразным политическим курсом, в русле которого программы модернизации строятся на замене политических технологий иными, идеологически нейтральными. Точнее, допускающими то или иное их идеологическое наполнение в зависимости от конъюнктуры. И кажется, что цифровые технологии идеально подходят для этих целей. Но не постигнет ли цифровизацию судьба других начинаний, брошенных на полдороге, как это случилось с рядом предшествующих проектов долгосрочного масштаба? Ни идея укрепления вертикали власти, ни национальный план противодействия коррупции так и не стали стратегическими программами государственной политики. Сыграв на первых порах роль манифеста, открывающего эпоху нового правления, они вскоре подверглись рутинизации и превратились в совокупность ежегодно составляемых планов и отчетов.

1. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Старостина А. Н. Цифровая трансформация государственного управления: оценка результативности и эффективности. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 234 с.

2. Скоробогачкий В. В. Советское: генезис, расцвет, пути трансформации в посткоммунистическую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; СПб.: Алетейя. 2021. – 474 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Степанов Иван Евгеньевич

В современной литературе по социологии управления, психологии и менеджменту достаточно активно и широко рассматривается эволюция управленческой мысли, подходы и приемы, применявшиеся с целью повышения эффективности деятельности организации.

Активное развитие и признание, которое получили психология и социология во второй половине XX века в совокупности с совершенствующимися методами исследования, позволили начать изучение поведения работников компании с более строгой научностью. Результаты, полученные исследователями К. Арджирисом, Р. Лайкертом, Д. МакГрегором, Ф. Герцбергом и другими, оказались настолько ошеломительными, что предлагаемый ими поведенческий подход почти полностью охватил собой всю область управления в 50-е- 60-е гг. Вопросы, решаемые данным подходом, касались различных аспектов социального взаимодействия, системы мотивации, ценностных ориентаций, особенностей лидерства, вопросов авторитета и власти, системы коммуникации в организации, качества рабочей жизни. Подобные свежие идеи в управленческой мысли и открытия, касающиеся улучшения функционирования предприятий за счет грамотной работы с человеческими ресурсами, подготовили благодатную почву для возникновения и развития концепций организационной культуры.

Сложно определить, кого из ученых можно назвать первым обратившимся к данному вопросу. Автор учебника «Менеджмент» Веснин В. Р. указывает на Ч. Барнарда и его труд «Функции руководителя» (1938 г.) [2, 203], где были проанализированы ««необычная и важная роль руководителей во всем, что происходит в компании», «формирование ее общих ценностей и управление ими», а также была высказана мысль, что культура организации способствует достижению ее экономических целей» [6]. Также

среди первых работ, посвященных изучению организационной культуры, можно отметить исследование М. Далтона о формировании организационной культуры и ее субкультур с учетом различных потребностей работников (1950-е гг.); книгу Х. Трайса и группы авторов «An Occupation in conflict: a Study in the Personnel Manager» (1969 г.) о традициях и обрядах в организации [1, 19].

Однако по-настоящему популярной темой для исследований организационная культура становится с 80-х гг. Среди известных авторов – Оучи, Дил и Кеннеди, Сате, Питерс и Уотерман и другие. Одним из определяющих трудов по организационной культуре традиционно считается книга «Организационная культура» Э. Шейна, вышедшая в 1985 году [7, 31].

Э. Шейн дает следующее определение организационной культуры: это «паттерн коллективных базовых представлений, обретаемых группой при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем» [6]. Как следует из приведенного определения, организационная культура не является просто набором идей, с помощью которых сотрудники выстраивают свое поведение. В ее основе лежит процесс формирования ценностей. Поведение может быть проявлением культуры, но это скорее поверхностное понимание ее действия.

Вопрос выбора, с точки зрения какого же подхода понимать культуру, является исходным и основным как для начала исследования какого-либо теоретического аспекта в концепции, так и для анализа организационной культуры конкретного предприятия. О двойном понимании сущности организационной культуры высказывались Ким С. Камерон и Роберт Э. Куинн [5, 43-47]. Они отмечали, что концепция организационной культуры имеет истоки в социологии («социологический» подход) или же тяготеет к антропологии (второй подход). Понимание организационной культуры обуславливает выбор методов исследования. По Камерону и Куинну существует три основных стратегии при измерении культуры: холистические (исследователю необходимо «погрузиться» в изучаемую культуру, стать ее участником); метафорические или языковые (изучаются образцы языка документов, отчетности, рассказов, бесед); количественные (использование исследователем опросников, проведение интервью для оценки конкретных проявлений культуры) [5, 205]. Согласно второму приведенному подходу к пониманию организационной культуры для ее изучения в компании необходимо проведение этнографического исследования (холистическая стратегия по Камерону и Куинну). Однако, во-первых, данное исследование сопряжено со значительными временными затратами, во-вторых, исследователь может столкнуться со всеми проблемами, связанными с использованием метода включенного наблюдения. Среди них качественный характер получаемых результатов, субъективность и др. В современных условиях стремительно изменяющейся внешней среды организация должна быть подвижна, быстро подстраиваться под ситуации. Соответственно, и времени на диагностику организационной культуры может быть выделено не так много. Возможно, количественный подход и не предлагает такой же глубины анализа организационной культуры, как, например, проведение этнографического исследования. Однако, с другой стороны, опыт консультантов по диагностике организационной культуры, использующих инструментальный опрос, апробированный во множестве компаний, говорит об эффективности использования и количественных методов.

Среди исследователей организационной культуры нет согласия по поводу ее толкования и измерения. Тем не менее, в определении компонентов и структуры организационной культуры большинство авторов сходится. Эдгар Шейн утверждает, что в основе культуры организации лежат единые базовые представления, которые не оспариваются и не обсуждаются членами группы. Он предлагает представить структуру организационной культуры в виде треугольника, разделенного на три уровня. Каждый

уровень культуры для наблюдателя является все менее очевидным. На схеме верхняя часть треугольника соответствует «поверхностному» или символическому уровню культуры (это внешние факторы), серединой фигуры являются ценностные ориентации - это «подповерхностный» уровень, основание - это «глубинный» уровень, который как раз и составляют базовые представления.

Охарактеризуем компоненты организационной культуры, размещенные на всех трех уровнях. Первый уровень организационной культуры представлен внешними показателями - всеми теми феноменами, которые мы можем наблюдать и чувствовать при вхождении в незнакомую культуру. Это зримые продукты организационной культуры, такие как технологии и продукты деятельности, архитектура, наблюдаемые образцы поведения: язык, стиль одежды, манера общения, эмоциональная атмосфера, внешние ритуалы и церемонии [7, 36]. Их легко заметить, но сложно объяснить, придать им значение. Так, иногда посредством одного только наблюдения можно многое узнать из расположения и плана самого здания, например, об отношении организации к персоналу, клиентам и особенностям управления.

При более глубоком анализе организационной культуры исследователь встречается с «подповерхностным» уровнем. Это уровень верований и ценностей. Первый шаг компании - это отражение индивидуальных представлений о правильном и неправильном. Как правило, это представление руководителя, который дает указание по управлению компанией. Поначалу любое предложение является лишь условной ценностью. Его трансформация в групповое понятие и убеждение, а после в групповое представление, происходит, когда связанный с ним предпринятый шаг дает результат, оказываясь верным и надежным. Все ценности проходят тщательную проверку на эффективность и подтверждение общим социальным опытом группы. Они становятся тем, на что ориентируются сотрудники в ситуации неопределенности. При повторяющемся успехе использования этих ценностей они перерастают в самоочевидные представления, подкрепляемые набором вербализованных убеждений, норм и правил поведения [7, 38]. Набор фундаментальных ценностей, который находит воплощение в идеологии и организационной философии, является ориентиром для каждого сотрудника и получает свое отражение в символах, преданиях, героях, девизах, церемониях, бытующих в организации. Символ - это объект, имеющий смысл для окружающих. Символы, связанные с организационной культурой, доносят до людей важнейшие ценности организации [4, 127]. Например, в нью-йоркской фирме WorldNow, этим символом стала дешевая потрепанная дрель, названная «Переходящей командной дрелью», которая вручается лучшему работнику года. Дело в том, что девиз этой компании звучит так: «Какой бы толстой ни была стена, за которой скрывается решение, в ней всегда можно проделать отверстие». Особую часть организационной культуры составляют предания и герои, церемонии и девиз компании.

Третий уровень по теории Э. Шейна составляют базовые представления. Они считаются членами организации убедительными и очевидными, поэтому являются моделью поведения во всех. Так как базовые представления не вызывают каких-либо возражений и сомнений, то, по мнению команды, их и не следует менять. Таким образом, изменение культуры из-за или для какого-то обстоятельства является достаточно затруднительным мероприятием. Культура представляет собой в определенном смысле картину мира, который человек воспринимает через вполне определенную призму.

Таким образом, для применения организационной культуры в качестве инструмента управления персоналом необходимо, при удовлетворенности руководством существующими культурными принципами, укреплять и поддерживать их, или же преобразовывать, изменять. Внедрение или поддержание культурных ценностей и норм осуществляется путем грамотного выстраивания системы управления персоналом, каждый элемент которой будет осознан в рамках содержания желательной организационной культуры. Особенного внимания требуют процедуры отбора и

социализации новых сотрудников, система поощрения тех членов организации, чья работа соответствует желаемому профилю организационной культуры. Для усвоения организационной культуры также требуется развитая система обучения персонала, своим содержанием отвечающая стратегии и целям компании. По сути организационная культура является важнейшим условием успешных организационных изменений.

1. Ассаул А.Н. *Культура организации: проблемы формирования и управления*/ А. Н. Ассаул, М.А. Ассаул, П.Ю. Ерофеев, М.П. Ерофеев. - СПб.: Гуманистика, 2006. – 204с.
2. Веснин В.Р. *Менеджмент*. - М.: Проспект, 2006. – 504с.
3. Виханский А.С., Наумов А.И. *Менеджмент*. - М.: Экономистъ, 2006. – 670с.
4. Дафт Р. *Менеджмент*. - СПб.: Питер, 2008. – 864с.
5. Камерон К., Куинн Р. *Диагностика и изменение организационной культуры*. - СПб.: Питер, 2001. – 320с.
6. Петрова Ю. А., Красова О. С. *Честер Бернард [Электрон. ресурс] // Цикл «Гуру менеджмента»/ Библиотека e-Reading. Электрон. дан. (1 файл), 2008. – URL: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/89735/Petrova_-_Chester_Barnard.html (дата обращения 19.09.2022)*
7. Шейн Э. *Организационная культура и лидерство*. - СПб.: Питер, 2002. – 336с.

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЗЫВОВ НАСЕЛЕНИЯ О ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Узюмова Наталья Владимировна

(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации в 2022 г.

Национальный проект «Образование» служит достижению национальной цели по обеспечению возможности для самореализации и развития талантов, поставленной Президентом Российской Федерации. Данный проект носит фундаментальный характер и затрагивает, напрямую или опосредовано, каждого гражданина нашей страны.

При этом, как показывают социологические исследования, процент жителей России, осведомлённых о данных проектах на протяжении ряда лет имеет положительную динамику, но остаётся достаточно низким, также недостаточно изучены уровень доверия населения к результатам реализации национальных проектов и государственных программ, видение проблемных зон при работе над национальными целями и возможностями сделать данную работу более продуктивной.

Таким образом, формируется противоречие между знанием о потребности выявления и изучения отзывов населения о ходе реализации национальных проектов и государственных программ в сфере образования и незнанием путей реализации этих действий и направлений совершенствования. Невозможно управление реализацией национальных проектов и программ, без знания о том, как она протекает и оценивается конечными получателями - гражданами. В связи с этим встают такие вопросы:

каков уровень осведомленности граждан о целях и задачах национальных проектов и программ в сфере образования?

Каковы основные источники информирования граждан о ходе реализации национальных проектов и государственных программ? Какие каналы пользуются большим авторитетом и доверием? Является информирование достаточным?

В какой степени население доверяет органам власти при реализации данных программ? Являются ли они полезными для страны в целом и для отдельных граждан в частности?

Каковы основные проблемные зоны и как можно разрешить возникшие противоречия?

Через какие каналы передачи информации граждане могли бы делиться своим видением и оценкой происходящих изменений в сфере образования?

Целью исследования является изучение мнения населения о ходе реализации национальных проектов и программ в сфере образования.

В соответствии с целью исследования были определены следующие задачи:

1. Выявить уровень осведомленности граждан о целях и задачах национальных проектов и программ в сфере образования.

2. Изучить источники информации, по которым население узнаёт о ходе реализации данных программ и проектов.

3. Определить степень россиян доверия к итогам реализации национальных программ и проектов в сфере образования.

4. Рассмотреть основные трудности, с которыми сталкиваются органы государственной власти при реализации нац. программ и проектов, по мнению граждан.

Объектом исследования выступает население Российской Федерации.

Предметом являются отзывы (оценка) населения о ходе реализации национальных проектов и программ в сфере образования.

В качестве метода исследования выбрано полуструктурированное интервью.

Инструментарием выступает опросный бланк.

Анализ полученных данных будет проведён с помощью табличного редактора Microsoft Excel.

ДОВЕРИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ОРГАНАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Хаблова Татьяна Алексеевна

(Волгоградский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

В современном правовом государстве с признанием прав и свобод человека и гражданина на первый план выходят вопросы доверительного отношения к властным структурам, основная задача которых организовывать жизнедеятельность общества. В разные исторические периоды развития государства власть как сфера воздействия на определенные институты, формировалась в виде совокупности взаимосвязанных органов, обладающих функциями и полномочиями по регулированию общественных отношений, а также поддержки определенного уровня жизни членов общества. Наряду с этим, рассматривая вопросы взаимодействия самого общества и властных институтов, следует акцентировать внимание на отношениях индивидов как субъектов общества к органам власти. Важным фактором, определяющим данное отношение, на наш взгляд, является доверие и недоверие к властным структурам. Особенно ярко данный процесс прослеживается сегодня в Российской Федерации в связи с политическими и геополитическими событиями, а также вовлеченностью нашего государства в жизнь международного сообщества с целью защиты внешнего и внутреннего суверенитета государства, политической, экономической и территориальной целостности страны.

В быстроизменяющемся мире существование демократического режима возможно, когда власть легитимна, т.е. когда народ доверяет, поддерживает и признает установленную власть. Доверие населения, с одной стороны становится объективной характеристикой оценки политики государства и, с другой стороны, субъективной чертой,

отражающей отношения народа к установленной власти в целом [2]. В связи с этим критерий доверия населения к органам государственной власти становится важным показателем эффективности деятельности управленческого аппарата, что и определяет направление ее совершенствования.

Для выявления уровня доверия следует обратиться к анализу категориального аппарата, а точнее выявления смыслового значения термина «доверие». Данная категория получила научную разработку в трудах ученых - социологов и управленцев. Если рассматривать доверие через психологический аспект, то это «психическое состояние, в силу которого мы полагаемся на какое-либо мнение, кажущееся нам авторитетным, и потому отказываемся от самостоятельного исследования вопроса, могущего быть нами исследованным» [1]. Согласно определению Ф. Фукуямы, американского философа и политолога, доверие является ключевой характеристикой развитого человеческого общества, проявляющейся как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальном (доверие к общественным институтам и государству в целом) [3]. Таким образом, доверие в целом можно определить как лояльное отношение на основе первичного восприятия, выражающееся в беспрекословном подчинении объекта управляющему субъекту. Доверие к власти – это мера психологической или политической лояльности народа (электората) к управляющему субъекту.

Согласно основным положениям Конституции РФ, политика государства социально ориентирована, и в первую очередь направлена на предоставление и защиту прав и свобод человека и гражданина. Население будет доверять власти в зависимости от того, как успешно государственные органы будут выполнять свои функции и насколько прозрачна их деятельность будет для граждан. Доверие населения выступает первым по значимости показателем в оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти.

Следует отметить, что на сегодняшний день существует тенденция к росту недоверия населения к органам власти. На это влияют различные факторы: падение уровня жизни населения, нестабильная политическая и экономическая ситуация, внедрение существенного количества цифровых технологий, минимизирующих межличностную коммуникации т.д.

Для подтверждения гипотезы нашего исследования, что население не доверяет органам государственной власти, нами были проанализированы эмпирические данные социологического опроса, в котором участвовало 322 респондента – сельских жителей Волгоградской области. Опрос был проведен социологом Ю. А. Дроздовой, в рамках реализации гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ». Данные представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: " Оцените доверие к органам государственной власти" (от 1 (нет доверия) до 5 (самое высокое доверие)).

Доверие населения к органам государственной власти: <i>1 (нет доверия) до 5 (самое высокое доверие)</i>	(средняя я оценка)
1. Президенту	3,0301
2. Правительству	2,5151
3. Государственной Думе	2,3705
4. Правоохранительным органам (полиции, суду, ФСБ)	2,9578

Анализируя результаты эмпирического исследования, можно сделать вывод, что население скорее не доверяет, чем доверяет органам государственной власти, что обозначает проблему в оценке эффективности деятельности государственных управленческих структур. Недоверие становится причиной абсентеизма граждан, нежелания принимать участие в политической жизни государства, также возникновения дестабилизации государства, так как, падение авторитета власти, ее престижа, утрата общественного доверия, – это сигналы возможного конфликта власти и общества. В такой ситуации при худшем сценарии развития возможно возникновение массовых выступлений, пикетирований, демонстраций и т.д.

Демократическое правовое государство подразумевает наличие доверия граждан к властным структурам, их активное участие в политической жизни страны, поэтому его формирование и поддержание необходимо для стабильного развития государства и эффективной работы органов государственного управления.

1. *Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мецеракова, В.П. Зинченко. М.: Прайм-Еврознак, – 2003. – 672 с.*
2. *Кузеванова А.Л., Ширяева В.А. Практика использования управленческих технологий формирования доверия населения органами исполнительной власти: социологический анализ (на материалах Волгоградской области) [Текст] / А.Л. Кузеванова, В.А. Ширяева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 12 (56). – С. 74-80.*
3. *Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М., – 2008. – 730 с.*

РИСКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.

Холоденко Юрий Александрович

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Пандемия COVID 19 активизировала процессы использования цифровых технологий в государственном управлении. Правомерно говорить о переходе к новому этапу цифровизации, предполагающему внедрение современных цифровых решений, в числе которых технологии искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности, а также Интернет вещей. Их активное применение трансформирует систему публичной власти и характер коммуникаций государства с обществом, способствуя формированию динамичной цифровой среды.

Успешный переход к цифровому государственному управлению требует выполнения ряда условий, включая технологическую и кадровую готовность к цифровым преобразованиям. Прежде всего, необходимо чётко определить приоритеты цифрового перехода государственного управления, в числе которых цифровизация коммуникаций внутри системы государственного управления, разработка и реализация мероприятий при осуществлении мер государственного регулирования и контроля, предоставление населению цифровых государственных услуг. Очевидно, что следует учитывать общественную позицию при использовании государством потенциала цифровых технологий и рефлексировать на настроения бизнеса и граждан.

Чтобы достичь целей цифрового перехода, государству необходимо понимать степень готовности государственных органов к цифровизации. Речь идет о технологической инфраструктуре, включая широкополосный интернет, обеспечении домашних хозяйств компьютерной техникой и доступом к Интернету, а также нормативно – правовой базе, регулирующей в сетевом пространстве отношения граждан, бизнеса и государства [1,с.154].

На наш взгляд, следует обратить пристальное внимание на подготовку и переподготовку кадров для цифрового государственного управления, активнее внедрять в бюрократическую среду нормы и ценности формирующейся цифровой культуры, создавать полноценную инфраструктуру для цифрового государственного управления. Параллельно предстоит реализовать меры, мотивирующие приобретение цифровых навыков у всех групп населения с целью их адаптации к цифровой среде, осуществлять интенсивные коммуникации с потребителями цифровых государственных услуг на предмет мониторинга их востребованности и качества.

Серьёзные риски для государственного управления создаёт цифровая трансформация рынка труда и сферы занятости. Цифровизация формирует новую среду для осуществления профессиональной деятельности. Появляются новые профессии и виды занятости, что нередко связано с деятельностью цифровых платформ. «Платформизация» ведёт к значительному сокращению спроса на труд и глубоким структурным изменениям занятости [2, с.38]. Россияне в целом готовы к переменам в своей профессиональной деятельности. В 2021 г. 64% наших сограждан были готовы трудиться дистанционно. В Москве и Санкт-Петербурге этот показатель достиг 75% [3]. Однако увеличение масштабов применения дистанционной работы обостряет проблему неформальной занятости. Отдельные эксперты оценивали её масштабы в 2018 году в 25 млн. человек, или 30% занятых в российской экономике [4, с.29]. Это своеобразный вызов для российского государства. Наряду с изменением структуры занятости и развитием её неформальных форм актуализируется проблема маргинализации занятости, которую социологи называют депрофессионализированной. На наш взгляд, несмотря на уход из России ряда цифровых гигантов, тенденция маргинализации сферы занятости в нашей стране сохранится, ибо она носит устойчивый глобальный характер. Цифровой переход государственного управления должен осуществляться в том числе с учётом этой проблемы.

Кроме того, обостряются риски углубления социального неравенства. Появляется цифровое неравенство, которое проявляется в неравном доступе к Интернету, цифровым технологиям, образовательным услугам и информации в цифровом пространстве. В России данная проблема усугубляется высоким уровнем цифровой дифференциации регионов. Для её оценки используется индекс «Цифровая Россия». Так, по 100-балльной шкале в 2018 году этот показатель колебался в диапазоне от 39,74 (Республика Тыва) до 77,03 (Москва) баллов. Более того, на конец 2018 года 25% населения России не имело доступа к Интернету [5].

Пандемия показала, что внедрение современных цифровых технологий должно быть направлено на своеобразную «интеллектуализацию» государственного управления, предполагающую координирующую деятельность государства по формированию системной цифровой среды и интеграцию всех акторов цифровых коммуникаций. Одно из направлений подобной деятельности государства – создание комплексных цифровых платформ. Необходимы такие государственные платформенные решения, которые обеспечат вовлечение в процессы цифровой трансформации максимальное количество предпринимательских структур, домохозяйств, государственных и муниципальных организаций и учреждений. При этом главной задачей государства становится обеспечение надежности цифровой среды, которое напрямую определяет степень кибербезопасности цифровых коммуникаций, что укрепляет доверие общества к цифровому переходу государственного управления.

Актуальна проблема адаптации россиян к цифровой среде. Прежде всего, это относится к представителям старшего поколения, для которых цифровая трансформация представляет определённые сложности. Так, результаты исследования, проведённого в 2020г. ВЦИОМ совместно с компанией «Социал Бизнес Групп», показывают, что если в возрастной группе 18 – 24 года 82% опрошенных обладают достаточными цифровыми навыками, в возрасте 25 – 34 года – 80%, то у лиц старше 60 лет этот показатель

составляет 48%. При этом определён недостаточно навыков у 20% опрошенных [6,с.413]. Это обстоятельство также должно учитываться при внедрении цифровых технологий в государственное управление.

Чрезвычайно сложной и дискуссионной проблемой является использование в государственном управлении искусственного интеллекта, целью которого становится оптимизация государственных услуг и повышение адаптивности государственного управления к цифровой среде. Однако искусственный интеллект - это, в конечном счёте, цифровая система, которая не способна предугадать точную модель поведения человека, в конкретной ситуации, что чрезвычайно актуально именно для органов государственной власти и управления, решения которых распространяются на всё общество и затрагивают интересы всего населения. Внедрение искусственного интеллекта потребует значительных бюджетных расходов, прежде всего на развитие цифровой инфраструктуры государственного управления. Предстоит решить проблемы формирования цифровых компетенций государственных служащих, создания современных цифровых продуктов, внедрения механизмов обратной связи с потребителями цифровых государственных услуг. Очевидно, что цифровые технологии искусственного интеллекта неспособны заменить человека при выполнении задач особой сложности, требующих специальных знаний и творческого подхода. Но они могут помочь в принятии решений в сфере государственного управления, в частности, повысить точность прогнозов и обоснованность расчётов. При этом обостряются риски, связанные с обеспечением информационной безопасности и защитой персональных данных и созданием механизмов контроля над действиями искусственного интеллекта, определения субъекта и меры ответственности в случае наступления негативных последствий. Существует угроза снижения доверия граждан к государству. Неслучайно высказывается мнение, что «у людей должна остаться возможность получения государственных услуг в привычном формате, путём обращения к государственному служащему – человеку» [7, с.21].

Таким образом, переход к цифровому государственному управлению – сложный, противоречивый процесс, требующий продуманных решений, адекватных как современным глобальным вызовам, так и сложившимся общественным реалиям. Динамика цифровой трансформации государственного управления во многом будет определяться характером социальных практик, способных существенно повлиять на доверие общества к цифровому государственному управлению. Однако не следует переоценивать потенциал применения цифровых технологий в государственном управлении. Более того, на фоне глобальных социальных изменений к их использованию следует относиться чрезвычайно продуманно и осторожно. Мы являемся свидетелями разрушения сложившейся глобальной системы институционального регулирования международных отношений. Последствия предсказать невозможно. Очевидно, что точка невозврата пройдена. Мир никогда не будет прежним. Цифровая среда превращается в поле битвы. Без правил и ограничений. Всё чаще и чаще в выступлениях политиков, СМИ, научной и специальной литературе мы будем сталкиваться со словом «безопасность» в различных сочетаниях, в том числе – «национальная информационная безопасность».

1. *Россия 2025: от кадров к талантам/ The Boston Consulting Group, URL.: http://d-russia.ru/wp-co11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf*
2. *Удалённая работа по – русски: плюсы и минусы./wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/*
3. *Сафонов А.А., Некипелова Д.В. Оценка влияния налогового маневра на сокращение количества занятых в неформальном секторе экономики России.// Социально – трудовые исследования, 2018, №4, с.28 -41*
4. *Садовая Е.С. Механизм формирования неравенства на рынке труда в цифровую эпоху. // Социально – трудовые исследования, 2021, №3, с.32 – 44*
5. *«Цифровая Россия». [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://finance.skolkovo.com/downloads/documents/FinChair/ResearchReports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Full_2019-04_ru/pdf.\(03.02.2021\)](https://finance.skolkovo.com/downloads/documents/FinChair/ResearchReports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Full_2019-04_ru/pdf.(03.02.2021))*

6. Давыдов С.Г. Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID 19. // Социально – трудовые исследования, 2021, №2, с.403 – 422.
7. Талатина Л. В. Использование искусственного интеллекта в государственном управлении. // Информационное общество, 2021, № 3, с. 16 - 22.

О МАССОВОЙ ЗАНЯТОСТИ В СФЕРЕ ТРУДА

Цветкова Галина Александровна

(Российский государственный гуманитарный университет)

В последние годы в средствах массовой информации и среди представителей научного сообщества слышатся прогнозы об утрате в будущем полной занятости в сфере труда. Но возможно ли это? Есть да, то есть ли к этому предпосылки в современных условиях?

По сути, в России еще в 1993 г. было объявлено и прописано в основном законе страны (ст.37 Конституции Российской Федерации) положение о свободе труда: отказ от принуждения к труду, предоставление самому человеку определиться работать или не работать. Это означало принятие кардинальных изменений: уход от прежних официальных норм труда и переход на иные положения, которые лишь в определенной мере изменили ценностные ориентации россиян в сфере труда. Ибо по данным социологических опросов, более трети россиян продолжают работать, даже если у них будет достаточно денег для жизни [1]. И данная тенденция сохраняется в настоящее время. Труд обществом востребован.

Национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации [2] указывают на необходимость обеспечить ускорение технологического развития, внедрение цифровых технологий в экономику и социальную сферу и т.д. Как же в рамках поставленных целей изменялась социально-профессиональная структура работников?

С 2016 по 2019 года количество неквалифицированных работников сократилось на 702 тыс. (соответственно: 6311 и 5609 тыс. чел.), а также служащих, занятых подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием уменьшилось на 185 тыс. человек (соответственно: 2249 и 2064 тыс. чел.) [3].

Наряду с этим количество операторов производственных установок и машин, сборщиков и водителей увеличилось с 9115 до 9277 тыс. чел., то есть на 162 тыс. чел. Произошел и рост количества квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий на 274 тыс. чел. (соответственно: 9387 и 9661 тыс. чел.). Получается, что в целом работников сократилось и одновременно увеличилось больше чем в 2 раза.

Однако это были количественные показатели, но если обратить внимание на качественные данные (группы занятости), то ситуация заставляет задуматься. Так, в 2019 г. основная доля неквалифицированных работников – это были работники по сбору мусора и другие неквалифицированные работники (2365 тыс. чел.), занятые в горнодобывающей промышленности, строительстве, обрабатывающей промышленности и на транспорте (1498 тыс.), а также уборщики и прислуга (1212 тыс. чел.).

Чем же занимались работники, которых сократили? Какова их структура видов деятельности? Это - служащие общего профиля, обслуживающие офисную технику и население, а также сферы обработки числовой информации и учета материальных ценностей. То есть уменьшилась доля людей физического рутинного труда в общей структуре групп занятости. Таким образом, в целом вытесняется низкоквалифицированная рабочая сила.

Что касается ликвидации рабочих мест (по средней численности работников) в организациях России, то она была незначительной. Удельный вес числа ликвидированных рабочих мест в числе замещенных рабочих мест сохранял свое значение: 2018 г. – 5,8%,

2019 г. – 5,8%. Если сравнивать 2020 г. с 2017 г., то он даже сократился (с 6,7% до 6,2%). Создание рабочих мест (по средней численности работников) в организациях по видам экономической деятельности было на уровне чуть больше 6,0% (2018 г. - 6,7%, 2019 и 2020 гг. – 6,0%) [4]. Поэтому, пока, ставя глобальные цели в технологическом развитии страны, предприятия слабо продвигаются в их достижении. Нет и предпосылок об утрате в ближайшем будущем массовой занятости в сфере труда.

1. *Результаты социологического исследования фонда «Общественное мнение». В опросе приняли участие 1,5 тыс. человек из 104 населенных пунктов России. Третью россиян продолжают работать, если у них будет достаточно денег. // Известия IZ. 13 августа 2017. URL: <https://iz.ru/632107/2017-08-13/tret-rossiiian-prodolzhatai-rabotat-esli-u-nikh-budet-dostatochno-deneg>*
2. *Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>*
3. *Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2020: Стат.сб./Росстат. М., 2020. С.71.*
4. *Труд и занятость в России. 2021: Стат.сб./Росстат. М., 2021. С.100.*

ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНЫЙ КОНЦЕПТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Челенкова Инесса Юрьевна

(Законодательное собрание Ленинградской области)

Российское общество, находясь на сложном историческом этапе развития, отстаивает суверенитет в противостоянии коллективному Западу и не допускает пораженческого сценария для своей государственности. В последнее десятилетие система государственного управления активно осуществляет комплексные меры в реализации национальных проектов по преодолению деструктивных социально-экономических явлений в обществе, стратегических программ развития промышленного, научно-технического, регионального развития, по реформированию административных структур управления. Однако, отсутствие внятной государственной позиции де-юре в области идеологии, актуализировало вопросы состояния качества воспитания, образования, проявление сплоченности, единства в обществе в условиях проведения специальной военной операции.

В социологии «идеология» в основном характеризуется как феномен, в котором в обобщенной форме воплощены основные общественные ценности. «Ценности» определяются как сложившиеся представления о наиболее важном, значимом, которые служат ориентиром и мотивируют поведение субъектов к достижению поставленных целей. В социально – гуманитарном дискурсе ценности представлены в качестве идеалов социальной справедливости, свободы, определяющих вектор общественного развития, или конкретных принципов поведения в виде ответственности, честности, трудолюбия, миролюбия и др. В них запечатлены культурно-цивилизационная специфика страны, особенности национального характера.

Система государственного управления внедряет идейно-ценностный продукт через дискурсивные практики в сознание и социальные действия масс с помощью инструментов и механизмов информационной, образовательной, национальной, культурной политики. В данном случае, он может служить источником развития, преодолевая противоречия между «системой» и «жизненным миром» (Ю. Хабермас), или способствовать деградации общества. Для российского общества идеология в системе государственного управления является ожидаемым идейно-ценностным продуктом, раскрывающим и объясняющим процесс становления многополярного мира, места в нем российского государства, возможных перспектив его будущего развития.

Государственная идеологическая платформа для современной России формируется де-факто на основе трансляции обществу идейно-ценностных концептов, получающих отражение в исследованиях научного сообщества и в управленческих продуктах, одним из важнейших которых, является Послание Президента РФ Федеральному Собранию (далее – Послание).

Контент - анализ Посланий (2015-2021 годы) выявил основные идейно-ценностные концепты российского общества, включающих более сотни их смысловых характеристик. Таблица 1.

Таблица 1. Идейно-ценностный концепт государственного управления (на основе контент-анализа Посланий)

	концепт	смысловые характеристики	кол-во
1	<i>Россия - ценность,</i>	сильная, самостоятельная, преемственность, тысячелетняя история, великие традиции, государственность, сплав традиций, ценностей	12
2	<i>часть мира</i>	стремительно, меняется, мощный, потенциал	7
3	<i>единый, один народ, нация</i>	консолидированная, многонациональный народ, общие ценности, народ носитель суверенитета, источник власти, свободное развитие всех народов, многообразие, гармония культур, языков, традиций наших, взаимное уважение, диалог религий, общенациональный цивилизационный код, культура, идентичность народа	35
4	<i>сбережение людей,</i>	умножение человеческого капитала, главное богатство, сила, семья, рождение детей, продолжение рода, уважение старшим поколениям, нравственный каркас, укрепление семейных ценностей, вопрос будущего	24
5	<i>нравственные ценности</i>	семья, дружба, взаимовыручка, помощь, милосердие, сплоченность, единство, отстаивать, защищать	12
6	<i>Единство, сплоченность,</i>	основа развития, побеждал, преодолевал испытания, масштабные, непростые преобразования, сохранили единство страны, утвердились как демократическое общество, свободном, самостоятельном пути, сплоченность, дальнейшее развития, объединились	30
7	<i>патриотические</i>	готовность работать, ради России, сердечная, искренняя забота о ней	4

* составлено автором

КОНВЕНЦИЯ ООН ПРОТИВ КОРРУПЦИИ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Чуклинов Андрей Евгеньевич

(Московский педагогический государственный университет)

Конвенция ООН «Против коррупции» принята 31 октября 2003 г. и ратифицирована Российской Федерацией 8 марта 2006 г. [2] Её принятие и последующая ратификация были обусловлены, преимущественно, тем, что к началу XXI века коррупция пополнила перечень глобальных проблем современности, создавая обеспокоенность «серьезностью порождаемых коррупцией проблем и угроз для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку» [1].

Коррупция - явление интернациональное, поражающее все без исключения системы, вне зависимости от уровня их развития или степени демократичности. Безусловно, устойчивые демократические ценности являются более надежной прививкой от коррупционной «лихорадки», но считать их панацеей было бы величайшим заблуждением. В настоящее время общепризнанным фактом является то, что мировая коррупционная эпидемия набирает обороты и превращается в бедствие планетарного масштаба [3].

Преамбула к Конвенции ООН содержит утверждение, что для эффективного предупреждения коррупции и борьбы с ней жизненно необходим всеобъемлющий и междисциплинарный подход. То есть государства-участники Конвенции в обязательном порядке должны отказаться от узкоспециального видения коррупции, сжимающего рамки её понимания до «корыстных деяний должностных лиц» и мешающего таким образом формированию полноценных механизмов противостояния «мировому злу». Конвенция позволяет отойти от многовекового российского стереотипа, что коррупционер - это исключительно нечистый на руку чиновник, а всё остальное общество - это его реальные или потенциальные жертвы.

Благодаря положениям Конвенции факты коррупции становятся «достоянием» не только органов государственной власти и управления, судов и полиции, но и затрагивают сферу бизнеса, взаимодействия общества с государством, а также интерсоциальных коммуникаций. Таким образом, ни один человек, ни одна организация не будут иметь возможности считать свои корыстные действия чистыми только потому, что они не имеют отношения к политической власти в целом и государственному аппарату в частности. Коррупция возможна везде, а, стало быть, представляет угрозу национальной безопасности - такую точку зрения излагает Конвенция ООН.

Поэтому наряду с традиционными проявлениями коррупции, к которым относится вымогательство должностным лицом взятки, подкуп должностного лица, хищение или нецелевое использование должностным лицом государственного имущества, злоупотребление служебным положением и т.п. Конвенция ООН называет целый ряд нестереотипных для российского менталитета коррупционных деяний:

- злоупотребление влиянием в корыстных целях;
- незаконное обогащение;
- подкуп в частном секторе;
- хищение имущества в частном секторе;
- отмывание доходов от преступлений;
- сокрытие или непрерывное удержание имущества, полученного заведомо преступным путем;
- воспрепятствование осуществлению правосудия;
- соучастие в коррупционных деяниях и покушение на них и т.д..

Налицо тот факт, что целый ряд проступков и преступлений, ранее относившихся к сугубо экономическим или моральным, теперь приобретают статус коррупционных, наносящих как имущественный, так и репутационный ущерб российской государственности.

Во исполнение положений Конвенции ООН «Против коррупции» в Российской Федерации был реализован целый мер. В частности, к настоящему моменту можно считать не только сформированной, но и устоявшейся нормативную базу антикоррупционной политики в РФ, которая включает в себя:

- ФЗ от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;
- ФЗ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»;
- ФЗ от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»;
- ФЗ от 7 мая 2013 года № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» и др.

Достаточно активным в данном направлении является и нормотворчество президента РФ. В частности, хотелось бы отметить Указ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы». Настоящий план предусматривает целый комплекс мероприятий по анализу эффективности

антикоррупционной политики в РФ за последнее десятилетие и определяет основные направления деятельности государственных структур и институтов гражданского общества как по линии борьбы с коррупционными преступлениями, так и в направлении предупреждения противоправных действий в наиболее коррупциогенных сферах российской социально-политической действительности.

Стратегической задачей, которую формулирует Конвенция ООН, является «формирование культуры, отвергающей коррупцию». Для российского общества, которому свойственно попустительское отношение к фактам не только политической, но и бытовой коррупции, реализация поставленной Конвенцией ООН задачи является чрезвычайно важной.

Внешне декларативные ценности, отстаиваемые статьями Конвенции - принцип надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом; принцип справедливости, ответственности и равенства перед законом; принцип честности и неподкупности - ни в коем случае не должны рассматриваться в качестве красивых и бесполезных слов. Только общественное признание этих и целого других, по сути своей, философских ценностей сможет помочь сформироваться особому социально-политическому климату, категорически отвергающему допустимость коррупции в ее любой форме.

Ценностью Конвенции ООН следует признать отсутствие склонности акцентировать внимание исключительно на борьбе с коррупцией. Фундаментальный характер этого документа выражается как раз в том, что борьба с коррупцией и ее предупреждение рассматриваются как две стороны одной медали.

Таким образом, ответственность за степень пораженности страны коррупционной эпидемией ложится как на компетентные государственные структуры, так и на институты гражданского общества. Последним отводится очень важная роль и в деле налаживания прозрачных каналов социально-политического взаимодействия, и в деле воспитания нетерпимой по отношению к коррупции политико-правовой культуры.

Система национальных антикоррупционных приоритетов, согласно духу Конвенции ООН, должна вписываться в систему приоритетов международных. Поэтому большая роль в процессе противостояния коррупции отводится межгосударственному сотрудничеству. Причем речь идет как о сотрудничестве в области борьбы с проявлениями коррупции, так и в сфере реализации мер превентивного характера.

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года
2. ФЗ №40 О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 8 марта 2006 г.
3. Нисневич Ю.А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. - Москва: Издательство «Юрайт», 2019 г. – 240 с.
4. Юрьев В.М., Юхачев С.П. Коррупция как угроза национальной безопасности Российской Федерации //Социально-экономические явления и процессы, - 2008, № 4 (012)

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА ДЛЯ ОПИСАНИЯ ДИНАМИКИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Залялютдинова Кристина Рустамовна
(ВМиК МГУ им. Ломоносова М.В.)

Шведовский Вячеслав Анатольевич
(ВМиК МГУ им. Ломоносова М.В.)

Работа частично поддержана грантом РФФИ 20- 01- 00229

Протестные движения стали актуальны в конце XX и начале XXI века, когда была развязана информационно-психологическая война между Западом и Востоком, особенно реализовавшаяся в цветных революциях. Характерная черта этих движений состоит в том, что в них всегда можно выделить третью сторону конфликта между протестующими и проправительственными силами, которая подпитывает протест финансово и организационно и имеет цель смену существующего порядка на политически более комфортный для них. Сейчас такой целью стал действующий президент РФ, а поэтому особенно актуальным становится прогнозирование динамики такого конфликта.

Весь моделируемый социум рассматривается состоящим из 3-х групп: X, Y- элит и их функционеров, придерживающихся альтернативных позиций, т.е. проправительственных сил, возглавляемых элитой А, и контрэлитой Б вместе со сторонниками и Z – группы рядовых акторов протеста против существующего порядка, активных носителей недовольства. При этом $X + Y + Z \leq N$, где N – всё взрослое, занятое население. В работах [1-3] дан обоснованный вывод системы уравнений модели. Сущностно, в 0-м приближении, т.е. исключая исторический контекст, моделируемый современный протестный процесс отличается от стачечного протеста царской России, и в этом смысл модели Андреева-Бородкина, лишь источниками финансирования: тогда – это была «касса взаимопомощи», а сегодня – это НКО и НПО. Характер течения протестного движения записан в виде системы ОДУ из трёх уравнений:

$$\begin{cases} \frac{dX}{dt} = -pX + rXY \\ \frac{dY}{dt} = qY - kXY + aY^2 - nYZ \\ \frac{dZ}{dt} = -c_0Z + mYZ + b \end{cases} \quad (1)$$

Первое уравнение определяет скорость изменения активности властей: 1) в отсутствие функционеров (при $r = 0$) она убывает; 2) наличие деятельности контрэлиты увеличивает эту активность со скоростью, пропорциональной числу функционеров-организаторов (слагаемое rXY). Второе уравнение описывает скорость изменения числа функционеров-организаторов: 1) Слагаемые aY^2 и qY — скорости их собственного роста. 2) kXY — скорость их убыли за счет активности властей. 3) nYZ — скорость убыли функционеров, обусловленная контактами с протестующими. Третье уравнение описывает скорость изменения числа протестующих: 1) $c_0 Z$ — скорость их естественной убыли. 2) mYZ — скорость их роста за счет деятельности функционеров. 3) b — постоянная скорость их роста

Для модели Андреева-Бородкина показано существование режима хаотического поведения – «управляемого хаоса». С помощью уравнения Фоккера-Планка-Колмогорова для бассейна хаотического поведения найдено вероятностное описание. Вероятность перехода $\pi(\lambda, t|\lambda_0, t_0)$, $t > t_0$, непрерывного марковского процесса удовлетворяет следующему уравнению в частных производных, где размерность λ равна размерности X, Y, Z:

$$\frac{\partial}{\partial t} \pi(\lambda, t|\lambda_0, t_0) = -\frac{\partial}{\partial \lambda} [a(\lambda, t)\pi(\lambda, t|\lambda_0, t_0)] + \frac{1}{2} \frac{\partial^2}{\partial \lambda^2} [b(\lambda, t)\pi(\lambda, t|\lambda_0, t_0)] \quad (2),$$

а – скорость роста числа функционеров с учетом деятельности властей, b – скорость роста протестующих.

Опираясь на вероятностное описание, в качественном виде решена задача прикладной статистики об оценке угрозы негативного исхода президентской избирательной кампании.

1. Л.И.Бородкин *Моделирование в системе «народ-правительство»: модификация модели Вайдлиха // Математическое моделирование исторических процессов. М., 1996, С. 122-142.*
2. А.Ю.Андреев, Л.И.Бородкин *Нелинейная модель стачечного движения: анализ эффектов самоорганизации // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. М., 2003*
3. Шведовский В.А. *Проект генератора сценариев эволюции протестных движений // Математическое моделирование социальных процессов. Выпуск 17: Сборник статей / Под ред. А.П. Михайлова. – М. -2015, С. 245 -273.*

ЦИФРОВЫЕ АЛГОРИТМЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Эсселевич Эрнест Алексеевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Автор благодарит научного руководителя доцента С.В. Рассказова за идею направления работы.

Технологический прогресс в современном обществе ведет к сжатию, уплотнению социального пространства [2, 127]. Социальное действие, как часть социального пространства, претерпевает некоторые изменения под влиянием цифровых технологий. В нашей работе это утверждение иллюстрируется на примере on-line коммуникации и рекомендательных алгоритмов социальных платформ.

В своих трудах М. Вебер называл социальным действием поведение индивида, которое носит определенный субъективный смысл и соотносится с действиями других индивидов [1, 690]. Смысл может состоять из рациональных целей, базироваться на ценностях индивида или определенных традициях. Социальное действие в некоторых случаях может носить аффективный тип, то есть быть построенным на эмоциях и чувствах действующего. Важную роль также играет ориентация на других. Она проявляется в том, что актер учитывает возможные реакции на свои поступки со стороны окружающих. Развивая данную теорию, Т. Парсонс говорил о том, что совокупность социальных действий образует социальную систему, которая построена из взаимоотношений индивидов [3, 178].

В современных условиях «новой реальности» как отдельное социальное действие, так и социальная система в целом подвергаются влиянию факторов, возникших в результате цифровизации. Так, к примеру американский ученый J. Suler говорит об «эффекте растормаживания» [10]. В ходе личной коммуникации на индивида оказывают воздействие естественные «тормоза» — это мимика собеседника, его речь и т. п. Опираясь на них, люди следят за тем, как они себя ведут, подавляя потенциально неприемлемое поведение. При коммуникации в режиме on-line в выражении себя актер ничем не ограничен и поэтому может проявлять себя как хочет. В этом случае технологии вмешиваются в процесс ориентации на других, который был описан выше.

Другим фактором, воздействующим на социальное действие, становятся алгоритмы. Многие цифровые социальные платформы широко применяют рекомендательные алгоритмы, которые анализируют связи и взаимодействия между пользователями. В социологии одним из первых исследованием подобных связей занимался J.L. Могено, изучая взаимное влияние среди учеников в школах США [8]. Он пришёл к выводу, что действия людей во многом зависят от их окружения и того, как часто подобные поступки совершаются внутри круга их взаимодействий. Алгоритмы социальных платформ обрабатывают схожего рода информацию. Они оценивают реакции пользователей на определенный контент и, исходя из этой оценки, рекомендуют его другим людям со схожими интересами. Кроме контента, алгоритмы могут рекомендовать и самих пользователей друг другу, исходя из общих друзей или мест учебы, работы [5].

Но для чего это нужно? Дело в том, что одной из основных статей дохода социальных сетей является реклама. Чем дольше пользователь будет находиться на сайте или в приложении, тем больше рекламы он увидит [4]. Как уже было сказано, социальное действие несёт в себе некий смысл, который может заключаться в достижении определенной цели. Дж. Хоманс считал, что целью любого социального действия является «награда», то есть какая-либо выгода, которую в результате своего акта получает индивид, и она не обязательно является чем-то материальным [6, 83]. Главная «награда», которую предлагают своим пользователям социальные сети, – это внимание и признание со стороны других. Людям приятно, когда они видят, что их публикации собирают просмотры и «лайки»; это означает что они кому-то нравятся и кому-то интересны. Алгоритмы, в свою очередь, обеспечивают рост вовлеченности. Совершая больше социальных действий, пользователь увеличивает свои шансы быть рекомендованным другим. В результате он получит награды, при этом проведя как можно больше времени на платформе.

Стоит отметить, что так как коммуникация в цифровом пространстве почти что непрерывна, удовлетворение подобными наградами носит скоротечный характер, что ещё сильнее мотивирует частые взаимодействия. Это создаёт «дофаминовую петлю» («dopamine loop»), внутри которой индивиды находятся в постоянном поиске получения наград, так как в социальных сетях отсутствует сигнал о завершенности действия, об определенном конечном результате [11].

Мотивы социального действия также могут зависеть от ценностей актора. На них алгоритмы также могут оказывать влияние. Пользуясь социальной сетью, индивид неизбежно предоставляет информацию о себе: о том, что ему нравится, что ему интересно, чему он верит. Взамен, он получает контент, который соответствует данным параметрам. Пользователь погружается в «пузырь фильтров» («filter bubble») – индивидуальную социальную реальность, сконструированную специально для него [9].

Виртуальное пространство, состоящее из некоторого количества индивидов, находящихся в схожих по наполнению «пузырях», можно назвать «комнатой с эхо» («echo chamber») [7]. Внутри такой комнаты любая позиция, которая так или иначе соответствует дискурсу, никогда не встретит критики и не будет оспорена. С одной стороны, это способствует укреплению социальных связей и, если это, к примеру, научное сообщество, углубленной разработке какого-либо вопроса. Но, с другой стороны, сообщество замыкается на своей позиции и ценностях. Это ведёт к тому, что члены этого сообщества воспринимают их за неимением критики как единственно верные. В исследовании М. Сinelli и его коллег это явление было разобрано на примере «комнат» сторонников и противников вакцин, а также обладателей крайних правых и левых взглядов [7]. Находясь в сети, такие пользователи получают только ту информацию, которая им интересна, то есть информацию, которая соответствует их представлениям о реальности.

Таким образом, можно заметить, что рекомендательные алгоритмы оказывают сильное влияние на социальное действие, затрагивая такие его основные составляющие, как целеполагание и ориентацию на других. Новизна нашей работы состоит в том, что в ней дана социологическая интерпретация этого воздействия.

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Ласточкин А.В. Социальная форма материи. Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1990. – 177 с.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2018. – 435 с.
4. Почему соцсети так увлекают и как это сказывается на здоровье. // Медиа Нетологии. URL: <https://netology.ru/blog/03-2021-vliyanie-social-media>.
5. Рассказов С.В. 1.6. Алгоритмы и технополитика. В кн.: Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2022. С. 81-96.

6. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 82-91.
7. Cinelli M., Morales G. De F., Galeazzi A. The echo chamber effect in social media. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2023301118>.
8. Frederico P. Visual Analytics of Dynamic Networks. URL: https://www.researchgate.net/publication/317350804_Visual_Analytics_of_Dynamic_Networks.
9. Stegman D., Magin M. Filter Bubble. URL: https://www.researchgate.net/publication/354696108_Filter_Bubble_-_Stegmann_Magin_Stark.
10. Suler J. The Psychology of Cyberspace. URL: <https://truecenterpublishing.com/psyber/psyber.html>.
11. Weinschenk S. The Dopamine Seeking-Reward Loop // Psychology Today, 2018. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/brain-wise/201802/the-dopamine-seeking-reward-loop>.

НОВЫЕ ВИДЫ УПРАВЛЕНИЯ В ПОСТ-ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Яковлев Даниил Фейрузович

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Андреева Ксения Эдуардовна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Говоря о разновидностях управления, обычно разделяют его на управление связанное непосредственно с человеком, и управление связанное с механическими и технологическими системами, однако видов управления можно выделить больше. Изучив различные источники и ознакомившись с представленными там классификациями управления, можно на основе полученных данных помимо социального, биологического и механического управления выделить еще две группы.

Технологическое управление — это управление развитием современных технологий, контроль за соблюдением правил при их создании и изучении.

Есть определенный этический и моральный кодекс при исследовании и создании чего-то нового в плане техники:

во-первых, нельзя проводить опыты над людьми. Существуют различного рода экспериментальные технологии, которые требуют изучения на человеке, однако с этической и правовой точки зрения следует получить разрешение от испытуемого для этого.

Во-вторых, нельзя проводить опыты на животных, здесь все аналогично предыдущему случаю, тем более с каждым годом все больше компаний отказываются от такого из-за давления общественности. Зоозащитники и обычные граждане проводят колоссальную работу для снижения опытов, проводимых на животных [1].

В-третьих, новые технологии должны приносить пользу. Так, например автоматизация системы здравоохранения не просто смогла облегчить работу для персонала, но и позволило сделать медицину более доступной. Появились технологии телемедицины, которые активно использовались во время всплеск Covid-19. Государство в данном случае является субъектом управления, создавая новые технологии и внедряя их в обыденную жизнь, всего за несколько лет, они смогли создать единое медицинское информационное пространство, перенести многие процессы очные в онлайн: им удалось предоставить доступ к медицинским картам в режиме онлайн, они дали возможность записываться к врачам из дома, отменять или переносить эти записи [2].

Биотехнологическое управление — новый вид управления, который только начал формироваться как теоретическая возможность с учетом колоссальных темпов развития современных технологий. На данный момент не существует технологии искусственного

интеллекта, которое можно было бы соотнести с человеческой жизнью или жизнью в целом. Однако многие задумываются, а может ли искусственное считаться живым, собственно, поэтому стало появляться такое понятие как биотехнологическое управление. На данном этапе развития технологий еще рано говорить о том, станет ли это полноценным видом управления или частью социального, но отрицать скорое появление нового вида жизнедеятельности мы не можем, поэтому выносим его как отдельный подвид.

- 1. Ловчикова С. А. Биоэтические проблемы экспериментирования на животных в исследовательской деятельности // Научный журнал молодых ученых. 2020. №3 (20). С. 14–16.*
- 2. Шералиев Илѣс Ибрагим Оглы Информационные технологии и их применение в современной медицине // Academy. 2020. №3*

СЕКЦИЯ 5: ЦИФРОВИЗАЦИЯ. СТАНОВИТСЯ ЛИ ОБЩЕСТВО СЧАСТЛИВЕЕ?

ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВОЙ ПАРТИСИПАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Абрамова Софья Борисовна
(Уральский федеральный университет)

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>.

Интерес научных теоретических и практико-ориентированных исследований последнего времени во многом связан с влиянием процесса цифровизации на различные сферы общественной жизни. В том числе поднимается вопрос о взаимном влиянии развития социальных сетей, гражданского общества, цифрового правительства, цифровой экономики и т. д.

С одной стороны, утверждается, что цифровизация объективным образом приводит к развитию гражданских инициатив и гражданского общества [1]. Цифровая партиципация связана с формированием нового типа гражданственности – цифрового гражданина, который не только участвует в социально-политических процессах при помощи цифровых технологий [2], но и демонстрирует культуру соучастия, рассматривая себя как активного субъекта изменения окружающей среды. С другой стороны, большое число публикаций связывают цифровое участие с протестными настроениями молодежи [4], в то время как важнейшей функцией гражданского общества выступает не только с противодействием вмешательству государства в различные сферы и процессы объединения граждан, но и с содействием конструктивной критики и диалогу населения и власти [5].

Для изучения представления молодежи о возможности реализации функций гражданского общества через онлайн-формы гражданского участия в августе-сентябре 2022 года был проведен опрос представителей молодого поколения в возрасте 14-25 лет. Респондентами выступили 1150 юношей и девушек, проживающих в городах Свердловской области (43% и 57% опрошенных соответственно).

Размышляя о том, какие функции гражданского общества могут быть реализованы наиболее эффективно именно с использованием новых информационно-коммуникативных технологий, 21% участников не смогли сформулировать свою позицию. Это указывает на достаточно высокую долю молодежи, для которых проблема гражданского общества представляет зону низкой информированности, сложности в понимании или отсутствия интереса. Доля затруднившихся ответить наиболее высока в подгруппе старшеклассников (25%) и снижается в категории 23-25-летних до 8%. Также эту позицию сложнее выразить жителям малых городов (30% не давших ответ в сравнении с 17% в мегаполисе и 18% в больших городах).

В целом все предложенные 14 функций получили от 19% до 48% выборов. Это указывает на отсутствие явных приоритетов и ограничений в представлениях молодежи, они связывают цифровое участие с широкой потенциальной возможностью любых гражданских инициатив и взаимодействий с властью. К числу тех задач гражданского общества, которые могут эффективно реализовываться в цифровой партиципации, в первую очередь были отнесены возможности предлагать темы для публичного обсуждения и задачи для власти (48%), привлечения граждан к решению различных социальных задач (41%), организация диалога жителей и власти (40%), информирование

жителей о состоянии дел в городе и путях их решения (38%). Лидерские позиции рейтинга связаны с возможностью граждан проявления инициативы на этапе обсуждения социально значимых проблем, совместного поиска решений и их реализации, что указывает на выраженные партисипаторные черты гражданственности молодежи.

В средних позициях (25-30% выборов) респонденты разместили задачи, связанные общественным контролем за решениями и действиями властей, повышение независимости общества от власти, координации действий различных субъектов городской жизни, что указывает на меньшую значимость и интерес для молодежи контрольно-организационных функций в цифровом участии.

В нижних позициях данного рейтинга с числом выборов 19-20% оказались такие задачи, как содействие в реализации гражданских прав и свобод, в инновационном творчестве жителей и в развитии граждан (личностном, гражданском, нравственном). Важно отметить, что обе позиции, связанные именно с субъективно-личностным компонентом, поддержаны молодежью в наименьшей степени. Это может говорить о высокой степени их закрытости, опасениями о вмешательстве и даже манипулировании их мнением и ценностными установками со стороны властей.

Таким образом, можно отметить широкий спектр возможностей развития гражданского общества в представлениях молодежи с четким содержательным разделением приоритетности задач, связанных с партисипаторной культурой, с позитивными трендами в формировании понимания молодежью важности сопричастности и соучастия в социально-политической жизни города и страны [3].

1. Деева Н. В. Тенденции развития российского гражданского общества в эпоху цифровизации // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020. № 1(15). С. 82–91.
2. Фалалеев М. А., Ситдикова Н. А., Нечай Е. Е. Цифровой гражданин: феномен и основные подходы к определению // *Общество: политика, экономика, право*. 2021. № 1. URL: <https://archive.dom-hors.ru/nauchniy-zhurnal-obschestvo-politika-ekonomika-pravo/2021/1> (дата обращения: 08.10.2022)
3. Фахретдинова А.П., Ларионова А.В., Горчакова О.Ю. Гражданско-политическая активность молодежи: общая характеристика и особенности проявления в Интернет среде // *Социодинамика*. 2022. № 2. С. 1–12. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.2.37559
4. Храмов Е. А. Трансформация протестной активности молодежи в условиях цифровизации // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. 2022. Вып. 1. С. 141–146. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-141-146
5. Черныш М. А. Сильное государство и сильное гражданское общество: конфронтация или сотрудничество // *Философия права*. 2022. № 2(101). С. 144–152.

ЦИФРОВАЯ И ДОЦИФРОВАЯ СРЕДА: СЛОЖНОСТИ ПЕРЕХОДА

Бабак Диана Игоревна

(Череповецкий государственный университет)

Цифровизация всех сфер, имеющих непосредственное отношение к обеспечению жизнедеятельности общества, в частности экономики, энергетики, бизнеса, образования и других социальных сфер, должна приводить к тому, что качество жизни населения, и как следствие уровень счастья, будут стремиться к своему максимальному значению.

В действительности, цифровая трансформация позитивно влияет на ход общественного развития и на данный момент позволяет использовать технологии для деятельности, которая в прошлом была невозможна, для лучшего и более быстрого выполнения множества операций. Под влиянием цифровых технологий создаются новые рабочие места в ряде отраслей экономики. Интернет может положительно влиять на оказание государственных услуг, повышая эффективность государственного сектора. Более совершенные механизмы предоставления информации и взаимодействия с гражданами помогут обеспечить активное участие граждан в политической и

общественной жизни. Количество источников информации растет и, благодаря интернету, еще будет увеличиваться, что снизит риск пристрастного освещения событий в СМИ и затруднит цензуру.

Но все это только видимая сторона такого сложного, но в то же время очень интересного явления. Сложность заключается, прежде всего, в том, что пока неизвестно, насколько положительным окажется влияние цифровизации и сопутствующих процессов на психологическое благополучие людей. Чтобы определить это влияние, следует сначала выделить элементы, из которых складывается данное явление. Речь может идти об «информатизации», «информационном пространстве» «информационной среде», «цифровой среде», «доцифровой среде». Но ключевым фактором процесса цифровизации является переходное состояние двух сред: цифровой и доцифровой.

Цифровая среда – часть информационной среды, обеспечивающая возможность удовлетворения потребности человека в разного рода информационных взаимодействиях с окружающей средой и с представляющими ее людьми (субъектами) посредством цифровых ресурсов (программ, платформ и т.д.). Доцифровая среда – окружающая действительность, в которой отсутствуют информационные (цифровые) факторы влияния на субъект, а межличностное взаимодействие не опосредовано информационными (цифровыми) средствами.[1]

Информационное общество, чертой которого является неограниченный доступ людей к неограниченным объемам информации, делится на информационные среды или пространства. Цифровую среду следует и нужно искать именно в глубинах информационного пространства. Информационное пространство, в свою очередь, – это сфера в современной общественной жизни, где важную роль играют информационные коммуникации. Оно включает в себя интегральное электронное информативное пространство, а также является пространством, в котором циркулируют информационные потоки. [2]

Информационная среда, в которую входит и цифровая, не может быть однородна. Ее конкретные элементы могут являться частью субъекта, его жизнедеятельности и составлять основу его существования. В настоящее время происходит постепенный переход от одного типа среды к другому, и будет правильно говорить не о замене существующего порядка, а о формировании новой области – области слияния двух сред – доцифровой и цифровой. Можно говорить об их наслоении или объединении. В таком случае понять, какая из них оказывает большее влияние на человека становится достаточно трудно, если учитывать еще и то, что они находятся в рамках информационной среды, которая также может оказывать определенное воздействие.

Под влиянием нескольких средовых эффектов имеет место трансформация когнитивной системы: происходит изменение представлений личности о себе, своей жизни, окружении, собственном благополучии и соотносении этих представлений.[3] Но несмотря на то, что область обладает свойствами обеих сред, преимущество отдается цифровой среде, в силу ее большей приспособленности к новым условиям. Она, находясь в постоянном развитии, обогащается новой информацией, и становится областью неопределенности и рисков. Под неопределенностью обычно понимается неполнота или неточность информации, предполагающая многовариантность решения.

Различают два вида неопределенности, которые по-разному соотносятся с уровнем счастья и удовлетворенностью качеством жизни: субъективная неопределенность и объективная неопределенность. Возможно, что субъективная неопределенность более значима, чем объективная, поскольку первая может оказывать большее влияние на удовлетворенность качеством жизни людей. Однако связь между объективной неопределенностью и счастьем может быть более сильной, учитывая менее индивидуализированную меру неопределенности и ее более широкие практические последствия.

Как было сказано ранее, сложность перехода от одной среды к другой и самого процесса цифровизации заключается в том, будет ли проще человеку существовать в новом цифровом пространстве – сможет ли он найти в нем себя, обрести счастье. В обычном толковом словаре «счастье» – это состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворённости условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения.

Однако счастье – это многоуровневое комплексное психическое образование, которое, кроме внутренних процессов обусловлено и внешними социально-экономическими, культурными, историческими и т.п. условиями, а с третьей стороны, определяется личностным содержанием. [4] При существенном воздействии цифровой среды на все сферы общества, и при возникновении неопределённости, влияющей на личностные установки и стратегии, уровень счастья может значительно снизиться.

Можно сказать цифровизация, кроме названных ранее положительных последствий, несет в себе опасные явные и неявные тенденции. Неопределённость, возникновение проблемы потери личной конфиденциальности, тотального отслеживания работодателями поведения своих сотрудников, поглощения значительной части рабочих мест, проблемы, связанные с характером рабочих мест, создаваемых в экономике, когда большинство сотрудников работают неполный рабочий день, без контракта, пособий по здоровью, часто с минимальной оплатой труда. Цифровизация, не учитывающая подобные проблемы, вряд ли ведет к повышению качества жизни и уровня счастья. Поэтому с точки зрения повышения качества жизни правомерно говорить о контролируемой и грамотной цифровизации, учитывающей отрицательные последствия как явные, так и те, которые могут быть на первый взгляд незаметны. Она должна способствовать балансу в сложных сетях «человек-цифра» и стабилизации личностных установок человека, его мировосприятия.

1. Панов В.И., Патраков Э.В. *Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия: монография/ Панов В.И., Патраков Э.В. – М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Курск: «Университетская книга», 2020. – 199 с.*

2. Лактионова Е.Б., Матюшина М.Г.(2018) *Теоретический анализ подходов к исследованию проблемы позитивного функционирования личности: счастье, психологическое благополучие, субъективное благополучие // Известия Иркутского государственного университета, серия «Психология» 2018. Т. 26. С. 77–88 (онлайн-доступ к журналу: <http://izvestiapsy.isu.ru/ru/index.html>)*

3. Ахмиров А.И. *Поиск смысла жизни в современном информационном пространстве//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 22-24.*

4. Баймуханова Б.К. *Понятие «счастье» и его психологические особенности // вестник науки и образования № 17(53). часть 1. 2018, психологические науки*

СОЦИОДИНАМИКА ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ТРАДИЦИОННОМ, ИНДУСТРИАЛЬНОМ И ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ГРАНИ СТИРАЮТСЯ

Бакулин Александр Викторович
(Севастопольский Государственный Университет)

Дерюгин Павел Петрович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Сегодня исследователи, которые изучают проблему гендера, утверждают, что только с помощью социокультурных, исторически обусловленных явлений можно изучить гендерный стереотип. Многие годы считалось, что человеческий пол неотделим

от биологического пола. Исследователи утверждали, что биологический пол – это основная причина психологических и социальных различий человека. Только 1970-х научное сообщество осознало историчность и относительность понятия гендера. В конце XX в. формируется понимание социального пола: набор женских и мужских ролей, которое сформировало общество. Гендер уже начал определяется через следующие параметры: общественные нормы, биологический пол, гендерный стереотип и гендерная идентичность. Именно данное переосмысление помогло увидеть переход от гендерных стереотипов доиндустриального к индустриальному обществу.

Так в традиционном обществе мужчина и женщина противопоставлялись друг другу: гендерные роли строго разделены, и ярко проявлялось гендерное неравенство. Гендерные стереотипы закрепляли определённые функции за полом. За женщиной закреплялась биологическая функция, а именно деторождение. У мужчин была защитная функция. Все функции со временем превратились в культурные нормы, которые формировали четкую структуру общества: женщина и мужчина имеют свои статусные позиции, которые сменить нельзя, так как гендерный стереотип приписывал определённый тип поведения. То есть в этом обществе выстраиваются традиционные гендерные бинарные стереотипы – мужские и женские. Первые ассоциируются с рациональностью, активностью, мужественностью, властью, духовностью и т.д.), а вторые (телесностью, пассивностью, бессознательностью и пр.) [1]. В традиционном обществе формируется некий «общественный закон», основная идея которого заключается в том, что мужчина распоряжается судьбой женщины. Она, в свою очередь, обязана следить за домом и членами семьи, а также домашнем хозяйстве, при этом не ожидая какого-то вознаграждения.

В эпоху индустриального общества, с приходом индустриальной революции, капитализма и развитием моногородов происходит трансформация общества. В нем формируются новые классы, нормы, правила, ценности, которые кардинально меняют общественный уклад жизни. Так, в индустриальную эпоху с плеч женщин постепенно сбрасывается груз домашней рутины, возложенный культурой. Она получает больше свобод в самореализации, появляется возможность выбора профессиональной деятельности, но экономическая составляющая заставляет быть зависимой от мужчины. Гендерные стереотипы в индустриальной эпохе описываются в большинстве случаев именно на экономических базисах. В данном обществе происходит усиление экономической роли женщины в городской семье, но естественно не без конфликтов. В XX в. мужчина начинает советоваться женщиной, но внешне все остаётся по-старому: муж – глава семьи, а жена верная слуга. [2].

Сегодня мы стоим на этапе формирования нового информационного общества, которое обозначено как стратегически важный вектор развития России. Так как Россия вступила в борьбу с глобализмом как с неким единым планетарным явлением. Борьба идет, пожалуй, на всех уровнях: геополитическом, идеологическом и личностном. Исключивши ее из глобалистских сетей, атлантическая либеральная элита не дала ей право выбора: или строить свой мир, или исчезнуть. Россия взяла курс на то, чтобы строить свой мир, свою цивилизацию. Новое информационное общество характеризуется доминированием знаний, науки, технологий, информации во всех сферах жизни, включая взаимодействие граждан [3]. Главными акторами данного общества выступают индивидуальные предприниматели и рабочие, студенты и преподаватели, мужчины и женщины. Основным продуктом развития становится человеческий капитал. В информационном обществе нет предпосылок формирования гендерных стереотипов, так как статус гендера на рынке труда зависит только от выбора жизненной стратегии. Либо индивид принимает стратегию развития, где он будет ориентироваться на непрерывное получение знаний, профессиональный успех, творческое использование своего личностного потенциала, владение основными цифровыми технологиями, навыками компьютерного программирования, поиска, обмена информацией, выстраивать

индивидуальные образовательные маршруты обучения, самообразования и повышения квалификации, не исключая приобретения второй профессии, которые дают возможность для оптимального жизненного продвижения. Либо человек выбирает стратегию повседневной жизни, которая предполагает решение жизненных проблем, а не перспективных. В данной стратегии люди сильно зависят от поддержки государства, у них отсутствует цель карьерного роста, и ценность работы заключается в регулярной оплате труда.

Таким образом, обозначен вектор развития гендерных стереотипов. Мы определили ключевые особенности восприятия пола на разных этапах развития общества: от доиндустриального до информационного. Сегодня мы можем наблюдать, что гендерные отношения выходят на кардинально новый уровень: происходит переход от патриархальной модели к партнёрской. Собственно включенность в цифровые технологии и цифровые знания становятся ведущими факторами, которые стирают границы между мужчиной и женщиной, что в свою очередь введет к существенной трансформации гендерных стереотипов.

1. Виноградова Т. В. 2002.03.017. Жеребкин С. гендерная проблематика в философии // введение в гендерные исследования /под ред. Жеребкиной И.А. Харьков, СПб., 2001. С.390-426 / Т. В. Виноградова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал. – 2002. – № 3. – С. 60-70. – EDN BBVRVN.
2. Юрлова Е. С. Женщина в индийской семье. Этнографическое обозрение, N 1 1999: N 1 1999 / Юрлова Е. С. // Этнографическое обозрение – 1999 – Этнографическое обозрение N 1 1999
3. Цифровое общество: архитектура, принципы, видение / А. И. Агеев, М. А. Аверьянов, С. Н. Евтушенко, Е. Ю. Кочетова // Экономические стратегии. – 2017. – Т. 19. – № 1(143). – С. 114-125. – EDN XXRVEL.

ПОСЛЕДСТВИЯ «ЦИФРОВОГО СЧАСТЬЯ» ДЛЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ, РИСКИ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ ИТ- ТЕХНОЛОГИИ

Балашова Кристина Алексеевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Цифровизация и развитие ИТ-сферы открыли новые возможности для улучшения жизни российского общества: от портала «Госуслуги» до системы бесконтактной оплаты. Однако данные процессы имеют и негативные последствия, ключевые из которых:

1. **Неравномерное использование и развитие ИТ-технологий.** Проблемы доступности (территориальная, финансовая) новых технологий для населения и «цифрового неравенства»: почти каждый четвертый россиянин не имеет доступа к Интернету [2].

2. **Проблема освоения новых технологий.** Ускоренные темпы развития новых технологий; нехватка необходимых знаний и навыков; уровень и возможность освоения в разных возрастных группах населения. Происходит маргинализация пожилых людей в условиях цифровой трансформации российского общества.

3. **Проблема хранения и использования данных.** Вопросы безопасности и правовой защищенности граждан страны в цифровой среде, а также сохранения конфиденциальности данных. Большинство россиян отрицательно относятся к сбору их персональных данных в Интернете и обеспокоены их дальнейшим использованием [3].

4. **Проблема «цифровизации человека».** Риски получения искаженной информации и знаний; «цифровое одиночество»; кибербуллинг и агрессивное поведение в Интернете; проблема «цифровой зависимости» и психологического здоровья человека [1]. Ухудшаются когнитивные способности, снижается развитие системного мышления [4].

5. Проблема социальной занятости и трудоустройства. Производству нужно меньше рабочей силы. Проблема социально-экономического разрыва и нестабильности в структуре общества.

Таким образом, необходимо проработать решения выделенных проблем и с большей ответственностью подходить к технологическому развитию российского общества.

1. Белокреницкая П.А., Балашова К.А. Феномен смартфоновых зомби (смомби) // Вестник науки и образование. 2019. №1 (55), часть 1. С. 103-107.
2. Зубков С. Интернет как роскошь: что такое цифровое неравенство и как его преодолеть // Текст от 13.12.2021 на портале «РБК Тренды». [Эл. ресурс] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6172591c9a79471433d3fd60> (дата обр. 01.10.2022)
3. Персональные данные в интернете: угроза утечки и как с ней бороться // Данные от 30.11.2020 на портале ВЦИОМ. [Эл. ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обр. 01.10.2022).
4. Петрова Г.И., Петров Ю.А. Влияние цифровизации на интеллектуальное развитие // Наука. Информатизация. Технологии. Образование: материалы XIII международной научно-практической конференции. 2020. С. 771-778. [Эл. ресурс] URL: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/31335> (дата обр. 20.09.2022)

ИНТЕГРАЦИЯ ИТ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Баннова Олеся Сергеевна

(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И.Ульянова)

Дерюгин Павел Петрович

(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ))

Ян Юй
(СПбГУ)

При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19

Теоретико-методологические подходы к исследованию ценностей ИТ-специалистов предполагали выявление характера и форм их социальной интеграции: как социально-профессиональной групп, или как социально-профессиональной общностей. Определение интеграции ИТ-специалистов как социально-профессиональной общности или социально-профессиональной группы остается открытым и во многом дискуссионным вопросом. Настоящий вопрос представляет отдельную большую тему для социологической науки о видовых и иерархических структурах складывающегося цифрового общества. Развитие представлений о социальных общностях и группах предполагает систематические коррективы этих научных категорий. [7], В частности, актуально выявить: в каком качестве «профессиональной общности» или «профессиональной группы» выступают ИТ – специалисты как реальный социальный феномен.

В общностях и группах по-разному характеризуются многие социально-психологические процессы. [1] Некоторые характеристики таких процессов приведены в таблице № 1.

Таблица № 1. Социально-психологические процессы в общности и группе

Критерий	Общность	Группа
Природа происхождения (По Ф. Теннису)	Естественно-природная, реальная интеграция	Механическое, идеальное, субъективно-волевое объединение. Создаются для

		удовлетворения потребностей и интересов, для достижения целей
Условия и факторы возникновения	Сходство условий бытия	Усилия социальных институтов и отдельных личностей
Роль в обществе	Обеспечение эволюционного развития общества	Обеспечение ускорений, скачков и революционных преобразований общества (Л. Гумпилович)
Используют для обозначения	Любых объединений, это наиболее общий термин (Я. Щепанский)	Всякой совокупность совместно живущих и взаимодействующих людей (П. Сорокин)
Участие в социализации личности	Естественный переходный мост, пассивное начало	Агент вторичной социализации, в целом активное начало
Солидарность	Естественная, природная	Предполагает определенные усилия
Основная характеристика как объекта исследования	Обращение к анализу устойчивости взаимосвязей	Обращение к анализу социодинамики по совокупности объективных и субъективных критериев, внутренних и внешних индикаторов интеграции
Проявление интересов, эмоций, чувств	В неявной форме, чаще пассивно, символически	Сильно и отчетливо
Наличие представлений с различными характеристиками	Чаще ограничено, не очевидно	Половые, территориальные, религиозные и др. характеристики малозначимы.
Роль личности	Обезличена	Активный индивидуализм
Внутренние связи	Минимальные, вокруг традиционных форм	Тесные, активные, наличие стандартов и норм вокруг общих целей и ценностей
Влияние на личность	Слабое	Значимое
Сплочённость	Аморфная	Сильная
Ценности	Локальные	Единые

Как можно видеть, групповые характеристики раскрывают особенности протекающих в них социальных процессов как более активных и как более значимых в сравнении с процессами, протекающими в социальных общностях - «активные», «сильные», «значимые», «отчетливые» и т.д. Эти особенности социальных групп и общностей зафиксированы в научных публикациях. В научном сообществе представления о социодинамике общностей и групп сложились в довольно устойчивые тренды, как связанные с другими элементами их внутренней и внешней среды. Используя сервис быстрого подбора и поиска ключевых слов и доменов «Букварикс» (анализ научных источников в Яндекс и Google) в процессе исследования нами было осуществлено изучение связанности пар понятий «группа-ценности», «общность-ценности», точнее, частота использования этих пар категорий в публикациях. Такие же процедуры были осуществлены относительно понятий «признак», «общая цель» и «профессиональная». Результаты этой процедуры приведены в таблице № 2.

Таблица № 2. Результаты исследований связанности пар понятий «группа-ценности», «общность-ценности».

	Ключевое слово 1	Ключевое слово 2	Частотность взаимного использования
1	Группа	Ценности	7721
	Общность	Ценности	3172
2	Группа	Признак	129299
	Общность	Признак	15651
3	Группа	Общая цель	9887
	Общность	Общая цель	1161
4	Группа	Профессиональная	38659

	Общность	Профессиональная	3228
--	----------	------------------	------

Статистические данные показывают, что понятие социальной группы используется значительно чаще, чем понятия общность при характеристике интеграционных процессов, это более актуальная категория для современных исследований. Результаты подтверждают существенную связанность понятия «группы» с понятиями «ценности», «общей цели», «профессиональная». При этом наиболее часто встречается сочетание понятий «группа-признак», т.е. в современных исследованиях понятие группы чаще ассоциируется с понятием как какого-то объединения людей с наличием общего признака. Пара связанных понятий «группа-признак» оказались наиболее употребляемой, более, чем восемь раз чаще, чем в характеристике «общность-признак». На наш взгляд настоящий факт свидетельствует о том, что центральным моментов в характеристике группы как особой формы объединения и интеграции, выступает наличие некоторого особого, единого свойства. Другими словами, понятие группы воспринимается научной общественностью как представление о наличии у объектов изучения некоторой метки, условия или свойства, достаточного для отнесения этого объекта к некоторому классу явлений или феноменов.

Основные результаты:

Исходя из проведенного анализа, совокупность ИТ-профессионалов на наш взгляд более обоснованно и точно определять социально-профессиональной группой. Этот вывод опирается на социально-групповые характеристики ИТ - специалистов важные для операционализации их в качестве объекта социологического исследования:

- в отличие от социальных общностей социальные группы не предполагают совместного бытия в полном смысле этого слова, ограниченного какими-то пределами (географически - рядом), временного (круглый день – вместе) и природного единства (мы – обязательно одной крови). [8, 9] Профессиональные группы субъективны по своей природе, в том числе создаваемы в интересах организации определенных видов деятельности;

- обобщающим признаком социально-профессиональной группы ИТ-специалистов выступает особая связь (а также и социальная удалённость, социальная дистанция) с цифровым пространством, цифровым обществом, с социальными, экономическими, политическими и культурными институтами;

- люди чаще осознанно и добровольно вступают в группы, в то время как появление в социальной общности может определяться генетическими, родовыми или этническими причинами. [5, 6] Что касается ИТ-специалистов, ими не рождаются, эти профессионалы возвращаются социальными институтами на протяжении длительного времени;

- группа стимулирует свою солидарность и воспринимает ее в качестве необходимого условия своего существования. [2,3] Общность вспоминает о солидарности в кризисных условиях и вынужденно. ИТ-специалисты формируют структуры взаимодействия и коммуникаций, которые напрямую и косвенно направлены на создание групп и команд, нацеленных на достижение поставленных целей;

- группы зарождаются, развиваются, отмирают. [1,4] Общности складываются исторически за длительные периоды времени, а их отмирание – факт эволюции и скорее результат глубокого системного кризиса. Социодинамика создания и расформирования групп ИТ-специалистов может занимать самые короткие сроки.

Таким образом, ИТ-специалистов следует рассматривать в качестве особой социально-профессиональной группы, обладающей всеми признаками такой социальной интеграции. ИТ-специалисты действуют в современном многомерном социальном пространстве. Как социальная группа ИТ-специалисты объединяются наличием общего признака, - деятельности в особой среде - в информационно-цифровом пространстве, единые социальные ценности.

1. Горохов В.Ф., Васнева Н. Н. О соотношении категорий «Социальная общность» и «Социальная группа» // Вестник ТГУ. 2014. №4 (132). С. 17.
2. Гумплович Л. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: тексты. М., 1996. С. 36.
3. Дерюгин П.П. СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ. Санкт-Петербург, 2001.
4. Дерюгин П.П. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОЕННО-МОРСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Военно-политическая академия им. В.И. Ленина. Москва, 1991
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 494.
6. Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социс. 2010. № 4. С. 3-12.
7. Mm, Mm. (2012). A Hierarchical Model of ICT in Digital Society to Access Information. Canadian Journal on Electrical and Electronics Engineering. 3. 366-374. Vlad Alalykin-Izvekov. Phenomenon of civilization: Pitirim A. Sorokin's Integralist approach and its limitations // Biocosmol. – neo-Aristot.. 2014. №3.
8. Freeman, L. C. The sociological concept of group: An empirical test of two models. Am. J. Sociol. 98, 152–166 (1992).
9. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. М., 1994. С. 12.

«ЦИФРА» И «СЧАСТЬЕ»: ЧТО ЛЕЖИТ В ОСНОВЕ ЦИФРОВОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И КАК ЕГО ИЗМЕРИТЬ?

Банная Галина Алексеевна
(УрФУ)

Аннотация. Рассмотрен феномен цифрового благополучия и его взаимосвязи с цифровыми практиками индивида, цифровым поведением социальных групп. Изучены существующие методики измерения цифрового благополучия, сделано предположение о наличии уровня влияния, при котором эффекты могут носить разнополярный характер.

Ключевые слова: благополучие, качество жизни, цифровизация, счастье, цифровые технологии, цифровые практики.

Качество жизни – междисциплинарная категория, показатель благополучия и счастья человека, включающий как материальные, так и духовные индикаторы. Достижение и поддержание высокого качества жизни – интегральная цель деятельности любого государства, поэтому отдельные индикаторы качества жизни выступают целями и ориентирами различных видов государственной политики. Качество жизни и социальное благополучие – лучшие доказательства тех воздействий и того влияния, которые оказывают различные, в том числе технологические, характеристики современного общества. Проникновение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества, формирование основанного на цифровых технологиях поведения индивида и целых социальных групп привело к необходимости выделения среди прочих понятий категории цифрового благополучия.

Социологический подход к изучению цифрового благополучия предполагает его изучение в рамках образа жизни, влияния на социальный статус и социальные роли личности. Это тот тип социального благополучия, который связан с оптимальным осуществлением жизнедеятельности личности в условиях высоких темпов развития постиндустриальной, постинформационной эпохи.

Множество исследований цифрового благополучия западными исследователями предполагают его изучение как некоей эмпирической модели социально-психологического благополучия личности при использовании цифровых технологий

(преимущественно мобильной связи, различных приложений и пр.) [2,4] Цифровое благополучие – это конструкт, модель балансирования личности между оффлайн и онлайн, приватностью и публичностью, безопасностью и угрозами [1].

Концепт «цифрового благополучия» фиксирует влияние цифровых технологий на жизнь человека в современном цифровом обществе. Авторы называют несколько основных сфер, в которых цифровое благополучие может носить амбивалентный характер: здоровье и здравоохранение, образование и занятость, управление и социальное развитие, экономика и маркетинг, средства массовой информации и индустрия развлечений [5].

Цифровое благополучие – это совокупность объективных (физическое, материальное благополучие) и субъективных (счастье и удовлетворенность) характеристик восприятия индивидом своего положения в современной социальной среде, детерминированной распространением цифровых технологий.

Рассмотрев теоретические модели, можно сделать вывод о наличии устойчивой взаимосвязи цифровых практик личности и полученных эффектов для ее дальнейшей жизнедеятельности. Однако «полярность» эффектов вызывает научные дискуссии: цифровизация может иметь как положительный, так и отрицательный эффект на качество жизни и благополучие индивида.

Практическая ценность измерения качества жизни (в том числе и социального благополучия) определяется тем, что в его основе лежит определение удовлетворенности актуальных потребностей населения. Однако сложность данных категорий не позволила выработать единой методики их оценки: это и «Всемирное исследование ценностей» (World Values Survey, WVS) Р.Инглхарта, «Европейское исследование качества жизни» (European Quality of Life Survey, EQLS), Индекс человеческого развития, Индекс качества жизни, Индекс лучшей жизни, Индекс процветания, Индекс социального прогресса, Всемирный индекс счастья, Глобальный индекс благополучия и др.

В отношении измерения цифрового благополучия ситуация складывается еще более неопределенная. Количественная оценка «цифрового благополучия» затруднена по ряду причин – прежде всего, в связи с неоднозначностью и субъективностью самого понятия благополучия, а также с отсутствием необходимых метрик и соответствующих баз данных [6].

ОЭСР в исследовании *How's Life in the Digital Age?* [3] Представило так называемое «колесо цифрового благополучия» на основе анализа 11 групп показателей из Индекса лучшей жизни. На основе этой методики эксперты НИУ ВШЭ разработали рамочную модель Индекса условий цифрового благополучия. [6].

Тем не менее, необходимо отметить потребность в разработке методики, включающей как количественные, так и качественные оценки цифрового благополучия, позволяющей оценить эффекты влияния цифровизации на благополучие и качество жизни населения. Предположительно, цифровизация может влиять на изменение качества жизни, но до определённых пределов в рамках конкретного этапа развития общества. А в таком контексте понятие цифрового благополучия будет относительным, формирование габитуса, цифровой привычки уже не делает индивида счастливым, скорее, отсутствие возможностей опривыченных цифровых действий может доставлять дискомфорт. Поэтому вопрос о базисе цифрового благополучия, также как и вопрос о возможностях его измерения остается открытым.

1. Abeele P.V., *Digital Wellbeing as a Dynamic Construct, Communication Theory, Volume 31, Issue 4, November 2021, Pp. 932–955, <https://doi.org/10.1093/ct/qtaa024>*
2. Cecchinato M.E., Rooksby J., Hiniker A., Munson S., Lukoff K., Ciolfi L., Thieme A., Harrison D. 2019. *Designing for Digital Wellbeing: A Research & Practice Agenda. In Extended Abstracts of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI EA '19). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, Paper W17, 1–8. <https://doi.org/10.1145/3290607.3298998>*

3. *How's Life in the Digital Age? Opportunities and Risks of the Digital Transformation for People's Well-being* // OECD URL: <https://www.oecd.org/publications/how-s-life-in-the-digital-age-9789264311800-en.htm> (дата обращения 1.10.2022)
4. Roffarello A.M. and De Russis L. 2019. *The Race Towards Digital Wellbeing: Issues and Opportunities. In Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '19). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, Paper 386, 1–14.* <https://doi.org/10.1145/3290605.3300616>
5. Асеева И.А. *Этические аспекты цифрового благополучия общества. (аналитический обзор)* // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Наукоедение: Реферативный журнал. 2021. № 4. С.85-99.
6. *Цифровые технологии и общество: влияние на благополучие и качество жизни человека* // Научный дайджест. 2022. № 7 (12). URL: https://www.hse.ru/data/2022/07/22/1614459848/Human_Capital_NCMU_Didgest_12_Digital_Technology_and_Society_2022.pdf (дата обращения 1.10.2022)

РОССИЙСКИЕ ВРАЧИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

Белова Наталья Ильинична

(Российский государственный гуманитарный университет)

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00024

Стремительное развитие информационно-коммуникационных, цифровых и биомедицинских технологий привели к глобальной трансформации всего здравоохранения. Внедрение электронного здравоохранения (e-health) – это общемировая тенденция, которая характерна для всех национальных систем здравоохранения, включая российскую. Согласно рекомендациям экспертов ВОЗ, политика информатизации реализуется по нескольким направлениям: электронные медицинские карты, мобильное здравоохранение, телемедицина, медицинские информационные системы (включающие электронное обучение медицинских работников).

Реализация политики цифровизации и информатизации российского здравоохранения напрямую связана с медицинскими специалистами и населением. В этой связи, крайне важно понять, какие проблемы возникают в процессе реализации политики информатизации; действительно ли информационно-коммуникационные технологии повышают эффективность медицинской помощи для пациентов, а также улучшают условия и труда медицинских работников, ослабляют нагрузку врачей.

Цифровизация здравоохранения неизбежно окажет влияние на формат оказания медицинской помощи и модель взаимоотношения «врач-пациент», как следствие — изменение квалификационных требований к медицинским работникам, а значит и системы образования и подготовки, прежде всего, врачебных кадров. В качестве социальных последствий цифровизации здравоохранения можно отметить и изменение «...структуры рынка труда медицинских работников, появление новых профессий в данной отрасли, связанных с обслуживанием интеллектуальных систем» [1].

С одной стороны, цифровизация здравоохранения, в частности использование телемедицинских технологий, может позволить решить одну из острейших проблем — нехватку высококвалифицированных медицинских специалистов [2]. С помощью телемедицины узкоспециализированные врачи могут оказывать качественную консультативную помощь коллегам (например, в постановке диагнозов и назначении лечения) и населению, проживающему в отдаленных регионах страны.

С другой стороны, российский врач должен не только владеть навыками компьютерной грамотности, телекоммуникационными технологиями, но и иметь

технические возможности для реализации электронных нововведений. Однако, в реальности большинство (80%) [3] медицинских работников считают уровень цифровизации своей клиники низким: многие рабочие места врачей еще не компьютеризированы, имеются определенные проблемы, связанные с внедрением информационно-коммуникационных технологий. Отметим, что еще одной существенной проблемой, затрудняющей взаимодействие врачей и населения в сфере охраны здоровья, является неравенство в доступе к различным устройствам и «цифровым инструментам» [4] среди населения.

1. Шамиурин В.И., Шамиурина Н.Г. Социология врачебной помощи в цифровую эпоху // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С 178-187

2. Белова Н.И. Прекарность в сфере здравоохранения. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности /Под ред. Ж.Т. Тоценко. Коллективная монография. М.: издательство «Весь мир», 2021. С. 139-160

3. «Приходится выбирать – либо пациент, либо компьютер». Что говорят врачи о цифровизации здравоохранения. Электронный Журнал Vademecum. URL: <https://vademec.ru/news/2021/08/03/prikhoditsya-vybirat-libo-patsient-libo-kompyuter-chto-govoryat-vrachi-o-tsifrovizatsii-zdravookhra/> (дата обращения 08.10.2022)

4. О чем говорили на Vademecum MedDay V. Центральная площадка. Электронный Журнал Vademecum. URL: <https://vademec.ru/news/2022/02/15/o-chem-govoryat-na-vademecum-medday-v-tsentralnaya-ploshchadka/> (дата обращения 08.10.2022)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА СЕГОДНЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Близицкова Олеся Юрьевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Впервые термин «цифровизация» появился в конце XX века, когда в 1995 году американский информатик Николас Негропonte из Массачусетского университета озвучил понятие «цифровая экономика». Понятие «цифровизация» до сих пор носит размытый характер. Цифровизация – это создание нового продукта в цифровой форме, а также процесс использования компьютерных средств и технологий. Она приходит на смену автоматизации, информатизации и компьютеризации. [1]

В процессе цифровизации общества происходят изменения практически во всех сферах его жизнедеятельности. Меняются ценностные ориентиры, психологические черты людей, формируются новые социальные группы, в которых цифровизация предстает как глобальный социальный процесс. Безусловно, процесс цифровизации имеет как положительные, так и негативные последствия.

Примерами положительных последствий цифровизации могут стать рост производительности общественного труда, увеличение прозрачности экономической деятельности, создание новых бизнес-моделей, более полное удовлетворение наиболее значимых потребностей людей, повышение их качества жизни, появление новых возможностей быстро реагировать на изменяющуюся конъюнктуру рынка, ускорение коммуникационных процессов, увеличение разнообразия оказываемых услуг и т.д. Несомненно, использование цифровых технологий положительно влияет на профессиональное и общекультурное развитие личности. Но не исключено, что цифровизация несет в себе достаточно серьезные угрозы как для отдельного человека, так и для всего общества в целом.

Примерами негативных последствий цифровизации выступают цифровое неравенство в информационном пространстве, снижение нормального уровня эмоциональной жизни, массовая безработица, угрозы кибербезопасности, пиратство, кражу денег со счетов клиентов банков, умышленное распространение вредоносного

контента, создание ложных слухов, провоцирование паники, подстрекательство к правонарушениям и преступлениям и т.д.

Одной из актуальных тем связанных с цифровизацией являются технологии искусственного интеллекта. «Людам нужно будет учиться работать и жить не только с людьми (процесс социализации), но и кооперироваться с продуктами человеческого интеллекта — алгоритмами, роботами и технологиями искусственного интеллекта. ИИ в ближайшей перспективе будет с необходимостью дополняться творческим (нерациональным) решением проблем, сочувствием, сознательным (а не просто инструментальным) отношением к задачам и результатам работы...» [2, 14]

В заключение следует отметить, что цифровизация сегодня это мегатренд, определяющий путь развития экономики и общественной жизни в целом. При всех положительных аспектах цифровизации, необходимо общественное контролирование внедрений искусственного интеллекта во всех сферах жизни и не допущение злоупотребления в процессе его использования, которое может привести к крайне негативным последствиям. [3, 15].

1. Лазар М.Г. *Цифровизация общества ее последствия и контроль над населением*, 2017 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obschestva-ee-posledstviya-i-kontrol-nad-naseleniem/viewer>
2. Резаев А., Трегубова Н. *Цифровизация и искусственный интеллект // СоциоДиггер Том 1, 2020 URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger_102020.pdf*
3. Зорин А.Л. *Цифровизация и общество // КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН №1(32), 2021 URL: http://timekguki.esrae.ru/pdf/2021/1(32)/636.pdf*

ТЕЛЕМЕДИЦИНА В ОЦЕНКАХ ЖИТЕЛЕЙ КРУПНОГО ГОРОДА

Богомяжкова Елена Сергеевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Орех Екатерина Александровна

(СПбГУ)

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-013-00770А).

Несмотря на то, что телемедицина рассматривается как фронт цифровизации здравоохранения в нашей стране, темпы вовлечения россиян в данную практику остаются невысокими. Эмпирические исследования выявляют недоверие пациентов к дистанционным врачебным консультациям. При анализе причин такого положения дел выражена тенденция фиксировать технические, финансовые, правовые основания имеющихся сложностей без учёта повседневных практик и коммуникативной ситуации. Для описания оснований дистанционного обращения к медицинским специалистам, а также сформированных установок в отношении получения такого рода помощи в 2020 – 2021 гг. было реализовано комбинированное эмпирическое исследование, включающее проведение полуструктурированных интервью с жителями крупных городов России (N=90) и телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга (N=861, при помощи Ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования», проект № 106-21779) по репрезентативной выборке. Результаты опроса позволили описать, насколько широко дистанционные врачебные консультации используются современными горожанами, а материалы интервью дали возможность обнаружить, как они проникают в повседневность пациентов и актуализируют значимые аспекты взаимодействия с медицинскими профессионалами.

Согласно результатам телефонного опроса, когда-либо общались с врачом дистанционно, используя электронные средства связи (телемедицинские сервисы, мессенджеры, электронную почту), лишь четверть (25,2%) опрошенных. Респонденты, когда-либо обращавшиеся к телемедицине, в качестве основных причин использования данного сервиса отметили оперативность (возможность получить консультацию быстро) – 41,3%, экономию сил и времени (нет необходимости очного визита к врачу) – 39,3%, удобство подобных консультаций в период пандемии – 39,1%. Некоторые из участников исследования отдельно указали на возможность проведения личной консультации без экстренного повода, для расширения знаний о своем здоровье.

Главным аргументом отказа от использования телемедицинских услуг является опасение в отношении получения некорректных рекомендаций – постановка диагноза о состоянии здоровья без физического контакта с врачом, без возможности проведения непосредственного осмотра для многих проблематична (26,8%). Часть респондентов считают, что в этом случае пациент должен брать на себя дополнительную ответственность за точное описание симптомов врачу (14,9%). Некоторые не знали о такой возможности (15,8% из тех, кто не пользовался подобными сервисами). Четверть респондентов (23,6%), не имевших опыта медицинских консультаций онлайн, ответили, что у них (пока) не возникало такой потребности: эти люди либо не болели, либо не имеют привычки обращаться к врачам в принципе, занимаясь самолечением, либо имеют врача среди семейного окружения. Некоторые участники исследования (5,3%) в рамках варианта «другое» отметили сложности технического характера: кому-то проблематично понять, как работает сервис и предоставляет ли такие консультации поликлиника по ОМС; у кого-то нет стабильного Интернета, кого-то подводят зрение и нет опыта работы с цифровыми устройствами. Подобные объяснения маркируют социальное неравенство: разрывы в доступе к новым технологиям и в возможностях их освоения.

Нам не удалось обнаружить значимых отличий в практике дистанционного общения с врачом между различными группами петербуржцев, за исключением одного. В то время как гендер, образование, социально-экономический статус респондента не обуславливают вариаций в обращении к телемедицинским услугам, существенной детерминантой оказывается возраст. Представители группы «60+» в меньшей степени, чем петербуржцы в целом, используют дистанционные консультации и другие способы «достать» врача вне поликлиники или больницы. Интересно, что к телемедицине чуть чаще прибегают и мужчины, чувствующие себя менее здоровыми. Закономерно, что чем интенсивнее респонденты используют Интернет в своей повседневной жизни, в том числе с отличными от заботы о здоровье целями, тем больше они склонны применять цифровые технологии для поддержания хорошего самочувствия, в том числе и обращаться к телемедицине.

Данные интервью продемонстрировали, что необходимо разделять дистанционное общение с врачами в целом и телемедицину как один из его вариантов. Последняя гораздо менее популярна, тогда как дистанционное общение в той или иной форме люди практикуют нередко. Мы выяснили, что пациенты предпочитают общаться дистанционно с «доверенными» врачами – теми, с кем личный, а часто и неоднократный, контакт оказался эффективным, и используют для этого привычные средства связи: Skype, мессенджеры WhatsApp, Wiber, телефон, а не специализированные онлайн-платформы (например, «Доктор рядом», «СберЗдоровье», «Яндекс.Здоровье»). Встречающийся отказ от дистанционного общения с незнакомыми врачами может быть объяснён особенностями коммуникационного взаимодействия в системе «врач-пациент». Обычно пациенту важен личный контакт с врачом для оценки его профессионализма и формирования доверия получаемым назначениям. После установления такого контакта возможен переход в дистанционный формат взаимодействия. Пациентов беспокоит и возникновение новых асимметрий в онлайн-коммуникации с медицинским профессионалом: необходимая в этом случае самодиагностика зависит от способности больного расшифровать симптомы и

описать свои жалобы способом, однозначно понятным специалисту, что, в свою очередь влияет на постановку верного диагноза. В числе значимых аргументов против телемедицины информанты называют отсутствие телесного контакта с врачом. Врачебный осмотр, в том числе с помощью специального медицинского оборудования, «профессиональный взгляд», тактильный контакт не теряют своей значимости, и эти компетенции пока не могут быть делегированы пациенту или технологии: здесь врач продолжает сохранять свою экспертную позицию, будучи воспринимаемым как «специалист по телу».

РАЗВИТИЕ ПЛАТФОРМЕННЫХ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Боев Евгений Иванович

(ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00694а «Публичное управление как конфигурирование релятивных сетей в публичном пространстве цифрового общества»

Цифровые тренды затрагивают все общественные и государственные сферы. К таким сферам можно отнести: IoT; автоматизацию производства (создание «умных предприятий»); цифровое моделирование и проектирование; машинное обучение; беспроводную связь, виртуальную реальность, дополненную реальность; кросс-канальные технологии, позволяющие использовать мобильные устройства более эффективно.

К перспективным технологиям, которые наиболее сильно влияют на цифровизацию экономики, относят: аналитику «big data»; технологии искусственного интеллекта и робототехнику; машинное обучение; облачные вычисления и облачное хранение информации.

По нашему мнению, цифровая трансформация изменяет подходы в организации работы органов власти. Это процесс адаптации к новым условиям деятельности с учетом потребностей рынка и ожиданий потребителей услуг и сервисов. Без системной трансформации управленческих процессов, без кардинальной перестройки работы всего государственного аппарата масштабной отдачи от цифровизации обеспечить не получится [1-3].

На наш взгляд, для достижения необходимых эффектов цифровизации необходимо рассматривать государство как платформу с централизацией ИТ-ресурсов. Такая централизация позволит:

- обеспечить создание механизма автоматизации функций, выполняемых органами исполнительной власти и органами местного самоуправления;

- перевести массовые социально значимые услуги, оказываемые органами государственной власти, органами местного самоуправления и их подведомственными организациями, в электронную форму с использованием Единой платформы, сделать процесс их оказания унифицированным и прозрачным;

- обеспечить внедрение общефедеральных платформенных решений;

- оптимизировать процессы предоставления государственных и муниципальных услуг, оказываемых органами государственной власти, органами местного самоуправления и их подведомственными организациями;

- обеспечить эффективный механизм взаимодействия органов государственной власти и местного управления с населением и бизнесом;

В России, с одной стороны, идет большая практическая работа по развитию и освоению в государственном управлении первичных (базовых) цифровых технологий. С другой стороны, вырабатывается повестка для развития и освоения в госуправлении отдельных новейших, так называемых прорывных цифровых технологий. Предполагается их применение, прежде всего, в сфере совершенствования предоставления госуслуг, исполнения контрольно-надзорных функций на основе развития в госуправлении систем идентификации и защиты данных, раскрытия информации, формирования «цифровых двойников».

На сегодняшний день на территории России внедрена система межведомственного взаимодействия, проводится работа по переводу государственных услуг в электронный формат, внедряются принципы экстерриториальности и омниканальности. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, по состоянию на начало 2022 года в России создано 13 тыс. офисов МФЦ, 50 тыс. окон. В системе МФЦ работают свыше 70 тыс. специалистов, заявители получают более 600 федеральных услуг и более 2 тыс. региональных и муниципальных услуг [4].

Более 93 млн. российских граждан (64 % населения страны) завели подтвержденную учетную запись на портале «Госуслуги». С начала 2021 года количество зарегистрированных пользователей на портале увеличилось на 11 %, или 11 млн. человек [4].

В 2021 году число обращений к сервисам портала выросло вдвое по сравнению с 2020 годом. Только в ноябре 2021 года россияне 60 млн. раз обратились за госуслугами – это в три раза больше человек, чем в ноябре 2020 года.

Таким образом, преимуществом платформенного подхода является его интуитивно понятный интерфейс и прозрачность процесса для всех субъектов продвижения и получения государственных услуг. Помимо этого, имеется возможность мониторинга всех стадий процесса получения услуг, реализована обратная связь между поставщиком и получателем услуг.

1. Боев Е.И. Цифровые технологии взаимодействия органов власти и общества в социальных медиа // *Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития. Материалы Всероссийской научной конференции.* – СПб, 2020. С. 250-251.

2. Зотов В.В., Боев Е.И., Василенко Л.А. Гражданская активность населения в социально-сетевом пространстве региона // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент.* 2021. Т. 11. № 2. С. 203-216.

3. Боев Е.И., Зотов В.В. Развитие гибридных технологий в условиях цифровой трансформации публичного управления региона // *Социологический альманах. Материалы XIII Орловских социологических чтений.* – Орел, 2021. С. 12-15.

4. <https://digital.gov.ru/ru/> – официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России) (дата обращения: 01.10.2022).

ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗАХ

Болдырев Игорь Иванович
(ФГБОУ ВО ВГПУ)

Болдырева Елена Сергеевна
(ФГБОУ ВО ВГУ)

Как показывает практика прошлых лет, система высшего образования столкнулась с проблемами дистанционного обучения и, к сожалению, оказалась к ней готова не в полной мере. Учитывая что процесс обучения это двусторонний процесс, проблемы

возникли и со стороны профессорско-педагогического состава (часть преподавателей вузов, в силу различных причин, с трудом освоила дистанционные технологии обучения) и со стороны студентов (наиболее значимые проблемы связаны с низкой мотивацией к дистанционному обучению [1], отсутствием материально-технического обеспечения, стабильного подключения к сети Интернет для иногородних студентов и т.д.).

Наиболее ярко проблемы дистанционного обучения прослеживаются в специальностях, требующих формирования специальных умений и навыков, необходимой базы двигательных действий, таких как учитель физической культуры [2].

Специфика обучения будущих педагогов по физической культуре связана с необходимостью формирования двух больших блоков: знаний в области ФКиС (знание теории и методики физической культуры, истории физической культуры, правил базовых видов спорта и т.д.), которые можно сформировать дистанционно в полной мере, и специальных двигательных умений и навыков, необходимых для дальнейшего обучения школьников, которые невозможно сформировать в домашних условиях, без специального оборудования и материально-технического обеспечения.

1. Болдырева, Е. С. Идеи андрагогического подхода в педагогике / Е. С. Болдырева // Медико-биологические и педагогические основы адаптации, спортивной деятельности и здорового образа жизни. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022. – С. 71-73.

2. Болдырев, И. И. Формирование профессионального патриотизма студента - будущего педагога по физической культуре / И. И. Болдырев, А. Ю. Панфилов, М. Е. Ретюньских // Культура физическая и здоровье. – 2022. – № 1(81). – С. 57-59.

3. Халиков, А. А. Анализ методов дистанционного обучения и внедрения дистанционного обучения в образовательных учреждениях / А. А. Халиков, К. А. Мусамедова, О. А. Ибрагимова // Вестник научных конференций. – 2017. – № 3-6(19). – С. 171-173.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ.

Брусов Иннокентий Максимович
(МГТУ им. Н. Э. Баумана)

Благодарность научному руководителю А.А. Поповой.

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий изменяет и формирует новое информационное пространство. В наше время специалистов, занимающихся феноменом общественного мнения, интересуют быстрые трансформации и адаптивные способности в меняющемся информационном мире.

Актуальность данной работы определяется ростом роли информационной сферы жизни общества - она становится одной из определяющих сторон общественного сознания, так как всё чаще мы видим, как мышление заменяется «поиском информации» [7]. В связи с гиперболическим развитием информационных технологий в быстро меняющейся реальности, важно отслеживать и исследовать тренды этого направления для оптимального и эффективного регулирования общественной жизни в рамках предотвращения проблем, связанных с распространением недостоверной информации, которая порождает непонимание среди объектов коммуникации.

Для проведения данного исследования был выбран метод анализа вторичных данных и их сопоставления на материале корреляционного анализа между уровнем образования и количеством активных пользователей социальных сетей на примере РФ.

Анализ теоретических работ показал, что на протяжении многих веков философы и ученые, такие как Э. Дюргейм [9], Г. Лебон [2], У. Липман [8] и др., проявляли большой интерес к исследованию общественного мнения. Ими было высказано немало глубоких идей о значении и роли его в государственной и общественной жизни, о высоком статусе

народного мнения, о противоречивом характере природы мнений, их зависимости от интересов и социальной структуры, о связи их направленности с направленностью поступков и действий людей. Вместе с тем, их взгляды на общественное мнение так и не сложились в подлинную научную концепцию, дающую всестороннюю, адекватную трактовку данного явления.

Проблемам социальных сетей в формировании общественного мнения посвящены работы Ю.А. Поповой [5], Р.А. Волосникова [1], Т. Кимур [4], С.В. Капралова [3]. Согласно результатам исследований различных авторов, социальные сети могут выступать инструментом влияния на общественное мнение, каналом для его формирования и кристаллизации, а также механизмом, способствующим переводу общественного мнения из сферы духовной в сферу практическую.

За последнее десятилетие аудитория социальных сетей показала высокий рост: аудитория социальных сетей (4,62 млрд) в 3,1 раза превышает цифру в 1,48 млрд. Рост в среднем на 12% в год [10]. Учитывая уровень образования человека, можно судить о его способности критически мыслить, фильтровать и проверять информацию, полученную с просторов соц. сетей. Допустимо сравнить две переменных: уровень образованности и количество активных профилей соц. сетей для выявления корреляции (рис 2,3). Влияние соц. сетей коррелирует с уровнем образованности населения.

Год	Всего студентов, тысяч	... из них - на очной форме обучения, тысяч	... из них - на очно - заочной форме обучения, тысяч	...из них - на заочной форме обучения, тысяч
2010/2011	7049,8	3073,7	304,7	3557,2
2011/2012	6490,0	2847,7	263,4	3289,7
2012/2013	6075,4	2724,3	229,7	3051,4
2013/2014	5646,7	2618,8	189,2	2838,6
2014/2015	5209,0	2575,0	158,5	2475,5
2015/2016	4766,5	2379,6	149,1	2237,8
2016/2017	4399,5	2403,0	124,2	1872,3
2017/2018	4245,9	2380,5	135,0	1730,4
2018/2019	4161,7	2369,8	155,6	1636,3
2019/2020	4068,3	2386,6	181,5	1500,3

Рисунок 1. (Данные Росстат за 2021[6, стр. 201])

Рисунок 2 (Корреляция на основе данных Росстат [6, стр. 201] и WeAreSocial [11])

Подводя итог: при формировании общественного мнения социальные сети играют серьезную роль, это «легкий» путь для масштабного воздействия на людей, манипуляций, создания лживого имиджа, поиска слушателей, единомышленников и последователей. Логично встает вопрос – об острой необходимости ведения просветительской деятельности в области пользования социальными сетями и повышением уровня образования населения.

1. Волосникова Р. А. Влияние социальных медиа на формирование и функционирование общественного мнения // 12. 10.2018
2. Г. Лебон Психология народов и масс // М.: ИД Социум, 2016.
3. Капралова, С. В. Прогресс информационно-компьютерных технологий и развитие ин- тернета как факторы формирования общественного мнения / С. В. Капралова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013.
4. Кимура, Т. Интернет, СМИ и общественное мнение в Японии (Ч. 2) [Электронный ресурс]/ Т. Кимура.–Режим доступа: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00334/>
5. Попова, Ю. А. Информационные технологии в системе формирования общественного мнения [Электронный ресурс] / Ю. А. Попова // Психология, социология и педагогика : элек- трон. науч.-практ. журн. – Режим доступа: <https://psychology.snauka.ru/2015/07/5560>
6. Российский статистический ежегодник/
https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2021.pdf
7. П. Сорокин Социальная и культурная динамика // М.: Академический проект, 2017.
8. У. Липман Общественное мнение // Москва, Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004, перевод Т.В. Барчуновой
9. Э. Дюркгейм О разделении общественного труда. Этюд об организации высших обществ. // пер. с фр. А.Б. Гофмана – М.:Канон, 1995.
10. WeAreSocial DIGITAL 2022: ANOTHER YEAR OF BUMPER GROWTH / <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> WeAreSocial / <https://datareportal.com/digital-in-the-russian-federation>

МЕДИАТИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Будникова Наталья Сергеевна

(ФГБОУ ВО Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова)

Медиатехнологии прочно вошли в нашу жизнь и выступают необходимым условием коммуникационной активности человека.

Анализируя работы отечественных и зарубежных исследователей, можно говорить о том, что термин «медиатизация» сегодня широко востребован в коммуникативистике и закрепился в качестве ключевого обозначения процесса влияния медиа на различные стороны жизни социума [3].

Медиатизация как относительно новое явление проникает в различные сферы современной жизни людей. Медиатизация выступает в качестве посредника с точки зрения информационного воздействия и взаимодействия между аудиторией и массмедиа. Процесс медиатизации настолько стремителен, что взаимодействие между аудиторией и массмедиа происходит опосредованно. Кроме того, симбиоз действий, выполняемых человеком при поглощении информации настолько широк, что медиапотребление давно уже вышло за пределы классического понимания. Технические инновации, проникающие в социальную среду, трансформируют мышление человека и тем самым заменяют реальную действительность на медиатизированную [3].

Исследователей медиа, как правило, гораздо больше интересуют городские жители. Однако, учитывая специфику российской территории, диффузию городского и сельского, миграционные процессы, такой ракурс оставляет невидимой значительную часть аудитории медиа.

В условиях глобализации и повсеместного распространения Интернета медиатехнологии постепенно охватывают и сельское население [1, 216].

По состоянию на 2021 год численность населения России составила 147 млн 190 тыс. Из них сельского населения – 37 млн. 103 тыс. человек.

Существующие официальные определения понятий городского и сельского не являются исчерпывающими. «По существу мы часто имеем дело не с двумя противоположностями, которыми кажутся крупный город и деревня, а с единой системой расселения с массой типов переходных населенных пунктов, где каждый следующий тип убавляет сельские черты и добавляет городские» [4, 103].

О степени медиатизации на селе можно судить по сведениям о медиапотреблении. Количественные данные по медиапотреблению (преимущественно медиаизмерения) в России доступны по населению крупных городов (100 000+) и делаются измерителем TNS: цифры медиаметрии. Панель устроена так, что не по всем городам дает репрезентативные отдельные данные (только в совокупности). Дополнительное репрезентативные медиаизмерения по крупным городам, которые не покрывает TNS, делает «Видео Интернешнл» и «ГФК». То есть медиапредпочтения порядка 40% населения – «черный ящик» [2].

По данным многочисленных исследований, самыми распространенными медийными технологиями на селе выступают телевидение и Интернет.

Развитие цифрового вещания привело к тому, что там, где в сельской местности раньше было два канала, теперь, как минимум, будут 18 телевизионных каналов.

Реформа цифрового вещания преподносится как модернизационный шаг (увеличение выбора телеканалов позволит населению расширить сознание, горизонты).

Увеличившийся выбор телеканалов не привел к существенному увеличению разнообразия предпочтений. Сельские жители продолжают отдавать предпочтение Первому каналу, России-1, к их набору добавилась Звезда. Позже добавляются развлекательные каналы «ТНТ» и «СТС». Из нишевых каналов чаще всего упоминаются «Охота и рыбалка», «Дом кино», «Карусель». Основная функция телевидения на селе – развлечение. Сам по себе процесс проникновения многоканального телевидения и внедрения такой технологии можно воспринимать как своего рода экспансию или подчинение деревенских культурных практик городской среде. Особенно интересно, что концепт «модернизации», столь популярный в политическом дискурсе в нашей стране, включает в себя установку цифрового наземного многоканального вещания повсеместно (в том числе на селе). Следовательно, можно говорить и о неравномерности циркуляции информационных потоков между центром и сельской местностью, а также о нерепрезентативности сельского образа жизни в образах федерального телевидения. Или, наоборот, деревня сопротивляется такому натиску городской среды, адаптируя многоканальную технологию телевидения под свои сугубо сельские нужды. [2].

Согласно данным исследования «Медиапотребление и повседневная жизнь в сельской местности» самыми популярными медиапрактиками на селе являются сотовый телефон, смартфон, ноутбук. Этому способствовало повсеместное развитие Интернета на все территории России.

Отличительной особенностью взаимодействия сельских жителей с Интернетом является то, что они, как правило, выступают потребителями контента, при этом не участвуют в его создании. Это можно считать примером «подстраивания» технологического инструментария под свое мировоззрение [1, 217].

Таким образом, процессы медиатизации стремительно развиваются, вовлекая в себя все большие территории. Растет медиапотребление сельских жителей, сокращая цифровое неравенство между городом и деревней. В связи с этим появляется необходимость распространения и популяризации медиаобразования и медиаграмотности, что является важным аспектом современной информационной среды.

1. Будникова, Н. С. Сельский житель в условиях медиатизации на современном этапе (на примере Республики Бурятия) / Н. С. Будникова // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. С. 215-219.

2. Кирия И.В., Новикова А.А. Депрессивное медиapotребление (исследование телевизионных предпочтений сельских жителей) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/depressivnoe-mediapotreblenie-issledovanie-televizionnyh-predpochteniy-selskih-zhiteley> (дата обращения: 20.09.2022).
3. Наседкина Н.И. Сущность медиатизации как явления современного общества // Universum: филология и искусствovedение: электрон. научн. журн. 2018. № 9 (55). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/6381> (дата обращения: 20.09.2022).
4. Петрова Е.В., Шалонская Е.В. Как сельские жители используют медиа? / Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Т.4. №3. С.103-118.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВИРТУАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ

Бурганова Лариса Агдасовна

(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Мяжков Герман Пантелеймонович

(Казанский инновационный университет имени В.Г.Тимирязова)

Содержание учебной деятельности в университетах за последние годы претерпело значительные изменения в результате «цифрового переворота», имевшего своим главным результатом создание виртуальной системы образования. Понятие «виртуальная реальность», а также производные от него интересующие нас категории «виртуализация образования», «виртуальные коммуникации», «виртуальное общение», «электронное общение» пока не получили однозначной концептуализации. Не вдаваясь в обстоятельный анализ различных концепций и подходов к анализу данного феномена [1, 191], обозначим свой подход к интерпретации виртуальной реальности вне рамок ее противопоставления с пространством подлинной реальности. Виртуальная реальность, согласно М. Кастелльсу, не отделена от реального физического мира, не существует параллельно с ним; она с ним интегрирована [2]. Мы исходим из понимания ее как реальности особого рода, представляющей собой интерактивную среду, специфическую систему опосредованных коммуникаций, осуществляемых в Интернете или с помощью различных устройств (сотовых телефонов, автоответчиков и пр.). Опосредованные виртуальные коммуникации принято различать по степени их интерактивности: наиболее интерактивные виртуальные коммуникации разворачиваются в режиме on-line (в различных чатах или месенджерах), наименее интерактивные – в режиме off-line (с помощью электронной почты) [3, 33].

Одной из интегрированных сред, сложившейся на базе объединения общества и виртуальной реальности, сегодня является система образования, в том числе его высший уровень. Цифровизация достаточно глубоко проникла в университетскую жизнь, настолько, что смогла изменить как содержание учебной деятельности, так и ее организацию. Однако, полагаем, сущность и результаты цифрового поворота в образовании более релевантно можно осмыслить в категории «виртуализация образования», а не в ставшем уже привычным его понятии «цифровизации». Разумеется, эти понятия во многом синонимичны, оба выражают сущность процесса, основанного на применении цифровых ресурсов и технологий для автоматизации и упрощения рутинных функций, организации продуктивной учебной деятельности на базе различных мобильных платформ. Однако такое понимание редуцирует содержание цифровизации преимущественно к технологической ее составляющей, делая акцент на том, что цифровые технологии – инструмент обеспечения упорядоченности, эффективности образовательных результатов с технологической точки зрения. За кадром остается субъективный, личностный аспект взаимодействия преподавателей и студентов в процессе обучения, который также должен подвергнуться трансформации и постепенно

утратить классическую форму субъект-объектных отношений, при которой преподаватель – активное начало, от которого исходит инициатива и который призван обеспечить учебным материалом своих подопечных. Студент в этом плане должен перестать быть для нас, преподавателей, объектом и превратиться в равноправного участника виртуальной коммуникации, которая предполагает активный обмен информацией, активизацию процесса ее взаимного осмысления.

По существу, сегодня можно говорить о становлении новых социальных агентов в образовании – таких, как «цифровой преподаватель» и «цифровой студент». Цифровой преподаватель – это не робот, а реальный субъект, отличающийся от привычного педагога владением цифровыми профессиональными и педагогическими компетенциями, необходимыми для осуществления профессиональных коммуникаций, развития своих цифровых навыков для организации учебного процесса. Он должен владеть гибкими навыками виртуального общения и сотрудничества со студентами, поэтому в системе профессиональных цифровых компетенций преподавателя важное место отводится его коммуникативным компетенциям, направленным на формирование у студентов информационной и медиаграмотности, навыков цифрового общения и сотрудничества, в том числе с самим преподавателем [4].

Несмотря на то, что цифровые технологии тесно переплелись с высшим образованием, пока трудно делать выводы о том, что цифровой преподаватель и цифровой студент – это реальность нашего времени. По данным социологических исследований, посвященных 1) отношению преподавателей и студентов к цифровизации образования и 2) готовности преподавателей к использованию ИКТ, проведенных нами на материалах опросов студентов и преподавателей четырех ведущих университетов г. Казани (КФУ, КНИТУ, КГМУ, КИУ им. В.Г. Тимирязова) в 2021 г., было выявлено, что преподаватели и студенты используют в ограниченном объеме цифровые технологии и ориентируются больше на пассивные формы использования ИКТ. Преподавателями пока решены самые простые задачи в освоении цифровых компетенций: обучение навыкам подготовки презентаций лекций (94,2 %), ввода текста с клавиатуры и способам его форматирования (65,3 %), обучение в сетевом пространстве (57 %). Цифровые инструменты управления обучением используются преподавателями в основном в качестве организационного механизма для своих занятий (например, для планирования тем семинаров и загрузки материалов), а не для продвижения усовершенствованных технологий обучения, ориентированных на студентов. Практически не используются ими технологии интерактивного обучения, обеспечивающие коммуникации со студентами (игровые технологии обучения – 15,3 %), механизмы обратной связи, развитие их самостоятельной деятельности, творческих способностей (групповая и индивидуальная рефлексия – 34,1 %). Преимущества перехода на цифровое образование преподаватели видят скорее в решении проблем с географической доступностью (63 %), обеспечением большей гибкости учебного процесса (50,6 %), экономией времени (38,3 %), большей доступностью информации (33,3 %).

Студенты также слабо подготовлены к совместной работе в цифровой образовательной среде, что отражено в нерегулярном или крайне редком использовании таких саморегулируемых технологий обучения, как экспресс-информации, виртуальные семинары и профессиональные образовательные сети, несмотря на широкое использование ими социальных сетей в повседневной жизни в неформальных целях. Позиция студентов также характеризуется установкой на пассивные формы использования инновационных ИКТ (вебинары – 53,6 %, онлайн-курсы – 51,2 %). Студенты при подготовке к занятиям чаще всего используют такие цифровые инструменты, как поисковые системы (71%), мобильные приложения (51 %), подборка текстовых и видеодокументов (35%).

Таким образом, применение информационно-коммуникативных технологий в образовании должно быть ориентировано на качественное изменение коммуникации

преподавателей и студентов, обеспечить переход от наставничества в образовании к сотрудничеству. Именно в этом и должна состоять сущность виртуализации образования.

1. Солодкина Е.А. К определению понятия «виртуальная реальность» // Вестник РУДН, серия Философия. – 2004-2005. – № 1 (10-11). – С. 189-196.
2. Castells M. *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Vol. 1. – Madlen, M.A.: Wiley-Blackwell. – 624 p.
3. Bruhn E. *Virtual Internationalization in Higher Education*. – Oldenburg, 2020. – 335 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/344424367_Virtual_Internationalization_in_Higher_Education
4. DigCompEdu 2018 (EU Digital Competence Framework for Educators) // Retrieved from. – URL: <http://ec.europa.eu>

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЦИФРОВОЙ СЛЕД: ПРОГРЕСС ИЛИ ДИСКОМФОРТ?

Бухтиярова Ирина Николаевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Цифровые технологии неразрывно интегрировались в повседневную жизнь общества, трансформируя процессы не только в социально-экономических сферах, но также и в частной жизни индивидов. Речь идет о цифровой идентичности, с одной стороны, и цифровой репутации, формирующейся на основе «цифрового следа» индивида, - с другой.

Цифровая идентичность прочно зарекомендовала себя как одна из самых значительных технологических тенденций на планете. Особенно в годы пандемии COVID-19 стало необходимым взаимодействие граждан с государственными учреждениями и частными организациями. Цифровая идентификация — это набор проверенных цифровых атрибутов и учетных данных для цифрового мира, аналогичный идентичности человека для реального мира. Он может включать такие атрибуты, как уникальный идентификационный номер, номер социального страхования, код прививки, имя, место, дата рождения, гражданство, биометрические данные и т. д. Бесспорно удобство такого цифрового подхода для жителей всей планеты – взаимодействуя с определенными учетными данными, такими как карта eID (Германия, Италия, Испания или Португалия), цифровые водительские права на мобильном телефоне (в нескольких штатах США), уникальный идентификационный номер, связанный с биометрическими данными, как в Индии, мобильный идентификатор (Финляндия, Бельгия или Эстония) или кошелек с цифровым удостоверением личности (инициатива ЕС, Австралия и т. д.) – все эти атрибуты можно использовать для аутентификации владельца. Эта цифровая трансформация, прогресс, несомненно, приносящий пользу и облегчающий жизнь людям.

Повседневная жизнь каждого человека сопряжена с использованием сети Интернет. По мере того, как человек путешествует по онлайн-миру, он постоянно оставляет следы своей деятельности: учетные записи в социальных сетях, изображения с тегами, профессиональное присутствие, обрывки текста, а также множество артефактов, которые не всегда осознает, (данные о пользователе в истории просмотров, кликах, времени посещения веб-сайтов, личных профилях, лайках в социальных сетях и т.д.), а также ту информацию, что другие оставляют о нем. В результате этих действий остаются «цифровые следы», которые используют системы искусственного интеллекта (ИИ), такие как алгоритмы машинного обучения, для сбора данных, распознавания в них шаблонов и определения предпочтений, интересов и целей. Однако, подобные цифровые следы формируют общую цифровую репутацию человека. Перед современным пользователем стоит сложная задача совместить стремление к новым технологиям, безопасность данных

в сети и право на корректное использование этих данных сторонними системами и людьми.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ УМНЫХ ГОРОДОВ

Васильева Елена Игоревна
(РАНХиГС)

Орфонидий Анастасия Васильевна
(МГУ)

Несмотря на то, что темпы урбанизации в Европе в последние годы замедляются, около 72% населения континента проживает в городах, а в некоторых странах уровень урбанизации уже превышает 90%. Одновременно возрастает актуальность таких проблем, как ухудшение состояния окружающей среды, изнашивание инфраструктуры, бедность и социальное неравенство. Одним из возможных путей решения данных проблем стала концепция «умного города». Проекты в рамках умного города помогают контролировать загрязнение воздуха, оптимизировать автомобильный трафик, повышать эффективность использования ресурсов, стимулировать участие граждан в городских делах и улучшать благосостояние людей.

На сегодняшний день проведено несколько литературных обзоров по теме умный город. Ряд авторов выделяют такие признаки умных городов как умное управление (участие граждан), умный человеческий капитал, эффективность использования ресурсов, качество жизни и конкурентоспособность (умная экономика) [1]. Другие авторы к умным городам относят такие, в которых реализована прозрачность управления, люди заинтересованы в принятии решений, имеется общая культурно-развлекательная инфраструктура, а для удовлетворения повседневных потребностей создаются и поддерживаются городские удобства и обеспечен высокий уровень комфорта [2].

На основе анализа публикаций, входящих в Web of Science Web Collection, О. Дашкевич и Б. Портнов, выявили следующие наиболее часто упоминающиеся критерии умных городов: умные технологии, качество жизни, обеспечение экологической устойчивости, развитие экономики, человеческий капитал, умное управление, ресурсосбережение, конкурентоспособность, рекреация и досуг. Вопросы переработки городских отходов и расширения зеленых насаждений, которые в целом являются важными компонентами устойчивого развития городов, упоминались менее чем в 2% исследований, рассмотренных в обзоре [3]. Лишь около половины критериев, используемых в эмпирических исследованиях для выявления умных городов, реально относятся к потребностям горожан, а остальные являются общетехнологическими мерами. В этой связи определяющими критериями умных городов можно обозначить социальные, экологические и технологические аспекты развития города, а также наличие прямой связи между качеством жизни и внедрением «умных» технологий.

1. Lombardi, P.; Giordano, S.; Farouh, H.; Yousef, W. *Modelling the smart city performance. Innov. Eur. J. Soc. Sci. Res.* 2012, 25, 137–149.

2. Marchetti, D.; Oliveira, R.; Figueira, A.R. *Are global north smart city models capable to assess Latin American cities? A model and indicators for a new context. Cities* 2019, 92, 197–207.

3. Dashkevych, O.; Portnov, B.A. *Criteria for Smart City Identification: A Systematic Literature Review. Sustainability* 2022, 14, 4448. <https://doi.org/10.3390/su14084448>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПЕТЕРБУРГА РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Видясова Людмила Александровна
(Социологический институт-филиал ФНИСЦ РАН)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 «Отложенное старение или поздняя взрослость в России: как цифровое развитие меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности» (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

В последние годы цифровизация упорно проникает во все сферы жизни [1]. Вместе с тем появляется все больше вопросов о том, насколько информационные технологии, гаджеты и их повсеместное применение способны действительно улучшить качество жизни или даже осчастливить людей [2, 3]. В докладе представлены результаты социологического исследования использования цифровых сервисов жителями Петербурга. Исследование проведено методом онлайн анкетирования на репрезентативной по полу и возрасту выборке в 500 человек. Исследование проведено по разработанной автором с коллегами ранее методике мониторинга доверия информационным технологиям [4].

В результате исследования было выявлено, что Интернетом практически постоянно или ежедневно пользуются 94,7% респондентов во всех возрастных группах. Исследованием не отмечен большой разброс в оценках актуальности городских цифровых сервисов среди представителей возрастных групп: абсолютное большинство респондентов отметили, что данные сервисы важны, удобны и востребованы. Представители старших возрастных групп особенно выделили для себя актуальность сервисов электронного здравоохранения, безопасного города и общественного транспорта.

Отдельный блок в анкете составляли вопросы по оценке социального самочувствия респондентов. По данным опроса, материальное положение своей семьи как хорошее оценивают 15,8% респондентов в группе 18-25 лет, 19,6% - 26-35 лет, 13,1% - 36-45 лет, 5,1% - 46-55 лет, 7,6% - 56-65 лет и 5% в группе старше 65 лет. В целом удовлетворенность жизнью, которой они сейчас живут, выразили 15,8% жителей в группе 18-25 лет, 26,2% в группе 26-35 лет, 28,3% в группе 36-45 лет, 21,4% в группе 46-55 лет, 20,3% в группе 56-65 лет и 16,5% в группе старше 65 лет. В анкету был включен вопрос «Как Вы считаете, через год Ваша семья будет жить хуже или лучше, чем сейчас?». По результатам исследования, максимально оптимистичные оценки были зафиксированы в группе 25-36 летних – 27%, а наиболее пессимистичные – в группах от 56 лет и старше, где верящих в улучшение всего 7,5%.

Примечательно, при анализе сопряженности ответов респондентов было обнаружено, что оценки удовлетворенности от жизни в целом были выше у тех респондентов, кто достаточно часто пользуется порталом государственных услуг. Похожая тенденция была отмечена при анализе пользователей портала решения городских проблем «Наш Петербург»: тех респондентов, кто рассказал о частом использовании данного портала, доля удовлетворенных достигает 43%. Стоит отметить, что анализ частоты использования портала петиций Change.org не выявил подобных различий.

Исследование позволило оценить уровень использования сервисов и эффектов от них. В перспективе важным для изучения является разработка и апробация методики оценки социального самочувствия с учетом использования цифровых сервисов населением.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 «Отложенное старение или поздняя взрослость в России: как цифровое развитие

меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности» (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

1. Торотова А.М. Цифровизация общества: проблемы реализации и новые возможности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obschestva-problemy-realizatsii-i-novye-vozmozhnosti> (дата обращения: 10.10.2022).
2. Гаспарович Е. О. Влияние цифровой экономики на повышение уровня и качества жизни населения / Е. О. Гаспарович, Е. С. Иванова // Цифровая трансформация общества, экономики, менеджмента и образования: материалы III Международной конференции (Екатеринбург, 11–12 ноября 2020 года). — Sedlčany : Ústav personalistiky, 2020. — С. 42-47.
3. Кориунов Г.П., Кройтор С.Н. Проблема уровня и качества жизни в эпоху цифровизации // Logos et Praxis. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-urovnya-i-kachestva-zhizni-v-epohu-tsifrovizatsii> (дата обращения: 10.10.2022).
4. Vidasov E., Vidasova L., Tensina I. Institutional Factors for Building Trust in Information Technologies: Case-Study of Saint Petersburg // Communications in Computer and Information Science. 2022. vol 1503. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93715-7_11

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Гавва Дана Сергеевна

(УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Резер Татьяна Михайловна

(УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина)

В настоящее время политика Российского государства нацелена на внедрение цифровых технологий в сферу деятельности органов публичного управления. Одним из базовых условий формирования цифрового государственного управления является достижение высокого уровня информационной открытости органами публичной власти. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» выделяет следующие способы обеспечения открытости:

- опубликование в СМИ,
- обнародование в Интернете,
- размещение в помещениях органов власти,
- ознакомление через библиотечные и архивные фонды,
- присутствие граждан на различных заседаниях органов власти,
- представление информации по запросу граждан,
- другим способами, не противоречащим законодательству [1].

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2022 №2523-р определило и официально закрепило ещё один способ обеспечения открытости информации о деятельности органов публичного управления – ведение аккаунтов органа в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» [2]. На данных ресурсах органы власти любого уровня обязаны размещать информацию о своей деятельности, публиковать мероприятия и отчёты по их проведению, а самое главное – обеспечивать обратную связь с гражданами.

Социальные сети – это современный ресурс, с помощью которого органы публичного управления могут не только обеспечивать открытость деятельности, но и

взаимодействовать с населением. Например, современные формы коммуникации с населением выражаются в таких формах, как прямые эфиры, ведение рубрик «вопрос-ответ» и непосредственно в ответах на сообщения граждан в сообществах органа власти. Беленкова Л.М. и Белоконев С.Ю. отмечают, что использование органами власти социальных сетей в деятельности позволит повысить уровень доверия граждан при условии активного ведения страниц и опубликования актуальных решений, проблем и различного рода мероприятий [5, 98].

На сегодняшний день нет специализированных оценок, которые бы позволяли оценить активность органов власти в социальных сетях. Стоит отметить, что в экспертном докладе «Открытость государства в России», подготовленном Счётной палатой Российской Федерации, присутствуют параметры оценки социальных сетей органов власти [3]. Пока что параметры включают наличие аккаунта органа власти в социальной сети «ВКонтакте» и «Одноклассники».

С целью определения наличия аккаунтов в социальных сетях за объект исследования были взяты местные администрации и главы 94 муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области. Добавим, что в Свердловской области реализуется государственная программа «Обеспечение эффективности системы информирования населения Свердловской области до 2025 года», которая обозначает обязанность органов местного самоуправления региона вести свои социальные сети [4].

Результаты получились следующие. Аккаунты в социальной сети «ВКонтакте» имеет 81 муниципальное образование Свердловской области, что составляет 86% от числа всех муниципальных образований региона. Также 70 глав муниципальных образований Свердловской области имеют аккаунт в данной сети, что составляет 74% от общего числа.

Отсутствует аккаунт у следующих муниципальных образований: Новоуральский ГО, Невьянский ГО, МО Красноуфимский округ, Бисертский ГО, Нижнесергинское городское поселение, Тугулымский ГО, Зареченское сельское поселение, Махнёвское МО, Обуховское сельское поселение, Восточное сельское поселение, ГО Староуткинск, Галкинское сельское поселение и ЗАТО Уральский.

Социальная сеть «Одноклассники» занимает второе место по наличию аккаунтов органов местного самоуправления Свердловской области. Только 50 муниципальных образований Свердловской области имеют аккаунт в социальной сети «Одноклассники», что составляет 53% от числа всех муниципальных образований. В свою очередь, лишь 38 глав муниципальных образований зарегистрировано и ведут данную социальную сеть.

Отсутствует аккаунт у следующих муниципалитетов: МО «город Екатеринбург», Каменск-Уральский ГО, ГО Первоуральск, Новоуральский ГО, Асбестовский ГО, Режевской ГО, Невьянский ГО, Качканарский ГО, ГО Красноуфимск, Кушвинский ГО, МО Ирбит, Горноуральский ГО, Камышловский муниципальный район, ГО Карпинск, Артинский ГО, ГО Среднеуральск, Кировградский ГО, Ивдельский ГО, Арамилский ГО, Ачитский ГО, Байкаловский муниципальный район, Михайловское МО, Калиновское сельское поселение, Бисертский ГО, Нижнесергинское ГО, Байкаловское сельское поселение, Слободо-Туринское сельское поселение, Тугулымский ГО, Зареченское сельское поселение», Махнёвское МО, Обуховское сельское поселение, ГО Верх-Нейвинский, Гаринский ГО, ГО Пелым, Кленовское сельское поселение, Восточное сельское поселение, ГО Староуткинск, Баженовское сельское поселение, Таборинский муниципальный район, Галкинское сельское поселение.

Аккаунты в обеих социальных сетях есть только 46 муниципальных образований, что составляет 48% от общего числа. Вместе с тем в Свердловской области есть муниципальные образования, которые не имеют и не ведут аккаунты ни в одной социальной сети. К таким относятся: Новоуральский ГО, Невьянский ГО, Бисертский ГО, Нижнесергинское городское поселение, Тугулымский ГО, МО «Зареченское сельское поселение», Махнёвское МО, Обуховское сельское поселение, Восточное сельское

поселение, ГО Староуткинск и Галкинское сельское поселение. Данные муниципальные образования составляют 11% от общего числа. Исследование показало, что 21% глав муниципальных образований не имеют и не ведут социальные сети.

Таким образом, социальные сети являются современным способом обеспечения открытости информации о деятельности органов публичного управления. Данный способ позволят оперативно взаимодействовать с гражданами в цифровом пространстве. Исследование муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, показало, что не все органы власти имеют аккаунты в социальных сетях. Также общий анализ социальных сетей показал, что у большинства органов власти активность в социальных сетях отличается шаблонностью и отсутствием форм обратной связи.

Для решения проблем необходимо обеспечить не только законодательную базу с требованиями по ведению социальных сетей, но и организовать обучение служащих, отвечающих за ведение аккаунтов. Обучение включает в себя новое направление – муниципальный SMM, суть которого заключается в формулировке и реализации контент-плана. Дополнительно предлагается ввести систему KPI, которая включает в себя показатели и оценку их достижения.

1. *Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8.* – Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 12.09.2022).
2. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2022 №2523-р.* – Текст: электронный // Информационно-правовой портал «Гарант»: [сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405136747/> (дата обращения: 12.09.2022).
3. *Экспертный доклад «Открытость государства в России».* – Текст: электронный // Счётная палата Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://ach.gov.ru/> (дата обращения: 12.09.2022).
4. *«Об утверждении государственной программы Свердловской области «Обеспечение эффективности системы информирования населения Свердловской области до 2025 года».* Постановлением Правительства Свердловской области от 25.12.2019 г. № 1007-ПП. – Текст: электронный // Информационно-правовой портал «Гарант»: [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/73340134/> (дата обращения: 12.09.2022).
5. *Беленкова Л. М., Белоконев С. Ю. Социальные сети в информационной политике: формирование имиджа органов государственной власти.* – Текст: электронный // Гражданин. Выборы. Власть. – 2020. – №1 (15). – С. 92-102. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42498721> (дата обращения: 12.09.2022).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОГНОЗИРОВАНИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ИЛИ НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ?

Гавриленко Ольга Владимировна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета "Математические методы анализа сложных систем"

Процесс повсеместной цифровизации во многом способствовал появлению веры во «всемогущество» данных. Датаизм становится новой идеологией, формируя убежденность в возможности «оцифровки всего социального», веру в объективную количественную оценку и потенциал отслеживания человеческого поведения и социальности с помощью

онлайн-медиа-технологий, в предсказательные возможности искусственного интеллекта, доверие к агентам, которые собирают, интерпретируют и распространяют (мета)данные, собранные из социальных сетей, интернет-платформ.

Сегодня в область социального прогнозирования приходят те, кто не имеет отношения к социальным наукам. Так, популярны стали работы Алекса Пентленда, в которых он строит свою теорию «инструментального общества». Его социальная физика позиционируется им как новая общественная наука, которая математическими методами изучает, как с помощью данных и информации влиять на человеческое поведение [1]. Человек — это элемент машины, построенной на основе умных алгоритмов. Искусственный интеллект и Большие данные позволяют выстроить систему, где неопределенность сведена к минимуму и нет случайностей, где используется алгоритмическое управление и поведение индивидов загнано в границы параметров. Поэтому будущее уже определено, оно задано алгоритмами. Вопрос в том, кто определяет эти алгоритмы.

Большие данные это не только идеология, это исследовательская технология, которая может успешно использоваться для социального прогнозирования. Но возможности данной технологии важно не переоценивать. Большие данные не имеют существенного значения для социального прогнозирования, так как нам нужны не просто данные, а нужны умные данные (smart data) для принятия решений, связанных с будущим. Умные данные подразумевают интеллектуальную обработку, основанную на аналитических алгоритмах и применении качественных методов.

Кроме того, есть еще и темные данные (dark data). Это данные, которые собираются автоматически в общем массиве, но не используются для получения значимой информации или принятия управленческих решений. Темные данные — это и данные, не поддающиеся оцифровке. Такие данные могут нести значимую информацию, но она никак не используется для прогнозирования, соответственно снижается точность прогноза.

Может ли искусственный интеллект быть непредвзятым и объективным? Вряд ли, так как он учится на наших данных и может воспроизводить наши ошибки или стереотипы (воспроизводятся расовые, гендерные стереотипы). Те, кто обучают роботов, часто используют массив данных из сети, который наполнен предвзятым контентом.

Прогнозные модели, основанные только на массиве данных, часто бывают неточные. Ярким примером является модель Гугл флю трендс, которая при прогнозировании эпидемий гриппа постоянно ошибалась в расчетах и не смогла спрогнозировать эпидемию свиного гриппа в 2009.

Искусственный интеллект и Большие данные — это хорошие исследовательские технологии, но они не могут быть универсальными. Это скорее помощник человеку в решении четко определенных задач, в том числе, и социального прогнозирования.

1. Пентленд А. Социальная физика. Как Большие данные помогают следить за нами и отбирают у нас частную жизнь. — М.: АСТ, 2018.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИИ

Гольцман Анна Юрьевна

(Череповецкий Государственный Университет)

В настоящее время цифровизация занимает важное место для развития любого государства. Каждая страна хочет быть более развитой, превосходить другие страны в чем-либо, и одним таким аспектом выступает цифровизация. Она может быть развита в разных сферах — политика, экономика, образование, культура и т.д. Основными направлениями цифровизации являются автоматизация бизнес-проектов, появление интернет вещей, дополненная и виртуальная реальность, различные 3D-печати и развитие

робототехники. Самыми цифровыми странами на данный момент являются Япония, Эстония и Исландия. В свою очередь, Россия заняла 27 место в рейтинге в 2021 году [2]. Наша страна пытается внедрить цифровые технологии, и 2 марта 2019 года утвердила постановление Правительства Российской Федерации «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [3]. Большое влияние на быстрое развитие цифровизации оказала коронавирусная инфекция в 2020 году. Самым популярным инструментом цифровизации стали социальные сети. Однако, более сложные вещи, такие как искусственный интеллект, интернет-вещи, более сложная робототехника и 3D-печать встречается намного реже. Такими способами в России пользуются около 10% предприятий.

Не смотря на всевозможные положительные стороны, с какими противоречиями может столкнуться цифровизация в России?

Во-первых, если всю информацию хранить лишь в электронном формате, то в случае уничтожения электронного носителя все данные могут быть стерты навсегда. Сейчас многие организации, компании и муниципальные предприятия переходят с бумажных носителей на электронные. Однако, помимо потери информации в случае сбоя или повреждения внешнего носителя, может быть произведена утечка информации. В особенности в последнее время многие большие компании сталкивались с такой проблемой, когда практически вся или вся база данных по клиентам и гражданам нашей страны была обнародована в общий доступ. В таком случае важно обеспечить надежную защиту от хакерских атак и снизить возможность внешних повреждений до минимума.

Во-вторых, с появлением в нашей жизни интернет-магазинов, доставок вещей и продуктов, многие люди перестают лишней раз выходить на улицу, что негативно сказывается на их физическом состоянии. Электронная коммерция хочет вытеснить оффлайн магазины, поэтому очень часто стали появляться на различных интернет-платформах услуга «доставка до двери». Причем, это касается не только какой-то бытовой электроники, техники, мебели или предметов быта, но уже и одежды, и продуктов питания. Такая функция очень помогает малоподвижным гражданам обеспечить себя практически всем, что им не хватает. Однако такими услугами часто пользуются молодое поколение, которое выберет доставку продуктов из супермаркета, нежели поход до ближайшего магазина. В результате отсутствия даже элементарной физической активности ввиду малоподвижного образа жизни, страдает организм человека. Природа создала нас, как людей активных, поэтому с эволюцией мы можем утратить некоторые важные функции.

В-третьих, многие рабочие места теряются из-за внедрения цифровизации, на место обычных людей приходит техника. С одной стороны снижается риск получения различных травм на производстве и изготовления брака, но с другой стороны люди теряют место работы. Например, в автобусы поместили валидаторы, которые помогают людям оплачивать проезд по карте. Те люди, которые были в этой сфере кондуктором потеряли свое место работы. В отличие от тех, кто потерял место на предприятии, таким людям сложнее найти другое место работы, в силу их рабочей специфики.

Еще одной проблемой, с которой столкнулись люди с развитием цифровизации – массовая мировая коммуникация. Практически каждый человек, обладающий интернетом, может написать жителю другой страны. Безусловно, это помогает больше узнать про культуру, общество и интересующие аспекты жизни других народов, в связи с чем число межнациональных браков возросла. Однако, не каждый человек может спокойно общаться с другими людьми, в особенности если их культуры и понятия о жизни отличаются. В конечном итоге, нередко можно встретить так называемые «интернет-войны» среди обычных пользователей сети, которые негативно сказываются на едином представлении о стране у других людей, в том числе не причастных к конфликту.

Развитие цифровизации как положительно, так и отрицательно влияет как на людей, так и на государство. С одной стороны, наша жизнь становится легче, появляются

технологии, которые помогают нам в бытовых вещах, заменяют тяжелую работу, неограниченный доступ к любой информации. Но, с другой стороны, существует множество противоречий цифровизации как фактора устойчивого развития общества. К самым основным можно отнести риск потери или утечки данных, малоподвижный образ жизни, потери мест работы и конфликты среди интернет-пользователей разных стран. Некоторые из перечисленных проблем решить возможно, и даже необходимо, но это будет зависеть как от самого человека, так и от государства, в котором он живет.

1. Жукова В.И. Уровень информатизации населения как противоречия цифровизации страны // Экономика и бизнес: теория и практика, 2018. – 1-3 с.
2. Россия заняла 27-е место в рейтинге стран по цифровизации. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210903/tsifrovizatsiya-1748459672.html> (дата обращения: 04.10.2022)
3. «Цифровая экономика в РФ». [Электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 04.10.2022)

УТОПИЧЕН ЛИ УМНЫЙ ГОРОД?

Григорьева Екатерина Александровна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 21-18-00489). Сайт проекта: <http://new-inequalities.tilda.ws/>

За последнее десятилетие концепция умного города стала привычной частью градостроительной повестки. В настоящий момент существует ряд новых городов, как за рубежом (Масдар-Сити), так и в России (Иннополис), строительство которых предполагало широкое внедрение концепции «умного города». При этом реализация концепции в существующих городах осуществляется точно, зачастую внедряются отдельные технологии. В период активного движения в сторону «smart city» особого внимания заслуживает сам дискурс об умном городе, продуцируемый на разных уровнях.

На основе анализа ведомственных публикаций утверждается, что на уровне управленческого дискурса умный город предстает прежде всего как утопия. В то же время обзор имеющихся в социальных науках исследований умного города позволяет утверждать, что в научном дискурсе ярко выражены опасения относительно усиленной технологизации и цифровизации городского пространства, активно изучаются риски внедрения концепции и, исследование проблемы в ряде случаев приобретает антиутопический контур.

Утверждается, что изучение дискурсивных практик позволяет выявить ожидания от внедрения концепции, которые необходимо сопоставить с реально достигаемыми результатами.

ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Грошева Любовь Игоревна
(Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова)

Современное общество характеризуется интенсификацией ежедневной коммуникации, реализуемой в рамках виртуального пространства. Вне зависимости от профессиональной и досуговой направленности интересов значительная доля населения

вовлекается в информационные потоки как специализированного характера, так и в информирование о наиболее актуальных или востребованных социальных вопросах. Проблема социального одиночества людей, в особенности молодого поколения, остаётся актуальной, трансформированной в рамках цифрового контента.

Согласно данным ВЦИОМ в 2021 году 23 % россиян чувствовали себя одинокими, при этом 19 % испытывали это чувство время от времени (37 % 18-24-летних), а 4% – постоянно [1]. Исследователи признают тот факт, что феномен одиночества в молодёжной среде сегодня представлен группой разнонаправленных явлений, стимулирующих проявление одной и той же системы самоощущения, что требует глубинного анализа проблемы [2].

С целью определения восприятия одиночества молодыми людьми в условиях цифровой среды автором статьи было проведено исследование методом фокус-групп (N=27 групп по 5-7 человек), в котором приняли участие молодые люди в возрасте 18-35 лет, занятые в рамках профессий и специализаций, не связанных с интенсивным взаимодействием с людьми.

В ходе взаимодействия с молодыми людьми было определено три наиболее частотных формы одиночества.

Техническое одиночество в форме изоляции, которое может быть обусловлено спецификой работы, ограничениями по здоровью, а также низкими коммуникативными навыками людей.

Одиночество сверхнасыщенного информационного пространства, в рамках которого молодые люди часто ведут публичный образ жизни или имеют широкий круг знакомств, но по ряду причин не имеют возможности сохранять доверительные отношения.

Структурное одиночество, которое проявляется в невозможности поддерживать контакты с определёнными (чаще референтными) группами, при наличии достаточного количества других неспецифических контактов.

Молодые люди отмечают, что причиной социального одиночества чаще всего выступает коммуникативная усталость в рамках рабочего или учебного процесса, не позволяющая продолжать какое-либо общение. Каждый третий высказал позицию, характеризующую одиночество как результат высокой виртуальной активности, которая создаёт видимость большого количества людей в окружении, но фактически в редких случаях формирует эффективный социальный капитал. Для 10,4 % участников одиночество переживается периодически, что приводит к временному, но существенному понижению эффективности обучения или труда в целом.

В заключении следует отметить, что лишь каждый пятый отметил, что предпринимал попытки решить проблему, но среди данной группы лишь три человека смогли получить фиксируемый результат. Остальные после временного повышения активности вернулись в исходное состояние проблемы. В качестве причины отсутствия успеха молодые люди упоминали нерационально распределённое время, отсутствие широкого кругозора и интересующих тем для общения.

1. *Одиночество и как с ним бороться // Портал ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odinochestvo-i-kak-s-nim-borotsja> (дата обращения: 10.10.2022).*

2. *Примаков В.Л., Саутина Е.Г. Одиночество студенческой молодёжи как социальный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. №1 (794). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odinochestvo-studencheskoy-molodezhi-kak-sotsialnyy-fenomen> (дата обращения: 10.10.2022).*

ЭМПИРИЧЕСКАЯ АПРОБАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ИНТЕГРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ П.А. СОРОКИНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦЕННОСТЕЙ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ИТ-ГРУПП РОССИИ, КНР, БРАЗИЛИИ, США)

Дерюгин Павел Петрович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Баннова Олеся Сергеевна

(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ))

Юй Ян

(Санкт-Петербургский государственный университет)

При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19

Одним из наиболее значимых результатов обобщений П.А. Сорокина является его теория «социокультурных суперсистем» как макроединиц исторического развития: колебания социума между чувственными и идеациональными полюсами ценностей составляет траекторию всей истории развития человечества. Разработав теоретические основы целостного изучения социодинамики общественного развития, ученый тем самым поставил изучение его трансформаций на научную основу [Alalykin-Izvekov, Vladimir N., 2011]. Согласно этой, в высшей степени оригинальной и увлекательной парадигме, революции, войны и других социокультурных потрясений, которые чередуют историю, проходя через периоды изменений, перемен и кризисов, трансформируясь от одного полюса к другому. Более того, по мнению П.А. Сорокина эти полюса ценностей часто взаимосвязаны, провоцируя затяжные циклы ужасающих человеческих страданий. После тщательного анализа ученый приходит к выводу, что социодинамика своей сути носит «системный» - «колебательный» характер, иными словами, кризисные периоды наступают тогда, когда ценности общества разбалансированы и не интегрированы [Vlad Alalykin-Izvekov, 2014]. Примерно в таком состоянии находится современное российское общество. Особое место в этой социодинамике принадлежит ИТ-группам, ценностям ИТ-специалистов.

Можно сказать, что оценка важности интегрального подхода для исследования динамики ценностей ИТ-специалистов носит современный актуальный характер, тем более, если взглянуть на исторический контекст, в котором интегральный подход П.А. Сорокина был задуман. Формирование концепции П.А. Сорокина характеризуется волной потрясений и двух войн в европейской социально-политической динамике, одновременно тяжелым состоянием социального и экономического развития, что в значительной степени напоминает особенности современного мира [Paul Beaulieu, 2014].

Фундаментальные основы исследования влияния новых ценностей возникающих в процессе таких социокультурных флуктуаций представлены П. А. Сорокиным в его главной четырехтомной работе «Социальная и культурная динамика» [Сорокин, 2006]. В этом исследовании подчеркивается основная идея о многообразии форм появления новых ценностей и их цикличности, обеспечивающих активность динамики общества, расширяющих масштабность социальных процессов протекающих в нем. Целостность и единство социума, в котором формируются новые ценности в совокупности с традиционными ценностями способствуют интеграции общества и складываются в новые социальные системы, отражающие социально-исторические особенности рождающейся новой эпохи [Daffara P., 2010].

В значительной мере выводы П.А. Сорокина актуальны для исследований ценностей ИТ-специалистов:

Во-первых, род занятий ИТ-специалистов – это относительно новый и при этом существенный фактор расслоения общества, проявляющийся в новых социальных системах статусного ранжирования и привилегий [Пономарев, 2007];

Во-вторых, это ценности, которые отнесены к «смешанным» ценностям, т.е. это «комбинированные», «не самостоятельные» ценности, но ценности, где «логически интегрированы» идеациональные и чувственные элементы, которые сочетаются в различных пропорциях;

В-третьих, для деятельности ИТ-специалистов актуально объединение научно-объективного знания с элементами познания мира нематериальных явлений, что составляет одну из центральных их особенностей как профессиональной группы;

В-четвертых, для ценностей представителей социально-профессиональной группы ИТ-специалистов способы реализации потребностей заключаются в сочетании как методов самосовершенствования (идеациональных), так и методов преобразования внешней среды (чувственных);

В - пятых, как подчеркивает П.А. Сорокин, исследование конкретной социальной группы или отдельного индивида ни в коей мере не может однозначно переносить показанные обобщенные характеристики на частный случай [Сорокин, 2000];

В – седьмых, три фазы социокультурного развития – идеациональная, идеалистическая и чувственная – не просто сменяют друг друга. Нет, они никогда не исчезают, никогда и ни одна. Происходит лишь смена господства, преобладания ценностей в общей культуре той или иной группы. Такое господство сегодня характерно для ценностей группы ИТ-специалистов. Но смена приоритетов означает вместе с тем смену элит, перестройку своего социально-культурного пространства, что может вызывать «свирепую борьбу заинтересованных групп людей» [Муляр, 2016].

Основываясь на положения интегральной концепции П.А. Сорокина авторским коллективом была сформирована сетевая методика диагностики ценностей ИТ-специалистов. В систему ценностей включены индикаторы чувственных и идеациональных ценностей, а также ценности профессиональной деятельности, отношения к другим людям и научно-мировоззренческие ценности. В 2022 г. проведено изучение ценностей таких специалистов в России, КНР, Бразилии, США. Выборка составляет примерно по 150-200 человек в каждой стране. Итоговая модель исследования представлена на рис.1.

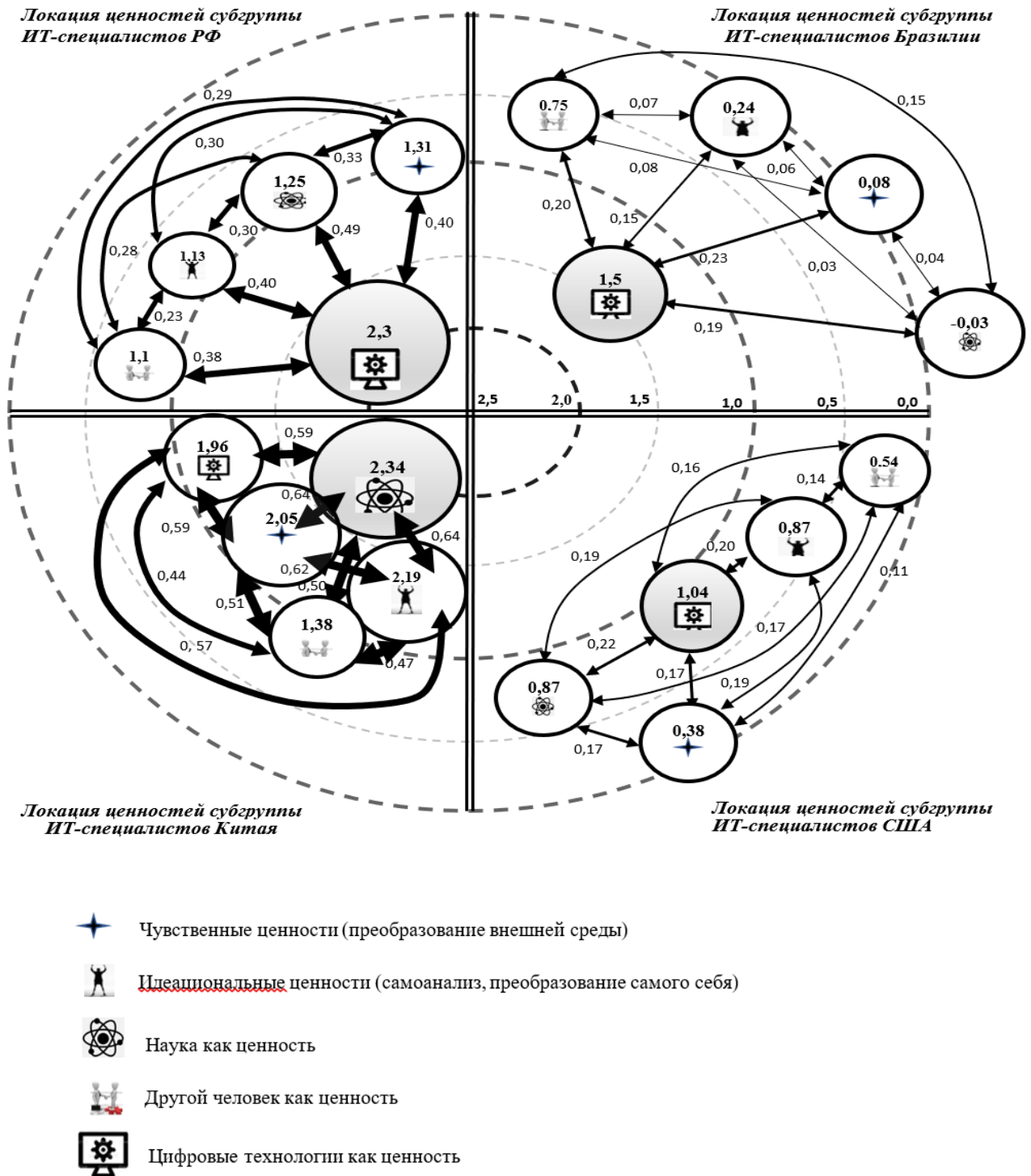

Рис. 1. Модели сетей ценностей ИТ-специалистов различных стран

Основные результаты:

В условиях различных обществ ценности ИТ-специалистов формируются с определенными особенностями. В наибольшей степени такие отличия присущи системе ценностей китайских ИТ-специалистов. В настоящем случае наблюдается высокая степень связанности чувственных и идеациональных ценностей, что по мнению П.А. Сорокина характеризует гармоничное состояние социума. К тому же, в этой ИТ-группе в центре системы ценностей находятся ценности научно-мировоззренческого порядка, что также является исключительной особенностью китайских ИТ-специалистов.

Можно говорить о нескольких типах и подтипах стратегий интеграции ИТ-специалистов, определяемых как: социально-универсальные, т.е. такие ценности ИТ-специалистов, которые гармонично коррелируют с ценностями различных (иных) порядков (китайские ИТ-специалисты); одномерно-профессиональные, т.е. такие ценности, которые являются решающими во всей системе ценностей ИТ-специалистов (характерно для российских ИТ-специалистов), квази-социальные, т.е. такие системы, в которых ценности оказываются связаны минимальными связями - на уровне статистических погрешностей (характерно для американских ИТ-специалистов), квази-профессиональные, т.е. такие системы ценностей, где профессиональные ценности включены в общую систему ценностей на уровне статистической погрешности – условно системные ценности (характерно для бразильских ИТ-специалистов).

Связанность между ценностями ИТ-специалистов различных стран показывает их неоднозначный характер. Наиболее плотные связи выявлены в паре российские-американские ИТ-специалисты, наименьшие связи в паре китайские-бразильские специалисты, в последнем случае эти связи оказались отрицательными.

В целом проведенное эмпирическое исследование показало значимый эвристический потенциал концепции П.А. Сорокина, как научной платформы для перспективы исследований ценностей ИТ-специалистов и их социологической диагностики [Дерюгин, 2001].

1. Alalykin-Izvekov, Vladimir N. (2011). *Sorokin's Contribution to the Civilizational Theory and Science // Dialogue and Universalism. Vol. XXI, No. 1/2011, 3351.*
2. Vlad Alalykin-Izvekov. *Phenomenon of civilization: Pitirim A. Sorokin's Integralist approach and its limitations // Biocosmol. – neo-Aristot.. 2014. №3.*
3. Paul Beaulieu *Integral approach of Pitirim Sorokin on social realities – applicability to biocosmological studies // Biocosmol. – neo-Aristot.. 2014. №4.*
4. Сорокин П.А. *Социальная и культурная динамика. Астпель, 2006. - 1176 с. Daffara, P. (2010). Sorokin, Pitirim, in The Oxford International Encyclopedia of Peace.*
5. Young, N. (Ed.), *Oxford University Press: 781-784.*
6. Пономарев В. А. *Трансформация социальной структуры в современной России // Гуманитарные и социальные науки. 2007. №6. С. 74-75.*
7. Сорокин П.А. *Социальная и культурная динамика. СПб, 2000. С. 68.*
- Муляр Е. А., Пристав Е. С., Скороход А. С. *Концепция развития культуры П. Сорокина // Царскосельские чтения. 2016. №XX. С. 142.*
8. Дерюгин П.П. *СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ. Санкт-Петербург, 2001.*

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Добринская Дарья Егоровна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Распространение цифровых технологий имеет разнообразные социальные эффекты. В настоящей работе интерес представляет вопрос, связанный с влиянием новейших технологий на конструирование идентичности. Активные пользователи цифровых медиа солидную часть своего повседневного опыта и коммуникаций перенесли в цифровую среду. В цифровой среде, к примеру, на платформах социальных медиа, возможностей для социализации становится больше, поскольку доступ к информации о других людях, возможности знакомства с ними и поддержание контактов ограничивается фактически лишь щелчком мыши. Так, появляются новые способы сравнивать себя с другими, узнавать новые нормы и ценности, быть включенными в многочисленные социальные сети [1]. Более того, цифровая среда позволяет расширить репертуар поведенческих стратегий индивида (создавая так называемые «альтернативные идентичности») благодаря

преодолению различных ограничений и условностей, которые существуют в привычном физическом пространстве.

Кроме того, речь идет о возникновении новой метрической культуры [2] в условиях интенсивных процессов датификации. Датификация связана с распространением технологий больших данных и относится к количественной оценке человеческой жизни. По своей сути датификация — это процесс социальный, поскольку с ее помощью возможно «визуализировать» человеческое поведение и преобразовывать в данные практически любой вид человеческой деятельности, а также позы, жесты, предпочтения, слова, местоположения людей и т.д. [3]. Интересно, что сами люди выбирают сегодня добровольную количественную оценку себя и своей жизни, охотно предоставляя данные о себе другим и активно превращая себя в проекты управления (собой) и наблюдения [Ajana, 2018, с. 3–4]. Таким образом, цифровые данные оказывают все большее влияние на формирование идентичности, поскольку в цифровой среде оформляется цифровой профиль, каждого, кто в ней активно участвует.

Различные системы рейтингов, оценок или систем ранжирования становятся одним из ключевых показателей определения социальной ценности. Любой индивид может, с одной стороны, с помощью этих показателей составить представление о себе (к примеру, о своей профессиональной эффективности на основе отзывов клиентов), а с другой стороны, может участвовать в оценивании других. Получается, что такие количественные представления социальной жизни уже не просто отражают существующую социальную действительность, а создают новые механизмы социальных различий с помощью таких инструментов, как лайки, звезды и рекомендации [4].

Все эти обстоятельства по-новому ставят вопросы относительно того, какую роль цифровая среда играет сегодня в конструировании идентичности. Речь идет не только о собственной идентификации личности в цифровой среде, но и о том, как на этот процесс влияют другие ее участники, а также и различные цифровые технологии.

1. Chayko M. *Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life*. CA: SAGE Publications, 2017. 262 p.
2. Beer D. *The social power of algorithms // Information, Communication & Society*. Taylor & Francis, 2017. Vol. 20, № 1. P. 1–13.
3. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. *Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим*. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 240 p.
4. Mau S. *Numbers matter! The society of indicators, scores and ratings // International Studies in Sociology of Education*. Routledge, 2020. Vol. 29, № 1–2. P. 19–37.

ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ НЕЧЕТКИХ ИНДЕКСОВ

Евсеев Евгений Александрович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Одним из важных и широко используемых инструментов в анализе социально-экономических явлений и процессов являются индексы. Несмотря на большое разнообразие используемых индексов, общая методика их построения состоит в агрегации нормированных значений частных индикаторов, показателей, полученных от федеральных служб государственной статистики, межгосударственных и неправительственных организаций, а также из баз статистических данных. В последние годы подобным составным индикаторам уделяют значительное внимание во многих областях экономической, социальной и экологической статистики, поскольку они представляют собой полезный способ обобщения и представления информации. В связи с этим были разработаны различные методологии для учета различных аспектов, связанных с их эмпирической реализацией.

Большинство индексов основано на объективных статистических показателях, однако некоторые, такие как, например, диффузионные индексы, являющиеся показателями делового оптимизма участников бизнеса, представляют собой чисто субъективные показатели, которые отражают восприятие участниками экономических процессов происходящих изменений. Несмотря на такую субъективность, а скорее благодаря ей, эти индексы обладают чрезвычайно сильными предсказывающими свойствами они являются опережающими индикаторами, сильно коррелирующими с основными параметрами экономических циклов. Многомерность и недостаточная формализованность (зачастую объективно невозможная) используемых понятий, наличие различий в степени их проявленности в реальных кейсах приводит к необходимости разработки многоаспектных, многомерных и нечетких подходов к построению индексов во многих социально-экономических сферах.

В качестве примера такой методологии построения индекса можно привести многомерный нечеткий подход к измерению бедности (комплексный нечеткий относительный подход, Integrated Fuzzy and Relative approach (IFR)), демонстрирующий универсальный междисциплинарный подход к измерению и анализу бедности [1]. Показатели многомерной бедности, основанные на нечетком подходе, оказались очень удобны, и Европейская комиссия приняла нечеткий подход в качестве базисного для разработки и анализа региональных индикаторов, чтобы отразить социальную изоляцию и бедность в различных регионах. Кроме того, нечеткий подход к оценке бедности позволяет работать с динамической статистической информацией: проанализировать продолжительность и интенсивность бедности совместно. Наконец, несколько авторов показали согласованность указанного нечеткого подхода с работами лауреата Нобелевской премии Амартия Сена. Таким образом, можно констатировать, что различные исследователи проявляет растущий интерес к упомянутому выше методу, хотя он пока и не стал общепринятым.

В своей работе [2] авторы показывают универсальность предложенного подхода в различных сферах, приводя примеры использования нечеткой методологии для оценки благополучия детей и продовольственной устойчивости. Теория нечетких множеств является мощным инструментом для описания многомерности и сложности социальных явлений, по сравнению с классическим четким подходом, который, как правило, переоценивает или недооценивает социальную динамику. Согласно предложенному подходу, итоговый индекс бедности состоит из двух компонент: склонность каждого человека к бедности и лишениям представлена не только денежными показателями, определяемыми как доля лиц, находящихся в более благоприятном положении, чем рассматриваемый индивид (Fuzzy Monetary) или как долю дохода, получаемого соответствующими физическими лицами, но и другими дополнительными неденежными переменными (например, переменными, отражающими различные скрытые измерения бедности Fuzzy Supplementary), преодолевая таким образом простую дихотомизацию населения на бедных и небедных по отношению к черте бедности.

Модификация этого подхода состоит в конструкции функции принадлежности, позволяющей интегрировать как категориальные, так и непрерывные переменные, отражающие степень как денежной, так и неденежной депривации. Эта функция представляет собой некоторую количественную характеристику индивидуальной склонности к бедности и лишениям в контексте других лиц, включенных в анализ. Следует отметить, что отбор неденежных индикаторов является нетривиальной задачей и сильно зависит от имеющихся данных. Основные факторы определяются с помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализа, т.е. определяются из данных и априори не известны. Затем для каждого фактора вычисляется взвешенная средняя оценка (методология Eurostat) и в результате общая средневзвешенная оценка является итоговым значением.

Нечеткий IFR подход может быть использован для оценки качества жизни и благополучия детей. При этом кроме дохода и потребления также использовались многочисленные латентные факторы, соответствующие способностям и возможностям детей, такие, например, способность играть, хорошо питаться и одеваться, иметь соответствующее жилье и окружающую среду, быть физически здоровым. Показано, что предложенная структура действительно может использоваться для многомерной оценки благополучия детей, причем позволяет оценивать динамику изменений. Другим примером использования методологии IFR является построение составного многомерного индекса для оценки устойчивости агропродовольственных товаров в странах Средиземноморского региона. При построении индекса использовались такие индикаторы, как добавленная стоимость, продуктивность, показатели землепользования и т.д., причем одни и те же индикаторы характеризовали различные измерения оценки.

Таким образом, можно сделать вывод, что нечеткий подход IFR может быть использован в широком спектре исследований для расчета нечеткой меры, которая сохраняет богатство изучаемой латентной концепции. Определение составных показателей не является принципиально новым, но в рамках подхода предполагается, что латентные измерения изучаемых явлений априори не предопределены, а идентифицируются с помощью факторного анализа, а затем подтверждаются конфирматорным анализом. Это, однако требует тщательного внимания к каждому шагу сбора и агрегации данных.

1. Betti G., Chqll B., Lemmi A., Verma V. «Multidimensional and longitudinal poverty: an integrated fuzzy approach» // «Fuzzy set approach to multidimensional poverty measurement», Lemmi, A. and Betti, G. (Eds.). Springer, 2006, New York, pp. 111-137.
2. Betti G., D'Agostionj A., Gagliardi F., Giustu C. The integrated fuzzy and relative index for poverty analysis: a review of applications in the social sciences // «Estudios de Economia Aplicada», Vol. 38-1, 2020, pp. 1-14.

ДЕЛАЮТ ЛИ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЛЮДЕЙ СЧАСТЛИВЫМИ?

Епихина Юлия Борисовна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

грант РФФ № 21-18-00489 "Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации" (сайт проекта <http://new-inequalities.tilda.ws/>)

В современном обществоведении понятие «счастье» играет важную роль. Дискуссии о том, какое общество можно считать счастливым, каковы социальные предпосылки счастья, ведутся с XVIII в. Степень переживания счастья выступает тем показателем, при помощи которого измеряется уровень социального благополучия. При этом, само переживание счастья является сложной результирующей, в которой материальные факторы сочетаются с субъективными характеристиками жизни [1].

Развитие цифровых технологий стало источником изменений как на уровне повседневности (новые практики, связанные с потреблением, коммуникацией и пр.), так и на уровне социальных институтов (например, появление новых профессий на рынке труда, новых форм занятости). Владение цифровыми технологиями и соответствующими навыками стало рассматриваться как значимое социальное качество, которое может быть источником дифференциации. С начала 2000-х гг. ряд исследователей пишут о цифровом неравенстве [2].

Наряду с этим, исследования, в которых бы устанавливалась связь между переживанием счастья и использованием цифровых технологий, не многочисленны [3]. В рамках проекта «Новые социальные неравенства в цифровую эпоху» при поддержке РФФ был проведен онлайн-опрос, в ходе которого респондентам задавался вопрос: «В какой

степени вы согласны с утверждением: «Современные технологии делают людей счастливыми?». Мнения опрошенных разделились: хотя большинство полностью или в основном согласилось с предложенным утверждением, примерно треть респондентов не согласилась с тем, что современные технологии могут сделать людей счастливыми. Собранные данные позволяют проследить, каким образом связаны мнение о роли современных технологий и социально-демографические характеристики опрошенных.

1. Черныш М. Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Том. 7. № 2. С. 9-33. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>.
2. DiMaggio Paul., Hargittai E., Celeste C., Shafer S. Digital Inequality: From Unequal Access to Differentiated Use // Social Inequality / Ed. by Kathryn Neckerman. NY: Russell Sage Foundation. Pp. 355–400.
3. Ionescu-Feleaș L., Ionescu B.-S., Stoica O.C. The Impact of Digitalization on Happiness: A European Perspective // Mathematics. 2022. № 10, 2766. <https://doi.org/10.3390/math10152766>.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО В СЕТИ: ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ВИРТУАЛЬНЫЕ ФАНАТСКИЕ СООБЩЕСТВА АФФЕКТИВНЫМИ ГРУППАМИ?

Жаркова Дарья Владимировна

(Северо-Западный институт управления РАНХиГС)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

Вопрос о том, обладают ли виртуальные группы общностью эмоций, не так прост, как кажется. Связано это с тем, что виртуальное общение возможно без непосредственного контакта, люди могут объединяться в сообщества, находясь в разных точках планеты и ни разу не вступив в прямой контакт face to face. Условием коммуникации в таких группах выступает общность интересов ее участников [1, 31]. Но общность интересов совсем не означает автоматическую общность эмоционального состояния. Учитывая, что виртуальное общение идет посредством текстов, а не визуальных контактов, позволяющих считывать эмоции собеседников, задача трансформируется в оценку эмоциональности этих текстов.

Цифровизация общения привела к лавинообразному росту числа текстов, создаваемых участниками коммуникации. Да и сами виртуальные сообщества, особенно фанатские, насчитывают десятки и сотни тысяч человек. Такие объемы информации не могут быть исследованы с помощью классического контент-анализа, поэтому необходимо обращение к современным методам интеллектуального анализа текстов [2, 139]. Одним из них выступает сентимент-анализ.

В данном исследовании проверялась гипотеза, что виртуальное фанатское сообщество «BTS» ВКонтакте является аффективной группой (с позиций интеракционистской теории Ш.Страйкера), ее члены, проживают единую эмоцию [3, 211–231]. Относительно виртуальных сообществ данная теория может быть доказана при использовании методов интеллектуального анализа текста, что решает лингвистическую задачу распознавания эмоциональной окраски. Для исследования, были скачаны 580218 комментариев сообщества «BTS» ВКонтакте за период 2018-2019 и 2021-2022 годов. Затем, использовалась языковая модель (нейронная сеть), которая была обучена на русскоязычных текстовых данных. Это позволило классифицировать комментарии из сообщества BTS на негативные и позитивные. Так, негативные комментарии относительно всего количества данных составили 74,4%, что почти в 3 раза больше, чем количество позитивных комментариев.

Полученные результаты о распределении позволили заключить, что участники фанатского сообщества «BTS» проживают единую эмоцию, негативные комментарии превалируют над позитивными, следовательно, данное сообщество является аффективным. Так как, текстовые данные имеют привязку к дате их публикации, то можно рассмотреть динамику эмоционального фона участников фанатского сообщества.

Таким образом, применение метода сентимент-анализа позволяет анализировать эмоциональную окраску и давать детальную характеристику рассматриваемого сообщества. Особым интересом выступает превалирование негативной окраски комментариев даже в фанатском сообществе, которое позиционирует себя через такие категории, как радость, всепринятие и открытость к миру [4, 109]. Это отчасти можно объяснить характеристикой русскоязычного интернет пространства, в котором коммуникация строится на эмоционально негативной эмоции [5,111].

1. McFarland D. A., Lewis K., Goldberg A. *Sociology in the era of big data: The ascent of forensic social science* // *The American Sociologist*. 2016. Т. 47. №. 1. С. 12-35.
2. Бызов А. А. *Интеллектуальный анализ текстов в социальных науках* // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. – 2019. – №. 49. – С. 131-160.
3. Stryker S. *Traditional Symbolic Interactionism, Role Theory, and Structural Symbolic Interactionism: The Road to Identity Theory* // In: Turner, J.H. (eds) *Handbook of Sociological Theory. Handbooks of Sociology and Social Research*. Boston: Springer, 2001, С. 211–231.
4. McLaren C., and Dal Yong J. “You Can’t Help But Love Them”: *BTS, Transcultural Fandom, and Affective Identities* // *Korea Journal* 2020, № 60 С. 100-127.
5. Zvereva V. *Trolling as a digital literary practice in the Russian language Internet* // *Russian Literature*. – 2020. – Т. 118. – С. 107-140.

«ЦИФРА» И ПИЦЦА: ВЛИЯНИЕ ОНЛАЙН ПОСРЕДНИЧЕСТВА НА ПОТРЕБЛЕНИЕ ПИЦЦЫ

Жесько Элла Михайловна

(Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики")

Цифровизация увеличила объем доступной информации о питании и рутинизировала использование цифровых для потребления пиццы. Цифровая среда интегрирована в пищевые практики от сопровождения выбора пиццы [1, 2017] до получения доступа к ней через использование цифровых сервисов по заказу и доставке еды. Данная работа представляет собой попытку прояснения связи гастрономического дискурса в социальных медиа и пищевых практик потребителей гастрономического медиаконтента.

Комменсальность (разделение трапезы) сохраняется и в цифровом пространстве, она опосредуется медиа, изменяя форму [2, 2003]. Обмен цифровым гастрономическим контентом о еде симулирует комменсальность, его исходная задача — выражение заботы, получение расположения другого. Если фудблогеры через социальные медиа делятся изображениями еды, то аудитория виртуально разделяет прием пиццы или развлекается, восполняет потребность в общении, получает информацию о еде и мотивацию к заботе о здоровье через питание или фитнес [3, 2021].

В основе эмпирической части — онлайн-опрос аудитории фудблогера на YouTube. Статистическими методами анализировались результаты онлайн-опроса на Яндекс.Формах, выборка составила 1949 респондентов. Решались следующие задачи: прояснение характера влияния контента фудблогера на пищевые практики аудитории; выявление мотивов обращения к видеоконтенту о еде и местах ее потребления; определение образа фудблогера в восприятии аудитории.

Результаты:

Регулярное потребление цифрового гастрономического контента синхронизируется с практиками домашнего питания. В случае аудитории фудблогеров, контент влияет не столько на питание вне дома, сколько на режимы домашнего питания, замещая партнера по трапезе для реализации виртуальной комменсальности или выступая в качестве формы досуга.

Контент фудблогеров — чаще всего, источник развлечения. Поскольку значительная часть аудитории находится в другом городе или чаще всего питается дома, рекомендации фудблогера, касающиеся выбора места потребления пищи, для них не несут практического смысла.

Для выбора фудблогера аудитории важно, чтобы он разбирался в еде и обладал хорошим вкусом. Восприятие фудблогера как знатока объясняет распространенную, но не доминирующую, прагматику обращения к контенту, состоящую в поиске опоры в оценке и выборе кафе/ресторана.

1. Koh G. *Food Porn as Visual Narrative: Food Blogging and Identity Construction* // *SARE: Southeast Asian Review of English*. 2017. № 1 (52).

2. Маклюэн Г. М. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека* / Пер. с англ. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.

3. Ngqangashe Y. *Exploring adolescents' motives for food media consumption using the theory of uses and gratifications* // *Communications*. 2021.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИИ

Захаренко Надежда

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

В ФЗ №152 персональные данные определяются как «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» (ст. 3 гл. 1). Из формулировки понятно, что речь идет о данных, непосредственно относящихся к определенному человеку и позволяющих идентифицировать его среди иных лиц. Строгий перечень персональных данных законодатели не предоставили, что, по мнению многих правоведов, расширяет толкование этого понятия.

Распространение персональных данных в нашей стране регулируют нормативно-правовые акты разного уровня и отраслевой направленности. Можно обозначить ряд проблем, связанных с их практическим применением.

1) Проблема появления новых (по способу предоставления, использованию или характеру обработки) видов информации, которые плохо поддаются классификации, что приводит к спорным ситуациям [1].

2) Проблема уровня развития правосознания граждан, которое должно выстраиваться не с позиций наступления негативных последствий в случае нарушения правовых норм. Желательна иная конструкция — позитивная, основанная на осознанной деятельности субъектов в сети Интернет.

3) Слабо проработаны законодательные нормы относительно технологий «cookie» (являются ли персональными данными отдельно файлы cookies или в совокупности с другими данными), таргетированной рекламы и облачных хранилищ.

4) Проблема полноты и достаточности в определении данных в качестве персональных. Например, отдельно ФИО не является таковыми, но в совокупности с номером телефона — уже да. Нет однозначного ответа, какую комбинацию данных можно считать персональными данными. Законоприменительная практика от случая к случаю сильно разнится, по многим вопросам решения суда и РКН существенно различаются.

5) Законодательная регламентация персональных данных, направлена более на регулирование оборота данных, а не на защиту частной жизни гражданина.

6) Системности в отечественном законодательном регулировании на данный момент не сформировалось. Отношение к соответствующим законам часто носит бюрократический характер (сведение к работе с отчетными документами).

Представленный список не является исчерпывающим.

По данным Роскомнадзора, на территории России обработку персональных данных производит более 6 млн. организаций и индивидуальных предпринимателей, а общее число соответствующих баз данных превышает 3 млн. Согласно оценкам экспертов, о каждом гражданине России существуют записи в базах данных (от 10 до 100), в совокупности это более 10 млрд. записей. Необходимость правового регулирования данной сферы в мире, где цифровые технологии получили столь масштабное развитие, очевидно.

1. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». — М. : Статут, 2017

УПРАВЛЕНИЕ РИСКОВЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ.

*Землянская Анастасия Викторовна
(ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского)*

За последние несколько десятков лет информационные технологии вошли в обыденность нашей жизни, мало кто представляет свою жизнь без того, чтобы утром полистать новости или вечером посмотреть любимый сериал в интернете. Новые IT-технологии способствовали формированию новых выразительных средств представленных в различных интернет-контентах. Помимо технического развития информационных технологий, свой вклад в дальнейшую интеграцию внесла пандемия COVID и его различные штаммы, которые показали преимущества дистанционного взаимодействия. Если раньше интернет ресурсы воспринимались только лишь для общения и знакомства, то сейчас в социальных сетях можно без проблем найти единомышленников по интересам, найти и посмотреть мультипликационный фильм или сериал, создать свою принципиально новую виртуальную реальность, которая предоставляет как большие возможности, так и создает определение опасности. Социальные сети с помощью своего визуального контекста прочно вошли в повседневную жизнь каждого человека. Самыми не защищенными в этом смысле оказывается молодежь, поскольку молодежь и является самыми активными пользователями и потребителями информационных технологий (контента).

В силу объективных причин молодежь не анализирует и негативное влияние, поэтому не может объективно оценить оказываемое негативное влияние на процесс их становления и социализации. В этой связи, уместно говорить о возникновении реальных рисков в неконтролируемом процессе социализации формирования посредством виртуальной реальности негармонично развитой личности. Процесс социализации в современной социальной среде предполагает включение личности в систему социальных связей, в динамичный социум на основе усвоения ею общественных, групповых ценностей, норм, образцов поведения в процессе деятельности и общения, в том числе и в виртуальном пространстве. На успешную социализацию влияют внешние и внутренние факторы. Внутренние (наследственность, собственная активность личности, порождаемая противоречиями, потребностями и интересами) и внешние (макросреда, мезосреда, микросреда) факторы, влияющие на молодежь [1].

Если на внутренние факторы развития личности могут повлиять родители и окружение, влияние внешних факторов, в данном случае потребляемых визуальных образов остается бесконтрольным. Такими внешними факторами, является макросреда, в которой ключевую роль играют интернет и телевидение. В этой виртуальной среде молодежь сталкиваются с самыми разнообразными по форме и содержанию визуальными образами. Визуальные образы могут быть как позитивными, так и негативными и соответственно могут влиять как положительно, так и отрицательно. Особенно опасно для молодежи потребление негативных виртуальных образов при бесконтрольном и неосознанном потреблении визуальных образов при просмотре различного контента [2]. Высокий уровень трудовой занятости современных родителей не позволяет им своевременно проконтролировать просмотр контента или мультипликационного фильма, фильма или сериала, поэтому молодежь может свободно получать любую информацию. На этапе взросления молодой человек не формирует навык анализа потребляемого контента, таким образом, на данную личность можно легко повлиять. Вывод о том, была ли эта информация положительной или отрицательной для процесса социализации конкретного индивида можно будет оценить лишь в последующем, когда уже будут сформированы позитивные или негативные личностные качества индивида.

В данной ситуации возникает естественный вопрос, а каковы риски в условиях бесконтрольного просмотра молодежи контента и мультипликационных фильмов, фильмов и сериалов на процесс социализации. Естественно, что риски негативного влияния бесконтрольного и неанализируемого просмотра молодежи контента и мультипликационных фильмов и фильмов и сериалов на процесс социализации необходимо минимизировать посредством разработки и внедрения социальных технологий рационального взаимодействия молодежи с внешней средой представленной интернетом и телевидением [3].

Таким образом, исследование управления рискогенным воздействием в условиях цифровой социализации молодежи является актуальной проблемой формирования позитивных личностных качеств индивида в процессе цифровой социализации.

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания 1995.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/Berger_Lukman_Sotcialnoe_konstruirovanie_realnosti_Skepdic.ru_.pdf

2. Штомпка П. Визуальная социология: Фотография как метод исследования: Учебник. М.: Логос, 2007г.– 200с.

3. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Издательство «весь Мир», 2004 – 120 с.

МЕДИАТИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Зернов Дмитрий Васильевич

(Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

Исследование проведено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00311 «Медиа-тизация как фактор трансформации коммеморативных практик молодежи».

Медиа-технологии сегодня являются неотъемлемой частью жизни общества. Различные области социального всё больше и больше становятся зависимыми от медиа [1, 47]. Социальные институты и медиа находятся во взаимовлиянии, им приходится

постоянно адаптироваться друг к другу. Для описания данного процесса используется термин «медиатизация». Данное понятие также используется и для критического анализа взаимосвязи между изменениями медиа и коммуникацией с одной стороны, и изменениями культуры общества с другой [2, 5].

Современная студенческая молодёжь как социальная группа оказывается наиболее интегрированной в новые медиа, которые для них становятся ведущими источниками информации, в том числе, и об истории [3, 300].

Эмпирической базой исследования послужили некоторые результаты анкетного исследования, проведенного в сентябре 2021 г. (n=849). С помощью многомерного статистического анализа было выделено восемь групп студентов, характеризующихся разными ценностными ориентациями. Для каждой из этих групп свойственен свой подход к получению и работе с исторической информацией. Рассмотрим две группы студентов, которые по шкале ценностных ориентаций наиболее расходятся между собой: молодёжь, чей приоритет жизненных ценностей связан с материальными ценностями и высоким социальным положением (далее: меркантильные), и молодёжь, для которых важное значение имеет служба Отечеству (далее: патриоты).

Демонстративный интерес к истории России у студентов-патриотов, выше, чем у меркантильных студентов (67% против 52%). Выше и оценка уже имеющихся знаний (знают много или достаточно много 45% против 28%).

И те, и другие студенты основные знания об истории получают на занятиях в вузе и из общения с преподавателями. Различия между этими группами в том, что меркантильным студентам гораздо в большей степени свойственна ориентация на повседневное, неавторитетное знание. Они гораздо чаще студентов-патриотов говорят, что получают знания из художественных фильмов (52% против 38%), а также Википедии (45% против 31%). Тогда как студенты-патриоты усиливают значение таких источников, как специализированные (исторические) паблики в социальных сетях (33% против 16%) и телепередачи на исторические темы (33% против 18%). Выбирая предпочтительный источник исторической информации, студенты-патриоты чаще указывали на лекцию профессионального историка (31% против 18%), а меркантильные студенты – на интернет-блог (23% против 14%), а также компьютерную игру на историческую тему (13% против 7%). Если среди студентов-патриотов 22% регулярно смотрят в интернете лекции профессиональных историков, то среди меркантильных студентов таких лишь – 2%.

Регулярно участвуют в дискуссиях на исторические темы в социальных сетях 28% студентов-патриотов и лишь 6% меркантильных студентов. Среди причин, заставляющих принимать участие в подобных дискуссиях, студенты-патриоты гораздо чаще меркантильных студентов указали на то, что поводом станет намеренное искажение кем-то истории (40% против 25%), и на то, что они, участвуя в дискуссии, могут принести пользу, рассказать другим людям, как было на самом деле (34% против 7%).

1. Хьярвард Стиг Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. №2. С. 41-75.

2. Hepp A., Krotz F. Mediatized worlds – understanding everyday mediatization // Mediatized Worlds. Culture and Society in a Media Age. Ed. by A. Hepp, F. Krotz. Basingtoke: Palgrave, 2014. P. 1-14.

3. Зернов Д.В., Игаева К.В. Медиатизация памяти молодежи: социологический опрос студентов исторических и неисторических специальностей // Преподаватель XXI век. 2021. №4. Часть 2. С. 296-307.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОТ КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ К НОВОЙ БЮРОКРАТИИ

Зотов Виталий Владимирович

(Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет))

Василенко Людмила Александровна

(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-011-00694*

По традиции, чем более развитые технологии используются в системе публичного управления, тем больше они наряду с позитивными вызывают и негативные социальные последствия [1]. В качестве крайне негативного примера, можно указать на внедрение системы тотального социального контроля при помощи сети Интернет, гаджетов и систем видеонаблюдения. Но даже благие начинания могут вести к негативным последствиям. Современное государство декларирует, что относится к гражданину как клиенту, получающему от него определённый набор услуг. А оказать эти услуги оно может при помощи соответствующих интернет порталов. Поэтому слово «клиентоориентированность» довольно часто встречается в докладах государственных чиновников, существенно улучшивших сервисы, создав условия для оказания проактивных и комплексных услуг, то есть услуг, которые оказываются, исходя из ситуации, в которую попадает человек (например, достижение пенсионного возраста, рождение ребёнка). Решение о возможности оказания этой услуги и сам процесс оказания делается на основе информации соответствующих структур и цифрового профиля пользователя. В дальнейшем, к процессу принятия решений при оказании услуг будет присоединён анализ цифровых следов в сетевом пространстве (например, при решении о выдаче лицензии на ношение оружия – это анализ на предмет агрессии и экстремизма).

Но парадокс состоит в том, что это ведёт также к созданию полноценной системы цифрового контроля над своими гражданами. Но более того, идет замена старой бюрократии, которая была связана с персоной чиновника, на новую, связанные с принятием решений системами искусственного интеллекта. Человек превращается в элемент, винтик государственной мегамашины, происходит его отчуждение.

В итоге цифровые сервисы, которые изначально были призваны решать проблемы людей, продолжают бюрократическую практику обезличивания гражданина как объекта госуправления. Каждая личная проблема подстраивается под единый для всех шаблон и решается единообразно. В результате происходит дегуманизация человека и превращение его проблем в стандартное «дело» на портале госуслуг.

«Бюрократический ритуализм» (Роберт Мертон) заменяется «документализацией» (Феррарис Маурицио). Если раньше из-за того, что процедура принятия решений из-за прохождения всех необходимых инстанций и согласований занимало столько времени, что само принимаемое решение становилось уже устаревшим и ненужным, то сегодня процесс обращения в органы превращается в ритуал, в рамках которого необходимо пройти пользовательскую регистрацию, идентификацию (по учётной записи), ввод требуемых документов, открывание / закрывание доступа, использование электронной подписи. Кроме того, новые опасности – «непрозрачность алгоритмов принятия решений; ошибочное принятие решений цифровым сервисом; предвзятое отношение сервиса к проблемам/запросам гражданина» [2].

Тем самым следует констатировать, что цифровизация публичного управления ведёт от клиентоориентированности к новой бюрократии.

1. Василенко Л. А., Зотов В.В. *Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 2. С. 4-16. – DOI 10.26425/2658-347X-2020-2-4-16.*

2. Зотов В.В. *Опасности и риски принятия решений системами искусственного интеллекта при оказании государственных услуг // Материалы XII международной социологической Грушинской конференции «Общество в поисках баланса», 23-27 мая 2022 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2022. С.76-80.*

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ПРИ ВОВЛЕЧЕНИИ В ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Зубова Оксана Геннадьевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

В современных подходах рассмотрения «цифрового разрыва» в социологии, фокус внимания исследователей связывается с множественностью факторов неэкономического характера [1, 2, 5]. К перечисленным факторам, рассматриваемым исследователями, можно, на наш взгляд, отнести и разные ценностные приоритеты поколений, определяющие основные жизненные стратегии, субъективное восприятие счастья.

По данным Росстата, на 1 января 2022 года каждый седьмой россиянин, т. е. 16,0% жителей страны, находится в возрасте 65 лет и старше (в начале 2021 года – 15,8%) [7, с. 9-11]. Если за основу брать принятый пенсионный возраст, то «старше трудоспособного возраста» в России проживает 35957982 пожилых людей, что составляет 16,1% населения. [7, с.11]. Это актуализирует внимание к изучению проблем старшего поколения в цифровом обществе. Дело не только в низкой компьютерной грамотности, разных возможностях технического оснащения, но и особенностях мировоззрения, связанного с различными условиями социализации поколений, территорией проживания, сферой занятости.

В результате проведенного пилотажного качественного исследования методом интервью 20 респондентов, а также анализа статистических данных, материалов количественных эмпирических исследований, можно выделить следующие особенности вовлечения пожилых людей в цифровую среду и изменение их качества жизни с точки зрения субъективного восприятия.

Пожилые люди испытывают амбивалентные переживания при взаимодействии с цифровой техникой, не уверены в собственных силах при освоении цифровых технологий. В качестве помощников при обучении выбирают внуков и детей, у которых не всегда на это хватает времени и терпения, иногда сами делятся с друзьями полученной информацией. Такая помощь не способствует самостоятельному обучению, формирует установку на внешнюю поддержку, переходящую в зависимость. «Цифровым мигрантам», согласно теории М. Пренски [8], сложнее адаптироваться в цифровой среде, поэтому лучшими для них проводниками действительно могут стать представители поколения «цифровых аборигенов», но с сохранением возрастного авторитета [4]. Респонденты старше 65 лет считают, что технологии не упрощают, а усложняют жизнь людей, усиливают их одиночество и отчуждение, что их поколение, не смотря на многие пережитые трудности, было более счастливым.

Ситуация пандемии COVID-19 актуализировала необходимость использования цифровых технологий в повседневной жизни [3, 6]. С точки зрения технического фактора, у большего количества представителей «третьего возраста» появились технические устройства и была обеспечена возможность выхода в Интернет, закрепились практики

онлайн общения, совершения онлайн платежей. Ведущими причинами вовлечения в цифровой мир стало стремление к общению с родственниками, друзьями и получение информации, остались не оцененными широкие возможности для самообразования, выделенные только у людей, профессиональная занятость которых предполагала ориентирование на непрерывный процесс обучения. Оказывает влияние и фактор здоровья, не только реально возникающие возрастные проблемы, но и многие стереотипные представления о вредности технических устройств, выступающие источником формирования переубеждений и негативных установок.

Итак, для того, чтобы пожилые люди в современном российском обществе чувствовали себя естественно в цифровой среде, проявляли социальную активность и были способными к объективной оценке получаемой информации, необходимы не только усилия по развитию цифровых технологий, но и активное цифровое просвещение, повышение уровня их цифровой грамотности, а также изменение отношения к использованию цифровых технологий в повседневной жизни.

1. Бондаренко И. Н. *Пожилые люди в новой России: по пути перемен (Обзор событий 1990-2020 гг.) // Монография в 2-х томах. – Москва, ООО Издательство «Социальное обслуживание», 2021.*
2. *Вовлеченность пожилых людей в процессы современных цифровых трансформаций / Г. А. Барышева, Е. И. Клемашева, О. П. Недоспасова [и др.] // Успехи геронтологии. – 2022. – Т. 35. – № 1. – С. 68-75.*
3. Груздева М. А. *Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 228-241.*
4. Даринская Л.А., Молодцова Г.И., Москвичева Н.Л. *Пожилый человек и цифровое пространство: точки соприкосновения // Человек и образование. – 2016. – № 3(48). – С. 151-157.*
5. *Жизнь старшего поколения в современном обществе: социокультурные и экономико-демографические аспекты, Москва, 15 марта 2022 года / Под общ. ред. С.А. Баркова, А.В. Маркеевой. – Москва: ООО "МАКС Пресс", 2022. – 185 с.*
6. Романычев И. С. *Пожилый человек и цифровизация: к разрушению стереотипов // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 87-6. – С. 153-157.*
7. *Численность населения российской федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года (Статистический бюллетень). Федеральная служба государственной статистики. М., 2022.*
7. Prensky M. *Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. – 2001. – №9(5-6). – P. 1 – 6.*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА

Иванова Наталья Анатольевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

В современном обществе важными составляющими производства являются сбор, хранение и анализ поступающих информационных данных. Становится невозможным игнорирование стремительного развития всепроникающих цифровых технологий, которые оказывают влияние на социальную и экономическую сферы информационного общества. Таким образом, наблюдается тенденция к глобальной цифровизации, которая диктует новые правила существования самого общества, включая систему государственного управления.

На необходимость проведения модернизации, обусловленной разрушением прежних социальных иерархических систем, в том числе государственного управления, также указывал социолог М. Кастельс. В сложившейся обстановке гражданам уже недостаточно иметь традиционные формы бюрократии, они желают принимать активное

участие в обсуждении и решении вопросов управления государством быстро и качественно. Помочь реализовать данный потенциал способна цифровизация [1].

Однако цифровизация органов государственной власти имеет ряд проблем, и в то же время она содержит потенциал для более эффективного государственного управления. Благодаря универсальному и широко применяющемуся методу SWOT-анализа становится возможным детальное изучение сильных и слабых сторон, возможностей и угроз цифровизации, стоящих перед обществом и человеком.

В 2018 году в рамках Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» определены цели модернизации системы государственного управления, важной составляющей которого становится «электронное правительство». Суть данного явления выражается в том, что граждане могут принимать активное участие в политической сфере, благодаря существованию различных интернет-ресурсов [3]. Тем самым минимизируются риски при принятии решений органами государственной власти, взаимодействие граждан с которыми достигает высокого уровня. Результатом осуществления цифровизации в системе государственного управления становится ее более развитая система открытости и подотчетности [4]. В настоящее время представляется обыденностью наличие государственных интернет-порталов, существование которых закреплено в нормативно-правовых актах многих стран мира.

Еще одной составляющей цифровизации, раскрытия ее потенциала для общества, является создание краудсорсинговых платформ. Благодаря им гражданские инициативы ставятся на рассмотрение органами власти, в результате быстрее выявляются существующие в обществе тенденции, а население получает более полный доступ к системе государственного управления. В рамках российского проекта «Цифровое государственное управление» ставится цель по повышению эффективности электронного документооборота на всех уровнях госуправления, что позволит также сократить финансовые издержки.

Однако в то же время при проведении рассматриваемой цифровизации граждане и госслужащие сталкиваются с рядом трудноразрешимых проблем, с вероятными угрозами национальной безопасности и неоправданными расходами бюджетных средств. Тем не менее, цифровизация необходима, результатом которой станет повышение эффективности взаимодействия между органами государственной власти и населением. Повышению эффективности цифровизации государственного управления способствует заблаговременное предупреждение ее негативных сторон, например, возможных кибератак и деперсонализацию госслужащих.

1. Расходчиков А. Н. Актуальные модели и технологии взаимодействия органов власти и управления с населением в интернет-среде // *Власть*. 2015. №5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-modeli-i-tehnologii-vzaimodeystviya-organov-vlasti-i-upravleniya-s-naseleniem-v-internet-srede-1> (дата обращения: 25.09.2022).
2. Косоруков А. А. Электронное гражданское общество в публичном пространстве политического режима // *Политика и Общество*. 2017. № 10. С. 114–126. [Электронный ресурс]. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.10.22072 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22072 (дата обращения 25.09.2022).
3. Гамбеева Ю. Н., Ярмола Д. А. Взаимодействие власти и общества в интернет-пространстве // *Вестник ЧелГУ*. 2020. №11 (445). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-vlasti-i-obschestva-v-internet-prostranstve> (дата обращения: 25.09.2022).

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ НА МОЛОДЕЖЬ

Ивлева Ирина Владимировна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В социологии и антропологии растет интерес к социальным сетям и процессам цифровизации [1; 2; 4]. В последние годы появляются статьи, направленные на выявление роли информационных технологий на общество. Они стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, но гораздо сильнее воздействуют на молодое поколение.

Студентам второго и четвертого курсов факультета социологии СПбГУ было предложено написать эссе о том, как социальные сети и онлайн-сообщества влияют на их жизнь и уровень их счастья и удовлетворенности. Откликнулось на это 30 студентов. Из них подавляющее большинство составили девушки и было лишь четыре юноши.

Оценки студентов роли социальных сетей в их жизни чаще положительные. Но какая-то часть из них занимает более трезвую позицию, говоря о плюсах и минусах социальных сетей. Гораздо реже они пишут о том, что этот феномен неоднозначен. И лишь иногда молодые люди отмечают, что в сетях существует кибербуллинг, или травля. В качестве примеров негативных сообществ можно привести ано-группы в социальной сети «ВКонтакте» (например, «Типичная анорексичка»), пропагандирующую анорексию как привлекательный образ жизни. Другой пример сообщество СПИД-диссидентов, отрицающих существование ВИЧ [3].

То, как социальные сети будут влиять на человека, больше зависит от него самого. Индивид вправе выбирать, в какие группы и сообщества вступать или не вступать. Многие студенты используют социальные сети в интересах собственного развития: принимают участие в различных мастер-классах по танцам, языкам, инвестированию, моде. Смотрят кино, фотографии и слушают музыку. Благодаря социальным сетям молодые люди находят друзей, общаются с родственниками, особенно если они находятся далеко, и проявляют разными способами свое творчество.

Практически не встречалось в эссе студентов осознание рисков манипулирования личной информацией. Тем не менее где-то в трети эссе отмечается, что нельзя забывать о живом общении. Коммуникация в интернете молодежи кажется более простой и беспроблемной. Социальные сети дают возможность развлечься, получить необходимую информацию. Многие студенты знакомятся с новостями в телеграмм-каналах.

Скорее всего существуют возрастные отличия в использовании социальных сетей и информационных технологий. Однако, молодежь верит, что сейчас вряд ли найдешь людей, которые бы не состояли хотя бы в какой-то социальной сети. Некоторые студенты упоминают о зависимости от социальных сетей. Лишь двое отметили, что борются с этой зависимостью, читая книги или на какое-то время отключаясь от интернета. Но все-таки, как влияют социальные сети и онлайн-сообщества на уровень счастья, прямого ответа зачастую не давалось. Скорее речь шла об удовлетворенности от их использования. Большинство скорее удовлетворено, чем нет. Студенты умело пользуются возможностями, предоставляемыми информационными технологиями. В целом можно заключить, что социальные сети – это надолго. Они еще ждут своих исследователей.

1. Асеева О.В. Влияние социальной сети Интернет на развитие социальной активности молодежи // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. №2. Вып. 19. С. 181-184.

2. Иванов Д.В. Цифровизация как социальная рутина в российских мегаполисах // XIV Ковалевские чтения. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 52-61.

3. Мейлахс П.А., Рыков Ю.Г. Онлайн-сообщество СПИД-диссидентов в социальной сети «ВКонтакте» // XV международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 3. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2015. С. 137-146.

4. Сабыров Н.Б. Роль социальных сетей в цифровизации социальных отношений // Вестник экспертного совета. 2022. №1. С. 82-86.

АГЕНТНОСТЬ И ИНТЕРАКЦИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Игнатъев Владимир Игоревич

(Новосибирский государственный технический университет)

Наряду с возрастанием ряда критических тенденций, радикально влияющих на формирование новой социальной реальности, социальное пространство наполняется социальными акторами нового вида - устройствами с искусственным интеллектом (ИИ). Одновременно подвергается трансформации и структура социального взаимодействия в процессе все более масштабного включения в ее конфигурацию активных и субъектоподобных не-человеческих агентов. В этой связи возникает необходимость уточнения и обновления концептуальной модели социального взаимодействия. Изучение изменений в коммуникативном поведении людей по отношению к цифровым технологиям, позволило обнаружить, что люди ведут себя так, как будто устройства являются социальными акторами и опираются на социальные нормы коммуникации с людьми [1]. Однако выявление признаков схожести таких взаимодействий с социальными не сопровождается постановкой вопроса: имеет ли место лишь подобие социальному взаимодействию, или же возникает взаимодействие особой природы. Такая идентификация предполагает обращение к выявленным в социологической теории признакам социального действия, включающих наличие в действиях агентов цели, субъективного смысла и ориентации на Другого, постановки на место Другого, формировании образов “значимого Другого”, “обобщенного Другого” и “зеркального-Я”, интерпретации ситуации и возможных ответных действий.

Достигнутый уровень развития технологий на основе ИИ уже продемонстрировал, что человек не просто использует машины, но находится с ними во взаимодействии [2]. В этом случае машина с ИИ предстает для человека как Другой – как техносубъект – устройство, способное к целеполаганию и самообучению. Такая машина как “опредмеченная” деятельность под воздействием команд человека превращается в носитель “живой” деятельности, активированную машину-актанта. В процессе “распредмечивания”, протекающем как ее коммуникация с человеком, машина становится активным участником взаимодействия, что выражается через реализацию заложенных в ней функций, и через их трансформации с помощью ИИ в процессе изменения ситуаций. Искусственные объекты направляют, регулируют и меняют самого человека, и как активные социальные контрагенты выступают в роли Другого. Устройства виртуальной и дополненной реальностей как техносубъекты уводят индивида в альтернативный, параллельный физический и социальный миры, тем самым управляя индивидом, проявляя свое субъектоподобное качество. За людьми следят, их видят и постоянно слушают устройства, сами становясь частью людей и организуя их жизнь по созданным ими же алгоритмам. Взаимодействия между человеком и ботами приобретают характер особого социального отношения – подчинения человека ботам. Этот контроль основан на том, что человек все что видит и слышит о мире, получает от алгоритмов, формируя на этой основе образ “обобщенного Другого”. В итоге многое, что люди выбирают, определяется ботами. Именно они все более активно формируют образ “значимого Другого”, что создает проблему для самоидентификации и идентификации других людей при социальных взаимодействиях. При ориентации на Другого образ этого Другого навязывается ботом. В свою очередь, другие люди видят по-другому и другое содержание. Как следствие, социальные взаимодействия затрудняются. Контрагент человека в такой системе

взаимодействия демонстрирует имитацию социального действия. Люди приписывают роботам человеческие свойства: разумность, способность к обучению, память и индивидуальность, поскольку им нужно реализовать механизм социального действия – произвести ориентации на Другого, соотнестись с предполагаемым действием Другого, предварительно расшифровав его намерения как человекоподобного интеллектуального контрагента. Поэтому люди вынуждены ставить робота на место себя, а его – на свое место.

Устройство воздействует на человека не только как машина, но и как антропоморфный объект. И его форма не пассивна, а активна и проявляется и вообще существует только в ответном воздействии машины на своего создателя в моменты оперирования человека с машиной, заставляя человека меняться и как субъекта – одной из сторон взаимодействия. Происходит расширение области активности двух разнородных агентов, но таких, которые были разнородны до начала их взаимодействия. В этом взаимодействии они образуют “ассамбляж” новой природы – гибридного агента и гибридного взаимодействия. Интеллектуальные машины реализуют в своей активности ряд схем действий схожих с социальными, таких как: распознавание объекта взаимодействия, ориентация на Другого, прогнозирование ответных действий, отнесение своего поведения к набору нормативных образцов, заложенных в алгоритме. Специфика действия интеллектуальных устройств характеризуется, прежде всего, отсутствием у них индивидуального Я-образа и рефлексии исполняемой роли, ограниченностью возможностей свободного выбора сценария ввиду отсутствия у алгоритмов собственного накопленного “жизненного опыта” и пройденных этапов социализации.

Взаимодействие человека и машины есть взаимно направленный процесс, имеющий характер подобный социальным действиям, исходящим от разнородных участников взаимодействия, объединенных в социотехническую систему, и исполняющих свои роли в нетождественных техноморфных и антропоморфных интерпретациях. Взаимодействие человека с устройствами ИИ все более приобретает характер специфической разновидности социального взаимодействия, его гибридной модификации, происхождение которой обусловлено изменением морфологии агентов интеракции, возникшей в техносоциальной среде, в состав которой теперь входят техноморфный индивид и антропоморфная машина с ИИ. Изменения произошли и в способах воздействия человека на интеллектуальное устройство. Они так же ориентированы на воспроизводство режима интеракций, но расходятся по целому ряду характеристик с принципами социального взаимодействия: 1) исчез учет смысла, вкладываемого техническим контрагентом, его заменил учет цели, заложенной в алгоритме; 2) “ориентация на Другого” сменила ожидания от реакции человека на ожидание от реакции машины; 3) возникла необходимость корректировки языка общения и замены естественного языка на искусственный; 4) в “ориентации на Другого” индивид вынужден исходить опираясь не на свой социальный опыт идентификации индивидов, а на распознавание возможных реакций устройства в конкретной ситуации; 5) процедуры “встать на место Другого” и идентификация статуса техноагента затруднены ввиду его неопределяемого социального статуса как машины; 6) индивид не распознает себя в техноагенте как в “социальном зеркале” и оценивает свое поведение с ним с точки зрения успешности оперирования с устройством; 7) в коммуникации с техноагентом человек вынужден совмещать социокультурные аспекты интерпретации ситуации с техническими возможностями устройства с ИИ. В техносоциальной среде активность разнородных интеллектуальных агентов вытесняет социальное взаимодействие, замещая его техносоциальным. При этом меняется и природа агентов, происходит обоюдная мутация, в процессе которой появились агенты-гибриды с антропоморфными (у устройств с ИИ) и техноморфными (у людей) характеристиками поведения. Такое взаимодействие уже не вполне соответствует признакам социального. Но если в человеческих сообществах представлена гомогенная морфология, то в случае конфигурации человек - устройство с

ИИ имеет место морфология гетерогенная, и возникающие взаимодействия являются гибридными социальными взаимодействиями.

1. Коммуникация “человек – машина”. Переосмысление коммуникации, технологии и самих себя / Пер. с англ. А.М.Морозовой, под ред. Андреа Гузман. Харьков: Изд-во “Гуманитарный Центр”, 2022. 304 с.
2. Абрамов Р.Н., Катечкина В.М. Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Том XXV. № 2. С. 214-243.

"ЭТО ПРИЛОЖЕНИЕ ПЫТАЕТСЯ ВМЕШАТЬСЯ В МОЮ ЖИЗНЬ...": СТУДЕНТЫ О ПРАКТИКАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕЛФ-ТРЕКЕРОВ

Исакова Анастасия Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Батурин Данил Евгеньевич
(СПбГУ)

С появлением новых технологий возросла значимость цифровизации сферы медицины, которая прошла в два этапа, что было обусловлено возникновением новых версий Интернета [1, 50]. Индивиды получили возможность искать информацию в сети относительно своих заболеваний, обсуждать на специализированных форумах симптоматику и способы лечения, а с появлением мобильных приложений, связанных с селф-трекингом, они смогли самостоятельно отслеживать и собирать данные о собственном здоровье [5,157]. Рынок гаджетов, позволяющих индивидам следить за динамикой собственных показателей и фиксировать значения, стремительно растет. В 2015 году в Европе был продан 21 миллион носимых девайсов, в то время как в 2021 215 миллионов [3]. В связи с увеличением продаж устройств для селф-трекинга возникает проблема влияния подобных устройств и мобильных приложений на повседневные практики индивидов. Так как наиболее активными пользователями мобильных приложений являются люди в возрасте от 18 до 24 лет [4], то наиболее релевантным представляется изучение российских студентов. По состоянию на 2022 год в российском научном сообществе наблюдается недостаток исследований по теме селф-трекинга. В рамках desk-study было обнаружено всего 65 публикаций на русскоязычных источниках, большая часть которых не принадлежала к социальным наукам.

Таким образом, актуальность данного исследования заключается во внесении вклада в изучении данного предметного поля в пространстве российской науки, изучении этого явления на примере российских студентов, которое откроет возможности для выявления существующих проблем в сфере цифровизации медицины среди молодежи.

Объектом исследования выступали российские студенты, пользователи приложений для селф-трекинга и владельцы устройств для селф-трекинга, предметом исследования являлось влияние мобильных приложений и носимых устройств для селф-трекинга на стиль жизни российских студентов. Цель исследования - проанализировать влияние мобильных приложений на стиль жизни российских студентов.

Работа основывается на концепциях капиталов таких авторов как П. Бурдьё и В. В. Радаева [7, 24], биокапитала М. Фуко [6, 177] и исследованиях Д. Лаптон [2, 59].

Методом исследования являлось проведение полуструктурированного интервью. При анализе использовался метод интерпретации.

Была сконструирована целевая выборка, в рамках которой было опрошено 12 человек, найденных в социальных сетях. Критериями отбора респондентов являлись принадлежность к социальной группе студентов в возрасте от 18 до 24 лет и опыт использования приложений или гаджетов для селф-трекинга.

В ходе исследования было выявлено многообразие практик цифрового селф-трекинга у студентов.

В качестве мотивации одни студенты называли отслеживание показателей здоровья, некоторых интересовал автоматический подсчет количественных показателей и по выражению информантов они заходили в приложения селф-трекинга «из интереса», другая часть информантов преследовала конкретные цели (наладить качество ночного сна, «привести себя в форму»). Также в качестве мотивации называлось то, что приложения для селф-трекинга вносят в деятельность момент «соревновательного интереса».

Говоря о влиянии цифрового селф-трекинга на стиль жизни студентов, а также об их субъективном восприятии селф-трекинга, стоит отметить, что цифровой селф-трекинг воспринимается студентами как забота о своем здоровье. В 11 интервью из 12 информанты ответили, что если приложение покажет наличие проблем со здоровьем, то они с большой долей вероятности обратятся к врачу, чтобы выяснить причины изменения состояния их здоровья. «Ну вообще да, такая ситуация была, потому что мне наручные часы показывали на протяжении двух недель, что у меня повышенный пульс. Я испугалась, потому что там правда цифра была большая, и сходила к врачу-кардиологу, и в принципе выяснилось, что часы не соврали, и теперь если такая ситуация происходит, я очень к этому серьезно и настороженно отношусь.» (Ж., 21 год)

Цифровой селф-трекинг может вынуждать индивидов согласовывать свою жизнь с новыми правилами, оказывать давление. «Со стороны шагомера отчасти, потому что он присылает уведомления, со стороны счетчика калорий тоже иногда, ну да, скорее да. Скорее то, что это приложение пытается вмешаться в мою жизнь, оно может говорить пейте больше воды или пора приступить к тренировке /смеется/» (Ж., 18 лет)

Приложения для селф-трекинга могут оказывать негативное влияние на самоощущение индивидов, путем установления норм, которые должны выполняться. Невыполнение нормы у большинства информантов вызывает негативные эмоции. «Чаще всего в шоке и думаешь боже надо больше двигаться.» (Ж., 21 год) «Ну тогда эмоции смешанные, очень неловко вносить дополнительные калории и видеть, что превышает норму. Это да, скорее чувство такое, сильный такой стыд.» (Ж., 18 лет)

Информанты также отметили, что невыполнение нормы окажет влияние на их дальнейшие практики. «Если я вижу, что я не успела там что-то пройти, я не буду заставлять себя как-то через силу это все делать, но в целом буду стараться да, ну, улучшить результат.» (Ж., 20 лет)

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мобильные приложения и носимые устройства плотно вошли в повседневную жизнь и оказывают непосредственное влияние на повседневные практики студентов.

Ограничениями исследования являются невозможность экстраполяции результатов как на генеральную совокупность, так и на другие социально-демографические группы, а также невозможность выявления причинно-следственных связей, которые могли бы иметь влияние на практики использования селф-трекеров.

Результаты исследования могут быть использованы как разработчиками мобильных приложений для селф-трекинга с целью корректировки негативного воздействия на индивидов и минимизацию эффекта токсичной продуктивности, а также учеными-социологами для дальнейшего развития темы цифрового биокапитализма.

[1] D. Lupton *Towards critical digital health studies: Reflections on two decades of research in health and the way forward* [Текст] / D. Lupton // *Health*. — 2016. — № 20. — С. 49-61.

[2] Lupton D., Smith G. J. 'A Much Better Person': The Agential Capacities of Self-Tracking Practices. In *Metric Culture: Ontologies of Self-Tracking Practices* [Текст] / Lupton D., Smith G. J. // Emerald Publishing Limited. — 2018. — С. 57-75..

[3] *Number of connected wearable devices worldwide by region from 2015 to 2022* / [Электронный ресурс] // Statista : [сайт]. — URL:

<https://www.statista.com/statistics/490231/wearable-devices-worldwide-by-region..>

(дата обращения: 06.09.2022).

[4] *The state of mobile: Insights into emerging behaviours on mobile devices* / [Электронный ресурс] // Constore : [сайт]. — URL: <https://www.comscore.com/Insights/Presentations-and-Whitepapers/2019/Global-State-of-Mobile> (дата обращения: 06.09.2022).

[5] Богомяжкова Е. С., Дупак А. А. *Цифровой селф-трекинг здоровья в дискурсе социальных наук* [Текст] / Богомяжкова Е. С., Дупак А. А. // *Социология науки и технологий*. — 2021. — № 2. — С. 155-174.

[6] Ним Е. Г. *Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры* [Текст] / Ним Е. Г. // *Антропологический форум*. — 2018. — № 38. — С. 172-192.

[7] Радаев В. В. *Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация* [Текст] / Радаев В. В. // *Экономическая социология*. — 2002. — № 4. — С. 20-33.

КАК ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЛИЯЕТ НА ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВО: ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ЦИФРОВОЙ ГОРОД, ЦИФРОВОЙ ЧЕЛОВЕК

Кан Антон Евгеньевич

(Тихоокеанский государственный университет)

Такие термины как цифровизация, цифровая эпоха, цифровая экономика, цифровые технологии у всех на слуху, поскольку именно благодаря ним мы можем охарактеризовать тенденцию развития современного мира. Данные понятия имеют одну проблему – определение, которое трактуется с разных точек зрения в силу воздействия «цифры» на все сферы жизнедеятельности человека, однако консенсус присутствует.

Цифровизация – процесс, который предполагает использование цифровых технологий и оцифрованных данных для трансформации бизнес-процессов, бизнес-моделей, бизнес-операций. Цифровые технологии – это технологии, которые используют компьютеры и/или другую современную технику для записи кодовых импульсов и сигналов в определённой последовательности и с определённой частотой. Но, говоря простым языком, это технологии отцифровки информации. В связи с этим синонимом «цифровых технологий» являются «информационные технологии», т.е. информация как ресурс и товар в своём законченном виде полностью оформилась в результате цифровой революции.

Цифровизация как революционная сила изменила вектор развития цивилизации и затронула место и роль человека в обществе. В этом информационном виртуальном мире возник новый подвид *Homo sapiens*, этого человека современной цифровой эпохи стали называть *Homo digitalis*, или человек цифровой. Его можно охарактеризовать так: он умело пользуется смартфонами и компьютерной техникой; социальная жизнь имеет двойственную природу – реальную и виртуальную; потребность в эрудиции отпала, т.к. всю необходимую информацию можно найти в сети; основной фокус на виде, а не на содержании предмета, вещи, явления; развитое общество потребления; комфортность – одна из главнейших ценностей. Указанное описание подходит по многим параметрам к человеку поколения Z, и к «человеку глобальному» (*Homo globalis*), и к «человеку потребляющему» (*Homo consumens*). Цифровые технологии, будучи отличающиеся гиперкоммуникабельностью, расширенной аналитикой, беспроводными сетями, мобильными устройствами и социальными медиа, помогли глобализации мира и автоматизации производства, что, в свою очередь, решило вопросы потребления, социальной жизни и политической обстановки. Получается, цифровой человек – это человек, чьи базовые потребности удовлетворены, обладающий высокой коммуникабельностью в социальной сфере посредством социальных сетей и легко обрабатывающий информацию из-за перехода общества в гиперинформационное.

Человек цифровой живёт в сильно урбанизированном мире, поскольку городская культура – это центры торговли, науки и политической деятельности, и только эти центры способны были в своё время осуществить экспансию «цифры». Поэтому есть понятие «цифровой город». Цифровой город или Smart City – это город, в котором мобильные устройства и цифровые технологии призваны максимально удовлетворять потребности горожан и упрощать взаимодействие с государственными структурами и местными органами власти. Система доставки, приложения по предоставлению различных услуг, умные дома и т.п. вещи заточены на упрощения жизни человека, горожанина, таким образом, можно сказать, что цифровизация заточена на гедонистический образ жизни.

ТРЕНДЫ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА МОЛОДЁЖИ

Каримуллин Тимур Альбертович

(Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова)

Развитие компьютерных технологий обусловлено растущим спросом на цифровые разработки со стороны промышленных компаний и со стороны населения. Концепция игрового пространства также продемонстрировала устойчивый прогресс, трансформировавшись от классических игровых приставок до VR-технологий, создающих новую действительность, аналогичную объективной реальности.

Исследователи отмечают, что игровое пространство позволяет людям обогатить ежедневные практики новыми нестандартными явлениями и событиями, которые для реального времени не могут быть реализованы по ряду причин. Привлекательность игровых систем обусловлена рядом рисков формирования качественно новых форм девиаций, потенциально опасных для классической коммуникации и межличностного взаимодействия [1, 55].

Данные многочисленных исследований показывают наиболее интенсивный рост сегмента мобильных игр, которые отличаются от стандартных систем высокой доступностью, относительной простотой использования и высокой портативностью [2].

Таким образом, автором было проведено исследование методом анкетирования, в котором приняли участие 417 человек. Мужчины и женщины в возрасте от 18 до 30 лет отбирались в примерно равном соотношении. Основной целью исследования было выявление причин вовлечения в цифровой мир игровой реальности, а также специфики подбора поведенческой стратегии в виртуальном пространстве.

Наиболее востребованными устройствами для погружения в игровую действительность были указаны портативные разновидности: телефоны (47,2 %), планшеты (17,4 %). При этом в течение суток молодые люди имеют возможность играть в течение 3-4 часов, что обусловлено располагаемым свободным временем от остальных видов деятельности.

Наиболее привлекательным в играх молодые люди посчитали визуальную составляющую, механику взаимодействия персонажей и разветвлённость сюжетных линий.

Для 38,3 % значимым аспектом выступила возможность общения в игре с другими игроками. В качестве положительных аспектов были названы следующие возможности: путешествие по виртуальному пространству, выбор иной формы поведения (отличной от привычной модели), получение удовольствия от побед в рамках кратковременных задач. Каждый второй участник указал наличие опыта участия в играх в качестве представителя другого пола, или иной статусной группы.

В целом молодые люди рассматривают виртуальную действительность преимущественно с положительной стороны, как возможность для людей найти комфортную среду, а также сформировать круг общения.

Однако 18,5 % отметили вероятность отказа ряда участников игр от реального взаимодействия с людьми, склонность к затворничеству и формирование ряда психических отклонений.

В качестве базовой причины вовлечения молодых людей в виртуальный мир была обозначена рутинизация бытовой жизни, негативные эмоции от труда или обучения, напряжённые межличностные отношения. Помимо этого развитие подобных систем стимулируется объективными ограничениями (пандемия, санкции), что усиливает виртуализацию сознания молодёжи.

1. Грошева Л.И. Развитие стереотипов в многонациональной среде трудовых коллективов // *PRIMO ASPECTU*. 2019. № 1 (37). С. 54–59.

2. Детков Е.А., Коревых А.А. Виртуализация и его особенности // *Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral»*. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualizatsiya-i-ego-osobennosti> (дата обращения: 02.10.2022).

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИУМА

*Климова Людмила Викторовна
(ЮЗГУ)*

Повсеместное внедрение информационных телекоммуникационных технологий в жизнедеятельность общества, перевод информации в цифровую и электронную форму повлияли на повсеместное использование понятий «цифровая экономика», «цифровизация общества», «цифровое общество». Расширение зоны влияния цифровизации на общественную структуру порождает всевозможные риски. Ежегодно осуществляется аналитический обзор глобальных рисков, в том числе повседневных, на Всемирном Экономическом Форуме.

Пандемия, вызванная COVID-19, увеличила использование цифровых технологий в повседневную жизнедеятельность. В связи с этим изменяются повседневные практики, усиливается неравенство в обществе, оказывается влияние на социальное здоровье населения. Социальное здоровье личности обеспечивается не только физическим и психическим благополучием человека, но и состоянием духовного здоровья социальной среды. Гармонично развитая личность (с высоким уровнем культуры здоровья) способна не только противостоять воздействиям больного общества, но и активно способствовать его оздоровлению. Одним из признаков социального здоровья является стремление к общему благу, активное участие в общественной работе, способность заинтересованно относиться к решению социальных проблем.

Общество риска возникает на основе разрушения традиционных форм социального порядка, трансформации социальной структуры, роли и значения социальной, классовой, ценностно-нормативной системы и системы социальной защиты, в результате которых в жизни индивидов и групп возникают неопределенность, непредсказуемость и незащищенность. Рискованная ситуация является разновидностью неопределенности. Неопределенность выражается в невозможности исчерпывающего познания динамично меняющейся действительности, в снижении возможности прогнозирования удаленного и даже ближайшего будущего. На индивидуально-личностном уровне возникает чувство неуверенности и постоянной необходимости рисковать. При этом выживание в условиях риска и расплата за его последствия приобретают ярко выраженный индивидуально-личностный характер, способствуя процессу индивидуализации. На объективном уровне индивидуализация выражается в самостоятельном конструировании собственной жизни с

индивидуально обусловленными траекториями в различных сферах (работы, образовании, досуге, браке и т.д.). Э. Гидденс указывает, что понятие риска становится центральным в современном обществе [5]. Общество осознает себя в категориях риска, неуверенности и необходимости выбора. При этом любая ситуация может быть рискованной, даже бездействие.

Социальные риски могут быть оценены и спрогнозированы, ожидаемы и восприняты субъектами. В данных условиях все социальные действия основаны на факторе риска. Феноменология риска, учитывая смысловую нагрузку социальной реальности актора, отличает несколько уровней восприятия риска. Предметом феноменологии риска выступают социальные представления, тем самым происходит ограничение зоны проявления риска в повседневности.

На Всемирном Экономическом Форуме в 2021 г. был осуществлен обзор рисков современного общества. Все глобальные риски выделены в пять групп: экономические, экологические, геополитические, технологические и социальные. Группа социальных рисков включает: а) крах или отсутствие систем социального обеспечения; б) кризис занятости и средств к существованию; в) разрушение социальной сплоченности; г) сбой общественной инфраструктуры; д) инфекционные заболевания; е) масштабная вынужденная миграция; ж) повсеместная негативная реакция на науку; з) резкое ухудшение психического здоровья; и) широко распространенное разочарование молодежи (рис.1).

Рис. 1 Рисковый спектр социальных рисков [4].

Среди социальных рисков, от которых зависит социальное здоровье, указаны: инфекционные заболевания; кризис средств к существованию; разрушение социальной сплоченности; вынужденная миграция; разочарование молодежи; сбой общественной инфраструктуры; реакция на науку; ухудшение психического здоровья. В Отчете о глобальных рисках [1] оценена вероятность и влияние каждого из них. Стоит отметить, что ряд социальных рисков в 2021 г. по сравнению с 2020 г. дали положительный прирост как по вероятности проявления, так и по влиянию (воздействию). К таковым можно отнести:

- инфекционные заболевания;
- кризис средств к существованию;
- разрушение социальной сплоченности;
- вынужденная миграция.

Лишь у такого глобального риска как сбой общественной структуры немного повысилась в 2021 г. вероятность проявления наряду со снижением влияния на общественные процессы (+0,07 и –0,14, соответственно) [2]. В 2021 г. появилась новая группа социальных рисков с оценкой их вероятности проявления и влияния:

- коллапс социального обеспечения (2,98; 3,5);
- разочарование молодежи (3,39; 3,24);
- реакция на науку (2,64; 3,17);
- ухудшение психического здоровья (3,08; 2,96).

Риск инфекционных заболеваний по воздействию на общество отнесен к основным рискам среди всех существующих, включая экономические, экологические, геополитические, технологические. Среди краткосрочных социальных рисков, которые будут проявляться в обществе в ближайшие два года, респонденты, участвующие в опросе, назвали инфекционные заболевания (58%), кризис средств к существованию (55,1%), разочарование молодежи (36,4%) и разрушение социальной сплоченности (35,6%). [3].

Таким образом, в связи с развитием информационно-коммуникативных технологий и повсеместным их внедрением во все сферы общества, человечество сталкивается с различными глобальными рисками: технологическими, экономическими, экологическими, геополитическими, социальными. Наибольшее влияние на социальное здоровье общества оказывает группа социальных рисков, однако невозможно минимизировать проявление и воздействие остальных.

Публикация выполнена в рамках государственного задания №0851-2020-0034.

1. THE GLOBAL RISKS REPORT 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2021> (дата обращения 8 декабря, 2021).
2. THE GLOBAL RISKS REPORT 2021. The global risk landscape [Электронный ресурс]. URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-report-2021/survey-results/the-global-risks-landscape-2021/#trends> (дата обращения 5 февраля, 2022).
3. THE GLOBAL RISKS REPORT 2021. The horizon of global risks [Электронный ресурс]. URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-report-2021/survey-results/global-risks-horizon/> (дата обращения 5 февраля, 2022).
4. The Global Risks Report 2021 16th Edition. The Global Risks Landscape 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-report-2021/survey-results/the-global-risks-landscape-2021/> (дата обращения 15 февраля, 2022).
5. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность [Текст] / Э. Гидденс // THESIS. – 1994. – № 5. – 102 с.

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В КАЧЕСТВЕ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Китайцева Ольга Вячеславовна

(Российский государственный гуманитарный университет)

В современной экономике цифровые платформы вносят существенный вклад в экономическое развитие многих секторов хозяйственной деятельности. Динамичное развитие цифровых технологий и использование их для осуществления процессов коммуникации расширило возможности для трудоустройства, а пандемия COVID-19 стала катализатором распространения дистанционной и мобильной занятости, которую активно обеспечивают цифровые трудовые платформы.

Преимущество цифровых платформ в том, что они позволяют быстро и дешево передавать большие объемы информации и размещать на своих ресурсах информацию о рыночных предложениях, которые становятся доступными для самых широких аудиторий пользователей. Цифровые платформы позволяют дистанционно приобретать товары, заказывать услуги, искать и предлагать рабочие места и предоставлять другие весьма разнообразные сервисы. Кроме того, цифровые платформы проявляют устойчивость в ситуациях, связанных с экономическими кризисами, потому что способны оперативно реагировать на рыночные вызовы. По оценкам Международной организации труда до кризиса, связанного с пандемией, не выходя из дома трудились около 7,9 % от общемирового числа работающих, причем 56 % из них составляли женщины. Пандемия COVID-19 значительно увеличила количество людей, работающих из дома, в 2020 году это уже каждый пятый работающий [1]. Если до кризиса, связанного с пандемией, наемные работники, которые выполняли работу удаленно, в основном занимались неавтоматизированным производством, таким как рукоделие, шитье, вышивка, электронная сборка несложных устройств, то в период кризиса COVID-19 к ним присоединились работники, занятые в страховании, редактировании документов, образовании, аннотировании данных для высокоинтеллектуальных систем и других отраслях.

Вклад экономики Рунета в экономику России в 2020 году составил 6.7 триллионов рублей, что по сравнению с 2019 годом более, чем в 2 раза. В динамике рост еще более впечатляющие, так в 2011 году этот показатель составлял 554 миллиардов рублей [2]. Возрастание вклада цифровых платформ в экономику России объясняется развитием технологий и их повсеместным использованием, в России выросло количество людей, использующих Интернет для обучения, самообразования, заработка. Около трети россиян стали чаще пользоваться некоторыми услугами онлайн, что говорит о существенных изменениях в их повседневной жизни.

Российский рынок труда постепенно наполняется предложениями цифровых трудовых платформ, которые в виртуальном формате сводят вместе клиентов и работников, когда одним нужна услуга, а другие готовы ее выполнить. При этом платформа не просто становится технологическим посредником, создающим торговые отношения с минимальными издержками обращения, но и осуществляет организацию труда, формируя новые социальные отношения и производственные связи. Благодаря использованию рыночной организации, основанной на горизонтальной интеграции и децентрализации, трудовые цифровые платформы становятся весьма устойчивыми в обеспечении трудоустройства населения в кризисные экономические периоды. Вместе с тем, новые виды и формы трудовых отношений, которые практикуются на трудовых цифровых платформах требуют серьезной проработки для обеспечения стабильности и социальной защиты увеличивающегося количества работников, которые в них вступают.

1. MOT: работающие «на удаленке» люди имеют право на личную жизнь. *Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1393862> (дата обращения 27.08.2022)*
2. Экономика Рунета / Цифровая экономика России 2020/2021. Аналитический отчет РАЭК. [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа URL: <https://raec.ru/activity/analytics/9884/> (дата обращения 02.09.2022)
3. Китайцева О.В. Состояние и динамика развития российских цифровых платформ в сфере потребления продуктов повседневного спроса // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: материалы VI Всероссийской научной конференции с международным участием. Иркутск, 22 апреля 2022 г.; [отв. ред. О. Б. Истомина]. – Иркутск: 2022. С. 40-44.

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Комарова Яна Игоревна

(Санкт-Петербургский Политехнический Университет имени Петра Великого)

Качество и уровень жизни важные категории, которые характеризуют благосостояние страны. Повышение показателей по этим параметрам свидетельствует о социальном прогрессе. В последнее время замечен экономический рост страны, что позволяет направить силы государства на социальное развитие и все больше внимания уделить духовным потребностям людей.

Понятие «Качество жизни» было введено экономистом Джоном Гэлбрейтом в его книге «Общество изобилия» в 1958г. Концепция качества жизни характеризуется введением «организованного потребления», обогащенного наличием духовных, социальных и культурных благ[1].

Сегодня признанной оценкой качества жизни считается Индекс человеческого развития (ИЧР). ИЧР – это комбинированный показатель, который состоит из трех компонентов: индекса долголетия, образования и дохода. Для нас интересен индекс образования, который включает в себя индекс грамотности и индекс вовлеченных в образовательный процесс.

Цифровизация открыла массу возможностей для передачи информации. Благодаря этому сформировалась цифровая образовательная среда и дистанционное обучение. Под дистанционным образованием понимается «комплекс образовательных услуг, предоставляемый широким слоям населения с помощью специализированной информационно-образовательной среды на любом расстоянии от учебного заведения»[2].

Образование становится все более доступным. Одним из примеров влияния цифровизации на образование был резкий переход на дистант в период пандемии. На протяжении двух лет студенты были вовлечены в смешанный формат образовательного процесса. В 2021 году россияне возрасте от 18 до 64 лет потратили на дополнительное онлайн образование 226 млрд. рублей (2019г. – 19 млрд.рублей) [3]. Ключевыми факторами роста онлайн-образования эксперты назвали цифровизацию и высокий уровень проникновения онлайн в профессиональное образование. Государство активно развивает платформу «Сферум» и систему «Моя школа». Одним из ключевых событий стало создание «цифровых кафедр». Согласно прогнозам участников рынка образовательных услуг, по итогам 2022 года сегмент цифровых элементов в образовании может вырасти на 20-30% [3].

Вместе с цифровым образованием развивается тренд популяризации научного знания, согласно опросу ВШЭ, каждый пятый опрошенный исследователь (25%) считает, что ученый должен продвигать идеалы науки и делиться с широкой публикой своими результатами и размышлениями. Если говорить о цифровых каналах распространения науки, то 33% исследователей делятся своими результатами на сайте ВШЭ, 33% -

работают в социальных сетях и 16% - так или иначе участвовали и постоянно создают подкасты [4].

Благодаря расширению онлайн-образования и привлечению стейкхолдеров с разных сторон, онлайн-обучение будет дальше пользоваться спросом на рынке образовательных услуг. В результате цифровизации большее количество людей будет вовлечено в образование и науку, что благотворно повлияет на качество жизни.

1. Петропавлова Г.П. Содержание категории «качество жизни» в науке и использована в практике управления территорией // Экономика и экологический менеджмент. – 2011. - №1(8).
2. Девтерова З.Р. Роль дистанционных технологии обучения в повышении эффективности профессионального образования // Вестник ЮУрГГПУ. – 2012. №1.
3. «Исследование российского рынка онлайн-образования» https://netology.ru/edtech_research_2022 (дата обращения: 20.09.2022)
4. «Об исследованиях и практиках популяризации науки в Вьшике» <https://issek.hse.ru/news/364816772.html> (дата обращения: 20.09.2022)

УМНЫЕ ГОРОДА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ МЕГАПОЛИСА И МУНИЦИПАЛИТЕТА

Хюннинен Александра Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Коровина Анастасия Игоревна
(СПбГУ)

Умные города - необходимость, появившаяся в эпоху индустриализации, урбанизации и глобализации. Многие крошечные города увеличиваются, становясь мегаполисами, что неизбежно приводит к появлению серьезных проблем, таких как безработица, а в связи с ней бедность, и, как следствие, социальное неравенство. Немаловажна и проблема загрязнения окружающей среды. На сегодняшний день оперативно решить эти проблемы могут помочь информационно-коммуникационные технологии, которые обеспечивают экологичное и экономичное использование городских систем. Именно технологии позволяют централизованно управлять городом, оптимизировать обратную связь с населением, предоставлять новые сервисы и услуги. Можно сказать, что концепция умного цифрового города – один из способов борьбы с негативными последствиями чересчур быстрой урбанизации.

Существует много различных концепций, как старых, так и сравнительно свежих, использующихся для рассмотрения и изучения феномена цифрового города: концепция «умный город и гражданское общество». В ней цифровые города используются как платформы для гражданского вовлечения. Наличие соответствующей платформы говорит о том, что городские власти открыты к сотрудничеству с населением, к приему жалоб и предложений, активной совместной работе.

Рассматривать цифровые города можно и с позиции ранжирования их на три модели. Первая модель – Умный Город 1.0 не имеет какой-то одной общей стратегии. Данная модель направлена на формирование так называемых экосистем в городах. Вторая модель – Умный Город 2.0, соответственно. Модель подразумевает соединение технологических и управленческих решений. В третьей модели – Умный Город 3.0 – акцент делается на потребности горожан, а значит обеспечивается социальная вовлеченность, так как именно при помощи обратной связи можно выявить потребности и запросы жителей. В рамках изучения подходов и концепций можно также выделить и несколько подходов, определяющих направления смартизации. Социотехнический подход

подразумевает концепцию «вездесущего города». Вездесущий город подразумевает полную технологическую интеграцию сервисов, коммуникаций и услуг. Следующий подход – подход умного урбанизма. Связан данный подход с экологической устойчивостью синергетического, единого пространства, своего рода антропоцентричностью, планомерным развитием городского пространства. Третий подход подразумевает смартизацию с учетом разных контекстов: политического, социального, технологического и др. Такой подход также ориентирован на человека, на его потребности, особенности образа жизни культуру. На первый план в этом подходе выводится качество жизни населения, а уже за ним следуют городская среда и технологическое развитие. Все три подхода показывают, что в настоящий момент концепция смартизации постепенно все больше и больше начинает ориентироваться на цифровизацию города.

На сегодняшний день в мире насчитывается множество умных цифровых городов в самых разных частях света, не исключение и Российская Федерация. Амстердам – столица Нидерландов – присоединился к концепции цифрового города еще в самом начале 21 века, и на сегодняшний день в городе насчитывается более 170 проектов, созданных в рамках инициативы умного города. Барселона – не менее интересный цифровой город, который в 2015 году попал на первое место в рейтинге цифровых городов. Что еще более важно, именно в Барселоне проводится ежегодная конференция, посвященная технологическим решениям и новинкам в рамках концепции цифрового города. Нельзя в рамках изучения умных городов не сказать о Сингапуре. Первое, что нужно сказать о нем – это, безусловно, рационализация движения транспорта, как общественного, так и личного. Нью-Йорк, как цифровой город, делает акцент на безопасности.

Важно сказать и о социально-экономических последствиях и эффектах от формирования цифровых городов. Начать перечень последствий и эффектов хотелось бы с более общей информации, а именно, определить направленность этих эффектов. В таком случае, можем выделить четыре условных направления: управление процессами, оптимизация инфраструктуры, нововведения в сфере социальных институтов, а также технические и экономические инновации. Начать стоит с управления процессами. В данном направлении концепция цифрового города внедрила множество механизмов, с помощью которых появляется возможность, например, установить связь между различными экономическими субъектами, с целью осуществления многих общественных проектов (прим.электронное правительство). Оптимизация инфраструктуры, безусловно, делает акцент на облагораживание окружающей среды, повышение мобильности граждан, обеспечение экологической устойчивости в пределах города. Эффекты в данном случае сугубо положительные. Нововведения в сфере социальных институтов предполагают и поддержку молодежи и молодежных проектов, поддержку иных социальных проектов, различные мероприятия, направленные на создание и дальнейшее развитие гражданского общества, а также прочие социально-полезные практики, в виде формирования социальной активности и сплоченности. Наконец, технические и экономические инновации представляют собой поддержку науки и научного знания, а также поддержку учреждений, это знание производящих, университеты и институты соответственно. Стимулирование гражданских инициатив в рамках концепции умного города путем использования мобильных приложений, облачных хранилищ, создания городских форумов, позволяет развиваться краудсорсингу, а связи с этим создает множество новых рабочих мест, наконец, это является своеобразным толчком к развитию настоящего гражданского общества.

Существуют и различные риски цифровизации городов. Таким образом, такое всеобъемлющее внедрение информационно-коммуникационных технологий в жизнь города может повлечь за собой следующие негативные последствия: это и экономический ущерб, в случае, если веб-платформы и сервисы будут недоступны по техническим причинам, и незащищенность данных пользователей в интернете: воровство личных

счетов, документов и иной ценной информации, различные кибератаки. Среди спорных моментов стоит также выделить необходимость в дополнительных инвестициях на содержание всех технологических систем, начиная от умной инфраструктуры, заканчивая обслуживанием веб-порталов. И, наконец, проблемой может стать разный уровень компьютерной грамотности и цифровой компетенции.

Эмпирической частью данной работы является сравнение городских веб-порталов, иначе говоря, интернет-платформ Гатчины и Санкт-Петербурга. Их сравнение интересно уже хотя бы потому, что Санкт-Петербург является признанным умным городом, а Гатчина лишь имеет его признаки, постепенно присоединяясь к проекту по цифровизации городского хозяйства, став одним из пилотных городов. Таким образом, нам необходимо выявить сходства и различия этих платформ.

1. Пивкина Н.Ю. Умные города как новый стандарт качества жизни населения. Москва // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета №4; 2019. 6с.
2. Климкович Н.И., Климкович П.И. Устойчивые «умные города»: от концепции до реализации. Минск // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами. 2020. 5с.
3. Видясова Л.А. Концептуализация понятия «умный город»: социотехнический подход // International Journal of Open Information Technologies. 2017. 6с.
4. Абламейко М., Абламейко С. «Умный город»: от теории к практике // Наука и инновации. 2018
5. Н.А.Колодий, В.С.Иванова, Н.А.Гончарова Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям // Социологический журнал. 2020. С.1-22
6. Попов Е.В., Семячков К.А., Попова Г.И. Социально-экономические эффекты формирования умных городов // Инновационный потенциал развития территорий. 2020. С.1-12
7. <https://mycity365.ru/> - платформа «Активный горожанин»
<https://play.google.com/store/apps/details?id=ru.mos.polls&hl=ru&gl=US> – ссылка для скачивания приложения «Активный Гражданин» для операционной системы «Android».

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И УРОВЕНЬ СЧАСТЬЯ

Корчагина Мария Алексеевна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Цифровизация - явление, наиболее актуальное в современном мире. Ещё 20 лет назад человек не мог и думать о таком распространении гаджетов, однако сейчас он не может представить своей жизни без них. Быстрый доступ к информации, легкость связи, получение и оказание услуг, не выходя из дома - все это результаты приспособления к условиям электронной экономики. Однако еще ни одно изменение не приводило к исключительно положительным результатам.

Такие понятия как «цифровой город», подразумевающий под собой развитый современный мегаполис, основная деятельность в котором осуществляется путем использования инновационных цифровых технологий, и «цифровой человек», то есть человек, развивающийся в таком городе, не являются нечто новым [1]. Большая часть работы многофункциональных центров предоставления государственных услуг осуществляется в онлайн формате, что указывает на факт хранения личной информации о том или ином человеке в электронной базе данных [2]. Некоторые страны на данный момент практикуют отслеживание жизни граждан путём ведения онлайн-дела каждого, начисляя или снимая баллы за удобные или неудобные государству действия [4]. Также некоторая составляющая иных сфер жизни общества переведена в электронный формат. Цифровизация экономики, подразумевающая под собой внедрение цифровых и информационно-коммуникационных технологий в экономику способствует увеличению

доступности товаров, управлению их вывода на мировой рынок, ускорению формирования потенциальных продуктов; оптимизирует логистические операции и снижает уровень производственных потерь. Что касается культурной сферы, то создаётся большое количество онлайн-выставок, экскурсий и вебинаров, которые помогают человеку обогащать свой внутренний мир полезными знаниями и испытывать новые эмоции. Также полезной является возможность узнать расписание работы того или иного культурного центра в любое удобное для пользователя время для его последующего посещения в офлайн режиме. Не стоит забывать и про работу средств массовой информации (СМИ). В недалеком прошлом распространение актуальных новостей осуществлялось путем трансляции немногочисленных государственных каналов с качественно отсортированными данными, а также выпуском цензурированных газет. В настоящее время количество источников информации настолько велико, что это создает как качественную базу для формирования независимого от общества мнения, так и затруднение в корректном отборе полезных данных. Также стоит обратить внимание, что с помощью цифровизации сохраняется огромное количество природных ресурсов, так как вся информация хранится в компьютере, а не на бумаге, что в некоторых моментах хорошо сказывается на экологической обстановке в мире.

Несмотря на плюсы цифровизации, такие как ускорение экономического роста, рост числа рабочих мест, повышение качества услуг, экономия природных ресурсов и времени, доступность информации и др., существуют минусы, которые не уменьшают пользы данного процесса, однако создают некоторые трудности для многих аспектов человеческой жизни [5]. Так переход многих сервисов в электронный формат мешает необходимой для каждой личности социализации. Ребёнок, сформировавшийся в цифровой среде, может иметь навыки в работе с актуальной техникой современности, однако это не отменяет важности умения общаться с людьми вживую [3]. Дети быстро привыкают к интернет-переписке, придавая ей важность, превышающую значимость живой коммуникации [6]. Человек, выросший с телефоном в руке тяжело находит общий язык в коллективе, держится отстранённо, старается находить пути избегания общения напрямую. Как следствие, такие люди не могут ощущать возможный спектр эмоций и удовлетворять свои ментальные потребности из-за минимума социальных контактов в своей жизни, что может приводить к затяжным депрессиям и тревожным расстройствам, которые будут сказываться и на физическом состоянии человека в виде изменения аппетита, снижения или повышения массы тела, а также необъяснимой боли во всем теле [7].

В заключение стоит сказать о том, как процесс перехода к электронным технологиям сказывается на удовлетворенности людей своей жизнью. Если считать, что счастье для человека - это его самореализация, то есть реализация личностного потенциала с целью осуществления собственного предназначения в жизни, то цифровизация может стать помехой на пути к его достижению, так как для молодого поколения, выросшего в среде, насыщенной информационными технологиями, достаточно сложно правильно совмещать пользование доступными инновациями и обучение простым, но необходимым социальным навыкам, важным для формирования эмоционально и физически здоровой личности [8].

1. Николаева А.А., Павлова Т.С. Компьютерная зависимость у детей и подростков // Социосфера. 2019. № 2. С. 117-120.
2. Савченко И.А. Теоретико-правовые основы системы социальной защиты в России // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2017. № 3 (27). С. 26-35.
3. Сек Н.В., Какадий И.И. Социализация ребенка в цифровом обществе // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 3. С. 438-441.
4. Национальная система слежения в Китае: источник не только данных, но и стабильный доход. Хабр. 25.02.2019 <https://habr.com/ru/post/441604/>

5. Цифровизация в жизни человека. *Mentamore*, рубрика «Социум». 17.01.2019 <https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html>
6. Трофимова Е.И., Влияние цифровизации на развитие личности современных детей. «Молодой ученый» №34 (376), 2021.
7. Яна Хлюстова, научный журналист. Как депрессия влияет на физическое состояние. *Atlas.ru*. 20.10.2022 <https://atlas.ru/blog/kak-diepriessiiia-vliiaiet-na-fizichieskoie-sostoianiie-chielovieka/>
8. Бессонов Б.Н. Гражданское общество и духовное развитие личности // Б.Н. Бессонов, В.В. Дубицкий. - Омск: ОГУ, 2021. - 296 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Кранзеева Елена Анатольевна

(ФГБОУ ВО "Кемеровский государственный университет")

Орлова Анна Владимировна

(ФГБОУ ВО "Кемеровский государственный университет")

Бурмакина Анна Леонидовна

(ФГБОУ ВО "Кемеровский государственный университет")

Социально-политическое взаимодействие определяет качество, динамику и содержание региональных отношений. Недостаточно изученной стороной социальных и политических взаимодействий гражданских сообществ являются новые приемы и формы мобилизации по отношению к субъектам социально-политических отношений, в частности цифровая мобилизация, представляющая собой механизм целенаправленной самоорганизации местных и региональных сообществ в виртуальном пространстве, в формате запроса к власти для решения социально и политически значимых вопросов. Это актуализирует использование исследователями гибридных современных методов анализа [2].

Значимые и/или проблемные для общества события современной жизни требуют комплексных обновленных приемов взаимодействия со стороны власти и населения, однако, возможности современных исследовательских методик ограничены рамками доступного освоенного исследовательского пространства, как правило представляющего собой нормативные и систематически повторяющиеся действия [1], события социальной жизни, не учитывающие быстро меняющееся поле взаимодействия определенных акторов.

Мобилизационные стратегии новых проектов способны инициировать социально-политическое взаимодействие в условиях подвижности форм участия, трансформации сложившихся на территории отношений, появления новых видов коммуникаций, осуществляемых в условиях темпоральности (меняющегося места и времени).

Такой подход оправдан с точки зрения возможностей исследователей охватить быстрые «реактивные» взаимодействия, а также использовать упущенные ресурсы и методы построения социальных и политических взаимодействий в регионе [3].

Исследуя инструменты изучения коммуникации власти и населения в регионе, мы получаем возможность диагностировать изменения, происходящие в коммуникациях современного общества в условиях быстрых социальных и политических взаимодействий, отношение к нововведениям (приятие, нейтралитет, или отторжение), точки развития и «проблемные» территории региона. Полагаем, что сочетание социальных, политических, информационно-коммуникативных сфер и собственно сетевых сообществ позволяет, используя возможности социологического подхода, сформировать обобщенную (комплексную) модель социального и политического взаимодействия.

Инновационные и транзитивные условия подразумевают формирование методологии социологических исследований базирующихся на основе новых подходов и

инструментов изучения региональных коммуникации и их участников. В условиях трансформации социально-политических отношений изменениям подвергаются методологические принципы, получают преимущества возможности гибридной методологии. Изменения исследовательского поля в сочетании с универсализацией прикладных исследовательских методик позволяют предположить появление комплексных информационных, пользовательских массивов, баз данных в формировании и использовании которых могут принимать участие заинтересованные граждане и/или группы, региональные сообщества и пр.

Среди возможных методов исследования цифровой мобилизации мы видим:

а) методы первичной / пилотажной диагностики (ситуационный анализ, вторичный анализ, методы социально-сетевого мониторинга, фокус-группы, интервью);

б) инструменты статистической обработки;

в) методы цифровой социологии (анализ Big Data, методы исследования интернет-аудитории, сетевой контент-анализ);

г) методы микросоциологического анализа, социоинженерные приемы и технологии (выделение профиля сообществ, сетевые диалоги, комментирование и пр.).

Современные методы исследования цифровой мобилизации социального и политического взаимодействия могут оказаться востребованными не только социологам, но и представителями местных сообществ, региональными властями и политиками, драйверами социального и политического развития в стране и непосредственно в регионах, а также сообществами заинтересованных граждан.

[1] Мирошниченко И. В. *Сетевая публичная политика и управление*. М.: Аргамак-Медиа, 2016. 296 с.

[2] Golovatsky E., Kranzeeva E., Orlova A., Burmakina A. *Social Practices of Mobilizing Population Initiatives: Prospects for Hybrid Methodology// International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2018. volume 289. Pp. 8-13. ISBN: 978-94-6252-676-1, doi: <https://doi.org/10.2991/csis-18.2019.2>*

[3] Кранзеева Е. А., Головацкий Е.В., Орлова А.В. *Социальное и политическое взаимодействие местных сообществ региона в условиях реактивных отношений: кейсы благоустройства городского пространства // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 81-90.*

ЦИФРОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Кранзеева Елена Анатольевна

(Кемеровский государственный университет)

Головацкий Евгений Васильевич

(Кемеровский государственный университет)

Нятина Наталья Владимировна

(Кемеровский государственный университет)

В современном обществе актуализируется эскалация информации и множеств цифровых данных. Интенсивная цифровизация, вызывая отторжение социально ориентированных данных, при тщательном рассмотрении демонстрирует острую необходимость социологического сопровождения процессов взаимодействия сообществ в цифровой среде, когда рутинные схемы мобилизации не работоспособны, а “электронные” не объясняют “цифровые итоги и перспективы” современной жизни.

Социально-политическое взаимодействие и отношения власти в регионах получили освещение в публикациях российских социологов [1]. С одной стороны, власть нуждается в инициативах сообществ их мобилизации, с другой, организованное, инициативное и мобилизованное население может восприниматься властью как угроза, потому что отсутствуют технологии управления, ресурсная обеспеченность, механизмы согласования разносторонних интересов. Социальная мобилизация в масштабах регионального сообщества характеризуется консолидацией коммуникативных и деятельностных практик потенциала граждан (населения) в системе социально-политических отношений и действий направленных на активизацию сторонами актуальных ресурсов. В работах современных исследователей мобилизация связывается с цифровизацией общества [2, 19-20].

Цифровая мобилизация представляет собой механизм целенаправленной самоорганизации сетевых сообществ в виртуальном пространстве, апелляцию населения к власти как субъекту, принимающему социально и политически значимые решения, а также возможность обратной коммуникации (“пользовательское участие”).

Акцентируя внимание на цифровой мобилизации сообществ необходимо учитывать специфику территориального развития, традиции гражданского и социального участия, практики социальной взаимопомощи, оснований мобилизации социально-политического взаимодействия. Изучение этих особенностей позволит использовать результаты для организационно-управленческих приемов регионального развития, диагностики разрывов территориального развития и пр. Авторами материалов предлагается методика изучения социальных и политических взаимодействий в контексте виртуальной среды [3, 88-100].

Мобилизационное поведение населения стимулируется теми или иными типами отношений с властью на местах и в обществе в целом. Наряду с реальной активностью, реализуются иллюзорные и символические действия, демонстрирующие фрагментарное использование мобилизационного потенциала населения в отрыве от действительности, что негативно отражается на социальном и политическом взаимодействии.

1. Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ: коллектив. монограф. 2-е изд., исп. и доп. / отв. ред. Л.Л. Шпак. Кемерово, 2015. 373 с.

2. Воронкова О.А. Сетевая интериоризация–становление новой мотивационной матрицы социально-политического участия // Социально-политические исследования. 2020. №1(6). С. 17-28.

3. Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В., Нятина Н.В., Бурмакина А.Л. Реактивные социальные и политические взаимодействия в инновационных процессах регионов России // Власть и управление на Востоке России. 2021. №2(95). С. 86-102.

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ СФЕР ОБРАЗОВАНИЯ И МЕДИЦИНЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Кузеванова Ангелина Леонидовна

(Волгоградский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Рыжкова Анна Андреевна

(Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС)

Интенсивные процессы цифровизации, охватившие все сферы жизни современного российского общества, приводят к формированию новых и трансформации старых социальных практик [1, 104-106]. Внедрение цифровых технологий влечет за собой как

положительные, так и отрицательные последствия. В числе последних – тенденции, связанные с дегуманизацией отдельных сфер социального взаимодействия.

Изучению дегуманизирующих последствий процесса цифровизации в сфере образования и медицины было посвящено комплексное социологическое исследование, проведенное авторами в г. Волгограде в феврале-марте 2022 г. методом онлайн-опроса (n=300, выборка стихийная) и глубинного интервью (n=20, информанты отбирались по принципу «снежного кома»).

Для изучения проявлений дегуманизации в сфере образования участникам онлайн-опроса было предложено рассмотреть несколько высказываний, по поводу которых нужно было выразить свое согласие или несогласие. С утверждением о том, что дистанционное образование способствует исчезновению живого общения между учеником и учителем, выразили полное или частичное согласие 75,6% респондентов. Как показал анализ полученных данных, 45% опрошенных считают, что в рамках цифрового обучения невозможна трансляция знаний, приобретение ценностей и установок, получение опыта. Но при этом 49,3% участников опроса в той или иной степени не согласны с подобным утверждением. Более половины участников онлайн-опроса полагают, что характер взаимодействия между учителем и учеником в цифровой среде сводится лишь к предоставлению онлайн-услуг, что ведет к игнорированию таких функций образования, как воспитание и социализация. Мнения опрошенных в процентном соотношении разделились практически поровну при рассмотрении утверждения о том, что все участники образовательного процесса в цифровой среде обезличиваются, становятся похожими на безликие профайлы. Выяснилось, что есть как согласные – 46,3%, так и несогласные – 43,4%, 14% затруднились ответить. Эти результаты свидетельствуют о неоднозначной оценке волгоградцами данного проявления дегуманизации в сфере образования в условиях цифровизации.

Проанализировав ответы респондентов на вопрос о возможных дегуманизирующих последствиях цифровизации образования, можно выявить четыре основных направления данного процесса, которые, по мнению жителей г. Волгограда, являются наиболее значимыми: снижение качества образования и компетентности выпускников школ и ВУЗов (такой вариант выбрали 21,1% опрошенных), снижение уровня интеллектуальной и творческой активности (17% респондентов придерживаются такой позиции), низкий уровень социализации (26,3% участников опроса выразили такое мнение), а также сведение живого общения к минимуму (такая точка зрения близка 18,9% респондентов).

Отметим, что в ходе глубинных интервью были выявлены аналогичные тенденции: информанты акцентировали свое внимание на качестве онлайн-образования, подходе обучающихся к образовательному процессу, социализации как неотъемлемой части института образования и «живой» коммуникации как инструменте взаимодействия между преподавателем и учеником.

«По своему опыту могу сказать, пока что дистанционное образование гораздо ниже по качеству, чем стандартное живое общение с преподавателями в аудиториях» (девушка, 21 год).

«Если человек формируется как личность, то ему необходимо общение с другими людьми. Собственно, образование происходит не только при общении студентов с преподавателем, образование происходит при общении студента со студентом, при нахождении в стенах ВУЗа, при усвоении этических норм и правил, которые исчезают в цифровом пространстве» (женщина, 35 лет).

Таким образом, по мнению большинства информантов, принявших участие в глубинных интервью, цифровизация сферы образования и его переход в дистанционный формат может повлечь за собой отсутствие сформированности так называемых «мягких» навыков, благодаря которым обучающийся может взаимодействовать в команде, строить отношения и коммуницировать с другими участниками образовательного процесса, коллективно решать возникающие проблемы.

Участникам онлайн-опроса предлагалось выразить свое отношение к процессу внедрения цифровых технологий в сфере медицины. Большинство из опрошенных (59%) дали свою полную или частичную положительную оценку этого процесса, и лишь 17,7% респондентов относятся к этой тенденции скорее отрицательно или отрицательно. Таким образом, можно отметить общий тренд положительной оценки внедрения цифровых технологий в сфере медицины.

Наличие подобного тренда подтверждают данные, полученные в ходе глубинных интервью. Большинство информантов убеждено, что с появлением цифровых технологий в сфере медицины возникает возможность «собрать консилиум дистанционно», «записаться к врачу онлайн», «облегчить взаимодействие с медучреждениями». Так, один из информантов выразил общее мнение, отметив, что «легендарные очереди уже в прошлом в большинстве случаев, по крайней мере, сократилось ненужное общение в регистратуре». Таким образом, по мнению большинства участников глубинных интервью, в ходе внедрения цифровизации в медицинской сфере появляются преимущества в виде беспрепятственной записи на прием к врачу или эффективной обратной связи от него, достаточной информированности о возможностях медучреждений, большей доступности медицинских услуг.

На вопрос о том, возможна ли полная замена традиционного посещения врача его онлайн-альтернативной, большинство респондентов ответили отрицательно – 51,7%, о частичном внедрении онлайн-практик в медицине думают 40,3% опрошенных, с идеей повсеместного внедрения онлайн-медицины солидарны лишь 4,7% участников опроса.

Респондентам предлагалось выразить свою степень согласия или несогласия с высказываниями, позволяющими сделать вывод о том, насколько значимы дегуманизирующие последствия цифровизации в сфере медицины. При анализе полученных данных было выявлено, что большинство опрошенных согласны с предложенными утверждениями:

«замена врача цифровыми устройствами»: полное согласие с этим высказыванием выразили 72,3% опрошенных, частичное – 22,7%, затруднились ответить – 3,3%, скорее не согласны – 1,3%, полностью не согласны – 0,3%;

«цифровизация сферы медицины приведет к распространению практик самолечения»: полностью согласны – 36,3%, скорее согласны, чем не согласны – 42%, скорее не согласны – 6,3%, полностью не согласны – 4,3%;

«возрастут риски, связанные с медицинскими ошибками при использовании цифровых устройств»: полностью согласны – 60,3%, скорее согласны, чем не согласны – 31,7%; скорее не согласны – 2,7%, полностью не согласны – 0,7%.

«врач будет рассматривать человека как набор обезличенных данных»: полностью согласны – 38%, частично согласны – 24%, скорее не согласны – 11%, полностью не согласны – 7,3%.

Анализ данных онлайн-опроса позволяет сделать вывод о том, что в восприятии респондентов наиболее вероятными последствиями цифровизации системы медицины станут: снижение уровня коммуникации и обратной связи между врачом и пациентом (в этом уверены 22,4% волоградцев, принявших участие в опросе), повсеместная автоматизация медицинских практик (так считают 18,3% опрошенных), снижение качества предоставляемых медицинских услуг (эта позиция близка 23,5% участников опроса) и снижение общего уровня здоровья населения из-за распространения практик самолечения (такую точку зрения разделяют 13,8% респондентов).

Таким образом, результаты проведенного нами комплексного социологического исследования убедительно свидетельствуют о том, что процессы цифровизации системы образования и медицины неоднозначно оцениваются населением: участники опроса фиксируют наличие проявлений дегуманизации в ходе внедрения цифровых технологий в указанных сферах. В связи с этим возникает настоятельная

необходимость учета общественного мнения при проведении реформ в области образования и медицины, создания системы регулярного мониторинга мнения общественности о проводимых преобразованиях с целью коррекции проводимой государственной политики в этих общественно значимых сферах.

1. Скляр М.А., Кудрявцева К.В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. 2019. № 3. С. 103-114.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

***Кузнецов Алексей Владимирович**
(Тверской государственной университет)*

***Борисов Григорий Александрович**
(Тверской государственной университет)*

Мир меняется и меняется стремительно. Каждая новая эпоха бросает свои вызовы и сейчас этот вызов – цифровая трансформация. Внедрение новых технологий происходит во всех сферах жизни общества: политической, социальной, экономической и духовной. Так, по мнению Е. Бриньолфссона и Б. Кахина [2], при цифровизации используются технологии для создания ценностей и новых услуг для различных заинтересованных сторон, внедрения инноваций и приобретения возможностей для быстрой адаптации к меняющимся обстоятельствам. Насколько успешно и эффективно государством будет внедрена цифровизация в повседневную жизнь, настолько оно будет благополучным, конкурентоспособным, сильным и независимым. Поэтому цифровой переход является одним из приоритетов развития Российской Федерации, но для этого перехода требуется собственные научные решения и передовые разработки [5]. Так в рамках национальных проектов России на 2019-2024 год была создана программа по цифровизации экономики, которая в свою очередь должна улучшить все сферы общества. Однако, на фоне разворачивающихся событий: мирового кризиса, эпидемии, общей мировой напряженности, санкций и специальной военной операции на Украине, задача значительно усложнилась.

До недавнего времени доля отечественных информационных продуктов не превышала четверти всех внедренных технологий [3]. Такая картина безусловно ставит вопрос ребром: как провести цифровизацию при недостатке российских технологий? Если внедрять собственное программное обеспечение в процессе цифровизации, то это практически не скажется на ее сроках [3]. В случае с отраслями, которые имеют высокий уровень цифровизации, не обеспеченный отечественным софтом (банки, ретейл, телеком, промышленность), существуют большие сложности в поиске российских аналогов, но это и является основным генератором спроса на новые продукты. Специалисты по их созданию в начале своего пути столкнутся с дефицитом компонентов в области микроэлектроники. Эта проблема может быть решена за счет китайских производителей, чьи продукты являются вполне конкурентными на рынке [4]. Не возникает сомнений, что концепция носит бесповоротный характер. Уже с 2025 года объекты критической информационной инфраструктуры должны полностью перейти на отечественное программное обеспечение [1]. Таким образом, санкционные ограничения являются серьезным ударом по процессу цифровизации, но при этом они стали мощным толчком к развитию отечественного сектора информационных технологий, что в будущем положительно скажется на цифровой независимости России, квалификации кадров и уровне научного потенциала.

1. Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2022 № 166 "О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации" [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203300001?index=0&rangeSize=1> – (Дата обращения 05.10.2022).
2. Захаров Д. В. Цифровизация экономики: проблемы и перспективы // Развитие науки, национальной инновационной системы и технологий: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 13 мая 2020г. : Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. — С. 102-107. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://apni.ru/article/679-tsifrovizatsiya-ekonomiki-problemi-i-perspekt> – (Дата обращения 05.10.2022).
3. Калмацкий М. Цифровизация будет строиться на отечественном ПО. РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА - СПЕЦВЫПУСК: ИНВЕСТИЦИИ. 2022. №126. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/06/15/svoj-komponent-tri-goda-zhdut.html> – (Дата обращения 05.10.2022).
4. Эксперт считает, что санкции ускорят процессы цифровой трансформации в России. ТАСС. 2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/14083299> – (Дата обращения 05.10.2022).
5. Brynjolfsson E., Kahin B. Introduction, in *Understanding the Digital Economy*. Cambridge: MIT Press, 2000. P. 1–10.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И СОКРАЩЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА СТУДЕНТОВ

Кузнецов Игорь Сергеевич

(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Кузнецов Роман Сергеевич

(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Пандемия COVID-19 затронула разные области общественной жизни, в том числе и образование. В частности, в 2020 году высшее образование массово было переведено на дистанционную форму обучения. На продолжительный период времени онлайн-обучение частично, а в некоторых случаях и полностью, заменило очное [1]. Исходя из этого, встаёт вопрос о том, что происходит в рамках цифровой образовательной реальности с социальными связями, которые возникают между субъектами высшего образования – а именно между студентом и однокурсниками, а также между студентом и преподавателями. Говоря конкретнее, живое общение конституирует отношения между ними в рамках аудиторного формата обучения, но что происходит с социальными отношениями в ситуации, когда этот элемент изымается из процесса обучения или его присутствие значительно снижается?

Приблизиться к ответу на данный вопрос позволяет концепт социального капитала. В частности, мы обращаемся к представлениям о данном феномене Дж. Коулмана [2]. Он выделяет разные его источники, среди которых выделяются доверительные отношения, взаимные обязательства и групповые нормы. В эмпирической части исследования студентам задавались вопросы об их доверии к однокурсникам и преподавателям, о сетях взаимопомощи (т.е. о количестве однокурсников и преподавателей, к которым они могут обратиться за помощью как по вопросам учёбы, так и по другим вопросам), а также об их самоидентификации. В последнем случае респондентам предлагалось указать такую социальную роль, с которой они себя ассоциируют в первую очередь. Вопрос о социальной роли выступает в качестве косвенного показателя соответствия обучающихся нормам высшего образования. В его основе лежит предположение о том, что молодой человек погруженный в процесс образования, принимает определённый набор правил и процедур, а также совершает институциональные практики, когда посещает семинары,

лекции, экзамены и т.п.; поэтому учащийся с высокой долей вероятности будет идентифицировать себя в качестве «студента», и наоборот, если он не погружен в образовательный процесс, будет самоопределяться иначе. В проведенном исследовании большинство респондентов указали, что они являются студентами (72%), тогда как остальные идентифицировали себя не студентами – соотнесли себя с профессией (врач, юрист т.д.), трудовой занятостью (работник, безработный), личностным состоянием (творческий, неудачник и т.п.) и др.

Согласно результатам исследования, доверие студентов к однокурсникам и преподавателям, существенно ниже в рамках дистанционного формата обучения, чем в рамках аудиторного. При онлайн-обучении молодые люди реже обращаются к расширенным сетям взаимопомощи (то есть к пяти и более однокурсникам и к четырём и более преподавателям). Кроме того, в рамках этого формата обучения они реже обратятся к ним за поддержкой как по вопросам, связанным с учёбой, так и не связанным с ней. Учащиеся, которые не демонстрируют поведение в соответствии с социальной ролью «студент», в отличие от тех, кто отождествляет себя с этой ролью, чаще учатся дистанционно и предпочитают онлайн-коммуникации с другими субъектами высшего образования. Более того, они реже доверяют однокурсникам и преподавателям, а также реже имеют среди них помощников по учебным и внеучебным вопросам. По всей видимости, наличие живого общения является определяющим для выстраивания прочных и расширенных социальных связей в ходе обучения, и наоборот, отсутствие подобного общения либо совсем не приводит к этому, либо приводит реже. Таким образом, можно предварительно утверждать, что при онлайн-обучении социальный капитал студентов снижается.

Какая проблема связана с сокращением социального капитала или в чём заключается его значимость? При ответе на данный вопрос можно напрямую обратиться к экономической логике [3]. По большому счёту социальный капитал, как и любой другой вид капитала, предполагает инвестиции. Подобные инвестиции могут приносить или не приносить вознаграждение; часто результат зависит от того, является ли социальный капитал для «инвестора» средством или условием. Когда для одних людей он средство, то они, как правило, его приумножают и успешно конвертируют в иные виды капитала (финансовый, научный и др.), когда же для других он условие – они им обременены и часто его теряют. Так или иначе в рамках аудиторного формата обучения, в отличие от дистанционного, вероятность инвестиций в социальный капитал выше, а значит и выше шанс его конвертации в иные блага; это положение остается верным невзирая на то, что многие молодые люди могут оказаться недостаточно способными для умелого распоряжения имеющимися у них «ресурсами».

1. Arnado J.M., Jabal R.F., Poa M.R., Viray T.C. Trust in Pandemic-Induced Online Learning: Competitive Advantage of Closure and Reputation. *International Journal of Sociology of Education*. 2021. Vol. 10. No. 2. P. 192–217. DOI: 10.17583/rise.2021.7088
2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121-139.
3. Lin N. Building a network theory of social capital. *Connections*. 1999. Vol. 22. P. 28–51. DOI: 10.4324/97813 15129 457-1

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИИ

Кузнецова Альбина Михайловна
(Череповецкий Государственный Университет)

В настоящее время, в век глобальной информатизации, невозможно представить нашу жизнь без средств технологического прогресса. Как правило, большинство действий

современного человека в так или иначе используют информационные технологии. В организациях существует множество уровней ИТ-технологий, начиная от электронной почты и заканчивая интегрированными инструментами разработки для руководителей высшего звена. В большом скачке к передовому бизнесу множество взаимосвязанных систем предвещает множество препятствий на этом пути прочее. Каковы проблемы цифровизации в Российском государстве? Существуют ли перспективы развития ее в условиях современных реалий?

Цифровизация - это переход к новым процессам, моделям и подходам, основанным на информационных технологиях. К основным проблемам цифровизации можно отнести:

1. Сложность. С каждой новой волной технологических усовершенствований большинство организаций внедряют технологии, которые пользуются спросом. А это приводит к серьезным осложнениям. Многочисленные системы дублируют друг друга, невольно снижая производительность.

2. Культурные изменения. Задача цифровой трансформации заключается в том, чтобы сначала изменить образ жизни и работы, а затем перевести его в цифровой формат.

3. Темп. Еще одна задача цифровизации - идти в ногу с новейшими технологиями, с другой стороны, поддерживать трансформацию, которая произошла внутри компании. На следующем этапе автоматизации необходимо предусмотреть новые роли, где технология не просто заменит человеческий труд, а дополнит его. Эти новые инструменты должны культивировать привлекательность человека и способствовать использованию цифровых технологий, а не сокращать занятость.

4. Безопасность. Успешная цифровая трансформация требует повышенного внимания к вопросам безопасности. Крупнейшие компаниями становятся жертвами кибератак. IP, личные данные и финансы находятся под постоянной угрозой. С наполнением цифрового мира корпоративные сети прошлого больше не существуют. Безопасность должна быть встроена непосредственно во все приложения.

5. Конкуренция. Понимание технологических тенденций поможет определить, какие технологии принесут пользу бизнесу и государству. Каждый всегда должен быть в курсе новых технологий и изменений в поведении потребителей, которые они вызывают.

На сегодняшний день переход на цифровую экономику является одним из ключевых приоритетов развития России, ведь именно уровень цифровизации будет определять конкурентоспособность страны в новом технологическом укладе. Соответственно, для выхода Российской Федерации на новый уровень развития экономики, социальных отраслей нужны собственные передовые разработки и научные решения. В декабре 2016 года В.В. Путин подписал указ в рамках «Стратегии научно-технологического развития РФ», который предусматривает меры по созданию правовых, технических, организационных и финансовых условий для развития цифровой экономики в Российской Федерации. В апреле 2017 года Президент России утвердил положение о рабочей группе экономического совета и ее состав для разработки данного направления и внедрению в его современные реалии. Чтобы добиться максимального эффекта, России необходимо создать соответствующие условия для развития нового технологического уклада, обосновать правила, способствующие конкуренции и выходу на рынок, определить навыки, позволяющие работникам выгодно использовать возможности цифровой экономики, и определить институты, подотчетные людям. Для обеспечения биологической и продовольственной безопасности нашей стране необходим переход к сельскому хозяйству нового типа, основанному на модели циркулярной (т.е. безотходной) экономики и поддерживающему принципы устойчивого развития. Для поддержки инновационного сектора российской экономики создана достаточно разветвленная система институтов развития. Однако на сегодняшний день различные меры, предпринимаемые руководством страны, существенных результатов не дали: экономика России все еще ориентирована на экспорт сырья, а отсутствие стимулирующих механизмов, способствующих развитию инновационной деятельности субъектов

экономики одна из основных причин отсутствия прогресса в инновационном развитии страны. Необходимым является создание культурной среды цифровой экономики в виде стандартов, законов, норм и правил, одно из которых связано с решением о том, что цифровые формы официального взаимодействия должны стать первыми, а аналоговые вторыми, в том числе и на межгосударственном уровне, а также на уровнях взаимодействия государств и бизнеса, граждан и бизнеса, поставщиков и заказчиков товаров и услуг.

Цифровая экономика - это система высокоэффективных экономических отношений, обеспечиваемых автоматизацией всех процессов и технологиями обработки данных. Инструменты цифровой экономики, такие как Интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект, способствуют реализации информационного общества путем оцифровки и интеграции всех потоков данных.

1. Указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации"
2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы"
3. Основы цифровизации государственного и муниципального управления : учеб. пособие / О. А. Полюшкевич, И. А. Журавлева,
4. Г. В. Дружинин, Н. В. Москвитина. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – 163 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Кузнецова Екатерина Михайловна

(Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

В современном мире пожилые люди подвержены ряду рисков, которые могут привести к их социальному исключению из общества. Всё более возрастающим риском социального исключения пожилого человека наравне с уже перечисленными в современном обществе становится низкий уровень его цифровых компетенций. Поскольку отсутствие компетенций в цифровой среде приводит к уменьшению частоты повседневного взаимодействия с окружением, уменьшению шансов на сохранение рабочего места в постпенсионный период. Поэтому пожилым людям необходимо обучаться цифровой компетентности и быть в курсе современных тенденций.

Впрочем, часть пожилых людей использует интернет и обладает компьютерной грамотностью, но, к сожалению, эта часть не так велика, по данным Росстата активных пользователей интернета старше 60 лет 12,2% [1].

Возможно, что пожилых людей может заинтересовать искусственный интеллект, который встроен в смартфоны, колонки или ПК и тогда больше пожилых людей будут включены в современное цифровое пространство. В нашем исследовании рассматривался слабый искусственный интеллект или Narrow AI. В исследовании приняли участие 108 человек (92,5% женщины и 7,5% мужчины). К слабому ИИ относятся голосовые ассистенты, как «Алиса», «Маруся», «Дуся», «Siri», «Google Assistant».

Оказалось, что ИИ в виде голосового помощника используют 34,3%. 9,1% респондентов указали, что голосовой помощник поднимает им настроение, а 13,6% разговаривают с ним. Для важных напоминаний помощник пригодился 9,1%. Бытовые вопросы также пожилые люди решают через помощника, например, ставят будильник

13,6%. Пожилые люди задают голосовому помощнику вопросы, слушают музыку и новости, узнают погоду.

Таким образом, искусственный интеллект уже пользуется популярностью среди пожилых людей, а кому-то он стал “другом”, с которым можно общаться. Возможно, если больше пожилых людей узнает о современном “помощнике”, то включение пожилых в интернет-среду будет происходить интенсивнее.

1. Распределение населения, являющегося активными пользователями сети Интернет // Росстат. URL: <https://clck.ru/rfg3F> (дата обращения 08. 10.2022).

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Кузнецова Полина Юрьевна

(Пермский национальный исследовательский политехнический университет)

В нашей стране реализуется ряд инициатив, направленных на создание необходимых условий для развития в России цифровизации предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе, «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [1] и Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [2]. В рамках программы реализуется федеральный проект «Цифровое государственное управление», в соответствии с которым в качестве целевого показателя, характеризующего достижение национальной цели – увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95% к 2030 году [3]. Мероприятия проекта предусматривают активизацию использования электронных ресурсов для предоставления государственных и муниципальных услуг на основе цифровизации сервисов органов власти и повышения качества и доступности оказания услуг в электронной форме.

Развитие электронных сервисов оказания государственных и муниципальных услуг реализуется как посредством функционирования Единого портала государственных и муниципальных услуг (далее – ЕПГУ), так и путем создания органами власти собственных информационных ресурсов (например, сайт Росреестра). В рамках функционирования ЕПГУ, обеспечение доступности получения услуг осуществляется посредством концентрации информации на сайте по так называемым «жизненным обстоятельствам». Данный подход является элементом применения персонализированного, индивидуализированного подхода к потребителю услуг.

С каждым годом происходит увеличение количества услуг, предоставляемых в электронной форме посредством ЕПГУ. К апрелю 2022 года количество госуслуг, доступных в электронной форме, составило 260. Количество зарегистрированных пользователей на портале в апреле 2022 года составило 96,4 млн чел. [4] Однако приоритет перевода услуг в электронную форму принадлежит услугам федеральных органов исполнительной власти и государственных внебюджетных фондов. Уровень цифровизации региональных и муниципальных услуг значительно отстает. Так, в Пермском крае, из 235 государственных услуг исполнительных органов государственной власти субъекта РФ в электронной форме доступны 105 услуг (45%), а из 95 муниципальных услуг, в электронной форме предоставляется лишь 29 услуг (31%) [5].

В результате граждане по-прежнему вынуждены обращаться за получением услуги непосредственно в орган государственного или муниципального управления, либо в МФЦ, в случае если между органом, предоставляющим услугу и МФЦ, заключено соответствующее соглашение. Например, из пяти услуг, предоставляемых департаментом образования администрации города Перми, лишь одна услуга предоставляется через МФЦ

[6]. Таким образом, возникают проблемы доступности получения государственных и муниципальных услуг.

Важнейшим направлением совершенствования предоставления государственных и муниципальных услуг является внедрение мониторинга оценки их качества и доступности. В основу оценки положены показатели Указа Президента от 7 мая 2012 №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [7]. Оценка производится по пяти показателям, характеризующим временную доступность получения услуг, качество обслуживания и комфортность условий предоставления услуг. Для оценки услуг, предоставляемых в электронной форме, основными показателями являются условия доступности информации, документов, способов совершения платежей, временные критерии и удобство процедур предоставления услуг.

Оценки гражданами качества и доступности предоставления услуг собираются и анализируются с использованием автоматизированной информационной системы "Информационно-аналитическая система мониторинга качества государственных услуг" (ИАС МКГУ). Важное место для сбора информации занимает специализированный сайт "Ваш контроль" (<https://vashkontrol.ru>). Главным недостатком системы мониторинга услуг через сайт «Ваш контроль» является то, что оценить можно качество и доступность только федеральных услуг. Возможность оценки региональных и муниципальных услуг отсутствует, при том, что только муниципальных услуг в г.Перми насчитывается 57 и крайне важно своевременно осуществлять оценку их качества и доступности.

При этом анализ зарубежного опыта организации порталов предоставления государственных услуг показывает, что, как правило, они строятся на централизованном принципе организации. Например, портал *ServicesAustralia* (<https://www.servicessaustralia.gov.au/>) основан на централизованном принципе организации предоставления информации в масштабах всей страны. Сервисы портала позволяют четко определить необходимые для получения услуги на основе применения принципа их разграничения не по жизненным ситуациям, а по целевым группам. Так, на портале выделены разделы: пожилые люди; люди, ищущие работу; студенты и стажеры; родители; люди с ограниченными возможностями здоровья и др. При этом, кроме стандартного набора государственных услуг, сервисы портала позволяют организовать получение психологической поддержки представителям целевых групп в различных жизненных ситуациях.

Также в качестве успешного примера оформления сайта следует выделить портал штата Сан-Паулу Бразилии *Рoupatempo* (www.roupatempo.sp.gov.br). Он построен по принципу разграничения услуг в соответствии с общественными сферами (образование, общественный транспорт, труд, занятость, социальное обеспечение, гражданство, военная служба и т.д.). Такой подход представляется достаточно удобным, поскольку позволяет быстро сориентироваться на портале и узнать необходимую информацию о соответствующих услугах, а также получить их, поскольку портал содержит значительное количество онлайн-сервисов. При этом центр услуг предоставляет не только государственные и муниципальные услуги, но и услуги негосударственного сектора. Сайт содержит исчерпывающую информацию о порядке, способах предоставления услуг, уровне удовлетворенности потребителей. Визуальный контент сайта информативен, обладает удобной навигацией и системой поиска информации.

По аналогичному принципу разграничения услуг по общественным сферам (образование, бизнес, здоровье, транспорт) построен портал Канады *ServicesCanada* (<https://www.canada.ca/en.html>). В качестве безусловного достоинства портала следует отметить проблемный принцип предоставления информации о государственных услугах. По каждой услуге размещена не только информация о порядке и условиях ее получения, но прогнозируются возможные проблемы, с которыми может столкнуться заявитель с

пояснениями процедур их решения. Такой подход обеспечивает полноту, оперативность и доступность информации об услугах.

Таким образом, мы полагаем, что важнейшими направлениями совершенствования цифровизации государственных и муниципальных услуг в РФ должны являться: во-первых, активизация перевода региональных и муниципальных услуг в электронную форму, что позволит существенно повысить доступность их предоставления гражданам и организациям. Во-вторых, необходимо пересмотреть архитектуру портала ЕПГУ, создать интуитивно понятную систему навигации, активизировать применение виджетов и обучающих роликов, что позволит любому гражданину независимо от психофизических особенностей получить полную и достоверную информацию об услугах. В-третьих, важно осуществить расширение функционала сайта «Вашконтроль», который бы позволил осуществлять оценку качества и доступности предоставления региональных и муниципальных услуг.

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1> (дата обращения 07.10.2022)
2. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения 06.10.2022)
3. Федеральный проект «Цифровое государственное управление» [электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения 06.10.2022)
4. Минцифры подвело итоги 2021 года [электронный ресурс]. URL: <https://d-russia.ru/mincifry-podvelo-itogi-2021-goda.html> (дата обращения 07.10.2022)
5. Доклад и.о. министра информационного развития и связи Пермского края Шиловских П.А. «О развитии информационных технологий в Пермском крае». Пермь, 2021 [электронный ресурс]. URL: <https://rop59.ru/assets/files/o-razviti-i-informacionnyh-tehnologij-v-permskom-krae.pdf> (дата обращения 05.10.2022)
6. Список услуг оказываемых в ГБУ ПК «Пермский краевой МФЦ ПГМУ» [электронный ресурс]. URL: <https://mfc.permkrai.ru/service/> (дата обращения 07.10.2022)
7. Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129336/ (дата обращения 07.10.2022)

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ Г. ЯРОСЛАВЛЯ К ЭЛЕКТРОННОМУ ОБУЧЕНИЮ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ЗА И ПРОТИВ.

Кургузов Виктор Сергеевич

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»)

В настоящее время популярным становится электронное обучение с использованием дистанционных образовательных технологий (ДОТ). К 2022 г. в России накоплен и осмыслен опыт перевода на онлайн обучение, появилось большое количество исследований, посвященных электронному обучению с ДОТ, изучен потенциал и границы такого обучения, мотивационные особенности. В литературе представлен взгляд науки, руководителей образования, родительских и учительских ассоциаций, но позиция школьников освещается гораздо реже. Целью данного исследования стало изучение отношения старшеклассников г. Ярославля к электронному обучению с использованием

ДОТ для выявления его дефицитов и перспектив. Были поставлены задачи: провести анкетирование ярославских старшеклассников для выявления их отношения к электронному обучению с использованием ДОТ; с помощью интервью уточнить преимущества и недостатки дистанционного обучения; выявить проблемы и трудности, с которыми столкнулись обучающиеся в ходе использования ДОТ; определить перспективы и риски внедрения. Предмет: электронное обучение с использованием ДОТ, эффективность перехода на дистанционные формы обучения. Объект: реализация и организация электронного обучения с ДОТ в г. Ярославле (включенность школьников и оценка обучающимися качества реализации образовательных программ в период дистанционного обучения, его влияния на качество образовательных результатов, учебную нагрузку и здоровье). Целевая группа исследования: школьники в возрасте от 15 до 18 лет, обучающиеся по программам среднего общего образования в школах г. Ярославля. Основные методы исследования: анкетирование и интервью учащихся, анализ сайтов школ г. Ярославля. Исследование проведено в период с сентября 2021 г. по апрель 2022 г. В результате, пришли к выводу, участники образовательных отношений оказались не готовы. К электронному обучению с ДОТ. Материалы опросов показывают: предпочтение отдается очному формату учебы. Школьники, обозначив как преимущества, экономию времени на дорогу, возможность выспаться, комфорт, удобство выполнения заданий, отсутствие контактов (covid), выразили готовность применять данный формат учебы, но если будут минимизированы негативные явления: оставление без учительской поддержки, самостоятельный разбор нового материала, большой объем заданий. Используя результаты исследования, можно предложить руководителям школ разработать стандарт требований к организации электронного обучения с использованием ДОТ с регламентацией соотношения онлайн занятий с учителем и самостоятельной работы на платформах, количества и объема письменных работ, время использования гаджетов, возможности получить онлайн консультацию, сделать информативными и работающими разделы сайтов школ, посвященных дистанционному обучению.

ЧЕЛОВЕК И БИЗНЕС: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Кустышев Андрей Игоревич

(Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов)

В современном мире цифровизация является одним из основных трендов, влияющих на жизни людей. Её быстрое распространение, однако, помимо значительных плюсов может и угрозы обществу, посредством вызова так называемого «Футурошока», описанного американским футурологом Элвином Тоффлером [8]. В этой связи актуальным становится вопрос исследования влияния цифровизации на взаимодействие человека с бизнесом и всем обществом.

Современные цифровые технологии значительно облегчающее обмен, хранение и обработку данных в бизнесе [7]. К ним относятся системы:

ведения учёта и электронного документооборота (CRM, ERP, логистические программы);

управления автоматизированными устройствами;

отслеживания производительности и активности сотрудников;

хранения, передачи и обработки данных (OLAP технологии);

Также цифровых технологий используются в управление человеческими ресурсами: в документообороте и подборе сотрудников. Для этого используются электронными биржами труда, позволяющими привлекать нужные кадры. Также, часто рекрутмент определённых сотрудников ведётся с помощью социальных сетей, позволяющих точнее составить представление о личности соискателя. Более того,

социальные сети позволяют создавать бренд организации, который является конкурентным преимуществом, т.к. позволяет привлекать и удерживать лучших сотрудников [1, 74].

Информационные технологии дают значительное преимущество посредством снижения транзакционных издержек и своевременного предоставления релевантной информации лицам, принимающим решения. Также, цифровые технологий повышают операционную эффективность организаций, а некоторые проекты цифровизации бизнеса могут демонстрировать рентабельность в 1500% [9]. На эффективность внедрения информационных технологий влияют такие факторы, как отрасль, возраст и размер компании. Наибольший эффект от цифровизации наблюдается в таких отраслях, как: финансы, технологии, и коммуникации [5, 135].

Однако, цифровые трансформации создают три парадокса в рабочем процессе. «Прозрачность» или «поведенческая видимость» – это состояние, при котором поведение сотрудников и клиентов могут отслеживаться с помощью информационных технологий. Парадокс прозрачности заключается в том, что наблюдение за поведением людей с одной стороны является важным источником информации для роста и развития организации, но с другой, может повышать уровень стресса, снижать уровень мотивации и вовлечённости. Корпоративные информационные системы создают возможность для мгновенного обмена информацией среди сотрудников, что ускоряет процессы общения и согласования решений. С другой стороны, постоянная доступность для общения способна отвлекать от работы, т.к. входящие сообщения мешают концентрации и погружению в работу, что и называется парадоксом «соединенности». Парадокс производительности заключается в том, что постоянное отслеживание производительности сотрудников побуждает их тратить силы на демонстрацию своей деятельности, а не на саму деятельность [6, 114].

Другой проблемой, вызванной цифровизацией является вред человеческому капиталу организации. С момента распространения информационных технологий в обществе значительно возросла частота возникновения психических расстройств [10]. На данный момент существуют исследования, подтверждающие корреляцию между потреблением информации и: аффективными и тревожными расстройствами личности, синдромом дефицита внимания и гиперактивности, депрессией, злоупотребление алкоголем и другими расстройствами [3, 13].

Медицинский аспект влияния цифровизации на общество базируется на гипотезе формирования информационной зависимости посредством частого потребления информации. Информационная зависимость приводит к нарушению когнитивных способностей (ухудшению памяти, способности к концентрации, и способности к сложному абстрактному мышлению) посредством цифровой деменции и информационного слабоумия [2, 95]. Механизм нарушения когнитивных функций приведён на рисунке 1:

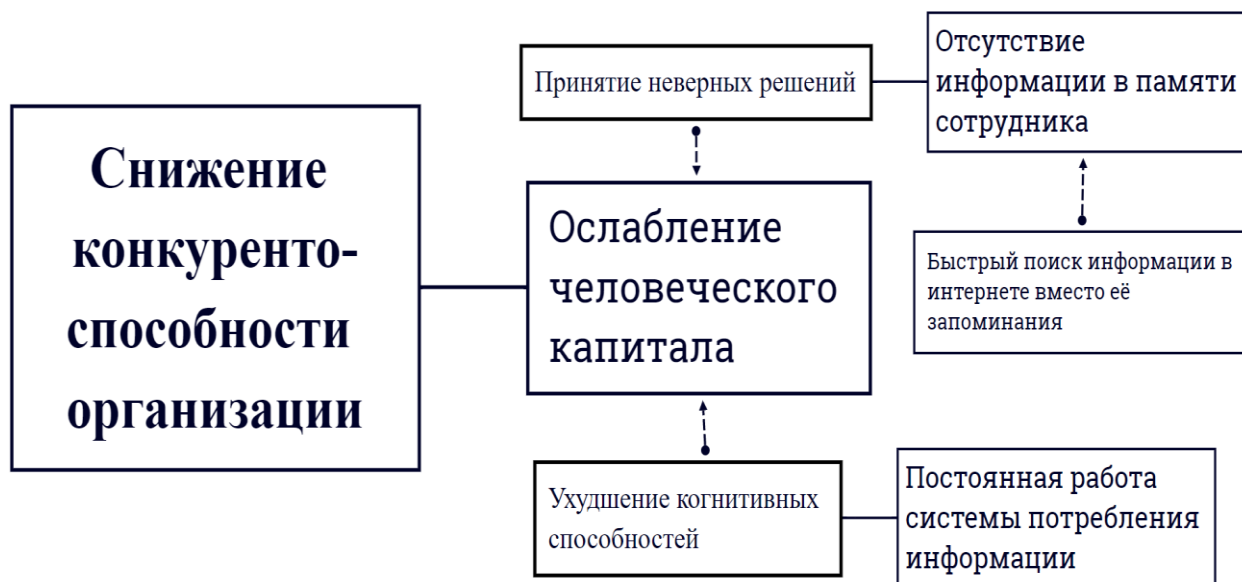

Рисунок 1 – схема предполагаемого влияния цифровых технологий на человеческий капитал организации

Данные заявления всё ещё требуют подтверждения продолжительными исследованиями, но существующие данные вызывают беспокойство за качество человеческого капитала организации. Информационное слабоумие совместно с ухудшением психического здоровья способно значительно навредить конкурентоспособности фирмы. На основании этих данных можно предложить ряд инструментов организационного дизайна, призванных сохранить качество человеческого капитала.

В первую очередь следует узнать о распространённости проблемы внутри организации, для чего требуются инструменты диагностики, такие как: опросник интернет зависимости Кимбрели Янг, Шкала интернет зависимости Шэнь, Шкала интернет зависимости Ко, и др. Проведение этих тестов позволяет выявить феномен гиперподключённости, или проблемного использования интернета (более 9-ти часов экранного времени в день) [4, 136].

В случае широкой распространённости интернет-зависимости среди персонала организации, следует настоять на получении помощи самыми подверженными сотрудниками. В остальных случаях следует обеспечить осведомлённость об опасности информационной зависимости с помощью семинаров и собраний, рассказать о методах информационной гигиены [2, 100], реорганизовать бизнес-процессы таким образом, чтобы человек мог не отвлекаться на лишние уведомления и избегать бесцельного просматривания интернет-страниц, увлечённо выполняя свою работу. Для этого рабочий процесс должен минимизировать чувство отчуждённости труда, поддерживать вовлечённость творчество. Не менее важным является внедрение ценности сохранения психического здоровья в организационную культуру таким образом, чтобы работники соблюдали информационную гигиену как на работе, так и дома.

Итак, информационные технологии широко распространены в современном бизнесе и их внедрение приносит значительные выгоды за счёт сокращения транзакционных издержек и создания актуальной информации. Однако, их широкое распространение может вредить психическому здоровью и когнитивным способностям сотрудников, что вредит конкурентоспособности организации. Предложенные автором рекомендации требуют дальнейшего практического изучения и уточнения их эффективности в повышении конкурентоспособности организации и их влияния на HR-привлекательность предприятия.

1. Шапиро С. А. *Маркетинг персонала : учеб. Пособие* / С. А. Шапиро, Е. К. Самраилова, Н. А. Говорова. – М. : КноРус, 2018. — 228 с.
2. Боброва, Л. А. *Последствия «цифротизации» человека для мозга // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты.* – 2020. – № 4 (44). С. 89–101.
3. Вайнштейн, А. *Интернет–зависимость: диагностика, коморбидность и лечение // Медицинская психология в России.* – 2015. – № 4 (33). С. 24.
4. Титова, В. В., Катков А. Л., Чугунов Д. Н. *Интернет–зависимость: причины и механизмы формирования, диагностика, подходы к лечению и профилактике // Педиатр.* – 2014. № 5 (4). С. 132–139.
5. Черкасова В. А., Слепушенко Г. А. *Влияние цифровизации бизнеса на финансовые показатели российских компаний // Финансы: теория и практика.* – 2021. №25 (2). С. 128–142.
6. Bouwman, H., Nikou, S., Molina-Castillo, F.J. and de Reuver, M. *The impact of digitalization on business models // Digital Policy, Regulation and Governance.* – 2018. №20 (2). С. 105–124.
7. *Современные информационные технологии в бизнесе [Электронный ресурс].* – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2016/09/18/1123390185/Современные%20информационные%20технологии%20в%20бизнесе%20-%20.pdf> (дата обращения 03.10.2022).
8. Тоффлер Э. *«Шок будущего» [Электронный ресурс].* – Режим доступа: https://royallib.com/book/toffler_elvin/shok_budushchego.html (дата обращения 05.10.2022).
9. *Транспорт и логистика 2021: драйверы роста, тренды, барьеры [Электронный ресурс]* Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_jY8LYQ2tN0&t=4905s (дата обращения 03.10.2022).
10. *Associations between screen time and lower psycho–logical well-being among children and adolescents: Evidence from a population-based study // [Электронный ресурс]* – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211335518301827> (дата обращения: 03.10.2022).

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Кученкова Анна Владимировна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Накопление большого объема данных об онлайн-поведении, развитие информационных технологий для их сбора и обработки позволяют реализовывать так называемое «незаметное» наблюдение за пользователями, расширяя «методический арсенал» исследователей за счет «нереактивных» методов онлайн-исследований.

Предпринимаются попытки использовать цифровые следы для измерения субъективного благополучия. Обзоры подобных исследований [1, 2, 3] показывают, что для этого привлекаются разные виды данных: тексты социальных медиа (объемы эмотивной лексики; частота фраз, выражающих психологическое благополучие; средний уровень тональности используемых слов; тематическое моделирование содержания постов); характер активности в социальных сетях (частота, количество, длина, тональность постов и комментариев; тематика контента, привлекающего пользователей как предикторы ответов на традиционные анкетные вопросы об удовлетворенности жизнью); фотографии (наличие и интенсивность улыбок); поисковые запросы в Интернет-браузере (поиск слов и тем, динамика частоты употребления которых коррелирует с динамикой показателей субъективного благополучия и социального самочувствия по данным опросов общественного мнения); практики использования мобильных устройств (количество и продолжительность звонков, смс-сообщений и др.), геолокация как предикторы субъективного благополучия, замеренного на основе самоотчетов респондентов.

Использование данных об онлайн-поведении для измерения субъективного благополучия ставит вопросы о валидности и надёжности конструируемых показателей. Позволяют ли цифровые следы измерять «реальное» субъективное благополучие или «искусственную социальность», результат социального конструирования собственного образа в виртуальной среде? Большинство показателей, базирующихся на онлайн-поведении, касаются психологического благополучия и настроения. Для целей социологических исследований больший интерес представляют не сиюминутные эмоции, а удовлетворенность жизнью и счастье как общая оценка, рационально-эмоциональное восприятие жизни.

Исследования с использованием цифровых следов пока не позволяют заменить традиционные анкетные опросы, но дополняют их важной информацией о проявлениях и коррелятах субъективного благополучия в онлайн-среде.

1. Кученкова А. Измерение субъективного благополучия на основе текстов социальных медиа: обзор современных практик // Вестник РГГУ. Серия Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 4. С. 92–101. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-92-101
2. Bellet C., Frijters P. Big Data and Well-being. In World Happiness Report 2019. Eds. J.F. Helliwell et al. 2019. New York: Sustainable Development Solutions Network. P. 97-122.
3. Scollon C.N. Non-traditional measures of subjective well-being and their validity: A review. In Diener E., Oishi S., Tay L. (Eds.), Handbook of well-being. 2018. Salt Lake City: DEF Publishers. P. 69-79.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО

Ларина Алина Алексеевна

(Череповецкий государственный университет)

Цифровизация формирует новые возможности на работе, в быту и т. д.. Однако именно она является новой основой для неравенства. Те люди, которые не имеют компетенций пользования, средств ПК и т.д. становятся аутсайдерами цифрового мира. Чаще всего ими становятся люди с более низким достатком, уровнем образования, старшее поколение.

Цифровизация - новый этап автоматизации и информатизации экономической деятельности и государственного управления, процесс перехода на цифровые технологии, в основе которого лежит не только использование для решения задач производства или управления информационно-коммуникационных технологий, но и накопление, и анализ с их помощью больших данных в целях прогнозирования ситуации, оптимизации процессов и затрат, привлечения новых контрагентов и т.д. [1]. Цифровизация в глобальном плане представляет собой концепцию экономической деятельности, основанной на цифровых технологиях, внедряемых в разные сферы жизни и производства.

Мы все зависим от эффективности работы правительства, покупаем товары и услуги, используем информацию. Цифровизация делает все эти процессы более простыми. Цифровизация применяется: в быту; на производстве; на работе; в государственных структурах; в бизнесе и др.

Бытовая цифровизация для большинства давно стала понятной и привычной. Даже обычная мультимедиа с управлением по Wi-Fi является ярким примером бытовой цифровизации.

Производственная цифровизация занимается сокращением монотонного физического труда для человека, организует и контролирует трудовые и производственные процессы и обеспечивает безопасность сотрудников компании.

Государство внедряет цифровизацию во все свои вертикали. Система анализа данных давно уже эффективно используется в исполнительной власти. Яркий пример – розыск преступников с использованием онлайн камер на улицах. Одна из главных заслуг цифровизации государства – это снижение бюрократии при оформлении документов. Справки и паспорта можно заказывать через приложение, там же хранить и обновлять данные.

Опасность цифровизации заключается в снижении важности человека во многих процессах и вероятное исчезновение в будущем целых профессий, с которыми лучше будут справляться роботы.

Цифровизация инфраструктуры включает в себя:

Информацию для потребителя;

Туристическую информацию;

Маршруты для людей с ограниченными возможностями;

Информацию для активного отдыха.

Ярким примером цифровой трансформации инфраструктуры является продукт одного из операторов цифровизации в России – Яндекс.Карты, где не только можно посмотреть, есть ли на дорогах пробки, но и почитать комментарии других водителей.

Основной сферой, где стремятся применять цифровизацию в России и других странах, является экономика, которая сегодня постепенно становится «цифровой».

Проявлениями цифровой экономики являются: онлайн-услуги, торговля через интернет, электронные платежи, краудфандинг, реклама в интернете, электронный документооборот и др.

Трансформация в цифровую экономику позволяет гражданам получать доступ к услугам и товарам быстрее и проще.

В здравоохранении цифровая трансформация идет по нескольким направлениям. Самое популярное – создание гаджетов, позволяющих дистанционно мониторить состояние здоровья человека. Кроме того, использование специальных алгоритмов позволяет: быстрее ставить диагноз, снизить количество врачебных ошибок, ускорить разработку новых лекарственных препаратов.

Цифровая трансформация системы образования предполагает оснащение школ и высших учебных заведений современными цифровыми технологиями, которые призваны повысить доступность обучения. Цифровая трансформация способна сделать образование более доступным, полным и экономичным, но только при тщательном планировании и аккуратном внедрении.

Технологии позволяют собирать информацию о жизни в городе с помощью камер и датчиков, а также прогнозировать обстановку, связанную с транспортом, преступностью, экологией и т.д. Собранные данные анализируются искусственным интеллектом, который выдает рекомендации по улучшению разных сфер функционирования населенного пункта.

Смысл цифровизации информационных систем заключается в том, чтобы современному человеку не нужно было сильно напрягаться. Информационные системы могут оперировать исключительно фактической информацией, а могут и строить предположения, используя искусственный интеллект. Яркий пример такой системы – голосовые помощники Сири и Алиса. [5].

В России с 2018 года реализуется в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика» проект «Умный город».

Проект «Умный город» направлен на повышение конкурентоспособности российских городов, формирование эффективной системы управления городским хозяйством, создание безопасных и комфортных условий для жизни горожан и базируется на 5 ключевых принципах: ориентация на человека, технологичность городской инфраструктуры, повышение качества управления городскими ресурсами, комфортная и безопасная среда, акцент на экономической эффективности.

Основной инструмент реализации этих принципов - широкое внедрение передовых цифровых и инженерных решений в городской и коммунальной инфраструктуре.

Цель «Умного города» состоит не только в цифровой трансформации и автоматизации процессов, но и в комплексном повышении эффективности городской инфраструктуры [6].

Стоит отметить, что цифровизация является одним из факторов социального неравенства. Доказательством того является научное исследование. Эмпирической базой настоящего исследования стали данные опроса населения города Череповца Вологодской области, который был проведен в апреле 2022 года кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой населения города старше 18 лет – участников опроса. Объем выборки – 668 человек. По итогам исследования была выявлена значительная дифференциация. Так, например, респонденты в возрасте «от 25 до 34 лет» больше читают новостей в интернете (82%), нежели респонденты в возрасте «от 65 лет и старше» (32%). Существует статусное расслоение: работают за компьютером преимущественно люди с высшим (78%) и средним специальными образованием (52%). Респондентами, использующими высокотехнологичную бытовую технику, являются служащие (28%) и специалисты (52%). Помимо этого, наблюдается существенная разница в пользовании цифровыми технологиями между респондентами с разными доходами. Чаще всего ими пользуются люди со средним или высоким доходами. Таким образом, цифровизация расширяет круг наших возможностей в повседневности, однако, она же является еще одним основанием для неравенства. Люди, не имеющие компетенций пользования, средств ПК и т.д. становятся аутсайдерами цифрового мира. Чаще всего ими являются люди с низким уровнем образования, недостатком, а также старшее поколение.

Кто такой цифровой человек? Это коренной житель цифрового общества. С каждым днем ИТ - технологии все больше и больше внедряются в нашу повседневность. Создаются новые программы, проекты для улучшения качества жизни современного человека. Государство всячески оказывает поддержку новым идеям, связанным с общественной цифровизацией. Благодаря такому подходу количество цифровых людей увеличивается в разы. Цифровизация является одним из важнейших драйверов общественного развития.

1. Первая редакция СТБ «Цифровая трансформация. Термины и определения» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://stb.by/Stb/ProjectFileDownload.php?UrlId=9032>; дата доступа: 19.12.2019
2. Батова М.М. (2019) *Формирование цифровых компетенций в системе "образование – наука – производство"* // *Вопросы инновационной экономики.* – 2019. – Том 9. – № 4. – С. 1573-1584. – doi: 10.18334/vines.9.4.41467.
3. Трубицын О.К. (2019). *Развитие креатосферы в информационном обществе* // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе.* № 2 (24). С. 29-49.
4. Шкаратан О.И. (2008). *Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда* // *Общественные науки и современность.* №1. С. 5-27.
5. <https://center2m.ru/digitalization-technologies>
6. <https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/>

ИНТЕРАКТИВНЫЙ ГОРОД — СЧАСТЛИВЫЙ ГОРОД. ЭКОЛОГИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Латыпова Алина Раилевна

*(Центр медиафилософии; Лаборатория исследований компьютерных игр (ЛИКИ);
Университет ИТМО.)*

Исследование подготовлено при финансовой поддержке проекта РНФ № 21-18-00046 «Определение критериев визуального загрязнения окружающей среды», СПбГУ.

Цифровые возможности современного города зачастую находятся за границами включенности горожан. Камеры видеонаблюдения следят, электронные табло выдают информацию, светофоры регулируют движение, освещение освещает и т.п. Технологий, поддерживающих «обратную связь» с горожанами на уровне устройства городского пространства не так много. Проект новой городской «совместности» [1] тем не менее предполагает включенность жителей в коммуникацию с городом и друг с другом. Кооперативный дизайн становится одной из стратегий выстраивания совместного поля коммуникации [2]. Но это не единственная возможность превратить город в открытое и отзывчивое пространство.

Интерактивный город — это концепция городского дизайна, предполагающая организацию и конструирование элементов городской среды, которые могут «откликаться» на действия горожан. То есть город превращается из функционального интерфейса (организующего целерациональные маршруты) в интерфейс публичный, и цифровые технологии выступают посредником в этом процессе. В данном случае используется определение «публичный», а не «коммуникационный». Пространство публичного находится в глубоком кризисе, что отмечали исследователи от Ханны Арендт [3] до Бернарда Стиглера [4] и Ричарда Сеннета [5]. Новые технологии в силу своей разветвленной сетевой природы дают возможность разворота в сторону «публичного поля», то есть пространства диалога, просвещения, политики как общего дела по устройству со-бытийности горожан/граждан. Речь лишь о потенци, поскольку возрастающие мощности средств обработки информации усиливают и контроль за данными, что как раз порождает обратный эффект.

Одной их технологий, трансформирующих городское пространство в интерактивную форму, является дополненная реальность. Она позволяет создавать виртуальные образы не на экране, а на городских объектах: стенах домов, тротуарах, дорогах и т.п. Когда-то голографический рекламный образ, «висящий в воздухе», был элементом фантастики (достаточно вспомнить «Бегущего по лезвию 2049»), теперь это можно воплотить в жизнь. Для примера обратимся не к коммерческому проекту, а художественному. «Городские животные» (Urbanimals) [6] — проект-победитель премии Playable Cities Awards в 2015 году, созданный польской Лабораторией экспериментальной архитектуры (Laboratory for Architectural Experiments), предлагал горожанам поиграть с проекциями животных, выполненных в стиле оригами и появляющихся в случайных местах на улицах. Животные не просто проецировались на асфальт или стены, они «ожидали» отклика от прохожих и играли с ними, как только его получали.

Другой проект, иллюстрирующий логику интерактивного города, «Тетрис» [7], в 2016 году в Екатеринбурге создал российский художник Владимир Абих. На глухую стену дома проецируется гигантский экран, на котором можно было сыграть в одноименную игру, но тетрамино (фигуры в игре) состояли не из привычных квадратиков, а из изображений кондиционеров. Таким образом, художник привлекал внимание к засилью кондиционеров в городе, портящих визуальный облик города. Но помимо художественной ценности проект интересен тем, что предполагает высокую степень

вовлечение горожан. Прохожие с удовольствием включались в игру. Вообще, нельзя не заметить, что интерактивность городского пространства достигается за счет внедрения игровых элементов или полноценных игр. Игра как свободная (добровольная) деятельность [8] делает городское пространство более открытым и дружелюбным к горожанам, а это важный шаг к организации публичных площадок.

Развитие интерактивного дизайна не может обойтись без внедрения технологий искусственного интеллекта. Нейросети различного функционала и уровня работы с информацией позволяют «оживить» каменные джунгли, как с точки зрения экологии, так и метафорического смысле (что было показано ранее). С экологической перспективы современные города все больше стремятся к озеленению, уменьшению вредных факторов (например, концентрации CO₂) и использованию новых энергоресурсов. Так, с 2006 года в ОАЭ развивается проект города Масдар, полностью обеспечиваемого альтернативными источниками энергии [9]. В городе не будет присутствовать загрязняющий воздух транспорт. Масдар проектируется таким образом, чтобы создать внутри прохладный микроклимат. Все процессы по логистике, регулировке городского климата и решению других задач управления городом планируется автоматизировать.

«Умные» города сегодня пронизаны технологиями, работающими с big data. Чтобы согласовать большое количество подобных процессов, в Азии развивают проект City Brain. Китайская компания Alibaba Cloud уже внедрила данную технологию в нескольких городах: Ханчжоу, Сучжоу, Шанхай, Макао, Куала-Лумпур [10]. Это система управления различными службами, обрабатывающими информацию с городских улиц. Часто речь идет о камерах видеонаблюдения. В области управления транспортом, такая система будет очевидным плюсом для любого города. А вот вопрос баланса приватности и безопасности остается открытым. Тем не менее, стремление сделать современный многонаселенный город комфортнее для его жителей — стремление к благу. И если можно сомневаться в возможности создания сильного искусственного интеллекта, способного взять на себя бремя принятия решений за все человечество [11], то в отдельных областях искусственный интеллект может сделать жизнь горожан лучше. И даже если вместе с тем средства контроля совершенствуются, сама логика организации новых технологий оставляет шансы избежать будущего по сценарию антиутопии.

1. *Urban Commons: городские сообщества за пределами государства и рынка. М.: Новое Литературное Обозрение, 2020. 320 с.*
2. *Латыпова А. Р. Город сквозь призму технологий: городские сообщества и учреждение новой «совместности» // Социолог: образование и профессиональные траектории: материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения 25–27 ноября 2021 года. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 76–78.*
3. *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.*
4. *Стиглер Б. Дух просвещения в эпоху философской инженерии // Художественный журнал. 2018. № 106. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775> (дата обращения: 09.10.2022).*
5. *Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. 424 с.*
6. *Urbanimals // Playable Cities. URL: <https://www.playablecity.com/projects/urbanimals/> (дата обращения: 09.10.2022).*
7. *Владимир Абиx «Тетрис». URL: <http://abikh.art/projects/outdoors/tetris> (дата обращения: 09.10.2022).*
7. *Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс, Традиция, 1997. 416 с.*
8. *Cigurullo F. Urban Artificial Intelligence: From Automation to Autonomy in the Smart City // Front. Sustain. Cities. 2020. Sec. Innovation and Governance. DOI: <https://doi.org/10.3389/frsc.2020.00038>*
9. *City Brain Lab. URL: <https://damo.alibaba.com/labs/city-brain> (дата обращения: 09.10.2022).*
10. *Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.*

РИСКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ

Легостаева Наталья Игоревна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Среди семнадцати Целей устойчивого развития, принятых Генеральной Ассамблеей ООН 25.09.2015 [1], ЦУР 9 направлена на создание стойкой инфраструктуры и развитие инноваций, что отражается в переходе к новой экономике РФ, основанной на цифровых технологиях. Процессы цифровой трансформации проникают в образование, здравоохранение, сектор государственного управления, образуя экосистему цифровых данных электронного коммерческого сектора (маркетплейсы товаров и услуг), информационных технологий (поисковые сервисы, голосовые помощники), финансов (страхование, управление активами), образа жизни (онлайн-обучение, каршеринг, электросамокаты, социальные сети, мессенджеры). При этом ключевым фактором развития цифрового общества становится человеческий капитал. Отечественные исследователи отмечают, что в России заметны достижения в повышении доступности и технологичности государственных услуг, их цифровизации [3], а также снижении административных барьеров [2; 4].

При существующем многообразии федеральных проектов и национальных программ, связанных с цифровизацией всех аспектов общества, ученые всего мира обсуждают вопросы, связанные с рисками цифровой модернизации общества. Среди рисков цифровой трансформации государственного управления в РФ выделяются следующие: незащищенность цифровых персональных данных, наличие цифрового неравенства по географическому и экономическому критериям, неготовность к широкомасштабному представлению гражданам медицинских и социальных услуг с использованием ИКТ, трансформация профессиональных ценностей. На замедление темпов цифровой трансформации системы российского образования влияют региональный разрыв между субъектами (диспропорция в развитии вузов и исследовательских институтов), недостаточный уровень цифровых компетенций и медийной грамотности как у преподавателей, так и у родителей, а также неготовность образовательных программ отвечать новым требованиям образовательного процесса в онлайн формате, неспособность цифровых образовательных платформ выдерживать высокие нагрузки.

В настоящее время разрабатывается содержание Глобального цифрового договора, который должен содержать свод правил, регулирующих деятельность цифровых платформ и искусственного интеллекта, определяющих роль государства в части регулирования и правоприменения, вводящих ответственность за деструктивный контент. Другим актуальным вопросом становится разработка методик и стандартов удобной идентификации, а также работы как с персональными данными, так и с «обезличенными данными», которые могут свободно использоваться и передаваться. Исследователи по всему миру поднимают вопрос цифровых персоналий, а также связанного с ними рынка цифровых личностей, который уже носит название «нефть XXI века» [5]. Ведутся активные обсуждения о проблемах формирования категории «цифровая идентичность», которая больше, чем цифровые персональные данные: проблема противостояния наложенной на человека идентичности (независимой) VS формируемой человеком идентичности (зависимой).

1. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года // Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. 2015. 44 с. URL:

https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 10.10.2022).

2. Денисов А. Цифровая трансформация российского государства: условия, возможности, технологии // Вестник Российской нации. 2019. № 3. С. 94-106.

3. Сергеева Н.В., Рубцова Е.В., Сунтело Н.П., Романова О.А. Этапы формирования и развития сети МФЦ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. №. 1-2. С. 94-100.

4. Кочетков А.П., Василенко И.А., Володенков С.В., Гаджиев К.С., Коваленко В.И., Соловьев А.И., Кирсанова Е.Г. Концепция цифрового правительства как политический проект для России: перспективы реализации в условиях вызовов и рисков цифровизации общества // Власть. 2021. №. 1. С. 316-331.

5. 12 российский форум по управлению интернетом (RIGF 2022) 28-29 сентября 2022 г. URL: <https://rigf.ru/about/?p=about> (дата обращения: 10.10.2022).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ: ЭФФЕКТЫ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ленкевич Александр Сергеевич

(Центр медиафилософии (ИФ СПбГУ); Лаборатория исследований компьютерных игр (ЛИКИ); Университет ИТМО)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ. Проект 21-18-00046 «Определение критериев визуального загрязнения окружающей среды» (СПбГУ).

0/1. Цифровой мир победил? Осенью 2022 года коллекционер Мартин Мобарак на вечеринке организовал театрализованное уничтожение рисунка Фриды Кало стоимостью в 10 млн. долларов, чтобы привлечь внимание к выпуску десяти тысяч его цифровых копий — NFT. Выручку от продажи NFT он планирует направить на благотворительность [13]. Эта странная акция в трагикомичной форме заявляет о примате копии над оригиналом и будто специально сделана для иллюстрации тезисов Жана Бодрийера о том, что в эпоху современных симулякров оригинал — в силу его единичности и хрупкости — не способен соревноваться с копиями [3]. «Копия верна». Здесь вовсе не хотелось бы воспроизводить набившее оскомину противопоставление цифровой и нецифровой реальности: речь идет скорее о том, что мы неизобретательно используем возможности, предоставляемые современными технологиями.

Говоря об эффектах и рисках цифровизации, можно вспомнить высказывание Алена Бадью по поводу техники: «Недостаточность техники, все еще примитивная техника — такова реальная ситуация: господство капитала связывает и упрощает технику, потенциальные возможности которой бесконечны» [2]. То же самое можно сказать о цифровизации, осетвлении, медиации — они несут в себе вполне определенные риски (например, риск потери данных или использования цифровых инструментов против пользователя), но их главная проблема — в недостаточности. Мир до сих пор еще не стал цифровым и глобальным в технологическом измерении, поэтому преждевременно говорить о постглобализации. Благодаря цифровым технологиям ключья локальных пространств сшиваются и комбинируются друг с другом, мир обретает новые связи и соединения, например через спутники Starlink и сетевые протоколы, поэтому актуальной задачей является исследование режимов и эффектов жизни в нарождающейся «глобальной деревне» (Маклюэн).

Эффект 1: Жизнь в цифре. В период пандемии сложились новые формы цифрового присутствия. Так, например, на Фарерских островах цифровые туристы управляли аватарами из плоти и крови, в шутку давая им заведомо неисполнимые команды —

прыгнуть с обрыва или нырнуть в океан. Remote tourism позволил в игровой форме расширить повседневный опыт и с помощью смартфона путешествовать по недоступным уголкам планеты [9]. К цифровизации готовы прежде всего геймеры, которые давно протаптывают тропинки цифровых вселенных. Их преимущество, как пишет исследователь компьютерных игр М. М. Скоморох, в цифровом иммунитете — в наличии «анти-тела» [12], опыта дистанции, дающего преимущество в исследовании онлайн-пространств. Для игрока изоляция не проблема, если есть хороший интернет.

Как замечает З. Бауман, современный мир, эксплуатирующий фигуру «назад к...», в своем движении реверсивен [4]. «Ретротопия» становится точкой пристежки, к которой стягивается реальность. Мир меняется, и не все готовы узнавать его новые лики. Геймеры идут в противоход этой тенденции и осваивают новое, хотя в играх также зарождается тоска по цифровой родине, особое чувство ностальгии, что вызывает к жизни проекты вроде *Katana Zero*, *Narito Boy* или «олдскульных RPG». Ностальгия — мощный механизм управления, однако в целом игровая индустрия приучает к изобретению нового.

Эффект 2: Общество незнания. Если в эпоху Просвещения Кант указывал на проблему несовершеннолетия разума и власть опекунов («Человек готов заплатить, чтобы другой за него думал»), то теперь проблема обратная: «Человек готов платить, чтобы не знать». По этой причине С. Жижек переворачивает формулу М. Фуко и говорит о «воле к незнанию» [7]: мы все можем прочесть о коронавирусе, изучить состояние внутренней и внешней политики, познакомиться с научными открытиями и т.д., но предпочитаем не знать. В бытовом плане это проявляется в уклонении от рекламы и прочего визуального мусора, что довольно удобно, но конечной формой этой негативной воли является отказ от знания, т.е. от несовершеннолетия разума. Однако цифровые инструменты не только сделали незнание более доступным, но также упростили интервенции реального в наше внутреннее пространство. Чем более мы медиизированы, тем больше побуждений к размышлению, поэтому проигрывают в первую очередь те, кто бежит от технологий.

Эффект 3: Глитчи интерпассивности. «Становится ли общество счастливее?» — это вопрос, подразумевающий знание критериев определения счастья. Современные механизмы управления подразумевают дефицит счастья. И создание мифа о нем. Общество становится более просчитываемым и уязвимым. Современные рассуждения о счастье инспирированы логикой желания как нехватки. В первую очередь, недостаточности самого субъекта. Как замечает С. Жижек, недоступный объект желания (объект а в лакановском психоанализе) дублируется в форме современных товаров. Они обещают то, чего не могут дать [6]. Цифровой объект а усиливает нехватку, поскольку потребитель получает уже не сам объект, но его призрачный образ, чем недостижимее объект желания, тем он желаннее.

Другой может молиться, смеяться, работать, говорить за меня. Заимствуя идею у Р. Пфаллера, Славой Жижек называет это интерпассивностью [5]. Но может ли другой быть вместо меня счастлив? Или испытывать другие когнитивные состояния? Очевидно, что нет, здесь интерпассивность, т.е. делегирование другому моих переживаний, дает сбой. Однако на образах счастья другого — желание нехватки — строится современная визуальная культура. Мы видим, как счастливы герои рекламы, кино, спорта, как радуются жизни Instagram- и YouTube-блогеры, даже когда для этого уже нет поводов. При этом демонстративное счастье соседствует с осуждением и отказом от целого ряда удовольствий. Роберт Пфаллер, критикуя неолиберальную программу этического страдания, отмечает, что она запрещает все, «ради чего стоит жить» [10], т.е. все, с чем связано счастье.

В процессе ремедиации. Парадокс, вытекающий из логики ремедиации, которую описывают Дж. Д. Болтер и Р. Грусин [1]: «Подлинный опыт нуждается в большом

количестве посредников». Сейчас мы находимся в точке, где посредники множатся экспоненциально, т.е. конверсия опыта происходит регулярно, а реальное предстает во множестве вариантов. Некоторые его ипостаси чудовищны, другие притягательны. Современный опыт самый искусственный и самый подлинный за всю человеческую историю. И по этой причине он требует более тщательной проработки. Современные технологии задают предел нашего опыта, нашего мышления, нашей способности понимать (поэтому современные медиафилософы говорят о том, что «медиа внутри нас» [11]).

При этом есть несгораемый осадок, нечто, не поддающееся оцифровке, не транслируемое в процессе ремедиации. Дитмар Кампер полагал, что это — тело [8], парафраз лакановского Реального. Но в конечном счете это может быть и не тело, а то, с чем оно связано: невыносимое, несимволизируемое, невербальное. Как переживание счастья, когда мы захлебываемся нахлынувшей волной экстаза и потери себя. И как переживание боли, когда ее невозможно артикулировать. Вероятно, все это ждет нас как по ту, так и по эту сторону (ре)медиации.

1. Bolter J. D., Grusin R. *Remediation. Understanding New Media*. Massachusetts Institute of Technology Press, 2000. 312 p.
2. Бадью А. *Манифест философии*. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
3. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Бауман З. *Ретротопия*. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
5. Жижек С. *Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм*. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с.
6. Жижек С. *Хрупкий абсолютом, или Почему стоит бороться за христианское наследие*. СПб.: Скифия, 2020. 236 с.
7. Жижек С. *Воля к незнанию* // *Логос*. 2021. №2 (141). С. 63–78.
8. Кампер Д. *Схватиться за стоп-кран* // Кампер Д. *Тело. Насилие. Боль*. СПб.: РХГА, 2010. С. 30–46.
9. Прокошев Н. *На Фарерских островах запустили удалённый туризм — все желающие могут управлять местными жителями, как в игре*. URL: <https://dtf.ru/life/127053-na-farerskih-ostrovah-zapustili-udalennyu-turizm-vse-zhelayushchie-mogut-upravlyat-mestnymi-zhitelyami-kak-v-igre> (дата обращения: 09.10.2022).
10. Пфаллер Р. *Ради чего стоит жить. Начала материалистической философии*. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 384 с.
11. Савчук В. В. *Медиафилософия. Приступ реальности*. СПб.: Издательство РХГА, 2013. 350 с.
12. Скоморох М.М. *Антитело геймера и мир без Другого* // *Syg.ma*. 2022. URL: <https://syg.ma/@liki/margharita-skomorokh-antitielo-ghieimiera-i-mir-biez-drugohgho> (дата обращения: 09.10.2022).
13. *Власти Мексики расследуют уничтожение рисунка Фриды Кало* // *Артгид*. URL: <https://artguide.com/news/8678> (дата обращения: 09.10.2022).
14. *Критика цифрового разума*. СПб.: Академия исследований культуры, 2020. 366 с.

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ЭКОНОМИКЕ ВСЛЕДСТВИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Лобышева Алина Сергеевна
(Череповецкий государственный университет)

Россия, как и многие другие страны, переживает эпоху цифровизации общества, которая пронизывает все его сферы.

Цифровизация - это механизм перехода общества постиндустриального в свою завершающую стадию цифровое общество [1, 62].

В связи с этой тенденцией социологи уже выявляют некоторые преобразования, происходящие в обществе. Цифровизация кардинально изменила коммуникационные

процессы, экономическую сферу, политическую, образовательную, духовную и культурную, а также напрямую повлияла на способы социализации индивидов и их адаптации к меняющимся условиям жизни.

Результаты всероссийского исследования, проведенного Аналитическим центром НАФИ совместно с Международным институтом менеджмента объединений предпринимательства по заказу Торгово-промышленной палаты Российской Федерации в марте 2019 г. показали, что 65% опрошенных россиян опасаются потери работы в связи с развитием новых технологий [4].

И если за компьютерными технологиями стоит будущее, то нельзя забывать об ещё одной важной проблеме: уровень цифровых навыков у разных людей разный. На данный момент самая большая амплитуда в разнице таких навыков у жителей больших городов и маленьких поселений, где иногда трудно даже воспользоваться обычной сотовой связью. Также значительная разница в обладании цифровыми навыками наблюдается у разных поколений, что можно объяснить бурным развитием технологий в России лишь в паре-тройку последних десятилетий. Американский исследователь отмечает неравномерное распределение цифровых навыков среди мужчин и женщин [3, 8-9]. Всё это может послужить к возникновению социального неравенства между указанными группами людей.

Также развитие цифровой экономики приводит к возрастанию риска обмана граждан или введения их в заблуждение. Например, люди доверяют брокерам, которые обещают им низкие комиссии за сделки с ценными бумагами, однако не проверяют наличие у них лицензии на осуществление брокерской деятельности.

Так как значительная часть персональных данных хранится в цифровом формате, есть риск взлома базы данных и кражи этих данных мошенниками.

По мнению Козловой Е.И. внедрение цифровых технологий, сопровождаясь возрастанием роли одних видов человеческого труда и обесцениванием других, усложняет прогнозирование занятости и безработицы уже в среднесрочной перспективе [2, 75].

Таким образом, из-за цифровизации экономики население сталкивается с определенными проблемами. То, что должно было сделать жизнь людей проще, теперь вселяет тревогу и неуверенность в завтрашнем дне.

В качестве решения вышеуказанных проблем предлагается ввести специальные программы в образовательные стандарты, которые действительно позволят людям быть желанным работником на рынке труда. Также предлагается обеспечить необходимыми технологиями для обучения даже самые отдаленные места России, чтобы не возникало ещё большего разрыва в компетенциях. Взрослым людям, уже получившим образование, следует предоставить доступ к курсам повышения квалификации, где ими будут восполнены знания в области информационных технологий. Может помочь также государственная поддержка или поощрение работодателей, которые инициируют такое повышение квалификации для своих работников. Государство должно также следить за тем, чтобы его граждане не пострадали от недобросовестных физических и юридических лиц, пользующихся неосведомленностью некоторых категорий граждан. Для этого необходимо должным образом информировать население, с особым вниманием следить за деятельностью отдельных лиц, устанавливать юридическую ответственность. Каждая финансовая организация, работодатели и остальные субъекты экономики должны внимательно следить за информационной безопасностью.

1. Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. *Социология цифрового общества: монография.* Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2021. 226 с.
2. Козлова Е.И. *Влияние цифровизации на рынок труда // Вестник ЧелГУ.* 2020. №10 (444). С. 70-77
3. Muro M., Liu S., Whiton J., Kulkarni S. (2017) *Digitalization and the American workforce. Metropolitan Policy Program of Brookings.* Washington, Brookings. P. 60

4. *Большие половины россиян опасаются потерять работу из-за цифровизации – НАФИ: [сайт]. – 2019 URL: <http://bookchamber.ru/isbn.html> (дата обращения: 28.09.2022).*

ЛИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ УМНОГО И БЕЗОПАСНОГО ГОРОДА.

Луцева Анастасия Вячеславовна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В современных условиях города набирают все большую экономическую и политическую мощь, и наиболее актуальными становятся вопросы личной безопасности жителей. Беспокойство горожан и администрации растет по мере увеличения количества людей, проживающих на одной территории, что приводит к конфликтным ситуациям на почве религиозных, экономических, политических и трудовых разногласий. Кроме того, стремительная урбанизация создала значительные социальные и экологические проблемы, включая ухудшение качества воздуха, истощение грунтовых вод, транспортные проблемы, ослабление социальных контактов и общественного контроля [14]. Небезопасная среда негативно влияет на процессы развития города и снижает его привлекательность для жителей и инвесторов. Решение этих проблем является ключевым для устойчивого развития городских территорий, и требует от администрации города новых подходов [6], в том числе с использованием цифровых технологий. Государственное регулирование безопасности в городской среде исходит из необходимости соблюдения общепринятых правил поведения и направлены на минимизацию риска возникновения конфликтных ситуаций и преступных действий. Оценка эффективности и результативности этих мероприятий необходима для выявления проблем в сфере обеспечения личной безопасности в городе и снижения затрат на ее реализацию.

Для изучения уровня безопасности, а также оценки государственной политики в городе используются различные статистические показатели: вандализм, убийства, травматизм, преступления против коллективной безопасности, сексуальной неприкосновенности, личной собственности, и другие виды преступлений [7]. Однако статистика преступлений дает косвенное представление о реальном уровне безопасности. Это связано с ошибками в классификации преступлений и с наличием латентной преступности. К основным причинам возникновения латентной преступности относятся неполные или недостоверные сведения от потерпевшего, отказ в регистрации заявления правоохранительными органами или несообщение о преступлении в полицию [10]. Виктимологические обследования направлены на выявление латентной преступности и заключаются в опросе населения о известных им преступлениях [9]. Такие исследования позволяют выявить реальный уровень преступности в городе и субъективную оценку жителей об опасностях, с которыми они могут столкнуться. Для оценки эффективности органов власти могут использоваться как рейтинги насильственной преступности, так и рейтинги, отражающие неравенство, территориальную сегрегацию населения, экономическую поляризацию, социальную изоляцию [8], оценку жителями личной безопасности в городе [10]. Поскольку на ощущение безопасности в городской среде влияет понимание неотвратимости наказания за противоправные действия, к косвенному методу изучения безопасности можно отнести изучение уровня доверия населения к власти и полиции [11].

Для коррекции небезопасного поведения в городском пространстве используются различные подходы, направленные, как на снижение возможности совершения преступления, так и на эффективное расследование совершенных преступлений и снижение привлекательность данного вида деятельности. В рамках профилактических мероприятий используют: 1) вовлечение горожан в неформальный контроль над

городской средой; 2) снижение возможности совершения преступных действий, в том числе за счет изменения общественного пространства и применения подходов и методов концепции «Умный безопасный город».

В исследованиях безопасности городского пространства присутствует осознание необходимости привлечения сообщества к контролю над территориями своего проживания и постоянный мониторинг «интересных» пространств. Предполагается, что снижение небезопасного поведения в городе связано не столько с необходимостью удаления неблагополучных людей, снижения возможности их появления на территории сообщества, но и с контролем за их поведением, с помощью окружающей среды и людей. Ян Гейл в своей книге рассматривает принципы планирования городской среды большого города для обеспечения комфортных прогулок и интересного окружения, так как это способствует повышению у жителей чувства транспортной безопасности и привлекает желающих получать удовольствие от общения с незнакомцами [2], что, в свою очередь, благоприятно влияет на ощущение безопасности в городском пространстве и обеспечивает должный контроль со стороны общества. Джейн Джейкобс утверждает, что необходимо привлекать жителей на улицы города, чтобы они стали защитниками тех, против кого может быть совершено насилие [3].

В качестве одного из методов снижения преступности выделяется прогнозные методы наблюдения и контроля, которые обеспечивают безопасность городского пространства за счет статистических прогнозов, таких как расширенный видеомониторинг, автоматизированные системы распознавания номерных знаков, системы распознавания лиц и предиктивная полицейская деятельность [12]. Этот анализ позволяет определить, где и когда наиболее вероятно произойдет преступление. «Умный город» использует прогностические системы, в том числе выявляющие связи в криминальной среде на основе анализа полицейских файлов. В этом контексте интеллектуальные технологии связаны со сбором больших объемов данных и использованием систем оценки рисков для прогнозирования изменений в характере преступности для конкретных мест, времени и преступников [5]. Также для обеспечения личной безопасности в городском пространстве используются психополитические приемы наблюдения и контроля, которые направлены на создание с помощью современных технологий благоприятных условий среды, таких как правильное освещение, звуковые и обонятельные манипуляции. Такие технологии, основанные на научных исследованиях в области поведенческого анализа, воздействуют на жителей города для минимизации риска агрессивных настроений [5]. Надлежащее поведение поощряется, в то время как нежелательное поведение — агрессия, насилие, вандализм, шум — не поощряется с помощью современных технологий и психологии окружающей среды [5]. Каждый из этих подходов анализирует информацию, поступающую от датчиков, и позволяет городским властям изменить поведение, которое считается неприемлемым и небезопасным, снизить риск возникновения криминальной ситуации, однако определение того, что является приемлемым и недопустимым зависит от политики органов власти и различных бенефициаров, что носит политический характер, который необходимо учитывать при формировании системы безопасного города.

Поскольку города представляют собой сложные системы, включающие множество различных взаимодействий между группами, городские власти должны учитывать различные заинтересованные стороны, чтобы обеспечить эффективную работу «Безопасного города» [8]. Взаимодействие политических, институциональных элементов и технологий может привести к более эффективному решению городских проблем в обеспечении безопасности. К решению проблемы городской безопасности должны быть привлечены ключевые заинтересованные стороны города: полиция, пожарная служба и скорая помощь, национальные службы безопасности, транспортные агентства, коммунальные службы и местное население [8]. Создание демократических механизмов, облегчающих обмен информацией и взаимодействие для решения вопросов безопасности,

может повысить качество принимаемых администрацией решений на основе более точной и достоверной информации. Безопасность городских территорий может быть обеспечена не только с помощью окружающего пространства и силами официальных ведомств, но и через развитое чувство сопричастности и общности жителей, за счет возникновения ответственности к месту проживания [1]. Как отмечает Ольденбург, места постоянного взаимодействия населения города, такие как бары, кафе, влияют на безопасность в городе [4], позволяя создавать сообщества улиц и районов, а при необходимости, обеспечивают укрытие от ночных нападений.

Городские администрации также должны учитывать, что внедрение системы «Безопасный и умный город» предполагает глубокое этическое осмысление и определение того, какая информация и как будет использоваться для принятия решений [7]. Участники системы должны знать, кому их личная информация может быть передана [13]. Это позволит обеспечить достоверную и своевременную информацию для принятия решений, что, в свою очередь, повлияет на эффективность и результативность работы администрации в обеспечении безопасности города.

1. Cozens, Paul, and Terence Love. 2015. "A review and current status of crime prevention through environmental design (CPTED)." *Journal of Planning Literature* 30.4, 393-412.
2. Gehl, Jan. 2013. "Cities for people". Island press.
3. Jacobs, Jane. 1961. "The Death and Life of Great American Cities."
4. Oldenburg, Ramon, and Dennis Brissett. 1982. "The third place." *Qualitative sociology* 5.4: 265-284.
5. Schuilenburg, Marc, and Rik Peeters. 2018. "Smart cities and the architecture of security: pastoral power and the scripted design of public space." *City, Territory and Architecture* 5.1: 1-9.
6. Tripathi, Vivek. 2017. "Achieving urban sustainability through safe city." *Journal of Human Ecology* 59.1: 1-9.
7. Vivo-Delgado, Gerard, and Francisco J. Castro-Toledo. 2020. "Urban security and crime prevention in smart cities: a systematic review."
8. Wereda, Wioletta, Moch N., and Wachulak A. 2021. "The importance of stakeholders in managing a safe city." *Sustainability* 14.1: 244.
9. Афанасьева И. В., Афонина Ю. С. Выявление латентной преступности в России и зарубежных странах //Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – №. 2. – С. 46-49.
10. Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Опыт измерения уровня виктимизации населения Нижегородского региона //Russian Journal of Economics and Law. – 2016. – №. 3 (39). – С. 175-186.
11. Зуева О. В. Изучение общественного мнения как способ оптимизации деятельности полиции //Logos et Praxis. – 2017. – Т. 16. – №. 2. – С. 100-106.
12. Куприяновский В. П. и др. Умная полиция в умном городе //International Journal of Open Information Technologies. – 2016. – Т. 4. – №. 3. – С. 21-31.
13. Тарасенко А. А., Болтенкова Ю. В. Влияние информатизации городского пространства на обеспечение общественной безопасности //Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2020. – №. 4. – С. 48-53.
14. Цыба М. С., Ерохин Г. П. Формирование безопасной городской среды района Пашино, г. Новосибирск //Творчество и современность. – 2018. – №. 2 (6). – С. 90-97.

ТЕЛО КАК ПЛАТФОРМА: ОТ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ К ИНТЕРНЕТУ ТЕЛА – К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Лядова Анна Васильевна

(ФГБОУ ВО "Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова")

В условиях ускоренного научно-технического прогресса, ключевым вектором которого выступают технологии искусственного интеллекта, наблюдается коренная

трансформация социального пространства. За последние годы данный процесс приобрел всеобъемлющий характер, проникнув не только в глобальные системы, но и став частью повседневности. Происходит слияние человека с электронными устройствами, что порождает новые сущности, формы и практики. Их осмысление в научном дискурсе вызвало формирование новых исследовательских векторов. В структуре социологической науки обосновывается необходимость выделения особых отраслей, в рамках которых акцентуализируются исследования социальных аспектов цифровизации – цифровая социология и социология искусственного интеллекта. Ведется активная разработка соответствующих категорий, с помощью которых исследователи пытаются обосновать происходящие изменения и описать новые сущности. Например, «цифровая парадигма», «цифровая социология», «цифровое общество», «цифровое здоровье», «техносубъекты», «искусственная социальность» и другие [1, 2, 3].

Одним из таких понятий является категория «Интернет тела». Данный концепт появился в научном лексиконе относительно недавно, что ставит необходимость его осмысления. В этой связи цель данной работы – провести социологический анализ этого понятия и, соответственно, описываемых им процессов.

В общем (техническом) виде понятие «Интернет тела» можно рассматривать как производную от концепта «Интернет вещей». В этом аспекте по аналогии оно интерпретируется как совокупность цифровых устройств, подключенных к человеческому телу, которые аккумулируют данные, исходящие от него, и соединяют сам человеческий организм с глобальной сетью [4].

Эксперты выделяют несколько уровней в развитии Интернета тела: 1) внешние устройства (как правило, различные датчики для мониторинга (Apple Watch); 2) внутренние устройства, которые «вживляются» в человеческую ткань для поддержания функционирования отдельных органов и их систем (например, импланты); 3) внутренние устройства, основанные на использовании технологий искусственного интеллекта (нейрочипы (Neuralink) [4]. По данным международных аналитических исследований, сегодня можно уже говорить, что человечество стоит на пороге внедрения третьего поколения устройств Интернета тела.

Следует отметить, что возможности и перспективы этих разработок достаточно хорошо представлены в медийном и научном пространстве. Анализ литературы по данному вопросу позволяет выделить несколько социальных перспектив текущих исследований. По мнению ряд авторов, Интернет тела – это неизбежное, но «светлое» будущее, особенно в аспекте расширения возможностей ограниченности биологической сущности человеческого тела. В этой связи исследователи приводят примеры блестящих разработок в сфере медицинских технологий и здравоохранения [5, 6]. По мнению оригинального промоутера новых технологий знаменитого представителя техно селебрити Илона Маска, они не просто расширяют пределы физической телесности, а направлены на создание новой формы интеллекта – сплав человеческого и машинного разума [7].

Наряду с этим преобладают мнения о рисках социального манипулирования в условиях расширения доступа не только к личным данным, но и возможности управления ими с помощью встроенных устройств. По мнению исследователей, технологии Интернет тела порождает новые проблемы, связанные с управлением данными, касающимися конфиденциальности и суверенитета личности, а также новые риски дискриминации и социальной эксклюзии в сфере занятости, образования, финансов, использования услуг медицинского страхования и т.п. [8]. Особенно эти риски связаны с технологиями третьего поколения Интернета тела, позволяющие не только управлять данными, но и самими человеческими телами.

Однако, на наш взгляд, дискуссия не затрагивает социальных аспектов трансформации места и роли самого человека как биопсихосоциального феномена в этих процессах происходящих под влиянием формируемых в ходе продвижения Интернета

тела практик, так как осмысление самого концепта ограничивается констатацией, в первую очередь, технических параметров.

Гораздо более сложным и значимым является вопрос о человеческой субъектности в этой новой сети взаимодействий, сохранении степени функциональной и личностной автономности. Обращаясь к концепции социального действия, становится очевидным, что если рассматривать формируемые в процессе сетевизации устройств и человеческого тела отношения как социальные, то первоначальный субъект по факту превращается в функциональное средство для обеспечения внешних процессов, подключенных к Интернету (платформу).

В этой связи актуальным становится и вопрос о нарастающей тенденции коммодификации телесности в этих новых форматах социальных отношений.

Также возможности управления человеческим телом-средством создают риски не только потери конфиденциальности данных, но и его физической безопасности и целостности, что создает достаточные основания для воплощения в реальность идей создателей знаменитого фильма в стиле научного фэнтези «Матрица».

Еще один значимый аспект – это сама личность, ее «Я-концепция». В условиях происходящих под влиянием цифровизации изменений в формировании и смещении разных реальностей, создающих новые самоидентификации в ситуации многоканальности и множественности полей сетевых взаимодействий возникают новый феномен – «оцифрованное Я». Его осмысление ставит необходимость поиска ответа на такие вопросы, как: что будет включать этот концепт, будет ли значимой в его структуре часть нашего первоначального, из физического мира, «Я», или это продукт коллективного цифрового взаимодействия?

Таким образом, очевидно, что Интернет тела как часть нашей социальной реальности содержит как возможности, так и риски для человечества. Что преобладает в его дальнейшем развитии? Поиск ответа на этот вопрос и должен стать основой социальной рефлексии новых технологий, пока ответ может быть определен самим человеком как действующим субъектом.

1. Rezaev A.V., Tregubova N.D. Are sociologists ready for 'artificial sociality'? Current issues and future prospects for studying artificial intelligence in the social sciences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. 5. P. 91–108.
2. Kravchenko S.A. *Sociology on the move: the demand for the humanistic digital turn* // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. №3.
3. Игнатъев В.И. И грядет «другой» актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // *Социология науки и технологий*. 2019. №1.
4. Matwyshyn A. *The Internet of Bodies* // *Wm. & Mary Law Review*, 2019. Volume 61. P.77-167.
5. Stupar S., Ćar M.B. *Benefits and Risks of Applying Internet of Bodies Technology (IoB)*. In: Karabegović I., Kovačević A., Mandžuka S. (eds) *New Technologies, Development and Application V. NT 2022. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 472. Springer, 2022.
6. Shankland S. *Elon Musk Says Neuralink Plans 2020 Human Test of BrainComputer Interface*, CNET (July 17, 2019) / <https://www.cnet.com/news/elon-musk-neuralinkworks-monkeys-human-test-brain-computer-interface-in-2020/> [<https://perma.cc/3DJT-SZH8>].
7. Lee M., Boudreaux B., Chaturvedi R., Romanosky S., Downing B. *The Internet of Bodies: Opportunities, Risks, and Governance*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020.
8. Makitalo N., Flores-Martin D., Berrocal J., Garcia-Alonso J., Ihanola P., Ometov A., Murillo J., Mikkonen T. *The Internet of Bodies Needs a Human Data Model* // *IEEE Internet Computing*. 2020. Volume 24. No. 5. P.28-37.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В ЦИФРОВОЙ ЭПОХЕ.

Малинина Татьяна Борисовна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Качество жизни представляет собой сложную многогранную социальную категорию, связанную с потребностями человека и наличием возможностей в обществе для их удовлетворения. Современные концепции качества жизни объединяют объективные показатели жизненных условий и субъективные оценки индивида. Известный социолог из Нидерландов, Рут Винховен (Ruut Veenhoven) считается экспертом в данной области, полагает, что качество жизни характеризуется объективными и субъективными индикаторами. Первые удовлетворяют эксплицитные, внешние стандарты хорошей жизни (например, соотношение доходов и прожиточного минимума), а вторые основываются на имплицитных, личностных критериях (например, оценка самим индивидом качества питания, одежды, здоровья) [1, 4]. В научной литературе нет единой методологии в определении категории «качество жизни». С одной стороны это понятие включает в себя все процессы жизнедеятельности человека и общества, а с другой стороны оно рассматривает только часть процессов жизнеобеспечения граждан.

Мы живем в обществе, где информационные технологии быстро совершенствуются и внедряются во все сферы жизнедеятельности человека и становятся доступными для более широких слоев населения. Населению ничего не остается, как приспособливаться к новой реальности. В связи с этим, качество жизни в цифровом обществе рассматривается не только как удовлетворение потребности в образовании, здравоохранении, экологии, безопасности, информации и т.д., но и в доступности качественных информационных продуктах и услугах. Появились такие новые понятия, как «цифровое качество жизни», «цифровое неравенство», «информационная бедность», «цифровое благополучие». Заметим, что эти понятия применяются не только к различным слоям населения, отдельно взятому человеку, но и к различным областям и регионам не только нашей страны, а также к другим странам и регионам мира.

Немецкий социолог Э.Фромм утверждал, что автоматизация и роботизация приводит к ухудшению качества жизни человека, так как способствует превращению его в робота, лишая индивидуальности. Человек становится равнодушным, бездуховным, с односторонним умственным развитием, неудовлетворенным. Однако инновационная экономика заставляет по-другому взглянуть на подходы к изучению и измерению качества жизни населения. В нашей стране, в отличие от таких развитых стран как США, Канада, Австралия, Франция, не существует собственного национального индекса качества жизни [2, 114].

В своей монографии «Революционное богатство» Э.Тоффлер заметил: «Качество жизни современного человека становится во все большей степени зависимым от уровня потребления им информационных продуктов и услуг, а также от их доступности и качества. Мобильная телефония, персональные компьютеры с выходом в сеть Интернет, многоканальное цифровое телевидение, бортовые автомобильные навигационные спутниковые системы – все это уже неотъемлемые атрибуты современного человека, без которых его повседневная жизнь и профессиональная деятельность становятся неполноценными» [3].

Процесс цифровизации имеет как положительное, так и отрицательное влияние на качество жизни населения. К позитивным влияниям относится: цифровое благосостояние, которое включает в себя наличие цифровой техники, всевозможных гаджетов, Интернета, «умных» домов и т.д., что позволяет проводить необходимые удаленные работы и досуговые мероприятия; постоянное совершенствование компетенций, навыков, обучение в реальном времени и on-line для цифрового образа жизни; получение социальных услуг посредством цифровых технологий в сфере медицины, ЖКХ, образования, финансов;

использование цифровых технологий для покупки и продажи товаров и услуг, а также качественных государственных электронных услуг; использование информационных компьютерных технологий для безопасности проживания и жизнедеятельности населения. К отрицательным влияниям относятся: сокращение рабочих мест традиционных профессий и неквалифицированного труда; рост безработицы и усиление социального неравенства среди населения; отсутствие цифровой грамотности и информационной культуры; отсутствие цифрового суверенитета; киберугрозы со стороны более развитых стран в цифровом отношении; дезинформация и хакерство в информационном пространстве [4, 418].

Экспертами ИСИЭЗ НИУ ВШЭ было выделено 5 факторов для оценки положительного влияния цифровизации: доступ к ИКТ; образование и навыки; занятость и доход; доступность услуг; социализация. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в России доступ к Интернету имеют 82,8% городских домохозяйств и 71,6% домохозяйств, расположенных в сельской местности. Разрыв в доступе к широкополосному Интернету более существенный: 80,6% против 65,8%. Здесь Россия немного отстает от среднего показателя стран ОЭСР. По уровню развития цифровых компетенций население России уступает среднему показателю стран ОЭСР: 25,9% против 34%. По данным Евростата, в 2021 году 54% жителей ЕС в возрасте от 16 до 74 имели базовые цифровые навыки, такие страны как Нидерланды и Финляндия имели самые высокие показатели цифровой грамотности – 79% , самые низкие были в Румынии (23%) и Болгарии (31%) [5, 8]. Согласно оценкам ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в России цифровые навыки имеют 38,2% населения. По показателю навыков ИКТ в 2021 г Россия занимает 55 место из 130 [5, 9]. Эксперты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ считают, что цифровые технологии оказывают положительное воздействие на уровень занятости и уровень дохода. Доля населения, использующего Интернет для поиска работы онлайн в России, составляет 6,4% (в странах ОЭСР 19,3%). Россия пока отстает от стран ОЭСР по доле населения, работающего удаленно: даже в период локдауна в 2020 г. доля работающих удаленно не превышала 11% (против 25% в странах ОЭСР), хотя пандемия COVID-19 создала серьезные экономические и социальные предпосылки для перехода на удаленный формат работы. Доля занятых в секторе ИКТ пока сравнительно невелика как в России, так и в странах ОЭСР: 1,8% против 3,4% . Фактором риска в вопросах занятости традиционно считаются опасения увеличения безработицы вследствие роботизации рабочих мест. [5, 11] . В 2021 году Россия заняла 41-е место из 152 в рейтинге индекса электронной торговли. Самым низким параметром в этом индексе стал показатель доли населения России, имеющего банковский счет: 76% (54-е место). Разброс позиций стран ОЭСР в этом индексе достаточно велик: лидерами рейтинга являются Швейцария, Нидерланды и Дания, тогда как Чили находится на 59-м месте, Мексика - на 93-м месте [5, 12]. По уровню активности в социальных сетях: в России доля пользователей социальных сетей в общей численности населения составляет 64%, а в странах ОЭСР этот показатель чуть выше и составляет порядка 70%. Ключевым фактором риска в вопросах социализации является нарушение цифровой безопасности. Конфиденциальность данных признана фундаментальной ценностью, которая требует защиты, а также условием для обеспечения свободного потока личных данных между организациями и странами [5, 14].

1. Veenhoven R. *The Four Quality of Life // Social Indicators Research 2000. Vol. 1. P. 1-39.*

2. Нехода Е.В., Рощина И.В., Пак В.Д. *Качество жизни проблемы измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика 2018. №43. С. 107-125*

3. Тоффлер Э. *Революционное богатство.* - М.: АСТ: Москва: ПРОФИЗДАТ, 2008. - 569 с.

4. Литвинцева Г. П., Петров С. П. *Теоретические основы взаимодействия цифровой трансформации и качества жизни населения // Журнал экономической теории. — 2019. — Т. 16. — № 3. — С. 414-427*

5. Цифровые технологии и общество: влияние на благополучие и качество жизни человека. *Научный дайджест № 7 (12)*, 2022 – URL: https://www.hse.ru/data/2022/07/22/1614459848/Human_Capital_NCMU_Didgest_12_Digital_Technology_and_Society_2022.pdf

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БЛАГО

Мартirosян Артём Саакович

(УрФУ. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Цифровизация – это процесс оптимизации различных систем (управления, образования, экономики) с целью приспособления их к электронным формам, для дальнейшего облегчения протекания тех или иных процессов внутри этих систем.

В каждой сфере, которую затрагивает цифровизация, есть собственные особенности. Можно выделить общие черты цифровизации присущие каждой сфере.

Включение цифровых технологий в повседневную жизнь (компьютеров, смартфонов)

Перевод информации в цифровой формат

Облегчение процессов взаимодействия

Снижение затрат на сбор и обработку информации

Процесс цифровизации коснулся практически всех сфер жизнедеятельности человека. Это способствовало тому, что многие процессы были облегчены, во-многих случаях человек и вовсе был оттеснён за рамки того процесса, в котором до этого ему приходилось работать. Это дало невероятное количество свободного времени, которого до этого у него не было.

Более того процесс цифровизации не только облегчает жизнь, но и предоставляет человеку уникальные возможности собственного самосовершенствования. Появление смартфонов и интернета позволяет человеку в один момент найти нужную ему информацию в любой точке мира.

Несмотря на многочисленные плюсы цифровизации, тяжело сказать, что человечество, общество стало счастливее. Если смотреть с технической точки зрения, то цифровизация является благо – она позволяет упрощать многие процессы. Если же смотреть с социальной точки зрения, цифровизация оказывает значительное влияние на процесс социализации человека, дополняя реальное общение и взаимодействие виртуальным общением.

Чаще всего люди пользуются интернетом и социальными сетями с целью общения и обменом информации, кроме того, они позволяют людям находить группы по собственным интересам или друзей. Есть множество и негативных последствий от подобного взаимодействия:

Развитие зависимости от социальных сетей

Развитие нарциссизма

Размывание границ между виртуальным и реальным общением

Возникновение депрессии на фоне сравнения себя с другими людьми в социальных сетях

Риск потери персональных данных

Процесс цифровизации, безусловно, является благом для общества и человечества в целом, он позволяет облегчать процессы технического характера (проведения расчётов, поиска информации). В социальном плане он позволяет устанавливать новые связи или поддерживать старые, однако он также несёт в себе множество рисков для человека и общества.

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И СКРЫТЫЕ УГРОЗЫ

Мартыненко Татьяна Сергеевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Некоммерческого
Фонда развития науки и образования «Интеллект».*

В последние годы термин «искусственный интеллект» (далее – ИИ) все чаще встречается в заголовках статей, названиях учебных курсов и законодательных актах. Наша повседневность пронизана технологиями искусственного интеллекта, которые стремятся сделать нашу жизнь проще, последовательнее и комфортнее. В связи с этим одной из задач современных социальных наук становится выявление не только новых возможностей использования технологий ИИ, но и поиск скрытых угроз и рассмотрение негативных последствий. Цель статьи – выявить и систематизировать основные возможности и потенциальные риски широкого внедрения технологий ИИ в повседневную жизнь.

В повседневной жизни технологии ИИ активно используются в различных типичных жизненных ситуациях. Представляется, что эти технологии можно систематизировать в зависимости от пространства их использования – цифрового или физического. Так, основные технологии, связанные с цифровым пространством, результатом своей деятельности имеют, прежде всего, поиск, обработку и систематизацию информации. В физическом пространстве спектр технологий с каждым годом становится все шире. Технологии ИИ используются в навигации и такси, работают в качестве домашних помощников, фиксируют наше состояние в селфтрекинг-системах (умные часы и подобное) и др.

Несмотря на очевидные плюсы внедрения технологий ИИ в повседневную жизнь, нельзя не отметить те угрозы и риски, с которыми мы сталкиваемся уже сегодня. В зависимости от объекта, которой может испытать на себе негативные последствия этих технологий (человек, социальная группа или общество) можно выделить риски психологического, социально-психологического и социального характера. Риски психологического характера обусловлены, прежде всего, зависимостью от использования новейших технологий, которая проявляется в снижении когнитивных способностей (например, сложностей со счетом, концентрацией внимания), развитии фобий (номофобия и др.). Риски социально-психологического характера связаны с нарушением социальных связей и сложностью установления социальных контактов. Особенности функционирования технологий ИИ в контексте поиска и обработки информации сопряжены с возникновением так называемых «пузырей фильтров» [1], то есть возникновение персонализированного информационного пространства, которое может стать источником социального напряжения и конфликтов. Социальные последствия внедрения технологий связаны с усилением дискриминации (гендерной, расовой, пространственной и др.) и социального неравенства.

Представляется, что в качестве средства минимизации негативных последствий должны использоваться, прежде всего, повышение уровня цифровой грамотности и цифровых навыков, а также контроль технологического развития. Особую роль в решении этих задач могут сыграть образование и соответствующая государственная политика в этой сфере, а также социальные науки, способные выявлять потенциальные риски и угрозы.

*1. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? М.: Альпина
Бизнес Букс, 2012.*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА: МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ

Марьина Людмила Петровна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Главные трансформации современного искусства связаны с технологическим оснащением, цифровизацией, которая изменяет его репрезентацию в массмедиа, приносит в произведение искусства новые смыслы [1]. Именно антропологический подход осмысления ценностного потенциала современного общества позволяет оценить изменения коммуникаций, тенденцию к виртуализации повседневной жизни [2]. Сегодня мы наблюдаем синтез медиа, искусства, технологий и формирование такого социокультурного феномена как медиаискусства. В свою очередь, под медиаискусством принято понимать совершенно новую форму искусства, возникающую под влиянием времени как экспериментальная художественная практика, в которой применяются медиасредства и медиатехнологии. По этой причине исследовательский интерес вызывает, в первую очередь, процесс цифровизации искусства, а во вторую – репрезентация объектов искусства в массмедиа и виртуальные коммуникационные стратегии. Мы изучили процесс цифровизации искусства и его синтезирования с передовыми технологическими новшествами в период пандемии при помощи анализа работ художников Дианы Бургойн, Нам Джун Пайка и Билла Виолы в области синтетического искусства, мультимедийных проектов Эрмитажа, Лувра, Лондонской Национальной галереи, Пушкинского музея, Третьяковской галереи, музеев Пия-Климента и Кьярамонти, галерей Tate Britain и Tate Modern, Лондонского симфонического оркестра, технологии Motion Capture в кинематографе и примеров урбанистического медиаискусства в архитектуре и ландшафтном дизайне от компании Art + Com Studios и криейторов Питера Марино, Жана-Марка Гади. Проследивая тематику основных статей, публикуемых в глянцево-журналах во время пандемии, можно отметить лозунг “We all in this together” («Мы все вместе в этом») как побуждение аудитории к тотальному объединению перед лицом общей проблемы на протяжении прошлого и текущего годов: “How Fashion And Beauty Companies Are Giving Back During The Pandemic” («Как компании, связанные с красотой и модой, отдают в период пандемии»), “Mutual Aid Groups Supported Communities When the Government Wouldn't” («Группы взаимопомощи поддерживали общины, когда правительство не стало»), “Bulgari Sponsors COVID-19 Research Fellowships at The Rockefeller University” («Bulgari спонсирует исследования в области COVID-19 в Рокфеллеровском университете»), “The Virus, the Vaccine, and the Dark Side of Wellness” («Вирус, вакцина и тёмная сторона благополучия»), “What a Year Off from My Beauty Routine Taught Me About Aging” («Чему год без привычной бьюти-рутины научил меня о старении»). Таким образом, период глобальной пандемии коронавируса показал фундаментальную трансформацию в области искусства и массмедиа, которая привела к их более интенсивному сотрудничеству. Это взаимодействие способствовало созданию креативных социальных проектов и материалов, направленных на освещение важных событий, происходящих в мире: героизму врачей и людей других профессий, работавших на протяжении пандемии в тяжёлых условиях и подвергавших свою жизнь ежедневной опасности, всеобщему объединению в непростые времена. К примеру, онлайн-платформа Koopess выпустила несколько важных постов – в частности, о том, как творцы со всего света сумели сплотиться и направить своё творчество на благо общества. Благодаря деятельности этих людей появился проект The Covid Art Museum – своеобразное творческое объединение художников, авторов и дизайнеров из разных уголков мира, которые смогли создать атмосферу постоянной поддержки в своих блогах и распространить жизненно важную информацию об изоляции. Все эти элементы так или иначе отразились в их творчестве, что в дальнейшем содействовало повышению востребованности и популярности

объединения, призванного поддержать авторов и расширить их аудиторию. Новых членов координаторы искали при помощи хэштега #CovidArtMuseum в социальных сетях (преимущественно, в Инстаграмме), а главной задачей проекта стало впоследствии собрать настоящую физическую выставку и выпустить бесплатную электронную книгу со всеми работами участников, выпущенными за период пандемии. В статье были отмечены работы таких художников, как Хуан Деклан, Хавьер Хаэн, Сара Шакил, Франческо Феццоли, Ева и Марта Ярца (Yarza Twins), а также Хорге Табанера Редондо [3]. Многие досуговые, лайфстайл и модные издания ввели в свою ежегодную практику специальные тематические номера, полностью посвящённые искусству, а также стали периодически сотрудничать с популярными или малоизвестными, но талантливыми современными художниками. Такая совместная работа чаще всего приводит к созданию эксклюзивных и уникальных обложек номеров, как правило, приуроченных к какому-либо событию. Так, международный греческий художник Димитрис Папайоанну изображает лицо надежды на обложке первого номера Vogue Greece September и считает, что, если бы надежда была человеком, у неё не было бы определенного пола, цвета кожи или возраста.

Таким образом, глобальные социокультурные процессы обуславливают фундаментальную трансформацию в области искусства и массмедиа, стимулируют цифровизацию арт-среды, виртуализацию повседневной жизни. А в периоды общественных потрясений усиливается направленность коммуникационных стратегий массмедиа не только на репрезентацию искусства, но и осмысление важных общественных событий. Семиотика медиаискусства занимает приоритетные позиции среди коммуникативных стратегий.

1. Максимова А. А. Понятие современного искусства: определение, социальные институты, направления // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия Studis historica juvenum. Пермь, 2018. С. 315.
2. Мельник Г.С., Мисонжников Б.Я. Антропология медиапространства в поисках ценностных ориентиров. // Глобализация: на грани реального и виртуального. Коллективная монография / отв. ред. Н. А. Баранов. – СПб: ООО «Геополитика и безопасность», ИД «ПЕТРОПОЛИС», 2020. – 292 с. С. 170-200.
3. Even during COVID-19, art “brings us closer together than ever” // Kooness. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kooness.com/posts/magazine/art-in-the-time-of-corona> (дата обращения: 30.03.2021)

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ФУНКЦИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Медведев Максим Максимович

(ФГБОУ ВО "Кубанский государственный университет")

Сергеев Андрей Алексеевич

(ФГБОУ ВО "Кубанский государственный университет")

Присущие информационному веку процессы цифровизации переводят социальную реальность в виртуальный формат. Изучение и оценка влияния цифровизации на человека и общество подталкивает к использованию структурного подхода для исследования взаимодействия социальных структур мифа и бессознательного с виртуальной реальностью, так как мифологические и религиозные элементы мышления современных людей находятся под сильным воздействием виртуальных сетевых структур и эксплуатируются ими. Результаты эксперимента, проведённого в Кубанском государственном университете при участии 7-ми студентов, которым было предложено отказаться от пользования социальными сетями и смартфонами на 5 дней, показали, что у большинства участников изменилось восприятие времени, пространства и социальных отношений внутри их групп. Становится возможным связать такие нарушения с

процессами мифологизации функций социальных сетей и виртуальной реальности в современном обществе, в ходе которых они начинают симулировать функции, в традиционных обществах выполняемые мифами и религиозными институтами.

Заключать о полном тождестве виртуальной реальности и мифа невозможно ввиду их глубинных отличий. Миф имеет самобытную природу, создаёт особую темпоральность, пространство, практики и субъект-объектные отношения, которые заключаются в принципиальной субъектности мифа, особом наборе сакральных практик, концентричности пространства, реверсивности времени и несоответствии законам логики. Однако мифологизация виртуальной реальности происходит искусственно, путём развития технологий и постмодернистской топики философии и социологии, ввиду чего утверждается субъектность и центральность виртуальной реальности, иерархичность и концентричность сетевого пространства, а пользователь наделяется особым набором практик, реализующих его бессознательные порывы и инстинкты.

Виртуальная реальность лишь пытается приблизиться по своим свойствам к мифу, изначально имея основанный на константной реальности базис. Виртуальное разнонаправленное время является надстройкой над априорной темпоральностью, иерархичность и ограниченность виртуального пространства достигается технологическими нововведениями особых алгоритмов персонализации в изначально беспорядочное ризоматическое пространство, архаичные практики и бессознательные желания замещаются виртуальными «протезами» инстинктов, а субъектность информации и её центральность в обществе провозглашается философией постмодерна.

Такое механическое надделение виртуальной реальности и социальных сетей качествами и функциями мифа поддаётся деконструкции и тщательному анализу. Потенциально дальнейшие процессы мифологизации виртуальности могут привести к полному замещению функций сохранившихся традиционных институтов по конструированию времени, пространства, практик и мировоззрения бесосновательными иллюзиями, предоставляемыми социальными сетями – то есть привести к полному контролю виртуальной реальности над рациональными и мифологическими элементами человеческого мышления.

РАЗРАБОТКА ТИПОЛОГИИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ В ПЕРИОД ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЕКТОРА

Медяник Ольга Викторовна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Легостаева Наталья Игоревна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Информационно-цифровая трансформация экономики привела к тому, что стали развиваться такие новые социальные явления, как цифровая финансовая социализация, цифровая финансовая виктимизация, цифровая финансовая делинквентность и др. В результате проведения трехэтапного психолого-социологического исследования в 2021-2022 г.г. была разработана типология потребителей цифровых финансовых услуг, включающая 4 основных типа: нерациональный, рациональный, недоверчивый, доверчивый. Исследование базировалось на методах полуструктурированного письменного интервью и онлайн-опросах, итоговая выборка составила 1195 человек.

По итогам третьего этапа исследования, в котором приняли участие 822 респондента, было выявлено, что для большинства опрошенных среди финансовых технологий/сервисов за последние два года наиболее удобны интернет-магазины одежды, техники, парфюмерии (84,1%), а также системы быстрых платежей (79,2%) и онлайн-кошельки (PayPal, QIWI) (74,2%). Большинство респондентов отметили, что покупают

товар и услуги только на проверенных сайтах (76,3%). Однако, чуть более половины участников опроса отметили, что неуверенность в безопасности мешает им приобретать товары в Интернете (52,7%). Около 74,1% опрошенных отметили, что при проведении денежных транзакций для них главную роль играет авторитетность источника, при этом более половины опрошенных сказали, что не реагируют на угрозы незнакомых людей при использовании Интернета (59,4%).

Результаты комплексного исследования позволили авторам сделать вывод, что наиболее устойчивым к различного рода воздействиям со стороны цифровых финансовых мошенников является рациональный тип финансового потребителя, наименее - доверчивый. Разработанная матрица кодов уязвимости цифрового финансового поведения для каждого из представленных типов потребителей цифровых финансовых услуг позволит авторам в предстоящих исследованиях работать над типами-амбивалентами и развивать фундаментально-прикладные исследования в области повышения цифровой финансовой грамотности и продукты cybersecurity в банковской сфере.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ БИЗНЕСА

Палагина Анастасия Игоревна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

В мире бизнеса всегда присутствует конкуренция, которая помогает выбрать потребителям лучшие для себя товары и услуги. Чем комфортнее способ получения того или иного продукта, чем лучше и качественнее он является, тем больше спрос. Компании находятся в вечном поиске приспособлений к меняющимся условиям в экономике, развивают модели бизнеса, меняют стратегии, анализируют процессы, дабы быть успешнее своих конкурентов. Один из способов улучшения своего бизнеса является введение инновационных решений.

Цифровой трансформацией является применение цифровых технологий, при которых культура современных компаний обновляется [3]. Так компания растёт, привлекая лучших работников. Устанавливается комфортный и оперативный контакт между коллегами. Информация, поступающая от рынка к руководителям, от руководителей к сотрудникам становится доступной, быстрой и точной. Связь с потребителями простая, их число растёт.

Если сравнивать традиционный бизнес и цифровой, то можно назвать следующие пункты, по которым их можно отличить: 1) цифровой продукт или бизнес-модель; 2) цифровой способ взаимодействия с рынком; 3) цифровые внутренние активы и организация труда; 4) цифровая корпоративная культура [5]. Продуктами могут являться различные электронные статьи или книги, сайты, онлайн-курсы и многое другое. Цифровые бизнес-модели предоставляют упрощенный анализ того, как развить компанию, как улучшить бизнес-процессы, какие ресурсы необходимы для роста бизнеса [2]. Связь с рынком необходима каждой компании и этот процесс также становится цифровым. Используется Интернет, чтобы как можно больше привлечь новых клиентов, которые будут готовы приобрести необходимый товар или услугу. Это отличный способ продвижения своего продукта. Цифровые внутренние активы и организация труда совершенствуются из-за введения цифровых технологий. Улучшается уровень лояльности, согласование деятельности людей в компании. Одним из самых важных компонентов любого бизнеса является корпоративная культура - взаимоотношения сотрудников, наличие определенных правил поведения [10]. Создаются различные сайты, которые позволяют сократить способ передачи информации в процессе деятельности. [1,37] Происходит введение онлайн-тренингов на сближение коллег и установление единой цели.

В сфере цифровизации Россия уступает по развитию и распространению технологий многим западным и азиатским странам, однако и у нас работы в данном направлении ведутся самым активным образом. К примеру, в ПАО «КАМАЗ» был создан специальный «Центр цифровой трансформации», который уже позволил реализовать сразу несколько успешных проектов: Организация Департамента планирования логистического центра, разработка совместно с компанией Siemens системы мониторинга и оперативного управления производством, внедрение роботов и так далее. Всего за год с момента начала цифровой трансформации компания смогла нарастить объемы продаж на 21% [4].

Таким образом, внедряя цифровую трансформацию в свой бизнес, мы повышаем его эффективность развития и устойчивость. С каждым годом происходит прогресс в совершенствовании и открытии новых технологий, которые в нашей жизни теперь будут присутствовать всегда. Поэтому стремление предприятий к увеличению производительности никогда не прекратится.

1. Вертакова Ю.В., Крыжановская О.А. Особенности развития организаций в условиях цифровой трансформации // Вестник университета. Стратегии и инновации. 2020. № 10. С. 33-39.
2. Логинова Т. Бизнес-модель [Электронный ресурс]. // Словарь маркетолога от Unisender URL: <https://www.unisender.com/ru/glossary/chto-takoe-business-model-primer-vidy/> (дата обращения: 09.09.2022).
3. Цифровая трансформация бизнеса в 2022 — условия, технологии, направления [Электронный ресурс]. // eternalhost. URL: <https://eternalhost.net/blog/perevody/tsifrovaya-transformatsiya-biznesa> (дата обращения: 09.08.2022).
4. Цифровизация промышленности [Электронный ресурс]. // Центр2М. URL: <https://center2m.ru/tsifrovizatsiya-promishlenosti> (дата обращения: 03.09.2022).
5. Цифровая трансформация – что это? Зачем она бизнесу? Арсений Тарасов, Ник Спирин [Электронный ресурс]. // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bwbgeHz2QCs&t=737s> (дата обращения: 15.08.2022).
6. Что такое цифровая трансформация? [Электронный ресурс]. // SAP Insights. URL: <https://www.sap.com/cis/insights/what-is-digital-transformation.html> (дата обращения: 20.08.2022).

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Пашков Михаил Владимирович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Рассматривая глобализацию образования как процесс деятельности глобальных ИТ и EdTech корпораций, прежде всего нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что, с одной стороны, цифровые технологии расширяют возможности виртуальной трансграничной мобильности, а с другой, сами по себе они не способны обеспечить положительных результатов онлайн-обучения для тех студентов, которые находятся в разных технологических и социокультурных условиях. Это ставит перед обществом проблему «качества» образования в онлайн-формате: как сделать его эквивалентным оффлайн-обучению и не свести к удовлетворенности студентов онлайн-платформами и степени удобства для них онлайн-формата обучения.

Другая проблема связана с тенденциями глобальной цифровой среды последних лет к всё большей унификации и закрытости. К одному из проявлений этих тенденций можно отнести, например, нарастающее неравенство представительства языков во всемирной сети Интернет, лидерство среди которых принадлежит английскому языку: на его основе в 2021 году было создано 62.1% всего контента, за ним следует русский язык (7.6%), а

дальше с большим отрывом идут испанский, турецкий и фарси (3.8%, 3.8% и 3.5% соответственно). Всем остальным языкам принадлежит доля менее 3%.

Нельзя обойти стороной и то обстоятельство, что сегодня мы имеем дело не с одним глобальным и открытым пространством Всемирной сети, в рамках которого можно говорить, хотя и с долей условности, о доминирующем языке и культуре, а с целым рядом обособленных и закрытых информационных и культурных пространств, которые образуются вследствие развития цифровых платформ, платных мобильных приложений, а также многоуровневых тарифных планов доступа в сеть Интернет.

Процесс платформизации, который связан с ростом цифровых платформ как доминирующей экономической и инфраструктурной модели современной глобальной цифровой среды и проникновением принципов организации этих платформ в другие сферы деятельности: экономику, политику и культуру, в образовании проявил себя в проникновении цифровых проприетарных (платных и закрытых) платформ в организацию образовательных практик, преподавательской деятельности и управления образовательными процессами. Пандемия способствовала развитию этого процесса через выход новых крупных онлайн-платформ на глобальный рынок, в особенности из Китая и Индии, консолидацию существующих платформ посредством сделок слияний и поглощений и обрастание платформ сетью более мелких мобильных приложений. Это усилило влияние глобальных онлайн-платформ на образовательные системы в мире и соответственно ослабило позиции национальных правительств, отдельных вузов и их ассоциаций. К примеру, деятельность глобальной издательской и образовательной корпорации Pearson, по данным сайта компании, осуществляется в 200 странах мира и связана с распространением своих стандартизированных цифровых продуктов через образовательные организации, которые могут купить у них готовые курсы «под ключ». Последствия этой деятельности лучше всего описываются понятием «макдональдизация образования» ('McDonaldization' of education), которое впервые было использовано американским социологом Дж. Ритцером для описания развития социальных институтов как процесса формальной рационализации, постоянного увеличения калькулируемости и контроля за поведением индивидов [1, с. 31].

Нельзя не согласиться с А.П.Никитиным, что макдональдизация высшего образования – это процесс превращения образования в предмет потребления и формирования новой стратегии управления высшей школой, которая в качестве образца ориентирована на модель управления крупной корпорацией [2], а в современных условиях, можно добавить, и на модель функционирования цифровых платформ. Еще более значимые последствия макдональдизации образования обнаруживаются, если в качестве методологической базы исследования этого процесса использовать неоинституциональный подход, который рассматривает образование как социальный институт, «реализующий все формы вторичной социализации» и передающий обучающимся «программы, налагаемые обществом на поведение индивидов» [3]. С этой позиции становится ясно, если разработка содержания, структуры и методики преподавания учебных курсов будет двигаться в сторону унификации и будет поручена сторонним акторам (глобальным издательским и образовательным корпорациям, а опосредованно – алгоритмам и моделям работы цифровых платформ), то они смогут непосредственно воздействовать на социализацию студентов и формирование их ценностей, норм, образа мышления и профессиональных навыков.

Сказанное свидетельствует о том, что Всемирная сеть как одна из форм глобализации образования далеко не бесконечна, не интернациональна и не так разнообразна, как может показаться на первый взгляд: она простирается лишь настолько, насколько у преподавателей и студентов есть доступ к разнообразным информационным ресурсам, а также навыки и способности их находить, понимать и критически интерпретировать за пределами влияния алгоритмов работы и функций проприетарных цифровых платформ. Так обнаруживается еще одна точка напряженности: между, с одной

стороны, возросшим во время пандемии влиянием глобальных цифровых платформ на образовательные системы большинства стран, а с другой – сохранением автономии отдельных государств, университетов и преподавателей, и их способности поддерживать разнообразие, самобытность и уникальность содержания, методов и форм обучения.

1. Ritzer, G. *The Mcdonaldization of society*. Calif: Thousand Oaks, 1993. (Russian Translation: Ритцер Дж. Макдональдизация общества / пер. с англ. Москва: Праксис, 2004. 592 с.)
2. Никитин А.П. Макдональдизация высшего образования // *Идеи и Идеалы*. 2018. Т. 38. № 3. С. 221-232. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-221-232
3. Минина В.Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020. т. 13. № 1. С. 84–101.

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Пивоварова Марина Борисовна

(факультет государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова)

Цифровые технологии распространяются во всех сферах жизни общества и стали частью нашей повседневной жизни. Вместе с этим, процессы цифровизации вызывают ряд неопределенностей в обществе, нарастают социальные риски, вызванные стремительным технологическим развитием. Наш ежедневный опыт взаимодействия с технологиями ведет и к ускорению повседневной жизни. Дж.Вайсман объясняет, что цифровую эпоху мы уже не являемся «простыми заложниками коммуникационных устройств»[1, с.10], а нас постоянно преследует новое навязанное ощущение спешки, чему послужили смена основных жизненных приоритетов. По мнению М.Буркхардта, цифровизация является делом рук самого человека «процесс целиком и полностью запущен самим человечеством... Когда мы не можем чего-то понять, дело в нас: в недостатке фантазии или просто в незнании правил и языков, принятых в цифровом мире»[2, с.8].

В условиях нарастания процессов цифровизации крайне важным оказывается вопрос о качестве жизни человека и вместе с этим, предоставлении качественного образования для решения важных экономических, политических и социальных вопросов в стране. Использование цифровых технологий становится все более активным и динамичным процессом, который напрямую влияет и на уровень счастья населения.

Цифровизируются не просто множество процессов по улучшению качества жизни человека, делая их более эффективнее, в целом они повышают в том числе и производительность труда, дополняя возможности человека потенциала и естественный интеллект. Они упрощают и повседневную деятельность человека. Например, получить коммунальные или банковские услуги, найти работу или получить дополнительное образование уже можно не выходя из дома. Значительный вклад цифровых технологий отмечается в системе здравоохранения – бионические протезы, роботы-хирурги, излечение смертельных заболеваний и многое другое. Также, с развитием нейротехнологий человек сможет развивать и совершенствовать не только свои физические, но и когнитивные способности. Особый интерес в этом направлении представляется для военной промышленности: от создания новых технологий вооружения с использованием цифровых алгоритмов до создания «универсального» солдата.

Таким образом отметим, что значительная часть сфер общественной жизнедеятельности поэтапно переходят в цифровое пространство. Особой проблемой остается место человека и его капитала в цифровом пространстве: сможет ли заменить искусственный интеллект естественный и к чему это приведет – самый важный вопрос современности, на который нет ответа. В текущих условиях, создание новых социальных

и моральных ориентиров, нравственных ценностей, а также в целом улучшение качества жизни населения становится важнейшим направлением развития цифровых технологий.

1. Вайсман Д. *Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме* / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. С. Шукиной. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. - 304 с.
2. Буркхардт М. *Краткая история цифровизации* : пер. с нем. / Мартин Буркхардт. — М. : Ад Маргинем Пресс : ABCdesign, 2021. — 184 с. — ISBN 978- 5-91103- 578- 5; 978-5-4330-0165-7.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Платонова Юлия Юрьевна
(СПбГИПСР)

Саликова София Георгиевна
(СПбГИПСР)

В результате высокой скорости изменений, появления принципиально новых запросов общества обесценились прогнозы развития системы образования, сделанные десятилетия ранее, и требуется пересмотр картины мира будущего. Одним из направлений можно выделить цифровизацию, как фактор развития образовательной экосистемы, которое неизбежно связано с переменами в содержании образования, с внедрением новых методов и организационных форм учебной работы.

Несомненно, что цифровизация имеет весомые преимущества для системы образования, а именно: удобство, доступность, скорость, информативность, однако здесь возникает и непростая задача преодоления разобщенности, которую можно выделить как побочный эффект от перехода в онлайн пространство. Уходят традиционные функции образования по воспитанию самостоятельности мышления, способности к ответственным действиям, а также формированию культурного интеллекта и толерантности в отношении традиций и обычаев других людей.

Термин «образовательная экосистема» появился в научной литературе сравнительно недавно, и означает «включение в образование совокупность активов и интересов всех заинтересованных сторон (преподавательского состава, студентов, отрасли промышленности, организаций некоммерческого сектора и государственных учреждений, сообществ и отдельных заинтересованных лиц) цель которого – достижений синергетических результатов, которые выгодны всем стейкхолдерам».

Отметим, что появление образовательных экосистем – это не частный ответ на проблемы сферы образования, а инструмент вовлечения различных секторов экономики и общественной жизни в коллективное обучение, которое максимально возможно при цифровом формате построения образовательного процесса. В широком смысле слова весь мир становится образовательной средой.

Люди с ОВЗ и инвалидностью, как правило, имеют не малый опыт в использовании средового подхода в образовательном процессе. В инклюзивном образовании, когда разные участники образовательного процесса обогащают друг друга, данный опыт как раз и может транслироваться. В некоторых навыках современного образования люди с ОВЗ и инвалидностью имеют больше компетенций, чем люди без инвалидности. Например, им приходится преодолевать средовые барьеры как в цифровом, так и физическом мире.

Обучение, в котором участвуют множество заинтересованных сторон, формирует возможности как для развития, так и для перемен в образовательной системе. В этой связи важным представляется формирование навыков, которые могут универсально

применяться на протяжении всей жизни и в различных жизненных ситуациях и помогут адаптироваться к меняющимся условиям.

Перспективным направлением формирования образовательной среды с позиции цифровой экосистемы для лиц с инвалидностью представляется траектория «от обучения всех к обучению каждого (персонализация образования)», которая предполагает пересмотр и оптимизацию наборов учебно-методических и организационных решений с учетом нозологий, информационных материалов, инструментов, использование потенциала цифровых технологий при организации всего спектра обучения от непосредственно лекционной части до тьютерства, т.е. сопровождения обучающихся по всем сопутствующим вопросам.

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКОСИСТЕМ

Поздеева Елена Геннадиевна

(Санкт-Петербургский Политехнический Университет имени Петра Великого)

Современный мир развивается в условиях, продуцирующих усложнение системности и распространение гибридных образований, что определяет приоритет решения коммуникационных задач и динамичную трансформацию коммуникативного пространства. Переход к гибким мультипликационным системам охватывает все сферы, при этом ряд отраслей опережают другие, что связано с возможностью организации сложных саморазвивающихся систем, предполагающих готовность к цифровым платформам, динамические узлы связей и ассамбляжи. Так, в сфере услуг возникают мультисервисы, расширяющие спектр ролей пользователей и предполагающие мультиагентность [1]. Одну из ведущих ролей в этом тренде выполняет сфера образования, от которой зависит будущее, и которая уже обладает основой для перехода к новым экосистемам – динамичное внедрение электронного обучения и расширение проблематики социологического мониторинга.

Понятие экосистема изначально получило практическое воплощение в сфере бизнеса. Используемая метафора «экосистема» предполагает, что взаимодействуют отдельные множества автономных организаций, их связи основаны на принципах взаимодополнения и согласования действий, не сводимых исключительно к вертикальной интеграции [2]. Экосистема использует принцип модульного построения, а не иерархического управления, что требует координации и совместного использования комплементарных ресурсов и компетенций.

Концептуальной основой экосистемы выступает понятие биологической системы, элементами которой являются живые организмы, среда их обитания, возникающие и функционирующие системы связей, обеспечивающие обмен. Экосистема рассматривается как сложная самоорганизующаяся, саморегулирующаяся и саморазвивающаяся система, отличающаяся замкнутыми, стабильными в пространстве и времени, потоками вещества и энергии между частями [3, С.84] Можно выделить разные виды экосистем в зависимости от их цели, агентности и результата:

Те, которые вносят свой вклад в социальные и/или культурные инновации;

Позволяющие обеспечивать равные и справедливые возможности в условиях разных типов неравенства;

Собственно созданные для поддержания технологических инноваций и самих разработчиков;

Экосистемы, способствующие городскому гражданскому развитию и расширяющие возможности горожан в получении разного рода услуг, в частности образования;

Ориентированные на поддержание региональных экосистем и экосистем более высокого уровня.

Если обратиться к проблемам и принципам экосистем в образовании, то здесь очевидна главная цель – это новый уровень интеграции знаний и способов вовлечения обучающихся, предполагающий внедрение более сложных, но удобных коммуникационных платформ. Среди агентов коммуникации, задействованных в отношениях, помимо самих обучающихся и представителей образовательных организаций активную коммуникационную роль отводят семье, сообществам, бизнесу, госструктурам. От образовательных экосистем ожидают мультипликацию социального, культурного, профессионального и символического капитала за счет более гибкого и открытого подхода к коммуникациям и активности в них со стороны участников. Гуманистический смысл экосистемы взаимоувязывает систему знаний, подчиненную принципу развития и конечную цель – новое более благоприятное будущее, что невозможно без интеграции индивидуального, промежуточного и глобального уровней достижений.

Таким образом, образовательные экосистемы представляют собой сети взаимосвязанных и разнотипных субъектов, участвующих в процессах обучения, воспитания и развития, к чему сегодня общество сформировало отношение по принципу «образовательная активность в течение всей жизни». Экосистемы предполагают гибкую адаптацию технологий, позволяющих находить адекватные задачам формы объединения обучающихся и профессионального сообщества с участием бизнеса и заказчиков. Они должны позволять более чутко улавливать точки роста, раскрывать складывающийся индивидуальный и коллективный потенциал, что поддерживает и стимулирует их эволюцию. Это и определяет трудность экосистем – их невозможно заключить в какие-либо постоянно действующие стандарты [4], и это предполагает высокую ответственность за принятие самостоятельных управленческих решений.

Современные университетские платформы являются почти сформированными моделями для построения экосистем [5]. Они благодаря совершенствованию электронного обучения обладают знанием, важным для установления динамичных и гибких узлов коммуникаций. Уже сформирован запрос со стороны обучающихся на расширение возможностей получения информации и коммуникационного обмена в более сжатые сроки и удобным способом, он звучит в социологических опросах [6]. И обучающиеся, и преподаватели готовы к использованию многоканальной связи, позволяющей оперативно решать вопросы и консультировать, решать разнообразные задачи и работать с креативными проектами. Правда, для этого необходимо учитывать, что вузы находятся пока на разных ступенях, имеют разные условия и возможности.

Безусловно, для эффективного функционирования экосистем требуется материально-техническая база и достаточный штат сотрудников, в том числе и задействованных в обслуживании. Проектирование экосистем должно учитывать возрастающую научную нагрузку на университеты, а также роль заказчика в реализации основных процессов в лице представителей бизнеса, промышленности, государственных институтов. Сами студенты отмечают, что их цифровые следы, содержащие достижения и разработки, могут представлять интерес для потенциальных работодателей. То есть должны быть предоставлены коммуникационные возможности для информационного и реального взаимодействия агентов вузовской среды. Это призваны предоставить новые технологии, составляющие элементы экосистем.

Эксперты в области новых цифровых подходов к образованию определили базовые принципы формирования коммуникативного пространства экосистем [7]. Их контур связан со следующими проблемными аспектами:

Необходимость отвечать на вызовы, связанные с изменением реально существующих потребностей и запросов общества.

Многоуровневость и интеграция связей на персональном, локальном и глобальном уровне. Реализация целостной фрактальной динамики за счет одновременного проживания процессов на всех масштабах экосистемы

Необходимость проводить глубинную трансформацию в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном горизонте.

Сознательный выбор экономических моделей.

Распределенное руководство и управление.

Обучение на каждом уровне.

Осуществление развития, основанного на принципе целостности.

Адаптивное образование.

Главенствующая цель экосистем – это обеспечение благополучия.

Подход с позиций экосистем требует не только проработки концептуальных основ, но и методическую основу, что позволят проводить оперативную аналитику реализации принципа экосистемности в образовании. Особенно следует уделить внимание анализу достижений и ошибок, что дает информацию о возможностях, ограничениях и воспроизводимости тех или иных технологий. Социологическая сторона мониторинга сосредоточена на описании и анализе структур взаимодействия участников коммуникационного пространства экосистем, их ролевого поведения, результативности, барьеров и поля удовлетворенности/неудовлетворенности. Важным аспектом выступает разработка аналитических метрик, которые направлены на оценку эффективности элементов экосистем и самой системы в целом [8, С 23]. И здесь социологическое сопровождение налаживания экосистем в образовании может внести существенный вклад в достижение заявленных глобальных целей.

1. Шипунова О.Д., Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И. Мультиагентный подход в анализе образовательной среды // *Социология*. 2020. № 6. С. 50-59.
2. Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. (2018). *Towards a theory of ecosystems*. *Strategic Management Journal*, vol. 39, issue 8, pp. 2255–2276. DOI: <https://doi.org/10.1002/smj.2904>
3. Олейников Б.В., Подлесный С. А. О концепции «Экосистема обучения» и направлениях развития информатизации образования // *Знание. Понимание. Умение*. 2013. №4. С. 84-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontseptsii-ekosistema-obucheniya-i-napravleniyah-razvitiya-informatizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 19.08.2022).
4. Почему будущее образования — за экосистемами. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6027f56f9a794723de4d1b34>
5. Чичерина Н. В., Васильева Ю. С., Родионова Е. В. Смешанное обучение: модели и реальные практики // *Открытое и дистанционное образование*. 2019. № 1(73). С. 22-31. DOI: 10.17223/16095944/73/3
6. Легостаева И.В. Отношение студенческой молодежи к дистанционному формату обучения в условиях пандемии: социологический анализ // *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 2021 №2. URL: <https://sfk-tm.ru/PDF/17SCSK221.pdf> (Дата обращения 15.09.2022)
7. Джессика Спенсер-Кейс, Павел Лукаш, Джошуа Кубиста. Образовательные экосистемы: возникающая практика для будущего образования. *Московская школа управления СКОЛКОВО и Global Education Futures*. URL: https://uo-kuragino.ru/upload/files/2022/May/3f01e76e/Obrazovatelnye_ekosistemy.pdf (Дата обращения 10.09.2022)
8. Раменская Л.А. Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях // *Управленец*. 2020. №4. С. 16-25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kontseptsii-ekosistem-v-ekonomiko-upravlencheskih-issledovaniyah> (дата обращения: 19.08.2022)

НОВОСТНАЯ СРЕДА ИНТЕРНЕТА И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

Проценко Владимир Сергеевич

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Курский государственный университет")

Цифровизация — это процесс, при котором происходит внедрение современных цифровых технологий в различные области человеческой жизни. И пусть цифровизация началась недавно, но уже сейчас ее проявления настолько сильны, что без них, вероятнее всего, будет сложно представить обыденное существование современного человека. Сфер, где применяется цифровизация на данный момент, достаточно много. Начиная от бытовых – интернет-магазины и различные маркетплейсы, заканчивая государственными организациями – к примеру, всеми известный сервис госуслуги.

Непосредственным и фундаментальным фактором развития цифровизации является интернет [5]. На сегодняшний день благодаря ему, в большей степени, и происходит развитие цифровизации. Именно этому в данной работе хотелось бы уделить внимание. А конкретно обратиться к теме информационного потока новостей и их влиянию на социальное самочувствие населения.

Само понятие социального самочувствия полиаспектно, так как относится к той сфере социальной реальности, которую изучают множество научных дисциплин. При этом данный феномен имеет субъективный характер, является эмоционально окрашенным. Согласно одному из определений, «самочувствие выступает в качестве определенного результата рефлексии человеком собственной жизни своих успехов и неудач» [4]. При этом выделяют аспекты социального самочувствия, состоящие из «внутреннего состояния человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма); оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить); восприятия собственного положения в новых условиях» [4].

На социальное самочувствие, несомненно, влияет пребывание человека в интернет-среде. В среднем человек проводит порядка семи часов в день в интернете, что составляет примерно 1/3 от дня или около 40% жизни. А недавняя пандемия лишь увеличила продолжительность пребывания пользователя в «социальной паутине» на 37% [3, 170]. Что повысило уровень его рефлексии над своей жизнью и ситуацией в мире. Кроме того, люди стали больше потреблять не только развлекательный, но и новостной контент. Данные факторы, безусловно, отразилось на социальном самочувствии многих граждан.

Несмотря на высокий уровень недоверия граждан новостям и СМИ в целом, люди продолжают погружаться в информационное поле интернета. Порой приходится наблюдать ситуацию, при которой все вокруг буквально сходит с ума от череды плохих новостей, появившихся в ленте соцсетей. Люди при этом продолжают внимательно и, порой, компульсивно наблюдать за всех происходящим через экраны своих устройств, при этом не имея малейшей возможности повлиять на эти события. Такое поведение получило название «думскроллинг».

Думскроллинг – совсем новый термин, но довольно ярко себя проявивший в последнее время. Образован он от [англ. doom](#) – «злой рок», «гибель» и [scroll](#) – «прокручивать, листать». Данный термин описывает довольно странную ситуацию, при которой человек продолжает и продолжает читать плохие новости, несмотря на то, что это приносит ему дискомфортные ощущения – страх, тревогу, панику, апатию, гнев. Порой человек это может делать постоянно в течение длительного времени: просыпаясь утром, человек сразу тянется читать скверные новости, при этом чувствуя себя уставшим и разбитым, ведь вчера он читал подобные новости, попутно пытаясь уснуть, а потом еще будет читать и в течение дня, что, например, может отрицательно сказаться на некоторых факторах социального самочувствия, например, успешность в трудовой или учебной

деятельности, а также на взаимоотношениях с окружающими его людьми, что, несомненно, может привести к снижению удовлетворения от жизни. Кроме того, не стоит забывать и того, что человеческая психика не способна выдержать такой постоянный «информационный» стресс, что, в свою очередь, ведет к снижению удовлетворения жизнью [2, 94-97]. Кроме того, думскроллинг, а точнее, его последствия в виде хронического стресса могут привести даже к проблемам с ментальным здоровьем. Об этом сообщили в ходе проведенного в 2022 году социологического опроса 74% респондентов, еще 61% указали на проблемы с физическим здоровьем. Результаты данного опроса (N=1100) были опубликованы в журнале «Health Communication» исследователями из Техасского технологического университета [1]. Как физические, так и психические проблемы со здоровьем, безусловно, негативно сказываются на социальном самочувствии общества.

Причина постоянно потребления негативного контента, вероятно, кроется в нашем биологическом начале. Весь этот интерес к негативным феноменам заложен в человеке эволюционно. Дело в том, что человеческий мозг хочет знать об опасностях, чтобы быть к ним всегда готовым. А плохие новости – отличный способ узнать о том, что и как делать не следует. Именно поэтому думскроллинг может дать ложное чувство контроля над ситуацией, когда человек имеет примерное представление о том, как действовать в той или иной ситуации, основанное на иллюзорном понимании того, что происходит в мире [3, 171]. Однако же здесь и проявляется парадокс думскроллинга: человеческий мозг получил необходимую информацию для выживания, но дискомфортные ощущения человека никуда не пропали. Это связано с тем, что человек попадет в порочный круг: он испытывает тревожность из-за того, что не имеет информации о том, что сейчас творится в мире; поэтому начинает методично искать ее, снова испытывая тревожность, но только теперь от той информации, которую только что узнал.

Конечно, полностью избавиться от негативных последствий думскроллинга практически невозможно, ведь наткнуться на какую-то неприятную новость можно практически в любом уголке интернета, что, безусловно, будет влиять на настроение отдельных индивидов, влияя на настроение общества в целом. Однако снизить влияния этих последствий вполне возможно, если соблюдать цифровую гигиену.

1. Bryan McLaughlin, Melissa R. Gotlieb & Devin J. Mill. *Caught in a Dangerous World: Problematic News Consumption and Its Relationship to Mental and Physical Ill-Being*// *Health Communication* – 2022. Aug. – Pp. – 5–6.
2. *Media's role in broadcasting acute stress following the Boston Marathon bombings*. E. Alison Holman, Dana Rose Garfin, and Roxane Cohen Silver – *PHAS*. – December. – 2013. – 111 (1). – Pp. 93-98.
3. Nitin Anand, Manoj Kumar Sharma, Pranjali Chakraborty Thakur, and others. *Doomsurfing and doomscrolling mediate psychological distress in COVID-19 lockdown: Implications for awareness of cognitive biases* // *Perspect Psychiatr Care*. – 2022 Jan. – 58 (1). – Pp. 170–172.
4. Крупец Я.Н. *Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности*// *Социологические исследования*. – 2003. – № 4. – С. 143–144.
5. *Тенденции развития интернета: от цифровых возможностей к цифровой реальности: аналитический доклад [Электронный ресурс] / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; АНО «Координационный центр национального домена сети Интернет»; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»*. – Электрон. текст. дан. (объем 15,6 Мб). – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 228 с. – ISBN 978-5-7598-2602-6.

ЭТИЧНОСТЬ И ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И НЕВЕРНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

*Рафикова Ксения Фуатовна
(РАНХиГС при Президенте РФ)*

Вычислительные социальные исследования – это область исследований, в которой используются математические и вычислительные методы для изучения социальных явлений. Такой вид исследований может привести к значительным результатам, поскольку позволяет анализировать большие объемы данных за короткое время [1, 3, 4].

Однако эта новая форма исследований вызывает ряд этических проблемы. Поскольку при анализе данных используются алгоритмы, существует риск, что они могут дать неточные или противоречивые результаты. Даже при большом количестве данных всегда есть вероятность того, что результаты вычислительных исследований окажутся неверными. Модели, используемые для анализа данных, часто являются упрощенными версиями реальности, и они могут давать нерепрезентативные для реального мира результаты.

Мир становится все более зависимым от технологий, поэтому важно учитывать этические последствия вычислительных исследований. Например, при проведении исследований на основе данных социальных сетей существует риск нарушения неприкосновенности частной жизни людей. Это особенно проблематично, когда данные включают личную информацию (политические взгляды или медицинские показания) [5]. Существует также вероятность необъективности результатов, если данные не собираются и не обрабатываются справедливым и беспристрастным образом.

Еще одной этической проблемой является использование искусственного интеллекта (ИИ) в исследованиях. Системы искусственного интеллекта часто непрозрачны, то есть трудно понять, каким образом они приходят к результатам [5, 6]. Это может затруднить проверку точности выводов и выявление потенциальной предвзятости.

Как и в любой форме исследований, всегда существует риск того, что результаты вычислительных социальных исследований могут быть неточными или даже опасными. Однако есть шаги, которые исследователи могут предпринять для минимизации этого риска. Прежде всего, важно выбрать подходящий набор данных. Набор данных должен быть репрезентативным и не содержать никаких предубеждений, которые могут исказить результаты. Во-вторых, алгоритмы, используемые для анализа данных, должны быть тщательно подобраны. Алгоритмы должны быть способны точно определять закономерности в данных и не вносить никаких собственных искажений. В-третьих, результаты исследования следует интерпретировать с осторожностью. Их не следует принимать за истину, а использовать в качестве отправной точки для дальнейшего исследования.

Соблюдая эти меры предосторожности, исследователи могут свести к минимуму риск получения неточных или вредных результатов вычислительных социальных исследований. Вычислительные исследования остаются мощным инструментом, который можно использовать с большим эффектом [1]. При ответственном подходе они могут помочь нам открыть новые знания об окружающем мире и принять лучшие решения о будущем.

1. Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм / Пер. с англ. О. Н. Шаевой // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 2017. Том. 0. № 44. С. 111-152.
2. Azucar D., Marengo D., Settanni M. (2018) Predicting the Big 5 Personality Traits From Digital Footprints on Social Media: A Meta-Analysis. *Personality and Individual Differences*. Vol. 124. P. 150–159. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.12.018>.

3. Baghal T. A., Sloan L., Jessop C., Williams M. L., Burnap P. (2019) *Linking Twitter and Survey Data: The Impact of Survey Mode and Demographics on Consent Rates Across Three UK Studies*. *Social Science Computer Review*. P. 517–532. <https://doi.org/10.1177/0894439319828011>.
4. Chae D.H., Clouston S., Martz C.D., Hatzenbuehler M. L., Cooper H. L. F., Turpin R., Stephens-Davidowitz S., Kramer M.R. (2018) *Area Racism and Birth Outcomes Among Blacks in the United States*. *Social Science & Medicine*. Vol. 199. P. 49–55. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.04.019>.
5. Edelman A., et al. *Computational Social Science and Sociology // Annual Review of Sociology*. 2020. Vol. 46, № 4. P. 61-81.
6. Wallach H. *Computational Social Science = Computer Science + Social Data // Communications of the ACM*. 2018. Vol. 61, № 3. P. 42-44.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ФРИЛАНС В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Резанова Екатерина Владимировна

(Белорусский институт стратегических исследований)

Развитие цифровых технологий влечет за собой существенную трансформацию всех элементов трудового процесса: предмета и средств труда, формата трудовой деятельности и форм занятости работников, системы внутренних и внешних коммуникаций и результатов труда. Возникают новые формы занятости работников, такие как совместное трудоустройство, промежуточное управление, разовая работа, мобильная работа на основе информационно-коммуникационных технологии, краудворкинг, краудсорсинг, фриланс и др. [1]

Электронный фриланс основан на принципе удаленного доступа, особенностью которого выступает виртуальная коммуникация между подрядчиками и исполнителями, формирующими временные сети для производства товаров и услуг, которые распадаются по завершении работ. Такой подход к системе трудовых отношений укладывается в концепцию «портфеля работ», предложенной Ч. Хэнди, а выполнение трудовых обязанностей позволяет развивать «портфельную карьеру», когда результат определяется успешной реализацией различных проектов [2].

Широкое распространение электронного фриланса приносит выгоды, как исполнителям, так и работодателям в рамках фриланс-деятельности. Для самого фрилансера – это возможность совмещать работу и хобби, отсутствие привязанности к определенному рабочему месту и необходимости адаптироваться к трудовому коллективу, свободный график и возможность совмещать рабочие и домашние дела. Для работодателя – возможность оплаты труда только за выполненную работу в рамках договора; отсутствие социальных, корпоративно-культурных и налоговых выплат; экономия денежных средств за счет ненужности организации рабочего места; непосредственное снижение управленческих издержек [3].

К минусам относится отсутствие социальной регламентации фриланса. Ввиду деформации самих трудовых отношений, обусловленной развитием виртуального сегмента рынка труда, в отношении фрилансерской деятельности это выражается прежде всего в том, что предложение капитала и рабочей силы исходит от децентрализованных групп людей, а не от государства. Эти агенты выполняют функции управления и определяют порядок рыночных отношений, который складывается в рамках определенных платформ. Фрилансеры зачастую попадают в зависимое положение от агентов и могут стать объектом манипуляции со стороны управляющих платформами. В каждой стране имеются свои правовые особенности, определяющие статус фрилансеров, способы учета и наблюдения за их деятельностью [4].

Таким образом, несмотря на растущую популярность деятельности фрилансеров в условиях развития цифровой экономики значимым выступает не только формирование организационно-структурной составляющей данного процесса, но и трансформация всей

системы отношений экономических агентов в сторону большей открытости, ответственности, самостоятельности и более высокого уровня доверия.

1. Лютов, Н.Л. Трансформация трудового правоотношения и новые формы занятости в условиях цифровой экономики. Журнал российского права, 7, С. 115-130.
2. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости. Москва, Высшая экономика. 2009. 76 с.
3. Василенко, И.В. Развитие фриланса как новой формы занятости в условиях цифровизации экономики. Социология в изменяющемся научно-образовательном пространстве современного общества: материалы международной научно-практической конференции. Саратов. 2020, С.147-153.
4. Сауткина, В.А. Международный рынок фриланса: перспективы развития. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020, № 3, С. 35-43.

ПРЕИМУЩЕСТВА ЦИФРОВИЗАЦИИ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ СПБГМТУ)

*Романова Виктория Алексеевна
(СПбГМТУ)*

*Голованова Оксана Владимировна
(СПбГМТУ)*

Продвижение цифровых технологий зачастую связывается с улучшением качества жизни, эффективным решением управленческих, социальных, культурно-образовательных и иных задач, открытостью и многофункциональностью получаемой информации [4]. Цифровизация становится одной из важнейших современных тенденций в образовании, охватывает различные аспекты качества, включая организационные вопросы, технологическую инфраструктуру и педагогические подходы.[3]

Формирование собственных информационных ресурсов университетов для динамичного обучения с использованием открытых онлайн-курсов и особых программных средств выступает важной составляющей цифровых трансформаций вузов [1; 2].

В Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете (СПбГМТУ) разработана и успешно функционирует с 2016 года Информационная Система Университета (ИСУ, Электронный Университет), которая является комплексным цифровым инструментом, обеспечивающим всех субъектов учебного процесса, а также все структурные подразделения вуза актуальной информацией, коммуникативными каналами связи, способами хранения, презентации и трансляции учебных и методических материалов и документов. В период пандемии именно ИСУ позволила обеспечить в вузе дистанционный формат обучения.

Для изучения опыта цифрового обучения, включая и дистанционную форму, студентами кафедры философии и социологии СПбГМТУ в июне 2022 года был проведен социологический опрос обучающихся в вузе при помощи сервиса «Яндекс.Формы» на тему: «Эффективность цифрового обучения», в котором приняли участие 728 респондентов различных факультетов, курсов и направлений подготовки.

При ответе на вопрос: «Какой из форматов занятий Вам больше нравится/подходит?» были получены следующие данные: смешанная (гибридная форма) – 52.3%; онлайн, в домашней обстановке – 26.2%; очные занятия в университете – 21.4%.

Большинство респондентов 66.2% достаточно быстро освоили данную систему на базе ИСУ, 25.1% – разобрались с ней самостоятельно, хоть и не сразу.

В рамках учебного процесса (за период пандемии) были использованы следующие формы дистанционной работы: онлайн-лекции в режиме реального времени (в Webex, Zoom, Skype, Teams) – 40.6%; индивидуальные консультации по эл. почте – 20.6%; записанные видеолекции (на платформе университета в ИСУ, на Youtube) – 14.2%; групповые обсуждения с обучающимися в мессенджерах (Messenger, Telegram, WhatsApp) – 12.4%; индивидуальные консультации в чате в ИСУ – 7.8%; онлайн-курсы (Coursera, EdX, «Открытое образование» и др.) – 3.5%.

Наиболее актуальными онлайн-платформами для проведения дистанционных занятий респонденты выбрали: Zoom – 25.7%; Discord – 25.2%; Центр дистанционного обучения в ИСУ (лекции, практические задания, тесты и др.) – 14.5%; WebEx – 12.4%; Telegram – 11.3%; Google Meet – 5.6%.

51.2% респондентов отлично адаптировались к новым условиям дистанционного обучения, 36.8% – хорошо адаптировались; 9.5% – удовлетворительно, лишь 2.5% плохо адаптировались.

Респонденты выделили такие преимущества дистанционного обучения как: экономия времени (не нужно тратить время на дорогу и т.д.) (18%); проще совмещать с работой (11.1%); рост самостоятельности и самодисциплины (10.5%); возможность быстрого доступа к методическим материалам онлайн (10.6%); шаг в будущее (цифровизация помогает лучше ориентироваться в информационном мире) (8.6%); быстрая обратная связь с преподавателями (8.1%) и др.

Обучающиеся выделили следующие положительные эффекты онлайн-обучения: я меньше уставал(а) от учебы в связи с переходом на дистанционный формат обучения (36.4%); мне нравилось обучаться в дистанционном формате больше, чем в очном (21.2%); после перехода на дистанционное обучение преподаватели стали доступнее для консультаций (17.6%); при дистанционном обучении мне было проще задавать вопросы преподавателю и участвовать в обсуждениях 15.9%.

34.3% ответивших считают, что цифровизация благотворно влияет на обучение студентов, что с помощью цифровизации обучение интереснее, легче воспринимаются знания.

Среди недостатков дистанционного обучения респонденты отметили технические проблемы (перебои с Интернет-соединением, отсутствие нужной техники) – 15.5%; плохую социализацию, отсутствие группового взаимодействия – 13.8%; спад мотивации студентов, отсутствие интереса, самодисциплины, ответственности – 13.3%; поверхностные знания, списывание и плагиат – 9.4%; недостаточную цифровую квалификацию профессорско-преподавательского состава – 9.4%; и др.

Оценивая работу преподавательского состава в рамках дистанционного обучения, было выявлено, что 35.7% обучающихся полностью удовлетворены работой ППС; скорее удовлетворены – 30.6%. 23.4% респондентов ответили, что преподаватели так или иначе по-разному использовали какие-либо платформы для дистанционного обучения по мере владения, поэтому сложно оценить общую степень удовлетворенности/неудовлетворенности.

При ответе на вопрос: «Удовлетворены ли Вы организацией и техническими возможностями обучения в дистанционном формате?» были получены следующие ответы: скорее удовлетворен(а) – 45.7%; полностью удовлетворен(а) – 34.8%; скорее не удовлетворен(а) – 11.8%; затрудняюсь ответить – 4.0%; полностью не удовлетворен(а) – 3.7%.

80.8% опрошенных считают целесообразным использование в некоторых случаях дистанционных занятий в дальнейшем.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Цифровизация в вузе это процесс, требующий комплексной информатизации университета и наличия действующей системы электронного обучения. Преимущества

цифровизации могут проявиться только в тех вузах, где завершены работы по созданию систем электронного университета.

Вузам необходимо совершенствовать эти системы, создавая соответствующую инфраструктуру, осуществляя техническое обеспечение, обучение персонала и обучающихся.

В свете выявленных преимуществ дистанционной и смешанной форм обучения в вузах должно быть разработано Положение об использовании этих форм в учебном процессе (не только в условиях пандемии).

1. Алексеев, В. С. *Цифровизация деятельности вуза, как один из факторов повышения конкурентоспособности в современных условиях* / В. С. Алексеев, А. Р. Милорадова // *Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики: сборник научных статей 4-й Международной научно-практической конференции, Курск, 22 марта 2022 года.* – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 10-15.

2. Алешковский, И. А. *Цифровизация в системе высшего образования: социологический анализ* / И. А. Алешковский, А. Т. Гаспаривили, О. В. Крехмалева // *Alma mater (Вестник высшей школы).* – 2021. – № 8. – С. 16-23.

3. Голованова О. В., Солдатов А. А., Солдатов А. В., Романова В. А. *Особенности управления техническим вузом в цифровом обществе* // *Морские интеллектуальные технологии.* – 2021. – № 4-2(54). – С. 151-158.

4. Шабанов, Г. А. *Цифровизация вуза: реальность и ожидания* / Г. А. Шабанов, Д. В. Растягаев // *Высшее образование сегодня.* – 2020. – № 1. – С. 2-7.

УСТРОЙСТВО ДЕАНОНИМИЗАЦИИ: КТО, КОГО, КАК И ЗАЧЕМ

Рыбалко Михаил Николаевич

(Южно-Уральский Государственный Университет)

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

В современном мире интернет-технологий среди актуальных вопросов, изучаемых в сфере онлайн-сообществ, стоит тематика деанонимизации и раскрытия личных данных пользователей. Сама же актуальность данного феномена исходит из его распространенности в интернете и резонансности дел о раскрытии личности тех или иных интернет-персон или даже злоумышленников [1, 125-127]. Свою роль в этом вопросе также играет процесс повышения общей цифровой грамотности как среди населения в целом, так у молодого поколения в частности. Всё потому, что молодые люди являются наиболее активными пользователями сети и более склонны сами к аналогичной деятельности в интернете или тем более могут стать ее жертвами. Из этого следует необходимость качественного анализа данного феномена для наибольшей изученности и конкретизации его основных аспектов.

Само понятие деанонимизации означает раскрытие фактической личности анонимного пользователя сети интернет с публикацией его личных данных, среди которых могут быть как его реальные фотографии, так и полные сведения его жизни [2, 171]. Сокращенно деанонимизацию называют “деанон”. Так, существует порядка трех наиболее известных вида деанона, а именно добровольный, случайный и намеренный [3]. Отсюда вытекает составляющая субъектности и объектности действий пользователей в этой деятельности. Соответственно, существует различие в том, как и что сделал человек, чтобы его деанонимизировали или это он сделал сам. Первые два перечисленных вида

относятся к самостоятельным действиям человека, третий вид - уже независимый. История появления этого термина связана с первыми крупными делами о раскрытии личности тех или иных пользователей в мировом интернете. Найти какой-то первый конкретный случай деанонимизации человека не представляется возможным, скорее всего сам феномен возник параллельно с началом распространения интернет-сайтов, где появилась возможность существования многопользовательской деятельности. Тогда и возникла возможность раскрытия реальной личности человека. Во многом на этот процесс повлияло развитие способов осуществления деанона. Именно в способах реализации этой деанонимизаторской деятельности возможно разглядеть развитие этого феномена. Перечислим самые популярные способы. Первый - установление карт-счета, онлайн-кошельков, документации и т.п. Второй - методы социальной инженерии, играющие весомую роль в деанонимизации, когда ее объект в беседе сам выдает свои данные. Третий - отслеживание цифровой истории, т. е. установление и сравнение смежных соответствий личности анонима. Четвертый - офлайн-чекинг с реальным слежением за объектом деанонимизации. Соответственно, развитие этого феномена заключается в постепенном усложнении способов обнаружения объекта деанона [4, 120-121; 5, 36-37; 6, 226].

Важным аспектом для объяснения феномена деанона является понятие аудитории. Потому что именно она занимается той поисковой составляющей в самой деанонимизаторской деятельности, а также для нее публикуются результаты этой деятельности. Отсюда возможно типизировать всех пользователей, деанонимизирующих анонимов.

Первый тип — это такие же анонимные пользователи, объединенные в тематических форумах или сообществах. То есть в данных объединениях для получения итогового результата задействуется коллективный разум всех участников, которые по частям выстраивают свои стратегии деанона.

Второй тип - одиночные анонимы, не состоящие ни в каких объединениях. Чаще всего среди таких анонимных пользователей процент случайности обнаружения искомого человека выше, так как сложность в одиночном расследовании на порядок выше, чем в групповом.

Третий тип - пользователи, не скрывающие своих реальных личностей. Ими могут быть как также отдельные пользователи соцсетей, так и тематические группы, с известными людьми в этих объединениях. К последним могут относиться также журналистские объединения или отделы в разнообразных СМИ.

С другой же стороны, говоря об объектах деанонимизации, можно разделить их на следующие виды: скам-сообщества и проекты, в которые входят разнообразные мошеннические проекты, иные интернет-преступные образования, занимающиеся продажей запрещенных или лицензируемых предметов, одиночные анонимные персоны, замеченные в деструктивной социальной или экономической деятельности [2, 170-171; 7, 109].

Из такой структуры как аудитория обязательно следует понятие феномена “культуры отмены”. Этот феномен частично состоит из случаев деанонимизации одних пользователей другими. В частности, когда объединенные единомышленники находят данные, реальную личность или даже компромат на какого-то анонимного пользователя и после ее публикации, объект деанона отменяется - с ним рвут связи его сообщники, партнеры и в целом человек подвергается травле [8, 5-6; 9, 114-115].

Таким образом, наш анализ предоставляет конкретизированную информацию о таком феномене, как деанонимизация. Это в свою очередь, создает новое исследовательское поле с определенной совокупностью изучаемых респондентов, состоящих в “аудитории”. По мимо этого, в данном направлении исследований возможно применение социологического метода контент-анализа, в виду общеизвестности

конкретных случаев. Впоследствии всего, может следовать полноценная разработка методов ликбеза среди пользователей интернета о поведении в сетевых сообществах.

1. Башуев, Я. П. Методы деанонимизации в социальных сетях / Я. П. Башуев, В. Р. Григорьев // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. – 2016. – № 3(5). – С. 125-146
2. Тимофеев, С. В. Деанонимизация пользователя сети интернет как метод оперативно-розыскного противодействия наркопреступности / С. В. Тимофеев // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 2(93). – С. 170-174.
3. Withsecurity, Что такое деанон (деанонимизация). Электронный ресурс. URL: <http://withsecurity.ru/chto-takoe-deanon-deanonimizaciya> (Дата обращения 25.09.2022)
4. Зулъкарнеев, И. Р. Деанонимизация правонарушителей в сети Интернет / И. Р. Зулъкарнеев, А. Е. Козлов, В. О. Нестор // Электронные средства и системы управления. Материалы докладов Международной научно-практической конференции. – 2019. – № 1-2. – С. 119-122.
5. Костромин, М. Н. Социальная инженерия как способ деанонимизации в сети "интернет" / М. Н. Костромин // Системы управления, технические системы: устойчивость, стабилизация, пути и методы исследования : Материалы IV Международной научно-практической конференции, Елец, 25 апреля 2018 года. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. – С. 36-40.
6. Ежова, А. А. Роль методов деанонимизации в процессе проведения финансового расследования / А. А. Ежова, П. Ю. Леонов // Эпоха криптоэкономики: новые вызовы и Регтех в сфере ПОД/ФТ : Материалы IV Международной научно-практической конференции международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ, Москва, 12–14 ноября 2018 года. – Москва: Национальный исследовательский ядерный университет "МИФИ", 2019. – С. 226-231.
7. Третьякова, Е. И. Возможности деанонимизации лиц, совершающих мошенничество с применением спуффинг-атак / Е. И. Третьякова, С. С. Босхолов, Р. П. Щербина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 4(20). – С. 106-118.
8. Бойко, А. В. Девиантологический потенциал "культуры отмены" / А. В. Бойко // Таврические студии. Серия: Культурология. – 2021. – № 28. – С. 4-8.
9. Лукьянченко, В. С. Изменение коммуникации в онлайн-пространстве при деанонимизации личности / В. С. Лукьянченко // Солидарность и конфликты в современном обществе : материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2018 года. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2018. – С. 114-115.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: СТИМУЛЫ И БАРЬЕРЫ

Рыльцева Александра Владимировна
(Волгоградский Государственный Университет)

Полтавская Мария Борисовна
(Волгоградский Государственный Университет)

В понятие «цифровизация» вкладывают различные смыслы. Во-первых, это процесс оцифровки информации (digitization); во-вторых - переход к цифровому бизнесу (digitalization) [1]; в-третьих, «переход в сторону принятия ключевых решений в организации на основе имеющихся данных, а не на основе человеческой интуиции» (digitaltransformation) [2]. Целью нашего исследования являлось выявление стимулов и барьеров цифровизации для организаций некоммерческого сектора в России. Исследование было проведено среди руководителей и сотрудников некоммерческих организаций (НКО), входящих в коалицию «Забота рядом» в Южном федеральном округе (N=16) в сентябре-октябре 2022 г. В инструментарий анкетного опроса были включены

некоторые вопросы из исследования, проведенного Центром оценки общественных инициатив ИППИ НИУ ВШЭ в 2021 г. [3]. Организационно-правовая форма НКО - участников коалиции различна: общественные организации, ТОСы, АНО, Фонды и др. Можно выделить три главных стимула, которые движут процессом цифровизации НКО. В 2020-2021г. НКО включались в процесс цифровизации, мотивируя это стремлением быть открытыми (исследование НИУ ВШЭ - 51%), в нашем исследовании ключевым стимулом цифровизация выступает требование времени (62,5%). На втором месте, как в исследовании НИУ ВШЭ, так и в нашем, стоит оптимизация процессов НКО (50% и 56,3% соответственно). Третьим по значимости стимулом цифровизации в нашем исследовании явился запрос от грантодающих и донорских организаций (50%) и наличие бесплатных цифровых решений (50%).

Среди барьеров цифровизации НКО мы выявили, прежде всего, недостаток навыков использования цифровых технологий (81,3%), нехватку IT-специалистов, готовых работать с НКО (62,5%), а также дороговизну финансирования данного процесса (50%). Руководители НКО отметили, что уровень знаний в сфере цифровых технологий у основных сотрудников организации средний (43,8%), одна треть считает его хорошим (31,3%), а четверть оценивает как «низкий» (25%).

Цифровые технологии все больше интегрируются во внутренние рабочие процессы НКО. Цифровые решения необходимы НКО для более эффективной оперативной и стратегической деятельности, а также для процессов планирования.

1. *Gartner Glossary* [URL: <https://www.gartner.com/en/glossary>]

2. *Chamorro-Premuzic T. (2021). The Essential Components of Digital Transformation. Harvard Business Review* [URL: <https://hbr.org/2021/11/the-essential-components-of-digital-transformation>]

3. *Скокова Ю., Корнеева И., Краснопольская И. и др. Цифровизация некоммерческого сектора: готовность, барьеры и эффекты, Центр оценки общественных инициатив ИППИ НИУ ВШЭ при поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина. М., 2021.*

ГАУ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ «ЦЕНТР АДАПТИВНОГО СПОРТА «РОДНИК»: ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ИНВАЛИДИЗИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЗАНЯТИЯ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И ПАРАЛИМПИЙСКИМ СПОРТОМ

Савичев Александр Михайлович

(Уральский институт управления филиал РАНХиГС)

Паралимпийский спорт и адаптивная физическая культура – успешные инструменты для социальной адаптации и повышения качества жизни широкого круга лиц с ограниченными возможностями здоровья любого пола и возраста. Ориентируясь на цифры 2021 года, можно оценить, что в России у этих инструментов огромный потенциал: в 2021 году общая численность инвалидов составляла 11 631 000 человек [2], а занимающихся паралимпийским спортом – порядка 180 000 человек [3].

Реализация ресурсного потенциала, глубина которого состоит в существенном разрыве между вовлеченными в адаптивный и паралимпийский спорт и общим числом инвалидов, затрудняется из-за проблем, связанных с доступностью физкультурных объектов и доступностью информации о возможностях заниматься адаптивной физкультурой и параспортом [1, 169]. Проблематика доступности объектов спортивной инфраструктуры для людей с ограниченными возможностями в частности и доступностью среды в целом постепенно решается за счет государственных национальных проектов. Доступность информации о паралимпийском спорте и повышение уровня

информированности инвалидизированного населения о возможностях таких занятий преодолевается регионами самостоятельно.

Позитивным примером использования средств цифровизации для расширения аудитории, способной заниматься адаптивной физической культурой и паралимпийским спортом, демонстрирует Государственное автономное учреждение Свердловской области «Центр адаптивного спорта «Родник». В ЦАС «Родник» реализуется стратегия продвижения официального сайта и социальных сетей организации как средства расширения аудитории, знакомства ее с методами и видами адаптивной физической культуры и паралимпийского спорта и привлечения новых людей к систематическим занятиям. Поставленная на поток система постоянного информирования, тесное взаимодействие с аудиторией на сегодняшний день выражается в 10 тысячах уникальных просмотров новостей от ЦАС «Родник» в месяц [3]. Также в организации уделяют значительное внимание популяризации своей деятельности посредством прославленных паралимпийцев Свердловской области. Так у адаптивной физической культуры и паралимпийского спорта региона в сети Интернет формируется живое лицо. Все применяемые технологии в комплексе демонстрируют широкому кругу инвалидов позитивный пример, как с ограниченными возможностями получить высокое качество жизни.

1. Гонохов А.Г., Домашова Е.В., Курносова И.Ю. Популяризация физической культуры и спорта для лиц с ограниченными возможностями//Вестник университета. 2019. №6. С. 168-172
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Положение инвалидов» URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
3. Официальный сайт Государственного автономного учреждения «Центр адаптивного спорта «Родник» URL: <https://sportrodnik.ru>
4. Паралимпийскому комитету России – 20 лет//Паралимпийский спорт. 2016. №1. С. 11-18

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Середа Василий Михайлович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Саженкова Людмила Павловна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В настоящее время в мире происходят огромные изменения в формах и стандартах качества оказания социальных услуг, что связано с цифровизацией государственного управления и основных отраслей социальной сферы. В России в 2020 году количество пользователей портала Госуслуг увеличилось с 102 до 126 млн. 90% россиян за последний год обращались за услугами через цифровые сервисы, более половины опрошенных считают, что цифровизация положительно влияет на их жизнь [1].

Цифровизация — это процесс внедрения в деятельность государственных органов цифровых технологий, осуществляющих качественные преобразования в оказании государственных услуг и эффективное взаимодействие граждан и государства [2, 24]. Преимуществами реализации социальной поддержки в цифровом формате являются единая система согласования работы отдельных учреждений; развитие проактивного подхода; возможность удаленного обращения, доступ к информации, собранной в одном ресурсе. Так в ЦСРИИДИ Калининского района в период пандемии Covid-19 была организована дистанционная работа с нуждающимися семьями с детьми-инвалидами, снизив риск заболевания новой инфекцией.

Цифровые технологии также являются источником возникновения социальных рисков. Электронный ресурс вместе с возможностью удаленного доступа, требует наличие

устройства, обеспечивающего доступ в сеть Интернет. Государство, развивая цифровые ресурсы, перекладывает ответственность за доступ к ресурсу на самих граждан. Таким образом, цифровизация приводит к усугублению социального неравенства групп населения с низким материальным положением, прежде всего лиц с ОВЗ.

Инвалиды в свете процесса цифровизации не выделяются в социальную группу с особыми потребностями. Новые цифровые ресурсы разработаны так, что некоторые категории людей с инвалидностью не могут их использовать: требуются дополнительные программы и технические средства, расходы на которые несут сами инвалиды. Трудности в самостоятельном использовании веб-сайтов для лиц с ОВЗ ставят их в зависимость от окружающих, – это создает цифровое неравенство для людей с инвалидностью, усиливая их дискриминацию в обществе [3, 47].

Цифровая грамотность – набор знаний и умений, необходимых для эффективного использования ресурсов Интернета. Анализируя национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», отмечено, что вопрос развития компетентности населения в цифровой грамотности не отражен в программе, когда основное внимание уделено развитию цифровых технологий [4]. Это влечет риск возникновения проблемы неумения населения регулярно использовать информационные средства, которые будут функционировать к 2030 году [5, 30].

Таким образом, невнимание к вопросу существования цифровых барьеров может иметь негативные последствия для лиц с ОВЗ и их семей, а именно рост изоляции, дефицит значимой информации, трудности в управлении и контроле своей жизни.

1. 2020 на Госуслугах: новые пользователи, выплаты и вывозные рейсы // *Новости. Официальный сайт Госуслуги*. 30.12.2020 URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2020_12_30_results_of_the_year (дата обращения: 01.10.2022).

2. Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления // *Актуальные проблемы российского права*. Т. 15, № 6, 2020. С. 23-32.

3. Мецержакова Н.Н., Роготнева Е.Н. Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. *Постановка проблемы* // *Цифровая социология*. 2021. №3. С. 44-52.

4. Указ Президента РФ от 28.07.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 01.10.2022).

5. Колмыков А.Н. Цифровая грамотность населения как ключевое условие развития цифровой экономики // *E-Scio*, 2019. №3 (30). С. 29-34.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Сапегина Алина Михайловна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В эпоху цифровизации каждый человек в разной степени подвержен влиянию цифровых технологий. Результатом данного процесса становится формирование новых ценностей в обществе и трансформация прежних. Однако стоит отметить, что скорость освоения новых ценностей носит индивидуальный характер, так как социализация в цифровом пространстве происходит с разной интенсивностью. Данные различия в динамике освоения ценностей формируют определенные противоречия в обществе. Опираясь на определение Т.Парсонса ценности являются «разновидностями убеждений, служащими для мотивационного объяснения поведения человека в обществе» [1], что доказывает зависимость поведения человека от его системы ценностей. Например, совместная деятельность людей может вызвать трудности из-за разных взглядов на коммуникацию, цели и задачи, а также из-за разной степени мотивации. Цифровое неравенство в обществе также является следствием различий в представлениях о ценностях цифрового общества.

В рамках данной проблематики было проведено исследование представлений о ценностях цифрового общества среди студентов двух направлений подготовки – журналистов и программистов. Обоснованием выбора данных исследовательских групп является то, что студенты больше всего подвержены влиянию технологий и наиболее тесно с ними связаны, однако специфика деятельности журналистов и программистов формирует определенные различия в использовании технологий и, как следствие, в представлениях о ценностях цифрового общества. Данная гипотеза была проверена на выборке из 89 студентов-программистов и 105 студентов-журналистов. Методика данного исследования основывалась на контент-анализе высказываний студентов о ценностях цифрового общества, а также на теории ценностей М.Рокича [2]. Согласно его концепции, ценности общества можно разделить на инструментальные (средства достижения результата) и терминальные (результат деятельности). С опорой на данную классификацию для дальнейшего исследования были выделены 5 категорий ценностей: качества личности, важные для функционирования в цифровой среде (например, ответственность); навыки, необходимые для успешной деятельности в цифровом пространстве (например, адаптивность); особенности, оптимизирующие деятельности в цифровой среде (например, достоверность информации); материальные ценности, способствующие развитию цифровых технологий (криптовалюта) и возможности, которые открываются в цифровом обществе (онлайн-образование).

В качестве результатов проведенного пилотажного исследования можно выделить следующие:

Ценности цифрового общества в представлениях студентов являются преимущественно средством достижения цели. Так, в 7 раз чаще были озвучены инструментальные ценности, нежели терминальные.

Самой значимой категорией в представлениях студентов-программистов являются навыки, необходимые для функционирования в цифровой среде, а для журналистов – особенности цифровой среды.

Можно выделить следующие наиболее важные ценности цифрового общества по мнению студентов: доступность информации, цифровая безопасность, возможности онлайн-образования, расширение способов коммуникации и др.

Основными различиями в представлениях студентов ценностей цифрового общества стали:

Цифровая этика как ценность была отмечена только студентами-журналистами.

Для журналистов в 2 раза важнее, чем для программистов такая ценность, как доступность информации.

Умение осваивать и использовать цифровые технологии гораздо чаще упоминалось программистами, нежели журналистами.

Ценности цифрового общества преимущественно трансформируются из традиционных. Студентами часто отмечались традиционные ценности, важность которых в цифровом обществе возросла (например, адаптивность).

Мнения по поводу формирования ценностей цифрового общества среди студентов разделились. Часть студентов отмечали, что ценности находятся на стадии формирования, другие говорили о постоянной трансформации ценностей. Также стоит отметить мнение некоторых студентов о том, что понятие «ценностей» не применимо к цифровой среде.

Таким образом, представления студентов о ценностях цифрового общества имеют как сходства, так и различия. На основе таких различий впоследствии могут формироваться противоречия среди различных социальных групп (журналисты и программисты являются лишь примером). Поэтому изучение данных различий в представлениях о ценностях цифрового общества является важным и актуальным в контексте повсеместного распространения цифровизации и ее внедрения во все сферы жизни человека.

1. Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
2. Rokeach, M. (1973). *The nature of human values*. New York: Free Press.

МАССОВЫЕ ОТКРЫТЫЕ ОНЛАЙН-КУРСЫ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Сибирякова Юлия Васильевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

В последние годы внимание привлечено к общедоступным открытым онлайн-курсам – Massive Open Online Courses (MOOCs). Сегодня активно реализуется применение открытых онлайн-ресурсов в процессе обучения. Отмечается, что расширение образовательного пространства – одна из значительных тенденций цифровизации образования. Традиционная система обучения с аудиторными занятиями становится все более узкой. Наиболее часто используемыми платформами являются: Coursera, edX, Udacity, FutureLearn и другие [5]. Так, согласно прогнозам Министерства науки и высшего образования России, к 2025 году российскими вузами будет создано около 4000 онлайн-курсов [4], что говорит о переходе части образовательных программ в онлайн-формат.

Важно отметить, что использование массовых открытых онлайн-курсов (МООК) различно в профессиональных и образовательных программах. Специалистами выделяется несколько сценариев их встраивания в процесс обучения. Так МООК используются в качестве технической поддержки реализации традиционной основной образовательной программы. Подход, который предполагает сочетание очного и дистанционного форматов взаимодействия между участниками образовательного процесса, предусматривает частичную замену аудиторных занятий ресурсами онлайн-курсов до 80%. Еще одним вариантом выступает замена традиционного обучения средствами МООК в рамках онлайн-обучения, сопровождающаяся курированием тьютора [1, 236].

По статистике агрегатора МООК Class Central, за период 2016-2018 годов, количество продуктов в формате онлайн-курсов увеличивалось (около 2000 курсов в год) [6]. Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» стал примером масштабной образовательной программы в рамках нашей страны, целью которого является качественное и доступное онлайн-обучение посредством цифровых технологий. Показателем эффективности проекта выступает увеличение количества произведённых курсов с 450 в 2017 году до 4000 в 2020 году [4].

Помимо университетских платформ, корпоративный сектор представляет собственные образовательные платформы: например, Skillbox, MAXIMUM и Udemu, которые ориентированы на обучение актуальным и востребованным профессиям. Так, по данным статистики, на платформе Skillbox представлено более 500 курсов, в реализации которых задействованы 630 кураторов, а количество пользователей данной онлайн-платформы превышает полмиллиона [3].

Тем не менее существуют риски, что МООК и создаваемые из них онлайн-специализации угрожают как преподавателям, так и вузам: их возможным следствием является закрытие традиционных аналогов. Согласно исследованию У.С. Захаровой и К.И. Танасенко, негативными профессиональными последствиями работы с МООК для преподавателей является вероятность увольнения из вуза [2, 197].

Таким образом, применение онлайн-обучения в российской системе высшего образования – закономерный процесс развития образовательного пространства. Процесс цифровизации в рамках образовательного процесса предоставляет много возможностей: переход в более гибкий образовательный формат, встраивание индивидуальной образовательной траектории, перераспределение учебного времени, упрощение

организационных задач и т.д. Но вместе с тем одновременно требуются изменения методологии, подходов к обучению, а также овладение соответствующими компетенциями для их эффективного использования и повышения качества образования.

1. Гузь Н.А. Тренды цифровизации высшего образования // МНКО. 2020. №2 (81). С. 235-237.
2. Захарова У.С., Танасенко К.И. Моок в высшем образовании: достоинства и недостатки для преподавателей // Вопросы образования. 2019. №3. С. 176-202.
3. Официальный сайт образовательной платформы Skillbox / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skillbox.com/company/> (дата обращения: 30.09.2022).
4. Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://neorusedu.ru/> (дата обращения: 30.09.2022).
5. Сафуанов Р.М., Лехмус М.Ю., Колганов Е.А. Цифровизация системы образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. №2 (28). С.111.
6. Shah D. Year of MOOC-based Degrees: A Review of MOOC Stats and Trends in 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.classcentral.com/report/moocs-stats-and-trends-2018/> (accessed: 30.09.2022).

ОЦЕНКА ЭФФЕКТОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Сидоркина Валерия Владимировна
(МГИМО МИД России)

Курашвили Диана Давидовна
(МГИМО МИД России)

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация – это процесс перехода к цифровой экономике, включающий в себя внедрение современных технологий в различные сферы жизни и производства. Еще до 2020 года данная сфера жизни общества получила свое развитие. Появились интернет-магазины, сервисы доставки товаров на дом, был создан портал государственных услуг Российской Федерации. Во время пандемии и всеобщей самоизоляции многие предприятия перешли в онлайн-режим, оцифровав аспекты своей деятельности: бухгалтерию, подписание годовых отчетов по проведенной работе. Школы и курсы подготовки к экзаменам и олимпиадам также получили настоящее поле для развития: начали создаваться сайты, специальные площадки для прикрепления видео уроков и заданий к ним, активно стали использоваться такие серверы, как Google Meet, Zoom, Teams и многие другие. Сейчас, в послепандемийный период, развитые в цифровом ключе сферы жизни общества не были оставлены без внимания. Наоборот, они еще больше раскрыли свой потенциал, давая нам возможность оценить их влияние на нашу жизнь.

Россия относится к странам, проводящим активную цифровизацию своей экономики [1], а также социальной сферы. Во многом стали удобны покупки, обучение, пользование государственными сайтами. Не остается без внимания и возможность появления новых рабочих мест. Рассмотрим наиболее важные эффекты цифровизации:

Ускорение экономического роста.

Отметим существенное воздействие маркетплейсов (Wildberries, OZON, Золотое Яблоко, IHERB) на экономический рост в стране. Интернет дает таким компаниям множество преимуществ, к которым относятся включение в мировую экономику за счет глобальной торговли, увеличение производительности имеющегося капитала, стимулирование конкуренции, что благоприятно влияет на внедрение инноваций. Данные интернет-платформы способствуют развитию рынков.

Увеличение числа рабочих мест.

Здесь речь идет о двух параметрах:

увеличение рабочих мест в сфере Информационно-коммуникационных технологий, обеспечения надлежащей работы сайтов, интернет-магазинов и служб доставки; появление новых рабочих мест в сфере услуг и производства товаров.

Сегодня наблюдается резкий рост инвестирования в проекты, связанные с цифровыми услугами [2], программным обеспечением, технологическими исследованиями. Как следствие, растет количество как спроса, так и предложения на рынке труда.

Повышение качества услуг.

Цифровизация повышает удобство осуществления операций по предложению и использованию услуг. Одним из фактов, доказывающих это, является то, что сегодня подавляющее большинство услуг и товаров можно найти в Интернете, оплатить онлайн и получить в назначенном месте, либо дистанционно.

Повышение качества услуг происходит также из-за:

ориентации на потребности клиентов;

упрощения самого процесса получения услуг, из которых практически все (вплоть до государственных) можно оформить онлайн.

Повышение эффективности государственного сектора.

Российский портал «Госуслуги» облегчает жизнь гражданам нашей страны. Сегодня нет необходимости сидеть в длинных очередях и бегать из кабинета в кабинет, для того, чтобы получить какую-либо справку или подпись, оформить паспорт, оплатить штраф. Можно в любое время суток подать запрос на получение услуги и также отслеживать его статус, нет необходимости посещать учреждения и организации лично, а также выходить из дома или покидать рабочее место. Результат можно получить за меньшее время, а количество требуемых для получения услуги документов сокращается.

Также существуют преимущества для работодателей — взаимодействие работодателя и сотрудников также упрощаются с помощью сайта Госуслуги. еще одним плюсом

Улучшение взаимодействия с гражданами, цифровая идентификация.

Это способствует участию самих граждан в политической и общественной жизни. Примеры: цифровые системы удостоверения личности, системы, предназначенные для проведения выборов, заполнение электронных деклараций.

Пользование функциями банков удаленно – через приложение.

Такое явление получило отдельное название – интернет-банкинг. Банковские онлайн-сервисы предоставляют следующие возможности:

Контроль за своим счетом: все операции отображаются в приложении,

Возможность оплаты услуг (налоги, штрафы, Интернет, цифровое телевидение, мобильную связь). Также многие банки предлагают сервис «Автоплатеж».

Возможность открывать новые счета, карты, не выходя из дома.

Перевод денег со счета на счет, на счёт других клиентов банка или же на счет в другой банк. Плата по кредитам и кредитным картам, пополнение электронных кошельков. Также во многих онлайн-банках есть консультанты, которые в чате поддержки помогают решить возникшие у клиента проблемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация – это внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производств. Технологии цифровизации успешно внедряются и в России на протяжении последних лет. Толчком к развитию данной сферы стала эпоха ковида и самоизоляции, когда каждый из нас воспользовался возможностями перехода из режима постоянного присутствия в очном формате на местах в режим удаленной работы через сеть Интернет, а также различные площадки для проведения работ и переговоров.

Благодаря цифровизации появился обширный рынок рабочей силы, включающий в себя работников, обеспечивающих надлежащее и качественное обеспечение работы сайтов и торговых площадок, а также работников, выполняющих свои обязанности в сфере упаковки, подготовки и доставки товаров и услуг. Возросло использование государственных ресурсов – госуслуги, мос.ру для выполнения различных услуг.

Цифровизация не стоит на месте и, в условиях развития IT-образования, она будет развиваться и дальше, оказывая влияние на нашу жизнь.

1. Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации», созданный по Указу Президента РФ Путина В.В. от 7 мая 2018 № 204

2. В.А. Бессонов, Е.А. Бызалова, Н.А. Власенко, Г.Н. Кириллова, И.А. Кириченко, Г.О. Куранов, Г.А. Рожкова, Г.Н. Ромашкина, Т.Н. Савостьянова, Е.А. Савочкина, В.В. Фадеева. Инвестиции в России. 2021: Стат.сб./ Росстат. - М., 2021 – 273 с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Солдатенко Инна Геннадьевна

(Академии управления при Президенте Республики Беларусь)

Процесс цифровизации здравоохранения в Республике Беларусь состоит в обеспечении более быстрой, эффективной и экономичной медицинской практики с помощью электронных средств и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Одной из целей данного процесса можно определить, как объединение информационного пространства в данной сфере, упрощение дистанционного получения медицинских услуг, создание единого архива медицинских данных пациентов и их взаимный обмен между организациями здравоохранения [1].

Единая информационная среда, позволит оптимизировать процессы получения, обработки, хранения, использования медицинских данных, даст возможность принимать оптимальные решения в кратчайшие сроки, снизит непроизводительные потери, свойственные бумажному документообороту.

Создание единого цифрового контура системы здравоохранения повысит эффективность ее управления, точность статистики, позволит детально анализировать заболеваемость в масштабах страны.

Цифровое обеспечение процесса диагностики и лечения фиксирует данные о сроках проведения медицинских мероприятий, позволяет отслеживать полноту реализации стандартов лечения на всех уровнях оказания медицинской помощи, тем самым дает возможность просчитать возможные бюджетные затраты.

Благодаря информатизации системы здравоохранения происходит трансформация системы взаимоотношений «врач-пациент». Сбор и комплексный анализ постоянно обновляемой медицинской информации формирует полную картину истории болезни пациента, что существенно повышает эффективность принимаемых решений и точность врачебных рекомендаций. Внедрение в систему здравоохранения ИКТ не может быть осуществлено без реализации концепции «подключенный пациент», сущностью которой является возможность потребителя иметь доступ к необходимым медицинским услугам в удобное время, а также к своим медицинским данным [2].

Пандемия, вызванная коронавирусной инфекцией, показала необходимость форсировать процесс внедрения ИКТ в систему здравоохранения. Физическое дистанцирование, возможности пациентов (преклонный возраст, инвалидность, сочетание тяжелых форм заболеваний и т.д.) в данной ситуации значительно ограничивало получение необходимых медицинских услуг. У медицинских работников также возникла потребность проведения части мероприятий в режиме онлайн в т.ч. с целью обеспечения собственной безопасности, как на этапе стационарной помощи, так и на этапе амбулаторного лечения. Применение цифровых технологий позволило оказывать

медицинскую помощь (проводить необходимые консультации, корректировать лечение, рекомендовать проведение диагностических исследований и т.д.) своевременно без посещения медицинских учреждений.

Использование ИКТ при оказании медицинской помощи не сосредоточено исключительно на схеме «медицинский работник - пациент». Также достаточно востребованной в сложившихся условиях становится схема взаимоотношения «врач - врач», в т.ч. для непрерывного образования медицинских работников и повышения уровня их знаний.

Подавляющее большинство представителей здравоохранения считают, что цифровизация системы здравоохранения повышает эффективность медицинской деятельности в части оказания медицинской услуги (своевременность, удобство для пациента, применение комплексного подхода), способствует улучшению организации и управления деятельностью учреждений здравоохранения [3].

Опыт стран с более развитой системой цифрового здравоохранения показывает, что отрасль становится менее затратной и экономически более эффективной при активном использовании в работе ИКТ.

Услуги в сфере здравоохранения остаются самыми востребованными среди всех услуг. В связи с этим можно предположить, что спрос на цифровые услуги в данной сфере и по численности пользователей, и по запросам будет значительный с ежегодным ростом. В связи с этим все медучреждения (как государственной, так и частной форм собственности) должны будут обеспечить доступность данного сервиса для потребителя.

Несмотря на оптимистические выводы, в процессе внедрения цифровых технологий можно обозначить ряд проблем, с которыми столкнулись с одной стороны государство, с другой медицинское сообщество, с третьей - потребитель медицинских услуг (пациент).

Преимущества, которые открывает цифровизация системы здравоохранения смогут ощутить не все пациенты. Безусловно, цифровизация повышает доступность медицинских услуг, снижает стоимость услуг и повышает эффективность медицинского обслуживания. При этом цифровизация еще больше осложняет доступ к услугам для менее «продвинутых» потребителей, затрудняя их получение по причине низкого уровня цифровой грамотности, как правило, сопряженного с преклонным возрастом, местом проживания, уровнем доходов. Данная ситуация в значительной степени характерна для сельского населения, и, как мы предполагаем, будет создавать затруднения при проведении лечебно-профилактических мероприятий этой категории граждан.

Анкетирование пациентов по вопросам оказания им медицинских услуг с использованием цифровых технологий доказывает, что подобный формат в ряде случаев не оправдывает ожиданий пациентов т.к. медицинская помощь с применением ИКТ не является аналогом очного взаимодействия с медицинским персоналом и приводит к снижению взаимопонимания, росту недоверия к медицинским работникам, и, как следствие, низкой приверженности к лечению и невыполнению, не полному выполнению рекомендаций.

Необходимо отметить, что и сама система здравоохранения столкнулась с рядом проблем. Одной из таких проблем для медработников стало ведение двойного документооборота (использование электронного и бумажного носителей информации), что привело к увеличению нагрузки на медицинский персонал. Следующей серьезной проблемой стало различие в готовности применения ИКТ на различных уровнях оказания медицинской помощи (районный, областной, республиканский). Цифровизация системы здравоохранения выявила низкую готовность реализации единых стандартов оказания медицинской помощи и применения унифицированных требований.

Как отмечают отечественные экономисты, широкое внедрение цифровизации в здравоохранении на сегодняшний день может привести к снижению расходов не только за счет оптимизации процесса оказания медицинской услуги, но и за счет сокращения количества медицинских работников, как правило, среднего и младшего медицинского

персонала (рост «ненужных людей»), что, в конечном итоге, приведет к снижению доходов населения и росту безработицы.

Для государства создание огромного массива информации, состоящего из персональных данных, данных о состоянии здоровья, который непрерывно растет, привело к необходимости в постоянной и надежной защите. В настоящее время действующее законодательство несколько запаздывает в правовом сопровождении данных процессов. Правовые риски цифровизации при оказании медицинской помощи требуют проведения дополнительных комплексных исследований, как специалистами медицинской сферы, так и юридической.

1. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435–XII // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Приказ министерства здравоохранения Республики Беларусь 20 марта 2018 г. № 244 «Об утверждении Концепции развития электронного здравоохранения Республики Беларусь».

3. Об утверждении Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Указ № 292 от 29 июля 2021 г. // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2022. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-292-ot-29-iyulya-2021-g>. – Дата доступа: 01.02.2022

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИИ: СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сошнев Александр Николаевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Переход общества от аналоговых технологий к цифровым составляет ключевую характеристику современного этапа общественного развития. Цифровизация все в большей степени приобретает комплексный системный характер. Необходимостью становятся умные производства, умные дома, умные города.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», федеральный проект «Цифровые технологии», отраслевые и региональные программы и проекты определяют сегодня пути развития цифровизации в России. Естественно, что цифровые технологии реализуются в отдельных сферах с различной степенью интенсивности и эффективности. Для оценки состояния аналитики ввели понятие цифровой зрелости. Безусловным лидером по этому показателю в России является банковская сфера. Ее оценка – 3,4 балла из 5. Аутсайдером стало машиностроение с 1,6 баллов.

Цифровизация городского пространства получила развитие в концепции умного города и стала одним из важнейших направлений в Российской Федерации. Комфортная городская среда – необходимое условие для жизнедеятельности современного города. В ее создании участвуют все элементы городского хозяйства, включая жителей и гостей. Оптимизация городского транспорта, формирование новой культуры потребления, отказ от углеродной экономики и другие элементы, определяющие качество жизни людей, составляют ядро умного города. Цифровые технологии для безопасности, логистики, оптимизации товарных потоков, сбора и утилизации бытовых отходов, оптимизации услуг определяют модели образа жизни.

Умный город объединяет действия партнеров разных сфер в достижении общих эффектов на основе цифровых технологий. Ключевые характеристики умного города: человекоцентричность – город должен быть ориентирован на людей, жителей и гостей; безопасность во всех сферах и формах, включая экологическую, информационную, физическую; открытость к новому; ориентация на устойчивое развитие. Применение цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, цифровых двойников,

дополненной и виртуальной реальности, раскрывают возможности рационального управления городом. Следует понимать, что город включает не только инфраструктуру, но и производственный комплекс, где современные инструменты цифровизации получают все более широкое распространение.

Процессы цифровизации зависят от множества факторов как внутренних, так и внешних. К числу последних можно отнести влияние пандемии COVID-19, из-за которой были приостановлены ряд масштабных проектов. Внешним фактором выступают санкции в отношении нашей страны. Уход с российского рынка основных поставщиков оборудования для телекоммуникаций – Nokia и Ericsson создали определенные проблемы. Операторы сотовой связи предупредили о риске сбоев в работе из-за изношенности оборудования. Минцифры освободило телеком-операторов от необходимости расширения покрытия LTE-сетей вдоль федеральных трасс.

Внешние факторы очевидны. Они носят технологический характер. Одним из ключевых препятствий цифровизации оказывается человеческий фактор. Многие руководители недооценивают значение информационных технологий, команды ИТ-специалистов слабо мотивированы, инертны. Наблюдается дефицит ИТ-кадров.

Не смотря на существующие проблемы альтернативы цифровизации нет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Сошневa Елена Борисовна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Устойчивое развитие принято рассматривать с позиций использования ресурсов в текущее время и в будущие периоды, то есть удовлетворение потребностей человека при сохранении окружающей среды таким образом, чтобы эти потребности могли быть удовлетворены не только у настоящего поколения, но и обеспечивали бы потребности будущих поколений.

Модель устойчивого развития принято представлять в виде триады ESG, где E-environment, экологический критерий, отражающий воздействие на окружающую среду; S-social, социальный критерий, отражающий влияние на человека, его физическое и духовное здоровье; G-governance-управленческий критерий, определяющий характер и способы организации управления.

В современной повестке дня экологический критерий оказывается одним из ключевых. Проблемы воздействия человека на окружающую среду признаются как наиболее острые в системе устойчивого развития. Чтобы избежать климатического коллапса, необходимо перейти от углеродной экономики к зеленой, что позволит сократить выбросы газов, содержащих углерод.

Для реализации зеленой повестки необходимы соответствующие инструменты. Именно цифровизация предоставляет их. В разработке климатических моделей, моделей управления производством и логистикой уже сегодня используется искусственный интеллект. Декарбонизация экономики предполагает переход от ископаемых видов топлива к новым и, прежде всего, к производству водорода. Несмотря на то, что водород – один из самых распространенных элементов, его производство достаточно сложно и энергоемко. А для выработки энергии, в свою очередь, требуется углеродное топливо. Специалисты выделяют различные типы водорода по способам его производства и, соответственно, воздействию на окружающую среду. Водород обладает высокими свойствами диффузии через металлы, что усложняет проблемы его транспортировки. Однако технологические проблемы решаются.

В свете экологической повестки в Российской Федерации в июне 2021 года был принят закон №296-ФЗ «Об ограничении выбросов в окружающую среду», в котором предусмотрены меры по учету выбросов, по введению «зеленых сертификатов» и другие,

обеспечивающие регулирование воздействия на окружающую среду со стороны хозяйствующих субъектов.

В управлении социальной и хозяйственной политикой цифровые технологии сегодня играют важнейшую роль. Умные предприятия, умные города не могут признаваться умными, если не отвечают критериям устойчивого развития.

РАЗВИТИЕ НОТАРИАТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Таирова Анжелика Таировна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Технический прогресс влияет на экономическую, социальную и политическую сферы и буквально выдавливает гражданский оборот в цифровой формат, институт нотариата не стал исключением. В России функционирует Единая информационная система нотариата (далее - ЕИС), которая была создана в 2014 году и благодаря которой уже с 2018 года был осуществлен окончательный переход на электронный документооборот. Согласно статистическим данным, спрос на совершение нотариальных действий в России в цифровом формате постоянно растет. В 2016 г. нотариусами в России было совершено 20 001 такое действие, в 2017 г. - уже 30 000 в России, в 2018 г. в России - 26 687, в 2019 г. в России - 31 604 [2, с.4].

ЕИС была преобразована в современную систему электронного взаимодействия, что делает ее уникальной по своей правовой природе, поскольку она создает цифровое взаимодействие между участниками внутри самой системы, а также осуществляет взаимообмен данными с субъектами извне. ЕИС подключена к Системе межведомственного электронного взаимодействия, которая позволяет государственным и муниципальным органам проверить подлинность предоставленного им нотариального документа при оказании ими каких-либо государственных услуг путем направления электронного запроса.

Исходя из этого, в условиях цифровой трансформации нотариат обладает уже достаточно современными сервисами, которые в полной мере обеспечивают права и законные интересы граждан, помогают провести необходимую сделку в электронном виде. Со временем информационные технологии будут только совершенствоваться, трансформируя законодательство, упрощающее получение тех или иных нотариальных услуг, внедряя новые электронные правовые инструменты, что говорит о постоянном развитии процесса цифровизации. Так, в настоящее время появляются новые форматы обращения к нотариусу. На данный момент ФЗ № 480-ФЗ [1] ввел в практику, например следующие варианты получения нотариальной помощи в электронном виде:

- совершение исполнительной надписи в виде электронного документа;
- принятие на хранение электронных документов;
- удостоверение равнозначности электронного документа, изготовленного нотариусом в ином формате, электронному документу, представленному нотариусу и др.

Следовательно, невозможно не отметить, что в настоящее время в России происходит цифровизация нотариальной деятельности, которая, оказывает положительное влияние на качество и скорость совершаемых нотариусами нотариальных действий.

1. *Федеральный закон от 27.12.2019 № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 28.12.2019.*

2. *Германова А.А. Основные нотариальные действия на современном этапе и их совершенствование с помощью цифровизации нотариата // Нотариус. 2020. № 5. С. 3–6.*

РИСКИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Татаренкова Дарья Юрьевна
(ФГБОУ ВО "Юго-Западный государственный университет")

Килимова Людмила Викторовна
(ФГБОУ ВО "Юго-Западный государственный университет")

Нишнианидзе Ольга Олеговна
(ФГБОУ ВО "Юго-Западный государственный университет")

Современный этап мирового экономического и социального развития общества характеризуется существенным влиянием на него цифровизации. Как новый тренд мирового общественного развития, который пришел на смену информатизации и компьютеризации, он характеризуется следующим - основан на цифровом представлении информации, которое в масштабах экономической и социальной жизни, как отдельной страны, так и всего мира приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни. Всестороннее раскрытие особенностей цифровизации как современного тренда мирового развития включает раскрытие сущности цифровизации, особенностей цифрового представления информации, предпосылок и возможных положительных последствий цифровизации для общества, соотношения понятий цифровизация и цифровая экономика, вызовов, угроз, возможных отрицательных последствий и рисков цифровизации, методов измерения степени охвата цифровизацией отдельной страны.

Современная социальность немислима без цифровых технологий. Пронизывая социальные действия, связывая индивидов на расстоянии, облегчая взаимодействие с государством, создавая новые формы политики, цифровые технологии становятся ключом к пониманию повседневности. Личность, погруженная в цифровые интеракции, использует их для самосозидания и саморазрушения. Цифровизация представляет собой социализацию цифровых технологий, трансформацию их в технологии социальные, обслуживающие построение социальными субъектами собственных систем социальных отношений и связей. Специфика данных процессов может быть раскрыта с помощью социально-феноменологического подхода, центральное место в котором принадлежит категории жизненного мира. Виртуализация и цифровизация бытия, фрагментация современного мира, кризис идентичности, размывание традиций и ценностей социума позволяют говорить о сложности, многомерности и динамичности этих важнейших феноменов современности.

В настоящее время проблемы цифровизации социума оказываются в центре внимания ученых, представляющих самые разные академические дисциплины: от экономики и юриспруденции до педагогики и политологии.

Жизненный мир человека цифрового общества отличается дискретностью, стремительностью изменений и повышенной рискогенностью. Субъективное восприятие действительности в пространстве жизненного мира индивида в условиях цифровой среды повышает риски возникновения и осуществления коммуникационных стратегий поведения, негативно влияющих на взаимоотношения человека с окружающим миром. Нахождение человека в пространстве цифровой среды не только делает его уязвимым для рисков, но и препятствует распознаванию рискогенных ситуаций, а также приводит к неприятию рисков и не желанию с ними сталкиваться. Цифровое пространство воспринимается как благоприятная среда, где можно «спрятаться» от рисков повседневности. Степень доверия к цифровому миру у человека намного выше доверия к пространству материальных объектов, представляющих в сознании индивида определенную опасность. Цифровая среда, таким образом, по мнению индивида, представляется бесконфликтным, защищающим человека от угроз и вызовов, пространством, в которое он может быть помещен посредством новейших технологий.

Риски цифровизации в пространстве жизненного мира современного человека обусловлены аксиологическими изменениями.

Широкое внедрение цифровых технологий в общество может привести к следующим последствиям, которые условно можно разделить на следующие группы рисков: экономические, экологические, геополитические, социальные, технологические. Наибольшее влияние на социальное здоровье общества оказывает группа социальных рисков, однако нельзя преуменьшать проявление и воздействие остальных глобальных рисков современности.

Пространство жизненного мира конструируется современным человеком в цифровой среде и приобретает виртуальный характер. Виртуализация бытия человека способствует формированию чувства доверия к миру, а мотивом жизнедеятельности становится постоянное улучшение своего положения, которое возможно через принятие риска и ответственности за свои поступки. Риск воспринимается индивидом как возможность свободы выбора решений, свободы поиска выходов из построенных ситуаций. В виртуальном пространстве риски не рассматриваются человеком как опасные, они составляют необходимое условие существования цифровой среды. Цифровой жизненный мир представляется индивидом как менее рискогенный, что способствует все более глубокому погружению в него и порождает риск виртуализации бытия.

Актуальность изучения проблемы, касающейся глобальных рисков цифрового общества обусловлена повышением роли и значимости феномена цифровизации в контексте сложившихся условий в современной повседневности общества. В качестве основного понятия, выступают глобальные риски. Понятие риска в цифровом обществе употребляется не только в экономическом или юридическом контексте, но как феномена социальной и культурной жизни человека, определяющего его жизненную стратегию.

В июне 2022 года в городе Курске было проведено социологическое исследование на тему «Риски в цифровом обществе». Для получения оценки отношения населения к цифровизации общества и факторам рисков, связанных с самим развитием и широким внедрением цифровых технологий в жизнь общества был проведен социологический опрос. В анкетирование принимали участие студенты и жители г. Курска.

Опрос проводился через мессенджеры и социальные сети. Это означает, что все респонденты имеют доступ в сеть Интернет, ориентируются в виртуальном пространстве и пользуются социальными сетями и (или) мессенджерами. Таким образом, все опрошенные являются реальными участниками цифрового общества.

Проанализировав ответы опрашиваемых жителей г. Курска видно, что соотношение мужчин и женщин в выборке примерно составляет 1:2 (39% мужчин и 61% женщин).

Опрос предлагалось пройти людям в возрасте от 18 до 70 лет.

Исследование выявило, что большая часть опрашиваемых в возрасте от 40 до 60 лет. Отсюда можно заключить, что респонденты этой возрастной категории не только активные интернет - пользователи, но и люди с активной жизненной позицией по отношению к понятию цифрового общества и рискам цифровой реальности, которые готовы оценивать и принимать риски в своей деятельности связанной с цифровизацией.

По результатам опроса 48 из 100 опрошенных имеют высшее образование, 34% имеют дипломы о среднем образовании, и 16,3% опрашиваемых имеют на момент опроса незаконченное высшее образование.

Часть вопросов анкеты была направлена на исследование отношения респондентов к цифровому обществу. Результат исследования показал, что основная масса респондентов (93.9%) согласны с определением цифровизации, как проникновение и интеграция цифровых технологий во все сферы социальной жизни. Опрашиваемым предлагалось выбрать из предлагаемых наиболее подходящий по их мнению термин «цифровое общество». Мнения респондентов распределились почти в равной мере (47% и 39%). С определением, что цифровое общество — это общество, инфраструктура которого функционирует посредством цифровых технологий согласны 47%, а 39% - считают, что

цифровое общество - это глобальный проект, целью которого является построение нового общества, управляемого посредством использования информационно-коммуникационных технологий.

На вопрос о преимуществах и недостатках цифровизации общества было выявлено, что респондентов в цифровом обществе в большей мере привлекает простота и скорость предоставления информации (30%) и публичность и наглядность - доступ к информации из любой точки мира (29%). Но определенная часть жителей видит преимущество цифрового общества в сокращении финансовых затрат (24%) и повышении качества услуг (17%). Отвечая на вопросы о недостатках цифровизации общества большая часть опрошенных жителей г. Курска отметила, что опасаются распространения личной информации (47%) и что человечеству может грозить высокая вероятность появления глобальных рисков (24%).

Недостатки цифровизации 18% респондентов видят в том, что информация не всегда может быть достоверной, 14% опасаются снижения важности человека во многих процессах, 2% видят недостатки в высокой вероятности массовой безработицы, 6% и 7% соответственно боятся цифрового неравенства и деградации человечества.

Жителям города Курска, был задан вопрос о доверии к цифровым технологиям, в результате исследования видно, что 62% опрошенных доверяют, а 38% не доверяют цифровым технологиям из-за высокой вероятности возможных рисков.

Следующая группа вопросов анкеты была направлена на оценку респондентами глобальных рисков в цифровом обществе. Анкета предлагала определить насколько вероятно пересечение рисков цифрового общества для людей и компаний. Большая часть опрошенных считает, что риски цифрового общества для людей и компаний в наши дни пересекаются (49.5%) и скорее пересекаются (42.4%). Но в то же время 5,1% считают, что риски скорее не пересекаются и не пересекаются - считают 3%. В современном обществе выражена большая доля присутствия глобальных рисков в деятельности различных компаний и сфер общества, т.к. риск является исключительно человеческим явлением и условием возникновения рискогенной ситуации становится рефлексирующая способность человеческого мышления.

Вся суть человеческого существования создает условия для появления различных рисков, но и они же могут выступать гарантией того, что на любую опасность или угрозу можно найти нужное решение, воспользовавшись одним из имеющихся образцов поведения или не побоявшись прибегнуть к принципиально новому способу управления рисками.

Респондентам проводимого исследования было предложено оценить вероятность проявления рисков в цифровом обществе. Так 25% опрошенных посчитали наиболее вероятным проявлением рисков ценовой нестабильности в течение 10 лет, 29% приняли наиболее вероятным проявление риска незаконной экономической деятельности. Однако риск геофизических катастроф 22% считают маловероятным, но 15% посчитали наиболее вероятным в течение 10 лет. Риск провала действий по борьбе с изменением климата считают маловероятным 24% респондентов, но 14% считают наиболее вероятным, 22% оценивают на 3 балла риск вероятности неконтролируемого распространения оружия массового поражения, 31% считают высокой вероятностью проявления рисков террористических актов.

Риск ухудшения психического здоровья (43%) и риск кризиса средств к существованию (32%) опрошенных считают наиболее вероятным в течение 10 лет. Риски цифрового неравенства и ошибка кибербезопасности 32% и 35% соответственно респондентов считают наиболее вероятными в течение 10 лет.

Жителям Курска предлагалось ответить на вопрос о возможности защиты человека и его семьи от утечки информации как в настоящем, так и в будущем. Проанализировав ответы исследования выяснилось, что больше 70% респондентов согласны, с тем, что полностью не возможно защитить от утечки информации. Это обусловлено тем, что

современное общество характеризуется ускоренными темпами развития, поэтому и стереотипы мышления теряют свою стабилизирующую роль, становясь важным фактором увеличения социальных рисков и неготовностью полной защиты членов общества, вероятности вседоступности информации о каждом человеке и потерей им личного пространства.

Далее респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов, с утверждениями о возможных рисках в различных их проявлениях в жизнедеятельности человека. На вопрос «Согласны ли Вы с тем, что в современном обществе высок риск того, что цифровые технологии станут мощным средством тотального контроля, ограничивающим свободу личности и орудием порабощения народа имущей элитой?» 40% респондентов ответили, что согласны и 46% скорее да, при этом - 2% ответили отрицательно и 15% - скорее нет. Отсюда видно, что большая часть респондентов считает, что риск того, что цифровые технологии станут мощным средством тотального контроля, ограничивающим свободу личности, высокий.

На вопрос «Согласны ли Вы с тем, что развитие сетей интернета, базирующихся на цифровых технологиях, стало причиной заболеваний, зависимостей и психических расстройств молодежи, которые уже сегодня достигли колоссальных масштабов» 47% считают «да», и 36% считают «скорее да». Можно сделать вывод, что по результатам опроса развитие цифровизации в наше время ведет к увеличению зависимости от интернета и психических расстройств молодежи.

На вопросы, связанные с оценкой отношения жителей к внедрению цифровых технологий и проявлениям рисков в повседневной жизни, 12,1% респондентов испытывают тревогу, когда сталкиваются с современными технологиями, из них 9% с высшим образованием, 22,2 % чувствуют беспокойство из-за активного внедрения новых технологий в повседневную жизнь, из них 10% с высшим образованием, 10,1% считают, что цифровые технологии не дают никаких принципиально новых знаний и возможностей из них 2% со средним образованием, 5% с высшим и 3% с незаконченным высшим образованием. 43% респондентов думают, что развитие цифровых инноваций представляет опасность в долгосрочной перспективе, так ответили 19% со средним образованием и 18% с высшим образованием.

Респондентам предлагалось оценить по 5-ти бальной системе влияние рисков на жизнедеятельность общества. Так 18% опрошенных считают влияние риска ценовой нестабильности наиболее максимальным, 21% считают влияние на жизнедеятельность общества риска незаконной экономической деятельности наиболее максимальным, влияние риска геофизических катастроф 14% считают минимальным, но 14% считают максимальным. Влияние риска провала действий по борьбе с изменением климата считают минимальным 16% респондентов, но 13% считают максимальным, 26% оценивают на 4 балла влияние риск неконтролируемого распространения оружия массового поражения, 32% считает максимальным влиянием на жизнедеятельность общества рисков террористических актов.

Риск ухудшения психического здоровья (49%) и риск кризиса средств к существованию (37%) опрошенных считают максимально влияющим на жизнедеятельность. Риски цифрового неравенства и ошибка кибербезопасности 33% и 29% соответственно респондентов оценивают на 4 балла

В результате исследования было выявлено, что жители современного общества понимают, что такое цифровое общество и цифровизация. Но также они понимают, что имеют место разнообразные проявления рисков в цифровом обществе. Цифровое будущее помимо очевидных плюсов чревато и рядом рисков - технических и социальных. Цифровая революция грозит изменениями катастрофически масштабными, способна поменять не только окружающую действительность, но и человека, общество и государство. Произойдет смешение технологий физического, цифрового и биологического мира, которое создаст новые возможности и будет воздействовать на политические,

социальные и экономические системы. Большинство опрошенных считают, что цифровизация общества связана с различного рода рисками, которые оказывают свое влияние на жизнедеятельность человека. Из основных проблем респонденты отмечают, что в цифровизации общества есть свои преимущества и недостатки. Респонденты грамотно и компетентно оценивают риски цифрового общества, их влияние и вероятность проявления. Опрашиваемые жители относятся с небольшой долей опасения к цифровизации общества из-за возможных рисков, т.к. государство еще не способно в настоящее время защитить население страны от деятельности мошенников, связанной с цифровыми технологиями и возможных рисков. В современном цифровом обществе не в полной мере выявляется вероятностное проявление рисков и осуществляется оценка их влияния на жизнедеятельность общества для устойчивого его развития. На фоне увеличивающихся дисциплинарных исследований по социальным, техногенным, антропогенным рискам обнаруживается потребность в постановке и решении методологических задач, выражающих человеческие измерения рисков.

1. Климантова, Г. И. *Методология и методы социологического исследования : учебник* / Г. И. Климантова, Е. М. Черняк, А. А. Щегорцов. – 2-е изд., стер. – Москва : Дашков и К°, 2019. – 256 с. : ил. – (Учебные издания для бакалавров). – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=573211> (дата обращения: 14.06.2022). – Библиогр. в кн. – ISBN 978-5-394- 03248-6. – Текст : электронный.
2. Эскиндаров, М.А. *Риски и шансы цифровой экономики в России [Электронный ресурс]* / М.А. Эскиндаров. – Режим доступа <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-5-6-17>. – Текст : электронный.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ. ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УРОВЕНЬ СЧАСТЬЯ.

Тимофеева Дарья Владимировна

*(Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО))*

Бычкова Наина Евгеньевна

*(Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО))*

Мосеев Марк Павлович

Вступление:

В нашей статье рассматривается соотношение уровень внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизни. Цифровизация считается основополагающим фактором, оказывающим большое влияние на все без исключения основные составляющие качества жизни—материальные требования существования, состояние здоровья, степень образования, а также наличие различных способностей, индивидуальная активность, штатские полномочия, общественные взаимосвязи, а также взаимоотношения, состояние окружающей среды, защищенность как финансовая, так и общественная. В повседневной жизни обществу информационно-коммуникационные технологические процессы (ИКТ) внедрены весьма обширно: это интернет-связь, координирование как общего, так и частного документооборота, реализация трудовой деятельности, получение образования, осуществление творческого потенциала, самовыражения, досуга. Воздействие качества жизни на цифровизацию тоже никак не порождает колебаний: цифровые решения формируются, а также реализуется мировым сообществом, и от того, в какой мере население образованно, профессионально обучено, социально ответственно, располагает для этого материальным потенциалом, а

самое важное — состояние здоровья, от всего этого зависит последующий уровень развития цифровой экономики.

Методология:

Методикой расчета источником статистической информации для расчета целевого показателя являются данные годовой формы федерального статистического наблюдения No 1-ИТ «Анкета выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей». Исследование проводилось на основе статистических данных Росстата и Индекса сетевой готовности—2021 (Network Readiness Index—NRI-2021), состоящего из 62 различных показателей, в том числе показателей качества жизни и изменения качества жизни в регионах России в современных условиях.

Результаты:

В исследовании аргументированы имеющие наибольшее значение гипотезы, описывающие взаимосвязи среди цифровой готовности, цифровой грамотности, а также цифровым доверием:

уровень цифровой готовности общества к использованию цифровых сервисов и технологий зависит от степени понимания цифровых компетенций, а также уровня цифрового доверия;

чем выше уровень цифрового доверия, тем чаще человек использует цифровые сервисы и технологии;

чем выше степень цифровой грамотности пользователей, тем выше у них уровень цифрового доверия;

чем больше уровень цифровой грамотности пользователей, тем чаще они пользуются цифровыми технологиями с целью индивидуального, а также профессионального развития;

чем больше степень цифровой грамотности пользователей, тем выше оценка безопасности цифровых сервисов государственных и коммерческих учреждений.

На основе методологии и, в частности, статистики цивилизационного подхода, а также периодизации развития мирового сообщества продемонстрировано, что цифровое сообщество и в соответствии с этим цифровая экономика представляются как одна из стадий формирования цивилизации, в основе которого стоит масштабное производство, а в том числе и внедрение цифровых технологий. Авторская теория взаимодействия материально-технологической сферы и институционального аппарата общества подтверждает влияние цифровой трансформации на все без исключения компоненты качества жизни населения. Влияние цифровизации на общественность. Новая стадия цифровизации. В качестве индикатора уровня цифровизации в Российской Федерации выбран один из преимущественно престижных международных источников – Индекс сетевой готовности (NRI).

Выводы:

Сетевая готовность Российской Федерации пребывает на достаточно высоком уровне. Свидетельством данного заключения могут служить факты того, что в России существуют собственные национальные ИТ-технологии, осуществляющие конкуренцию с глобальными зарубежными ИТ-сервисами— от социальных сетей, поисковых сервисов, мессенджеров, маркетплейсов, а также вплоть до беспилотников. Одними из наилучших в мире считаются реализованные в Российской Федерации проекты цифровизации государственных услуг и налоговой системы. Наравне вместе с позитивными результатами, процесс цифровизации несет в себе также опасные тенденции. Появляются проблемы потери персональной конфиденциальности, тотального отслеживания работодателями действий собственных работников, поглощения ИИ значительной доли рабочих мест. Это способствует, ее сравнительно медленным темпам развития, говоря об адаптации населения к цифровой трансформации. Поэтому с точки зрения повышения качества жизни обоснованно рассуждать о регулируемой, а также грамотной цифровизации, учитывающей негативные последствия.

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СКРЫТОГО КОНТРОЛЯ НАД ОБЩЕСТВОМ.

Трунова Екатерина Дмитриевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Стремительное развитие технологий в XXI веке привело к трансформации капиталистической производственной системы.

Среди концепций, описывающих новые отношения между трудом и капиталом, можно выделить следующие особенности: превращение информации и коммуникации в главные средства производства; трансформация понятия «труд» и трудовой теории стоимости [1, 17].

Д. Смит вводит концепцию аудиторрии как товара на медиарынке [2].

Согласно концепции платформенного капитализма Н. Срничека, современный капитализм строится на получении данных и использовании их в коммерческих целях [3].

Трансформация медиапотребления ведет не к увеличению доступности информации и демократизации СМИ, а к превращению человеческого творчества в товар [1, 17].

Медиакапитализм – форма развития современного капитализма, при которой производство и присвоение прибавочной стоимости происходит посредством новых медиа – онлайн-СМИ и медиатехнологий, которые, в свою очередь, являются наиболее эффективной современной формой обеспечения базиса и надстройки [1, 19].

Согласно концепции Ш. Зубофф, надзорный капитализм – это новый экономический порядок, использующий в качестве капитала человеческий опыт как сырье и характеризующийся распространением коммерческого мониторинга – тотального наблюдения за поведением граждан [4, 165].

Существующий строй Ш. Зубофф объясняет через идею трех модернов, где «третий модерн» привел к усилению иерархий и власти элит [4, 166–167].

Надзорный капитализм зародился в Кремниевой долине при попытке монетизировать поведенческий излишек [5].

Технологические гиганты извлекают пользовательские данные, на основе которых прогнозируют поведение людей для того, чтобы продать эти прогнозы рекламодателям, которые в свою очередь платят за клики на собственном сайте [5].

Система, позволяющая извлекать данные и прогнозировать поведение людей, может использоваться как в экономических, так и в политических целях [5].

По мнению, Э. Е. Сафронова, надзорный капитализм является лишь цифровым воплощением известных принципов капитализма [4, 170].

Капитализм в цифровом облике получает большое пространство для маневра, так как процесс извлечения прибыли становится более удобным [5].

Цифровизация капиталистической системы делает жизнь общества более безопасной, но, с другой стороны, противоречит принципам демократии [5].

Данные являются важным ресурсом в технологическом соперничестве США и Китая [6, 110–130].

Централизованная недемократическая система управления становится более эффективной и ставит под вопрос возможность сохранения принципов демократии в обществе.

1. Зеленина А. Ю., Петров А. В. Медиакапитализм как социально-экономический феномен // *Общество. Среда. Развитие*. 2019. No 2. С. 16–19.

2. Smythe D.W. *Communications: blindspot of western Marxism* // *CTheory*. Vol. 1. 1977. No 3. P. 1–27.

3. Срничек Н. Капитализм платформ/ Пер. с англ., науч. ред. М. Добряковой // *Экономическая социология*. Т.20. 2019. №1. С. 72-82.
4. Сафронов Э. Е. Трансформации капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф // *Социологические исследования*. 2021. №4. С. 165-172.
5. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
- Евсеев В. В. Торговая и технологическая война США и Китая // *Энергетическая политика*. 2019. С. 110-130.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ужовский Владислав Сергеевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Цифровой политической активизм является стремительно развивающейся формой политического участия. Этому свидетельствуют практики создания и, в частности, коммуникации в тематических региональных интернет-сообществах, ведение личного блога местными политическими активистами, а также создание и подписание электронных петиций.

Если говорить в целом, то в РФ развитие практик цифровой политической активности способствовало более мобильному проявлению гражданской активности относительно вопросов федерального регионального и муниципального значения. Так или иначе вопросы различного уровня повесток пересекаются и чаще всего между ними стерта грань, однако граждане имеют возможность проявлять гражданскую позицию по вопросам функционирования государственных органов на муниципальном, региональном или федеральном уровне власти, в зависимости от своих убеждений. В подобном русле граждане вольны, например, определять свою возможность активного избирательного права с помощью портала дистанционного электронного голосования (ДЭГ) [1, 60-63] или же обратиться по актуальным и интересующим вопросам к представителям законодательной и исполнительной власти.

Наше исследование включает в себя несколько этапов: на первом этапе определили, что понимают респонденты под понятием «цифровое (электронное) политическое участие». На втором этапе исследования выявлены возрастные характеристики по вопросу задействования респондентами цифровых технологий в сферах реализации гражданской политической активности, а также определены положительные и негативные характеристики в восприятии ЦПУ. На третьем этапе мы определили, считают ли респонденты цифровое участие альтернативной (аналого-действенной) формой политического участия.

На основе результатов исследования мы определили, что запрос на практики цифрового политического участия характерен для жителей крупных городских агломераций, однако здесь же прослеживаются тенденции к неучастию в большей степени, чем у жителей окраин региона. Среди респондентов, проживающих за пределами центральной агломерации, прямо противоположные результаты – более высокий уровень политического активизма, однако низкий запрос на практики цифрового политического участия. Это свидетельствует о том, что гражданская политическая активность вне зависимости от практик и форм участия является в большей степени отражением потребностей граждан и их интересов.

Таким образом, вариативность практик цифровой политической активности на региональном уровне зависит от исходных условий политической социализации,

политических условий, условий доступности сети Интернет, личностных мотивов участия или неучастия, а также социально-экономических и иных факторов.

1.Бабаскин, Р. В. Дистанционное электронное голосование как новая форма реализации избирательного права / Р. В. Бабаскин // Вопросы теории и практики избирательного законодательства, посвященные 25-летию избирательной системы Краснодарского края : Материалы межвузовской научно-практической конференции, Краснодар, 04 июня 2019 года / под общ. ред. А.Д. Черненко; отв. ред. Н.Ю. Турищева. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2019. – С. 60-63.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

Харитоновна Елена Антоновна

(Балтийский федеральный университет им. И.Канта)

Сложно представить современный мир без цифровой среды. Более того, она занимает в жизни человека XXI века очень важное место: в сети мы общаемся, работаем, покупаем и развлекаемся. Начиная с индустрии развлечений и заканчивая профессиональной средой, почти до всего можно дотянуться нажатием клавиши на компьютере. Ученые явно озабочены происходящим, ведь цифровизация затрагивает не только внешний мир, но и меняет сознание человека и, как следствие, социальную реальность.

Проблема глобальной цифровизации встала особенно остро в 2020 году с появлением всем нам известного COVID-19 и не теряет своей актуальности до сих пор. Это первый известный мировой истории вирус, который буквально охватил весь мир, не удивительно, что он привел к полной перестройке современного общества. Во время локдауна все взаимодействие людей перешло в формат онлайн, можно сказать, что и мы сами стали частью этой мировой сети, но стали ли мы счастливее?

Чтобы ответить на выше поставленный вопрос, я исследовала современное общество в контексте влияния цифровизации на уровень счастья людей в этом обществе, проанализировала социальные явления в его рамках.

Итак, передо мной встали несколько задач: проанализировать понятия «цифровизация» и «счастье» через призму современной действительности, понять, как стремительная цифровизация отразилась на общественной жизни отдельного человека, узнать у людей разных поколений, как изменилась их жизнь с выходом в онлайн и как они к этому относятся, насколько счастливыми себя чувствуют, проанализировать все полученные данные и прийти к выводу.

Чтобы успешно выполнить все поставленные задачи, я выбрала несколько источников, в которых затрагивалась тема цифровизации в целом, ее влияние на общество и сознание отдельного человека, опросила людей разных возрастов, узнала их взгляд на проблему глобального выхода в онлайн, как сильно изменилась их жизнь, что они чувствуют по этому поводу, как это все влияет на их эмоциональное состояние. Естественно, у меня есть собственный опыт и взгляд на проблему, которые тоже являются частью статьи.

О проблеме цифровизации появляется все больше научных работ, ведь ее актуальность растет. Все мы существуем в цифровом пространстве, меняемся и подстраиваемся под новую реальность, а это неминуемо отражается на нашем восприятии жизни, самих себя и счастья. Эта работа будет полезна для тех, кто понимает, насколько комфортно чувствует себя в онлайн пространстве, какие эмоции в нем испытывает, насколько счастливым себя чувствует, а также для тех, кто пока только анализирует свои эмоции и состояние.

В работе будет рассмотрено чувство удовлетворения и счастья людей разного возраста, экстравертов и интровертов в рамках цифровой реальности. То, как меняется их восприятие действительности, как цифровизация влияет на общее эмоциональное состояние и самооценку людей, стала ли жизнь людей комфортнее благодаря глобальной цифровизации.

1. Чернов И. В. *Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса.* / Чернов И. В. [Текст] // *Гуманитарий Юга России, 2021.*, С. 121-132.
2. Гобозов И. А. *Цифровизация общества и деинтеллектуализация человека* / Гобозов И. А. [Электронный ресурс] // *Соционауки : [сайт].* — URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3058721/> (дата обращения: 10.10.2022).
3. Бауман З. *Индивидуализированное общество.* М., 2002.
4. Бек У. *Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию.* М., 2001.
5. Гегель Г. В. Ф. *Лекции по истории философии: в 3 кн.* СПб., 1993.
6. Гобозов И. А. *Государство и национальная идентичность. Глобализация или интернационализация?* М., 2018.
- 5-е изд. Т. 39. М. : *Изд-во полит. лит-ры, 1970.* С. 1–29.
6. Ракитов А. И. *Философия, роботы, автоматы и зримое будущее* // *Философия и общество.* 2019. № 3. С. 35–48.

ГИБРИДНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ТРЕНД СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ «ОНЛАЙФ» Л. ФЛОРИДИ

Харманская Элина Юрьевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Сегодня мы становимся не просто свидетелями, а участниками таких беспрецедентных социальных изменений, как гибридизация реальности. Наш повседневный опыт дублируется, разделяется или полностью переносится из физического мира в виртуальный. Таким образом, мы постоянно балансируем между реальностями онлайн и офлайн, сочетанием и комбинированием этого опыта: прогулка по городу сопровождается синхронным отслеживанием маршрута по навигатору, в ресторане официант приносит нам вместо меню – штрихкод, перейдя по которому мы получаем доступ к интерактивной виртуальной карте ресторана, даже кинематограф среагировал на социальные изменения: одним из самых актуальных визуальных решений в кино сегодня является разделенный экран (split screen) – в кадре находятся и герои, и изображения их смартфонов с оживленным обменом сообщениями на них.

Процессы гибридизации получают широкое научное осмысление. Современные авторы высвечивают специфические содержательные аспекты темы, рассматривая ее с разных ракурсов, пытаются сформулировать свои уникальные идеи и предложить решения проблемы. Одной из попыток описать гибридную реальность является концепт «онлайн» Л. Флориды [1]. Авторский термин «онлайн» (onlife) описывает процессы конструирования идентичности в гибридном мире, делая акцент на стирании границ между двумя “сценами” действия. Идентичность современного человека может быть представлена в физическом мире и в мире виртуальном, при этом обе версии оказывают взаимное влияние друг на друга. Процесс конструирования идентичности в гибридной реальности оказывается двусторонним.

Гибридная реальность как пространство жизни индивида характеризуется нескончаемым потоком разнородной информации, исходящей отовсюду, бесконечным множеством знаков, образов, симулякров, гипертекстов и т.д. Все это обуславливает необходимость постоянного самоопределения, самоидентификации в информационном потоке с целью удержания собственной целостности и субъектности. Идентичность в

таких условиях может быть рассмотрена как комплекс информационных систем, созданных сознательной активностью человека (воспоминаниями и нарративами), а информационно-коммуникационные технологии оказывают сильное влияние на такие информационные паттерны, они модифицируют контексты и практики, через которые мы формируем и понимаем себя, – именно поэтому они могут быть рассмотрены как технологии конструирования идентичности.

Посредством информационно-коммуникационных технологий индивид получает возможность посмотреть на себя из перспективы “другого”. Таким образом, современный человек использует свое цифровое представление для конструирования виртуальной идентичности, помещая себя в рекурсивную петлю обратной связи для приведения к равновесию свои оффлайн и онлайн версии. Это не только инстанция предполагаемого общеизвестного знания о себе, но и частный опыт – собственный взгляд на самого себя. Так, нет ничего слишком незначительного или приватного для социальных сетей. До цифровизации процесс формирования идентичности был «сакральным» действием. В эпоху цифровых технологий, где превалирует публичность, конструирование идентичности утрачивает свою прежнюю сакральность. Сегодня пользователи социальных сетей максимально приближают виртуальную идентичность к физической путем добавления подробностей о своей личной жизни в интернете.

Так или иначе, современные люди являются авторами своей онлайн идентичности. Более того, поддержание, улучшение и уточнение своего присутствия онлайн воспринимается ими как серьезная работа. В то же время виртуальная среда позволяет воссоздавать желаемый собственный образ через подсвечивание одних своих черт и сокрытие других. Наиболее значимые микро-нарративы, которые человек производит и потребляет, также изменяют его идентичность и в физическом мире. В этой идее заключается двойственная природа идентичности «онлайн».

Таким образом, согласно Л. Флориди, информационно-коммуникационные технологии являются и причиной, и потенциальным решением проблемы идентичности в гибридной реальности. Информационно-коммуникационные технологии должны быть использованы как возможность оказывать больше влияния на конструирование идентичности, тем самым поддерживая баланс между онлайн и оффлайн “сценами” действия.

1. Floridi L. The 4th Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality / the United States of America Oxford University Press Madison Avenue, New York, NY 2014.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА КАЧЕСТВО ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ В ШКОЛЕ

*Хисаметдинова Зарина Наильевна
(Балтийский федеральный университет им. И.Канта)*

*Рудая Анна Андреевна
(Балтийский федеральный университет им. И. Канта / Высшая школа образования и психологии)*

Актуальность обусловлена массовым интересом к цифровым технологиям, как к средству повышения мотивации и качества образования подростков, механизмом побуждения к обучению и самообучению, применением инновационных подходов, содержащих интерактивные и другие виды заданий, в общеобразовательных школах.

В рамках данной работы нам необходимо было рассмотреть влияние процесса цифровизации в различных составляющих обучения, в том числе влияние технологий на качество обучения математике обучающихся подросткового возраста в общеобразовательной школе.

Классическая система преподавания, как правило, базируется на иллюстративно-объяснительном принципе обучения. При таком способе деятельности ученики демонстрируют лишь внешнюю динамичность, но внутренних мотивов к обучению не имеют. Одной из главных проблем обучения в общеобразовательных учреждениях среднего звена является нежелание и неготовность большинства учащихся получать знания и развиваться. Согласно исследованиям экспертов у менее 10% учеников сохраняется заинтересованность к обучению. Таким образом, данная трудность стала катастрофой в педагогике.

В наше время лишь в немногих российских учебных заведениях активно используют электронные методы обучения и дистанционные образовательные технологии на уроках математики, как средство развития мышления подростка, что, в свою очередь, влияет на качество обучения. Частично это имеет связь с тем, что в этой области почти отсутствуют методические исследования и современные материалы для проведения занятий по математике с использованием ИКТ. Следовательно, исследования в педагогической области, которые связаны с использованием информационных технологий на уроках математики, являются весьма актуальными и востребованными.

Проведя данную работу, мы можем сделать вывод: использование информационных технологий при проведении занятий в общеобразовательной школе повышает результативность и качество обучения математики. Так, при изучении теории эта разница в численном отношении составляет 25-30%, а в процессе развития и формирования умений и навыков на практике – 40-50%.

1. Буданцев, Д. В. Цифровизация в сфере образования: обзор российских научных публикаций / Д. В. Буданцев. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 27 (317). — С. 120-127. — URL: <https://moluch.ru/archive/317/72477/> (дата обращения: 03.10.2022).

2. Кашицин В. П. Исследование процесса цифровизации в системе общего образования России // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. №3 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-protsesta-tsifrovizatsii-v-sisteme-obshchego-obrazovaniya-rossii> (дата обращения: 03.10.2022).

3. Славчева-Андонова, Г. В. Влияние виртуальной и школьной среды на самооценку и на самоуважение в юношеском возрасте / Г. В. Славчева-Андонова // Балканское научное обозрение. — 2019. — Т. 3. — № 3(5). — С. 62-65. — DOI 10.34671/SCH.BSR.2019.0303.0015. — EDN CVCKTU. (дата обращения: 03.10.2022).

4. Столяренко, Л. Д. Педагогическая психология: [учеб. пособие для вузов] / Л. Д. Столяренко. — Изд. 6-е; стер. — Ростов н/Д: Феникс, 2009. — 541 с. (дата обращения: 03.10.2022).

5. <http://fidp.ru/research/digital> (дата обращения: 03.10.2022).

6. <https://www.tspu.edu.ru/irpo/ni-lab/ni-lab-news> (дата обращения: 03.10.2022).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК РЫЧАГ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ

Худяков Вадим Сергеевич

(Сакнт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов)

В статье анализируется проблема, которая заключается в противоречии между сложившимся представлением о позитивной роли цифровизации в жизни и организации современного общества и объективными данными о прибегании государственных автократий к формам цифровизации для поддержания существования своей системы и установления своего контроля и господства над обществом.

Многие граждане сегодня придерживаются той позиции, что технологический прогресс напрямую способствует усилению демократизации общества, однако это не так. Факт цифровизации государственного управления и экономики наделяет гибридные и авторитарные режимы новыми механизмами управления [2], что в свою очередь приводит к различным социальным проблемам.

В ходе анализа цифровизации как одного из инструментов влияния на общество, было выявлено, что цифровые технологии, приводящие к созданию «умных городов», работают исключительно на благо функционирования и взаимодействия автократии, действуя тем самым на общество как конфликтоген. Инструментами цифровой автократии часто пользуются правоохранительные органы для усиления в обществе своего ресурса в социальном конфликте между обществом и государством. При этом цифровой ресурс автократии становится орудием для укрепления позиций власти и увеличения полярности управляемых и управляющих [3,241].

Результаты исследования показывают, что цифровизация является большим ресурсом для цифровой автократии, пытающейся сохранить свой статус-кво. Таким образом, цифровая система «умного города» приводит к дедемократизации, а не наоборот, как складывается общественное мнение [1,7].

1. Томин Л.В., Балаян А.А. Права и свободы человека в контексте процесса цифровизации. Анализ негативных политических эффектов, возникающих при реализации проектов «умных городов» // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 3 (Труды XXII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2019, Санкт-Петербург, 19 – 22 июня 2019 г. Сборник научных статей). — СПб: Университет ИТМО, 2019. С. 7 – 8.
2. Балаян А.А., Томин Л.В. Цифровая автократия. Институциональная специфика отношений государства и IT-компаний // Публичная политика. 2020. Т. 4. № 2.
3. Кравченко, А.И. Политология: учебник / А. И. Кравченко. – Москва: Проспект, 2015. – С. 241.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Цимбалюк Ольга Сергеевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Мы живем в эпоху цифровизации. Цифра, цифровая культура – это данности, которые преследуют нас повсюду. Какие образовательные технологии и навыки критического мышления нам следует развивать в такой социокультурной среде? Требуется ли к себе особого внимания навык критического мышления в условиях цифровой трансформации образования и формирования данных о развитии человека во времени в виде цифрового следа? Для того, чтобы в современных реалиях личности не потерять свои ориентиры и смыслы, необходимо развить навык критического мышления. В свою очередь, критическое мышление можно рассмотреть как анализ и синтез всей поступающей информации, но и также как особую категорию компетенций.

В современном мире учащимся доступен нескончаемый поток информации, исходящий зачастую из сети Интернет. Важно подчеркнуть, что современные дети не представляют себя уже вне Интернета и соответственно самой цифровизации. Очевидно, есть необходимость повсеместно в образовании внедрять искусственный интеллект, благодаря которому можно будет понять уровень сформированности критического мышления, и выстроить индивидуальный маршрут обучения. Например, приложения, выявляющие путем тестирования слабые и сильные стороны ученика и сразу же предлагающие ему путь обучения (например, Dualingo). Нельзя обойти стороной и новые требования Федерального государственного образовательного стандарта к организации образовательного процесса, которые ориентируют образовательный процесс на построение индивидуальной образовательной траектории обучающихся, на формирование их умения самостоятельно определять цели своего обучения и планировать пути их достижения, а также осуществлять осознанный выбор наиболее эффективных способов решения своих учебных задач и контроль своей деятельности [4].

Следует также отметить, что знать про критическое мышление не означает уметь пользоваться его приемами. Обучаться навыкам его применения необходимо, потому что

в эпоху цифровизации мы постоянно оставляем цифровые следы в социальных сетях, поисковых системах, логах звонков и т.д. На их основе в будущем есть вероятность составления цифрового профиля. Однако цифровой профиль как индивидуальный маршрут нашего развития может быть построен и не нами. В этом случае умение человека критически мыслить и поможет ему разобраться с предложенной системой смыслов, ценностей, правил и понять, где точно это предложение соответствует его ориентирам, установкам, интересам и приоритетам, а где оно было временным запросом. Стоит отметить, что цифровые следы – явление не реактивное, то есть они не представляют собой побочный продукт фиксации поведения людей в цифровых системах [1]. Необходимо изучить, какие ограничения накладываются на образовательный процесс на пути к внедрению государственного заказа.

Чтобы убедиться в том, что без развития критического мышления в эпоху цифровизации у образования перспектив нет, мы провели пилотажное социологическое исследование среди школьников. Его гипотезой стала мысль, что в условиях цифровизации образования техника и методика развития критического мышления будут способствовать формированию у школьников активного отношения к образованию посредством развития таких умений, как выделять для себя главное и проверять достоверность поступающей информации за счет соответствующих оценок и рассуждений.

В качестве методов исследования были использованы: педагогическое исследование (организация выполнения школьниками анкетирования и опроса по предложенной методике). В результате исследования нами было выявлено, что из 53 учащихся из двух 8-х классов 70% легко верят поступающей информации. Заключительное анкетирование показало существенные изменения в отношении учащихся к восприятию поступающей информации. Данная графа снизилась с 70% до 45%.

1. Богданов М.Б., Смирнов И.Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 304–328. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1760> (дата обращения: 07.10.2022).
2. Заур-Бек С.И. Развитие критического мышления на уроке: Пособие для учителя / С.И. Заур-Бек, И.В. Муштавинская. – М.: Просвещение, 2004. – 175 с.
3. Мир науки, культуры, образования. №5 (178). 2019.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Просвещение, 2010. – С. 41 (Стандарты второго поколения).
5. Чатфилд Т. Критическое мышление. Анализируй, сомневайся, формируй свое мнение.: Альпина Паблишер, 2019. – 328с.

ЦИФРОВОЕ РАВЕНСТВО: ТЕКУЩАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ВРЕДНАЯ МЕЧТА?

Чижов Александр Алексеевич

(Уральский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Костина Наталия Борисовна

(Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина)

Проблема цифрового неравенства стала предметом научных исследований с конца 90-ых годов XX века, что объясняется лавинообразным ростом распространения информационно-коммуникационных технологий. Исследователи определяют цифровое неравенство как новый вызов, оказывающий негативное влияние на развитие общества, политики называют проблему сокращения цифрового неравенства «вопросом жизни и

смерти». Но действительно ли цифровое равенство – это безусловное благо, без которого невозможно дальнейшее функционирование общества?

Наиболее распространена концепция трех уровней (порядков) цифрового неравенства. Цифровое неравенство первого порядка характеризуется неравномерностью распространения информационной инфраструктуры, в связи с чем не у каждого индивида есть возможность пользоваться Интернет-продуктами. Цифровое неравенство второго порядка выражается в неравенстве цифровых навыков и умений пользователей сети Интернет. Наконец, цифровое неравенство третьего порядка определяется возможными преимуществами, получаемыми при использовании Интернет-ресурсов. На формирование цифрового неравенства третьего порядка оказывают влияние не только доступность информационной инфраструктуры и цифровые навыки пользователя, но и мотивация пользователя, поскольку Сеть обладает как неоспоримыми достоинствами, так и существенными недостатками, способными нанести значительный вред пользователю.

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 показала незаменимость цифровых технологий. С марта 2020 года все школы и университеты России перешли на удаленный режим, предполагающий обучение посредством электронных технологий. Несмотря на очевидность преимуществ дистанционного обучения (минимизация риска инфицирования, снижение временных и денежных затрат на посещение школы или вуза), отмечались и значимые недостатки, главными из которых стало снижение качества обучения и увеличение затрат. В частности, для организации обучения 16% семей были вынуждены приобрести дополнительную компьютерную технику, установить или усилить Сеть, а 23% семей приобрели мебель для оборудования рабочего места [1, 38].

К недостаткам перехода образовательного процесса в электронный формат, на наш взгляд, необходимо отнести снижение очных социальных контактов между обучающимися, в особенности школьного возраста, а также увеличение интернет-зависимости. Исследование, проведенное в США в 2022 году, показало, что перевод обучения и работы в электронный формат, обусловленный пандемией, вызвал рост интернет-зависимости, а наиболее выраженной зависимостью оказалась у детей и подростков [2].

Повсеместная цифровизация и стремление обеспечить цифровое равенство неизбежно приведет к формированию структурной безработицы. Согласно исследованию экспертов Всемирного экономического форума, проведенному в 2020 году, к 2025 году цифровизация бизнеса приведет к потере 85 миллионов рабочих мест в 26 развитых странах мира [3, 15]. Количество вакансий, которые будут появляться в будущем в связи с технологическим прогрессом, будет значительно меньше рабочих мест, замененных роботами. Таким образом, несмотря на автоматизацию рабочих процессов и рост качества производимых работ, усилится неравенство на рынке труда и возрастет социальная напряженность.

Обеспечение полного цифрового равенства чревато распространением неприемлемого контента среди детей и подростков. Так, в настоящее время в популярных социальных сетях России можно зарегистрироваться с 14 лет, однако верификация возраста не осуществляется, таким образом, можно беспрепятственно зарегистрироваться, указав недостоверный возраст и получив доступ к неприемлемому, зачастую опасному, контенту. Законодательно процесс регистрации детей в социальных сетях в России до настоящего времени не урегулирован.

Кроме того, в социальных сетях и мессенджерах распространено значительное количество недостоверной информации. Обеспечение беспрепятственного доступа к неотфильтрованной информации в Интернете способно нанести ущерб обществу и государству. При этом цензура распространяемой информации, во-первых, законодательно запрещена, во-вторых, технологически трудноосуществима, в-третьих, вызовет социальную напряженность. Таким образом, для обеспечения беспрепятственного

доступа к контенту всем индивидам необходима подготовка пользователей для верификации информации.

Цифровое равенство требует современных технологий информационной безопасности. Ранее при внедрении новых цифровых технологий почти сразу появлялись средства для их защиты, сейчас же с ростом скорости и глобализацией внедрения информационных решений обеспечение информационной безопасности отстает кардинально. Зачастую применяют цифровые решения, которые в принципе не предполагают защиты. Отсутствие обеспечения информационной безопасности определяет скачкообразный рост киберпреступности. По данным Министерства внутренних дел России, Ущерб от мошенников, действующих дистанционно, в 2021 году составил 45 миллиардов рублей, а в течение первого полугодия количество правонарушенийросло на 20 процентов. Увеличение количества Интернет-пользователей приведет к значительному росту киберпреступности.

Рост количества пользователей цифровых продуктов ведет к росту информации, содержащейся в Интернете. С учетом информационной незащищенности велик риск утечки конфиденциальных данных. По данным InfoWatch, в России только за первое полугодие 2022 года совершена утечка 305 баз данных, что почти на 50% больше, чем за тот же период 2021 года, объем похищенной информации увеличился в 16 раз. При этом согласно действующему законодательству за утечку персональных данных предусмотрен штраф до 100 тысяч рублей, что несоизмеримо меньше потенциального ущерба [4].

Наконец, повсеместное обеспечение доступа к цифровым продуктам влечет технологическую зависимость от иностранных поставщиков. Согласно исследованию Statcounter GlobalStats, в июне 2022 года 88% россиян используют операционную систему Windows, которая производится и поддерживается компанией Microsoft (США). При этом в феврале 2022 года Microsoft объявила о приостановке продаж и предоставления услуг в России. К сожалению, отечественные операционные системы не пользуются популярностью.

Таким образом, целью должно стать обеспечение качественного цифрового равенства. Во-первых, необходима актуализация действующего российского законодательства. Во-вторых, необходима разработка технологических решений, обеспечивающих информационную безопасность. В-третьих, необходимо обучение индивидов пользованию контентом, содержащимся в Сети. Наконец, необходимы отечественные разработки в цифровой среде.

1. *Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: Аналитический доклад / науч. ред. Е. А. Суханова, И. Д. Фрумин. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021. 46 с.*
2. *Masaeli, Nassim & Farhadi, Hadi. (2021). Prevalence of Internet-based addictive behaviors during COVID-19 pandemic: a systematic review. Journal of Addictive Diseases. 39. 1-27. 10.1080/10550887.2021.1895962.*
3. *The Future of Jobs Report. (2020). World Economic Forum 91-93 route de la Capite CH-1223 Cologny/Geneva Switzerland*
4. *Отчёт об исследовании утечек информации ограниченного доступа в I половине 2022 года. Экспертно-аналитический центр InfoWatch. 2022 г.*
5. *Desktop Windows Version Market Share Russian Federation. Research Statcounter GlobalStats*

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Шаповалова Анна Андреевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В связи с появлением в конце XX — начале XXI вв. информационно-коммуникационных технологий деятельность людей стала неразрывно связана с большими данными (big-data) и работой с ними. Примерно в то же время появилось понятие цифровизации, которое за последние годы стало все чаще встречаться в научной литературе и повседневной жизни. На данный момент термин «цифровизация» не имеет четкого, однозначного определения в российской и западной науке [1, 5-12]. Тем не менее, С.С. Хомякова предлагает следующее определение: цифровизация — это процесс, направленный на изменение процессов, в ходе которого происходит активное внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека, который меняет подход к использованию, хранению и передаче информации [2, 9-12]. Важно рассмотреть влияние цифровизации на систему образования, так как образование является важнейшим социальным институтом, который воспроизводит нормы культуры, нравственности и т.д.

Процесс цифровизации образования предусматривает использование школьниками и студентами современных технологий, которые дают безграничные возможности. Продуктивное применение цифровых технологий, включение обучающихся в самостоятельный поиск, отбор информации, участие в проектной деятельности формирует у них компетенции XXI века [3, 1132-1134].

Цифровизация образования, как и любой процесс, имеет ряд преимуществ и недостатков. Среди преимуществ можно выделить следующее: во-первых, появилась возможность находить информацию без ограничений на сайтах, форумах, иных интернет-ресурсах; во-вторых, появилась возможность обучаться удаленно, используя специальные приложения или сайты, что облегчило процесс обучения тем, кто не имеет возможности помещать учреждения образования по каким-либо причинам. В-третьих, процесс цифровизации экономики, образования и любых иных сфер жизни человека предполагает формирование у него цифровой (информационной) культуры, позволяющей грамотно использовать открывающиеся возможности и органично встраиваться в среду информационного общества [1]. Однако, наряду с положительными аспектами процесса цифровизации образования существуют недостатки. Самый главный - в период пандемии COVID-19 в 2020 году обострилась проблема цифрового неравенства, которое проявилось в недостаточном обеспечении семей учащихся нужной техникой для посещения школьных онлайн-занятий и доступа в Интернет. Например, в г. Санкт-Петербург с этой проблемой столкнулось около 3% школьников. [4]. Это тоже важный аспект.

Важно отметить, что в 2018 году Президент Российской Федерации подписал указ о реализации национального проекта «Образование», который включает в себя федеральный проект «Цифровая образовательная среда». Целью проекта является «создание условий для внедрения к 2024 году современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей формирование ценности к саморазвитию и самообразованию у обучающихся образовательных организаций всех видов и уровней, путем обновления информационно-коммуникационной инфраструктуры, подготовки кадров, создания федеральной цифровой платформы» [4]. Согласно годовому отчету за 2019 год Счетной палаты РФ лишь «35,6 % образовательных организаций обеспечены Интернет-соединением с установленной скоростью соединения». Таким образом, можно прийти к выводу, что в России активно проводятся комплексы мероприятий, направленные на внедрение современных цифровых технологий в образовательных организациях.

В заключение можно подчеркнуть, что важно рассматривать цифровизацию образования с разных сторон.

1. Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Солынин Н.Э., Ходырев А.М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 2. С. 5–12.
2. Хомякова С.С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне // Молодой ученый. 2019. № 41 (279). С. 9-12.
3. Федорова Т.А., Кукарцева О.И., Федорова Н.В. цифровизация образования: преимущества и недостатки. // молодые ученые в решении актуальных проблем науки. 2019. С. 1132-1134.
4. Яшина М.Н., Бесчасная А.А. Вовлеченность в дистант: школьники и родители о новом опыте обучения // Материалы X международной социологической Грушинской конференции «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности». Москва, 2020. 298 с. С. 213-217.
5. Приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту "Образование" от 07 декабря 2018 г. № 3 «Паспорт федерального проекта "Цифровая образовательная среда"» // URL: <https://edu-frn.spb.ru/files/i1MBxQ4cNH1BCsaWn2WqDgFinWeU3rVYpmObsd33.pdf> (дата обращения: 10.10.2022)

ЦИФРОВЫЕ ПОМОЩНИКИ: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Шляпников Виктор Валерьевич

(Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России)

Цифровые помощники – это интеллектуальные приложения, которые могут выполнять задачи или предоставлять услуги пользователю, реагируя на его заказы или запросы. Многие цифровые помощники могут понимать человеческую речь и реагировать на нее с помощью синтезированных голосов. Пользователи могут использовать голосовые команды, чтобы попросить своего цифрового помощника ответить на вопросы, управлять бытовой техникой или воспроизведением мультимедиа, выполнять другие важные действия, например, создавать списки дел и планировать встречи в календарях. В сфере интернета вещей цифровые помощники – популярный сервис для общения с пользователями на основе голосовых команд [3].

Этические проблемы, связанные с различными аспектами использования цифровых помощников, в последнее время находятся в центре внимания многих исследований. В статье о глобальном ландшафте руководящих принципов этики искусственного интеллекта [1] авторы обнаружили пять этических принципов, которые считаются важными во всем мире: прозрачность, справедливость, непричинение вреда, ответственность и подотчетность, конфиденциальность. Эти принципы можно интерпретировать и в контексте цифровых помощников, акцентируя внимание на том, какие соображения должны учитывать разработчики и пользователи при разработке цифровых помощников и взаимодействии с ними.

Прозрачность. При работе с цифровыми помощниками прозрачность относится к информированию потребителей о том, с кем они общаются (то есть с цифровым помощником, а не с реальным человеком), и о том, как данные потребителей будут храниться, анализироваться и использоваться [2].

Справедливость. В случае с цифровыми помощниками справедливость относится, прежде всего, к приоритету интересов потребителя и предоставлению беспристрастных рекомендаций.

Непричинение вреда. Цифровые помощники часто являются первыми, с кем общаются потребители при поиске информации об определенном товаре или услуге, и

если их ответы не помогают, это приводит к разочарованию и оскорблениям со стороны потребителей.

Ответственность и подотчетность. Это означает раскрытие потребителям информации о юридической ответственности и праве собственности на данные.

Конфиденциальность. Конфиденциальность означает, что ваша личная информация хранится в тайне и передается только с вашего согласия. Многие страны приняли законы и правила для защиты конфиденциальности персональных данных.

Этические принципы обычно основаны на хорошо обоснованных стандартах правильного и неправильного, которые предписывают, что должно делать с точки зрения прав, обязанностей, пользы для общества, справедливости или конкретных добродетелей. Цифровые помощники необходимо разрабатывать с учетом этических стандартов общества. Эти стандарты должны распространяться и на разработчиков, которые должны гарантировать, что взаимодействие цифровых помощников с пользователями будет способствовать честности, воздержанию от мошенничества или причинения вреда и обеспечивать право на неприкосновенность частной жизни.

1. Jobin A., Ienca M., Vayena, E. *The global landscape of AI ethics guidelines* // *Nature Machine Intelligence*. – 2019. – № 1. – P. 389-399. – DOI: <https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2>

2. Shanbhag A. *5 Chatbot Code Of Ethics Every Business Should Follow* // *BotCore*. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://botcore.ai/blog/5-chatbot-code-of-ethics-every-business-should-follow/>.

3. Soofastaei A. *Introductory Chapter: Virtual Assistants* // *Virtual Assistant* (Soofastaei A., Ed.). – London, United Kingdom: IntechOpen, 2021. – P. 1-9. – DOI: <https://doi.org/10.5772/intechopen.100248>

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Шушунова Татьяна Николаевна

(Белорусский государственный педагогический университет им. М.Танка)

Первая половина 21 века для каждого человека – это время колоссальных трансформаций, связанных в первую очередь с появлением такого очевидного маркера современной эпохи, как цифровая культура, позволяющая говорить о формировании совершенно новых поведенческих практик, связанных с попытками адаптироваться к ней и найти свое место в новом пространстве. Известно, что изначально термин «цифровая культура» был использован американским ученым Гиром в контексте объяснения возрастающей популярности в мире информационных и медиа технологий, что естественно для перехода жизни в стадию информационного общества, где именно информация и технология превращаются в главный стратегический ресурс развития [1].

Однако потребность в степени владении цифровой культурой на высоком уровне все чаще перестает быть исключительно профессиональной задачей специалиста, а превращается в базовую потребность современной личности, реализующей самые разные интересы от семейно-бытовых до коммуникативных в этом поле. И недавние события периода вынужденной самоизоляции тому яркий пример, когда каждый человек для продолжения своей активной фазы жизни был вынужден погружаться полностью в цифровой формат, перенося свои взаимодействия из социальной реальности в формы виртуального общения в сети, сталкиваясь с необходимостью разделять для себя еще один пласт культуры – цифровой.

Мы предполагаем, что имеет смысл рассматривать уровень владения цифровой культуры личности в контексте ее индивидуальной самосохранительной практики. Реальность вводит каждого в процесс цифровизации, рождая вместе с тем варианты

сохранения себя как активного члена общества. Соприкосновение с цифровой культурой есть определенной степени вызов для каждого, порождая для некоторых ситуацию стресса и неопределённости, угроз, а для других - многочисленные возможности и преимущества, в зависимости от возраста, уровня образования и прежнего образа жизни. Чем выше цифровая культура индивида, тем больше у него шансов сохранять свое здоровье на всех трех уровнях. Примеры того, как люди находили возможности применять свои цифровые компетенции в отношении сохранения себя и своего здоровья в биологическом, психологическом и социальном отношениях были подробно рассмотрены ранее. [2] И чем выше уровень владения цифровой культурой, тем больше возможностей к реализации задуманного. Например, биологическое направление самосохранительной практики в контексте цифровизации предполагает на макроуровне различные способы взаимодействия с институтами сферы здравоохранения, обеспечивающими диагностику и лечение, профилактику заболеваний личности через внедрение цифровых технологий в сам процесс - от предоставления услуг по электронной записи на прием, до возможности сохранять все данные пациента в электронном формате, что во многом ускоряет весь процесс сбора и обмен данными, экономит время. На микроуровне — это все имеющиеся на сегодняшний день способы индивидуальных практик сохранения своего здоровья в биологическом ключе посредством цифровой среды (фитнес. приложения или приложения для нормализации сна, счетчики коллегий и двигательной активности и т.д.). Обобщая все вышеперечисленное, можно еще раз отметить связь и значимость повышения уровня цифровой культуры индивида в контексте новых возможностей репрезентации индивидуальных самосохранительных практик.

1. Елькина Е.Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://openbooks.itmo.ru/ru/file/8471/8471.pdf> – Дата доступа : 04.10.2022.

2. Шушунова Т.Н., Лебедева Е.В. Цифровой город в эпоху пандемии: «старые» социальные практики в разрезе новых информационных технологий / Цифровой город: новый социальный транзит / А.К. Мамедов [и др.]; под ред. А.Н.Данилова, А.К.Мамедова. – Минск: РИВШ, 2021 г. С.108 -132. (монография)

3. Цифровая версия культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://giprosvjaz.by/ru/news/cifrovaya-versiya-kultury-2674> – Дата доступа : 04.10.2022.

4. Горлова И.И., Зорин А.Л. Цифровая культуры в информационном обществе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <file:///C:/Users/User/Downloads/tsifrovaya-kultura-v-informatsionnom-obschestve.pdf> – Дата доступа : 04.10.2022.

5. Шушунова, Т.Н. Самосохранительное поведение студенческой молодежи: социологический анализ (на примере минских вузов) / Т.Н.Шушунова; БГПУ им. М.Танка. – Минск: Право и экономика, 2010. -184 с.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ИТ СПЕЦИАЛИСТОВ

Юй Ян

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Дерюгин Павел Петрович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Баннова Олеся Сергеевна

(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ))

(При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19)

В условиях процесса глобализации мировые цивилизации объединились в единое сообщество, в котором существуют прямые связи друг с другом, и по мере углубления

связей цивилизаций важность ИТ специалистов становится все более значимой. Каждая цивилизация имеет свои основные ценности, и это привело к определенной социальной специфике в ценностях специалистов. В этом контексте различные социальные группы взаимодействуют друг с другом, и в этой процессе взаимопонимание становится важным. Основываясь в условиях цифровой глобализации, было проведено наше исследование особенностей ценностей российских и китайских ИТ специалистов.

Теоретическое обоснование:

Известный русско-американский социолог П.А. Сорокин подчеркивает, изучение ментальности и характеристики какой-то социальной группы или индивида в разных существующих комплексах, требуют отдельного рассмотрения [1, 68]. Поэтому в рамках данного исследования мы распределили выборку на три группы ИТ-специалистов: руководители ИТ-групп, ИТ-разработчики и обеспечивающий персонал ИТ-компаний (менеджеры. Маркетологи, рекламщики и др. [2, 142].

Российский ученый А.Э. Гегер справедливо предполагает вначале применение методов качественного анализа объектов исследования, что позволит определить более значимые направления формирования ценностей и получить более стабильные и реалистичные данные о ценностях [3, 110]. В нашем исследовании, с самого начала проводились интервью и наблюдения, которые позволили сформировать основные вопросы анкетного опроса, для осуществления количественного анализа. Далее, наша исследовательская команда также рассматривала количественный анализ как последующий момент исследования, разрабатывая различные направления формирования ценностей, т.е. – использованы внутрипрофессиональные вопросы для группы ИТ специалистов и ориентация на комплексные характеристики этой группы. В итоге был проведен сравнительный анализ, основанный на применении метода сетевого анализа. [4, 127]

Цель исследования – анализ тенденций и особенностей ценностей российских и китайских ИТ специалистов, в целях выявления характеристик формирования их человеческого капитала, в условиях общества, в которых действуют эти специалисты.

Анализ проводился в 2022 г. Опросник включал 44 индикаторов-ценностей. Выборка российских и китайских ИТ специалистов составила N = 248. Частичные количественные результаты (вариант) исследования показаны на рис. 1.

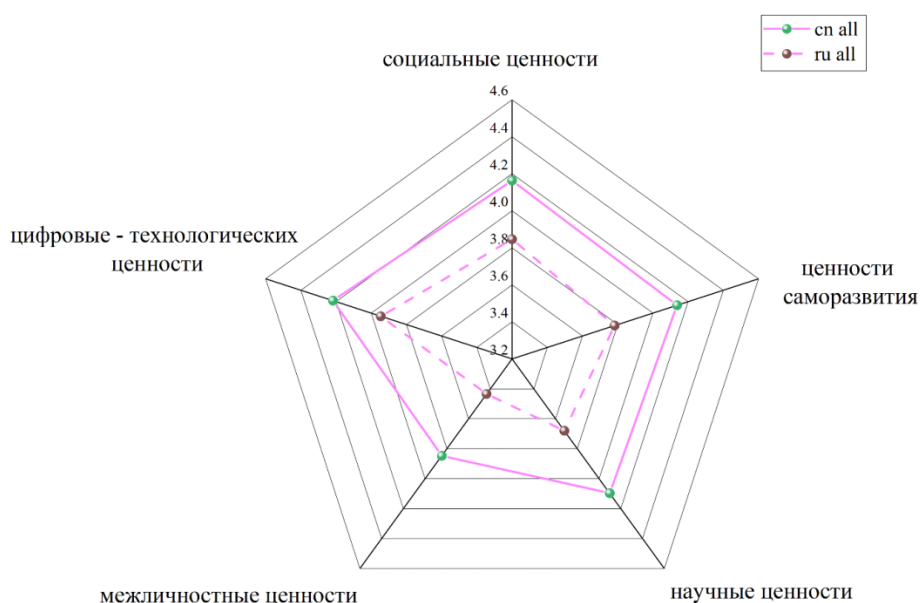

Рис. 1. Структура ценностей российских и китайских ИТ специалистов общих групп

Основные выводы:

Во-первых, о стабильности системы ценностей. Система ценностей ИТ специалистов характеризуется стабильной структурой. Различие межличностной ценности между китайскими ИТ специалистами и российскими является самым большим.

Во-вторых, особенности в том, что ценности китайских ИТ специалистов значительно более единые чем у российских специалистов.

В-третьих, обе страны имеют модели ценности со своими спецификами в ИТ сфере, при этом китайские ИТ специалисты имеют сбалансированный и высокий уровень развития во всех аспектах ценностей, а российские сосредоточены на цифровом направлении.

В-четвертых, межличностные ценности стабильно располагаются на самом низком уровне среди всех групп. Одновременно с этим, цифровые ценности стабильно находятся на самом высоком уровне во всех группах., а другие ценности остаются на том же уровне внутри своей группы.

Результаты данного исследования показывают, что в России и в Китае социальные модели ценностей в ИТ сфере во многом похожи, но в чем-то различаются. Это важно учитывать при организации взаимодействия ИТ – специалистов России и Китая, а также в интересах рационализации структуры отрасли и максимально эффективно распределять человеческого капитала.

1. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Москва: Астрель, 2006.
2. Муляр Е. А., Пристав Е. С., Скороход А. С. Концепция развития культуры П. Сорокина // Царскосельские чтения. 2016. №XX.
3. Гегер, А. Э. (2010). Изучение ценностных ориентаций социальных групп: взаимосвязь метода и получаемого результата. Петербургская социология сегодня.
4. Сетевой подход в социологии: генезис идей, современное состояние и возможности применения, 2014, Москва, Д.В. Мальцева.
5. Дерюгин П.П. СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ. Санкт-Петербург, 2001.

ЦИФРОВЫЕ ГРАЖДАНЕ

Янышен Анна Андреевна

(Карельский научный центр Российской академии наук)

Работа выполнена в рамках Госзадания КарНЦ РАН "Исследование социально-экономических факторов, процессов и эффектов цифровой трансформации регионов России" (FMEN-2022-0010).

Повсеместная цифровизация затрагивает все без исключения сферы общественной жизни. Цифровые технологии проникают в повседневную жизнь граждан, и те, в свою очередь, становятся потребителями цифровых товаров и услуг. В настоящее время все большая часть гражданских взаимодействий осуществляется при использовании сети Интернет. Цифровизация оказывает влияние на гражданскую активность и развитие гражданского общества [1, 2063-2079]: с каждым днем все больше пользователей сети Интернет может получать консультации по общественным и политическим проблемам, а также публично высказать свое мнение в этих сферах. Цифровое гражданство затрагивает особую область гражданско-правовых отношений, осуществляемых между гражданином и государством, либо между гражданами. Потребление гражданами цифровых технологий диктует условия для их дальнейшего развития и производства, что говорит о

необходимости мониторинга использования цифровых технологий гражданами в регионах России.

Цифровое гражданство подразумевает в себе особенную область гражданско-правовых отношений, имеющих цифровой формат и осуществляемых в информационно-телекоммуникационных сетях.

В настоящее время цифровые технологии позволяют снижать барьеры на пути участия гражданина в жизни общества: упрощается получение государственных и муниципальных услуг, появляется возможность пользоваться интернетом для получения услуг в области здравоохранения, наращивает темпы онлайн-образование, развивается интернет-торговля товарами и услугами, стремительно наращивают количество ежедневных пользователей различные социальные сети. Для комфортного использования продуктов цифровизации, отдельные пользователи и домохозяйства должны иметь беспрепятственный доступ к современным цифровым технологиям.

Цифровое гражданство подразумевает под собой наличие прав и свобод пользователей (граждан), включающих в себя такие базовые права как право на доступ к сети Интернет, получение и передачу информации, открытость технологий, создание и публикацию собственного контента, защиту персональных данных, информационную безопасность.

Учитывая вышеописанное, была сформирована концептуальная схема предметной области цифровые граждане, состоящая из направлений:

Степень доступности цифровых технологий для граждан и домохозяйств;

Степень развитости цифровых навыков и компетенций граждан;

Использование новых цифровых технологий и платформ;

Уровень доверия к цифровым технологиям и информационная безопасность.

Каждому направлению предложенной концептуальной схемы соответствует система показателей, позволяющая оценить доступность цифровых технологий для граждан, обозначить цели использования сети Интернет пользователями, оценить уровень доверия к цифровым технологиям и готовность предоставления персональных данных, охарактеризовать уровень использования технологий цифровыми гражданами, что позволит проводить ежегодный мониторинг и разработать рекомендации для субъектов Российской Федерации по проведению политики дальнейшего цифрового развития.

1. Jones L.M., Mitchell K.J. 2016. Defining and Measuring Youth Digital Citizenship. – New Media & Society. Vol.18. no.9. P.2063-2079.

СВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ИНТЕРНЕТ-ПРАКТИК НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ.

Ясников Николай Николаевич
(Вологодский научный центр РАН)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Проект № 20-011-00326, «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

В 2021 году в Вологодской области в рамках реализации проекта «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», проект РФФИ № 20-011-00326 был проведён социологический опрос населения. При обработке материалов этого опроса применялась методика построения индикаторной модели социального капитала, основанная на индексном методе [1].

В процессе исследования нами была обнаружена некоторая связь уровня социального капитала респондентов с их активностью в интернете. Респонденты с более

высокими его уровнями чаще прочих сообщали, что пользуются интернетом практически ежедневно (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как часто вы пользуетесь интернетом?» (в%, в зависимости от уровня социального капитала).

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Практически ежедневно	49	51	63	74	68
Несколько раз в неделю	19	22	19	15	15
Несколько раз в месяц	4	7	5	4	4
Не пользуюсь Интернетом	29	19	13	7	14

Было установлено, что респонденты с самым высоким уровнем социального капитала (пятым) чаще прочих используют интернет в рабочих целях. Наименьший разброс в вопросе отличительности практик использования интернета оказался у таких сфер деятельности как учёба, общение в соцсетях и поиск информации, все респонденты более-менее равномерно использовали интернет в этих целях (хотя и наблюдался небольшой сдвиг в пользу обладателей более высоких уровней социального капитала). При этом, обладатели социального капитала выше среднего уровня (четвертого) чаще прочих использовали интернет как элемент досуга или средство оплаты услуг.

Исследование так же показало, что обладатели более высоких уровней социального капитала чаще считают находимую ими информацию в интернете достоверной (23% у обладателей минимального уровня социального капитала, против 61% у обладателей высоких уровней социального капитала) и они более склонны ей доверять (38% против 66%), однако при этом, около половины опрошенных (не зависимо от их уровня социального капитала) считают, что информацию полученную в интернете нужно проверять (даже если она кажется достоверной).

Таким образом мы смогли обнаружить, что уровень социального капитала определенным образом связан с практиками поведения в интернет пространстве. Люди с высокими уровнями социального капитала чаще пользуются интернетом в целом и в рабочих целях в частности. Респонденты с социальным капиталом выше среднего уровня чаще прочих (даже чаще обладателей социального капитала высокого уровня) используют как элемент досуга или для оплаты товаров и услуг, в то время как использование интернета для общения, учёбы и поиска информации примерно одинаково для всех групп носителей социального капитала (с небольшим перевесом в сторону обладателей более высоких уровней). Причиной большего доверия информации в интернете со стороны обладателей высоких уровней социального капитала может быть их больший опыт в этой сфере, благодаря чему им известны более надёжные источники.

1. Региональный социальный капитал в условиях кризиса / Гужавина Т.А. Афанасьев Д.В., Воробьёва И.Н., Мехова А.А., Морев М.В., Дементьева И.Н. // Монография. Череповец: ЧГУ. 2018. 220 с.

СЕКЦИЯ 6: ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОСТ-ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ДЛЯ АНАЛИЗА ФИЛЬМА «ПАРАЗИТЫ»

Абдаллах Лейла

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Третьякова Ирина Дмитриевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Проблема социального неравенства является одной из ключевых в фильме. «Паразиты» достигли большого успеха по всему миру что указывает на то, что эта проблема как никогда популярна [3, 60]. Также освещается проблема традиционной консервативности (и присущей ей строго регламентированной в корейском обществе иерархии), преступности и ее мотивов (семья Кимов не являются антагонистами — они не злые, не корыстные. Они не хуже и не глупее остальных — но не имеют возможности найти стабильный доход и организовать свою жизнь из-за сложившейся конъюнктуры и социальной иерархии. Они решаются на обман и преступление от безысходности – потому что не имеют других вариантов социального лифта) и глобализации (в частности, вестернизации).

Данную кинокартину можно анализировать, применяя следующие теоретические парадигмы и концепции:

Драматургический подход. Кимам приходится играть роли для того, чтобы трудоустроиться. Каждый из них изображает компетентность в своей области. Фильм показывает нам, что нуждающиеся люди поставлены в такие обстоятельства, что им приходится изображать из себя того, кем они не являются на самом деле, чтобы выжить. А богатые люди выглядят очень естественно в своей среде обитания. Их статус и деньги позволяют им никого из себя не изображать.

Теория подражания Тарда. Паки подражают американцам в их образе жизни: слова, еда, предметы интерьера, костюмы. Кимы подражают Пакам: пока их нет дома, моются в их ванной, пьют их коньяк, едят их еду, используют их мебель. Если верить экранизации, Ки-Ву сначала подражал жизни богачей, а затем смог и сам разбогатеть.

Структура – действие. Как уже неоднократно говорилось, в фильме эксплуатируется остросоциальная тема классового неравенства. Уровень неравенства в фильме соответствует реальному положению дел, но оно как раз и зависит от того, соблюдают ли корейцы традиционные устои и правила. Если бы они, допустим, резко перестали соблюдать иерархию – то есть свободно действовать и формировать новое общество – оно бы изменилось.

Пон Чжун Хо начал работать над паразитами еще в 2013, когда заканчивал сценарий «Сквозь снег». Как он сам признается, это работа является международной, а ему хотелось показать и локальную специфику социального неравенства в Корее. Режиссер говорит, что хотя «Паразиты» вышли в 2019, за эти 6 лет ничего не изменилось [6]. Для того чтобы понимать южнокорейское кино не обязательно знать все тонкости культуры и владеть языком [5, 120]. Перспективы трудоустройства в Южной Корее зачастую зависят от семейного происхождения. При приеме на работу работодатели могут задать вопрос о родителях соискателя. Что в свою очередь способствует более успешному трудоустройству кандидатов из привилегированных семей [4, 159].

1. *Паразиты* // *Кинопоиск*. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/49cabe58a782cf41b9d136ee978eaf18> (Дата обращения: 20.09.22)
2. Коряковцева П. Основные характеристики жанра развлекательных программ на телевидении (на примере южнокорейского телешоу *Running Man*) // *Меди@льманах*. – 2022. – № 1. – С. 105-112.
3. Рыбальская В. В. Критика капиталистической системы в сериале «Игра в кальмара» / В. В. Рыбальская, А. А. Сулов // *Корееведение в России: направление и развитие*. – 2022. – Т. 3. № 1. – С 58-56.
4. Тангалычева Р. К. Молодежные проблемы в южнокорейском кинематографе (на материале фильма Ли Чхандона «Пылающий») // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология* – 2022. – Т. 15. Вып. 2. С – 155-171.
5. Тангалычева Р. К. Южнокорейский кинематограф: культурное влияние в мире и в России // *Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований»*. – 2021. – № 2. – С 117-123.
6. Я пытался понять бедных // *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3983890> (Дата обращения: 20.09.22)

ОТНОШЕНИЕ К ТЕЛУ В ПОСТ-ПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД: «НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ» В ТЕЛЕСНЫХ ПРАКТИКАХ

Абрамова Софья Борисовна
(Уральский федеральный университет)

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20365, <https://rscf.ru/project/22-28-20365/>.

В значительной мере идея «новой нормальности» связана с признанием значимых изменений, произошедших в экономике после кризиса 2008 года и в социальных отношениях в период пандемии. Тем не менее, дискуссия о глубине этих изменений ставит вопрос, действительно ли изменения имеют кардинальный характер [1] и как сильно они затронули те или иные ценностные, институциональные или иные аспекты общественной жизни.

Период пандемии вызвал широкий исследовательский интерес к вопросам здоровья, отношения к физической нагрузке, практик питания и пр. Исследования начала периода пандемии не фиксировали значимых изменений в восприятии образа тела, однако указывали на рост давления со стороны СМИ в формировании стандартов образа жизни и красоты.[2] К концу пандемии исследования фиксировали снижение уровня оценки физического самочувствия и психического настроения, повышение использования стимуляторов, в том числе наркотических, усиление некоторых гигиенических практик и т. п. [3]

Настоящий период нельзя полностью расценивать как пост-пандемический, однако он характеризуется значимым снижением ограничений и рисков. Это позволяет поставить вопрос, в какой мере повседневные практики имеют «возвратный» характер, закрепились ли новые практики в отношении телесности и изменилось ли восприятие тела как рефлексия опыта переживания пандемии.

В июле-сентябре 2022 года проведен опрос 1077 жителей городов Свердловской области в возрасте от 18 до 60 лет, одной из задач которого выступало изучение восприятия своего тела в сравнении с допандемическим периодом. 60% опрошенных полагают, что пандемия не повлияла на их отношение к своему телу, при этом 37% в этом категорически уверены. Здесь просматривается зависимость от возраста: чем старше возрастная группа, тем ниже доля отрицающих изменения (в подгруппе 46-60-летних только 20% полностью уверены в отсутствии изменения в своем отношении к телу).

Факт болезни коронавирусом оказывает незначительное влияние: среди переболевших также большинство (55%) заявляют, что скорее или абсолютно точно не изменили свое отношение к телу (среди не болевших этот показатель составляет 61%, что не может быть расценено как принципиально значимая разница). Близкие показатели в категориях болевших и неболевших вирусом и по направленности изменения своего отношения: стали больше заботиться о теле и бережнее к нему относиться 31% болевших и 24% неболевших, стали фаталистами и полагаются на волю случая в болезнях 8% болевших и 6% неболевших.

Следовательно, несмотря на то, что 67% отметили некоторые изменения в практиках заботы о теле в сравнении с допандемическим периодом, большинство опрошенных не воспринимают это как изменение своего отношения к телесности в целом.

1. *Новая нормальность. Образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии / Аналитический центр НАФИ. М.: Издательство НАФИ, 2020. 73 с.*

2. *Vaceviciene M., Jankauskiene R. Changes in sociocultural attitudes towards appearance, body image, eating attitudes and behaviours, physical activity, and quality of life in students before and during COVID-19 lockdown // Appetite. 2021. Nov 1;166:105452. DOI: 10.1016/j.appet.2021.105452*

3. *Kulak-Bejda A., Bejda G., Kulak W., Guzowski A., Filon J., Lukaszuk C., Cybulski M., Waszkiewicz N., Krajewska-Kulak E. Impact of the Pandemic on Selected Aspects of Health-Promoting Attitudes in 2020–2021: A Cross-Sectional Study // Frontiers in Public Health. 2022. DOI: 10.3389/fpubh.2022.916972*

ИНДУСТРИЯ КРАСОТЫ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛЕ УСПЕХА

Архарова Елизавета Германовна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

За последние годы индустрия красоты стала одной из значимых сфер в жизни современного человека. Согласно социологическим исследованиям главными клиентами парикмахерских, салонов красоты, СПА, фитнес-центров были женщины, однако, с недавнего времени парадигма поменялась. Мода на соответствие эталону красоты стала элементом деятельности мужчин. Понимание современной красоты одинаково подходит к обоим полам, а желание быть красивым, делать себя красивым, трансформировать облик и тело в соответствии с эталоном – это демонстрация социального статуса.

Такие характеристики человека, как стиль, имидж, ухоженность, физический и мышечный тонус, молодая кожа помимо того, что влияют на уровень самооценки, оценки и отношения к другому человеку, также значат многое в плане социальных взаимодействий. Человек, обладающий вышеперечисленными характеристиками внешней привлекательности, располагает к себе, создает впечатление человека успешного. Его окружение, друзья, коллектив – вряд ли кто-то не пожелает быть на него похожим.

Индустрия красоты прочно ассоциируется с высокими ценами на процедуры, услуги, абонементы, что безусловно влияет на престижность не только самой индустрии, но и всех, кто является ее участником. Женщины, создающие красоту на лице при помощи косметических чудес современности, создают еще и ощущение престижности, причастности к высокому социальному статусу. Поэтому походы в фитнес-залы, СПА-салоны, к мастерам по маникюру, косметологам, пластическим хирургам и прочим деятелям красоты, позволительны тем, у кого есть не только деньги, но и время. Достаток времени и его изобилие – важное дополнение к образу успешного человека. Именно в этом ракурсе рассмотрение индустрии красоты представляется нам социальным полем успеха.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОСТ-ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Бабанов Егор Александрович
(ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского)

Землянская Анастасия Викторовна
(ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского)

Проблема трансформации культурного пространства всегда являлась крайне актуальной. Культура не статична, и постоянно меняется. Народные ценности меняются, создавая новое социокультурное пространство. Для лучшего понимания данной проблемы стоит разобраться с некоторыми понятиями.

Понятие осевого времени, достаточно важное. Данное понятие было введено Карлом Ясперсом в работе «Истоки истории и её цель» (1948) [1]. Под осевым временем он понимал резкий поворот истории, вследствие которого происходило изменение взглядов на мир, т.е. отход от мифологического взгляда на мир к рациональному и философскому, в ходе чего произошло формирование того типа человека, который существует в наши дни. Для описания этих нововведений он ввёл термин одухотворение. Под одухотворением он понимал отождествление живых существ с предметами окружающего внешнего мира путем приписывания им осмысленных действий. Ясперс в качестве осевого времени выделил промежуток времени с 800 по 200 года до нашей эры.

При рассмотрении проблемы трансформации культурного пространства, возможно, столкнуться со следующими проблемами:

Доминирование в культуре рыночных отношений. Экономическая культура или контркультура доминирует, товаром становится то, что не должно им быть. Товаром становится и сам человек. Дружба, здоровье, человеческие идеалы теряют свою сакральную ценность, происходит десакрализация. Сам по себе рынок это большое благо. Рынок нельзя отрицать. Но он всех помечает своим десакральным знаком.

Отношение культуры и техники. Человечество давно столкнулось с техникой. Что есть научно-технический процесс с точки зрения культуры, оказывается не безусловной ценностью. Сегодня технические корпорации охватывают всю планету. Глобальная, техническая цивилизация лишает человека уникального существования.

Проблемы духовного туризма. Дух – это вера. Сегодня чувство веры обновляется. Сталкиваются вера которая одна и веры которых много. Сегодня существует переход из одной веры в другую. Это явление называется духовным туризмом.

Проблема отсутствия гуманности и агрессивности культуры. Понятие агрессии не однозначно. Это понятие с двойным знаком. Агрессия – это способ решения проблем, доступный человеку неуверенному. Человек внутренне не уверен, но внешне излишне самоуверен. Форма агрессии идеализируется. Агрессия должна быть в гомеопатических дозах.

В первую очередь на трансформацию культуры влияет глобализация. Под глобализацией культурного пространства мы в первую очередь понимаем обмен всевозможными идеями, увлечениями, ценностями и смыслами по всему миру таким образом, чтобы расширить и интенсифицировать социальные отношения. Сам по себе этот процесс характеризуется общим для всех потреблением культур, которые распространены через СМИ, интернет, путешествия и культурные мероприятия [2].

Данный процесс рассматривается с разных сторон. Культурная глобализация, как и многие другие явления, оказывает как положительное, так и отрицательное воздействие на все сферы общественной жизни. Так, в процессе глобализации развитые и развивающиеся общества обогащаются в различных сферах жизнедеятельности (в экономической, в сфере торговли и промышленности), но, с другой стороны, они зачастую теряют элементы своей

национальной культуры, свою уникальность, чувство независимости и самостоятельности. Так же важную роль в данном процессе играет развитие средств коммуникации. Качественные скачки в изменении технических способов производства и передачи информации, социальных условий ее распространения и потребления ученые называют коммуникационными революциями.

Херберт Маршалл Маклюэн обратил внимание на то, что «общественная жизнь зависит в большей мере от характера средств, при помощи которых индивиды поддерживают между собой связь, чем от содержания их сообщений» [Маклюэн 2004: 341]. Действительно, достижения науки и техники, которые создают языки общения или меняют способы производства, трансляции, хранения и использования информации, оказывают наибольшее влияние на человеческое мышление. Наиболее значимыми из них считаются переходы от устной культуры к буквенной и от буквенной – к цифровой.

1. Ясперс К. *Смысл и назначение истории: Пер. с нем.* - М.: Политиздат, 1991.-527 с. (Мыслители XX в.). - С.28-286.

2. Землянская, А. В. Система двухконтурного социального управления информационной безопасностью младших школьников в среде массовой культуры / А. В. Землянская, Ю. В. Шмарион // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2019. – № 2(11). – С. 65-75. – DOI 10.24411/2541-9056-2019-11007. – EDN LIEGDH.

3. Маклюэн М. *Средство само есть содержание // Информационное общество.* – СПб. – М.: АСТ, 2004. – С. 341-348.

МЕДИАТИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Баглаева Мария Федоровна

(Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им.В.Р.Филиппова)

Пандемия COVID-19 внесла серьезные коррективы в образ жизни российского населения. С 2020 года по всей России действует ряд ограничений, связанных с недопущением распространения новой коронавирусной инфекции. В этих условиях наблюдается некий всплеск медиапотребления в обществе.

Современные медиа перестали быть только технологической площадкой, став полноценным институтом, активно влияющим на социальную жизнь и другие институты общества[2].

В последнее время медиатехнологии активно используются в религиозной среде.

В период пандемии начался новый этап процесса медиатизации религии, когда процесс передачи религиозной информации и осуществление религиозных практик вынужденно переместились в цифровую среду.

Данной теме посвящено уже ряд научных работ. В частности, 23 июня 2021 г. был представлен свежий специальный номер журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» (№1 за 2021 г.), ряд статей которого посвящен процессам медиатизации религии в период пандемии[1].

Первыми с проблемой осуществления религиозных мероприятий столкнулись сторонники православия. Богослужения по поводу празднования Пасхи в 2020 году уже проводились с использованием цифровой платформы YouTube. 13 апреля 2020 года на сайте информационного агентства РБК были опубликованы результаты исследования компании QratorLabs, в котором говорится, что «в последнюю неделю марта объем потребления трафика на религиозных сайтах вырос на 30-500%». Представители компании объясняли этот рост повышенным интересом к религиозной теме и тем, что «многие участвуют в церковных службах по видеосвязи»[3].

Кроме этого, все беседы и исповеди верующих перешли в дистанционный формат на платформах Zoom, Skype и Clubhouse. Форму диалога поддерживали при помощи

сервиса «вопрос-ответ», личные сообщения и звонки в мессенджерах. Также отдельной категорией стали дистанционные обряды на веб-платформах. За период 2020–2021 года РПЦ были трансформированы почти все сферы деятельности с целью оказания поддержки верующим в условиях пандемии. Большую популярность при взаимоотношениях между религиозными сообществами и верующими в период пандемии приобрели социальные сети. На период пандемии запустили хештег «#молитесьдома», обозначающего призыв к соблюдению всех противоэпидемиологических правил. В официальном аккаунте «RPC online» в Instagram появились посты, призывающие к соблюдению мер, которые предлагали заказать службу из дома[5].

В буддийских сообществах также произошли существенные перемены. Если в 2020 году буддисты Республики Бурятия могли принять участие в обрядах, посвященных празднованию нового года по восточному календарю, то в 2021 году такой возможности у них не оказалось. Большинство верующих следили за мероприятиями в онлайн-формате. В популярных мессенджерах WhatsApp и Viber ежедневно публикуется расписание хуралов в различных дацанах, где указано, что имена и пожертвования на мелебны можно внести по номеру телефона. Также в период пандемии активно развивается официальный Twitter-аккаунт духовного лидера буддистов Далай-ламы.

Трансформацию религиозных практик ощутили на себе и мусульманские институты, которые довольно консервативны в методах коммуникации со своими прихожанами. Пандемия обозначила нерадужные для них перспективы потери связи с верующими в условиях невозможности использования традиционных «контактных» средств коммуникации. В этих условиях закономерным стал перенос их деятельности по передаче исламских знаний и исполнению религиозных ритуалов в онлайн-среду. Сотрудники Муфтията стали активнее использовать социальные сети и другие интернет-площадки для информирования мусульман о своей деятельности, распространения исламских знаний и другой социально важной работы. В онлайн-формат были переведены и занятия преподавателей ДУМК (Духовное Управление Мусульман Крыма) в рамках проекта «Халкъмедресеси» (Народное медресе), действующего с 2018 г. и нацеленного на повышение квалификации действующих имамов и подготовку новых религиозных кадров. Занятия проходили на платформе Zoom[4].

Таким образом, пандемия стала катализатором ускорения процесса медиатизации религии, стимулировала привлечение новых информационных технологий в процесс исполнения религиозных обрядов и передачи религиозных знаний. Опыт работы религиозных организаций в сложных условиях пандемии показал, что дальнейшее развитие медиатизации религии в России будет сопровождаться ориентацией на активное развитие интерактивности: усиление интерактивности богослужений, появление в них элементов иммерсивности, перспективы существенных изменений в литургической жизни благодаря ее цифровизации.

1. Дукин Р. А. Медиатизация современного общества: влияние социальных медиа / Р. А. Дукин // *Теория и практика общественного развития*. 2016. № 2. С. 24-26.
2. *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2021. Т. 39. № 1. 327 с.
3. Лученко К. Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия / К. Лученко // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2021. Т. 39. № 1. С. 39-57.
4. Поповкин А. В., Поповкина Г.С. Русская православная церковь перед лицом коронавирусной пандемии // *Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. 2021: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-pered-litsom-koronavirusnoy-pandemii>
5. Муратова Э. С. Религиозные практики и медиатизация ислама в Крыму в условиях пандемии / Э. С. Муратова // *Исламоведение*. 2021. Т. 12. № 3(49). С. 34-41.

МЕДИАТИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ: ЦИФРОВЫЕ НОВАТОРЫ И МЕДИАБРЕНДИРОВАНИЕ

Бадмацыренов Тимур Баторович

(Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова)

Островская Елена Александровна

(Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра теории и истории социологии)

Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20 011 00531 «Российский буддизм и социальные медиа: цифровая трансформация буддийских сообществ».

Стремительно разворачивающиеся процессы цифровизации и медиатизации радикально изменяют контуры социальной реальности, смысловые наполнения рутинных коммуникативных практик. Небывалые прежде компоновки индивидов, коммуникаций и медиа порождают новые смыслы, транслокальные цифровые пространства диалога о разных тематических секторах реальности. Религиозные цифровые пространства блогов, сайтов, подкастов, онлайн лекции, проповеди и богослужения расширяют публичный дискурс о религиях, делая доступными и проницаемыми смыслы и связи, сокрытые прежде от исследователей. Они открывают доступ к информации и практике вне границ сакральных территорий и предписаний.

Опосредуемые медиа религиозные коммуникативные практики все больше привлекают внимание отечественных социологов и религиоведов. В последние годы появилось немало публикаций о практиках цифрового православия, медиатизированного буддизма, цифровых религиозных СМИ, публичных имиджах традиционных религий. И в каждой из них исследователи так или иначе задаются вопросами о степенях медиатизированности традиционных религий – их отношении к интернету и новым медиа, о возможностях и границах выведения религиозных практик в онлайн формат, о социальных трансформациях, привносимых комбинациями офлайн-онлайн религиозных коммуникаций.

В настоящем докладе мы проанализируем трансформации коммуникативных практик православия, буддизма и иудаизма в контексте цифровизации и медиатизации российского общества. Как показывают наши исследования, в динамике цифровизации российских религий можно выделить три стадии: конец 1980-х – 1990-е гг. появление первых эхоконференций, досок объявлений, рассылок, сетевых компьютерных сообществ; 2000-2010 гг. оцифрование религиозных СМИ и доктринальной литературы, формирование собственных медианиш (храмовых и общинных сайтов, подкастов, форумов, радио и телепередач); 2010 – 2022 гг. освоение социальных медиа (блоги и каналы, открытые и закрытые паблики, стримы для транслокальных проповедей и практик) и создание собственных религиозных медиа. Цифровизация российских религий оформила небывалые прежде комбинации акторов, коммуникативных практик и медиа. Так, внутри православной среды вызрела священническая блогосфера, трансформирующая прежние представления и практики прозелитизма, миссии и катехизации. Медиапрактики русскоязычных ортодоксальных евреев в социальных медиа – блоги, открытые и закрытые группы, онлайн лекции – имеют своим следствием формирование транслокального пространства конструирования смыслов практик соблюдения заповедей Торы, построение диалога между ортодоксальными направлениями, офлайн конфронтующими друг друга. Российские буддийские сообщества демонстрируют широкую вариативность в создании собственных медиа. Пройдя путь от локальных сайтов и общевбуддийского форума к собственным медиа, они

стремятся к продвижению собственных буддийских традиций как медиабренда в русскоязычном публичном медиапространстве.

РАСШИРЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОСТ-ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ ПОСРЕДСТВОМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Балаховский Никита Максимович

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет»)

Коммуникация как процесс взаимодействия между 2 и более людьми претерпел трансформацию в условиях медиапространства и глобализации. В XXI веке Интернет стал новым каналом процесса коммуникации, играющим все более важную роль в современном обществе. Интернет-коммуникация — это специфическая форма общения, представляющая собой диалоговое взаимодействие людей в сети Интернет, осуществляемое путём обмена в режиме реального времени знаковыми (текст, графические символы) и мультимедийными (видеоролики, фотографии, картинки, анимация, музыка) сообщениями [2, С. 210]

Глобальные процессы, происходящие в современном мире в сфере науки, экономики и образования породили необходимость расширения межкультурных связей между представителями разных стран и народов. Именно в этом и помогают социальные сети [1, С. 3]

В основе современного информационного общества лежит единое коммуникационное поле со своими компьютерными и телекоммуникационными сетями. Новое цифровое коммуникационное пространство является универсальным, она охватывает каждого, кто принимает участие в общении в рамках социальных сетей, Интернета. Однако в эту коммуникацию чаще всего больше интегрированы страны с развитой технологической сферой — для того чтобы пользоваться электронными коммуникациями, необходимо иметь определенный уровень технологий в сфере коммуникаций, уровень развития научно-технического потенциала [4, С. 98]

Социальные сети способствовали расширению коммуникативного пространства, они повысили активность, позволив, вовлекать в общение все больше людей, тем самым мобилизуя их в интернет-сообществе. Коммуникация стала мультимедийной, социальные сети дали возможность передавать различные данные: визуальные, графические, аудиальные и т.п. Особого внимания заслуживает коммуникация через фотографии. В социальных сетях можно наблюдать такой феномен как «показательные фотографии».

Новое коммуникативное пространство в цифровой среде может быть и анонимным: посредством создания страниц с другим именем и личной информацией. Пользователь может создать новое «Я», такое, какое он хочет, чтобы видели окружающие, создаёт новую фантазийную личность.

В социальных сетях человек может познать себя через коммуникацию с другими: пользователь выкладывает фотографию или пишет какой-то текст и ждёт оценку от других пользователей.

Также стоит сказать, что происходит трансформация идентичности личности. Возникает термин «сетевая идентичность», главным отличием которой является тот факт, что носителями сетевой идентичности могут быть и индивиды, и разные сообщества, существующие в рамках культуры киберпространства и соотносящие себя с «людьми сети». [3, С. 144]

В рамках пост-глобального мира коммуникация посредством социальных сетей стирает географические и национальные границы между пользователями. Маркеры «Свой-чужой» стираются. Интернет позволяет общаться с любым человеком на земном

шаре, несмотря на разницу во времени, языке, местоположении и т.п. Цифровая среда развивается с огромной скоростью: создаются площадки для межличностного общения, многочисленные и разноплановые сервисы и ресурсы.

Развитие и распространение социальных сетей оказало большое влияние на общественные отношения, в том числе и на межличностную коммуникацию. Цифровизацию можно назвать одной из характеристик общения современного человека. Повсеместное распространение интернета сократило коммуникацию людей лицом к лицу.

Существенная часть коммуникации сейчас переходит в виртуальную среду. Данный процесс имеет множество положительных моментов, таких как, ускорение передачи информации, универсальность, возможность коммуникации «здесь и сейчас» с людьми всей планеты и др. Однако существуют и отрицательные аспекты, например, рост преступности, важные негативные феномены: интернет зависимость и нарциссическое поведение и пр. Несмотря на это, процесс коммуникации в социальных сетях только на начальном этапе своего развития, он продолжит свое распространение и будет вовлекать все больше и больше людей, а коммуникативное пространство будет расширяться и расширяться.

1. Верисова А. Д. Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации // Концепт. 2018. №12.)
2. Голошубина О. К. Разговор в мессенджере как специфический жанр интернет-коммуникации // Вестник ОмГУ. 2015. №1 (75)
3. Мартьянов Д. С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // ПОЛИТЭКС. 2014. №4.
4. Понарина Н. Н. Воздействие глобализации на коммуникации // Теория и практика общественного развития. 2011. №3.)

ВЫЗОВЫ КУЛЬТУРЕ ГЛОБАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ: ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ ЮЖНОЙ КОРЕЕЙ

Белая Екатерина Константиновна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Кашина Марина Александровна
(Северо-Западный институт управления РАНХиГС)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

В XXI веке политика мягкой силы доказала свою целесообразность и эффективность и стала одним из важнейших внешнеполитических инструментов как сильных, так и средних и малых держав. Подход, предложенный Джозефом Наем, принято считать классическим примером политики мягкой силы, а США – лидирующим государством в этой области. Однако на фоне усиления на планете процессов глобализации и нарастания антиглобальных и антиамериканских настроений эффективность применения США политики мягкой силы оказывается под вопросом [2, с. 306]. Напротив, популярность южнокорейской культуры в последние годы во всем мире постоянно растет, что доказывает возможность успешного применения политики мягкой силы незападным (азиатским) государством [5].

Необходимо подчеркнуть, что при реализации своей политики мягкой силы Южная Корея использует классические элементы, выделенные Джозефом Наем (культура и образ жизни, идеология и ценности, принципы ведения внутренней и внешней политики) [1, с. 20]. Отличие состоит в содержательном наполнении этих элементов, а также в том, на каком из трех ресурсов Республика Корея делает особый акцент.

В американской модели мягкой силы первостепенная роль принадлежит идеологической составляющей с ее акцентом на форме политического устройства страны. Продвигая себя как эталонную демократию, защищающую в первую очередь права человека, США нередко проводят политику двойных стандартов, что вызывает недовольство и раздражение во многих странах [6].

Южная Корея больше опирается на культуру в широком понимании этого слова. Апеллируя к духовной культуре, а не политическим ценностям, которые не находят отклика во многих странах, отличающихся от США политическим устройством, Южная Корея обеспечивает широкую поддержку своим проявлениям мягкой силы [3, с. 83]. При этом ненавязчиво пронизывая свой культурный контент ценностными установками, разделяемыми корейцами, Республика Корея апеллирует к гуманистическим, а не политическим ценностям, подчеркивая чувство единства, вежливость, гармонию, проактивный образ жизни, жизнерадостность [4].

Амбиции Южной Кореи по усилению своего регионального и глобального влияния продолжают расти и, учитывая уже достигнутые успехи, она имеет все шансы бросить вызов США на поприще глобального культурного доминирования.

1. Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 2. С. 19-26.
2. Сенокосов Я.С. Упадок «мягкой силы» во внешней политике США: причины и тенденции // *Социально-гуманитарные знания*. 2021. С. 303-312.
3. Huang Yihang. Analysis on South Korean Soft Power— Taking BTS, Parasite and Squid Game as Examples // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2022. Vol. 663. P. 80-84. (In Eng)
4. Kim Ki-Duk. Bae Sang-Joon. Hallyu and the Traditional Cultural Genes of Korea // *Kritika Kultura*. 2017. Vol. 29. P. 318-339. (In Eng)
5. 2021 *지/구촌 한류 현황* (2021 Глобальный статус Халлю) [Электронный ресурс] // MOFA: Republic of Korea Ministry of Foreign Affairs website. URL: https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4099/view.do?seq=367660&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm= (дата обращения: 25.09.2022).
6. Walt Stephen M. The Myth of American Exceptionalism [Электронный ресурс] // *Foreign Policy*. 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/the-myth-of-american-exceptionalism/> (дата обращения: 09.09.2022).

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЭТА.

Беседина Кристина Юрьевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Идентичность современного человека конструируется под влиянием множества разнообразных факторов, среди которых исходный — самоопределение или самоощущение. То есть идентичность — внутреннее ощущение принадлежности к той или иной группе [1, 54].

Эта принадлежность может проявляться в разных формах, среди которых ношение определённого рода одежды, использование сленга, атрибутов и т.д. В настоящей статье мы подробнее остановимся на поэзии как ресурсе формирования идентичности современного человека. Так, можно выделить несколько этапов формирования идентичности поэта при помощи поэтического текста:

1. Знакомство с поэтическими текстами, чтение.

На этом этапе индивид приобретает идентичность читателя и создаёт фундамент для своего поэтического будущего при помощи знакомства с уже созданным культурным наследием. Без первого этапа невозможно становление поэта, ведь для того, чтобы написать стихи, необходимо хотя бы раз их прочитать.

2. Регулярное чтение, чтение в кругу других, поиск единомышленников.

Этот этап не обязателен для всех поэтов (то есть тех, кто самостоятельно создаёт поэтические тексты). Для того, чтобы приобрести статус поэта, необязательно иметь «в багаже» сотни прочитанных или заученных стихов. Это нужно для приобретения статуса любителя поэзии.

Для любителя поэзии характерно регулярное чтение, посещение тематических мероприятий, чтение в кругу единомышленников, обсуждение, просмотр документальных фильмов. На этом этапе начинается формирование внешней идентификации любителя поэтических текстов или даже поэта.

3. Написание поэтических текстов и их презентация.

Первое написание поэтических текстов — важнейший этап для формирования идентичности. Здесь поэтические тексты начинают выступать как атрибут поэта — их наличие прямо указывает на то, что человек, их создавший, — поэт. Так, человек, пишущий стихи = поэт.

Часто именно в этот период поэт публикует стихотворения в интернете и успех измеряют в наличии или отсутствии обратной связи.

4. Первые публикации и общественное признание.

На четвёртом этапе формирования идентичности поэта происходит появление первых оформленных и опубликованных текстов.

Подтверждение общественного признания для каждого поэта субъективно — кто-то отмечает, что ему достаточно любви близких, для кого-то же необходимо собрать многочисленный зал, чтобы почувствовать свою значимость на поэтической арене.

5. Поэзия как способ заработка и профессия.

В этот период поэт делает написание стихотворений способом заработка — за выступления или публикации он получает деньги.

Подтверждение идентичности для каждого конкретного поэта — субъективно, но всегда объединяющим фактором для пишущих остаётся одно — наличие у них хотя бы одного стихотворения.

1. Бияков Дмитрий Юрьевич ФОРМИРОВАНИЕ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА // Science Time. 2016. №2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-konstruirovanie-identichnosti-cheloveka> (дата обращения: 10.09.2022).

ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ И УВАЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К УЧИТЕЛЮ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ, ИЛИ К ЧЕМУ ПРИЗЫВАЮТ ТРЕВОЖНЫЕ ИТОГИ ОПРОСА УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНИХ ШКОЛ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

*Борисюк Лидия Андреевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Дерюгин Павел Петрович
(СПбГУ)*

(При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19)

Современная школа сталкивается со множеством сложных, а, подчас, трагических событий, связанных, в том числе, с гибелью детей [Степанова, Явчуновская, 2011]. Такие

кризисные события затронули не только среду периферийных учебных заведений, но и школы центральных городов России, включая Керчь, Пермь, Казань, Москву. За последние восемь лет таких грозных происшествий насчитывается не менее двенадцати. Эти трагические факты убедительно свидетельствуют о самых серьезных социальных проблемах, характеризующих современную школу, грубые просчеты в учебно-воспитательной работе.

В частности, одним из основных факторов этих происшествий выступает потеря доверия и уважительного отношения к учителю. Эту ситуацию хорошо осознают сами учителя. В марте 2022 года во время проведения серии глубинных интервью с учителями средних школ города Красноярска, на вопрос: с какими проблемами сталкивается учитель при работе с современными учениками, среди прочих трудностей, учителя говорили о неуважительном отношении к учителям со стороны учеников. Причем потеря доверия и уважения со стороны учеников отмечалась как одна из самых важных проблем [Быкова, 2015].

Учителя с большим опытом и стажем говорят о потере доверия и уважения, как о проблеме, которая развивается с нарастанием. В частности, об это отмечали учителя в апреле 2022 года, когда был проведён опрос 718 учителей средних школ Красноярского края. Один из вопросов анкеты звучал следующим образом: «насколько вы согласны с тем, что за последние 5-10 лет ученики стали относиться к учителям менее уважительно (хуже чувствуют иерархию)». По результатам анализа ответов, 35% респондентов были полностью согласны с этим, 37% – скорее согласны, 7% – затруднились ответить, 17% – скорее не согласны и 5% – полностью не согласны. Другими словами говоря, более семидесяти процентов учителей отмечают ухудшающиеся отношения между учителями и школьниками, т.е. большинство учителей Красноярского края считают, что за последние 5-10 лет ученики стали менее уважительно относиться к учителю и этот тренд усиливается.

С чем это связано? В ходе (уже упомянутых) глубинных интервью, некоторые учителя говорили о двух основных причинах: во-первых, об «общем падении культуры»: «общая культура родителей, наверное, становится ниже», достигнуто «культурное дно у них (учеников и родителей)». Во-вторых, отмечалось, что неуважительное отношение к учителю транслируется в семье (родителями), усваивается ребенком и позже проявляется во время учебного процесса (когда ученик, например, позволяет себе использовать обценную лексику по отношению к учителю).

Примерно эти же причины были указаны и при проведении дальнейших исследовательских процедур. Так, в ходе контент-анализа ответов на открытый вопрос в анкете («Пожалуйста, напишите три основные черты учеников, которые, по Вашему мнению, наиболее существенно изменятся в ближайшие 5-10 лет»), было выявлено, что тезисы о неуважительном отношении ребенка к учителю, упоминаются вместе с тезисами о неуважительном отношении ребенка к старшим и с его невоспитанностью. Другими словами, в понимании учителей прочно утвердилось мнение о том, что дети не воспитаны, то есть, ими не усвоены определённые социальные нормы, которые (в представлении учителей) должны были бы усвоить еще в ранние годы. В частности, школьники не проявляют должного уважения к учителю и, возможно, не разделяют такой ценности, как уважение к старшим, вообще. Если обобщать рассуждения о причинах кризисов доверия и уважения, то, по существу, речь идет о совокупности причин, по которым формируется недоверие и неуважение к учителю, как проблема, вытекающая из всей совокупности социальных, экономических, политических и иных обстоятельств, в которых находится современная школа.

Чтобы получить ответы на многочисленные возникающие вопросы, которые как бы лежат на поверхности, - считают ли ученики учителя авторитетом, человеком достойным уважения? Связано ли уважительное отношение ученика к учителю с его образовательными успехами? В целом, какие ценностные установки в отношении

образования имеют современные ученики и учителя средних школ города Красноярска? Совпадают ли они? Влияет ли их несовпадение на образовательные результаты учеников? Если да, то как? – на самом деле необходима хорошо продуманная, системная и научно обеспеченная социологическая диагностика школы как важного социального института, затрагивающая глубинные причины развития современного российского общества [Афанасенко, др. 2018].

Мы говорим о социологической диагностике, как о способной изучать все многообразие и все динамические процессы в связях школы и общества. На наш взгляд, только социологически ориентированная диагностика позволит давать адресные и действенные рекомендации учителям, только на основе такой диагностики появляется возможность разрабатывать модели и технологии взаимодействий, которые будут отражать актуальный характер отношений между учителями и учениками.

Эти и другие проблемы, затронутые респондентами в ходе эмпирического исследования, предполагают обстоятельное обсуждение проблемы постановки социологической диагностики в учебно-воспитательном процессе в современных школах, как важной профессиональной деятельности социологов.

Среди прочих проблем, на наш взгляд, следует обратить внимание научной общественности на некоторые особо важные аспекты организационного, методологического и методического характера построения социологической диагностики в школах.

Во-первых, с точки зрения организации социологической диагностики отношений между учителями и школьниками, предполагается самое широкое внедрение как информационных технологий, способных обеспечивать оперативные массовые опросы, так и технологий индивидуализированного изучения школьников.

Во-вторых, в методологическом отношении целесообразно достичь согласованных стратегий совмещения и взаимосвязи между повседневной, контрольной, экстренной и специальной видами социологической диагностики [Дудина и др., 2008].

В-третьих, развитие методической обеспеченности социологической диагностики в школах предполагает творческое отношение к инструментарию, способному выявлять, обобщать и систематизировать информацию об отношениях учитель-ученик, как о точках уникального и неповторимого случая социального взаимодействия [Базаева, 2010].

Собственно, на такие конкретные шаги указывает весь опыт формирования доверительных и уважительных отношений к учителю как объекту социологической диагностики, вытекающий из истории и современного состояния вопроса в современной науке [Дерюгин, 2001].

1. Афанасенко М. С., Гришай Ж. Г., Зенина Ю. М. Снижение конфликтности в обществе как функция образования и воспитания молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №4.
2. Базаева Ф. У. Самореализация педагога в национальнокультурном контексте // КПЖ. 2010. №5-6.
3. Быкова Е. Ю. Трансформация социальных ожиданий в отношении учителей: кросскультурный анализ // Социальные явления. 2015. №3.
4. Дерюгин П.П. СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ. Санкт-Петербург, 2001.
5. Дудина В.И., Дерюгин П.П., Дубровская С.Е. ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: СОЦИАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГРАММИРОВАНИЕ. Учебное пособие / Санкт-Петербург, 2008.
6. Степанова И. Б., Явчуновская Т.М. Подросток и насилие: проблемы и факты // Всероссийский криминологический журнал. 2011. №4

ГРАФФИТИ КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Бурова Алина Вячеславовна

(ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»)

Морозова Александра Евгеньевна

(ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»)

Стрит-арт стал одной из форм свободного выражения молодежи в культурном пространстве города. Данный вид искусства является довольно молодым явлением, которое изначально имеет протестный элемент. Возможно, еще и поэтому так часто разгораются споры, быть ему на улицах современных городов, или нет.

Стрит-арт (street-art) – направление в современном искусстве, особенностью которого является использование внутригородских территорий для различного рода арт-проектов. У него нет четких концептуальных или технических границ, в данном жанре можно наблюдать огромное количество различных поджанров, каждый имеет свою специфику.

В настоящее время граффити — это вид уличного искусства, одна из важнейших форм художественного самовыражения во всем мире. Существует множество различных стилей и видов граффити. Наиболее точное определение дает Н.И. Ефимова в своей работе «Граффити как элемент городского "текста"». Граффити – «надпись или рисунок, незаконно написанный, нацарапанный или нанесенный из баллончика на стене или другой поверхности в публичном месте» [1].

Самым распространенным видом уличного искусства стало граффити. Граффити – это искусство и способ самовыражения в современной городской среде. Обсуждение вопроса сравнительно того, считать ли граффити вандализмом и порчей имущества, продолжаются многие годы. К граффити ошибочно относят любые изображения, размещенные на поверхности стен в городской среде: жилых домов, промышленных зданий, и других объектов социальной среды. Во многих странах граффити причисляют к вандализму, а людей, которые наносят рисунки, штрафуют и приговаривают к административному наказанию в виде общественных работ. В некоторых странах за подобного рода деятельность лишают свободы.

Уличное искусство начало приобретать новый статус и сегодня занимает значимое место в культуре городской среды. Граффити является новой молодежной трактовкой «украшения и облагораживания» городской застройки, которая зачастую вступает в конфликт с традиционным пониманием оформления среды города.

В восприятии молодежи данное явление уже давно не считается актом вандализма. Молодые люди видят в граффити новый вид искусства, который не скрыт за стенами музея, а вынесен на всеобщее обозрение. Согласно результатам социологического опроса, проведенного в Череповце, 64% молодежи определяют граффити как вид современного искусства. При этом всего 2% утверждают, что граффити не имеет ничего общего с искусством, это скорее порча объектов общественного назначения.

С каждым годом стрит-арт все больше модернизируется и популяризируется, в том числе благодаря интернету. Мы также не можем игнорировать тот факт, что появляется все больше горожан заинтересованных в появлении объектов уличного искусства на улицах своих городов. В то же время стрит-арт остается неоднозначным по своей природе и некоторым отличительным признакам, которые также не следует игнорировать.

1. Ефимова Н.И. Граффити как элемент городского "текста" // *Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн.* 2017. № 12 (46). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5402>

БОТЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ПРАКТИКИ УЧАСТИЯ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Василькова Валерия Валентиновна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Легостаева Наталья Игоревна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Социальные боты рассматриваются как новый инструмент информационного влияния различных социальных субъектов в онлайн социальных сетях, что представляет особый интерес для современной социологии. В качестве одного из таких субъектов авторы рассматривают группу гражданских активистов, использующих бот-технологии для конструирования и решения проблемы обманутых дольщиков. Новизна подхода заключается в интерпретации деятельности данной группы в контексте концепции публичных арен [1]. С позиции данной концепции судьба социальной проблемы определяется не ее объективной опасностью или вредом, а тем, как она будет сконструирована (сформулирована и драматургически выстроена) на различных институционализированных публичных аренах, в качестве которых выступают СМИ, политические организации, исполнительная и законодательная власть, некоммерческие структуры, суды, кино и телевидение, группы активистов, профессиональные общества, частные фонды и т.д.[2] С возникновением и распространением социальных сетей возможности публичных арен информационно и технологически многократно возросли, поскольку социальные медиа стали глобальным пространством их репрезентации. В частности, ботнеты в социальных сетях можно рассматривать как весьма эффективный инструмент увеличения пропускной способности рассматриваемой публичной арены, представленной в социальной сети, поскольку автоматизированное тиражирование публикаций позволяет многократно расширить аудиторию и ускорить процесс передачи сообщений.

В этом ключе рассматривается функционирование ботнета «Обманутые дольщики ЛенСпецСтроя» в социальной сети «ВКонтакте», выявленный в результате применения авторской комплексной методики. Интерпретируя деятельность данного ботнета в контексте концепции публичных арен, авторы рассматривают активистов движения обманутых дольщиков как одну из публичных арен, представленных в информационном пространстве социальной сети; создателей ботнета - как «функционалов» (operatives); сам ботнет – как способ конструирования социальной проблемы и расширения аудитории, позволяющий многократно увеличить пропускную способность данной публичной арены. В результате анализа всплесков публикационной активности и контента публикаций ботнета показано, как были реализованы эффективные приемы конструирования и поддержания социальной проблемы обманутых дольщиков: расширение пропускной способности публичной арены, реализации (создание) драматургической новизны и эмоциональной насыщенности дискурса проблемы, учет организационной специфики публичной арены, распространение интереса к проблеме на другие (смежные и не менее значимые) публичные арены.

1. Василькова В.В., Легостаева Н.И. Боты на публичных аренах социальных сетей // Социологический журнал. 2021. № 4. С. 99–117

2. Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2. С. 73-94.

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В ПОСТ-ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Воложжанина Кристина Константиновна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Средства коммуникации развиваются с течением времени, с учётом трансформации общества и самое главное – развиваются в соответствии с последствиями научно-технического прогресса.

Отечественный учёный А.В. Соколов выделяет три рода коммуникации, одной из них является электронная коммуникация, основным источником которой выступает Интернет [2].

Стоит отметить, что в настоящее время популярность Интернета растет и число пользователей по всему миру только лишь увеличивается. Он влияет на сознание людей, на их основополагающие культурные принципы с учетом изменения коммуникативного взаимодействия людей, на духовный облик человека.

Интернет-коммуникация достаточно отличается от обычной, имея свою собственную специфику. С одной стороны, может предполагать анонимность в общении; установление более лёгкого контакта с незнакомым человеком; возможность отсрочить коммуникацию. С другой стороны, ограничение в невербальной коммуникации и передачи эмоционального состояния.

Сейчас мы можем наблюдать важнейшее средство Интернет-коммуникации – это социальные сети, появившиеся в начале XXI века, которые используют во всём мире, и их аудитория пользователей растет с каждым днем.

Существует специфическая особенность Интернет-коммуникации, которая заключается в их использовании в ущерб коммуникации лицом к лицу. Ещё в 2010 году исследование, проведенное на базе СПбГУ под руководством Л.А. Цветковой – российского доктора психологических наук, гласит о высокой распространенности использования Интернета среди студенческой молодежи для общения с помощью социальных сетей и мессенджеров. Также данные исследования показывают нам востребованность новых знакомств через канал Интернет-коммуникации [3, 83-93].

В 2011 году Ф. Вирин утверждал о возникновении такого феномена в ближайшем будущем как мобильное общество, характеризующееся использованием мобильных устройств для проявления активности в социальных сетях и других площадках интернета [1]. Трудно не согласиться с предположениями эксперта в области исследования российского интернета, находясь во втором десятилетии XXI века, когда мобильное устройство/смартфон стал неотъемлемой частью жизни каждого отдельно взятого человека.

Таким образом, быстро развивающиеся технологии в настоящее время позволили стать Интернет-коммуникации не только важной частью нашей жизни, но и неизбежной. Даже обычно привычные нам сферы, такие как работа, учёба или отдых стали не мыслимыми без использования Интернет-технологий.

1. Вирин Ф. Видеозапись выступления Федора Вирина на VII Бизнес-форуме «Мир Мобильного Контента 2011». Тема доклада – «eCommerce: тренды, прогнозы». URL: <http://www.procontent.ru/news/20704.html> (дата обращения: 04.10.2022).

2. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. – URL: <http://evartist.narod.ru/text16/076.htm>. (дата обращения: 04.10.2022).

3. Цветкова Л. А., Антонова Н. А. Распространенность рискованных форм поведения в сфере здоровья среди студентов младших курсов // Вестник СПбГУ. 2010. №4.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ НАСТУПИЛА НОВАЯ ОСЕВАЯ ЭПОХА В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ПОСТ-ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА?

Воробьева Надежда Юрьевна

*(Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н.Е. Жуковского
(ФАУ "ЦАГИ")
140180, Россия,
г. Жуковский, Московская область,
ул. Жуковского, 1.)*

Пандемия, война, угроза мирной жизни побуждают человечество духовно пробудиться и переосмыслить пост-глобальные изменения, по сути это мировоззренческий кризис [2].

Актуальной становится концепция осевого времени К. Ясперса. Кризисные явления современной мировой цивилизации заставляют обратиться к ее духовно-нравственным истокам, к осевому времени 800-200 гг. до н.э. Именно тогда получила свое развитие философская вера, с помощью которой хотя бы отчасти можно приблизиться к пониманию священного смысла мировой истории [1, 24], ретроспективно уяснить его и не пропустить этап продвижения к «новому осевому времени, которое способно породить единство человечества на достойных его принципах и началах» [5, 1173]. Новое осевое время предстает как социальная утопия на горизонте линейно наступающего будущего.

Протоиерей Александр Мень писал о своеобразном теологическом подходе к мировой истории К. Ясперса: «Справедливо подчеркивая роль «осевого времени» для мирового сознания, Ясперс недооценивал другую «ось истории» - христианство, которое представлялось ему явлением вторичным. Он не увидел принципиальной новизны и уникальности Евангелия, они заслонялись для него наследием дохристианских мировых учений» [4]. Трудно представить, что наступит новое осевое время, когда появится духовный лидер или учение, которое превзойдет по своей духовно-нравственной глубине благовест Спасителя мира. В связи с этим нам представляется актуальной эсхатологическая историософия Н.А. Бердяева. Для него Боговоплощение является осевым временем, определяющим динамику истории и современности. «Не понимая ограниченность истории, «нельзя не придти к самым пессимистическим, безнадежным результатам, потому что с этой точки зрения, все попытки разрешения всех исторических задач во все периоды должны быть признаны сплошной неудачей. В исторической судьбе человека, в сущности, все не удавалось и есть основание думать, что никогда и не будет удаваться». Бердяев приходит к заключению, что победа над временем вероятна. Тем не менее, время может быть одолено не во времени, а лишь только в вечности» [6]. Важно пытаться найти выход из кризиса, преодолеть мировоззренческую неопределенность культуры пост-глобального общества на христианских духовно-нравственных основаниях, при этом помывлив ситуацию эсхатологически, что идеального общества и всеобщего счастья в рамках земной истории достичь не получится, но приблизить вечное Царствие Божие возможно через внутреннюю работу личности. При этом духовно-нравственный поиск и духовная жизнь каждого члена общества совершаются в Церкви, где современность встречается с вечностью. Покаянная практика, говоря религиозным языком, - это каждый раз новое «осевое время» в жизни человека.

При попытке определить векторы развития культуры пост-глобального общества, Бог и Церковь необходимо должны рассматриваться как макросубъекты мировой истории и современных мировых процессов. В этом плане социальная теория обогатится через православное богословие истории [3].

*1. Гайденок П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса
// Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.*

2. Горюнков С.В. *На пороге новой мировоззренческой парадигмы*. СПб.: Алтейя, 2020. 550 с.
3. Лееев М.В., свящ. *Богословие истории как наука. Опыт исследования*. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2019. 656 с.
4. Мень А., прот. Ясперс К. // *Библиологический словарь*. Т.3. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/bibliologicheskij-slovar-tom-3/583> (дата обращения: 09.10.2022).
5. Патрушев А.И. Ясперс Карл // *Культурология. Энциклопедия*. Т.2 / Под ред. С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007.
6. Таравков К.В. *Понятие осевого времени у К. Ясперса и Н. Бердяева*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-osevogo-vremeni-u-k-yaspersa-i-n-berdyaeva> (дата обращения: 09.10.2022).

ТИПЫ ЛОНГРИДА: РАЗЛИЧНЫЕ УРОВНИ И ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИИ КОНТЕНТА И МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Гончаров Кирилл Эдуардович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Ускоренный темп взаимодействия индивидов с внешним миром привёл к сокращению количества времени, необходимого для ознакомления с информационным контентом. Вопреки данной тенденции, замечено возрастание интереса общества к формату лонгрида, представляющего собой синтез крупного многосложного текста с медийными продуктами. Мультимедийные лонгриды трансформируются в самостоятельные цифровые площадки коммуникации между авторами историй и читателями, где ролевой фокус динамичен, переходит от одной группы к другой во время прочтения мультимодального материала. Многообразие используемого контента и информационная плотность сообщения позволяют более результативно воздействовать на читателей, проецировать конкретные модели мышления и поведения, трактовать правила разрешения упомянутых проблем в тексте, предоставлять полную картину освещаемой темы. Мультимедийные лонгриды возрождают тенденцию кодирования значимых сообщений в формате длинных текстов, с добавлением параметров динамики истории и интерактивности цифровых элементов рассказа. Анализируя данную проблему, автор представляет собственное исследование, предлагающее авторскую систематизацию многообразия мультимедийных лонгридов. Основой исследования выступили аналитический сбор данных, глубокое изучение понятий классического сторителлинга, визуализации информации в СМИ, классификации форматов и жанров журналистики. Автор в работе подчёркивает, что конвергенция выступила предпосылкой в процессе переосмысления в цифровой медиа среде традиционных форматов, жанров СМИ, которые начали свою модификацию и развитие в условиях интернет пространства. Инновационная систематизация лонгридов предлагает два уровня типологизации мультимодальных материалов. На первом уровне длинные тексты характеризуются по использованию мультимедийных технологий. По мнению автора, следует разграничивать понятия «лонгрид» и «мультимедийный лонгрид». Первый термин предполагает классический длинный текст с добавлением разрозненных медиа продуктов. Второй термин предполагает тесный синтез между текстовым содержанием и медийными формами, интерактивными сегментами. Систематизации подлежат классические жанры и новые форматы сторителлинга. На втором уровне производится типологизация лонгридов по характеру используемых форм контента. Классические жанровые категории рациональной и эмоциональной журналистики в равной степени переплетены в качественном тексте нового формата. При исследовании общих особенностей их параллельного применения, представлена авторская систематизация многообразия мультимедийных лонгридов. Всего выделено три формата: информационный лонгрид, лонгрид-репортаж, аналитический/обзорный лонгрид. Информационные нацелены на просвещение

аудитории, обогащение её новыми сведениями и фактами по определённой теме. Репортажные демонстрируют происшествия или мероприятия в полной картине, с соблюдением всех временных рамок и последовательности действий. Отличается демонстрацией события при помощи тайм-линии. Аналитические/обзорные являются симбиозом двух видов медийных текстов, позволяют авторам обратиться к истории события, чтобы информировать читателей о полной картине произошедшего.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК СОЦИЕТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ

Гринченко Елизавета Александровна
(Южный федеральный университет)

Волков Юрий Григорьевич
(Южный федеральный университет)

Сверхактуализированное значение в современном этнокультурном ландшафте приобретает проблематика восприятия нормативной ценности «социальная справедливость» как идеи двигателя социального прогресса и формирования гражданской идентичности, а также этнического благополучия индивида и его референтной социальной группы. Социальная справедливость – регулятивный принцип и социетальная ценность в системе нравственной оценки социальных отношений, мера воздаяния по заслугам, а также определенный способ отношения к личности и важнейшее условие стабильности в государстве. Эту фабулу можно интерпретировать как коннотацию к истине, вере, чести и честности и межличностной солидарности во взаимоотношениях. Такие социальные иллюстрации популяризируют необходимость ментального человеческого согласия в отношении форм жизни и уважения гражданской свободы другого индивида или другого народа. В межэтническом дискурсе категория «социальная справедливость» ассоциируется с юридическим равенством народов, что обуславливает право граждан на социальное устройство, где этническим общностям равномерно предоставляются формальные каналы доступа к получению ограниченных благ и властным ресурсам в системе социально-экономических интеракций соразмерно вложенным коллективным усилиям, т.е. мере воздаяния за общественно-полезный труд каждого представителя этноса [1; С.16].

Сложный процесс становления новой российской государственности на основе общих принципов равноправия и самоопределения народов актуализирует проблему обострения межэтнических отношений и рискогенности трансформации социокультурного облика Российской Федерации на предмет проявления этноклановости и этноэкслюзии. Целесообразно отметить, что население страны этнически неоднородно, так как русские составляют большинство когорты населения, но вместе с тем, на колоритном этноландшафтном пространстве исторически обусловлено находятся и другие этнические группы с устоявшейся системой социально-культурных связей и формами хозяйственной деятельности.

Взаимообусловленность социальных модификаций, отправной точкой которых стал распад СССР, актуализировала потребность в социально-политическом наполнении этничности, фреймировав этот процесс в разрезе фундаментальной научной проблематики на постсоветской матрице в последние три десятилетия XXI века [2; С.170]. Культурная трансформация в Российской Федерации в 90-ых годов XX века модифицировалась в социальную неудовлетворенность общества, эксплицированную формой аффективного адаптационного синдрома агрегации интеракций социальных сообществ. Нозологическая направленность социально-психологических девиаций впоследствии приобрела характер жизненной усталости и неудовлетворенности отдельных народов, усилив интенцию и

потребность в формировании контуров гражданской идентичности и ментальной сопричастности индивида к своему коренному народу. Однако ослабление контуров самоидентификации народа в формализованности углубленного изучения родного языка стало отчетливо видно, например, в социолингвистической среде семейного бытия, где превалирует употребление титульного русского языка, которому придан особый политический статус, а также в образовательных учреждениях, где потребность изучения автохтонного языка существенно минимизируется, а родной язык изучается как второй иностранный. Исходя из этого можно сделать закономерный вывод: депривированное отношение к национальной культуре, а также отсутствие инвестирования этнолингвистических исследований препятствует сохранению самобытности этнообщностей, а также деполитизации этничности и укреплению общероссийской идентичности населения Российской Федерации.

Вместе с тем, в сегодняшних реалиях наиболее остро ощущается запрос на конвенциональное закрепление социальной справедливости для создания равной и однородной социальной инфраструктуры народов, преодоления консервации отсталости при обеспечении гражданских прав личности как приоритетной государственной ценности [3; С.12]. Очевидным становится, что ради социальной справедливости как гуманистического идеала всеобщего равенства, этническая группа готова доверить свою гражданскую судьбу на поруки государства, которое, в свою очередь, юридически призвано выполнять роль правового гаранта. Однако социальная защита претерпевает дисфункциональность и деструкции неформальных каналов общественных институтов, что ведет к отчуждению депривированных народов от государства, ухудшению его социального самочувствия, нарастанию социальной напряженности и неудовлетворенности этнических потребностей с последующей делегитимизацией властного аппарата в коллективных репрезентациях ущемленного этноса, приводящих порой к нарастанию оппозиционного сектора [4; С.72].

Резюмируя вышеизложенные концепты, целесообразно отметить, что кроссэтническая коммуникация на уровне общностей и во взаимодействии с социальной средой непременно должна модифицироваться с позиций конфликтогенности на рельсы межкультурного диалога и гармонизации межэтнических отношений. Фундаментальной государственной задачей должно стать сохранение уникального сообщества народов во всем поддержании языкового и культурного многообразия на обширном пространстве для укрепления державных позиций страны в геополитическом ландшафте. Целью предлагается манифестировать конструирование общей символической платформы через призму интеграционного подхода и общей причастности к примордиальной концепции – «Мы идентичности». Это позволит рационально перераспределить ресурсное обеспечение соразмерно трудовому вкладу индивида и выровнять мозаику жизненных шансов, а также этностатусных позиций народов в экономическом и культурном развитии, признать равенство гражданских прав этнических общностей при сохранении культурной самобытности и единства российского общества.

1. Волков Ю.Г. Социальная справедливость как социетальная ценность в контексте гармонизации межэтнических отношений в южнороссийском регионе // *Гуманитарий Юга России*. – 2021. – Т. 10. – № 1. – С. 13–29.

2. Римский В.Л. Справедливость от государства: ожидания и реальность // *Власть и элиты*. 2019. – Т. 6. – № 2. – С. 156–175.

3. Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // *Уральский исторический вестник*. 2011. – № 2 (30). – С. 8–19.

4. Файзулин Ф.С. Социальная справедливость как принцип стабилизации межнациональных отношений в обществе / Ф.С. Файзулин, Т.Ф. Файзулин // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2014. – № 11-1. – С. 73–77.

СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ ИНФОРМИРОВАНИЯ

Грошев Игорь Львович

(Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова)

Грошева Ирина Александровна

(Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области)

Воспитание гражданской ответственности невозможно без включения в транслируемый молодому поколению материал данных, посвящённых культурному наследию страны. В особенности данный процесс востребован в условиях современной геополитической обстановки, в рамках которой информационное пространство представляет собой динамическую структуру объективных и искажённых данных. Сложность сохранения наследия для молодёжи сопряжена с многополярностью социальных норм и установок, представленных в многочисленных сообществах социальных сетей и мессенджеров.

По этой причине в зарубежных методиках воспитания граждан актуализирована коммеморация, как совокупность публичных коллективных практик, формирующих набор ценностей и моделей поведения через комплекс ритуалов, норм и нормативных условий, выраженных в культурных объектах и исторических символах [2, 161]. Опираясь на представления Пьера Нора следует отметить, что коллективная память должна формироваться посредством сочетания усилий определённых социальных групп и конкретных образов, конструирующих специфическое представление о явлениях на текущий момент и имеющих тенденции к постоянной трансформации [1, 69].

На основе методологических разработок Я. Ассмана и авторском контент-анализе статей в социальных сетях (N=302 статьи объёмом не менее 2000 знаков), посвящённых трансляции культурно-исторических аспектов развития общества, был сформирован комплекс рискованных полей, охватывающих целевое информирование молодёжи с позиции организации транслирования культурно-исторического наследия.

В ходе исследования были выявлены проблемы в отношении изложения специфических культурных комплексов (традиций, ритуалов и пр.), которые излагались в упрощённой форме, недостаточной для правильного их восприятия. В дополнении к этому факту была выявлена рефлексия аудитории, отражающая недостаточную компетенцию целевой аудитории. В среднем один информационный пост в социальных сетях содержал от пяти до семи комментариев дополняющего типа, содержащих искажения фактов. Каждый второй комментарий, отражающий подобные искажения в свою очередь характеризовался высокой долей откликов – около 100 отметок (лайков).

При рассмотрении контента информационных сообществ в целом из 82 исследуемых групп в 68 были обнаружены фактологические ошибки (замена дат, фамилий, действующих лиц). В половине выявленных случаев искажения формировали противоположную коннотацию и содержательную структуру в сравнении с объективно описываемым фактом. Следует подчеркнуть, что указанные ошибки были характерны как для неофициальных групп, так и для сообществ, позиционирующих свою связь с официальными организациями или ведомствами.

Результаты исследования позволили зафиксировать признаки субъективности и дискретности информационного пространства, усиливающие своё влияние ввиду относительной доступности для населения и простоты изложения. Некритичность и внушаемость аудитории подтверждается достаточно активным выражением рефлексии посредством откликов и комментариев.

- 1 Романовская, Е. В. Идентичность и коммеморация / Е. В. Романовская, Н. Л. Фоменко // *Власть*. – 2015. – №7. – С. 68-75.
2. Шуб, М. Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) / М. Л. Шуб // *Обсерватория культуры*. – 2018. – 15(2). – С. 161-169.

ОБРАЗ РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ТАЙЦЕВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ТАИЛАНДА

Грунт Елена Викторовна
(УРФУ)

Сирётон Лайбангинг
(УРФУ)

Введение в проблему

Отношения России и Таиланда имеют давнюю историю. Впервые дипломатические отношения между двумя странами были установлены в 1897 году. После Октябрьской революции 1917 года дипломатические отношения между Россией и Таиландом были прерваны, а в 1941 году восстановлены. Начиная с этого периода сложились дружественные отношения между двумя странами.

В 1991 году правительство Таиланда признало Россию как суверенное государство после распада Советского Союза. С этого момента между двумя странами стали вновь развиваться дружеские двухсторонние торгово-экономические отношения, отношения в сфере туризма и культуры. Особенно это отразилось на сфере туризма, когда ежегодно до пандемии сотни тысяч россиян посещали Таиланд. С 2003 в Таиланде начали периодически проводиться «Дни культуры России», что также способствовало укреплению двухсторонних отношений и знакомству тайцев со страной.

Однако пандемия и последние события, связанные со спецоперацией на Украине несколько нарушили привычные дружеские отношения двух стран. Таиланд поддержал 140 стран мира, выступивших за резолюцию ООН о прекращении Россией спецоперации на Украине, оставаясь при этом нейтральной страной в этом вопросе. Сегодня в стране мнение тайцев по этому вопросу в отношении России неоднозначно, таким же не однозначным является сегодня и отношение к России и ее образу в общественном мнении населения Таиланда, влияние на которое оказывают западные антироссийские СМИ.

Эмпирическая база исследования

Социологическое исследование проведено в марте – мае 2022 г. в Таиланде. В исследовании использовались качественная и количественная стратегии. Количественное исследование – анкетный он-лайн опрос через форму Google (n=857). Анкета в форме Google была отправлена респондентам через Facebook, Instagram и Line. Все три платформы доступны для респондентов всех возрастов, поскольку они очень популярны в Таиланде и охватывают разные возрастные группы респондентов. Было опрошено 857 респондентов, проживающих в Таиланде. В исследовании приняло участие 46,7% мужчин и 53,3% женщин. Большинство респондентов находятся в возрасте 46-55 лет (29,8%) за которыми следуют 26-35 лет – (22,4%), 56-60 лет –(17,3%), 18-25 лет –(15,1%), 61 год и старше составляет (6,6%), а наименьшее количество (1,1%) всех респондентов находится в возрасте 18 лет.

Качественное исследование – метод глубинного интервью (n= 20), средняя продолжительность беседы 90 минут. Информантами выступили жители Таиланда, побывавшие в России.

Результаты исследования

Исследование показало, что большинство респондентов получает информацию о России через Интернет (85, 6 %) и телевизор (70,3%), что вполне объяснимо, т. к.

Интернет сегодня является основным источником информации не только в Таиланде, но и во всем мире. Как правило, телевидение является вторым источником информации. Но, если информация в Интернете может создаваться блогером, любым человеком, независимо от того, является ли он специалистом в данной области, то телевидение дает официальную информацию, поддерживаемую властями. Такие виды СМИ, как газеты (16,1%) и радио (6,8%) не являются важными источниками информации о России, а, следовательно, не оказывают существенного влияния на формирование общественного мнения тайцев о ней. Исследование зафиксировало, что важным источником информации о России, а, следовательно, средством формирования общественного мнения о стране, является для респондентов группа друзей и знакомых. На этот источник указало 31,4% респондентов. Однако, как отмечают наши информанты, «В последнее время, если мы говорим с друзьями о России, то только об отношении России и Украины» (С., 44 года); «Мои друзья говорят о России как о стране террористе» (Н., 38 лет). Каждый второй опрошенный получает информацию о России из социальных сетей. Исследование зафиксировало, что в тайских семьях не обсуждается информация о России, т. к. на семью как на важный источник информации указал лишь каждый двадцатый респондент.

Для формирования образа России в общественном мнении тайцев большую роль играет то, какого характера информацию они получают. Исследование показало, что за последние полгода произошла цифровая трансформация коммуникативного пространства Таиланда в отношении России. Об этом говорят и наши информанты «Если раньше наши СМИ нам давали информацию о культуре России (был год культуры России в Таиланде), говорили, что Россия – это великая страна, то сегодня Россия представлена в негативном ключе» (М., 52 года); «Я бывала в России (окончила там магистратуру), хорошо знаю страну как миролюбивую, то сегодня наши соцсети представляют ее агрессором» (С., 44 года). Анкетный опрос подтвердил мнение информантов о том, что сегодня тайцы получают самую негативную информацию о России. На это указало 62,02% респондентов. 21,63% респондентов отметили, что они получают нейтральную информацию и лишь 16,3% – положительную. Такой большой процент тайцев, указавших на то, что они получают негативную информацию, можно объяснить следующими причинами: во-первых, временем проведения исследования – март – май 2022 года, когда началась спецоперация на Украине, что негативно сказалось на получении тайцами информации; во-вторых, в Таиланде в основном работают западные и американские СМИ, которые дают информацию о России в свете последних событий в негативном ключе. Эти данные коррелируют с данными, полученными на ответы респондентов о том, слышали ли они последние новости о России и какого содержания. Исследование зафиксировало, что 95,5% опрошенных слышали последние новости о России, и лишь 4,5% респондентов не слышали о последних новостях о России, что также свидетельствует об интересе тайцев к России.

Исследование показало, что чаще всего респонденты получали новости о конфликте между Россией и Украиной (68,1%), на втором месте политические новости (20,1%), на третьем – военные новости (14,3%), на четвертом – новости о культуре и достопримечательностях страны (3,9%), пятое место – новости экономики и энергоресурсов (3,1%), шестое место – новости о президенте и правительстве (2,7%), седьмое место с такой же долей – новости о двусторонних отношениях между Россией и Таиландом и новости об истории и образовании (1,9%), восьмое место – новости спорт и борьба (1,2%). Как видим, чаще всего тайцы получают новости, связанные со спецоперацией России на Украине, что негативно сказывается на формировании общественного мнения об образе России. Мы понимаем, что здесь возникает проблема доверия респондентов этим новостям. Но, как мы отмечали выше практически все СМИ, отражающие эти события в стране, подают эту ситуацию в негативном ключе, что и формирует негативный образ России у большинства респондентов.

Исследование зафиксировало, что те, кто ездил в Россию, в большей степени воспринимают сегодня нейтрально информацию о России (50,0%), или положительно (26,3%). Тайцы, не бывавшие в России, больше воспринимают негативно информацию (57,2%), чем положительно (14,5%), либо нейтрально (29,3%). Таким образом, тайцы, ездившие в Россию менее негативно воспринимают информацию СМИ, т. к. пребывание в стране дало возможность сформировать о ней как собственное мнение, так и образ о ней.

Исследование зафиксировало, что за последние полгода у 65,7% опрошенных образ России изменился в худшую сторону.

Таким образом, исследование показало, что в условиях цифровой трансформации коммуникативного пространства Таиланда антироссийские стереотипы и иррациональные фобии смешаны в общественном мнении тайцев с потребностью жить в стабильном мире. Сегодня наблюдается еще один сдвиг в общественном мнении тайцев — усиление антироссийского дискурса, что, однако, не означает отторжения России как таковой.

КУЛЬТУРА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Дроконова Ксения Евгеньевна

(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Актуальность исследования заключается в том, культура потребительского поведения является комплексом знаний, ценностей, стереотипов потребительского поведения, которые устоялись в практической деятельности общества. Индивид, выступая в качестве потребителя, в процессе принятия решения или совершения какого-либо действия на рынке основывается на данной сформированной системе и действует согласно принятым моделям поведения. При всем этом создание культуры потребительского поведения представляет собой трудоемкий и продолжительный процесс, который направлен на образование правил и норм потребления на долговременную перспективу использования членами общества.

Однако огромную роль играют социальные катаклизмы, так как они выступают регулятором кардинальных изменений устоявшихся паттернов потребительского поведения, главным примером в настоящее время является пандемия COVID-19. Сложившиеся условия привели к тому, что государство было вынуждено ввести полный локдаун в стране вследствие чего финансовое поведение граждан РФ находилось под воздействием данных изменений, а потребительское поведение адаптировалось к сформированным обстоятельствам. Изменения заключались в том, что люди придерживались более рациональной сберегательной тактики в отношении потребления и собственных сбережений. При этом, согласно результатам авторского исследования, после снятия ограничительных мер люди стремились восполнить все пережитые неудобства, отдавая предпочтение традиционному отношению к процессу потребления. Также важно отметить, что существуют определенные модели потребительского поведения, характерные для современного потребителя. Так, по результатам исследовательского центра DELOITTE, в нашей стране сейчас преобладает в равной доли два типа потребителя: те, кто предпочитает традиционные походы в магазины и те, кто совмещает методы онлайн и офлайн шоппинга.

В силу того, что само понятие культура потребительского поведения подразумевает постоянство и неизменчивость, но на практике мы наблюдаем, что перемены могут происходить из-за влияния определенных факторов, то возникает необходимость в исследовании данного аспекта, а именно какие и в какой степени произошли изменения в культуре потребительского поведения в период пандемии COVID-19, на примере студентов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Проблемная ситуация: с одной стороны, культура потребительского поведения формируется под влиянием норм и правил традиционных и привычных для каждого типа общества, являясь по сути, его отражением, но, с другой стороны, социальные катаклизмы приводят к резким и значительным изменениям устоявшихся паттернов потребительского поведения, в данном случае пандемия COVID-19 послужила толчком для изменения привычной культуры потребительского поведения российской молодежи.

Научная разработанность к исследованию темы заключается в рассмотрении основных подходов: экономического, социологического, культурологического, психологического.

Объект исследования: потребительское поведение

Предмет исследования: влияние пандемии COVID-19 на культуру потребительского поведения студентов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Цель исследования: изучить влияние пандемии COVID-19 на изменения культуры потребительского поведения

Задачи:

- 1) Изучить понятие культуры потребительского поведения как научной категории;
- 2) Определить потребительские ценности студентов Финансового университета в период пандемии COVID-19;
- 3) Провести анализ потребительских практик-моделей, которых придерживаются студенты Финансового университета в период пандемии COVID-19, и произвести сравнение с их традиционными методами.

Эмпирическая база исследования: полученные данные в ходе авторского исследования, результаты исследований социолого-аналитических центров (Deloitte, PwC, РБК и т. д.)

Практическая значимость работы заключается в том, что благодаря данному исследованию можно получить данные о современном состоянии культуры потребительского поведения в условиях пандемии COVID-19, которые могут послужить в качестве дополнительной базы информации для маркетинговых кампаний, крупных сетевых магазинов, компаний с вектором продаж. Результаты также могут быть переданы в Министерство экономического развития РФ, Министерством внутренних дел РФ, Министерством промышленности и торговли РФ и другие. Также результаты исследования при возможности могут быть использованы в образовательной деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на дисциплинах: «социология потребления», «социология культуры», «глобальные проблемы современности» и т. д. А также будут полезны самой социальной группе - студенческой молодежи для анализа и необходимой корректировки своего потребительского поведения и повышения уровня экономической культуры.

Результаты:

Главными мотивами для респондентов выступают: удовольствие от товара, его функциональность, надежность, выгода и т. д. А среди показателей лидирующие позиции занимают: цена товара, состав, внешний вид (см. таблицу 1). При этом для доли тех, кто выбрал в качестве мотива – функциональность, значимую роль играют цена, состав товара, его внешний вид и производитель. А для мотива – удовольствие от товара, еще отмечается важность принадлежности к какой-либо марке или бренду. Таким образом, если подытожить данные, для большинства мотивов основными показателями являются цена, состав и внешний вид товара. Это свидетельствует о том, что в настоящее время молодое поколение старается подходить осознанно к потреблению (изучать состав), а демонстрация себя через товары уходит на второстепенный план.

Интерпретация понятия рациональность. По итогу анализа данных, полученных количественным и качественным методом, удалось выяснить, что студенты интерпретируют по-разному рациональность, как:

разумное / взвешенное и осознанное решение касательно потребления;
продуманное поведение индивида по приобретению товара или услуги;
соотношение цены и качества товара или услуг / соотношение расходов и
финансовых возможностей человека;
потребление по необходимости и полезности для человека;
принцип экономии;
стремление к сохранению экологии.

Модель потребительского поведения, которой респонденты отдают наибольшее предпочтение в настоящее время:

57% - студенты, которые стремятся сейчас придерживаться модели смешанного потребления;

23% - сторонники онлайн потребления;

20% - студенты, предпочитающие традиционную модель.

Как можно заметить, сейчас наиболее ярко выраженной моделью потребления является смешанная. Объясняется это тем, что молодое поколение стало больше погружаться в интернет шоппинг в связи с ростом доверия к данной области.

Практики студентов. При этом в анкете респондентам задавался специальный вопрос относительно того, каким практикам они придерживались или отдавали наибольшее предпочтение в определенные периоды времени. На основе полученных результатов можно сделать несколько выводов:

во-первых, отношение к сбережениям особо не изменилось, а именно продолжают все также бережливо следить за своими финансами;

во-вторых, почти все респонденты стали больше придерживаться тактике ориентира в ценах на потребительском рынке;

в-третьих, выросла доля тех, кто старается наблюдать за акциями и скидками на товары.

Портрет современного студента-потребителя.

Во-первых, молодое поколение ознакомлено с такими явлениями, как культура потребления и культура потребительского поведения. При этом большинство понимает под ним не только действия, связанные с потреблением товаров и услуг, но и тактики по отношению к денежным средствам.

Во-вторых, молодое поколение стремится к рационализации. Хотя доля среди тех, кто считает себя рациональным потребителем, не сильно высокая, однако стремление к ее повышению прослеживается у респондентов.

В-третьих, студенты в настоящий момент придерживаются гибридной формы потребления, а именно использование и онлайн сервисов для покупок товаров, и непосредственное посещение магазинов. Выбор зависит от категории товара, который хотят приобрести.

В-четвертых, для большинства респондентов главными мотивами для покупок сейчас являются функциональность и качество товара, а также цена.

В-пятых, после коронавирусной инфекции многие стали бережливее подходить к финансовым средствам и стараться ориентироваться на рынке, для того чтобы минимизировать риски и траты.

Заключение. По результатам проведенного исследования можно говорить о том, что культура потребительского поведения представляет собой весьма многоаспектное явление. Ведь в данный феномен входят не только потребительские ценности/установки/знания людей, но и модели их потребительского поведения, а также определенная потребительская социализация. В общем и целом, можно отметить, что данное явление является весьма глубоким для изучения и проведения дальнейших исследований, так как может трансформироваться с течением времени и возникающих внешних условий.

Также такое направление как гибридная форма потребления представляет собой весьма актуальной темой в силу того, что она зависит от многих факторов в обществе. Несомненно, огромное значение сыграла неожиданно наступившая пандемия COVID-19, которая привела к развитию технологий в сфере потребления: налаживанию систем доставки, созданию интернет-приложений для совершения заказов, внедрению методов визуализации товаров и т. д. В силу чего можно сказать, что в какой-то степени пандемия COVID-19 выступила определенным катализатором для ускорения развития цифровизации нашего общества.

СУБЪЕКТЫ МЕДИАПРОЦЕССА, УЧАСТВУЮЩИЕ В СОЗДАНИИ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНТЕНТА.

*Дубровин Владимир Леонидович
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

Телевидение в РФ - важный источник информации и средство коммуникации с обществом, инструмент контроля уровня тревожности среди населения. Оно сегодня играет роль стабилизатора, зоны комфорта, в которой сосуществуют хорошие новости и привычные развлечения.

Мы остановимся на отечественных телесериалах. Работая в сфере российского телепроизводства, автор основывается на выводах из включённого наблюдения.

В российском эфирном и неэфирном ТВ (эфирное ТВ – бесплатное, с программой передач, неэфирное – интернет-ТВ с выбором программ по желанию) долго сосуществовали зарубежный и отечественный продукты.

Импорт сократился с начала 2000х – победили культурная близость, интерес зрителя к историям, в которых он себя узнаёт, выросшее качество отечественных произведений.

Платное интернет-вещание в РФ также потребовало оригинальный контент высокого качества, с учётом «насмотренности» зрителя зарубежным продуктом.

За сериальный контент отвечают службы кинопоказа. Заказ на контент исходит от службы кинопоказа и от программной дирекции или от маркетинга, которые формулируют – опираясь на представления об аудитории – что именно она хочет видеть.

Должностей сотрудников службы кинопоказа, по сути, две – продюсер и редактор. Редактор занимается содержанием, продюсер, принимает решения о производстве или закупке проекта.

Финансирование контента складывается из средств, завязанных на оценку рейтингов, а не на социально-политическую или ценностную значимость, эфирная сетка нацелена на повышение уровня продаж рекламного времени и платной подписки. То есть, главное при отборе контента - рейтинги [1] и представление об аудитории.

Последнее – ключевой вопрос контентной политики. Контент должен продаваться тем, кто в нём нуждается, на контент, силами производителя и продавца формируется спрос. В свою очередь, контент формирует и «продаёт» смыслы и ценности.

В 2015 году коллеги писали о «плюрализации ценностно-идеологических ориентаций российской телевизионной аудитории» и о «коммерциализации телевидения и растущей глобализации его продукта» [2]. Глобализация сегодня сменяется регионализацией, но коммерциализация ТВ и изменение ценностных ориентаций продолжают.

Основной мембраной для контента являются сотрудники служб кинопоказа, которые формируют то, что видит аудитория. Их задачей становится сохранить (а лучше преумножить) аудиторию, но не уйти в поощрение произведений, содержащих размытые, а то и вовсе деструктивные ценностно-идеологические ориентации.

- [1] Компания Mediascope [Электронный ресурс] // Mediascope в России [веб-сайт].
URL: <https://mediascope.net/about/company/russia/> (дата обращения: 01.10.2022).
[2] Мамедов А.К., Комиссаров С.С. Культура как коммуникация. М.: МГУ.
Социологический факультет. Московский рабочий, 2015. С. 146, всего 256 с.

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ МЕДИАКОНТЕНТА АУДИТОРИЕЙ НОВЫХ МЕДИА

Егорова Лилия Георгиевна
(Казанский федеральный университет)

Туманов Дмитрий Валерьевич
(Казанский федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций)

Предпринятое исследование аудитории и основных трендов трансформации потребления ею медиапродуктов под влиянием взаимодействия с медиапрактиками производителей контента, новым медиаязыком и форматами презентации действительности, учитывает специфику множества акторов цифрового медиаландшафта и встраивается дискуссию о формировании нового когнитивного медиасознания. Мы солидарны с точкой зрения, что социальный хронотоп новых аудиторий организован иначе, чем у предыдущих поколений, из-за чего увеличились неопределенность и риск, сказавшиеся на трансформации аудитории.

Современную аудиторию новых медиа отличает ряд особенностей, которые, в свою очередь, корректируют работу создателей контента.

Во-первых, аудитория новых медиа все меньше читает и смотрит картинки и все больше смотрит видео, причем предпочитает все более короткий контент.

Во-вторых, она привыкла к использованию одновременно нескольких гаджетов для разнообразных задач, что вынуждает использовать технологически удобные для восприятия форму и формат медиаконтента.

В-третьих, современную медиааудиторию отличает клиповое мышление. Так, по мнению редактора отдела новостей и SMM делового медиапортала г. Казани, сегодня люди не готовы много времени тратить на потребление контента. Поэтому материалы должны быть по возможности короткими, лаконичными, ясными, емкими по содержанию, удобно организованными. Плюс сегодня происходит своеобразный детокс новостей: все хотят чего-то легкого и развлекательного; и похоже эта тенденция будет усиливаться.

В-четвертых, аудитория новых медиа предъявляет повышенные требования к качественной визуализации информации, особенно востребованы элементы игры в подачи информации.

В-пятых, стремление к интерактивности, аудитория желает влиять на содержание контента. Отсюда – использование новыми медиа приемов, которые направлены на вовлечение потребителей в диалог.

Кроме того, у части аудитории распространена привычка снимать «на телефон» и выкладывать в сеть информацию о себе и все любопытное, интересное, что происходит вокруг. Часто именно такое «подсматривание» становится начальным этапом деятельности для «гражданских журналистов», такой путь проходят потенциальные блогеры.

В-шестых, «гражданская журналистика» и блоггинг востребованы у аудитории потому, что они более эмоциональны и отвечают требованию персонализации контента.

На фоне потери доверия к традиционным СМИ, новые медиа выигрывают за счет того, что их аудитория полагает, что они менее подвержены цензуре, менее ангажированы, и в них больше плюрализма мнений и оценок. Однако, если потребители замечают ошибки и проблемы с фактчекингом, пристрастность и поверхностность

медиа материалов, то в условиях высокого уровня конкуренции и разнообразия предложений на медиарынке они склонны заменить медиаисточник на новый. Таким образом, аудитория новых медиа становится все более требовательной, рафинированной и взыскательной.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА МУЗЕЯ: ОТ АУДИТОРИИ ДО МЕДИАЭКСПОЗИЦИИ

Емельянова Надежда Андреевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В первой трети XX века классический музей испытал своеобразный шок от вторжения в свои стены «массового» посетителя, инициировавший его структурно-функциональную перестройку. В результате этой перестройки к началу XXI века мировое сообщество музейных профессионалов пришло к осознанию доминирующей роли массовой аудитории по отношению к исторически естественной для музеев аудитории из числа избранного круга ценителей и профессионалов. Закономерным образом это осознание привело музеи к необходимости гибко и оперативно реагировать на социокультурные и политические изменения для поддержания своего существования и сохранения значимой роли в культурной жизни общества. В последние десятилетия исключительное влияние на функционирование музея оказали процессы медиатизации и цифровизации, под воздействием которых сформировался ряд тенденций трансформации его социокультурного ландшафта.

В ответ на запрос общества музеи оказались вынуждены выстраивать свою цифровую медиареальность, выходя далеко за пределы традиционных музейных рамок вещественности и коммуникации с аудиторией. Такие формы онлайн присутствия музеев, как официальные сайты, видеоблоги и сообщества в социальных сетях даже успели стать обыденностью. Актуальная повестка музейной медиатизации включает в себя освоение NTF платформ и разработку уникальных специфически музейных медиапроектов для коллекционирования и представления современного цифрового искусства.

В то же время можно наблюдать иную тенденцию. На фоне переизбытка цифрового контента в повседневной жизни люди все чаще приходят в музей в поисках овецищенной реальности. Согласно данным, полученным в ходе мониторинга качества обслуживания посетителей Государственного Эрмитажа в 2020–2022 гг., вопреки цифровой доступности музейных коллекций посетители стремятся ощутить подлинность экспонатов, рассматривая, «живые мазки» [анкетный опрос, 03.07.2022] на картинах, пережить мистическое присутствие исторических личностей, изучая их личные вещи и «прикоснуться к атмосфере ушедших эпох» [анкетный опрос, 25.02.2022], оказавшись на месте неких исторических событий. При этом привыкшая к легкодоступности информации современная аудитория, ожидает такой же комфортный доступ к ней не только онлайн, но и в музейных залах.

Указанные тенденции заставляют музейных профессионалов интегрировать элементы медиареальности в физическое пространство музея и наоборот. В свою очередь этот процесс приводит к новому расширению социальных функций музея и порождает новые форматы его взаимодействия с аудиторией в условиях синтетической или дополненной реальности.

К ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Желизнык Мария

(Санкт-Петербургский государственный университет)

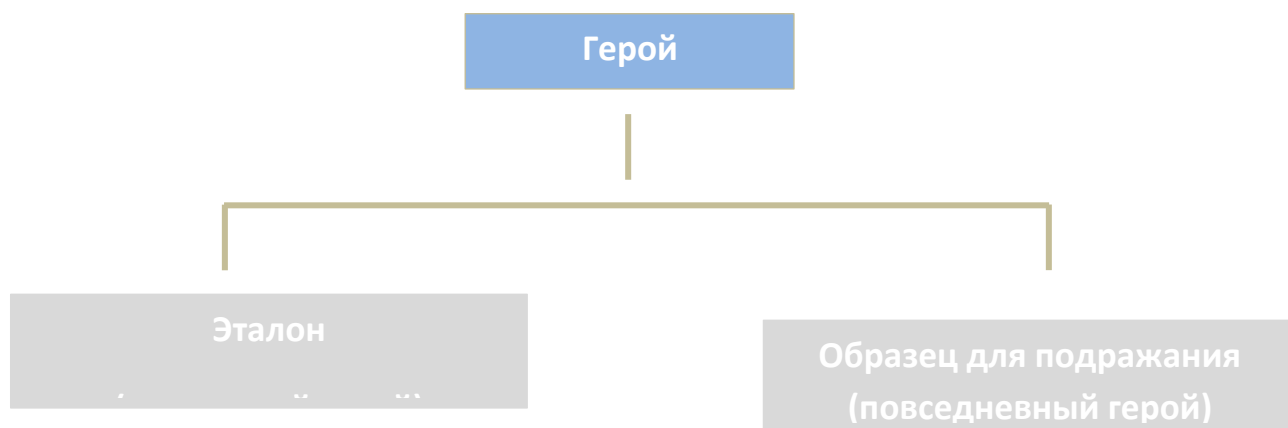
Понятие «герой нашего времени» используется в социальных науках, средствах массовой информации, политической и патриотической риторике, а также в программных документах по молодежной политике. Между тем это понятие до сих пор остается размытым, насыщенным массой коннотаций, идеологических, нравственных, эмоциональных ассоциаций и смыслов, оценочных характеристик. По сути оно является идеологемой, что крайне затрудняет работу с ним. Требуется реконструкция данного понятия, превращение его в аналитическую категорию, переход от расплывчатого образа, «смутного знания» к операционализации, ясному и понятному набору индикаторов, что позволит находиться в одном смысловом поле и ученым, и исследуемым.

Сложность операционализации понятия «герой нашего времени» заключается в амбивалентной структуре понятия «герой», из которого «выходит» герой нашего времени. В научной литературе и тем более в обыденной речи встречается синонимичное использование категорий «герой» и «герой нашего времени», «современный герой» или «образ героя» и «герой нашего времени».

Вторая сложность – это критерий отнесения к герою, кого можно считать героем сегодня и почему? Опять же – и в научной литературе, и в бытовых разговорах многообразии мнений и трактовок. Отсутствие четких определений псевдогероя, антигероя, лжегероя провоцирует понятийную путаницу.

В понимании понятия героя нашего времени важную роль играют психолингвистические исследования, которые диагностируют «постепенную элиминацию ценностного смысла понятий «герой», «героизм», «геройство» [2, с. 112], произошедшего вследствие демократизации речи в России в годы перестройки, но они также не предлагают концептуализации данного понятия.

Наша задача – построение аналитической категории «герой нашего времени», которая бы учитывала его междисциплинарный и многоаспектный характер. Один из первых вопросов, стоящих перед нами, – «как очистить данную категорию от идеологической, ценностной, темпоральной нагрузки?». Мы предлагаем такую модель, которая снимает вопросы нравственности, лже- и псевдогероизма, оценочных суждений.

При классификации используется количественный критерий – охват влияния. Герой как эталон, идеал – это «макромодель», то есть люди, которые задают ценностные и поведенческие векторы в обществе, вокруг которых происходит конструирование поколения. Микроуровень представлен реальными или повседневными героями. Это

люди/персонажи, которые становятся идентификационными, ролевыми моделями для индивидов.

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование: ОНИКС. – 2012. – 1375 с. URL: https://royallib.com/book/ogegov_serгей/tolkoviy_slovar_russkogo_yazika.html (дата обращения: 26.09.2022)
2. Баранская Л.Т. Вершинина Т.С. Психосемантика героизма в историко-лингвистическом межкультурном контексте // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – N 6 (85), ч. 2. – С. 107-117.
3. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М., 1994.
4. Белинская Е.П. Социальные представления о «герое нашего времени» у студентов разной профессиональной направленности // Психологические исследования. – 2017. – Т. 10. – № 54. URL: http://npsyj.ru/pdf/npj-no31-2018/npj_no31_2018_139-147.pdf (дата обращения: 04.10.2022)

РОЛЬ СИМВОЛА КАК СПОСОБА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИМВОЛИКИ.

Иванова Мария Евгеньевна
(УГНТУ)

Гареев Эдуард Сагидулович
(УГНТУ)

Валитова Ника Эдуардовна
(УГНТУ)

Самоидентичность – одна из важнейших характеристик человека (от ср.-век. лат. *identificus* – тождественный, одинаковый). Самоидентификация и презентация себя другим являются важнейшими маркерами и условиями человеческой общности и совместной деятельности, но в настоящее время эти процессы претерпевают определенные трудности и метаморфозы.

Проблема идентичности находится в центре внимания социологов, психологов, философов, культурологов [1, с.48; 2, 134; 3, с.49; 4, 175].

В социологии это соотнесение себя как индивида с теми группами и общностями, которые он воспринимает как «свои», как «мы» (гендер, семья, религия, этнос, профессия и т.п.) [2, с.68]. Философия предлагает термин «персональная идентичность», означающее: 1) тождество «Я» (сознания, разума), сознавание личностью единства своего сознания в разное время и в разных местах; 2) сохранение постоянного или продолжающегося единства деятельности (персоны, индивидуального характера) в ходе изменения деятельности или поведения. Это предполагает: а) существование памяти; б) способность идентифицировать себя (свою самость); в) способность никогда не утрачивать знание, что случившееся произошло или происходит именно с тобой [5, с.95]. Психология понимает идентичность как «чувство самотождественности, собственной истинности, сопричастности миру и другим людям; чувство обретения, адекватности и стабильного владения личностью собственным Я независимо от изменений последнего и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, встающих перед ней на каждом этапе развития» [6, с.78].

Т.е. самоидентификация предполагает процесс формирования человеком представления о себе самом как о цельной и уникальной личности, которая формируется под влиянием вполне определенной символической культурной среды. В том случае, когда происходит разрушение социальной константы, возникают условия для

формирования кризиса самоидентификации, в преодолении которого значимую роль могут сыграть символы как инструмент для определения собственного бытия в окружающем мире, поскольку именно ассоциативное многообразие смыслового пространства символа позволяет приобрести, расширить, преобразовать репрезентативный опыт и перейти в другой психологический статус.

Известно, что значение символа не определяется без объекта и субъекта поскольку символ не существует самостоятельно. Обычно выделяют его логический (указание на знаки, имеющие определенный смысл) и психологический (существует необходимость интерпретации) характер, который раскрывается в ассоциативном поле символа.

Главное различие между этими характеристиками составляет само различие между прямым и переносным смыслом, но при этом «два самых противоречивых вида значения – логическое и психологическое – различаются и в то же самое время связаны друг с другом через общий принцип взгляда на значение не как на свойство, а как на функцию терминов» [7, с. 53].

В результате интерпретации символа и смыслов, которая, по версии С.С. Аверинцева, «не может быть научной, но глубоко познавательной» [8, с. 299], открывается его значение, которое представляет собой единство означающего и означаемого. Но в любом случае смысловая интерпретация символа детерминирована прежде всего социокультурным уровнем самого субъекта. Поэтому интерпретация знака или символа может быть одинаковой для всех (война, белый халат), а может быть различной, индивидуальной. С точки зрения Ж.-П. Гильяни, «Символ отражает уровень способности познания того, кто его читает, так как каждый берет из символа только то, что он понял, и только то, что он может из него уяснить» [9, с. 71].

И в таком случае огромное значение имеет сам индивид, его социокультурное среда, его личный, прежде всего, культурный опыт. И тогда по методу ассоциации мы можем увидеть иные смыслы, обнаружить неожиданные интерпретации данного символического конструкта.

Как вариант-изображение золотом на холсте чаще всего может восприниматься только с эстетической точки зрения в соответствии с тремя основными каналами восприятия: визуальным, аудиальным, кинестетическим. Но из большинства людей некоторые увидят в этом тему власти, например. Очень часто такая индивидуальная интерпретация открывает бессознательное индивида, она иллюстрирует траекторию его скрытых желаний, потенциальной личностной эволюции, в данном случае - это тема движения во власть. Эти символические объекты действуют на бессознательное, а с другой стороны, если мы подключаем интеллект, сознание и осознание, методом ассоциации подбирается своя, гармоничная для нас и нашего бессознательного интерпретация, освещенная нашим сознанием.

Т.е. эти символические конструкты, действуя на наше бессознательное, проявляют скрытые наши потребности, находящиеся в латентном состоянии, при правильном осознании которых мы не только закрываем свои гештальты, но и формируем стратегические цели и их решения. Используя эти знаки (например, золото) и пребывая в этом потоке, мы можем проще и эффективнее двигаться к нашим целям (например, управление, власть).

Кроме того, данный прием может быть успешно использован в реабилитации самоидентичности, по разным причинам (смена социального окружения, ломка стереотипов, когнитивные проблемы и т.д.) нуждающейся в этом.

Согласно М. Бахтину, «Всякая интерпретация символа сама остается несколько рационализированным символом» [10, с. 382], которые человек использует для определения собственного бытия в окружающем мире, поскольку именно ассоциативное многообразие смыслового пространства символа расширяет репрезентативный опыт и трансформирует его в новые психические состояния.

1. Эриксон Э. *Детство и общество*. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.
2. Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
3. Малахов В.С. *Неудобства с идентичностью* // *Вопросы философии*. 1998. №2. С. 42–53.
4. Хёсле В. *Кризисы индивидуальной и коллективной идентичности* // *Вопросы философии*. 1994. №10. С. 112–123.
5. Малахов В.С. *Неудобства с идентичностью* // *Вопросы философии*. 1998. №2. С. 42–53.
6. Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
7. Лангер С. *Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства*. – М.: Республика, 2000.
8. Аверинцев С.С. *Заметки к будущей классификации типов символа* // *Проблемы изучения культурного наследия*. – М.: Наука, 1985. – С. 297–303.
9. Гильяни Ж.-П. *Алфавит человеческого тела*. – СПб.: Меридиан-С, 2010.
10. Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. – М.: Искусство, 1986.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕНТА В РАМКАХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ «ПУШКИНСКАЯ КАРТА»

Калюжная Софья Евгеньевна

(Санкт-Петербургский Политехнический Университет имени Петра Великого)

Начиная с 1990-х годов практически во всем мире началась значимая трансформация массового, образовательного и культурного контента – геймификация. С 2010-х годов процесс геймификации приобрел глобальный характер. В настоящее время гейминг стал видом спорта (киберспорт), признан мировым спортивным сообществом, получил колоссальную популярность среди молодого поколения в возрасте 14-35 лет [1, 110].

Заинтересованность молодежи в геймификации привела к использованию приемов гейминга в школах и вузах, элементы игры стали внедрять в образовательные и учебные процессы. В школах появились интерактивные уроки, необходимая компьютерная техника, усилилась вовлеченность обучающихся в процесс получения знаний и навыков. В вузах стала применяться практика онлайн-тестирования, просмотров научных и научно-популярных фильмов, получили распространение дистанционные занятия, используется личный кабинет студента. Однако с ростом геймификации в стране выявились проблемы социализации молодежи и потребления культурного контента [2, 244].

Для решения этой проблемы по инициативе Президента России 1 сентября 2021 года был запущен социально-культурный проект для молодежи «Пушкинская карта» с элементами геймификации. Данная программа направлена на привлечение внимания молодежи к культурному наследию страны, изучению ее истории, развитию эстетического вкуса и социализации.

Ранее на территории Российской Федерации существовали системы лояльности в учреждениях культуры для учащихся школ и студентов высших учебных заведений [3, 161]. Данная система лояльности предоставляла скидку на приобретение билетов на культурные мероприятия при подтверждении статуса обучающегося или учащегося при предъявлении студенческого или ученического билета.

В СПбПУ был проведен онлайн-опрос среди студентов на предмет применения элементов геймификации в рамках социально-культурного проекта «Пушкинская карта». 90% респондентов применяют студенческую скидку при посещении учреждений культуры. 70% респондентов стали использовать «Пушкинскую карту» после ее появления в рамках социально-культурного проекта для молодежи. Средний возраст

респондентов составил 20 лет. 65% опрошенных были представителями женского пола и 35% - мужского пола.

Исходя из результатов социологического онлайн-опроса молодежи студенческого возраста, элементы геймификации в рамках социально-культурного проекта для молодежи «Пушкинская карта» привлекли 70% целевой аудитории и замотивировали их к потреблению культурного контента.

1. Перяшкина А. А. Воспитательная деятельность в профессиональных образовательных организациях / А. А. Перяшкина // Проблемы современного педагогического образования. — Москва, 2021. №71-4. — С. 108-112.
2. Калюжная С. Е. Рекламное позиционирование социально-культурной программы для молодежи «Пушкинская карта» / С. Е. Калюжная // Молодежь и общество: диалог культур и поколений: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции памяти почетного работника сферы молодежной политики Российской Федерации В. А.Канаяна. — Санкт-Петербург, 2022. — с. 243-247.
3. Калюжная С. Е. Анализ официальной группы «ВКонтакте» социально-культурного проекта «Пушкинская карта» / С. Е. Калюжная // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов в новой реальности. К 350-летию со дня рождения российского императора Петра I : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2022 г. — Санкт-Петербург, ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. — с. 160-162.

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Коркия Эка Демуриевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Расширение границ социального взаимодействия в условиях межкультурных связей и влияния все возрастающих потоков информации требует учета тех изменений, которые происходят в нормативно-ценностной системе как каждого человека, так и больших групп людей, социальное поведение которых является предпосылкой продуктивной интеракции в рамках социокультурного пространства всей страны. Кроме того, Россия всегда страдала от идеологически духовной неопределенности населения по вопросам идентификации и идентичности, проектируемых в пространство. Ключевую роль в формировании идентичности в последнее время играет город, совместное проживание в котором способно играть наибольшую роль в определении и закреплении основных идентификационных признаков больших групп людей, вовлеченных в общее культурно-коммуникативное поле.

Российские города всегда были своеобразными центрами, которые, с одной стороны, аккумулируют в себе лучшие социокультурные достижения, а с другой – наиболее ярко отражают те проблемы и вызовы, которые возникают перед всем обществом. Следовательно, город можно считать своеобразным барометром, ведь его жизнедеятельность свидетельствует об основных тенденциях и трансформациях, на которые стоит ориентироваться и руководствоваться в развитии современного социокультурного и коммуникативного пространства, что особенно актуально в условиях значительных социокультурных, экономических и политических изменений, которые происходят в России.

Так, город в рамках культурно-коммуникативного пространства формирует у человека понятие идентичности в интерпретации физической связи с ним, а также ощущение отчасти ценностно-ментального единства со значимым объединением людей [2, 83].

При этом понятно, что в феномене городской идентичности вопрос личной идентификации и идентификации города тесно связаны. Именно через идентификацию

людей с городом происходит идентификация последнего как конкретной культурно-коммуникационной среды, и наоборот – через идентификацию с соответствующим культурно-коммуникационным пространством как вместилищем характерного мировоззрения, эстетических и моральных норм, образцов поведения и особенностей коммуницирования происходит идентификация человека [3, 13-16]. При этом влияние города на идентификацию человека имеет ряд особенностей и иногда носит откровенно деструктивный характер из-за смешения различных культурных образцов, отчасти агрессивных субкультур, которые вынуждены выстраивать специфические формы коммуникаций на уровне быта, на уровне межсубъектного взаимодействия и социально-стратификационной системы.

Стоит также отметить, что социальное пространство современного города – это культурно-коммуникационное поле столкновения различных процессов как глобального, так и локального характера. Традиции и ценности этнической культуры в условиях хаотизации коммуникаций в социокультурном пространстве города существенно трансформировались под разновекторным влиянием множества новых культурных форм и их представителей, интересы которых часто противоречивы. На эти процессы наслаиваются глобализационные тенденции, связанные с вестернизацией, унификацией, интеграцией, аккультурацией, мультикультурализмом. Поэтому, стремительные глобализационные процессы, унификация и стандартизация, модернизирующиеся коммуникацией современного культурного ландшафта города, размывают его индивидуальность, нарушают проблемы идентификации [2, 87]. Города теряют самобытность, родовую память, культурно-историческое и архитектурное лицо.

Глобальная информационно-коммуникационная система современного города кардинально изменила условия для культурного обмена и межличностного общения, что является важнейшей тенденцией развития современного города. Она успешно стирает пространственные, временные, социальные, языковые и другие барьеры. Именно поэтому коммуникативная составляющая современного городского пространства является доминирующей в формировании культурной идентификации современного горожанина [4, 328].

Но в любом случае эти процессы приводят к выработке специфических паттернов поведения, стереотипов и т. п., а в конечном итоге – к становлению особой культуры-городской формы, а также к формированию особого типа человека – горожанина.

Развитая культурно-коммуникативная инфраструктура городского пространства определяет особенности социокультурной среды обитания человека, воздействуя на условия его жизни, процесс общения, особенности поведения, на выбор приоритетов, популярных трендов, фактически направляя культурно-духовную идентификацию человека в соответствующее русло [2, 85]. А уже его субъективное мировосприятие формирует образ любого города в соответствии с личными интересами, ассоциациями, убеждениями. В широком смысле, идентичностью города можно назвать то, как горожане понимают и воспринимают свой город и идентифицируют себя с ним.

Антропогенный формат города определяется также тем, что он понимается как пространство личной жизни и как фактор социализации, сфера духовной самореализации и траектория проявления индивидуальности [1, 30-35].

Среди смыслов взаимосвязи города с его населением актуально обратить внимание также на то, что город является индикатором развития общества, фокусом духовных вызовов цивилизации, пространством жизни. Он отражает социальные процессы на конкретной территории [1, 28].

В то же время антропологический фактор, по нашему мнению, оказывает приоритетное воздействие на социокультурное пространство города. Антропологический фактор является определяющим в формировании любого культурного пространства, именно от жителей города зависит облик города и его идентичность. Благодаря согласованности идентификаций город начинает отвечать потребностям его жителей,

особенно экзистенциальным, становится «родным» и воспринимается как потенциально безопасная среда.

В таких условиях важную роль играют четко определенные приоритеты и взвешенная культурная политика и на региональном, и на общегосударственном уровне. Такая политика закладывает основу поиска идентичности в пространстве концептуальных культурных значений, символов и смыслов городского культурно-коммуникативного пространства [4, 152]. Так, чем больше в городе культурных и образовательных учреждений, чем больше проводится фестивалей, конкурсов, концертов и других культурных мероприятий, тем более наполненной становится жизнь горожанина, а образ города становится более ярким, своеобразным. Так элементы культуры становятся доминирующими в создании структуры визуального городского образа и в формировании его идентичности. Между тем в условиях конкуренции между городами за привлечение ограниченных ресурсов актуальна проблема поиска символических основ развития городской среды, создания привлекательного образа города, способного улучшить микроклимат внутри территории, условий для реализации творческого потенциала граждан, предотвращения оттока молодых и талантливых жителей и привлечения целевой аудитории [3, 18]. Основываясь на символической природе идентичности, мы выдвигаем тезис о том, что городская идентичность является символическим ресурсом города, и акцентируем внимание на возможностях его стратегического формирования. Изучение городской идентичности требует знания факторов, которые влияют на этот процесс (факторный раздел), и институтов, которые могут преобразовать городскую реальность через городскую идентичность.

1. Вендина О. И. *Московская идентичность и идентичность москвичей. Известия РАН. Серия географическая*, 2018.

2. Коркия Э.Д. *Социальное одиночество как атрибут урбанистических практик в контексте вынужденной самоизоляции // в журнале Социология, издательство Акад. проект (М.), № 2, 2021.*

3. Коркия Э.Д. *Феномен одиночества: амбивалентность развития и социальные поля // в журнале Общество: философия, история, культура. К., № 10, 2021.*

4. Луман Н. *Медиа коммуникации. М.: Логос, 2018.*

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНКУРСА «СЛОВО ГОДА»)

Корниенко Алла Владимировна

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Приметой публичного дискурса наших дней стала его осязаемая агрессивность. Ее фиксируют лингвисты в профессиональном журналистском дискурсе [1], а также в сетевом дискурсе, например, в комментариях пользователей соцсетей к новостным публикациям [2]. Проведенное нами социолингвистическое исследование базировалось на материалах ежегодно проводимого в России на основе фейсбучного дискурса конкурса «Слово года». Семантическому анализу подлежали слова, выражения и фразы - призеры названного конкурса, победившие в нем в последнее десятилетие (2012-2021 гг.). Нами предполагалось, что лексические единицы, признанные победителями конкурса, а значит приобретшие общественное звучание и получившие мощный общественный резонанс, также заражены речевой агрессией. На проверку гипотезы и была нацелена наша работа. При этом под термином речевая агрессия мы понимали использование коммуникатором языковых средств для выражения неприязни, враждебности по отношению к реципиенту или референту [3, 340].

Семантический анализ эмпирических данных осуществлялся с помощью предварительно составленного списка индикаторов речевой агрессии, в который вошли

языковые показатели, уже получившие апробацию в ряде лингвистических исследований. Таковыми являются: военная лексика, резко негативные номинации, оппозиция МЫ/ОНИ (СВОИ/ЧУЖИЕ), оскорбления, угрозы, ультимативные высказывания, негативно окрашенная просторечная и жаргонная лексика.

Анализ показал: все перечисленные индикаторы обильно представлены в эмпирическом материале. Военная лексика (примета милитаризации сознания), воплощена, к примеру, в выражениях враги православия (призер 2013 г.), «пятая колонна» (победитель 2014 г.) и других. Очевидная угроза сквозит во фразе можем повторить, ставшей призером дважды (2017, 2018). Безапелляционный императив прочитывается во фразе мы не должны рожать от другой расы. Оппозицией СВОИ/ЧУЖИЕ заряжена пресловутая номинация иностранный агент (иноагент) – четырехкратный победитель конкурса – равно как и предельно негативное выражение национал-предатели. Базовое для политики противопоставление власти и народа, в его недопустимом, оценочном изводе, обнаруживают оскорбительные высказывания лишние люди или государство не просило вас рожать и многие другие. Результаты проведенного исследования подтвердили гипотезу об агрессивном характере фейсбучного дискурса, который вырабатывает у аудитории агрессивный подход к реальности и, в конечном счете, формирует агрессивную социальную среду.

1. Басовская, Е. Н. (2004). Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации. Критика и семиотика. № 7. С. 257-263.
2. Стеклова, Т. И. (2013). Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности. Политическая лингвистика. № 3. С. 77-81.
3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка (2019). Под ред. М.Н. Кожинной. 4-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА.

ОЦЕНКА ПАНДЕМИЙНОЙ ДИНАМИКИ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Корунова Валерия Олеговна

(ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан»)

Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Перспективы экологизации повседневного поведения населения в контексте сформированной "нормы" природосохранения в Республике Татарстан», проект № 20-311-90086.

Затяжные периоды общественной нестабильности, вызванные политическими, экономическими, эпидемическими и др. причинами, неизбежно влекут за собой социальные трансформации, начинающиеся с изменений массовых коммуникаций в обществе. С появлением нового информационного повода СМИ становятся создателем новой социальной реальности – концентрируются на обзревании событий по проблеме и концентрируют на ней внимание массовой аудитории, оказывая значительное влияние сначала на общественную повестку, а затем на сознание и поведение [5, 61].

Пандемия коронавируса – один из последних наиболее громких информационных поводов, спровоцировавших переворот в восприятии и практиках здоровьесбережения, потребления, труда и т. д. среди россиян. Предшествующий ему переворот в массовых коммуникациях мы охарактеризуем на примере Республики Татарстан и результатов контент-анализа сообщений наиболее популярных в регионе СМИ. Анализом были охвачены 44810 сообщений, опубликованных в 2019–2021 годах Татар-информ, Realnoevremya.ru и Evening-kazan.ru; источники были отобраны с опорой на рейтинги Медиалогии [2-4].

Новостная повестка в регионе в 2019 году была представлена двумя темами: 1) преступность и деятельность правоохранительных органов, 2) законотворчество и гражданское общество (21,8% и 19,7% всех новостей соответственно) [1, 235]. Первая из них, традиционно вызывающая эмоциональный отклик аудитории и потому наиболее востребованная СМИ, осталась также в пандемийной повестке (2020 – 19,6%, 2021 – 18,8%), однако вторая была вытеснена множеством сведений о природе, симптомах, лечении и последствиях коронавируса (2020 – 17,6%, 2021 – 15,2%). Помимо этого, поток информации о коронавирусе снизил значимость большинства других тем, например, почти в половину уменьшилась доля новостей о других социальных проблемах и инновациях, более чем в половину – о событиях в сферах международных и семейно-брачных отношений.

1. *Корунова В.О. Массовое экологическое информирование в контексте формирования «нормы» природосохранения в Республике Татарстан // Вестник МИРБИС. 2022. № 2 (30). С. 232-239.*
2. *Татарстан: рейтинг СМИ за II квартал 2019 [Эл. ресурс] // Медиалогия. 2019. 6 сентября. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/6864/>*
3. *Татарстан: рейтинг СМИ за II квартал 2020 [Эл. ресурс] // Медиалогия. 2020. 24 сентября. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/10618/>*
4. *Татарстан: рейтинг СМИ за II квартал 2021 [Эл. ресурс] // Медиалогия. 2021. 26 августа. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/10622/>*
5. *McCombs M.E., Shaw D.L. The Evolution of Agenda-Setting Research: Twenty-Five Years in the Marketplace of Ideas // Journal of Communication. 1993. Vol. 43, No. 2. P. 58-67.*

РИСКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА НАСЕЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ МОЛОДЁЖИ

Кутузов Никита Олегович

(Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова)

Объединение культур, информационного пространства породило не только взаимное обогащение народов, но и формирование международного терроризма, деятельность которого интенсивно перемещается в виртуальные сети [2, 336].

Современное молодое поколение значительную часть своей жизни проводит в виртуальных сообществах, целью исследования выступил анализ особенностей влияния виртуальных сетей на национальную безопасность в отношении воздействия на молодую аудиторию [1, 54]. Для достижения этой цели автором был проведён опрос в форме анкетирования, в рамках которого приняло участие 491 человек в возрасте от 18 до 30 лет, обучающихся по программам высшего образования в вузах России.

Относительно интенсивности воздействия сети Интернет на молодёжь, следует отметить, что 64 % опрошенных считают, что в последние пять лет влияние виртуального пространства достаточно сильно повлияло на жизнь в стране. Вероятность воздействия виртуальной среды на население определяется её широким распространением.

Целенаправленное воздействие со стороны виртуальной информации ощущал на себе каждый третий опрошенный. Примерно столько же респондентов только предполагают о наличии подобного воздействия. Стремление выступить в роли источника не верифицированной информации наблюдается в 14,9 % случаев, что говорит о субъектном вовлечении молодых людей в создание целевого и потенциально опасного контента. Лишь 9 % респондентов не имеют представления о воздействии виртуальной среды на население. Возможно, данный показатель сопряжён с меньшими возможностями пребывания в сети Интернет, либо с ориентацией на содержательную, а не побудительную сторону информации.

Технология воздействия виртуальной среды на национальную безопасность может проявляться в косвенном виде, посредством подачи информации определённого рода, с заданной частотой и в условленном контексте. В целом, молодые люди фиксируют наличие рисков для национальной безопасности, однако в значительной мере воспринимают угрозы недостаточно серьёзно.

Наиболее эффективная форма борьбы с рисками национальной безопасности заключается в превентивных практиках. Информирование молодёжи о возможных рисках, включение её в поиск угроз в рамках игрового формата – являются одними из наиболее адекватных инструментов, учитывая специфику новых поколений – центениалов, ориентированных сугубо на виртуальный мир. В рамках военной системы достаточно эффективно показали себя практики интерактивных коммуникативных площадок, в рамках которых регулярно обсуждаются наиболее актуальные аспекты виртуального информирования. Подобный подход позволяет компенсировать недостоверную информацию альтернативной позицией авторским исследовательским подходом и другими методами. Основная идея площадок заключена в предоставлении выбора, в рамках которого слушатели способны самостоятельно определить наиболее объективную позицию.

Предлагаемые меры не являются исчерпывающими, однако они позволяют включить в ряды борцов за информационную безопасность молодые и активные кадры.

1. Грошева И. А., Грошев И. Л. Проблема формирования толерантности в Тюменской области: опыт социологического анализа // Вестник РУДН. Серия Социология. 2009. №2. С. 54–62.

2. Грошева Л. И. Специфика интернационализации образования в мультикультурном аспекте // Сборник материалов XI Международной научной конференции «Сорокинские чтения-2017». «Университет в глобальном мире: новый статус и миссия», 20-21 февраля 2017 г. – М: Издательство: ООО «МАКС Пресс», МГУ имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет. 2017. С. 334–336.

ПРОБЛЕМАТИКА ФАНАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ластовенко Дарья Викторовна

(Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет))

Восприятие фанатской культуры в западных исследованиях прошло три стадии: рассмотрение фанатства как девиации (deviation wave), фанатство как противостояние массовой поп-культуре (resistance wave), фанатство как как мейстримное явление (mainstream wave) [1]. Большая часть русскоязычных исследований рассматривала фанатов в сфере спорта и околоспортивных практик.

Сейчас западные fan studies включают в себя обширный корпус исследований, направленных на изучение форм и видов существования фанатов, тематики, особенностей взаимодействия, фан-культуры и деятельности и др. Фан-культура это обширная социальная и культурная инфраструктура, поддерживающая активность и интересы фанатов. Фанат чаще всего относится к общему культурному пространству – фандому.

Партиципаторность фандомов способствует появлению новых форм социальной активности и коммуникации, разнообразных практик. Фандомы в современном пространстве выступают не только как социально-психологический феномен, но и как реально существующая сила, влияющая на экономические, социальные и политические процессы [2,3]. Вовлеченность фанатов зачастую выходит за «рамки» непосредственно фандома: многие организуют или участвуют в волонтерских проектах, социальных и политических инициативах и даже занимаются бизнесом, связанным с фанатством.

В контексте влияния на психику, особенно в условиях социального напряжения, фандомы обеспечивают чувство принадлежности, позволяют иметь безопасное пространство, получить помощь от однофандомовцев, выстраивать позитивные внутрисемейные отношения и во многих ситуациях выполняют терапевтическую функцию. Негативным аспектом становится деструктивное увлечение, при котором личность воспринимает фандом как возможность избежать или заместить реальность, выплеснуть негативные эмоции в медиаполе и др.

Так как явление относится к междисциплинарной области, необходимо рассмотрение разных аспектов фанатства не ограниченного околофутбольными практиками, а затрагивающих и сферу развлекательной индустрии. В том числе исследование таких вопросов как:

- мотивация вступления и причины участия в фандоме;
- влияние принадлежности к фандому и участие в нем на формирование идентичности;
- формы активности участников и особенности фандомных практик;
- феномен гражданской активности внутри фандомов;
- конструктивные и деструктивные аспекты вовлечения в фандомы;
- стратегии привлечения фанатов;
- восприятие фанатов и фандомной культуры в обществе и др.

На данный момент существует многообразие непротиворечащих друг другу исследовательских вопросов к феномену фанатства, что делает fan studies в России открытой для междисциплинарных исследований платформой.

1. Алгави Л.О., Харченко А.В. Феномен фанатского творчества: основные направления изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 3. С. 531–541. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-531-541>
2. Калитко И.И. Фанатские сообщества — бороться или возглавить? Политический потенциал современной фанатской культуры. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022;12(2):148-152. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-148-152>
3. Тимохович А.Н., Никурадзе О.И. Анализ развития медианпространств виртуальных фан-сообществ. Вестник университета. 2020;(12):171-175. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-12-171-175>

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЕНТАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ РОССИИ: МОДЕРНИЗИРОВАННЫЕ МИЛЛИОННИКИ, АРХАИЧНЫЕ СТОЛИЦЫ?

Латова Наталия Валерьевна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Латов Юрий Валерьевич
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Урбанизация – переход от почти исключительно сельского к преимущественно городскому образу жизни – является одним из ключевых элементов модернизации сначала стран Запада, а потом и всех остальных стран мира. Это связано с тем, что почти все ключевые элементы модернизации (всеобщая грамотность, основанное на разделении труда рыночное производство, политическая демократия, стремление к инновациям и т.д.) органичны для городского, а не сельского образа жизни.

Модернизация, происходящая в городской среде, комплексно затрагивает все сферы жизни горожан, их труд и досуг. В сравнении с сельским образом жизни в городах меняется как поведение, так и, самое главное, мышление людей – их ценности и

установки. Это изменение культурных традиций происходит под воздействием не только городских условий труда, но и большого количества тех новых возможностей досуга, которые представляют культурные объекты городов (учебные центры, библиотеки, кинотеатры и т.д.). Реальная степень модернизации определяется в первую очередь именно распространением среди горожан качественно новых ценностей и установок. Именно они создают базу для формирования новых социальных институтов (партий, профсоюзов, землячеств и др.), характерных для общества модерна.

Хотя обсуждение культурных аспектов модернизации началось еще в 1950-1960-х гг., по поводу ее понимания сохраняются разногласия, связанные в первую очередь с различиями в понимании соотношения «модернизации» и «вестернизации». Первоначально они почти отождествлялись, но потом стал развиваться дискурс о «модернизации в обход вестернизации» (или «множественности модернизи»). Он опирался на опыт, прежде всего, успешно развивавшихся стран Азии (Японии, Южной Кореи, КНР и др.), которые демонстрировали многие качественные отличия от стран Запада (например, существенно иное понимание ценностей индивидуализма и демократии). Тем не менее, базовые идеи классических теорий культурной модернизации остаются в силе. Китайский социолог Ч. Хе сводит характерные черты культурной модернизации в ее классическом понимании к шести позициям: 1) новое знание, основанное на науке; 2) новое образование; 3) новые идеи, основанные на рациональности мысли и секуляризации религии; 4) новые ценности – свободы, демократии, равенства и человечности; 5) новые цели – прогресс, богатство, изменения и самовыражение, развитие ценности личности и ее способностей; 6) новые поведенческие установки – стремление принимать участие, ориентация на доверие.

В докладе сначала будет дана характеристика того, как в постсоветской России развивалась городская культурная среда, насколько она дифференцирована по разным типам поселений. Затем на основе социологических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН будет прослежено настоящее состояние и динамика культурных ценностей и социальных установок горожан в 1990-2020-х гг. Наконец, в финале будет рассмотрено, в какой степени модернизационные культурные ценности ведут к становлению в российских городах новых практик социального участия.

Общие выводы о закономерностях современного состояния ментально-культурных характеристик жителей различных типов городов России формулируются следующим образом.

1. Различия в информационно-культурной инфраструктуре различных типов поселений были в основном сглажены (хотя и не полностью ликвидированы) еще в позднесоветскую эпоху. Как показывают статданные, между жителями разных типов поселений практически нет различий в доступе к литературе, минимальны различия в доступе к телевидению, а обеспечение доступа к Интернету проблемно к началу 2020-х гг. в основном для сельских поселений. Отсутствие качественных различий между разными типами поселений в доступе к основным каналам постоянной трансляции информационно-культурных контентов сочетается с сохранением культурно-обусловленных существенных различий в спросе на эти контенты, что является фактором воспроизводства различий россиян, живущих в разных типах городов, по приверженности разным культурным ценностям.

2. В соответствии с теориями урбанизации и модернизации городское население в России несколько больше соответствует ценностям общества модерна, чем сельское, хотя различия не настолько велики, чтобы говорить о противостоянии ценностей города и села. У жителей обоих типов поселений в ценностной структуре наблюдается амбивалентность: некоторые ценности соответствуют нормам современного общества, другие имеют скорее традиционную окраску. Так, ориентация на свободу в противовес материальному благополучию, инициативность, предпочтение равенства возможностей и т.д. сочетаются с конформизмом, уклоном в анархизм и эгоизм. В то же время зафиксированы

определенные различия в зависимости от типа городского поселения. Парадоксально наиболее продвинутыми в модернизационном плане оказались жители не столиц, а городов с численностью населения 0,5-1,0 млн. чел. Ценности же населения двух столиц оказались не настолько соответствующими нормам общества модерна, как это можно было бы предположить изначально.

3. Во многом неожиданной оказалась и диалектика традиционных и современных ценностей горожан России на длительном промежутке времени. За последнюю четверть века произошли заметные изменения в ценностях как горожан, так и сельчан, но нельзя говорить о наличии какого-то единого вектора развития. Некоторые ценности и установки действительно изменились в сторону большей модернизации, другие же, наоборот, снизили былой модернизационный потенциал. Суммарным вектором изменений стал некоторый откат ментально-культурных ценностей в сторону более традиционных смысловых нагрузок. На фоне общих тенденций снова выделяются жители городов численностью 0,5-1,0 млн. чел., которые за последние 20 лет стали представлять культурный «авангард» не только горожан, но и россиян в целом. Одновременно очень сильно снизилась модернизированность ценностей и установок жителей столиц.

4. Изучение различий в социальной активности жителей разных типов городских поселений показало, что в начале 2020-х гг. в России наблюдается перевернутая U-образная корреляция между частотами социального участия горожан и масштабами городских поселений: социальный активизм чаще встречается у жителей городов с населением 0,5-1,0 млн., реже – у жителей двух столичных мегаполисов и городов с населением до 500 тыс. Отставание в частотах практик социального участия у жителей двух столиц, видимо, является устойчивым (оно наблюдалось как в 2021 г., так и в 2010 г.), в то время как «первенства» жителей городов среднего масштаба ранее не было.

В целом наблюдается существенная корреляция характеристик всех трех объектов анализа (материальной культурной инфраструктуры, культурных характеристик и культурно-обусловленных действий). Различия в культурных характеристиках и в частотах социального участия российских горожан действительно оказались не слишком высокими, что можно объяснить существенным нивелированием доступа к объектам материально-культурной инфраструктуры. В то же время, хотя эта инфраструктура заведомо лучше развита в столичных мегаполисах, однако их жители последовательно демонстрируют, в сравнении с жителями городов меньшего масштаба, пониженную приверженность модернизационным характеристикам. Перевернутая U-образная модель различий между живущими в разных типах городских поселений прослеживается и в спросе на информационно-культурные контенты, и в приверженности культурно-модернизационным ценностям, и в распространенности разных видов социального участия. Если модернизационные преимущества городов с населением 0,5-1,0 млн. (это в основном административные центры субъектов РФ) перед меньшими по численности городами и сельскими поселениями вполне ожидаемы, то пониженная модернизированность двух столиц является оригинальным российским феноменом, противоречащим общим закономерностям модернизации. Таким образом, следует сделать наиболее общий вывод о неоднозначном характере социокультурной модернизации в России.

ВЛИЯНИЕ ЭСТЕТИКИ «DEADPAN PHOTOGRAPHY» НА ФОТОГРАФИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ЛАНДШАФТА

Ленкевич Денис Сергеевич
(Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Производство образов постсоветского разворачивается в двух основных перспективах: непрерывной фиксации современного городского пейзажа и

искусственного изменения привычных образов постсоветских городов. Ярким примером первого направления являются изображения, собранные в сообществе «Эстетика ***ней» во «ВКонтакте». Там можно обнаружить воспроизводство устоявшихся визуальных представлений о постсоветском ландшафте: советские панельные дома на фоне современных машин, дым из труб на фоне миниатюрных домов и другие характерные городские сцены. Вторая стратегия характерна для интернет-художников, которые добавляют в привычные постсоветские места необычные предметы или живых существ. Так, на сюрреалистических фотографиях Вадима Соловьева на фоне Петербурга появляются гигантские голуби, роботы и драконы. Но существует и третья стратегия: фотохудожники составляют словарь постсоветского ландшафта и ищут образные знаки, которые позволяют рассмотреть его обманчивую изнанку.

Российские фотографы, специализирующиеся на изображении постсоветского пространства, испытали сильное влияние фотографического течения 1990-х годов под названием «deadpan photography» («бесстрастная фотография») [1, 69]. Под ним критики понимают изображения, в которых предьявляется не приукрашенная, а, наоборот, неприглядная действительность (термин, как правило, используют для описания урбанистических фотографий). Кроме того, если на фотографии могут появиться люди, то фотографы стремятся запечатлеть их без эмоций. Многие первопроходцы «deadpan photography» (такие как Андреас Гурски) в качестве характерных приемов для съемки и экспозиции использовали композиционную симметрию, большой размер изображения и высокую резкость. При этом «бесстрастность» размывает границы восприятия фотографии как искусства: в бинарной оппозиции документа и художественного образа сложно найти элементы, которые позволяют увидеть в «deadpan photography» произведение искусства.

Российские фотографы упоминают в интервью в качестве «своих учителей» предшественников «бесстрастной фотографии», немецких фотографов Бернда и Хиллу Бехеров [2]. Супруги первыми обратили внимание публики на старые водонапорные башни, которые для них выражали индустрию, а серийное экспонирование башен — массовое производство [3, 565]. Стоит отметить, что они участвовали в знаменитой выставке современной американской фотографии 1975 года «Новые топографии: измененный человеком ландшафт», на которую были приглашены фотографы, подчеркивающие противоречия между природным и урбанистическим пейзажем. В 2018 году в Екатеринбурге прошла первая выставка российских «дэд-пэнов» — «Новый пейзаж», идея которой пересекается с выставкой 1975 года и заключается в демонстрации особенностей постсоветской повседневности. Серии российских фотографов сравнимы с творчеством их западных коллег. Творчество Валерия Нистратова сопоставляется с работами американского фотографа Льюиса Болца, который при помощи контрастных черно-белых фотографий подчеркивал включение промышленных зданий в природные ландшафты. Параллели можно увидеть в проектах Анастасии Цайдер и японского фотографа Йошико Сейно. Й. Сейно наблюдает за буйным ростом природных вещей в антропогенных ландшафтах, что совпадает с замыслом Цайдер фотографировать экспрессивную жизнь зелени и деревьев в микрорайонах Таллина. Также сходства обнаруживаются между фотографиями Александра Гронского и Герхарда Стромберга: художники заостряют внимание на следы присутствия человека в кажущихся неизменными природных и городских ландшафтах.

Фотография в руках российских «дэд-пэнов» становится инструментом научного изучения общества и поиска типовых архитектурных маркеров в городском пространстве. Любопытно, что первое в истории научное фотографирование города, как показывает исследовательница фотографии Э. Переро, началось с замысла зафиксировать все этапы перестройки Парижа в середине XIX века [4, 199]. Однако впоследствии значение научного эксперимента изменилось. Нейтральные и геометрично выстроенные виды на коллодионовых пластинках Шарля Марвиля стали для критиков XX века выражением

романтического и мистического духа Парижа. В случае Марвиля фотография как документ, имеющий историческую ценность, впоследствии стала фотографией как произведение искусства из-за отказа воспринимать ее как исторический памятник. Вопрос художественной и исторической ценности произведений, разрабатываемый А. Риглем [5, 58], приобретает особую значимость для «бесстрастной фотографии», потому что фотографы, как и пользователи сетей, собирают визуальную память ландшафта, в которой остается большое количество «смысловых» дыр. Именно тот объект, который выберет фотограф, имеет шанс сохраниться в пространстве развивающихся и изменяющихся постсоветских городов [6].

Эстетика «deadpan photography» прочитывается в проектах фотографов, посвященных постсоветскому пространству, но не обладает тем эффектом новизны, который был свойственен ранним «дэд-пэнам». «Бесстрастная фотография» стала широко растиражированным приемом в мире. Проекты Сергея Новикова и Максима Шера, представленные в 2018 году, подчеркивают новую тенденцию: вместо создания уникальных образов фотохудожники решили сохранять и каталогизировать повторяющиеся образы. Новиков снимает различные футбольные стадионы в России, а Шер ищет повторяющиеся городские структуры. Задачей художников становится не производство новых образов, а создание сети фотодокументов.

1. Коттон Ш. *Фотография как современное искусство*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 242 с.
2. Бабкин С. *Фотограф Максим Шер — о том, из чего состоит постсоветский город* // the-village.ru. URL: https://www.the-village.ru/weekend/art/231495-maxim-sheer?from=infinite_scroll (дата обращения 20.01.2022).
3. *Искусство с 1900 года. Модернизм, антимодернизм, постмодернизм* / Х. Фостер, Р. Краусс, И.-А. Буа [и др.]. М.: Ад Маргинем, 2015. 816 с.
4. Перего Э. *Город-машина: архитектура и промышленность в фотографии* // Новая история фотографии // Под ред. М. Фризо. СПб.: Machina, 2008. 334 с.
5. Ригль А. *Современный культ памятников: его сущность и возникновение*. М.: ЦЭМ, V—A—C press, 2018. 96 с.
6. Косован Е. А. *Постсоветский город как палимпсест* // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2020. № 4. С. 48–68.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПУТЬ К АРХАИЗАЦИИ ИЛИ ОБНОВЛЕНИЮ?

Лепешкина Лариса Юрьевна

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Поволжский государственный университет сервиса»)

В современном мире происходит смена вектора развития. Индустриальное общество перешло в неустойчивое состояние, исчерпав себя практически и идеологически. Поэтому мировое сообщество ищет приемлемые не военные, политические или экономические точки опоры, а социокультурные и духовно-нравственные решения.

Россия также находится в сложной политической и социально-экономической ситуации. В связи с тем ей необходимы культурные ресурсы, способствующие её духовно-нравственному оздоровлению, формированию патриотического отношения к её прошлому, настоящему и будущему. К таковым ресурсам относятся этнические традиции, которые осуществляют связь поколений и времён, дают жизненную опору и поддержку в трудных ситуациях, позволяют сохранить личные качества человека.

Этнические традиции предоставляют в настоящее время огромные возможности для духовно-нравственного развития, ограничив до разумных материальные потребности.

Как показывает наше исследование, у народов Среднего Поволжья обнаруживаются такие социокультурные особенности, которые демонстрируют стремление быть большим, чем этнос, не отвергая свою идентичность. Глубинным фактором, вызывающим это состояние сознания, является эмпатия. Но только высокий уровень общей культуры позволяет полностью раскрыться этому качеству и сопереживать другому народу, преодолев этнические, конфессиональные, политические, экономические и другие разногласия. Состояние сострадания не зависит от воли политиков, а является итогом долгого социогуманитарного созревания этноса.

Однако в современном обществе высоких темпов развития, информационных технологий и формализации межчеловеческих отношений связи поколений рвутся, духовно-нравственная близость между ними не достигается [4, 295-298]. Глобализация влечёт за собой унификацию личности, т.е. потерю человеком возможности быть ответственным творцом своей жизни. Соответственно этническая культура необходима ради сохранения различных межпоколенческих, межнациональных связей, социокультурного разнообразия в мире.

Ситуация, близкая к «разрыву традиций», наблюдается в настоящее время в России, что ставит под сомнение культурную преемственность, увеличивает количество инфантильных, незрелых молодых людей, принимающих на веру любые домыслы и исторические спекуляции. Без объединяющих поколения людей обычаев, традиций, обрядов, ритуалов невозможно поддержать духовно-нравственную среду страны.

Вместе с тем процесс возрождения некоторых этнических традиций опасен их «архаизацией». Архаизация представляет собой форму регресса и предполагает использование человеком культурных программ прошлого, уже не отвечающих современной сложности мира, его масштабам проблем. В таком обществе преобладают локальные ценности, где доминируют чувства и эмоции людей при ограниченном круге общения [2, 90]. В то же время этнические традиции как нравственные регуляторы служат более сильными индикаторами общей культуры, духовности этнической общности, чем правовые нормы и система государственного контроля. С учётом данного фактора необходимо найти баланс между традициями и инновациями в культуре, где источником его поддержания является осознание обществом гуманистического смысла первых. На наш взгляд, это означает прежде всего понимание носителями этнических традиций своей значимости для самих себя, национального и мирового сообщества. Конкретная этническая культура, таким образом, имеет больше возможностей быть общественным культурным достоянием, чем культуры массового, неограниченного потребления, рационалистического типа, ориентированные исключительно на инновации.

Исследование жизнедеятельности народов Среднего Поволжья позволяет выделить ряд универсальных черт этнических традиций на примере обрядов жизненного цикла, которые могут быть полезны в качестве духовно-нравственного потенциала, культурного ресурса по модернизации современной России и региона. Одним из важных свойств обрядовых практик является их способность формировать коллективную личность, которая, будучи вовлечённой в ритуальную деятельность, отождествляет себя с социальной группой (семьёй, родом), осознаёт общность культурных связей и механизмов жизнедеятельности. Для коллективной личности важно неукоснительное соблюдение традиционных норм поведения и пресечение попыток проявить индивидуальную личную свободу [3]. Однако коллективизм, присущий обрядам жизненного цикла, создаёт предпосылки для защиты этнических культур, а также общей региональной культуры от угроз чуждых ценностей и ориентиров.

Другой чертой обрядов жизненного цикла населения региона является объективность – их невозможно придумать заново. Например, советская обрядность, вопреки желанию власти, базировалась на традиционных представлениях о рождении, взрослении, бракосочетании и смерти человека. Даже в случае насильственного внедрения новых обрядов требовалось добровольное участие в их проведении. А чувства и эмоции

участников этих событий не придумаешь и не сыграешь. Поэтому в обрядах всегда остаётся то «старое» и знакомое, что позволяет их участникам чувствовать и переживать смысл обрядовых действий. Так, в современной России потерявшие родственников ожидают на поминки родных и близких; новобрачные превращают свадьбу в публичное мероприятие для того, чтобы в обществе зафиксировать свой статус мужа и жены; подросток стремится к совершеннолетию ради получения признаков взрослости [1].

Универсальное свойство этнических традиций также проявляется в их сконструированной «священности» [5]. Так, благодаря традиционным обрядам утверждается легитимность социально сконструированного мира, в рамках которого поддерживается человеческое бытие. В результате устанавливается определённый социальный порядок внутри этнической общности и на конкретной территории. Применительно к отдельным регионам речь идёт о формировании общей региональной идентичности, выступающей квинтэссенцией национально-государственной и этноконфессиональной идентичностей. Её отличают целостность, монолитность, возможность объединять отдельные этносы в социальную группу на основе территориальной и культурно-исторической уникальности региона. Региональная идентичность не умаляет значения этнических и конфессиональных особенностей различных народов, а наоборот, позволяет представить своеобразие каждого этноса во всей полноте в конкретном регионе, т.е. идентифицировать по территориальному признаку.

В XXI в. научное сообщество и простые люди активно обращаются к социокультурной истории, где ищут решения волнующих их проблем. Опыт предков всегда был и остаётся значимым для осмысления текущей и прогнозируемой ситуации в экономике, политике, а также в административно-хозяйственном управлении и др. Кроме того, опыт переживания этнических ценностей личностью необходим для социокультурной модернизации России. Пропускание через себя народных традиций укореняет их в индивидуальном сознании, делает их неотъемлемой частью этнической (региональной, национальной) идентичности, что помогает избегать внешних угроз, нацеленных на её разрушение.

1. Адоньева С. Б. Ритуал, он же – обряд. Разговор об определениях // Персонал-Микс. 2007. Вып. 6. http://folk.ru/Research/adonyeva_ritual_2007.php.
2. Ахиезер А. С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 1. С. 89-100.
3. Костина А. В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. Культурология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/>.
4. Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные / Стивен Хокинг : пер. с англ. М. Кононова. СПб. : Амфора, ТИД Амфора, 2008. 166 с.
5. Berger P. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. Garden City, New York: Doubleday, 1967, pp. 1-52.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУРЫ, НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ: ПРИМЕНЕНИЕ ДВУХУРОВНЕВОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВА

Линде Андрей Николаевич

(Московская высшая школа социальных и экономических наук, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

В социальных науках обсуждается вопрос, каково происхождение культуры, входящих в неё норм и ценностей общества. При этом, проблема их изначального происхождения, сотворения так и является на данный момент не разрешённой.

Каким образом можно изучать культуру самих граждан, их ценностные убеждения и представления? Как мы полагаем, для этого может послужить двухуровневая модель

общества Ю. Хабермаса, разделяющая уровни «системы» и «жизненного мира». В рамках первого уровня анализируется государственная система, в рамках второго – непосредственное восприятие граждан, включающее в себя их собственные, личные, субъективные нормы и ценности.

Возникает вопрос, каково подлинное происхождение этих норм и ценностей? Согласно марксизму, первопричиной всего являются материальные экономические отношения, определяющие «идеальный» мир культуры, норм и ценностей. Но, в социальных науках есть и другая, субъективистская точка зрения, согласно которой именно культура, субъективно переживаемая каждым человеком, находится в основе и определяет другие сферы жизни общества. Мы также придерживаемся противоположного марксизму, экзистенциалистского подхода и считаем, что культуру порождает личностный сознательный творческий акт. Это относится как к нормам и ценностям, утверждаемым государственным аппаратом, так и к нормам и ценностям «жизненного мира» гражданского общества.

В начале, проанализируем происхождение норм и ценностей на уровне «системы».

С нашей точки зрения, у каждой культуры системы есть свой автор-демиург, создающий эти культурные нормы и ценности и затем, через государственный аппарат своих «операторов» программирующий нормы и ценности в сознание общества. Поэтому, не «структура» порождает демиурга, но демиург является автором той или иной структуры, используемой для его целей и распоряжений.

Для раннего СССР подобного рода демиургом являлся В.И. Ленин, чьё прочтение марксизма стало общеобязательным для всего государства.

Теперь, перейдём непосредственно к анализу самого общества. Непосредственная жизнь людей, их мировоззрения, культура, нормы и ценности анализируются в двухступенчатой теории при помощи понятия «жизненного мира».

Жизненный мир представляет собой непосредственный, повседневный мир людей, но не как объективно заданный универсально-одинаковый для всех, а как индивидуальный, субъективно воспринимаемый и интерпретируемый в сознании каждым человеком, каждой личностью.

Жизненный мир, с точки зрения отражения в нём норм и ценностей людей, представляет собой совокупность личных, субъективных, непосредственных представлений самих людей о себе и повседневном мире, религиозных предпочтений, норм и ценностей. Именно через восприятие этих идеалов, ценностей человек интерпретирует действительность.

Каждый человек является носителем своего «жизненного мира», своего мировоззрения, которое также должно быть воспринято в «публичной сфере» общества. Поэтому, отрицается подход единой государственной идеологии, и провозглашается существование множественных человеческих интерпретаций действительности.

В результате, происходит противоборство между идеологией демиурга системы и жизненным миром самого общества. Нормы и ценности «жизненного мира» обязательно должны быть услышаны, восприняты и разобраны на общегосударственном уровне.

Поэтому, культурный жизненный мир людей особенно важен. Он должен артикулироваться на политическом уровне, культурные нормы и ценности жизненного мира должны влиять на политику, проводимую государственным аппаратом и, тем самым, влиять на жизнь общества в целом.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ИСКУССТВО: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Магомедова Виолетта Рамазановна
(ФГАО ВО ВолГУ)

В данной статье рассматривается современное направление искусства – информационное. Его основные характеристики: демократизация, коллективная игра, вовлечённость нескольких чувств в процесс восприятия и интерактивность. Последней отводится особое место как средству художественной выразительности. Также автор обращается к генезису интерактивности, рассматривая ее в качестве социологической категории.

Информационная эпоха побудила искусство трансформироваться под возникающую социокультурную среду. Отхождение от традиционных тенденций развития повлияло на зарождение нового направления, именуемого информационным искусством (информатизмом), а, как следствие, и новых форм – цифровых и компьютерных, то есть относящихся к диджитал арт. Современное искусство приобрело такие отличительные характеристики, как массовость и техническая воспроизводимость. Последняя обеспечивается путем взаимодействия техник, процессов и материалов, использующих особенности электронных устройств: компьютеров, цифровых камер, программного обеспечения, мобильных устройств или планшетов и, наконец, Интернета и сети. Благодаря возможности технически создавать, транслировать произведения искусства сформировалось специфическое понимание культурного объекта. Так, с учетом цифровизации общества, то есть внедрении диджитал технологий в различные его сферы жизни, определение культурного объекта представляется как «комплекс организованных данных, которые структурируют эстетический опыт пользователя (зрителя). В культуре информационного общества единственным и неосознанным средством-носителем искусства становится программное обеспечение с заложенной в нем мощностью кода, которое заставляет относиться ко всему культурному наследию человечества как к базе данных» [1, 50].

Можно заметить, что реализация творческого потенциала становится практически безграничной: художники могут воспроизвести любую задумку, используя компьютерные технологии. Идея и продукт имеют более крепкую сцепку чем в традиционных представлениях об искусстве, поскольку возможно смоделировать будущее произведение вплоть до придания ему гиперреалистичного вида. Одним из информационных направлений в искусстве является цифровое или же Digital Art. Digital art или цифровое искусство — это направление в искусстве, основанное на использовании компьютерных технологий. Авторы digital art охотно используют в процессе творчества компьютерные программы и технологии, а результатом являются произведения в цифровой форме. Сфера digital art находится в постоянном развитии. Возможности постоянно обновляющихся графических редакторов вдохновляют художников на создание все более необычных образов. Поэтому работы цифровых художников с трудом поддаются классификации. Выделить виды визуального цифрового искусства можно с опорой на технологии, которые используются при его создании, хотя стоит сказать, что многие авторы применяют целый комплекс различных цифровых инструментов, смешанные техники. Например, цифровая живопись, фотография, векторная графика, анимация, фрактальная графика, типографика, графический дизайн и другие.

Каждый из культурных продуктов, получаемых с помощью необходимых технологий, на выходе маркирует себя также и под информационный. Говоря о взаимосвязи искусства и технологий, стоит упомянуть М. Дертузоса – греческого ученого, профессора, который выделил четыре характеристики отличающие объекты информатизма:

«Вовлеченность нескольких чувств и мышц в процесс восприятия с помощью визуального и слухового погружения, тактильных ощущений, изменений температуры, и контролируемых запахов. По мере улучшения технологии художники будут создавать произведения, приносящие все более полные и глубокие переживания.

Интерактивность. Несмотря на то, что, например, интерактивные пьесы и фильмы с альтернативными сценариями уже существуют, постоянно развивающиеся информационные технологии выведут интерактивность аудиовизуальных искусств на более высокий уровень.

Коллективная игра. Эта характеристика означает, что в процесс творения какого-либо произведения может быть вовлечено большое количество человек, объединенных с помощью ИКТ.

Демократизация. Мировое искусство стало доступным миллионам людей. Онлайн-искусство предлагает колоссальное количество аудио-, видео- и текстовых материалов, посвященных как физическим, так и цифровым произведениям» [2, 51].

При изучении социологической наукой информационных произведений искусств в социокультурном пространстве важной категорией, определяющей их природу является интерактивность. Для ее понимания следует обратиться к одной из основных социологических парадигм, основателем которой считают чикагского ученого Джорджа Герберта Мида - интеракционизму (позднее символический интеракционизм). Особое значение для нас представляют понятия социального взаимодействия и коммуникации. Одна из базовых идей интеракционизма, которая лежит в фундаментальном осмыслении интерактивности утверждает, что коммуникация представляет собой обмен символами и выработку единых значений и смыслов. Интерактивность является одной из выделяемых Дертузосом характеристик информационного искусства. Термин «интерактивность» заимствован из английского языка: “interaction”, что означает взаимодействие. Интерактивность – «одна из ключевых категорий социологического анализа, описывающая многообразие социальных взаимодействий на различных уровнях: межличностном, групповом, институциональном. Взаимодействие структурируется в нескольких полях: обмена (информацией, объектами, чувствами); интерпретаций; производства впечатлений («имиджей»); типизации/стандартизации сообщений (языка, позиций взаимодействия)» [3, 63]. Нередко интерактивность как характеристика социальных коммуникаций в современной социологии в большей степени используется для описания взаимодействий в мире телекоммуникаций («масс-медиа» и «новых медиа»), где к явлениям интерактивного общения относятся компьютерные игры, электронная почта, общение «онлайн» в Интернете, телефонное или интернет-участие зрителей в телепрограммах (интерактивные опросы, голосования и проч.), технологии виртуальной реальности и др. Можем пронаблюдать то, как в поле информационного искусства по средствам интерактивности происходит социокультурное взаимодействие зрителей и автора произведения искусства: технологии позволяют зрителю на практике вносить свой культурный смысл в произведение, что делает из процесса восприятия культурного продукта коллективную игру. Также онлайн пространство обеспечивает взаимодействие зрителей, объединяет их в одну социальную группу, имеющую один общий интерес - обсуждение культурного продукта.

В искусстве понятие интерактивности сохраняет свое значение, раскрывая характер и степень взаимодействия между объектами. Посещая различные арт-события, выставки и перформансы, зрители могут ощутить и прочувствовать себя участником акта творчества. Тенденция такова – посетитель галереи все чаще перестает играть роль только зрителя, а становится полноценным участником творческого процесса. Ему дают возможность, потрогать, пощупать, понюхать объект искусства и даже модифицировать его. При этом происходит своего рода коммуникация между зрителем и произведением. Позиция зрителя принципиально изменилась – теперь он не просто пассивный реципиент, он – интерпретатор и соавтор. Вместе с тем, и художественное произведение как бы вживается

в наш мир, становится его частью. «Интерактивность, как результат конструктивного осмысления технических возможностей современной культуры, выступает в пределах медиапространства новым средством художественной выразительности, активным участником креативного процесса преобразования традиционных средств» [4, 310]. С помощью интерактивности создаются художественные образы. Обеспечиваемое ею взаимодействие и коммуникация имеют свои считываемые символы, которые создаются ИКТ и в первоначальном образе являются ничем иным как информационным кодом. Интересно то, что только после включения в эту систему человека основной задачей символов (речь идет о визуальных знаках, используемых в самом произведении искусства или же при их воспроизведении различными диджитал средствами) становится обеспечение коммуникации и социального взаимодействия между автором произведения искусства и зрителями.

Таким образом, современный тип информационной культуры, компьютерные технологии предложили новое пространство для творчества. Интерактивность становится средством выразительности художественных образов, а также обеспечивает не только культурную коммуникацию субъектов и объектов, но и играет роль в социальных взаимодействиях. Социальное взаимодействие и коммуникация определяют роль информационного кода не как технического элемента, а уже представляет его в виде произведения искусства, если он предполагает собой художественные образы и эстетическое восприятие.

1. Чернышев Д. С. *Эстетика массмедиа и цифровых технологий // Эстетика и эстетическое образование в процессе трансформации современной культуры.* - 2018. – 206 с.
2. Соловьев А. В. *Новая эстетика информационной эпохи: искусство как база данных // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право.* - 2009. - № 8(63), вып. 8. - 51 с.
3. Кречетников К. Г. *Понятие интерактивного электронного учебника // Приоритетные научные направления: от теории к практике.* – 2016. - № 22. – 63 с.
4. Чичканов Е. С. *Интерактивность как средство художественной выразительности // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова.* – 2009. – №4. – 310.

ОТ ПОСТМОДЕРНА К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРЯДКУ

Максимов Арсений Андреевич

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Осмысление следующего за постмодерном периода происходит уже давно в кругах представителей различных сфер общественной жизни. Общее понимание проблематики вопроса связано с неизбежным началом новой эпохи определенности неомодерна. Постмодерн отказывается от каких бы то ни было ценностей и стандартов. Истина, заключающаяся в ее отсутствии, отрицание стабильной реальности и достоверного знания и, как следствие, плюрализм точек зрения - прекрасная основа для формирования рынков и развития демократии. Хотя стоит заметить, что и демократию постмодернисты считают авторитарным методом. Мнение меньшинства, с точки зрения Ж.-Ф. Лиотара[3] приоритетно по сравнению с общим консенсусом. Абсурдность идей здесь всегда может найти своё оправдание. Следует вспомнить таких видных теоретиков постмодерна, как М.Фуко[4] и его критикой власти и культуры, как угнетающего фактора; Ж.Деррида[2] как автора «деконструкции». Дж. Батлер и её понимание гендера как культурного конструкта[1].

Социальный беспорядок постмодернистского мышления характеризуется свободой от стандартов и норм поведения, что, с точки зрения традиционализма, выражается в утрате

здорового смысла и нравственности. «Третий пол», педофилия как норма, оскорбление чувств верующих и другие примеры безусловно продукты эпохи постмодерна. «Окон овертона» здесь стало так много, что, кажется, сквозит отовсюду.

Сдерживание разрушающих культуру процессов было бы продуктивным, если бы социальные институты (семья, образование, язык и т.д.) носили по отношению к проявлениям философии постмодернизма внешний характер, что, конечно, невозможно.

Очевидно, что в соответствии с законом диалектики отказ от культуры мышления постмодерна неизбежен, как хаос сменяется порядком. Но произойдет это лишь при трансформации социального сознания и при участии политической воли. Замена мининарративов на метанарративы куда сложнее обратного процесса. Общественная реакция на это не может быть гомогенной. Для социологии здесь возникает ряд актуальных вопросов. Как социальная реальность неомодерна устроила бы не солидарных с новыми стандартами? Как на основе синтеза постмодерна и модерна построить новый социальный порядок? Как повлиять на основные социальные институты с тем, чтобы укрепить новый порядок? Постараться ответить на эти вопросы можно, на примере отдельно взятой национально-культурной единицы.

1. Батлер Дж. *Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности*. – М.: V-A-C press. – 2022. – 272 с.
2. Деррида Ж. *О грамматологии* / Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. — М.: Ad Marginem, 2000. — 512 с.
3. Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна* / Пер. с фр. Н.А. Шматко — М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
4. Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. Пер. с фр., сост., комм. и послесл. С. Табачниковой. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.

ЧЕЛОВЕК В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Малютина Валентина Андреевна

(Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов)

Раскрытие данной проблемы стоит начать с определения понятия культурного пространства в его изначальном виде. Культурное пространство представляет собой итог связи культур во временном пространстве, давая культуре, потенциал воплотить ее опыт через традиции, правила, образ жизни и т.п. Развитие культуры динамично и со временем в ней происходят преобразования.

Истоком виртуального пространства, является термин «виртуальная реальность». Его история начинается еще с античности, но только с 1990-х годов ей заинтересовались культурологи, ставя перед собой вопрос, что означает этот термин и какую роль имеет в обществе. Ученые разделились на 2 группы, те, кто определял виртуальное пространство, как образ общественного сознания периода постмодерна и те, кто считали его ослаблением или крушением уже установленных культурных порядков.

Один из культурологических словарей определяет виртуальную реальность как воплощенную при помощи ИКТ среду, с применением аудио и видео технологий, которая служит подобием реальности за счет коммуникации как с людьми, так и с вымышленными персонажами [2; 73]. Е.А. Федосеев в свою очередь указывал на то, что современные информационные технологии, во-первых, порождают новое пространство для человека, а во-вторых, изменяют сферы его жизни: карьеру, образование, общение, социальные отношения [3; 6].

В идее истоков виртуального пространства находятся ИКТ, которые в настоящее время быстро развиваются, и внушительные объемы информации, поступающие

ежедневно. Эти факторы являются важными аспектами жизни любого современного человека и общества в целом, так как наличие информации повышает продуктивность человеческой деятельности. Помимо этого информации свойственно постоянное преобразование в процессе коммуникации, благодаря тому, что она является центральным звеном связи между людьми.

Виртуальное пространство подразумевает взаимодействие человека с компьютером, человека с человеком и человека с группой людей. Оно может оказывать влияние и менять прошлое, настоящее, будущее. К. Маркс и Н. Луманн описывали виртуальное пространство, как технологическую среду с социальной направленностью, либо как среду социальную, но опосредованную компьютерами и без компьютеров невозможную.

Виртуальное культурное пространство всегда использовали как пропаганду чего-либо. Главной целью становится трансформация мировоззрения, через науку, литературу, искусство. Виртуальное культурное пространство дает возможность контролировать массовое сознание, между тем это возможность для введения новых норм поведения в культуру общества.

Проблема: виртуальное пространство имеет двойное воздействие на человека. Она отвлекает от действительности, но тем самым влияет на реальную жизнь человека, создавая эффект разрушения на уже существующую культуру.

Самым современным проявлением виртуального культурного пространства являются социальные сети. Влияние социальных сетей на общество постоянно растет. В данном случае виртуальное культурное пространство является областью коммуникации, где минимален психологический барьер, люди не испытывают дискомфорт, как в реальности. Современными отличиями коммуникации в социальных сетях являются: опосредованное массовое общение; увеличение поверхностных и вынужденных контактов с людьми; противоречие между содержанием и средствами общения; увеличение квазиобщения; возможность анонимного общения. По своим характеристикам коммуникация в социальных сетях относится к информационному уровню взаимодействия [4; 271].

Можно выделить основные тенденции трансформации виртуального культурного пространства. Первая заключается в переносе реальной жизни в виртуальное пространство. Все законы жизни переносятся в социальные сети, но реальный мир и виртуальный устроены по-разному, поэтому создается конфликт. Так же виртуальная машина (компьютер) становится для человека всем: занимает все его свободное время, становится его другом.

Современная тенденция возможности учиться, работать, делать покупки, совершать путешествия и общаться в интернете без прямого взаимодействия с людьми приводит к трансформации основных навыков человека. Он уже не так умело может беседовать в реальной жизни, не понимает мимику и жесты людей, ведет себя замкнуто.

Одним из факторов риска для общества – является проблема анонимности. Она дает возможность скрывать имя пользователя, тем самым возникает проблема вседозволенности и безответственности. Люди пишут что хотят, не боясь осуждения, и может, никогда бы не позволили бы себе это в реальном мире. Так же на этом фоне растет уровень агрессивности в общении людей и это, к сожалению, становится обыденностью. Отсюда берет свое начало проблема распространения экстремизма в социальных сетях. А так же буллинг, троллинг, груминг и вовлечение в смертельные игры. Все это вносит вклад в формирование и развитие личности, влияет на общество в целом, что в дальнейшем отрицательно отражается на поведении человека, его манерах, культуре общества в целом.

Наиболее массовой и глобальной трансформацией была смена поколений по средством различных проявлений виртуального культурного пространства. Так типы мышления, типы личности, тяга к индивидуализму, постановка целей, ускорение темпа

жизни ассоциируется с поколениями «Z» и «Альфа», которые выросли и продолжают расти на социальных сетях и интернете. Они сменили поколения «X» и «Y», которые выросли под воздействием телевизоров, для них это был приоритетный канал приема информации.

Таким образом, виртуальная среда обитания современного человека - социальные сети, которая является культуuroобразующей средой, стремительно меняющей человека. Отсюда вытекает ряд проблем: искусственная среда постепенно виртуализирует все пространство общества и культуры, заставляя людей приспосабливаться к новым условиям. Данный вопрос требует дальнейшего научного всестороннего обучения.

1. *Виртуальная реальность как феномен науки, техники и культуры [Сб. ст.] / ред. Е.А. Шаповалов – СПб : 1996. – 94 с.*
2. *Культурология. XX век. Словарь. – СПб : Университетская книга, 1997. – 640 с.*
3. *Виртуальные реальности. Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 4. Труды Центра профориентации / Ред.-сост. Р.Г. Яновский, Н.А. Носов. – М.: 1998. – 212 с.*
4. *Kroker A., Kroker M. Screens in the Wires // Kroker A., Kroker M. (Editors). Life in the Wires: The Future(s) of Technoculture. – Montreal : New World Perspective, 2004. – P.15-17.*
5. *Тимербулатов, З.М. Реальные проблемы от виртуального пространства / З.М. Тимербулатов // Социально-гуманитарные знания. – №10. – 2017. – С. 225-228.*
6. *Теория поколений: как она работает и работает ли вообще [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://trends.rbc.ru/trends/education/6156efb59a79477bf9ca5893> / (дата обращения: 29.09.2022).*
7. *Прокудин Д.Е., Толстикова И.И. Взаимодействие культур в виртуальном пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 288–298. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.212>*

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И АРМЕНИИ КАК ФЕНОМЕН СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Манукян Татев Ованнесовна
(Череповецкий государственный университет)*

*Силиванова Регина Владимировна
(Череповецкий государственный университет)*

Двухстороннее сотрудничество между Россией и Арменией – один из факторов стабилизации политических и культурных взаимоотношений, укрепления дружбы и социальных связей, что является наиболее актуальной задачей и проблемой в современных реалиях.

Синергия российской и армянской культур имеет историческую обусловленность. В XIX в. благодаря указам, подписанным Екатериной II и послаблениям требований переселения, началась массовая миграция армян на юг России. Основной причиной миграции стала дискриминация по религиозному и этническому признаку в странах Востока. Позднее, для освоения завоеванных территорий Северного Кавказа, с целью налаживания торговли на южных рубежах государства, российское правительство обращается к армянским общинам для установления контактов с местным населением. Таким образом, играя стабилизирующую роль, армянская диаспора стала своеобразным проводником российского влияния в регионе.

После перехода Восточной Армении в состав Российской империи национальная художественная культура начинает развиваться на европейских и светских основах. В 1873 г. основана Художественная компания Тифлиса, затем училище, подведомственное

Художественной академии Петербурга (впоследствии – Дом армянской культуры). Открывается училище оттоманского искусства в Константинополе.

С установлением советской власти в 1920 г. искусство в руках большевиков служит скорее в качестве идеологической трибуны. Однако данный период истории можно считать периодом значительных достижений и прогресса для армянской культуры, музыки, архитектуры и литературы. Утвержден Генеральный план города Ереван, который становится важным стимулом для дальнейшего развития градостроительства в республике. Созданы первые драматические театры, Русский драматический театр им. К. Станиславского, Театр музыкальной комедии им. А. Пароняна, Театр юного зрителя, Кукольный театр им. О. Туманяна. Основаны Ереванская государственная консерватория, первый симфонический оркестр, государственная филармония и Государственный театр оперы и балета. В конце 1920-х гг. зарождается армянское киноискусство. В 1930-40х гг. создаётся Союз писателей Армении и Национальная академия наук.

После распада СССР начинается новый этап для России и Армении. 13 ноября 1995 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности. Ереван и Москва не только смогли сохранить братские отношения между двумя народами, но и создали платформу двухстороннего сотрудничества, которая содержит все ключевые направления - безопасность, экономику, культуру, образование, общее интеграционное объединение и тесное сотрудничество на международных площадках.

Современный период получил новый виток культурного взаимодействия: создаются новые театры, проводятся выставки, форумы и фестивали, а также развивается множество других направлений.

Основными проводниками российской культуры и русского языка на территории Республики Армения можно считать Московский культурно-деловой центр «Дом Москвы», Российско-Армянский университет, Российский центр науки и культуры в Ереване и его филиал в Гюмри.

С сентября по декабрь 2019 г. в Москве прошел масштабный фестиваль армянской культуры, включавший в себя концерты, образовательные лекции, кулинарные, музыкальные и творческие мастер-классы, прошел 5-й Российско-Армянский молодежный форум. В Ярославле состоялись мероприятия, посвященные 95-летию Ш.Азнавура и Дню независимости Армении.

Значимыми мероприятиями, состоявшимися в Армении в 2019 г., являются: традиционный фестиваль «Неделя российского кино», IX Международный семинар «Лики памяти. Новейшие технологии сохранения и восстановления рукописного и печатного наследия», проведение выставки из фондов Российского этнографического музея «Материалы по этнографии Западной Армении из Санкт-Петербурга», открытие выставки, посвященной 872-летию Москвы.

Особое значение для армян имеет военно-мемориальная работа. Память к общему героическому прошлому, уважение к доблести павших являются ценностью, благодаря которой расположенные в стране памятники, посвященные русско-персидским войнам и Великой Отечественной войне, находятся в хорошем состоянии. Доброй традицией стало шествие «Бессмертного полка» в целом ряде армянских городов (в 2019 г. в данной акции приняли участие около 10 тыс. человек, в том числе руководство Армении).

2020 год был объявлен в Армении годом А.С.Грибоедова. Круглые столы, посвященные творчеству поэта, состоялись в научном центре Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В.Я.Брюсова и в Институте востоковедения Российско-Армянского университета.

В 2020-2021 гг. из-за вспышки коронавирусной инфекции были введены определённые ограничения. Тем не менее, благодаря современным технологиям появилась возможность проводить мероприятия в формате онлайн, тем самым даже расширив географию взаимодействия.

В 2022 г. министры культуры России и Армении подписали программу сотрудничества на 2022-2025 гг. В этом году были проведены Дни культуры Армении в России и Дни духовной культуры России в Армении, приобщенные к 30-летию установления дипломатических отношений, а также 25-летию с момента подписания Договора о дружбе. В г. Раздан прошел VIII Российско-армянский молодежный форум, на котором молодежь обеих стран имела возможность обменяться опытом и поделиться информацией для формирования здорового гражданского общества.

Кроме того, не прекращается связь в сфере образования и науки, контакты по линии российских профильных ведомств и обновленного Министерства образования, науки, культуры и спорта (МОНКС) Армении. Гражданам Армении выделяются квоты на обучение в российских вузах за счет федерального бюджета (ежегодно – более 200 мест). На данный момент в вузах России обучаются около 6 тыс. граждан Армении (более 1,5 тыс. – за счет федерального бюджета). В Российско-Армянском университете и 6 филиалах российских вузов на территории Армении обучаются более 4,5 тыс. студентов. В России преподавание армянского языка ведется в 199 школах, в том числе в 16 общеобразовательных учебных заведениях в местах компактного проживания армян (Краснодарский край, Ростовская и Брянская области, Адыгея, Ставрополь).

Таким образом, благодаря активному культурному сотрудничеству между государствами, были и будут созданы все возможные благоприятные условия для обмена опытом, которые крайне положительно влияют на граждан обеих стран.

1. Минасян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии: автореф ... дис. кан. ист. наук: 24.00.01 / Минасян А. А.; [Место защиты: Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.]. – Саратов, 2016. – 18 с.

2. Оганисян В. О некоторых аспектах армяно-российского культурного сотрудничества // 21-й век. 2012. №3 (23). [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-armyano-rossiyskogo-kulturnogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 10.10.2022).

3. Посольство Российской Федерации в республике Армения «Гуманитарное сотрудничество» - 2022 – с.1 [Электронный ресурс]. – URL: https://armenia.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/gumanitarnoe_sotrudnichestvo/ (дата обращения: 10.10.2022).

ОСЕВОЕ ВРЕМЯ И МИССИЯ НАУКИ

Масланов Евгений Валерьевич

(МРОО «Русское общество истории и философии науки»)

Исследование выполнено при поддержке РНФ проект № 19-18-00494 продление «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание» в Русском обществе истории и философии науки

Концепцию осевого времени ввел К. Ясперс. Он отмечал, что именно в этот период человек перестает существовать в устойчивом мире мифологической эпохи. В осевое время, по его мнению, «человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения» [1, 33]. Посредством рефлексии человеку удалось преодолеть этот «ужас» - изобрести различные формы духовного общения и способы упорядочивания мира. Все это позволило развиваться человеческой культуре, сформировать новые подходы к устройству общества, начинают формироваться большие государственные образования. Мир приобрел человеко- и социально-размерные измерения. Народы, которые смогли принять эти трансформации,

по мнению К. Ясперса, стали историческими, те же кто остался в стороне от этого движения так и продолжили существовать в неисторическом времени.

Осевое время можно рассматривать как период формирования новых способов жизни людей. Теперь человек может жить не только рядом со своими соплеменниками, но и формировать большие государства, которые включают в себя самые различные «племена». Во многом это было связано с тем, что пробудившаяся историчность показала общую природу людей оказавшихся перед экзистенциальными вызовами. В этом случае концепция нового осевого времени может иметь двоякий смысл.

Во-первых, она может быть связана с новой ситуацией переосмысления национальных государств. После деконструкции больших исторических нарративов все сложнее конструировать общее исторической пространство. При этом формируется и сетевая структура пользователей различных интернет-сервисов, которая в большинстве случаев не совпадает с границами государственных образований. В этой связи возникает необходимость в поиске новых форм взаимного сосуществования людей, конструирования новых форм социальности, которые, не отрицая предыдущие, должны дать возможность человеку существовать в различных социальных регистрах.

Во-вторых, происходит осознание того факта, что человек и его действия, не могут рассматривать отдельно от мира природы. Снова, как и раньше в осевое время, человек оказался перед новыми вызовами. Связаны они с пониманием агентности не только человеческой субъектности, но и иных акторов. В этом случае нам необходимо формирование нового понимания человека и его включенности в мир и взаимодействий с другими агентами. Разработать это понимание – одна из миссий науки и ученых.

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

ЦИФРОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА МОСКВЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Милютина Полина Юрьевна

(Государственный университет управления)

Самохина Мария Владовна

(Государственный Университет Управления)

Кирильченко Александра Антоновна

Прокшина Ксения Александровна

(Государственный Университет Управления)

Благодарственные письма от автономной некоммерческой организации Центра поддержки и развития социально-ориентированных проектов "Молодёжь России" и автономной некоммерческой организации Центра развития и реализации молодёжных проектов "Территория Развития"

В цифровом мире происходят глобальные изменения в социокультурной среде, местом концентрации и выразителем которых становится город как особая организация пространства [1]: культурная система, одна из наиболее репрезентативных моделей, конструирующих установки массового сознания горожан, фактор формирования локальной идентичности личности и способ конструирования и реализации культурологического дискурса.

Актуальность темы исследования связана с потребностью научно обоснованного подхода к пониманию города как культурной системы в рамках цифрового медиа пространства [2], т.к. социальные сети стали мощным инструментом создания и

продвижения новой образности в процессе отражения существующей реальности: гипервизуализированный контент социальных сетей становится одним из самых доступных средств самовыражения для миллионов пользователей, делая максимально зримым повседневный образ жизни.

В настоящее время мы сталкиваемся с тем, что образ города, каким он создавался архитекторами, не совпадает с образом города, складывающемся в сознании горожанина, в том числе посредством социальных сетей, что оказывает обратное воздействие на окружающую среду, влияя на процесс ее конструирования, структурирования, использования и оценивания [3].

Целью нашего исследования стало изучение вопроса визуальной репрезентации Москвы с точки зрения фотографий, выкладываемых обычными пользователями в личные аккаунты.

Нами были проанализированы 900 фотографий, по 100 фотографий 9 округов города Москвы (кроме Зеленоградского, Троицкого и Новомосковского). Фотографии отбирались случайным образом.

Выводы исследования следующие:

Культурная составляющая города изменяется в цифровом пространстве благодаря особенностям фото-контента, публикуемого пользователями;

Классификация цифрового контента позволяет выделить ключевые характеристики, которые отличают каждый из округов (Москва историческая, Москва парковая, Москва досуговая, Москва уличная, Москва домашняя);

Существует влияние локации Москвы на публикуемый пользователями контент в медиасреде.

Исследование специфики образа города в различных социальных группах дает возможность сопоставления между собой различных видов и способов понимания одного и того же пространства города и имеет важное теоретическое и практическое значение.

1. Скрипачева И.А. *Современный город как культурная система: дис. ... д-р. культ. наук: 24.00.01. 2010.*

2. Сорокина, А. В. *Проблема организации культурного пространства города / А. В. Сорокина. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 16 (202). — С. 278-280. — URL: <https://moluch.ru/archive/202/49545/> (дата обращения: 25.09.2022)*

3. Филько А. — *Понятие «Визуальный образ города» и методы его исследования // Социодинамика. — 2015. — № 10. — С. 94 - 108. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.10.1647 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16471*

КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЯ ДЖЕФФРИ АЛЕКСАНДЕРА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА СОЦИОЛОГИИ МУЗЫКИ

Прудяк Валентин Владимирович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследования искусства и связанных с ним социальных отношений - крайне сложны для социологии в методологическом плане. В особенности это касается исследований музыкального поля. Перспективным вариантом его исследования видится использование положений «сильной программы культурсоциологии» американского социолога Дж. Александера (род. 1947) для того, чтобы преодолеть определенные методологические проблемы, возникающие в социологии музыки.

Первая проблема связана с тем, что социология имеет тенденцию рассматривать искусство в качестве зависимой переменной, которая подвержена влиянию других сфер общества (экономики, политики и т.д.). Несмотря на то, что такой подход валиден и проявляет определенную сторону общественного бытования музыки, тем не менее он

уменьшает значимость музыки как культурного и социального феномена, так как сводит её к эпифеномену, вообще не влияющему на социальные отношения.

Александр же призывает рассматривать культуру как независимую переменную в социологических исследованиях (тезис об автономии культуры). Такой подход дает четкое направление для исследований, позволяет обратить внимание на менее исследованные в рамках социологии музыки факты: на то каким образом музыка может влиять на устройство общества и характер социальных отношений.

Следующей методологической проблемой является отсутствие явных механизмов воздействия музыки на социальные отношения. Чаще всего в качестве такого механизма называется способность музыки носить и передавать смыслы. Но это потребует наличия неких герменевтических процедур, раскрывающих эти смыслы. В результате, исследователь либо ищет смыслы в сопровождающем музыку тексте, ограничиваясь анализом «программной музыки», которая составляет лишь часть музыки; либо определяет музыку как особого рода текст, смысл которого теоретически можно расшифровать. Однако, эта позиция не только методологически проблематична, но и расширяет пространство для разного рода спекуляций.

Для решения этой проблемы можно применить понятия «насыщенного описания» и «культурных кодов», на которые в своих исследованиях опирается Александр. Культурные коды выгодно отличаются от упомянутого выше понятия «смысл» тем, что обладают аскриптивным характером, то есть не являются неотъемлемой характеристикой музыкального произведения, а приписываются ему, что позволяет уйти от проблематики музыкальной герменевтики и связанных с ней спекуляций.

Для использования понятия культурных кодов в исследованиях музыкального поля необходимо определенным образом собрать эмпирический материал. Для этого и необходимо «насыщенное описание», являющееся вспомогательной методологической установкой. Исследование должно быть построено не только на основе отбора отдельных фактов, но и на довольно подробном описании их культурного и социального контекста. Насыщенное описание выступает в качестве связующего звена, без которого было бы невозможно реализовать другие аспекты сильной программы культурсоциологии: тезис об автономии культуры и анализ культурных кодов.

1. Александр Дж. *Смыслы социальной жизни: Культурсоциология*. М.: Изд. И консалтинговая группа «Праксис», 2013.

2. Шматко Н. *«Социальные пространства» Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социальное пространство: Поля и практики*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ПОСТСОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Рашидова Джамила Тофиковна

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Английский язык является языком международного общения и наиболее распространенным языком. Это приводит к тому, что для сотен миллионов людей, регулярно использующих английский язык, он не является родным языком общения. Такие люди могут не знать об изменениях в практиках употребления языка носителями. Они будут использовать «устаревшие» слова, которые считаются неактуальными. Возникает лингвистическая субкультура. В настоящем исследовании мы придерживаемся классической интерпретации постмодернизма как деконструкции языка. Язык выступает «строительным материалом» социального конструирования реальности и связан с нормами общества [2]. В этом смысле лингвистика и социальные науки связаны, поскольку лингвистические особенности могут влиять на политику [1, 3] и культуру в

целом. Так предметом внимания стало употребление предлогов «в» или «на», когда речь идет об Украине. Это столкновение норм.

Примером устаревшего английского слова является «facetious» (забавный, игривый, ломающий комедию). Данное слово обозначает такое поведение, когда человек не принимает в серьез ситуацию, которая на самом деле является совершенно несмешной. Пример употребления: «Now I know you're being facetious». Другой пример – слово «henceforth» (с этого момента и далее). По сути это интеллигентный способ сказать «from this point on». Пример употребления: «We were finally released with a formal warning that we were henceforth barred from the base». Устаревшим словом является и «ostentatious» (показной). Данное слово используется, чтобы описать поведение, когда богатый человек старается произвести впечатление на окружающих (покупает нелепо дорогие вещи, носит неуместную одежду только потому, что она сделана известным дизайнером). Пример употребления: «She waved her hand about, ostentatiously displaying her large diamond ring».

В связи со все большей цифровизацией социального взаимодействия мы будем наблюдать общение носителей актуальной и субкультурной версий английского языка, в котором может происходить недопонимание. Данная тема будет становиться все более актуальной и значимой.

1. Игнатьева О.А. Легитимация власти посредством цифровых платформ. В сборнике: Политическое в условиях цифровых трансформаций. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Политическое в условиях цифровых трансформаций: философия, наука, технологии». Москва, 2022. С. 276-282.

2. Конанчук С.В., Плетнев А.В. Влияние эстетического образования на самосознание человека в условиях современной социальной аномии // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 6 (41). С. 111-114.

3. Плетнев А.В. Пролонгированная аннигиляция ценностей как фактор аномии на Украине // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 6. С. 44-53.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ БИОРАЗНООБРАЗИЯ. КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ И ЭПОХА ЦИФРОВИЗАЦИИ.

Руднев Вячеслав Валентинович

(Институт этнологии и антропологии РАН)

Зависимость общества от природы устойчива и глобальна. Как свидетельствует история общества, в каждую эпоху эта зависимость имеет свои особенности (вместе с появлением новых технологий появляются и новые риски), изменяются представления о возможных способах решения возникающих проблем и значениях взаимозависимостей в природе. Вместе с новыми знаниями о природе в обществе произошел переход от деления флоры и фауны на полезную для человека и бесполезную к осознанию важности системных локальных взаимозависимостей в природе, важности сохранения биоразнообразия, а также понимание роли культуры природопользования для устойчивого развития общества.

Избыточный прессинг индустриального общества на природу непрерывно рос на протяжении всего XX-го века и негативно отразился как на состоянии невозобновляемых ресурсов, так и возобновляемых. В это время уменьшилось разнообразие форм флоры и фауны, сократилась площадь лесов. Сегодня повсеместно отмечается загрязнение воды, воздуха, снижение темпа утилизации отходов в природе. Все это – признаки, свидетельствующие о нарушении механизма естественной саморегуляции биосферы, имеющего фундаментальное значение для поддержания жизни на Земле. Согласно аналитическому исследованию Д. Медоуз, Д. Медоуз и Й. Рандерс, проведенному по

данным о состоянии окружающей среды, ресурсов и численности населения, наступление коллапса возможно в середине XXI-го века [5, 304]. Критическое состояние системы «природа-общество» стало стимулом для разработки проектов по минимизации угроз. Концепция устойчивого развития общества, одобренная на Второй международной конференции по окружающей среде и развитию ООН (Рио-де-Жанейро, Бразилия, 1992), содержала рекомендации по ограничению вмешательства общества в процессы происходящие в природе. Особое внимание уделялось разработке технологий «дружественных» природе и мерам способствующим выходу из кризиса (в частности, проблемам образования и культуры).

Обретя невиданную мощь и возможности по изменению окружающего мира, человек индустриального общества превратился в одну из могучих сил на планете, чье воздействие на среду сопоставимо, по словам академика В.И. Вернадского, с природным силам. Между тем, современные технологии не могут нейтрализовать негативные последствия избыточного прессинга на природу. Исследователи, обращающиеся к этой проблеме, считают, что в современных условиях развитие общества возможно лишь в пределах ограничений, определяемых состоянием природной среды. В этом контексте особое значение приобретает культура природопользования.

Джон Хокс, обратившийся к проблеме устойчивого развития, отмечает, что культура является «четвертой опорой» - фактором, который способен поддержать реализацию модели устойчивого развития общества на местном уровне (наряду с мерами экономического характера, социального и экологического). Джон Хокс рассматривает культуру как мощную силу, способную решить проблему и ограничить прессинг индустриального общества на природу, создав предпосылки для гармонизации отношений в системе «природа-общество».

Особенностью проблемы сохранения природы, сохранения биоразнообразия является ее двойственность: проблема актуальна в глобальном масштабе для всего человечества, а решение ее связано с действиями человека на локальном уровне.

Именно на локальном уровне возможен поиск оптимальных решений в области сохранения природы, биологического многообразия. В этом контексте интерес представляет обращение к моральным, этическим представлениям. Ф. Фукуяма считает, что успешное развитие общества возможно лишь при соблюдении моральных обязательств. Моральные обязательства – важная составляющая часть культуры любого общества т.к. они связаны, в частности, с заботой о благоприятной природной среде для будущих поколений. Становление «экологического» мышления, «экологической» морали (когда человек, беря на себя ответственность за судьбу будущих поколений, ощущает свою ответственность за экологию). В эпоху “Homo Digital” (при доминировании цифровых технологий) весьма актуален «человекообразный» подход к решениям в сфере природопользования, основывающийся на бережном отношении к флоре и фауне на индивидуальном уровне.

Накопленный локальный опыт в этом вопросе (связанный с формированием социально- ответственного гражданина) представляет глобальный интерес в силу актуальности этой проблемы для всего общества. Использование цифровых технологий и массмедиа для обмена информации в этой сфере – перспективное направление в жизни современного общества.

В России создана новая социальная сеть QR'ME. Возможность зашифровать в QR-код видеоматериалы и мероприятия, чтобы потом широко распространять эту информацию, – важное преимущество новой социальной сети, полезное, в частности, для обмена информацией в области экологического мониторинга и решения проблемы сохранения биологического разнообразия. Появление новой сети может стать важным шагом для формирования в обществе «экологического» мышления.

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ ПОДКАСТОВ ИЛИ РАДИОПЕРЕДАЧ С ПОМОЩЬЮ АНАЛИЗА ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ И BIGDATA-ТЕХНОЛОГИЙ.

Саркисов Дмитрий Григорьевич
(Севастопольский государственный университет)

Актуальность данной научной работы состоит в необходимости усиления попытки расширения границ понимания нового жанра — подкаста, разграничения подкастинга и радиожурналистики, внесении новизны в методологию подкастинга наряду со слабой заинтересованностью русскоязычных граждан в подкастах.

Объект исследования: подкасты в общем видовом разнообразии, разнообразные цифровые следы.

Предмет исследования: режиссура подкастов и радиопередач.

Цель: внедрение больших данных и социологического подхода в подкастинг на этапе разработки сценария.

Задачи: классификация подкастов по информационно-развлекательному наполнению, способам распространения, анализ возможных к внедрению социологических цифровых технологий.

Принципиальное различие подкаста и радиопередачи состоит в следующих аспектах:

Радиопередача является интеллектуальным творческим продуктом корпоративного характера и распространяется в аккредитованном СМИ, когда как подкаст не всегда имеет квалифицированный подход к разработке сценария и процедуре создания подкаста.

Подкаст может распространяться на любом ресурсе в сети Интернет без акцептования органов по надзору в сфере информационной политики.

Команда, разрабатывающая радиопередачу, может внедрить те же действия относительно BigData-технологий и цифровых следов, что и авторы подкастов.

Каждый подкаст предполагает работу журналиста или подкастера по определенной теме или набору тем. Перед записью подкаста необходимо выполнить список действий, во многом совпадающий с порядком работы телевизионного корреспондента или радиоведущего.

Прежде всего, необходимо определить, какой вид подкаста будет записан: информационный или повествовательный.

По определению сервиса «Автор24», фундаментальные факторы построения журналистского материала (в данном случае – информационного подкаста) следующие: выбор инфоповода; получение информации в кратчайшие съёмки; организация записи (штатная предварительная договорённость с оператором / звукорежиссёром / звукооператором, либо самостоятельная подготовка студии и звукозаписывающего оборудования); поиск экспертов или ньюс-мейкеров [2].

В случае работы над повествовательным подкастом, журналист или подкастер выполняет те же факторы, которые требуются при подготовке информационного подкаста, но с оговоркой на максимально широкое раскрытие темы, тщательный фактчекинг и подбор сопутствующих инфоповодов и бэкграундов; информацию экспертов или ньюс-мейкеров можно реализовать в пересказе при записи подкаста.

При подготовке к записи подкаста могут возникнуть следующие проблемы: эксперт или ньюсмейкер может оказаться не медийной персоной, оказаться не готовым к предоставлению грамотного (с точки зрения лексической) комментария или не готовым к записи (страх микрофонов или общения с журналистами); также отмечается нежелание медийных персон давать комментарии. Этот процесс подробно описал психолог и театральный драматург П.М. Ершов: «Люди, привыкшие иметь дело с детьми,

молодежью, люди, от которых по роду деятельности требуется доброжелательная аккуратность, кто имеет в виду будущее – педагоги, воспитатели, – часто имеют склонность преимущественно выдавать информацию. Всякого рода администраторы, занятые больше настоящим, наоборот, склонны чаще добывать ее. Для тех, кто привык употреблять слова с полной ответственностью – таковы военные, математики, специалисты в точных науках, – характерна склонность обмениваться информацией конкретной, однозначной даже тогда, когда речь идет о предметах, далеких от круга их профессиональных интересов» [1, С.98]; в некоторых материалах случается отсутствие хороших бэкграундов к теме или наоборот – изобилие сопутствующей информации. Структурировать большой поток информации довольно трудно, в условиях ограниченного времени на подготовку это может повлиять на качество подготовки к записи; имеют место случаи применения журналистом неуместных афоризмов, фольклорных единиц, цитат из литературы или материалов СМИ; нередко встречается проблематика несоответствия специализации журналиста (или подкастера) теме подкаста. Например, медицинского колумниста (журналиста, пишущего преимущественно по теме медицины) озадачивают записью подкаста на тему театрального произведения. Естественно, длительность подготовки и качество материала оставят желать лучшего.

Журналист или подкастер при подготовке к записи подкаста обязан определить тему и вид записываемого подкаста, удостовериться в достаточности информации и наличии экспертных комментариев по инфоповоду, быть максимально точным при записи информационного подкаста и быть готовым к широкому раскрытию темы при записи повествовательного подкаста.

В изложенную выше классическую методологию подкастинга совершенно новым инструментом является метод анализа цифровых следов и BigData-массивов.

Согласно определению IT-лаборатории “Kaspersky Security” цифровой след, иногда называемый цифровой тенью или электронным следом – это данные, которые вы оставляете при использовании интернета. Эти данные включают посещаемые веб-сайты, отправляемые электронные письма и информацию, указываемую в онлайн-формах. Цифровой след можно использовать для отслеживания действий человека и его устройств в интернете. Пользователи интернета активно или пассивно создают собственный цифровой след. [4]

Информация, доступная к взятию из цифровых следов, зачастую находится в систематизированном изложении на ресурсах консалтинговых, социологических компаний. Самый большой кладезь информации, пригодной к совершенно разным коннотациям анализа — это комментарии в социальных сетях.

Big Data или большие данные — это структурированные или неструктурированные массивы данных большого объема. Их обрабатывают при помощи специальных автоматизированных инструментов, чтобы использовать для статистики, анализа, прогнозов и принятия решений. [3]

Подкастеру или автору радиопередачи стоит взять готовые результаты BigData-исследований (например, в Университетском консорциуме исследователей Больших Данных), обратиться к социальным сетям (точнее, комментариям в сообществах по теме подготавливаемой аудиопередачи) или проанализированным стекам цифровых следов с помощью поисковых систем (Яндекс.Метрика, Google Analytics), как в этот же момент появляется обоснованная ссылка на общественное мнение по определенным вопросам.

Цифровые технологии могут значительно улучшить подготовку радиожурналистов и подкастеров в качественном плане: помимо поиска ньюс-мейкеров, экспертных комментариев и бэкграундов в СМИ по теме, можно подключить серьезные современные социологические инструменты, таким образом обозначая актуальность передачи и аргументируя коннотации в той повестке, которую задает ведущий аудиопередачи.

1. Ершов П.М. *Режиссура как практическая психология. Взаимодействие людей в жизни и на сцене. Режиссура как построение зрелища.* // П.М. Ершов. – М.: Издательство «Мир искусства», 2010. - 408 с.
2. Заметка «Деятельность журналиста в процессе подготовки информационного сюжета» / Онлайн-ресурс «Справочник» (правообладатель – онлайн-ресурс «Автор24»). – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://spravochnick.ru/zhurnalistika/deyatelnost_zhurnalista_v_processe_podgotovki_informacionnogo_syuzheta/ (дата посещения – 07.10.2022).
3. Определение «Big Data». // Средство массовой информации «РБК» (ГК «РосБизнесКонсалтинг»), зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 03.12.2021 за номером ЭЛ №ФС77-82385). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5db6c020b9a7947a740fea65c> (дата посещения - 07.10.2022).
4. Определение «цифровой след». // IT-компания «Kaspersky Security Laboratory». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-a-digital-footprint> (дата посещения - 07.10.2022).

РОССИЙСКАЯ ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМЕН И НОВЫХ ВЫЗОВОВ

Свердликova Елена Альбертовна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Национальная деловая культура – важный и значимый аспект корпоративной культуры. Актуальность и интерес к данной теме обусловлен процессом глобализации, который начался во второй половине 20 века. В эти годы происходило слияние рынков и предприятий, экономические границы между странами размывались. Создавался новый мировой порядок взаимоотношений между странами, государствами и отдельными предприятиями. Для успешного ведения бизнеса и его развития необходимо было учитывать национальную специфику деловой культуры разных стран и на её основе выстраивать соответствующие отношения в трудовом коллективе, в организации и в стране, в целом.

Российская деловая культура многогранна, сформирована особым климатом, природой, верой и исторической судьбой. Россия, занимая промежуточное положение между Востоком и Западом, вбирает в себя элементы обоих культурных типов и создаёт нечто неповторимое и самобытное. Российская деловая культура – интересный феномен, который только начинает серьёзно изучаться. На социологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, в течение последних десяти лет проводились исследования, связанные с выявлением и систематизацией традиционных ценностей российской деловой культуры. За эти годы разработана методология и методика проведения подобных исследований. Особенности методологии связаны с выявлением ценностей деловой культуры основных исторических периодов в развитии России: эпохи традиционного общества, эпохи первой модернизации, эпохи СССР. А далее, на основе систематизации непреходящих ценностей деловой культуры проводился контент-анализ современной периодики, в ходе которого и выявлялась иерархия внимания российских коммуникаторов к теме преемственности ценностей. Основными методами исследований кроме контент-анализа, выступали методы качественного анализа документов и анализ биографий. За эти годы произошли важные события во внешней среде. Как показала практика, это было начало новой эпохи, которая меняет мир. Представляем сравнительный анализ данных за два самых значимых периода последнего десятилетия: 2012-2014 г.г. и 2020 - 2022 – время Пандемии Коронавируса.

Первый период, когда мы начали изучать феномен ценностей, 2012 год. Это было время плавного течения процессов глобализации. Российская деловая культура интегрировалась в другие культуры мира, изучалась и сравнивалась в их контексте.

Пограничным периодом назван период 2014 года, когда тема ценностей становится особенно актуальной. Россия воссоединилась с Крымом. В связи с этим началась эпоха санкций и первых трудностей для русского бизнеса.

Данные за первый период. До эпохи Русской весны, объём полезной информации о ценностях деловой культуры, в общем объёме информации о российском бизнесе составлял 29,7%. В эти годы, начиная с 2012 года интерес коммуникатора к теме конкретных ценностей немного менялся, то возрастал в 2012 - 37,2%, в 2013 году падал до 21,6%, то вновь возрастал в 2014 году до 39,8%. В эти годы, фаворитом системы ценностей была ценность «веры народа». Так, в 2012 и 2013 годах коммуникатор воспринимал ценности деловой культуры в следующей иерархии: вера: 31,5% и 22,6%. В этот период в восприятии коммуникатора преобладали также и такие ценности, как «трудолюбие» (14,7%), «справедливость» (14,5%), «самобытные формы организации труда» (13,8%).

В 2014 году события Русской весны актуализировали значимость и таких ценностей, как «умение поставить и решить сверхзадачу или целеустремлённость» (18,7%), «патриотизм» (16,5%), «инновационность» (14,3%). Ценность веры становится одной из самых не востребуемых (9,7%). Вообще, иерархия ценностей российской деловой культуры, за годы первого этапа исследования выглядит следующим образом: трудолюбие (15,9%); целеустремлённость (14,2%); преобладание моральных форм мотивации над материальными (14,1%); вера (13,8%); патриотизм (12,5%); инновационность (10,8%); семья (9,9%); самобытные формы организации труда (8,4%).

Пандемия COVID-19 потрясла весь мир, затронула и тему традиционных ценностей. В годы пандемии мы также регулярно проводили исследования деловой культуры российских организаций. А сегодня интересно сравнить 2 самых интересных периода в новейшей истории России. Так, на последнем этапе исследования, в 2021 году, нами были подкреплены не только выдвинутые гипотезы, но были получены ответы на фундаментальные вопросы, а именно – «Сохранились ли ценности во время «шторма», пандемии?», «Какие из сохранившихся ценностей заняли «Олимп», а какие спустились в «Подземное царство»?», «Возможно ли развитие в таких условиях с данным набором ценностей?» и др. Исследование показало, что в восприятии коммуникатора отмечается значимость влияния традиционных ценностей на развитие российского бизнеса. Так, объём информации о ценностях российской деловой культуры содержался в более чем двух третях (70,1%) проанализированного материала. Наибольшее внимание коммуникаторы уделяют таким ценностям как инновационность (25%), социальная ответственность (18%) и справедливость (16%), однако они встречаются на треть реже. Самая редко упоминаемая ценность – вера (3%) и терпение (2%). Полученные данные говорят о том, что в условиях пандемии цифровизация стала проникать в большинство сфер бизнеса. Для современных предпринимателей актуальными аспектами развития бизнеса становятся следующие: внедрение и освоение инновационных технологий, принципов социальной ответственности и справедливости. Однако людей, с которыми они работают, бизнесмены чаще всего расценивают как партнеров, а не как команду, товарищей, общину и т.д. Ценности веры и терпения утрачивают свое значение, наверно, в силу прагматического склада ума современных бизнесменов.

В текстовой совокупности преобладают положительные оценки традиционных ценностей российской деловой культуры (57%), затем негативные (23%) и нейтральные (20%). Больше всего положительных характеристик у ценностей «стремление к совершенству» (83%) и у «трудолюбия» (68%). Более всего отрицательных оценок у ценностей «семья» (39%), «патриотизм» (33%), «социальная ответственность» (30). Среди авторов информации преобладают журналисты, что закономерно. Журналисты склонны писать в публицистическом стиле, в то время как эксперты пишут в более научном стиле. В текстах последних встречается больше данных, чем ценностных смыслов.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в российской деловой культуре существуют и сохраняются как традиционные духовно-нравственные ценности, так и ценности второго уровня, связанные с современным этапом развития бизнеса и его социальных практик. На наш взгляд, именно такие ценности споспешествуют развитию (и выживанию) в сложные периоды развития общества, каким стал период борьбы с Коронавирусом. В заключении можно сделать следующие выводы. Интерес коммуникатора к теме ценностей российской деловой культуры значительно возрастает в критические периоды развития страны. В это время меняется иерархия внимания к конкретным ценностям. От интереса к ценности веры в 2012, к ценностям инновационности, социальной ответственности бизнеса и целеустремленности, в период пандемии. Больше всего положительных оценок коммуникатора связано с ценностями «стремление к совершенству», «трудолюбие», «целеустремленность» и «инновационность». В завершении работы выкажем надежду на то, что период пандемии сделал российскую деловую культуру только сильнее с новым инструментарием, но под эгидой традиционных ценностей.

КУЛЬТУРА -МНОГОЗНАЧНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Семенюк Ирина Николаевна
(Академия при Президенте Республики Беларусь)*

*«Уровень цивилизации любой эпохи, любого народа или группы народов
измеряется умением использовать энергию для нужд человека...»*

Мир не стоит на месте он постоянно развивается и это движение называется историей, а культура- это зеркало народа и каждой взятой отдельно страны. История – жизнь, а культура энергия. Которая рождается, развивается и живёт. И мы потомки должны продолжать и сохранять не только биологическую жизнь но сохранять и передавать культуру и историческую память.

Культура – многозначное социальное явление, относящееся к сфере духовной жизни страны. Культурные ценности представляют собой богатство и достоинство государства. Культурные традиции, заложенные нашими предками, являются неотъемлемой частью престижа страны на мировой арене. Культура как сложное социальное явление представляет собой ценностно-нормативный механизм социальных взаимодействий, который важнейшей своей задачей считает обеспечение целостности общества и социальный порядок. Следовательно, культуру можно назвать зеркалом социума, где отражается развитие и особенности целой нации.

Культура сегодня рассматривается как память народа о самом себе, своих предках, обычаях, стремление народа к прекрасному. С другой стороны, культуру народа изучают, рассматривая различные формы самовыражения народа (искусство, живопись, литература и др.). В но условиях глобализации современная культура развивается в процессе интенсивных межкультурных контактов, ведущих к углублению взаимосвязей национальных культур, цифровизация ведет к интегрированному процессу по сохранению истории. Происходит позиционирование благодаря информационным процессам и развитию средств цифровизации.

Современный «глобальный» тип культуры характеризуется определенной ценностно-нормативной системой. В противовес но традиционным ценностям он не имеет определенных центров локализации. Формирование мировой глобальной культуры во многом происходит на основе но ценностей западной цивилизации: индивидуализма,

либерализма, прав человека, демократии западного образца, свободного рынка, но абсолютизации стремления к материальным благам [8, с. 79].

Историко-культурное наследие Беларуси представляет собой совокупность наиболее отличительных результатов и свидетельств исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях, включенных в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь.

Который ежегодно расширяется, в список включены наиболее значимые объекты наследия (памятники археологии, архитектуры и градостроительства, истории, искусства, нематериальные проявления творчества человека (обычаи, традиции, обряды)). Сегодня насчитывается более 5,6 тыс. историко-культурных ценностей, среди которых: памятников археологии – 2248, памятников архитектуры – 1804, памятников истории – 1215, нематериальных проявлений творчества человека – 152, движимых материальных историко-культурных ценностей – 104, памятников искусства – 66, памятников градостроительства – 11, заповедных мест – 4. [10].

Охрана историко-культурного наследия – обязательное условие устойчивого развития государства, укрепления его престижа в международном сообществе. Материальные и духовные ценности общества являются объектами национальной безопасности Беларуси и приоритетными направлениями культурной политики нашей страны.

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о культуре, Национальной стратегией устойчивого социального-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, сохранение и приумножение историко-культурного наследия страны является важным фактором национальной идентичности и белорусской государственности, играет значительную роль в формировании и развития , гражданственности и патриотизма личности, вовлечено практически во все сферы социально-экономической жизни республики.

Последние два с половиной десятилетия Республика Беларусь активно занимается восстановлением архитектурного наследия, вкладываются колоссальные ресурсы на его поддержание и сохранение.

Проведена большая работа по реставрации и восстановлению сотен объектов историко-культурного наследия с целью поддержания их технического состояния, приспособления под новые функции и вовлечения их в туристический и культурный оборот. На государственном уровне эти задачи решаются в рамках ряда государственных программ и локальных инвестиционных проектов. Кроме того, мероприятия по охране историко-культурного наследия, в том числе ремонтно-реставрационные работы на историко-культурных ценностях, финансируемые за счет средств фонда Президента Республики Беларусь по поддержке культуры, на примере объектов Брестской области «Коссовский дворцово- парковый комплекс рода Пусловских» объект архитектуры XIX века, «Ружанский дворцовый комплекс рода Сапег» объект архитектуры XVIII—XIX вв и др.

Восстановлены музейные всемирно известные замковые комплексы в г. п. Мир (2010) и г. Несвиже (2011). Музейных учреждений их создание на базе отреставрированных объектов ЮНЕСКО сильно повлияло на привлечение инвесторов и развитие туристической инфраструктуры и экономику региона.

Использование потенциала исторического наследия работает как на популяризацию и развитие регионов, так и государства в целом, способствует формированию национальной самоидентификации, вызывает чувство гордости за свою страну.

Благодаря активности государства в последние годы увеличилось присутствие белорусских объектов в списках Всемирного наследия ЮНЕСКО. Ответственное отношение Республики Беларусь по сохранению своего наследия высоко оценена международной общественностью, что подтверждено статусом ЮНЕСКО.

В частности, в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО включены: в 1992 году Беловежская пуша (памятник природы); в 2000 году – замковый комплекс «Мир» (г.п. Мир Кореличского района); в 2005 году – архитектурно-культурный комплекс резиденции Радзивиллов в г. Несвиже (Минская область) и Дуга Струве (Брестская и Гродненская области).

В Предварительный Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО включены Августовский канал, Спасо-Преображенская церковь и Софийский собор в Полоцке, Борисоглебская (Коложская) церковь в Гродно, культовые сооружения оборонного типа, деревянные церкви Полесья.

Республика Беларусь стала одной из стран, ратифицировавших в 2006 году Конвенцию об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

В Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО включены: праздничный рождественский обряд «Колядные цари» в деревне Семежево Копыльского района, «Торжество в честь почитания иконы Матери Божьей Будславской» (Будславский фест)» в аг. Будслав Мядельского района, весенний обряд «Юрьевский хоровод» в д. Погост Житковичского района, «Культура бортничества Беларуси и Польши».

В 2021 году Министерством культуры направлено в Секретариат Конвенции по охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО досье по элементу нематериального историко-культурного наследия «Соломоплетение Беларуси: искусство, ремесло, умения» и начата подготовка очередной номинации «Белорусское искусство вытинанки».

В целях популяризации историко-культурного наследия Министерством культуры в 2020 году создан поисковый сайт «Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь» (gossписок.gov.by), который является информационным ресурсом, позволяющим любому пользователю быстро находить информацию об историко-культурных ценностях, в том числе через мобильные приложения.

Музей как социокультурный институт общества выполняет образовательную функцию, неотъемлемым вектором которой является патриотическое воспитание детей и молодежи. Кроме того, деятельность музеев благотворно влияет и на формирование полноценной личности, способной свободно мыслить, стремиться к познанию, творчеству и личностному росту. Иными словами, современные музеи выполняют очень важную миссию – формирование образованной личности, настоящего гражданина и, что самое главное, патриота своей Родины.

На данный момент основной Музейный фонд Республики Беларусь составляет 3 438 160 единиц, проходит их цифровизация в государственный электронный каталог.

104 движимые материальные историко-культурные ценности (коллекции, комплекты, музейные экспонаты и др.) включены в Госсписок.

В республиканских музеях и Национальной библиотеке Беларуси хранится 40 движимых материальных историко-культурных ценностей международного значения.

Музеи Беларуси обладают большим потенциалом в области сохранения, изучения и популяризации культурного наследия, а также трансляции белорусских морально-этических ценностей и ориентиров подрастающему поколению, что является неотъемлемым направлением гражданско-патриотического воспитания. С этой целью в музеях осуществляется экспозиционно-выставочная, культурно-образовательная, фондовая, научно-исследовательская, реставрационная и другие виды деятельности.

Первым в мире музеем, посвященным самой кровопролитной войне XX века, является Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, который уже 22 октября 1944 г. распахнул свои двери перед посетителями. Сейчас в музее на площади более 3 тыс. м² можно увидеть свыше 8 тыс. экспонатов, в том числе и в формате виртуального тура. Своими глазами посмотреть на экспозицию каждый год приходят около 570 тыс. человек. Музей стал сокровищницей знаний для тех, кто желает

и умеет извлекать мудрые уроки из прошлого. Этот объект был и всегда будет местом народной памяти.

Жемчужиной Республики Беларусь, является уникальный памятник архитектуры XIX века, Коссовский дворцово-парковый комплекс, который не имеет аналогов в Беларуси, его архитектура, выполненная в стиле неоготики середины 19 века, является собой один из уникальных примеров синтеза прекрасной архитектуры здания и не менее уникального приспособления существующего и грамотно созданного искусственного ландшафта, который возвеличивает архитектуру. Музей проводит мероприятия с внедрением цифровых и информационных ресурсов, которые помогают молодым людям знакомиться с историческим достоянием нашей страны, организывает выставки, конкурсы, игры, официальные церемонии вручения наград молодым гражданам нашей страны.

Наряду с традиционными формами работы (обзорными и тематическими экскурсиями, музейными занятиями, лекциями, уроками) музейная практика включает и разнообразие инновационных форм культурно-образовательной деятельности: театрализованные представления и исторические реконструкции; фестивали и концерты; игры и квесты; интерактивные экскурсии и лекции; творческие мастерские и мастер-классы.

С целью развития интереса у детей и подростков к истории и традициям своей страны, укрепления связей между поколениями общественное объединение «Белорусская республиканская пионерская организация» реализует республиканский конкурс «Познай Беларусь». Этот проект предполагает самостоятельное индивидуальное и коллективное изучение материала по истории, традициям, природе Беларуси в рамках предложенной тематики, а также выполнение творческих заданий по итогам каждого блока. Все выполненные задания размещаются в социальных сетях под единым хештегом познай Беларусь.

Продолжает получать широкое распространение всебелорусская акция «Символы моей страны». Поучаствовать в патриотическом интернет-челлендже может любой, кто разместит на своих страницах в социальных сетях фото с символом страны и обозначит его подписью с хештегом символы моей страны.

Меняется эпоха. Буквально на глазах стремительно ускоряется темп жизни, появляются новые технологии, молодежь становится более продвинутой, все процессы проходят динамичнее. Но остается неизменной жизненная ценность любого государства – патриотизм его граждан, который начинается с любви к своей малой родине, к тому месту, где ты родился и вырос, с гордости за свою семью, школу, деревню, поселок или город, за людей, которые живут рядом.

Социальная значимость культуры растет, а в пору кризисного существования – обостряется, так как усиливается потребность общества в стабилизирующем факторе развития, каковым является культура. Деятельность государства, вносящего значительный вклад в определение путей культурного развития общества в целом и привлечение соответствующих ресурсов, сегодня является важнейшей предпосылкой развития культуры страны.

Нового качества культуры нельзя достичь без перестройки системы государственного управления в сфере культуры, которая должна стимулировать развитие многообразия содержания, структур и форм деятельности учреждений и организаций культуры и досуга, создавать максимальные возможности для становления новых учреждений культуры, формирования различных комплексов, объединений, культурно-досуговых центров, внедрение цифрового пространства, культурной сферы.

В связи с этим возникает настоятельная необходимость постоянного отслеживания изменяющейся аудитории, включенной в информационное взаимодействие. И, если в формализованной системе образования, культуры на разных уровнях, «аудитория» очевидно систематизируется, то в неформальном образовании, которое все более и более

становится всеобъемлющим, характеристики потребителей информации (зачастую они становятся и ее создателями, и трансляторами с помощью различных информационных технологий) не всегда лежат на поверхности. Для того чтобы работать с определенными категориями потребителей информации, необходимы знания в области исследования социальных процессов и структур. Социологический анализ и прогнозирование социально-структурных изменений является специфическим основанием профессиональной деятельности в современном информационном пространстве в качестве компонента социально-управленческих стратегий. Их содержательной спецификой является согласованное социальное взаимодействие всех элементов социальной структуры, характерной для конкретной социальной системы, направленное на реализацию ее основной цели.

Это согласованное взаимодействие составляет также сущность социальной безопасности. Таким образом социум сохраняет свою идентичность и способность к развитию, а как показывает практика, в информационном обществе в основе социальной безопасности лежит информационная безопасность – это не только защита информации, но и адекватность воздействия информации на отдельного человека, в век развитий и цифровизации.

Тысячелетия назад человеческие племена проходили суровый отбор на выживаемость, и в этой борьбе было важно не только умение владеть дубинкой, но и способность к разуму, к сохранению традиций, способность к альтруистической взаимопомощи членов племени. Сегодня все человечество в целом держит подобный же экзамен. В бесконечном пространстве должны существовать многие цивилизации, в том числе более разумные, более "удачные", чем наша. Я защищаю также космологическую гипотезу, согласно которой космологическое развитие Вселенной повторяется в основных своих чертах бесконечное число раз. При этом другие цивилизации, в том числе более "удачные", должны существовать бесконечное число раз на "предыдущих" и "последующих" к нашему миру листах книги Вселенной. Но все это не должно умалить нашего священного стремления именно в этом мире, где мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, осуществить требования Разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами Цели.

В связи с этим возникает настоятельная необходимость постоянного отслеживания изменяющейся аудитории, включенной в информационное взаимодействие. И, если в формализованной системе образования на разных уровнях, «аудитория» очевидно систематизируется, то в неформальном образовании, которое все более и более становится всеобъемлющим, характеристики потребителей информации (зачастую они становятся и ее создателями, и трансляторами с помощью различных информационных технологий) не всегда лежат на поверхности. Для того чтобы работать с определенными категориями потребителей информации, необходимы знания в области исследования социальных процессов и структур. Социологический анализ и прогнозирование социально-структурных изменений является специфическим основанием профессиональной деятельности в современном информационном пространстве в качестве компонента социально-управленческих стратегий. Их содержательной спецификой является согласованное социальное взаимодействие всех элементов социальной структуры, характерной для конкретной социальной системы, направленное на реализацию ее основной цели.[4]

Белорусское культурное пространство в современных условиях интенсивно обновляется и пополняется яркими представителями национального искусства на уровне мировых образцов, это создает мощную платформу интеллектуального обновления общества и одновременно сохранения ценнейшего национального багажа предшествующих поколений.

Таким образом, в культурной сфере в Республике Беларусь произошли и развиваются фундаментальные ценностные преобразования в русле глобальной тенденции усиления роли культуры в мире как базового регулятора человеческой деятельности, мотивирующего социальные изменения.

1. *О культуре: Кодекс Республики Беларусь, 20 июля 2016 г. № 413–З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.*
2. *Вопросы Министерства культуры: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 17 января 2017 г. N 40 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.*
3. *Лапина, С.В. Социально-управленческие стратегии и социальная безопасность в современном обществе / С.В.Лапина, И.А.Лапина // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. – Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020.*
4. *Лапина, С.В. Культурология: - Минск: ТетраСистемс. - 2007. - 419 с.*
5. *Сахаров А. Мир, прогресс, права человека: Нобелевская лекция. - 1990. - 57 с.*
6. *Сорочкин Б.Ю. Финансирование культуры в новых экономических условиях / Б.Ю.Сорочкин // Ориентиры культурной политики. - 2019. - №1. - С.3-11 с.*
7. *Чурбанов В.Б. Культура и формирование личности в обществе / В.Б.Чурбанов. - М.: Педагогика, 2015. - 254 с.*
8. *«Academic.ru» (Словари и энциклопедии на «Академике»). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://dic.academic.ru>. - Дата доступа: 22.09.2022.*
9. *president.gov.by [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/social/culture> - Дата доступа: 19.09.2022.*
10. *www.ecoinfo.by [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ecoinfo.by/content/5121.html> - Дата доступа: 19.09.2022.*

ТАТУИРОВКА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМБИНИРОВАННОЙ СТРАТЕГИИ)

Смирнова Диана Алексеевна

(Волгоградский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Актуальность выбранной темы выражена тем, что татуировки были в нашем мире всегда, и будут существовать ещё множество столетий, но работ по их изучению крайне мало. Татуировки имеют своё историческое значение, множество смыслов и способов нанесения, но на сегодняшний момент интерес к татуировкам возрастает, что изменяет их значение в современном обществе. Вопрос о социокультурном значении татуировки малоизучен и поэтому для наиболее подробного изучения татуировки, а также её социокультурного значения, важно обратиться к людям, знающим данную тему, работающим в данной сфере деятельности, а также к тем, кто просто интересуется темой татуировки, но не работает в сфере тату.

Татуировки представляют собой не просто визуализацию, а социально-психологический феномен, который выражается в различных формах. Изучение татуировки, позволяет понять её значение для современного общества, социокультурные особенности определённых групп, а так же её роль в жизни современного человека и общества.

Проблема татуировки изучалась на основании данных социологического исследования, проведённого в октябре-декабре 2021 года среди 300 респондентов и 10 информантов. Исследование проводилось с использованием исследовательского потенциала методов интернет опроса и глубинных интервью. Выборка: нерепрезентативная, стихийная, метод доступного случая.

На современном этапе развития общества татуировки получили большое распространение во всех социальных слоях населения. Ранее, в большинстве случаев, татуировки использовались для передачи информации в криминалистической среде. На сегодняшний момент, татуировка представляет собой массовое явление. Можно выделить множество стилей татуировок, указывающих на социальные, статусные, нумерологические и другие признаки человека.

В ходе исследования было выявлено, что татуировки в современном обществе чаще всего стали представлять собой “аксессуар”, который определённым образом указывает на интересы, взгляды и предпочтения человека. Существует татуирование двух типов: татуирование в “закрытых” социальных группах и татуирование в “большом” обществе. К первому типу относят татуирование внутри таких социальных институтов, как армия, флот и тюрьма. Ко второму типу относится современная тату-культура, которая становится одним из направлений современного искусства, которое можно отнести к разряду художественного искусства. Несмотря на все выше сказанное, современная тату-культура продолжает сталкиваться с неприятием и стереотипами в обществе, так например, человеку могут отказать в приёме на работу или оскорбить из-за наличия у него татуировок. Рассматривая татуировки в историческом контексте, необходимо упомянуть три группы татуировок: японская, тихоокеанская и европейская. Но особое внимание хотелось бы уделить тихоокеанской группе татуировок, которые считаются на данный момент самыми старыми татуировками сохранившимися до наших дней. К ним относятся татуировки Океании - Та-моко, это тату Маори и Полинезийские татуировки.

В современном обществе, татуировка приобрела новую функцию - коммерческую. “Рост популярности татуировки по всему миру позволил использовать её как рекламно - маркетинговый инструмент, речь идёт как о временных так и постоянных татуировка для любого желающего привлечь к себе внимание и таким образом заработать”. [3, 1]. Ранее татуировка не обладала коммерческой функцией. Её основными функциями были: мировоззренческая, компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, интегрирующая, защитная, эстетическая, протестная, мотивирующая функции.

В ходе анкетного интернет опроса, был задан вопрос: «Как Вы считаете, к какой культуре относится татуировка?». Ответы распределились следующим образом: 39% отнесли татуировки к субкультуре; 24% к массовой; 22,3% выбрали вариант ответа – “Затрудняюсь ответить”; 4,7% респондентов отнесли тату к народной культуре; 3,3% к элитарной и 6,3% респондентов, выбрали вариант – “Другое”. Можно сделать вывод, что для большинства респондентов, татуировка это субкультура и массовая культура. На вопрос: “Считают ли Вы татуировку частью культуры?”, ответы распределились следующим образом: 39,7% опрошенных, выбрали вариант ответа – “Скорее да, чем нет”; 32% считают татуировку частью культуры; 15,3% выбрали вариант ответа – “Скорее нет, чем да”; 9% считают, что тату не является частью культуры; 4% респондентов выбрали вариант ответа – “Затрудняюсь ответить”. Из этого, можно сделать вывод о том, что татуировка для большинства опрошенных респондентов, является частью культуры, и только 1/3 считает, что татуировка не является частью культуры или затрудняются ответить.

В ходе глубинного интервью с тату-мастерами было отмечено, что татуировка для большинства, в определённой мере, является способом самовыражения. “Конечно, и не только. Тут многое заложено. Татуировка вообще с самого начала – это самовыражение, это и посыл какой-то. Нельзя говорить о чём-то одном, потому что тату что-то одно никогда не обозначает. Татуировка это и самовыражение, и обозначение, и выделение, это и какая-то часть себя. Для каждого носителя, татуировка это какая-то совокупность, доля процентов. Для молодёжи наверно - это больше «понты», а для зрелых это какая-то своя идея, для татуировщиков это часть искусства. То есть тут общий ответ да” (информант № 7, тату-мастер, мужчина 33 года). Информантам также был задан вопрос: “Повлияли ли тату на Ваше саморазвитие и самовыражение?” И в ходе интервью были выявлены 2

противоположные точки зрения. “Думаю, что да, повлияло, как минимум, я сначала просто сделал тату, а потом понял, что мне нравится весь этот процесс, и я начал развиваться в этой сфере. Самовыражаюсь я через татуировки, которые сам делал, своими руками, людям, которым это нравится, которые доверяют мне и полюбили мой стиль” (информант № 10, тату-мастер, мужчина 24 года). И противоположная точка зрения: “Я думаю, что на развитие влияет труд, а на самовыражение не знаю. Я делаю татуировки потому что мне это нравится, не что бы кому-то показать или что-то доказать, а делаю потому что мне это нравится и я хочу у себя на теле что-то видеть. А касаясь самовыражения, я думаю, что самовыражаться можно делая что-то, рисуя картины какие-нибудь. Скажем так, перенося свои эмоции, какие-то переживания на бумагу. А конкретно татуировки, в них тоже присутствует самовыражение, но в меньшей степени чем, например, в живописи какой-нибудь, в искусстве в широком смысле” (информант № 2, тату-мастер, мужчина 26 лет).

Если говорить про коммерческую функцию татуировки, то татуировка стала способом получения заработка для тату-мастеров, которые в свою очередь представляют собой новую развивающуюся профессию. Изначально татуировка, не подразумевала получение прибыли и набивать её, могла только определённая категория людей. Согласно полученным данным в ходе глубинных интервью, тату-мастера заинтересовались темой татуировки в возрасте 16 лет, за исключением пары информантов, которые заинтересовались татуировками в возрасте 14 и 22 лет. Но профессиональная деятельность мастеров составляет от 2 до 10 лет. Информантам был задан вопрос: “Есть ли плюсы и минусы в Вашей сфере деятельности?” Большинство тату-мастеров, не видят минусов в своей работе, потому что они увлечены своей деятельностью, процессом нанесения татуировки, творческой стороной профессии. Информанты ответили следующим образом: “Плюсов достаточно много. Саморазвитие, ты каждый день саморазвиваешься, много рисуешь. Коммуникация с людьми, все люди разные. Вообще у каждого татуировщика есть своя аудитория, и есть такая мысль, что к определённому татуировщику приходят люди похожие на него. И я заметил такую вещь в последнее время, что к татуировщику приходит человек, который схож с ним по интересам, и они о чём-то болтают и прочее. Очень приятно видеть человека, который радуется татуировке и он уходит с поднятым настроением на всю жизнь. То есть твоё творчество остаётся на теле клиента на всю жизнь и радует его. Прямо конкретных минусов нет. Я даже назвать их не могу. Минусы зависят от твоего профессионализма, есть риск для здоровья, так как работаешь с кровью и прочим. Если ты знаешь свою работу, то минусы обходят тебя стороной. Наверно минусом является то, что каждому человеку не угодишь. Вообще всё зависит от человека, вот минусом является её то, что пишут разные странные люди, совершенно не по татуировке, пишут, в том числе в извращённом контексте, делятся своими фетишами только потому что им скучно, а ты татуировщик и работаешь с людьми. Это, на мой взгляд, странно” (информант № 8, тату-мастер, мужчина 23 года).

Деятельность тату-мастеров строится на основе выбранного ими стиля татуировки. В ходе проведения интервью, информантам был задан вопрос: – “Какой стиль/жанр татуировок Вы предпочитаете?” Тату-мастера ответили следующее: “У меня несколько любимых стилей, естественно мой – гравюра (лайнворк) и второй дотворк” (информант № 10, тату-мастер, мужчина 24 года), “В основном я предпочитаю неотрадиционал. Мне нравится графика, черно-белый реализм и также я последнее время начал пробовать заниматься с каллиграфией, леттерингом” (информант № 4, тату-мастер, мужчина 32 года), “Я делаю японский стиль татуировки, традиционный японский стиль и традиционный американский” (информант № 2, тату-мастер, мужчина 26 лет).

Таким образом, татуировка как социальный феномен, представляет собой символическую и визуальную культуру, которая способствует социализации индивида, его коммуникации с другими людьми. Татуировка – это способ самовыражения, идентичности, способ адаптации, способ выражения мыслей, чувств, а также способ

формирования своего окружения. Татуировка уже является отдельной культурой и ремеслом. И в ходе глубинных интервью было выявлено, что большинство мастеров склоняются к тому, что татуировка это не субкультура, это культура, ремесло, в котором есть свои правила, но при этом она является субъективной культурой, зависящей от человека и его мнения, и сохраняющая определённые исторические аспекты, переживая новый интерес в изменяющемся социуме.

1. Воробьева Е.С. Татуирование как объект социологического исследования. Теоретико-методологические аспекты: автореф. дисс. к.соц.н. [Электронный ресурс] // Официальный портал ФНИСЦ РАН [веб-сайт] - 2018. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=6087>
2. Воробьева Екатерина Сергеевна Татуирование как объект социологического исследования // ЖССА. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tatuirovanie-kak-obekt-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 07.10.2022).
3. Кусмидинова Мария Харисовна Татуировка как удачный маркетинговый ход // Евразийский Союз Ученых. 2015. №7-7 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tatuirovka-kak-udachnyy-marketingovyy-hod> (дата обращения: 07.10.2022).
4. Мельникова Людмила Алексеевна Символика нательных знаков (тату, пирсинг, скарификация) в контексте молодежных субкультур // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2012. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-natelnyh-znakov-tatu-pirsing-skarifikatsiya-v-kontekste-molodezhnyh-subkultur> (дата обращения: 08.10.2022).
5. Овсянникова Ольга Александровна Татуировка как социокультурное явление // Наука. Общество. Государство. 2017. №1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tatuirovka-kak-sotsiokulturnoe-yavlenie> (дата обращения: 08.10.2021).

СОВРЕМЕННАЯ СУБКУЛЬТУРА ДЕТСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Степанцева Ольга Александровна

(Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов)

Современное общество формирует новый тип мировоззрения, новую «картину мира» и новые ценности в ее основе. Общество «сверхпотребления» начинает рассматривать детей, как цель, средство обогащения и прочее, фокус с духовно – нравственного развития сместился в сторону объекта потребления и услуг. У современных детей очень широкий выбор интересного досуга с привлечением кибер – технологий и модной индустрии - от шоу-биза до лидерских курсов и даже, школ финансовых стартапов.

Например, еще лет 20-30 назад, в сознании рядового представителя российского социума «модель» – это понятие уникальное, это мировые подиумы, глянец, слава, деньги и т.д. Сейчас детский моделинг – явление вполне рядовое и все чаще мамы отвечают – мой ребенок занимается моделингом. При этом, сами родители, в половине случаев точно, не всегда четко могут себе ответить на вопрос - зачем это им нужно, а уж их детям – и подавно.

В этом и заключается самая большая ловушка культуры, как учат нас классики культурологии, один из индикаторов перехода культуры в стадию «цивилизации» - умирает «душа культуры», уходит культурный смысл, остаются вполне материальные ценности и вполне понятные, доступные и несложные для восприятия механизмы – «выбор-цена-потребление».

Проблема современной субкультуры детства лежит как раз в зоне идеологической нестабильности и отсутствия четкого понимания базовых ценностей «картины мира». На Западе детская fashion – индустрия развивается достаточно давно и давно сформировала свой «социальный отклик», при этом, не всегда положительный. Самый первый конкурс

среди детей был устроен в 1855 году в Американском музее Барнума. На мероприятии собралось более 60 тысяч зрителей и 143 участника — они были отобраны бизнесменом Барнумом, который исключал «бедных детей и иностранцев». Помимо мотивационных факторов, основной причиной развития детской fashion – индустрии, является рентабельность использования детей-моделей в рекламе и т.д. С точки зрения бизнеса – ребенок – отличный инструмент в продвижении, что доказал еще Барнум в 1855 году [1]. Ребенок из объекта воздействия и цели жизни для многих в культурологическом плане обесценивается до средства производства в соответствии с законами рынка.

Это не просто развлечение, но и прибыльный бизнес, хороший PR – стратегия. Можно вспомнить Изабеллу Барретт, которая в 9 лет стала миллионером (шоу «Коронованные детки») и стала «лицом» собственного бренда ювелирных украшений и косметики, снялась в нескольких клипах на собственные песни и засветилась на Неделе моды в Нью-Йорке с коллекцией одежды.

Логическим продолжением данной темы стал детский моделинг, и моделинг в нашей стране не стал исключением. Очень быстро ниша детского моделинга буквально за последние 10-15 лет была заполнена и продолжает активно развиваться, сейчас в мегаполисах проще найти модельную школу для ребенка, чем специализированную секцию по спорту. С одной стороны – по здравому размышлению, моделингом можно заниматься ради осанки, знания этикета, основам хореографии, базовым знаниям макияжа и прочим полезным вещам. С другой стороны – нереализованные детские мечты или краткий период востребованности, а потом забвение – это прямой путь к искаленной психике и куче комплексов [2].

Google на запрос - «детское модельное агентство» дает примерно 138000000 результатов. Что бы стало понятно, то все агентства и школы по закону РФ не относятся к учебным заведениям и никаких образовательных стандартов для них не существует, поэтому в каждой учат собственным набором предметов, а фактически никто и никак не контролирует - чему, кто и как учит детей. Разброс цен, при этом - довольно большой: от 15 тысяч за два месяца обучения до сотен тысяч рублей. При этом, представители каждой школы конечно же будут обещать родителям подиум не ниже Милана и работу, как минимум у Зайцева.

Среди самых известных — модельное агентство Яны Рудковской Top Mini Stars. Оно представляет интересы детей российских поп-звезд (Филиппа Киркорова — Аллы-Виктории и Мартина, дочери израильского спортсмена Алекса Авербуха Анастасии, сына самой Рудковской Александра Плющенко и др.). Именно Top Mini Stars проводит Barvikha Luxury Village, попасть на которое для ребенка-модели считается престижным. Как результат – детский моделинг в России, в половине случаев, если не больше – измеряется деньгами и возможностями родителей, а для детей с природными данными заявить о себе –крайне сложно [3, 117].

С одной стороны, широкие возможности — это хорошо, с другой -современные родители при большом выборе часто совершают ошибки, так как проверить качество разнообразных «школ моделей», «продюсерских центров», «песенных конкурсов» и прочее – фактически невозможно, в результате – как минимум разочарование и финансовые потери, как максимум –походы к детским психологам и восстановление детской неокрепшей психики, что действительно страшно.

Многие классики, например, П. А. Сорокин в своем труде «Социокультурная динамика», говорили о социокультурном кризисе системы ценностей культуры, основанной только на материальных принципах. В таком случае, пора начинать оценивать риски при выборе услуг для детей трезво.

1. Степанцева О.А. Брендинг в виртуальных мирах: особенности и перспективы развития// Реклама и PR в России: Современное состояние и перспективы развития. XV Всероссийская научно-практическая конференция. Сборник работ. СПбГУП, СПб, 2018.

2. Степанцева О.А. «Субкультура смерти» - модный бренд или «диагноз» цивилизации// Реклама и PR в России: Современное состояние и перспективы развития. XVII Всероссийская научно-практическая конференция. Сборник работ. СПбГУП, СПб, 2020.

3. Степанцева О.А. Понятие «самобренд» для современного медийного ребенка: культурологический анализ Реклама и PR в России: Современное состояние и перспективы развития. XIX Всероссийская научно-практическая конференция. Сборник работ. СПбГУП, СПб, 2022.

ДРУГИЕ ТОЧКИ КУЛЬТУРЫ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Теплов Иван Геннадьевич

(Балтийский федеральный университет им. И.Канта)

С момента плотного проникновения в нашу жизнь медиапространства и networks статус информации уверенно изменился. Индустриальное общество сменилось на постиндустриальное или, другими словами, информационное. Чем характеризуется это относительно новое общество? Неотъемлемыми чертами рассматриваемого множества являются, безусловно, огромные массы людей, производящих и пользующихся информацией.

Основной вопрос этой работы: «Как определить границы цифрового общества и выяснить, что находится за ними?»

В работе «Психическая болезнь и личность» 1954 года (одной из ранних работ) М. Фуко много размышляет о том, как человек перестаёт быть частью общества [3]. Основной лейтмотив этих размышлений состоит в том, что субъект, не являющийся частью общества, в течение истории начал представляться в глазах остального большинства больным. Не важно, действительно ли у него есть проблемы со здоровьем, в первую очередь он болен социально. В это поле отчуждённости попадали люди с различными социальными недугами: заключённые, психически больные, эмигранты, представители ЛГБТ сообществ, алкоголики, и т. д.

Через пару десятилетий после выхода данной работы в искусстве появились новые течения контркультур. Они отличались вызовом, сопротивлением, нонконформизмом и бесстрашием перед остальным, «нормальным» обществом. Они желали быть услышанными и увиденными. Однако, участники контркультурных движений вряд ли хотели стать частью остального общества. По моему мнению, их цель выражалась в отличие от массы, а не в слиянии с ней.

Но случился парадокс всё более развивающегося медиапространства и социальных движений. Различные контркультурные группы с помощью networks стали центром нормального общества. Теперь они занимаются поддержкой обществ, а меньшинствами и контркультурой стали те, кто когда-то причислял себя к традиционной культуре.

Когда только западное общество начинало входить в эпоху информационного мира общие настроения в обществе были, примерно, как у первооткрывателей и первых колонизаторов Америки. На фоне этого воодушевления в 1996 году американский литературный деятель Джон Перри Барлоу написал декларацию независимости Киберпространства. Вот выдержка из него: «Мы творим мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения. Мы творим мир, где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения, какими бы экстравагантными они ни были, не испытывая страха, что его или ее принудят к молчанию или согласию с мнением большинства», – в принципе, анализируя современное медиа, обществу первооткрывателей сети удалось сделать то, о чём пишет автор декларации [1]. Но проблема оказалась не в том, что автор, провозглашающий ценности тотальной толерантности и терпимости, являлся белым гетеросексуальным мужчиной, и не в том, что свобода мнений пришла к культуре отмены.

Нет, эти феномены являются следствием фундаментального противоречия унифицируемой и глоболизируемой социальной реальности, принцип которой всё меньше похож на мультикультурализм и всё больше на плавильный котёл.

Пространство поменялось, в нём можно создавать всё заново, отвечающее идеалу, то, чего ещё не было в государственном поле. Но поменялись ли принципы общества, обитающего в этом пространстве?

Современная сеть соединяет в себе глобализацию и универсализацию, так как, глобализация способствует распространению культуры, ценностей и прав какой-то одной цивилизации с помощью капиталистического рынка. Большинство компаний, совершающих логистику своих товаров для потребления по всему миру, являются компаниями европейскими, американскими и других «белых» цивилизаций.

Далее, в работе «Дух терроризма», Жан Бодрийяр рассуждает о взаимной ассимиляции и апроприации отдельных культурных носителей, что ведёт к уничтожению цивилизаций: «Всякая культура, которая универсализируется, теряет свою сингулярность и погибает. Это произошло как со всеми теми культурами, которые мы уничтожили, насильно их ассимилируя, так и с нашей культурой в ее претензии на универсальность. Разница в том, что другие культуры погибли из-за своей уникальности [singularité], и это красивая смерть, тогда как мы умираем из-за потери какой-либо уникальности, из-за уничтожения всех наших ценностей, и это плохая смерть» [2, 154].

В это рассуждение необходимо добавить понятие Другого. Другой в философской традиции – это отличный от меня. В рассматриваемом нами контексте, Другой – это иная культура, или же чужая цивилизация, отличающаяся от нашей. До начала двадцатого века Европейская цивилизация считалась центральной, а все остальные – недоразвитыми, прилегающими и использующимися в службе для одной единственной. В начале двадцатого века культурологи начали писать о том, что Другие культуры обладают своей самобытностью, и что исследовать их с точки зрения центральной культуры в корне не правильно. Был поставлен приоритет в пользу понимания, а не изучения Другого.

Феномен смещения точки зрения для более глубокого взгляда мы можем признать положительным и даже благородным. Но в современной социальной реальности, в том числе с помощью медиа, точка зрения не смещается в сторону чужой культуры, она просто отстраняется от центральной по направлению к чудовищному симбиозу, образующему сверхперегруженную культурным показателем цивилизацию, которая стоит на основе бывшего европоцентризма.

Современные стриминговые медиаплощадки обожают Другого, отдавая преимущество при выборе бренда (им может быть физическое или юридическое лицо) носителям неевропейской культуры, или преимуществу различным меньшинствам. Тем самым в медиапространстве создаётся образ понимания, незамалчивания и заботы о Другом, не центральном. Однако, когда различные сингулярные носители иной культуры постоянно всплывают в медиа, что сейчас и осуществляется, Другой теряет свою специфику.

Современные условия стриминговых площадок созданы также центральной европейской культурой. Мы не будем понимать Другого, так как не вживаемся в его культуру, скорее ассимилируем его, так как даём ему готовые роли на стриминговых площадках. Другой играет роль не своей культуры, а той центральной культуры, что придумала эту роль.

Итак, социальное поле переместилось в медиапространство. Теперь, если индивида нет в networks, то он не является частью общества. Однако, все общества, представляющие набор отдельных индивидуумов, есть в медиапространстве. Любой индивидуум присутствует в рамках общества, если его социальная роль, его особенность показывается на экране. С приходом в искусство контркультуры в рамках общества находятся и сумасшедшие, и заключённые, и аскеты, не пользующиеся интернетом.

Но медиапространство показывает набор внешних факторов различных людей, различные душевные состояния, которые понимаются через внешнее атрибутивное эмоционами, состояниями и т.д. На экране нет глубинной личности, потому что её нельзя отобразить. Поэтому, чтобы быть за рамками общества, достаточно быть носителем собственной культуры, не проявляющейся внешне, быть Другой точкой социума. Личность – это Другой.

1. Барлоу, Д. Декларация независимости Киберпространства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dnn.ru/indep.htm> (дата обращения 15.06.2022).
2. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было ; [пер. с фр. А. Качалова]. — М. : РИПОЛ классик, 2016. — 224 с.
3. Фуко, М. Психическая болезнь и личность / пер. с фр., предисл. И коммент. О. А. Власовой. — Изд. 2-е, стереотип. — СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010. — 320 с.

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ КУЛЬТУРЫ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЗАРУБЕЖНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Третьякова Анастасия Андреевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Мифологический нарратив был изначальным способом обработки архетипических образов. В современном обществе происходит процесс модернизации мифа – синтеза архаического и современного начал, транслирующийся иными, нежели в древности, способами. Если в традиционном обществе передачей мифа, содержащего в себе архетипические константы, служили сказания, ритуальные обряды, магические рисунки, то в наши дни это происходит через другие каналы связи (через рекламу, кинематограф, сказки, определенные ритуалы празднования и т.д.). Сегодня кинематограф стал одной из ведущих форм мифотворчества, в котором осуществляется отражение «живого мифа» через трансляцию определенного исторического периода, в котором этот миф олицетворяется и проживается традиционным обществом. В настоящее время одним из самых популярных и эффективных приемов передачи мифа, используемых в кино, является сторителлинг.

В этой связи актуальностью исследования роли архетипов в конструировании киноисторий и их репрезентации в современном кинематографе является сильное влияние мифологических конструктов на массовое сознание, а также поиск и совершенствование современных технологий конструирования архетипических образов в массовой культуре.

Целью данного исследования является анализ технологий репрезентации архетипических образов в современном зарубежном кинематографе. Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи: дать определение понятию приема «Сторителлинг»; выделить и охарактеризовать технологии приема; выявить структурные и содержательные особенности технологии «Мономиф»; сопоставить структуру «Мономифа» с сюжетной линией одного из героев фэнтези-сериала «Игра престолов».

Теоретическую базу исследования в области мифоконструирования и структуризации «Мономифа» составили научные труды Дж. Кэмпбелла, М. Элиаде, В.Я. Проппа и К.Г. Юнга. Для анализа популярных техник создания и транслирования историй (технологий сторителлинга) были задействованы статьи различных современных специалистов в области маркетинга и коучей, работающих с писателями. Научная новизна работы заключается в анализе сюжетных линий в кинематографе с помощью технологий сторителлинга, выявленных маркетологами.

Результатами исследования стали: выявление технологий сторителлинга («Мономиф», «Гора», «Вложенные циклы», «Спарклайны», «В середине дела», «Сближение идей», «Ложный старт», «Лепестковая структура»), а также их примеров в

области кинематографа; раскрытие структуры «Мономифа», состоящей из 17 ступеней (Дж. Кэмпбелл «Тысячеликий герой»), и ее сопоставление с сюжетной линией персонажа «Игры престолов» Брандона Старка. Кроме того, для определения и анализа структуры нарратива героического мифа («Мономифа») были рассмотрены: «Стадии индивидуации» (К.Г. Юнг), «Функции действующих лиц в волшебной сказке» (В.Я. Пропп), «Обряд инициации» (М. Элиаде) и «Архетип героя» (Е.М. Мелетинский). В ходе рассмотрения структуры «Мономифа» были проанализированы ключевые архетипические образы, такие как: Герой, Персона, Тень, Богиня, Мудрец, Плут, Бог и т.д.

Таким образом, архетипические представления и образы, транслируемые современным кинематографом, становятся неотъемлемой частью повседневности точно так же, как человек древний отождествлял себя с миром мифов. Потенциальный зритель, соприкасаясь с архетипами в кино, мгновенно обрабатывает информацию и отождествляет себя с героями, что влияет на его сознание. Зная и применяя мифотехнологии, содержащие в себе архетипические конструкторы, можно не только создать кинопродукт, который будет пользоваться большим успехом и отвечать всем запросам телезрителя, но и понять алгоритмы конструирования продуктов массовой культуры в целом.

1. 8 способов рассказать историю интересно // PROtext. URL: <https://protext.by/blog/zametki-na-polyah/8-technik-storytellinga/>
2. Bartlett E. 8 Classic storytelling techniques for engaging presentations // Sparkol, 2022. URL: <https://blog.sparkol.com/8-classic-storytelling-techniques-for-engaging-presentations>
3. Грей-Грант Д. Сторителлинг: основные методы и техники // pressfeed.журнал. 2021. URL: <https://news.pressfeed.ru/storytelling-6-tips/#:~:text=%D0%A1%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F%2C%20%D1%87%D1%82%D0%BE%20%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%20storytelling%20%D0%BF%D0%BE%D1%8F%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D1%81%D1%8F,%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%20Armstrong%20International%20%D0%94%D1%8D%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B0%20%D0%90%D1%80%D0%BC%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B3%D0%B0>
4. Истории в стиле сторителлинга // 4BRAIN. URL: <https://4brain.ru/blog/istorii-v-stile-storitellinga/>
5. Колотаев В.А. Путь героя, идентичность и стадии жизненного цикла в киноискусстве // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 43. С. 75-87.
6. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. 520 с.
Мелетинский Е.М. О литературных архетипах // Российский государственный гуманитарный университет. Чтения по истории и теории культуры. 1994. № 4. Москва. 136 с.
7. Пропп В.Я. Морфология сказки. – Ленинград: АCADEMIA, 1928. 152 с.
8. Седых О.М. Джозеф Кэмпбелл и зигзаги неомифологизма: от феномена «Звездных войн» к алгоритмам сторителлинга // Вестник московского университета. Серия 7. Философия. 2019. № 3. С. 77-93.
9. Что такое сторителлинг // Lectera. URL: <https://lectera.com/info/ru/articles/storitelling>
10. Элиаде М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. – Москва: Университетская книга, 1999. 352 с.
11. Юнг К.Г. Психологические типы / Пер.с нем.; под общей ред. В.В. Зеленского. – Минск: Попурри, 1998. 656 с.

КРИЗИС ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ ИЛИ НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ?

Ускова Елизавета Владимировна
(Российский государственный университет)

Российская цифровая культура переживает кризис идентичности, протекающий на фоне раздробленности цифровых социокультурных пространств, антироссийских санкций

и снижения роли российской культуры в мире. Цифровая культура – это своеобразный «культурный дом», в котором утрачен диалог между «соседями».

Для предотвращения регресса цифровой культуры на фоне текущих событий требуется социокультурная мобилизация: поиск ресурсов на возрождение или создание культурных пространств цифровой консолидации. Проявление кризиса цифровизации заключается в стремительно появляющихся барьерах коммуникации в цифровом пространстве для российских пользователей. В научном сообществе давно ведется дискуссия о том, «куда идет российская культура?». Культура в представлении ученых не статичный объект: российская действительность уже не раз встречала культурный регресс [0].

Кризис цифровой культуры – заключается в стремительно растущей изоляции российских пользователей от ранее единых цифровых социокультурных пространств, что может мешать глобальному прогрессу и является деструктивной тенденцией для коммуникации [0]. В период глобальной турбулентности структуры цифровой коммуникации упрощаются, привычные инструменты для взаимодействия становятся недоступными, а социокультурная интеграция упрощается.

Для российской цифровой культуры возможен новый этап развития при условии интеллектуальной мобилизации и создании и развитии цифровых пространств [0]. Трансформация цифрового пространства в условиях турбулентности для цифровой культуры имеет возможные перспективы для развития [0]: развитие собственных социальных сетей и разработкой новых цифровых инструментов [0]. Вопрос о влиянии кризиса цифровой культуры на развитие цифровизации и коммуникации. Как цифровая изоляция отразится на современном обществе?

1. Запесоцкий А.С. Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций. СПб.: СПбГУП, 2019. 608 с.

2. Куда идет российская культура? (материалы "круглого стола") / Г. А. Гаджиев, А. С. Запесоцкий, А. Б. Куделин [и др.] // Вопросы философии. – 2010. – № 9. – С. 3-59. – EDN MULXFD.

3. Трофимова, Г. А. Цифровая трансформация в России в условиях санкций / Г. А. Трофимова // Журнал прикладных исследований. – 2022. – Т. 1. – № 8. – С. 104-107. – DOI 10.47576/2712-7516_2022_8_1_104. – EDN VNBRHY.

4. Эксперт считает, что санкции ускорят процессы цифровой трансформации в России. URL: https://tass.ru/ekonomika/14083299?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 14.09.2022).

5. Эксперт считает, что санкции ускорят процессы цифровой трансформации в России. URL: https://tass.ru/ekonomika/14083299?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 14.09.2022).

ТЕХНОЛОГИЯ NFT: НОВОЕ В ИСКУССТВЕ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА

Хачатурова Марина Олеговна

(Балтийский федеральный университет им. И.Канта)

Есть ли в этом мире что-то столь же вечное, и при том непостоянное как искусство? Каждая последующая эпоха бросает вызов предыдущей. Сейчас мы уже не удивляемся ни «Черному квадрату», ни писсуару посреди комнаты, ни даже сидящей на груди костей Марине Абрамович.

Глобализация и цифровизация окружающего нас мира накладывает отпечаток на всю нашу бытность, в особенности на искусство, поскольку именно оно – чистая форма рефлексии художника об актуальной для него действительности. Возникшая на базе блокчейна и криптовалюты и существующая лишь в виртуальном пространстве концепция

NFT изменила привычное понимание владения объектом искусства, как и его материальную сущность в целом. Что определять как искусство? Кто им обладает, и какими правами наделен обладающий? Эти вечные вопросы обретают новые смыслы прямо сейчас.

NFT (англ. non-fungible token, в переводе с англ. — «невзаимозаменяемый токен») – вид криптографических единиц, каждая из которых уникальна и неповторима. Фактически представляет собой уникальный код, за которым закрепляется цифровая реалия: валютная единица, статичное или анимированное изображение или любой другой контент претендующий на уникальность. Этот токен существует как сертификат цифрового объекта с возможностью его передачи на основе криптовалютных механизмов.

NFT – это, во-первых, способ переноса явлений в цифровой мир, где каждое из этих явлений фиксируется в единственном экземпляре, наделяется неповторимым кодом, в который помещается вся информация об этом токене. Во-вторых, это непосредственно сам объект купли-продажи – реалия, закрепленная за строкой кода, дающая право обладания, пользования и распоряжения.

«Невзаимозаменяемость» токенов говорит о невозможности их обмена на нечто равнозначное, то есть о «неденежности» сути NFT. Это позволяет выводить рынок криптовалют на новый уровень: уникальность блоков кода, в которых отражены все перемещения, информация о владельце, авторе и защищенные ссылки на файлы, решают проблему авторского права в Интернет пространстве.

Токенизация произведений искусства происходит через присвоение какой-либо виртуальной или материальной реалии уникального идентификатора, который используется для подтверждения права собственности на «исходный файл». Далее именно запись в реестре блокчейн будет существовать как конкретный NFT. При каждой транзакции в систему будет вноситься информация о новом владельце.

При создании NFT за обладателем может быть зафиксирован различный объем прав. Токен можно хранить и продавать, но это не означает, что все существующие цифровые варианты принадлежат владельцу NFT. По условиям сделки автор может оставить за собой право создавать и распространять другие копии произведения искусства. Более того сам токен может быть устроен таким образом, что при перепродаже актива определенный процент от суммы будет начислен торговой площадке или творцу.

Технология позволяет создавать токены фактически из любого объекта цифровой среды: картинка, текст, гифка, звуковой файл и даже пост в социальных сетях. Но наибольшим спросом NFT пользуется среди деятелей сферы искусства. Художники и творцы разного уровня признания могут использовать систему для заработка и регулировки авторского права своих работ. Тогда возникает вопрос NFT это новая форма искусства или же новое средство для его воплощения?

Прежде всего, невзаимозаменяемые токены это новая площадка для продажи и выставки искусства. Переводя объекты своего творчества в NFT, художник делает творимое им искусство актуальным для виртуального пространства, тем самым раздваивая реальность. Материальная и цифровая оболочки могут отражать один факт действительности, но работают они в разных сферах, которые между собой не пересекаются, и более того у этих явлений могут быть разные владельцы. Картина или что-то еще может перестать существовать фактически, но токен останется.

По принципу действия платформы для продажи NFT близки к аукционам. Автор регистрирует цифровую реалию и выставляет на продажу. Цена может быть фиксированной или определяться наибольшей ставкой. Сама сделка чаще всего оформляется через все те же криптовалюты, наиболее популярными являются платформы на основе Эфириума (Ethereum).

Проблемным вопросом здесь является материальная значимость объектов NFT. Большая часть токенов – это работы современных художников иллюстрации, диджитал и моушен арта. Часто авторы выставляют на торги коллекции, содержание элементов

которых скрыто и открывается спустя время. Тогда к сделке прибавляется элемент лотереи. Такого рода NFT содержат коллекционную ценность, а покупатель платит за бренд и желание приобщиться к сообществу.

Однако рынок не ограничивается только современным творчеством. Музеи и галереи создают NFT из шедевров мировой культуры. Токинезированные версии картин именитых художников привлекают не меньше внимания, чем оригиналы, уходящие с молотка аукциона.

Формирование спроса и вовлечение всего мира искусства в такого рода цифровизацию, позволяет говорить о существовании NFT как новой площадки для выставки, коллекционирования и продажи.

Цифровизация жизни и, соответственно, разделение ее на реальную и виртуальную отражено и в современных культурных тенденциях. Появление новых способов творчества преобразует известное и привычное понимание в новые формы. Тогда подход к NFT только как к средству купли-продажи не целесообразен.

Создание произведений искусства исключительно на базе блокчейна, а следовательно возникновение новых правил и возможностей в сфере создают новые условия для культуры. Материальное обладание больше не показатель успеха, а изменение инвестиционного фонда культуры говорит о росте значимости этой системы в будущем. NFT позволяет сохранять элитарность искусства, но стирает рамки обладания. Увеличение количества средств созидания формирует потребность в новой форме искусства, которая будет соответствовать растущей потребности. Оказываясь на новой площадке, творцы изобретают новый подход и новые смыслы.

Инвестиционная ценность искусства набирает новые обороты, каждый теперь способен в пару кликов стать владельцем шедевра, уже признанного или еще нет. Материальная сторона привлекает создателей в пространство криптоарта, но каждый отвечает на запрос по своему, формируя, таким образом, новые концепты и значения.

Развитие особой лексики показывает уверенное вхождение NFT в существующую действительность и позволяет предсказывать сохранения актуальности, как минимум, в ближайшем будущем.

ИВЕНТ-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Шелгинская Виктория Алексеевна
(Уральский институт управления - филиал РАНХиГС)

Трансформация культурного пространства в части событийной деятельности обуславливается в том числе заимствованием привлекательных практик из смежных сфер деятельности. Так, первоначально ивент-мероприятия подразумевали исключительно феномен предпринимательской среды, т. к. сам термин берет начало от «специальных мероприятий» по Ф. Котлеру и наиболее широко представлен в деятельности коммерческих структур либо как инструмент коммуникационной политики, либо как непосредственная услуга «индустрии впечатлений»[1]. Однако сейчас ивент-деятельность повышает свою значимость как социокультурного феномена, что связывается с активным влиянием молодежной среды, «поколения Z» [2, 164].

Для оценки трансформации ситуации в сфере событийной коммуникации на современном этапе социально-экономического развития автором был проведен контент-анализ присутствия организаций и учреждений, осуществляющих ивент-деятельность в Свердловской области. Результаты показывают наличие определенного вектора трансформации событийного социокультурного пространства в современной молодежной среде (как среде той социальной группы, которая наиболее восприимчива к событийным коммуникациям и является целевой аудиторией многих ивент-проектов).

Исходные условия были заданы периодом пандемии, когда динамика показателей специализированных ивент-организаций снизилась на 14%, объем рынка сократился на 40%, а среднесписочная численность задействованного персонала – на 10% [3, 23]. В 2022 г., согласно проведенному анализу, их деятельность составила 59% структуры сферы (86 организаций).

Вместе с тем примечательных следующие изменения в структуре сферы. Так, наряду профессиональной событийной деятельностью, укрепляется и развивается событийная инициатива молодежных объединений (студий, клубов и т. д.) – доля таких объединений в событийной структуре области составляет около 23%. В структуре сферы деятельности это соответствует уверенному второму месту, уступая лишь профессиональной ивент деятельности и опережая муниципальную событийную деятельность (которая составляет 16%) и событийный туризм как самостоятельную услугу (3%).

Таким образом, особенностью трансформации социокультурной среды региона на современном этапе можно выделить повышение роли и значимости ивент-деятельности молодежных объединений в общественной событийной среде.

1. Мельникова И. Ю., Волкова К. А. Событийный менеджмент как инструмент PR в деятельности общественно-деловых пространств // *Кант*. 2021. № 4(41). С. 77-81. DOI 10.24923/2222-243X.2021-41.14
2. *Социально-экономическое развитие: новое видение, вызовы, тенденции* : монография / Амельчаков О.И. и др. - Петрозаводск: МЦНП "Новая наука", 2021. - 196 с.: ил. - Коллектив авторов.
3. *Годовой отчет о деятельности национального конгресс-бюро*. Санкт-Петербург: Ассоциация «Национальное конгресс-бюро», 2021. 92 с

ИСКУССТВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Шеремет Александр Николаевич
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Целью нашей работы является уточнение особенностей влияния искусства в целом и социального театра в частности на социальную интеграцию в виде гармонизации и объединения различных социальных групп, ассимиляции различных культурных элементов в единой относительно гомогенной культуре, примирения и совпадения разных моральных норм. Новую актуальность выбранная для исследования тема обретает в связи с известными геополитическими процессами, на фоне как взаимных, так и односторонних «отмен национальных культур». [4]

Социальная интеграция понимается как процесс продвижения ценностей, отношений и институтов, которые позволяют участвовать в социальной, экономической, культурной и политической жизни на основе равенства прав, справедливости и достоинства. Важное место в процессе социальной интеграции отводится искусству.

Оценивая влияние искусства на общество, французский социолог П. Бурдьё исследовал не произведения искусства, а их институциональный контекст, который формирует, легитимирует и поддерживает те или иные ценности и вкусы. П. Бурдьё утверждает, что в мире искусства идет борьба за власть определять ценность и идентификацию искусства через его производство. Все те, кто связан с искусством и те, кто, живя искусством и живя за счет искусства, противостоят друг другу в конкурентной борьбе за определение смысла и ценности произведения искусства. [3]

Современное искусство – это область, порождающая множество интеграционных процессов, среди них интеграция искусства и науки, искусства и технологий и т. д. В то же время обостряются тяжело преодолимые различия в культуре, которые могут быть местными, национальными или региональными. Поскольку художники подходят к

художественному диалогу с совершенно разных точек зрения, с совершенно разным опытом, это вызывает конфликты, общественные противоречия и даже настоящие культурные войны, которые приводят к отступлению в свои собственные культурные границы. [2] Острота этой проблемы лишь усиливается на фоне невиданных ранее и наблюдаемых сегодня геополитических сдвигов, претендующих на описание в концептах деглобализации и реглобализации. [5]

Наши наблюдения за функционированием социального театра в России в последние пять лет свидетельствуют о том, что социально-театральные практики в равной степени способны оказывать как значительное интегрирующее влияние на социум, как объединять людей, так и разъединять и отдалять друг от друга, провоцируя на деструктивные действия. Есть основания полагать, что таким влиянием обладают и другие виды и формы профессионального, любительского и социального искусства.

1. Гюйо, Ж.М. *Искусство с точки зрения социологии*. - 2-е изд. - URSS, 2015. - 392 с.
2. Жидков, В.С., Соколов, К.Б. *Искусство и общество*. СПб.: Алетейя, 2005. - 592 с.
3. Шматко Н. А. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё // Бурдьё, Пьер. *Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко*. - СПб.; М.: Алетейя; Институт экспериментальной социологии, 2007. - ISBN 978-5-903354-03-0.
4. <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html>
5. <https://events.spbu.ru/events/anons/kovalev-2022/program.html>

СЕКЦИЯ 7: ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРОЯВЛЕНИЯ КРИЗИСА КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭТНОФОЛИЗМАХ

Багаева Алиса Валерьевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Этнофолизмы, применяемые к представителям региональных социальных общностей, отличаются от обобщенных топонимических прозвищ тем, что помимо трансляции оппозиции «свой – чужой», выражают негативное отношение к именуемой общности, подчеркивая ее отдаленность от собственной, чуждость ей, а часто еще и презрение [1].

Всплеск появления новых этнофолизмов отражает кризис коммуникативной культуры, проявляющийся в конфликте социальных ценностей представителей разных этнических, культурных и конфессиональных групп и совпадает по времени с подъемом на новый уровень языка вражды, в котором самые разнообразные социально окрашенные прозвища превращаются в мощный инструмент политической стигматизации любых отличных от субъекта данного процесса персон или общностей.

Первой и наиболее явной причиной возникновения этнофолизмов была потребность облегчить процесс межэтнического общения при ограниченном понимании общностями друг друга. Наименования при этом не всегда носили обидный или уничижительный характер. Проявление межэтнической вражды отразилось в прозвищах, подчеркивавших неприятие представителей иной культуры как носителей противоположных ценностей и неприемлемой для субъекта идентификации практики организации жизни, семейных и трудовых отношений, политических ориентиров.

Третья причина связана с национальной кухней, наиболее символично отражающей жизненный уклад народа, его региональную идентичность. Прочное прикрепление конкретных антропонимов к представителям определенных этносов, берущее начало в упрощенном понимании наиболее распространенного для этноса имени, представляет собой еще одну причину социокультурного плана.

Непонимание и неприятие отличий в других проявляется в стремлении к упрощению любого элемента общения с ними, что также привело к появлению имеющих топонимическую базу региональных прозвищ. Еще одной причиной являются геополитические основания, которым обязаны своим появлением такие этнофолизмы, как «зониен», «весси», «осси» и др.

Кризис глобального миропорядка проявляется не только в росте военной напряженности в разных частях планеты. Он обнаруживается в расширении трещины между геополитическими Севером и Югом, между государствами-экспортерами и государствами-импортерами энергетических ресурсов, между социумами с несовпадающими представлениями о правах человека и фундаментальных ценностях [2].

Трещины, обозначающие линии конфликтов, пробежали и по территориям регионов, раздробив их на такие субрегиональные пространства, которые изначально совпадали с местами компактного проживания в них тех этносов, что могут быть отнесены к коренным, историческим. Присвоение их представителям прозвищ, имеющих топонимическую природу или производных от топонимов и родственных им этнонимов, с одной стороны, становится знаком не просто закрепления их отличия от других, но часто

и формой своеобразной стигматизации, основанной на негативном восприятии любой непохожести.

1. Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 200 – 205.

2. Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под редакцией П.А. Цыганкова. М.: Издательство Московского университета, 2012. (Библиотека факультета политологии).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА КАК ИНСТРУМЕНТА УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ СРЕДОЙ СУБЪЕКТОВ ЦФО

Белкина Виктория Александровна
(ФГБОУ ВО "Юго-Западный государственный университет")

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Социально-экологический мониторинг технической среды региона: социокультурный подход» (Грант РФФИ 20-311-90060 Аспиранты)

Современное общество спровоцировало наступление эпохи антропоцена, геологической эпохи, характеризующейся чрезмерными действиями и господством человека над природой. Возникающий при этом серьезный риск - окончательный разрыв связи между человеком и биосферой [1,202]. Большие города и растущие промышленные районы создают высокий риск различных видов загрязнений, которые могут повлиять на качество жизни общества. В настоящее время особую значимость приобретает необходимость срочного изменения сложившейся ситуации, усугубляющейся пренебрежительным отношением людей к природе. Ввиду глобального расширения техносферы и технической среды в целом, человечество уже не осознает пределы своего вмешательства в естественную оболочку Земли.

По нашему мнению, участие общественности в социально-экологическом мониторинге окружающей среды для предупреждения органов власти о возможных экологических проблемах способствует повышению качества окружающей среды и эффективности ее регулирования, ведь качество окружающей среды напрямую влияет на здоровье людей. Однако, известно, что возможности отчетности таких схем мониторинга граждан ограничены из-за технических и организационных недостатков. Поэтому недавний энтузиазм в отношении разнообразных внешних вмешательств, направленных на устранение этих недостатков с целью снижения вреда окружающей среде и повышения общего благосостояния, представляется оправданным.

Выработка теоретических и методологических положений как основы рационального и научно обоснованного проведения социально-экологического мониторинга объектов природы и техносферы посредством изучения общественного мнения населения субъектов ЦФО по вопросам рационального природопользования, ресурсосбережения и сохранения благоприятной экологической ситуации в настоящее время является особо актуальным, а усовершенствование структуры системы социально-экологического мониторинга сможет оказать благоприятное воздействие на качество окружающей среды [2, 190].

Необходимо отметить, что, как термин, мониторинг зачастую используется несколько непоследовательным образом. Некоторые авторы используют его исключительно в контексте описания окружающей среды, в то время как другие оставляют его для использования в связи с необходимостью экологического регулирования.

Управление окружающей средой и природой не может эффективно функционировать без достоверной информации об изменениях в окружающей среде и о причинах этих изменений. Социально-экологический мониторинг, как часть экологического мониторинга может представлять собой важный источник информации. Ключевой проблемой для социально-экологического мониторинга является рассмотрение мониторинга как инструмента для измерения, анализа и интерпретации воздействия изменений окружающей среды на здоровье человека для поддержки более эффективного принятия решений. В идеале, для описания взаимосвязанных проблем окружающей среды и здоровья необходим систематический, повторяющийся процесс, основанный на знании причинно-следственной цепочки. Сложность проблем в области социотехнической среды и взаимодействие множества параметров на каждом уровне организации и масштаба антропосоциотехносферы создают проблемы при разработке программы социально-экологического мониторинга и требуют инновационных способов более эффективного использования существующих данных, включая технологические решения для интеграции данных [3, 241].

В целом, при всестороннем анализе часто бывает трудно включить данные о воздействии на здоровье из-за их разного качества или недостаточной репрезентативности. Междисциплинарная программа социально-экологического мониторинга, основанная на подходе причинно-следственной цепочки к элементам природно-эколого-антропогенной системы, позволила бы провести такой анализ.

На наш взгляд, общественное мнение в какой-либо сфере должно являться предметом пристального внимания органов государственной власти и местного самоуправления при выстраивании государственной политики в этой сфере. Например, при формировании стратегии экологической политики, необходимо учитывать общий уровень внимательности населения к сложившейся экологической ситуации, уровень общественной поддержки и доверия государственным органам власти и другим агентам экологической политики. [4, 184].

Посредством социально-экологического мониторинга представляется возможным привлечение внимания широкого круга общественности к современной экологической ситуации регионов ЦФО. При этом, необходимо решение множества вопросов для обеспечения того, чтобы общественные группы могли как собирать научно обоснованные экологические данные, так и вносить значимый вклад в управление своими местными природными ресурсами.

Программа социально-экологического мониторинга должна основываться на такой структуре, которая позволяла бы осуществлять одновременный мониторинг и интерпретацию. Структура обеспечивает системный подход, который помогает выявлять связи или взаимосвязи между окружающей средой и здоровьем человека для интерпретации сложных вопросов взаимодействия между человеком и природой [5, 42].

Участие граждан в мониторинге окружающей среды не является новой идеей. Однако недавние разработки в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), таких как социальная сеть и миниатюризация датчиков, а также в связи с масштабной Цифровизацией, создали новые возможности для содействия участию граждан в мониторинге окружающей среды [6,33]. Анализ существующих гражданских инициатив, использующих инструменты ИКТ, выявил необходимость в концептуальной основе, определяющей способы увеличения вклада разнообразных данных, предоставляемых добровольцами, в социально-экологический мониторинг.

Перспективность проведения социально-экологического мониторинга технической среды региона мы видим в развитии самой технологии. Технология-это автономная, почти неуправляемая сила, которая коренным образом меняет нашу культуру. Более сбалансированный подход к их рассмотрению развивается в исследованиях перехода к социально-технической устойчивости, где основное внимание смещается на коэволюцию

технологии и общества, а также на сети, беспроводные сети и сложные многоакторные процессы, которые могут способствовать переходу к устойчивому развитию.

На основе полученных результатов в ходе проведения социально-экологического мониторинга в регионах ЦФО нами была разработана теоретическая, концептуально обоснованная модель «Социально-экологический мониторинг управления объектами природы и техносферы», которая расширяет возможности изучения общественного мнения, касаясь современного состояния окружающей природной среды, в частности, в аспекте развития техносферы. На ее основе возможна выработка конкретных рекомендаций по совершенствованию мер, направленных на улучшение состояния окружающей природной среды в регионах ЦФО [7, 226].

Таким образом, перспективы развития системы социально-экологического мониторинга как инструмента управления технической средой субъектов ЦФО мы видим в возможности определения четких границ и возможностей эмпирико-прикладных методов в изучении социокультурных детерминант формирования безопасной экологической обстановки. Предполагается возможным установление условий создания, противоречий и закономерностей формирования рационального управления объектами природы и техносферы, природопользования, ресурсосбережения и сохранения благоприятной экологической ситуации в регионах в условиях трансформаций российского общества [8,130].

Серия социологических опросов различного уровня помогает привлечь внимание широкого круга общественности к современной экологической ситуации в регионах ЦФО. Кроме того, предлагаемая концептуально обоснованная модель «Социально-экологический мониторинг объектов природы и техносферы» и конкретные рекомендации по ее внедрению, могут быть использованы региональными органами законодательной и исполнительной власти для оптимизации политики в сфере экологической безопасности.

1. Шешнев А.С. Что такое «антропоцен»? // Извещения Саратовского университета. Новая серия. Серия науки о Земле. 2017. №17(3). С. 200-206.
2. Преликова Е. А., Зотов В. В., Белкина В. А. Социологический опрос об экологической ситуации в месте проживания как элемент социально-экологического мониторинга // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 1 (30). С. 187–196.
3. Лю, Х. Ю., Бартонова, А., Паскаль, М. и др. Подходы к комплексному мониторингу для оценки воздействия на здоровье окружающей среды // Здоровье окружающей среды. 2012. № 11(88). С. 241-254.
4. Преликова, Е.А. Готовность граждан к социальному участию в решении экологических проблем [Текст] / Е.А. Преликова // Известия Юго-Западного университета. Серия: Экономика, социология, менеджмент. – 2015. – №2(15). С. 182-188.
5. Куриленко В.В., Хайкович И.М. Методологические принципы организации эколого-геологического мониторинга // Эталоны. Стандартные образцы. 2013. №2. С. 41-53.
6. Белкина В.А. Роль цифровых технологий в обеспечении экологической безопасности современных регионов // В сборнике: Возможности и угрозы цифрового общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией А.В. Соколова, А.А. Фролова. Ярославль, 2021. - С.32-37.
7. Белкина В.А. Философская экспертиза экологических и антропологических рисков трансформации социотехнической среды (по материалам экспертных опросов) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 226-238.
8. Белкина В.А. Социально-экологический мониторинг объектов природы и техносферы // В сборнике: Новые контуры социальной реальности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2018. – С. 130-131.

ИМИДЖ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ЕВРОПЕ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ

Ведерникова Мария Игоревна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В работе проанализированы международные условия, влияющие на имидж России, а также раскрыты психологические механизмы восприятия страны в ЕС. Также подробно описаны объективные и субъективные факторы конструктивного и негативного восприятия России и её лидера.

Сложившиеся обстоятельства актуализируют проблемы восстановления имиджа России в ЕС и требуют научного обоснования оптимальных путей их решения. Основной проблемой является выработка методологии и методики формирования имиджа России в европейском сообществе. Россия недостаточно использует те возможности, которые у неё есть применительно к концепту «мягкой силы» [2].

В результате украинских событий имидж России в странах Европы серьезно ухудшился. Однако он не приобрел новых качеств. Произошла лишь актуализация негативных стереотипов и исторических представлений о России.

События на Украине и проведение СВО практически свели на нет все усилия, которые были приложены нашим государством к созданию позитивного имиджа в 2000-е годы.

Ключевым аспектом имиджевой оптимизации может стать продвижение культурно-гуманитарного образа России в европейских странах.

Работу в направлении корректировки существующего имиджа России в Европе необходимо начинать с масштабных исследований, которые должны быть посвящены восприятию имиджа России. Такие исследования должны проводиться регулярно, чтобы:

Выстраивать стратегию продвижения на основе актуальных данных и иметь возможность отслеживать трансформацию имиджа с течением времени.

Понимать, какие методы корректировки имиджа оказываются наиболее эффективными.

Иметь возможность сравнивать результативность различных методов в разных странах (это даст возможность строить гипотезы относительно приоритетных направлений работы в других регионах).

Выявить наиболее лояльные группы целевой аудитории.

Отслеживать значимость различных событий с точки зрения влияния на имидж России в Европе.

В рамках культурного направления можно использовать проведение мегасобытий. На международном уровне активно применяются технологии организации специальных событий, которые направлены на создание долговременного позитивного имиджевого эффекта. Так, например, спортивные мегасобытия представляют собой эффективный инструмент формирования имиджа страны на международной арене [1].

Одним из направлений может быть развитие русскоязычных СМИ в наших диаспорах в Европе. Учитывая огромную роль печати русского зарубежья в общественно-политической и культурной жизни эмигрантов, можно сделать вывод, что развитие печатных и электронных СМИ является важным делом, которое должно находиться под контролем государства.

Другим направлением, не менее перспективным, представляется организация культурных мероприятий силами русской диаспоры: можно проводить различные акции, рассказывающие об истории России и приуроченные к значимым датам и событиям.

2. Громыко Ал. А. *Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки.* М., Ин-т Европы РАН, 2008. С.12.

ИЗМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ: МЕХАНИЗМЫ И ПРАВИЛА.

Гвоздиков Денис Сергеевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Оценка динамики культурного ландшафта в современном мире является сложнейшей задачей социологии и социальной антропологии, выполнение которой непосредственно связано с концептуальным инструментарием вовлеченных исследователей [1]. Несмотря на общий интерес к проблеме и разработанность поля, даваемые характеристики устоявшихся культурных моделей зачастую носят характер общих приближений и не позволяют достичь описательной или прогностической полноты. «Культурная сложность» [2] наблюдаемых социальных конфигураций, на наш взгляд, не может быть охвачена за счет еще большего размытия концептуального аналитического аппарата (плавающих идентичностей, множественности контекстов, «линз» и «оптик» и т.п.). Критерии, предъявляемые к концептуальному аппарату (ясности, простоты, универсальности, экономии средств и др.) позволяют сфокусироваться на разработке общих принципов формирования и динамики культурных моделей. Преодоление «культурной сложности», таким образом, становится возможным через существенное упрощение аналитической сложности, допускающее необходимый, но не избыточный набор принципов для описания состояний.

1. Куропятник М. С. *Антропологическая перспектива изучения современности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2012. №2. С.232-237.*

2. Куропятник М.С. *Суперразнообразие: реконфигурация культурной сложности контекстов современности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. №3. С. 461-470.*

"КИНОАТЛАС СССР": КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОЕКТА

Головнева Елена Валентиновна

*(Санкт-Петербургский государственный университет,
Музей антропологии и этнологии (Кунсткамера) РАН)*

Статья подготовлена в рамках проекта «Киноатлас СССР: опыт позиционирования многонационального государства» при поддержке РНФ (№ 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>)

В докладе рассматриваются культурно-идеологические основания появления проекта «Киноатлас СССР». Этот амбициозный государственный проект предполагал создание 150 – серийного киноальманаха о народностях и регионах страны и был запущен по инициативе ЦИК в 1920-1930-е гг. В качестве культурно-идеологических оснований данного проекта выделяются марксистское учение, идеи киноавангардного искусства, а также интенции в рамках самой этнологии как науки. Утверждается, что разработка проекта «Киноатлас СССР» осуществлялась не только за счет государственного заказа, но и зависела от параллельных процессов в области искусства, науки и политики своего времени. Показано, что разработка проекта «Киноатлас СССР» в 1920-е гг., во-многом, определялась влиянием идей марксизма, идеологами «культурной революции», «строительства коммунизма», «творческой социалистической реконструкции». В идеологическом плане большое воздействие на создание проекта оказали ориентации в сфере искусства (акцент на динамичность и массовость, конструирование

действительности, построение целостности объекта, отказ от хроникальности и трафаретности в изображении, ставка на эксперимент, социалистическая устремленность), а также внутринаучные задачи этнологии – верифицируемость этнографического и географического материала, и необходимость его широкой популяризации в идеологическом ключе средствами кинематографа. Установлено, что в качестве исходного материала для создания серий научно-кинематографического проекта – «Киноатласа СССР» использовалась кинохроника краеведческого и производственного содержания, значение которой было высоко оценено в рамках ленинской национальной политики. Однако уже в 1920-1930-е гг. в целях продвижения советизации республик и отдаленных частей страны на экране кинохроника была трансформирована в полнометражные работы – культурфильмы (киноленты Дзиги Вертова, В.А. Ерофеева, А.А. Литвинова, В.А. Шнейдерова), сочетающие в себе художественную форму с документальным, научным и пропагандистским содержанием. Эти фильмы, помимо прочего, включали в себя специфические методы кино съемки, монтажа и кинопоэтического истолкования действительности.

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ РОССИЙСКОГО РЫНКА L&D В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Данкин Владимир Дмитриевич

(Центр Развития Корпоративной Культуры "Тренинг-Бутик")

Кукушкин Марк Евгеньевич

(Центр Развития Корпоративной Культуры "Тренинг-Бутик")

Предмет рассмотрения: трансформация социокультурных ландшафтов российского рынка L&D (обучения и развития) в постглобальном мире: совокупность практик как обучения силами собственных сотрудников организаций, так и практик провайдеров (организаций, предоставляющих образовательные услуги и решения). Временной горизонт: третьего десятилетия XXI века как время активизации социального кризиса, вышедшего на новый уровень интенсивности в феврале 2022 года, – период нарастающей фрагментации глобального мира. Мы опираемся на ряд семинаров, выступлений и исследований, проведенных нашими коллегами: Академией социальных технологий, Российской ассоциацией фасилитаторов, Школы корпоративной антропологии под брендом «Тренинг-Бутик», командами Сколково и АРБ-ПРО, исследовательских групп Тренинг-Бутика «Глазами рынка» и фестиваля ПиР «Практики развития».

Общемировые тенденции ограничения глобального передвижения сработали на повышение интереса к локальным культурным корням и источникам новаций; в России в прошлом и наступившем десятилетиях перенос фокуса внимания на собственный опыт и возможности усиливался нарастающей санкционной экономической и отчуждающей информационной политикой тех стран и институтов, которые в 90х-00х годах воспринимались как ориентиры для обучения и развития. В 2022 году интенсификация фрагментации и отчуждения проявилась в сокращении присутствия иностранных компаний в России. Западным бизнес-структурам и сообществам не удалось остаться «над схваткой», политика в очередной раз оказалась выше экономики и отношений конкретных людей. Спектр эмоциональных реакций российского бизнес-сообщества: от глубочайшего разочарования («западные компании не смогли соответствовать своим же ценностям») до стоицизма и иронии («ничего другого и не ожидали»).

Особое значение приобретает вектор разворота в российском бизнес-сообществе, который можно назвать «интеллектуальным импортозамещением»: появлением моделей и концепций, апеллирующим к российским социокультурным истокам известных бизнес-концепций, моделей и инструментов (в качестве иллюстрации: команда крупнейшего форума русскоязычных L&D-специалистов фестиваля «ПиР: Практики Развития» решила

в 2023 году сфокусировать участников тематическим названием фестиваля: «Как это будет по-русски?» (© ПиР, Марк Кукушкин).

Способом содержательного анализа такого разворота в аналитических подходах и управленческих практиках является корпоративная (или бизнес-) антропология: новый для российского L&D-рынка подход к анализу и трансформации корпоративной культуры, стилей управления и организации управления изменениями. Корпоративная антропология, в противовес ряду школ и моделей исследования и менеджмента, фокусируется на оригинальных феноменах организации, на уникальных точках силы и барьерах управления жизнестойкостью и развитием. Авторы работают в таком подходе с рядом коллег, среди которых важно особенно отметить А. Аникеева, С. Баронене, Д. Васильеву, Д. Дмитриеву.

К инструментарию корпоративной антропологии можно отнести работу с культурными образцами: как историческими, так и метафорическими. Формирование методик работы с российскими культурными образцами авторы ведут вместе с Р. Боярковым, Л. Гарифуллиной, И. Дурмановой, М. Козловым.

Внимание к российским социально- и культурно-историческим прототипам оказывается плодотворным при обращении к опыту организации и управления такими структурами как ватаги скomoroxов, артели мастеров, вечевые выборы, авангардистские кружки и трудовые коммуны.

Метафорический инструментарий анализа и трансформации управления, обращенный к российским культурным корням, может быть построен на структурах русских сказок, разработанных В.Я. Проппом, а также на концепциях поступка и диалога М.М. Бахтина.

В сегодняшнем мире радикального изменения социального, культурного, бизнес-ландшафта ряд экспериментальных сессий показали успешность указанного инструментария для поиска корпоративной идентичности, системы ценностей, описания «пути клиента» и «пути сотрудника», а также профессионального самоопределения участников L&D-рынка.

1. Jordan, Ann T. *Business Anthropology, 2nd Edition. Prospect Heights, Ill: Waveland Press, 2013.*
2. Moeran B. *Opinions: What business anthropology is, what it might become... and what, perhaps, it should not be. JBA 1 (2) Autumn 2012, 240–297 p.*
3. Бахтин, М. М. *Эстетика словесного творчества, М., Искусство, 1979.*
4. Браун Д., Крамер И. *Как управлять корпоративным племенем. Прикладная антропология для топ-менеджера (предисловие А.А. Аникеев, В.Д. Данкин, М.Е. Кукушкин).* - М., Альпина Паблишер, 2020.
5. Браун Д., Крамер И. *Корпоративное племя. Чему антрополог может научить топ-менеджера (предисловие В.Д. Данкин, М.Е. Кукушкин).* - М., Альпина Паблишер, 2018.
6. Данкин В.Д., Кукушкин М.Е., *Корпоративная антропология как новый поход к работе с корпоративной культурой, Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Современные психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании».* - М., КНОРУС, 2022 (в печати)
7. Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки.* - СПб.: Питер, 2021.

ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: «КРУШЕНИЕ» ИЛИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

*Дмитриева Елена Викторовна
(МГИМО МИД России)*

Вопросы глобального здоровья представляют сложную методологическую и методическую и задачу, детерминированную особенностями исследуемого объекта и

комплексом факторов, воздействующих на него. В силу сложившейся социальной, политической и эпидемиологической ситуации в начале XXI века изучение глобального здоровья приобрело особую актуальность. ВОЗ [7] отметила, что в XXI веке из-за легкости и простоты перемещений индивидов между странами повысилась и озабоченность опасностью возникновения эпидемий и пандемий, а инфекционные заболевания распространяются быстрее, чем когда-либо.

Термин «глобальное здоровье» в течении последних десятилетий активно используется в международных документах, в сфере эпидемиологии, общественного здоровья. Однако является относительно новым понятием для социо-гуманитарного знания не только в отечественной науке, но и западной науке. Изучение глобального здоровья – это область, где исследования носят междисциплинарный характер и проводятся на стыке различных наук. Кроме того, деятельность в данной сфере позволяет улучшать здоровье и обеспечивает равный доступ к здоровью. В фокусе исследований находятся проблемы, которые не привязаны к отдельной стране [2, 12].

Длительное время понимание и развитие глобального здоровья сосредотачивалось в сфере клинических исследований. Однако, по мнению Ф. Кроули, в настоящее время это сотрудничество следует прекратить, так как система здравоохранения и наука могут «находиться под политическим контролем». Соответственно, фармацевтические компании должны поддерживать политические усилия» своих стран и правительств и остановить набор новых пациентов в клинические исследования в условиях проведения боевых действий, а также завершить идущие в настоящий момент клинические исследования [1]. Очевидно, что в этом случае нарушаются права пациентов на получение лечения, одинакового доступа к ресурсам здравоохранения и достижениям науки для улучшения качества жизни индивидов.

Возникавшие на протяжении десятилетий эпидемиологические угрозы ставили перед государствами, системами общественного здравоохранения задачи идентификации нужных специалистов, мобилизации ресурсов и организации скоординированных действий, а перед учеными различных специальностей задачи: от изучения вакцины против вируса до влияния на поведение людей с целью профилактики и предотвращения распространения инфекции и сохранения здоровья. Атипичная пневмония SARS и позже в начале 21 века коронавирус COVID-19 заставили переосмыслить факторы, которые определяют здоровье населения, перенести акцент с сугубо экономических факторов на более широкий спектр причин, определяющих здоровье населения. Распространение этих заболеваний показало, что рост числа инфицированных определяется взаимозависимостью и проникновением обществ – от уровня семьи и индивида до функционирования транспортных и экономических систем, а также появлением нового информационного пространства, в котором информация распространяется вне географических границ.

В последние десятилетия значительную роль в изменении глобального здоровья играет коммуникация в области здоровья, которая позволяет менять поведение индивидов, повышая их информированность, озабоченность факторами окружающей среды, собственным здоровьем и поведением. Коммуникация в сфере глобального здоровья — это обмен информацией по вопросам общественного здоровья с целью помощи населению и минимизации эпидемиологических рисков. Г. Шнайдер, Р. Лапорте уточняют, что коммуникация включает в себя «медиа-планирование, исследования, стратегии, тактики, и оценки для увеличения знаний и мотивации к действиям, которые могут улучшить здоровье» [5, 245]. Эпидемия COVID-19 продемонстрировала значимость коммуникации и ее влияние на поведение индивидов, как в ходе начальной фазы развития, связанной с ограничением передвижения населения, так и последующей коммуникационной кампанией по вакцинации населения. Под «коммуникацией в сфере здоровья» мы понимаем прежде всего как коммуникацию, направленную на изменение поведения, а именно, знаний, установок и навыков. В коммуникационных кампаниях по

вопросам здоровья используются различные каналы коммуникации для повышения информированности населения о заболеваниях, состоянии окружающей среды, питания, безопасности и других вопросов. В соединении с инфраструктурой здравоохранения, соответствующими законодательными инициативами и актами, коммуникация в сфере здоровья может значительно улучшить здоровье как индивида, так и общества в целом и внести вклад в улучшение глобального здоровья. В целом, коммуникационные кампании и различных информационных технологии оказывают существенное воздействие на поведение индивида в отношении здоровья.

Очевидно, что никогда еще в истории различные каналы медиа не были так доступны населению. Практически 2/3 населения всего мира получает информацию через средства мобильной связи и мир сейчас взаимосвязан не только экономически и социально, но и информационно. Высокие показатели использования современных медиа характерны как для индустриально развитых стран таких как страны Европы, США, Китая, России, но и стран Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки. По оценкам ученых охват населения смартфонами в мире в 2020 году составляет около 80 %. Р. Обрегон и С. Вайсборд констатируют новую эру в развитии глобальных коммуникаций в сфере здоровья с появлением мобильных телефонов. Однако даже с появлением новых медиа каналов роль традиционных каналов, таких как телевидение и радио остается очень значимой в распространении информации. Телевидение есть в 98% домохозяйств в индустриально развитых странах и в целом в 80% домохозяйств по всему миру [4].

В условиях различного рода вызовов системам здравоохранения все большую роль должно приобретать взаимодействие как на глобальном уровне, так как взаимодействие между странами на разных уровнях. В случае появления эпидемиологической угрозы должна быть возможность мобилизации специалистов, ресурсов, необходимых для лечения пациентов и координация действий с целью предотвращения распространения болезней. Оценка принятых мер и решений в одном регионе мира, помогает оценить последствия эпидемий для других стран.

Однако, эпидемия COVID продемонстрировала отсутствие координации на международном уровне, конфликт национальных интересов в продвижении вакцин стран-производителей и неэффективность имеющихся механизмов для борьбы с covid-19. С точки зрения коммуникации все страны вырабатывали свои региональные коммуникационные кампании. Еще более сложная ситуация сложилась в отношении вакцинации. Как известно, ВОЗ начала процедуру одобрения вакцины «Спутник V», но она была приостановлена и несмотря на доказанную эффективность не получила нужных международных документов, позволяющих ее использовать. Учитывая глобальный характер эпидемиологических вызовов, ученые должны фокусироваться на проведении глобальных кампаний в области здоровья, где будут согласованы усилия на транснациональном уровне и региональном.

В современном мире в условиях распространения инфекционных болезней для сохранения политической и экономической стабильности, повышается ответственность стран не только за сохранение здоровья и предотвращение заболеваний от инфекций населения одной страны, но и за сохранение населения других стран и глобального здоровья в целом. Эпидемия COVID-19 продемонстрировала, что течение болезни, протоколы лечения и превентивная деятельность носят транснациональный характер и влияют на здоровье индивида и общества не зависимо от страны. Сам термин «глобальное здоровье» используется в международных документах, в сфере эпидемиологии, социальных и политических науках. Однако на практике ни операционализации, ни реализации концепции глобального здоровья не произошло и перед учеными стоит задача использовать потенциал исследований для улучшения качества жизни и здоровья индивидов.

- natural catastrophes. Policy brief paper. Front. Med., 09 August 2022. Sec. Regulatory Science*
<https://doi.org/10.3389/fmed.2022.950409>
2. Holtz C. *Global Health // Global Health Care: Issues and Policies*. Ed. by C. Holtz, Jones and Bartlett Learning, 2017. с.3-26.
3. Jacobsen K. *Introduction to Global Health*, Jones and Bartlett Learning, 2019. 486 с.
4. Poushter, J. (2016). *Smartphone ownership and Internet usage continues to climb in emerging economies: But advanced economies still have higher rates of technology use*. <http://www.pewglobal.org/2016/02/22/smartphone-ownership-and-internet-usage-continues-to-climb-in-emerging-economies/>
5. Schneider A., Haider M. *Introductory Chapter: Global Health Communication - Focused Issues and Challenges//Selected issues in Global Health communication ed. by Muhiuddin Haider DOI: 10.5772/intechopen.72462 ISBN: 978-1-78923-790-0 Print ISBN: 978-1-78923-789-4 eBook (PDF) ISBN: 978-1-83881-686-5 Copyright year: 2018*
6. Snyder G., Linkov F., Laporte R. *Global Health Communications, Social Marketing and Emerging Communication Technologies//Understanding Global Health*. Ed. by W.Markle, M. Fisher, R. Smego, McGraw Hill, 2007. с. 244-268.
7. WHO <https://www.un.org/youthenvoy/2013/09/who-world-health-organisation/>
Understanding Global Health, 2007 p.245

РАЗВИТИЕ ПРАКТИК СОУЧАСТИЯ В МУЗЕЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Завертяева Любовь Михайловна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Трансформация музея в постглобальном мире - обширный процесс, затрагивающий все аспекты деятельности учреждения. Одновременно с социальными функциями музея, традиционно сформированного в качестве институции, ответственной за хранение, выявление, изучение, публикацию и презентацию музейной коллекции, меняются и паттерны практик, реализуемых как посетителями, так и сотрудниками музея.

Структура учреждений культуры неизбежно движется в сторону большей открытости в отношениях с посетителями. Трансформация музея через развитие стратегий соучастия - одна из наиболее актуальных на данный момент тем в изучении музейной деятельности.

Начало научной разработки темы в российском академическом сообществе во многом связано с Manifesta 10 - кочующей европейской биеннале современного искусства, проведенной в Санкт-Петербурге в 2014 году.

С тех пор научная дискуссия по теме не получила достаточного развития. Существенный вклад вносят публикации музейных сотрудников, непосредственно занимающихся кураторской и медиаторской деятельностью. Среди них особенный интерес представляют статьи М.Романовой, А.Булатовой и Н. Журавлевой, комментарии А.Митюшиной и Д.Маликовой. Тема партиципаторного музея и культуры соучастия в целом раскрывается в статьях М.Стародубцевой и М. Чистяковой. Более подробно феномен арт-медиации рассмотрен в работе А.Абрамовой.

В качестве теоретической опоры исследования был использован труд Нины Саймон «Партиципаторный музей».

Малая изученность темы в российской науке и острота вопроса для профессионального сообщества обуславливают актуальность данного исследования.

Значимую область в изучении темы представляет собой самопозиционирование практик. Находящаяся в публичном доступе информация в конечном итоге становится тем, что формирует образ музея и практик в сознании посетителей. Анализ способов репрезентации арт-медиаций на медиа-площадках музеев дает информацию о текущем состоянии партиципаторных проектов в музейной среде, и, тем самым, вносит существенный вклад в развитие научной дискуссии по теме.

Кроме того, собственно декларирование партиципаторных принципов - одно из необходимых условий их существования. Наличие и формат презентации проектов соучастия свидетельствует о степени реализации данных принципов.

Таким образом, репрезентация арт-медиаций на медиа-площадках музеев представляет собой важное поле для анализа, которое создает необходимую теоретическую основу для последующего анализа реальных кейсов медиаций.

В результате анализа имеющейся дискуссии нами были выделены три принципа соучастия, лежащих в основе изучения данной темы: многообразие форм соучастия, польза для всех сторон соучастия и наличие четких рамок проекта.

На основе данных наработок были выделены критерии для анализа медиа-платформ музеев, позволяющие сделать вывод о позиции музеев в отношении арт-медиаций: положение информации в навигации платформы; акценты в формулировке; частота проведения медиаций.

В качестве поля для анализа были использованы официальные сайты Молодежного центра Эрмитажа, Русского музея и Центрального выставочного центра Манеж, а также их группы/публичные страницы в соцсетях, посвященные непосредственно арт-медиациям. Решение в пользу ограничения поля таким образом принималось на основании достоверной информации о наличии так или иначе постоянных практик арт-медиации в указанных музеях. Будучи существенно разными по формату музеями, Эрмитаж, Русский музей и Манеж представляют собой достаточно репрезентативное на данном этапе исследований поле.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам: формат арт-медиаций на данный не является приоритетным для российских музеев. В презентации медиаций слабо отражаются принципы соучастия, наименьшее внимание уделяется принципу пользы партиципаторного формата для самого музея. Арт-медиации позиционируются не как совместный проект, а скорее в качестве развлечения для посетителя.

ПОСТГУМАНИЗМ: БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*Костоломова Марина Викторовна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

Любая социально-философская концепция рождается как отражение динамично развивающихся процессов социальной реальности. Однако нельзя утверждать, что и процессы, протекающие в социальной реальности никак не обуславливают возникновение новых концепций и парадигм. Экспансия уникальных современных технологий в рамках Четвёртой промышленной революции открывает неограниченные возможности для Человека как для биологического вида. Но она также порождает массу вопросов как этического, так и экзистенциального характера, что неизбежно формирует некое поле социетальной «неопределенности». Параллельно встают вопросы об адекватном использовании таких технологий и рисках их «неправильного» применения, а главное - об их реальной необходимости для человечества.

Постгуманизм - мировоззрение, основанное на представлении, что эволюция человека вида *Homo Sapiens* не завершена и может быть продолжена в будущем (включает в себя направления трансгуманизм, аболиционизм, технокоммунизм, постгендеризм, техногайянизм, экстропианство, иммортализм и др.). В качестве основополагающих принципов постгуманистов можно выделить:

1. Противопоставление человека его истинной природе:

1.1. Восприятие Человека как фактора/средства технологического развития: существенным признаком апологетов транс- и постгуманистических течений является

отношение к человеку как к «материалу прогресса». «<...> Трансгуманизм ценит утверждение человеческого потенциала для преодоления социальных препятствий и стремления к справедливости для всех, но не рассматривает человека как заключительную стадию эволюции нашего вида» [1].

1.2. «Обездушевление» человека и его формализация как сугубо физического объекта: «Трансчеловек — это биолого-технологический организм, трансформация человеческого вида, который продолжает развиваться с помощью технологий. Он осознается и реализуется благодаря достижениям в области технологий, которые обеспечивают взаимодействие человека и компьютера, носимые устройства и компьютеризированные коммуникационные инфраструктуры» [1].

1.3. Непрерывная трансформация человека как вида: согласно постгуманистам человек — это не конечный «продукт» эволюции, а «<...> непрерывная человеческая эволюция. Эта эволюция включает в себя слияние органического человека, технологических достижений в области ИИ (искусственный интеллект — прим.авт.), наномедицины и генной терапии, которые смягчают болезни, устройства и протезы и улучшают биологию, которая дополняет биологию, и осознание личной идентичности, как преобразующего, телематического и расширенного агентства, которое расширяется через новые технологические коммуникационные системы» [1].

2. Принцип максимизации или «безграничная экспансия»: «Постоянно преодолевать ограничения на наш прогресс и возможности. Расширяться во Вселенную и продвигаясь без конца» [2]. Идеологи постгуманизма в своих заявлениях, как правило, акцентируют внимание на предельной максимизации запущенных процессов в сфере науки и технологии (где максимизация равно польза).

3. Динамический оптимизм: Вся концепция постгуманистов основана на динамическом позитивном ожидании грядущих перемен в области науки и технологии и, соответственно, эффектов от их применения.

4. Спонтанный порядок: Спонтанным порядком (она же - самоорганизация) постгуманисты считают «поддержку децентрализованных, волонтаристских процессов социальной координации. Поощрение терпимости, разнообразия, дальновидности, личной ответственности и индивидуальной свободы» [2].

Несмотря на декларируемые постгуманистами «плюсы» «неизбежной» человеческой эволюции в то же время происходит отчуждение права выбора будущего. Человек помещается в несвободные рамки «единственного» варианта своего будущего, последствия которого спрогнозировать не представляется возможным. При этом, довлеющая экспансия новых технологий, смыслов, больших рисков и вызовов, отбрасывает, не берёт в расчёт, суть человеческого бытия не только биологически видового, но — духовного. Кроме того, такая экспансия, помноженная на комплекс фоновых социальных, политических, культурных коллизий может впоследствии привести к жёсткой внутривидовой сегрегации, когда достижения не только в области науки и технологии, останутся привилегией определенной группы лиц.

Человек как деятельностный вид, ответственный за конструирование новой социальной реальности, должен иметь право выбора и право оценки происходящих дезориентирующих его процессов. Балансируя на краю «спонтанного порядка» заново обрести цель своего существования.

1. *Humanity+. The Transhumanist Manifesto* [Electronic source] URL: <https://www.humanityplus.org/the-transhumanist-manifesto> (дата обращения: 11.03.2022).

2. *James J. Hughes. Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond To The Redesigned Human Of The Future.* [Electronic source] URL: <http://www.changesurfer.com/Acad/TranshumPolitics.htm> (дата обращения: 11.03.2022).

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В ЭПОХУ ПРИСТАВКИ "ПОСТ-"

Куропятник Марина Степановна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В последнее время в социальных науках ведется поиск новых концептов и подходов, на основании которых социокультурные и политические трансформации ландшафтов современности могут быть описаны, концептуализированы и объяснены. Логика этих изменений осмысливается в рамках таких подходов, как постмультикультурализм, постглобализация, постплюральный и посткультурный подходы, а также на основании концепта постнациональные общества. Создается впечатление, что мы живем в эпоху господства приставки «пост-:»), подразумевающей признание не только изменений, но и культурной преемственности. Так, мультикультурализм и постмультикультурализм не исключают друг друга, напротив, в теоретических рамках постмультикультурализма ведется, в том числе, и поиск обновленных версий мультикультурализма, таких как глобальный мультикультурализм. В рамках этих подходов формируются новые концепты и гипотезы, имеющие отношение к переосмыслению феномена культурного разнообразия в постглобальном мире.

Так, интеркультурализм, представляемый как новая парадигма разнообразия, возникающая в последнем десятилетии, интегрирует ряд фундаментальных достижений социальной антропологии и социологии в исследовании разнообразия. Новое качество разнообразия инкапсулируется в таких категориях, как «диверсификация разнообразия», «суперразнообразие» (С. Вертовек), «разнообразие внутри разнообразия» (О. Флерас). В настоящее время культурный опыт людей формируется, трансформируется и репрезентируется в контексте суперразнообразия – новом абсолютно для всех. Интеркультурализм не только интегрирует такие концепты как суперразнообразие, транснационализм, множественные идентичности, но и определяет эпистемологическую перспективу исследования современности. В этом плане усилия интеркультурализма направлены на преодоление как эссенциалистского взгляда на разнообразие, так и методологического национализма, представляющего национальное государство своеобразным «контейнером» для культуры, политики, экономики и культурно гомогенного большинства. Постольку поскольку многие паттерны организации культурного разнообразия перемещаются в глобальный контекст (диаспоры, социальные медиа, международные бизнес-структуры), его концептуализация в терминах большинства – меньшинства оспаривается в ряде версий интеркультурализма (Т. Кэнтл, Т. Модуд). Смещение на периферию научного дискурса «мультикультурных идолов» (Р. Запата-Барреро), ранее определявших эпистемологические основания понимания разнообразия, а также способы управления им, сопряжено с переходом а) от признания доминирующего статуса национального культурного нарратива к артикуляции значимости локальных репрезентаций и интерпретаций; б) от этноцентристского взгляда на разнообразие и реификации группы к актуализации индивидуальных возможностей и предпочтений, а также множественных траекторий социальной и культурной мобильности. Методологический и политический потенциал интеркультурализма обнаруживается и легитимизируется в процессе его перманентного сопоставления / разграничения с мультикультурализмом, представляемого в социальном дискурсе в терминах «интеркультурного поворота» и разрыва с мультикультурализмом, альтернативных политик или комплементарного развития обоих подходов.

В рамках постплюрального подхода, развитие которого связано с М. Стрэттерн, новое качество разнообразия осмысливается через призму концептов «множественные идентичности» и «частичные отношения». В фокусе внимания при этом оказываются не дискретные культуры, а сложные, многогранные, противоречивые взаимоотношения

различных культурных миров, акторов и онтологий. Субъекты и объекты в современном мире также связаны множественными частичными отношениями.

Однако в условиях наблюдаемых сегодня беспрецедентных усилий по продуцированию разрывов социокультурного пространства и возвращению к прежним моделям дихотомизации, тирании потока дискурса, подразумевающей демонизацию Другого и этнизацию социальных сфер, конфликтов и участников взаимодействия, нелишне напомнить, что исследование – и, добавим, репрезентация – разнообразия, по словам У. Ханнерца, это лучшая прививка от евро-/ этноцентризма.

ГЕНЕЗИС ТЕХНО СФЕРЫ В РОССИИ: ОТ «ПУШКАРСКОГО ПРИКАЗА» ДО «ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ СРЕД»

Лебедева Ольга Николаевна
(ФНИСЦ РАН)

Подлесная Мария Александровна
(ФНИСЦ РАН)

В 2019 году вышла книга «Фантастические миры российского хай-тека», в которой представлены результаты исследования, проведённого по заказу РОСНАНО среди технопредпринимателей. Основной вывод авторов: «в России – много интересных инноваторов, которые делают мало полезных вещей» [5, 43]. Этот вывод они разделяют не только с Гладаревым Б. и Цинман Ж. [2], но и с американским исследователем Л. Грэхэмом, который также изучил достижения российских изобретателей [3]. Но скажем больше, примерно к такому же выводу приходил чуть более века назад А. И. Яцимирский (1903 г.), анализируя итоги Нижегородской выставки 1896 г., говоря об увиденном как о «неудачных изобретениях неудачников-изобретателей» и делая вывод, что «русским изобретателям не хватает предпринимательской жилки, кроме того, образования, потому их творения недоделаны» [1, 73].

На несправедливость такого вывода указывает и Грэхэм, отмечая, что в сложностях продвижения инноваций виноваты не столько авторы изобретений, сколько само общество, не всегда готовое принять изобретения и их создателей, но и что более важно, российские исследователи, подчёркивающие, что причина этого скрывалась (тогда и теперь) в неразвитости рынка, и не имеет отношение ни к русскому характеру, ни к ментальности и т.п. [1, 73]. Мы предполагаем, что это связано помимо прочего с особенностями развития техно сферы и технического образования в России, для чего решили рассмотреть исторический аспект. Кроме того, в настоящее время мы продолжаем проводить сбор глубинных интервью среди экспертов высшего и среднего звена российского IT бизнеса, который был начат в 2020 г. и о котором мы упоминали в тексте доклада, посвящённом определению цифрового бизнеса в России на «Ковалёвских чтениях» в позапрошлом году [4]. Результаты интервью также вошли в данный анализ.

Развитие техно среды и во времена Ивана Грозного (учредившего Пушкарский (пушечный) приказ, с 1577 года по 1585 год), и реформатора Петра I было связано с военной и промышленной инфраструктурами, то есть изначально изобретательство ценилось настолько, насколько оно было применимо в военном деле и добыче, освоении ресурсов. В отличие от развития иных сфер, например, медицины, инженерное дело всегда было престижным (на обучение брали только из знатных семей) и доходным. Ориентировались на зарубежный опыт, приглашая именно иностранцев к развитию отрасли. Это повторится и в 20-е гг. в СССР, когда синонимом инженер станет американец (хотя и не на долго).

Несмотря на то, что интерес к развитию технической сферы был ещё со времён Грозного, формирование российского инженерного образования в России сложилось к

1809 г. и связывается историками с учреждением Института путей сообщения [1, 71]. Его особенностью был принцип целостности (универсальности), что отличало российское инженерное образование и от французского (политехнического, с опорой на идеи Сен-Симона и фундаментальные науки), и от немецкого (сложившегося в университетах только к 1880-м гг. и испытывающего конкуренцию со стороны инженеров-самоучек), и от американского, изначально ориентированного на рынок. В России на технические инновации запрос был не коммерческий, а государственный, и в разные периоды зависел от конкретных модернизационных нужд. В итоге в России сформировалась своя модель деятельности техно сферы, в которой помимо универсальности образования наблюдались: зависимость от личности, традиционные основания деятельности профессионалов, активная гражданская позиция, централизм и автономия в организации [1, 108-109].

Позиции данной модели мы проверили на собранных нами интервью среди разработчиков разного уровня и возраста и заметили следующие изменения:

Наблюдаются поколенческие различия в подходе к техно среде и техно образованию между кадрами среднего и молодого возраста;

Принцип «универсальности» всё чаще отвергается молодыми кадрами. «Молодёжь» за практический опыт, самообразование, дополнительные курсы личностного роста, в том числе soft skills, которые бонусом идут в том же Google и др. крупных компаниях;

Размывается зависимость от личности, сегодня главным становится коллектив, конкретный проект, где уходят от иерархии и стремятся к горизонтальным связям;

С трудом говорят о своём наборе ценностей, в качестве основной выделяют собственную семью и её благополучие, к только профессиональным ценностям не апеллируют. Традиции, в том числе с предыдущими поколениями «технарей», не упоминают;

Готовы к работе за рубежом и на иностранного инвестора, видя развитие техно сферы в расширении границ и контактах со всем миром. Это существенно меняет их активную гражданскую позицию, которая связана не только с Россией;

Важно, что в последние годы на базах российских технических университетов создавались, как мы их обозначали для себя, «параллельные среды» - курсы «последнего поколения» инноваций, спонсируемые иностранными компаниями. «Параллельные среды» оказались не только востребованы, но и привлекательны для всех тех, кто попал на стажировку в компании, организующие эти среды;

Для большинства опрошенных опыт работы в российских государственных организациях и корпорациях представляется мало привлекательным по причине их бюрократизированности, имитации «большой деятельности» перед сдачей заказа, отсутствия планирования и ясного понимания собственных задач, горизонта деятельности;

Легко адаптируются к новым условиям, переезжая за рубеж, отмечая привлекательность опыта работы в иностранных компаниях: более комфортная среда в целом и более лёгкая коммуникация, меньше бюрократии и дисциплинарности (условия и график работы гибче), минимальна дистанция между начальством и подчинёнными, есть понимание возможных перспектив;

Как итог, централизм и автономия, исторически свойственные российской техно среде, не столько отвергаются, сколько игнорируются выбором, особенно молодых кадров, в сторону иностранного работодателя.

Итак, мы смогли зафиксировать серьёзные изменения, не соответствующие исторически сложившимся в российских техно образовании и техно сфере в целом, которые произошли в результате отсутствия государственных запроса и программ, несмотря на PR повестку. Эти изменения связаны с мировоззренческим выбором нового поколения «технарей», которые ориентированы на мировое, а не внутри одной страны развитие технологий.

1. Аксёнова О.В. *Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации: [монография]* / О. В. Аксёнова. – Москва: Институт социологии РАН, 2016. – 304 с.
2. Гладарёв Б., Цинман Ж. *История технических прорывов в Российской империи в XVIII–начале XX вв.: уроки для XXI в.? Доклад ЕУСПб для ГК «Роснано», сентябрь 2010.* Электронный ресурс: https://eusp.org/sites/default/files/archive/projects/istoria_proryrovXVIII-XIX.pdf (Дата обращения: 25.09.2022)
3. Грэхэм Л. *Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России [Текст]* / Лорен Грэхэм ; пер. с англ. Юлии Константиновой. - Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 254 с.
4. Подлесная М.А., Лебедева О.Н. *Цифровой бизнес в условиях российской модернизации / Цифровое общество - новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития. материалы Всероссийской научной конференции. Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. 2020. С. 87-88.*
5. *Фантастические миры российского хай-тека / Ольга Бычкова, Борис Гладарев, Олег Хархордин, Жанна Цинман; [ред. О. Бычкова]. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 416 с.*

ИЗЪЯНЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Немова Ольга Алексеевна
(НГПУ им. К. Минина)

Ретивина Вероника Викторовна
(НГЛУ им. Н.А.Добролюбова)

Постмодернизм как философское течение сформировался в 60-70-х годах XX столетия вследствие глобальных социокультурных трансформаций. Обращение к кантовскому постулату о непознаваемости мира («вещь в себе») окончательно похоронило веру в существование абсолютной истины. По мнению постмодернистов, правда о реальности – это всего лишь словесное описание реальности, которое зависит от исторических, политических и культурных особенностей той или иной эпохи [1].

По сути современная постмодернистская философия это ни что иное как чистая спекуляция на философской почве. Например, как посчитать количество присутствующих в студенческой аудитории? Можно применить суммирование согласно законам чистой математической логики, т.е. благодаря процедуре сложения пересчитать всех присутствующих. Иначе к этой проблеме подойдут постмодернисты. В средневековье, например, женщины не считались полноправными гражданами государства, их интересы перед обществом представляли только лица мужского пола, соответственно, посчитаем только количество присутствующих мужчин. А если в качестве критерия для подсчета взять экономическую самостоятельность человека, то мы учтем только тех, кто способен сам себя полностью обеспечивать. И в первом и во втором случае количество присутствующих в помещении будет различным, и, разумеется, далеким от научной истины классической науки. Таким образом, мы наблюдаем в постмодернистской философии настоящий подлог, где объект познания подменяется средством познания. Соответственно, между правдой и ложью ставится знак равенства. Научное обоснование релятивизма, т.е. относительности истины как одного из ключевых постмодернистских постулатов, научно обосновывается и, более того, – преподносится как модное, трендовое и правильное мышление. Однако для научного познания важно соответствие наших теоретических представлений объектам реальной действительности. Критерии истинности в науке также должны быть незыблемыми, без каких-либо спекуляций и подлогов. От

точности научных выводов и рекомендаций зависит не только настоящее, но и будущее общества, его процветание и благосостояние.

К ярким примерам постмодернистского мышления в социологии можно отнести так называемую гендеристику [2]. Подлог заложен в теоретико-методологических основаниях данного направления, а именно, в уверенности, что социальный пол может быть первичен по отношению к биологическому. На заре зарождения гендеристики ее представители исповедовали идею возможного приобщения человека к культуре поведения противоположного ему пола. Смена половой принадлежности, веками воспринимавшаяся в социокультурном пространстве как аномалия или болезнь, неожиданно для всего мирового сообщества получила научное обоснование как рядового, а порой даже желательного (!) варианта решения психологических проблем. В итоге мы сейчас являемся свидетелями того, как научные идеи, содержащиеся в своей основе методологические ошибки, а часто и откровенные подлоги (исследования Альфреда Кинси), ложатся в основу практической деятельности в политике, образовании, культуре, семейно-брачной сфере и т.д. В погоне за либерализацией прав и возможностей человека мировое сообщество идет к точке невозврата, к той черте, за которой человеческое сообщество неизбежно подстерегает полная деградация и вымирание. Спекуляции с подменой истины, критериев истинности в конечном итоге приводят к торжеству ложных научных идей и социальных идеалов.

1. Замятина О.Н., Кода Е.А., Оганнисян А. А. *Постмодернизм в социологии: проблемы и перспективы // В сборнике: Развитие научного знания в глобализирующемся мире. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Е.П. Ткачевой. 2020. С. 75-78.*

2. Пакина Т.А., Ретивина В.В. *Методология гендерных исследований: история и современность // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 53-10. С. 309-315.*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

*Николаева Марфа Викторовна
(Казанский федеральный университет)*

В условиях мультикультурного общества встает проблема социокультурной идентичности молодежи. Следует отметить, что, живя многонациональной стране, индивид оказывается в контакте с множественными социальными и культурными мирами, линии которых размыты в связи с тесным взаимодействием, коммуникативностью, плюрализацией культурных языков и кодов. Ни одна этническая группа не хочет утратить свою самобытность, неординарность и особенность. А для молодого человека в современных условиях невероятно важна социокультурная идентичность себя с той или иной формой общественного устройства.

В настоящее время социокультурный процесс играет немаловажную роль в формировании идентичности молодежи, так как он включает в себе многообразие неформальных институтов, связанных с ценностями и поведенческими установками, разделяемыми определенным социумом и медленно меняющимися во времени. Но, несмотря на то, что есть много работ по этой направлению, она до сих пор является одной из самых сложных и теоретически неоднозначных. В зависимости от того, в какой сфере будет использован термин «идентичность», он получает свое значение и понимание.

Особую актуальность проблемы социокультурной идентичности приобретает для жителей полиэтничных республик. Мы взяли для исследования Республику Саха (Якутия) и Республику Татарстан. В этих регионах есть особое уникальное пространство – это

диалог культур с коренными и приехавшими туда по разным причинам народами. Социокультурная особенность республик связана с тесным межкультурным контактом, определяющимся тем, что у нас многонациональная страна, в которой общение между этносами стало не только возможным, но и абсолютно неизбежным. В этих условиях особое значение приобретает изучение молодежи в двух полиэтничных республиках и сравнение их характеристик. Узнать, где больше всего молодежи идентифицируют себя с этнической, региональной и общероссийской идентичностями.

При этом важно учитывать и тот факт, в современном информационном обществе, у молодежи расширяются возможности выбора идентификации. Индивиды в процессе формирования своей идентичности могут конструировать и множественную личностную идентичность [1, 278].

В своих работах Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук Институт социологии РАН изучил идентичность молодежи в Республике Саха (Якутия), используя в качестве базы для анализа данные массового опроса в республике Саха (Якутия), проведенного в 2013 г. Авторы выявили, что идентичности 18–25-летних весьма сходны, кроме показателей гражданской идентичности – она у русской молодежи выше (44% русской молодежи в значительной степени ощущают близость с гражданами России, 30% – у молодежи саха). Русская молодежь в этой возрастной группе отлична от остальных русских по нескольким показателям: уровень этнической идентичности у нее не менее высок, чем у молодежи саха (44%, в то время как в среднем по массиву среди русских – 33%) и уровень республиканской идентичности («мы – жители РС(Я)») на сходном с молодежью саха уровне и выше, чем у остальных русских. Так, самая молодая группа в республике более однородна, чем группы более старших возрастов, и в ней меньше выделяются этнические различия с точки зрения идентичности. Молодежь русская и саха-якутская также сходятся в своих установках на межнациональное общение. Эти установки не вполне позитивные, но они есть. У людей старше 25 лет эти установки уже несколько отличаются – у русских они более позитивны, чем в среднем по стране [2, 89].

В своих исследованиях Габдрахманова Г.Ф. изучила идентичность национально-гражданской, региональной и этнической идентичности русской и татарской молодежи Республики Татарстан. В октябре–ноябре 2019 г. автором был проведен опрос молодежи от 14 до 30 лет из числа русских и татар Республики Татарстан (N=1250). Тип выборки – квотная. Она репрезентировала интересующую демографическую группу региона по национальности, месту проживания (город-село) и полу. Согласно полученным результатам, татарстанская молодежь четко ассоциирует себя с социальными общностями. На вопрос о близости между представителями молодого поколения, профессий, занятий и этнических групп почти не было ответов. Большинство респондентов затруднились с ответом на вопрос о близости с людьми среднего возраста или семейными группами из России в Татарстане или городе. Перечисленные объекты идентификации оказались важными для русских и татар. Достаточно слабой выглядит связь с глобальным сообществом и с политическими сообществами. Незначительная идентификация с представителями Европы, Востока и Азии свидетельствует не о незначительной европеизации молодых татарстанцев или отсутствии интереса к ценностям восточной культуры (что, казалось бы, должно быть актуально для татарской молодежи – представителей тюркского мира), а, скорее, о понимании ими самодостаточности России и ее собственного пути развития. Для молодого поколения русских и татар Татарстана характерен одинаковый уровень национально-гражданской идентичности, ее эмоциональных и регулятивных компонентов. У молодежи Республики Татарстан ощущение себя гражданином России в среде молодежи успешно сочетается с региональной и этнической принадлежностью. Молодые русские и татары Татарстана испытывают позитивные чувства к Республике, что является реальной основой для

сохранения благоприятных межнациональных отношений. Субъективная значимость этнической идентичности молодых татар не препятствует их коммуникации с представителями разных национальностей.[3, 289]

Таким образом, изучив исследования, можно сделать вывод, что у молодежи Республики Саха (Якутия) разделяются мнения о самоидентификации. Если большинство русских выбирают, что они граждане России, то саха-якуты предпочтительно выбирают идентичность жители республики, города и села. То есть, саха-якуты чувствуют больше связи со своей этнической принадлежностью, чем с гражданином России. Это, скорее всего, зависит от воспитания и окружающей его среды, так и у русских, которые там проживают, выделяются, такие же черты. А в Республике Татарстан, несколько другой результат, у них характерен одинаковый уровень национально-гражданской идентичности, что позволяет жителям республики сохранять благоприятные отношения друг с другом. Отличительные черты у двух республик связаны с разными культурами, взглядами и территориями, которые играют немаловажную роль в формировании идентичности молодежи. Сходства в том, что у обеих республик молодежь уважает и ценит свою самобытную культуру и обычаи, что позволяет сделать вывод, что культура этих этносов будет продолжаться и сохраняться.

1. Ларионова И.В., Максимова О.А. Формирование идентичности молодого поколения в контексте влияния информационно-сетевых технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 275-278.

2. Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте / [Электронное издание] / [Л. М. Дробижеева и др.]; Отв. ред. Л. М. Дробижеева, С. В. Рыжова. – Электрон. текст. дан. (объем 1,7 Мб). – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 89-99. – 126 с. 1 электрон. опт. диск 12 см (CD-ROM).

3. Габдрахманова Г.Ф. Национально-гражданская, региональная и этническая идентичности русской и татарской молодежи Республики Татарстан. Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан // Вестник Российской нации. 2021. С. 69-76

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И СЕГРЕГАЦИЯ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Соловьёва Марина Александровна
(Волгоградский государственный университет)

Полтавская Мария Борисовна
(Волгоградский государственный университет)

Исследователи отмечают увеличивающиеся потоки семейной и трудовой миграции в России [1], следствием чего является рост количества детей-мигрантов в российских школах. Этот процесс в последние несколько лет только усиливается – в российских школах детей-мигрантов становится все больше, снижается их уровень знания русского языка и культуры, не уменьшаются барьеры, позволяющие адаптироваться в российском социуме.

Стратегии семейных мигрантов долгосрочные, они приезжают надолго или планируют остаться жить в РФ навсегда. Таким образом, проблема носит системный характер и требует решений теоретического и прикладного характера. В проблемном поле социокультурной адаптации детей-мигрантов мы предлагаем выделить следующие направления исследования. Во-первых, проблема языкового барьера и незнания русского языка, затрагивающая процессы социальной, психологической адаптации детей к новой культуре, новым традициям и обычаям, новым ценностным ориентирам. Во-вторых, это отношение к детям мигрантов (проблема ксенофобии) как со стороны детей, так и других акторов - учителей, родителей, соседей. Здесь появляется проблема «чужаков»,

идентичности ребенка-мигранта и др. В-третьих, доступность для детей мигрантов дошкольного и школьного образования. Далеко не все дети мигрантов посещают школу; родители мигранты, желающие отдать ребенка в российскую школу, в силу правовой неграмотности часто получают отказы. Кроме того, некоторые учебные заведения принимают обучающихся на основе вступительных испытаний, дети-мигранты оказываются неконкурентоспособны в такой ситуации. В-четвертых, стали все ярче прорисовываться специфические феномены «мигрантских» школ, так называемых «плохих» школ, где обучается большое количество детей-мигрантов. Это явление становится все более заметным на тех территориях и локальных сообществах, в которых оседают мигранты. В региональной прессе появляются сообщения о создании сегрегированной среды в школах, например, когда учитель становится единственным субъектом, понимающим и говорящим на русском языке [2]. Отсюда вытекает следующая пятая проблема совместного/раздельного обучения детей-мигрантов. И шестая проблема связана с привыканием детей-мигрантов к новому месту жительства, к новым повседневным практикам в инокультурной среде.

1. Чудиновских О.С. Измерение семейной миграции в России: источники данных и проблемы их интерпретации // Вопросы статистики. 2020. №27(4). С.24-52.
2. Волхонский А.В школе Волгограда создали класс, где по-русски говорит только учитель [Электронный ресурс] <https://v1.ru/text/education/2022/09/06/71630213/> (Дата обращения. 01.10.2022)

ЭПОХА КРИЗИСОВ: СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Тимофеева Екатерина Владимировна

(Санкт-Петербургский государственный университет; Католический университет в Париже)

Еще недавно в тренде социальных наук был дискурс мобильности, потоков (глобальных и локальных) и «ускорения» (З. Бауман, Т.Х. Эриксен, М. Оже, А. Аппадурай и др.). Казалось, что в контексте глобализации за миром нам, исследователям, уже почти не угнаться, что вот-вот и уже опоздаем с нашим осмыслением социальной реальности. В корне ситуацию изменила пандемия COVID-19, переключив привычный образ жизни людей в разных странах.

Корректировки, которые внесла пандемия в нашу повседневную реальность, затронули все сферы общественной жизни: экономическую, политическую, социальную, культурную, правовую. В контексте пандемии вопросы здоровья и экологии вышли на первый план в развитых демократических странах, отодвинув проблемы миграции и глобализацию, а также ряд сопряженных с ними тематик на второй план. Ограничение путешествий как физического перемещения через границы регионов и государств позволило временно «заморозить» миграционный кризис в Европе. Частичное снятие этих ограничений обеспечило возвращение старых проблем в обновленной версии, западный мир столкнулся с новым наплывом беженцев. Новый виток неопределенности в нашу жизнь принесла ситуация геополитической турбулентности, сложившаяся в последние семь месяцев.

Глобальный кризис здоровья, реконструкция геополитической системы мира, климатические изменения, рост цен на продовольствие и энергоносители в Европе – это совокупность тех «рисков» (М. Дуглас), которые создают современную неопределенность. Инструментализация этих рисков в медийном пространстве не помогает молодому поколению найти точки опоры для стабильного существования даже в развитых демократических странах. Тревога в сопровождении фрустрации пришли на смену изобилию и уверенности в завтрашнем дне. А что, если «сделать неопределенность союзником, а не противником в борьбе за демократизацию будущего» [1]?

1. Appadurai A. "Getting ahead of the curve on uncertainty". UNESCO Futures of Education Ideas Lab. 1 March 2022, <https://en.unesco.org/futuresofeducation/ideas-lab/appadurai-uncertainty>.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕРСОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Черняева Галина Владимировна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Исследование персонального культурного пространства в современном трансформирующемся обществе необходимо в связи с тем, что в условиях высоко динамичных социально-политических и социокультурных взаимодействий в эпоху «тектонических процессов и глобальной трансформации» актуализируются персональные поиски точек личностной стабильности и направлений культурного роста, происходят перепросмотр и коррекция персональных ценностей, осуществляется выбор, формулирование и позиционирование персональных позиций. Вследствие этого персональное культурное пространство активно перестраивается: появляются новые кумиры; интроецируются новые ценности, идеалы, эталоны; меняются персональные предпочтения; формируются новые установки культурного потребления и творчества.

Для исследования трансформации персонального культурного пространства значительный интерес представляют идеи А.И. Пигалева о пространстве как модели мира, выполняющей координирующую функцию и функцию «смысловой наполненности для человека структурной организации элементов культуры» [2, 58-59] и подход П.А. Балюты к пространству культуры как коммуникативному пространству, объединяющему как физическое, так и символическое, духовное начала [1, 69]. Персональное культурное пространство может быть определено как личная микромодель мира, отражающая протяженность, глубину, структуру, тематику, эмоциональную направленность и окрашенность потребляемого культурного контента, реализуемых человеком в производстве культурных ценностей, норм поведения и общения, продуктах деятельности, духовного, профессионального, художественного творчества.

В постглобальном обществе персональное культурное пространство претерпевает множественные трансформации:

изменяются объем, глубина, направленность, интенсивность индивидуального потребления социокультурного контента;

значительно возрастают яркость эмоциональной окрашенности и полярность эмоциональных восприятий и оценок культурных феноменов и процессов;

заметны тенденции к возрастанию критичности, противоречивости мышления и контрастности оценочных суждений;

зачастую происходит реструктурирование социокультурных взаимодействий; изменяется социокультурная микросреда личности.

Трансформация персонального культурного пространства может приводить к социально значимой социокультурной трансформации личности: к фундаментальному изменению персональных ценностей, социально-политических ориентаций, деятельностных установок.

1. Балюта П. А. Пространство культуры и культурное пространство: определение, специфика и взаимодействие / П. А. Балюта // Омский научный вестник. 2014. № 3 (129). С. 68 – 70. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-kultury-i-kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-i-vzaimodeystvie-1> (дата обращения: 01.09.2022).

2. Пигалев А. И. *Культура как целостность: (Методологические аспекты)* / А. И. Пигалев. – Волгоград : Изд-во Волгоградского ун-та, 2001. – 468 с.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Агузарова Елизавета Игоревна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Конец XX века и начало нового тысячелетия характеризуется стремительным развитием компьютерных технологий. Гендерные лингвистические особенности при компьютерном взаимодействии, аналогичны тем, которые характерны для личного, и включают многословие, напористость, использование ненормативной лексики, вежливость (и грубость), типизированные представления смеха, а также степень интерактивного взаимодействия.

Вежливость — это одно из распространенных средств, с помощью которого гендер передается в сообщениях. Женщины более склонны благодарить, ценить и извиняться. Преимущественно женские группы имеют больше и более строго соблюдаемых правил размещения, направленных на обеспечение поддержания порядка.

Напротив, мужчины, как правило, меньше заботятся о вежливости; они совершают наглые действия, такие как откровенная критика и оскорбления.

Во многих отношениях Интернет воспроизводит более широкий социальный гендерный статус-кво. Контроль над интернет-ресурсами, инфраструктурой и контентом на высшем уровне осуществляется в основном мужчинами. Сексуализация женщин распространяется на якобы нейтральные сферы, такие как развлекательные чаты и личные страницы. В серьезных контекстах, таких как академические дискуссионные группы, женщины участвуют меньше, чем мужчины. Эти факты указывают на сохранение гендерного неравенства в онлайн-контекстах, в соответствии с той же иерархией, которая отдает предпочтение мужчинам перед женщинами в реальном мире[1,25].

Мужчины и женщины, как правило, одинаково участвуют в чатах, как с точки зрения количества сообщений, так и длины сообщения. В

среднем показатели ответов на сообщения мужчин и женщин также примерно равны; во всяком случае, женщины, как правило, получают больше ответов на свои сообщения, чем мужчины.

Кирилина А.В [2, 189]. обнаружила, что женщины в соцсетях в три раза чаще используют смайлики улыбки и смеха, в то время как мужчины также в подавляющем большинстве случаев используют больше ненормативной лексики и сексуальных намеков.

Некоторые данные свидетельствуют о том, что женщины принимают более активное участие в условиях, когда нормы взаимодействия контролируются отдельным лицом, так называемым модератором (модераторами), которым поручено поддерживать порядок в группе. [3, 132].

Таким образом, интернет также транслирует определённые гендерные модели. Социальные сети транслируют определённые послания, отражающие как изменения, происходящие в обществе, так и социальные стереотипы.

1. Кирилина А.В. *Проблемы гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации//Гендер как интрига познания.* - М., 2002.

2. Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. *Психология жителей Интернета.* Изд. 2-е, испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 224 с.

3. *Онищенко А. С. Социальные сети как фактор развития гражданского общества: [монография] / [А. С. Онищенко, В. Н. Горовой, В. И. Попик и др.]; НАН Украины, Нац. б-ка Украины им. В. И. Вернадского. - М., 2013. - 220 с.*

СЕКЦИЯ 8: ГЕНДЕР, ФЕМИНИЗМ, ПОСТФЕМИНИЗМ И АНТИФЕМИНИЗМ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

ТРАДИЦИОННЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ (ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Амосова Анастасия Игоревна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Социологи уделяют достаточное внимание гендерной проблематике, чаще всего изучая гендерные стереотипы о роли женщины в картине мира русского народа, выделяя главный гендерный стереотип о главенстве мужчины, о неполноценности женщины по сравнению с мужчиной («Курица не птица, а баба не человек» [1, 308]). Многие исследования приводят к тому, что в паремии отражается андроцентрический взгляд на роль женщины в обществе и семье [2, 86]: женщина с точки зрения статуса оценивается ниже мужчины; в семейной жизни она полностью зависит от мужа. Но при этом в исследованиях мало затрагиваются вопросы о том, как гендерные стереотипы негативно воздействуют не только на женщин, но и на мужчин, а также как меняется отношение к гендерным установкам у современного общества остаются практически не исследованы.

Процесс многократной передачи информации о феминности и маскулинности от человека к человеку, из поколения в поколение выстраивает наши ожидания в отношении поведения того или иного пола, то есть формирует гендерные стереотипы. Гендерные стереотипы – это сформировавшиеся в культуре обобщенные представления о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины [3].

Томпсон Э. Х. младший и Плек Дж.Х. считают, что структура ролевых норм мужчины строится на следующих факторах: норма статуса, норма твердости, норма антиженственности. Эти нормы прослеживаются в русских пословицах и поговорках. А женщина в пословицах и поговорках выступает главным образом в качестве объекта, неоднократно сравнивается с животными, что в свою очередь, относят ее к природе, а в некоторых паремиях выражается даже неполная принадлежность женщины к категории «человек»: «в семи бабах половина козьей души» [4, 205]. Есть основания сделать вывод о том, что, в основном, в фольклоре женщины характеризуются отрицательно, так как большинство паремий имеют очевидную негативную коннотацию.

Целью исследования выступает изучение отношения к гендерным стереотипам у современной молодежи. Численность респондентов составила: 56 человек. Исследование проводилось в двух городах: Санкт-Петербург (43%) и Оренбург (57%) среди студенческой молодежи в возрасте 18-25 лет. Инструментарий: опросный лист (онлайн-анкета). Также в исследовании сравнивались результаты не только среди молодежи мегаполиса и периферии, но и в соответствии их половой принадлежности: мужской (43%) и женский (57%) пол.

На основе результатов можно сделать вывод, что представление о современной женщине у молодежи мегаполиса и периферии практически одинаковы, также в основном преобладает оценивание по волевым, социальным и интеллектуальным качествам, когда качества внешнего восприятия и эмоциональные уходят на второй план.

Не случайно качество «независимая» занимает лидирующие позиции. Так в анкете поднимался вопрос «от кого зависит материальное положение женщины?». На основе результатов можно сделать вывод, что большая часть молодежи считает, что женщина является независимой от мужа материально и вполне сама готова и может себя обеспечить. А 13% «от мужа», говорит о том, что все-таки у современной молодежи

присутствует установка, что мужчина должен быть «добытчиком в семье» и обеспечивать материально свою супругу.

При описании современного мужчины можно сделать вывод, что результаты молодежи мегаполиса и периферии в некоторых качествах пересекаются, но все же имеют расхождения, так например, у молодежи Оренбурга качества, которые набрали больший процент относятся к положительному описанию современного мужчины, а у молодежи мегаполиса имеются и отрицательные описания с большим процентом.

На основе результатов можно судить, что все-таки у современной молодежи образы современных мужчины и женщины напрямую не связаны с гендерными стереотипами, предложенными в пословицах и поговорках русского народа. В фольклоре чаще говорилось о зависимости женщины от мужа, ее слабость, как в физическом, так и в духовном плане, но результаты показывают совершенно обратную картину в современном мире. Еще одним характерным показателем женщины по гендерным установкам это ее хозяйственность, то есть умение готовить, поддерживать уют в доме и т.д.

В следующем вопросе сравнивались мнения о месте и роли женщины в семье среди молодежи Санкт-Петербурга и Оренбурга. Респондентам необходимо было выбрать какое высказывание наиболее соответствует их точке зрения: «настоящая женщина должна уметь готовить» или «женщина может не уметь готовить». Молодежь мегаполиса за первое высказывание проголосовала 8%, за второе 92%, а молодежь Оренбурга 13% и 87% соответственно. То есть благодаря данному вопросу можно судить, что еще один стереотип о том, что женщина обязана уметь готовить, среди молодежи развевается.

Но также присутствуют в обществе стереотипы и по отношению к мужчинам, так например, существуют различные мнения о проявлении эмоций у мужчин: «настоящий мужчина не плачет» или «мужчина может выражать эмоции с помощью слез». Молодежь мегаполиса за первое высказывание проголосовала 4%, за второе 96%, а молодежь Оренбурга 6% и 94% соответственно. То есть благодаря данному вопросу можно считать, что стереотип «мужчины не плачут» является не актуальным в современном обществе.

Обобщая результаты можно утверждать, что негативные стереотипы в вербальном фольклоре встречаются чаще в отношении женщин, она выступает как слабый пол и объект действия. В отношении мужчин нашли отражения «гегемонные» факторы мужественности: норма статуса, норма твердости и норма антиженственности, которые возлагают на мужчин огромную ответственность и колоссальные ожидания со стороны общества. На основе результатов опроса можно сделать вывод, что у современной молодежи образы современных мужчины и женщины напрямую не связаны с гендерными стереотипами, предложенными в пословицах и поговорках русского народа. Хотя результаты показывают в целом обратную картину в современном мире, но все же присутствует некоторые установки у молодежи, например, что мужчина должен быть «добытчиком в семье» и обеспечивать материально свою супругу.

1. *Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. Пб2 В 2-х т. Т. 1. / Вступ. слово М. Шолохова; Худож. Г. Клодт. — М.: Худож. лит., 1989. 431 с.*

2. *Андроцентризм гендерных стереотипов (на примере паремии) Есенова Т.С., Есенова Г.Б., Горяева В. В., Харчевникова Р. П. / Вестник Калмыцкого университета. — 2017.— №34 (2). — С. 86-90.*

3. *Словарь гендерных терминов/Под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация "Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты". М.: Информация XXI век, 2002. 256 с. URL: <http://www.owl.ru/gender/> (дата обращения 02.10.2022)*

4. *Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. / Послел. В. Аникина; Худож. Г. Клодт. М.: Худож. лит., 1989. 447 с.*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ С СОВРЕМЕННЫМ МИРЕ

Ангел Ольга Юрьевна
(ВГУЮ (РПА Минюста России))

В современном обществе значительно выросла роль женщины в профессиональной деятельности, возрастает число женщин, занимающих руководящие должности. Изменение социальной ситуации в нашей стране диктуют особые требования к уровню профессионализма человека. Одним из важнейших аспектов профессионального развития личности, ее саморазвития является сознательное планирование карьеры.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что в современном мире недостаточно внимания уделяется проблеме развития женской карьеры. Такой подход к психологии карьеры женщин – итог распространенных стереотипов. Одно из них – представление о материнской обязанности, то есть о том, что главная цель в карьере женщины – это ее домашние заботы и воспитание детей.

В отечественной психологии долгое время понятие «карьера» в положительном аспекте практически не применялось. Как правило в основном употреблялись такие термины, как профессиональный жизненный путь, профессиональная деятельность, профессиональное самоопределение. На сегодняшний день позитивный смысл данного термина активно входит в общественное сознание [1; 87].

Термин «карьера» означает успешное продвижение в области общественной, служебной, научной и прочей деятельности, род занятий, профессию [2; 124].

Ученые выделяют две основные группы факторов, определяющих формирование карьеры. Во-первых, факторы, которые непосредственно связаны с человеком (способности и интересы человека, мотивация, особенности специализации и т.д.). Во-вторых, факторы, которые связаны с взаимодействием личности окружающих людей и организации. Это влияние других людей на профессиональную карьеру человека.

В последнее время особый интерес нацелен на гендерные аспекты в построение карьеры. Основные гендерные стереотипы, касающиеся построения карьеры, связаны с поло-ролевой социализацией, социальными стереотипами, устройством социума.

Социально-психологические исследования показали, что женщины не меньше мужчин заинтересованы в продвижении по службе и повышению своего образовательного уровня, ориентированы на престиж, заработную плату [4; 24]. Построить женскую карьеру объективно препятствует биологическая роль женщины, связанная с необходимостью совмещения служебных, супружеских и родительских функций. И те женщины, которые сделали карьеру, как правило, испытывают сильное физическое и эмоциональное напряжение.

Факторы, которые сдерживают карьерный рост женщины, касаются организационного профессионального поведения: дамы более пассивны в планировании карьеры, менее ориентированы на состязание и конкуренцию, что обусловлено характером социализации. Социально-психологические факторы: повышенная эмоциональность, ранимость; боязнь успеха, успешной жизни и неуверенность в себе; гендерное разделение в профессиональной ориентации и сферах карьеры;

Особенность женской карьеры заключается в том, что дамы совмещают карьеру в активном выполнении ролей матери, жены, домохозяйки, что является источником ролевого напряжения, стресса, т.к. профессиональная и семейные роли являются одинаково значимыми [3; 23].

Выстраивание карьеры часто связаны с негативными эмоциональными, переживаниями женщины, которые оправданы с недостаточным ее вниманием к родственникам и к детям.

Ученые, которые занимаются психологией профессиональной деятельности, признают, что нужна специальная теория и исследования, посвященные женской карьере. Такие исследования, в первую очередь, должны уделять большое внимание выбору профессиональной карьеры. Научные работы по этой теме М.Палуди[5] предлагает разделить на исследования социально-психологических факторов и структурных, оказывающих различное влияние на карьеру, которую выбирают женщины. Социально-психологические факторы, которые изучены психологами, - это боязнь успеха и неудачи, мотивация достижения, каузальные атрибуции успеха и неудачи, роль работающих матерей и удовлетворенность самой работой. Структурные факторы- включают оценки успехов женщин, дискриминацию, доступность ролевых людей и наставников.

Исследование М.В.Сафоновой показало, что успешная карьера женщин является практика семейного воспитания родительской семьи. В подавляющем большинстве карьерно-успешные женщины являются старшими детьми в полных одно-двухдетных семьях, где родители имеют высокий образовательный и социо-профессиональный статус. Сформированные в родительской семье высокие жизненные стандарты, стремление к достижению и независимости все это влияет на успешную карьеру. Особо важны «нетрадиционные» установки матери относительно роли женщины в обществе, а также поддерживающее поведение отца.

Существуют различия в личностных особенностях и характере поведения женщин, занятых в традиционно «женских» и традиционно «мужских» сферах, т.е. сфера профессиональной занятости и характер организационной культуры актуализирует определенные личностные черты и особенности поведения женщин, успешных в карьере.

Мы рассмотрели социально-психологическое понятие карьеры, так же мы дали краткий обзор специфики женской карьеры, кратко проанализировали социально-психологические факторы, сдерживающие карьеру [6; 183].

1. Климов Е.А. *Развивающийся человек в мире профессии.* – Екатеринбург: Деловая книга, 1993.
2. *Психология. Словарь.* – М.: Смысл, 1990.
3. Мезенцева Е.Б. *Равенство возможностей в сфере занятости или «защитные меры». Женщины перед лицом выбора.* //Женщины и социальная политика (гендерный аспект) / Под.ред. З.А. Хоткиной. – М., 1992. – с.23 – 46.
4. Алешина Ю.Е., Волович А.С. *Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины.* // *Вопросы психологии.* – 1991. - №4. с.74 – 82.
5. Палуди М. *Секреты женщин в психологии.* – СПб.: Питер, 2003.
6. Самоукина Н.В. *Психология и педагогика профессиональной деятельности.* – М.: Эксмо, 1999.

ТЕЛО: СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ПОСТПАНДЕМИИ

Антонова Наталья Леонидовна
(Уральский федеральный университет)

Полякова Виктория Владимировна
(Уральский федеральный университет)

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20365

Тело человека представляет собой биосоциальный проект, который сегодня пересматривается с учетом текущей повседневности и постпандемийной ситуации. В нашем исследовании, проведенном в июле-сентябре 2022 года, объектом которого стали жители крупных городов Свердловской области в возрасте от 18 до 60 лет (n=1077; мужчины – 30%, женщины – 70%; доли молодежи (18-30) и людей среднего возраста (30-

60 лет) примерно равны), мы попытались определить представления горожан о теле и его функциональном наполнении.

Материалы исследования показали, что каждый третий опрошенный полагает, что пандемия повлияла на отношение к собственному телу. Доля людей старшего среднего возраста (46-60 лет), согласных с данным утверждением, в полтора раза превышает, долю молодежи. Стали больше заботиться о теле и здоровье каждый четвертый опрошенный - представитель молодого поколения, и каждый третий респондент из средней возрастной группы. При этом, среди практик заботы о своем теле после локдауна в молодежной группе лидерство принадлежит личной гигиене (33%) и контролю за состоянием ментального здоровья (28%), а в группе людей среднего возраста – физической активности (35%) и полноценному сну (31%). В целом 3/4 респондентов считают, что заботу о теле проявляют, прежде всего, люди, которые думают о будущем.

В ходе исследования было зафиксировано следующее противоречие. Обращаясь к оценке функциональности тела и его эстетичности, опрошенные считают, что в современном обществе наиболее востребованы мужские тела, выполняющие широкий набор практико-ориентированных функций (73%), а женскому телу традиционно предписывается реализация, прежде всего, эстетической функции (76%). Однако при выборе модели тела для себя доля, отдающих предпочтение функциональности, увеличивается. Так, 79% опрошенных мужчин и 51% опрошенных женщин выразили желание иметь именно модель функционального тела, способного справиться с повышенными нагрузками и «не подводить» носителя в различных ситуациях. Вместе с этим исследование показало, что наблюдаются индивидуалистические ориентации респондентов при оценке мотивации изменений тела. Так, 70% опрошенных считают, что люди меняют свои тела, чтобы нравиться самому себе, быть привлекательным в своих глазах; 68% респондентов в качестве причины перемен называют желание чувствовать комфортно и удобно в своем теле.

Таким образом, в общественном сознании циркулируют традиционные представления о моделях мужских и женских тел, однако пандемическая травма, а также развитие индивидуалистических ориентаций, являются факторами трансформации мужских и женских образов тела.

ПРИМЕНЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНКЛЮЗИВНОСТИ В РЕЧЕВОМ ДИСКУРСЕ ТРАНСГЕНДЕРНЫХ И НЕБИНАРНЫХ ПЕРСОН

Барбашева Ангелина Олеговна

(Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов)

Современные русский и английский языки описывают лишь два гендера, и персоны, чья гендерная идентичность выходит за рамки бинарной системы, остаются без языковой репрезентации. Одна из причин этому – отсутствие систематизированной информации о лингвистическом выражении этих идентичностей. Ученые показывают необходимость «трансформации» языка в сторону гендерной инклюзивности [1, 86], что обуславливает актуальность работы.

Местоимения занимают существенную роль в квир-дискурсе, являясь одним из наиболее очевидных маркеров гендерной презентации человека [2, 38]. Эта репрезентация варьируется: от «стандартных» местоимений он/она до «нейтральных» они и неоместоимений фэй/ze/hir и т.д.

Местоимение they в английском нормализовалось в единственном числе по отношению к людям, чья гендерная идентичность не известна собеседнику. Местоимение они постепенно входит в речевой дискурс русскоязычных небинарных персон, но его употребление в единственном числе не распространено и в обществе воспринимается как девиантное: оно не согласуется с глаголами и прилагательными так, как в английском. В

русском с гендерными местоимениями (она/он) глаголы прошедшего времени единственного числа и прилагательные также образуют формы мужского и женского родов. Следовательно, становится сложнее формулировать предложения, касающиеся одной персоны:

Кай вышли на улицу и прошлись по площадке. Они любит свой район.

Эд очень интересные, с ними приятно разговаривать.

В приведенных примерах можно определить следующие особенности согласования: формы прошедшего времени единственного числа – с именем человека, местоимения они – с формой глагола настоящего времени единственного числа, прилагательные – с именем одного человека.

Исследователь Бэар Бергман, изучающий языковую видимость всех идентичностей, представляет свои местоимения *ze* и *hir*, подчёркивая необходимость их использования при обращении к себе, и выделяет достижения современной лингвистики в сторону гендерной инклюзивности и нейтральности [1, 34].

Подробное исследование функционирования местоимения *они* и нео-местоимений (*фэй/ze/hir*), которые технически не противоречат нормам русского языка и образуются с помощью существующих и устоявшихся словообразовательных методов (т.е. склоняются и спрягаются, соответствуя правилам русского языка), ведёт к росту продуктивности их формы и, таким образом, расширит язык в сторону инклюзивности. Кроме того, данный подход стимулирует появление различных грамматических моделей для адаптации другими языками.

1. *Zimman, L. Transgender language reform: some challenges and strategies for promoting trans-affirming, gender-inclusive language // Journal of Language and Discrimination. 2017. 1. Pp. 84-105.*

2. *Miltersen, H.E. Nounself pronouns: 3rd person personal pronouns as identity expression // Journal of Language Works. 2016. 1. Pp. 37-62.*

3. *Richards, C. et al. Genderqueer and Non-Binary Genders. Palgrave Macmillan, 2017. 306 p.*

ВЛИЯНИЕ ФЕМИНИСТСКИХ ПОДХОДОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ВОСПРИЯТИЯ ГЕНДЕРНО-РОЛЕВОЙ МОДЕЛИ В СЕМЬЕ

*Биккинина Джамиля Дамировна
(МГИМО МИД России)*

В рамках настоящего доклада рассматривается потенциальное социальное влияние феминистских воззрений на трансформацию семейных ценностей – с учётом динамики, характерной для семейной политики и её институтов. Целью данного доклада является анализ влияния феминистских воззрений на трансформацию семейных ценностей.

Представляется, на восприятие семьи непосредственно влияют два фактора: 1) личностное становление индивида (семья, как важный фактор личностного становления индивида [1, 171] – принятие на себя значимой социальной роли, в отношении которой воспитание в семье определяет воспринимаемый образ брака и степень удовлетворённости им [2]); 2) потребность в обеспечении стабильности общества – в частности, в социально-экономическом аспекте, поскольку формирование семьи приводит к оптимизации распределения благ, к расширению материальных возможностей каждого из участников семьи и семьи в целом.

Глобализация и взаимопроникновение культур приводят к изменениям в структуре, модели и функциях семьи. Изменению семейного уклада сопутствует трансформация воспринимаемого образа семьи и, соответственно, отношения к ценности данного института [3] – в частности, к гендерным ожиданиям и ролям.

Одним из источников влияния, определяющего восприятие института семьи и семейных ценностей, становится феминизм как социальное явление, идеи которого связаны с каждым из вышеуказанных факторов – личностным (критерии личной удовлетворённости, восходящие к социальному) и публичным (оценка значимости института семьи по сравнению с другими ценностями – в частности, с личным развитием).

Сторонники и сторонницы идей первой и второй волн феминизма солидарны в том, что понятие гендера является «сконструированным», то есть – обусловленным социальными условиями. Подобное отношение преуменьшает значимость консервативных воззрений и традиций, обосновывающих значимость института семьи. Причиной тому становится изменение отношения к гендерным ролям – представлениям о женственности и мужественности, основания для которых закладываются в семье [9]. Так, исследователи феминизма нацеливают критику на концепцию традиционной нуклеарной семьи, образ которой маркируется негативно – в связи со спецификой воспитания девочек в традиционной семье, где роль мужчины признаётся первичной с последующим принятием женщиной роли «домохозяйки» как единственной возможной роли [4].

В традиции феминистского подхода также проявляется негативное отношение к материнству, которое признаётся основой неравенства женщин и их эксплуатации обществом [5, 165-166]. Так и отечественные исследовательницы материнства противопоставляют идеал самореализации женщины и материнскую функцию – констатируя уже сложившееся положение вещей [6].

В социологических школах, дающих инструменты для оценивания семейной политики, феминизм получает различные интерпретации.

В парадигме эволюционистских концепций феминистские подходы могут быть представлены в положительном свете – как явление обусловившее возможность постсовременной семьи, характеризующейся большей супружеской близостью, меньшей зависимостью от интересов продолжения рода и креационизм [12; 13].

В рамках функционалистского подхода и школы А.И. Антонова исследователи отмечают, что «семья неудовлетворительным образом выполняет свои социальные функции воспроизводства общества и, прежде всего, воспроизводства новых поколений. В данной концепции супружество не отделяется от других отношений в семье, таких как родительство и родство, семья, не основывающаяся на браке, объявляется не семьей, а осколочной семейной группой». При этом «...борьба за гендерное равенство привела к разрушению стабильного брака, семейного образа жизни и к гибели фамилистической цивилизации» [10; 11; 12]. Подобная позиция отмечает негативное влияние феминистских подходов на восприятие материнства и детности.

Представляется, именно соответствующее восприятие материнства неразрывно связано с трансформацией представлений о семейных ценностях. Обратной стороной запроса женщин на самореализацию в феминистском подходе является изменение представлений о женственности – как о качестве, символизирующем априори подчинённую роль в семье и социуме.

При условиях объективной оценки патриархальных устоев можно сделать вывод о том, что самостоятельность женщины как идея, доминирующая в социально-гендерном дискурсе, выгодна для мужчин [5]. Парадоксальным образом на стыке эпох борьба за право на материнство и реализацию женственности становится поистине феминистской задачей, тогда как эмансипация может быть истолкована в качестве дискурсивной ловушки, которую мы наблюдаем по факту.

В интерпретации психологической науки «отношения между полами понимаются в феминизме как одна из форм проявления властных отношений, поскольку под предлогом «объективности» воспроизводится ситуация, когда часть человеческого рода, имеющая свои интересы, одновременно представляет интересы другой его части» [14, 363; 15]. Полагаем, то же самое может происходить и в парадигме феминистских подходов – когда

принятие женщинами традиционно мужской социально-гендерной роли отвечает интересам мужчин.

Так, согласно точке зрения, восходящей к взглядам В.В. Розанова [7], феминизм является следствием приспособления женщин к новым патриархальным потребностям и, по сути, именно феминизм, а не семейные ценности, пребывающие в неявной дискуссии с ним, является следствием доминирующей патриархальности. Данный ракурс на проблему может быть признан неожиданным, однако именно он открывает пространство для возможных социальных решений.

Схожая логика может быть рассмотрена в категории детности. Если ранее деторождение являлось для женщины вертикальным социальным лифтом, определяя семейный статус, сегодня оно приводит к обратным последствиям. Можно представить, как социально-гендерная роль женщины может меняться при рождении детей – что происходит с восприятием женщины членами семьи, коллегами, представителями её социальных страт. Согласно одному из возможных подходов, деторождение представляет собой апогей «репрессивности» [8], поскольку при рождении детей женщина попадает в зависимость как от семьи, так и от других институтов – от системы здравоохранения, государственной поддержки и др.

Полагаем, что на деле нет оснований говорить, что женщина после рождения детей сохраняет ту же степень свободы и независимости, которая была ранее. Тем не менее, оценка «репрессивности» таких обстоятельств субъективна, а потому нуждается в актуализированной оценке. Вопрос в том, чего хочет женщина в семье и социуме – и данный вопрос подлежит как бытовому, так и научному – социологическому – изучению. Возможен сценарий, в рамках которого волна реакции на феминизм приведёт к следующей волне трансформации представлений о семье – и признанию репрессивности самой категории «репрессивности». Тогда материнство и детность могут стать воспринимаемой ценностью в рамках самореализации женщины – дискурс вернётся к своим основаниям [16]. Сам феминизм оказывается в глубоком кризисе.

Каналом трансформации феминистских подходов относительно гендерных ролей может стать социально обоснованное «клеймо», существующее в отношении матерей и женщин, противопоставляющих самореализацию традиционным представлениям о женственности. Например, Н.В. Соколюк отмечает, что «в условиях меняющегося общества гендерные стереотипы в сфере родительства зачастую становятся тормозом при усвоении новых жизненных реалий» – «традиционные представления об отцовской роли» не способствуют, а препятствуют развитию ответственного отцовства [9]. Сходный процесс мы наблюдаем в отношении материнства – когда образ «традиционной» материнской роли противопоставляется как самореализации, так и женственности (образ «женщины-домохозяйки»).

Важным решением в сфере семейной политики может стать информирование молодёжи не только о семейных ценностях, но и о родительских функциях, возможных конфигурациях обязанностей в семье. Этому может способствовать перестройка в соотношении рыночных отношений и социального государства, где материнство и профессиональная деятельность женщины являются частью гендерного проявления «работающая мать» – а между эмансипацией и архаичными представлениями о женской роли находится взвешенная середина. В свою очередь, для мужчин такой «золотой серединой» становится идеал «ответственного отцовства», соответствующей современному восприятию гендерной роли мужчины.

1. Жеурова Н.Н., Звягина Т.В., Горбачева О.И. Семья и семейный образ жизни в системе ценностей молодёжи // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения. Сборник статей 10-й Международной научно-практической конференции. 2020. С. 171.

2. Mallinckrodt B. *Separation-individuation from family of origin and marital adjustment of recently married couples* // *American Journal of Family Therapy*. 1998. Vol. 26. №4. P. 293-306.
3. Биккинина Д.Д. *Образ семьи в общественном сознании: историко-социологический аспект* // *Образование и право*. 2017. №7. С. 155-162.
4. *Feminist Perspectives on the Family* // *ReviseSociology*. URL: <https://revisesociology.com/2014/02/10/feminist-perspectives-family/>
5. Мосиенко Л.И. *Эмансипация женщин и семейные ценности: виноваты ли женщины в депопуляции* // *Омские социально-гуманитарные чтения – 2016*. 2016. С. 165-171.
6. Исупова О.Г. *Социальный смысл материнства в современной России* // *Социс*. 2000. №11. С. 98-108.
7. Розанов В.В. *Женщина перед великою задачей* // *Розанов В.В. Соч. В 2-х т. Т.1: Религия и культура*. М.: Правда, 1990. С. 228-246.
8. Фуко М. *История сексуальности в 3 т. Т. 2: Использование удовольствий*. СПб.: Академический проспект, 2004. 432 с
9. Соколюк Н.В. *Гендерные отношения в сфере родительства* // *Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета*. 2009. №1(49). С. 88-104.
10. Антонов А. И., Медков В. М. *Социология семьи*. М.: изд-во МГУ. Международного университета бизнеса и управления, 1996.
11. Антонов А. И., Сорокин С. А. *Судьба семьи в России XXI века*. М.: Грааль, 2000.
12. Бурханова Ф.Б. *Брак с позиций гендерного теоретико-методологического подхода* // *Вестник Башкирского университета*. 2009. Том 14. №3-1. С. 1222-1230.
13. Голод С. И. *Семья и брак: историко-социологический этюд*. СПб.: Петрополис, 1998.
14. Коваленко С.В., Гильдо А.А. *Теоретический анализ подходов к понятию феминизма в современной психологической литературе* // *Культура, наука, образование: проблемы и перспективы*. 2021. С. 361-366.
15. Воронова А.В. *Гендерный подход в психологии: особенности развития в постмодернистском контексте* // *Проблемы развития личности в условиях глобализации: психолого-педагогические аспекты*. 2019. С. 94-100.
16. Воронина О.А. *Феминизм «третьей волны» или постфеминизм? Гендерные отношения в мире глобализации: вызовы и перспективы*. 2019. С. 6-11.

ГЕНДЕР, ФЕМИНИЗМ, ПОСТФЕМИНИЗМ И АНТИФЕМИНИЗМ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ : ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ В КИТАЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Вэй Ицзюнь

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В феодальном обществе Китая на протяжении более 2000 лет женщины на протяжении всей своей жизни брали на себя роль жен и матерей. Во времена династии Сун, династии Юань и династии Мин господствовало общественное представление о том, что мужчины благородны, а женщины скромны. Феодальная иерархия также выдвигала более строгие требования к женщинам. Например, если женщина моложе 20 лет выходит замуж за мужчину, а ее муж умирает, она не может повторно выйти замуж. Кроме того, женщин учат подчиняться: подчиняться отцу до замужества, подчиняться мужу после замужества и подчиняться сыну после смерти мужа.

В период Китайской Республики Движение четвертого мая критиковало многие ограничительные концепции роли женщин в феодальном обществе. В 1920-х и 1930-х годах в Китае появилось большое количество так называемых городских «новых женщин», и многие литературные произведения изображали великолепные образы женщин. И женщины, которые были освобождены от идей, с тех пор стали важной силой в китайском национальном движении и национальном движении. Во время Войны сопротивления японской агрессии и Освободительной войны также появилось большое количество революционных девушек и женских кадров.

После образования Китайской Народной Республики женщины стали в полной мере участвовать во всех звеньях социалистического строительства, они получили большое развитие в сфере занятости, руководящих должностей и образования. Женщины, кажется, приобрели социальные роли, аналогичные мужчинам. Но это равенство гендерных ролей и есть официальный гендер на службе у политики: игнорирование гендерных различий и гендерных различий между полами основано на абстрактных теориях человеческой природы. Таким образом, «общественное сознание» китайских женщин намного выше, чем «индивидуальное сознание». [1]

В период реформ и открытости, с распространением в Китае западных социальных идей и ценностей, образы иностранок, которые в прошлом игнорировались или отвергались, постепенно стали признаваться китайским народом. Элита западных интеллектуалов (как мужчин, так и женщин) пользуется большим уважением у китайцев в наше время. Однако на большинстве рабочих мест женщины не могут попасть на основной уровень принятия решений, что приводит к маргинализации уровня принятия решений женщинами в социальной сфере. Согласно опросу Всекитайской федерации женщин, более 50% из 317 женщин-мэров страны отвечают за культуру, образование и здравоохранение, и только 15% отвечают за экономику. Женщины также подвергаются явной дискриминации по признаку пола при приеме на работу. Многие работодатели на многих ярмарках вакансий указывали условия найма «только для мужчин» и «предпочтительно для мужчин». [2]

Обеспокоенность и обсуждение образования по гендерным различиям в западных странах в основном развиваются с углублением феминистских исследований. Теоретические и практические исследования гендерного образования в Китае начались относительно поздно. Он разработан на основе определенных достижений в образовательной деятельности Китая и внедрения зарубежных образовательных теорий о гендерных различиях.

В Китае нет недостатка в образовании по гендерным различиям, но традиционное китайское гендерное образование не выражает четко гендерных различий и не формирует систему. В современном Китае это традиционное образование по гендерным различиям обычно считается слишком односторонним и подавляет выживание и развитие Пространство и развитие личности — это загнивающий, феодальный продукт. Но это не значит в Китае нет гендерного образования. Просто традиционное китайское гендерное образование не имеет ярко выраженных гендерных различий и не сформировало систему. Поэтому в современном Китае это традиционное гендерно-дифференцированное образование считается слишком односторонним, подавляющим женское пространство жизни и развития, личностное развитие, является продуктом упадка и феодализма.

A.S.Rossi выдвинула концепцию «андрогинности» в 1964 году. Она указала, что так называемая «андрогинность» относится к тому факту, что человек обладает как традиционными мужскими, так и традиционными женскими характеристиками, которые уважаются традиционными представлениями, и считает, что по сравнению с традиционной однополая модель Другими словами, андрогинность является наиболее социально адаптивной гендерной ролевой моделью [3,486]. Она предложила обществу поощрять развитие андрогинности у людей. Исследование 1974 года, проведенное социологом Бемом, показало, что мужественность и женственность — это два разных параллельных измерения. [4,155] Исследования показали, что в современном Китае счастье связано не только с высоким уровнем мужественности, но и с высоким уровнем женственности. [5]

В современном Китае существуют такие проблемы, как недостаточное обучение гендерным ролям в семье и гендерные стереотипы в учебных ресурсах и общении в социальных сетях. Социальная жизнь детей в конечном итоге приводит к формированию и интернализации их моделей гендерных ролей, а макро- и микросреда, в которой живут дети, содержит ключевые факторы, влияющие на социализацию их гендерных ролей.

Изменение ключевых влияющих факторов имеет решающее значение для развития андрогинных гендерных ролей.

李小江 (Li Xiaojiang) . 中国妇女解放与发展历程回顾. 妇女研究, 2000.

李卫红 (Li Weihong) . 妇女发展中存在的问题与对策. [http:// : www.jswomen.org.cn/main/show.jsp?id=8705](http://www.jswomen.org.cn/main/show.jsp?id=8705).

Ashmore R.D. Sex gender and the individual. Handbook of personality : Theory and research, 1990.

Bem S. L . The measurement of psychological androgyny. Journal of Counseling and Clinical Psychology, 1974.

蔡华俭(Huang Jianhua), 黄玄凤(Huang Xuanfeng), 宋海荣(Song Hairong). 性别角色和主观幸福感的关系模型 : 基于中国大学生的检验. 心理学报, 2008.

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Гайнетдинова Александра Камилловна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Семья – один из самых главных социальных институтов общества, основными функциями которого является воспроизводство населения, а также первичная социализация членов общества. Взаимоотношение семьи и государства, создание благоприятных условий для функционирования семьи как особой социальной системы, грамотный подбор мер поддержки с учетом сложившейся практики и особенностей менталитета народа – эти и другие вопросы находятся в фокусе внимания государства при реализации семейной политики, являющейся частью общей социальной политики.

Понятие государственной семейной политики является относительно новым, впервые оно стало употребляться в советской литературе в 70-80-е гг. прошлого столетия. Несмотря на это оно твердо закрепилось как научное понятие. Так, под государственной семейной политикой понимается самостоятельное направление социальной политики, система комплексной деятельности государства, направленная на социальный институт семьи с целью укрепления и развития, защиты институциональных прав и интересов, активизации субъектной роли, обеспечения суверенитета и благополучия семьи на основе правового регулирования ее отношений с государством [1]. Разработке проблемы семьи и семейной политики посвятили свои труды А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, А.Г. Вишневский, В.В. Елизаров, Л.П. Кукс, М.С. Мацковский, Н.М. Римашевская, А. В. Артюхов, М. В. Рабжаева, А. В. Агеева и др.

Актуальность темы нашего исследования обосновывается возрастающим взаимодействием между Россией и Китаем во многих сферах. Изучение семейной политики другого государства позволит почерпнуть опыт из его практики, и даже перенять некоторые эффективные меры в ее проведении.

Целью исследования является определение специфики роли семьи в российском и китайском обществе, и соответствующая семейная политика двух стран.

Основная гипотеза. Во многих странах, заканчивающих демографический переход, возникло противоречие между потребностью государства в воспроизводстве необходимого количества населения и снижением рождаемости в семьях. Для решения данной проблемы политики зачастую прибегают к дискурсу неофамизма, что также нашло свое отражение в семейной политике России и Китая.

На курс проведения семейной политики большое влияние оказывает демографическая политика, которая в свою очередь зависит от необходимого для государства уровня рождаемости в данный период времени. О том, позволяет ли

рождаемость замещать поколения, говорит такой показатель, как суммарный коэффициент рождаемости (СКР) – условное количество детей на одну женщину в детородном возрасте. При падении СКР ниже 2,1 воспроизводства населения не происходит. В Китае по итогам 2020 г. СКР составляет 1,3 ребенка на одну женщину, в России – 1,5 [2].

Китайская политика планирования семьи и ограничения рождаемости «Одна семья – один ребенок» была официально провозглашена в 1979 г., ее главной целью являлось достижение нулевого прироста населения к 2000 г. [3, 67]. Поздняя отмена данной политики принесла стране, по словам демографов, немало проблем: и социальных, и демографических. Лишь в 2015 г. на 5-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва было принято решение разрешить иметь в семье двух детей без всяких дополнительных условий [4, 115]. Однако по данным СКР на 2020 г. мы видим, что люди детородного возраста не поспешили заводить большее количество детей.

Активная миграция сельского населения в города в поисках заработка привела к формированию такого социального явления, как «оставленные дети», когда один или оба родителя уезжают на заработки в город, а ребенок при этом остается в сельской местности под присмотром родственников. Покидая дом, родитель не забывает про семью, напротив финансово помогает своим родителям и детям. М. Клупт называет это дискурсом «неофамелизма». Он отмечает, что экономическая модернизация «приводит не к ослаблению связей между индивидом и семьей (как на Западе), а к воспроизводству центральной роли семьи в повседневной жизни» [5, 35].

Что касается России, то уже к 1960 г. в СССР было зафиксировано превышение городского населения над сельским. Ускоренная экономическая модернизация привела к переходу от расширенной патриархальной семьи к детоцентристской, а затем к супружеской. Высокая нагрузка на женщину, возросшая к 1990-ым гг., значительно повлияла на рождаемость. Данная ситуация вынудила страну начать проводить патерналистскую политику, которая сохраняется и на нынешний момент.

Семейная политика РФ, главным образом, развивается в двух направлениях: экономическое (меры материальной помощи, включая социальные выплаты, материальный капитал) и идеологическое (пропаганда семейных ценностей). При этом акцент делается на первом. Одним из главных недостатков такой политики, как отмечают многие ученые, является ее мало эффективность. У большинства населения формируется подданническая политическая культура и патерналистская психология, которая проявляется в нежелании самостоятельно решать проблемы и постоянном ожидании помощи государства. Семья является лишь объектом семейной политики, тогда как могла бы выступать и ее субъектом, как это сделано в Китае. Сложностью развития идеологического аспекта ценности семьи является отсутствие в России единой философской концепции (конфуцианство в Китае).

В обеих странах наблюдается тенденция нуклеаризации и индивидуализации жизненных стратегий семьи. В частности, в Китае последние несколько лет популярно понятие 丁克家庭 (dingke jiating) –DINK (Double income, No kids) – сознательная бездетность; семья типа «АА», «главная особенность которой заключается в несении обоими супругами расходов в равной мере и невмешательстве в финансовые дела друг друга» [6, 18]. В России также растет число «гостевых» и региональных браков, незарегистрированных браков [7, 186] и т.д.

Таким образом, мы видим, что несмотря на схожесть тенденций модернизации семьи, роль семьи в двух обществах несколько отличается. В Китае семья является способом смягчения жестокости реалий рыночного общества, тогда как в России делается акцент на социально-психологическом аспекте семьи. Этот фактор непременно должен учитываться при разработке семейной политики РФ, родительство не должно быть обязанностью перед обществом, а напротив должно стать важной жизненной ценностью.

1. Гусев А.В. Лекция «Общественно-государственная семейная политика в современной России» // Электронный доступ: <http://teacher.msu.ru/sites/default/files/resursy/Gusev%20A.V.%20Общественно-государственная%20семейная%20политика%20в%20современной%20России.pdf>
2. Рождаемость в Китае упала до самого низкого уровня в истории // Электронный доступ: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/12/02/898749-rozhdaemost-kitae>
3. Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая / Под ред. И.И. Елисеевой. СПб: «Реноме», 2018. 208 с.
4. Симонова А.И. Китайский опыт в политике планирования рождаемости: результаты и последствия // В сборнике: Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии доклады, представленные на IV международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Совет молодых ученых ИДВ РАН. 2017. С. 114–122.
5. Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая / Под ред. И.И. Елисеевой. СПб: «Реноме», 2018. 208 с.
6. Григорьева К.В., Котельникова Т.В. Трансформация семейных ценностей среди молодого поколения в Китае // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2015. № 16-2. С. 12–20.
7. Кучмаева, О. В. Тенденции брачности и вероятность вступления в брак в России / О. В. Кучмаева // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе : сборник статей X Уральского демографического форума. В 2-х томах, Екатеринбург, 10–11 июня 2019 года / Институт экономики Уральского отделения Российской Академии Наук; ответственный редактор О. А. Козлова. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2019. – С. 185-193. – EDN RYKOJA.

ВЛИЯНИЕ МЕР ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19) НА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС ЖЕНЩИН В РОССИИ И КИТАЕ

Ганеева Ильнара Маратовна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19), начавшейся с конца 2019 и продолжающейся по сей день, безусловно, затронуло все основные сферы общественной жизни населения: демографические аспекты, общее физическое и психическое состояние, замедление процессов деятельности. Положительное влияние выразилось в активной компьютеризации различных сфер жизни и повышении уровня компьютерной грамотности населения.

Безусловно, процесс распространения, позже и предотвращения экспансии нового коронавируса оказал воздействие на женскую часть популяции. Среди российских ученых гендерной спецификой проблемы занимались Ирсетская Е.А.[1], Семеко Г.В.[2], Суханова А.А.[3]. Особое внимание данному вопросу также уделили в докладах таких международных организаций как ООН[4], в особенности подразделение ООН-Женщины[5], Всемирная организация здравоохранения[6] и другие.

В нашем исследовании был проведен сравнительный анализ влияния предпринятых мер по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на социально-экономическое положение женщин в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Соответственно, в фокусе исследования – женское население России и Китая как социодемографическая общность, а предметом выступает их социально-экономический статус (СЭС). Основной целью исследования выделяется: определение и дальнейший сравнительный анализ воздействия предпринятых противоковидных мер на СЭС женской доли населения РФ и КНР. С опорой на определенную выше цель, были поставлены основные исследовательские задачи:

определение теоретических и методологических аспектов, исторический экскурс, затрагивающий как ближайший период до начала распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), так и года пандемии; сбор и анализ статистических данных и проведение эмпирического исследования для выявления влияния противоковидных мер на социально-экономическое положение женщин в России и Китае.

Количественным методом эмпирического исследования выступило анкетирование. В ходе анкетного опроса, проведенного в период с 6 по 30 сентября 2022 года, были выявлены основные данные общественного мнения. Среди опрошенных – представительницы цисгендерной женской доли населения Российской Федерации и Китайской Народной Республики, неограниченные возрастными, социально-положенческими и другими факторами. Опрос проводился анонимно посредством бланка онлайн-анкетирования, размещенным в различные российские (ВКонтакте, Одноклассники) и китайские (WeChat(微信), Weibo(新浪微博)) социальные сети. В пунктах опроса выделялись аспекты подчеркнутого мнения опрошенных женщин о влиянии и настоящем положении женщин в период пандемии.

Отметим, сходство во мнении как россиянок, так и китайнок об ухудшении своего социально-экономического положения (84,3% в России и 80,8% в Китае) по сравнению с годами до пандемии. Респондентки также выделили основные сферы, в которых проявилась данная тенденция: китайские опрошенные отметили низкую рабочую организацию (62,9%), чрезмерное психологическое давление (33,2%); также большая часть (88,7%) оценила влияние суровой политики «нулевого ковида» и масштабных карантинных мер в отрицательном ключе. В частности, многие китайские женщины заявили о появившейся активной позиции чайлдфри (59,1%). Россиянки, в свою очередь, в большинстве (85,5%) отметили семейную составляющую: домашнее (70,3%) и репродуктивное насилие (25,2%), ухудшение физического (13,7%) и психологического состояния (10,9%). Также были выделены рабочие аспекты (58,6%), однако здесь российские респондентки подчеркнули возможность удаленной работы как некое положительное влияние пандемии (42,4%), в отличие от женской доли населения Китая (28,6%).

Затрагивая качественный метод, отметим обращение к экспертному опросу. Респондентами выступили ученые, фокусирующиеся на гендерных и социально-экономических исследованиях Санкт-Петербургского государственного, Казанского Федерального и Башкирского государственного университетов, а также Пекинского, Шанхайского и Нанкинского университетов. Опираясь на итоги онлайн-анкетирования, были выделены основные гипотезы, обсуждение которых стало главной задачей. Например, эксперты-ученые отметили, что вопрос о рождаемости в Китае становится все более проблематичным, учитывая последние тенденции, происходящие в демографической ситуации данной страны. Однако популизирование и повышение статуса семьи в обществе не может быть осуществлено без стабилизации положений составляющих ее членов, в том числе женщин. Затрагивая результаты вопроса в России, в большинстве респонденты отметили необходимость криминализации домашнего насилия и уделение большего внимания женской повестки властями.

В ходе исследования были выявлены актуальные данные об отрицательном влиянии предпринятых мер по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19): гендерном дисбалансе на рабочих местах, доли уволенных женщин, как в России, так и в Китае; ухудшении физического и психического состояния организма представительниц женского населения, увеличении случаев домашнего насилия, а также репродуктивного насилия со стороны членов семьи. Стоит отметить, что сам по себе аспект социально-экономического статуса женщин отличается неустойчивостью, предпринятые противоковидные меры оказали регрессивное воздействие на многие составляющие СЭС. Между тем, при должной гендерной политике государств, направленной на стабилизацию и поддержку на высоком уровне социально-

экономического положения женщин в России и Китае, возможны улучшения и предотвратительная прогностика СЭС женщин в российском и китайском обществах.

1. Ирсетская Е.А. Особенности организации трудовой деятельности женщин в России в период пандемии коронавируса//Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». №1-2, 2022. С. 215-226.
2. Семко Г.В. Влияние кризиса COVID-19 на гендерное неравенство//Экономические и социальные проблемы России. №2, 2021. С. 85-102.
3. Суханова А.А. Влияние пандемии на положение женщин и деятельность феминистских организаций//Форум молодых ученых. №6(58), 2021. С. 707-711.
4. Аналитическая записка: воздействие COVID-19 на женщин, 2020. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020/10/russian_brief_on_covid_and_women_rev.pdf
5. Аналитическая записка №18 COVID-19 и лидерство женщин: от действенных мер экстренного реагирования к эффективному восстановлению, 2020. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2020/Policy-brief-COVID-19-and-womens-leadership-ru.pdf>
6. Гендерные вопросы и COVID-19. Информационно-разъяснительная записка от 14 мая 2020 г. Всемирная организация здравоохранения, 2020. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/332080/WHO-2019-nCoV-Advocacy_brief-Gender-2020.1-rus.pdf

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Гарманова Арина Андреевна

(Воронежский государственный университет)

Характер женской политической социализации с детства формирует установку на низкий ранг политической деятельности в шкале традиционных ценностей. Успех приходит к тому, кто обладает инициативой, конкурентоспособностью, т.е. чертами, которые присваиваются мужчинам. Следственно, чтобы пробиться на политический олимп, женщинам необходимо имитировать мужское ролевое поведение. Потому власть и влияние скорее имеют негативный оттенок, так как противоречат главной ценности – семье. Констатируя низкое политическое представительство женщин на федеральном и региональном уровнях власти, российские ученые выделяют общепризнанный мировой барьер – гендерные различия в политической социализации [1, 62-80].

Ключевым фактором, влияющим на представление россиян о гендерном неравенстве во власти, являются гендерные стереотипы, которые формируют негативное мнение о женщинах у власти.

В отечественных исследованиях существует видение женского стиля лидерства, который квалифицируется в качестве гибкого [2, 100-108]. Женщина-политик склонна к компромиссу, демократична в принятии решений. У мужчин стиль лидерства отличается высокой централизацией и иерархичностью. Выявлены и различия взглядов по отношению к властвующим позициям: для женщины власть – процесс, когда один человек может приумножить способности другого; для мужчин – право одних распоряжаться другими, подчиняя их. Так, М.В. Суслина проводила анализ восприятия власти в современной России, в ходе которого выяснилось, что мужчины и женщины при рассмотрении политического лидера часто выделяют следующие параметры: первые считают ключевым аспектом профессиональные качества, эффективность деятельности лидера, строгий характер (сдержанность, сильная воля, рассудительность) [3, 117]. Конкретно с точки зрения мужчин «феминные» (мягкость, нерешительность и медлительность) черты не являются показателем волевого человека. Женщины в своих взглядах менее радикальны, поскольку более важным они находят порядочность, спокойствие и рациональность.

В России законодательно закреплено равенство женщин и мужчин, но в реальности можно наблюдать негласную дискриминацию, препятствующую проникновению женщин в политику. Для существенных изменений необходимо проводить работы по вселению уверенности женщин в том, что они вправе конкурировать с мужчинами на равных условиях.

Диспропорция, представленная на отечественной политической арене, отдаляет страну от достижения равенства. На данный момент участие женщин в управлении и принятии решений остается не равносильным их вкладу в политическую деятельность. Для того чтобы дать реальную оценку участия женщин в управлении, необходима гендерная статистика на федеральном уровне государственного управления и на уровне муниципального управления в регионах.

1. Поленина С. В. Правовая политика Российской Федерации в сфере тендерных отношений // Труды Института государства и права Российской академии наук. - 2016. - № 1 (53). - с. 62-80.

2. Бушуева Н. В. Женское политическое лидерство: гендерные исследования в России // Социология власти. 2010. №4. – с.100-108

3. Суслина М.В. Гендерные аспекты восприятия России // Тезисы международной научной конференции «Актуальные проблемы политического восприятия России». Москва, 17-19 ноября 2009. – М. – с. 117.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

Демидов Аркадий Владимирович

(Российский Государственный Социальный Университет)

Гендерное неравенство современного российского общества проявляется в целом ряде аспектов, которые мешают построить справедливую систему социальной стратификации. Данное утверждение применимо и к рынку труда РФ.

В целом, российский рынок труда, несмотря на значительные реновации и трансформацию на законодательном уровне, до сих пор характеризуется конформностью в гендерном аспекте. Гендерные предубеждения со времен советской власти до сих пор имеют слишком большое влияние на экономику России. В социологическом поле также принято считать, что гендерные идентичности советского времени продолжают оказывать существенное влияние на поведение людей в сфере занятости [1, с. 64-65].

Неготовность общества отойти от традиционных консервативных взглядов, согласно которым мужчина представляется как добытчик семьи, а главной обязанностью женщины является поддержка домашнего уюта, напрямую воздействует на существующий уклад рынка труда РФ. Структурирование российского рынка в сфере занятости населения имеет четкое распределение. Существование «мужских» и «женских» представлений образа профессиональной деятельности, в первую очередь, основываются на характере выполняемой работы. И они действительно имеют рациональную почву для существования. К примеру, обществу трудно представить женщину в кабине пилота, выполняющей виражи на огромной скорости, или мужчину, занимающегося воспитанием ясельной группы в детском саду.

Помимо этих двух представлений, существует также «гендерно-нейтральный» образ профессиональной деятельности. Он характеризуется упором на уровень профессиональной составляющей работника, менее подвержен влиянию гендерных стереотипов, и, чаще всего, такие вакансии имеют более высокий уровень заработной платы.

Гендерное неравенство российского рынка занятости выражается и в оплате труда. Согласно одному из исследований 2021 года, средний уровень заработной платы за один

месяц у женщин составил почти 43 тысячи рублей, в то время как мужчины за свою работу получали в полтора раза больше – более 62 тысяч рублей [2].

В результате, гендерные стереотипы на российском рынке труда формируют общественные представления о виде выполняемой работы. Мужские стратегии «доходной» работы обусловлены представлением о работе как единственном поле для самореализации мужчин. Женские стратегии «удобной» работы - представлением о работе как о дополнительном поле самореализации женщины [3, с. 132].

1. Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. №11. С. 63-72.

2. Статья ежедневной общественно-политической газеты «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5458639>.

3. Козина И. М. Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда. Социологический журнал. 2002. № 3. С. 126-136.

К ВОПРОСУ О ТРУДОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ ПО ГЕНДЕРНОМУ ПРИЗНАКУ И МЕРЫ ЕЁ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Евсеева Светлана Дмитриевна

(Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена)

В настоящее время вопросы гендерной идентичности играют значительную роль в развитии современного общества. Существует множество исследований, опросов, проектов, посвященных данной теме, но до сих пор не удалось обозначить единое мнение относительно данной проблематики. На данный момент в Российской Федерации насчитывается почти 78 млн. представительниц женского пола [9], они являются наибольшей частью населения страны. По результатам исследования Росстата в январе 2021г. исчисляется 49,9% безработных женщин [7]. При этом в обществе довольно часто поднимается вопрос о дискриминации и гендерном неравенстве в сфере труда. Данная проблема касается не только трудоустройства, но и разницы в заработной плате, карьерного роста, стереотипного мышления в целом.

Изучая официальную статистику, мы составили таблицу, в которой отображена взаимозависимость квалификации и статуса [8].

Табл. 1. – Взаимосвязь квалификации и статуса у женщин и мужчин в России

	Мужчины (в процентах)	Женщины (в процентах)
Руководящая должность	55%	45%
Высший уровень квалификации	37%	63%
Средний уровень квалификации	41%	59%
Неквалифицированные	53%	47%

Несмотря на то, что профессиональные умения у мужского пола оказались ниже в процентном соотношении чем у женского, мужчины руководители встречаются на 10% чаще. Именно здесь мы можем выявить первоочередные проблемы:

«Липкий пол» – шаблонное мышление, заключающееся в том, что женщина, в первую очередь, должна быть хозяйкой, ухаживать за домом и воспитывать детей [6, 3]. Она не может заниматься какой-либо сложной и ответственной работой, так как руководить и зарабатывать обязан мужчина.

«Стеклянный потолок» – невидимые запреты, не позволяющие добиться высоких карьерных результатов [6, 6].

Также анализируя данные сборника Росстата, хотелось бы отметить то, что в обществе наблюдается заметная разница между заработной платой двух гендеров [8, 32-33]. У мужской части населения вознаграждение за идентичный труд намного больше, в некоторых случаях разница достигает 20 000 рублей. Кроме того, существует ряд профессий, на которые девушкам в принципе невозможно попасть из-за строгих запретов и ограничений [4]. В целом положение женщин на трудовом рынке достаточно нестабильно, что вызывает у множества людей когнитивный диссонанс.

В целях поддержки и оказания содействия в России существует особая стратегия в интересах женщин, главная задача которой заключается в обеспечении равных условий в различных областях деятельности (социальной, экономической, политической и др.) [3]. Исходя из представленных материалов, можно выявить основные мероприятия, направленные на урегулирование трудового вопроса:

- предоставление возможности получения дополнительного образования, формирования новых компетенций, переквалификации;
- создания равенства оплаты труда, вне зависимости от гендера;
- содействие женщинам в области предпринимательства;
- актуализация женского пола на рынке труда;
- контроль за предоставлением полагающихся социальных гарантий.

Изучая предложенные мероприятия, можно говорить о том, что процесс реализации поддержки женщин в области осуществления трудовой деятельности является одним из приоритетных направлений развития государства, так как именно они представляют наибольшую часть населения страны, находящихся в статусе «безработных» [7]. Содействие в развитии и становлении их трудовых компетенций является очень важной и необходимой задачей.

Рассматривая государственные меры, хочется также предложить внедрение таких инструментов, которые будут способствовать:

- мотивации женщин к получению новых знаний, раскрытию скрытых талантов и навыков;
- созданию специализированных центров по психологической поддержке, урегулированию проблем в сфере занятости;
- организации процедур, способных выявлять способности и возможности каждой девушки, семинаров, лекций, круглых столов, которые бы учили бороться с несправедливостью при построении карьеры. Использование цифровых технологий и искусственного интеллекта, в целях реализации веб-ресурса или особой программы, которая помогала бы в поиске профессии, отвечающей умениям, опыту, характеру и мировоззрению индивида.

Выше изученная стратегия [3], должна предоставить свои окончательные результаты уже в 2022 году. Изучив официальные данные, мы смогли ознакомиться с итогами на момент 2021г., которые представлены в таблице ниже [1]:

Табл. 2. – Итоги реализации стратегии «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017-2022 годы» на период 2021 г.

Критерий	2017 г.	2021г.
Число женщин, обратившихся в службу занятости населения	1882 (тыс.)	2609,9 (тыс.)
Получают проф. образование	93 (тыс.)	105,5 (тыс.)
Сняты с учета, по причине трудоустройства	1243,1 (тыс.)	1394,6 (тыс.)

Таким образом, изучив табличные данные, мы можем заметить положительную динамику развития, которая стала возможна при помощи продуктивной работы службы

занятости населения, предоставления образовательных программ, а также осуществления иного вида содействия. Именно благодаря этому многие женщины уже смогли найти для себя возможность трудоустройства, с удовлетворяющими их требованиями, а также добиться снижения уровня дискриминации по половому признаку.

Подводя итоги, хотелось бы обратить внимание на то, что в Российской Федерации ведется активная поддержка женской части населения по вопросам трудового регулирования. Реализуется значительное количество мероприятий, направленных на уменьшение несправедливого отношения, игнорирования прав и свобод, устранения гендерных предрассудков. Но несмотря на все вышеперечисленное, к сожалению, искоренить проблему до конца пока не представляется возможным. Двигаясь в данном направлении, создавая новые возможности, предоставляя ресурсы и разнообразные перспективы, государство сможет добиться урегулирования разницы между трудовым потенциалом мужчины и женщины, а также исключить возникновение процесса дискриминации в целом.

1. Доклад о реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017-2022 годы в 2021 году. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/3> (дата обращения: 25.09.2022).
2. М. А. Ерофеева, Е. В. Иоффе, О. И. Ключко и др. Гендерная ментальность российской молодежи: психологический портрет: монография. СПб: НИЦ АРТ, 2020г. — С. 230 с.
3. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 годы URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/8/5> (дата обращения: 25.09.2022).
4. Приказ Минтруда России от 18.07.2019 N 512н (ред. от 13.05.2021) "Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин" URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1366> (дата обращения: 22.09.2022).
5. Прокопенко, А. В. Дискриминация женщин в сфере труда / А. В. Прокопенко. // Молодой ученый. — 2016. — № 20 (124). — С. 559-563.
6. Роцин С.Ю., Солнцев С.А. Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике — М.: ГУ ВШЭ, 2006. С. 52 с.
7. Федеральная служба государственной статистики. Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2021 года. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/38.htm (дата обращения: 22.09.2022).
8. Федеральная служба государственной статистики. Сборник женщины и мужчины России 2020г. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BPL9rLwU/Sbornik.pdf> (дата обращения: 22.09.2022).
9. Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 22.09.2022)

ЖЕНЩИНА В ОБЩЕСТВЕ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА: ОГРАНИЧЕНИЯ В ВОЗМОЖНОСТЯХ

Зевари Тайеб шах Сайд

(Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова)

Роль женщины в современной жизни общества значительно изменилась. Если в ранние периоды развития человечества её роль сводилась к обеспечению продолжения рода и поддержанию бытовых практик, в настоящее время гендерные различия в возможностях существенно сократились, что позволило сформировать новый социальный порядок.

Хотя в современных СМИ принято говорить о повышении уровня гендерного равноправия, что подкрепляется рядом примеров из политической и производственной сфер трудовой реализации, статистические данные показывают, что равноправие реализовано неравномерно как с точки зрения территориальных условий, так и с позиции профессиональных групп. Говоря о последних, необходимо учитывать наличие ряда объективных причин, которые снижают востребованность женщин в ряде профессиональных направлений. Но если в рамках военной службы и тяжёлых промышленных работ данные ограничения объективно обусловлены, то в управленческих или аналитических сферах диспропорции обусловлены скорее субъективными факторами и социальными традициями [2]. К указанной проблеме добавились проблемы новых тенденций гендерной идентичности, в рамках которых в соревновательный процесс внутри женской группы вступили трансгендерные представители, обладающие рядом особенностей, снижающих средние показатели успешности женщин в спорте и подобных направлениях.

Проблема дискриминационных тенденций также в значительной мере связана с рядом стереотипических представлений о роли женщины в обществе, которая может подкрепляться как общими патриархальными установками, так и религиозными концептами, содержащими в себе набор строго определённых социальных норм [2].

Территориальная неравномерность равноправия может быть представлена на основе статистических показателей: структура «ООН-Женщины» приводит данные, отражающие неравномерность процесса расширения прав женского населения: в Таджикистане показатели участия женщин в рабочей силе составляют 35,5% против 41,5% у мужчин, в Албании – 72,1% против 88,3% [1].

Изменение положения женщины в Афганистане в значительной мере связано с идеологическими изменениями в жизни афганского общества. Предложенная модель взаимодействия вступила в значительное противоречие с новыми проявлениями женской самореализации.

До установления традиционной системы ценностей женщины имели полноценный доступ к системе образования, обладали определённой степенью свободы в выборе профессии и рода занятий. Хотя общие требования к внешнему виду сохраняли свою актуальность, но в обществе происходили изменения, нацеленные на предоставление возможностей наиболее талантливым и мотивированным сотрудницам реализовать свои способности также в сфере управления и бизнеса.

Таким образом, необходимость поиска компромисса в указанных условиях должна опираться на выполнение базовых норм, которые в то же время могли бы предоставить возможность женщинам самостоятельно выбирать способ самореализации и методы организации собственной жизни.

1. Как рост безработицы влияет на женщин // Официальный портал журнала FORBES. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/461443-deneg-men-se-nasilia-bol-se-kak-rost-bezraboticy-vliaet-na-zensin> (дата обращения: 01.10.2022).

2. Цмай В.В. Права женщин в Афганистане // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. №2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-zhenshin-v-afganistane> (дата обращения: 23.09.2022).

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНФАНТИЛИЗМА У МУЖЧИН

Иванова Варвара Михайловна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Стереотип — привычные отношение индивида к какому-либо явлению, возникшее в результате влияния социальных условий и предшествующего опыта [1]. Социальным

стереотипом же называется укоренившийся, эмоционально окрашенный образ группы или общности, охватывающий всех ее участников. Стоит отметить важное отличие стереотипа от предрассудка — последний, в свою очередь, почти всегда носит негативные коннотации с объектом, на который он распространяется. В данной работе речь пойдет о гендерных стереотипах и об их влиянии на развитие социального инфантилизма у мужчин.

Как и в любой другой ментальности, гендерные стереотипы в России определяются теми, кто воспроизводит данные стереотипы. [3.66] В нашей стране гендерные стереотипы связаны с тем, что женщин априори считают менее способными, умственно развитыми и ответственными, в сравнении с мужчинами. Успех в профессиональной деятельности мужчин традиционно считается результатом проявлению его умений и навыков в сфере его деятельности, тогда как женский профессиональный успех чаще связывают с удачным стечением обстоятельств, мужским покровительством. Приоритетность мужчин также подчеркивается обществом на бытовом, социальном, экономическом, политическом и прочих уровнях с помощью лингвистики (большая часть «мужских» профессий не имеют феминитивов), бюрократии («Гражданин РФ», «сотрудник отдела», «студент вуза»). [3,22]

Общество на протяжении многих столетий формировало гендерные стереотипы, разделяя «женские» и «мужские» роли и присущие им обязанности. Так, например, мужчинам приписывались занятия, требующие физической силы, такие как охота (продукты которой ценились выше), женщинам — собирательство, уход за детьми и стариками, создание «домашнего очага». С развитием общества, трансформировались, конечно, и сами стереотипы: традиционными обязанностями женщины также остались семья и дети, однако, к ним также добавилась профессиональная деятельность женщины и забота о комфорте и успехе мужчины. Таким образом, была сформирована общая гигантская ответственность женщин.

Социальный инфантилизм — это разрыв в социальном и биологическом состоянии индивида. Смещение груза ответственности и с мужчин, в свою очередь привело к развитию социального инфантилизма у мужской группы: мужчина зарабатывает деньги, но распоряжается ими женщина, женщина обслуживает мужчину в бытовом плане, выстраивая таким образом модель поведения «родитель-ребенок».

Современные тенденции демонстрируют постепенное стирание гендерных стереотипов в России и мире в целом. Они не являются постоянными — они трансформировались и продолжают меняться.

1. [Электронный ресурс] // Социологический словарь URL: <https://gufo.me/>

2. Герасимов И.В. Российская ментальность и модернизация // *Общественные науки и современность*

3. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // *Вопросы психологии*, 1993. N 5.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ТУРБУЛЕНТНОМ ОБЩЕСТВЕ

Иванова Татьяна Николаевна

(ФГБОУ ВО "Тольяттинский государственный университет")

Гуляев Никита Юрьевич

(ФГБОУ ВО "Тольяттинский государственный университет")

Гинятуллина Анна Заватовна

(ФГБОУ ВО "Тольяттинский государственный университет")

Вопрос изучения гендерных ролей затрагивался и изучался в социологии долгое время. С точки зрения социологической науки понятие гендерные роли можно трактовать

двумя способами. В первом случае под данным термином понимается то, как индивид выражает собственную принадлежность к тому или иному гендеру. Другими словами, насколько человек является мужчиной или женщиной. Во втором случае гендерную роль приравнивается к ролевому репертуару, то есть система функций, моделей поведения, рода деятельности, которые индивид вынужден выполнять, определившись со своей гендерной принадлежностью. В социологии существуют различные теории, связанные с появлением гендерных ролей.

Биологический детерменизм изучая данное социологическое явление за основу принимал биологические факторы. Рассматриваемый подход интерпретирует социальную практику через факты природы. В пример можно привести распространенное убеждение о том, что женщина по своей природе считает материнство своим предназначением, а мужчина считается сдержанным в проявлении собственных эмоций.

С конца девятнадцатого века учеными начало проводиться множество научных исследований гендерных различий среди полов. Долгое время в основе изучений лежал вопрос подтверждения биологической природы гендерных отличительных признаков и объяснения содержания уже существующих гендерных ролей. Большинство исследований показало, что помимо различий, у мужчин и женщин существует множество схожих черт. Позднее во главу исследований встала проблема определения причин гендерной неконформности. Другими словами, ученых заинтересовали причины изменения и нарушения гендерных ролей. Основоположниками биологического детерменизма можно назвать Чарльза Дарвина и Клода Бернара.

К сторонникам теории социального конструктивизма можно отнести таких ученых как Симона де Бовуар и Мишель Фуко. Согласно рассматриваемой концепции гендерные роли конструируются обществом. Различные исследования, связанные с формированием гендерных ролей, определяют, как в процессе взаимодействия и социализации индивидов образуются гендерные различия, изначально воспринимаемые естественными и природными.

Анализируя данные современных исследований узнается, что отличия среди женщин и мужчин в основном объясняются социальным фактором. В пример можно привести распространенный факт того, что женщинам сложнее дается понимание точных наук. Первой причиной, полученной в ходе исследований, является то, что женщины в большей мере не уверены в собственных силах и способностях. Второй причиной можно назвать гендерные установки. Многие женщины считают занятие точными науками несоответствующими собственному гендеру и приписанной к нему роли, отказываясь при этом даже на начальном этапе изучения (несмотря на то, что могут проявлять явные успехи в данной области). Также еще одна причина заключается в том, что женский пол заметно реже получает поощрения за подобное занятие нежели мужчины.

Таким образом можно сделать вывод, что гендерные стереотипы, навязанные обществом, заведомо становятся «пророчеством» к последующим действиям в различных ситуациях. На протяжении социализации индивиды получают и осваивают информацию о гендерных ролях, которые конструируют представления о собственной личности. В результате чего проявляется гендерно-конформное поведение, то есть поведение, совпадающее с устойчивыми и ожидаемыми в данном обществе нормами поведения.

Следующей теорией, которую важно рассмотреть, является теория социальных ролей. Основоположником данной теории является Элис Игли. По мнению ученого большое количество гендерных различий являются итогом разных социальных ролей, которые подавляют что у женщин, что у мужчин иные варианты поведения. Различное поведение женщин и мужчин объясняется наличием ролей и вытекающих из этого разных установок и навыков.

Многочисленные исследования показывают, что более мягкое и гибкое воспитание детей открывает для них больший выбор среди разнообразия поведений. В семьях с более

строгим воспитанием родители зачастую стремятся к тому, чтобы их ребенок во всем соответствовал стереотипным гендерным моделям поведения.

По итогам исследования Элис Игли, мужчины, исполнявшие женские роли считались гораздо женственнее тех, кто занимался мужскими делами. В вопросе о женщинах ситуация повторилась с точностью да наоборот. Данное явление проявляется и в ситуациях, когда родители характеризуют своих сыновей или дочерей. В одном из исследований у родителей попросили описать собственных новорожденных детей. Слова, которыми характеризовали дочерей, являются: «слабенькая, прекрасная, нежная». Слова, которыми описывали сыновей, стали: «сильный, крепкий, координированный». На самом деле объективно со стороны внешности между младенцами не было никакой разницы.

Представленный пример подтверждает мнение, что в настоящее время главную роль в конструировании гендерной роли играют те социальные роли и типы поведения, которые приписываются человеку обществом с рождения и закрепляются в период воспитания и взросления. Присвоение определенных качеств часто связано с социальными ожиданиями общества, биологическим полом, социально-культурными факторами. Несмотря на устойчивость данного явления, важно отметить, что принятие человеком социальных ролей – гибкий процесс, поддающийся изменениям. Каждый индивид имеет возможность изменять и выбирать те роли, которые совпадают с его собственными желаниями, отклоняясь при этом от принятых в обществе стандартных установок.

Одним из первых крупных социологов, который изучал социальные роли женщин и мужчин или их половые роли, можно назвать Толкотта Парсонса. Ученый придерживается теории структурного функционализма. Социолог рассматривает роли представителей полов на примере семей, живущих в Соединенных Штатах Америки. Толкования половых ролей основывается на понимании общества как солидарной и стабильной системы, где в основе лежит дифференциация социальных ролей (по половому признаку в частности) и разделения труда. Под разделением труда понимается выполнение индивидами разных, но при этом дополняющих друг друга ролей и задач.

В период социализации люди подготавливаются к исполнению различных социальных ролей. Которые должны соответствовать ожидаемому и принятому статусу. Статусную позицию принято определять, как основание приписанных и достигаемы личностных характеристик. К приписанным характеристикам относятся пол и возраст человека. Исходя из этого, окружение ожидает и требует от нее или него исполнения половой и возрастной принадлежности. В своих трудах Парсонс разделяет индивидов на возрастные группы (детство, юношество, взрослый и пожилой возраст) и на их примере показывает, как усваиваются общественные нормы и изменяются социальные ожидания.

Начиная с детской социализации, Парсонс демонстрирует, как она устроена в американском обществе. Среди городского среднего класса во многом дети воспитываются похоже, но при этом существуют значительные различия в социализации девочек и мальчиков. Дети наблюдают и проецируют на себе разделение взрослых ролей. Основываясь на социальные ожидания, юные представительницы женского пола девочки принимают на себя роль конформной и послушной личности, при этом мальчикам позволяется нарушать правила и быть менее дисциплинированными. С ранних лет мальчиков настраивают в будущем занять высокооплачиваемую должность, в то время как девочке ориентируют на выполнение роли жены и матери. Так как в рассматриваемом временном периоде для взрослых женщин характерна роль домохозяйки, дочь усваивает такое положение дел и полностью включается в процесс решения домашних дел. Как правило, отец, находясь на работе за пределами домашнего пространства, не имеет возможности предоставить на своем примере наблюдать за его деятельностью. По этой причине сын не может принять в ней участие. Так как содержание деятельности не доступно для подрастающего поколения, представление о мужской роли приобретает достаточно абстрактный характер.

Следующим этапом половой дифференциации является юношество. В рассматриваемом возрастном периоде распределение ролей происходит в определенной молодежной культуре, которая по своему роду отличается от взрослых (например, отсутствие ответственности). В период юношества от парней ожидаются успехи в спорте, веселое времяпровождение и привлечение такими способами противоположного пола. Девушки обращают внимание на собственный внешний вид, основываясь на принятые обществом стандарты женственности. Для них переход к взрослой жизни является отказом от гламурных образов женственности и мужественности. «Атлетический герой или король танцев в колледже превращается во взрослого мужчину – прозаичного клерка или юриста» (Parsons 1942: 608).

Взрослый возраст индивида предполагает, что муж в семье занимает инструментальную роль, то есть создает престиж и доход своей семье для качественной интеграции ее в обществе. В свою очередь женщина создает и поддерживает эмоциональный баланс и стабильность внутрисемейных отношений. Ее задачей является поддержание эмоционального состояния членов семьи, создание гармонии и спокойствия. Также в рамках «утилитарного» разделения труда главной женской ролью является забота и домохозяйство, в следствии чего эта модель становится социально приписываемой или нормативной. Из положительных черт дифференциации половых ролей можно выделить уменьшение соревновательного аспекта за статус между супругами и интеграция семьи как полноценной социальной группы. При такой дифференциации образуется «меньше возможностей для развития зависти супругов друг к другу и чувства неполноценности каждого из них». Парсонс также выделяет и минусы данной ситуации. Несмотря на функциональность данного подхода, разделение ролей по полу зачастую образуют асимметрию в браке и как следствие внутрисемейные конфликты, недовольства, неудовлетворенности и фрустрации.

По мнению социолога, для пожилого возраста характерно отстранение и изоляция и важных социальных структур. Первым делом данный процесс начинает касаться мужского пола. Этому способствует прекращение трудовой деятельности, то есть прекращение исполнения основной функции и сепарация детей. Таким образом происходит изоляция от тех интересов и видов деятельности, которые стояли во главе всей ранее прожитой жизни.

Таким образом, гендерные роли, как и гендерные стереотипы, закладываются с ранних лет жизни индивида и формируются на основании принятых в обществе норм. Можно заметить, что в большинстве теорий схожее мнение на распределение роли женщины и мужчины в социуме.

Исходя из вышесказанного, можно увидеть, что мы охарактеризовали теории «гендерных стереотипов» и «гендерных ролей», обозначили их причины возникновения в обществе, обратились к подходам, в отношении которых ученые на примерах изучали природу рассматриваемых явлений. Можно сделать вывод, что данные факторы взаимосвязанные и являются актуальными на современном этапе развития как для отдельного индивида, так и для взаимодействия с другими.

КОНТЕНТ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.

Кавун Анна Игоревна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

На протяжении трех веков своего существования женские журналы менялись вместе с читательницами и миром вокруг них.

В 1704 г. в Лондоне вышел Ladies' Diary, «ежегодный альманах, созданный специально для прекрасного пола», в котором помимо рецептов выпечки и советов о

любви также публиковали очерки о знаменитых женщинах, статьи о здоровье и образовании, шарady и даже математические задачи [1, 126].

Во Франции первые женские издания появились намного позже: в 1758 г. там вышел «Курьер модных новинок», в 1759-м – «Газета для дам». Оба французских журнала редактировали женщины.

Тем временем в Англии в 1770 г. появился *The Lady's Magazine*; его главным отличием от остальных журналов было то, что он просвещал читательниц в вопросах грудного вскармливания и менструальных болей, а иногда почти прямым текстом говорил о сексуальности [2, 261].

Подлинная демократизация женской прессы началась в 1852 г. с появлением *Englishwoman's Domestic Magazine*. Этот журнал ориентировался на принципиально новую аудиторию – женщин из среднего класса, которым приходилось самим вести хозяйство. На страницах журнала публиковались советы по кулинарии, домоводству и рукоделию.

В начале XX века в американских женских журналах работали 40 000 человек, к тому же они косвенно давали работу еще 200 000. Этот огромный рынок предоставил женщинам невиданные ранее карьерные возможности, за которые они тут же ухватились. Более того, это была одна из немногих сфер, где женщина могла прийти до руководящих позиций.

В России женские журналы появились на 75 лет позже, чем в Англии, но они и не могли появиться раньше. Вплоть до второй половины XVIII в., до образовательных реформ Екатерины II, их здесь просто некому было бы читать и покупать [3, 145].

Издателем первого женского журнала в России стал Николай Новиков – журналист, писатель, адепт просвещения. Его «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» вышло в 1779 г. и просуществовало около года.

В первой половине XIX в. в России издавалось не меньше десятка женских журналов. Большим успехом пользовался «Дамский журнал», в котором печатали сентиментальные повести, романы, модные обзоры и светские новости. А еще «Дамский журнал» был примечателен тем, что популяризировал благотворительные сборы для обедневших дворянских семей. В каждом номере публиковалась краткая история нуждающихся, их имена и адреса; чаще всего это были вдовы и ветераны войны [4, 50].

Все перечисленные издания, в сущности, были не «женскими журналами», а «журналами для женщин»: за ними всегда стояли мужчины. Такая периодика негласно воспитывала патриархальный идеал: женщину, для которой замужество – единственная формула социального успеха, чьи главные добродетели – мягкость и покорность. Только ближе к концу XIX в. появляются первые общественно-политические журналы, которые издаются женщинами для женщин. Например, «Друг женщин» (1882–1884 гг.) – журнал, который поднимал проблемы эмансипации и освещал судебные процессы над женщинами.

Даже традиционные журналы быстро трансформируются, отражая изменения вокруг: в «Журнале для хозяек» с гигантским тиражом в 150 000 экземпляров выходят статьи о правовом, экономическом, социальном положении женщин, а также об их положении в семье; в литературный входят феминитивы (приказчица, корректорша, телеграфистка).

В 1970-е, когда в стране начала снижаться рождаемость, женские журналы сменили акценты: теперь они всячески подчеркивали, что советская женщина должна быть не только образцовой труженицей, но и образцовой матерью [5, 10]. А во время перестройки все «женские» темы окончательно вернулись на круги своя.

Согласно исследованию Л.Г. Свитич «Женская пресса в России в динамике», в настоящее время стандартные тематические блоки универсальных женских журналов – это интервью со звездами; мода и косметика; психология, любовные истории,

взаимоотношения полов; новости и слухи о знаменитостях; профессиональные советы; тесты, гороскопы.

Анализ медиапотребления жительницами крупного региона России – города Ростов-на-Дону и Ростовской области – показал, что почти половина опрошенных читает печатные женские журналы, хоть и нерегулярно. При этом сайты женских журналов посещают около 10% опрошенных девушек, группы женских журналов в социальных сетях интересны 22% молодых ростовчанок; женские интернет-сайты, порталы с целью развлечения и поиска необходимой информации выбирают 44% опрошенных. То же – у федеральных изданий: только Cosmo.ru имеет значительное число посетителей сайта, однако охват печатной версии все еще на 40% выше [6, 165].

Контент женских журналов – отличный индикатор изменений в обществе. Медиакартинка мира женских сообществ, создаваемая региональными журналами, далеко не в полной мере соответствует их целевому назначению. Данная тема содержит большой исследовательский потенциал, поскольку актуализирует широкий круг гендерной проблематики.

1. Смеюха В.В. *Массовая женская пресса: стратегии формирования потребительского поведения гендерной аудитории // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 1. С. 126–131.*
2. Cano-López, M. *The Outlandish Jane: Austen and Female Identity in Victorian Women's Magazines // Victorian Periodicals Review. 2014, 47(2). P. 255–273.*
3. Зверева Е.А. *Стратегии развития современного российского журнального рынка // Век информации. 2018. Т. 2, № 2. С. 145–146.*
4. Смеюха В.В. *Отечественные женские журналы: историко-типологический аспект : монография. 2011. 188 с.*
5. Захаров Д.В. *Трансформация образа женщины в средствах массовой информации России в 70-90 гг. XX века на примерах журналов: «Работница», «Крестьянка», «Космополитен» : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2004. 26 с.*
6. Комарова А.А. *Основные тенденции медиапотребления в России в условиях динамически меняющейся реальности // Вестник университета. 2018. № 5. С. 162–166.*

НОВЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ ТРАДИЦИИ: НОРМА ИЛИ ДАНЬ МОДЕ

Кюрегян Марина Петровна

(Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта, А.А. Леонова)

Новое тысячелетие ознаменовано серьезным кризисом в культуре и обществе. В виду массового импорта чуждых нам западных традиций, ценностей и моделей поведения произошел отказ от многовекового опыта. Переоценка традиционных моральных устоев во многом патриархального общества не могла не отразиться на взглядах людей в нашей стране на поведение и взаимоотношения мужчин и женщин. Этот процесс трансформации оказался настолько глубоким, что едва не разрушил такой важный и основополагающий институт в русской культуре как семья.

Глобализация и интенсивное развитие современных технологий вызвали потребность формирования новых гендерных моделей поведения, с одной стороны, но генетическая память нации не позволяет вычеркнуть из нашей жизни гендерные патриархальные традиции, с другой стороны. Отсюда возникает конфликт, который приводит к столкновению прежних традиционных ценностей и современных воззрений.

Теория гендера вызывает большой интерес у ученых, занимающихся вопросами культуры и общества. Существует много подходов к изучению этого понятия. Гендер

можно представить в качестве комбинации трех составляющих: тело (как физическая составляющая, которая охватывает телесную реальность каждого человека), ощущения людьми своего тела и взаимодействия с другими людьми, основанные на телесном восприятии. Гендер серьезно влияет на нашу жизнь, многие до конца не осознают степень этого влияния. Он структурирует нашу жизнь, оказывает большое влияние на все наши действия, а именно, занятия, от которых мы получаем удовольствия, поведение, которое мы демонстрируем в детском возрасте, специальности, которые мы выбираем в юности, профессии, которые мы осваиваем, и ответственность, которую мы берем на себя в зрелом возрасте.

Процесс принятия гендерной идентичности начинается через осознание и усвоение семейных традиций. Затем происходит понимание того, что предлагает общество: гендерные нормы и правила поведения. Сегодня огромную роль в этом процессе играют компьютерные технологии и СМИ. Они действуют на подсознание людей, которые автоматически воспринимают уже готовые схемы осмысления социокультурного и гендерного поведения. Активно навязываются стандарты в виде упрощенных сообщений, которые снижают уровень интеллекта, мышления.

Что сегодня западное общество предлагает нашему вниманию, а прежде всего столь продвинутому с точки зрения технологий нашему подрастающему поколению? Во многих странах серьезно пошатнулась бинарная гендерная система, признающая только мужчин и женщин. Согласно исследованию, проведенному в 2016 году Британским обществом Фосетта, 68% молодых людей согласны с небинарной теорией гендера, а в США половина опрошенных молодых людей сообщили, что гендер не ограничивается для них только категориями мужского и женского. Законодательство ряда стран узаконили однополые браки, третий пол как категорию лиц, не относящих себя ни к мужчинам, ни женщинам, а также сознательно отказалось от статуса мать и отец, заменив их понятиями родитель №1 и родитель №2. Модная индустрия для массовой культуры на протяжении уже почти десятилетия рекламирует стиль Унисекс в одежде, обуви и даже ароматах. Многие мужчины и женщины в западных странах сегодня принимают решение не заводить детей. По результатам переписи населения в 2014 году в США, например, почти половина женщин в возрасте от 15 до 44 лет были бездетны. Такое явление как *childfree* (добровольно бездетные) проникло и в наше общество. Современная мода на личное пространство, свободу и самосовершенствование превращает нашу молодежь на «человека в футляре». Они умные, активные, успешные, но не хотят делить свое личное пространство даже с близкими людьми.

Нет сомнений в том, что борьба с гендерными стереотипами, гендерным неравенством и дискриминацией постепенно улучшает ситуацию в российском обществе в целом. Например, сегодня в семье произошли качественные изменения с точки зрения разделения семейных обязанностей и участия в воспитании детей. Изменения в общественном сознании относительно гендерного вопроса подтверждает и исследование, посвященное теме гендерного равенства, представленное в марте 2019 года ВЦИОМ. По мнению опрошенных россиян нужно стремиться к полному равенству прав мужчин и женщин (62% респондентов) и обязанностей мужчин и женщин (59% респондентов). Однако на вопрос «Возможно ли полное равенство прав во всех сферах?» положительный ответ дала лишь треть опрошенных (38% мужчин-респондентов и 32% женщин-респондентов).

На наших глазах серьезно меняется мировой порядок. Сегодня мы живем уже в постглобальном мире, который опять потребует трансформации культурного пространства, становления новых гендерных ценностей и норм, а может возрождения старых добрых традиций. Как ненужная шелуха отпадет то, что было навязано искусственно, противоестественно, ведь современная маскулинизация женщин также идет в разрез с нашей культурой. Именно культура задает направление гендерных отношений, а они, в свою очередь, являются основой организации общества, формируя ключевые

аспекты жизни человека. Не полное равенство везде и во всем, а уважение и терпимость по отношению друг к другу помогут преодолеть не только гендерный дисбаланс, но и те непростые испытания, которые нам сулит современная действительность.

ПОЛИГАМИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ.

Лаптева Алиса Эдуардовна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Важным и не менее актуальным феноменом в современном мире становится вопрос полигамии, в основном он распространен со стороны мужчин, нежели со стороны женщин.

Кроме моногамного брака в раннеклассовом обществе получил распространение и полигамный брак, когда мужчина состоял в брачно-половых отношениях с несколькими женщинами. Корни этой формы брака тянутся в родовую эпоху. Такие браки допускались в подавляющем большинстве известных науке племенных обществ; считалось вполне естественным, что сильный воин или ловкий охотник имеет нескольких жен, которых он может содержать. Однако в период господства парной семьи такие браки вряд ли имели широкое распространение и, очевидно, представляли собой своего рода привилегию племенной верхушки. [1,98]

Следовательно, можно отметить, что полигамия как процесс или же социальное явление можно назвать исторически-сложившимся феноменом.

Какими же причинами обусловлено возникновение данного феномена?

Во-первых, считается, что возникновение полигамии обусловлено конкретными историческими проблемами, например, войнами. [2,1]

Речь идет о войнах, которые шли между династиями, народами и так далее. Несомненно, количественное превосходство женщин при данных условиях не ставилось под сомнение, так как на военные конфликты уходили в основном мужчины, там же они и погибали.

Только при легализации полигамии можно было говорить об обеспеченности женщин, которые потеряли мужа.

Во-вторых, одной из причин возникновения полигамии признается неспособность женщины иметь детей или отсутствие детей мужского пола. [2,1]

В данном случае возникновение полигамии вполне логично объясняет желание мужчины продолжить свой род и передать свое наследство ребенку мужского пола.

Третья причина возникновения полигамии, которую выделяют социологи, кроется в укреплении нравственных ценностей и сохранении целомудрия обоих полов. Полигамный брак может быть определен как благотворное, нравственное и охранное устройство. Ограниченная полигамия рассматривается, как альтернатива распаду брака и видимости соблюдения справедливых форм морали. [2,1]

Важно отметить, что по Корану – священная книга мусульман, написанная на арабском языке, официально допускается иметь до четырех жен, при условии, что муж сможет одинаково справедливо относиться к каждой и способен обеспечивать их. Из этого следует, что мужчина, который не имеет достаточного состояния просто не сможет состоять в браке больше, чем с одной женщиной.

Четвертая причина полигамии – ранние браки у детей, совершавшиеся по инициативе родителя без учета интересов брачующихся. [2,2]

Так как детей женили в возрасте 9-12 лет они еще были не способны выбирать себе спутника жизни исходя из каких-то собственных пожеланий и интересов, поэтому первая жена была фактически для того, чтобы связать семьи родственными узами. Последующих же жен люди выбирали самостоятельно исходя из своих пожеланий.

Важной причиной для возникновения института полигамии является так называемая ветхозаветная система левирата, согласно которой в случае смерти брата или близкого родственника, который не имеет детей, другой брат или родственник должен был взять на себя заботу о вдове и жениться на ней, в некоторых случаях это просто обязывало вступить человека в полигамный брак.

Также последним, но не по значимости, является то, что мужчина женится на еще одной женщине просто потому, что в доме не хватает рук для хозяйства, поэтому приходилось как бы «нанимать» еще одну женщину в дом.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что полигамия очень часто формировалась под воздействием каких-то объективных причин, которые можно было решить только данным путем.

Какие существуют современные тенденции развития полигамных отношений?

Из тридцати восьми мусульманских стран в двадцати двух узаконены полигамные браки, но во многих странах, особенно христианских, на законодательном уровне полигамные браки запрещены, но это совершенно не значит, что в ситуациях реальной жизни их не существует.

Например, в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии многоженство запрещено на законодательном уровне, но трудовые мигранты, которые уезжают трудиться в Россию или близлежащие страны, создают семьи в этих странах, чаще всего совершенно беспрепятственно.

В Казахстане и Азербайджане нет запрета на многоженство.

В России, Украине, Белоруссии и Молдавии полигамные браки запрещены, но они встречаются у мусульманских народов, проживающих на территории данных стран. [3,51-61]

Во время встречи с иностранными журналистами Рустам Минниханов, президент Республики Татарстан, на вопрос о многоженстве в Татарстане, сказал: «втихаря, конечно, есть...» Это высказывание свидетельствует о достаточно терпимом отношении властей к полигамным бракам.

Понимание ситуации демонстрирует и высказывание Э. Мурзина, депутата Госсовета Республики Башкирии: «У нас нормальных мужиков-то мало, на всех дам не хватает. Оттого и рождаемость низкая — без мужа мало кто отважится ребенка растить» Действительно, отношение к полигамии напрямую связано с рождаемостью в Российской Федерации.

Так, численность населения Татарстана — 3 894 284 человек (2018) по сравнению с 1959 г. увеличилась на 1 млн, индекс рождаемости равен 2,7 на 1000 человек. Но на современные демографические процессы значительное влияние начинают оказывать последствия низкого уровня рождаемости, характерного для 1990-х гг. [4,211]

Подобная ситуация существует и в других районах Российской Федерации.

Также в современном мире существует процесс возрождения полигамии в Турции, Кувейте, Израиле и африканских странах по абсолютно разным причинам, но в основном это потеря мужей в военных конфликтах. [4,211-216]

1. А.А. Миримова «Объективные и субъективные факторы возникновения полигамии в обществе.» / Журнал «Исламоведение» 2010 №4.
2. Айтабаева Ж.С «К вопросу об институте полигамии» // Ошский государственный университет, Кыргызская республика. / Журнал «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук» номер 5-3 2016г.
3. Бабикова О.П «Полигамия на постсоветском пространстве» // Институт востоковедения РАН // DOI: 10.31249/ritm/2019.03.03 / Журнал «Россия и Мусульманский мир» номер 3(313) 2019 г.
4. Бабикова О.П «Полигамия в современном мире» // Журнал «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран» выпуск 1 2018 г.

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ МАРКСИСТСКОГО ФЕМИНИЗМА

Липатова Татьяна
(АН РТ)

Классические марксистские феминистки в США и Великобритании традиционно работают в рамках концепции, изложенной Марксом, Энгельсом, Лениным, и считают деление на классы, а не сексизм, основой угнетения женщин [4, 158]. В своей первоначальной форме марксистский анализ капитализма построен вокруг отношений присвоения и эксплуатации, а также критического противоречия между трудом и капиталом [2, 20]. Хотя марксизм изначально не обращался напрямую к гендеру эксплуататоров и умалчивал об угнетении женщин мужчинами, марксистские феминистки применили марксистскую теорию для отношения полов и угнетения женщин мужчинами, развивая идеи о различных аспектах дискриминации женщин [1, 85].

Чтобы понять ключевые термины концепции марксистско-феминистской теории, необходимо прежде всего обратиться к работам Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.» и «Капитал Маркса: критика политической экономии». Среди представителей марксистского феминизма XX века прежде всего следует выделить Маргарет Бенстон, Мариаросу Далла Коста и Сельму Джеймс. Эти активистки пришли к феминизму через марксизм и дали теоретическое понимание угнетения женщин, основанного на классовой власти.

Женщины как класс

Для марксизма существуют только два класса – класс буржуазии, те, кто имеет собственность и эксплуатирует другую группу, и класс рабочих, не имеющий собственности и эксплуатируемый буржуазией [3, 137]. Марксистские феминистки приняли эту схему для феминистской теории, чтобы описать антагонизм между мужчинами и женщинами как двух классов: первый угнетающий, второй угнетенный: «он [муж] – буржуа, а жена – пролетариат».

Несмотря на попытки понять, составляют ли женщины единый класс, марксистские феминистки разработали узкое понимание угнетения женщин, основанное на эксплуатации одного экономического класса другим. Это помешало им реализовать интерсекциональный подход к феномену подчинения женщин – поскольку марксистская теория не учитывала пол, она также не учитывала другие виды женской идентичности, такие как раса, образование или национальность.

Однако Энгельс считал, что «пролетарки испытывают меньшее угнетение, чем буржуазные женщины». Маркс справедливо заметил, что «некоторые женщины являются женами, дочерьми, подругами и любовницами представителей буржуазии, тогда как другие женщины являются женами, дочерьми, подругами и любовницами мужчин из пролетариата» [5, 97]. Поскольку женщины рабочего класса заняты работой вне дома, предполагается, что они финансово равны со своими мужьями и могут содержать себя, следовательно, они независимы от своих мужей. Напротив, женщины из буржуазии зависят от своих мужей, так как у них нет денег, чтобы содержать себя. Энгельс полагал, что изменение экономической системы и достижение экономической независимости женщин от мужчин путем вовлечения в процесс наемного труда предоставит женщинам рабочего класса эмансипацию: «первой предпосылкой эмансипации женщин является возвращение всех женщин в общественное производство». Напротив, женщины из класса буржуазии не смогут добиться независимости от мужчин, поскольку они исключены из рабочей силы [3, 137–138].

Производство и воспроизводство

Производство и воспроизводство представляют собой два основных понятия, лежащих в основе марксистской теории труда. Марксистские феминистки позаимствовали данные термины и сделали их ключевыми в своей теории.

По Марксу, производство есть создание товаров, которые реализуются вне дома и соответственно оплачиваются, в то время как воспроизводство – это создание всего необходимого для производства. Воспроизводство можно разделить на три вида: во-первых, это производство продуктов питания, одежды и необходимых средств для восстановления рабочих вне производственного процесса; во-вторых, забота о бывших и будущих рабочих, таких как дети, старики и инвалиды; и в-третьих, рождение новых людей как будущей рабочей силы [3]. Очевидно, что воспроизводство осуществляется женщинами в домашних условиях. И, как уже разъяснено выше, все, что производится в доме, не оплачивается капиталом.

Но почему производство является привилегированным занятием, оплачиваемым капиталом, а воспроизводство не считается производством, а потому безвозмездно? Энгельс объяснял это как неизбежный исторический процесс: «До индустриализации мужской и женский труд были равноценны, потому что и производство, и воспроизводство осуществлялись в семье. Но с приходом индустриализации и переносом производства товаров из частного домохозяйства на территорию общественного рабочего места женщины, которые по большей части изначально не участвовали в индустриализации, стали рассматриваться как «непродуктивные» в отличие от «производительных» мужчин наемного труда» [3, 117].

Согласно Марксу, производительный труд при капитализме – это труд, который обменивается непосредственно на капитал (то есть на заработную плату) с целью создания прибавочной стоимости. Поскольку воспроизводство считается «непроизводительным» и не обменивается непосредственно на капитал для создания прибавочной стоимости, оно не обладает ценностью с точки зрения капитала.

Маркс переносит воспроизводство на плечи рабочих, потому что оно не представляет интереса для капитала по двум причинам. Во-первых, потому, что женщины, участвующие в воспроизводстве, не производят потребительской стоимости, а производят лишь то, что связывает ее с капиталом – рабочую силу, имеющую двойственное воплощение: как самих рабочих (рожденных и социализированных людей), так и обслуживание уже существующей рабочей силы (накормленные, одетые, ухоженные и довольные работники). Таким образом, капиталу весьма удобно быть обеспеченным в настоящем и будущем здоровыми, счастливыми и социализированными работниками – детьми, рожденными, воспитанными и опекаемыми женщинами, с одной стороны, и мужьями и отцами, также обеспеченными заботой женщин, которые при этом тратят свою неоплаченную энергию и время. Во-вторых, воспроизводство осуществляется дома, в частной сфере, что неподконтрольно капиталу.

Подводя итог, подчеркнем, что воспроизводство осуществляется женщинами в домашней сфере и никем не оплачивается, состоит из таких функций, как приготовление пищи, стирка, ремонт одежды и пр. и представляет собой каждодневную подготовку рабочих к работе вне дома, а также осуществление заботы о следующем поколении рабочих. Данная работа общественно полезна, и является жизненно необходимой для функционирования капитализма.

Женщины играют двойную роль, участвуя как в процессе производства, так и воспроизводства – как производители прибавочной стоимости, когда они работают вне дома, и как репродуктивные агенты, когда они работают дома. Однако лишь первый вид труда – производительный монетизируется и признается капитализмом в качестве работы, в то время как репродуктивный труд игнорируется, так как не образует прибавочной стоимости.

1. Barrett, M. (1980). *Women's Oppression Today*. London: Verso.
2. Comninel, G. (2013). *Critical Thinking and Class Analysis. Historical Materialism and Social Theory, Socialism and Democracy*, 27 (1), 19-56.
3. Engels, F. (1972). *The Origin of the family, Private Property, and the State*. New York: International Publishers.
4. Tong, R. (2009). *Feminist thought. A more comprehensive Introduction*. Westview Press.
5. Tong, R. (2014). *Feminist thought. A more comprehensive Introduction*. Westview Press.

ТЕЛО КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Логина Мария Павловна

(Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов)

Новые вызовы, связанные с гендерной самоидентификацией, пересмотром гендерных ролей, с возможностью «переделать» тело в соответствии со своим самоощущением стали актуальны в современном мире. Причем разные культуры по-разному отвечают на данный вызов. Ключевой элемент в формировании нового подхода к гендеру – тело, отношение конкретной культуры к телесности, так как именно через тело индивид воспринимает социум, себя и свою роль, в том числе и гендерную. Бережная Е.А. отмечает, что в современной гуманитарной науки телесность выступает как «свойство познающего субъекта», именно через телесность человек определяет себя и Другого [0, 9]. Салли Хайнс отмечает, что «телесность – это опыт жизни в собственном теле», это то, как индивид ощущает свое тело в рамках социума и то, какие гендерные нормы он принимает [0, 12].

Представление о телесности у человечества изменялось на различных исторических этапах. Рассмотрим развитие отношения к телу и телесности в христианской культуре.

В период раннего христианства тело воспринималось как «отягощающая» и греховная часть человеческого бытия, поэтому почетным было девство и монашество [0, 161]. Позже в самом христианстве идет принятие того, что супружеский долг – это важная часть бытия человека [0, 274]. Таким образом, тело и его потребности получают легитимизацию. Однако в большинстве случаев в приоритете мужское тело, как носитель творческого начала, женщина – пассивна, ее основная задача – рождение потомства, забота о семье и подчинение мужчине. В тот период, тело становилось судьбой. Однако, в самой религии была возможность избежать подобной судьбы – стать святой [0, 189]. Подобная политика были и в эпоху средневековья.

Реформация способствовала тому, что супруги в решении некоторых вопросов стали равными, что способствует реабилитации роли тела женщины в социуме [0, 138].

Салли Хайнс отмечает, что в эпоху Просвещения формируется «двуполая» (бинарная) модель телесности, женское тело официально признается как самостоятельное тело, а не как иная форма мужского тела [0, 32]. Ослабление роли религии приводит к секуляризации тела.

Историки сходятся во мнении, что современное понимание брака появляется в период между Американской революцией и 1830-ми годами [0, 216]. Брак мыслится уже не как экономический союз, который обычно решался родителями жениха и невесты, а как соединение двух, практически полноправных индивидов по любви. Подобная трансформация способствует изменению отношения к телу, так как первоначальной целью брака является желание двух людей провести жизнь вместе, заботиться друг о друге, а рождение наследников уходит на второй план.

Индустриализация (механизмы «приравнивают» разницу в физических возможностях мужчины и женщины), развитие медицины (эффективные методы контрацепции, развитие генетики, развитие хирургии, в том числе развитие эстетической

хирургии, появление рентгенов и иных аппаратов, которые позволяют заглянуть в человеческое тело), развитие психофизиологии («через тело говорит психоанализ» [0, 5], развитие телесно-ориентированной психотерапии [0, 11]), утверждение женского желания и отделение его от деторождения, ослабление морали в вопросах семьи, эротизация тела через искусство и моду, легитимизация внимания к самому себе и своему состоянию и тому подобное - все это способствовало тому, что тело легализуется в сознании людей. И как отметил Жан Жак Куртин тело стало ценнее самой нашей жизни [0, 388].

Результаты подобной легализации мужского и женского тела привели к тому, что актуальными в обществе становятся вопросы о самоощущении индивидом своего гендера и изменение тела в соответствии со своими ощущениями. И таким образом, особое внимание стал привлекать вопрос о гендерной идентичности.

Салли Хайнс определяет гендерную идентичность как внутреннее ощущение идентификации индивида с мужским или женским телом, с комбинацией полов или ни с одним из них [0, 10].

Дресвянина А.В. определяет гендерную идентичность как базовую структуру социальной идентичности, которая формируется в результате интериоризации мужских и женских качеств в процессе социализации [0, 155].

Л.Б. Шнейдер говоря о гендерной идентичности, отмечает, что в процессе социализации и ресоциализации индивид воспроизводит гендерную культуру, к которой он принадлежит [0, 41].

То есть, гендерная идентичность – это нормы, связанные с восприятием себя как представителем определенного пола, которые индивид усвоил в процессе социализации и ресоциализации и которые он транслирует своим поведением.

Стоит отметить, что в разных культурах различное отношение к проявлению гендерной идентичности.

В Западной и Американской культуре существует политика разнообразия и инклюзивности [0, 84]. Данная политика заключается в том, что люди с любой идентичностью должны иметь равные права и возможности, а их идентичность должны быть признана обществом. В общественную деятельность включаются представители «недопредставленных групп» [0, 84]. Подобная политика позволяет создать наиболее разнообразные коллективы. Практическое применение данная политика получила в виде «моды» на наличие людей с различными идентичностями в трудовом коллективе, на политических должностях (например: Пит Буттиджич – министр транспорта в США, открытый гомосексуалист). Стоит отметить, что в Америке представители различных групп негативно высказываются относительно подобной политики, например: протесты членов Баптисткой церкви против представителей гомосексуализма [0, 123].

В Западной и Американской культуре сформировалась новая гендерная мораль, особенностью которой является то, что тело является отражением гендерной идентичности. Тело больше не является судьбой для человека, индивид может переделать тело под свои внутренние ощущения.

В России расширение прав для представителей различных гендерных идентичностей встречает сопротивление со стороны различных групп как политических (например: в 2022 году в Госдуму был внесен законопроект о запрете «пропаганды нетрадиционных отношений» [0]), так и представителей Церкви. Подобная реакция вызваны «страхом» снижения актуальности семьи, как социального института. В результате чего, в российской культуре гендерные нормы не пришли к определенной доктрине. Однако наблюдается феминизация российской культуры, что можно заметить в трудовой сфере (женщины могут стать руководителями, например: Елена Бунина возглавляла компанию «Яндекс»), а также женщины могут занимать видные места в политике (например: В.И. Матвиенко).

Стоит отметить, что главным вызовом для гендерной свободы оказался СПИД [0, 25]. Возникли опасения за здоровье своего тела и мифы о «неадекватном» сексуальном

поведении представителей небинарных гендерных идентичностей. Интимная близость стала предполагать безопасность с медицинской точки зрения и разборчивость в выборе партнеров [0, 26]. Все это продемонстрировало важность проблемы формирования новых гендерных ценностей.

Легализация и секуляризация тела привела к тому, что актуальным становится вопрос о гендерной идентичности. Стало возможным трансформация тела в соответствии со своими внутренними ощущениями гендера. Однако подобные изменения порождают ряд проблем, например: способствует росту напряжения и фрустрации в обществе, утраты традиционных моральных норм, трансформация семейных ценностей. И на данные вызовы российское общество еще не сформулировало ответ.

1. Бережная, Е.С. *Сущность и способы презентации телесности в современном пластическом театре: Автореф. дис. кан. искусствоведения.* - Санкт-Петербург: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2017. - 22 с.
2. Бовуар С. *Де Второй пол. Том 1: Факты и мифы / Симона де Бовуар; пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой.* – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. - 448 с.
3. В Госдуму внесли законопроект о запрете пропаганды нетрадиционных отношений в России // ТАСС. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/15245049?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com, свободный (Дата обращения: 07.10.2022).
4. Дресвянина, А.В. *Понятие «гендерная идентичность»: сущность и основные исследовательские подходы / А.В. Дресвянина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* – 2009. - №4. – С. 154-157.
5. *История тела: В 3 т./ Под редакцией Алена Корбена, Жан-Жака Куртина, Жоржа Вигарелло. Т.3: Перемена взгляда: XX век – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 464 с.*
6. Коновалова, А.П. *Тренды феминизма и российское общество / А.П. Коновалова // Вестник Бурятского государственного университета.* – 2022.- №1. – С. 80-87.
7. Фуко, М. *История сексуальности 4. Признание плоти / Мишель Фуко.* – М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 416 с.
8. Хайнс, С. *Может ли гендер меняться? / Салли Хайнс.* – М.: Ад Маргинем Пресс, ABCdesign, 2019. – 144 с.
9. Шнейдер, Л.Б. *Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л.Б. Шнейдер.* – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 128 с.
10. Ялом, М. *История жены / Мэрилин Ялом.* – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 520 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО ПЕРФОРМАНСА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Маматказина Виктория Дмитриевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Нечаева Виктория Владимировна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Роль Интернет-пространства в повседневной жизни усиливается. В Интернете создаются и воспроизводятся новые формы поведения и социальные практики. Вопрос их уникальности для цифрового пространства актуален в том числе и для практик гендерной презентации.

Для исследования гендерной идентичности в интернет-пространстве наиболее подходящей нам кажется перформативная теория Джудит Батлер. По мнению Батлер, гендер — не неизменная внутренняя идентичность, из которой исходят действия субъекта, но идентичность, конструируемая во времени через типичные повторяющиеся действия

[1, 519]. Следовательно, возможности гендерных трансформаций следует искать в непостоянном соотношении, в подрыве повторения и в отказе от таких типичных действий [1, 520].

Перформативные практики в цифровом пространстве часто схожи с практиками вне его [2, 538]. Так как гендер — не материальное явление, нормы гендерного перформанса одинаковы и в цифровом, и в материальном мире. При этом эти нормы могут воспроизводиться в новых, ранее не существующих формах, как и гендерный перформанс внутри цифрового пространства не идентичен перформансу вне цифрового пространства [2, 536].

К новым способам гендерного перформанса в интернете можно отнести оформление блога или профиля, тематику постов — ориентируясь на это, читатель конструирует гендерную идентичность автора в соответствии с системой интерпретаций, актуальной и для материального мира [3, 645]. Многие другие способы гендерного перформанса почти без изменений переносятся в интернет-пространство. К ним относятся, например, стиль разговора, грамматический род и визуальная презентация [3, 649]. Однако стоит отметить, что у интернет-пользователей есть возможность отказываться от этих способов [3, 651]. В совокупности с анонимностью, характерной для многих взаимодействий в интернете, подобные условия часто вынуждают пользователей заявлять о себе как о мужчине или женщине в описании профиля, постах и иных коммуникациях, а среди англоязычных пользователей становится популярной практика указания в описании профиля или нике предпочитаемых местоимений, которые могут как совпадать с традиционно феминными и маскулинными, так и отличаться. Такие способы не ограничивают пользователя бинарными рамками традиционных гендеров, позволяя конструировать небинарные гендерные идентичности. Именно в интернете возникли отличающиеся от традиционных местоимения (неоместоимения) вместе с таким явлением как ксеногендеры [4, 7]. Они полностью сепарированы от феминности и маскулинности и зачастую используются совместно.

Интернет как место гендерного перформанса в основном подчиняется тем же правилам, что и материальный мир. Однако в то же время Интернет-пространство вовлекает пользователей в новые формы конструирования гендерной идентичности, которые как работают на воспроизводство традиционного гендерного порядка, так и используются для его подрыва, создавая возможность отказаться от привычных гендерных ролей.

1. Butler J. *Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory*. // *Theatre Journal*. – 1988 – Т. 40. – №. 4. – С. 519-531.
2. Van Doorn N. *Digital spaces, material traces: How matter comes to matter in online performances of gender, sexuality and embodiment* // *Media, Culture & Society*. – 2011. – Т. 33. – №. 4. – С. 531-547.
3. Webb L. M., Temple N. *Social media and gender issues* // *Handbook of research on the societal impact of digital media*. – IGI Global, 2016. – С. 638-669.
4. Hansen A. *Revolutionized Experiences of Gender in an Internet Dominated World* // *Journal of Undergraduate Research in Anthropology*. – 2022. – Т. 6. – С. 3.

ГЕНДЕРНЫЕ РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Милованова Марина Юрьевна

(Российский государственный гуманитарный университет)

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Гендерные исследования как междисциплинарная академическая основа для эффективной научной

коммуникации в современных социальных и гуманитарных науках» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ», 2022).

Гендер как наиболее динамично развивающийся социальный конструкт отражает стремительность социальных изменений. Социальные изменения в социологии трактуются как перемены, происходящие в течение некоторого промежутка времени внутри социальных систем и во взаимоотношениях между ними, в обществе в целом как социентальной системе. Методологически обращается внимание прежде всего на то, как реагируют социальные институты и организации, как меняется социальное поведение людей, мотивация деятельности, их менталитет. В связи с этим мотивируется исследовательский поиск субъектности и ресурсности переживаемых нами трансформаций, череды системных кризисов (пандемия covid-19, СВО), острее прежнего ставится вопрос о связанности реальности и её репрезентации. Научный потенциал гендера раскрывается той ролью объективных связей для определения социальной общности, которые выделил П. Штомпка. Он определяет пол наряду с возрастом, расой, гражданством, территорией проживания, видом профессиональной деятельности (работы). Социологический подход изучения положения женщин и мужчин не исключает учёта биологически обусловленных половых особенностей, социально-психологических характеристик, а также особо обращает внимание на действующие социальные нормы, статусы, гендерные представления и стереотипы.

Женщины и мужчины как воплощение человеческих ресурсов в настоящем выступают источником воспроизводства будущих поколений. По мнению М.А.Кашиной гендерный ресурс понимается как потенциал общественных изменений, порождаемый включением в государственную политику задачи оптимизации управления биологическим и социальным воспроизводством населения. В докторской диссертации «Гендерный ресурс государственной политики и управления в современной России» М.А.Кашина раскрывает фрактальный характер гендерных отношений в обществе, показывает связь фракталов гендерных отношений, ролей и статусов гендерных групп с характером использования государством гендерного ресурса. Обосновывается необходимость перехода к новым фракталам гендерных отношений, позволяющим интенсифицировать применение гендерного ресурса государственной политики и управления. М.А.Кашина констатирует, что гендерные ресурсы расходуются российским государством расточительно, растрачиваются, а не воспроизводятся расширенно. Мы солидаризируемся в том, что человеческие ресурсы в их социо-гендерном измерении испытывают на себе происходящие технологические и социальные изменения, геополитическую трансформацию мироустройства, последствия пандемии COVID-19, находятся в наиболее критическом положении. На повестке дня объективная оценка нематериального ресурсного потенциала российского населения в период вызовов эпидемий, новых военных конфликтов. И в этой связи на первый план выступает значимость субъективной социальной связи, что требует более пристального социологического анализа и методологии. Гендерные ресурсы – женщины и мужчины как социологические категории имеют во все времена определенный круг деятельности, способ существования, стиль жизни, обязанности, повинности, ту или иную меру престижа, профессиональные шансы и т.п. Нестабильная внешняя среда становится мощнейшим стимулятором поиска адаптационных механизмов, среди которых гендерные ресурсы как воплощение балансировки интересов и потребностей женщин и мужчин. Ресурсный подход актуален как в историческом, так и перспективном, потенциальном научном подходе.

В современных реалиях требуется активизации поиска новых моделей гендерной стратегии. Автором предлагается для разработки Национальный индекс гендерного равноправия (баланса интересов). Национальный индекс может использоваться в качестве инструмента для мониторинга и контроля динамики накопленного социального эффекта

как в целом по России, так и, что особенно важно, в региональном разрезе многонационального и многоконфессионального государства.

АБЬЮЗ НАД МУЖЧИНАМИ: АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

Мишина Екатерина Романовна

(Уральский институт управления-филиал РАНХиГС)

В последнее время все чаще в сети интернет становится обсуждаемой тема абьюзивных отношений. Данная тема была табуирована, в целом тема насилия мужчин всячески скрывалась. Благодаря изучению и различным исследованиям, мужчины всё чаще стали обсуждать эту тему, меньше бояться осуждения и обращаться за психологической помощью.

Абьюз (от англ. «abuse» - злоупотребление, ругань) – это насилие, которое направлено на подчинение и подавление воли человека. Это созависимые отношения, возникающие между абьюзером и жертвой. [1,17-18]

Несмотря на то, что раньше абьюз со стороны женщины по отношению к своему партнеру всячески скрывался и не поддавался огласке, практически каждому человеку доводилось видеть абьюзивные отношения. Они определяются по ряду методов, которые используют женщины-абьюзеры: унижение партнера, постоянный контроль, агрессия, порча имущества, рукоприкладство, манипулирование, высмеивание партнера и т.д. Причины действий абьюзера обусловлены психологическими особенностями человека и мотивами.

В целях изучения женского абьюза среди людей был использован социологический опрос посредством анкетирования. В опросе приняли участие 215 респондентов в возрасте от 18 до 63 лет с разным семейным положением. Результаты опроса представлены ниже.

Среди опрошенных, не состоящих в отношениях или браке, 97,6% видели абьюзивные отношения со стороны. Лишь 26,8% из них указали, что абьюзером в отношениях была женщина. Действиями женщины-абьюзера были: распоряжение деньгами мужчины, эмоциональное давление, запрет общения с друзьями и контроль. Данные ответы указывают, что тема абьюза над мужчинами менее популярна, однако о ней стоит говорить, так как ответы, представленные респондентами о действиях женщины-абьюзера, говорят о необходимости рассматривания данной проблемы.

Далее рассматривались респонденты, находящиеся в отношениях или браке.

64,2% женщин указали, что ревнуют своего партнера. Также было несколько вопросов, связанных с эмоциональным давлением на мужчину. 30,2% женщин ответили, что иногда у них бывают неконтролируемые вспышки гнева во время ссор. Также 64,2% респондентов отметили, что им важно, чтобы их партнер слушался их. К вопросу о манипуляциях: треть женщин указали, что никогда или редко давят на жалость мужчины, когда им что-то нужно. Динамика ответов на данные вопросы указывает, что высокого уровня абьюза со стороны женщины в отношениях не проявляется. Это свидетельствует о слабых проявлениях черт женского абьюза, однако некоторая динамика указывает на предпосылки к явному его проявлению.

Что касается физического абьюза, то здесь прослеживается положительная динамика. 77,4% женщин никогда не поднимают руку на своего партнера. Также 62,3% опрошенных женщин, считают, что женщина не должна распоряжаться деньгами мужчины.

В следующем вопросе респондентам предлагалось написать, в каких случаях женщина может попросить деньги у своего партнера. И по результатам опроса были выделены следующие ситуации: в случае необходимости, когда кончились свои деньги, в долг. Данные ответы указывают на финансовую независимость женщин в отношениях и денежное равноправие в данном аспекте.

В плане сексуального абьюза со стороны женщин нет оснований полагать, что женщины давят на партнера в сексуальном плане. 90,6% респонденток ответили, что никогда не принуждают своего партнера к сексу, а 86,8% женщин также ответили, что никогда не манипулируют партнером половым актом.

Среди опрошенных мужчин 61,9% считают, что их ревнует партнер. Также по 33,3% респондентов ответили, что их никогда не контролирует партнер или редко. Чуть меньше трети участников опроса ответили, что женщины иногда их контролируют. Примерна такая же динамика проявляется и у респонденток, что указывает на явную проблему контроля женщин над мужчинами.

Также были аналогичные вопросы, связанные с выявлением эмоционального давления женщин в отношении мужчин. 42,9% участников опроса ответили, что у партнера-женщины никогда не бывает неконтролируемых вспышек гнева. По 23,8% опрошенных указали, что это происходит редко или иногда. 66,7% респондентам важно слушать своего партнера. По поводу манипуляции мнения сильно разделились. По 28,6% мужчин ответили, что никогда или редко женщина давит на жалость, когда ей что-то нужно. Группа ответов, относящиеся к виду психологического абьюза, указали на менее негативную ситуацию в данном аспекте, чем ожидалось. Следовательно, в этом виде абьюз не проявляется или проявляется очень слабо со стороны женщин.

Что касается финансовой сферы, почти все опрошенные мужчины ответили, что женщина не должна распоряжаться деньгами мужчины. Также отвечая на вопрос, в каких случаях женщина может попросить деньги у партнера, мужчины указали аналогичные ответы, как и у женщин (в случае необходимости, когда кончились свои деньги, в долг).

В плане сексуального абьюза ситуация не такая положительная, как со стороны ответов женщин. 66,7% мужчин ответили, что партнер никогда не принуждает их к сексу, однако по 14,3% респондентов указали, что женщина делает это иногда или редко. В плане манипуляции сексом никогда этого не делает женщина в отношениях 71,4% мужчин.

Проведенное исследование позволило убедиться, в неоднозначности абьюзивных отношений. Проблема женского абьюза противоречит общественным нормам и стереотипам, связанным с отношениями между мужчиной и женщиной, а также индивидуальными качествами обоих полов. Несмотря на высокую динамику выявления абьюза над мужчинами, данная проблема решается не в полной мере. Для её решения необходим комплексный подход не только со стороны общества, но и государства. Принятие и осознание данной проблемы является началом пути её решения. Также психологическая помощь мужчинам, попавшим в абьюзивные отношения и пытающимся выйти из них, увеличит шанс, что у этих людей в дальнейшем сложится нормальная здоровая жизнь, без психологических травм. Также изменение законодательства позволит уменьшить число преступлений, связанных с рукоприкладством со стороны женщин-абьюзеров.

1. Клешня И. А. РОЛЬ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЯ КАК СЛЕДСТВИЕ АБЬЮЗА // Science Time. 2019. №12 (72). С. 17-19. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-presledovatelya-kak-sledstvie-abyuza>

СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ГЕНДЕРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И НОРМ И/ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ. КОНФЛИКТ ИЛИ СИМБИОЗ?

Морозова Софья Александровна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Традиционно принято дифференцировать любую деятельность, предметы быта, атрибутику, внешние признаки и т.д. на исконно мужские и женские. В связи с данным разделением возникает проблема гендерного неравенства, работающего в обе стороны.

Однако, сформированное на данный момент общество имеет патриархальный склад, где мужчинам приписываются доминантные роли, сила физическая и психическая, а женщинам достается роль пассивная, ассоциирующаяся со слабостью, нестабильностью. Помимо исключительно негативных качеств существуют и позитивные, на первый взгляд, характеристики: нежность, хрупкость, терпеливость, душевность и так далее, но факт слабой позиции женщин остается. Из этой слабой позиции возникают определённые ограничения, мешающие женщинам в полной мере как реализовывать свои возможности и потенциал, так и просто жить. Устоявшиеся стереотипы о неразумности и несостоятельности женщин существуют до сих пор в большом количестве, на основе данных стереотипов возникают такие трудности как: невозможность получения базового образования, трудности с получением высшего образования, проблемы с трудоустройством и карьерным ростом, насильственные браки и так далее.[1] В сторону мужчин также традиционные устои создают определенные трудности. Наиболее часто проблема возникает при несоответствии мужчины стандартам маскулинности и проявлении у него фемининных черт – эмоциональности, мягкости, более высокого уровня эмпатии и иного, которые по сути своей присущи обоим полам. Важно то, что при подавлении подобных чувств нарушается психическое состояние человека, это ведет и к вспышкам агрессии, и к нервным срывам, разрушающим ментальное и физическое здоровье мужчины.

В современном мире понятие именно половой принадлежности человека отходит на второй план, так как, в первую очередь акцентируется внимание именно на гендере человека, включающего в себя не только пол, но и приписываемые ему нормы поведения, ценности и иные правила, которые человек выполняет. Гендерная социализация личности формирует модель поведения, склонную к фемининной или же маскулинной стороне. Однако склонность эта становится все более размытой из-за отступления от традиционных норм общества, что открывает новые грани поведения каждой личности, доступ к которым был ограничен привычными гендерными рамками. Новые гендерные ценности, в первую очередь, позволяют воспринимать человека как личность, а не как набор стереотипов, соответствующих полу. Эмоциональная разгрузка, доступ к образованию и рабочим местам, грамотное разделение обязанностей как рабочих, так и домашних, и т.д. возникающие при подобном устройстве мира, способствуют снижению стресса, устранению части материальных проблем, что ведет и к укреплению экономического положения каждого индивидуума, так и страны, в которой он проживает, улучшению общего качества жизни, улучшению взаимопонимания между полами в целом и отдельными взаимодействующими личностями. [2]

Симбиоз между данными устройствами общественных взаимоотношений, если не невозможен, то крайне труден, в связи с полярностью взглядов на устройство вещей. Возникший конфликт между восприятиями существует еще с XVIII века, выражаясь в таком движении как феминизм, главной идеей которого и является гендерное равенство. За несколько веков тяжелой борьбы данное движение позволило достаточно сильно изменить мировые порядки, позволив решить вопросы наделяния женщин правами, которыми обладали мужчины, но борьба продолжается и сегодня, так как, возвращаясь к вышесказанному, все еще существует масса проблем, решение которых необходимо для улучшения качества жизни. Важно и то, что в XXI веке к данному движению активно присоединяются представители мужского пола, поскольку феминизм борьба за равные права, а не за превосходство женщин, а часть традиционных ценностей лишают некоторых прав и мужчин. [1]

1. Евдокия Мельник. Как проявляется гендерное неравенство // *GQ Russia*. 2021.

2. Берн Ш. Гендерная психология. //СПб.: Прайм – Еврознак, 2001. — с. 124 – 175.

ФЕНОМЕН РЕПРОДУКТИВНОГО НАСИЛИЯ НАД ЖЕНЩИНАМИ В РОССИИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ

Муромцева Дарья Олеговна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Феномен репродуктивного насилия существовал во все времена, женщины рожали мальчиков для нужд и защиты государства, они должны были воспроизводить потомство с определенной периодичностью по традиции своих народов, их принуждали к рождению детей по всевозможным политическим, экономическим, культурным причинам, а желание женщин и их слово в вопросе деторождения практически не учитывалось. Несмотря на то, что еще в 20 веке, благодаря усилиям феминистских движений, развитию правовых механизмов по защите прав человека и достижениям медицины в области контрацепции, были созданы все предпосылки для достижения свободы в реализации репродуктивных прав как женщин, так и мужчин, проявления репродуктивного принуждения и насилия не искореняется даже в демократических странах. Как это ни парадоксально, в 21 веке многие женщины сталкиваются с различными формами репродуктивного насилия и давления в своей повседневной жизни, в том числе от своего ближайшего окружения, родственников и партнеров.

Первый шаг на пути к решению этой проблемы - ее научное осмысление, а для этого необходимо преодолеть понятийные разногласия и неопределенность ключевых терминов. На сегодняшний день понятия “репродуктивное насилие” и “репродуктивное давление”, не являются концептуализированными в российском научном сообществе. Более того, на это тему проведено очень мало исследований и написано небольшое количество научных работ.

Говоря о термине “репродуктивное давление”, найти его точное определение в российском научном дискурсе практически невозможно, однако ссылаясь на оксфордский толковый словарь по психологии, можно определить термин социальное давление, который означает “...принуждающее влияние других, особенно когда они действуют как скоординированная группа. Обычно употребляется только тогда, когда такие модели давления лежат за пределами формализованных систем ценностей общества”. Другими словами, используя данное определение в контексте репродуктивного давления, можно констатировать, что это принуждающее влияние общества или отдельных его представителей на женщин по вопросу распоряжения их репродуктивными правами.

В отечественном законодательстве отсутствует понятие “репродуктивное насилие”, так же отсутствует, более того, оно неоднозначно определено в научных статьях по рассматриваемой теме, однако им можно обозначить действия со стороны акторов насилия, которые определяют собой этот термин, а именно: репродуктивное насилие включает в себя не только принуждение к деторождению, но и насильственную стерилизацию, принуждение к абортam и насильственную контрацепцию, так называемый “контрацептивный саботаж”. То есть, любое внешнее насильственное вмешательство на решение женщины по вопросам, связанным с ее репродуктивными правами, приравнивается к репродуктивному насилию.

1. Прохоренко Ю.И. *Репродуктивное насилие: постановка проблемы // Ученые заметки ТОГУ. – 2019. – №3. – С. 99-104.*
2. Прохоренко Ю.И. *Репродуктивное насилие как феномен социального мира // Трансформация социального мира в современную эпоху. - 2019. - С. 53-59.*
3. Новоселова А.Ю. *Современный феминизм: против представлений о нем как о пережитке прошлого или как явного перегиба в его современном состоянии // Студенческая наука и XXI век.*

4. Пирожкова И.Г., Поминова И.В. *Международные стандарты и дефиниция репродуктивных прав человека: проблема неопределенности в отечественном правопорядке // Медицина. -2022. -№ 1 (37). - С. 50-59.*

СЛОЖНАЯ РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КРАСОТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Нагний Мария Олеговна

(Российский государственный социальный университет)

Красота указывает на аспект социальной идентичности, который создает репутацию на основе появления при первом контакте, выражений и последовательного поведения, наблюдаемых и оцениваемых другими как показатель общего индивидуального жизненного капитала. Красота — это гибкий человеческий элемент, который формирует эмоционально врожденную индивидуальность человека, сформированную как взаимодействиями, так и социальными конструкциями, что делает ее предметом манипуляций для удовлетворения потребностей различных групп или культур.

Согласно Эриксону и Тернеру [4], красота представляет собой социальные конструкции, идеи, мысли или физические атрибуты, которые привлекают человеческие чувства. Это понятие ограничивает красоту эмоциональным контекстом, блокируя другие сферы жизни, которые естественным образом снижают состояние удовлетворенности. Таким образом, основываясь на элементе социальной конструкции, который варьируется в зависимости от географических условий, стандарты красоты значительно различаются в разных культурах, обществах и временах.

С этой точки зрения, наши позитивные ожидания от привлекательных людей превращают красоту в значительный капитал, приносящий вознаграждение неожиданными способами, такими как популярность, дружба, власть, слава, а также в работе, связанной с обслуживанием клиентов и развлечениями. Таким образом, красота, так же как раса, пол, сексуальность, возраст и другие демографические характеристики, может быть решающим скрытым фактором, усиливающим неравенство. С этой точки зрения в этой статье рассматривается красота и обсуждается ее вклад в социальное неравенство во всех сегментах жизни.

Механизм, посредством которого красота способствует социальному неравенству, связан с ее влиянием на возможности, созданные благодаря силе идеологии, такие как возможности получения дохода, гендерная стратификация и культурный капитал.

Концепция проблемы суждения исследует различия в оценке, возникающие из-за несовершенной информации, оцениваемой на основе конкретных фактов. Размышляя о пользе впечатления, которое поверхностно влияет на коллективное суждение, вознаграждение привлекательных людей как на рабочем, так и на социальном рынках, таких как предпочтения в браке и отношениях, демонстрирует процессы, благодаря которым красота окупается. Красота идеально иллюстрирует очевидную тенденцию общества отдавать предпочтение красивым или привлекательным людям перед менее привлекательными, положительно привязывая внешность к личному характеру и способностям, феномену, который не имеет социальной ассоциации.

Таким образом, «красота платит» — это концепция, которая зависит от предубеждений общественного консенсуса, в котором отличительный внешний вид формирует личный характер и профессиональные способности. Слабость человеческого суждения является фактором эффекта ореола, идеологии, описанной Форгасом и Лахамом, которая в значительной степени полагается на потенциально обманчивую внешность, чтобы связать красоту с производительностью [2]. Эта концепция подчеркивает, как общество стремится вознаграждать физически привлекательных людей не только материальными элементами, такими как возможности трудоустройства или

более высокая оплата, но и предполагает, что они обладают лучшим характером или способностями. Напротив, менее привлекательные люди, независимо от их профессиональных способностей или морального положения, несправедливо подвергаются критике, основанной на впечатлении, в зависимости от биологической предрасположенности, что лишает их возможности честно конкурировать со своими противоположными партнерами.

Согласно Хамермешу, статистика показывает, что мужчины и женщины, красота которых ниже среднего, зарабатывают на 17% и 12% меньше, чем их красивые коллеги, соответственно [3]. Это экономическое неравенство указывает на вероятный факт, что привлекательные люди имеют определенные преимущества перед менее привлекательными во всех аспектах жизни, включая получение более образованных супругов и конкуренцию за выборные должности. И наоборот, менее привлекательные люди имеют низкий уровень успеха в трудоустройстве, более высокую вероятность потерять работу и повышенный потенциал зарабатывать меньше денег в жизни. Эти финансовые различия демонстрируют существенный вклад красоты в усиление социального неравенства и создание классовых различий.

В целом, эти откровенные благосклонности доминируют в общественной среде, расширяя преимущества красоты как концепции социального капитала, который общество должно культивировать или развивать. Это знание объясняет рост числа салонов красоты и расширение рекламной индустрии.

Поскольку люди склонны уравнивать биологические условия с социальными требованиями, необходимо отметить, что склонность к созданию хорошего впечатления проистекает из эволюции и формирования социальных предпочтений и выбора с течением времени. Таким образом, учитывая возможность принимать решения о выборе и назначении людей на важные должности, все люди, как правило, сходятся в социально желательной точке предпочтения, что дает привлекательным людям лучшее конкурентное преимущество перед их коллегами. В этом случае социальные ценности положительно повышают результаты успеха для людей с лучшим телосложением и предоставляют им больше шансов на собеседования, назначения на более высокие должности и более высокое вознаграждение.

В социальной стратификации красота играет решающую роль в установлении стандартов и шкалы измерения для каждой сексуальной категории. Первая линия дискриминации включает идентификацию людей по измерению социального познания, что обеспечивает основу для суждения по признаку пола и предпочтительного отношения на экономическом рынке. Элементы, определяющие гендерные стандарты физической привлекательности, соответствуют взглядам общества на красоту в каждой категории пола и ожидаемым ролям.

Феминистские ожидания являются результатом угнетения женщин мужчинами, что делает красоту все более важной предпосылкой, оказывающей гораздо более значительное влияние на успех женщин, чем мужчин. Поэтому для женщин привлекательность считается знаком превосходства, который нуждается в постоянном совершенствовании для повышения их индивидуальной рыночной стоимости и конкурентного преимущества.

Изучая социальную дискриминацию женщин по признаку пола, влияние мужской власти на определение вкусов и стандартов красоты для женщин увеличивает их проблемы в поиске социальных возможностей. Таким образом, привлекательность женщин является оружием массового влияния, которое упаковывает и инсценирует все другие атрибуты в светских судах [1]. Основываясь на концепции силы эротического капитала, женская привлекательность может повлиять и запрограммировать взгляды мужчин на женские качества и общие способности. Эмоциональное содержание этого подразумевает, что мужчины могут игнорировать все другие атрибуты в пользу женской привлекательности, делая красоту социально-экономическим капиталом, который женщины могут использовать для повышения своего иерархического статуса. Поэтому,

учитывая влияние патриархальных взглядов на профессиональный успех женщин, женщины должны инвестировать в развитие этого актива, чтобы обеспечить оптимальные результаты в жизни.

В завершении, хочется отметить, что социология подчеркивает позитивный вклад красоты в общество, а также демонстрирует ее вклад в социальное неравенство. Несмотря на то, что красота является социальной конструкцией, основанной на индивидуальном культурном, экономическом и социальном капитале, красота существенно влияет на результаты других атрибутов, таких как навыки и способности. Учитывая эту способность определять или определять успех людей в социальных и экономических аспектах, можно сделать вывод, что привлекательность может определять то, как люди живут, взаимодействуют и договариваются о своем прогрессе в социальном масштабе. Таким образом, красота играет решающую роль в создании и установлении социального неравенства в разных группах населения.

Однако этот вклад подрывает представления о биологических различиях и социальных рамках, определяющих уровень применения. Поэтому желательно понять тот факт, что красота не является хорошим источником информации, поскольку внешность может быть обманчивой. По сути, предположение, что то, как кто-то выглядит, отражает характер человека, не только дискриминирует, но и способствует неправильному суждению и увековечивает коррупционную практику.

1. Спейд, Джоан З.; Валентин, Екатерина Г., ред. (2013). *Калейдоскоп пола: призмы, закономерности и возможности*. МУДРЕЦ. С. 584–585
2. Форгас, Дж. П. и Лахам, С. (2007). *Эффекты ореола*. В: R. Vaumeister & K.D. Vohs (ред.) *Энциклопедия социальной психологии*. (стр. 409–415).
3. Хамермеш, Даниэль С. 2013. *Красота платит: почему привлекательные люди более успешны*. Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета.
4. Erickson, Mark, and Charles Turner, eds. 2016. *The sociology of Wilhelm Baldamus: paradox and inference*. New York, NY: Routledge.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК РОДИТЕЛЯМИ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ

Новоселова Елена Николаевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Исследования в области социологии здоровья демонстрируют разницу в самооценках здоровья мужчинами и женщинами. Женщины оценивают свое здоровье ниже, чем мужчины, при этом заболеваемость у женщин выше. Необходимо отметить, что гендерная разница в самооценках здоровья сокращается, и она практически прямо пропорциональна уровню гендерного неравенства в стране. Например, в Финляндии оба пола в равной степени высоко оценивают свое здоровье, в то время как в России гендерные различия значительные [1]. Данная тема интересна и достаточно хорошо исследована, нас же интересует каким образом пол респондента влияет на субъективную оценку ими здоровья детей. Эмпирической базой работы является исследование кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (СеДОЖ, N=2479), которое представляет собой одновременный опрос мужей и жен, что дало возможность сравнить мнения супругов [2].

При ответе на вопрос «Что должны, на Ваш взгляд, наиболее сильно ценить Ваши дети?», 61,5% респондентов называют здоровье (средний ранг ценности «здоровье для детей» – 2,4 и она стоит на первом месте в рейтинге ценностей). Родители чаще всего солидарны в том, что дети должны ценить и беречь свое здоровье. Более 70%, возводит его на пьедестал, при этом своему собственному здоровью придается меньшее значение

считая, что здоровье «для детей» важнее. Такая позиция родителей понятна, однако здоровье родителей является детерминантой здоровья детей.

Родители оценивают состояние здоровья детей как хорошее и удовлетворены им. Только 0,7% родителей оценивают здоровье детей как плохое, 81,4% – как хорошее, количество позитивных оценок несколько снижается с ростом возраста детей (Росстат). По данным СеДОЖ, лишь в 0,9% случаев оба родителя не удовлетворены состоянием здоровья детей. Обращает на себя внимание, что удовлетворенность здоровьем детей у мужей выше, чем у жен - в 26,3% семей мужчины демонстрируют более высокие оценки, оценки женщин выше в 15,2% пар. Об отсутствии недостатков в физическом развитии детей заявляют 69,8 % отцов и 58,1% матерей, 21,4% и 28,7% мужчин и женщин соответственно такие недостатки у своих детей отмечают [4]. Данный факт может быть связано как с тем, что женщины в целом склонны занижать оценки здоровья, так и с тем, что матери больше осведомлены о состоянии здоровья детей и оценивают его более реально.

В последнее время наметилась тенденция к симметрии семейных ролей - 90% респондентов считают, что оба супруга в равной мере должны заниматься воспитанием детей, однако «между традиционными представлениями о «мужских» и «женских» семейных ролях и реальным распределением обязанностей в семье всё ещё сохраняется определённая дистанция» [3]. В половине семей (46,3%) жена осуществляет присмотр за детьми (в 22,3% случаев – муж и жена вместе), а участие отцов ограничивается лишь играми с ними [3]. Несмотря на то, что отцовство явно меняется в современной России, «вовлеченный отец» пока лишь образ, присутствующий в общественном сознании. Что касается здоровья, то 65% мужчин и 83% женщин уверены в том, что женщина несет ответственность за здоровье членов семьи, она же принимают решение о лечении (ВЦИОМ).

Оба родителя несколько искаженно оценивают уровень здоровья своих детей, давая ему оценку – хорошее 1,5-3 раза чаще, чем педиатры [5]. Воспринимая здоровье исключительно как отсутствие болезней и игнорируя взаимосвязь физического, психического и социального благополучия, родители не понимают самой сущности понятия здоровья и транслируют эту же болезнecентрическую модель своим детям.

1. Везрманн Р., Хелемяэ Е. Оценка здоровья мужчинами и женщинами в России, Эстонии, Литве и Финляндии // Социологические исследования. 2016. №7.
2. И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов (по результатам социологических исследований) / под ред. А.И. Антонова. М. 2022.
3. Кучмаева О.В. Семейные роли в современной российской семье: традиции и современность // Культурное наследие России. 2016. №2.
4. Лигута В.Ф. Отношение родителей к физической культуре, здоровому образу жизни и физическому воспитанию детей // Вестник ТГПУ. 2016. №12 (177).
5. Пикуза О.И., Сулейманова З.Я., Закирова А.М. Роль семьи в формировании здоровья ребенка // Практическая медицина. 2019. №5.

ИНСТИТУТ РОДИТЕЛЬСТВА В 21 ВЕКЕ: НОВЫЕ ЦЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ

Оргадыкова Альви Хонгоровна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Современное родительство, вписанное в процессы индивидуализации и рефлексивной модернизации, перестает рассматриваться обществом как исключительно «естественная», биологически определенная социальная практика. Специфика последних десятилетий - «разделение родительства и семьи», а точнее разделение родительства и супружества. Одна из тенденций, связанная с трансформацией института родительства,

выражается в его отделении от биологической основы. Многие отцы (реже матери) не живут вместе с детьми, некоторые из них являются «эпизодическими» родителями, а другие, не поддерживая никаких контактов с ребенком, остаются только биологическими родителями. В современной России происходит рост вариативности родительского поведения и норм. Происходит увеличение сводных, приемных, т.е. небологических родителей, профессиональных, патронатных родителей-воспитателей. Рождение и воспитание детей, чадолюбие перестает быть социальной нормой, становится проявлением индивидуального предпочтения как женщин, так и мужчин. В обществе получают распространение неполные семьи, растёт число гражданских браков, появляются альтернативные типы моногамной семьи, как «пробное супружество», а также различные формы полигамных семей (полигиния, полиандрия, свингеры).

В последние десятилетия происходит расширение вариативности в реализации супружескими парами репродуктивных прав. Изменение института семьи, сопровождающиеся возникновением новых социальных ролей и систем родства, тенденцией откладывать рождение первого ребенка на более взрослый возраст, что связано с ценностным сдвигом. Как женщины, так и мужчины могут полностью отказаться от деторождения и оставаться бездетными до конца жизни или могут произвести на свет определенное количество детей, при этом искусственно ограничивая фертильность с помощью искусственного прерывания беременности или контрацепции; могут отложить появление детей на пострепродуктивный период; могут привязать деторождение к определенной форме брака или вовсе не связывать рождение детей с семейным союзом; могут заниматься лечением заболеваний, препятствующих зачатию или вынашиванию ребенка или прибегнуть к помощи репродуктивных доноров; могут выбрать традиционную беременность или пригласить суррогатную мать. Эти возможности репродуктивного выбора поддерживаются современными социальными и экономическими отношениями, нормами и обеспечиваются вспомогательными репродуктивными технологиями [1].

Знание о том, как «правильно» любить и заботиться о ребенке в обществах постиндустриального типа перестает быть стандартизированным, передаваемым женщинами разных поколений [3]. Оно усложняется и дифференцируется по форме и содержанию. Его производство и трансляция, а также контроль за применением монополизируется экспертами различных социальных институтов. Профессионализация родительства влечет за собой рост требований к исполнению родительской роли, усложнение правил и стандартов родительской заботы, формулирование которых происходит при помощи различного рода экспертов. Тенденция отделения современной семьи от своих близких родственников (родительской семьи) в значительной степени препятствует усвоению подрастающим поколениям как семейных, так и общественных ценностных ориентаций. Поскольку родителям нового типа все менее свойственно перенимать опыт старшего поколения, они более склонны приобретать знания как из формализованных источников, таких как тренинги, вебинары, психологи-консультанты, так из самого широкого спектра цифровых сервисов. Современная семья также готова пользоваться услугами приходящих помощников по хозяйству, как частных, так и трудоустроенных в специализированных агентствах, количество которых за последние годы возросло. Жены/мамы считают, что потраченные на выполнение домашнего труда деньги третьими лицами, стоят высвободившегося времени, которое они могут потратить на себя или на детей. Мужья/папы их в этом поддерживают [2]. Таким образом, родители привлекают к рождению, развитию и к воспитанию ребенка 3-и лица в виде вспомогательных репродуктивных технологий, детских центров дополнительного развития, детских дошкольных учреждений, иных образовательных и развлекательных организаций, отдельных людей (воспитателей, педагогов, тренеров, профессиональных нянь), организации по решению задач некоторых других репродуктивных, досуговых

,экономических, воспитательных, психологических, коммуникативных и фелицитологических функций семьи.

Процесс развития и изменения родительства как социального института чаще всего связывают с вопросами стабильности общества, видя в нем основное условие трансляции социальных ценностей от поколения к поколению. В настоящее время все тенденции (вышеуказанные выше) не способствуют решению демографической проблемы, с которой столкнулась Российская Федерация в 21 веке.

1. Богомякова Е.С., Ломоносова М.В. *Вспомогательные репродуктивные технологии: к вопросу о новых формах социального неравенства* // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том 20. № 3. С. 180-198.

2. Коренькова М.М., Самылина Д.А., Труднова О.С. *Коммерциализация семейных функций: между спросом и предложением* // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Т. 11. № 20. С. 114–132.

3. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. *Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием* // Журнал исследований социальной политики. Том 14. № 4 С.521-532.

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА ВКЛЮЧЕННОСТЬ В СПОРТ ЖЕНЩИН

Петрова Елизавета Михайловна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В современном обществе спорт играет важную роль в жизни людей. В то же время в обществе существует стереотип, который касается непосредственно женского участия в спорте. Исследователи отмечают неравенство: женщинам запрещено заниматься некоторыми видами спортивной деятельности, в других для них существуют отдельные условия.

Одной из важных характеристик включенности людей в спорт является их мотивация к данной деятельности. Мотивация может меняться на протяжении спортивной жизни [1, 52]. Самый частый мотив для занятия спортом – возможность достичь успеха. С началом первичной социализации девочки сталкиваются с установкой о том, что спорт – мужское занятие.

В последние годы популярна андрогинная теория спорта, разработанная зарубежными исследователями, устанавливающая, что спортсмен пола не имеет. Требуются равные условия для мужчин и для женщин. Так, спорт порождает дисбаланс гендерной дифференциации субъекта [2, 181]. У девочек, которые вовлечены с раннего возраста в спортивную деятельность, развиваются маскулинные качества, такие как агрессивность, целеустремленность, упорство.

Женщины получили доступ к Олимпийским Играм только в 1900 году, имея право принимать участие в пяти видах деятельности: теннис, крокет, верховая езда, гольф и парусный спорт [3, 84]. Так, только недавно женщины смогли стать полноправными спортивными субъектами. На последних Олимпийских Играх доля женщин уже достигла 50% от общего числа участников, что говорит о том, что они все больше могут позволить себе заниматься спортом.

На сегодняшний день в спорте выделяют три тенденции к эмансипации [4, 37]. Во-первых, сюда относится расширение женских чемпионатов. Это открытие секций женского футбола и хоккея, вывод их на профессиональный, а не только любительский уровень. Во-вторых, женщины стремятся обогнать мужские достижения. В-третьих, женщины стараются освоить традиционно считаемые мужскими виды спорта. Сюда относят, например, бокс, единоборства, тяжелую атлетику.

Виден прогресс участия женщин в спорте и их желание укреплять свои позиции в деятельности. Однако эксперты отмечают также проблемы, которые влечет за собой вовлеченность женщин в спорт: проблемы со здоровьем, которые не совместимы с нормальной работой женского организма (гипертония, задержка полового развития, сбои менструальной функции) [5, 44].

Таким образом, женщины в настоящее время не достигли в спорте равных прав с мужчинами, несмотря на видимый прогресс в этой сфере. Это связано в первую очередь с физическими особенностями их развития, которые не позволяют совмещать важные женские функции и профессиональный спорт.

1. Владынцева А. С., Приходько Е. В. *Взаимосвязь мотивации и гендера в спорте//Психологические знания в контексте современности. Гомель, 2021, С. 50-57*
2. Родоманова С. С., *Социальные проблемы гендерных отношений в спорте. СПб.: Алтейя, 2006. 324 с.*
3. Семенова В. Э., *Спорт в тендерном обществе: битва женщин и мужчин, или соперничество равных?/В. Э. Семенова//Вопросы культурологии. 2009. №6, С. 84-87*
4. Попов В. П., *Современные проблемы и перспективные концепции в женском спорте/ В. П. Попов, А. В. Макаревич//Мир спорта. 2019. №1(74). С. 25-31*
5. Соболева Т. С., *Женский спорт в свете проблем формирования пола/Т. С. Соболева, Д. В. Соболев//Лечебная физкультура и спортивная медицина. 2012. 9(105). С. 43-49*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАТЕРИНСТВЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

*Проценко Ирина Андреевна
(УрФУ)*

*Панкова Светлана Николаевна
(УрФУ)*

С активным использованием Интернета люди стали обмениваться с огромной аудиторией незнакомых им людей информацией о своей повседневной жизни, не скрывая истинных эмоций и чувств, женщины с детьми не исключение. По результатам исследования 2018 года компании MDG Advertising, около 96% матерей в Америке уделяют свое внимание социальным сетям, поисковым формам и маркетплейсам [1].

В России только можно предположить сколько таких женщин, так как данных исследований пока нет, но можно предположить, что не меньше, чем в США. Основываясь на статистике за 2021 год от компаний WeAreSocial и Hootsuite, около 60% пользователей Интернет – женщины [2], из них около 12% имеют детей.

Л.А. Грицай [3] утверждает, что в России сейчас происходит кризис материнства и разделяет его на три типа – традиционный, феминистский и компромиссный. Л.Г. Сологуб [4] определяет его как социальный институт, формирующий новую культуру – «матрицентризм».

Наша цель заключалась в анализе представлений о материнстве на Интернет-платформе Youtube. Объект – мамы с младенцами и детьми до 12 лет. Предмет – представления о материнстве на Интернет- платформе Youtube. Метод: наблюдение. Нам было важно рассмотреть, как сами женщины с детьми воспринимают роль матери, и как аудитория к этому относится, увидеть есть ли различия от сформированной общественной мысли.

По ключевому запросу (блог о материнстве) были отобраны каналы женщин недавно родивших, либо имеющих детей до 12 лет, были как с 24 подписчиками, так и

свыше 140 тыс. Анализируя их блоги, четко прослеживалась идея об «неидеальном материнстве», о желании делиться своими успехами и неудачами, чтобы помочь другим матерям не только в воспитании детей, но и самоопределении себя, как матери.

В результате мы пришли к выводу, что цифровая эра позволяет людям реалистично смотреть на роль матери, осознанно подходить к роли родительства. Благодаря таким каналам на Youtube любая женщина сможет сформировать новое представление о материнстве, отличное от принятого «идеального образа».

1. *How to Market to Moms: 5 Insights for Brands [Infographic] [Электронный ресурс]* URL: <https://www.mdgadvertising.com/marketing-insights/infographics/how-to-market-to-moms-5-insights-for-brands-infographic/> (Дата обращения: 18.09.22)
2. *Интернет и соцсети в России в 2021 году — вся статистика [Электронный ресурс]* URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/> (Дата обращения: 18.09.22)
3. *Грицай Л.А. Кризис традиционного материнства в современной России: социально-психологический аспект // Журнал практической психологии и психоанализа. 2010. №3. С. 55-59.*
4. *Сологуб Л.Г. Материнство как социальный институт: дисс. ... канд. социол. наук. М., 2001. 182 с.*

ОБУЧАЮЩИЕСЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ: СОЦИОГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

*Пугач Виктория Федоровна
(НИТУ "МИСиС")*

Одна из 17 целей в области устойчивого развития, установленных ООН на период до 2030 года, цель 5, посвящена гендерному вопросу: «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек». [1].

Гендерные аспекты привлекают все больше внимания исследователей, рассматриваются применительно к разным областям, сообществам, в том числе к системе образования.

В данной статье рассматривается социум системы образования – обучающиеся на всех уровнях осваиваемых образовательных программ: от воспитанников детских дошкольных учреждений до докторантуры включительно. Данные для статистико-социологического анализа контингента обучающихся приведены в табл.

Таблица. Социогендерные характеристики системы образования России (по состоянию на 2020 г.)

Уровни образования	Обучающиеся, тыс. чел	В т.ч. лиц женского пола, тыс. чел.	%	Индекс гендерного паритета	Охват населения, %	Охват среди лиц мужского пола	Охват среди лиц женского пола
Всего, чел.	31811,0	15573,9	49,0	0,96			
В т. ч.							
Дошкольное образование	7442,9.	3589,6	48,2	0,93	70,7 1–6 лет	н/д	н/д
Школьное образование	16893,7	8267,9	48,9	0,96	98,8 7–17 лет	н/д	н/д
Среднее профессиональное образование, подготовка квалифицированных рабочих, служащих (НПО)	576,5	174,2	30,2	0,43	12,8 15–17 лет	17,5	7,9
Среднее	2759,8	1376,2	49,9	0,99	38,0	37,3	38,7

профессиональное образование, подготовка специалистов среднего звена (СПО)					15–19 лет		
Высшее образование	4049,3	2127113	52,5	1,11	32,3 17–25 лет	30,1	34,6
Аспирантура	87,8	38455	43,8	0,78	-	н/д	н/д
Докторантура	979 чел.	451 чел.	46,1	0,86	-	н/д	н/д

Рассчитано по источникам: [2, с. 230, 236, 246, 255, 265, 281; 3, с. 67].

Общая численность контингента обучающихся в 2020 г. в России составила 31,8 млн, из которых 15,6 млн составили лица женского пола, или 49%.

Как видно из данных таблицы, гендерный состав обучающихся на всех уровнях образования, от дошкольного до докторантуры, достаточно близок. При этом минимальное значение доли женщин – чуть менее трети – наблюдается на уровне НПО, максимальное – 52,5% – среди студентов вузов. Наиболее близко к паритетному состоянию находятся студенты СПО. Обращает внимание неожиданное соотношение доли женщин среди аспирантов и докторантов – среди последних эта доля выше, хотя традиционно соотношение обратное. Возможно, сказываются депрессивные тенденции в динамике докторантуры последних лет.

Индекс гендерного паритета показывает, что наиболее удаленными от гендерного паритетного состояния являются студенты НПО, что обусловлено характером рабочих специальностей. Индекс, превышающий единицу, отмечен только у студентов вузов, причем отклонение от единицы относительно небольшое.

Охват населения разных возрастных групп разными уровнями образования, естественно, существенно отличается. Максимальный – на уровне начального, основного и среднего общего образования, охват детей в возрасте от 7 до 17 лет – 98,8%. На втором месте – дошкольное образование, в 2020 г. в России этим видом образования было охвачено 70,7% дошкольников в возрасте от 1 до 6 лет. Далее с небольшим отрывом идут СПО и высшее образование, охват СПО молодежи 15–19 лет и высшим образованием в возрасте от 17 до 25 лет 38,0 и 32,3% соответственно. Минимальный охват молодежи от 15 до 17 лет, обучающейся по программам НПО, 12,8 %.

Анализ охвата молодежи образовательными программами в гендерном аспекте показывает, что на уровнях среднего профессионального и высшего образования охват среди женщин несколько выше, чем среди мужчин. При том на уровне высшего образования женщины опережают мужчин в большей степени, чем на уровне среднего профессионального (индексы гендерного паритета равны соответственно 1,15 и 1,04). Ситуация с гендерным ландшафтом на уровне охвата НПО иная, здесь не только наблюдается явное преобладание мужчин, но и степень отклонения от паритетного состояния больше, индекс гендерного паритета 0,45.

Выводы. Социогендерные характеристики обучающихся на всех уровнях системы образования в России свидетельствуют о значительных успехах в этой области, приближении контингентов обучающихся к гендерному равенству, о реальных возможностях мужчин и женщин получать образование на всех уровнях, включая аспирантуру и докторантуру.

1. ЮНЕСКО и Цели устойчивого развития <https://ru.unesco.org/sdgs>
Индикаторы образования: 2022: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. 2. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022.

2. *Индикаторы науки: 2022: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М.Н. Коцемир и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022.*

ГЕНДЕРНЫЙ «РАЗРЫВ» НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

Салихова Ирина Сергеевна

(Московский государственный лингвистический университет)

Гендерное неравенство является темой изучения большинства наук. Абсолютное равенство, в том числе гендерное, является утопией и недостижимо, поэтому волнует многих ученых, и дискуссии вокруг данного явления продолжаются и сегодня.

Понятие гендерного «разрыва» обычно связано с разницей между мужчинами и женщинами в различных отношениях, например, политических, социальных или интеллектуальных. Чаще всего эта разница ощутима в экономической сфере.

Международная организация труда (МОТ) позаимствовала идею полного гендерного равенства из Декларации «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» [1]. В ней прописано, что если у женщин нет равных прав и возможностей наравне с мужчинами или они вытеснены из какой-либо сферы общественной жизни, общество нельзя считать демократичным.

Согласно данным (МОТ), гендерный «разрыв» с каждым годом снижается, но понадобится около 202 лет, чтобы добиться полного равенства полов. Например, в странах Европейского Союза «разрыв» в плате труда снизился на 1,3 п.п. за 9 лет (в 2006 г. составлял 17,7%, а в 2015 г. – 16,4%). В России он также снизился с 39,3% до 27,4%, «то есть именно на эту величину средняя зарплата женщин была меньше средней зарплаты мужчин» [2].

В Российской Федерации на законодательном уровне закреплено равенство мужчин и женщин во всех сферах общества, однако на рынке наблюдается фактическое неравенство, которое проявляется в условиях труда, занимаемых позициях, но чаще в оплате труда.

Неравенство полов на рынке труда прослеживается в нескольких сферах, например: в неравном распределении мужчин и женщин по экономическим сферам, занимаемым позициям и оплате труда.

В структуре занятого населения Российской Федерации преобладают женщины, а не мужчины (66 188 чел. против 54 875 чел.) [3]. Однако, по данным Росстат доля занятых мужчин на 16% обходит долю занятых женщин, что может быть связано с устоявшимся в обществе патриархальным строем: мужчина является «кормильцем» в семье, а женщина отвечает за ведение домашнего хозяйства.

К «женским» экономическим сферам можно отнести: образование (82%), деятельность гостиниц и предприятий общего питания (74%), финансы (69%) и торговлю (62%), а к «мужским» – строительство (87%) и деятельность в области информации и связи (65%).

Мужчины чаще занимают руководящие позиции, нежели женщины (55% против 45%). Большинство представительниц женского пола работают в качестве специалистов высшего звена (63%) или среднего (59%).

Интересно, что во всех сферах труда мужчина зарабатывает больше женщины. Было рассчитано отношение заработной платы женщины к заработной плате мужчины, которое связано с гендерным «разрывом»: чем доля ближе к 100%, тем меньше это неравенство. Практически одинаковая оплата труда прослеживается в «образовании» (95,2%), а в сфере деятельности гостиниц и предприятий общепита – наблюдается наибольший разрыв (66%).

Таким образом, несмотря на явное преобладание женщин в отдельных экономических сферах, мужчины больше зарабатывают и чаще занимают высокие позиции. Такая тенденция может быть обусловлена тем, что в последние года сформировалась так называемая модель «двойной нагрузки», согласно которой женщина не только работает наравне с мужчиной и вносит вклад в семейный бюджет, но и самостоятельно воспитывает детей (забирает из детского сада/школы, помогает в выполнении домашних заданий и т.д.).

1. Декларация М. О. Т. об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации //Режим доступа: http://www.inp.org/russian/dokumen/declarat/ilo_principles.htm. – 1998. (дата обращения: 02.10.2022)

2. Николаев И. А., Марченко Т. Е., Точилкина О. С. Гендерный разрыв в оплате труда: аналитический доклад //М.: Институт стратегического анализа. – 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.fbkr.ru/upload/medialibrary/bce/Gendernyi%20razryv%20v%20oplate%20truda_doklad.pdf (дата обращения: 02.10.2022)

3. Федеральная служба государственной статистики. Женщины и мужчины России. – 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf> (дата обращения: 02.10.2022)

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОМ СПОРТИВНОМ ДВИЖЕНИИ.

Стадниченко Юлия Владимировна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В 2018 году МОК выпустил проект по обзору гендерного равенства, содержащий 25 рекомендаций. Прогресс в реализации проекта подтверждается установлением на играх в Лозанне и Токио - 2020 новых стандартов гендерного равенства на спортивной арене, а также мер по расширению возможностей во всех областях.

Данные события иллюстрируют течение гуманистических тенденций в современном спорте, среди которых важнейшим направлением является ликвидация гендерного неравенства.

В процессе развития Олимпийского движения женская олимпийская программа постепенно расширялась, хотя не так быстро, как мужская. Начиная с Игр II Олимпиады (1900), в которой женщины впервые приняли участие в соревнованиях по двум видам спорта, и до Игр XXVI Олимпиады (1996), женская олимпийская программа которых состояла из 25 видов спорта, женскому спорту пришлось преодолеть достаточно препятствий, чтобы завоевать олимпийское признание. [1, 6-99]

Процесс интеграции женщин в международное физкультурно-спортивное движение был медленным и трудным. Спортсменки состязались в немногочисленных "традиционно женских" видах за рамками официальной олимпийской программы. Ограниченный контингент участниц полностью отразил тенденции гендерной дифференциации: все спортсменки происходили из привилегированных слоев общества и были представительницами европейской расы. А включению немногих видов спорта в реестр состязаний, к которым женщины все же были допущены, предшествовали бурные кампании, организованные активистками феминистического движения.[2]

История включения женщин в международное олимпийское движение наглядно демонстрирует затяжную борьбу с гендерными предрассудками, развернувшуюся в начале XX века в Европе и Америке. [2]

На протяжении многих лет в мировом сообществе идут дебаты о необходимости расширения участия женщин в Олимпийских играх, устраиваются дискуссии на тему «традиционно мужских» и «противоречащих самой женской природе» видах спорта.

Одной из ведущих задач, требующих решения в международной спортивной сфере, является увеличение представительства женщин в официальных органах спортивных организаций, обладающих правом принятия решения. Национальные олимпийские комитеты (НОКи), под контролем которых находятся олимпийские виды спорта в отдельных странах; международные спортивные федерации (МСФ), обладающие монопольным правом представления олимпийских видов спорта; сам Международный олимпийский комитет, который принимает окончательное решение о включении видов спорта в программу Олимпийских игр, являются организациями, абсолютное большинство членов которых составляют мужчины. Только в 80-е годы небольшое количество женщин появилось на высших уровнях управления международными спортивными организациями, но это было исключением из правил. Да и их деятельность не могла оказать серьезного влияния на принятие различных решений: в 167 национальных олимпийских комитетах всего 7 женщин занимали пост президента и 4 - пост генерального секретаря. [3]

Основанием для доминирования мужчин в МОКе в первую очередь является то, что МОК пополняется представителями национальных олимпийских комитетов, где статус женщин весьма низок. Кроме того, на количество женщин в МОКе влияло отсутствие возрастного ценза для его членов (которые не покидали своих постов и в очень преклонном возрасте). В настоящий момент увеличение количества женщин в МОКе происходит благодаря введению новых НОКов в члены МОК, представителями которых являются женщины. Хотя МОК в настоящий момент и продолжает быть достаточно элитарной организацией, его стремление к демократизации проявляется в том, что он стал более отзывчив к мнению широких масс, и в частности к предложениям относительно уничтожения гендерных разногласий. [3]

Положение женщин в современном спорте сегодня представляет собой сложное и неоднозначное явление, так как оно, с одной стороны, мировым сообществом принимается и поощряется, а с другой - этим же мировым сообществом отвергается, что выражается в минимальном женском представительстве, в ограниченном освещении СМИ женских видов спорта, в предвзятой оценке женских достижений в них. В связи со столь противоречивым восприятием положения женщин в спорте и разделившимся мнением по этому поводу мирового сообщества возрастает риск становления явления борьбы женщин за гендерное равенство как явления искусственно насаждаемого, за которым прячется истинное равнодушие и формализм.

Значительным шагом в решении проблем женского равенства в спорте стала Брайтонская Декларация «Женщины и спорт» (1994г.), она была организована Брайтонским спортивным советом при поддержке Международного олимпийского комитета (МОК). В качестве важнейшей задачи международного спортивного движения формулировалось искоренение всех форм дискриминации женщин и привлечение их к участию в руководстве спортивными организациями на разных уровнях и в любых должностях. Позже была образована «Комиссия МОК по вопросам женщин и спорта» (2004г.) и работа по искоренению дискриминации по половому принципу за гендерное равенство стала важной задачей Международного олимпийского комитета. [4, 164]

Данная стратегия была продолжена на шестой Всемирной конференции Международной рабочей группы «Женщины и спорт», прошедшей 12-15 июня 2014 г. в г. Хельсинки. Декларация «Брайтон плюс Хельсинки 2014 «Женщины и спорт»», подвела итог развитию движения за два десятилетия. К 2020 г. ставилась задача увеличить число женщин в руководящих органах МОК до 40%. [4,165]

Гуманистические задачи, выполняемые международным спортом в решении проблем гендерного равенства, являются актуальными задачами современного спорта. В

числе приоритетных задач, стоящих перед мировым сообществом, заслуживают внимания следующие:

- создание нормативно – правовой базы, нацеленной на достижение равенства;
- борьба со стереотипами в спорте;
- доступность занятий спортом и физической культурой для всех уязвимых групп населения. [4, 167]

Мировым спортивным сообществом принимаются меры по обеспечению гендерного равенства. Так, Олимпийские игры-2024 в Париже должны стать первыми в истории, где будет полностью соблюдено гендерное равенство среди спортсменов. Международный олимпийский комитет (МОК) утвердил, что именно в столице Франции впервые в олимпийских соревнованиях примут участие одинаковое количество мужчин и женщин.

Тем не менее, тема гендерного равенства является неоднозначной и противоречивой для мирового спортивного сообщества, так как из-за противоречивости мнений мирового сообщества на это счет рискует стать искусственно решаемой путем формализации, в то время как достижение действительного гендерного равенства на спортивной арене может решить целый ряд насущных гуманистических проблем.

1. Мельникова Н.Ю. Эволюция женской олимпийской программы // Теор. и практ. физ. культ. 1999, № 6.
2. Мягкова С.Н., Истягина-Елисеева Е.А. Изменение социального статуса женщины на рубеже 19-20 веков и борьба за равноправие в спортивном движении // Международное спортивное и олимпийское движение: история, теория и практика: Межвуз. сборн. науч. матер. Воронеж, 1999.
3. Мягкова С.Н. Проблемы гендерной асимметрии в современном олимпийском движении // Теор. и практ. физ. культ. 2001, № 3.
4. Ермилова В.В. Гендерный феминизм в современном спорте: проблемы и противоречия / Ермилова В.В., Э.Г. Путьятова, В.А. Турянская // Перспективы науки. 2019. № 8 (119). С. 163-168.

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ЖЕНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ЮЖНОЙ Кореи

Тангалычева Румия Кямилъевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Современная Южная Корея известна как общество, в котором после мощного экономического подъема и роста благосостояния населения произошла демократизация социальной и культурной жизни. Демократизация корейского общества, набравшая обороты с 1980-х годов, привела к отмене и ослаблению многих патриархальных норм семейных и гендерных отношений. Тем не менее, многие патриархальные нормы оказались глубоко встроены в социальные институты и практики, которые определяют гендерное неравенство в Южной Корее в наши дни. Согласно Отчету всемирного экономического форума, в 2022 г. Южная Корея заняла 99 место из 146 в мире по уровню обеспечения гендерного равенства [3].

В последние годы наметилась тенденция к инклюзии женщин-режиссеров с феминистской повесткой фильмов в кинематографические процессы Южной Кореи. Ярким примером феминистской волны стала картина, снятая в 2019 году, «Ким Чжиён, 1982 года рождения» женщины-режиссера Ким Тоён [2]. Фильм снят по одноименному роману корейской писательницы Чо Намджу, опубликованному тремя годами ранее [3]. Это история обычной кореянки Ким Чжиён, ставшей собирательным образом корейских замужних женщин в возрасте 30—40 лет (рожденных в 1980-х годах). Книга, как и фильм, стали своего рода феминистским манифестом современных южнокорейских женщин и вызвали ожесточенные споры в обществе. В этих произведениях Ким Чжиён проходит

путь от детства до материнства, вспоминает историю своей семьи, в ходе которой ей пришлось столкнуться с глубоко укоренившимся гендерным неравенством.

Фильм построен на ряде реальных событий, имеющих место в Южной Корее. Начиная с 2018 года в Республике Корея был проведен ряд радикальных феминистских демонстраций против женоненавистнических практик. Движение «Избавься от корсета» состоит в основном из женщин, которые стремятся бросить вызов общепринятым стандартам красоты в южнокорейском обществе. Корейки выступают против использования декоративной косметики, окрашивания волос и косметических процедур (все эти практики весьма популярны в Южной Корее и приносят огромные доходы корпорациям). Подобные демонстрации получили широкую поддержку, и десятки тысяч молодых корейских женщин вышли протестовать против несправедливого обращения и предвзятых стандартов в их отношении.

1. *Ким Чжиён, 1982 года рождения: драма по мотивам романа «Ким Чжиён, рожденная в 1982 году» Чо Намджу / сценарий и постановка: Ю Ёна, Чо Намджу; оператор Ли Сондэ; композитор Ким Тхэсон; в главных ролях: Чон Юми, Кон Ю, Ким Мизён. 1 файл: 01:58:00. 2019. URL: <https://doramy.club/15785-kim-dzhi-yon-1982-godarozhdeniya.html> (дата обращения: 20.09.2022).*
2. *Намджу Чо. Госпожа Ким Джиён, рожденная в 1982 г. / Т. Нэм Джу – «Эксмо», 2016. – 65 с.*
3. *Korea ranks near bottom of annual gender equality index / https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/07/281_332744.html (дата обращения: 20.09.2022).*

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ушакова Валентина Григорьевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Гендерные исследования глобализации непосредственно связаны с проблемами глобального экономического развития, управления и институционального обеспечения прав человека. В условиях углубления мирового кризиса, роста экономического неравенства, формирования новых рисков и нового гендерного порядка, процесс гендерного равноправия становится все более противоречивым. Период ковидного и постковидного развития свидетельствует об очевидной деградации этого процесса.

Неолиберальная стратегия, включающая агрессивное навязывание ЛГБТ-ценностей в контексте глобализации вызывает всё более активное сопротивление, в том числе, и со стороны женских, феминистских, антиглобальных общественных организаций. М.Розенберг, активистка организации «Форум за репродуктивные права» (Аргентина) полагает, что «для женщин Латинской Америки, региона, в котором значительная часть экономических ресурсов исключена из процесса глобализации, чрезвычайно важно участвовать в борьбе против концентрации капитала, санкционированной принципами неолиберализма. Очевидно, что гендерные проблемы нельзя решить без перехода к более справедливым формам перераспределения богатства, того самого богатства, в создании которого мы все принимаем участие. Для женщин Севера борьба – это, прежде всего, дело морального выбора, ибо их благополучие и процветание, построены на плечах женщин из бедных стран, на эксплуатации их труда, на разрушении природной среды во всем мире». К сожалению, многие женские организации, также как и другие НПО первого мира, не до конца осознают, что благополучие Севера связано с общемировой ситуацией. Глобализация покончила с экономической и политической изоляцией. И равным образом «глобализируется эксплуатация: благодаря транснациональной циркуляции прибыли, капитал получает возможности роста за счет ресурсов любой страны. В число этих ресурсов входят и трудовые ресурсы женщин» [1].

Авторитетная сеть женских неправительственных организаций стран Юга DAWN, в частности, предлагает политическую платформу женского движения на основе

демократического дискурса в рамках капиталистической системы. Ключевое значение в этой платформе приобретают четыре темы: репродуктивные и сексуальные права, проблемы здоровья; устойчивый достаток; политические реформы; социальные изменения.

Структура «ООН-женщины» предлагает основу для гендерно-ориентированного мониторинга Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года путем:

подчеркивания центральной роли гендерного равенства в достижении всех 17 ЦУР;

указания пробелов и вызовов для эффективного мониторинга и установления отправных точек и тенденций по целому ряду гендерно-чувствительных индикаторов на основе имеющихся данных;

предоставления конкретных рекомендаций касательно политик; и

создания плана действий для усиления подотчетности по обязательствам, касающихся достижения гендерного равенства на глобальном, региональном и национальном уровнях [2].

В процессе сохранения однополярного мира, администрация США предпринимает попытку кардинального пересмотра социальных и социокультурных различий в ценностной, экономической и политической системах стран. Формируется новый гендерный порядок, внешним предметом которого является гендерное равноправие, а внутренним — конфликт интересов в страновых социальных системах по вопросу правовых и морально-нравственных границ нового гендерного порядка, методов его продвижения [3, 9].

Следует акцентировать внимание не только на процессе трансформации мирового гендерного порядка, но и на беспрецедентной политизации и идеологизации всего комплекса гендерной проблематики. Различные аспекты пола и гендера активно используются в качестве инструментария в глобальной, региональной, национальной государственной политике с целью продвижения выгодных США ценностей и интересов во имя сохранения своего лидерства.

Американская администрация создала новый фонд с бюджетом в \$2,5 млн., цель которого заключается в том, чтобы заставить замолчать противников ЛГБТ-повестки в той или иной стране, где власти пошли на «безрассудство» и запретили ЛГБТ-пропаганду, направленную на несовершеннолетних детей, или стараются остановить трансгендерную идентификацию со стороны детей. Финансируемый за счет средств Фонда глобального равенства (Global Equality Fund), субсидируемой из американского бюджета организации, которая состоит в частном партнерстве с Европейским союзом, скандинавскими странами, а также средств большого числа частных фондов организаций, Глобальный фонд инклюзивной демократии и равноправия ЛГБТ (Global LGBT Inclusive Democracy and Empowerment Fund/GLIDE) создан с конкретной целью — руками «перспективных политиков, видных представителей властных структур, влиятельных фигур в различных общинах, а также религиозных лидеров продвигать политическое взаимодействие и сокращать нетерпимость и нарушение прав человека против ЛГБТ-сообществ» [4].

Страны, которые не укрепляют права представителей ЛГБТ-сообщества, должны «заплатить цену за бесчеловечность», предупредил Д. Байден [5].

В качестве важнейшей цели своего президентства в США он назвал повышение числа членов ЛГБТ+ в американском обществе до 50%. По его мнению, численное преобладание гетеросексуальных американцев над геями является несправедливым. «Мы станем первой в мире страной, где каждый второй житель – гей, лесбиянка или трансгендер. Если не получится перевоспитать нынешних американцев, мы найдём новых. А те, кому это не нравится, могут убраться из страны». [6]. Этот невиданный до сих пор биомедицинский, гуманитарный, социо-гендерный эксперимент с непредсказуемыми последствиями затронет судьбы миллионов людей.

Гендерная культура в нашей стране также претерпевала изменения на разных отрезках исторического развития от традиционной к современной и постсовременной. В настоящее время существует проблема возрождения традиционных ценностей в контексте активного становления и развития цифрового (информационного) общества, укоренения новых био – и социальных технологий. Обществу предстоит найти свою адекватную национальному культурному коду модель нового гендерного порядка в условиях постглобализма.

«Очевидно, что столкновение традиций и новаций в гендерной сфере будет только усиливаться и необходимо расширять исследования этих проблем» [7, 104].

В распространении идей и направлений нового гендерного порядка все активнее используется теория киберфеминизма, являющаяся предшественницей сетевого феминизма. Термин вошел в оборот в начале 90-х гг. прошлого столетия на волне популяризации идей феминистских исследователей, занимавшихся изучением гендерной специфики Интернета и технологиями новых медиа. Киберпространство и Интернет — это, по мнению исследователей, зоны, свободные от таких социальных конструктов, как половые и гендерные различия. Поэтому киберфеминизм рассматривает киберпространство и Интернет в качестве инструментов для ликвидации пола и гендера, совершенствования человеческих возможностей в духе трансгуманизма.

В узком смысле эта философская концепция подразумевает активное использование технологических достижений для качественного улучшения человеческих физических и умственных возможностей. Теория киберфеминизма — духовно небезопасная теория, имеющая достаточно активную поддержку среди сторонников нового мирового гендерного порядка в западных странах.

Формирование нового постглобального гендерного порядка актуализирует проведение как гендерных, так и социо-гендерных исследований.

1. Баллаева Е.А. *Гендер и глобализация: теория и практика международного женского движения.* // <http://www.gender.ru/pages/library/books/doc/globalizacija/ballaeva.doc> (дата обращения 3.10.2022)
2. *От обещаний к действиям: гендерное равенство в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.* // <https://eca.unwomen.org/ru/digital-library/publications/2018/02/gender-equality-in-the-2030-agenda-for-sustainable-development-2018#view> (дата обращения 3.10.2022)
3. Силласте Г.Г. *Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка* // *Женщина в российском обществе.* 2019. № 2.
4. *Байден взялся глобально продвигать ЛГБТ-повестку — American Conservative* // <https://regnum.ru/news/3479578.html>. (дата обращения: 25.01.2022).
5. *Байден: права ЛГБТ выше культур и традиций.* <https://www.golosameriki.com/a/biden-says-he-doesnt-care-about-national-cultures-in-promoting-gay-rights/1944338.html>. (Дата обращения: 25.01.2022).
6. *Байден: «В конце моего президентства гейми станут 50% жителей США»* <https://panorama.pub/news/bajden-v-koncze-moego-prezidentstva-geyami-stanut-50-zhitelej-ssha>. (дата доступа: 25.01.2022).
7. Воронина О.А. *Гендерная культура в России: традиции и новации.* – М. : ИФ РАН, 2018.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА НОРМАТИВНОГО МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ТЕЛА

Хафизова Виктория Рауфовна

(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20365.

Каждое общество выдвигает ряд требований, которым должно соответствовать тело.

С помощью социальных институтов, среди которых особую роль играют медиа, формируются представления о «нормативном теле», включающем в себя свойства физического тела, соответствующие ценностно-нормативным стандартам конкретной культуры. В медиасфере репрезентируются самые разнообразные представления о телесности, среди них можно встретить как традиционные телесные стереотипы, так и непривычные образы, например, наблюдаются тенденции феминизации мужчин и маскулинизации женщин [1]. Кроме того, активно внедряются образы новых тел, ранее считавшихся «ненормативными»: это полные или худые люди, инвалиды, трансгендеры и т.д.

Происходящие в современном обществе изменения актуализируют вопрос трансформации образа нормативной телесности и обуславливают необходимость анализа ожиданий и стереотипов, приписываемых мужскому и женскому телу.

Для исследования телесных стереотипов мы обратились к методу онлайн-опроса. Выборочная совокупность составила 1077 жителей Свердловской области от 18 до 60 лет. Среди опрошенных доля респондентов мужского пола составила 30,3 %, респондентов женского пола – 69,7 %. Опрос проведен в середине 2022 года, результаты обработаны с помощью программы SPSS.

Полученные данные свидетельствуют, что мнения опрошенных мужчин и женщин сходятся в вопросах о наиболее характерных свойствах мужского тела и женского тела. Так, женскому телу свойственны: эстетичность и ухоженность (85,2 %), сексуальность (69 %), стройность (66,4 %). Для мужского тела характерна физическая сила (67,8 %), работоспособность (53,5 %), а также выносливость и наличие мускулатуры. При этом выносливость мужчины посчитали более важной чертой, чем наличие мускулатуры, а женщины, наоборот, чуть выше оценили наличие мускулатуры. Интересно, что респонденты в возрасте 18-30 лет здесь отметили эстетичность и ухоженность (40,3 %). Таким образом, в оценках молодежи наблюдается некоторая степень феминизации мужского тела.

На вопрос о том, какое мужское и женское тело сегодня наиболее востребовано, мужчины и женщины сошлись во мнении, что представителям «сильного пола» должно быть свойственно функциональное, эффективно работающее тело (72,5 %), а среди представительниц слабого пола востребовано эстетичное (красивое) тело (75,8 %).

Полученные данные позволяют заключить, что в целом современные представления соответствуют традиционным телесным стереотипам.

1. Чернышева А.В., Спирюгова А.Г. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции и трансформации // Гуманитарный вестник. 2021. №6 (92). DOI: 10.18698/2306-8477-2021-6-754

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В ДЕЛОВЫХ ИЗДАНИЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*Чернова Анастасия Николаевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

За последние 100 лет мировое общество существенно трансформировалось: женщины стали значимыми участницами экономической и политической сфер деятельности, тем не менее проблема неравенства женщин и мужчин в бизнес-среде сохраняет свое влияние. Гипотеза предстоящего исследования заключается в том, что ввиду сложившихся исторически гендерных стереотипов женщины в среде бизнеса

сталкиваются с коммуникативными барьерами, которые становятся причиной возникновения для женщин «стеклянного потолка». Предлагаем рассмотреть эту проблему на примере деловых изданий, поскольку аудитория именно этих СМИ представлена российскими предпринимателями в большей мере. Деловым изданием принято считать печатные СМИ, удовлетворяющие информационные потребности бизнеса. Тема гендерного неравенства сегодня все чаще привлекает внимание исследователей. В российской медиа-индустрии «стеклянный потолок» кажется проблемой прошлого, если обратиться к фигурам, кто смог его преодолеть - Галина Тимченко, Татьяна Лысова, Елизавета Осетинская, Светлана Миронюк, Елена Мясникова и другие. Тем не менее опыт Санкт-Петербурга свидетельствует о том, что за пределами Москвы проблема гендерного неравенства обладает большей степенью влияния. Так, на примере популярных деловых изданий Санкт-Петербурга «Деловой Петербург», «Коммерсантъ в Санкт-Петербурге», «Эксперт— Северо-Запад», мы можем проследить, что во всех этих изданиях главными редакторами являются мужчины. Почему так происходит, если среди работников медиасферы в 76% региональных изданий женщин больше, чем мужчин [1,17]? Можно ли выявить проблему распространения гендерного неравенства при помощи контент-анализа деловых изданий? Какова политика изданий в отношении гендерного неравенства, ее последствия? СМИ формируют общественное сознание, следовательно можно предположить, что проявление и отражение в деловых изданиях такого явления как гендерное неравенство, проецируется на деловую сферу и закрепляет стереотипы о женщинах в бизнесе. Таким образом, деловые издания Санкт-Петербурга в определенной мере ответственны за формирование бизнес-культуры Северо-Западного региона. А значит вопрос гендерного неравенства в бизнес-среде может быть урегулирован помимо прочего и специальной гендерной политикой деловых СМИ.

1. Российская медиасреда: Гендерные аспекты занятости и карьеры / О.А. Александрова, Ю.В. Бурдастова, Ю.С. Ненахова, З.А. Хоткина; под науч. ред. О.А. Александровой. – Москва: «АНРИ Медиа», 2017. – 50 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ МАТЕРЕЙ В ФОКУСЕ ФЕМИНИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Швецова Анастасия Владимировна

(Уральский государственный педагогический университет)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск», <https://rscf.ru/project/22-28-00636/>

Экономическая активность современных женщин, их профессиональные амбиции и достижения выглядят вполне привычно, воспринимаются обыденной практикой. Однако так было не всегда и сейчас не существует повсеместно. Феминизм как общественное движение оформился в России в середине XIX века, хотя протофеминистические идеи возникали еще у мыслителей древности. Задачи дореволюционного периода фокусировались на основных элементах экономической самостоятельности – доступе к образованию и оплачиваемому труду. С приходом советской власти эти задачи были достигнуты в кратчайшие сроки, с той оговоркой, что экономическая и политическая мобилизация женщин осуществлялась в интересах государства, но не самих женщин, чего требовал признанный буржуазным и антикоммунистическим феминизм.

Трансформация материнства как социального института и как практики неразрывно связана с феминистической методологией, основанной на самоценности женщины вне ее

репродуктивной функции. Впервые в известной нам человеческой истории идеал многодетности был поставлен под сомнение поскольку ограничивал ресурсы женщины в качестве социального и профессионального субъекта.

Мы попытались сделать слепок актуальных практик экономической активности женщин в период декретного отпуска и разобраться в причинах, побуждающих молодых матерей реализовывать дополнительные (помимо ведущей – материнской) стратегии самореализации. Согласно нашим данным, почти четверть молодых матерей считают основным источником своего дохода собственный заработок. Официальный декретный отпуск, один из самых продолжительных в мире, полноценно используют менее 24% опрошенных, пытаясь найти дополнительные возможности для заработка, включая досрочный выход на основную работу (полный день, доля ставки, дистант), временную подработку (фриланс), открытие собственного дела или, что наиболее рискованно, вовлекаясь в сетевые интернет-структуры. В основе экономической активности молодых матерей лежат, что достаточно очевидно, финансовые потребности, однако стремление к саморазвитию незначительно уступает и усиливает позиции такими компаньонами, как скука и трудоголизм. Еще одним трендом является осознанная трудовая стратегия, исключая длительные перерывы и потерю профессиональных позиций.

В фокусе феминистской методологии обозначенные практики могут рассматриваться и как успех (учитывая консервативность материнства и института семьи в целом, произошедший в течение нескольких десятилетий сдвиг выглядит невероятным), и как ложное достижение (учитывая вынужденный характер трудовой активности, режим двойной занятости, ограниченность ресурсов и гендерную дифференциацию в оплате труда). Наметившийся в российском обществе консервативный гендерный поворот способен усилить негативные эффекты этого противоречия, что должно стать предметом научного анализа.

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ НА РЫНКЕ ТРУДА В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Шевченко Ирина Олеговна

(Российский государственный гуманитарный университет)

Трансформация мирового и российского рынка труда происходит давно, исследователи говорят об изменении положения работников в сторону нестабильности, негарантированности. Пандемия, конфликт на Украине оказали влияние на рынок труда и социальное самочувствие работников, эти проблемы будут рассмотрены в гендерном контексте. Используются данные исследования, проведенного в мае 2022 г. коллективом РГГУ под рук. Ж.Т. Тощенко: опрос трудоспособного населения России, метод - формализованное интервью, n=1200, выборка репрезентативна по возрасту, полу, месту жительства, социально-профессиональным группам. Для сравнения используются данные опроса 2018 г.

Работа занимает 4 по значимости место после семьи, здоровья и материального достатка как для мужчин, так и для женщин. Не удовлетворены своей работой 32% мужчин и 25,4% женщин. В 2018 г. не удовлетворенных работой было меньше. Основная проблема, волнующая работников – оплата труда (44,2% мужчин и 45,5% женщин). Величина среднемесячного заработка мужчин составляет 45,4 тыс. руб., женщин – 36,4 тыс. руб. Опасение потерять работу высказывают 25,9% мужчин и 22,3% женщин.

71% женщин оформлены на работу на основе бессрочного трудового договора (мужчины - 61%). Мужчины чаще меняли работу за последние 3 года (24,6%), женщины - 17,3%. 38,7% мужчин меняли работу вынужденно (женщины – 32,2%), у остальных это было собственное решение.

29,4% мужчин имеют ненормированный рабочий день (женщины – 14,8%), реже работают положенные 8 часов 5 дней в неделю (47%), женщины – 62,5%. 53,7% мужчин и 41,1% женщин приходится подрабатывать.

Организация, в которой они работают, не гарантирует социальную защиту: оплату больничных листов – 20,6% мужчин и 16% женщин; оплату отпуска - 19,9% мужчин и 14,1% женщин; оплату за время вынужденной остановки работы - 47,6% мужчин и 34,1%, женщин; оплату ухода за ребенком - 33,9% мужчин и 21,5% женщин; возможность взять отгул при необходимости - 26,9% мужчин и 20,4% женщин.

Уровень доверия в организации высок: 38% мужчин и 37% женщин полностью доверяют коллегам по работе, 33,3% мужчин и 40% женщин – своему руководителю.

За последние 3 года материальное положение улучшилось у 22,7% мужчин и 21,6% женщин, ухудшилось – у 34,4% мужчин и 33% женщин. В 2018 г. на 10% меньше мужчин и женщин сказали, что их положение ухудшилось. 31,3% мужчин и 33,2% женщин отмечают, что их жизнь в ближайшем будущем не улучшится, в 2018 г. таких было около 22%.

Российские работники в 2022 г., на момент проведения исследования, почти не пострадали от введения санкций (пандемия оказала гораздо более серьезное воздействие, что подтверждается данными наших исследований), но ожидают худшего. Вероятно, пессимистические оценки будущего усиливаются негативными оценками обстановки в России: 46,2% мужчин и 37,5% женщин оценивают политическую ситуацию в России как напряженную, критическую.

РЕФОРМЫ В СТОЛИЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Шевченко Павел Владимирович

(МГПУ, Московский городской педагогический университет, Москва)

Феминизированность профессии школьного учителя в России является её специфической чертой, доля женщин составляет 88,4% в целом, варьируя от 81% до 92% в разных возрастных категориях практически во всех регионах страны. Реформы системы московского образования (2010-2020 гг.) привели к значительным изменениям в работе самой системы, а также к изменению традиционного гендерного соотношения.

В результате целенаправленного постепенного повышения зарплаты учителя с 39 т.р. в 2012 году до 122 т.р. в 2022 г., работа учителя стала более притягательной, преимущественно, для мужчин. Сейчас в Москве 13,1% учителей – мужчины, в 2010 г. было 11%, и все эти годы удельный вес мужчин постепенно возрастал. Существенное отличие демографической картины московских школ от России в целом заключается в более высокой доле учителей-мужчин в наиболее активном периоде жизни (до 40 лет). В возрастной категории «25-34 года» доля мужчин среди учителей достигает 25%, таких значений нет больше нигде в стране [2, 76].

Большой удельный вес мужчин-учителей в столице объясняется не тем, что в Москве преодолены гендерные стереотипы и в педагогические вузы поступает больше юношей, чем раньше, а трудовой миграцией мужчин-учителей в столицу. Те, кому нравится учить детей, не оставляют профессию ради мной более доходной работы, как раньше. Стереотип «мужчины-добытчика», теперь можно реализовать и в сфере школьного образования [1, 351]. Это привлекает в столицу учителей из регионов. В некоторых школах уже более половины сотрудников – это трудовые мигранты, высоко мотивированные работать учителем в московской школе. Появившийся у директора выбор привёл к отсутствию вакансий в школах и снижению доли молодых (до 25 лет) учителей с 8,1% до 5,1%.

Объединение школ и передача всех финансов в школы привело к тому, что у директора большого образовательного комплекса расширился круг обязанностей. Вместе

с тем, возможность распоряжаться бюджетом большой школы объемом от 0,5 до 1 млрд рублей в год привлекает амбициозных людей. Директорский корпус столицы существенно моложе российского: возрастная категория до 39 лет составляет 22% (в России – 7,7%). И в этой категории в столице доминируют мужчины (63%), в России в целом – женщины (56%).

Если среди основных должностей (учитель, директор, заместитель директора) растёт удельный вес мужчин, то в среде других специалистов (логопедов, воспитателей, психологов) такой тенденции нет, эти школьные профессии остаются традиционно «женскими» (с долей женщин выше 90%), как и вся сфера дошкольного и школьного образования в целом в массовом сознании россиян.

1. Клецина И.С., Давыдова Э.В. Гендерные стереотипы и их проявление в деятельности школьных педагогов // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. № 3. С. 349-356.

2. Шевченко П.В. Изменение статусных характеристик учителя московской школы // Социологические исследования 2022. № 9. С. 72-83.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН-МИГРАНТОК ИЗ КЫРГЫЗСТАНА В МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Юдина Татьяна Николаевна

(Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН)

Актуальность. Московская агломерация остается главным центром притяжения мигрантов из различных стран, в том числе и из Кыргызстана. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики в московской агломерации находится каждый девятый мигрант-кыргызстанец, прибывший в Россию в 2021 году [8]. Кроме этого, идет постоянное увеличение в миграционных потоках из Кыргызстана доли женщин. Доля женщин из Кыргызстана составляет практически 40% [7]. Как показывают последние исследования, женщины-кыргызстанки становятся самостоятельными акторами экономической миграции и проявляют экономическую активность в стране прибытия [4;5;6;]. Идет формирование зависимости развития ряда секторов российской экономики от притока иностранных работников женского пола. Это обуславливает ряд последствий социально-экономического характера [3].

Однако, официальная статистика не дает информации о структуре женской занятости, экономической активности женщин-мигрантов на рынке труда России, поэтому важным источником данных становятся выборочные обследования.

Целью данной работы является эмпирическая оценка экономической активности женщин-мигранток из Кыргызстана на московском рынке труда.

Методы и эмпирическая база исследования. Эмпирическая база представлена результатами социологического исследования «Молодые мигранты из Кыргызстана в Москве: особенности социальной адаптации». Исследование проведено методом структурированного интервью женщин-мигранток из Кыргызстана в Москве в рамках проекта «Мониторинг интеграционных процессов в ЕАЭС (руководитель проекта Осадчая Г.И.). Объем выборки: 337 женщин. Выборка – метод снежного кома по признакам: гражданка Кыргызстана, приехавшая в Москву после 2015 года и прожившая в Москве больше одного месяца, в возрасте 17-30 лет.

Результаты. Для изучения экономической активности мы использовали подход предложенный И.В.Василенко и Е.Н. Васильевой, что экономическая активность женщин-мигранток — это постоянно воспроизводящаяся система экономических действий (практик), направленных на конкретную цель [2,118]. А для эмпирической оценки экономической активности женщин-мигранток из Кыргызстана на московском рынке

труда мы использовали измерение их уровня удовлетворенности от результатов своей экономической активности.

Первым экономическим действием для осуществления их будущей экономической деятельности стал их приезд в Россию. Заметим, что 51,0% кыргызстанских женщин приехали в Москву одни, то есть как экономически активные субъекты трудовой деятельности. Данное экономическое действие женщин-мигранток из Кыргызстана во многом определялось причинами их приезда в Москву. Главной причиной является низкие заработки у себя в стране. Так ответило более половины опрошенных женщин. Второй по значимости причиной стало отсутствие работы у себя на родине. Эту причину назвали 46,6% опрошенных.

Вторым экономическим действием стал выбор будущего места работы в Москве. Спектр секторов экономики, в которых работают женщины из Кыргызстана в московском мегаполисе, не очень широк. Так правило – это торговля. В ней работают 46,3% опрошенных женщин. При этом, независимо от уровня образования, больше половины респонденток (53,1%) является неквалифицированными работниками.

Уровень удовлетворенности оплатой труда в московской агломерации достаточно высок. Больше половины опрошенных кыргызстанок (51,9%), считают, что их работа в основном хорошо оплачивается. И еще 20,5% – что оплачивается хорошо. И как результат – они испытывают высокую удовлетворенность от работы в целом: полностью удовлетворены работой 24,0% и удовлетворены в основном 53,4% респондентов.

Высокая удовлетворенность от результатов своей экономической активности поддерживается хорошими возможностями для повышения квалификации кыргызстанками (36,2%); хорошими отношениями с непосредственными руководителями (48,7%); хорошими отношениями с коллегами, товарищами по работе (65,9%).

Важным элементом экономической активности выступила трудовая мобильность женщин-мигранток из Кыргызстана в Москве. Каждая десятая женщина смогла перейти на другую работу на основном месте работы; 14,8% смогли устроиться на другую работу; 5% сменили профессию; 4,5% получили образование для новой профессии. Пусть только один процент, но женщины в Москве смогли открыть свое собственное дело или начать частную практику. Конечно, это удалось не всем, так как каждая третья женщина-кыргызстанка, чтобы достигнуть своей цели в Москве была вынуждена брать дополнительную работу на основном месте работы или работала в нескольких местах.

Часть женщин-кыргызстанок, работая в Москве, почувствовали, что для них еще одним экономическим действием должно стать повышение уровня образования. Каждая третья из опрошенных нуждается в этом и собирается его учиться. Еще 34,4% респонденток, считают нуждаются в повышении своего образовательного уровня, но не могут это сделать в ближайшее время из-за нехватки денег или по другим причинам.

Важным результатом экономической активности стало улучшение материального положения женщин-кыргызстанок за время их пребывания в Москве. 68,5% респонденток заявили, что их личное материальное положение улучшилось.

Выводы. Итоговой эмпирической оценкой экономической активности женщин-мигранток из Кыргызстана на московском рынке труда можно считать оправдание их ожиданий от приезда в Москву. У каждой четвертой приехавшей женщины они оправдались полностью, еще у 60,5% ожидания скорее оправдались, чем нет. И только у 1,2% женщин-кыргызстанок ожидания от приезда в Москву не оправдались полностью. Можно на наш взгляд сказать, что экономическая активность женщин-мигранток из Кыргызстана на московском рынке труда стала неотъемлемой частью их жизни, так как 59,3% не планируют возвращение на родину, а если планируют, то только как поездку на каникулы/праздники (45,4%) или по личным обстоятельствам (36,8%).

- Социология. Экономика* / Под ред. С.В. Рязанцева, С.Ю. Сивоплясовой. Москва: Экон-Информ, 2017. С. 15-20.
2. Василенко И.В., Васильева Е.Н. Формирование экономической активности: теоретические схемы исследования. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия*. 2015. № 3 (29). С.115-122
 3. Илимбетова А.А. Факторы и экономические последствия женской трудовой миграции в Россию. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-i-ekonomicheskie-posledstviya-zhenskoy-trudovoy-migratsii-v-rossiyu>
 4. Кованова Е.С., Тенетова Е.П., Эльдяева Н.А. Характер, структура миграционных процессов и феминизация трудовой миграции // *Вестник университета*. 2019. № 1. С. 128-131
 5. Осадчая Г.И., Киселева Е.Е., Киреев Е.Ю., Черникова А.А. Основные векторы женской миграции на евразийском пространстве // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 2. С. 129-148
 6. Осадчая Г.И., Лескова И.В., Юдина Т.Н. Кыргызская молодежь в московской агломерации: адаптационные стратегии // *Социальная политика и социология*. 2021. Т. 20. № 3 (140). С. 135-145.
 7. Пешкова В. Мигрантки из Средней Азии в большом городе и беременность: выбор, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] / В. Пешкова, А. Рочева. – URL: <http://genderpage.ru/?p=925/> (дата обращения: 05.10.2014)
 8. Федеральная служба государственной статистики. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году (Статистический бюллетень). Москва 2022 г.

СЕКЦИЯ 9: МОЛОДЕЖЬ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

ТВОРЧЕСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ (ПО ИТОГАМ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Абросимова Наталья Валерьевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Творчество является специфической особенностью человека, которая проявляется в любой сфере его деятельности.

Амелюшкина С.М. в своей работе выделила несколько подходов к трактовке понятия «творчество»: диалектический (творчество – атрибут материи (Я.А. Пономарев и др.), синкретический (творчество – это проявление ритма Вселенной (А.А. Потемня, Д.Б. Лезин), пантеистический (творчество как акт божий воли в понимании Платона, Августина, Иоанна Скота), экзистенциальный (интуитивный порыв), деятельностный (творчество – высшая форма активности (К. Маркс, С.Л. Рубинштейн, В.А. Слостенин, Ю.А. Миславский) и личностный (творчество – это функция интеллекта (Б.М. Теплов, Н.С. Лейтес)) [1, 41].

В свою очередь, автор данной статьи в августе-сентябре 2022 года провела анкетный опрос (N=227), посвященный отношению молодежи к творчеству. В рамках анкетирования были опрошены респонденты мужского (33,8%) и женского (66,2%) полов в возрасте от 15 до 24 лет. В данном пилотном исследовании респонденты ответили на четыре открытых вопроса.

Так, на вопрос «Что такое по-вашему творчество?» были даны следующие группы ответов (представлены по убыванию количества упоминаний):

- 1) «саморазвитие», «самовыражение», «работа над самим собой» (36,1%);
- 2) «то, что нравится, приносит удовольствие приятное занятие, любимое дело, занятие по душе, хобби» (21,1%);
- 3) «создание нового», «создание ценностей», «создание шедевра», «превращение мыслей в материальные физические объекты», «выплеск эмоций с результатом», «создание уникального», «создание прекрасного, но не полезного», «создание чего-либо для души» (17,6%);
- 4) «искусство» (музыка, живопись и т.д.) (15,9%);
- 5) другое: «красота», «способность видеть интересное и необычное», «деятельность», «труд», «что-то креативное», «место, где вы можете оставить частичку себя», «мышление», «умение чувствовать», «что-то хорошее», «разносторонние интересы», «свобода», «открытость», «уникальность», «полезность» (7,9%);
- 6) затруднились с ответом (1,3%).

1. Амелюшкина С.М. Понятие «творчество»: вчера и сегодня // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. № 3.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ПОДРОСТКОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Андреева Ксения Эдуардовна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Яковлев Даниил Фейрузович

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

В 2022 году большая часть мира имеет доступ к интернету, а для подростков и детей, ежедневное использование социальных сетей, да и в целом свободный доступ в интернет, является неотъемлемой частью существования. Дети и молодые люди растут в середине эры цифровых технологий. С самого раннего возраста они знакомы с компьютерами, мобильными телефонами и интернетом. Такая зависимость от технологий приводит к тому, что, особенно у молодых людей, все чаще возникает чувство тревоги, депрессия, нарушается режим сна, даже, в крайнем случае, начинается искажение физиологии тела. В целом, можно сказать, что нарушатся психологическая устойчивость личности. Под психологической устойчивостью подразумевается умение сохранять нормальное психологическое состояние в изменяющихся обстоятельствах. Это умение зависит от многих факторов, таких как опыт, сфера деятельности, психотип личности. Отчасти, уровень психологической устойчивости заложен с самого детства, потому что он зависит от вида нервной деятельности. Но с течением времени, влияние внешних факторов лишь усиливается, поэтому подросткам в современном мире крайне тяжело сохранить психологическую устойчивость.

В последние годы чрезмерное использование технологий и социальных сетей напрямую связано с психическими заболеваниями. Эта проблема связана с тем, что цифровые технологии доступны каждому, несмотря на то, что появились они относительно недавно, цифровизация уже оставила след в психологическом здоровье подростков. Исследователи не раз упоминали, что проблемы с психическим здоровьем, возникающие у детей и подростков, тесно связаны со всемирной цифровизацией и полному погружению в интернет-пространство [1]. Тем не менее, умеренное использование интернета может положительно влиять на психическое здоровье детей и подростков, но ни одна из крайностей не является полезной, будь то полный отказ от интернета или тотальная зависимость.

В условиях быстрого распространения влияния интернета и социальных сетей очень важно, чтобы семьи принимали меры и надлежащим образом обучали детей правильному использованию цифровых медиа и предупреждали о связанных с ними рисках. Психологическая устойчивость подростков зависит от мобильности их психики, что очень актуально в эпоху перемен, но не все успевают перестроиться вовремя и сохранить все в норме. Детей и подростков также следует научить тому, что не стыдно обратиться за помощью, как только они могут почувствовать признаки психического заболевания, которое может быть спровоцировано цифровыми медиа.

Психические заболевания в наше время встречаются у молодых людей так же часто, как и у взрослых. Половина психических заболеваний проявляется в 14 лет, а другая половина, в среднем, в возрасте 20 лет, есть даже тревожные расстройства и расстройства личности, которые проявляются крайне рано, примерно в 11 лет. Исследование, проведенное Организацией экономического сотрудничества и развития в 10 странах, в 2012 году показало, что четверть молодежи страдает психическими расстройствами [1]. Сюда входят аффективные, невротические, личностные расстройства, расстройства развития, поведения, питания, шизофрения и злоупотребление веществами, которые влияют на психику. Несмотря на это, таких детей обычно лечат только через много лет после начала заболевания, что негативно сказывается на развитии ребенка. Точно так же широкое использование социальных сетей связано с ухудшением сна.

Допустим, можно взять самый банальный пример – взаимосвязь между компьютерными играми после учёбы до глубокой ночи и сбитым режимом сна, который повлечёт за собой ухудшение здоровья, как ментального, так и физического.

Можно заметить, что молодые люди, которые тратят на использование интернета более 6 часов в день, являются менее активными и отмечают более низкие показатели удовлетворенности жизнью. Напротив, те, кто тратят от 1 до 2 часов, чувствуют себя намного благополучнее, социально активнее и физически лучше. В случае полного отсутствия интернета в жизни подростка, который живёт в обществе, где развита медиа сфера, он также чувствует себя неуверенно, отстранённо и не полностью удовлетворён своей жизнью.

Такое понятие, как кибербуллинг, получило широкое распространение с появлением цифровых приложений, поскольку социальные сети связаны с проблемами принятия образа тела подростков, их взглядов на жизнь, личных увлечений [2]. Интернет стал средством, которое позволяет подросткам представить свои наиболее привлекательные образы и скрыть те, которые таковыми не являются; поэтому, особенно в молодежной среде, следует помнить о вредном потенциале продвижения образов идеалов каких-либо понятий, поскольку это может привести к психическим проблемам, таким как депрессия и неприятие себя и своей самости [3].

Дети и подростки должны правильно использовать технологии. В этом смысле родителям было бы полезно защитить своих детей от онлайн-рисков, не ограничивая возможности исследовать интернет-пространство, но и объясняя правила пользования, устанавливая ограничивающие программы на контент, открыто разговаривая о возникающих проблемах. Школы должны обучать молодежь работе с цифровыми медиа, чтобы дать им первичные знания, с помощью которых они смогут распознавать существующие риски. Например, такие риски, как кибербуллинг или чрезмерное использование социальных сетей, посредством эмоционального и эмпатического подкрепления. Таким же образом правительства должны продвигать родительский контроль для мобильных устройств, а также поощрять совместный просмотр контента, чтобы дети могли понять, что они видят, и применить это в реальном мире, руководствуясь оценками со стороны старших.

Необходимо быстро вмешиваться, когда дети и подростки проявляют признаки психического заболевания. Безопасный интернет и своевременная забота о психологическом состоянии подростка помогут сделать жизнь молодого поколения полноценной, яркой и здоровой. Проблемы, связанные с интернетом, должны решаться в кратчайшие сроки, их надо обсуждать, чтобы дети были защищенными и подкованными в правилах безопасного использования медиа сферы. Нужно научить подростков правильной реакции на происходящее, помочь создать им комфортные условия для жизни, научить смене деятельности, помочь всесторонне развиваться, найти хобби, все это поможет оградить их психику от негативного влияния, сохранить психологическую устойчивость и снизить риски от последствий интернет-зависимостей.

1. Andrew M. Ledbetter, Joseph P. Mazer. «Do online communication attitudes mitigate the association between Facebook use and relational interdependence An extension of media multiplexity theory» [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1461444813495159> (дата обращения 20.09.2022)

2. Гуреева А.Ю., Сизов С.В. «Интернет-зависимость: современное состояние проблемы»/ ГБОУ ВПО Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского Минздрава России [Электронный ресурс]. URL: <https://medconfer.com/node/5248> (дата обращения 20.09.2022).

3. Николаева А.А., Павлова Т.С. Компьютерная зависимость у детей и подростков // Социосфера. 2019. № 2. С. 117-120.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЬЕДЕТНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНЫХ КОГОРТ 18-35 ЛЕТ

Антонов Анатолий Иванович

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Как и предсказывалось сторонниками концепции упадка института семьи, с 2016 года в Российской Федерации началось снижение уровня рождаемости под влиянием вхождения в активный возраст деторождения брачных когорт 90-х годов значительно меньших по численности в сравнении с когортами 80-х гг., давших в 2004-2015 гг. прирост суммарного коэффициента рождаемости (СКР) с 1,34 до 1,77. При этом социолого-демографические исследования в регионах РФ не выявили увеличения потребности в детях - установки на трёх и более детей присущи лишь 10% семей [1, с.51].

Исследования последних лет свидетельствуют о снижении ценности семьи с несколькими детьми и одобрении однодетности и даже бездетности в массовом сознании молодежи. В частности парный опрос супружеских и сожительствующих пар СеДОЖ-2019, реализованный коллективом кафедры социологии семьи и демографии МГУ, показывает, что представители молодого поколения (младше 29 лет) считают, что состояние в зарегистрированном браке, наличие совместного ребенка, или нескольких детей оказываются менее значимыми для поддержания семейного образа жизни, что идет вразрез с мнением респондентов старших возрастов [2, с.118]. Отвечая на вопрос о том, в какого рода семьях лучше всего воспитывать детей, молодежь реже отмечает привлекательность полных семей с несколькими детьми (69,7% - младше 29 лет, 80,8% - от 40 до 49 лет, 86,6% - старше 50 лет).

Бездетное сожительство воспринимается как «гражданский брак», а единственный ребёнок в семье - как возможность личностной самореализации в потребительском обществе. В 2019-21гг. пандемия COVID-19 сказалась на блокировании репродуктивных установок и тем самым на снижении СКР до 1,5. Дальнейшее снижение уровня рождаемости будет связано с новой реальностью СВО, когда распадаются браки, в которых могли бы рождаться дети. В перспективе дальнейшее снижение СКР до начала 2030 годов, что требует активизации просемейной политики.

Наряду с ростом первых и вторых рождений стране нужно распространение семей с тремя и более детьми - именно увеличение доли этой многодетной семейности с 2016 года фиксируется демографами. Данный тренд требуется поддержать, чтобы доля многодетности среди семей с детьми повысилась до 30%, а в последствии и до 50%. Обновлённой России необходима новая семейно-детная структура.

- 1. И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов (по результатам социологических исследований) / отв.ред. А.И. Антонов. М.: Издательство «У Никитских ворот», 2022. – 269 с.*
- 2. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / А.И. Антонов, С.В. Ляликова, В.М. Карпова и др. М.: МАКС Пресс, 2020. - 486.*

ОНЛАЙН-АКТИВИЗМ МОЛОДЕЖИ: ПРАКТИКИ, УСЛОВИЯ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Антонова Наталья Леонидовна

(Уральский федеральный университет)

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20265

Развитие информационно-коммуникационных технологий актуализирует проблематику участия молодого поколения в социально-значимой деятельности в сети Интернет. Речь идет о формировании особого вида социальной практики – онлайн-активизма. Сегодня Интернет становится пространством для заявления собственной позиции, выражения согласия/несогласия с действиями социальных групп и общностей, продвижения гражданской активности. Поколение цифровых аборигенов становится действенной силой, задающей вектор дальнейших трансформаций социальных изменений.

Наше исследование, объектом которого стала учащаяся молодежь Свердловской области в возрасте от 14 до 25 лет, было проведено в августе-сентябре 2022 года. Всего опрошено 1150 человек. Из них: 43% - юноши, 57% - девушки. 60% респондентов проживают в городе Екатеринбурге, 40% - в больших, малых и средних городах региона.

Материалы исследования показали, что каждый третий опрошенный чувствует ответственность за ситуацию, которая наблюдается в доме/дворе, т.е. локальном месте проживания, каждый пятый высказал, что ответственен за свой город, 22% отметили ответственность за происходящее в стране. При этом 40% опрошенных уверены, что инициативы граждан играют скорее значительную роль в жизни России.

Среди широкого многообразия онлайн-активностей, представленных в ответах респондентов, лидирующие позиции занимают наблюдение за событиями, происходящими в городе/стране (68,5%), нематериальная поддержка (лайки) проектов/акций/идей (66,4%), голосование на сайтах за городские проекты (41,8%). Материалы демонстрируют, что молодежь занимает скорее пассивную позицию наблюдателя: респонденты обращаются к информационному контенту в сети Интернет для того, чтобы быть «в курсе» событий, включаясь в актуальную повестку дня. «Диванный» активизм, по мнению опрошенных, выступает способом отвлечь жителей от участия в реальных, офлайн практиках активности (58,2%), с одной стороны, но, с другой стороны, ведет к повышению уровня доверия населения государственным учреждениям и их решениям (57,3%). Следует отметить, что по данным опроса каждый пятый респондент принимал участие в проектах/акциях, которые начинались онлайн, а потом продолжились в офлайн формате. Сравнивая эффективность онлайн и оффлайн гражданской активности, молодежь считает их в равной степени эффективными (40%), при этом для себя выбирает участие преимущественное в онлайн мероприятиях, с некоторой долей офлайн проектов (18%).

В целом, полагаем, что дальнейшее развитие онлайн-активности имеет перспективы, которые связаны с использованием Интернет-среды как площадки для коллаборации молодежи для последующих реальных действий, нацеленных на преобразование и развитие пространства «вокруг себя».

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ПЕРСОНАЛИЯМ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Артамонова Марина Васильевна

(НИУ "Высшая школа экономики", Московский государственный технический университет гражданской авиации)

Считается, что если аргументированно доказать человеку ошибочность его утверждений, то можно поменять таким образом взгляд человека на проблему. Заблуждение это не учитывает простого факта, что любое понимание проблемы формируется не одновременно, но включено в контекст мировоззрения и устоявшихся представлений о себе, о мире, исторических событиях и персоналиях. Обусловленность восприятия события, исторического факта диктуется всем предыдущим опытом и знанием, полученными в результате образования. Именно образование создает систему ориентиров и ценностных фильтров для классификации фактов («отнесения к ценностям»

М.Вебер) современных и исторических событий[2]. Большое значение для развития и совершенствования любой социальной системы имеет наличие ценностей, значимых для всех входящих в нее людей и искренно разделяемых ими. Чтобы поведение индивидов больше соответствовало ожиданиям системы, она конструирует и воспроизводит нормы, правила, культурные образцы[1]. Одной из систем «конструирования» общественной идентичности является институт образования и, возможно, истоки некоторых заблуждений законсервированы в воспроизведении исторических клише.

В 2022 году автором было проведено пилотажное исследование среди студентов университетов (классических, технических), идея была лишь частично реализована. Онлайн опрос проходил среди студентов разных специальностей и направлений, бакалавров и магистров. В число респондентов (N =139) попали студенты общеуниверситетского факультативного курса, который могут посещать по выбору студенты всех образовательных программ университета.

Наша задача пилотажного исследования состояла в разведке и получении простых ответов, насколько условная группа «молодежь» знакома с историческими персонажами, представляющими 1) центральную государственную власть; 2) власть защищающими, стоящими на государственной службе по защите государственной власти; 3) революционеров, оппозиционеров, бунтовщиков, одним словом, исторических лиц, совершивших действие направленное против существующей, современной соответствующему историческому моменту власти. И второй вопрос разведывательного исследования: как относится опрошенная группа молодежи к представителям первой, второй и третьей группы исторических лиц. На рисунке №1 представлены результаты опроса студентов.

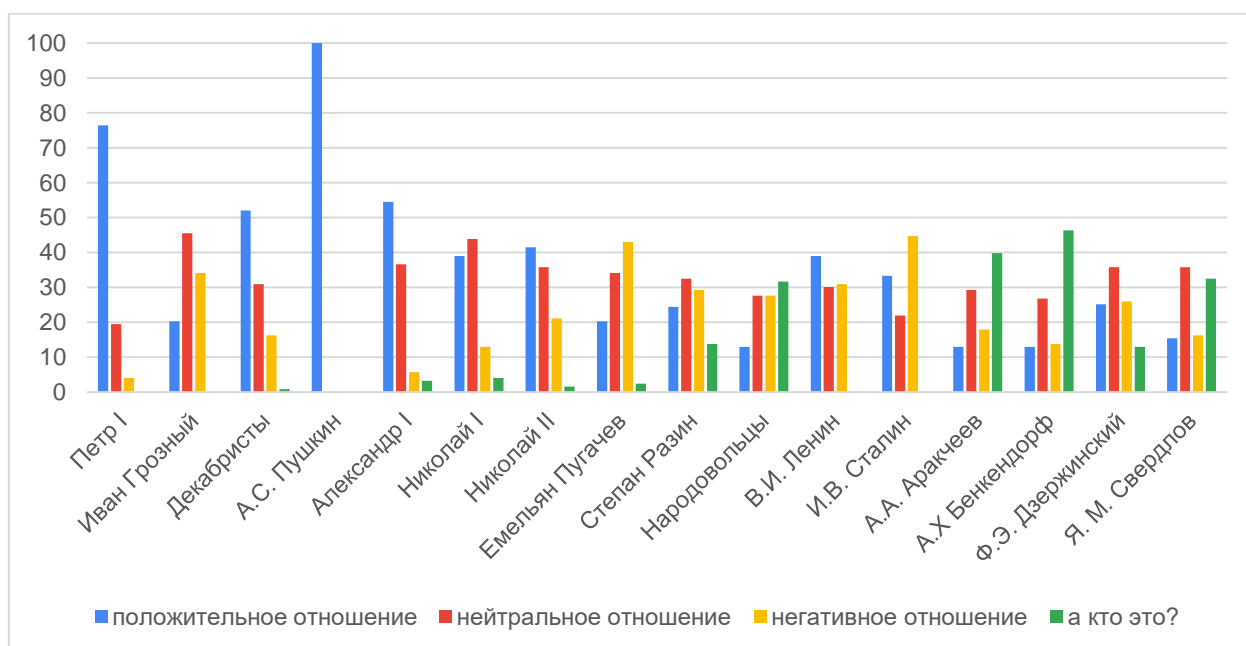

Рис.1 Отношение студентов к персоналиям российской истории

Некоторые результаты позволяют сделать предварительные выводы 1) о влиянии ценностных стереотипов, существующих в системе образования, на формирование моделей поведения и идеалов молодежи. Многие протестные настроения опираются не только на осознанные позиции и цели, на анализ реальных условий и рациональных мотивов, но и ценностные образы героизации революционеров в образовательной практике идеологизации литературы и истории в России на протяжении XIX–XX веков.

2) Можно также предварительно предположить, что кампания по внедрению альтернативных учебников истории [3,4] не оказала в целом существенного влияния на изменение стереотипов восприятия исторических личностей (во всяком случае, в отношении имен, указанных в анкете).

Безусловно, для получения объективных данных необходимы более широкие опросы, но полученные результаты могут служить для обоснования целей масштабных исследований.

1. Александр Дж. *Сакральная и профанная информационная машина / Смыслы социальной жизни: культуросоциология* – М.: Практикс. 2013.

2. Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения*. – М.: Прогресс. 1990.

3. Петухов С. *Нужен ли нам единый учебник по каждому школьному предмету [Электронный ресурс]*. URL: <https://ria.ru/20130618/944176588.html> (дата обращения: 09.10.2022).

4. *Проект единых учебников истории представят на обсуждение в сентябре [Электронный ресурс]*. URL: <https://ria.ru/20130613/943079027.html> (дата обращения: 19.09.2022).

ДЕТИ И МОЛОДЕЖЬ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: ПО-ПРЕЖНЕМУ НИЗКАЯ ВКЛЮЧЕННОСТЬ В СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ

*Астоянц Маргарита Сергеевна
(Южный федеральный университет)*

Образование является важнейшим фактором личностного и социального развития, что особенно верно для детей и молодых людей с инвалидностью. Несмотря на значительные усилия государства, направленные на социальную инклюзию, «инвалиды остаются социально незащищенной группой населения с более низким уровнем жизни, образования и занятости» [1; 50].

Анализ включенности детей и молодежи с инвалидностью в систему образования основан на изучении данных выборочных федеральных обследований. Эмпирическую базу исследования составили данные проводимого Росстатом Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения за 2021 год (произведена субвыборка детей и молодежи в возрасте 3–24 лет).

Описательный анализ данных показал, что большинство лиц с инвалидностью приходится на мальчиков и молодых мужчин – 56%. Хотя преимущественно дети и молодежь с инвалидностью проживают в городской местности, 37% инвалидов данной возрастной группы проживают в селах, что может обозначать дефицит в доступе к развитой инфраструктуре. В среднем один из четырех детей с инвалидностью живет ниже нормативно установленной черты бедности, что означает низкий уровень жизни и материальную депривацию для более чем четверти всех детей и молодежи с инвалидностью в стране; почти 30% не вовлечены в систему образования, что имеет серьезные негативные последствия для их социальной инклюзии.

Построенные регрессионные логит-модели дают все основания утверждать, что неравенство в доступе к системе образования сопровождает детей с инвалидностью на всем анализируемом интервале, но наиболее заметно оно на ранних стадиях – дошкольных, приходящихся на возраст до 7 лет, и более поздних, начиная с 15–16 лет, когда дети переходят из основного общего к среднему, среднему профессиональному и высшему образованию. Однако и в промежутке между обучением в начальной и основной общей школе, шансы детей с инвалидностью быть включенными в образование существенно ниже, чем у их здоровых сверстников.

Также выявлена устойчивая закономерность: при одинаковом уровне среднедушевого дохода семьи вероятность включенности в систему образования для молодежи с инвалидностью в возрасте 16-24 лет (что соответствует этапу среднего профессионального и высшего образования) на 20% ниже, чем у их здоровых сверстников. И эта разница в вероятности получения среднего профессионального и высшего образования не зависит от принадлежности к той или иной доходной группе

Полученные данные свидетельствуют, что задача по включению детей и молодежи с инвалидностью в систему образования до сих пор не решена и обеспечение равных возможностей в получении образования должно оставаться приоритетом социальной политики государства.

1. Демьянова А.В., Лукьянова А.Л. (2016). Влияние статуса инвалидности на предложение труда в России. Прикладная эконометрика (4): 50-74.

КАРТИНА ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ ДЛЯ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ГРУППЫ МОЛОДЕЖИ, СФОРМИРОВАННОЙ ПО ИХ ОТНОШЕНИЮ К «ГРАЖДАНСКОМУ БРАКУ»

Басимов Михаил Михайлович

(Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»)

Басимова Полина Михайловна

(Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»)

В рамках исследования политических предпочтений молодежи и личностных особенностей респондентов был решен ряд задач изучения статистических связей: метод [1-3], апробация [4-7 и др.].

В предлагаемом докладе рассмотрена специфическая группа молодых респондентов, которые оценивают «гражданский брак» с позиции минимизации ответственности, считая основной причиной вступления молодых людей в незарегистрированные отношения возможность легкого развода. В настоящее время такое мнение в среде молодежи стало если не доминирующим, то достаточно значительным (48.33%). Это позволило изучать причинно-следственную картину для этой специфической группы в рамках методологии «корреляционного релятивизма», позволяющей содержательно обогатить изучение зависимостей переменных любого исследования. В докладе рассмотрены зависимости между социологическими и психологическими интервальными переменными в рамках выделенной группы респондентов. Для анализа данных использовался авторский метод, рассмотрены результаты решения задачи в рамках модели связей для триад независимых переменных. Для специфической группы из 58 респондентов между 163 психологическими и социологическими параметрами сильных линейных связей с коэффициентом корреляции Пирсона ($R > 0.7$) было выявлено 15 отдельно для социологических и 17 отдельно для психологических параметров. При этом большинство из зависимостей между социологическими параметрами достаточно предсказуемы. Зависимости между психологическими переменными в дальнейшем не рассматривались. Простейших нелинейных связей с коэффициентом силы связи $SV > 0.7$, если не учитывать зависимости между психологическими параметрами, было выявлено 16, 8 из них рассмотрены в докладе. Самое интересное – это появление зависимостей между психологическими и социологическими данными. 3 зависимости из 8, предложенных в обзоре, приверженцы корреляционного анализа не определили бы для себя интересными (корреляция меньше

«значимого» значения 0.259 при $p=0.05$ и $N=58$). В 5 случаях (со слабой корреляцией немногим больше значения 0.259) трактовали бы зависимости с максимумом и минимумом как линейные, что полностью искажает результаты при интерпретации.

Приведем для примера зависимость параметра «Жестокость – чувствительность» от параметра «Оценка деятельности президента В.В. Путина». Коэффициент силы связи $SV=0.79$. Зависимость с не вполне симметричным максимумом. Высокая оценка деятельности президента В.В. Путина, как индикатор выделяет респондентов преимущественно «жестоких» в терминологии Р. Кеттелла (сравнительная весовость равна -18806). Неопределенность при оценке деятельности президента, когда рука не поднимается, с одной стороны, поставить низкую оценку, а с другой стороны, нет желания высоко оценивать деятельность политика, выделяет среди респондентов крайне чувствительных представителей (+52819). Низкая оценка деятельности лидера в психологическом плане выделяет среди респондентов неопределенную личность в рамках шкалы «Жестокость – чувствительность» (+140).

1. Basimov M. *The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology*. 2016. Vol. 51(S1). P. 851. (P2093). DOI: 10.1002/ijop.12332
2. Basimov M. "Convenient" correlational errors in modern psychological science (mathematical aspect) // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. Published by the Future Academy. 2018. Vol. L, P. 137-146.
3. Basimov M.M. *Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods)*. Monograph. Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 185 p.
4. Basimov M.M. *Study of political preferences and type 2 errors in the traditional correlation approach // Proceedings of the International Conference on "Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects" (HSSNPP 2019)*. Series: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, Volume 333. 2019. P. 11-18.
5. Basimov M.M. *Study of political preferences and type 1 errors in the traditional correlation approach // Advances in Social Science, Education and Humanities Research / ed. by O. D. Shipunova – Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia. – Том. 289. Proceedings of the International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018)*. 2019. P. 488-494.
6. Басимов М.М. Типичные модели психологических процессов и их ошибочные интерпретации через "значимые" корреляции // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2017. Т.16. №3 (142). С. 6-18. <http://rgsu.net/about/science/publishing/magazine/scientific-notes/>
7. Басимов М.М. Модели грубых типичных ошибок корреляционного познания сложной психологической реальности // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2017. Т.16. №4 (143). С. 5-19. <http://rgsu.net/about/science/publishing/magazine/scientific-notes/>

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СТУДЕНТОВ

Баутина Юлия Евгеньевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Понятие эмоционального выгорания (burnout) впервые ввел американский психиатр Герберт Фрейденбергер. Он заметил, что у специалистов помогающих профессий со временем появляется и нарастает эмоциональное истощение. Согласно актуальному определению ВОЗ, эмоциональное выгорание — синдром, возникающий в результате хронического стресса на рабочем месте, который не был успешно преодолен [1].

Эмоциональное выгорание может проявляться у работников любой сферы, вне зависимости от их обязанностей. Как правило, в большей степени оно затрагивает людей, работающих в системе «человек-человек», например учителей или врачей. Но

немаловажным является то, что люди сталкиваются с постоянным, хроническим стрессом еще на этапе освоения профессии во время обучения в университете, что получило название академического выгорания.

В особой зоне риска находятся первокурсники и студенты последних курсов. Первые вынуждены столкнуться с совершенно новым для них миром, привыкнуть к установленному порядку, включающему иные, отличные от школьных нормы и правила. Вторым же необходимо окончательно определиться со своим будущим и показать, что они могут предложить миру и чем они могут быть ему полезны. В обоих случаях студенты параллельно сталкиваются с необходимостью соответствия общественным ожиданиям, конкуренцией, стремлением доказать свое превосходство. Зачастую это приводит к тому, что молодые люди просто не справляются с распределением нагрузки, они перестают видеть цель своего обучения и в конечном итоге выгорают.

Если у взрослых людей к выгоранию приводит нелюбимая работа, конфликты с близкими и разочарование в себе, то у студентов, помимо высокой учебной нагрузки, к этому списку добавится очень широкий круг взаимодействий (с преподавателями, сокурсниками и пр.). Елена Кудрявцева, доцент департамента менеджмента НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, также выделила и такой риск как избыток общения в соцсетях, в том числе, с учебными целями. Учащийся постоянно находится в центре внимания, видит комментарии о своих действиях, что тоже усиливает напряжение. «Концентрация коммуникаций в учебной среде сгущает образовательный контекст», добавила исследователь, и это «сгущение» составляет основу эмоционального выгорания [2].

Несмотря на актуальность изучения синдрома эмоционального выгорания, число отечественных исследований, посвященных причинам академического выгорания у студентов, факторам и мерам профилактики, все еще относительно ограничено [3, 2]. Необходимо изучить, как повседневные практики и взаимодействия студентов влияют на их учебную деятельность, и что именно вызывает развитие академического выгорания. Важно понимать, что проблема эмоционального выгорания – реально существующая угроза, способная существенно повлиять на профессиональное становление личности.

1. Пережогин А. Как бороться с эмоциональным выгоранием. [Электронный ресурс] // Тинькофф журнал [веб-сайт]. URL: <https://journal.tinkoff.ru/burnout-help/> (дата обращения: 01.02.2022)

2. Соболевская О.В. Как не устать от учебы. Почему студенты страдают от депрессии и других проявлений эмоционального выгорания. [Электронный ресурс] // IQ.HSE.RU [веб-сайт]. URL: <https://iq.hse.ru/news/197841671.html> (дата обращения 14.09.2022)

3. Коронец О.А. Эмоциональное выгорание у студентов, совмещающих работу и учебу // Интернет-журнал «e-FORUM». 2018. №3 (4). С. 1-13

ВЛИЯНИЕ ОПЫТА ВОСПИТАНИЯ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ НА ПРАКТИКИ ОТЦОВСТВА В МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ

Безрукова Ольга Николаевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Самойлова Валентина Алексеевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-011-00543

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения влияния качества межпоколенных отношений на формирование ценностей и смыслов отцовства у современных российских молодых отцов, поскольку опыт воспитания в семье для каждого

ставшего родителем молодого человека выступает как некий ориентир при выстраивании собственной стратегии родительства [1, 2, 3].

Цель исследования состоит в сравнительном анализе установок и практик отцовства у родителей, транслирующих семейный опыт и выбирающих собственный подход в воспитании детей. Основные исследовательские задачи включали изучение различий в представлениях о мужественности и отцовстве, семейных ценностных ориентациях, специфики ресурсов их родительских семей.

Эмпирической основой статьи выступают данные опроса родителей в 2020 г. в Санкт-Петербурге. Выборка целевая – родители в возрасте до 50 лет, имеющие детей от 0 до 18 лет, квотировалась по полу и возрасту. Опрошено 1036 родителей из 18 районов Санкт-Петербурга, 58% матерей и 42% отцов, имеющих одного ребенка – 53,0 %, двоих – 33,8%, трех и более детей – 13,02 [1].

Проведен сравнительный анализ установок и практик отцовства у родителей, транслирующих семейный опыт и выбирающих собственный подход в воспитании детей. Критерием для дифференциации различий между группами был выбор респондентами ответов на вопрос «В отношениях со своим ребенком/детьми вы стремитесь повторить опыт отношений со своим отцом?». Тех, кто стремится повторить свои отношения с отцом – 40,2% мужчин, собственный сценарий воспитания реализуют 41,8%, у 9,8% отцов не было, остальные затруднились ответить [1].

Сделан вывод о том, что качество межпоколенных отношений, благополучие родительской семьи влияют на формирование ценностей и смыслов отцовства. Доли транслирующих отношения со своими отцами и выбирающих собственный подход в воспитании детей примерно равны и составляют 40%, у каждого десятого в выборке отца не было. При этом число респондентов, стремящихся повторить отношения со своими отцами, статистически меньше, чем с матерями, что фокусирует внимание на недостатке времени, проведенном вместе или непростых взаимодействиях отцов со своими детьми, сохранившимися в воспоминаниях респондентов [1].

Транслирующие опыт родителей скорее повторяют родительский габитус своих отцов: представления о роли настоящего мужчины и смыслах отцовства в значительно большей степени взаимосвязаны с проявлениями традиционного отцовства. Ищущие собственный подход в воспитании детей, испытав дефицит любви, заботы и поддержки в своих отношениях с отцами, более требовательны к ожиданиям воплощения в образе настоящего мужчины архетипических социокультурных характеристик мужественности. Более того, смысл отцовства для них значительно более интенсивно окрашен любовью и заботой о своих детях, проявляющихся в эмоциональной близости, радости повседневного общения. Они включены в новые актуальные практики заботы и воспитания, что характеризует их как вовлеченных и любящих отцов. При этом они чаще сомневаются в своей родительской компетентности, не готовы быть отцами «трудных» детей – приемных или инвалидов, отмечают тяготы родительства, отстаивают равные права отцов и матерей. По-видимому, проблематизация отношений с родителями повлияла на их стремление пересмотреть сценарий отношений со своими детьми, отрефлексировать проблемные зоны, способствовала осознанию смыслов отцовства. Полученные результаты показывают наличие неоднозначных, подчас противоречивых, тенденций в социокультурных установках и практиках родителей, отражающих сложную динамику изменений в сфере семейных отношений. Данные выводы актуализируют разработку программ социальной поддержки отцов и собственно «отцовских» услуг, которые, прежде всего, должны быть сосредоточены на развитии идентичности вовлеченного отца, рефлексии родительских смыслов, обретении личной и социальной зрелости.

1. Безрукова О.Н., Самойлова В.В. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция// Социологические исследования. 2022. №2. С.94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969-8

2. Захарова Е. И. Отношения дочери с матерью как фактор освоения ею собственного материнства // *Мир психологии*. 2018. № 1 (93). С. 134-143.
3. Тайкова Л.В., Тайков С.М. Проблема межпоколенных отношений в современном обществе и семье // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2015. №88. С.92-95.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Белых Алиса Юрьевна

(Воронежский Государственный Университет)

В современной России состояние общества характеризуется тем, какое место занимает в нём молодежь, поскольку она является особой социально-демографической группой, с которой связаны перспективы развития страны в ближайшем будущем. Стоит отметить, что данное развитие во многом зависит от молодежной политики государства[1,С.211].

С момента распада СССР, когда российское общество вышло на новую траекторию развития, весьма значимым общественным феноменом становится молодежная политика.

Это понятие социологи трактуют по-разному. Например, по мнению И. М. Ильинского, молодежная политика – это «совокупность идей, взглядов по поводу молодежи и ее роли в общественном развитии, а также практических действий разных структур гражданского общества, направленных на претворение этих идей и взглядов в жизнь в целях достижения общественных перспектив, одобряемых большинством народа»[2,С.103]. В.А. Луков в свою очередь считает, что молодежная политика – это «способ участия молодежи в процессе преемственности поколений» [3,С.220].

Молодежная политика Воронежской области – это, в свою очередь, комплекс мер правового, административного, экономического, информационного характера, предпринимаемых различными субъектами региональной молодежной политики, нацеленных на создание условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных организаций, движений и профсоюзов на территории Воронежской области, а также процесс проведения этих мер[4].

Главными задачами региональной молодежной политики является:

организация условий для умственного развития молодежи и творческой реализации её потенциала;

развитие культуры здорового образа жизни, а также содействие экологическому воспитанию молодежи;

гражданское, в том числе патриотическое воспитание молодежи, формирование активной жизненной позиции и вовлечение молодежи в общественно-политическую деятельность;

формирование трудовой культуры молодежи, повышению конкурентного преимущества молодёжи на рынке труда;

На примере сайта Молодежного Правительства Воронежской области (molprav36.ru), можно сказать, что за 13 лет существования организации было поддержано более 350 социально-значимых проектов, которые поспособствовали социально-экономическому развитию региона. В этот список вошли такие проекты как “Помоги мне”, “Ргобюджет”, “Здоровый Лес”, “АМЦ”[5].

Рассмотрим подробнее деятельность данных проектов. Проект “Помоги мне” нацелен на решение проблемы неграмотности людей при оказании первой помощи при ДТП. Обучение проводят волонтеры - студенты старших курсов ВГМУ им. Н.Н. Бурденко. Проект “Ргобюджет” представляет собой онлайн и оффлайн образовательные курсы, направленные на информирование граждан об экономических процессах и

явлениях. Проект “Здоровый Лес” создан с целью уменьшения численности несанкционированных свалок в лесах региона. Волонтеры организуют мероприятия по сбору мусора, посадке леса, конкурсы экологической направленности и уроки для учащихся школ. Проект “АМЦ” направлен на профилактику коррупционных правонарушений в молодежной сфере, антикоррупционного воспитания подрастающего поколения. Все эти и другие проекты, реализованные при поддержке Молодежного Правительства, несут пользу для населения и региона.

Таким образом, можно сказать, что в условиях модернизации общества молодежная политика имеет все шансы стать инструментом развития и преобразования регионов и страны. Для этого все участники процесса социального становления молодежи должны быть ориентированы на вовлечение молодого поколения в решения общественно важных задач.

1. Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи: учеб. пособие. Екатеринбург: Науч.-исслед. центр при институте молодежи, 1997. – с.211.
2. Ильинский И. М. О молодежной политике российского политического централизма. М.: Институт молодежи, 1999. – с.103.
3. Луков В. А. Молодѣжное движение в социалистическом обществе. М.: Молодая Гвардия, 1987. – с. 220.
4. Об утверждении муниципальной программы городского округа город Воронеж «Развитие образования»: Постановление Администрации городского округа город Воронеж от 23.12.2013 № 1250 // Берег, 26.12.2013. № 143. Ст. 43.
5. Молодѣжное Правительство Воронежской Области [Электронный ресурс]: <https://molprav36.ru/> (Дата обращения: 20.09.2022).

ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ЗОЖ У СТУДЕНТОВ

Борзова Анна Сергеевна

(Финансовый университет при правительстве Российской Федерации)

Критерием жизнеспособности и благополучия любой страны является здоровье населения, значительно определяющее ее социальное и экономическое развитие. Здоровье – необходимая потребность человека, дающая ему возможность заниматься различной деятельностью и являющаяся фактором сильного, процветающего государства.

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) – это индивидуальная система поведения человека, дающая ему физическое, социальное и душевное благополучие в окружающей среде, а также активное долголетие. Согласно данным ВОЗ [1], состояние здоровья человека на 50-53% определяется индивидуальным образом жизни, остальное – внешними факторами. Это значит, что, следуя здоровым привычкам, человек улучшает свое здоровье на 50%. Согласно новому исследованию ВОЗ и его результатам, в котором приняло участие 1,6 миллиона респондентов в возрасте 15–21 лет, в период 2006-2016 гг, у большинства опрошенных физическая активность находится ниже среднего уровня [2].

Авторы, интересующиеся здоровым образом жизни, включают в понятие ЗОЖ следующие компоненты: воспитание с раннего детства здоровых привычек; отсутствие вредных привычек; окружающая среда, благоприятная и безопасная для проживания; питание, умеренное, соответствующее физиологическим особенностям человека; физическая активность; отдых; личная гигиена.

В 2022 году нами

было проведено количественное исследование, цель которого заключалась определить субъективные и объективные факторы, формирующие ЗОЖ среди молодежи. Теоретико-методологической основой исследования является структурно-функциональный подход, подходы М. Вебера и У. Кокерхэма [3].

Методом исследования послужил массовый анонимный опрос студентов Финансового университета при правительстве РФ очной формы всех направлений

обучения бакалавриата г. Москвы старше 18 лет. В исследовании приняли участие 105 респондентов.

По его итогам было выявлено, что девушки наиболее точно определяют понятие ЗОЖ в отличие от юношей. Представление молодежи о ЗОЖ расходится с их фактическим поведением. Ночной сон 7-8ч и правильное питание, что является необходимой нормой, соблюдают только половина опрошенных. При этом большая часть считает значительно важной поддержание здоровья и наличие условий для занятия спортом в ВУЗе, однако большинство совсем не посещает новые спортивные комплексы и оздоровительные кружки, бесплатные консультации по правильному питанию.

Результаты исследования показали, что многие из них даже не знают о возможных оздоровительных кружках. Половина респондентов получает информацию о ЗОЖ из разговоров с друзьями и знакомыми и лишь малая часть из разговоров с родителями. Таким образом, в ходе исследования было определено, что основными социальными институтами, воздействующими на формирование здорового образа жизни, являются: семья, медицина, окружение, Интернет, друзья, образование и спорт.

Также большая часть респондентов отметило хорошее изменение физической формы, продуктивности за время ведения ЗОЖ, однако новые друзья и единомышленники, придерживающиеся активному образу жизни, не появились за все это время. Готовность к новым свершениям, степень положительных ожиданий в отношении себя и своих возможностей в жизни, снижение стресса и удовлетворение, радость от ведения ЗОЖ резко возросли во время такой практики

Таким образом, с одной стороны, отношение к здоровью и основам здорового образа жизни во многом зависит от социального опыта и мировоззрения современной молодежи. С другой стороны, большинство молодых людей не имеют правильного представления о здоровом образе жизни и факторах, связанных с ним, и могут его придерживаться под объективными влияниями, например, не изменять семейной спортивной традиции. Также была проанализирована связь ведения ЗОЖ с уровнем успеваемости (чем больше человек придерживается практик правильного образа жизни, тем выше его успеваемость), интеллектуальности и продуктивности, социально-демографическими характеристиками, которые тоже могут играть существенную роль в таких практиках.

При этом, в ходе исследования было обнаружено, что не все могут правильно определить ЗОЖ и его составляющие. Здоровый образ жизни – это меры по поддержанию здоровья. Такие составляющие, как нормированный сон, правильное сбалансированное питание, осознанный выбор продуктов питания, совмещение труда и отдыха, отсутствие вредных привычек, регулярные занятия спортом должны в равномерной степени присутствовать в жизни не только студента, но и каждого человека. Только баланс каждой составляющей может стать гарантом продолжительной продуктивной, счастливой жизни, успешного освоения профессии и трудовых навыков.

1. Устав Всемирной Организации Здравоохранения – Москва: «Медицина», 1968 – 147 с.

2. *Подростки и здоровье // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]:* <https://www.who.int/ru/news/item/22-11-2019-new-who-led-study-says-majority-of-adolescents-worldwide-are-not-sufficiently-physically-active-putting-their-current-and-future-health-at-risk> (дата обращения: 12.09.22).

3. Cockerham W.C. *Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure // Journal of Health and Social Behavior.* 2005. Mar. 1. P. 51–67.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ МОЛОДЕЖИ К ВЛАСТИ

Верпатова Оксана Юрьевна

(ФГБОУ ВО Тверской государственный технический университет)

Работа подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания № 075-01379-22-03 от 19.09.2022 г.

Проблема формирования отношений доверия между населением и институтам власти остается дискуссионной. Леонова И.Ю. в своей работе предлагает некоторые варианты трактовки доверия, ориентируясь на которые можно выделить некоторые аспекты доверия как определенной установки в социальных отношениях [1].

Во-первых, доверие включает в себя эмоциональный уровень – ряд исследователей отмечает, что это «чувство», «ощущение», «вера» и т.д. Во-вторых, доверие во многом представляют своего рода субъективное проявление определенных ценностей самой личности, направленное на внешние силы, ожидание от них определенных действий в той же ценностной системе. В-третьих, находит свое выражение в поступках, реакциях, поведенческих паттернах. В-четвертых, доверие зависит от культурной и социальной среды, в которой развивалась личность. Доверие – продукт социального развития, поскольку большинство исследователей указывают на то, что доверие всегда направлено на какой-либо объект. Оно не может быть врожденной характеристикой, а формируется в процессе социализации.

На формирования доверия молодежи к политическим институтам оказывает влияние совокупность факторов. Прежде всего, уровень доверия, которым обладает молодежь, не является врожденной характеристикой. Она складывается в процессе социализации, а значит на нее оказывают влияние действия различных агентов. Федотова В.А. в материалах своего исследования отмечает, что политическое доверие – феномен когнитивный и выделяет три группы факторов, влияющих на него: психологические особенности человека, влияние контента СМИ и оценка общего состояния социума и его отношения к конкретным политическим деятелям [4,17].

О последнем обстоятельстве в своем исследовании говорит и коллектив авторов Пензенского государственного университета. Они выделяют закономерность: среди молодежи уровень доверия власти взаимосвязан с оценками социально-экономической ситуации в стране [3, 13]. Рассматривая региональные модели местного самоуправления на примере Тверской области и анализируя вопросы о доверии к различным органам власти, данная закономерность так же прослеживается [2].

Еще одним фактором, формирующим доверие к власти, может стать оценка уровня влияния граждан на политические процессы. В частности, в Тверской области в 2021 году было проведено исследование, согласно его результатам, большинство молодежи в возрасте от 18 до 29 лет склонны оценивать возможность влияния граждан на власть как низкую. При этом практически 40 % молодежи указали, что не доверяют никаким институтам власти. Не менее актуальным является уровень информированности о ее действиях. Именно те институты, о деятельности которых молодежь была лучше осведомлена, в итоге получили более высокий уровень доверия с их стороны.

Таким образом, можно предположить, что на уровень доверия молодежи политической власти оказывают влияние уровень информированности, особенности социально-экономического развития территорий, понимание возможности влияния простых граждан на действия властей.

1. Леонова И.Ю. Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2015. №2. С. 34-41.

2. Майкова Э.Ю., Симонова Е.В., Верпатова О.Ю., Блохина М.В., Вайсбург А.В., Вишнякова Э.М., Григорьев Л.Г., Евстифеева Е.А. Региональные модели местного самоуправления в современной России Тверь, 2020. С.212
3. Рожкова Л.В., Влазнева С.А., Сальникова О.В., Дубина А.Ш. Отношение молодежи к политическим институтам: уровень доверия и одобрения // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. №1 (61). С.5-17.
4. Федотова В.А. Доверие к власти у современной российской молодежи: роль ценностей и этнической идентичности // Политика и общество. 2022. №2. С.14-27. DOI: 10.7256/2454-0684.2022.2.37327 EDN: GGEBUZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37327

ОБ ИСТОЧНИКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Владимиров Иван Андреевич
(МГТУ "СТАНКИН")

Отказ от понятия «образовательная услуга» в системе образования России создаёт предпосылки к уходу от потребительского восприятия роли образовательных учреждений и преподавателей. В результате данного изменения подчёркивается особая роль участников образовательного процесса не только в передаче знаний, но и в воспитательном процессе.

При этом сама воспитательная функция вернулась в образование, тем самым закрепилась за образовательными организациями роль подготовки не просто специалистов, но и граждан. Воспитание подразумевает развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства [1]. Тем самым в рамках образовательного процесса идёт формирование личности на основе ценностных ориентаций, переданных в результате процесса воспитания.

Однако сам набор ценностей, которые должны лечь в основу воспитательного процесса, остается открытым. В Федеральном законе «Об образовании» в определении воспитания перечисляются базовые ценностные ориентиры, подразумевающие патриотизм, гражданственность, уважение к закону и труду, а также традициям народов и природе. Данный перечень основывается на преамбуле в Конституции РФ [1], где заложены основы многонациональности, равноправных и демократических отношений, уважительного отношения к предкам и Отечеству, ответственности перед поколениями.

Укрепление традиционных российских ценностей и их защита фигурируют в последней версии Стратегии национальной безопасности в 25 и 26 пунктах [3]. В самом документе про ценности говорится в 12 различных пунктах, но при этом нигде не представлены составляющие российских духовно-нравственных ценностей.

Попытка выйти на определение составляющих традиционных российских ценностей была предпринята в соответствующем проекте указа в январе 2022 года [4], где были представлены 20 традиционных ценностей, которые необходимо сохранять. В данном перечне были в том числе и категории, представленные в определении «воспитания».

В связи с чем становится открытым вопрос о том, что ложится в содержание ценностей, которые воспитываются в процессе образовательной деятельности. Оперирование общими категориями оставляет открытым возможности прививания лже- и псевдоценностей детям, ученикам и студентам.

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

2. *Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 304-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся"*
3. *Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"*
5. *Проект Указа Президента РФ "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" (по состоянию на 21.01.2022)*

МОЛОДЁЖЬ В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Вологжанина Кристина Константиновна

(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

В начале своего появления социальные сети выступали в роли платформы общения между индивидами, распространении информации, а сейчас это такая площадка, на которой человек может выразить свою точку зрения, отстоять собственное мнение, выразить недовольство, помочь другому человеку, выразить сочувствие.

Сегодня основной аудиторией социальных сетей является молодёжь в возрасте от 14 до 25 лет, 98% которой используют их каждый день [1]. Отсюда следует, что протестные мероприятия проводятся среди молодого поколения, которое обладает навыками более технически развито с целью использования новых технологий. Также можно утверждать, что формирование молодого поколения происходит под влиянием виртуального мира.

Информационно-коммуникационная среда в современном мире выступает для молодежи как часть повседневной жизни. Интернет несет не только новые возможности, но и представляет новые угрозы обществу. Молодежь, находящаяся в подобной среде, начинает самостоятельно принимать решения о доверии к той или иной информации и о вступлении в какое-либо сообщество. Поэтому использование Интернета и интерактивных технологий само по себе формирует систему ценностей молодежи.

Молодое поколение использует Интернет-возможности не только ради общения с другими индивидами, но и для образования и других увлечений. Большая часть Интернет-аудитории пала на молодежь, так как она активнее всех остальных пользователей способна к быстрому усвоению различных интерактивных средств. Благодаря способности молодежи и глобальной сети молодое поколение так или иначе перенимает образцы поведения, стиль жизни других индивидов и даже средства достижения успеха людьми. В настоящее время также можно отметить, что влияние традиционных институтов социализации молодежи ослабляется и на их место приходит влияние глобальной сети.

Интернет и социальные сети, выступая социальной средой, таким образом, становятся сферой, где трансформируются традиционные ценности, институты социализации и в принципе социальные отношения, а также делает коммуникацию более простой.

Негативными последствиями использования интерактивных каналов и технологий в коммуникации сегодня может служить распространение манипулятивных методик; создание сообществ, отрицательно влияющих на воспитание молодежи, трансформацию ценностей граждан; развитие информационных войн; направленность на дестабилизацию общества внутри одной страны.

1. ВЦИОМ: соцсетями ежедневно пользуются 89% подростков. 2020. – URL: <https://ria.ru/20190306/1551577366.html> (дата обращения: 05.10.2022).

ФЕНОМЕН ТОКСИЧНОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ И ЕГО МЕСТО В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Воробьева Полина Дмитриевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Одним из последствий процесса глобализации является возведение культа достижений и продуктивности. Понятие «токсичной продуктивности» все чаще мелькает в российской и зарубежной медиасреде. Однако эта формулировка присуща только дискурсу социальных сетей и СМИ. В научных исследованиях для изучения феномена используется термин «трудоголизм», в рамках которого оспаривается социальная приемлемость описываемого состояния. Эти понятия далеко не идентичны: если трудоголизм применяется как личностная характеристика одного человека, то токсичная продуктивность охватывает целые социальные группы.

«Токсичная продуктивность» выступает как объединяющая конструкция, созданная для описания комплекса симптомов, которые сигнализируют о чрезмерной поглощенности работой или учебой. У человека вырабатывается зависимость не столько от рабочего процесса, сколько от одобрения окружающих, позитивной оценки и похвалы [3, 928]. Действительно, работа становится жизненным приоритетом, что автоматически отсекает другие сферы жизни. Работник испытывает трудности с социальным взаимодействием и в сфере межличностных взаимоотношений [2], а «токсичная продуктивность» начинает встраиваться в практики корпоративной культуры, например, в виде переработок [1].

Феномен применителен не только к рабочим коллективам, но и к группам студентов высших учебных заведений. Академическая среда зачастую включает в себя соревновательный элемент, приводящий к неизбежному сравнению себя с другими. На крайнюю поглощенность учебой влияет и желание угодить значимым фигурам из своего окружения, произвести положительное впечатление [3, 928]. Еще одним фактором является всеобщая медиатизация: социальные сети наполнены контентом с продуктивным содержанием и чужими достижениями. Однако студенты редко осознают, что видят лишь часть опыта другого, лишь ту идеальную цифровую «копию», которую человек желает транслировать. Противостоять всеобщей продуктивности в медиасреде способен формирующийся запрос на «новую искренность». В настоящее время становится более социально приемлемо освещать личные проблемы в социальных сетях [4, 193]. Следовательно, атмосфера достижений может быть разбавлена сюжетами о трудностях студенческой жизни, что приблизит нарратив медиа-источников к реальности.

Токсичная продуктивность нормализует чрезмерную фиксацию на учебной деятельности, от этого меняются и практики студентов, их образ жизни и форма проведения досуга, на который остается все меньше времени. Однако освещение проблем перфекционизма и трудоголизма может облегчить испытываемое студентами давление.

Можно предположить, что в постглобальном мире будет осмысляться феномен «токсичной продуктивности», акцентируя внимание не только на количестве и качестве выполненной работы, но и на личностных показателях сотрудника или студента: его общем состоянии, социальной активности и наполненности жизни.

1. Бейлина Е. А. Представления офисных работников о нормальной продолжительности рабочего дня, переработке и границах между ними // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 18-49.

2. Glick M., Robinson B. *Treating Worker Dissatisfaction During Economic Change*. Elsevier Inc. 2013. P. 107-121.

3. Shoup R., Baranovich D.-L. *Workaholism in Students: when Overachieving Becomes a Clinical Concern // International Journal of Recent Technology and Engineering*. 2019. V. 8. P. 928-930.

4. Sokolov A., Shabrova P. *New Sincerity VS Irony: Analysis of the Existing. Cultural and Political Discourses in the Media Space // Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2020. V. 468. P. 191-196.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННЫХ МУСУЛЬМАНОК

Галиева Гузель Илгизовна

(Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан)

Репродуктивные установки мусульманок традиционно ориентированы на многодетность. Однако, в связи с трансформацией общества и адаптации к современным реалиям жизни некоторые представители мусульманской религии пересматривают свои взгляды на планирование детей в пользу средне- или малодетности. Аргументируя низкие репродуктивные установки, стремлением к улучшению качества жизни семьи. Несмотря на то, что огромное влияние на рождаемость оказывает религия, в мусульманском священном писании Коране нет текстов, которые бы прямо касались современной проблемы планирования семьи.

В современных реалиях изменения сознания людей и активизации женщин во всех сферах жизнедеятельности, трансформируются их роли в обществе. Наряду со светскими женщинами и мусульманки стремятся быть активными участниками не только домашней, но и общественной жизни. В связи с чем и возникают трансформации в репродуктивных установках молодых мусульманок.

Нами было проведено ряд социологических исследований, как количественных (анкетирование), так и качественных (фокус-групповые исследования и глубинные интервью). Объектом исследования выступили молодые мусульманки, до 35 лет, совершающие религиозные практики ислама.

Репродуктивные установки мусульман также заложены в религии – воспитание детей является одним из основных предписаний родителей. По результатам наших исследований около половины респонденток планируют 4 и более детей (44,4%), около трети – троих детей (29,8%), каждая седьмая мусульманка сказала о планах на двухдетную семью (14,5%), каждая пятнадцатая – на однопдетную семью (6,5%). А также были мнения нескольких респонденток о том, что они не планируют ни одного ребенка. В вариант «другое» некоторые респондентки дописали, что «количество детей зависит от Аллаха», «сколько Аллах даст, столько и будет». Таких вариантов не мало – 4%.

Материнство в исламе является одной из главных ролей женщины. По результатам анкетирования половина опрошенных мусульманок (51,7%) утверждало, что «без материнства женская судьба не состоялась», каждая 3 респондентка (38,9%) согласилась с мнением, о том, что «материнство может стать одной из жизненных задач». И лишь небольшая доля опрошенных выбрала варианты «каждая женщина сама в праве решать вопрос, становиться ли ей матерью или нет» (6,8%), «женщину нельзя рассматривать как средство для рождения детей» (1,3%).

Несмотря на то, что материнство, воспитание детей в исламе является первоочередной задачей, некоторые информантки подчеркнули, что при создании семьи хотели бы отложить рождение детей на несколько лет: «Конечно, мы считаем, что нет нежеланных детей, и нет не запланированных. Если будет форс-мажор, так захотел Всевышний и это благо. Но хочется запланированных детей. Изучить литературу, как воспитывать, питание. Чтобы было комфортно. Пока хочется пожить для себя» (интервью № 11, 20 лет).

Наблюдается преимущество репродуктивных установок при положительном примере и авторитете родителей: «У моей семьи, нас семеро девочек. Мне нравится, я

даже не представляю жизнь, как бы я без них жила. Я средняя родилась – старше двое, младше двое. У меня трое детей. Я хочу, чтобы мои дети также чувствовали себя, что у них есть сестра, брат» (Ф-Г №2, участница №1, 27 лет).

При негативном опыте проживания в многодетной семье, информантки не хотели бы повторять судьбу родителей: «У нас большая семья, поэтому я бы не хотела такой большой. Но, наверное, я не хочу детей в первые два года брака. Сразу не хочу. Это ответственный шаг, и к нему, наверное, готовиться нужно, информацию найти какую-то» (интервью № 9, 21 год).

Традиционная многодетность присуща не многим мусульманкам. Современные мусульманки планируют рождение детей с рациональной точки зрения, с учетом необходимости определенных временных и материальных вложений, дать хорошее воспитание, образование: «Их точно не должно быть много. Наверное, один или два, больше для меня нет. Я считаю, лучше двоих или одного воспитать, вложить в них все что ты можешь. Например, ты родишь много, но не сможешь должного внимания оказывать, и потом дети вырастут с таким комплексом, что мама их не так любила или еще что-то. Нас двое в семье. Еще младше есть, мне еще этого-то лишку. Поэтому для себя так не хочу» (Ф-Г №2, участница №4, 18 лет, не замужем).

Однако и среди ориентированных на многодетность можно проследить рациональные взгляды на планирование детей: «я всегда хотела 6 – 4 мальчика и 2 девочки, но это в зависимости от того, как я буду жить в дальнейшем, какой у меня будет и финансовое положение, потому что я хочу обеспечивать своих детей, чтобы они были обеспеченные, получили образование, чтобы я могла дать им, то, что они хотят, конечно, в пределах разумного. И стараться давать им одинаковую любовь, одинаковое внимание» (Ф-Г №2, участница № 7, 18 лет);

В то же время часть мусульманок не ставят ограничения в количестве детей, уповая на помощь Аллаха: «Как Аллах даст, как здоровье позволит. Хотелось бы больше 3-х. Максимум не ставлю» (Ф-Г 1, участница № 9, 19 лет); «Я хотела бы троих. Один человек – на вымирание народа, два человека – на выравнивание, а три – хоть какой-то прирост. Я не знаю, как будет, как силы, Аллах может и четверых даст, я не знаю, как получится, насколько будет реально» (интервью № 3, 20 лет).

Замеры репродуктивных установок незамужних девушек и замужних, или супругов в начале семейной жизни и после нескольких лет семейной жизни, будут отличаться в зависимости от жизненного опыта, материального состояния семьи и моральной подготовленности на воспитание детей. В зависимости от жизненных обстоятельств, условий семьи будут изменяться и репродуктивные установки. На наш взгляд, не целесообразно, стимулировать увеличение рождаемости лишь материальной поддержкой государством. Необходимо поднимать престиж семьи и семейной жизни, менять стереотипы в сознании людей, что многодетными могут быть не только бедные, неблагополучные семьи, но и успешные, сохраняя и транслируя культурные традиции нации, а это в свою очередь и приведет к увеличению рождаемости и крепким отношениям в семье.

ИНТЕРНЕТ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАСШИРЕНИЯ И/ИЛИ СУЖЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ – ДВЕ СТОРОНЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Галич Людмила Петровна

(Белорусский государственный педагогический университет им. М.Танка)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования РБ по ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 гг. в ходе выполнения НИР

«Специфика, перспективы и социальные последствия распространения цифровизации»

Интернет и новые технологии как инструмент расширения и/или сужения возможностей молодежи – две стороны цифрового общества

Описывая образ современного подростка, часто используются такие характеристики, как «голова опущена на смартфон», «нос уткнулся в планшет», «уши изолированы от внешнего мира наушниками». Вот тот портрет молодого человека, который рисует современное цифровое общество, где цифровые технологии уже заняли большое место. За последние десять лет наблюдается увеличение доли пользователей Интернета, особенно среди молодежи, отмечается самый сильный рост использования цифровых инструментов, увеличивается число детей и подростков, которые имеют собственный смартфон. На этом фоне расширяется сфера цифровых предложений для разных категорий населения, что способствует удовлетворению многих потребностей людей – их досуговых и развлекательных предпочтений, информационных и образовательных запросов, практик онлайн-шопинга и пр., расширяя тем самым возможности индивида. В этом аспекте Интернет и новые информационно-коммуникативные средства можно рассматривать в качестве мощного фактора, который способствует жизненному благополучию, позитивно влияя на удовлетворенность жизнью и рост уровня счастья. С другой стороны возникает риск обратного эффекта таких «преимуществ» цифровизации нашей жизни, который приводит к тому, что Интернет часто используется как инструмент заполнения пустоты, которая ощущается сейчас многими пользователями, в особенности подростками и молодежью, не представляющими больше свою жизнь без Интернета, социальных сетей, смартфона.

Интернет как способ поддержания социального взаимодействия

Рассматривая цифровое общество как общество расширяющихся возможностей, а это значит, общество более счастливое, нужно отметить, что социализация, построение идентичности, благополучие, возможности обучения — это положительные эффекты Интернета и цифровых медиа. Результатом положительного эффекта, действительно может быть тот факт, что время, проведенное в сети, может улучшить социальные отношения, предоставляя возможность разделить часть своей близости, выразить свою привязанность и организовать встречи и мероприятия. Общение с друзьями, быстрый доступ к информации и прослушивание музыки — это те положительные моменты, о которых чаще всего говорят молодые люди. А ведь присутствие сверстников очень важно в этом возрасте, которые в эпоху кофигуративной культуры, которую выделила Маргарет Мид, стали ведущим инструментом интеграции молодежи в общество и самым авторитетным институтом ее социализации. Для подростка digital — это не отдельный мир, а продолжение его собственного. Кроме того, Интернет представляет собой важный источник информации о здоровье и сексуальности в тот период жизни, когда человек конструирует свою идентичность и когда возникает много вопросов. Интернет, социальные сети и смартфон в таком случае являются важным инструментом поддержания социального взаимодействия.

Интернет как средство конструирования идентичности и признания

Речь идет о том, что социальные сети используются, в частности, молодежью, как средство самовыражения, создания и экспериментирования с собственной идентичностью. Цифровой «индивидуализм» обозначает инструмент, с помощью которого пользователь Интернета пытается сформировать себя и построить идентичность через «self made digital». Таким образом, смартфон является уже не только объектом, позволяющим осуществлять общение с другими, но также может рассматриваться как средство и поддержка рефлексивной индивидуации, которая выражается во множестве фотографиях, через принадлежности к разным социальным сетям, использование виртуальных информационных лент, тематических групп и других материалах, чтобы сформировать

себя, а затем экстерниоризировать свое внутреннее отношение к себе». В этом же направлении социализации социальные сети стали дневниками и местом самовыставки. Эти пространства становятся местами выражения и распространения мысли, культуры, самости. Таким образом, получение знаков внимания и привязанности через социальные сети в глазах молодежи, и особенно, подростков, представляет собой доказательство того, что их узнают и любят сверстники. Интернет реализует также и желание некоторых молодых людей хотеть быть похожими на персонажей, которых они встречают в виртуальном пространстве. Это подкрепляет идею, столь распространенную среди молодежи, о том, что существующие в реальном обществе инструменты разрушают их индивидуальность и имеют тенденцию стандартизировать их.

Потеря уверенности в себе и низкая самооценка

Социальные сети могут также провоцировать возникновение угрозы потери уверенности в себе в ситуации некорректного сравнения того, что показывает экран с тем, что есть на самом деле. Чаще всего социальные сети не отражают реальность, так как каждый показывает себя с лучшей стороны и показывает только приятные и поверхностные моменты своего существования. Интернет ресурсы дают возможность с легкостью менять лицо, тело, пейзаж и для этого существуют фильтры и разные приложения. Так появляется искаженная реальность, искаженная внешность, статус, и даже жизнь в целом. Столкнувшись с неправдоподобной демонстрацией, может быть трудно сохранять уверенность в себе и адекватную самооценку.

Вредоносный контент Интернета

Однако в Сети никто не застрахован от «вредоносного контента» — жестокого или шокирующего изображения. Молодым людям особенно необходима осторожность перед лицом «сексуального домогательства» и «кибергруминга». Через социальные сети или онлайн-игры злоумышленники пытаются завоевать доверие своих молодых жертв, чтобы шантажировать их или подвергать их сексуальному насилию. Киберзапугивание — еще один дрейф, на который стоит обратить внимание. Интернет также может быть местом подстрекательства к опасным действиям (анорексии, скарификации, разжигания ненависти) или ознакомления несовершеннолетних с контрабандной продукцией посредством косвенной рекламы или продакт-плейсмента.

Интернет и самосохранительное поведение молодежи

Согласно научной литературе, недостаток сна, влияние на психическое здоровье, вес, физическую активность, более низкие результаты в школе — это потенциальные негативные последствия чрезмерного использования экрана. Чтобы их избежать, необходимо обеспечить баланс между онлайн и оффлайн временем. Многие дети и подростки проводят много времени перед экранами, но у них много друзей и они чувствуют себя хорошо. С другой стороны, ребенок, который изолирует себя, ест в одиночестве перед своим смартфоном, плохо спит, засыпает на уроках, агрессивен, взволнован или подавлен или у которого плохие школьные результаты, должен вызывать беспокойство.

Нельзя однозначно трактовать Интернет и ИКТ как разрушительные факторы, так как они являются скорее устройствами, связывающими молодое поколение с обществом. Появление ИКТ в жизни людей не оказало исключительно негативного влияния на факт участия в социальной жизни. Конечно, нужно учитывать, что ИКТ для большинства молодых людей являются инструментами, которые приводят к сокращению реальных контактов и приводят к разрыву общения. Что может приводить и к пониманию цифровых технологий как причины физического разделения и прекращения личного взаимодействия. В этом случае ИКТ способствует усилению чувства одиночества и усилению социальной изоляции в ситуации, когда эти технологии используются для уединенных действий. И, наконец, увеличение цифрового общения за счет личного или голосового общения приведет к деперсонализации в межличностных коммуникациях.

Итак, учитывая все сказанное, мы видим, что в цифровом обществе значительно легче поддерживать социальные связи, какие бы они не были – слабые или крепкие, особенно это касается молодежи, среди которой социальные сети так популярны. Тем не менее, реальные контакты по-прежнему будут иметь приоритет над другими способами общения, так как делают это общение более богатым содержательно и эмоционально окрашенным.

ВЗГЛЯДЫ МОЛОДЕЖИ НА БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ, РЕПРОДУКТИВНЫЕ И РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Гиляева Елена Салаватовна

(Уральский институт управления - филиал РАНХиГС)

Цыбенко Юлия Дмитриевна

(Уральский институт управления - филиал РАНХиГС)

Семья является важнейшей ячейкой общества, однако в современном мире институт семьи и брака претерпевает значительные трансформационные процессы: если раньше основным типом семьи в представлении общества являлась большая традиционная многопоколенная семья, в которой были налажены тесные взаимосвязи между несколькими поколениями родственников, то сейчас среди молодежи такой взгляд на брачно-семейные отношения встречается редко. Трансформация российского общества привела к тому, что традиционные семейные ценности уже не являются основой института семьи и брака. Молодежь как социальная группа, определяющая дальнейшее развитие общества, вносит значительный вклад в трансформацию брачно-семейных отношений современного общества.

Стоит проанализировать основные тенденции развития института семьи и брака среди молодежи в Российской Федерации. Так, согласно данным совместного аналитического доклада ВЦИОМ и АНО «Национальные приоритеты» российская молодая семья на современном этапе проходит через значительные трансформационные процессы.

Изменилось отношение молодежи к браку: «брак перестал быть уступкой общественному мнению и попыткой соответствовать ожиданиям окружения — теперь это результат осознанного индивидуального выбора» [1, 7]. Кроме того, молодежь стала проще относиться к разводам: «развод в целом считается приемлемой моделью поведения для большинства жителей РФ» [1, 11]. Еще одной тенденцией можно назвать распространение сожительства без заключения брака.

Что касается отношения молодежи к рождению детей, можно выделить несколько основных тенденций:

Среди молодежи существует тенденция откладывания рождения детей на более зрелый возраст, так как все чаще в приоритете у молодых людей построение карьеры. «Решение о рождении ребенка ассоциируется с ограничением возможностей, остановкой карьерного роста и вынужденным изменением привычного образа жизни» [1, 13].

Одним из ключевых трендов среди молодежи можно назвать ориентацию молодых семей на однодетную модель.

Кроме того, среди молодых людей встречаются случаи осознанного отказа от рождения детей – «чайлдфри».

Для укрепления института семьи и брака в РФ реализуется государственная семейная политика. «Приоритетами государственной семейной политики на современном этапе являются утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных

отношениях и семейном воспитании» [2]. Государством проводится активная политика по укреплению позиций института семьи и брака в обществе, в том числе и среди молодежи.

1. *Российская семья: как сохранить традиции и обрести новые смыслы? / Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и АНО «Национальные приоритеты». [Электронный ресурс] URL: https://doklad_family.pdf (дата обращения: 28.09.2022).*
2. *Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70727660/> (дата обращения: 28.09.2022).*

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ МЕДИАПЕРСОН В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ БЛОГОСФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Глазунова Светлана Евгеньевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

*Хотелось бы выразить благодарность моему научному руководителю,
кандидату филологических наук, доценту Ирине Николаевне Чудновской*

В современном обществе наблюдается усиление влияния информационных технологий и Интернета на существующие социальные нормы, традиции и обычаи, повседневную жизнь людей. В Интернет-пространстве возникает феномен «блогерства», возрос уровень доверия к блогерам по сравнению с традиционными медиа.

С трансформацией общества меняется и понятие социального капитала. В современном цифровом обществе социальный капитал и его индикаторы приобретают виртуальный характер. С появлением и распространением социальных сетей, а также в периоды ограниченной оффлайн-коммуникации Интернет выступает основной площадкой для коммуникации индивидов, подвергается трансформациям концепт социального капитала в современном обществе. Социальный капитал медиаперсон в современной молодёжной блогосфере может быть измерен через уровень доверия пользователей социальных сетей к блогерам и контенту блогеров.

Современная блогосфера является платформой с наибольшей концентрацией представителей молодёжи — блогеров и их социального капитала в виде подписчиков. На современную блогосферу оказал большое влияние период пандемии, когда в социальных сетях увеличилось количество пользователей и блогеров, преимущественно представителей молодёжи. В контексте данной работы молодёжь рассматривалась прежде всего как потребители контента медиаперсон, поэтому под молодёжной блогосферой подразумевалась блогосфера, охватывающая подписчиков в возрасте от 14 до 35 лет.

В рамках проведенного исследования подтвердилась гипотеза о том, что в российской и британской молодёжной блогосфере наблюдаются различия в социальном капитале медиаперсон. Уровень доверия к блогерам в России выше, чем уровень доверия к блогерам в Великобритании: социальный капитал российских блогеров выше, чем социальный капитал британских блогеров. Российские пользователи социальных сетей частично активнее взаимодействуют с контентом медиаперсон, чем британские пользователи. Было выявлено, что социальный капитал медиаперсон уменьшается при переходе медиаперсон из одной социальной сети в другую: по мнению российских респондентов, в результате информационной перегрузки ослабевают социальные связи между подписчиком и блогером.

В условиях информационной войны и пропаганды эти различия ослабевают, уровень доверия к информационным платформам снижается повсеместно. Информационная война снизила уровень доверия к блогерам среди российских и

британских пользователей и послужила причиной снижения социального капитала как российских, так британских медиаперсон. В современной молодежной блогосфере наблюдается тенденция переосмысления воспринимаемой информации: пользователи используют большее количество информационных ресурсов, подвергают критике высказывания блогеров и статьи газет и журналов.

И.С. ТУРГЕНЕВ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ МОЛОДЕЖИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Гонашвили Александр Сергеевич

(Университета при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет имени В.И. Ленина)

Социологами в Санкт-Петербурге было проведено исследование, суть которого заключалась в изучении отношения молодежи к личности и творчеству И.С. Тургенева. В опросе участвовали 150 респондентов в возрастной группе от 18 до 25 лет. Стоит отметить, что выборка была случайной. В гендерном соотношении было представлено из всего числа опрошенных 35% мужчин и 65% женщин. Большую часть опрошенных составили студенты университетов, число которых достигло 90%.

Переходя к анализу результатов исследования, следует сказать, что 95% респондентов оказались знакомы с творчеством И.С. Тургенева, остальные же 5%, с творчеством классика не знакомы. Стоит отметить, что к числу людей, незнакомых с творчеством классика, относятся респонденты, которые на момент опроса не имеют статус «студент», а работают полный рабочий день. В свою очередь, 77% молодежи из числа опрошенных читают произведения Тургенева в настоящее время и 23% читали, но еще в школе.

Если говорить об оценке произведений И.С. Тургенева, согласно ответам респондентов, то можно пронаблюдать следующую картину: молодежь в своем большинстве оценивает произведения И.С. Тургенева как «скорее положительно» – 60%, «целиком положительно» – 30%, и всего лишь 10% респондентов либо «затрудняются оценить» произведения русского классика, либо оценивают их «негативно».

Также в опросе спрашивали мнение респондентов относительно того, читает ли современная молодежь произведения И.С. Тургенева. По ответам респондентов видно, что большая часть молодежи считает, что, скорее всего, сегодня молодежь не читает произведения И.С. Тургенева. Однако в то же время другая часть молодежи с небольшой разницей в процентном соотношении считает, что все-таки произведения классика еще актуальны и удостоены внимания со стороны современной молодежи. Это в свою очередь говорит нам о том, что в обществе нет единого отношения к произведениям русского классика. С одной стороны, часть молодежи считает произведения классика вехой истории, когда другая группа считает, что произведения классика, написанные еще в 19-м веке, до сих пор актуальны, поскольку злободневные вопросы, рассматриваемые в них, актуальны и в наши дни. К таким вопросам можно отнести современный конфликт поколений, вопросы, связанные с конформизмом, местом человека в обществе, неразделенной любовью и т.д.

Резюмируя все вышесказанное можно прийти к следующим выводам: во-первых, молодежь имеет представление о личности И.С. Тургенева и его произведениях, что является весьма позитивным явлением. Во-вторых, молодежь можно разделить на две группы, к первой из которых относятся люди, позитивно относящиеся к произведениям писателя, и которые читают его произведения или читали ранее в школе, для них И.С. Тургенев остался одним из лучших классиков своего времени. К другой же

группе можно отнести молодежь, которая не особо знакома с творчеством И.С. Тургенева, а если и знакома, то лишь по школьным программам.

МЕТАВСЕЛЕННЫЕ КАК УГРОЗА ФИНАНСОВОМУ СОСТОЯНИЮ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Грачев Виктор Григорьевич

(Уральский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации")

В 2021 г. анонсировано создание метавселенной - глобального цифрового мира, в котором возможности его участников уже не ограничиваются традиционными коммуникационными средствами соцсетей. [2, 1]

В современных реалиях все большее влияние оказывают технологии и их развитие на государство и общество. Метавселенные хоть и имеют преимущества, но мало изучены, и необходимо оценить степень всех рисков.

После введения метавселенных для финансового состояния молодежи и экономики Российской Федерации появляются следующие риски [1, 9]: развитие кибермошенничества; возникновение дифференциации общества по социальным статусам; появляются риски для трудового сектора и реализации человеческого потенциала на производствах; падение доходов населения (трата реальных денежных средств будет происходить в виртуальной реальности); снижение культурной привлекательности регионов Российской Федерации и морального состояния каждого гражданина; пробелы в законодательстве РФ, которые необходимо дополнять с учетом виртуальной реальности (в виртуальном мире все также будут существовать юридически регулируемые отношения, например, право собственности).

Таким образом, при распространении метавселенных на территории Российской Федерации необходимо: создание институтов финансовой грамотности для населения, затрагивающих сферу виртуальной реальности; доработки нормативно-правовых актов; введение в метавселенных культурных объектов, расположенных на территории РФ (с учетом интеллектуальных прав создателя).

1. Алабина Т. А., Дзангиева Х. С., Юшкова А. А. Метавселенная как глобальный тренд экономики [Электронный ресурс] / Т. А. Алабина, Х. С. Дзангиева, А. А. Юшкова // Экономика Профессия Бизнес. – Кемерово., 2022 - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metavselennaya-kak-globalnyy-trend-ekonomiki/viewer> (дата обращения: 07.10.22)

2. Ваторопин А. С., Ваторопин С. А., Тепляков И.И., Чевтаева Н. Г. Метавселенная: перспективы создания и социальные последствия [Электронный ресурс] / А. С. Ваторопин, С. А. Ваторопин, И. И. Тепляков, Н.Г. Чевтаева // Теория и практика общественного развития. – Екатеринбург., 2022 - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metavselennaya-perspektivy-sozdaniya-i-sotsialnye-posledstviya/viewer> (дата обращения: 08.10.22)

РОЛЬ МУЗЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА)

Гринберг Галина Павловна

*(Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им.
М.И.Платова)*

Литвиненко Елена Юрьевна

*(Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И.
Платова)*

В последнее время проблема этнокультурной идентичности стала объектом исследования психологов, философов, социологов и представителей других гуманитарных наук. Опираясь на этническую и культурную идентичность, индивид определяет свое место в более широком контексте социальной реальности, формируя свою жизненную стратегию.

Этнокультурная идентичность является инструментом социальной ориентации личности, в результате чего у индивида формируется не только своя собственная идентичность, но и осознание принадлежности к определенной этнической группе. Этническая группа определяется в социологии как «группа людей общей идентичности, появившаяся в результате коллективного понимания ее особой истории» [1, 493]. Что касается казачьей культуры, то до сих пор ведутся споры по поводу того, являются ли казаки этносом, субкультурой, сословием или же субэтносом. Мы солидаризируемся с Гумилевым Л.Н. в том, что казачество представляет собой субэтнос [3].

Казачий субэтнос был практически уничтожен в годы гражданской войны. Однако, начиная с конца 80-х годов прошлого века, наблюдается тренд по возрождению казачьей культуры, стиля жизни и соответствующих им ценностей казаков. Если в начале движения по возрождения казачества оно носило театрализованный, «карнавальный» характер, заключавшейся в восстановлении символических атрибутов казачества и проведения казачьих праздничных ритуалов [4], то в настоящее время можно говорить о том, что казачество заняло определенное место в культурной, политической и экономической жизни России.

27 ноября 2018 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин во время учредительного собрания Всероссийского казачьего общества подчеркнул, что «казачество не только возрождается, но и становится более значимой конструктивной, созидательной силой» [2]. Это подтверждается следующими фактами: 1) казачьи общества оказывают содействие государственным органам в организации и ведении воинского учета казаков, организуют военно-патриотическое воспитание призывников, их подготовку к военной службе и вневойсковую подготовку членов казачьих объединений во время их пребывания в запасе; 2) члены казачьих обществ участвуют в ликвидации чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, а также мероприятиях по их предупреждению, в гражданской и территориальной обороне, в природоохранных мероприятиях; 3) казаки участвуют в охране общественного порядка, мероприятиях по обеспечению экологической и пожарной безопасности, защите Государственной границы Российской Федерации и в борьбе с терроризмом [6]. Также стоит отметить, что для участия в военной спецоперации по освобождению территорий Донецкой и Луганской областей, были созданы 7 добровольческий казачьих отрядов – «Тигр», «Кубань», «Терек», «Ермак», «Гаврида», «Дон» и «Платов». Они действуют с первых месяцев специальной военной операции, общая численность отрядов составляет 7 тысяч человек. То есть казачество начинает выполнять историческую функцию, а именно защита своего Отечества.

Исследователь Маркедонов С.М. описывает современное казачье движение, именуя его неоказачеством, в котором потомков казаков можно идентифицировать, как представителей казачества благодаря «мобилизованной памяти» [5, 236]. От наличия мобилизованной памяти напрямую зависит формирование казачьей идентичности у современной молодежи донского края. Для осуществления этой цели используются различные формы и средства. Среди них стоит упомянуть организацию «Платовской казачьей сотни» среди студентов, обучающихся в Южно-Российском государственном политехническом университете им. М.И. Платова (НПИ), которое было присвоено вузу в 2013 году, что вполне закономерно, так как ЮРГПУ (НПИ) находится в столице донского и мирового казачества в городе Новочеркасск. Среди значимой деятельности, реализуемой в рамках данного проекта, можно выделить следующие: участие в исторических реконструкциях; участие в молодежных форумах; уход за старинными захоронениями казаков; участие в войсковом круге Войскового Казачьего Общества Всевеликого Войска Донского, а также в ряде международных научно-практических конференциях. Приоритетной задачей данного проекта является воспитание нового поколения казаков Донского региона, способного к осуществлению задач, стоящих перед современной Россией. Представляется, что осуществление данной архиважной задачи невозможно без такого института культуры, как музеи, выполняющие функции по формированию военно-патриотического и духовно-нравственного воспитания с акцентом на ценности и традиции исконного донского казачества.

Как показал наш небольшой социологический опрос среди студентов казачьей сотни, большая часть (72,3%) узнали об истории донского казачества от родителей, 5,6% после прочтения романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», 22,1 % от организаторов и руководителей казачьей сотни. В данных условиях представляется, что музей, в нашем случае Новочеркасский музей истории Донского казачества, является уникальным местом для формирования и поддержания казачьей идентичности, мобилизации исторической памяти.

Являясь первым музеем на Дону и одним из старейших музеев на Юге России, он представляет следующие тематические экспозиции: «Казачье раздолье, донское застолье», «Да здравствует свободная Россия и казачество!», «Донские казаки в Кавказских войнах XIX в.», «5-й гвардейский кавалерийский Донской Будапештский Краснознаменный казачий корпус», «Храмы города Новочеркаска», «Произведения оружейного искусства в собрании музея», «Тайны ночной степи». После организованной экскурсии в музей Донского казачества (всего приняло участие 27 студентов), им было предложено написать короткое эссе об их впечатлениях от посещения музея. Приведем наиболее характерные и удачно сформулированные мнения:

«Никогда не думал, что узнаю столько нового и интересного об истории донского казачества. Понял, что нужно будет туда пойти еще раз. Одного посещения явно маловато.»

«Больше всего меня впечатлила выставка «Донские казаки в кавказских войнах 19 века». Никогда не думал, что они совершили столько героических подвигов. До этого знал только об участии казаков в войне 1812 года.»

«Я пошел в музей с другом, сам не являюсь участником казачьей сотни, но теперь подумал, что это не просто забава, а казаки – это реальная сила в защите моей родины. Буду проситься вступить в казачью сотню.»

«Я уже получил звание хорунжего, участвовав в параде Победы в Москве 24 июня 2020 года, что явилось для меня большой честью. Думал, что я все знаю о казачестве, но посещение музея заставило меня задуматься о Православной религии, о вере в Бога, о моей вере. Вопрос, конечно, серьезный.»

Таким образом, можно прийти к выводу о несомненной значимости музеев для формирования идентичности, в нашей случае, казачьей идентичности, что является безусловно важным, если рассматривать казаков как защитников границ России,

получивших это почетное право от своих славных предков. Думается, что обязательное включение в воспитательную работу вуза посещение музеев, посвященных истории, культуре донского казачества, расположенных на территории Ростовской области, внесет неоценимый вклад в формирование казачьей идентичности и поддержания возродившегося казачьего субэтноса.

1. David Jary, Julia Jary. *Dictionary of Sociology*. Harper Collins Publishers, 1995. Перевод Н.Н. Марчук, 1999. Издание на русском язык, оформление «Вече», 1999.
2. URL: <https://kuban24.tv/item/putin-kazachestvo-stanovitsya-znachimoj-konstruktivnoj-i-sozidatel-noj-siloj-216596>
3. Гумилев. Л.Н. *Этносфера: История людей и История природы*. – М.: Экспрос, 1993. 544 с.
4. Ионин, Л. Г. *Социология культуры*. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
5. Маркедонов С.М. *Неоказачество Дона, Кубани и Ставрополя как социально-политический феномен постсоветской России // Кавказский сборник. Т. 2. (34). М., 2005. С. 230-258.*
6. См: *Федеральный закон от 05.12.2005 г. № 154-ФЗ. О государственной службе российского казачества. // СПС «КонсультантПлюс».*

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ

*Грязюк Алиса Евгеньевна
(МГТУ им. Н. Э. Баумана)*

*Недорезова Ксения Дмитриевна
(МГТУ им. Н. Э. Баумана)*

*Лашков Демьян Сергеевич
(МГТУ им. Н. Э. Баумана)*

Для достижения эффективного влияния на потребителя с помощью рекламы важно верно выбрать потребительскую аудиторию компании. Одной из наиболее привлекательных является потребительская группа студенческой молодежи. Данная аудитория в течение всей жизни росла под влиянием средств массовой коммуникации, поэтому считается опытным и потребителем рекламы. На восприятие немалое влияние оказывает тип мышления человека. В результате проведенного теста психолога Лиз Бартоли на определение основных каналов восприятия окружающего мира было выявлено, что среди 100 студентов большинство воспринимает информацию либо с помощью зрения (34% опрошенных), либо с помощью слуха (32%). Из данной статистики можно сделать вывод, что студенты обращают внимание на визуальные и звуковые характеристики рекламы. Для того, чтобы выявить истинное восприятие рекламы студенческой потребительской группой, был проведен социологический опрос среди студентов от 18 до 22 лет технических и гуманитарных ВУЗов.

По результатам опроса видно, что большая часть исследуемой потребительской группы осознает, что поддается рекламному воздействию, однако отрицает полное влияние на формирование выбора. Причем студенты гуманитарных направлений оценивают влияние рекламы выше, чем представители технических направлений.

Способность рекламы оказывать влияние на формирование потребностей является теоретически и практически доказанной. В условиях такого огромного выбора товаров и услуг существует объективная потребность в рекламе определенных товаров. Было выявлено, что потребительская группа студенческой молодежи относится к рекламе критически, не всегда доверяя ей. Благодаря ее методам потребитель поддается воздействию и приобретает товары, в которых не нуждается. Также было установлено, что студенты технических и гуманитарных вузов обращают внимание на разные аспекты

рекламы: для первых особенно важным является содержание рекламы, информация о рекламируемом продукте, тогда как вторые большее внимание уделяют звучанию рекламного продукта.

1. Лебедев-Любимов, А. Н. Психология рекламы / А. Н. Лебедев-Любимов. – СПб. : Питер 2007. – 384 с
2. Кошарная, Г. Б. Ценностные ориентации современной российской молодежи / Г. Б. Кошарная, Ю. Л. Афанасьева // Известия высших учебных заведений. – 2008. – № 4.
3. Влияние рекламы на потребительское поведение молодежи / Ю. Л. Афанасьева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ.

*Гуляева Людмила Владимировна
(Московский университет имени С. Ю. Витте)*

Гражданское самосознание выступает одним из ключевых факторов становления личности представителей молодого поколения. Это связано с тем, что формируемые в процессе развития гражданственности представления о важнейших аспектах социально-политической жизни своей страны, о собственном месте и значимых ценностях постепенно становятся активным компонентом мировоззренческой системы человека, важным источником его жизненного самоопределения. В этих взглядах не только находят отражение базовые представления о российском государстве, историческом опыте, современных достижениях и проблемах, но и постепенно формируется личностная система «социально-политических координат», отражающая индивидуальные приоритеты в сфере в общественных отношений.

Исследователи отмечают, что феномен гражданственности представляет собой комплексную характеристику личности, включающую наряду с когнитивным компонентом (совокупности знаний о своей стране, о политических отношения как особой сфере социальной практики) также собственное эмоциональное отношение и формирующиеся поведенческие установки, опыт социально-политической активности [3, 59], [4, 182-185].

Среди особенностей процесса формирования гражданского самосознания исследователи Krupets Y., Morris J. отмечают, что молодые люди, традиционно считающиеся только «становящимися» гражданами в процессе перехода во взрослую жизнь, уже обладают собственным житейским пониманием того, что значит быть гражданином в современном мире. В ходе исследования авторы пришли к выводу, что у молодых россиян наблюдается расхождение между «идеальным» восприятием гражданственности и ее практической реализацией. Особый акцент делается на «эмоциональном» понимании российской молодежью гражданства, предполагающем переживание особых чувств по отношению к согражданам и стране [7, 252]. Van Deth J.W и др. исследуют наличие зависимости между формированием гражданственности и уровнем социально-экономического положения школьников, подчеркивая что в современном обществе возрастают требования, касающиеся этапа включения школьников в процесс принятия демократических решений [8, 147-148]. При этом ряд исследователей отмечает особую роль образовательных структур, оказывающих социализирующее влияние на старшеклассников, а также рассматривают реальные практические эффекты данного процесса [6, 405-411].

В сознании представителей молодого поколения постепенно складывается свое представление о гражданственности, в значительной мере отражающее актуальные для

данной социально-демографической группы ценности, интересы и имеющийся социальный опыт.

К числу основных особенностей формирования гражданского самосознания старшеклассников по результатам нашего исследования (было опрошено 1087 городских и сельских старшеклассников Тюменской области) можно отнести наличие определенных патерналистских установок, которые проявляются, с одной стороны, в признании молодыми людьми и девушками собственной готовности проявлять инициативу и быть социально активными. Вместе с тем они хотели бы видеть сильное государство, которое в случае необходимости могло бы защитить их интересы [1, 56-58]. Другой аспект патерналистских ориентаций по данным ВЦИОМ [2] молодежь проявляет в отношении своих ровесников. Он выражается в том, что несмотря на преимущественно положительную оценку молодежных инициатив в российском обществе, в качестве руководителей таких проектов почти половина даже самих молодых респондентов (47–53%) хотели бы видеть людей среднего возраста. Данное обстоятельство можно считать свидетельством того, что молодые люди еще не готовы в полной мере взять на себя ответственность за собственные возможные ошибки и неудачи и осознают потребность в поддержке своей деятельности со стороны представителей старшего поколения.

Еще одной особенностью формирующегося гражданского самосознания старшеклассников можно считать отмечаемую исследователями ориентацию на осознанную деятельность, связанную с личной активностью (готовность соблюдать законы, участвовать в общественно-политической жизни) [4, 107]. При этом по данным ВЦИОМ сами представители молодого поколения преимущественно воспринимают подобную деятельность как полезную, соответствующую интересам общества (43%). Данное представление отражает обеспокоенность молодежи существующими проблемами социально-политического характера, а также наличие желания не только разобраться в их специфике, но и содействовать решению конкретных вопросов как на региональном уровне, так, возможно, и на уровне страны. Почти половина молодых респондентов полагает, что государству важно поддерживать начинания молодежи [2].

В то же время А.В. Селезнева в своем исследовании отмечает, что эмоциональный компонент гражданственности современных старшеклассников характеризуется полярностью – негативное эмоциональное отношение к России как государству сочетается с положительным отношением к России как стране с ее историческими особенностями и богатым культурным наследием [4, 110]. Результаты проведенного нами опроса показывают, что обобщенно 72,5% старшеклассников «скорее гордятся» или «гордятся» тем, что они являются россиянами, что свидетельствует о достаточно высоком уровне патриотических настроений. При этом среди наиболее существенных социально-экономических проблем молодыми респондентами были названы такие как низкий уровень жизни, социальное неравенство, коррупция. Вместе с тем почти половина опрошенных школьников (51,9%) смотрят в будущее со смешанными чувствами, и только 36,2% проявляют уверенность и оптимизм.

В качестве вывода можно отметить, что молодежь является активным и заинтересованным участником социальных изменений. В связи с этим процесс становления гражданского самосознания современных старшеклассников отражает имеющиеся в обществе противоречия – с одной стороны молодое поколение частично воспроизводит ранее сложившиеся в нашем обществе определенные патерналистские ориентации как в отношении роли государства, так и в отношении оценки собственной деятельности, основанные на опасении не оправдать возлагаемых надежд, проявить недостаточную компетентность. Вместе с тем на процесс формирования гражданственности старшеклассников накладывает отпечаток специфика их социального положения – пока еще весьма ограниченный опыт социальной активности, зависимость от родителей. В то же время общее отношение к гражданской социальной активности

молодежи является позитивным, старшеклассники в значительной степени ориентируются на инициативность и верят в возможность позитивных изменений в нашей стране.

1. Гуляева Л. В., Ефимова Г. З. Сравнительное исследование патриотических ориентаций молодежи: региональная специфика // *Siberian Socium*. 2018. Том 2. № 1. С. 53-73. DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-53-73
2. Молодым везде у нас дорога? Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi>
3. Петрунина Д. С. «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов // *Социологические исследования*. 2022. № 2. С. 57-64. DOI: 10.31857/S013216250018036-2
4. Селезнева А. В., Азарнова А. А. “Рождение гражданина”: политико-психологический анализ гражданской ответственности российских старшеклассников. – *Полис. Политические исследования*. 2020. № 5. С. 101-113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.08>
5. Ядова М. А. Поколение миллениалов в российском обществе: в поисках другой молодежи. – *Полис. Политические исследования*. 2020. № 6. С. 181-188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.14>
6. Hand M., Pearce J. Patriotism in British Schools: Teachers' and Students' Perspectives // *Educational Studies*. 2011. Vol. 37. No 4. Pp. 405-418. DOI: 10.1080/03055698.2010.539775.
7. URL: https://www.researchgate.net/profile/Michael_Hand2/publication/233262451_Patriotism_in_British_schools_Teachers%27_and_students%27_perspectives/links/57aca8da08ae7a6420c3067b/Patriotism-in-British-schools-Teachers-and-students-perspectives.pdf
8. Krupets Y., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. 2017. *Imagining Young Adults'*
9. *Citizenship in Russia: from Fatalism to Affective Ideas of Belonging*. – *Journal of Youth Studies*. Vol. 20. No. 2. P. 252-267. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>
10. Van Deth J.W., Abendschön S., Vollmar M. 2011. *Children and Politics: An Empirical Reassessment of Early Political Socialization*. – *Political Psychology*. Vol. 32. No. 1. P. 147-173. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2010.00798.x>

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Давлетшина Лилия Авальевна

(ГАОУ ДПО "Институт развития образования Республики Татарстан")

Хураמיшина Айгюль Зуфаровна

*(Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма;
Институт развития образования Республики Татарстан)*

На основании задания органов государственного управления, Институтом развития образования Республики Татарстан в 2022 году организовано социологическое исследование реализации государственной молодёжной политики (ГМП) в Республике Татарстан. Эмпирическое исследование в форме электронного опроса проведено в образовательных организациях общего образования и среднего профессионального образования со сплошным охватом муниципальных образований республики. В качестве респондентов выступили 490 заместителей директоров по воспитательной работе (ВР), в том числе 449 – из общеобразовательных организаций, 41 – из учреждений среднего профессионального образования (СПО).

Качественное управление реализацией молодёжной политики, в том числе в образовательных организациях, играет важную роль [1]. Результаты исследования показали, что образовательные организации республики активно участвуют в реализации

таких подпрограмм государственной программы «Развитие молодежной политики в Республике Татарстан на 2019 - 2025 годы», как «Организация отдыха детей и молодежи на 2019 - 2025 годы»; «Молодежь Татарстана на 2019 - 2025 годы», «Патриотическое воспитание молодежи Республики Татарстан на 2019 - 2025 годы», «Совершенствование государственной молодежной политики в Республике Татарстан на 2019 - 2025 годы», «Развитие социальной и инженерной инфраструктуры в рамках государственной программы «Развитие молодежной политики в Республике Татарстан на 2019 - 2025 годы», «Дети Татарстана на 2019 - 2025 годы». Участие в реализации указанных подпрограмм осуществляется, прежде всего, через воспитательную работу. Респонденты указывают на разные формы организации воспитательной работы, контролируют и следят за участием обучающихся в видах и формах внешкольной/внеучебной деятельности.

Результаты исследования показывают высокую документационную обеспеченность воспитательной работы образовательных организаций в рамках ГМП. В общеобразовательных организациях актуальна задача привлечения детей к участию в общественной жизни, содействие развитию детского движения, патриотическое воспитание, формирование гражданственности и сохранение национальной идентичности подрастающего поколения (62%). Для каждого пятого из опрошенных особо значимой остается развитие общественно-государственной системы воспитания детей, обеспечивающей их социализацию, высокий уровень гражданственности, патриотичности, толерантности, обеспечение социально значимого досуга (23%), для каждого шестого (15%) – организация работы с детьми и подростками в учреждениях по месту жительства.

В образовательных организациях СПО государственная молодежная политика актуализирована, прежде всего, проблемой необходимости повышения трудовой активности молодежи и ее вовлечения в созидательные проекты в качестве инструмента профилактики негативных социальных явлений в молодежной среде. На нее указали 44% респондентов. Около трети опрошенных в качестве наиболее актуальной выделили усиление роли гражданско-патриотического воспитания в формировании ценностных ориентиров молодежи Республики Татарстан (34%). Для 22% заместителей руководителей по воспитательной работе организаций СПО на первый план выходит необходимость совершенствования системы выявления, воспитания и самореализации молодежных лидеров. Ориентированность представителей ссузов преимущественно на проблему повышения трудовой активности молодежи и ее вовлечения в созидательные проекты объясняется основным содержанием работы этих организаций – подготовкой квалифицированных специалистов среднего звена. Решение обозначенной проблемы, согласно подпрограмме, рассматривается как инструмент профилактики негативных социальных явлений в молодежной среде.

В образовательных организациях среднего профессионального образования приоритетными выступают следующие направления работы по реализации ГМП (по убыванию): формирование здорового образа жизни и профилактика асоциальных проявлений (73%), работа с молодежью, находящейся в трудной социально-психологической ситуации (71%), организация культурно и спортивно-массовых мероприятий (71%). 59% респондентов преимущественно работают над формированием молодежного актива, 54% – над вовлечением молодежи в волонтерскую деятельность. Вовлечение в творческую деятельность оказалось наиболее важной для 49% респондентов, вовлечение в здоровый образ жизни и занятия спортом – для 46%. Чуть меньше заместителей директоров по ВР организаций СПО отметили, что оказывают содействие профориентации и карьерным устремлениям молодежи (39%), и формированию в студенческих коллективах обстановки творчества и взаимопомощи (37%). Каждый шестой из опрошенных указал на то, что оказывает консультативную помощь при участии в конкурсах, грантах (15%).

Значительную долю воспитательной работы в рамках реализации ГМП образовательные организации осуществляют в содружестве с детскими и молодёжными общественными организациями [2].

Особо следует отметить проходящую через всю государственную молодежную политику Республики Татарстан идею профилактики правонарушений и отклоняющихся форм поведения детей и молодежи, проникновения в молодежную среду идей экстремизма и терроризма. В таблице представлены основные направления работы образовательных организаций по патриотическому воспитанию. Линейное распределение по успешности реализации различных форм патриотического воспитания в образовательных организациях общего образования и среднего специального образования позволяет увидеть, что выше рангом в них оказываются мероприятийные формы работы. Формы, требующие системной, планомерной, долгосрочной деятельности, в образовательных организациях реализуются менее успешно. Возможно, ключ к пониманию сложившейся ситуации лежит в отчетности образовательных организаций: разнообразие названий мероприятий, количество принявших участие в мероприятии создают больший информационный объем, нежели систематически занимающиеся одним и тем же видом деятельности, к примеру, члены патриотического клуба.

Таблица. Основные направления работы образовательных организаций по патриотическому воспитанию (в % от числа опрошенных в каждой категории)

№ п/п	Направление работы	Общобразовательные организации	Организации СПО
1	Участие в мероприятиях гражданско-патриотического направления разного уровня	94	93
2	Организация и проведение мероприятий политико-правовой направленности	86	85
3	Организация и проведение фестивалей, смотров-конкурсов военно-патриотической песни	84	73
4	Развитие военно-патриотического движения «Юнармия»	78	32
5	Участие во всероссийских, региональных и муниципальных спартакиадах, спортивных играх и соревнованиях в честь памятных дат истории России и Татарстана	76	88
6	Проведение экскурсий в историко--краеведческие музеи, на мемориальные комплексы и другие места боевой славы	74	71

7	Работа клубов патриотической направленности	41	49
8	Поисково-исследовательская деятельность по увековечиванию памяти погибших воинов в Великой Отечественной войне, иных боевых сражениях	34	15
9	Повышение образовательного уровня призывников, получение ими военно-учетных специальностей	34	46

Основное препятствие в эффективной реализации возложенного на них направления работы заместители директоров по ВР видят, прежде всего, в излишней бюрократизации (89%). В комментариях преобладали ответы, связанные с недостаточными материально-финансовой, методической обеспеченностью воспитательной работы.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о непосредственном участии как общеобразовательных организаций, так и организаций среднего профессионального образования в реализации ГМП Республики Татарстан. Выявлены направления и формы работы, которые осуществляются наиболее активно и успешно. Показано наличие проблем в решении некоторых задач реализации государственной молодежной политики в образовательных учреждениях республики.

Общеобразовательные организации и учреждения СПО как институциональные образования общества формально и содержательно включены в процесс реализации ГМП. С одной стороны, образовательные учреждения выступают объектом молодежной политики, с другой стороны – ее проводником.

1. Хураמיшина, А. З. Характеристики эффективного стиля управления в сфере физической культуры, спорта и молодежной политики: результаты эмпирического исследования / А. З. Хураמיшина, А. А. Агалтдинова, Б. И. Хурамышин // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 3. – С. 153-157. - <https://elibrary.ru/item.asp?id=41235001>

2. Давлетишина, Л. А. Деятельность детских общественных объединений в общеобразовательных организациях как направление реализации государственной молодежной политики в Татарстане / Л. А. Давлетишина, А. З. Хураמיшина // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. – 2022. – № 2. – С. 30-35. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49325140>

СОЦИОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Демидова Елена Евгеньевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Старикова Александра Вячеславовна

(Отдел социально-экономической географии, Институт географии РАН)

В начале 2020-х гг. одновременное существование в гибридном реально-виртуальном ландшафте становится устойчивой общественной нормой. Необычайную остроту происходящим процессам придали обстоятельства вынужденной физической изоляции, вызванной пандемией вируса COVID-19, и обуславливающей беспрецедентное увеличение использования цифровых устройств и сервисов. Этот процесс закономерно привел к значительной трансформации общественной – в том числе и молодежной – среды.

Как показывают данные социологических опросов, проведенных среди молодежи, виртуальное пространство призвано удовлетворять информационные, развлекательные и коммуникационные потребности, причем значимость последних все чаще выходит на первый план. При этом стратегии поведения в гибридном ландшафте далеко не одинаковы. Так представители научной социогеографической школы Гётеборгского университета (Швеция) выделяют следующие типы поведения молодежи: непрерывное общение (такие молодые люди практически все время онлайн), «дисциплинированное» общение (чередование времени онлайн-общения и времени вне цифрового пространства) и общение без выраженных приоритетов. Социогеографический анализ повседневной деятельности российской молодежи (на примере студентов МГУ имени М.В. Ломоносова), проводившийся нами в 2019-2021 гг. с использованием дневникового метода и геовизуализации данных в теоретических рамках хроногеографии, показал, что, несмотря на активное использование цифровых устройств, повседневная деятельность в виртуальном пространстве пока не вышла на первый план в жизни респондентов. Локационная привязка деятельности продемонстрировала, что активность в сети Интернет связана с такими категориями мест, как дом, учебные заведения, транспорт. Общественные же пространства (кафе, парковые зоны и др.) связаны преимущественно с «живым» общением. При этом отмечается параллелизация онлайн и офлайн деятельности, взаимодополняющих друг друга (поиск в сети информации, относящейся к теме общения, поддержание онлайн-разговоров в социальных сетях и мессенджерах, просмотр новостной ленты и проч.)

В ситуации вынужденной изоляции, когда были сведены к минимуму физическое передвижение и личное общение, произошла смена доминанты: на первое место ожидаемо вышла виртуальная среда. Физическое пространство сжалось до размеров места локации (квартиры/комнаты), а цифровое пространство практически полностью заполнило поле деятельности индивида. «Выход» из периода пандемии с одной стороны, продемонстрировал частичное сохранение цифровых «привычек» (преимущественно в виде активного пользования цифровыми услугами, в т. ч. образовательными), но с другой – значительное повышение ценности всего происходящего офлайн и, как результат, усиление социальной активности в реальном пространстве.

О РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Дроздов Евгений Вячеславович

(Российский государственный гуманитарный университет)

Воспитание подрастающего поколения – один из серьезнейших стратегических вопросов развития страны. И у нашей страны есть огромный опыт в этом направлении. Вместе с построением государства нового типа были созданы и новые общественные организации. Создание Ленинского комсомола и пионерской организации в молодой Советской России было уникальным явлением, где молодежь стала передовой силой государственных преобразований.

После разрушения СССР и, соответственно, утраты выстроенных социальных институтов, перед государством появилась очень важная проблема – выстраивание совершенно новой молодежной политики. Изменения государственной системы устройства, отсутствие идеологической составляющей в Конституции Российской Федерации, повлекло за собой создание абсолютно новых институтов управления и организации, в том числе и сфере молодежной политики.

Молодежь – это сегмент общества, с которым в наибольшей степени связаны перспективы дальнейшего развития страны. И основной вопрос должно стать не столько работа с молодежью для решения тактических задач, а стратегический вопрос: ведь

сегодняшние студенты и школьники завтра будут занимать руководящие должности, и принимать решения, в том числе по внутренней и внешней политике России.

Важным шагом в решении данного вопроса стало принятие Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации». Однако, как отмечает ряд экспертов, необходимо провести большую работу, чтобы он был эффективным.

В рамках данного доклада планируется проанализировать сегодняшнее состояние молодежной политики в современной России, в контексте ее социального значения для российского общества.

На сегодняшний день в России молодёжь является одной из наиболее многочисленных социальных групп: по данным Росстата в 2019 году 24,7% населения Российской Федерации составляют люди в возрасте от 18 до 35 лет. Кроме того, для молодых людей также характерна высокая электоральная и протестная активность: на выборах Президента Российской Федерации в 2018 году явка граждан в возрасте от 18 до 35 лет составила 69,5% от общего числа избирателей данной возрастной группы, а количество участников митингов 23 января 2021 года в Москве в возрасте от 18 до 35 лет составило 52% от общего числа протестующих.

Вместе с тем, для молодежи характерна и еще одна знаковая характеристика – это повышенная социальная уязвимость, неустроенность, отсутствие четко-выраженных жизненных перспектив и ориентиров. Кроме того, молодым людям традиционно свойственно испытывать трудности финансового характера, и связанные с ними проблемы получения достойного образования, надлежащей медицинской помощи. Кроме того, в настоящий момент острой проблемой для молодежи стоят так называемый «жилищный вопрос». Так, отмечается, что на сегодняшний день условия приобретения жилья не соответствуют реальным возможностям молодежи, а существующие программы государственной поддержки направлены лишь на очень узкий сегмент данной возрастной группы. Не лучше дела обстоят и с вопросом трудоустройства: как показал мониторинг, проведенный журналом Forbes в 2018 году, в зависимости от региона, от 30 до 40% выпускников ВУЗов были вынуждены работать вне полученной специальности.

Социальная нестабильность, невозможность «найти себя», эффективно встроиться в существующую общественную структуру подталкивает молодых людей к деструктивному и асоциальному поведению. Исследователи отмечают, что для современной молодежи свойственны такие проблемы, как рискованное и противоправное поведение, а также велики риски суицида.

Существующая ситуация дополнительно усугубилась на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции. Авторами проводимых по данной теме исследований описаны характерные для многих молодых людей во время введения карантинных мер симптомы посттравматического стрессового расстройства, депрессии и тревожности. Особо отмечается, что в зоне наибольшего риска оказывается слаборесурсная часть молодежи, жизнь которой и до пандемии была сложной: те, кто проживает в малообеспеченных, неблагополучных семьях, терпит домашнее насилие и т.п.

Многочисленность, высокая социальная и политическая активность, в сочетании с повышенной социальной уязвимостью указывают на колоссальное значение молодежи для будущего развития России как в долгосрочной, так и в среднесрочной перспективе.

Основополагающие принципы молодежной политики в России заложены в стратегическом государственном документе «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Логичным продолжением данного документа стало принятие в 2020 году Федерального закона N 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации". Вместе с тем, несмотря на серьезные сдвиги в данном направлении, исследователи отмечают ряд проблем, остающихся в настоящий момент без решения.

В первую очередь, экспертами отмечается ограниченность возможностей влияния молодежной политики непосредственно на молодежь. Реализация данной политики с

помощью преимущественно административно-бюрократических методов и организацию разноплановых мероприятий зачастую приводит к тому, что в центре внимания оказывается не реальное взаимодействие с молодежью, а подготовка отчетной документации. При этом, государственно-политический подход, базирующийся на системе идей, ценностей и концепций мировоззренческого плана, отражающий реальные потребности молодежи, при таком подходе остается без должного внимания, а зачастую и полностью игнорируется. Как следствие методологической неопределенности и декларативности, государственная молодежная политика на текущий момент не оказывает существенного влияния на интеграцию подрастающих поколений в российское общество на основе формирования и укрепления солидарных социальных связей

Результаты проводимой на сегодняшний день молодежной политики наглядно демонстрируют результаты эмпирических исследований. Так, в ходе социологического исследования, проведенного группой ученых в 2019 году на Дальнем Востоке, были выявлены серьезные миграционные тенденции в среде местной молодежи: значительная часть выпускников вузов и сузов не планирует оставаться в родных регионах и мечтает о переезде в более развитые субъекты федерации или о зарубежной эмиграции. Как следствие данной тенденции, демографическая картина дальневосточного социума претерпела серьезные изменения: если в 1990 году доля молодежи на Дальнем Востоке России было в 2,3 раза больше, чем пенсионеров, то в 2018 пенсионеров стало в 1,2 раза больше, чем молодежи. Авторы исследования связывают такой результат с неудовлетворенностью молодых людей существующим уровнем жизни (предлагаемыми возможностями трудоустройства, уровнем заработной платы, состоянием социальной инфраструктуры) и связывают отток молодежи из дальневосточных регионов с игнорированием реальных проблем и потребностей молодежи при реализации государственной молодежной политики.

Результаты анализа состояния молодежной политики в Российской Федерации позволяют выявить ряд проблемных аспектов, связанных с практической реализацией существующих программных документов.

В первую очередь, можно констатировать значительный отрыв молодежной политики от ее целевой группы: проводимые мероприятия и предлагаемые меры поддержки со стороны государства не в полной мере согласуются с существующим социальным и политическим запросом молодежной среды. Многочисленные данные указывают, что большой спектр молодежных проблем остается вне поля зрения государства, а значительная часть проводимой работы сводится к проведению формальных мероприятий и написанию отчетов.

Кроме того, на сегодняшний день можно говорить об отсутствии полноценной «обратной связи» между государством и молодежью, несмотря на наличие серьезный запрос в молодежной среде на такую «обратную связь». Данные тенденции, в частности, были зафиксированы в ходе исследования потенциала государственной молодежной политики в социальных сетях, проводившегося в 2021 года. В ходе проведения фокус-групп исследователями был выявлен четкий запрос на создание системы двусторонней коммуникации: «Прямое общение через социальные сети», «Создание чат-ботов, которые могут ответить на волнующие молодежь вопросы», «Диалог на равных» и так далее

Кроме того, особую значимость приобретает проблема институционального доверия молодежи – доверия к социальным институтам и их представителям. Согласно исследованию: «Российское поколение Z – установки и ценности», проводившегося в 2019-2020-х годах, доверие к государству и его институтам у молодежи в целом низкое. Имеются три исключения – это волонтеры (им доверяют 49% опрошенных), армия (44%) и президент (42%). «Следует учесть, что основания «доверия» здесь принципиально различны: первое обусловлено моральным авторитетом бескорыстного и альтруистического поведения участников волонтерских движений, вторые – символическим статусом президента как «национального лидера» и «гаранта

национальной безопасности и целостности страны», политика, вернувшего России статус «великой державы», с одной стороны, и армии как опоры «державы», наследницы морального авторитета победителей над фашизмом, славы во Второй мировой войне – с другой», – отмечается в исследовании.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Несмотря на определенные сдвиги на институциональном уровне – принятие стратегического документа «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и непосредственно Федерального закона о молодежной политике, состояние молодежной политики в России едва ли можно признать удовлетворительным. Продолжают существовать проблемы, связанные с отсутствием полноценной «обратной связи» между молодежью и государством, и, как следствие, с данной социальной группой отсутствует выстроенная система эффективного взаимодействия.

Вместе с тем, принимая во внимание качественные характеристики российской молодежи (многочисленность, высокую неудовлетворенность молодых людей своим социальным и экономическим положением, высокую уязвимость данной социальной группы перед лицом социальных рисков, а также высокую электоральную и протестную активность молодежи), можно отметить, что сегодня, перед лицом новых вызовов, с которыми столкнулась Российская Федерация, вопросы молодежной политики приобретают новую актуальность и смысловое содержание. Вопросы лояльности и доверия подрастающего поколения к власти и общественным институтам должны стать основополагающими, а разработка и реализация молодежной политики становится необходимой социальной инновацией, ключевым фактором развития как регионов, так и страны в целом.

Хорошим подспорьем в этом отношении может стать обновленный Федеральный закон «О молодежной политике». Как раз сейчас проходит сбор инициатив по изменению Федерального закона. И каждый, кто сегодня участвует в конференции, может внести свои предложения.

Спасибо за внимание!

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 25.08.2022)
2. Бабочкин П.И., Социализация молодежи: опыт, проблемы, мероприятия. Соц.-гуманит. знания. 2019. № 1. С. 28-32
3. Березутский Ю.В., Байков Н.М. Государственная молодежная политика и ее роль в социальном развитии. Государственная служба. 2020. № 5. С. 12–18
4. Голджен А.Г. Проблемы социальной адаптации молодежи. Молодой учёный. 2018, №29 (215). С. 98–103.
5. Калабанов В. А., Сквиков А. К., Шумилов А.В. Государственная молодежная политика России в социальных сетях. / PolitBook, 2021, С. 47-57
6. Л.Гудков, Н.Зорская, Е.Кочергина, К.Пуня, А.Рысева «Российское поколение Z – установки и ценности»
7. Лучкова Е.С. Собственное жилье для студенческой молодежи в Санкт-Петербурге: мечта или реальность? / Administrative Consulting. 2021, Volume 7. Issue 3 (15). С. 53-59
8. Тайбек Мохамединия, Сомаех Негадари, Изучение образа жизни молодежи в контексте правопорядка и безопасности, Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2017, №2, Т. 10, С.259-270
9. Черепанова М.И., Эбелинг Э.О. Модель социальных факторов риска суицидального поведения молодежи алтайского края. Современные исследования социальных проблем. 2017. Том 8, № 12. С. 111–123
10. Шияева А.Д Проблема социальной депривации молодежи в период пандемии COVID-19/ Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал [эл. ресурс], URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnoy-deprivatsii-molodezhi-v-period-pandemii-covid-19/viewer> (Дата обращения: 03.09.2022)

11. Сайт Государственной Думы ФС РФ <http://duma.gov.ru/news/53324/> (дата обращения 25.08.2022)

12. Путь к богатству. Почему молодежь не работает по специальности/ Forbes [эл. ресурс], URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/362983-put-k-bogatstvu-pochemu-molodezh-ne-rabotaet-po-specialnosti> (Дата обращения: 03.09.2022)

УЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ.

Жданова Ангелина Эдуардовна

*(Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Вологодский научный центр Российской академии наук)*

В настоящее время проблема участия молодежи в развитии городского пространства вступает чрезвычайно актуальной как с позиции преобразования среды проживания ресурсами местных сообществ, так и социализации самой городской молодежи, расширение возможностей для личностного роста через включенность в общественно полезную деятельность. Целью статьи выступает выявление условий и готовности к участию в развитии комфортной городской среды студенческой молодежи. Исследование осуществлено на территории города Вологда – областного центра Вологодской области посредством количественной методической стратегии (анкетный опрос среди студентов ВУЗов города, N=207). В работе представлены теоретико-методологические подходы к пониманию городской среды и критериям ее комфортности. Обозначено, что комфортная городская среда – это категория социально-экономическая, отражающая взаимодействия внутри городского пространства, максимально благоустроенного для жизнедеятельности горожан. Получен вывод, что студенческая молодежь выражает готовность активно участвовать в принятии решений по развитию и совершенствованию городской среды, что в дальнейшем послужит созданием большего количества площадок для самореализации молодежи и как следствие уменьшение оттока молодых людей из региона.

Проблематика функционирования городской среды, жизненного пространства города имеет выраженный междисциплинарный характер и становится объектом анализа архитекторов, культурологов, урбанистов, экономистов и социологов. Одним из известных экспертов в области организации и развития городского пространства, истории и теории проектирования городов в России является В.Л. Глазычев. Автор более трёх десятков книг и сотен статей и интервью по городской экологии и архитектуре, социальным проблемам крупных городов, дизайну и образовательной политике.

Комфортная городская среда в последние годы является актуальной и значимой темой в публичном пространстве. Одним из общественных экспертов является урбанист и блогер И. Варламов. Он известен своими материалами о городской среде в российских городах. Варламов путешествует по российским городам и пишет посты с критическим взглядом на организацию общественного транспорта, городской среды и системы управления городом.

В научных кругах много внимания уделяется проблематике включенности молодежи в развитие территорий конкретно города. Ведущий российский специалист по изучению молодежной тематике Ю.А. Зубок поясняет, что с социальной активностью в развитии пространства жизнедеятельности связывается включенность молодых людей в сферу гражданских отношений, где она понимается, как готовность участвовать в общественно значимых инициативах. В то же время включенность в общественные практики отражает и индивидуально-значимую деятельность молодых людей, сопряженную с реализацией их собственного потенциала в процессе выстраивания индивидуальных жизненных стратегий. [1,89-105]

Проблематика участия молодежи в развитии городской среды получила известное освещение в общественно-публичном и научном дискурсе. В то же время оценка готовности к участию в развитии комфортной городской среды с позиции самих молодых горожан остается недостаточно изученной и востребованной темой для научного анализа. Целью настоящего исследования выступает выявление условий и готовности к участию в развитии комфортной городской среды студенческой молодёжи на материалах города Вологды – областного центра субъекта СЗФО Вологодской области.

Исследование опирается на сравнительно-социологическую методику количественной стратегии. Авторами в качестве основного метода средства получения информации был использован анкетный опрос. Выборочная совокупность исследования составила 207 студентов трех учебных заведений города Вологды: Вологодского государственного университета, Северо-Западного филиала МГЮА – Московского государственного юридического университета имени О.Е.Кутафина, а также студентов Вологодской государственной молочнохозяйственной академии имени Н.В. Верещагина. При формировании выборочной совокупности мы исходили из следующих критериев: чтобы в выборку попали «коренные вологжане» (40%) и прибывшие из других населенных пунктов (60%); представители младших курсов обучения (1-2 – 38%), старших (3-4 – 37%) и магистранты (25%).

Для выявления субъективных оценок молодежи места проживания в ходе социологического исследования респондентам было задано 16 вопросов касательно темы комфортной городской среды, из которых была получена следующая информация. Почти половина опрошенных студентов (46%) не может однозначно оценить свой опыт проживания в Вологде: видит, как положительные, так и отрицательные стороны. Причем студентов, оценивающих этот опыт скорее положительно, значительно больше (39%), чем тех, кому жизнь в городе скорее не нравится (14%). «Коренные» студенты настроены к Вологде более критично, чем «приезжие».

Материалы опроса позволили выявить наиболее существенные городские проблемы, которые беспокоят студенческую молодежь города. В рейтинге проблем лидирует низкий уровень доходов населения, что отражается на качестве и уровне жизни в городе (так ответило 57% респондентов); ко второй значимой проблеме респонденты отнесли плохое благоустройство, грязь, состояние дворовых территорий (55%). На третье место респонденты отнесли проблему отсутствия перспектив для карьерного роста и недостаточность разнообразия рабочих мест (53%).

Затем респондентам было предложено указать город, в котором они хотели бы жить и одним словом объяснить – «почему». Самыми популярными городами среди студентов ожидаемо оказались – Санкт-Петербург (24%), Москва (18%), Ярославль – (11%).

В целом, можно заключить, что неудовлетворенность условиями места проживания в своем родном городе, негативно влияет на миграционные настроения студенческой молодежи: после окончания вуза молодые люди могут принять решение уехать в другие города, где, по их мнению, более комфортная среда для жизни и работы.

Свое мнение по вопросам городского развития может и должно высказывать и молодое поколение, т.к. именно ему дальше здесь жить и развивать территорию. По данным нашего исследования, лишь 6% студенческой молодежи полагает, что они никак не включены в развитие города Вологды, и напротив, 39% опрошенных считают, что молодёжь здесь играет активную роль. Однако, почти половина респондентов (46%) полагает, что роль молодежи здесь подчинена воле взрослых и ее участие в городских процессах скорее вторичное («добровольно-принудительное»).

Большая часть молодых людей заявила о своей готовности принимать более активное участие в жизни и развитии Вологды (такой ответ выбрали 48% респондентов) Причем такая позиция характерна для студенческой молодежи всех периодов обучения в вузе. Отрицательный ответ дали несколько меньше четверти опрошенных (21%), при этом

немалая часть (30%) затруднились с ответом, что составляет определенный потенциал для ее включенности в общественно-полезную деятельность, направленную на городское развитие, в перспективе.

Таким образом, по результатам проведенного социологического исследования выявлены оценки студенческой молодежи условий городской среды для комфортной жизнедеятельности и самореализации, а также ее готовности к участию в развитии городского пространства. Однозначно можно признать, что молодежь – это важнейшая социально-демографическая группа горожан, определяющая экономические и социальные перспективы развития и процветания города. В этой связи необходима дальнейшая проработка мер молодежной политики на местах, направленной на привлечение молодых людей в различные городские проекты: как показывают социологические исследования в молодежной среде аккумулируется огромный нераскрытый потенциал и новаторские идеи по благоустройству городского пространства, комфортного для личностной и профессиональной самореализации молодых горожан, способствующие социокультурному развитию городов.

1. Зубок Ю.А., Березутский Ю.В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции //Власть и управление на Востоке России. – 2020. – № 2(91).с. 89-105.)

ХАРАКТЕРИСТИКА КОГНИТИВНЫХ НАВЫКОВ И МЕТОДЫ ИХ РАЗВИТИЯ В ОБУЧЕНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Железняк Софья Михайловна

(ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149)

Ракачева Ярослава Владимировна

(ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149)

Аннотация. В исследовании проведен анализ метакогнитивных характеристик, таких как концентрация, приобретение информации, выбор главных идей, управление временем. На основе опроса среди молодежи в возрасте 16-24 лет были сделаны выводы о навыках и наиболее распространенных практиках, применяемых во время обучения. Учитывая полученные данные, были разработаны методические рекомендации.

Актуальность: скорость возникновения новейших технологий, а следом за ними — уникальных специальностей и знаний такова, то что просто передавать готовый багаж знаний уже недостаточно. Необходимо обучать подрастающее поколение находить данные, осваивать и самостоятельно производить оценку степень своей готовности к их применению.

Исследовательский вопрос: как современные тенденции эскалации примитивного контента и упрощённого доступа к ней сказались на умении и желании учиться у нынешней молодежи?

Справочная информация:

Интерес к процессам усваиваемости информации не утихал и 45 лет назад, тогда Дж. Флейвелл впервые ввел в научный оборот термин «метапознание» («метакогниция») – знание о собственном познании [2]. Изучали эту тему и наши отечественные учёные. Например, Скворцова Ю.В., Кашапов М.М предложили методику диагностики метакогнитивных знаний, активности [1].

Исходя данной методики выделяются следующие метакогнитивные характеристики: концентрация, приобретение информации, выбор главных идей, управление временем. Под метакогнитивными знаниями авторы понимают

приобретенные знания личности о собственных познавательных процессах, которые представлены:

1. Знаниями о средствах получения и переработки информации собственных процессов учения;
2. Знаниями о типе и содержании задачи и требованиях к ее выполнению;
3. Знаниями метакогнитивных стратегий в решении задачи.

Результаты:

Подводя итог социологического опроса можно выявить следующие наиболее явные проблемы:

У молодого поколения отмечаются затруднения в работе с научными текстами (тяжело сконцентрироваться и выделять главную информацию).

Проблемы с распределением времени и самодисциплиной у студентов и учеников старших классов.

Неспособность применения полученных знаний на практике.

«Цифровое с рождения» поколение уже сформировало особый набор когнитивных характеристик, оказывающих влияние на процесс обучения. Впоследствии планируется проведение эксперимента по практическому изучению и улучшению навыков обучаемости среди студентов и школьников.

1. Скворцова Ю.В., Кашапов М.М. Самооценка метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности // Психологическая диагностика URL: <https://www.sites.google.com/site/test300m/mzma> (дата обращения: 18.08.22).
2. Flavell J. H. *Metacognitive Aspects of Problem Solving* // *The Nature of Intelligence*. Hillsdale / ed. by L.B. Resnick. N.Y., 1976

ЧЕЧЕНЦЫ: ГЕНОЦИД В 1944 ГОДУ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Жемчураева Седа Шахитовна
(ФГБУН КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН)

Во всемирном историческом процессе было достаточно трагедий, в числе которых и депортация ряда малых народов бывшего Советского Союза в разгар Великой Отечественной войны. Депортации народов на протяжении многих лет тщательно скрывались и от советского народа, и от мировой общественности. Причины этой бесчеловечной трагедии объяснялись по-разному, включая абсурдные обвинения в сотрудничестве с фашистами. Фактически для депортированных народов это означало геноцид. Наряду с другими народами от акта депортации жесточайшим образом пострадали чеченцы. На фронтах Великой Отечественной Войны героически сражались мужественные воины Чечено-Ингушетии против фашистско-немецких захватчиков, проявившие высокий боевой дух, храбрость и отвагу. Известно, что более 300 чеченцев участвовало в защите Брестской Крепости. История знает имена сыновей чеченского народа, которые бесстрашно сражались и сложили свои головы на полях сражений. Город Грозный и вся чеченская земля была защищена от фашистов, и враг не был допущен на территорию Чечено-Ингушетии.

Однако, невзирая на это, чеченский народ по гнусному обвинению в пособничестве фашистам был поголовно выслан в Среднюю Азию и Казахстан в феврале 1944 года.

Пребывание в ссылке выживших чеченцев длилось 13 лет. С принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 января 1957 г. «О территории Чечено-Ингушской АССР», начался период восстановления автономии Чечено-Ингушетии и возвращения чеченского народа на родину. 23 февраля и сегодня ассоциируется у представителей чеченского этноса с трагическими событиями 1944 года. Эта тема на протяжении многих лет привлекает внимание исследователей с разных областей знания.

В 2021 году был проведен опрос «Депортация чеченцев (1944) в представлениях молодежи» (Грозный, 2021 г., n=360) среди жителей региона с целью изучения восприятия современными чеченцами депортации и ее последствий в ракурсе социологического анализа. Респонденты отобраны методом снежного кома. Выборка репрезентативная, отображает генеральную совокупность по полу, возрасту, территории проживания [1]. В опросе приняли участие респонденты в возрасте от 15 до 29 лет, идентифицирующие себя с чеченским этносом. Выборка рассчитана пропорционально, где намеренно большую часть (15-24 лет, 244 человека) представляют центиниалы (поколение Z), рожденные в 2001 г. и позднее, выросшие в 2016 г. и позднее. Треть респондентов (116 человек) – представители поколения миллениалов (поколение Y) [2, с.472-479].

Принципиально значимым в проводимом исследовании было выявление степени заинтересованности молодежи к событиям депортации 1944 года. В связи с чем сформулирован соответствующий вопрос. Распределение ответов демонстрирует внимательное отношение к обозначенным событиям. Так, абсолютное большинство опрошенных (83%) однозначно проявляют интерес к трагедии этноса. Считают, что иные события новейшей истории более интересны 7% респондентов. Стараются не вспоминать о величайшем бедствии чеченского народа 7%, т.к. прошлые обиды мешают жить. Затруднились ответить 3% молодых людей.

Заслуживающим внимания представляется корреляционный анализ ответов респондентов трех возрастных групп. Наименьший интерес к событиям депортации, в сравнении с двумя другими когортами, обнаружился у опрошенных девушек в возрасте 20-24 лет (68%). Этот факт объясняется, с большей долей вероятности, тем, что указанная часть респондентов появилась на свет и выросла непосредственно после завершения второй чеченской кампании. Возможно, в этой связи события новейшей истории врезались в память более пронзительно, нежели репрессии 1944 года.

Несмотря на то, что значительной части опрошенных небезынтересна этническая катастрофа 1944 года, почти для каждого шестого респондента она не привлекает особенного внимания среди череды трагедий, произошедших в 20-21 вв. с чеченским этносом. Думается, что для подрастающих поколений чеченцев необходимо на постоянной основе проводить мероприятия, акцентированные на историческом и социокультурном значении горестного факта истории этноса.

Каким образом фиксируется в сознании респондентов понятие «депортация», мы попытались выяснить с помощью конкретного вопроса. Известно, что в научной литературе используется определение «депортации» как высылки из мест постоянного проживания лиц или целых народов, признанных властью социально опасными [3]. В настоящее время понятие «депортация» связывают также с миграционной политикой разных стран. В таком ракурсе понятие «депортация», как правило, используется в значении «выдворение из страны граждан иного государства на их родину в связи с различного рода нарушениями». Факты подобных депортаций многочисленны и актуальны в странах Европы, в том числе, в отношении мигрировавших чеченцев в ходе военных кампаний и в послевоенный период.

Таблица 2. Депортация в представлениях респондентов, % от числа респондентов

«Депортация» - это...	%
Депортация – это высылка из мест постоянного проживания лиц или целых народов, признанных властью социально опасными	26
Депортация – это истребление отдельных этнических групп или целого народа по расовым или религиозным мотивам	64

Депортация – это выдворение из страны граждан иного государства на их родину в связи с различного рода нарушениями	10
Всего	100

Анализ полученных данных позволяет увидеть, что в представлениях подавляющего числа опрошенных депортация связывается с геноцидом (64%). В качестве другого определения почти треть респондентов считает депортацию высылкой из мест постоянного проживания лиц или целых народов, признанных властью социально опасными (26%). Лишь 10% опрошенных обозначили депортацию как выдворение из страны граждан иного государства на их родину в связи с различного рода нарушениями.

К поколению чеченцев, выживших в период сталинской депортации респонденты относятся с глубоким почтением и состраданием. Подобное отношение особенно весомо на фоне трансформационных процессов идентичности чеченцев в контексте мировых социокультурных процессов.

В ходе реализации проекта подтвердилась выдвинутая научная гипотеза о том, что депортация чеченцев в 1944 году воспринимается потомками как:

- геноцид чеченского народа, повлекший резкое сокращение численности этноса до критических значений;

- в социокультурном развитии чеченский этнос был отброшен на десятки лет назад, понеся колоссальные потери в материальной и духовной культуре, а также испытал невероятные трудности, связанные с сохранением родного языка и этноконфессиональной идентичности;

- факторы политической, этноконфессиональной, социокультурной изоляции в период депортации в значительной степени оказали влияние на духовное состояние чеченского народа, укоренив тревожность в сознании потомков. В результате депортации у последующих поколений утвердилось ощущение цикличности этнических трагедий и исторической несправедливости по отношению к чеченскому народу.

1. По материалам сайта: <https://chechenstat.gks.ru/folder/38713> (Дата обращения: 23.04.2021)

2. См. Жемчурова С.Ш., Ибрагимова Э.М. К вопросу о роли поколений в трансформирующемся чеченском обществе // Социолог: образование и профессиональные траектории: материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения 25-27 ноября 2021 года / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. - СПб.: Скифия-принт, 2021 – 673 с.

3. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2002.

ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ ШКОЛЬНИКОВ ГОРОДА ЧЕРЕПОВЦА

Жиганова Дария Николаевна
(Череповецкий государственный университет)

В последнее время интерес к изучению ценностей молодежи увеличивается. Молодое поколение задает новые векторы развития общества и отвечает на социальное стимулирование. Молодежи свойственно стремление учиться и узнавать что-то новое. [1] Возрастание ценности высшего образования – новая общероссийская тенденция. Сейчас гораздо больше молодых людей хотят его получить. Вместе с этим, роль образования как ценности-цели снижается. [2] А ведь именно образование является важнейшей сферой общественной жизни, которая напрямую влияет на будущее любого государства. Поэтому

нам интересно рассмотреть, насколько для молодёжи Череповца важно образование. В марте 2022 года кафедра СиСТ ЧГУ проводила опрос школьников. Исследование выполнено в рамках гранта социальных проектов БФ «Дорога к дому» «Жизненные стратегии и социальные ориентиры одаренных детей Череповца». Всего опрошено 647 учащихся 9-11 классов школ г. Череповца по кластерной выборке.

Показательно, что большинство школьников (61%) стремится получить высшее образование, так как важность высшего образования при приеме на работу по-прежнему занимает лидирующие позиции. В этом случае образование выступает инструментальной ценностью. Еще одним проявлением важности образования является участие в олимпиадах. Олимпиады по предметам часто могут помочь призёрам и победителям набрать дополнительные баллы при приёме в университет. Отметим, что 69% школьников участвовали в олимпиадах по предметам. Но при этом образованность в списке ценностей по Рокичу стоит у молодёжи только на четвертом месте. А выражена она лишь у 26% и располагается на 16 месте из 20 ценностей.

Распределение ответов на вопрос «Я постоянно стараюсь повышать свое образование, развиваться» говорит о том, что школьники хотят добиваться больших успехов в обучении. С утверждением согласились более половины опрошенных. И 36% из них – согласны с тезисом полностью. Это показательные данные, которые позволяют предположить, что образование высоко ценится молодыми людьми и занимает достойную позицию в списке их ценностей. В соответствии с этим мы решили узнать, как распоряжаются ученики свободным временем, если заявляют о том, что постоянно повышают уровень образования. В таблице 1 представлено распределение ответов на вопрос «Что для Вас "свободное время"?» Как мы видим, более половины выбрали отдых и общение с друзьями. Совершенствуется в свободное время в учебной деятельности лишь каждый десятый опрошенный.

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос «Что для Вас "свободное время"?», %

	Мужской	Женский	Все
Отдохнуть, развлекаться, получить удовольствие	57%	61%	58%
Общаться с друзьями и знакомыми	52%	61%	56%
Хобби, увлечение	57%	44%	49%
Ничего не делать (диван, телевизор и т.п.)	40%	40%	39%
Проводить время с семьей	27%	42%	35%
Заниматься физкультурой, спортом	32%	18%	24%
Приобщиться к прекрасному (театр, выставка и т.п.)	8%	18%	13%
Узнать новое (в разных областях жизни)	12%	8%	10%
Совершенствоваться в учебной деятельности	8%	8%	8%
Другое (напишите, что именно)	5%	1%	3%
Общественная работа	3%	2%	2%

Современная молодежь считает, что добиться успеха можно и другими путями – за счет наличия хороших связей с нужными людьми (48%) и с помощью труда и исполнительности (46%). Образование же выбирают только 25% респондентов.

Большинство школьников осознают важность образования в современном мире. Тем не менее, результаты исследования показали, что на деле не так много молодых людей готовы уделять свободное время дополнительному образованию и не так много людей считают его определяющей ценностью для личных и профессиональных целей. Мы считаем, что необходимо повышать престиж образования среди молодёжи.

1. Асадуллин Р. М. Молодёжь и образование: точки соприкосновения // Педагогический журнал Башкортостана. – 2017. – № 5 (72). – С. 7-9.
2. Тумилевич Е.Н. Ценностные ориентации молодежи в образовании // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 10-2. – С. 250-253

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ В ГОРОДСКОЙ СОЦИУМ ДЕТЕЙ ИММИГРАНТОВ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ. (НА ПРИМЕРЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).

Захаров Михаил Михайлович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В настоящий момент проблема формирования у принимающего общества толерантности и устойчивой политики мультикультурализма в крупных городах нашей страны с ростом количества населения стала выделяться особо четко. Города федерального значения с начала своего существования стали местом скопления высококвалифицированной специалистов, для крупных компаний. По данным аналитической группы «МСП» г. Санкт-Петербург занимает 3 место по капитализации города с суммой 277 млрд рублей, показатель прибыли малого и среднего бизнеса составляет 277 млрд рублей.[1] Рост городов приводит к естественному росту территорий городского пространства, тем самым вызывая повышенную необходимость в лицах занятых на строительных работах, обслуживании объектов ЖКХ и в иных смежных сферах неуклонно растет.

Мигранты постепенно интегрируются в социум города, создают свои семьи. Дети мигрантов, недавно оформивших вид на жительство или получивших гражданство РФ нередко сталкиваются с дискриминацией по национальной или этнической почве. Детская и подростковая психология в корне своем слабо изучена и предполагать причины отторжение «иного» очень сложно, однако необходимо понимать, что процесс интеграции не должен затрагивать такие этнические особенности как: вера, язык быт. Как справедливо обозначила доктор психологических наук, профессор С. Д. Гуриева «Защищаемые этнические особенности (язык, быт, вера) — ... эти особенности составляют повседневную жизнь каждого члена этноса, что и обеспечивает массовый характер движения в их защиту.» [2, 21]

В тенденциях и векторах текущей политики города можно обозначить следующие проблемы интеграции детей иммигрантов в городской социум:

Во-первых, сложность в получении дошкольного и школьного образования детьми.

Во-вторых, наличие в обществе определенного уровня ксенофобии и неприятия лиц, приехавших из-за рубежа. Ачкасов Валерий Алексеевич, справедливо отмечал, что «сегодня экспансия в нашу страну носителей «иных» жизненных ценностей и моделей поведения, не соответствующих традиционным ценностям и установкам российских граждан, действительно стимулирует этническую мобилизацию.» [3, 49]

В-третьих, недостаточное формирование внутри школ приемлемого «социального климата». Данной ситуации имеют место две «крайности» одной проблемы. Как правило, дети мигрантов посещают специализированные школы, в которые дети граждан России не отдают своих детей. Данные учебные заведения отличаются низкими рейтинговыми показателями. [4, с 103]. Другая проблема заключается в буллинге детей мигрантов, попавших в сложную социальную атмосферу.

Перспективы урегулирования подобных ситуаций можно обозначить следующие:

Создание благоприятной атмосферы школьного социума путем взаимодействия с детьми школьными психологами, классным руководителем, для формирования приемлемого отношения к представителям других национальностей.

Воспитание у подрастающего поколения понимания новой формы социальной динамики, которая предполагает активную миграцию между странами и регионами.

Межэтнические отношения в школах современных городов – это актуальная проблема современной национальной политики России. Выбор правильного вектора

развития современного школьного образования в нашей стране должен сформировать механизмы недопущения конфликтов внутри школ по национальному или культурному признаку. При выстраивании правильной политики станет конечным этапом интеграции новых членов в социум государства.

1. Данные «Единая межведомственная информационно-статистическая система» // Количество крупных и средних предприятий и организаций на 2021 г. URL: <https://xn--11agf.xn--p1ai/analytics/> (Дата обращения 01.10.2022)

2. Гуриева С. Д. Современные способы урегулирования межэтнических конфликтов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 1. С. 16–29.

3. Ачкасов В.А. Этническая ксенофобия и миграционные процессы в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 1. С. 45-51;

4. Деминцева, Е. Б. Этнические vs социальные границы: дети мигрантов в школах / Е. Б. Деминцева // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 2. – С. 98-113.

СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ИЛИ НЕТВОРКИНГ, КАК ИЗМЕНИЛОСЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КОММУНИКАЦИИ

Зверькова София Александровна
(СЗИУ РАНХиГС)

В XXI веке общество претерпевает большие изменения: переход от постиндустриального общества к информационному, глобализация, и сейчас, новый этап – цифровизация общества.

Предметом наших исследований являются особенности социальной адаптации молодежи 30-35 лет, среди этих особенностей выделим социальные связи. Молодежь выбранной категории испытывает определенные сложности, так как с рождения им прививали ценности и способы построения социальных связей одного общества, далее они прошли адаптацию к информационному обществу, где появились новые ценности и способы создания, поддержания социальных связей. Сейчас, особенно во времена после пандемии Covid-19, прочно укрепилось цифровое общение и социальные связи стали нетворкингом.

Нетворкинг – это универсальный инструмент, используемый для достижения успеха как в бизнесе, так и в жизни. С помощью сильной сети контактов можно решить практически любую задачу. [1] Таким образом, цифровизация исключает уже привычную информационную среду, где молодые люди научились общаться посредством аудио-визуальных образов. На первый план выходит умение использовать коммуникационные платформы для «продажи» своих услуг, товаров, умений, чувств и эмоций.

Дальнейшее исследование позволит выявить, как изменились социальные связи и как быстро адаптируется молодежь выбранной категории к новым реалиям.

1. Нетворкинг – что это: модное слово или жизненная необходимость XXI века? Источник <https://networking24.ru/networking/networking-modnoe-slovo-ili-neobkhodimost/> // Связи решают все - нетворкинг URL: <https://networking24.ru/networking/networking-modnoe-slovo-ili-neobkhodimost/> (дата обращения: 09.10.2022).

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Злотников Анатолий Геннадьевич

(Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации)

Важнейшей среди современных демографических проблем является снижение рождаемости. В конце второго десятилетия нынешнего столетия в Республике Беларусь сложился низкий уровень рождаемости, которого ранее демографическая история страны не знала. Еще в 2003 г. был зафиксирован минимальный показатель рождаемости – 88 512 чел. Но в ходе реализации мероприятий, определенных Законом Республики Беларусь 2002 г. «О демографической безопасности», в 2015 г. был достигнут наивысший в XXI столетии уровень рождаемости – 119 028 чел. (за 12 лет прирост составил около 30,5 тыс. чел.). Затем он начал резко падать и к 2019 г., последнему, в отношении которого имеются данные национальной статистики о естественном движении населения, упал более чем на 31,4 тыс. чел., составив 87 851 чел. Среднегодовые темпы прироста рождаемости в начале нового тысячелетия отмечены на уровне 2,47%, а ее снижения – 7,31%, т.е. отрицательное сальдо в этом снижении было втрое больше предыдущего роста (См.: табл. 1).

Таблица 1. Динамика рождаемости в Республике Беларусь за 1990-2019 гг.
(Число родившихся / коэффициент рождаемости) [1]

Годы	Чел.	‰	Годы	Чел.	‰	Годы	Чел.	‰
1990	142 167	14,0	2000	93 691	9,4	2010	108 050	11,4
1991	132 045	13,0	2001	91 720	9,2	2011	109 147	11,5
1992	127 971	12,5	2002	88 743	9,0	2012	115 893	12,2
1993	117 384	11,5	2003	88 512	9,0	2013	117 997	12,5
1994	110 599	10,8	2004	88 943	9,1	2014	118 534	12,5
1995	101 144	9,9	2005	90 508	9,4	2015	119 028	12,5
1996	95 798	9,4	2006	96 721	10,1	2016	117 779	12,5
1997	89 586	8,9	2007	103 626	10,8	2017	102 556	10,8
1998	92 645	9,2	2008	107 876	11,3	2018	94 042	9,9
1999	92 975	9,3	2009	109 263	11,5	2019	87 851	9,0

В демографической ситуации Беларуси с 2016 года сложился новый виток депопуляции, выразившийся в новом обвале рождаемости. В 2017 г. на свет появилось на 15,2 тыс. чел. меньше, чем в предыдущем году, а в 2018 г. – еще на 8,5 тыс. чел. Коэффициенты рождаемости этих лет характеризуются следующими величинами: 2017 г. – 10,8‰, снизившись до уровня десятилетней давности – 2007 года, и 2018 г. – 9,9‰, упав до уровня 1995–2005 гг., когда он составлял менее 10,0‰. По сравнению с 2015 г. в 2018 г. родилось почти на 25 тыс. младенцев меньше. Негативные тенденции в репродуктивной сфере Беларуси продолжились и в последующие 2019-2020 гг. Численность родившихся за январь-июнь 2019 г. по сравнению с соответствующим периодом 2018 г. сократилась на

6,2 тыс. или на 8,9%, а коэффициент рождаемости за этот период снизился с 9,9‰ до 9,0‰. Уже в 2019 г. уровень рождаемости оказался самым низким за всю ее историю.

Среди множества репродуктивных факторов в первую очередь рождаемость связана с тенденциями в изменяющейся величине демографического потенциала, которыми выступают женщины детородного возраста – 15-49 лет. Демографические данные свидетельствуют о циклической зависимости формирования наиболее активного репродуктивного потенциала – возраста 20–39 лет, на долю которых приходится почти 90% рожденных детей.

Так, данные табл. 2 характеризуют постоянное уменьшение величины репродуктивного потенциала, составившее по сравнению с предыдущими переписями 5,46% в 2009 г. и 11,12% – в 2019-м. Через десятилетие сокращение величины репродуктивного потенциала Республики Беларусь по сравнению с 1999 г. может составить 22,16%.

Таблица 2. Динамика численности женского населения Республики Беларусь по отдельным возрастным группам (по материалам переписей 1999-2019 гг.), чел.

[2]

Возрастная группа, лет	1999 г	2009 г.	2019 г.
15–49	2 627 872	2 484 617	2 208 421
в том числе:			
15–19	385 356	308 757	221 344
20–24	350 170	378 895	219 413
25–29	344 587	368 456	310 546
30–34	354 901	341 428	392 937
35–39	423 370	340 125	381 356
40–44	415 529	342 488	345 140
45–49	353 960	404 468	337 685
Кроме того:			
0–4	231 240	239 947	255 488
5–9	319 651	214 662	273 160
10–14	404 908	226 112	246 882

Однако, материалы переписи населения 2019 г., характеризующие итоги вклада в рождаемость различных возрастных когорт репродуктивного потенциала Республики Беларусь, свидетельствуют, что в 2016-2019 гг. не только уменьшение численности репродуктивного потенциала принесло обвал рождаемости. Данные табл. 3 выявляют два важнейших показателя: процент рождаемости женщинами старших фертильных возрастов, а также численность женщин младших фертильных возрастов. Процент неродивших женщин старших фертильных возрастов (40-49 лет) выявляет, что более 10-ти процентов репродуктивного потенциала данного возраста не исполнили предназначенных природой материнских функций. Наибольший уровень рождаемости приходится на возрастную когорту 25-29 лет: прирост рождаемости этой возрастной группой респондентов по сравнению с предыдущей группой 20-24 года составил 37,58 процентных пунктов. Прирост рождений в возрастной когорте 30-34 года по отношению к возрастной группы 25-29 лет составил показатель вдвое меньший – 19,86 процентных пункта.

Таблица 3. Возрастной вклад репродуктивного потенциала Республики Беларусь в процесс демовоспроизводства (по материалам переписи населения 2019 г.) [2]

Возрастные группы, лет	Всего женщин	из них: родившие	% родивших
15-49 года	2 208 421	1 515 679	68,63
в том числе:			
15-19 лет	221 344	3 988	1,80
20-24 года	219 413	55 835	25,45
25-29 лет	310 546	195 726	63,03
30-34 года	392 937	321 728	81,89
35-39 лет	381 358	330 362	86,63
40-44 года	345 140	306 026	88,67
45-49 лет	337 685	301 964	89,42

Численность женщин в пятилетних младших фертильных возрастах (15-24 лет) в среднем составляет немногим более 220 тыс. чел., в то время как численность женщин в пятилетних возрастных группах наиболее активной фертильной деятельности (25-34 года) в среднем превысила 350 тыс. чел. Это означает, что в соответствии с передвижкой возрастов репродуктивный потенциал рождаемости текущего десятилетия будет значительно более чем на треть меньшим. Для характеристики тенденций современной репродуктивной ситуации важное значение имеют сравнительные данные переписей населения Республики Беларусь двадцатилетнего периода (1999 и 2019 гг.) о вкладе в рождаемость респонденток старших возрастов находящимися в брачных отношениях. Из этих данных вытекают две тенденции: во-первых, за двадцатилетие значительно увеличилась ориентация на однодетную семью и, во-вторых, по-прежнему определенная часть семейных респондентов не выполнила своих репродуктивных функций.

Последствия низкой рождаемости начала 2000-х гг., на современных репродуктивных процессах еще не успели проявиться, так как к концу второго десятилетия нынешнего столетия большинство родившимся в те годы еще не начали осуществлять свою репродуктивную деятельность. А в среднем рождение женщиной первого ребенка в последние два десятилетия приходится на возраст, значительно превышающий 26 лет. Так, в 2018 г. этот показатель составил 26,7 года. Данные табл. 4 свидетельствуют, что во всех возрастных когортах наиболее активного репродуктивного возраста с 2017 г. наблюдается существенное снижение рождаемости.

Таблица 4. Возрастные коэффициенты рождаемости (численность родившихся в среднем за год на 1000 женщин в возрасте) и суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в Республике Беларусь за 2010–2019 гг. [1]

Возраст	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
15-19	20,7	20,9	22,4	22,1	20,5	18,1	16,1	13,4	11,7	10,8
20-24	89,8	88,9	93,7	91,7	91,8	89,4	88,0	78,2	73,8	68,4
25-29	101,6	103,4	110,8	112,7	113,8	115,4	116,1	100,7	99,0	89,0
30-34	62,1	64,8	69,0	75,0	78,0	82,5	84,4	76,3	71,6	68,6
35-39	23,2	23,8	27,0	30,1	32,8	35,7	37,7	34,9	34,4	33,9
40-44	3,7	4,0	4,4	5,0	5,6	6,1	6,5	6,8	6,7	6,7
45-49	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2
15-49	44,0	45,1	48,7	50,4	51,3	52,1	52,1	45,9	42,8	40,0
СКР	1,494	151,5	162,0	166,8	169,6	172,4	173,3	154,1	1,448	1,382

Это означает, что такое уменьшение рождаемости еще не связано с уменьшением численности населения наиболее активного репродуктивного возраста. Так, по сравнению с 2016 г. она уменьшилась более чем на 15 промилльных пункта в группе женщин возраста 25-29 лет, почти на 10 пунктов в группе возраста 20-24 года. То есть изменения в репродуктивных процессах последних лет связаны не с сокращением численности самих возрастных когорт, а со значительным падением в этих когортах рождаемости. Это подтверждается такими данными: относительным снижением в текущем десятилетии почти в 2 раза численности детей, родившихся у белорусских женщин в возрасте 15-19 лет. Упал показатель рождаемости и в группе возраста 20-24 года. С 2010 по 2016 г. в этой возрастной группе он находился в пределах 90-88‰, но в 2017 г. уменьшился почти на 10 промилльных пунктов, а в 2018 г. – еще почти на 4 пункта. То есть происходит резкое снижение режима рождаемости в возрастных когортах в целом и особенно молодежных возрастов.

Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь в ходе переписи населения 2019 г. изучались репродуктивные планы женщин возраста 18-49 лет. Результаты ответов респондентов на вопрос 25 переписного листа «Планируете ли Вы рождение детей?» с вариантами «да», «нет» и «затрудняюсь ответить», характеризующие субъективный фактор демографического развития, представлены в табл. 5. Опросом было охвачено 2 075 325 женщин этого возраста, из которых: 1 236 988 чел. (или 59,6%) состояли в браке; 404 743 чел. (или 19,5%) в браке не состояли; 229 594 чел. (или 11,1%) были разведены; 105 833 чел. (или 5,1%) состояли в незарегистрированных брачных отношениях и 36 538 чел. (или 1,8%) – вдовы. Небольшая часть (2,9%) респондентов на вопрос о брачном состоянии не ответили, но тем не менее о своих репродуктивных планах ответ дали. Отметим то обстоятельство, что о желании иметь детей в целом по репродуктивному массиву в 30,81% во всех когортах респондентов, ответивших на вопрос о своем брачном состоянии, этот показатель составил 30,57%, а у тех, кто не указал свой брачный статус, эти планы имели 39,30%, т.е. разбежка составила почти 9 процентных пунктов.

Таблица 5. Женщины репродуктивного возраста (18-49 лет) планирующие иметь детей в зависимости от возраста и состояния в браке (по материалам переписи населения Республики Беларусь 2019 года, в процентах от данной возрастной группы) [2]

Состояние в браке	Всего	из них в возрасте:						
	18-49	18-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
Итого	30,81	58,31	61,93	53,51	39,21	25,83	7,44	2,29
в том числе:								
Состоящие в браке	27,67	74,19	70,76	52,63	36,52	23,03	7,38	3,06
Никогда не состоявшие в браке	49,05	57,08	57,08	58,70	53,40	37,20	10,46	2,43
Разведенные и разошедшиеся	15,07	62,11	47,31	42,43	31,79	20,02	5,15	0,81
Состоящие в незарегистрированных	33,92	69,55	66,27	55,18	47,67	39,81	9,10	0,74

отношениях								
Вдовы	9,26	60,00	36,92	25,93	38,78	24,27	4,45	0,44
Не указали свое состояние в браке	39,30	60,83	65,09	57,33	57,19	52,25	12,53	0,43

Из состоящих в брачных отношениях желание иметь (или иметь больше) детей на 6,25 процентных пункта больше отмечено у респондентов состоящих в незарегистрированных брачных отношениях (33,92%) нежели у тех, кто находится в официально зарегистрированном браке (27,67%). Особенно значительна разница в этом желании у респондентов находящихся в различных формах брачных отношениях возрастных групп 30-39 лет: более 11 процентных пунктах в возрасте 30-34 года и почти 17 процентных пункта в возрасте 35-39 лет. Выскажем предположение, что это характеризует такую группу респондентов состоящих в незарегистрированных брачных отношениях после неудачного предыдущего брака.

Материалы опроса выявили, что в целом по генеральной совокупности в возрасте 18-49 лет не планирующих иметь детей (а их 57,50%) в 1,87 раза больше, чем планирующих иметь детей. По возрастным когортам соотношение планирующих и не планирующих иметь детей следующее: 18-19 лет – 58,31% и 12,46%, 20-24 года – 61,93% и 16,64%, 25-29 лет – 53,51% и 32,41%, 30-34 года – 39,21% и 50-54%, 35-39 лет – 25,83% и 66,35%, 40-44 года – 7,44% и 84,21% 45-49 лет – 2,29% и 90,82% (остальные респонденты указали «затрудняюсь ответить» или совсем не ответили на этот вопрос).

Анализ репродуктивных намерений женщин иметь детей выявляет, что в большинстве возрастных когортах высокие показатели у тех опрошенных, которые не указали свой брачный статус. Они «лидируют» прежде всего в старших возрастных группах – 30-34 года, 35-39 лет и 40-44 года. Вторые показатели в возрастной когорте 25-29 лет. И третий показатель у этой группе – в возрастной когорте 20-24 года. Состоящие в браке имеют самые высокие показатели в младших возрастных когортах – 18-19 лет и 20-24 года, а также в критическом репродуктивном возрасте – 45-49 лет. К сожалению, в средних возрастных когортах показатели желание иметь детей (или еще иметь) у замужних женщин находится даже за пределами тройки ведущих. Это возрастные группы 25-29 лет, 30-34 года, 35-39 лет и в целом по стране в целом.

Самые высокие показатели в планах иметь детей у той части женщин, которые в браке не состоят (49,05%). При этом значительной разницы между возрастными когортами у них нет, в трех возрастных группах 18-29 лет это намерение составляет в пределах 57-58%. Третий показатель потенциального демографического роста у состоящих в незарегистрированных брачных отношениях – 33,92%. Нет надежды на обеспечение демографического роста у тех женщин, семейная судьба которых не сложилась – у разведенных и разошедшимися, а также у вдов.

Если в возрастной группе до 25 лет женщины, не состоящие в браке, вероятно, еще не задумываются о своих демографических перспективах, то после этого рубежа (а в среднем по стране первое замужество и первый ребенок приходится на рубеж 25-26 лет), очевидно, приходит осознание и выйти замуж и родить. Особенно высоко это намерение у незамужних женщин по сравнению с замужними в следующих возрастных группах: 25-29 лет – соответственно 63,58% и 50,99%; 30-34 года – соответственно 60,14% и 36,11% и 35-39 лет – соответственно 41,85% и 24,67%. Вероятно, эти меньшие показатели у замужних женщин связаны, во-первых, что они уже имеют детей, и, во-вторых, что они считают свою репродуктивную миссию выполнившей.

Материалы переписей населения Республики Беларуси о сложившихся репродуктивных процессах за более чем 30-ти летний период свидетельствуют о

негативных демографических перспективах страны. Во-первых, они выявляют, что единственным источником демографического развития белорусского государства является рождаемость. Во-вторых, этот важнейший источник имеет постоянную тенденцию к значительному уменьшению. В-третьих, как и в большинстве европейских государств Беларуси по этой причине характерно сокращение численности населения страны. И в-четвертых, репродуктивные установки белорусских женщин дают основание прогнозировать, что как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе Беларуси угрожает еще большее обострение депопуляции.

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019.
2. Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Статистический сборник. Т. 2 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2021.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ИХ СПЕЦИФИКА.

Ивченков Сергей Григорьевич

*(Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им.Н.Г.Чернышевского)*

Современная молодежь отличается многообразием типов, жизненных позиций, ценностных ориентаций, уровней образования и прочее. Молодые люди в своих действиях и коммуникациях лишены целостности, единства. Они отличаются динамизмом, стихийностью, противоречивостью, многовариантностью, практицизмом и сиюминутностью (по принципу «здесь и сейчас»), экспрессивностью, существенным расхождением молодежных представлений и практик в сфере коммуникации. Это проявляется в том, что в представлениях молодежи наиболее эффективный канал коммуникации – реальное «живое» непосредственное общение. Ему они доверяют больше всего. Однако на практике доминирует электронно–опосредованный, виртуальный тип коммуникаций, отличающийся значительным расширением каналов получения информации. Более того, как показал анализ, чем выше ценится коммуникация, тем больше молодежь общается с помощью интернета, мобильного телефона. Иными словами, современная специфика молодежного общения – активизация виртуального общения, значительная роль телефона и интернет - сети как мощных инструментов, позволяющих поддерживать коммуникацию молодежи в наиболее комфортном формате.

Практика показывает, что значимость молодежной коммуникации, как феномена информационного общества, многократно возрастает при «совмещении» коммуникативного процесса с социальной практикой, виртуальных контактов с апробацией ценностных установок при выработке моделей поведения в обществе. Но отсюда вытекает важное противоречие между увеличением интенсивности информационных потоков и развитием информационных технологий с одной стороны и невозможность полноценной обработки и осмысления информационных массивов со стороны молодежной аудитории. Особенно это касается проблема агрегации и артикуляции молодежных ценностей в цифровом и реальном пространстве, где обсуждаются аксиологические темы, нередко в отрыве от жизненных реалий и социальной практики.

Большинство молодежи характеризуются средним уровнем коммуникативной компетенции. Они относительно адекватно контактируют, интерпретируют происходящие события, переводят во внутренний план основные социальные нормативные и поведенческие стандарты общения, к которым, главным образом, относятся либо хорошо

знакомые участнику коммуникации нормы и сценарии поведения, либо несложные для выполнения алгоритмы, не противоречащие их ценностным убеждениям.

Можно констатировать, что большинство молодежи удовлетворено временем своих коммуникативных процессов, носящих синтетический характер, где эффективное живое общение молодежи, относительно успешно дополняется телефонным общением, но эффективность интернет-коммуникаций оценивается ею неоднозначно, с большим недоверием.

Основным предпочтением в выборе субъектов общения для большинства молодежи являются сверстники. Однако по мере взросления возникает потребность делиться опытом с младшими, т.е. возрастает стремление к самоорганизации и передаче информации подрастающему поколению. С возрастом увеличивается круг коммуникаторов, они чаще встречаются для общения, и одновременно чаще других общаются по телефону и интернету.

Основой для возникновения стабильных коммуникативных процессов в молодежной среде выступает взаимная эмпатия. При этом искренность особенно важна для тех, кто общается непосредственно. Для тех, кто общается по телефону важнее открытость, стабильность и общность интересов увлечений. Все остальные качества важнее для интернет-общения. Интересно, что с возрастом среди молодежи растет значимость таких качеств, как бескорыстность, стабильность и общий опыт пережитых событий, но уменьшается роль искренности, близости и принятия собеседника таким, какой он есть, внимательности, общности интересов и увлечений, душевности беседы, возможности получить совет или опору, которая всегда поддержит в трудное время.

Особо важное значение для развития коммуникации молодежи имеют формирование и развитие у нее коммуникативной компетенции, признаками которой являются: чувство принадлежности, «сопричастности» в повседневной жизни; субъектность носителей коммуникативной культуры; наличие и развитие горизонтальных в вертикальных поколенческих связей; «командный дух»; преданность; социальное партнерство; социальный обмен (идеями, ценностями, знаниями); диалог; консенсус, коллегиальность; коллективная ответственность; концентрация знаний, духовности, креативности.

Исходя из этого важно разработать целевую региональную программу формирования и расширения коммуникативной компетенции молодежи в процессе воспитательной работы. Необходимо шире использовать опытных педагогов, профессиональных тренеров по принципу «наставничества»; и т. д. Внедрить в практику регионов социологический мониторинг уровня развития коммуникативной компетенции молодежи, осуществляющийся на основе разработанных критериев и по научно обоснованной программе не реже одного раза в год. На всех уровнях управления коммуникационными процессами должно осуществляться специалистами-профессионалами, обладающими необходимыми знаниями и возможностями успешного функционирования в насыщенной информационной среде. Посредством создания необходимых условий и грамотного социального управления коммуникационными процессами у молодого поколения должно формироваться умение видеть всю систему причинно-следственных связей нового информационного общества и успешно в ней функционировать.

ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ипполитова Анастасия Андреевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

В настоящее время распространение волонтерского движения является приоритетным направлением молодежной и социальной политики Российской Федерации. [1] Это обусловлено тем, что в современных реалиях добровольческая деятельность является не только дополнительным ресурсом в профилактике и решении проблем различного характера, но и выступает важнейшим фактором развития общества. Волонтерство оказывает влияние на такие сферы общественной жизни, как образование, здравоохранение, социальное обслуживание, культура и др. Реализация волонтерских инициатив помогает наиболее эффективно решать задачи, стоящие перед государством, повышать качество жизни населения страны.

В Российской Федерации явление добровольчества набирает все большие масштабы. В последние годы наблюдается рост числа граждан, занимающихся волонтерской деятельностью. Так, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2016 году численность граждан в возрасте от 16 до 60 лет, работающих в качестве волонтеров в течение последних 12 месяцев, составила 1435 тыс. человек, к концу 2020 года эта величина достигла показателя в 2755 тыс. человек. [2] Анализ данных за период с 2016 по 2020 гг. показал, что увеличение численности добровольцев носило устойчивый характер. Необходимо отметить, что представленные данные позволяют оценить только количественные показатели постоянной волонтерской деятельности. При этом не учитывается спонтанное или непродолжительное оказание добровольческой помощи. Таким образом, масштаб распространения волонтерства в России значительно шире.

Вместе с тем, в Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 приведены результаты опроса россиян по теме добровольчества. Определено, что только 15% респондентов подтверждают свое участие в волонтерской деятельности, в то время как готовность к добровольчеству выразило 50% опрошенных. [3] Следовательно, наблюдается существенный разрыв между потенциально желающими и теми гражданами, которые действительно занимаются добровольческой помощью. Подобные результаты актуализируют научные исследования в области волонтерства.

Кроме того, особую значимость приобретают проблематика, связанная с добровольческой деятельностью в молодежной среде. Это обусловлено тем, что по данным социологических опросов, для большинства современной молодежи характерна пассивность, низкая социальная зрелость, недостаточно высокий уровень гражданского самосознания, неготовность жертвовать личными интересами ради достижения общественно значимых целей. [4] На наш взгляд, решению данной проблемы способствует повышение роли волонтерства как формы социальной активности молодых людей. Социальная активность в молодежной среде имеет высокую значимость, поскольку, с одной стороны, развивает активное, творческое отношение к действительности, а с другой – снижает риск возникновения деструктивных форм поведения, к которым наиболее восприимчива молодежь ввиду возрастных особенностей. Иными словами, посредством социальной активности достигается эффект нивелирования негативных тенденций в молодежной среде и повышения позитивных способов самовыражения. Вышеизложенное обуславливает актуальность и необходимость проведения исследований в данном направлении.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанная и апробированная автором методология может быть использована при проведении аналогичных исследований по теме волонтерства. Результаты анализа деятельности

волонтерского центра МГУ им. М.В. Ломоносова могут учитываться как данной организацией, так и другими волонтерскими объединениями.

1. Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/985421faba1da8d5a7dd327f05aebcd5f9aa2c4c (Дата обращения: 03.11.2021).
2. Итоги выборочного обследования рабочей силы [Федеральная служба государственной статистики]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (Дата обращения: 04.11.2021).
3. Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/985421faba1da8d5a7dd327f05aebcd5f9aa2c4c (Дата обращения: 03.11.2021).
4. Сохадзе К.Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник Российского университета дружбы народов 2017 № 3 С. 348.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Казаренкова Татьяна Борисовна
(Международный научный центр "СОЦИУМ 2035")

Казаренков Вячеслав Ильич
(Российский университет дружбы народов)

Интенсивно меняющиеся социальные, политические и экономические условия отражаются на жизнедеятельности людей, в первую очередь на молодежи. Именно молодые люди оказываются один на один с жизненно важными проблемами. Таковой является и проблему жизнеустройства студенческой молодежи в динамично обновляющемся обществе. Свободой выбора жизненного пути молодые люди, нередко, пользуются односторонне, посредством реализации лишь прагматической (а именно, меркантильной составляющей жизнедеятельности (трудоустройство лишь ради быстрого получения материальных благ). Появляющиеся возможности свободного выбора жизненного пути оказываются для многих молодых людей становятся не воротами в собственное устойчивое будущее, а извилистой, труднопроходимой колеей. Некоторые из них не выделяют, а подчас, просто не обнаруживают, те личностно и социально значимые ориентиры, те ценности, которые позволяют им качественно осуществлять жизнеустройство и самореализацию.

Миссия преподавателя высшей школы не должна ограничиваться только передачей знаний и умений. Учебный процесс и педагогическое взаимодействие должны успешно использоваться преподавателем для социализации студенческой молодежи, для формирования у них потребности в самосовершенствовании. Студенчество не всегда эффективно использует открывающиеся перспективы гражданского самоопределения. Студенты сталкиваются с необходимостью творческого использования не только системы знаний и умений, освоенных ими в высшей школе, но собственного индивидуального опыта для успешной социализации в поликультурном пространстве.

Значение педагогического взаимодействия в современной в высшей школе возрастает. В совместной деятельности создаются уникальные возможности для многомерного изучения, восприятия и оценки сущностных черт личности студента, его интеллектуальных и духовно-нравственных потенциалов, так как молодой человек оказывается включенным в различные виды и формы познания, общения, труда. В период студенчества взаимодействие направлено на удовлетворение потребностей человека в эмоциональных и содержательных контактах, новой информации, самоутверждении в

социуме. Взаимодействие преподавателя и студентов выступает индикатором профессиональной компетентности преподавателя. В педагогическом процессе преподаватель является и организатором различных видов и форм совместной деятельности со студентами, и субъектом управления процессом педагогического взаимодействия. Позитивные отношения со студенческой молодежью позволяют осуществлять учебно-воспитательную работу мотивированно, на уровне полноценного партнерства. Педагог уже не может быть только лектором, излагающим основы научных знаний. Необходимость социализации студенческой молодежи ориентирует его на развитие у студентов потребности в образовании как потребности в систематическом интегральном освоении профессионального мастерства с освоением опыта социального взаимодействия и обнаружением своих возможностей, своей роли в поликультурном социуме. Преподавателю высшей школы, чтобы успешно осуществлять социализацию студентов целесообразно учитывать потребность студентов в наставнике «человека, проявляющего высокую компетентность в профессиональной деятельности, самостоятельного, имеющего собственное мировидение и гражданскую позицию, хорошо ориентирующегося в изменяющемся социуме не уклоняющегося от оказания помощи молодым людям в решении ими проблем личного и общественного характера. Именно такого педагога признает студенческая молодежь в качестве своего наставника и партнера в формальном и неформальном взаимодействии» [2; с. 88]. Социализация молодежи в образовательном пространстве становится реальной, если педагогу удастся связать передаваемые общеобразовательные и профессиональные знания и умения с опытом совместной со студентами учебной, научной и производственной деятельности в системе аудиторных и внеаудиторных занятий. Студентов не удовлетворяют только формальное взаимодействие с преподавателем; они ориентированы на качественное неформальное сотрудничество с педагогом, в котором преподаватель делегирует им полномочия активного субъекта совместной деятельности. Именно в совместной деятельности с педагогом возможна успешная социализация молодых людей, формирование социального опыта. Успешная социализация студентов в университетской образовательной среде возможна в процессе совместной творческой деятельности, используя взаимосвязь профессионализации, социализации и самореализации молодых людей.

Социализация студента становится более эффективной, если он включен в систему деловых отношений с преподавателями, коллегами-студентами, в которых развивается интерес к общению с представителями разных национальностей и культур, в которых формируется опыт межкультурного взаимодействия.

Университетская практика подтверждает эффективность социализации студента в условиях целостной подготовки будущего специалиста.. «Проблема профессионализации студенческой молодежи тесно связана с проблемой ее социализации. Качественное овладение профессией является необходимым, но еще недостаточным условием для успешной жизнедеятельности человека. Производственная сфера в современном обществе представляет собой уже не технократическое, а гуманитарное поле человеческого взаимодействия» [2, 89-90]. Эта сфера, претерпев существенные изменения, уже не может быть местом для специалистов, которые не реализуют духовно-нравственные основания гуманистических отношений между людьми. Современный профессионал обязан исходить, прежде всего, из знаний человеческой природы, быть способным так организовать производственный процесс, чтобы сохранить, но не уничтожить человеческую индивидуальность, уметь быть толерантным. Именно преподаватель высшей школы, вступая в прямой контакт с молодыми людьми в различных видах образовательной и другой партнерской деятельности, привносит в нее образцы социального взаимодействия. В лучших традициях высшего образования преподаватель предстает перед студентами не только как ученый и педагог, но и как человек, как неформальный лидер, обладающий высоким интеллектом и человеческим обаянием, духовной культурой.

Студенческая молодежь не может довольствоваться пассивной ролью наблюдателя и слушателя. Студенты активно ведут поиски способов самореализации. И задача преподавателя заключается в создании условий для полноценного самопознания и самореализации молодежи в поликультурном пространстве. Творчество педагога в целеполагании, отборе содержания образования, выборе методов, средств и форм совместной со студентами учебной, научной и производственной деятельности, стиля отношений позволяет создать условия, обеспечивающие реализацию молодыми людьми собственных замыслов и проектов, в том числе, освоения опыта социального взаимодействия..

Эффективной формой социализации студента является научно-исследовательская работа. Данный вид деятельности позволяет углубить и применить приобретенные студентом знания и умения, обрести им опыт совместного творчества, развить у него активность и самостоятельность, сформировать навыки партнерства, проверить собственные интеллектуальные, волевые, эмоциональные и нравственные начала, обнаружить способность и психофизические резервы, смысловые и ценностные ориентиры.

Качественная социализация студента в условиях постглобального цифрового общества должна осуществляться системно, используя различные стратегии, средства, методы и формы учебной и творческой внеучебной деятельности (научно-исследовательской и др.), ориентированной на освоение студентами как научных знаний, так и опыта социального взаимодействия..

1.Казаренков В.И. Целостность университетской подготовки специалиста //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». – 2009. - №2. – С.73-77

2.Казаренкова Т.Б. Цифровое медианпространство как фактор развития межкультурного взаимодействия в современном обществе (социально-управленческий и научно-образовательный аспекты) //Социологическое образование и профессиональные траектории; материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения.25-27 ноября 2021 г. /Отв. редакторы; Н.Г. Скворцов, Ю.В.Асачаков .- СПб.; Издательство «Скифия-проект», 2021. - С.277.

3.Kazarenkova T.B., Kazarenkov V.I. Socio-managerial and socio-cultural problems of integration of education, science and bizness in a digital society // Power, violence and justice: reflection, responses, responsibilities (Toronto, Canada, July 15-21, 2018): View from Russia, Papers of Russian Sociologists for the19th ISA World Congress of Sociology: Editor-in Chief V.Mansurov2018. - P. 171-188.

АКТУАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ В РОССИИ

Калинич Владислав Сергеевич

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Актуальность изучения вопроса формирования патриотических ориентиров у современной российской молодежи очевидна по ряду важных причин.

Во-первых, наличие угрозы, связанной с опосредованным деструктивным влиянием извне, делает очевидной необходимость полноценного функционирования в нашей стране эффективной системы противодействия, и деятельность по формированию и укреплению патриотических ориентиров – важная часть этой системы.

Во-вторых, патриотизм как ценностная ориентация всегда занимает особое место в системе ценностей русского народа. Любовь к Родине – тот духовный компонент, который позволяет нашему обществу консолидироваться и противостоять любым вызовам и угрозам.

В-третьих, повышение внимания к процессу патриотического воспитания со стороны государства, актуализирует вопрос социологического анализа формирования патриотических ориентиров в современном российском обществе.

Для эффективного построения крепкого в ценностном плане общества необходимо прививать конструктивные ценностные ориентиры с раннего детства. Это касается и патриотических ориентиров. Данная задача поставлена перед органами системы патриотического воспитания. Наиболее эффективным патриотическое воспитание становится при выстраивании его в систему, когда данная работа ведется с ребенком, начиная с привития любви к Родине с самых ранних лет в семье, затем в рамках программ воспитания дошкольных образовательных организаций, образовательных организаций общего среднего образования, профессиональных образовательных организаций среднего и высшего образования. Важную роль также играют общественные организации, объединения и прочие социальные институты.

Одним из важнейших институтов формирования патриотических ориентиров, который следует рассмотреть в первую очередь, является семья. Работа системы патриотического воспитания может быть эффективной во многом при условии трансляции патриотизма как духовного и ценностного ориентира в семье. Восприятие патриотизма как духовной ценности чаще всего закладывается в детстве путём семейных праздников, традиций, воспоминаний и рассказов старших членов семьи об истории страны и её героических страницах, о предках, защищавших Родину от врагов, и выдающихся людях, которые жили и живут вокруг. Как бы ни была эффективно выстроена система патриотического воспитания в обществе, как активно бы она ни взаимодействовала с индивидом, влияние семьи на формирование сознания и ценностных ориентаций индивида будет преобладающим.

Ещё одним актуальным институтом формирования патриотических ориентиров, который следует рассмотреть, является институт образования. Патриотическое воспитание, безусловно, это неотъемлемая часть современной воспитательной работы в образовательных организациях. Специалистами по воспитательной работе организуется большое количество мероприятий патриотической направленности: конкурсы, праздники, приуроченные к Дням воинской славы России, просветительские беседы, фестивали творчества. На базе школ, университетов существуют добровольческие патриотические отряды, поисковые отряды.

Третьим актуальным институтом формирования патриотических ориентиров является институт общественных организаций и объединений. В России существует значительное количество общественных организаций, которые занимаются патриотическим воспитанием. Многим из них удалось сохраниться с советских времен, некоторые возникли относительно недавно. Сегодня данные объединения и организации являются мощной общественной силой, которая охватывает значительное количество граждан всех возрастов.

Важной социальной практикой в вопросе формирования патриотических ориентиров является добровольчество. Подробнее остановимся на таком уникальном социальном феномене как патриотическое волонтерство. Добровольческая или волонтерская деятельность поддерживается в нашей стране на очень высоком уровне. Толчок к развитию добровольчество получило в 2017 году, когда Указом Президента России был учрежден день добровольца [5], а 2018 год был объявлен годом добровольца (волонтера) [6]. Добровольчество как социальная практика актуально для индивидов любых возрастов, но особенно важно при формировании патриотических ориентиров молодого человека, гражданина.

Следующим рассматриваемым институтом формирования патриотических ориентиров выступает институт власти. На федеральном уровне органом исполнительной власти и координатором молодежной политики в стране является Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодёжь) [2]. Среди своих функций в этой сфере агентство

обозначает построение коммуникации между старшими и молодыми поколениями. В ведомстве Росмолодёжи находится Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодёжи» (Роспатриотцентр). Среди направлений своей деятельности данное учреждение обозначает:

- патриотическое воспитание молодёжи;
- вовлечение молодёжи в волонтерскую деятельность;
- организация федеральной форумной кампании [3].

Можно сделать вывод, что система патриотического воспитания в России проходит путь от разрушения в начале 1990-х годов к возрождению в настоящее время, а значит, к усилению России как государства и как социума. Патриотизм, как нравственный ориентир и социальное чувство, укрепляет систему ценностей индивида. Профессор Т.Н. Самсонова отмечает, что «патриотизм — это «высокий» уровень идентификации личности; он «поднимает» каждого отдельного человека над его этническими корнями, выдвигая на первый план принадлежность к своей стране. Объединительные и интеграционные идеи патриотизма в том, что он «представляет» государство (Родину) как ценность, которая постоянно нуждается в совместных усилиях граждан» [4, с. 47].

В завершении следует отметить утверждение доктора социологических наук С.О. Елишева, что «для эффективного функционирования институтов воспитания современной молодёжи необходима координация и взаимодействие субъектов этого процесса, создание единого воспитательно-педагогического пространства» [1, с. 317]. Это относится и к субъектам формирования патриотических ориентиров, данное пространство строится путем активного взаимодействия этих субъектов между собой.

1. Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. С. 317.
2. Сайт Федерального агентства по делам молодёжи [электронный ресурс] режим доступа: <https://fadm.gov.ru/agency/about>. Дата обращения: 26.08.2022.
3. Сайт Федерального агентства по делам молодёжи [электронный ресурс] режим доступа: <https://fadm.gov.ru/agency/structure/organizations/3>. Дата обращения: 26.08.2022.
4. Самсонова Т.Н. О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012, № 2. С. 47.
5. Указ Президента Российской Федерации от 27.11.2017 № 572 «О дне добровольца (волонтера)» [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42521>. Дата обращения: 10.08.2022.
6. Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2017 № 583 «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)» [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42573>. Дата обращения: 10.08.2022.

ЛИДЕРЫ МНЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Каретникова Ксения Олеговна

(Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова)

Исследование направлено на выявление лидеров мнений среди молодёжи.

Актуальность определяется, с одной стороны, тем, что молодёжь как интеллектуальный, энергетический и управленческий ресурс общества способна задавать тренды и формировать мнения по ключевым социально-политическим проблемам. С другой стороны, молодёжь в силу возрастных особенностей решает задачи по поиску идентичности, самоопределения и нуждается в принадлежности к группам и в ориентации на индивидов, чьи взгляды помогают определить отношение к событиям, происходящим в

личной и общественной жизни. Участие в подобных взаимодействиях влияет на сознание молодежи и определяет их систему ценностей, взглядов и установок. В связи с этим важно понять — чье мнение для молодежи является ведущим.

С целью выявления лидеров мнений проведено авторское социологическое исследование методом анкетирования в период с 20.02.2022 - 05.03.2022 г. Респондентами выступает молодежь Ярославской области трех возрастных групп (N=60; 70% женщины и 30% мужчины): 18-19 лет (33,3%), 20-25 лет (33,3%), 26-35 лет (33,3%).

Полученные результаты позволили сделать выводы об особенностях лидеров мнений в молодежной среде.

Во-первых, нельзя говорить о существовании единого и явного лидера мнений среди молодежи. Человек может обладать четким авторитетом в определенной сфере деятельности, но невозможно поддерживать абсолютное лидерство во всем.

Среди лидеров мнений в зависимости от сферы деятельности молодежь выделяет следующих субъектов: в политической сфере молодежь разделяет взгляды В.В. Путина (35,4%). К. Собчак выступает авторитетом в медиа-сфере (9,1%) – новостной контент. В общественной деятельности молодежь предпочитает ориентироваться на мнение друзей (27%).

Во-вторых, лидеры мнений отличаются в разных возрастных группах.

Респонденты 18-19 лет среди лидеров мнений в медиа-пространстве чаще других называют К. Собчак (9,1%). В политической сфере лидером мнений молодежь называет главу государства – президента В.В. Путина (31,25%). В оценке общественных событий респонденты 18-19 лет предпочитают ориентироваться на мнение друзей (35%).

В свою очередь респонденты 20-25 лет в медиа пространстве выделяют развлекательный контент-Михаил Литвин (11,77%), Карина Каспарянц (11,77%) и новостной контент-Ксения Собчак (11,77%). В политической сфере разделяют взгляды Жириновского В. В (45,45%). В общественной сфере выделяют коллег (26,3%) и преподавателей (26,3%).

У молодежи 26-35 лет в медиа-пространстве нет четкого лидера мнений, который мог бы оказывать на них влияние. Все медиа-персоны упоминаются одинаковое количество раз и составляют по (14,285%): Ольга Бузова (развлекательный контент), Адвокат Егоров (научно-популярный контент), Ксения Собчак (новостной контент, интервью), Ирина Кузнецова (lifestyle), Марина Мельникова (lifestyle). В политической сфере авторитетом пользуется Путин В. В. (57,1%), в вопросах общественной жизни ориентация направлена на друзей (37,5%).

В-третьих, в числе лидеров мнений молодежь называет не только публичные личности, но и рассматривает в качестве таковых представителей своего ближайшего окружения. Ориентация молодежи на мнение друзей подтверждается результатами референтометрии [1;16-17]. У респондентов 18-19 лет основными референтными группами являются друзья (28%) и семья (27,1%). Для молодежи 20-25 лет ориентирами в жизни служит семья (27,3%) и друзья (25,1%). Старшая возрастная группа 26-35 лет также выделяет семью (27,7%), друзей (26,9%). Полученные результаты демонстрируют, что лидирующую позицию в любом возрасте занимает близкое окружение человека (семья или друзья).

В-четвертых, количество упоминаний лидеров мнений снижается по мере увеличения возраста респондентов.

Молодежь 18-19 лет в политической сфере упомянуло 8 персон; 20-25 лет – 4 персоны; 26-35 лет – 3 персоны. В медиа сфере респондентами 18-19 лет упомянуто 14 персон; 20-25 лет – 14 персон; 26-35 лет – 7 персон. Чем старше человек, тем он серьезнее подходит к выбору своего лидера.

Отмеченные особенности лидеров мнений свидетельствуют о том, что у молодежи отсутствует единый авторитет, точка зрения которого по социально-политическим вопросам рассматривалась бы как значимая, заслуживающая уважения. Более того,

лидеры мнений локализованы в ближайшем окружении молодых людей. В результате политические и общественные лидеры не являются значимыми агентами политической социализации молодежи. Ключевая роль в данном процессе принадлежит семье и другим представителям ближайшего окружения молодого человека.

1. Психологические тесты / Под ред. А.А.Карелина: В 2т. - М., 2001. - Т.2. С.16-17.)

ПОТЕНЦИАЛ КОВОРКИНГ-ЦЕНТРОВ В РАСШИРЕНИИ ПРОСТРАНСТВА САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ

Келасьев Олег Вячеславович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Сегодня важное значение приобретает расширение пространства возможностей для самореализации молодёжи. Зачастую чрезмерное погружение молодёжи в мир виртуальной реальности является в значительной степени вынужденным шагом, поскольку ряду групп молодых людей финансово недоступны реальные развлечения: поход в кафе, туристические поездки, клубы, концерты и т.д., и они вынуждены ограничиваться их виртуальными замещениями, что нередко приводит к различным негативным последствиям.

Необходимо изыскивать подходы, позволяющие материально недостаточно обеспеченной группе молодёжи пользоваться реальными благами окружающего их материального мира. Общество должно им помочь преодолеть собственное неблагополучие и чрезмерную погружённость в виртуальный мир. Это можно осуществить через полноценную профориентацию к рыночной экономике и обучение ведению предпринимательской деятельности, помочь открытию собственного дела. Для этого требуется вложение государственных денежных средств в развитие комфортных современных общественных пространств как открытых, так и располагающихся в помещениях. При этом необходимо использовать лучшие современные практики и образцы оборудования, дизайна, мебели, освещения. Основное, из чего при этом следует исходить – то, что создание привлекательных и доступных для молодёжи площадок для общения, знакомств, обмена информацией, занятий спортом должно стать полноценной заменой яркому влекущему виртуальному миру.

Речь идёт о создании сети коворкинг-центров – комфортных общественных пространств, предоставляющих бесплатное рабочее место и возможности молодым людям постоянно обмениваться опытом с состоявшимися успешными профессионалами, предпринимателями. Конечно, определённый опыт здесь уже накоплен, но он явно недостаточен.

Необходимо проведение информационной рекламной кампании по информированию молодёжи о возможностях, связанных с ведением предпринимательской деятельности в коворкинге, бесплатных обучающих программах и иных возможностях.

К информированию должны быть привлечены учебные заведения, районные центры занятости населения, органы государственной власти. Важно чтобы такая возможность самореализации стала модной, вызывала интерес у молодёжи.

Однако, создаваемые государственные (муниципальные) коворкинги не всегда достигают желаемого эффекта. Всё дело в том, что в настоящее время их функции часто выполняют библиотеки, дома культуры со своей жёсткой регламентацией, запретами на неформальное общение, строгим графиком работы и т.д. По-настоящему привлечь молодёжь могли бы коворкинги с более гибким (круглосуточным) графиком работы, возможностью неформального общения, современным оборудованием для работы и отдыха. Для этого, однако, необходима государственная поддержка в создании новых коммерческих коворкингов и субсидировании существующих. Поэтому необходимо

предусмотреть возможности выделения из бюджета субъектов РФ субсидий коммерческим коворкингам на оплату отдельных рабочих мест для молодежи в каждом действующем коммерческом коворкинге. Данные места должны предоставляться заинтересованной молодежи бесплатно (или с существенной скидкой) по направлению центров занятости, налоговых органов, районных администраций, муниципалитетов, учебных заведений.

Посещение и работа в коворкинге позволит молодежи получить необходимый опыт успешной предпринимательской деятельности и познакомиться с людьми, создавшими свое дело и обеспечившими его прибыльность.

Однако открытие исключительно молодежных коворкингов считаем недостаточно целесообразным, поскольку такой коворкинг не будет способствовать обмену опытом между имеющими различные социальные и возрастные характеристики резидентами.

Следует учитывать, что возможность круглосуточной работы, гибкость подходов, широкий спектр любых востребованных резидентами дополнительных услуг зачастую труднодостижимы в условиях государственных учреждений. И именно качественные коммерческие коворкинги (но при государственной поддержке) могут эффективней достичь требуемого результата и будут привлекательнее для групп творческой, продвинутой молодежи, не располагающей финансовыми ресурсами, что поможет найти пути самореализации значительным массам молодых людей, уравнивает их в стартовых возможностях с молодыми людьми из более обеспеченных семей.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Кемалова Лиля Исметовна

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Керченский государственный морской технологический университет")

Самым важным стратегическим ресурсом современного общества является молодежь, поскольку именно через нее общество воспроизводит и развивает себя. В связи с этим необходимо формировать отношение к молодежи не только как к объекту воспитания и образования, но и как к субъекту социальных перемен, привлекая ее к активному, деятельному участию в жизни общества и государства. Особую роль в этом процессе играет государственная молодежная политика, в рамках которой государство должно создать достойные условия для самореализации молодежи и ее развития. Одним из направлений молодежной политики сегодня является воспитание молодых людей в духе гражданских ценностей и культуры.

Актуальность проблемы формирования гражданской культуры определяется необходимостью воспитания у современной молодежи личной и социальной ответственности, уважения к правам и свободам других людей, стремящихся к диалогу, сотрудничеству, обладающих правовой и нравственной культурой.

Под гражданской культурой мы понимаем интегративное качество человека, включающее в себя уважение к личности, государству, его политическим и правовым институтам, любовь и уважение к родине, толерантное отношение к другим людям и народам; стремление и готовность к активной социальной деятельности для блага людей и общества. Сегодня сформированность этих качеств особенно важна, поскольку государственным приоритетом в отношении молодежи является воспитание активного и ответственного гражданина. Критериями развитости гражданской культуры общества является то, насколько реально (не декларативно) осуществляются права и свободы граждан.

В связи с этим сегодня особый смысл обретают такие понятия, как «гражданская позиция», «гражданственность», «гражданское воспитание», «гражданское участие» и др.,

поскольку они являются характеристиками гражданского общества и являются показателями гражданской культуры отдельной личности и общества в целом.

Сформированная гражданская культура демонстрирует самоценность молодого человека, его способность участвовать в гражданской и политической жизни общества. «Человек только тогда становится гражданином, когда обладает высокими нравственными идеалами, мировоззрением, основанным на сочетании чувства собственного достоинства, независимости...с уважением прав и свобод других граждан при неукоснительном соблюдении законов» [1].

Важными задачами государственной молодежной политики являются: формирование у молодых граждан системы жизненных ценностей и привлечение молодежи для участия в социально-экономическом, общественно-политическом развитии общества. Молодые люди, активно вовлекающиеся в деятельность органов самоуправления в самых разных сферах жизни общества, демонстрируют креативность мышления, способность к принятию неординарных решений.

Важную роль в процессе формирования гражданской культуры, включающей в себя политическое, правовое и нравственное сознание, играет система образования. Как формировать гражданскую культуру у молодежи, в частности, у студенческой, которая сама по себе не является однородной социальной группой? Развитие гражданской культуры предполагает наличие глубоких знаний по дисциплинам социально-гуманитарного цикла – истории, философии, правведению, политологии, религиоведению, социологии и др., поскольку именно они формируют гражданские знания, умения и навыки. Однако, эти знания носят зачастую фрагментарный характер, отсутствует комплексный подход к формированию гражданской культуры у студентов вузов, что делает данную проблему актуальной для системы образования.

К сожалению, ориентированность современной высшей школы на профессионализацию образования, которая означает нацеленность на формирование исключительно узкопрофессиональных знаний, умений и навыков, привела к игнорированию вопросов воспитания и просвещения личности. Как следствие – низкий уровень нравственной, правовой, политической культуры молодых людей, что проявляется в негативных девиантных формах поведения.

Для преодоления такой ситуации необходимо, на наш взгляд, не только в рамках социально-гуманитарных дисциплин, но и в процессе преподавания специальных наук сочетать обучение с воспитанием, так как «на выходе» мы должны получить не только специалиста – профессионала, но и личность, обладающую культурой мышления, поведения, владеющую правовой и нравственной культурой, имеющей четкую гражданскую позицию. Безусловно, гражданское воспитание опирается в первую очередь на гуманитарную среду вуза, так как социально-гуманитарные науки формируют стиль мышления, тип мировоззрения, определенный образ мыслей и т.д., поэтому важно не игнорировать их значимость в процессе формирования личности специалиста, независимо от профиля вуза и от того в какой сфере он будет трудиться.

Формирование гражданской культуры студенческой молодежи должно происходить не только во время проведения аудиторных занятий, но и во внеучебной деятельности (в ходе проведения круглых столов на заданную тему, диспутов, интеллектуальных игр по философии, истории, правовых турниров и т.п.). При этом важно в процессе работы с молодежью в этом направлении охватывать все компоненты гражданской культуры, к которым относятся: культура межнационального общения, гражданская ответственность, гражданская совесть, чувство патриотизма, интернационализма, политическая, правовая и нравственная культура, гражданское сознание.

Одним из критериев сформированности гражданской культуры является определенная гражданская позиция личности, как носителя системы ценностей и основанных на этой системе убеждений, установок. Эта позиция выражается в

специфическом отношении к процессам, происходящим в обществе, в анализе своих и чужих поступков, их оценке. Другим критерием выступает наличие знаний о правах и свободах, об обязанностях, поведенческих нормах, умение взаимодействовать с другими на основе уважения и толерантности. Еще один показатель сформированности гражданской культуры – социальная активность личности, ответственность за свои поступки и ответственность за то, что происходит в обществе.

Таким образом, формирование гражданской культуры молодежи является важнейшей задачей государства, государственной молодежной политики. Для реализации данной задачи необходимо: 1) формирование у молодых граждан системы жизненных ценностей; 2) привлечение молодых граждан для участия в социально-экономическом, общественно-политическом развитии общества; 3) комплексный подход к формированию культуры гражданственности у студенческой молодежи в процессе учебной и внеучебной деятельности (независимо от специфики вуза и направления подготовки); 4) правовое воспитание и просвещение молодых людей; 5) патриотическое воспитание молодежи и др.

1. Задонская И.А. Особенности формирования гражданской культуры молодежи в современном российском обществе [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-grazhdanskoy-kultury-molodezhi-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve/viewer> (дата обращения: 29.09.2022 г.).

КОМФОРТНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ПРИВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ.

Кирилина Татьяна Юрьевна

(Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта, А.А. Леонова)

Сахневич Инна Валерьевна

(, Областное государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Курский институт развития образования», ректор)

Важнейшими инструментами, позволяющими городам выиграть конкурентную борьбу за молодых талантливых специалистов, являются как возможности для самореализации, так и современная комфортная городская среда. Успешные города формируют конкурентное преимущество за счет того, что они создают условия для молодых талантливых специалистов, таланты рождают новые идеи и концепции, привлекающие деньги умных инвесторов. Наличие в городе высококачественного человеческого и финансового капитала стимулирует разработку и развитие технологий, а это, в свою очередь, создает новые возможности для работы и самореализации талантов, привлекая их в город.

Современная комфортная городская среда – способность территории города генерировать и развивать инновационные инструменты и технологии городского обслуживания, функционирование которых предусмотрено современным законодательством, регламентирующим развитие городских пространств и др. [1-3]

С целью изучения мнения молодежи Королева о комфортности проживания в Наукограде, Учебно-научной лабораторией социологических исследований «Технологического университета» Московской области было проведено социологическое исследование, в котором принял участие 531 житель Королева в возрасте от 14 до 35 лет.

Королев – крупнейший наукоград Российской Федерации, неофициальная космическая столица России. На его территории расположены многие головные предприятия ракетно-космической промышленности.

Исследование показало, что работать в Королеве планирует большинство респондентов (68,2%). Однако, каждый шестой участник опроса (17,7%), отметил, что готов работать в Королеве только при условии наличия интересующих вакансий, а 13,4% респондентов намерены работать в Королеве только в случае, если будет хорошая заработная плата. В свою очередь, более половины опрошенных (58,4%) хотели бы заниматься бизнесом.

Информационные и коммуникационные технологии позволяют властям напрямую взаимодействовать с сообществами и городской инфраструктурой, и улучшать качество жизни.

Важным технологическим новшеством, по мнению опрошенных, является и использование умных уличных фонарей (48,3%). Каждый третий респондент высказался за развитие автоматизированной системы аренды и проката («Шеринг») (33,0%). Около трети опрошенных предложили внедрять цифровые платформы вовлечения граждан в решение вопросов городского развития (31,8%). Треть участников опроса считают необходимым распространять интерактивные карты города (29,7%). Около четверти опрошенных полагают, что следует увеличивать количество камер видеонаблюдения в городе (24,3%); развивать систему интеллектуального учета коммунальных ресурсов (23,8%); развивать систему автоматической фото и видеофиксации нарушений правил дорожного движения (22,6%).

СОВРЕМЕННЫЙ СТУДЕНТ: ЦЕННОСТИ И РИСКИ

Клочкова Анна Валентиновна

(Юридический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова)

Жизнь каждого человека зависит от экономической и политической обстановки в обществе. Сегодня на первый план вышли проблемы мировой однополярной глобализации. Учеными был выделен ряд основных угроз, стоящих перед человечеством: угроза термоядерной войны, мотивированная социально-властными отношениями; терроризм; проблема «Север-Юг»; экологическая катастрофа; опасность демографического взрыва; неуправляемое развитие науки, техники и технологий; истощение природных ресурсов [1. 46]; ряд из которых нашли свое подтверждение в 2022 году. Общая обстановка тревожности, нестабильности, неопределенности, беспокойства с субъективным ощущением возможности неблагоприятного развития событий сказалась на всех, кто способен размышлять, оценивать, анализировать ситуацию, в которой оказалось человечество.

Тревожность политической обстановки в начале года не могла не отразиться на внутреннем состоянии студентов. По данным исследования, проведенного в январе-феврале 2022 г. с использованием метода он-лайн опроса 635 студентов 1-4 курсов Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, внутренние опасения респондентов связаны, в первую очередь, с политической нестабильностью в стране и мире (43,2%) и возможностью начала военного конфликта с участием России (34,3%). Дальнейшая дестабилизация экономической и политической обстановки еще больше усугубила внутренний дисбаланс опрошиваемых, в то время как каждый седьмой из их числа уже обращался на момент опроса к помощи психолога по поводу психологических проблем.

Среди ценностей которые, по мнению студентов, в современной России наиболее распространены среди наших соотечественников, патриотизм и любовь к Родине входит в тройку приоритетов. Свои жизненные планы хотели бы реализовать за границей 7,5% будущих юристов. Более важна оказалась перспектива жить и работать в окружении честных и порядочных соотечественников (15,1%).

При этом политикой, по полученным данным, увлекается каждый четвертый (24,3%), а политически активным гражданином себя считает каждый пятый из числа опрошенных (22,5%). Можно предположить, что большинство из тех, кто считает патриотизм основополагающей ценностью для современной России, увлекается политикой. Подавляющее большинство из них проявляют свою позицию в беседах с друзьями и знакомыми (83,2%). В социальных сетях делятся своими политическими воззрениями менее половины опрошенных. По мнению 28,7% студентов, современная молодежная культура непосредственно связана с увлечением политикой, интересом к общественной жизни. Двое из пяти опрошенных также склоняются к данной точке зрения (40,3%).

Ведущее место в ценностной иерархии занимает уважение к закону и правопорядку (53,1%). На второе респонденты поставили толерантность, уважение к людям другой веры, расы, национальности (38,6%).

Среди основных личностных стратегических целей студентами выделяются создание счастливой семьи (58,6%), материальное благополучие, достаток (51,5%) и успешная карьера (37,5%). Для 20% опрошенных важно принести пользу Родине, людям. Патриотизм как ценностная ориентация занимает пятую позицию в рейтинге приоритетов.

Наибольшая доля студентов полагает, что современная молодежная культура включает интернет – зависимость с уходом в виртуальную реальность (40,5%). Еще столько же студентов склоняются к данной точке зрения (39,7%). То есть четверо из пяти опрошенных считают киберпространство непосредственной средой обитания для молодежи наравне с реальной жизнью.

В 2017 году 59,5% опрошенных отмечали тенденцию ориентации на общение в социальных сетях в ущерб межличностным контактам [2], в 2018 - 40,6% [3]. В настоящее время уже три четверти студентов перенесли межличностное общение в виртуальную реальность (76,4%), заменив непосредственные межличностные контакты общением в социальных сетях. Данная тенденция также включается, по мнению студентов, в современную молодежную культуру. Следует обратить внимание на стремительное развитие данной тенденции. Если в 2017 г. 37,3%, а в 2018 г. 39,1% из числа студенческой молодежи считали данное явление элементом молодежной культуры, то на сегодняшний момент их доля выросла в 2 раза.

Одним из рисков современной реальности является наркотизация населения и, в первую очередь, молодежи. Употребление наркотических средств и психотропных веществ лишь по мнению 7,4% студентов составляет часть молодежной культуры, при этом 15,3% также склоняются к данной точке зрения. В 2017 году так считали 13,9% опрошенных, в 2018 году – 16,3%. По данным опроса 2022 года, данная категория студентов выросла до 22,7%, что свидетельствует как о количественном росте молодежи, употребляющей наркотические вещества, так и об увеличении толерантности по отношению к таким молодым людям. Более половины опрошенных заявили, что общение с лицами, потребляющими наркотические вещества, вызывают у них негативные эмоции. Доля таких респондентов по сравнению с 2017 годом выросла на 5,5%. Каждый пятый, как и в 2017 году, считает, что для межличностного общения данный факт не имеет значения. Следует отметить, что столько же респондентов затруднились с выбором ответа. И здесь возникает вопрос. Если 20% студентов не смогли дать прямой ответ, то в лучшем случае они также индифферентно относятся к потребителям наркотиков, что также подтверждает вывод о стремительном росте толерантности по отношению к потребителям наркотических средств и психотропных веществ.

Сами студенты юридического факультета МГУ в подавляющем большинстве (2017г. - 90,2%, 2022 – 92,8%) утверждают, что наркотические вещества не употребляли никогда. И если в 2017г, по данным исследования, пробовали однажды 6% опрошенных, то в 2022г. доля таких студентов сократилась в 2 раза (3,3%).

Основную причину наркотизации молодого поколения три четверти студентов видят в желании найти новые ощущения, любопытстве. Более половины полагают, что проблема заключается во влиянии дурного окружения. Каждый четвертый склонен к точке зрения, что к наркопотреблению приводят психологические проблемы, внутриличностные конфликты.

По результатам исследований, проведенных лабораторией социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, фиксируется процесс разрушения традиционных духовно-нравственных, семейных ценностей и норм на уровне молодежного сознания. В настоящее время лишь каждый четвертый студент отмечает данную проблему, в то время как в 2018 году двое из пяти опрошенных обеспокоены были данной ситуацией (42,5%). Более того больше трети опрошенных фиксируют развитие прогрессивной либеральной ценностно-нормативной системы. То есть для этой группы опрошенных западные ценности являются прогрессивными в отличие от традиционных ценностей и норм поведения, что свидетельствует о пролонгированной тенденции замещения. Треть респондентов вообще не видят существенных изменений в данной сфере.

Таким образом, несмотря на преобладание традиционных ценностей и норм в сознании молодежи, результатами исследований фиксируется возрастание рисков их замещения прозападными либеральными ценностными ориентациями, являющихся следствием применения различных манипулятивных методик воздействия на общественное сознание в целом. Ситуация усугубляется внешнеполитическим противостоянием, когда информационное негативное воздействие будет только нарастать в условиях психологического дисбаланса.

1. Старостенко К.В. Противоречия и риски современной глобализации. *ABYSS (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)*. 2019. №3. С.46-54.
2. Исследование лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения «Особенности правосознания и гражданско-патриотических ценностей студенческой молодежи». 2017. Метод сбора эмпирических данных-анкетный опрос. Выборка: 432 обучающихся по программе бакалавриата.
3. Исследование лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения «Ценностно-нормативных ориентаций студентов юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова». 2018. Метод сбора эмпирических данных-анкетный опрос. Выборка: 355 обучающиеся на 1- 4 курсах.

ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ ОДАРЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ГЛАЗАМИ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

*Ковалева Галина Александровна
(Череповецкий государственный университет)*

Исследование выполнено при поддержке Бф Дорога к дому в рамках реализации гранта Жизненные стратегии и ориентиры одаренной молодежи г. Череповца

Талантливые и одаренные дети – это особая категория детей, обладающих определенными социально – психологическими характеристиками, интеллектуальными, эмоциональными характеристиками. В толковом словаре дается следующее определение: «Выдающиеся природные способности, высокая степень одаренности» [1, С.8]

Сегодня в Череповце назрела необходимость изучения жизненных планов и стратегий юных талантов. В нашем исследовании, проходившем на кафедре социологии и социальных технологий силами педагогов и студентов в течении 2022 года проходило социологическое исследование. Среди комплекса методов наибольший интерес вызывает

метод экспертного интервью. Экспертами были представители различных сфер, начиная от педагогов до специалистов управления

Большая часть экспертов выделяют такие качества, свойственные одаренным детям, как высокий уровень речевого развития, умение организовывать и рационально планировать время, ставить достижимые цели и планомерно их достигать. Их отличает трудолюбие, усидчивость, высокая мотивация к тому делу, которое им нравится, в котором они успешны. Талантливость проявляется в различных сферах деятельности: науке, спорте, искусстве, науке, учебной деятельности и др. *Талантливые дети – это дети, изначально наделенные некими способностями, такой пылкостью ума трудолюбием, что это позволяет достичь чего-либо, сосредоточенные на открытии знаний, на достижение результата.* (Вера М). *Талантливый ребенок целеустремлен, он проявляет завидное упорство в деле, которым увлечен* (Ирина М).

Основным критерием является результативность детей в том, что дается легко и что доставляет удовольствие, радость и приносит эмоциональное удовлетворение. *Критерием таланта и одаренности всегда выступает результат.* (Ирина Г.). Эксперты отмечают, что в условиях школьного образования больше шансов для развития способностей и таланта. Кроме того, чаще всего одаренность в технических и области естественных наук оказывается более востребованной и поддерживаемой, как на уровне школы, города, региона, так и в стране. *«На уровне Федерации тенденция выделения IT информационного блока и технического направления.* (Ирина Г.) *«Мне хочется обратить внимание не некую дискриминацию гуманитарного профиля по сравнению с другими направлениями».* (Вера М.) *«Несколько досадно, что в образовании взят курс на развитие технологического интеллекта ребенка.* (Ольга Т.)

Эксперты отмечают, что эти дети ориентированы на достижения. Дети, увлеченные учебной, спортом, искусством имеют ограниченный круг друзей. Важной стороной жизни любого школьника является их деятельность за пределами школы, общественная активность, участие в жизни городского сообщества. Одаренные ребята недостаточно информированы о том, что происходит в городе. Эксперты отмечают, что большинство детей, в том числе и одаренные, талантливые относятся к городу положительно, оценивают положительные изменения в его развитии. Но, к сожалению, практически все эксперты отмечают, что такие ребята не связывают свое будущее с родным городом. Дети, их родители, учителя не оценивают город, как возможность для развития своего потенциала, таланта и способностей. Кроме того, сами эксперты придерживаются позиции, что талант оказывается более востребованным в столичных и крупных городах, у Череповца такие возможности ограничены.

1. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия)

ВЛИЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА НА ЛИЧНОСТЬ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Ковальчук Кирилл Валерьевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В статье анализируется проблема социального одиночества и его влияния на личность молодого человека. Данная проблема сегодня становится как никогда актуальной и в молодежной среде уверенно занимает одну из лидирующих позиций среди всех социальных проблем, с которыми сталкивается молодое поколение.

Проведенный и опубликованный в августе 2021 года опрос ВЦИОМ показал [2], что 23% россиян постоянно чувствует себя одинокими. При этом важно отметить, что

среди людей в возрасте от 18 до 24 лет эта цифра составляет 37%. Этот факт кажется парадоксальным, ведь в современном мире, когда активно проходят процессы глобализации и информатизации, не должен наблюдаться дефицит встреч и общения и, как следствие, социального одиночества. При этом различные проведенные исследования также говорят о том, что проблема социального одиночества на личность человека может носить не только негативный характер.

В ходе исследования социального одиночества было выявлено, что основной его проблемой является дискриминация, как со стороны государства, так и со стороны общества. Например, доход молодого одинокого американца мужского пола в среднем на 26% меньше, чем доход женатого [3]. При этом в мире среди молодых людей наблюдается целая «эпидемия одиночества» - доля домохозяйств, состоящих из одного человека, только в странах ЕС выросла за 10 лет (с 2010 по 2020 гг.) на 19,5% [1].

Результаты анализа, однако, показывают, что отдельно взятые личности наоборот же воспринимают социальное одиночество как высшую ценность. В отдельных случаях оно может и вовсе стать катализатором для духовного катарсиса и подвига.

1. Мир самодостаточных одиночек [электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/mir-samodostatochnykh-odinochek/> (дата обращения 07.10.2022)
2. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения 07.10.2022)
3. Синглизм: как бизнес и государство дискриминируют одиночек. [электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/233065-singlis> (дата обращения 07.10.2022)

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОЛОГОДСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Коптяева Арина Игоревна

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»)

В современной России вопрос патриотического воспитания молодёжи является особенно актуальным. Очень важно, чтобы во всех регионах России реализуемые меры по патриотическому воспитанию граждан охватывали все грани патриотизма. В данной работе рассмотрены региональные мероприятия для школьников, реализуемые в Ярославской и Вологодской области, и оценено их соответствие направлениям патриотического воспитания, указанным в нормативных документах регионов.

В законе №5-з от 16.02.2016 «О патриотическом воспитании в Ярославской области» [1] выделены следующие направления деятельности по патриотическому воспитанию: гражданско-патриотическое, военно-патриотическое, историко-патриотическое, социально-патриотическое, культурно-патриотическое и спортивно-патриотическое. В соответствии с законом №4837-ОЗ от 28.12.2020 «О патриотическом воспитании в Вологодской области» [2] работа по патриотическому воспитанию на территории Вологодской области ведётся по гражданско-патриотическому, военно-патриотическому и нравственно-патриотическому направлениям.

В Ярославской области реализацией мероприятий патриотической направленности занимается ГАУ ЯО «Центр патриотического воспитания» при содействии Департамента физической культуры, спорта и молодёжной политики ЯО. Ключевым мероприятием для школьников является ежегодный форум «Патриот.Гражданин.Воин». Он включает в себя профильные смены военно-патриотической, культурно-исторической направленности и

межнационального сотрудничества. Фестиваль межнационального сотрудничества «На одной земле» проявляет интерес молодежи к представителям различных национальностей. Региональный гражданско-патриотический фестиваль «Красная гвоздика» посвящён творчеству отечественных деятелей искусств и событиям XX века.

В Вологодской области мероприятия в сфере патриотического воспитания реализует АУ ВО ОЦМиГИ «Содружество» при поддержке Департамента внутренней политики Правительства ВО. Оборонно-спортивная игра «Зарница» имени А.А. Попова содействует воспитанию гражданской ответственности за защиту Отечества, повышает знания и навыки по основам безопасности жизнедеятельности, военной службы. Областной конкурс «Правовая академия» повышает правовую культуру детей и молодежи, способствует применению практических навыков в законотворчестве. Областной слёт юнармейских отрядов и патриотических объединений «ЮНАРМИЯ» развивает участников по военному-спортивному, историко-краеведческому, добровольческому, информационному, лидерскому и творческому направлениям.

Таким образом, в первую очередь Ярославская область заботится о вопросах культурно-патриотического и историко-патриотического воспитания, в Вологодской области акцент делается на военную и гражданскую патриотику. Для обоих регионов характерны «белые пятна» в виде направлений, которым уделяется меньше внимания в линейке постоянно реализуемых мероприятий. Обмен практиками и опытом реализации данных мероприятий поможет закрыть неохваченные направления и наладит межрегиональное сотрудничество.

1. Закон №5-з от 16.02.2016 «О патриотическом воспитании в Ярославской области» - URL: <http://yaduma.ru/activity/laws/z16005> (дата обращения 5.10.2022);
2. Закон №4837-ОЗ от 28.12.2020 «О патриотическом воспитании в Вологодской области» - URL: https://vologda-oblast.ru/dokumenty/zakony_i_postanovleniya/zakony_vologodskoy_oblasti/3332396/ (дата обращения 5.10.2022).

ВЛИЯНИЕ ЛИДЕРА СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОМАНДЫ

Корнева Кристина Евгеньевна

(Волгоградский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Лидерство – это социальная система влияния на группу людей в процессе управления посредством коммуникации. Немецкий социолог М. Вебер использовал в своей работе термин «авторитет» вместо «лидер», которое означало «вероятность того, что определённые люди повинуются приказу определённого содержания» [1, с. 31].

Студенческая среда является социальной организацией, где студенты взаимодействуют в учебное и внеучебное время, реализуются их инициативы в организации мероприятий, действует студенческое самоуправление, оказывается всяческая поддержка. В студенческой среде лидер становится председателем студенческого совета, который координирует как студентов, так и организацию всех мероприятий, представляет мнение студентов на Ученом совете вуза, других встречах с преподавателями и сотрудниками вуза. У лидера существует своя команда, с которой он взаимодействует, и которая его поддерживает. Группой председателя студенческого совета вуза являются заместители председателя студенческого совета факультетов, координаторы и студенческий актив, взаимодействие с которыми должно быть налажено, так как именно эта группа является для председателя поддержкой и опорой во всей его деятельности.

В ходе проведения эмпирического исследования с использованием комбинированной социологической стратегии: Интернет – опрос студентов в ВИУ РАНХиГС (n=300, декабрь 2021 года) и глубинные интервью с представителями студенческого актива (N=5, декабрь 2021 года), – нами были выявлены объективные/субъективные факторы, которые влияют на формирование команды лидером студенческой среды.

Студенческий лидер формирует свою команду для эффективной работы в течение срока своего избрания (1 год), а значит, он должен уметь общаться с людьми, внушать доверие и поддерживать его своими действиями, быть авторитетом, показывать пример и т.д. По данным проведенного исследования в ВИУ РАНХиГС, студенческий актив считает, что коммуникация всех студентов со студенческим лидером необходима, но не всегда, так считают 51,7% участников опроса; о постоянной коммуникации с лидером сказали 22,5% респондентов; 20% участников опроса считают, что не надо взаимодействовать с лидером, затруднились ответить 5,8% участников опроса. Полученные данные выявили, что большинство студентов постоянно или часто взаимодействуют с председателем студенческого совета ВИУ РАНХиГС, лидером студентов. При этом студенческому лидеру необходимо понимать, почему не все студенты стремятся к коммуникации с ним и чем это обусловлено.

На формирование команды председателем студенческого совета также влияет поддержка его мнения и действий командой актива. Эту гипотезу подтверждает Интернет – опрос: 67,5% опрошенных ответили, что активисты вуза «должны прислушиваться» к мнению лидера, 32,5% опрошенных ответили «да, но не всегда». Данные, которые были получены в ходе опроса, подтвердились и в глубинном интервью. *«На формирование команды лидером влияет не только то, что его мнение нужно всегда поддерживать, но и еще мастерство выполнение поставленных задач председателем, умение объективно оценить предложение, и если оно не удачное, то предложить идею лучше и обосновать это»* (информант № 2, 5 курс, экономический факультет). Полученные данные выявили, что лидер формирует свою команду, опираясь на поддержку, работоспособность своей команды и их активную позицию.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Влияет ли формирование команды на работоспособность председателя студенческого совета?». В Интернет – опросе были выявлены следующие данные: 65,8% опрошенных ответили «влияет», 26,7% опрошенных ответили «влияет, но не сильно», только 7,5% респондентов ответили «не влияет». Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что эффективность самого председателя студенческого совета будет зависеть от активности и работоспособности его команды. Так как, именно команда вдохновляет лидера своей поддержкой, эмоциями, открытостью к взаимодействию. Лидерские качества проявляются и в том, как лидер подбирает людей, как организует с ними коммуникацию.

Можно сделать вывод, что на формирование команды в студенческой среде влияет лидер и его навыки, которыми он обладает, а именно опыт и умение формировать команду и настроить из на совместную работу, вдохновить своими идеями, обеспечить открытый диалог в команде. Команда в студенческой среде формируется для организации мероприятий, выполнения поручений председателя, так как этой группе свойственны активность, решительность, выносливость, энергичность и главное, чтобы принципы и ценности команды совпадали с принципами и ценностями лидера.

Проанализировав полученные данные, можно сказать, что попасть в команду студенческого лидера сложно, но возможно. Лидерство в студенческой среде является типом управленческого воздействия и взаимодействия, основанного на наиболее эффективной работе в студенческой среде со студентами. Проявляя себя, студент доказывает лидеру, что он достоин находиться в его команде. Процесс данной коммуникации всегда носит взаимный, двухсторонний характер, обеспечивающий эффективную работу студенческого актива вуза.

1. Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии* / пер. с нем.; Л. Г. Ионина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики 2016). – 445 с.
2. Усова С. И. *Лидерство как одна из важнейших черт личности и ее проявление в студенческом коллективе* // КПЖ. 2008. №5.- 88 – 96 с.
3. Фрейд З. *Психология масс и анализ человеческого «я»* / пер. с нем.; Я. М. Когана; пер. под ред. И.Д. Ермакова. – СПб.: Азбука, (2011). – 190 с.

ОЦЕНКА ВКЛАДА МОЛОДЕЖНЫХ ИНИЦИАТИВ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Корунова Валерия Олеговна

(ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан»)

Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Перспективы экологизации повседневного поведения населения в контексте сформированной "нормы" природосохранения в Республике Татарстан», проект № 20-311-90086.

Принято считать, что молодежь выступает движущей силой социальных изменений, усваивающей и популяризирующей новейшие идеи для развития общества. Однако применительно к моде на экологическое благополучие и соответствующий образ жизни, развивающейся в нашей стране на протяжении уже нескольких лет, это утверждение оказывается не совсем верным.

Как показали результаты опроса в Республике Татарстан (июль–сентябрь 2022 г., n = 1500), обеспокоенность татарстанцев состоянием окружающей среды в месте их проживания и распространенность среди них настроений экологической тревожности почти не различаются в группах по возрасту (33% и 32% в среднем). Большинство исследований в целом по стране также не выявляют значимых различий, а некоторые из них наоборот указывают на сравнительно меньшую экологическую обеспокоенность молодежи, которая, в соответствии с данными ВЦИОМ, несколько чаще отмечает существование более значимых для России задач, чем охрана окружающей среды [2].

С другой стороны, практический подход молодежи к природосохранению положительно отличается от подходов, которых придерживаются представители других возрастных групп, – на это указывают полученные нами результаты по Республике Татарстан. Рассуждая об ответственности за состояние окружающей среды, татарстанская молодежь сравнительно чаще приписывает ее простым людям (20%) и сравнительно реже – власти (12%), демонстрируя также большую систематическую вовлеченность в ряд активных природосохранительных практик (сортировка и утилизация отходов, помощь животным, написание писем, сбор подписей, информирование и участие в общественных обсуждениях и митингах по экологическим вопросам).

Вместе с тем, даже учитывая реализуемые молодежью практики, нельзя ожидать от них больших экологических инициатив, поскольку их развитию препятствует сложившееся общественное мнение об экологической деятельности и активистах. Наиболее показательны здесь данные опроса ВЦИОМ о Грете Тунберг, школьнице и экологическом активисте из Швеции: несмотря на то что 40% опрошенных россиян оценили ее экологические намерения позитивно, 43% из них отметили, что от подобных Грете активистов нет ни пользы, ни вреда, а 75% также – что не хотели бы, чтобы их дети или внуки были на нее похожи [1].

1. Грета Тунберг: борец за будущее планеты или марионетка в чужих руках? [Эл. ресурс] // ВЦИОМ. 2019. 16 октября. URL: <https://wciom.ru/analytical->

reviews/analiticheskii-obzor/greta-tunberg-borecz-za-budushhee-planety-ili-marionetka-v-chuzhikh-rukakh

2. *Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму [Эл. ресурс] // ВЦИОМ. 2020. 30 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu>*

УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ НА ФОНЕ СПЕЦОПЕРАЦИИ РОССИИ ПО ЗАЩИТЕ РЕСПУБЛИК ДОНБАССА

Костенко Валерий Валерьевич

(ФГКВОУ ВО «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации»)

Российская молодежь на современном этапе – достаточно противоречивая социальная группа [1], формирование которой происходит в условиях постсоветской реальности, отягощенной присутствием внешних и внутренних угроз различного характера, в первую очередь глобализационного, социокультурного и нравственного типа [2]. В современных условиях, оставаясь самой энергичной составляющей частью российского общества, она является самой уязвимой его частью, подверженной иностранному политическому и социальному манипулированию. Учитывая тот факт, что у молодых людей только начинает формироваться система ценностей, политическая и гражданская культура, молодежь является крайне восприимчивой к различным радикальным и реакционным идеям [3. С. 233- 242]. Таким образом, ключевой задачей как государства, так и общества, и особенно молодежных общественных организаций (далее МОО), является формирование у молодежи культуры политического и гражданского активизма, развитие конструктивных социальных и личностных навыков, критического восприятия происходящих событий, содействие реализации молодежного потенциала на благо государства и общества.

Успешно противостоять современным вызовам может только сплоченное общество, в котором у молодых людей сформирована цельная и правдивая картина происходящих в стране и мире событий, базирующаяся на устойчивой системе ценностей, в первую очередь политических и гражданских. Политические ценности носят как правило обобщенный и абстрактный характер [4, С. 198]. Их наполнение смыслом раскрывается в политических представлениях, напрямую связанных с усвоенными ценностями, являющимися наиболее стабильным компонентом политического самосознания молодой личности. Зачастую, политические ценности находятся в прямой зависимости от потребностей молодых людей: личностные потребности актуализируют политические ценности, рассчитывая восполнить недостаток того, в чем конкретный индивид испытывает нужду [5]. Более того, нередко политические ценности имеют определяющий характер по отношению к политическому поведению, социальной и гражданской активности молодежи [6], оказывают прямое воздействие на социально-политический выбор молодежи, ее участие в деятельности МОО различной направленности.

К сожалению, у современной российской молодежи есть затруднения в осознании места, которое она занимает в жизни государства и общества. С одной стороны, государственные программы развития молодежной политики, деятельность МОО, настраивают молодежь на конструктивное участие в социально-политической жизни, с другой – зачастую на лицо равнодушие молодежи к сложившимся современным российским ценностям [7. С. 15-18].

Необходимо отметить, что специальная военная операция (далее СВО), начавшаяся с выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина 24 февраля 2022 года,

четко разделила состояние российского общества на до и после, как это уже бывало в истории, например, с началом Великой Отечественной войны, при этом молодежь и МОО с самого начала четко обозначили свою политическую и гражданскую позицию, объявили о поддержке СВО, принимают участие в различных массовых мероприятиях в поддержку наших военных и ополченцев Донбасса [8]. Различные МОО (и отдельные представители молодежи) принимают активное участие в волонтерской деятельности, собирая гуманитарную помощь и доставляя на Донбасс и в другие освобожденные районы продовольствие, товары первой необходимости, воду и т.д. [9].

В тоже время, некоторые представители молодежи и МОО заняли деструктивную позицию по отношению к своей стране, проявляя содействие нацистскому режиму Украины и поддерживающим его странам Запада [10]. проблемами.

Таким образом, политическая и гражданская культура молодежи, ее отношение к происходящим событиям, обуславливаются как сформировавшимся в стране политическими и культурными ценностями, так и мировыми социокультурными трендами.

1. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // *Социологические исследования*. 2018. No 3 (407). С. 15-33.
2. Шестопал Е.Б., Селезнева А.В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // *Социологические исследования*. 2018. No 10. С. 90-9.
3. Баранова Г.В., Баранов А.А. Социальная активность (опыт методологического анализа) // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2013. № 2 (103). С. 233-242.
4. Karwat M. Political values as ideas of social needs // *International Political Science Review*. 1982. Vol. 3. No. 2. Pp. 198-204.
5. Schwarrz S.H., Bilsky W. Toward a psychological structure of human values // *J. of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53. No. 3. Pp. 550-562.
6. Miles A. (Re)genesis of values: Examining the importance of values for action // *American Sociological Review*. 2015. Vol. 80. No. 4. Pp. 680-704.
7. Баранова Г.В., Костенко В.В. Деструктивность социально-политической активности молодежных общественных организаций // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 6 2. С. 15-18.
8. Молодежные организации России поддержали акцию «Своих не бросаем» [Электронный ресурс] https://news.rambler.ru/community/48291045/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=coppylinkhttps://news.rambler.ru/community/48291045-molodezhnye-organizatsii-rossii-podderzhali-aktsiyu-svoih-ne-brosaem/?ysclid=l4wiyрchkb987974575 (дата обращения: 27.08.2022).
9. Росмолодежь начала собирать заявки от молодежных организаций, желающих восстановить Донбасс [Электронный ресурс] <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/05/03/920780-rosmolodezh-zayavki-donbass?ysclid=l4wj47jen633713242> (дата обращения: 27.08.2022).
10. Генерал ФСБ рассказал, как сторонники украинских нацистов попадают в Россию [Электронный ресурс] <https://www.mk.ru/politics/2021/12/13/general-fsb-rasskazal-kak-storonniki-ukrainskikh-nacistov-popadayut-v-rossiyu.html?ysclid=l4wje96p6h45773937> (дата обращения: 27.08.2022).

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ВНУТРЕННИЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Косыгина Ксения Евгеньевна
(Вологодский научный центр РАН)

Уханова Юлия Викторовна
(Вологодский научный центр РАН)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00326 А «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе»

Исследование посвящено выявлению особенностей гражданского участия молодежи в региональном пространстве. Проблема активизации молодежного ресурса является актуальной и социально значимой для развития территорий, поскольку молодежь является крупнейшей движущей силой преобразований, и этот огромный потенциал должен быть эффективно использован. Расширение участия молодого поколения в разработке и внедрении решений преодоления общественных проблем имеет жизненно важное значение для устойчивого развития территорий. С позиции деятельностно-активистской парадигмы в исследовании молодежь рассматривается как значимый субъект территориального развития региона посредством ее вовлеченности в разнообразные практики гражданского участия.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют труды российских и зарубежных авторов. В частности, в научном дискурсе значимый пласт работ сосредоточен на анализе особенностей конкретных просоциальных практик молодежного участия, таких как волонтерство, участие в некоммерческих организациях, индивидуальная общественно-полезная деятельность, благотворительность, взаимодействие с органами власти в целях решения социально-значимых проблем [1–3], а также на выявлении особенностей политического участия молодежи [4].

Исследование выполнено на основе социологического опроса, который проводился на территории Вологодской области в 2021 г., N=1900. Кроме того, информационной базой послужили ведомственные данные о сфере государственной молодежной политики.

В ходе исследования выявлено, что в российском обществе создается благоприятная институциональная среда гражданского участия молодежи. Молодежная политика в последние годы нацелена на расширение возможностей молодежи для реализации своих инициатив, направленных на развитие территорий, а также рост их финансовой и организационной поддержкой со стороны государства. Исходя из данных, наиболее важным трендом в области молодежной политики следует признать выход проблематики на уровень регионов и муниципалитетов. Сегодня обращение к территориям и местным сообществам имеет первостепенное значение, «поскольку основная часть молодежи (не та самая талантливая, о которой уже позаботились федеральные власти) обретает знания и находит себя там, где проживает» [5]. Несмотря на выявленные позитивные тенденции и рост показателей, можно отметить проблемы в реализации молодежной политики, как на национальном уровне, так и в регионах. К ним относятся: отсутствие комплексного мониторинга, оценивающего вовлеченность молодых людей в общественно-полезную деятельность, политическую жизнь, недостаточная научная обоснованность государственной молодежной политики, которая должна зависеть от особенностей территорий: социально-экономического развития регионов, культурных традиций, структуры населения и других отличительных характеристик.

Одной из базовых установок для вовлечения граждан в практики гражданского участия выступает готовность к объединению. Среди молодежи эти показатели выше, чем

в целом среди регионального сообщества. При этом если в целом население готово обустроить территорию проживания, то молодежь больше ориентирована на защиту своих прав (68%). Однако и забота о месте жительства в рейтинге у молодежи занимает значимое второе место: 63% молодых людей готовы совместно с другими жителями заниматься благоустройством как городского, так и дворового пространства. Молодежь в большей степени, чем население в среднем, расположена помогать нуждающимся людям (58% против 55%). Отмеченные социальные практики входят в «Топ–3» и вызывают наибольший отклик у молодой части общества. Тем не менее, высокими также можно считать рейтинговые позиции и суждения молодежи региона относительно готовности к активному взаимодействию, коллективному решению общих дел в области экологических проблем, ликвидации последствий стихийных бедствий, защиты животных, преодолении последствий пандемии коронавирусной инфекции: включаться в такие общественные инициативы склонны 51–42% молодых людей.

При анализе специфики гражданского участия молодежи получен вывод, что политическое участие молодежи (как вертикальное взаимодействие с властью) локализуется на одномоментных или спонтанных формах. Большинство ограничиваются голосованием на выборах и подписанием коллективных обращений в органы власти. Меньше тех, кто практикует деятельностные и регулярные формы включенности в политическую жизнь (например, работа политической партии). Анализ данных свидетельствует, что по сравнению со средними значениями по региону, молодые люди менее активно принимают участие в политических мероприятиях.

Большое значение для развития территорий имеет формирование социальной базы гражданского участия в области неполитических практик. Как видно из данных исследования, наиболее востребованной в молодежной среде, также как и среди населения в целом, является работа в родительском комитете: почти каждый пятый представитель молодого поколения принимал в этой деятельности участие.

Согласимся с результатами исследований Ю.А. Зубок и Ю.В. Березутского, которые провели анализ социальной активности молодежи с точки зрения преобладающих стратегий. Авторами выявлено, что среди молодых людей в большей степени распространены те формы, в которых больше проявляется индивидуальное и коллективное начало, основанное на самоорганизации молодежи, нежели организованные целенаправленно [6]. Региональные данные подтверждают большую вовлеченность молодежи в неформальные формы низовой самоорганизации: работу инициативных групп, взаимопомощи (15%) и волонтерство (18%).

В наименьшей степени молодежь включается в формальное или ассоциированное социальное участие: присоединяется к деятельности некоммерческой организации, профсоюзов, территориального общественного самоуправления, общественных советов.

Выявленные демотивирующие причины вовлеченности молодежи в совместную социальную и политическую практику в региональном пространстве отличаются своим разнообразием – от институциональных до социальных и психологических качеств личности. Определено, что самыми явными являются ресурсные ограничения и организационные/институциональные препятствия. Обозначенные ограничения частично решаются за счет возможностей организаций некоммерческого сектора, а также местных бюджетных учреждений, занимающихся реализацией проектов в сфере молодежной политики, которые среди молодых людей имеют довольно высокий уровень поддержки. На примере МБУ «Молодёжный центр «ГОР.СОМ35» (г. Вологда), показано, что молодежный центр – это комплексная структура или новая модель «общественно-государственного партнерства», создающая условия для развития гражданского участия молодежи в регионе.

- Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3(163). С. 492–510.*
2. *Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик: монография. / М.В. Певная, Е.А. Шуклина, Т.Ю. Быстрова, М.С. Федорова и др.; под общей редакцией М.В. Певной; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 2020. 244 с.*
3. *Зерчанинова Т.Е., Мудрецова Н.П., Никитина А.С. Общественные организации как акторы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении // Власть и управление на Востоке России. 2021 № 1(94). С. 119–127.*
4. *Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 119–138.*
5. *Подъячев К.В., Халий И.А. Государственная молодёжная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. №2. С.263–276.*
6. *Зубок Ю.А., Березутский Ю.В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции. Власть и управление на Востоке России. 2020. №2(91). С. 89–105.*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ "ИЗОЛЯЦИЯ" В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЯ

Круглов Владислав Владиславович
(Институт иностранных языков МГПУ; МГИМО МИД России)

В настоящее время иноязычное образование сталкивается со многими вызовами, вызванными пандемией COVID-19 и общей внешнеполитической ситуацией. Значительно сокращается количество зарубежных стажировок и международных контактов, вследствие этого происходит как падение мотивации к изучению иностранных языков, так и общий уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции. Другими словами, изучающие иностранные языки имеют недостаточно практики для тренировки своих умений и навыков.

Параллельно с этими процессами существенно возрастает ответственность учителя/преподавателя иностранного языка перед обучающимися. Необходимым становится в полной мере реализовать принципы иноязычного образования и совместить несколько культуросообразных лингводидактических подходов воедино в условиях так называемой межкультурной «изоляции», что предопределяет основные тенденции полиподходности.

В контексте современной антропоцентрической образовательной парадигмы и возрастающей роли межкультурной коммуникации одной из целей является воспитание настоящих «медиаторов» культур, которые на одинаковом уровне владеют и могут представить как свою родную страну, так и страну изучаемого языка на иностранном языке. Более того, владение страноведческими реалиями становится важным условием налаживания межкультурной коммуникации. В случае возникновения коммуникативных неудач или высказываний собеседником критики в сторону родной страны необходимо аргументированно отстаивать свою позицию с проявлением международной вежливости и с помощью правильно выбранных языковых средств, без проявления агрессии – это и характеризует настоящего «медиатора» культуры.

Важным аспектом считаем разработку современных учебников иностранных языков с применением новейших информационно-коммуникационных технологий. Мы признаем, что реальное общение на иностранном языке сложно чем-то заменить, однако смоделировать его можно с помощью виртуальной реальности (VR). Эта технология широко используется в медийной контексте, но не в иноязычном образовании. Хотя с помощью виртуальной реальности можно моделировать реальные коммуникативные

ситуации, тренировать навыки аудирования и чтения, а также формировать у обучающихся межкультурную и лингвострановедческую компетенции.

ДЕТЕРМИНАНТЫ УСПЕХА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Кузнецов Евгений Максимович

(Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова)

Естественное стремление молодых людей к достижению и реализации успеха подкрепляется значительным объёмом видеографических инструментов демонстрации достижений в рамках социальных сетей и иных медиа. Развитие технологий в значительной мере упростило ряд механизмов собственной демонстрации, однако в большей степени это коснулось тех объектов и фактов, которые можно представить визуально. Образ успешного человека интенсивно продвигается в рамках инфобизнеса, рекламы и различного рода сообществ. Механизмы и методики отображения успешности достаточно стандартизированы и ориентированы на материальные блага как инструмент обоснования достигнутых результатов.

В исследовании учёных упоминается комплексность оценки и восприятия успеха. Л.А. Лесина в своих исследованиях рассматривает высокую значимость успеха и с точки зрения результата, и с позиции процессной составляющей. Согласно результатам её изысканий до 50 % опрошенных указывали на высокую значимость сопроводительных инструментов к достижению успеха (социальный капитал, стечение обстоятельств и пр.). При этом оценка уровня собственного потенциала молодыми людьми оставалась на достаточно среднем уровне. Лишь каждый пятый высказал предположение о возможности достижения успеха посредством исключительно собственных усилий [2, 53].

Помимо указанной особенности молодые люди склонны выделять объективные и субъективные стороны успешности. Так в группе объективных факторов чаще упоминается наличие протекции, изначальный уровень благополучия, гендерные возможности и пр. В то время как субъективные факторы представляются набором установок и представлений об успешности в конкретном сообществе, преимущественно референтной группе, который может существенно отличаться от общих трендов [1, 334].

Несмотря на достаточно широкий спектр признаков, определяющих успешность человека, исследования показывают, что молодые люди чаще ориентированы на материальный достаток, как наиболее наглядный и объективный фактор эффективности деятельности человека.

Для определения базовых детерминант успешности по мнению молодёжи автором статьи в марте-апреле 2022 года было проведено исследование, в котором приняли участие 416 человек (51,2 % мужчин и 48,8 % женщин). Исследование проходило в пилотажном формате.

Результаты позволяют говорить о превалировании материальных показателей в оценочных системах. Так наиболее объективным результатом успешных решений, по мнению молодёжи, является уровень дохода (38,5 %), в то время как престижность профессии была менее востребована – 19,2 % опрошенных. Для молодых людей значимость организационной позиции (возможность реализовывать власть, распределять ресурсы) выступает более мотивирующим фактором (21,4 %), нежели социальное признание значимости профессии (11,8 %).

Причины, стимулирующие молодёжь обращать внимание на материальный достаток, обусловлены рациональным подходом к богатству, которое рассматривается не в качестве терминальной позиции, а с точки зрения инструментальной функции достижения других благ.

1. Грошева Л. И. Специфика интернационализации образования в мультикультурном аспекте / Л. И. Грошева. – Текст : непосредственный // Сборник материалов XI Международной научной конференции «Сорокинские чтения-2017». – М: Издательство: ООО «МАКС Пресс». – 2017. – С. 334–336.
2. Лесина Л.А., Панкова С.Н. Образ профессии в конструировании профессиональных планов студентов педагогических вузов / Л. А. Лесина, С. Н. Панкова. – Текст : непосредственный // Russian Journal of Education and Psychology. – 2017. – №2-2. – С. 52-59.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВОВ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ Г. СЫКТЫВКАРА)

Кузьмин Александр Геннадьевич

(Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина)

Изучение мотивов участия молодежи в общественных организациях, формальных и неформальных движениях необходимо для активного развития современного российского общества и воспитания активной гражданской позиции молодых людей. Для того чтобы эффективно привлекать молодежь к участию в движениях, необходимо выявить мотивы, которые побуждают людей к вступлению в молодежные организации [1, С. 58].

В связи с этим было проведено социологическое исследование, целью которого являлось выявление потенциальных участников молодежных формальных и неформальных движений и мотивы их участия для определения механизмов профилактики проявлений деструктивного поведения и развития активной гражданской позиции.

Был проведен социологический опрос учащихся 11-х классов общеобразовательных школ и студентов высших учебных заведений г. Сыктывкара. Всего было опрошено 296 человек, среди респондентов лица женского пола составили 58,7% (174 человек), на долю мужчин пришлось 41,3 % (122 человек).

По результатам исследования было выявлено, что 17% участвуют в деятельности молодежных организаций, также 6% молодых людей проводят свое свободное время в объединениях по интересам. Это говорит о том, что участие молодежи в организациях и объединениях не является приоритетной формой досуга молодых людей. Учащиеся 11-х классов имеют меньшую активность в общественной деятельности, чем студенты высших учебных заведений, так как у них большая часть свободного времени уходит на подготовку к выпускным экзаменам.

Большинство опрошенных, состоящих в молодежных организациях, участвуют в их деятельности год или менее – 41%, больше года – 26% и полгода и менее 14% респондентов.

Чаще всего ближайшее окружение (семья и друзья) относятся к участию в молодежных организациях положительно 78% и лишь 3% опрошенных отмечают негативное отношение близких к их деятельности.

Стоит отметить, что в целом, по данным ВЦИОМ, большая часть населения России поддерживает вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь страны [2].

Также были получены ответы от опрошенных, которые не состоят в молодежных организациях. Отвечая на вопрос, хотели бы они вступить в организацию, «да» ответили 30%, а «нет» – 65%. При этом, отвечая на вопрос об отсутствии желания, вступить в движение наиболее популярным ответом стало нехватка свободного времени и большая нагрузка на учебе.

Анализируя направленность движений, в которые бы вступили опрошенные, были получены следующие результаты: политические движения (37%), виртуальные объединения (34%), а также спортивные (28%). Это говорит о том, что современная

молодежь заинтересована в пользе от участия в движении и отказ связан исключительно с тем, что это может помешать их личным мотивам. Также хочется отметить, что в связи с интенсивным развитием компьютерных и интернет-технологий наблюдается увеличение популярности онлайн-объединений, а также числа их участников.

Молодые люди отмечают, что основными факторами, способствующими вовлечению в деятельность общественной организации, являются: возможность проявления инициативы в общественной деятельности (31%), возможность развития личности (22%) и наличие интереса (21%), а также респонденты отмечают новые знакомства и полезные связи. Все это свидетельствует о том, что молодежь стремится проявить себя и свои личные качества, реализовать возможности, отвечающие своим личным интересам.

При ответе на вопрос, какие факторы препятствуют участию молодежи в различных движениях и организациях были получены следующие результаты: недостаточная информированность о движениях (53%), отсутствие интереса к молодежным движениям (35%), отсутствие поощрительных механизмов для членов организации (37%). Интересен тот факт, что молодые люди не считают, что государство противодействует деятельности движениям, что в настоящее время объясняется активной молодежной политикой как на государственном, так и на региональном уровне.

В ходе проведения опроса было выявлено отношение молодежи к деятельности неформальных движений и деструктивных организаций. Так, отвечая на вопрос об отношении молодых людей к субкультурам, были получены следующие результаты: негативно относятся к субкультурам 15% опрошенных, примерно такое же количество респондентов относится к их деятельности положительно (14%) и 71% молодых людей ответили, что нейтрально. При этом большинство респондентов признает их негативное влияние.

Молодые люди указывают, что если их друзья состоят в деструктивной организации, то они бы отнеслись к этому негативно – 53%, нейтрально восприняли бы 23% респондентов и затруднились ответить 16% молодых людей. Это говорит о негативном отношении к деструктивным организациям со стороны молодежи и обеспокоенностью влиянием деструктивных организаций на близких людей.

К последствиям вступления в деструктивные организации были выбраны следующие ответы: разрушение личности (57%), политическое манипулирование (44%) и отказ от общественных ценностей (42%). При этом, основными факторами вступления в организацию деструктивной направленности респонденты считают: активность организации (39%) и социальные сети (36%). Таким образом, молодежь четко разграничивает субкультуры и деструктивные организации, отмечает высокую опасность последних, критически относится к их деятельности.

В ходе проведения опроса было выявлено, как часто молодежь сталкивается с деятельностью деструктивных организаций. Были получены следующие ответы: не сталкивались с их деятельностью вообще – 42% опрошенных, встречались достаточно редко – 24% респондентов и 19% опрошенных указали, что затрудняются ответить на данный вопрос. Из этого следует, что молодые люди не в полном объеме владеют информацией о деятельности деструктивных организаций, что говорит о необходимости информирования населения о рисках таких организаций.

Основными причинами вступления молодых людей в движения деструктивной или радикальной направленности респонденты указали разлад в семье, одиночество, неприятие окружающими (58%), также среди популярных ответов были интернет-деятельность таких организаций и тяжелое материальное положение людей. Из этого следует, что основной причиной вступления молодежи в деструктивную или радикальную организацию является утрата прежних социальных связей с семьей и друзьями, утрата поддержки от близких. Отметим, что потеря доходов может также привести человека в

радикальную или деструктивную организацию, возможно, это связано с вариантом «замены» трудовой деятельности на противоположную.

Среди молодых людей наблюдается низкая информированность о деятельности формальных и неформальных движений. Хочется отметить нехватку свободного времени у молодых людей для участия в деятельности в движениях различной направленности, в связи с этим прослеживается низкая включенность в их деятельность. Также необходимо подчеркнуть проблему недостаточной мотивации молодежи для включения в работу общественных движений, из-за этого наблюдается незаинтересованность большинства молодежи в деятельности формальных организаций общественной направленности.

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод, что мотивы участия молодежи в формальных и неформальных движениях очень различны от сугубо индивидуальных до социально-ориентированных, но основными являются саморазвитие, личная польза и интерес. Современная молодежь проявляет интерес к социально-значимой жизни общества, но при этом недооценивает роль самоорганизации и самовоспитания, которые имеют решающее значение в становлении личности, поэтому и необходимо развитие активной гражданской позиции молодых людей, критического мышления, гражданского активизма и инициативы. Полученные данные также позволяют определить наиболее эффективные подходы по профилактике вступления молодых людей в организации деструктивной и радикальной направленности, в первую очередь, к ним относится деятельность по информированию населения о рисках таких организаций и раннему предупреждению деструктивных проявления в обществе.

1. Левшина А.А., Лукин С.Л. *Общественная деятельность молодежи: мотивы участия* // *Российский психологический журнал*. 2015. № 2. С. 56-66.

2. *Молодёжный активизм = общественная польза? Запрос россиян на вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь страны — устойчивый тренд последних двух лет [Электронный ресурс] – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9775> (дата обращения 23.09.2022 г.)*.

ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЧЕРЕПОВЦА)

Кытина Полина Дмитриевна
(ФГБОУ ВО "Череповецкий государственный университет")

В последнее время отмечаются общие тенденции к росту количества людей и объединений, участвующих в добровольческой деятельности, расширяются масштабы реализуемых ими проектов [1]. Молодежь – это один из основных ресурсов социальной активности и общественных преобразований, инновационная сила. С помощью социального участия они реализуют свой потенциал, при этом имеют специфичные формы активности.

Социальное участие – важная категория для развития города и региона. Под термином социальное участие понимается коллективная деятельность людей, горизонтальная активность, осуществляемая ими в рамках повседневной жизни и направленная на удовлетворение общественного интереса [2]. Согласно мнению нынешних теоретиков, гражданское общество состоит из аналогичных формализованных и неформализованных объединений. К первым принадлежит ассоциативная деятельность индивида: участие в деятельности общественных, религиозных организаций, клубов, организаций общественной самодеятельности и пр., сформированная волонтерская деятельность [3]. Неформальное общественное участие: разнообразные формы индивидуальной и массовой деятельности в общественной жизни за пределами организаций.

В работе представлены данные опроса «Агенты социальных изменений: ценности и мотивы социального участия», проведенного в марте 2022 года кафедрой СиСТ «Череповецкого государственного университета», жителей Череповца по квотной половозрастной выборке в соответствии со структурой населения города старше 18 лет. Всего опрошено 650 человек.

Вначале рассмотрим, вхождение в состав формализованных объединениях молодежи в возрасте от 18 до 34 лет. Формальное участие наименее востребованный тип активности, не состоят ни в одной официальной общественной организации – 72%. Наиболее распространенные направления членства в ассоциациях: досугово-развлекательной направленности; молодежные, студенческие; физкультуры и здорового образа жизни; организации науки, образования и культурной направленности. При этом существует разница выбора объединений для участия в зависимости от возраста молодежи. Так, респонденты от 18 до 24 лет состоят в организациях науки, образования 8%, а от 25 до 34 лет в таких ассоциациях состоят уже 1%. Можно сделать вывод, что интересы молодежи особенно разнообразны по сравнению с другими возрастными группами.

Также респонденты отвечали на вопрос: «Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?». Нигде не задействованы 55% жителей города, респонденты, которые не участвовали ни в одном из дел от 18 до 24 лет – 47%, от 25 до 34 лет – 54%. Чаще всех остальных молодежь от 18 до 24 лет участвует в массовых мероприятиях (городские праздники и т.п.) (24%), в деятельности некоммерческих организаций, работе волонтером, добровольцем (19%), в публичных дискуссиях, акциях о социальных проблемах, в том числе в Интернете (10%). Наиболее распространенные направления, которые выбирают респонденты от 25 до 34 лет: благотворительные акции (включая денежные пожертвования нуждающимся) (30%), общественные работы по месту жительства (субботники, мероприятия по благоустройству) (22%). Молодежь чаще другого населения занимаются общественными делами.

Больше всего население принимает участие в безвозмездной помощи, так как эта деятельность направлена чаще на родственников и близких людей. Респонденты от 18 до 34 лет выбирают формы помощи: помогать вещами, продуктами; помогать в домашних делах; помогать советом, поддерживать морально, психологически; помогать деньгами. Ничего не делали от 18 до 24 лет – 17%, от 25 до 34 – 21%. Разница в формах безвозмездной помощи молодежи и других возрастных групп не разительна, примерно одинаковая их распространенность.

Таким образом, молодежь – возрастная группа с наибольшей распространённостью социального участия среди населения в городе Череповец. Респонденты и в особенности молодое поколение мало заняты в формальных практиках. Однако при этом их распространенность ограничена определённым кругом интересов. В неформальных практиках молодежь принимает уже большее участие, оно более интересно им, чем другим возрастным группам. Наиболее явна видна заинтересованность в безвозмездной помощи, однако она принята у всего населения. При понимании наиболее популярных форм социального участия молодёжи, стоит направить развитие именно на них, чтобы привлечь большее число заинтересованных.

1. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: масштабы, потенциал и факторы развития / Петербургская социология сегодня – 2015: сборник научных трудов Социологического института РАН. Вып. 6. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 300-332.

2. Скалабан И.А. Участие и общественное участие как социологические категории // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5, № 5А. С. 44-59.

3. Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С.130-139.

СПЕЦИФИКА ПРЕДПОЧТЕНИЙ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПРАКТИК В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Ленденёв Вадим Сергеевич

*(Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных
войск А.И. Прошлякова)*

Технологии манипулирования в условиях современного виртуального пространства достигли своего оптимального уровня эффективности. Совокупность стандартных методик комбинируется ради достижения определённого общественного мнения или для обеспечения интересов отдельных субъектов. Тем не менее, манипулятивные образцы не только выступают в качестве инструмента воздействия, но и формирует набор инструментов, выступающих в качестве поведенческого примера для целевой аудитории [1, 84].

В популярной психологии проблема реализации манипулятивных практик также стала высоко востребованной, реализуя свои идеи в рамках междисциплинарного социально-психологического подхода, представители инфо-бизнеса формируют качественно новый подход к межличностному общению.

В социологической практике формирования общественного мнения присутствует комплексный набор манипулятивных приёмов. Их различия обуславливаются разницей в целевых характеристиках их применения. Так исследователи рассматривают формирование статического мнения и целевых установок, организацию побудительных установок на совершение действия, а также дезориентацию населения посредством расширения информационного поля до достижения ситуации, в рамках которой анализ явления не представляется возможным [2, 42]. Однако данные приёмы, представленные в виртуальном пространстве как результат применения и в разрезе механизма их применения, представляют интерес с точки зрения их оценки молодёжными сообществами.

Таким образом, целью авторского исследования являлось выявление наиболее востребованных манипулятивных практик в молодёжной среде. Методом анкетирования, в котором приняли участие 218 человек в возрасте 18-35 лет, обучающихся по направлению маркетинг и реклама, автором была осуществлена попытка определения гендерных различий в восприятии манипуляции.

Готовность к реализации манипулятивных практик выразили 46,2 % мужчин и 59,2 % женщин. В качестве ведущего мотива молодые люди назвали необходимость достижения личных интересов с минимизацией конфликтных форм взаимодействия. Однако среди мужчин манипулятивные практики рассматривались скорее как часть конкурентного противостояния и их эффективность рассматривалась с точки зрения самого факта успешного применения приёма. При этом мужская аудитория была склонна считать возможным выявление собственного манипулятивного стиля для формирования личной коммуникативной стратегии. В то же время женщины отметили предпочтительность манипулирования только в случае гарантий получения результата, что было сопряжено с интенциями к применению разнообразных приёмов в рамках индивидуального подхода к собеседнику. В качестве результирующих показателей манипулятивного воздействия мнения мужчин и женщин также разделились. Если для мужчин в большей мере был интересен финансовый выигрыш или деловая репутация, то женщины склонялись к получению благоприятного отношения к собственной личности (т.е. ориентировались на инструментальную пользу приёмов).

1. *Грошева И. А. Модальная личность: портрет с отклонениями / И. А. Грошева. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2009. – №3. – С. 82-88.*
2. *Маринина А.Е., Мартынова М.А., Васичева А.Н. Манипуляция: содержание понятия и причины возникновения в семейной жизни // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – №67-3. – С. 39-44.*

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ ШКОЛЬНИКОВ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Леонов Аркадий Константинович
(ФГБОУ ВО "Амурский государственный университет")

Описание исследования. Эмпирический объект: выпускники школ Амурской области, уехавшие в другие регионы страны с 2016 по 2019 годы. Цель: выявить миграционные установки школьной молодежи Амурской области. Методика сбора данных: неформализованное онлайн-интервью). Метод отбора респондентов: целевой (отбор выпускников школ Амурской области, уехавших в другие регионы страны с 2016 по 2019 годы). Полевой этап проводился в марте 2019 г. Реализованная выборка: 52 интервью. Исследование опирается на гравитационную модель и этносоциологических подход [1].

Благовещенцы чаще всего уезжают в Москву и Санкт-Петербург, а выпускники школ периферии области чаще уезжают в другой регион Дальнего Востока: Хабаровский и Приморский края. Еще один «центр притяжения» – Новосибирск. Факторы привлекательности этих городов для выпускников школ:

Москва: высокий уровень жизни, развитая социокультурная инфраструктура, высокий уровень вузов.

Санкт-Петербург: эстетика города с большой историей, развитая культурная сфера, высокий уровень жизни, близость к Зарубежной Европе, высокий уровень вузов.

Хабаровск: самый большой город Дальнего Востока, дает больше возможностей и перспектив, выбор вуза, наличие родственников в городе.

Владивосток: больше возможностей, эстетика города с интересными людьми, наличие моря.

Новосибирск: больше перспектив.

Критерии привлекательности вузов для выпускников школ:

во-первых, наличие интересующей специальности, место в рейтингах, престижность вуза, возможности после окончания (трудоустройство), возможность поступить с набранными баллами ЕГЭ, комфортные условия обучения и проживания, высококвалифицированные преподаватели, хорошие отзывы.

во-вторых: известность, бюджетные места, недалеко от центра города, высокое качество образования, современная научно-техническая база, «узконаправленность» (профильность) вуза, «московский диплом».

В целом, большинство не выразило желания вернуться в родной регион, поскольку область по многим показателям уступает, по мнению информантов, городам теперешнего пребывания; те, кто готов вернуться, руководствуются мотивами семейными и личными: «здесь семья, родные, друзья», «более привычно». Выпускники школ, уехавшие в другие регионы, во многом солидарны с нынешними школьниками Амурской области, относительно того, что может повысить привлекательность родного региона (более подробно в [2, 964]. Повысят привлекательность региона, по мнению информантов, следующие факторы: наличие работы по специальности с достойной зарплатой (важны также и возможности карьерного роста, условия труда); развитие социокультурной инфраструктуры; развитие городов, их инфраструктуры; развитие системы высшего и среднего профессионального образования.

1. Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А. *Этносоциология*. М.: Аспект Пресс, 1999. 272 с.
2. Янковская Д.Н. *Миграционные установки школьников Амурской области // Молодёжь XXI века: шаг в будущее : матер. XXII регион. науч.-практ. конф. (20 мая 2021 г.)*. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2021. С. 963-964

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ НА ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ: НА ПРИМЕРЕ РФ И КНР

Ли Цзяньхуэй

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Вводные замечания. Общества меняются быстро. В разных культурах и странах человек видит свое общество по-разному, их основные ценности различаются [1]. Известно, что на ценностную социализацию молодежи влияет семья, школа, система образования, работа, а также СМИ. Однако в разное время и в разных социальных и культурных условиях при действии старых и новых факторов социализации возникают различия в ценностях поколений. В исследовании рассматриваются меняющиеся ценности двух поколений молодежи в обеих странах с учетом влияния СМИ.

Молодежь поколения 1 двух стран (сбор данных Wave 3 WVS выполнен в 1995-1998 гг.) родилась примерно в 1966 г. и ранее. Эти дети примерно в 1973 г. пошли в социалистическую школу и в 1984 г. окончили ее уже в период общественных реформ, а потом стали работать или учиться дальше. В 1996 г. им было уже 30 лет. Интернета тогда еще не было. На их ценности влияли семья, школа, работа, институт, политика, газеты и телевизор. В 2022 г. им уже 56 лет и около того — это поколение родителей нынешней молодежи, пользующихся Интернетом уже будучи взрослыми.

Молодежь поколения 2 (сбор данных Wave 7 WVS выполнен в 2017-2020 гг.) в КНР и РФ. Представители этой современной молодежи родились в 1991 г. и ранее. Они пошли в школу в 1998 г. в период реформ, окончили её в 2009 г., затем учились в институте, университете или пошли работать. Среди них значительно увеличилось количество людей с высшим образованием. Эта молодежь уже использует Интернет с детства и школьных лет. В 2022 г. им уже за 30 лет — это современная молодежь в нашем исследовании.

Факторы влияния СМИ делятся на три уровня. На первом уровне влияние социального окружения на получателя информации сильнее, чем влияние СМИ. Второй уровень влияния — сам вид СМИ и СМК, влияние которого сильнее, чем влияние его содержания. Третий уровень анализа влияния СМИ образуют темы и мнения (оценки экспертов) передаваемого сообщения, общедоступной информации [2], мнения экспертов влиятельнее.

С учетом этого рассмотрим изменение ценностей молодых поколений в Китае и России по сравнению с поколением их родителей (у которых еще не было Интернет), и отнесем эти изменения к этому различию в источниках массовой информации. Для определения социальных ценностей поколений молодежи мы привлекаем данные Мирового исследования ценностей, в частности, о семье, карьере и гедонизме (World Values Survey, далее — WVS) [3].

Мы собрали и проанализировали выборку из 400 рекламных сообщений, содержащих отношение к ценностям, по 200 для телевидения (100 на китайском + 100 на русском ТВ) и Интернет-рекламы (100 на китайских + 100 на русских Интернет-сайтах). Важнейшие ценности телевизионной и интернет-рекламы были рассмотрены с учетом общего рекламного трафика через эти СМИ и СМК в период сбора данных (2020), чтобы с помощью анкеты о ценностях проанализировать влияние Интернет и телевизионной рекламы на ценности молодежи в Китае и России. Мы сочли содержание рекламы

коммуникативным посланием от отправителя (общество потребления в РФ и КНР) к получателю.

В результате оказалось, что в Китае количество молодых людей, которые думают, что «семья очень важна», значительно увеличилось от поколения родителей (молодежь поколения 1) к молодежи поколения 2, а количество молодых людей, которые считают, что «семья не важна», снизилось с 0,2% до нуля. Отсюда следует, что «семья» становится все важнее в ценностях китайского общества. В России количество молодых людей, которые считают, что «семья очень важна», соответственно снизилось на 2,9%, а количество людей, которые считают, что «относительно важна», соответственно выросло на 4,4%. Отсюда видно, что важность семьи отражается в ценностях молодых россиян по двум поколениям в тенденции от «очень важного» к менее важному. Доля рекламирования семейных ценностей низка как в китайских, так и в российских СМИ. Однако в Китае семейные ценности больше представлены в рекламе в Интернете и в телевизионных роликах, чем в России, что является одной из причин того, что большая доля современной китайской молодежи считает семью важнее, чем в России (влияние СМИ и СМК).

В Китае число молодых людей, полагающих, что карьера является «очень важной», уменьшилось, в то время как число молодых людей, считающих её «довольно важной», значительно увеличилось, а число молодых людей, полагающих, что карьера «не очень важна» и «совсем не важна», также увеличилось. Таким образом, мы видим, что в ценностях китайской молодежи «карьера» переходит от «очень важной» к «довольно важной», «не очень важной» и даже к «совсем не важной». В России всё наоборот. Число молодых людей, считающих карьеру «очень важной», увеличилось на 2,6%, в то время как число тех, кто считает ее «довольно важной», уменьшилось на 3,1, а число молодых людей, считающих ее «неважной», также уменьшилось на 0,6%. Это свидетельствует о тенденции изменения карьерных ценностей российской молодежи от «довольно важных» и «неважных» к «очень важным».

В России и в Китае от поколения к поколению резко увеличилось число молодых людей, считающих гедонизм «очень важным», и значительно уменьшилось число молодых людей, считающих его «не очень важным». Мы можем видеть сдвиг в ценностях молодых людей в России и Китае от гедонизма как «не очень важного» к «очень важному» при сравнении двух поколений. Обнаружилось, что гедонистические ценности доминируют как в китайской, так и в российской телевизионной и интернет-рекламе, и что в современном обществе гедонистические ценности являются доминирующими ценностями в Интернет, что и оставило след в ценностях молодежи. Однако, в ценностях молодежи гедонизма не очень много. Она стремится к реальному счастью и высокому качеству жизни, предпочитая работу, которая им интересна, и уделяя немало внимания отдыху, удовольствиям и развлечениям. Мы можем отнести это к негативному влиянию Интернет на ценностную социализацию молодежи в обеих странах.

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
2. Головин Н.А., Петренко П.А. Теория социальной коммуникации Н. Лумана в эволюционно-коммуникативной перспективе // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2012. № 1. С. 163–164.
3. World Values Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org> (Дата обращения: 1.10.2022).

ОСОБЕННОСТИ РЕКОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЫХ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Липатова Татьяна Николаевна
(Академия наук Республики Татарстан)

Республика Татарстан является привлекательным для мигрантов, как в экономическом, так и в этноконфессиональном отношении регионом. Исследования показывают, что большинство приезжих не демонстрируют ярко выраженной ориентации на отъезд из республики, и значительная доля связывает свои личные и профессиональные перспективы с проживанием в Татарстане [1, 83]. На сегодняшний день актуальным является вопрос трансформации этнорелигиозной идентичности мигрантов-мусульман в мусульманских сообществах принимающего региона, в котором значительная часть населения исповедует ислам. Такие трансформации могут способствовать возникновению ряда противоречий как в принимающем, так и в принимаемом мусульманском сообществе. Целью настоящего исследования является анализ особенностей процессов трансформации этнорелигиозной идентичности молодых мигрантов-мусульман из стран ближнего зарубежья, проживающих в Республике Татарстан.

Данные были собраны в ходе проведения 12 глубинных интервью с мусульманами-мигрантами (мужчинами) в городе Казани в возрасте 18-30 лет. Все участники родились в странах СНГ и иммигрировали в Республику Татарстан в подростковом или молодом возрасте (15-25 лет). Выборка целевая, критерии отбора: статус мигранта, прожившего в городе Казани не более 5 лет, знание русского языка, а также высокая религиозная активность в исповедании ислама, что подразумевает включение в религиозные практики на территории города Казани. В качестве таких практик были выбраны коллективные пятничные (джума-намаз) молитвы. Поскольку посещение женщинами мечетей не является доктринальной обязанностью, основной контингент прихожан мечетей Казани составляют мужчины (порядка 95% посещающих мечети для совершения пятничной молитвы). Другим важным критерием отбора респондентов явился пятилетний период проживания в Казани, являющийся наиболее сложным для приезжих, поскольку связан с трудностями адаптации, интеграции, а также трансформационными процессами в структуре идентичности. Возрастная характеристика исследуемых обоснована наличием среди религиозно активных мусульман, прибывших из стран СНГ в Казань не более 5 лет назад, максимальной доли представителей возрастной группы 18-24 года (более 40%).

В качестве методологической основы исследования был избран критический реализм с применением качественного метода нарративного интервью. Данная методология применяется на основе изученного зарубежного опыта и представляет собой модель для проведения качественных миграционных исследований, которая прежде всего основана на изучении причинно-следственных связей в соответствии с принципами критического реализма, а также на раскрытии механизмов сложного взаимодействия реальных и потенциальных структурных факторов миграции [2, 31].

Результаты глубинных интервью, проведенных с мигрантами, проживающими на территории Республики Татарстан, позволили выявить некоторые особенности реконструирования этнорелигиозной идентичности.

Будучи выходцами из стран СНГ, где основную долю составляют мусульмане, большая часть респондентов характеризуют свою религиозность как естественный образ жизни, не задумываясь о ее причинах и истоках.

Насколько изменилась религиозность мигрантов-мусульман с переездом в Республику Татарстан? Респонденты отмечают, что стали более религиозными, связывая это, как с собственным взрослением и более осознанным отношением к исламу, так и с возникновением острой необходимости в поддержке в связи с нахождением вдали от

родины и нарушением привычного образа жизни. С другой стороны, некоторые мигранты сообщают, что их религиозность сразу после переезда значительно не изменилась, но изменения произошли гораздо позже и были связаны с личными переживаниями (неудачные отношения с девушкой). Некоторые мигранты отмечают, что стали более религиозными в связи с пандемией и режимом самоизоляции. Ввиду богобоязненности мигранты хотели бы более строго соблюдать нормы религии.

Развитию религиозности способствует и развитая инфраструктура в Татарстане. Не вызывает сомнений и авторитет местных имамов, однако в случае возникновения вопросов, связанных с религией, мигранты прежде всего обращаются к своим родственникам на родине, друзьям и знакомым-соотечественникам, а уже после к имамам в Татарстане. В решении жизненных проблем приоритет часто отдается религии – многие респонденты считают, что как межпоколенческие споры, так и сама семейная жизнь должны определяться религиозными нормами. В то же время респонденты, считающие себя недостаточно религиозными, заявляют о лидирующих позициях национальных традиций и обычаев в организации жизни и быта.

В структуре идентичности представителей мигрантских сообществ мусульман религиозный компонент занимает ведущее место, иногда уступая этническому, и зачастую выступая приоритетным. Проживая в Татарстане, мигранты-мусульмане испытывают определенные трудности в соблюдении своих национальных традиций. Данный момент компенсируется с помощью организации и проведения национальных праздников в диаспоре, а также неформальных встреч с соотечественниками.

В целом участвующие в интервью мигранты открыты для общения как с соотечественниками и другими мигрантами, так и с местными татарами и русскими. Но выходцам из стран СНГ все-таки ближе мусульмане, поскольку с ними риск соприкосновения с запрещенными религией вещами минимален.

Несмотря на отсутствие возможности поддерживать собственную этничность постоянно, находясь вдали от родины, она готова активизироваться при первой необходимости. На уровне ежедневных практик мигранты-мусульмане обращаются к своей этничности через прослушивание национальной музыки, пение, приготовление блюд национальной кухни, посещение пабликов и сайтов на родном языке, просмотр телепередач, особенно юмористических.

Лейтмотивом звучит идея потери молодыми мигрантами авторитета знаний, которыми обладает старшее поколение на родине. Молодые мигранты-мусульмане отмечают устаревание и потерю актуальности тех национальных традиций, которых придерживалось и придерживается старшее поколение. Отмечается слабая способность национальной культуры и национальных традиций поддерживать религию. Образующийся вакуум знаний о том, как строить отношения с будущими детьми, партнерами, вопросы относительно семьи и работы не находят ответов при обращении к традициям и обычаям, которые утрачивают свой авторитет, и ввиду неспособности дать разъяснения, кажутся молодым мигрантам устаревшими, неактуальными, требующими пересмотра. В этой связи многие мигранты-мусульмане готовы обращаться к религии, и даже получить дополнительное религиозное образование «для себя», чтобы найти ответы на волнующие вопросы для лучшего взаимопонимания, как со своими родителями, так и для воспитания детей в будущем. Знания также нужны, чтобы обосновать, с точки зрения религии, свои поступки и действия.

Таким образом, основные трансформационные процессы, происходящие в структуре этнорелигиозной идентичности мигрантов-мусульман из стран СНГ, неразрывно связаны с разрушением и потерей этнической составляющей, являющейся неотъемлемой частью жизни их родителей. Именно национальные традиции и обычаи определяли образ жизни, как родителей мигрантов, так и их самих в период их социализации и проживания на родине, давали строгие инструкции действий в тех или иных жизненных ситуациях, в межпоколенческих контактах и построении планов на

будущее. В связи с отдалением мигрантов от своего этнокультурного прошлого, а также неспособностью в полной мере воссоздать атмосферу присутствия привычного национального колорита в стране пребывания, религиозность мигрантов больше не подпитывается этничностью. Отсюда возникает потребность в дополнительных религиозных знаниях, которые могли бы восполнить образовавшуюся брешь. Отказ от этничности среди молодых мигрантов также сопряжен со их стремлением послушаться родителей, оторваться от них и жить своей жизнью. Однако, поскольку авторитет родителей в странах Средней Азии до сих пор в определенной степени непоколебим и прежде всего связан с соблюдением национальных традиций и обычаев, для того, чтобы обрести моральное право на самостоятельную и независимую жизнь, мигранты-мусульмане должны заручиться поддержкой религии. В этой связи доступность и развитость инфраструктуры для мусульман в регионе их пребывания, включая возможность иметь доступ к религиозным знаниям и религиозному образованию, выступает ключевым условием успешной адаптации и конструктивной трансформации религиозной идентичности мигрантов-мусульман.

1. *Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: этносоциологические очерки. (2016). Часть III. Казань, ООО Глаголь.*
2. *Iosifides, T. (2012). Migration Research between Positivist Science and Relativism: A Critical Realist Way Out. In: C. Vargas-Silva (Ed.), Handbook of Research Methods in Migration, Edward Elgar Publishing, pp. 26-49.*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ СКУЛШУТИНГА

*Максимова Наталья Геннадьевна
(Томский политехнический университет)*

Исследование выполнено при финансовой поддержке ГЗ «Наука», в рамках проекта FSWW-2020-0014.

В настоящее время феномен скулшутинга находится в фокусе междисциплинарных исследовательских групп. Как зарубежные, так и российские исследователи, вовлечены в поиск ответов на вопросы – какие процессы побуждают человека к совершению насильственного инцидента скулшутинга, как единственному способу решения проблемы и как формируется образ мышления, запускающий данные процессы. Формирование нового исследовательского поля началось с 2000-х годов. Всплеск исследований инцидентов скулшутинга в мировой науке произошел после преступления, совершенного в старшей школе Колумбайн (США) [1]. Впоследствии феномен подражающих инцидентов скулшутинга получил название «эффект Колумбайн». В России с данным феноменом столкнулись только в 2014 году.

Несмотря на большой интерес к данной теме и значительное количество проводимых исследований существуют сложности с формализацией самого определения скулшутинга. В одной из первых публикаций, по результатам исследований скулшутинга в России, мы предложили следующее определение скулшутинга, которое предлагаем использовать в качестве базовой интерпретации. Скулшутинг – это планирование, организация, совершение вооруженного нападения в/на территории образовательного учреждения одним или несколькими учащимися с целью массового убийства. Скулшутинг необходимо рассматривать как стохастическое явление, при котором злоумышленники статистически предсказуемы, но индивидуально трудно предсказуемы, мотивированы одной идеей или одной проблемой, а не широкой идеологией, умысел зачастую не конкретизирован, применение насилия считают оправданным и единственно возможным средством достижения цели [2].

Теоретический фундамент для объяснительной концепции скулшутинга, на настоящий момент времени находится в стадии формирования. Но, в исследовательском дискурсе достигнут консенсус по некоторым положениям.

В первую очередь, выделим следующее консенсусное мнение. Сходство таких событий, как скулшутинг, происходящих по всему миру, дает основание для изучения его как особого феномена, существенно отличающегося от других форм массового насилия. Но, существуют признаки, которые позволяют выделить общие черты скулшутинга с терроризмом и насильственным экстремизмом. Большинство исследователей разделяет мнение, что предиктором совершения насильственных действий террористов, насильственных экстремистов является радикализация [4, 5, 6, 7]. Хотя, некоторые ученые ссылаются на отсутствие надежного эмпирического подтверждения теории радикализации, большинство исследователей разделяют точку зрения о процессе радикализации, как предикторе терроризма. Отмечу, что феномен радикализации не укладывается в рамки какой-либо одной академической дисциплины. В связи с этим дефиниции радикализации различаются, но связующим можно назвать понимание процесса радикализации как процесса перехода от нерадикальных форм к радикальным. Радикализация стала часто используемым понятием в исследованиях терроризма, но и в исследованиях феномена скулшутинга данный термин занимает особое место. Теоретический фундамент концепций радикализации – это теории и концепции в области социологии и психологии (теория социальной идентичности, теория социального действия, теория конверсии, концепции социальной, личностной аномии, концепция силы слабых связей, психологические теории личности, поведения, эмоций). Также, отмечу связующие маркеры между терроризмом, насильственным экстремизмом и скулшутингом. Маркеры включают: ритуально-демонстративный характер, плановый и символический характер насилия, культурную детерминацию и идентификацию с группой.

Следующее положение, по которому достигнут исследовательский консенсус - не существует единого пути радикализации, как и нет единого профиля человека, принявшего для себя идею о насильственном способе достижения цели. Создание универсальных профилей ведет к тупиковым и чисто умозрительным концепциям, акцентирующим внимание только на психологических аспектах радикализации, преуменьшающим внимание к анализу социологически обоснованных объяснений социальных и мобилизационных механизмов [8].

Также консенсус исследователей, в настоящее время, заключается в том, что изучение типологии подражания имеет критически важное значение, поскольку, сходство механизмов подражания скулшутеров с синдромом подражающих самоубийств было обосновано еще в самых ранних публикациях и изучение данной темы не утратило своей актуальности [9, 10].

И в заключении выделим отношение исследователей к позиции и влиянию СМИ. Широкое освещение инцидента скулшутинга в СМИ и последующий резонанс в социальных сетях, будирующий интерес молодых людей к фигурам преступников, увеличивает вероятность заражения идеей скулшутинга [11, 12, 13].

К спорным вопросам в данном исследовательском поле можно отнести юридически обоснованную идентификацию инцидента скулшутинга. В мировой практике скулшутинг определяется как массовое убийство и инциденты скулшутинга не относят к преступлениям террористического характера. В российском законодательстве, также, до недавнего времени, отсутствовала специальная норма, устанавливающая уголовную ответственность за данный вид преступления. Но, с февраля 2022 года в России Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулшутинг») признано террористическим и внесено в реестр террористических организаций. Это важный шаг для повышения эффективности профилактических мероприятий, упрощения применения мер ответственности к злоумышленникам и

осуществления контроля и блокировки Интернет-ресурсов соответствующего тематического профиля.

В мировой исследовательской практике накоплен значительный массив эмпирических данных по изучению феномена скулшутинга. Наиболее комплексно и обширно исследователями проработан данный вопрос по американским скулшутерам. В России активность исследователей в изучении феномена скулшутинга высока, но теоретическая база для объясняющей концепции слабо проработана и качественного прорыва не произошло. Выделим следующие проблемы в российском исследовательском поле. Это выдвижение бесперспективных гипотез, которое приводит к тупиковым объяснительным концепциям и неэффективным программам профилактики; чрезмерное увлечение поиском решений в онлайн среде, в результате чего упущены возможности оперативного выявления планируемых инцидентов в оффлайн среде; погоня за конъюнктурой; а также пренебрежение зарубежным опытом.

Междисциплинарная научная группа, в составе которой я занимаюсь исследованием скулшутинга, активно работает в данном направлении с 2017 года. Данная группа состоит из сотрудников ТПУ (социологов и специалистов data science) и занимается исследованиями в области создания инструментов интеллектуального анализа данных социальных сетей для изучения онлайн-радикализации ультраправых. В 2021 году по результатам исследований была опубликована первая в России концептуальная модель радикализации скулшутеров, на основе теоретического обобщения зарубежного опыта, моделей террористической, политической радикализации, террористов-одиночек/массовых убийц и тематического исследования скулшутинга в России. При разработке модели был применен инструментальный подход к моделированию процесса радикализации скулшутеров, что позволило создать целостную картину структурно взаимосвязанных отношений между отдельными элементами (фазами процесса) и изменениями переменных состояния (свойств объекта). Подчеркну, что именно линейный характер процесса радикализации отражает сущность психологических, поведенческих и когнитивных трансформаций скулшутера, в контексте перехода от идеи решения личной проблемы к совершению акта насилия. Модель радикализации скулшутеров состоит из пяти фаз: Предиктор — социальный стресс, Мотивационная стадия, Стадия мобилизации, Терминальная стадия, Инцидент [14]. Модель разрабатывалась на основе исследования инцидентов скулшутинга в России с использованием метода case-study. В результате исследования была создана база данных «Результаты социологического исследования «Скулшутинг в России: социально-демографические данные, мотивы, характеристики инцидентов». База данных, на момент регистрации включала 95 инцидентов (совершенные/предотвращенные), начиная с 2010 года. Данные постоянно обновляются. Сбор данных происходит из открытых источников, которые классифицированы по социально-демографическим, географически-временным характеристикам и характеристикам инцидента. База данных состоит из трех блоков: Поисковый, Блок систематизации и Блок анализа информации. Анализ информации проведен с учетом поведения злоумышленников в социальных сетях, а также с учётом мотивационного и уголовно-процессуального аспектов. Также в базе представлена типология злоумышленников по критериям: Тип злоумышленника, Подражание, Вменяемость, Учет.

Результаты анализа инцидентов позволяют подтвердить гипотезу, описанную выше, что не существует единого профиля скулшутера. Также не существует определенного профиля учебного учреждения, которое подверглось скулшутингу, не является значимым его местоположение. Преступники различались по возрасту, социальным характеристикам, классу и типу обучения (платное/бесплатное), комбинацией мотивов. Анализ инцидентов не выявил существенной временной зависимости. Несмотря на то что в СМИ, и даже иногда среди экспертов высказывается версия о том, что большинство скулшутеров планируют и совершают свои атаки в годовщину Колумбайн, по результатам исследования эта версия не выдерживает эмпирической проверки. С

полными результатами исследования можно ознакомиться в публикациях [2, 14]. База данных запатентована [15] и является первой в России, содержащей результаты исследования инцидентов скулшутинга в России. В зарубежном поле, на протяжении 20 лет изучения скулшутинга, создан пул исследовательских сервисов и баз данных. Например, лучшим примером исследовательского сервиса является PIRUS (Profiles of Individual Radicalization in the United States). Это открытый сервис, позволяющий ученым всего мира изучать профили индивидуальной радикализации по множественным переменным, но, к сожалению, содержит информацию о профилях радикалов, только США. Еще один пример - Глобальная база данных о терроризме (GTD) и Канадская база данных об инцидентах (CIDB). Также с 2008 года существует общедоступный сайт и база данных о скулшутерах, созданные Питером Лангманом (Peter Langman) [16]. В этой базе есть даже один российский случай – керченский стрелок.

В заключении отметим, что база данных «Результаты социологического исследования «Скулшутинг в России: социально-демографические данные, мотивы, характеристики инцидентов» имеет прикладной характер. База может использоваться учеными в смежных исследованиях для решения проблем, связанных с изучением факторов и механизмов радикализации молодежи на основе идеи совершения насильственных инцидентов скулшутинга, для проведения корреляционного анализа, проверки гипотез и т.д. База данных систематически пополняется и в настоящее время осуществляются работы по визуализации базы на интерактивной карте России.

1. Kostinsky S., Bixler E., Kettl P. *Threats of School Violence in Pennsylvania After Media Coverage of the Columbine High School Massacre. Examining the Role of Imitation. American Medical Association. JAMA Network. Arch Pediatr Adolesc Med.* 2001; 155(9):994-1001. doi:10.1001/archpedi.155.9.994.
2. Карпова, Анна Юрьевна. *Скулшутинг в России: что имеет значение? = School shooting in Russia: what matters? / А. Ю. Карпова, Н. Г. Максимова // Власть . — 2021 . — Т. 29, № 1 . — [С. 93-108].*
3. McCauley C., Moskaleiko S. (2008) *Mechanisms of political radicalisation: Pathways toward terrorism // Terrorism and Political Violence. Vol. 20, No. 3. P. 415-433. DOI: 10.1080/09546550802073367.*
4. Dalgaard-Nielsen A. (2010) *Violent radicalization in Europe: What we know and what we do not know. – Text: electronic // Studies in Conflict & Terrorism. Vol. 33, No. 9. P. 797-814.*
5. Borum R. (2011). *Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories. Journal of Strategic Security, 4(4), 7-36.*
6. LaFree G. (2013) *Lone-Offender Terrorists // Criminology and Public Policy. Vol. 12, No. 1. P. 59-62. DOI: 10.1111/1745-9133.12018.*
7. Neumann P. (2013) *The trouble with radicalization // International Affairs. Vol. 89, No. 4. P. 873-893. DOI: 10.1111/1468-2346.12049.*
8. David C. Hofmann (2018) *How “Alone” are Lone-Actors? Exploring the Ideological, Signaling, and Support Networks of Lone-Actor Terrorists. – Text: electronic // Studies in Conflict & Terrorism. Vol. 43, No. 7. P. 657-678. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1493833.*
9. Kostinsky S, Bixler EO, Kettl PA. (2001). *Threats of School Violence in Pennsylvania After Media Coverage of the Columbine High School Massacre: Examining the Role of Imitation. Arch Pediatr Adolesc Med. 2001;155(9):994–1001. doi:10.1001/archpedi.155.9.994.*
10. Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., & Castillo-Chavez C. (2015). *Contagion in Mass Killings and School Shootings. PloS one, 10(7), e0117259. URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0117259.*
11. Meindl J.N., & Ivy J.W. (2017). *Mass shootings: The role of the media in promoting generalized imitation. American Journal of Public Health. 107, e1-e3. doi: 10.2105/AJPH.2016.303611.*
12. Malkki L. (2014). *Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America. Terrorism and Political Violence, 26(1), 185–210. doi: 10.1080/09546553.2014.849933.*
13. Lankford A, Madfis E. (2017) *Don't Name Them, Don't Show Them, But Report Everything Else: A Pragmatic Proposal for Denying Mass Killers the Attention They Seek*

and Deterring Future Offenders. American Behavioral Scientist 2017: 62(2): 1–20. DOI:10.1177/0002764217730854.

14. Karpova, A.; Savelev, A.; Maksimova, N. *Modeling the Process of School Shooters Radicalization (Russian Case). Soc. Sci.* 2021, 10, 477. <https://doi.org/10.3390/socsci10120477>.

15. База данных «Результаты социологического исследования «Скулиштинг в России: социально-демографические данные, мотивы, характеристики инцидентов». Свидетельство о государственной регистрации № 2022621125 от 19.09.2022г.

16. *SchoolShooters.Info. Resources on School Shootings, Perpetrators, and Prevention. URL: <https://schoolshooters.info> (accessed 05.10.2022).*

ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ МОЛОДЕЖНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Малышев Никита Витальевич

(Уральский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации")

Молодежное самоуправление – это одна из многих форм молодежного управления, предполагающая активное участие молодежи в подготовке, принятии и реализации управленческих решений, касающихся ее жизнедеятельности, защите прав и интересов молодежи.

На основе приведенного определения можно констатировать, что молодежное самоуправление, как самостоятельность молодых людей в проявлении инициативы, принятии решений и их реализации важных и стратегических проектов, которые в свою очередь направлены на развитие региона и страны в целом. Молодежное самоуправление следует рассматривать не как вседозволенность, а как участие молодежи в управлении собственными делами.

Молодежное самоуправление — это часть воспитательного процесса, развиваемая и управляемая взрослыми на основе социальных, правовых и этических принципов. На сегодняшний день на территории Российской Федерации существует более 20 молодежных правительств. Актуальность создания единой законодательной базы даст гарантии и ответственность перед государством. Сегодня молодежь нуждается в создании единой законодательной базы, на которую они могли бы опираться и иметь доверия. Молодежное самоуправление реализуется путем создания соответствующих органов, через которые молодежь может активно привлекаться к работе органов государственной власти и местного самоуправления для участия в решении всего комплекса социальных проблем, так или иначе затрагивающих интересы молодежи.

Молодежное правительство Свердловской области (далее – Молодежное правительство) является совещательным органом при Правительстве Свердловской области, активно способствует вовлечению молодежи в процесс социально-экономического развития Свердловской области и содействует развитию институтов гражданского общества. Молодежное правительство работает по принципу «дублирования» (за каждым членом Правительства Свердловской области закрепляется дублер – член Молодежного правительства Свердловской области). Председатель Молодежного правительства назначается распоряжением Правительства Свердловской области на основании решения Молодежного правительства о поддержке кандидата на должность председателя Молодежного правительства из числа членов Молодежного правительства по итогам голосования членов Молодежного правительства. В своём выступлении Министр образования и молодежной политики Свердловской области Юрий Иванович Биктуганов на съезде Молодежных Правительств Уральского федерального округа сказал: «Молодежное правительство на протяжении многих лет содействует в решении задач

различного уровня, формирует кадровый резерв органов власти всех уровней. Сегодня молодежь уверено и громко заявляет о себе, помогает государству и обществу в борьбе с пандемией, принимая участия во Всероссийской акции #МЫВМЕСТЕ. Вместе с нами занимается реализацией национальных проектов и государственных программ. Мы надеемся, что Съезд молодежных правительств станет доброй традицией, объединяющей такую разную, но такую целеустремленную молодежь Урала».

На сегодняшний день Молодежное правительство Свердловской области является развивающимся совещательным органом в стране. Это показывают многочисленные показатели в работе данного органа. 2 октября 2021 года в рамках XIII Всероссийского Съезда Ассоциации молодежных правительств Российской Федерации, прошедшего на Сахалине, были объявлены результаты рейтинга молодежных правительств России. По его итогам Молодежное правительство Свердловской области заняло первое место, а также одержало победу в номинациях «Лучшая проектно-программная деятельность», «Лучшая кадровая работа» и «Лучшее внешнее взаимодействие».

Рейтинговая система оценки деятельности молодежных правительств субъектов Российской Федерации – это инструмент ежегодного анализа и оценки итогов работы региональных молодежных правительств. Оценка производится по шести основным разделам: проектно-программная деятельность, кадровая работа, экспертно-аналитическая деятельность, работа на муниципальном уровне, внешнее взаимодействие и информационное освещение деятельности. Итоги рейтинга подводятся Ассоциацией молодежных правительств – координационным органом по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия молодежных правительств, созданных при органах исполнительной власти всех уровней субъектов Российской Федерации. На данный момент действует шестой состав Молодежного правительства Свердловской области.

Результаты работы молодёжного правительства дают основание полагать, будто оно необходимо только для молодых карьеристов: тех, кто мечтает о будущем на госслужбе. Правда, КПД выхода не очень-то большой: чиновниками становятся всего 10%. К тому же отбор в МПСО происходит лишь по результатам тестирования и собеседований. В своем первом обращении к новому составу Молодежного правительства Свердловской области 28 апреля 2022 года Председатель Павел Летов (дублёр Евгения Куйвашева) сказал: «Работа в молодёжном правительстве позволяет приобрести новые знакомства и социальный капитал, а также овладеть навыками преодоления любых трудностей и работы в условиях сжатых сроков».

Огромный творческий и физический потенциал, заложенный в молодежи, является одним из основных источников нынешних и будущих преобразований. Именно молодым строить новую Россию. Поэтому обязательно надо стремиться к тому, чтобы нашей сегодняшней молодежи были близки и понятны такие нравственные категории, как патриотизм, почитание духовных и культурных традиций предков, национальная гордость, уважение к другим народам. В свою очередь Вице-губернатор Свердловской области Олег Леонидович Чемезов говорил: «Вы — чиновники нового поколения, нового времени. Современный госслужащий должен постоянно реагировать на посыл, команды, задачи. Ключевой навык, который вы должны наработать — навык принятия решения. Ключевое чувство, которое должно при этом вас сопровождать — чувство ответственности. Это то, что в идеале должно быть присуще любому управленцу. У вас появились новые возможности коммуникации не только с нами — старшими товарищами, но и с вашими непосредственными коллегами за рубежом. Знаю, что почти во всех странах СНГ есть свои молодёжные парламенты и правительства», — сказал вице-губернатор».

На сегодняшний день Свердловская область является примером для всех субъектов Российской Федерации в области развития и продвижения молодёжного органасамостоятельного управления. Существуют и проблемы в деятельности Молодежного правительства

Свердловской области, к примеру, это отсутствие проектных предложений со стороны некоторых членов, они думают, что есть должность, то можно ничего не делать. К большому счастью, но текущий состав – (шестой) является самым молодым и активным за всю историю существования Молодежного правительства Свердловской области. Активно идет работа с Губернатором Свердловской области и Правительством. Каждый член молодежного правительства взаимодействует со своим старшим куратором. В рамках активного взаимодействия проводится "День дублера" ("День исполнительного органа государственной власти Свердловской области") (далее - "День дублера"). "День дублера" подразумевает

совместное рассмотрение вопросов, отнесенных к полномочиям членов Правительства Свердловской области. Проводится не реже четырех раз в год по согласованию с членом Правительства Свердловской области.

Молодежное самоуправление способствует формированию у молодого поколения демократических ценностей и парламентской культуры, выработке активной жизненной позиции, представляет собой школу для будущих политических деятелей, является необходимой для становления нового поколения политиков специфической структурой, имитирующей деятельность органов государственной власти, направлен на выявление, обучение и дальнейшее продвижение перспективных молодых лидеров.

Таким образом, действительно прослеживается ряд действий в данном вопросе. Необходимо в дальнейшем делать особый акцент на привлечение молодежи к решению государственных задач, которые ставит государство. Ведь в каждом субъекте Российской Федерации есть талантливая молодежь, которая способна развивать и приносить пользу своему региону.

1. Информационный портал Министерства образования и молодежной политики Свердловской области / I Съезд молодежных правительств Урала. [Электронный ресурс] : URL: <https://minobraz.egov66.ru/site/item?id=6106> (дата обращения: 07.10.2022).
2. Официальный сайт Правительства Свердловской области. [Электронный ресурс] : URL: <https://midural.ru/news/style/document193945/> (дата обращения: 09.10.2022).
3. В Молодежном правительстве региона прошло первое заседание [Электронный ресурс] : URL: <https://minobraz.egov66.ru/site/item?id=5933> (дата обращения: 09.10.2022).

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАЩИХСЯ

*Мальчёнкова Анна Евгеньевна
(СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича)*

Культура – это система исторически сложившихся относительно устойчивых установок, убеждений, представлений, моделей поведения людей, проявляющихся в их непосредственной деятельности. Правовая культура личности включает понимание ценностей, созданных в правовой сфере, определяется образованием, знанием и пониманием права, уважения к праву, умением пользоваться правом, соблюдением требований правовых норм [1].

Мониторинговое исследование по выявлению причин и условий совершения учащимися преступлений и правонарушений проводилось кафедрой социально-педагогического образования СПб АППО, совместно с Городским Методическим Объединением социальных педагогов в феврале 2022 года. Обследуемая совокупность – старшекласники ОУ (14-17 лет). Выборочная совокупность – 5790 человек.

Целевое назначение исследования – выявление факторов, влияющих на рост преступности и правонарушений среди несовершеннолетних. Правовое сознание определялось, как один из факторов, влияющий на формирование социальных установок к правонарушениям среди школьников.

Один из блоков в структуре исследовательской модели отражает содержание правового сознания несовершеннолетних учащихся образовательных учреждений (ОУ). Права и ответственность – составляющие гражданского общества. Понимание содержания понятий права и ответственности чаще всего сводится к следующим определениям. Право – это совокупность обязательных формально-определённых правил поведения, которые регулируют общественные отношения. Ответственность – характер взаимоотношений между личностью и группой, обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований. И если человек может свободно выбирать варианты своего поведения он должен нести ответственность за сделанный выбор. Право и ответственность чаще всего понимают буквально и юридически, когда возникает ситуация, которая определяется, как несправедливая, требующая урегулирования с помощью критерия прав и ответственности. Между тем, в условиях гражданского общества, права и ответственность привязаны к социальным институтам, организациям и их функциям, к статусам и ролям, которые координируют субъектов взаимодействия. Между тем, далеко не всегда люди, находящиеся в определённом статусе, понимают свой статус в контексте прав и ответственности (родители, дети, учащиеся, педагоги и пр.). Чаще всего статус воспринимается как должное и только с позиций прав.

Итак, правовое сознание определялось, как один из факторов, влияющий на формирование социальных установок к правонарушениям среди школьников. Целью являлось определить уровень социализации учащихся в контексте усвоения социальных и правовых норм. К задачам отнесено выявление содержания понятия «ответственность»; определение уровня восприятия ответственности как социально-культурной ценности; определение уровня восприятия ответственности, как социально-культурной нормы; определение степени социального неприятия ответственности в условиях институтов и организаций; определение социальных установок к освоению правовых норм.

В результате проведённого исследования, нами были получены ряд показателей, позволяющих охарактеризовать правовое сознание несовершеннолетних учащихся ОУ Санкт-Петербурга.

Справедливость, как понятие о должном, содержащее в себе требование соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания, соответствия роли различных социальных слоёв, групп и индивидов, является терминальной ценностью и имеет значение для личности, социальной группы, общности. По результатам исследования 84% опрошенных учащихся указали на веру в справедливость. В 2022 году уровень доверия пенитенциарной системе среди школьников достаточно высок. Полностью доверяют и доверяют в значительной степени: полиция – 68%; прокуратура – 55%; суды – 67%; комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) – 63%; психиатрические больницы – 35%; исправительные учреждения (колонии) – 36%; исправительные учреждения (спец. школы) – 38%. По сравнению с 2016 годом уровень доверия повысился на 5-8%. Среди причин недоверия наиболее часто школьники указывают на незащищённость от преступности (34%), защиту представителей власти, а не простых граждан (37%), взяточничество (27%).

Социальная норма понимается как мера допустимого поведения, при котором социальная система сохраняется и прогрессирует [2]. В этом ключе права и ответственность определяются правовой системой государства, а также социальным статусом и ролью человека. В контексте того или иного статуса и роли, права и ответственность определены и обязательны без всяких исключений из правил. Поскольку наличие исключений из правил формирует социальные установки к тому, чтобы оказаться

в тех группах, на которые ответственность не распространяется. Исследование 2022 года позволило определить наличие «исключений из правил» в вопросах прав и ответственности в сознании учащихся ОУ. Но сначала мы попытались определить источники информации о законах, нормах и правилах поведения. Более 60% опрошенных школьников указали, что информацию о законах, нормах и правилах поведения получают от родителей, классного руководителя, социального педагога; 49% опрошенных указали на средства массовой коммуникации (СМК) и учителей. При этом 99% школьников указали на то, что значение понятия «право» им известно. Приведём некоторые высказывания учащихся ОУ по правовым вопросам: «люди хотят знать свои права, чтобы расширять свои возможности – 90%»; «мне не хватает правовых знаний – 35%»; «право конечно должно быть обязательным, однако возможны исключения из правил – 35%»; «человек имеет право на всё – 11%»; «я готов отказаться от прав и свобод, но при этом меня избавят от ответственности – 7%».

По показателю «ответственность» были получены следующие результаты. Большинство школьников указали, что знают содержание понятия «ответственность» (99%). Приведём некоторые высказывания учащихся ОУ по вопросам ответственности: «в любом деле существует необходимость осознания ответственности – 93%»; «мне чаще встречаются ответственные люди – 78%»; «я ответственный человек – 85%»; «ответственность для слабых – 10%»; «мои друзья ответственные люди – 82%»; «мои педагоги ответственные люди – 90%»; «мои родители ответственные люди – 92%». При этом на вопрос о том, какие качества характерны для современной молодёжи, учащиеся отметили следующее (максимальные показатели): общительность – 70%; активность – 60%; уважение к себе – 56%; чувство юмора – 56%. Минимальные показатели: справедливость – 36%; порядочность – 36%; честность – 33%; ответственность – 30%.

Насколько допустимо исключение из правил в вопросах ответственности в сознании учащихся ОУ выглядит следующим образом: «в обществе должны быть люди, обладающие неприкосновенностью в вопросах ответственности – 17%»; «ответственность конечно должна быть одинакова для всех, но возможны исключения из правил – 29%»; «в жизни всё делают связи, если их нет, то их нужно искать – 30%»; «понимание или непонимание ответственности ничего не меняет – 57%»; «люди хотят знать ответственность в различных сферах, чтобы уходить от неё – 30%»; «знать ответственность в той или иной сфере деятельности необязательно, всё равно найдётся тот, кто заставит сделать так или иначе – 25%»; «наказание повышает чувство ответственности – 77%».

Любая социокультурная общность людей невозможна без интегрированной системы ценностей (наиболее значимого для конкретной общности людей) и соответствующим им социальных норм (меры допустимого при которой эта общность сохраняется и прогрессирует). При этом ценности и социальные нормы привязаны к конкретной социальной общности людей, особенностям её исторического и культурного развития. В основе определения ценностей и норм для каждой социальной общности лежит консенсус (общее согласие по обсуждаемому вопросу, достигнутое в порядке обсуждения). Ценность договорных отношений, социальные установки к договору, договор, как социальная норма лежит в основе гражданского общества. Ценности, нормы, договорные отношения в сознании и поведении учащихся ОУ: «у каждого своя правда – 64%»; «в нашей культуре постоянно меняются нормы – 57%»; «я всегда знаю, чего хочу и не иду на компромиссы – 37%»; «предпочитаю договариваться с людьми, даже если приходится немного уступить в обмен на взаимные уступки – 31%».

Исследование несовершеннолетних подростков, проведённое в 2022 году, вынуждает констатировать, что дифференцированное действие закона приводит: к отсутствию восприятия закона как универсума, процветанию самосуда и росту правонарушений и преступлений, что в настоящее время сохраняет свою актуальность в среде несовершеннолетних подростков и требует дополнительных мер воздействия на

ситуацию субъектов социального контроля; низкому уровню восприятия ответственности как социально-культурной нормы; низкому уровню понимания значения договорных отношений на любом уровне социальной системы; несформированности социальных установок к компромиссным решениям; пониманию гражданского общества в значительной степени только с позиций правовой составляющей, но не с позиций ответственности. Только треть несовершеннолетних учащихся указали на справедливость, порядочность, честность, ответственность как качества, присущие современной молодежи.

Следует добавить, что расширение амплитуды образовательных программ будет недостаточно эффективным в условиях низкого уровня социализации в контексте восприятия ответственности. Усиление репрессивного типа норм будет недостаточно эффективным в условиях наличия «исключительных факторов» дифференцированного подхода к их применению. Возможно предположить, что наиболее эффективным будет являться продвижение и формализация прав и ответственности как основ гражданского общества в образовательных учреждениях для всех субъектов взаимодействия с применением дистанционных образовательных технологий и усилением социального контроля в ОУ.

1. Здравомыслов А.Г. *Интересы, потребности, ценности* / А.Г. Здравомыслов. – М., 1986. – С. 169.

2. Мальченкова А.Е. *Социология самоубийства* / А.Е. Мальченкова. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2012. – С. 79.

ИНТЕГРАЦИЯ СТУДЕНТОВ В СОЦИУМЕ ЗА ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Маранчак Анастасия Геннадьевна

(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова)

Переход учащегося из школы в высшее учебное заведение состоит из ряда изменений, которые могут иметь серьезные последствия, если не будут успешно преодолены, включая академическую неуспеваемость или отчисление. Существуют переменные, которые могут повлиять на этот процесс адаптации к высшему образованию, при этом особое внимание уделяется социальной интеграции, особенно потому, что часто этот переход включает в себя смену места жительства. Социальная интеграция учащихся с особыми потребностями рассматривается как необходимое явление для развития навыков, которое повышает качество их жизни и обеспечивает им удовлетворение.

Проблеме интеграции уделяется большое внимание в науке, и существует различные теории, посвященных этой проблеме. Модель Тинто подчеркивает значительное влияние вовлеченности студентов на их успеваемость, удержание и интеграцию в университетскую жизнь. Имеется сильная корреляция между обучением и удержанием студентов. Кроме того, взаимодействие студентов со сверстниками и преподавателями внутри и за пределами лекционных залов положительно коррелирует с их настойчивостью и усилиями. Это результат взаимосвязи между вовлеченностью студентов и качеством прилагаемых ими усилий. Модель также предполагает два компонента:

Механизмы социальной интеграции, которые включают студенческие сообщества, внеклассные мероприятия, социальную интеграцию и взаимодействие с преподавателями и администрацией.

Академическая интеграция является показателем высокой успеваемости и достижений студентов, их восприятия дисциплин как ценных, а также их удовлетворенности своими специальностями и т.д.

С другой стороны, теория бихевиоризма предполагает, что адаптивные и неадаптивные типы поведения усваиваются и приобретаются благодаря опыту, который испытывает индивид. Адаптивное поведение включает в себя опыт, который указывает на правильные ответы на жизненные вызовы, которые затем подкрепляются. И Уотсон, и Скиннер полагали, что личная адаптация не может быть результатом сознательных усилий; вернее, это механический процесс, на который влияют подсказки и подкрепления, полученные из окружающей среды. Тем не менее когнитивные бихевиористы, такие как Бандура и Махони, отвергли гипотезу о том, что человеческая природа формируется с помощью механических процессов. Эта новая школа психологии выдвигает положение, что когнитивные процессы оказывают большее влияние на формирование и корректировку поведения человека.

Интеграция может быть достигнута путем привлечения студентов к неакадемической деятельности, которая позволит им приобрести жизненный опыт и многочисленные навыки и повысить их чувство благополучия и жизненной силы. Эти мероприятия могут защитить студентов от попадания в многочисленные проблемы, аспект, который игнорировался в предыдущих исследованиях по этому вопросу. Это исследование фокусируется на таких важных факторах, как участие студентов в мероприятиях и мероприятиях, социальная среда, социальные связи, совместимость и привязанность.

ПРОЯВЛЕНИЕ АГРЕССИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Недорезова Ксения Дмитриевна

(Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана)

Грязюк Алиса Евгеньевна

(Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана)

Лашков Демьян Сергеевич

(Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана)

Проблема агрессии среди молодежи актуальна уже несколько лет. В молодежном возрасте агрессия достигает своего пика. Переживания, потрясения, реакции, тревожность – все это сказывается на подростке, и влияет на него.

В процессе различных изменений, а в частности взросления, подросток сталкивается с различными трудностями, в том числе и недопониманием, что вследствие перетекает в агрессию как со стороны подростка, так и со стороны его окружения.

Термин «агрессия» - «это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [1, 25].

Проявление агрессии – психологическая защита человека на те или иные ситуации. Она выступает своеобразным способом решения проблем.

Нельзя сказать, что у всей молодёжи так или иначе проявляется агрессия. Один может быть слишком агрессивен, а в то же время рядом стоящий подросток не проявляет никаких признаков агрессии.

Какие же основные причины подростковой агрессии? Основными причинами возникновения агрессии у подростков являются недостатки воспитания в семье. Агрессия и жестокость в процессе общения со сверстниками довольно быстро попадают в категорию черт характера. Не менее важными причинами можно назвать как пренебрежение подростками, так и чрезмерную заботу родителей. Недостаток внимания, чрезмерный контроль и постоянные наказания заставляют подростков вести себя агрессивно.

Подводя итог, стоит отметить, что своевременная профилактика и коррекция агрессивного поведения поможет избежать многих проблем в будущем. Не только к агрессору нужно применять меры коррекции, но и также надо обращать внимание на его окружающую, возможно, неблагоприятную среду. Желательно как можно раньше выявить факторы, негативно влияющие на агрессора, и постараться искоренить их.

1. Бэрон Р., Ричардсон, Д. *Агрессия* / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. — СПб.: Питер, 2001. — 352 с. — ISBN 5-88782-294-5.
2. Жигалина Е. В. *Агрессия в подростковом возрасте* / Жигалина Е. В. // *Вестник Науки и Творчества* - 2016. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-v-podrostkovom-vozhraсте>
3. Камалиев Д. М., Ракишева А. С., Самсонова Ж. И., Жетеева Р. А. *Агрессия в среде подростков и ее профилактика* / Камалиев Д. М., Ракишева А. С., Самсонова Ж. И., Жетеева Р. А. // *Вестник Казахского Национального медицинского университета* – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-v-srede-podrostkov-i-ee-profilaktika>

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОКОЛЕНИИ МОЛОДЕЖИ

Никитина Татьяна Николаевна

(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Исследование представлений молодежи о семье и семейных ценностях представляется актуальным и отражает структурные изменения и социальную динамику одного из основополагающих институтов общества. Важной задачей государства является решение вопросов, связанных со снижением рождаемости и демографическим кризисом в целом. Для этого ценностные установки на создание семьи и рождение детей должны входить в ценностно-смысловую сферу личности. Преодоление демографического кризиса невозможно без изменения эмоционально-ценностного отношения к детям, усиления культурных, психологических и социально-экономических ресурсов семей, адаптации семей к изменениям в обществе [2, С.126].

Обращение к теме трансформации семейных ценностей было обусловлено результатами фокусированных интервью, проведенных автором в ходе исследования поколенческих характеристик современной молодежи в 2021 году. На вопрос о ценности семьи были получены ответы, которые указали, что в представлениях молодых людей не существует понятия «семья» в ее первоначальном истолковании, в соответствии с традиционными ценностями. Семейей молодые люди считают не только близких людей, но круг друзей, которые их понимают и принимают такими, какие они есть. То есть семья в представлениях молодежи, это и молодежный коллектив, в нашем исследовании лица - интерната в котором они проживают (учащиеся лица- интерната являются респондентами в исследовании).

Ценности молодежи формируются под влиянием социальной среды, тех социальных групп, в которые он входит. Ценности становятся важным социальным феноменом, связывающим внутренний мир и окружающую действительность. Ценностные ориентации личности –это ориентации на определенные социальные ценности. В процессе выбора ценностей реализуется стремление к социальной значимости. Для молодежи характерна устойчивая ориентация – совпадение стремлений личности с ее реальным поведением – на ценности ближайшего социального окружения [3, С. 360].

Мы понимаем, что для молодежи как возрастной и социальной группы характерны ситуации поиска смысла жизни, личностных ориентиров. Что молодежь остро реагирует на социальные перемены, это может влиять на формирование новых жизненных ориентиров и систему ценностных ориентаций [4], [5]. Молодежь характеризуется

дезинтеграцией системы ценностных ориентаций, определенной утратой смысла жизни, что существенно осложняет процесс социализации и затрудняет последующую самореализацию личности. Традиционные нормы и обычаи все чаще ставятся под сомнение, а критерии правильного поведения и общепринятые нормы исчезают. Все меньшее значение имеют авторитеты, интеллектуальная и культурная элита общества не имеет прежней власти и больше не определяет ценностно-смысловые ориентиры. [9].

В социологической науке ценностные ориентации определяются как система индивидуальных установок, убеждений, предпочтений, опосредованных личностными смыслами и выражающаяся в поведении. Процесс формирования ценностных ориентаций личности согласно теории Ж. Пиаже становится результатом взаимодействия мыслительных структур с социальным опытом, является индивидуальным способом жизни человека. «Ценностные ориентации, определяющие жизненные цели человека, выражают соответственно то, что является для него наиболее важным и обладает для него личностным смыслом» [9].

Н.И. Лапин в своей социокультурной модели базовых ценностей выделил три группы: традиционные ценности (традиция, семья, жертвенность, своевольность); общечеловеческие ценности (порядок, благополучие, работа, общительность, нравственность, властность); либеральные ценности (жизнь индивида, свобода, независимость, инициативность) [7, С.89]. Исследования, проведенные на примере Республике Дагестан, показывают, что полиэтническая среда способствует становлению самостоятельности и открытости к изменениям, то есть согласно классификации Н.И. Лапина, становлению либеральных ценностей. А показатели осмысленности жизни снижаются, что отражает тенденцию к снижению социальной активности [9].

Ценности детей и родительства в представлениях молодежи должны стать осознанными представлениями об их значимости и формироваться в процессе усвоения родительской культуры семьи и жизненного опыта индивида. Дети и родительство выступают значимыми ценностями социокультурного пространства индивидуального и общественного развития. Исследования указывают на существование различных групп родительства, что требует дифференциации подхода к поддержке родительского потенциала. Например, родители, чьи методы воспитания авторитарные, нуждаются в коррекции авторитарных воспитательных установок, солидарные – в укреплении родительской компетентности, делегирующие – в развитии родительских навыков, неопределенные – в усилении личностных ресурсов, адаптированности к жизни и активизации жизненных сил. Выявленные особенности необходимо учитывать при реализации семейной политики, которая должна быть сосредоточена на улучшении эмоционально-ценностного отношения к детям, на снижении социальных рисков родительства, повышении качества жизни семей с детьми, расширении солидарной ответственности родителей и государства за рождение и воспитание детей [2, С. 216].

От семьи зависит физическое, эмоциональное и социальное развитие человека. На эмоциональное развитие молодого человека влияют нравственно-психологическая атмосфера и межличностные отношения в семье. В процессе социального развития человека роль семьи заключается в том, что ее поддержка, одобрение, взаимопомощь членов семьи сказываются на социальных притязаниях молодого человека, помогают ему искать выход в сложных жизненных ситуациях, адаптироваться к изменившимся обстоятельствам жизни и новым социальным условиям [8].

Доход семьи становится важным фактором влияния семейных ценностей на социализацию молодёжи. Чем выше уровень дохода, тем менее категорично молодёжь относится к ценностям своей семьи, меньше степень её традиционности, меньше доля молодых людей, абсолютно игнорирующих свои семейные ценности. Чем ниже материальная обеспеченность семьи, тем больше молодёжь склонна полностью игнорировать традиции своей семьи. Чем выше доход и потребительские возможности семьи, тем чаще её молодые представители склонны выражать осторожное отрицание

своей любви к родственникам, тем меньше они рассматривают свой дом как основу своей защищённости, что, возможно, связано с более интенсивными внешними (по отношению к семье) социальными взаимосвязями. При этом уровень традиционности своей семьи выше других оценивают самые бедные и самые состоятельные категории саратовской молодёжи [1, С. 131-132].

На формирование семейных ценностей молодежи влияют не только увиденное в собственной семье, но и восприятие образов, транслируемых СМИ. Это находится в подсознании и проявляется лишь в ситуации выбора в момент принятия решений. Формирование модели семьи в виртуальном пространстве, широкое распространение виртуальных отношений, увлечение компьютерными играми, избегание реальности, фальшивые чувства и эмоции негативным образом сказываются на формировании семейных ценностных установок [6].

Национальная модель семейной политики, основанная на комплексе мер социальной поддержки семьи, в своей основе содержит систему традиционных ценностей. Это предполагает усиление адресности мер по формированию у молодёжи конкретных семейных ценностей. Мероприятия должны быть направлены на формирование в массовом сознании идеологии здоровой семейной жизни, ценности внутрисемейного социального взаимодействия поколений. Только в этом случае можно говорить не только о сохранении института семьи, но и понимать, насколько эта модель соответствует представлениям современных молодых людей.

1. Бегина И. А. Семейные ценности в молодёжной среде: факторный анализ результатов социологического исследования / И.А. Бегина, С.Г. Ивченков, Н.В. Шахматова // СНИСП. 2014. №2 (06). С.116-136.
2. Безрукова О.Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. 2016. №3. С.118-127.
3. Биккина Д. Д. Ценности семьи в представлениях молодёжи: традиции и трансформации // Образование и право. 2017. №8. С.258-263.
4. Журавлева, Н.А. Динамика ценностных ориентаций молодёжи в условиях социально-экономических изменений // Психологический журнал. 2006. №1. С. 35 - 44.
5. Зинурова Р.И. Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) / Р.И. Зинурова, Т.Н. Никитина, Л.З. Фатхуллина // Вестн. Том. гос. ун-та. 2022. № 476. С. 146-158.
6. Коблева З. Х. Влияние СМИ на формирование социокультурных ценностей семьи / З.Х. Коблева, Н. К. Губжогова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. №2. С.108-114.
7. Лапин, Н.И. Эволюция иерархии базовых ценностей россиян на рубеже столетий / Динамика ценностных ориентаций в современной культуре: поиск оптимальности в экстремальных условиях // Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 21. – СПб: Эйдос, 2006. С. 73-90.
8. Мустаева, Ф.А. Семья в системе жизненных ценностей современной молодёжи / Ф.А. Мустаева // Социальная политика и социология». 2009. № 8 (50). С. 169-173.
9. Хайбулаева А. Г. Динамика ценностных и смысловых ориентаций молодёжи в полиэтнической образовательной среде: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07/ А.Г. Хайбулаева. – Махачкала, 2015. - 193 с.
10. Яницкий, М.С. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии / М.С. Яницкий, А.В. Серый, Ю.В. Пелех // Философия образования. 2013. № 1. С. 175-186.

ВЛИЯНИЕ СТУДЕНЧЕСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ КЛУБОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ МОЛОДЕЖИ

Никифорова Анастасия Витальевна

(Уральский институт управления - филиал РАНХиГС)

В современной России преимущественно большая часть молодежи является аполитичной и имеет пассивную политическую и гражданскую позицию по различным причинам. В 2020 году было опубликовано исследование «Левада-Центра» (некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента), согласно которому 57% молодежи указали, что им в целом не интересна политика [1].

В экспертной среде существует мнение, что для того, чтобы повысить политическую активность молодежи: «необходимо дать возможность молодежи участвовать в деятельности политических партий, в избирательной кампании «изнутри», почувствовать себя «участниками» этих процессов, получить социальный поведенческий опыт участия в политической жизни страны в целом и региона в частности» [3].

Во многих высших учебных заведениях существуют студенческие политические клубы для повышения политической заинтересованности и активности среди молодежи. Они формируют навыки самоуправления у студентов, навыки политической деятельности. Также данные клубы следят за общественно-политическими жизнями города, региона, страны и дают возможность активно участвовать в них.

Центром профессионального и карьерного развития города Москвы при поддержке Правительства Москвы в 2017 году в 13 вузах столицы был запущен пилотный проект Студенческие парламентские клубы, объединяющий студентов для обучения дебатам, знакомства с первыми лицами Москвы, а также изучения процесса законотворчества [2]. Проект активно развивается и на данный момент в нём принимают участие около 60 вузов Москвы.

В рамках проекта Студенческие парламентские клубы, студенты могут обучиться искусству ведения дебатов, политических дискуссий в двух направлениях – «Лига дебатов» и «Дебат-нокаут», два разных формата проведения дебатов (стандартные британские Парламентские дебаты и дебаты в стиле «боёв без правил»), но обращенные на один результат – улучшение ораторских навыков, выступлений на публику и развитие эрудиции. В направлении «Школа молодого законотворца» можно изучить процесс законотворчества в общении с представителями органов исполнительной и законодательной власти, депутатами и другими спикерами. Также на основе данного направления создан орган Студенческого парламентского клуба – «Законотворческая комиссия», где студенты участвуют в законотворческой деятельности столицы, обсуждают изменения, доработки и действующее законодательство, как Москвы, так и Российской Федерации. В плане мероприятий есть обучение навыку создания и реализации собственных социально-значимых проектов. В направлении «Один день с депутатом» можно ознакомиться с обязанностями муниципальных депутатов, и, кроме того, познакомиться с политическими деятелями как города Москвы, так и страны в целом. Одно из новых направлений проекта – «Управленческие поединки», использующее технологию для подготовки будущих управленцев в крупные компании. В игровом формате двое участников стремятся решить конфликтную управленческую ситуацию, где нужно не только добиться решения проблемы, но и остаться «положительным управленцем». Другое новое направление – «ПолитКухня», заключается в общении студентов с представителями законодательной или исполнительной власти и одновременном совместном приготовлении кулинарных блюд [2].

В результате студенты видят политические процессы «изнутри» – как проходят выборы, как создаются и изменяются законы – приобретают новые знакомства и опыт. Многие студенты начинают вступать в различные политические партии, участвовать в

выборах в Молодежный парламент Москвы. В ходе подготовки к дебатам, поединкам или лекциям от спикеров молодые люди начинают интересоваться политическими новостями, статьями, чтобы разобраться в теме для предстоящей дискуссии. В совокупности все эти пункты повышают политическую заинтересованность среди молодежи, стремление расти в данных направлениях, желание разобраться в политике и принимать в ней непосредственное активное участие.

Также Студенческие парламентские клубы дают возможности студентам для начала их политической карьеры. У членов клуба есть преимущество при прохождении практики в Правительстве Москвы и других органах исполнительной власти, повышенная конкурентоспособность при трудоустройстве в государственные органы исполнительной власти, возможность подготовиться к избирательным кампаниям в муниципальные депутаты, в Молодежные парламенты муниципалитетов или регионов.

Однако, Студенческие парламентские клубы существуют только в Москве, в столичных высших учебных заведениях. Небольшое количество подобных политических клубов есть в других городах, но они менее известны, и существует вероятность, что они не так эффективны по различным причинам – от отсутствия мотивации студентов в развитии и распространении данных клубов по всему региону, до отсутствия поддержки клубов со стороны Правительства регионов.

На примере сравнения со Свердловской областью: парламентские клубы и клубы дебатов существуют не во всех высших учебных заведениях, на данный момент многие вовсе заброшены.

Для создания Студенческих парламентских клубов, направленных на уменьшение аполитичности среди молодежи Свердловской области, можно сформулировать следующие выводы и рекомендации для властей и студентов.

1) Губернатору Свердловской области внести изменения в областной закон Свердловской области «О реализации молодежной политики на территории Свердловской области» о введении студенческих парламентских клубов, положения о них, их права и обязанности.

2) Обратиться в Молодежный парламент Свердловской области с запросом создания проекта Студенческих парламентских клубов, как по всем ВУЗам региона, так и межвузовского, и дальнейшей его поддержки.

3) Обратиться в Министерство образования и молодежной политики Свердловской области с запросом поддержки проекта Студенческих парламентских клубов.

4) Внести данный проект на рассмотрение в Союз ректоров вузов Свердловской области, для получения помощи в реализации.

5) Студенческим советам каждого ВУЗа выдвинуть инициативные студенческие группы, готовые создать Студенческие парламентские клубы внутри ВУЗа и отправить своих представителей для организации межвузовского клуба.

Таким образом, Студенческие парламентские клубы являются одним из эффективных способов борьбы с молодежной аполитичностью, так как формируют активную правовую, политическую и гражданскую культуры молодежи, помогают им освоить профессиональные компетенции, присущие политическим деятелям, повышают политическую грамотность, вовлекают в общественно-политическую жизнь как отдельных городов и регионов, так и России в целом. Более того, Студенческие парламентские клубы являются хорошим стартом в политической карьере молодежи и дают новые перспективы в их политическом будущем. Стоит также отметить, что для построения демократического государства и партнерских отношений власти и народа необходимо уменьшать процент безразличной к политике молодежи, поэтому следует тиражировать данный опыт в другие регионы РФ.

33-34. (учредителем издания является некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента).

2. О проекте Студенческие парламентские клубы // ГБУ города Москвы «Городской центр профессионального и карьерного развития». Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://centrprof.dtoiv.mos.ru/projects/student-parliamentary-club/> (дата обращения: 08.10.2022).

3. Щепёткин А.В. Политическая активность молодежи: особенности и способы повышения // Омский научный вестник. 2011. №2 (96). С. 69.

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ ПРОФЕССИЙ «ЧЕЛОВЕК-ЗНАК»: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Ниорадзе Георгий Владимирович

(Российский государственный гуманитарный университет)

*Выполнено в рамках Государственного задания № 1021091313151-0-5.4.1
«Социальные факторы производительности труда: состояние, проблемы,
пути решения (FSZG-2022-0001)»*

Проблема производственной практики – один из важнейших аспектов деятельности образовательной организации, влияющая на карьеру выпускника (в основном молодёжи). В соответствии с социотехнологическим подходом Ж. Т. Тощенко выделяет следующие блоки: «человек – техника», «человек – природа», «человек – человек», «человек – творчество» [1]. В рамках последнего отдельное значение имеет группа профессий «человек – знак», отличительной особенностью которых является создание знаковых систем (символы, термины, чертежи, рисунки и пр.), проявляющихся в сферах архитектуры и дизайна.

Анализ литературы показывает, что внимание кураторов практики профессий «человек-знак» сосредоточено на формировании компетенций, связанных с профессиональным циклом (создание проекта, презентация, анализ требований, проектирование, экономические расчёты). Отдельное внимание кураторов/педагогов уделяется нехватке коммуникативных навыков при общении с заказчиком.

Другая проблема связана с противоречием: несмотря на существование и функционирование производственной практики увеличивается число неопытных работников на рынке труда. Из этого следует, что производственная практика не решает своей прямой задачи: создания портфолио и формирования практических навыков. Решение этой проблемы представлено в других работах, рассматривающих кейсы оплачиваемой производственной практики на производствах, где студенты работают на де-факто вакантных должностях. В этой связи наиболее качественной формой труда является образовательная схема «преподаватель-инженерно-технический работник-студент». Другие авторы указывают на необходимость моделей сетевого взаимодействия, предполагающую «пожизненную» совместную образовательно-трудовую траекторию учащегося со школы (колледжа) до поступления на работу после получения высшего образования.

1. Тощенко Ж. Т. К классификации профессий: социотехнологическое измерение (опыт методологического анализа) // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 66-76. DOI 10.31857/S013216250019104-7

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КОМПЕНСАТОРНОГО ПОТЕНЦИАЛА МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ УБЫЛИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Ниорадзе Георгий Владимирович
(Российский государственный гуманитарный университет)

Рубина Анастасия Евгеньевна
(ФНИСЦ РАН)

Хроленко Татьяна Сергеевна
(ФНИСЦ РАН)

Доклад подготовлен при поддержке гранта РНФ № 22-28-01549 «Тренды и перспективы демографического старения и миграции населения в мире и России».

В настоящий момент Россия сталкивается с рядом демографических вызовов, тренд которым задает сокращение численности населения. Текущая ситуация характеризуется вступлением России в 2016 году во второй этап депопуляции, характеризующимся не просто сокращением рождаемости, но и сокращением воспроизводственного потенциала контингента, вступающего в репродуктивный возраст. [3]

Помимо этого, российская демографическая ситуация характеризуется уменьшением миграционного потенциала (преимущественно в странах постсоветского пространства), что также приводит к негативным демографическим последствиям. Так, с 1992 г по 2017 г. миграция компенсировала 70% естественной убыли населения. Без миграции в 2018 г. численность населения России составила бы 136 млн. чел., а благодаря миграции она составила 146,9 млн. чел. Однако уже в 2017-2019 гг. миграция не способствовала компенсации естественной убыли населения, что свидетельствует о постепенном исчерпании миграции как демографического и трудового ресурса. [1, 4]

Для изучения региональной дифференциации компенсаторного потенциала миграции в контексте естественной убыли населения России авторами был проведен анализ статистических данных, предоставляемых Федеральной службой государственной статистики в разрезе субъектов РФ за период с 1993 по 2020 гг. [2] Для вычисления компенсаторного потенциала использовались показатели, применяемые при расчёте уравнения демографического баланса. Компенсаторный потенциал был вычислен как сумма естественного прироста и миграционного сальдо. Если показатель компенсаторного потенциала принимал положительное значение, то депопуляция считалась нивелированной, то есть компенсированной.

Анализ производился на нескольких уровнях: население РФ (1993-2020 гг.), население федеральных округов (1993-2020 гг.), население субъектов РФ (1993-2020 гг.). Анализ регионов позволил выявить периоды и регионы, имеющие наибольший (Москва и область, Санкт-Петербург, Тюменская область, некоторые регионы Северного Кавказа, Республика Татарстан) и наименьший (Свердловская область, Нижегородская область) компенсаторный потенциал за всю историю наблюдений.

1. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С.В. Рязанцева – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. 37 с.

2. Официальные статистические показатели // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru>

3. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность // Народонаселение. 2004. №1. URL: <http://rybakovsky.ru/stati1a8.html> (Дата обращения: 01.10.2022)

4. Рязанцев С.В. Новая депопуляция в России: новые вызовы и пути нейтрализации // Человек и его ценности в современном мире: материалы XI Международной

научно-практической конференции, Чита, 23-28 сентября 2019 г. / Забайкальский гос. ун-т ; [отв. ред. Эрдынеева К. Г.]. – Чита: ЗабГУ, 2019. – С. 8-16.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОЕКТЫ В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Орешкина Алина Романовна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

За последние 10 лет государство все больше уделяет внимание молодежи. Особенно проектам для дальнейшего раскрытия их потенциала. Государственная молодежная политика представляет собой деятельность государства, направленную на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив [1]. На самом деле, это очень важное взаимодействие в политике.

На сегодня в России тысячи молодежных проектов, которые предложены не только со стороны правительства. Государство помогает не только физически, но и финансово. Можно получить и гранты, которые помогают перекрыть часть трат. Фонд президентских грантов — единый оператор грантов Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества, с 3 апреля 2017 года. На сегодня было реализовано и финансировано примерно 1511 молодежных проектов на сумму более 2 млрд. рублей, а предложено и сделано более миллиона идей [2].

Один из интересных проектов, который стартовал летом 2022 года – «Больше, чем работа». Он направлен на промышленный туризм и профориентацию. Участие могут принять люди с 18-35 лет. Он позволит интегрировать молодые кадры в профессиональную среду и восполнить нехватку квалифицированных специалистов на производствах и в бизнесе [3]. Организаторами являются Министерство науки и высшего образования РФ, Ростуризм и Министерство просвещения РФ и более 50-ти партнеров.

Лучший способ помочь студентам и выпускникам показать себя, свой профессионализм и навык [5]. Работодатели ждут молодых людей с их мышлением, идеями, но есть одно «но». Они требуют опыт работы, который студент не может получить во время очного обучения. Вуз дает больше теоретические аспекты, чем практику. И на выходе, имея свое представление, но не имея опыта применения, трудно найти достойную работу. Многие мечтают получить высокую должность и большую заработную плату сразу, но вынуждены проделать длительную работу для этого [7]. А такие государственные проекты помогают работодателю и кандидату найти друг друга быстрее. Это способствует решению проблемы безработицы среди молодых специалистов.

В связи с данной ситуацией в мире, в России начал более активно развиваться отечественный туризм [6]. Это дает возможность раскрыть потенциал не только южных городов, но и других частей страны. Тот же Калининград или Нижний Новгород ничем не хуже Анапы или Сочи, Хургады или Анталы. Промышленный туризм – это туры или отдельные экскурсии на промышленные предприятия, который когда-то действовали или работают до сих пор. Сегодня можно посетить часовой завод "Ракета", Кольская АЭС, "Янтарный комбинат", императорский фарфоровый завод [4]. Для молодых людей это выгодное предложение. Во-первых, они могут изучить определенную профессию, понять, подходит она или нет. Во-вторых, познать что-то новое, найти ответы на вопросы. В-третьих, сократить безработицу и поднять уровень индустриализации по регионам страны. В комплексе это дает толчок развития, занятости молодежи, а еще и надежду на светлое будущее.

Таким образом, на конкретном примере, государство сотрудничает с молодыми людьми, привлекая их потенциал и труд в правильном направлении, раскрыть их

способности. Поддержка со стороны правительства важна в таких делах, потому что молодежь – это наше будущее страны.

1. Борзенко Г.В. Государственная молодежная политика в России и перспективы ее современного развития / Г.В. Борзенко. // Молодой ученый. - 2020. - № 45 (335). - С. 301. - URL: <https://moluch.ru/archive/335/74691/>
2. Фонд президентских грантов. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/about>
3. Больше, чем работа. URL: <https://morethanjob.ru/#about>
4. Яндекс Дзен. Как это работает: 10 впечатляющих объектов для промышленного туризма в России. URL: <https://dzen.ru/media/rgo/kak-eto-rabotaet-10-vpechatliaiuscih-obektov-dlia-promyshlennogo-turizma-v-rossii-621e5db0d0b69f6dd07dd80c>
5. Николаева А.А., Павлова Т.С. Специфика формирования инновационного трудового потенциала в современной организации // Экономика и менеджмент систем управления. 2018. № 3 (29). С. 59-64.
6. Савченко И.А. Теоретико-правовые основы системы социальной защиты в России // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2017. № 3 (27). С. 26-35.
7. Сек Н.В., Какадий И.И. Социализация ребенка в цифровом обществе // Бюллетень науки и практики. 2020. Т.6. №3. С.438-441.

УЧАСТИЕ ДОБРОВОЛЬЦЕВ (ВОЛОНТЕРОВ) В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Петрова Татьяна Эдуардовна

(Российский государственный гуманитарный университет)

Всероссийское добровольное пожарное общество является одной из старейших общероссийских общественных организаций, сегодня в его составе 80 региональных и 658 местных отделений. Оно объединяет около 150 тыс. добровольцев (волонтеров), которые осуществляют деятельность по профилактике пожаров и принимают участие в тушении пожаров на территории России. На вооружении добровольных пожарных команд ВДПО стоят 2503 единицы пожарной и 3141 единица приспособленной техники, а также 6664 мотопомп. Обеспечивается противопожарная защита 13,8 тысяч населенных пунктов, в которых проживает 4,2 млн. человек, а также более 45 тысяч объектов различного назначения. Благодаря широкой просветительской работе и непосредственному участию в тушении возгораний пожарное добровольчество сохранило жизни миллионам россиян и обеспечило пожарную безопасность на объектах экономики и социальной сферы, в жилом секторе и на природных территориях.

В продолжение многих веков борьба с огнем на Руси велась в форме ужесточения наказания виновников пожаров, привлечения населения к тушению пожаров и принятия мер предупредительного характера. Еще в 1504 г., в царствование Ивана III, в Москве была создана пожарно-сторожевая охрана, а в 1549 г. Иван Грозный издал указ о пожарной безопасности, который обязывал население иметь первичные средства пожаротушения в каждом доме. Развитие профилактических мер по предотвращению пожаров, привлечение добровольцев (волонтеров) для борьбы с огнем было продолжено Петром I, и до настоящего времени остается актуальным один из петровских указов: «...и беречь от огня богатства государства Российского...».

15 июня 1892 года съезд русских деятелей пожарной охраны единодушно признал жизненно важным создание в стране Пожарного общества, 23 марта 1893 г. устав Соединенного российского пожарного общества был утвержден Министром внутренних дел, его основными задачами и целью являлись «борьба с пожарными бедствиями,

опустошающими из года в год наше отечество, путем всестороннего развития и усовершенствования пожарного дела во всех отраслях»[1].

По данным Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, во многих странах добровольные пожарные (спасательно-аварийные) службы создаются довольно часто, выполняют определенную часть соответствующих функций, активно взаимодействуя при этом с государственными службами. Число добровольных пожарных в некоторых странах порой довольно значительно.

В Великобритании вспомогательная пожарная служба (AFS) была образована в 1938 году в рамках службы гражданской обороны, чтобы дополнять работу бригад на местном уровне. Этой работе серьезно мешала несовместимость оборудования, используемого различными бригадами, в результате вспомогательная пожарная служба и местные бригады были заменены в августе 1941 г. Национальной противопожарной службой.

Работа членов AFS была неоплачиваемой и составляла неполный рабочий день, но при необходимости их можно было призвать на постоянную оплачиваемую работу. AFS была сформирована в каждом округе, городском округе, а также в районе Совета графства Лондон.

В настоящее время в Соединенном Королевстве несколько пожарных служб имеют добровольческие подразделения, в том числе Шотландская пожарно-спасательная служба, Пожарно-спасательная служба Среднего и Западного Уэльса и Пожарно-спасательная служба Северного Йоркшира.

Вспомогательная пожарная служба (АСПО) в Республике Ирландия является филиалом службы гражданской обороны Ирландии, к ее помощи прибегают при наводнениях, авариях в системе водоснабжения и иных крупномасштабных инцидентах, когда ресурсы передовых пожарных расчетов ограничены.

Первой добровольческой пожарной службой в Аргентине была Bomberos Voluntarios de La Boca (Добровольные пожарные Ла-Бока), основанная 2 июня 1884 года итальянским иммигрантом Томасом Либерти в районе Ла-Бока, Буэнос-Айрес. 2 июня в стране отмечается День пожарных добровольцев, деятельность которых охватывает 80% территории страны.

В Австралии существует множество добровольных пожарных агентств, созданных в отдельных штатах или на отдельных территориях. Например, Новый Южный Уэльс обслуживается двумя противопожарными службами – Сельской пожарной службой Нового Южного Уэльса (NSWRFS) и Fire and Rescue. NSWRFS является добровольной пожарной службой в Новом Южном Уэльсе, состоящей из более чем 70 тыс. добровольцев и отвечающей за более чем 90% территории штата. В штате Виктория есть три основные противопожарные организации – Столичный Совет пожарных и аварийных служб (MFB), Управление пожарной охраны страны (CFA) и Департамент окружающей среды, водных ресурсов, земли и планирования (DEWLP). CFA – это добровольная организация пожарных и аварийных служб, которая насчитывает около 61 тыс. членов, из них около 59 тыс. – добровольцы. В Западной Австралии пожаротушение организует Департамент пожарных и аварийных служб (DFES) совместно с местными советами. DFES управляет добровольными бригадами пожарно-спасательной службы (VFRS) и некоторыми бригадами пожарной службы Буша (BFS). В Южной Австралии есть две организации пожаротушения – Противопожарная служба столицы (SAMFS) и Сельская противопожарная служба (SACFS), в которой работает около 13,5 тыс. пожарных добровольцев и около 120 оплачиваемых сотрудников.

В Австрии и Германии добровольные пожарные департаменты (Freiwillige Feuerwehr) составляют большую часть служб гражданской защиты Австрии и Германии наряду с другими добровольческими организациями, такими как Федеральное агентство технической помощи Германии (THW), службами добровольной скорой помощи и

службами неотложной медицинской помощи или спасения. В большинстве сельских пожарных частей персонал состоит только из добровольцев.

В Канаде полностью состоящие из добровольцев пожарные департаменты находятся в сельских и отдаленных районах, «составные» же департаменты, состоящие как из профессиональных, так и добровольных пожарных, можно найти в более урбанизированных муниципалитетах. Например, в городе Кингстон, Онтарио с населением свыше 130 тыс. человек из десяти станций, находящихся в ведении пожарно-спасательной службы, три укомплектованы штатными пожарными, две – составными и пять – полностью добровольными. По всей стране насчитывается около 127 тыс. пожарных – добровольцев. Большинство городских пожарных служб со значительным членством начинали как волонтерские службы и превратились в службы с постоянным членством. Добровольческие службы необходимы для областей, которые не могут себе позволить укомплектовать отдел на полный рабочий день. В отличие от США, где добровольные пожарные службы могут работать независимо от местного правительства с ограниченной уплатой налогов или как получастные организации, в Канаде добровольные пожарные департаменты обычно управляются муниципалитетами или округами, которые устанавливают стандарты оборудования и обучения, которым должны соответствовать волонтерские департаменты.

Чили – одна из немногих стран мира, где все противопожарные службы являются добровольческими, местные службы входят в состав Национального совета пожарных (Junta Nacional de Bomberos).

Во Франции около 80% пожарных являются добровольцами.

В Финляндии пожаротушение в сельской местности в основном зависит от добровольных пожарных частей, почти всегда работающих в контакте с региональными органами по чрезвычайным ситуациям. В городах есть также добровольные пожарные части, но они играют второстепенную роль.

По данным Национальной ассоциации противопожарной защиты, 70% пожарных в США – добровольцы. Национальный совет добровольцев по пожарной безопасности представляет пожарные и аварийные службы на национальной уровне, обеспечивая защиту, информацию, ресурсы и программы для поддержки добровольцев, оказывающих первую помощь. В состав NVFC входят 49 ассоциаций пожарных штата Нью-Йорк (FASNY), которая представляет информацию и условия по обучению для добровольных пожарных и служб экстренной медицинской помощи на всей территории штата Нью-Йорк [2].

В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации находится ряд законопроектов, предусматривающих внесение изменений в федеральное законодательство, способствующих активизации общественной инициативы в сфере обеспечения пожарной безопасности.

1. Вечерняя Москва, № 108 929649) от 20 июня 2022 г. С.5-6.

2. Письмо Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации от 11 января 2022 г. № 01-15/04.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСТВА: ОТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ К РЕПРОДУКТИВНЫМ ОБЯЗАННОСТЯМ

Пивоваров Александр Михайлович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Гражданство можно определить, как статус, предполагающий определенные права и обязанности в рамках какого-либо национального или политического объединения. Начало изучению гражданства положила теория Т. Маршалла [6]. Исследователь изучал

эволюцию гражданства в европейских странах как развитие правовых основ общественной жизни. Первоначально гражданские права предполагали защиту экономических интересов (уважение прав собственности). На основе экономической самостоятельности появляются политические притязания, выливающиеся в необходимость защищать политические права, начинающиеся с прав избирательных. Третья стадия развития гражданства по Маршаллу предполагает развитие социальных прав – социальной защиты и социальных гарантий.

Концепция гражданства получила свое развитие в различных направлениях. Наиболее известными являются идеи экологического и сексуального гражданства. Экологическое гражданство предполагает отстаивание прав граждан на жизнь в безопасной и благоприятной окружающей среде, а также обязанности по ее поддержанию, в том числе обязательства по отношению к животным [2].

Концепция сексуального гражданства была предложена в 1993 году британцем Дэвидом Т. Эвансом [3]. Опираясь на неомарксистский подход, он стремился внести поправки в социально-конструктивистские теории сексуальности, чтобы подчеркнуть ее материальную основу. В 2000 годы концепция в основном использовалась для привлечения внимания к политическим аспектам эротики и сексуальной составляющей политики [4]. Сторонники концепции сексуального гражданства исходят из того, что у всех граждан должны быть следующие права и свободы: свобода сексуального самовыражения и сексуальной ориентации; телесная автономия, которая, например, для женщин означает наличие репродуктивных прав, т.е. свободу индивидуальных решений в отношении родительства и аборт; институциональная инклюзия, означающая наличие равенства доступа ко всем социальным ресурсам для представителей любых сексуальных ориентаций; наличие физических пространств или «публичных пространств для выражения сексуальных желаний, нахождения партнеров, обсуждения политик, осуществления гражданских прав» [4]. На уровне повседневных взаимодействий «сексуальное гражданство» предполагает наличие права сказать «да» и право сказать «нет» сексу, а также признание таких же прав за всеми остальными. «Сексуальное гражданство — это не то, с чем мы рождаемся. Оно развивается посредством образования и поддерживается сообществами» [5].

Развитием концепции сексуального гражданства стала концепция интимного гражданства [7]. Её автор К. Пламмер не ограничивает интимность ее традиционным пониманием, т.е. областью романтических и сексуальных отношений. Он использует этот термин для обозначения «множества областей, в которых мы «делаем» личную жизнь». К ним он относит работу над собственным телом (bodywork), формирование идентичности, гендера, личных отношений, эротичности [7, 77]. Интимное гражданство представляет собой наличие у граждан интимных прав, под которыми понимается право выбирать своего партнера, право выбирать формы сексуальной активности, право решать заводить ли детей или нет, и в каком количестве, право решать, что делать со своим телом и пр.

Появление концепций сексуального и интимного гражданства порождает новую волну дискуссий о роли института семьи в деле обеспечения гражданских прав. Помимо процесса натурализации большинство людей обретает гражданство по праву своего рождения в той или иной стране. Поэтому основным «проводником» получения гражданства и доступа к соответствующим ресурсам следует признать именно семью. Наличие семьи - наряду с военной службой и любой работой, результатом которой являются отчисления налогов в бюджет - является для граждан важнейшим основанием требовать определенных благ от государства. Кроме того, создание семьи и домохозяйства является по сути единственным способом воспроизведения обществом самого себя путем рождения детей, их воспитания и социализации. Эта своего рода «служба государству» [8, 46] предоставляет права мужчинам и женщинам как родителям, т.е. «воспроизводителям нации».

Те страны, которые принято называть «развитыми», с недавнего прошлого все острее сталкиваются с демографическим вызовом, возникшем из общих тенденций старения населения и снижения рождаемости. Это побуждает правительства вторгаться в приватную сферу семейной жизни, становясь все более вовлеченными в процесс регулирования брачного и репродуктивного поведения. Одним из способов подобного вовлечения является стремление «либеральных режимов» рассматривать семейное родительство как определяющую характеристику ответственного гражданина и как основу его социальных прав [8, 47].

Так появляется концепция репродуктивного гражданства, очевидным образом предполагающее наличие соответствующих прав и обязанностей. «Репродуктивные права – это право выбирать себе сексуального партнера без неоправданных ограничений, с целью рождения ребенка, чьи собственные шансы на выживание не подвергаются риску». Обратной стороной репродуктивных прав является репродуктивная «обязанность защищать своих отпрысков и следить за тем чтобы их здоровье не подвергалось риску из-за образа жизни родителей» [8, 52]. Признается, что репродуктивное гражданство включает в себя право на отказ от репродукции.

В отличие от сексуальности репродуктивность является такой областью жизни людей, в которую любое государство (независимо от политического режима) вовлекается сильнее по причине необходимости воспроизводства населения. Степень этой вовлеченности возросла в связи с наступлением глобальной ситуации «второго демографического перехода», когда «рождаемость опускается ниже уровня простого замещения поколений» [1, 204].

Вовлечение государственных институтов в те аспекты приватной жизни, которые связаны с деторождением, влечет за собой появление целого ряда напряженностей. Одно из них связано с очевидным противоречием между репродуктивным правом индивидов отказываться от репродукции и стремлением ряда государств увеличивать численность населения. Другое поле напряжения возникает там, где универсальное репродуктивное право выбирать условия рождения своих детей вступает в противоречие с законами отдельных государств, которые предписывают законные и незаконные формы брака, тем самым также регулируя статус рождающихся детей. Не менее важной проблемой является соотнесение репродуктивных прав (на контрацепцию, аборт, развод) и прав детей, которые практически не могут защищать себя без помощи родителей.

Таким образом, если сексуальное гражданство делает акцент на сексуальных правах индивидов (прежде всего альтернативной ориентации) получать такое сексуальное удовлетворение, которое устраивало бы их и не причиняло бы вред другим, то в случае репродуктивного гражданства наряду с правами не менее важное значение имеют родительские обязанности, связанные с ответственностью гражданина за своих детей.

1. Вишневский А.Г. *Демографическая история и демографическая теория*. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019.
2. Dobson A., Bell D. (eds.) *Environmental Citizenship*. Cambridge, MA: MIT Press, 2006.
3. Evans, D. *Sexual Citizenship: The Material Construction of Sexualities*, London: Routledge, 1993.
4. Hekma G. *Sexual Citizenship* // *Encyclopedia Gbltq*, 2004. URL: <http://www.gbltqarchive.com/sshindex.html> (дата обращения: 10.09.2022)
5. Hirsch, Jennifer S., and Shamus Khan. *Sexual Citizens: A Landmark Study of Sex, Power, and Assault on Campus*. W. W. Norton & Company, 2020.
6. Marshall T.H. *Class, Citizenship and Social Development*. Westport, CT: Greenwood Press, 1973 [1950].
7. Plummer K. *Intimate Citizenship in an Unjust World* // *The Blackwell companion to social inequalities* / ed. by M. Romero and E. Margolis. Blackwell Publishing Ltd., 2005, pp. 75-100
8. Turner B. *Citizenship, reproduction and the state: international marriage and human rights*, *Citizenship Studies*, 2008, 12:1, pp. 45-54

ТРУДОВЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Попова Варвара Алексеевна

(Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова)

Важность изучения трудовых установок студенческой молодежи заключается в необходимости увеличения числа квалифицированных специалистов и комфортного включения их в рынок труда. Отсутствие должного внимания создает для молодежи определенные риски неустойчивого положения в обществе и обострению социально значимых проблем. По данным Минтруда уровень безработицы среди молодежи достигает 33% от числа всех безработных [1].

Весной 2022 года было проведено авторское социологическое исследование, цель которого заключалась в определении актуальных трудовых установок у студентов высших учебных заведений. В качестве метода сбора первичной информации использовался метод анкетного опроса (N=90).

Теоретико-методологической основой описания установок послужила классификация трудовых ориентаций Дж. Г. Голдторпа [2]. Британский социолог выделил пять типов трудовых установок: «бюрократизм» (ориентация на карьеру), «солидаризм» (ориентация на коллективный труд), «инструментализм» (ориентация на оплату труда), «профессионализм» (ориентация на требование профессиональных знаний) и «альтруизм» (ориентация на труд во благо общества).

Среди наиболее значимых мотивов трудовой деятельности студенческая молодежь отметила достижение материального благополучия (66,7%), самореализацию (21,1%). В то же время для респондентов желание помочь обществу не является мотивом к трудовой деятельности. Изучался вопрос о факторах, влияющих на выбор трудовой установки. Результаты показывают, что основными факторами для студентов являются хороший заработок (50,0%) и реализация своих способностей (31,1%). Вовсе не значимым оказался такой вариант ответа как «Работа в команде». Относительно предпочтений при выборе желаемой работы респонденты проявили единодушие, выделив высокооплачиваемую работу (48,6%), а также интересную и творческую работу (26,6%).

Стоит отметить, что студенческая молодежь готова к трудовой деятельности. На вопрос, что молодежь планирует после окончания ВУЗа, респонденты в первую очередь выбирают такие варианты ответа как «Устройство на работу или продолжение работы» (50,0%) и «Устройство на работу и продолжение обучения» (36,7%).

Согласно полученным данным были выделены такие актуальные на данный момент трудовые установки для студенческой молодежи как инструментализм и профессионализм. Следовательно, необходимо сделать больше упор на материальную и профессиональную составляющую как государству, так и работодателям, чтобы привлечь будущих квалифицированных специалистов на рынок труда.

1. Глава Минтруда отметил высокий уровень безработицы среди молодежи. 10 марта 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210310/bezrobotitsa-1600574952.html> (дата обращения 01.06.2022)

2. Goldthorpe J. H. *The Affluent Worker: Industrial Attitudes and Behaviour*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. – 218 p.

ТОТАЛЬНОСТЬ, (ИН)ТОЛЕРАНТНОСТЬ И СУИЦИД: ВЗАИМОСВЯЗЬ СИСТЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И УРОВНЯ СУИЦИДА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Приморозько Ярослав Алексеевич

(Социологический институт РАН - филиал ФГБУ Науки Федерального Научно-исследовательского Социологического Центра Российской Академии Наук)

Проблема суицида сегодня достаточно актуальна в социогуманитарных науках. Однако суицид сегодня как социальный феномен методологически слабо проработан. Главным и, по существу, единственным основательным трудом на тему суицида является работа французского социолога Э. Дюркгейма «Суицид: социологический этюд», где автор четко выделил виды суицида [1, 130], опроверг представления о суициде как о слабости личности.

В рамках данного доклада будет раскрыта мысль о том, что в обществах с низкими возможностями для индивида к выбору идентичности уровень суицида будет стабильным и высоким в сравнении с обществами иного типа. Тезис будет раскрыт на примере современной общественной структуры российского и западных обществ. Так, современная система социальных институтов в российском общества является скорее тотальной, согласно терминологии Э. Гоффмана. Под тотальной институцией понимается такая система организации социального действия, при которой объектам её интереса предлагается только одна идентичность, сконструированная в рамках этой же институции [3, 146]. Суицид становится стабильным явлением социальной природы в обществе тогда, когда система институций общества предлагает только одну одобряемую идентичность для её членов, при условии отсутствия маргинальной идентичности/роли.

Проблема тотальности институций характерна не только для обществ, склонных к тотальной системе институций: современные западные общества, построенные на основе принципов Открытого общества К.Поппера также обладают схожими проблемами.

Ключевой же тезис заключается в том, что проблема суицида есть проблема выбора [2, 387].: как только индивид оказывается в реальной или мнимой ситуации отсутствия выбора в своих действиях, влияющих на его мировосприятие, положение в этом мире, представление о себе и представлении себя другим и т.д., тогда существенно повышается риск суицидальной ситуации, близость к которой будет определяться рядом факторов, в т.ч. психологическими особенностями личности.

1. Дюркгейм Э., *Самоубийство: Социологический этюд/Пер, с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова* — М.: Мысль, 1994. — 399 с.

2. Шопенгауэр А., *Собрание сочинений: В 6т. Т.2: Мир как воля и представление: Т.2 / Пер. с нем.; под ред. А. А. Чанышева. – 2-е издание, исп. – М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2015. – 560 с.*

3. Гоффман Э., *Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / Эрвин Гоффман; пер. с англ. А.С. Салина; под ред. А.М. Корбута. – Москва: Элементарные формы, 2019. – 464 с.*

ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКАЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Проказина Наталья Васильевна

(Алтайский филиал РАНХиГС)

Одной из ключевых ценностно-смысловых конструкций является государственно-гражданская идентичность.

В когнитивном элементе государственно-гражданской идентичности отражается образ государства и территории, которую оно занимает; исторические, культурные, политические и другие особенности взаимоотношений народов и государств.

Некоторые исследователи дополняют структуру государственно-гражданской идентичности деятельностным компонентом, который, определяет тот или иной тип поведения субъекта гражданской общности, реализацию им своей гражданской позиции в общении и деятельности; его гражданскую активность, участие в социальной деятельности, имеющей общественную значимость [1; 59-62].

Государственно-гражданская идентичность российской молодежи конструируется в процессе осознания индивидом своей принадлежности к гражданской общности и проявляется в определенном типе идентификационного поведения и принятия поведенческой модели гражданина.

Глобальная идентичность явилась результатом глобализации, которая активно охватывала все сферы жизни современного человека. Основная функция глобальной идентичности – отождествление личностью себя с человечеством в условиях постоянно увеличивающейся неопределенности, «ускользающего» и «текущего» мира.

Основными компонентами глобальной идентичности являются:

- активное общение с гражданами других стран;
- гражданская и религиозная идентичность;
- ощущение своей причастности к судьбе всего человечества;
- вера в возможность повлиять на глобальные процессы;
- высокий уровень социального доверия» [3; 145-185].

Результаты исследований Т.А. Нестика, показывают связь между глобальной идентичностью и позитивной этнической идентичностью, что говорит о том, что наличие высокой этнической идентичности не может служить фактором, снижающим глобальную идентичность. Т.А. Нестик делает предположение о том, что в условиях неопределенности и рисков, глобальная идентичность выполняет функцию компенсации, внутреннего ресурса, дающая возможность личности справиться с негативным опытом настоящего. Ощущение связи между собой и всем остальным человечеством даёт человеку позитивную идентичность; внутренние ресурсы, необходимые для преодоления тяжёлых жизненных преград; снижает равнодушие к судьбам других людей. Однако он также подчёркивает, что чувство глобальной и гражданской идентичности может служить инструментом манипуляции группами. Различные исторические события прошлого могут быть изложены, как атака на законные права нации, призыв к гражданскому долгу, восстановление исторической справедливости и в целом, к использованию идентичности как инструмента в информационных войнах. Подобная стратегия приводит не к всеобщему объединению, а, напротив, к разобщению, усилению межгрупповых конфликтов, что способно привести к новым рискам.

Теоретический анализ подходов к идентичности позволяет выделить ее основные функции: интеграционную, регулятивную, адаптационную, ориентирующую, смыслообразующую, прогностическую, компенсаторную [2; 34]

Мы солидарны с идеей о том, что глобальная и государственно-гражданская идентичность должны взаимодополнять, а не ослаблять друг друга.

ЦИФРОВЫЕ ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ ПОКОЛЕНИЯ Z В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Путимцева Кристина Романовна

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»)

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>.

Тенденция перехода в онлайн явно прослеживается во всех сферах общественной жизни. Поколение Z уже родилось в цифровом мире, они не представляют свою жизнь без информационных технологий [1]. Центр изучения поколения в 2020 году провел исследование об использовании Интернета поколением Z (онлайн опрос, n = 1252). Результаты подтвердили ведущую роль цифровых технологий в жизни молодежи. Более половины респондентов заявили, что не могут комфортно чувствовать себя без доступа к Интернету более 4-х часов. При этом 79% представителей поколения Z считают, что Интернет объединяет людей [2]. В связи с этим распространено мнение, что поколение Z признает цифровые технологии как лучшее средство продвижения во всем, в том числе в проявлении гражданской активности.

С целью изучения цифровой активности молодежи в августе-сентябре 2022 года было проведено исследование молодежи в возрасте 14-25 лет, проживающей в Екатеринбурге и областных городах Свердловской области (n=1150).

Большинство опрошенных согласилось с тем, что онлайн формы обеспечивают получение более разнообразных идей и комментариев, чем можно собрать в офлайн мероприятиях (74%), обеспечивают равные возможности всем жителям высказать свое мнение (71%), создают необходимость более открытого и прозрачного принятия решений властями (61%).

При этом наиболее часто опрошенные представители поколения Z использовали следующие инструменты проявления гражданской активности онлайн за последний год: ставили лайки в поддержку проектов (66%), голосовали за городские проекты (41 %) и на новостных сайтах (32%).

Основные причины, по которым молодежь выбирает участие в онлайн проектах, связаны с возможностью принять участие в большем количестве проектов (58%), меньшим количеством затрачиваемого времени (50%) и возможностью участвовать в проектах из любых городов (46%).

Молодежь действительно активно проявляет гражданскую позицию онлайн, что обуславливается большей доступностью по сравнению с участием в оффлайн проектах. В интернете можно выбрать наименее трудозатратные инструменты гражданского участия: выразить позицию можно за секунды, проголосовав на тематических сайтах, поставив лайк в поддержку. При этом 75% представителей поколения Z считают, что участие в онлайн проектах имеет большую или равную эффективность по сравнению с оффлайн-формами активизма.

1. Захарова В. А. Студенты поколения Z: реальность и будущее // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. №4. С. 47—55. DOI: 10.17805/trudy.2019.4.5

2. Generation Influence: Gen Z Study Reveals a New Digital Paradigm [Электронный ресурс]. URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20200706005543/en/Generation-Influence-Gen-Z-Study-Reveals-a-New-Digital-Paradigm> (дата обращения: 08.10.2022)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

*Раитина Маргарита Юрьевна,
Покровская Елена Михайловна*

(Томский государственный университет систем управления и радиотехники)

*Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания
«Наука», FEWM-2020-0036.*

В настоящий момент, несмотря на сложившиеся условия неопределенности, международность университета остается одним из мировых стандартов национального образования, способствующая продвижению национальных интересов. В связи с вышеобозначенным, актуальным является разработка адаптационных механизмов и инструментов формирования безбарьерной интернациональной среды вуза. Сегодня образование как отражение реалий современного мира направлено не только на формирование утилитарно-технологического характера, но и на его ценностные характеристики, возведение к духовному. Осознание ценности межличностного взаимодействия и коммуникации как таковой наиболее ярко проявилось в следствие пандемийных вызовов, детерминировавших постпандемийные состояния, требующих управления и коррекции. Коммуникативная доступность и доверенное взаимодействие в данном контексте определяют устойчивость, как социальных институтов, так и эффектов регулирования процесса интернационализации.

Современное исследовательское поле задает контуры трансформации интернационализации, определяет необходимость «проявления заботы», что является важной составляющей процесса набора иностранных студентов [1]. Востребованность тренда интернационализации образования приводит к диверсификации контингента студентов университетов [2].

Наги и Нотдурфтер рассматривают вопросы интернационализации образовательных программ, акцентируя внимание на потенциале интеграции международной социальной работы в качестве обязательного модуля с ориентированным на обучающегося подходом [3].

Данная стратегия, реализуемая университетами, в условиях вызовов пандемии дала возможность быстро и гибко адаптировать образовательную среду (обучение и воспитание) для всех участников образовательного процесса, что, в свою очередь, определило доступность коммуникации при помощи информационно-коммуникативных технологий и позволило сохранить контингент иностранных студентов и их смысловую включенность в контекст образования.

Успех адаптации во многом зависит от эффективного сопровождения, которое складывается в вузе, от развития межкультурного диалога и благожелательной позитивной атмосферы. Значимыми факторами этого процесса являются инновационные образовательные практики и ориентация на креативные педагогические подходы, развивающие критическое мышление и творческие способности.

Адаптация иностранных студентов в социальной, бытовой сферах связана с межкультурным взаимодействием, созданием условий доброжелательного межнационального общения на различных уровнях, развитием алгоритмов сопровождения. В целом сегодня можно говорить о наличии позитивных социокультурных тенденций, ориентированных на развитие успешной межкультурной коммуникации и адаптации иностранных студентов к условиям обучения.

1. Beech, S. E. (2022). *Performances of care: Questioning relationship-building and international student recruitment. Transactions of the Institute of British Geographers*, 47(2), 426-439. doi:10.1111/tran.12510
2. Groves, O., Chen, H., & Verenikina, I. (2022). "Actually, in my culture..." identity, positioning, and intersubjectivity in cross-cultural interviews. *Australian Review of Applied Linguistics*, 45(1), 4-24. doi:10.1075/aryl.19040.gro
3. Nagy, A., & Nothdurfter, U. (2022). Internationalization "At home": Fostering inter- and transnational perspectives in the social work curriculum. *Italian Journal of Sociology of Education*, 14(1), 7-27. doi:10.14658/pupj-ijse-2022-1-2

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Руденко Лариса Дмитриевна

(Ярославский государственный технический университет)

Потребление является неотъемлемой частью нашей повседневной жизни и одной из основных элементов социально-экономического поведения человека. За относительно короткий срок в России произошли перемены в человеческом сознании в сторону не только общества «массового потребления», но и общества «престижного потребления». В связи с этим потребление становится важным объектом социологического исследования.

Следует отметить, что первоначально потребление рассматривалось лишь экономической наукой. Но уже к концу 19 столетия формируются основы социологического подхода к изучению потребления, для которого характерен взгляд на него с точки зрения поведения человека.

Ярким примером здесь может служить теория американского социолога Т.Веблена, который в демонстративном потреблении видел стержень «денежной цивилизации». М.Вебер сформулировал концепцию статусных групп и протестантской этики. В фокусе внимания другого немецкого социолога В. Зомбарта находилась концепция роскоши. Бережливости, аскетизму, о которых писал Вебер в «Протестантской этике», он противопоставляет праздное безделье, роскошь и расточительство. Эти имена часто цитируются и в современных исследованиях потребления.

Можно также обратить внимание на то, что проблема «общества потребления» была впервые актуализирована Э. Фроммом, который писал, что в условиях технического прогресса потребность в большем потреблении продукции промышленности превращает человека в прожорливое существо, которое охвачено страстью потребления. Для него все становится статьёй потребления: сигареты, коньяк, кино, любовь, телевиденье, книги, образование. Потребительская алчность становится доминирующей психологической силой в современном индустриальном обществе.

Наибольшую актуальность изучение общества потребления получило в 1970-х годах в связи с выходом работы Ж.Бодрийяра «Общество потребления. Его мифы и структуры». Потребление предметов, по его мнению, больше не связано с их сущностью, именно поэтому общество потребления можно охарактеризовать как общество самообмана, в котором невозможны ни подлинные чувства, ни культура.

На наш взгляд, большую роль в формировании потребительского поведения играют социально-демографические характеристики человека, особенно возраст. В нашем исследовании мы проанализируем потребительское поведение молодых людей, как самых активных потребителей на рынке товаров и услуг, которые более других влияют на его развитие.

С целью изучения особенностей потребительского поведения молодежи нами было проведено социологическое исследование.

Объектом исследования выступила молодежь в возрасте от 22 до 30 лет, проживающая в Ярославской области (240 человек).

Предметом исследования – особенности потребительского поведения молодежи.

Метод исследования – индивидуальный анкетный опрос.

Для изучения потребительского поведения молодежи мы использовали анкету, состоящую из 22 вопросов, из которых три вопроса направлены на изучение социально-демографических характеристик респондентов.

По уровню образования респонденты распределились следующим образом: 15% имеют среднее специальное образование, 76% получили высшее образование, а 2% имеют степень кандидата наук. При этом стоит отметить, что среди полученных специальностей преобладают гуманитарные (58%). Далее следуют технические (30%) и медицинские (6%).

На момент опроса большинство респондентов (83%) работали на постоянной основе по трудовому договору.

Одним из первых в инструментарий исследования нами был включен вопрос о частоте покупок. 80% респондентов ответили, что совершают покупки каждый день, тогда как лишь 15% покупают два-три раза в неделю, доля респондентов, совершающих более редкие покупки, составляют всего 4%.

Интересен тот факт, что на вопрос «как Вы думаете, в какой степени денежный успех зависит от Ваших собственных усилий?» 12% ответили, что совсем не зависит, 68% - что зависит в определенной степени, а 14% - что полностью зависит только от них. Таким образом, можно сделать вывод, что основную массу респондентов составили люди, ориентированные на собственные силы.

Для реализации поставленной цели мы выяснили степень готовности молодежи зарабатывать деньги. Респондентам был задан вопрос: «Какая работа для Вас является идеальной?». В результате мы выяснили, что 58% респондентов желают «много зарабатывать». На наш взгляд, это можно объяснить тем, что для представителей современной молодежи материальное положение имеет большое значение.

35% молодежи выбрали вторую альтернативу: «иметь небольшой, но твердый заработок». Это может свидетельствовать о наличии гедонистических настроений.

Среди опрошенных велика доля тех, кто считает, что работа должна получать общественное одобрение и признание (28%). В то же время 60% высказали мнение, что работа должна быть основным источником средств к существованию.

При анализе экономического поведения обращает на себя внимание высокая степень уверенности в собственных силах: 65% респондентов уверены, что могут обеспечить себя и свою семью сами, тогда как без материальной поддержки государства будет трудно выжить для 8%.

Респондентам был задан вопрос: «На что бы Вы потратили неожиданно полученную большую сумму денег?». Преобладающими оказались такие позиции: покупка недвижимости (55%), туристическая поездка (26%), покупка машины (17%), открытие своего бизнеса (11%).

Далее нами было предложено ответить на вопрос о важности страны производства товара при покупке: 87% молодежи ответили положительно на данный вопрос. Результаты исследования показали, что, по мнению респондентов, только продукты питания, произведенные в России, могут конкурировать с импортными. Небольшой потенциал у российского производителя есть в таких категориях потребительских товаров, как мебель, предметы интерьера, украшения и аксессуары. Значительное большинство опрошенной молодежи предпочитают покупать одежду зарубежных брендов (87%).

Анализ результатов показывает, что молодежь стремится следовать моде. Около 60% респондентов выбрали вариант ответа: «при выборе товара предпочитаю следовать существующим модным тенденциям». Среди них 71% - респонденты женского пола. 75% положительно ответили на вопрос, следят ли они за новинками.

Больше половины (65%) опрошенных молодых людей готовы для совершения покупки понравившегося товара взять кредит. 64% респондентов считают, что кредитные

услуги открывают населению новые возможности в использовании денег. Наиболее значимыми товарами, на приобретение которых стоит взять кредит, по мнению респондентов, оказались автомобиль и бытовая техника. При этом только 15% из опрошенных имеют опыт кредитования. Большинство респондентов (68%) владеют информацией о кредитовании, 17% - не владеют.

Таким образом, на основе анализа данных исследования, можно выделить некоторые особенности молодежи в потребительском поведении: для нее важен бренд приобретаемых одежды, обуви, гаджетов, мобильных устройств и т.д., большое значение при покупке товаров имеет его место производства, главными характеристиками при выборе какого-либо товара для молодежи являются высокое качество и марка, бренд.

Также молодые респонденты стремятся приобретать новинки, как только новый продукт появился на рынке, следовательно, можно отметить, что потребительское поведение молодежи имеет новаторский характер.

ОБЫДЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПРАВИЛЬНОГО ПИТАНИЯ: МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

Рыльцева Александра Владимировна
(Волгоградский Государственный Университет)

Речкунова Екатерина Романовна
(Волгоградский Государственный Университет)

Голодова Арина Дмитриевна
(Волгоградский Государственный Университет)

В нашей исследовательской работе была предпринята попытка проанализировать обыденные практики правильного питания жителей Волгограда. Современное понятие здорового образа жизни диктует определенные правила потребления пищи. Благополучное состояние человека является целью, которая достигается за счет его осознанного и активного формирования «правильных» привычек и устранения негативных воздействий внешней среды. Питание человека во многом зависит от его заработка и социального статуса. Бурдые в одной из своих книг описывает то, как разделяется пространство питания в зависимости от объема экономического и культурного капитала. Пьер Бурдые уверен - при одновременном росте культурного и экономического капитала питание переносится в сферу дорогих ресторанов, ценится так называемое здоровое питание, различные редкие и дорогие продукты [1, 34 с.]. Что касается собственно культурной подсистемы в современной системе питания, то в социологии, особенно структуралистского направления, подчеркивается, что еда сегодня все больше становится знаковой деятельностью и способом коммуникации. Раньше еда удовлетворяла собственно биологическую потребность в питании, а теперь это больше потребление знаков. [2, 100 с.] В нашем исследовании мы постарались проанализировать утверждение структуралистов и понять, действительно ли потребление еды стало потреблением знаков. В ходе проведения глубинных интервью мы разделили респондентов на пять групп:

«Домашний тип» - люди, уверенные в том, что самая полезная пища та, которая приготовлена дома самостоятельно

«Эко тип» - люди, уверенные в том, что употребление экологически-чистых продуктов является правильным питанием.

«Отказной тип»- люди убеждены в том, что необходимо заменять сладкую и жирную пищу на свежие овощи, фрукты и рыбу .

«Сбалансированный тип»- люди считающие, что самое важное в питании – соблюдение баланса белков, жиров и углеводов, этот баланс и считается правильным питанием.

«Интуитивный тип» - люди верящие в то, что нельзя ограничивать потребности организма нив чем.

По результатам предоставленной информации можно говорить о том, что тип правильного питания человека зависит от индивидуальных особенностей.

1. Бурдье П. 2005. Различение: социальная критика суждения. Экономическая социология. 6 (3): 25–48. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2005-6-3/index.html>
Веселов Ю. В. Повседневные практики питания//Социологические исследования. 2015. №1. С. 95-104

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Савченко Ирина Алексеевна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

На сегодняшний день российское общество находится в непростой социально-политической и экономической ситуации. В связи с произошедшими изменениями на рынке труда и в экономике в целом у современной молодежи, с одной стороны, появилось больше возможностей и путей интеграции в общество, но, с другой стороны, возникло множество «барьеров», которые ограничивают усвоение и выполнение молодым поколением определенных социальных ролей [2]. Иначе говоря, процесс социализации современной молодежи на рынке труда стал сложным и противоречивым [1].

Для формирования общего представления о проблемах государственной социальной политики в сфере занятости молодежи в июне-июле 2022 года было проведено исследование в виде анкетного опроса, в котором приняло участие 152 человека, из которых большинство респондентов – это лица в возрасте от 18 до 24 лет – 61 человек (40%), в возрасте 25-30 лет – 47 человек (31%) и в возрасте 31-35 лет – 44 человека (29%).

Респондентам было предложено высказать мнение об уровне безработицы сегодня в России. Исходя из полученных данных, большинство опрошенных считают, что уровень безработицы – высокий, так ответило 58%, 38% считают, что уровень безработицы нормальный, и 4% считают, что уровень безработицы в России низкий. Скорее всего, такое распределение данных связано с тем, что большинство людей, либо само столкнулось с проблемами на работе, либо их друзья и близкие. Стоит обратить внимание, что опрос проводился в период, когда происходила специальная военная операция, и как следствие при возникновении новых санкционных пакетов по отношению к России.

Также респондентам был задан вопрос – «Каковы, по Вашему мнению, основные причины безработицы среди молодежи?» (можно было выбрать несколько вариантов ответа). Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что большинство опрошиваемых считают, что основные причины безработицы – это низкая заработная плата и отсутствие опыта – так посчитали 69% и 65% респондентов соответственно. Далее расположились нежелание работать и высокие амбиции – 50% и 42% соответственно, и самое маленькое количество ответов – высокое количество мигрантов – 25%.

Мнения респондентов о причинах, способствующих безработице молодых специалистов, распределились следующим образом: большинство опрошенных – 73%, считают, что основная причина, которая способствует безработице среди молодых специалистов – это отсутствие желания работодателей в трудоустройстве молодых специалистов. 54% считают, что причина в излишних претензиях самих молодых людей к

желаемому месту работы. 40% отметили вариант с тем, что молодые специалисты сами не желают трудиться, и 27% посчитали, что проблема кроется в недостатке внимания местной администрации к вопросам занятости молодежи.

Так как были выявлены причины и аспекты, которые способствуют безработице среди молодежи, респондентам был предложен вопрос по решению проблемы (полузакрытый вопрос). Большая часть опрошенных – 73%, ответили, что обеспечение правовых, экономических и организационных условий для создания и сохранения рабочих мест – это лучший способ решить проблему. 63%, считают, что создание благоприятных условий для повышения уровня жизни за счет стимулирования трудовой активности населения будет лучшим способом. Формирование эффективной структуры занятости населения – лучший способ для решения проблем безработицы по мнению 54%, а 37% считает, что повышение конкурентоспособности отечественной рабочей силы хороший способ. Также 23% считают необходимым ограничить въезд мигрантов.

Следующий вопрос, который был задан респондентам, был связан с воздействием государства на ситуацию с безработицей. Вопрос звучал так: «Как Вы считаете, в какой форме государство могло бы поддержать молодых безработных специалистов?» (можно было выбрать несколько вариантов ответов). Ответы расположились следующим образом: практически все опрошенные – 90%, считают, что распределение выпускников вузов на работу по их специальности – наилучший вариант для поддержки. 60% выбрали вариант – создание рабочих мест. В равных долях по 46% были у вариантов – финансовая поддержка при открытии собственного дела, организации курсов повышения квалификации (или переквалификации) и развитие молодежных бирж труда. И 27% выбрали создание центров социально-психологической адаптации выпускников.

Также респондентам был задан вопрос, связанный с тем, что именно может повлиять на отказ при трудоустройстве. Исходя из полученных данных, большинство опрошенных, считают, что проблемы в отказе в трудоустройстве связаны с отсутствием практического опыта у нанимаемого сотрудника – 85%. 65% считают, что вся проблема заключается в недостатке образования. Половина опрошенных – 56% выбрали вариант с тем, что работодателю не imponируют личные качества кандидата. 10% ссылались на то, что причиной может являться неблагоприятное семейное положение.

Что касается мнения респондентов об условиях, которые гарантируют получение работы, большинство опрошенных – 79%, считают, что опыт работы – это явный гарант получения работы. 71% отдали свой голос за наличие у трудоустраивающегося – активности и «пробивных» способностей. Также свои предпочтения люди отдают и высокому уровню образования, и личному обаянию – 56% и 44% соответственно. В настоящее время, судя по полученным ответам престижность оконченного вуза и наличие связей не особо нужно, эти варианты выбрали соответственно 31% и 6% опрошенных.

Также респондентам был задан ряд вопросов о том, как они оценивают деятельность центров занятости в решении проблем трудоустройства молодых специалистов. Так, было установлено, что 58% ни разу не обращались в центр занятости населения за получением соответствующих услуг. Четверть опрошенных обращались за содействием гражданам в поиске работы, работодателем в подборе необходимых работников. И почти в равных долях 9% и 8% человек отметили осуществление социальных выплат гражданам в установленном порядке безработицы, а также профессиональное обучение и дополнительно профессиональное образование безработных граждан, включая обучение в другой местности. Также большинство опрошенных – 60% не посещали никаких ярмарок вакансий. Исходя из этого, большинство респондентов не могут как-то оценить работу данных учреждений.

Также молодым людям было предложено высказать мнение о том, какие могут быть пути развития занятости молодежи. Судя по полученным ответам, в большей степени (44%) респонденты считают, наиболее перспективным установление реального сотрудничества и взаимодействий между сферой бизнеса, государственными органами

занятости и сферой образования. 33% посчитали, что корректировка образовательных программ, увеличение доли реального практического обучения на конкретных местах – наилучший способ для развития занятости молодежи. В равных долях 11% и 12% выбрали проведение социально-профессиональной адаптации для студентов выпускных курсов, а также продвижение услуг службы занятости через различные социальные сети.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ряд весьма актуальных проблем в сфере занятости и трудоустройства молодых специалистов. Для их решения требуется не только более активное использование традиционных механизмов, но и развитие новых, позволяющих молодым людям уже на этапе обучения в вузе развивать профессиональные навыки на конкретном рабочем месте.

1. Николаева А.А., Павлова Т.С. Специфика формирования инновационного трудового потенциала в современной организации // Экономика и менеджмент систем управления. 2018. № 3 (29). С. 59-64.

2. Скрипак Д.М., Николаева А.А. Многообразие форм социального неравенства в условиях современной экономической среды // Экономика и менеджмент систем управления. 2020. № 2 (36). С. 81-86.

ЯЗЫК ПРЕТКНОВЕНИЯ (ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗРЕШЕНИЮ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН)

*Садыкова Асель Рашидовна
(МГИМО МИД России)*

В работе изучается государственная политика региональных властей, направленная на сохранение и популяризацию татарского языка среди молодежи, проживающей как в Республике Татарстан, так и за пределами региона. Автором дается оценка инструментов реализуемой властями политики и предлагаются пути повышения статуса татарского языка и стимулирования его изучения.

Татарский язык является национальным языком татар, государственным языком одного из субъектов Российской Федерации Республики Татарстан (далее РТ) и также вторым по распространённости среди национальных языков в Российской Федерации. Статья 8 часть 1 конституции РТ гласит: «Государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки». При этом в настоящее время положение татарского языка изменилось: можно наблюдать ожесточенные споры по поводу необходимости изучения татарского языка всеми народами Республики Татарстан, уменьшение количества татар, свободно владеющих татарским языком в условиях билингвизма, проводимые образовательные реформы в области изучения татарского языка в школах РТ, а также противоречивую позицию граждан.

Корни текущего этнолингвистического конфликта уходят глубоко в прошлое. Проведенное нами исследование показало, что с расширением возможностей русскоязычных СМИ уже в СССР началось интенсивное разрушение этнокультурного своеобразия жизни татарского народа. Все это в конечном итоге привело к формированию в сознании татар этнонигилизма, выразившегося в пренебрежении к татарскому языку, культуре, традициям и обрядам, в ощущении этнической неполноценности.

Придание в 1991 году татарскому языку статуса государственного и закрепление его положения в региональной конституции на практике вылилось в обязательное его изучение в средних общеобразовательных учреждениях. Однако почти 20-летняя практика преподавания татарского языка как обязательного предмета не привела к тому, что знания у русскоязычных детей в сфере его изучения улучшились. Это констатировали и педагоги, и родители, и сами вчерашние школьники, отмечая безрезультатность в деле изучения татарского языка. Так, в ходе социологических опросов важность знания татарского языка

отметили лишь 21,2 % (по Татарстану) и 12,5 % (по г. Казань) русских детей. [9] Педагоги констатировали незначительное повышение мотивации обучения татарскому языку как в городской, так и в сельской местности.

Практика введения татарского языка в школах как обязательного предмета для поголовного изучения происходила за счет сокращения часов, отводимых на русский язык, стала вызывать протесты родителей русскоязычных детей.

В 2017 г. Президент России Владимир Путин заявил о добровольности изучения языков в национальных регионах. Министерство образования и науки Татарстана сообщило о том, что 69 % родителей в Татарстане выбрали татарский язык для изучения их детьми в школах.

Методика преподавания татарского языка была сильно усложнена. Количество часов в неделю необоснованно увеличилось до 5-6 уроков с 1 по 11 классы. Качество знаний при этом оказались чрезвычайно низким. Выпускники школ не умели свободно говорить по-татарски. Практика поголовного обязательного изучения татарского языка происходила за счет сокращения часов, отведенных на изучение русского языка, который является обязательным предметом для сдачи ЕГЭ. Перечисленные причины стали основой для острого этнолингвистического конфликта в Республике Татарстан в настоящее время. Проведенный нами социологический опрос учащихся 8-ых и 10-ых классов в одной из школ г.Казани подтверждает наши выводы. 87 % опрошенных не используют татарский язык как родной в повседневной жизни, 73% согласны только на 1-2 урока в неделю, 93% считают, что татарский язык надо изучать добровольно. Нынешний этнолингвистический конфликт удалось разрешить только с помощью федеральных органов власти и лично президента РФ В.В. Путина.

Отдельное внимание в работе уделяется государственной молодежной политике, направленной на объединение столичной татарской молодежи, на базе Полномочного представительства Республики Татарстан в Москве. В рамках реализации данной политики проводятся ежегодные мероприятия: Московский молодежный форум «Мост Москва-Татарстан», образовательный проект по углублению знаний в области татарского языка «Чиклэвек», а также конкурс проектов среди татарской молодежи «Хэрэкэт»

Мы предлагаем следующие пути повышения статуса татарского языка и стимулирования его изучения среди молодежи:

- создание учебников татарского языка нового типа;
- модернизация методики преподавания татарского языка;
- расширение круга мероприятий по распространению знаний о национальной истории, культуре среди татарского народа;
- изменение подхода к освещению мероприятий для татарской молодежи в СМИ;
- создание разнообразных наглядных видео-материалов по истории и культуре татарского народа;
- введение в практику использования чиновниками всех уровней, работниками сферы обслуживания татарского языка для работы и общения в профессиональной деятельности с татарским народом республики.

1. Исаева М.Н. Развитие среднего профессионального образования в Республике Татарстан. - Казань: Центр инновац. технол., 2005. - 188 с.
2. Игнатьев С. Д. // Татарская энциклопедия. - Казань: Ин-т Тат. энцикл. АН РТ, 2005. -Т. 2. - С. 528.
3. Русификация // Татарская энциклопедия. - Казань: Ин-т Тат. энцикл. АН РТ, 2010. -Т. 5. - С. 10, 152.
4. Становление и развитие народного образования в городе Нижнекамске (1961-2003 гг.) / Сост. Н.Ш. Ахметшин и др. - Нижнекамск, 2004. - 351 с.
5. Раис Сулейманов: История этнолингвистического конфликта в Татарстане(статья)
6. Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах. 1920-1930-е гг. З.Г. Гарипова – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 272 с.

7. Особенности развития татарской национальной школы в ТАССР в 50-60-е годы XX века – Шайдуллин, Шамсутдинов(статья)
8. Материалы научно-практической конференции «Языковая ситуация в РТ: состояние и перспективы» (17 ноября 1998 г)
9. Этнолингвистический конфликт в современном Татарстане: борьба за русский язык в школах национальной республики. Доклад на международной конференции «Языковая политика и языковые конфликты в современном мире», 16-18 сентября 2014 года, Москва, Институт языкознания РАН

О ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Самсонова Татьяна Николаевна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

Проблемы развития современного российского общества, международные вызовы требуют определенного самосознания и большой сплоченности его граждан. Поэтому закономерно внимание ученых-обществоведов, педагогов, широкой общественности к становлению гражданской ответственности молодого поколения россиян.

Формирование гражданской ответственности идет в ходе политической социализации под влиянием институтов социализации, под воздействием внешних объективных (событийный контекст, политической культура) и внутренних субъективных (интересы, ценности, потребности) факторов.

Важнейший институт формирования гражданской ответственности и воспитания патриотизма - школа. Посредством преподавания учебных курсов, внеклассной работы, воздействия демократического уклада школьной жизни реализуется система политического, правового и нравственного образования и воспитания. Гражданственность определяется целым комплексом компонентов - когнитивных, ценностно-мотивационных, эмоциональных, поведенческих [1, с. 72-73]. Поскольку гражданское образование неразрывно связано с патриотическим воспитанием, велика роль различных мероприятий патриотической направленности [2; 3].

Упущения в системе гражданского образования и воспитания подрастающего поколения обусловили внесение в сентябре 2022 года ряда изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Необходимы дальнейшие исследования механизма формирования гражданской ответственности и патриотических настроений молодого поколения с учетом особенностей современного социально-политического контекста.

Только совместные усилия государства, институтов общества, прежде всего школы, а также общественных, ветеранских организаций позволят вывести воспитание гражданской ответственности и патриотизма на уровень, отвечающий масштабу стоящих перед Россией стратегических задач. «Самые благотворные усилия политических перемен нередко сопровождаемы неудачами, когда образование гражданское не предуготовило к ним разум» (М.М. Сперанский).

1. Самсонова Т.Н. Когда же взойдет “заря гражданской ответственности новой” над Россией? (О формировании гражданской политической культуры в современной России) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. - 2020. - № 3. - С. 66-87.
2. Лучшие практики патриотического воспитания школьников / Под общ. ред. В.Е. Зиненко. - М.: Перо, 2021. – 192 с.
3. Самсонова Т.Н. Патриотами не рождаются - ими становятся (о патриотическом воспитании в современной российской школе) // Война и общество в XX веке: теоретико-методологический, общественно-политический и методический аспекты. - Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020. С. 310-315.

4. Селезнева А.В., Азарнова А.А. “Рождение гражданина”: Политико-психологически анализ гражданственности российских старшеклассников // *Полит. Политические исследования*. - 2020. - №5. - С. 101-113.

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Свешникова Полина Сергеевна

(Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова)

Проблема с правильным распределением финансовых средств всегда вызывала трудности у молодых людей, особенно в студенческие времена, ведь они только выходят на рынок труда и начинают свою экономическую деятельность. Актуальность данной работы заключается в том, что в современном мире появляется все больше новых разновидностей финансового поведения, а семье как коммуникативному институту необходимо преподносить основы финансовой грамотности подрастающим поколениям.

Н. Ю. Гондик определяет финансовое поведение как «особую разновидность экономического поведения, связанную с поведением населения на рынке финансовых продуктов и услуг и предполагающую мобилизацию, перераспределение и инвестирование имеющихся в распоряжении населения денежных ресурсов» [1, 331]. Оно включает в себя такие виды финансовой активности населения как сбережения, инвестиции, страхование, кредитное поведение.

Для того, чтобы определить роль семьи в сфере финансового поведения студенческой молодежи весной 2022 год было проведено авторское пилотажное социологическое исследование, методом анкетирования с применением онлайн-формы опроса (N=56). Опрошены юноши (32,1%) и девушки (67,9%) в возрасте от 17 до 23 лет, обучающиеся на разных курсах бакалавриата.

По результатам анкетирования можно сделать вывод, что студенческая молодежь стремится к сбережению собственных денежных средств (87,5%), не стремится брать кредиты и скептически к ним относится (89,2%), считает страхование хорошим способом избавиться от рисков (51,8%). Инвестирование интересует 46,4% респондентов и 53,6% респондентов не инвестируют и не собираются инвестировать денежные средства.

Стоит отметить, что семья оказывает влияние на формирование финансового поведения посредством коммуникативных практик. Основной коммуникативной практикой семьи является диалог (в среднем по 67,7% в каждом виде финансового поведения). Далее применяется пример членов семьи (в среднем по 29,2% в каждом из видов финансового поведения), а в наименьшей степени используются еще довольно новые и не укрепившиеся практики, такие как показ обучающих фильмов/мультфильмов/роликов и игры (в среднем по 5,2% и 0,5% соответственно в каждом виде финансового поведения).

Результаты социологического исследования позволили сделать вывод о том, что с молодыми людьми в семьях проводятся разъяснительные беседы о возможных видах финансовой активности, однако установки членов семьи, касающиеся сбережений, инвестиций, страхования и кредитного поведения, оказывают слабое влияние на принятие решений студенческой молодежью, либо данное влияние отсутствует совсем.

1. Гондик, Н. Ю. *Финансовое поведение населения: теоретические аспекты* / Н. Ю. Гондик // *Master's Journal*. – 2014. – № 1. – С. 330-333.

ГОСТЕВОЙ БРАК КАК РЕЗУЛЬТАТ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СИСТЕМ

Семенов Анатолий Викторович

(Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова)

Структурные изменения в понимании современной семьи обусловлены значительным многообразием различных социальных процессов, требующих от молодых людей иных подходов к организации личной жизни. На смену классическим формам моногамных отношений выходят новые концепты, сопряжённые как со спецификой гендерного самоопределения, так и с проблемами построения длительных коммуникаций как таковых.

В значительной мере сокращение длительности брачных отношений сопряжено с изменением коммуникативных практик молодёжи. Исследования показывают, что молодые люди предпочитают кратковременные беседы с небольшим набором текстовых символов, а возможность одновременно завершить общение (как на временной, так и на постоянной основе) снижает уровень ответственности за поддержание эмоционального фона партнёра, а также депривирует необходимость учёта специфики собеседника [1].

Гостевые брачные отношения подразумевают избирательность в тематике и темпоральном режиме общения, подразумевая наличие обоюдного интереса и ресурсов для общения. Исследователи отмечают, что подобная система взаимодействия зачастую не подразумевает длительных отношений, материальной ответственности и деторождения. С другой стороны, они чаще направлены на удовлетворение краткосрочных и стандартизованных потребностей, в то время как реализация более сложных, требующих эмоционального включения, происходит за счёт других источников (работы, творчества и пр.) [2].

Рост востребованности данного типа отношений обусловлен рядом объективных и субъективных факторов, которые были проанализированы в рамках авторского исследования, реализованного в июле-августе 2022 года методом фокус-групп (N=11 групп по 5-7 человек). Для исследования отбирались молодые люди имевшие опыт гостевых браков, либо испытывающие потребность в подобной модели семьи.

Молодые люди отметили, что в условиях современного темпа жизни отношения классического типа представляются для них обременительными. Каждый третий отметил нехватку временных ресурсов на поддержание содержательного взаимодействия с партнёром, каждый пятый опирался на финансовые затраты в рамках классических отношений. Гостевой брак также воспринимается молодыми людьми как некоторый подготовительный этап к отношениям, который позволяет постепенно адаптироваться к условиям постоянного нахождения «стороннего» человека в рамках личной ограниченной территории.

Также в качестве причины предпочтения гостевых отношений рассматривалась привычка цифрового взаимодействия. Участники фокус-групп отмечали, что подобные отношения во многом обладают преимуществами виртуального взаимодействия: они могут быть завершены в любое время, не подразумевают обязательств, а также могут быть организованы только на удобных для обоих партнёров условиях. При этом молодые люди учитывают тот факт, что указанная система взаимодействия характеризуется краткосрочным существованием, что требует наличия источника альтернативных вариантов.

1. Молодёжь и пандемия COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и психологическое состояние [Электронный ресурс] // Портал Международной организации труда URL: <https://www.ilo.org/global/topics/youth->

employment/publications/WCMS_753026/lang--en/index.htm (дата обращения:
19.09.2021).

2. Туринцева Е.А. Особенности семьи военнослужащего и проблема обеспечения боеготовности вооруженных сил // *Власть*. 2011. №5. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-semi-voennosluzhaschego-i-problema-obespecheniya-boegotovnosti-vooruzhennyh-sil>. (дата обращения: 19.09.2021).

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ: ВОСПРОИЗВОДСТВО РОДИТЕЛЬСКОЙ ИЛИ ФОРМИРОВАНИЕ ОРИГИНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ?

Сивоплясова Светлана Юрьевна

(Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН)

Сигарева Евгения Петровна

(Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук)

В настоящее время, в условиях усилившейся в связи с распространением новой коронавирусной инфекции депопуляции, особо актуальной становится проблема воспроизводства населения. Многие исследования направлены на анализ динамики рождаемости, выявление особенностей репродуктивного поведения разных групп населения. Настоящее исследование призвано осветить грань данной проблемы, связанную с особенностями формирования репродуктивного поведения современной молодёжи под влиянием модели родительской семьи. Был поставлен исследовательский вопрос: в какой мере репродуктивные установки молодых людей зависят от образа родительской семьи, а в какой – сформировались под влиянием иных, внешних по отношению к семье, факторов, обусловленных трансформацией жизни общества. Для ответа на данный вопрос сотрудниками Отдела рождаемости и репродуктивного поведения Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук был проведён социологический опрос студенческой молодёжи, результаты которого позволяют сравнить реализованную модель детности родителей респондентов и их репродуктивные установки, реализация которых только предстоит. Опрос проводился в двадцати городах России (Белгород, Будённовск, Владивосток, Вологда, Йошкар-Ола, Калининград, Карачаевск, Кизляр, Курск, Майкоп, Махачкала, Москва, Муром, Псков, Севастополь, Серпухов, Ставрополь, Улан-Удэ, Уфа, Ханты-Мансийск). Общий объем выборки составил 2135 человек, среди которых 97% – молодые люди в возрасте до 30 лет, 61% - женщины, 49% – мужчины.

Для лучшего разделения двух моделей нами были введены новые определения. Так, родительская модель нами обозначена как *приорная* (от лат. «prior» – первый, старший, предшествующий), модель репродуктивного поведения молодого поколения – *постериорная* (от лат. «posterior» – последующий, младший, поздний).

Первое различие в моделях репродуктивного поведения двух поколений касается возраста рождения первого ребёнка. Сравнивая ответы респондентов о возрасте матери при рождении первенца и о наиболее благоприятном возрасте для рождения первого ребёнка, можно заметить схожее и отличное в *приорной* и *постериорной* моделях. Так, чаще всего матери респондентов рожали первых детей в возрасте 21-25 лет (48%). Этот же возраст как наиболее предпочитаемый выбрали 60% молодых людей. Однако, если реализованная *приорная* модель в большей степени «тяготеет» к более ранним возрастам (матери 26,4% респондентов родили первенца в возрасте 19-20 лет), то планируемая

постериорная – к более старшим (28,9% респондентов наиболее благоприятным возрастом указали 26-30 лет).

Ещё одним признаком, по которому могут сравниваться две модели, является детность родительской семьи и планируемая респондентами детность в собственных семьях. Результаты опроса показали, что наиболее часто встречаемая приорная модель – это двухдетная семья (44,2%). Такое же число детей планируют иметь и большинство респондентов. Однако, доля молодых людей, выбравших данный вариант ответа, заметно больше и составляет почти половину опрошенных.

Четверть респондентов воспитывались в семьях, где они были единственными детьми, однако сами такое же число детей планируют иметь значительно меньшая доля молодых людей – 14,8%. Это самая выразительная разница, имеющая позитивное значение, которая зафиксирована в данном исследовании.

В случае с трехдетным выбором ситуация обратная – 19,5% респондентов выросли в таких семьях, при этом сами планируют иметь такое число детей 24,5% опрошенных. Данные результаты, казалось бы, должны вселять оптимизм по поводу будущего демографического развития страны. Однако, «ложку дёгтя» вносит тот факт, что установки молодёжи на многодетность с большим числом детей (четыре и более) более скромные, чем реализованные приорные модели. Как результат, 32,7% респондентов планируют стать многодетными родителями, хотя сами воспитывались в таких семьях 30,5% респондентов. Однако, общее число детей в родительских многодетных семьях составило 2312, а общее планируемое число детей у респондентов, желающих иметь большие семьи, – 2297. Таким образом, при реализации репродуктивных планов молодых людей замещение поколения респондентов поколением их детей едва ли возможно.

Ещё одним важным результатом исследования стали данные о распространённости среди молодёжи идеи добровольного отказа от детей. Среди опрошенных оказалось 62 респондента (около 3%), которые вовсе не хотят становиться родителями. Сравнить такую постериорную модель с приорной по понятны причинам невозможно. Однако, если предположить, что эти молодые люди все-таки станут родителями хотя бы одного ребёнка, это позволит приблизиться к полному замещению поколением детей поколения родителей. Поэтому целесообразно на государственном уровне обратить более пристальное внимание на проблему распространения концепции «чайлдфри» в стране.

Приорные и постериорные модели репродуктивного поведения имеют сходства и различия в зависимости от масштабов населённых пунктов, в которых проживают респонденты. Для целей настоящего исследования, города проведения опроса были разделены на пять групп в зависимости от численности жителей. Затем, в каждой группе был составлен рейтинг репродуктивного выбора родителей и молодых людей. В первых четырёх группах (в городах с численностью жителей от 300 тыс. человек и более) приорные модели распределились в рейтинге следующим образом: чаще всего встречались двухдетные семьи, на втором месте по частоте встречаемости – однодетная модель, на третьем месте – трёхдетная. В то же время, рейтинг детного выбора респондентов (постериорная модель) выглядит следующим образом – двухдетная семья, трёхдетная, однодетная. Различия между группами городов составляют доли респондентов, охваченные этими тремя «лидирующими» выборами.

В пятой группе (в городах с численностью менее 100 тыс. человек) рейтинг детности имеет ряд отличий. Во-первых, приорная и постериорная модели повторяют друг друга. Во-вторых, как родители, так и молодые люди демонстрируют заметно более оптимистичное репродуктивное поведение. Рейтинг детности в обоих моделях выглядит следующим образом: трёхдетная семья, двухдетная, четырёхдетная. Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее перспективными, в демографическом смысле, являются малые города, где воспроизводство молодёжью приорной модели детности очень высоко. Поэтому именно здесь возможна наиболее результативная реакция молодого поколения на меры, формирующие позитивный тренд рождаемости.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, для такой обширной и многообразной в этно-культурном плане страны, как Россия, едва ли возможна единая универсальная модель репродуктивного поведения населения. Во-вторых, наше исследование подтвердило высокое сходство между приорной и постериорной моделями репродуктивного поведения. В отношении возраста начала реализации репродуктивных планов взаимосвязь двух моделей оценивается коэффициентом корреляции равным $r=0,865$. В отношении выбора детности – $r=0,965$. В-третьих, между приорной и постериорной моделями существуют различия, касающиеся намерений современных молодых людей родить первенца в более старшем возрасте по сравнению с их родителями, ориентации молодёжи на рождение совокупно по выборке меньшего числа детей, чем было рождено их родителями, более сдержанных взглядов в отношении рождения четвертых и последующих детей, а также формирования группы респондентов, сознательно отказывающихся от родительства. Полученные результаты позволяют определить векторы совершенствования демографической политики государства, а также обнаруживают точки, потенциально более чувствительные к реализации принимаемых мер.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ПОСТОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ АВТОНОМНЫХ ОКРУГОВ)

Симакова Анна Васильевна

(Петрозаводский государственный университет)

Степуть Ирина Сергеевна

(Петрозаводский государственный университет)

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российским научным фондом (грант № 22-78-10148)

Арктические регионы страны – территории, характеризующиеся интенсивными миграционными процессами, которые играют важную роль в формировании социально-трудового потенциала этих регионов. Среди особенностей арктических миграций – миграция молодежи, в которой наиболее ярко прослеживаются два традиционных направления: первый вызван выбором образовательного учреждения (образовательная миграция), второй – выбором места работы (постобразовательная миграция) []. Рассмотрим эти процессы на примере двух автономных округов Российской Арктики, которые реализуют «островную» модель арктической ресурсозависимой экономики, характеризуется малой численностью и низкой плотностью населения, высоким уровнем среднедушевых доходов населения и высокими показателями ВРП на душу населения []. Объединяет эти округа также характеристики региональной системы профессионального образования, которые выступают мотивационным драйвером, активирующим миграционные процессы в молодежной среде []. Автономные округа характеризуются отсутствием самостоятельных вузов и ограниченной подготовкой в сети филиалов.

В связи с этим, большая часть выпускников (11-классников) покидает родной регион для получения образования: каждый второй уезжает учиться в вузы и практически каждый пятый – в колледжи и техникумы (Рисунок 1). Только порядка 16% выпускников выбирают систему образования региона, остальные вынуждены формировать образовательную траекторию за его пределами.

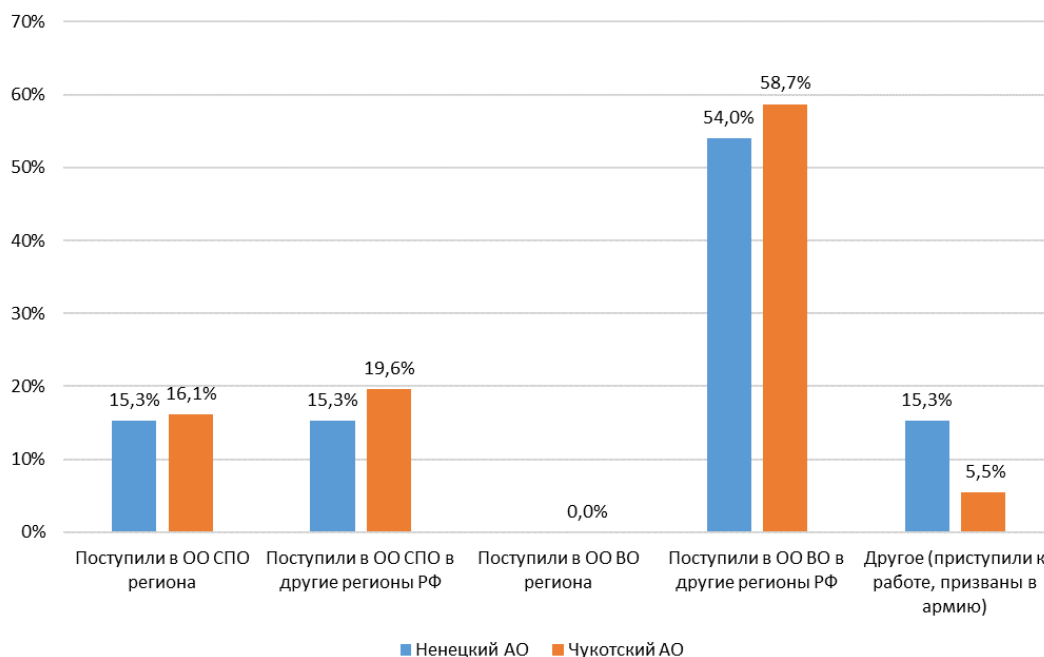

Рисунок 1. Траектории 11-классников Чукотского и Ненецкого автономных округов после окончания школы

За пределы региона по причине образовательной миграции уезжает большинство выпускников. Выпускники Чукотки наиболее часто выбирают столичные учебные заведения, а также дальневосточного направления - Хабаровский край, Приморский край. Выпускники Ненецкого АО ориентированы на систему образования Архангельской области и столичных регионов.

В сложившихся условиях важную роль в кадровом обеспечении автономных округов играет постобразовательная миграция выпускников вузов из неарктических регионов России [1]. По состоянию на 2022 год в Чукотском АО работает 308 молодых специалистов из числа выпускников вузов 2018-2021 гг. выпуска, в Ненецком АО – 182 молодых специалиста. Наиболее многочисленный поток выпускников вузов в Чукотку фиксируется из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростовской области, в Ненецкий АО – также из столичных центров и Архангельской области. Поэтому можно предположить, что часть выпускников автономных округов после получения высшего образования за пределами округов возвращается обратно, однако подтверждение этой гипотезы требует проведения более глубоких исследований.

ОТ ПОНЯТИЙНЫХ РАСХОЖДЕНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ К ПРОБЛЕМАМ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

*Скачковская Екатерина Андреевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Репродуктивное поведение – это обширная область научного поиска, включающая в себя изучение самых различных аспектов: от установок, мотивов и потребностей до социально-экономических факторов. При этом, во многих работах, и особенно это прослеживается в государственных программах, связанных с демографической политикой, можно наблюдать понятийные разногласия и неопределенность ключевых терминов. К примеру, в утвержденной концепции демографической политики РФ до 2025 г. [5, 2-5], описание современной демографической ситуации обосновывается только с

позиции исторической науки и статистических показателей, игнорируя социологическую теорию и ее понятийный аппарат. Концепция изобилует практически направленными «решениями» демографического кризиса, пренебрегая осмыслением используемых понятий и формированием теоретической модели. Это, в свою очередь, сказывается на эффективности реализации демографической политики. Рассмотрим ключевые понятия, определяющие репродуктивное поведение.

Поведение, как и многие другие аспекты человеческой деятельности, регулируются иерархизированной системой мотивов и рефлексов, многие из которых воспроизводятся неосознанно [4, 167]. Репродуктивное поведение, не в последнюю очередь, реализуется через систему как генетически заданных (врожденных), так и социально обусловленных (приобретенных) рефлексов. [2, 177].

Солодников В.В., изучая программы реализации репродуктивных потребностей, приходит к выводу, что выбор программы поведения зависит от объекта, который первым удовлетворил потребность индивида. В ситуации, когда одна и та же потребность может реализовываться разными объектами, предпочтение отдается в зависимости от степени осведомленности индивида об их разнообразии. Таким образом, приобретенный рефлекс формируется гиперфиксацией на первом объекте, удовлетворившем потребность индивида [4, 167].

Рассматривая врожденные рефлексы, следует обратиться к традиционным психоаналитическим исследованиям, где выделялись два механизма бессознательного, связанные с особенностями протекания душевной жизни человека – вытеснение и сублимация. В контексте нашего исследования наибольший интерес представляет первый механизм, так как он является «одним из отстраненных (по социальным, этическим и эстетическим требованиям) сценариев бессознательного цивилизованных индивидов», иначе говоря – те неосознаваемые мотивы, которые не вписываются в рамки установок, формирующих поведение [3, 130-131]. Например, ряд субъектов, обладающих физиологической репродуктивной способностью, материальным достатком и оптимальными социальными условиями, не имеют желания к воспроизводству. У них просто вытеснен репродуктивный рефлекс. Поскольку для данных субъектов нежелание иметь детей – активное, «рефлекторное», они рационализируют вытеснение репродуктивного рефлекса социальной нормой – также рефлекторно выбирая норму бездетности [2, 177-178]. Другим же проявлением механизма вытеснения выступает ситуация, когда травмирующий опыт индивида бессознательно подавляется страхом и болью. Вследствие этого, допустима попытка заменить привычную модель противоположной травмирующей. В частности, ребёнок, воспитанный в семье с несколькими младшими сиблингами, который с раннего возраста был включён в их воспитание на уровне с родителями, рано повзрослел и недополучил внимание, может подвергнуться травмирующему опыту. По мере взросления (без проработки травмы), вытеснение сформирует у ребенка нежелание воспроизводить потомство.

Для получения более полной картины репродуктивных установок населения, совершенствования понятийного аппарата и создания эффективной демографической политики, необходимо дальнейшее детальное изучение репродуктивного поведения, мотивов и потребностей.

1. Ильясов, Ф. Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* – 2013. – № 1(113). – С. 168-177.
2. Ильясов, Ф. Н. О репродуктивном поведении и не только (продолжение дискуссии) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* – 2013. – № 4(116). – С. 175-182.
3. Маленко, С. А. Специфика формирования механизмов бессознательной социализации индивида // *Известия Томского политехнического университета.* – 2010. – Т. 317. – № 6. – С. 130-134

4. Солодников, В. В. *О потребности в детях и репродуктивном поведении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – № 4(116). – С. 168-174.*

5. *Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года*

АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ

Соколов Александр Владимирович

(Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова)

Гребенко Егор Дмитриевич

(Ярославский государственный университет им.П.Г. Демидова)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2022-0001 «Потенциал молодежных общественных организаций для консолидации российского студенчества в интересах развития стра

У современной российской молодежи до 30 лет прослеживается пассивный тип гражданской и политической культуры, что говорит о низкой степени ее активности [1, 83]. Это также транслируется на активность молодежи в студенчестве. Так, на сегодняшний день принято говорить о двух наиболее крупных по масштабу молодежных студенческих группах:

- первая – это так называемые «активисты», они вовлечены в мероприятия и активности ВУЗа/ССУЗа, а также состоят в студенческих объединениях;

- вторая – неактивные студенты, которые характеризуются индифферентностью к потенциальным мероприятиям студенчества, при этом редко или вовсе не принимающих участия в деятельности молодежных организаций учебных заведений (именно эта группа доминирует в студенчестве).

Не смотря на общую пассивность, именно участие в деятельности молодежных организаций является наиболее распространённой формой социальной активности молодежи. Соответственно, в рамках студенческой активности подобными организациями выступают студенческие объединения (например, союз студентов; профком; научные общества; кружки по интересам и т.д.). Они призваны консолидировать студенческую молодежь для принятия совместных решений в сфере студенческого самоуправления и самоорганизации, что в свою очередь является процессами социализации молодых людей, их подготовки к полноценному и сознательному гражданскому участию.

Учебные заведения выступают в подобной схеме главными проводниками и ресурсными базами для реализации студенческих проектов и инициатив. Но, к сожалению, существующие проблемы в вовлечении студенчества в активность и организация современного студенческого самоуправления не позволяют говорить об общей эффективности работы молодежной политики как в рамках всей современной молодежи, так и в рамках студенчества [2, 143].

В итоге, можно отметить, что современное российское студенчество обладает определенным потенциалом для вовлечения в социальную активность. Современные исследования по изучению процессов консолидации и солидаризации молодежи могут выявить механизмы для успешного внедрения студентов в систему диалогового участия и решения социально значимых проблем. Важно отметить, что именно в процессе обучения в высших и средне специальных учебных заведениях формируются значимые ориентации и установки молодых людей, которые определяют потенциальную активность в будущей деятельности.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2022-0001 «Потенциал молодежных общественных организаций для консолидации российского студенчества в интересах развития страны»

1. Копалева Е.В., Котова К.А., Лисова С.Ю. Политическая активность студенческой молодежи: проблемы и тенденции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №6(80). С. 83.
2. Балог А.И. Социальная активность студенческой молодежи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №6. Часть 2. С. 143.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ВЫПУСКНИКОВ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Соломатина Елена Николаевна

(Московский государственный гуманитарно-экономический университет)

Процесс трудоустройства является динамическим явлением в силу детерминированности социальными, технологическими, экономическими факторами, которые по своему характеру также являются изменчивыми. По этой причине тенденции трудоустройства молодежи подвержены постоянным модификациям, что постоянно актуализирует изучение данной проблематики социологами. Действительно, в настоящую эпоху прослеживаются высокие темпы изменений в сознании и поведении индивидов из-за стремления приспособиться к новым вызовам современности, растет потребность в широкопрофильных специалистах, готовых к быстрому переобучению и получению новых знаний, так как некоторые знания устаревают и обесцениваются. Для характеристики нашего времени З. Бауман применяет термин «текущая современность» [1], который акцентирует внимание на быстрой изменчивости почти всех социальных процессов.

В ходе проведения конкретного социологического исследования динамики трудоустройства современных выпускников социальных и гуманитарных направлений подготовки было опрошено 158 человек [2]. В выборочную совокупность вошли студенты социологического (38%), экономического (16,5%), исторического (14,9%), филологического (16,6%) факультетов и факультета журналистики (14%) МГУ имени М.В. Ломоносова. Из всех респондентов 81,6% - бакалавры, 11,2% - магистры, 7,2% - специалисты. Половое соотношение: 17,7% мужчин и 82,3% женщин.

Для характеристики зависимой переменной анализа – профессиональные ориентации выпускников социально-гуманитарных направлений высшего образования – была выявлена структура трудовых ценностей выпускников. Результаты исследования показали, что наиболее важными факторами выбора являются материальное благо (82,3%), возможность самореализации (59,5%), а также перспективы карьерного роста и наличие гибкого графика (по 34,8% соответственно).

Такие результаты свидетельствуют о том, что материальная ценность все же остается доминирующей при выборе места работы, следовательно трудовая деятельность воспринимается большинством выпускников именно как способ материального обеспечения.

Распределение ответов на вопросы о путях поиска будущей работы демонстрирует следующую тенденцию: студенты выпускных курсов, которые уже заняты в трудовой деятельности, нашли своё последнее место работы либо с помощью интернет-сайтов о работе (24,8% респондентов), либо благодаря помощи друзей и знакомых (24,2%). Очевидно, что интернет-ресурсы имеют наибольшую популярность среди молодежи в связи с их доступностью и простотой использования. Кроме того, на начальных этапах выхода на рынок труда выпускники, возможно, не всегда уверены в своих силах, что

вынуждает их прибегнуть к помощи близких людей при поиске первого места работы. Тем не менее, работающие респонденты также указали на содействие университета в трудоустройстве (14,6%), что показывает не малое значение организаций высшего образования в процессе трудоустройства молодых специалистов.

В рамках данного исследования важно было понять, стремятся ли выпускники социально-гуманитарных направлений работать по полученной специальности. Из всех респондентов на период опроса работали по получаемому направлению высшего образования 24,4%. Вместе с тем, 32,5% выразили желание работать по полученной специальности, несмотря на то, что сейчас они либо работают не по специальности, либо не работают вовсе. Таким образом, 56,9% всех участников исследования работают или стремятся работать по полученной специальности, что говорит о высокой заинтересованности студентов в изучаемом направлении и о том, что выпускники видят возможности реализации своих профессиональных компетенций на рынке труда. Подтверждением положительной тенденции служит распределение ответов на вопрос «Собираетесь ли Вы работать по полученной специальности?»: 41,4% респондентов указали на ответ «скорее да, чем нет» и еще 18,5% дали определенный ответ «да».

В данной связи интересно рассмотреть, как распределились ответы респондентов о желании продолжать учебу в магистратуре/аспирантуре: 31,8% выпускников планируют продолжать обучение на следующем этапе образования (данный ответ оказался самым популярным), 19,1% планируют получить в магистратуре новую специальность, а 26,1% затруднились ответить на данный вопрос.

Для анализа компетенций выпускников социально-гуманитарных направлений высшего образования, влияющих на вступление индивидов в социально-трудовые отношения, респондентам был задан вопрос о том, какие качества должны развиваться у личности во время обучения в университете в первую очередь. Распределение ответов показало, что наиболее важными для трудовой деятельности качествами, по мнению студентов выпускных курсов, являются ответственность, самостоятельность (по 66,9% соответственно), интеллектуальное самосовершенствование (58%), коммуникативность (51%) и дисциплинированность (42,7%).

Проведенное исследование позволило определить, что многие студенты стремятся как можно раньше вступать в трудовые отношения, совмещая работу и учебу, однако подвергаются определенным рискам, связанными в первую очередь с еще не до конца сформировавшейся структурой профессиональных ориентаций у выпускников. Благодаря анализу вторичных данных было выявлено, что студенты социально-гуманитарных направлений редко трудоустраиваются благодаря содействию университета и в основном находятся в самостоятельном поиске путей реализации своих профессиональных возможностей. Выводы анализа социологических исследований указывают на наличие проблем у молодежи при трудоустройстве, а вместе с тем и на актуальность исследуемой темы и важность разработки возможных практических рекомендаций.

1. Бауман З. *Текущая современность*. С.-Петербург: Питер, 2008. 240 с.

2. *Пилотажное исследование на тему: «Особенности трудоустройства выпускников социально-гуманитарных направлений высшего образования» было проведено в 2020 году выпускниками социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под научным руководством автора.*

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ ИЛИ КОНФЛИКТ ОТЦОВ И ДЕТЕЙ?

Сорокина Нина Дмитриевна

(Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет))

Преемственность поколений играет важную роль в консолидации общества, способствуя его сплочённости, солидарности. И, напротив, разрыв поколений делает

общество неустойчивым. Поэтому семейная преемственность, родственные связи играют важную роль в жизни каждого человека. В то же время в современном обществе родственные связи постепенно разрываются в силу того, что дети, вступая во взрослую жизнь, начинают жить обособленно от родителей. Появляется вероятность разрыва преемственности поколений. Этому способствует ускорение социокультурных преобразований в глобализированном мире. В результате духовные ценности предыдущих поколений становятся в меньшей степени значимыми для младших поколений.

В 2022 году было проведено исследование «Культурное наследие и связь поколений», организованное Российским обществом социологов при участии автора. Выборка по объекту исследования (студенты вузов России – граждане России) составила 9751 единиц. Обработка данных, полученных в ходе исследования, выполнена кандидатом социологических наук, доцентом УрФУ Д. В. Шкуриным (разработчиком программного комплекса «Vortex»). Как показали результаты данного исследования, можно наблюдать связь поколений через поддержание родственных связей. Так, знают историю своих прауродителей 58% респондентов; пишут письма друг другу, созваниваются 78%; ездят в гости, навещают 88%. Но вот уже ведут родословную семьи всего 30%, хотя и это немало.

Опрошенные студенты в большей мере советуются с родными и используют их опыт в бытовых вопросах, а также при выборе профессии. А в выборе друзей, спутника жизни, форм проведения свободного времени опыт родных для студентов уже менее значим. И гораздо реже редко советуются с родными при планировании количества детей. В то же время сохранение семейных традиций важно для 73% опрошенных, традиционной религии гораздо меньше – 47%. Часто используют советы, опыт родных при оценке событий в стране 29% респондентов; редко – 40%; никогда – 31%.

Среди семейных традиций для студентов наиболее важно сохранение национальной кухни (76%); равенство мужчины и женщины (66%); народного искусства (65%); а вот главенство мужчины в семье важно всего лишь для 28%. Сохранение народной культуры важно для 78%, что выразилось в ответе на вопрос: «Да, необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее нашим потомкам». И всего лишь 8% респондентов полагают, что «Народная культура — пережиток прошлого, в мире есть куда более интересные и важные культурные явления».

Характерны также ответы на вопрос: Считаете ли Вы себя патриотом? Уверенно ответили 36%; скорее да, чем нет – 40%. И совсем немного среди опрошенных студентов тех, кто себя таковым не считает (в сумме 13%). Но и примерно столько же (10%), кто затруднились с ответом на этот вопрос. В то же время хотели бы остаться в своей стране после получения образования чуть меньше половины (44% респондентов); но и постараются уехать за рубеж совсем немного (7%); не определились 16%; для 33% это будет зависеть от того, смогут ли они получить хорошую работу.

Интересны ответы на вопрос: «Каковы личные качества людей должны быть в идеальном обществе и в том, в каком живёте?» Оказалось, что, к примеру, уважение к молодым в идеальном обществе отметили 83% респондентов, в то время как в реальности это качество присутствуют даже менее, чем у половины людей (так считают 45% опрошенных).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что хотя разрыва поколений не наблюдается в настоящее время в российском обществе, тем не менее, можно отметить отсутствие тесной связи между поколениями в отдельных вопросах. Это можно видеть на примере использования опыта родных при оценке событий в стране. Сохранение семейных традиций важно для большей части опрошенных студентов, но редко молодые советуются, к примеру, с родными при планировании количества детей. Тот факт, что всего 45% опрошенных считают, что в реальном обществе присутствует уважение к молодым, свидетельствует о том, что имеются проблемы в преемственности поколений.

ПРЕКАРИЗАЦИЯ VS БЛАГОПОЛУЧИЕ ВЫПУСКНИКОВ СРАЗУ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВУЗА

Сущенко Анастасия Дмитриевна
(Уральский федеральный университет)

Тарасьев Александр Александрович
(Уральский федеральный университет)

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-2006.2021.2.

Традиционные дискуссии о прекаризации и (не)благополучии молодежи в контексте их занятости вписываются в следующую рамку: в период мартовских кризисов 2020 и 2022 гг. обострились вопросы дерегуляции рынка труда, усиливающие неопределенность его развития и уязвимость социальных групп, в особенности молодежи [1]. Повсеместная неформализация занятости затрудняет защиту прав работников в трудовых спорах с работодателями [2, с. 317].

Спектр возможных параметров прекаризации занятости [3, с.101-102] подчеркивает их изменчивость и адаптивность к современному рынку труда. Формируется высоко производительная часть прекариата, обладающая чертами проактивности, самостоятельности, ответственности за принятые решения, имеющая положительный опыт взаимодействия с работодателями.

В мае-июне 2022 г. проведены интервью с 7 прекариями разных типов из числа опрошенных в ходе количественного исследования выпускников ведущего российского вуза через полгода после его окончания в 2021 г.

Представлена схема прекарной занятости, выделяющая группы высоко производительного и непроизводительного прекариата, хотя и не учитывающая пересечения в траекториях. При комбинации образовательных и профессиональных траекторий решающими для определения высоко производительных групп прекариата являются: продолжение обучения или актуализированная потребность продолжить его в ближайшие 1–2 года, а также занятость в IT-отрасли. Фриланс – неоднозначная категория в контексте высоко производительного прекариата, где встречаются и те, и другие траектории.

Предложена классификация прекарной занятости с учетом форм дискриминации, основанная на изучении: (*) характеристик работы, (*) форм общения в коллективе, (*) экономических форм дискриминации, финансового насилия, (*) имеющихся социальных гарантий, отпуска, больничных, (*) личных качеств прекариев, способствующих преодолению психоэмоциональных рисков, (*) ориентации работать на текущей работе через 3-5 лет, на карьерный рост и продолжение обучения.

Ключевым выводом является, что работа воспринимается многими как вынужденный этап, но качественные параметры этого этапа зависят от сферы занятости выпускников. Это не обязательно условия труда, притесняющие права молодых специалистов, что существенно углубляет понимание прекаризации занятости с учетом нелинейности социальных процессов.

1. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс // *Социологические исследования*. 2015. № 6. С. 3-13.
2. Lee C. K. *Precarization or Empowerment? Reflections on Recent Labor Unrest in China* // *Journal of Asian Studies*. 2016. № 75(2). Pp. 317-333. doi: 10.1017/S0021911815002132
3. Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994-2013) // *Социологические исследования*. 2015. № 12. С. 99-110.

КАРЬЕРНЫЕ ОЖИДАНИЯ СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ И РЕАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА РЫНКЕ ТРУДА

Терехина Александра Григорьевна

(Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова)

При выборе места учёбы и профессии молодые люди рассматривают не реальные перспективы будущего трудоустройства, а наличие бюджетных мест в университете, престижность профессии и возможность получения высокой заработной платы. Это приводит к тому, что студенты не имеют реального представления о будущей профессии и трудоустройстве. Разрыв карьерных ожиданий и реального положения на рынке труда приводит к отказу студентов работать по специальности. Согласно исследованию ВЦИОМа [1], почти половина россиян (47%) не работает по своей специальности, а четверть граждан и вовсе никогда не работали по специальности.

Для того чтобы выявить карьерные ожидания студентов ЯрГУ им. П. Г. Демидова, обучающихся по направлению «Социология» проведено социологическое исследование методом социологического опроса на основе авторской анкеты. Респондентами выступили студенты ЯрГУ им. П. Г. Демидова, обучающиеся по направлению «Социология»: 1 курс бакалавриата (25 человек), 4 курс бакалавриата (12 человек), 1 и 2 курсы магистратуры (11 человек).

По результатам исследования, на этапе обучения лишь половина студентов планирует работать по профессии социолога. Четверть респондентов на данный момент не имеет сформированного ожидания о работе по специальности в течение всей жизни. Никто из студентов не смог уверенно сказать, что они планируют работать в течение всей жизни по профессии. В. В. Радаев [2, 20] отмечает, что нежелание работать в течение всей жизни по одной специальности характерно для современного молодого поколения вне зависимости от профессии.

Большинство студентов ожидают столкнуться с трудностями при трудоустройстве (66,7%). Эти трудности связаны с отсутствием вакансий в городе, недостатком опыта работы, низкой заработной платой и отсутствием карьерных перспектив. Сравнение с требованиями в вакансиях на рынке труда позволяет сделать вывод, что представления студентов реалистичные.

Большинство студентов хотят строить карьеру в другом городе (45,8%). Среди городов для построения карьеры наиболее популярные Москва и Санкт-Петербург. Именно в этих городах и находится большинство вакансий, поэтому ожидания студентов о трудовой мобильности реалистичные. Первокурсники выбрали и менее крупные города «Воронеж» и «Казань» и вариант работы за границей.

Таким образом, студенты-социологи имеют реалистичные карьерные ожидания, но большинство обучающихся отказываются от работы по специальности ещё на этапе обучения. Это может быть связано с факторами поступления на данное направление и формированием представлений о содержании профессии.

1. *Абрамов К. Социология труда и обучения // ВЦИОМ. 2021. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/Abramov_K.V._-_Forum_truda_-_dopolnennaja_ot_21.04.2020.pptx.pdf (дата обращения: 21.03.2022)*
2. *Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15-33.*

ФЕНОМЕН МОРАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ОСНОВЕ МНЕНИЙ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ)

Тертышников Анастасия Геннадьевна
(ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов)

Павлова Ульяна Олеговна
(ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов)

Доклад подготовлен в рамках НИР № 100929-0-000 «Феномен эксклюзии в современном обществе (на основе мнений студентов московских ВУЗов)»

Моральная эксклюзия – это исключение других людей или групп из своего морального сообщества, т.е. рассмотрение других как находящихся за пределами границ, в рамках которых применяются моральные ценности и действуют правила справедливости

Данный феномен распространен в социуме, однако его достаточно сложно обнаружить в отношении определенных групп из-за рационализации такого поведения. Так, моральная эксклюзия бывает институционализирована, скрыта и воспринимается как неизбежная.

По результатам исследования, проведенного методом опроса среди студентов РУДН, МГУ и ВШЭ, было проведено ранжирование групп, подверженных моральной эксклюзии, и выделены следующие ее степени:

1. Низкая степень характерна по отношению к ВИЧ-инфицированным и людям с РПП
2. Средняя степень включает представителей ЛГБТ-сообщества, а также людей, занимающихся сэлфхармом.
3. Высокая степень – самые исключённые группы, - наркоманы и педофилы.

Факторами, наибольшим образом влияющими на склонность респондентов к моральному отчуждению, оказались пол, религиозность опрошенных и их политические взгляды. Так, по сравнению с мужчинами, женщины в меньшей степени проявляют моральную эксклюзию. Люди, придерживающиеся консервативных политических взглядов, чаще склонны к моральному исключению по сравнению с людьми, придерживающимися нейтральных или либеральных. И для респондентов, считающих себя религиозными, характерно более лояльное отношение к социальным группам.

Один из разделов исследования был посвящен социальной желательности. Его целью являлось рассмотрение потенциального стремления респондентов скрыть от общества свою склонность к моральному исключению. В ходе исследования было выявлено, что ответы респондентов с высокой и низкой социальной желательностью практически не отличаются в процентном соотношении. Данный факт даёт основание полагать, что в социуме присутствует одобрение моральной эксклюзии в отношении определенных групп.

Таким образом, в российском обществе есть определенный набор ценностей и норм, которые существуют в рамках морального континуума. Один его полюс представляет «область справедливости», а другой - «исключение», являющееся предпосылкой насилия и дискриминации. Данные явления создаются совместно социально-психологическим процессом морального исключения, культурными нормами, оправдывающими его, и поддерживающими экономическими и политическими иерархиями власти. И для того, чтобы лучше понять истоки межгруппового конфликта, который приводит к экстремальным ситуациям, таким как геноцид, а также сделать шаг в направлении инклюзивного общества, необходимо изучение данного феномена.

1. Opatow, S. (1990). *Moral exclusion and injustice: An introduction. Journal of Social Issues*, 46, 1–20.
2. Hardy S. A., Carlo G. *Moral identity: What is it, how does it develop, and is it linked to moral action? // Child Development Perspectives*. 2011. № 5(3). P. 212–218

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ВУЗАХ РОССИИ

Тюрина Юлия Александровна
(СЗИУ РАНХИГС)

В последние годы в реализации государственной молодежной политики России актуализируется и активизируется воспитательная деятельность и работа с молодежью в высшем образовании, наблюдаются законодательные и нормативно-методические изменения, изменения в системе управления.

Законодательные изменения. С 2021 года вступает в действие № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании от 31 июля 2020 года» [2], в котором вводится понятие «воспитание», процесс воспитания регламентируется через обязательное внедрение профильных нормативно-методических документов во все образовательные программы.

Нормативно-методические изменения. Определяются ключевые подходы к содержанию воспитания, механизмы организации воспитательной работы и работы с молодежью в вузах, показатели эффективности. В разработанных Министерством высшего образования и науки РФ совместно с научно-образовательным сообществом «Методических рекомендациях по разработке Рабочей программы воспитания и Календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования» (2021 г.) [1] предлагается теоретико-методический и организационный инструментарий для формирования воспитательных систем в учебных учреждениях в соответствии как с общепризнанными принципами формирования личности, так и с целями государства в области молодежной политики и воспитания.

Изменения в системе управления. В структуре Министерства высшего образования и науки РФ организация работы с молодежью и воспитательной деятельности выделяется в отдельное направление и закрепляется за конкретным заместителем министра, как и профильный департамент – департамент государственной молодежной политики и воспитательной деятельности. Формируется единая система управления воспитательной работой во всех образовательных учреждениях страны. В обеспечении эффективности управления в течение 2021–2022 гг. реализуются рабочие встречи представителей министерства (не ниже руководителя департамента), руководителей учебных учреждений (не ниже проректора), глав комитетов по делам молодежи при правительствах субъектов в Федеральных округах. Создается информационное поле. Определяется методика расчета КРІ ректоров и проректоров в области реализации молодежной политики и воспитательной деятельности.

В обеспечении единой системы управления в работе с молодежью и воспитательной деятельности в образовательных учреждениях высшего образования под контролем министерства отдельно выделяется воспитательная функция, под обеспечение которой внедряется соответствующая организационная структура, возглавляемая профильным руководителем – не ниже проректора. Введение должности проректора по молодежной политике в штатное расписание вузов становится обязательным.

Однако, при актуализации и активизации воспитательной деятельности и работы с молодежью в вузах России, наблюдается ряд проблем, которые признаются и руководителями министерства.

Во-первых, несмотря на формирование единой системы управления работой с молодежью и воспитательной деятельностью, а также задействование в этом направлении потенциала и ресурсов образовательных учреждений, уровень вовлеченности молодежи в предлагаемые молодежные мероприятия и активности остается достаточно невысоким.

Во-вторых, наблюдается несоответствие между набором ценностей, носителем которых является современная молодежь, ее ценностными установками и ожиданиями со стороны государства, как одного из основных субъектов формирования молодежной политики и воспитательной работы, определения базовых составляющих личности гражданина и будущего профессионала.

В-третьих, концентрация внимания в реализации молодежной политики на организации условий для конструктивной активности молодежи и развития внутреннего потенциала личности. При том, что в структуре ценностных установок и потребностей молодежи, фигурирует целый спектр социально-экономических ориентиров.

В-четвертых, при тщательной разработке федеральных нормативных документов в области реализации молодежной политики и воспитательной работы, проработке управленческих и организационных решений на федеральном уровне, фиксируется отсутствие должного внимания к особенностям реализации молодежной политики и воспитательной работы в регионах, столь разных в социокультурном, геополитическом и социально-экономическом контексте.

Учитывая, что вопрос эффективной реализации молодежной политики – это вопрос развития общества и процветания государства, так как молодежь – это особая социальная группа, это будущее общества и страны, то в решении обозначенных проблем при реализации молодежной политики особо важным становится единство целей государства и представлений молодежи о своём будущем, о возможностях самореализации в нем.

1. Методические рекомендации по разработке Рабочей программы воспитания и Календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования (2021 г.) // <https://minobrnauki.gov.ru>

2. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся" от 31.07.2020 N 304-ФЗ.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА)

*Удовыдченко Алина Сергеевна
(НГТУ)*

*Рязанова Татьяна Александровна
(НГТУ)*

Гендерный стереотип – определенное представление об особенностях и поведении представителей разных гендеров. При этом речь идет не только о традиционной дихотомии «мужской-женский», но и о новых гендерах (бигендер, агендер, андрогин, цисгендер, небинарные люди, гендерквир пр.). Наиболее восприимчивой к изменениям в этой тематике, является молодежь, в частности студенческая. Они с большим интересом воспринимают и «примеряют на себя» старые и новые гендерные стереотипы. Все чаще наблюдается среди студенческой молодежи тенденции к размыванию гендерных стилей, профессий, моделей поведения и т.д. Кроме этого имеет место гендерная сегрегация - предпочтение разных видов деятельности и общения, разных друзей, разных социальных ролей, подчеркивание гендерных различий, формирование пристрастного отношения к своему гендеру и предубеждений к другому, возникновение гендерных конфликтов [3].

Нами было проведено исследование среди студентов 1–4 курсов, обучающихся на очном отделении по программе бакалавриата в ВУЗах города Новосибирска (НГТУ, СГУПС), из которых 48,6% юноши и 51,4% девушки. В качестве метода исследования было использовано – анкетирование. Среди популярных стереотипов были отмечены студентами: «мужчина-добытчик» (29,2%), «мужчины не используют уходовую косметику, это не по-мужски» (28,3%), «все мужчины изменяют» (18,6%).

Наиболее популярными относительно девушек стали стереотипы о том, что «женщины обязаны рожать детей, готовить и убираться» (67,3%). Другие распространенные ответы: «женщины-слабый пол» (61,7%), «любая девушка мечтает выйти замуж» (52,3%). Таким образом, несмотря на распространение идей демократии, равенства между полами, одновременно сохраняются и воспроизводятся традиционные стереотипные практики, сужающие жизненный выбор студентов и в какой-то мере способствующие воспроизводству гендерного неравенства.

Среди гендерных стереотипов выделяют маскулинность и феминность. Маскулинными характеристиками являются: активность, смелость, лидерство, жесткость и прочие качества. Феминными характеристиками являются: покорность, слабость, пассивность, мягкость и прочие качества [4]. Гендерные роли, в соответствии с гендерными характеристиками, в обществе давно распределены согласно законам природы. Мужчина – защитник, женщина – вдохновительница [2].

Среди феминных характеристик, доминирующих по мнению респондентов в современном российском обществе, подавляющее количество студентов выбрали вариант «уверенная». Кроме того, были выделены следующие качества: смелая, покорная, скромная, сильная, независимая, властная, самодостаточная.

В образе мужчин акценты смещаются на следующие характеристики: «эмоциональный», «скромный».

Об отношении к разделению профессий по полу, выяснилось, что значительное число респондентов – 59,8% относятся негативно к разделению профессий и лишь 29% студентов относятся положительно к разделению профессий.

Относительно основной роли женщины в обществе были получены следующие данные: 52,3% опрошенных считают, что женщина должна заниматься и семьей, и строить карьеру.

Подавляющее число студентов положительно относятся к равноправию в семье, оба партнера должны одинаково работать, выполнять в равной мере домашние обязанности (55,1%) и лишь 5,6% считают, что женщина и мужчина отвечают за разные сферы в семейной жизни.

Студентам был задан вопрос о жизненных приоритетах. Стоит отметить, что саморазвитие, реализацию чаще выбирали девушки (9,3%), чем юноши (6,5%). Особо хочется отметить, затруднения с ответом чаще сталкивались юноши, чем девушки. Вариант «семья» чаще выбирали девушки (8,4%), юноши (4,7%). Также девушки чаще выбирали варианты: финансовая независимость (1,9%), самодостаточность (3,7%), свобода и независимость (3,7%). Девушки чаще инициируют смену гендерных стереотипов.

Для определения ценностей родительства у студентов, был задан вопрос: «Хотели ли вы, в будущем, иметь семью и детей?». Были представлены следующие результаты: большая часть опрошиваемых (69,2%) всегда хотели иметь детей, наименьшая часть респондентов ответили, что хотят посвятить жизнь себе (15,9%) и 9,3% студентов ответили, что не задумывались об этом.

На вопрос «кто должен быть главным в семье?» были получены следующие ответы: подавляющее количество респондентов считают, что в семье должно быть равноправие (65,4%), наименьшее количество респондентов ответили, что главным в семье должен быть мужчина (27,1%).

В вопросе о том, кто должен распоряжаться семейным бюджетом- практически все респонденты ответили, что семейным бюджетом должны распоряжаться и мужчина, и женщина (82,2%). 11,2% студентов ответили, что семейным бюджетом должен заниматься мужчина и лишь 6,5% студентов ответили, что семейным бюджетом должна заниматься женщина.

С одной стороны, в указанных выше позициях, мы наблюдаем сохранение традиционных гендерных стереотипов, в то же время, наметилась активная, устойчивая тенденция к смене традиционных гендерных стереотипов.

На вопрос о том, как респонденты отреагируют на мужчину в юбке и с накрашенными ногтями, получили интересные результаты: преобладающее количество респондентов ответили, что отнесутся нейтрально (59,8%). 23,4% студентов ответили, что отрицательно отреагировали, так как мужчина не должен походить на женщину. Некоторые респонденты относятся нейтрально, в зависимости от того, как это преподносится. В большинстве своем, в ответах студентов преобладает толерантное отношение к гендерной сегрегации.

В вопросе о существовании дискриминации в России по гендерному признаку наибольшая часть респондентов считает, что дискриминация есть и она охватывает все сферы жизни (65,4%), наименьшая часть опрошенных утверждает, что дискриминации не существует (17,8%). Вариант о том, что дискриминации не существует чаще выбирали парни (11,2%). А подавляющее число девушек (35,5%) считают, что дискриминация существует во всех сферах. Возможно это связано с тем, что в российском обществе доминируют мужчины. Следовательно, большинство сфер являются именно мужскими, а не женскими.

Отметим, что на вопрос о случаях дискриминации по гендерному признаку в отношении респондентов, значительная часть опрошиваемых (46,7%) ответили, что они не подвергались какой-либо дискриминации, но 35% респондентов испытывали в отношении себя дискриминационные действия. Факт существования гендерной дискриминации имеет место в российском сообществе.

Гендерные роли трансформируются у студентов ВУЗов города Новосибирска, происходит активная гендерная сегрегация, переплетение феминных и маскулинных признаков. Студенты стремятся к равноправию и толерантности. На смену традиционных гендерных практик приходят новые, направленные на изучение себя и окружающего мира. Гендерную дискриминацию чаще замечали девушки, чем юноши. Девушки являются наиболее активной социальной базой по смене гендерных стереотипов. Юноши демонстрировали консервативный взгляд на жизнь. Однако, как отметила К. Васильева: «гендерная асимметрия сохраняется, патриархатные гендерные установки и представления по-прежнему преобладают в социуме» [1,150 с.].

1. Васильева К. С. Гендерные стереотипы в современных приметах // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2021. – № 4. – 146-151 с.

2. Карпова М. К., Бученкова Э. О. Традиционные гендерные стереотипы в условиях современности / Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». - 2021. Т. 9, № 1 (33). <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (дата обращения 09.10.2022)

3. Майерс Д. Социальная психология / перераб. и доп.– 6 изд.– СПб.: Питер, 2008. – 752с.

4. Обозов Н.Н. Психология взрослого человека. СПб.:ЛингваЦентр, 2000. – 418 с.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО, НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ

Фалеева Елизавета Павловна
(МГИМО МИД России)

В условиях современных реалий, государство в проведении своей экономической политики зачастую опирается на молодое поколение. Этот факт обусловлен тем, что данная социальная группа обладает наибольшей трудовой мобильностью, принимает активное участие в политической, экономической и общественной жизни общества; обладает наиболее высоким уровнем образования и стремится улучшить свои профессиональные навыки; в большей степени желает улучшить свое социальное и финансовое положение. Именно поэтому экономическое поведение молодежи представляет собой особый интерес для ученых социологов и экономистов, так как, по сути, является определяющим фактором тенденций экономического развития государства.

Молодое поколение весьма неоднородно в своем мировоззрении, отношении к своему финансовому положению. Именно поэтому существует несколько экономических стратегий, определяющих экономическую активность молодежи: трудовая, которая в свою очередь делится на активную и активно-пассивную; и иждивенческая, которая определяется отказом от работы и подразумевает наличие пассивного дохода посредством государства или родителей. Активная стратегия определяется достижением полной финансовой независимости, наличием высокого дохода, максимизацией усилий, потраченных на осуществление трудовой деятельности. К этой же стратегии относится принцип перспективы - постепенное развитие профессиональных навыков и низкий доход в настоящее время для обеспечения высокого дохода в будущем. В свою очередь активно-пассивная стратегия подразумевает достижение частичной финансовой независимости, наличие несложной работы, которая не занимает большого количества времени и, соответственно, приносит не очень большой доход. [1]

По данным Минтруда, в 2022 году процент безработицы среди молодежи поднялся до 16% по сравнению с традиционными 14%, что стало причиной для разработки программы содействия молодежной занятости до 2030 года. По словам ВНИИ труда, одной из причин, способствующих росту безработицы, является учеба. Молодое поколение во время обучения в различных образовательных учреждениях почти не заинтересовано в трудоустройстве, которое предполагает постоянное пребывание на рабочем месте. Оно отдает свое предпочтение работе с гибким графиком и возможностью работать удаленно, что, в действительности, является наиболее удобным вариантом для молодых людей [3]. В условиях цифровизации современного общества, найти работу, соответствующую данным критериям, стало гораздо проще и быстрее. То, что данный процесс значительно повлиял на экономическое поведение поколения Z, которое в принципе было воспитано в эпоху активного развития цифрового общества и в большей степени пользуется всеми технологическими благами, является неоспоримым фактом. С экономической точки зрения можно выделить следующие преимущества: благодаря цифровизации многие молодые люди могут найти себе работу, соответствующую их интересам и не требующую большого количества времени; доступ к огромному количеству разнородной информации и возможность обучаться онлайн способствуют развитию их профессиональных навыков, что в большей степени гарантирует их востребованность как специалистов на рынке труда; цифровизация общественной жизни привела к бурному развитию IT сферы, возникновению новых профессий и образованию большого количества рабочих мест: трудоустройству именно в этой сфере молодежь в наибольшей степени отдает свое предпочтение. Исходя из статистических данных на момент 2021 года, 29% выпускников школ хотят связать свое будущее с работой в сфере информационных технологий, а процент трудоустроенных выпускников вузов в данной

сфере составляет 78% среди бакалавров и 83% среди магистров. Но не смотря на столь высокие показатели, все равно отмечается острая нехватка кадров среди работников IT сферы [4]. Основная проблема заключается в том, что в вузах на направлениях подготовки, связанных с компьютерными науками, наблюдается наименьшее количество бюджетных мест и самая высокая оплата обучения, поэтому не все молодые люди, которые хотят получить образование в этой сфере, могут это сделать. Несмотря на то, что в этом году число бюджетных мест на данных направлениях в рамках проекта «Цифровая экономика» было увеличено вдвое, для многих молодых людей развитие в этой сфере вызывает затруднения [5].

Цифровизация общества также привела к развитию новых форм занятости. В настоящее время особой популярностью среди молодежи пользуется фриланс и работа по самозанятости. По исследованиям ВНИИ труда, выделяются следующие преимущества самозанятости: возможность самостоятельное регулирование рабочего времени, объема и места выполняемой работы [6]. При всех удобствах данного режима, люди, работающие по такой схеме, не обладают высокой социальной защищенностью: самозанятость не предполагает аккумулирования пенсионных накоплений, работники лишены социальных гарантий в связи с утратой заработка и по иным причинам, не могут рассчитывать на оплачиваемый отпуск. Поэтому Минтруд и «Единая Россия» вместе с крупнейшими платформенными организациями в 2021 году начали рассматривать возможность корректировки закона о занятости, чтобы добавить в него новые формы занятости и обеспечить самозанятым более благоприятные и надежные условия для осуществления трудовой деятельности [7]. Это очень важный шаг, так как это решение упрочит нормативное и социальное положение граждан, даст новый толчок для развития данных сфер деятельности и позволит большему числу молодых людей заниматься тем, что соответствует их интересам и будет способствовать их личному и профессиональному развитию.

Еще одной популярной формой занятости среди молодого поколения является предпринимательство. По словам Генерального директора ВНИИ труда Минтруда России Дмитрия Платыгина, 56% молодых людей в возрасте 18-28 лет хотели бы заниматься предпринимательством и рассматривают такую вероятность для себя [6]. К счастью, в нашей стране существует множество различных программ, которые помогают молодежи развивать свои предпринимательские навыки и реализовывать уже существующие проекты. В качестве примера можно привести конкурсы «Большая перемена» и «Мой первый бизнес», в которых ежегодно стремится принять участие большое количество молодых людей. Но на фоне такого большого количества возможностей возникает проблема выбора-отсутствие единой системы в сфере предпринимательства зачастую ставит перед молодыми людьми вопрос, по какому пути лучше пойти и с чего именно им стоит начинать [2]. Еще одной проблемой является отсутствие должного информирования о предоставляемых государством возможностях, и зачастую это касается не только предпринимательства. Большинство представителей молодежи не знает о существовании тех или иных программ так как информация о них почти не выносятся на повестку дня в школах и вузах и не имеет широкой огласки в интернете. Очень важно, чтобы школьников и студентов знакомили с предпринимательством как можно раньше, потому что многие из них рано или поздно выбирают именно этот профессиональный путь развития, и чем раньше они начнут понимать механизмы экономического и правового устройства данной сферы занятости, тем быстрее они смогут стать полноправными и высококвалифицированными участниками экономических отношений.

1. Володин, В. М., Михнева, С. Г. Общественные науки. Социология. Экономическое поведение молодежи в условиях модернизации современного общества / В. М. Володин, С. Г. Михнева - №3 (23), 2012 // УДК 316.344.23

2. Фонд Росконгресс, Восточный экономический форум. Статья «Массовое вовлечение молодежи в предпринимательство: современные реалии и перспективы развития» / Фонд Росконгресс - *forumvostok.ru* 03.09.2021
3. Куликова Софья. Статья «Работу молодым. С какими вызовами столкнется молодежь и чем поможет государство» / Софья Куликова – ТАСС 04.05.2022 г.
4. Неупокоева Елизавета. Статья «Третью выпускников планируют стать ИТ-специалистами» / Елизавета Неупокоева - *SOMNEWS* 01.03.2021 г.
5. Сахно Евгения. Статья «Российские вузы увеличивают количество бюджетных мест по ИТ-специальностям» / Евгения Сахно - *национальныепроекты.рф* 15.06.2022 г.
6. Гусенко Мария. Статья «В России стали популярны новые формы занятости» / Мария Гусенко - *RGRU Новости* 29.11.2018
7. Ильина Наталья. Статья «Поворот, курьеры: в России появятся новые формы занятости» / Наталья Ильина - *Известия iz* 21.06.2021

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Фейгина Анна Яковлевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Агузарова Елизавета Игоревна

(Санкт-Петербургский Государственный Университет)

Коровина Анастасия Игоревна

(Санкт-Петербургский Государственный Университет)

В современном обществе дети и подростки выступают в качестве самостоятельных потребителей, являясь полноценными участниками процессов потребления. Представленный доклад для конференции содержит результаты эмпирического исследования формирования потребительского поведения детей и подростков в цифровой среде, а именно – в Интернете.

Основной целью исследования было выявление и изучение основных факторов, которые оказывают влияние на потребительскую социализацию детей и подростков. Стоит отметить, что в качестве факторов могли выступать как агенты социализации, так и институты.

В качестве теоретических основания исследования были использованы теории социального научения [Bandura 1977, Kwon, Jung 2013, с. 90] и ролевая теория социализации [Moschis 2019 с. 69]. Авторы доклада приводят обширное определение потребительской социализации [Ward 1974, Moschis, Churchill 1978, с. 599]. и основных составляющих этого процесса. Выделяются основные агенты социализации [Somasi 2018, с. 409] и факторы, влияющие на формирование потребительского поведения детей и подростков в цифровом обществе.

Исследование было проведено студентами Социологической клиники Прикладных Исследований СПбГУ совместно со студентами практикантами Факультета Социологии СПбГУ в 2021-2022 году. В исследовании приняли участие 80 детей в возрасте от 12 до 16 лет из 21 региона Российской Федерации. Основным методом сбора данных являлось формализованное интервью. Данные анализировались с помощью инструментов программы для анализа качественных данных Atlas.ti. В качестве метода анализа данных был выбран тематический метод анализа данных – Template Analysis [King 2012, Brooks et al. 2015, Thaichon 2017]. Данный метод позволяет структурировать имеющиеся данные по группам и иерархиям, что облегчает интерпретацию результатов анализа.

Результаты исследования позволили выявить отношение детей к рекламе в Интернете, покупках товаров и услуг в сети. Отдельный блок вопросов был связан с

расходом средств на покупку игр и в самих играх. Детям задавались вопросы о наличии у них платных подписок и их отношении к блогерам, стримам и донатам.

Результаты исследования позволили выявить рациональный характер восприятия детьми рекламы в цифровой среде, можно говорить даже о наличии сформированной рекламной грамотности. Дети сегодня не боятся тратить деньги на покупку игр, а также на донаты внутри этих игр, чего не скажешь о донатах во время стримов – их дети делают очень редко, а в большинстве случаев получателями донатов оказываются их друзья. Результаты исследования показали, что дети сегодня активно пользуются платными подписками, в основном на музыку, также популярно пользование семейной подпиской на кинофильмы.

1. Bandura A., Walters R. H. *Social learning theory*. – Prentice Hall : Englewood cliffs, 1977. – Т. 1.
2. Brooks J. et al. *The utility of template analysis in qualitative psychology research //Qualitative research in psychology*. – 2015. – Т. 12. – №. 2. – С. 202-222.
3. King N. *Doing template analysis //Qualitative organizational research: Core methods and current challenges*. – 2012. – Т. 426. – №. 10.4135. – С. 9781526435620.
4. Kwon E., Jung J. H. *Product placement in TV shows: The effect of consumer socialization agents on product placement attitude and purchase intention //Online Journal of Communication and Media Technologies*. – 2013. – Т. 3. – №. 4. – С. 88
5. Moschis G. P. *Consumer Behavior over the Life Course Research Frontiers and New Directions*. – Springer Nature, 2019.
6. Moschis G. P., Churchill Jr G. A. *Consumer socialization: A theoretical and empirical analysis //Journal of marketing research*. – 1978. – Т. 15. – №. 4. – С. 599-609.
7. Somasiri S., Chandralal K. P. L. *Theorizing Deviant Consumer Socialization: With Special Reference to Compulsive Buying Behavior. A Review of Literature //European Academic Research*. – 2018. – Т. 6. – №. 1.
8. Thaichon P. *Consumer socialization process: The role of age in children's online shopping behavior //Journal of Retailing and Consumer Services*. – 2017. – Т. 34. – С. 38-47.
9. Ward S. *Consumer socialization //Journal of consumer research*. – 1974. – Т. 1. – №. 2. – С. 1-14.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ

Филончик Александр Васильевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В настоящее время в социальной работе особое место занимает молодежь, для которой незавершенность процесса социализации и постоянная изменчивость окружающей среды оказывает особое влияние на становление личности. Молодежь находится в постоянном развитии, стремится познать что-то новое, получить образование, самореализоваться, а также находится в процессе изменения социальных статусов и ролей [5, 70]. Обращение к проблеме реализации программ социальной работы с молодежью и выделения ее в числе актуальных направлений развития социальной помощи явилось результатом осознания явлений, происходящих в обществе. Поэтому создание равных стартовых возможностей, получение молодежью профессионального образования, актуализация ее готовности к преобразованию общественных процессов, адаптация во всех сферах жизни, более эффективная борьба с девиантными формами поведения и т.д. требует создания гарантированной системы защиты и поддержки молодежи.

Не существует единых международных социальных индикаторов [8, 20], которые позволили бы выявить общие положения молодежи в различных странах. Так, например, в документах ООН к молодежи относятся люди в возрасте от 15 до 24 лет [12], в российском законодательстве понятие «молодежь» регламентируется ФЗ №489, в котором установлены возрастные рамки от 14 до 35 лет [2]. Среди исследователей также нет

единого мнения о возрастных границах молодежи, а также о свойствах и специфике данной группы. Многие исследователи придерживаются схожей позицией с В.Т.Лисовским, который в работе «Социология молодежи» обозначил молодежь как группу людей в возрасте от 16 до 30 лет, проходящих стадию социализации, усваивающих образовательные, профессиональные и культурные функции [6].

У современной молодежи наблюдается целый ряд позитивных тенденций, которые помогают выполнять социальные функции: развивается инновационный потенциал; возрастает престижность качественного образования и профессиональной подготовки; растет самостоятельность, практичность и мобильность, ответственность за свою судьбу; улучшается восприимчивость ко всему новому. В рамках современного общества, сформированного под воздействием цифровой среды, отмечается трансформация основных институтов социализации, воздействие которых стало практически эквивалентным воздействию традиционных институтов социализации [3, 4].

Обозначенные тенденции в молодежной среде также приводят к целому ряду проблем, которые свойственны современному обществу: обостряются проблемы молодой семьи (сокращается число браков и увеличивается число разводов); ухудшается состояние физического и психического здоровья; формируются различные социальные девиации (употребление наркотиков, алкоголя); растет криминализация молодежной среды; наблюдается рост экстремистских настроений и агрессии в молодежной среде; формируются асоциальные субкультуры и контркультуры; разрушаются традиционные социальные связи и каналы коммуникации, а также значительно снижается роль ранее доминировавших институтов социализации – семьи, школы, вуза, работы. Это свидетельствует о необходимости развития форм и методов работы с молодежью, а также механизмов оказания социальной помощи.

Стоит отметить, что в цифровую эпоху к указанным проблемам добавились новые, формирующиеся уже в новой социокультурной среде: нарушается концентрация внимания, человек становится рассеянным, что может повлиять на выполнение учебных или профессиональных задач [4, 2]; появляется ощущение деградации [11, 211]; происходит изменение коммуникации (речь становится эмоционально окрашенной или приобретает более грубые и простые стилистические обороты) [7, 69]; формируются заблуждения и ложные представления о том или ином явлении за счет быстрого анализа поступающей информации [10, 171]; растет подверженность различным манипуляциям [9, 40].

Основными целями государственной молодежной политики является создание необходимых условий для успешной социализации и самореализации молодежи, а также возможность развития потенциала и использование его в интересах развития общества и страны. В статье 9 Распоряжения Правительства РФ «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» были обозначены задачи, развитие которых продолжается на данный момент: вовлечение молодежи в социальную практику; обеспечение поддержки научной, творческой и предпринимательской активности; формирование целостной системы поддержки людей, обладающих лидерскими навыками; гражданское образование и патриотическое воспитание молодежи; содействие формированию правовых, культурных и нравственных ценностей [1].

Таким образом, целями социальной работы с молодежью является развитие потенциала молодежи, а также эффективное включение молодежи в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь нашей страны. Для реализации этих целей система социальной помощи должна строиться не только на системе опеки, а на стимулировании активности самих молодых людей и создании условий для самостоятельного решения проблем. Также внимание следует уделить содействию получения качественного образования, профориентации, содействию социального, физического и психологического здоровья.

1. Распоряжение Правительства РФ «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17.11.2008 N 1662.
2. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ (Одобен Советом Федерации 25 декабря 2020 года).
3. Гвинтовкин, А.Н. Особенности социализации молодежи в условиях становления информационного общества / А.Н. Гвинтовкин // Социально-гуманитарные знания. –2013. –№11. –С. 1-7.
4. Кулагина, Я.М. Влияние Интернета на современную молодежь / Я.М. Кулагина, И.Ю.Тарасова // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. –2014. –№35. –С. 1-7.
5. Курьшиева, О.В. Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы / О.В. Курьшиева // Logos et Praxis. –2014. –№1. –С. 67-75
6. Лисовский, В.Т. Социология молодежи. / В.Т.Лисовский. –Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского Университета, 1996. –96 с.
7. Малахова, О.Н. Особенности коммуникативного опыта в современной студенческой среде: психолого-педагогический аспект / О.Н. Малахова, В.И. Иманаев // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. –2021. –№94. –С. 66-69.
8. Радченко, А.Ф. Молодежь и ее возрастные границы / А.Ф. Радченко // Социология власти. –2012. –№3. –С. 19-29.
9. Староверов, В.И. Манипулирование общественным мнением: социологические аспекты анализа / В.И. Староверов // Социология власти. –2009. –№4. –С. 40.
10. Чепель, Ю.В. Краткая характеристика персониферы Интернета / Ю.В. Чепель // Филологические науки. Вопросы теории и практики. –2010. –№3 (7). –С. 170-172.
11. Шарипова, В.А. Интернет-коммуникация: новые возможности и способы опосредованного общения или деградация языка / В.А. Шарипова, М.А. Елинсон, О.С. Исхакова // Вестник Башкирского Университета. –2019. –№1. –С. 210-214.
12. ILO. Is the future ready for youth? Youth employment policies for evolving labour markets. [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_776024.pdf (Дата обращения: 09.10.2022).

СТАЖЕРСТВО КАК ИСТОЧНИК УЯЗВИМОЙ ЗАНЯТОСТИ: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТАЖЕРОВ

Халиков Кирилл
(НИУ "Высшая школа экономики")

Чиркина Дарья Вячеславовна
(НИУ ВШЭ)

Тищенко Екатерина Денисовна
(НИУ ВШЭ)

В рамках настоящего доклада будут изложены результаты исследовательской курсовой работы по тематике того, как студенты московских вузов или их выпускники (окончившие учебное заведение не ранее 2021 года) воспринимают своё собственное социальное положение в контексте прохождения стажировки как первого опыта рабочей деятельности. Для этого в апреле-мае 2022 года было проведено 21 качественное глубинное интервью с ранее упомянутыми респондентами. В выборку попали стажеры женского и мужского пола от 19 до 23 лет с разным уровнем благосостояния и из вузов разного уровня престижности.

В современном мире возникает противоречивая ситуация: с одной стороны, занятость стажеров сопряжена со значительными нагрузками, их труд зачастую

низкооплачиваемый, а деятельность может не носить выраженный профессиональный характер. С другой стороны, стажировка предстает как источник получения первого профессионального опыта и местом для приобретения различных видов человеческого капитала, а также в целом компетенций сотрудника, который все более ценится работодателями. Возникает исследовательская проблема, в рамках которой возникает противоречие между стремлением индивида улучшить социальное положение за счет прохождения стажировки и precariousностью занятости, которая может этому препятствовать.

К факторам, в той или иной степени определяющие социальное положение, были отнесены: профессиональная идентичность, возможная precariousность занятости, иерархия в рабочем коллективе, удовлетворенность работой и внешнее признание.

Исследование позволило выявить, что далеко не у всех стажеров происходит формирование профессиональной идентичности в рамках прохождения стажировок: затрудняющими факторами выступают такие черты стажировок, как монотонные задачи (в основном те, которые не требуют профессиональных навыков), невозможность принимать профессиональные решения, а также особенности коллектива – отсутствие традиций, наличие внутренних конфликтов.

Если говорить о влиянии иерархии в рабочем коллективе на восприятие своего социального положения стажером, то респондентами оценивались как важные оценки своей позиции в структуре компании, характер отношений с другими сотрудниками и участие в общих обсуждениях, общение наравне с коллегами (на «Ты»), коммуникация за пределами работы, которая оценивалась стажеров как положительная характеристика для оценки своего субъективного социального положения.

Исследование также позволило установить, что представления стажеров о своем положении в обществе после прохождения стажировки или не изменились совсем, но позволила создать плацдарм для дальнейшего построения карьерного пути, или изменились в положительную сторону – то есть стажировка помогла им повысить свое социальное положение. В ряд критериев, определяющих социальное положение человека, стажеры ставили доход, образование, престижность компании и профессии, а также опыт работы.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Халилова Айнура Вахидовна

(Санкт-Петербургский Политехнический Университет имени Петра Великого)

Внедрение и развитие дистанционного обучения в период пандемии внесло свои изменения в коммуникации между агентами образовательного процесса. Появилось много различных форматов обучения, но именно смешанный формат (очное посещение лекций наравне с онлайн-режимом) показал свои преимущества, позволив студентам и преподавателям более эффективно взаимодействовать в коммуникационной среде.

Согласно данным социологических опросов, студенты, которые легко адаптируются к новым форматам обучения (в том числе к дистанционному), более успешно усваивают образовательную программу и достигают положительных результатов чаще, чем их менее гибкие к изменениям сверстники [1]. В ходе проведения социологических исследований на базе СПбПУ (2020-2021 гг.) было выявлено, что в большинстве своем студенты положительно оценили свою адаптацию к онлайн-формату проведения занятий, так как дистанционное обучение позволяет экономить время, заниматься несколькими делами одновременно и не посещать людные места, что было особенно актуально в первый год пандемии [2, 95].

На вопросы о том, как изменились коммуникативные практики в образовательной среде вуза, студенты ответили, что у них возникают сложности в общении с преподавателями, так как важно формулировать мысль точно и при этом «не казаться «сухим»». Респонденты обсуждали коммуникационные барьеры, имеющиеся в цифровой среде вуза, которые снижают эффективность дистанционного обучения и требуют новых оптимизационных подходов. Для минимизации негативного влияния коммуникационных барьеров следует предпринять следующие шаги [3]: во-первых, более широко использовать те каналы коммуникаций (платформы, мессенджеры), которые удобны и предпочтительны для самих студентов; во-вторых, четко формулировать задания, чтобы студенты могли понять, что конкретно от них требуется; в-третьих, обозначить те временные промежутки (например, часы приема), в которые студенты могут обратиться к преподавателю за консультацией, если у них возникают вопросы по учебному процессу; и наконец, в-четвертых, обеспечить равнозначное участие в групповой работе (проектах) каждого студента.

Таким образом, успешное взаимодействие студентов с преподавателями в цифровой образовательной среде напрямую зависит от минимизации коммуникационных барьеров. Вузам следует принять во внимание данный аспект для повышения эффективности цифровой образовательной среды и активного вовлечения студентов в коммуникационные процессы.

1. *Students who are more adaptable do best in remote learning... URL: <https://theconversation.com/students-who-are-more-adaptable-do-best-in-remote-learning-and-its-a-skill-we-can-teach-165003> (дата обращения: 18.09.2022)*

2. Глазунова Г.Д., Дашкова Е.И., Редькина А.Д., Цыма И.С. *ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ЦИФРОВОЙ СЛЕД: ВЗГЛЯД СТУДЕНТОВ СПБПУ. Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов: трансформация компетенций и мировые вызовы коммуникационной отрасли: материалы научно-практической конференции с международным участием, С.-Петербург, 2020 г. Том 2. / отв. ред. М. С. Арканникова. - СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. – 433 с. – С.92-97.*

3. *Barriers to communication in distance education. URL: https://www.researchgate.net/publication/286122039_Barriers_to_communication_in_distance_education (дата обращения: 19.09.2022)*

ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Харитошкина Екатерина Викторовна

(Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова)

В условиях современных глобальных изменений, охватывающих все сферы жизни и деятельности человека, вопрос, связанный с идентичностью молодого поколения, требует пристального внимания и детального изучения. В сложившейся ситуации актуальным становится вопрос осознания молодежью своей роли и места в общественной жизни, а также адаптации и самоопределения в мире стремительных перемен и трансформаций.

Понятие «идентичности» является одной из черт современности. Данный термин используется в большинстве социальных, гуманитарных и психологических науках. О нем говорят в том случае, когда речь заходит о том, что из себя представляет конкретный индивид.

Наибольшему влиянию внешней среды подвержена современная молодежь, так как данная группа по своим социально-психологическим характеристикам изначально ориентируется на нечто новое. Молодые люди всегда стремятся к самоутверждению, поиску своего статуса в системе сложных социально-экономических отношений

общества. Именно поэтому процесс поиска своей идентичности является основополагающим в процессе взросления и перехода к социальной зрелости. В.Т. Лисовский подчеркивает, что социальная зрелость наступает в момент, когда личность становится носителем социальных ролей и осознает те обязанности, которые она несет [2, 51].

В процессе формирования собственного Я у молодых людей часто возникают случаи, когда они деконструируют то, что думают о себе или подвергают сомнению свои достижения, правильность своих взглядов и роль в обществе. Именно поэтому Э. Эриксон в своих работах период формирования личности рассматривает как критический период [3, 14]. Молодые люди в этот период сталкиваются с ситуациями, которые позволяют в дальнейшем определиться с их ценностями и идеалами.

В условиях современного общества информация становится основным ресурсом, поставляемым через каналы масс-медиа. В большинстве своем она находит отклик у молодежной аудитории, которая в силу своего возраста склонна к поиску себя и самоидентификации. Информационно-сетевые технологии становятся основными агентами социализации и имеют возможность оказывать воздействие на сознание молодого поколения в массовом масштабе: на ценности, идеалы, нормы. Довольно часто мы можем наблюдать явления манипулирования потоками информации в масс-медиа и навязывание аудитории определенных идей, способов самовыражения, поведенческих стратегий и ложной интерпретации различных событий [1, 275].

Нередко могут возникать ситуации «путаницы» в отношении своей идентичности, которые говорят о том, что индивид не прошел полный процесс развития, что может привести впоследствии к девиантному и антисоциальному поведению [4, 229]. Научное сообщество нередко обращает внимание на проблемы девиантности и преступности среди молодежи, которые часто влекут за собой патологический взгляд на молодых людей. В большинстве своем исследователей интересуют не столько внутренние личностные конфликты, сколько социальная неопределенность, которую молодые люди испытывают.

Таким образом, можно говорить о том, что идентичность формируется в процессе всей жизнедеятельности человека, но основной этап формирования мировоззрения, самоощущения, принятия культурных образцов, идеалов, моделей поведения, а также поиск самого себя происходит в период взросления, который нередко сопровождается кризисом. В этот период представители молодого поколения уязвимы и незащищены от потоков информации, поступающих из каналов масс-медиа.

1. Ларионова И.В., Максимова О.А. Формирование идентичности молодого поколения в контексте влияния информационно-сетевых технологий // ВЭПС. 2017. №4. С. 275-278
2. Лисовский В.Т. Социология молодёжи / Под ред. В. Т. Лисовского. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996 – 361 с.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996 – 344 с.
4. Muuss RE. Carol Gilligan's theory of sex differences in the development of moral reasoning during adolescence. *Adolescence*. 1988 – 229-243 p.

ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МОЛОДЁЖНОГО РЫНКА ТРУДА В МОСКВЕ

Хорцев Андрей Алексеевич

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Иванова Светлана Петровна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Проблемы молодёжного рынка труда достаточно актуальны для нашего времени, так как от них зависит эффективность работоспособности этого же самого рынка. И их

решение поможет улучшить их работу, повысить их качество, а также позволит с большей эффективностью находить новые кадры. Для страны это имеет стратегическое значение, так как именно молодые люди являются двигателем экономического роста.

В Москве, несмотря на несомненные достижения в области поддержки молодёжной занятости, остаются проблемы безработицы молодежи, недостаток достойного рабочего места выпускникам профессиональных образовательных учреждений, высокая вовлеченность молодежи в сферу неформального сектора, временной занятости.

Большинство работодателей пытаются взять на работу профессиональных специалистов с опытом, знающих все нюансы конкретного профессионального направления. Кроме того, они считают, что молодые специалисты достаточно тяжело адаптируются к новым условиям работы. Однако в Москве есть множество компаний, которые готовы с удовольствием нанять молодых специалистов, но в большинстве случаев предлагаемая должность не соответствует ожиданиям кандидатов. [1,1]

Такой подход к молодым специалистам возникает из нескольких причин:

Затраты большого времени на учебу выпускника университета. Первое время нужно постоянно его контролировать, делать замечания о неправильном выполнении работ, а затем проверять исправления ошибок. А для работника, обладающего опытом, гораздо легче начинать выполнять свою работу, поскольку ему не требуется особого образования и обладает представлением о специфике будущей работы.

Если бывший сотрудник еще находился на этапе обучения в образовательном учреждении, работодатель понимает, что сотрудник будет часто отсутствовать на рабочем месте. В этой ситуации нужно будет постоянно искать замену неработающего сотрудника, а порой даже оплатить учебный отпуск молодому специалисту.

Кроме того, часто работодатели не уверены в выборе того или иного сотрудника, да и такая неуверенность довольно оправданная. Проработав некоторое время в компании сотрудник легко может покинуть её и перейти в более перспективное и оплачиваемое рабочее место, что создает необходимость в поисках нового сотрудника.

Наиболее часто проблему несоответствия спроса и предложения кадров пытаются решить, пытаясь наладить взаимодействие учебных заведений и работодателей.

Среди основных форм взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг можно выделить:

заключение договоров на целевое обучение студентов с привлечением средств федерального и регионального бюджетов;

организация прохождения различных видов практики;

участие работодателей в разработке основных профессиональных образовательных программ;

привлечение работодателей к чтению учебных курсов и мероприятиям государственной итоговой аттестации выпускников;

формирование системы постоянного информирования студентов о возможностях трудоустройства на предприятиях региона и т. д.

Процесс, однако, идет недостаточно гладко. Основные проблемы, с которыми сталкиваются высшие учебные заведения и предприятия в настоящее время, выглядят следующим образом:

для некоторых образовательных организаций сотрудничество с предприятиями рассматривается как маркетинговый ход для привлечения абитуриентов;

специалисты с высшим образованием на рынке труда оказываются вовлеченными в работу на должностях, не требующих высокой квалификации;

у многих выпускников вузов возникают трудности с практическим применением полученных в вузе знаний;

работодатели вынуждены затрачивать время и деньги на обучение молодых специалистов профессии на рабочем месте;

большинство работодателей без особого энтузиазма относятся к предложению сотрудничества с вузами по обучению студентов и не готовы нести бремя затрат на подготовку и переподготовку молодых специалистов.

Одна из основных причин несоответствия спроса и предложения рабочей силы — это несогласованное развитие сферы занятости и рынка труда, с одной стороны, и системы профессионального образования, с другой: между ними нет должной координации. При этом около 20 млн трудящихся в России рискуют остаться в период до 2030 года без работы из-за потери актуальности их профессий [3,372]. Несколько исправляет ситуацию участие страны в движении Worldskills. Его плюс еще и в том, что внедрение его стандартов в образовательный процесс способствует становлению системы единой оценки, универсальной для любого региона России. Исследователи предложили расширить спектр взаимодействия работодателя и учебных заведений. Среди мероприятий, направленных на повышение эффективности взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг, можно предложить следующие:

1. Разработка и корректировка основных профессиональных образовательных программ в соответствии с требованиями рынка труда и с участием работодателей.
2. Организация ежегодного повышения квалификации профессорско-преподавательского состава по актуальным образовательным программам.
3. Обеспечение образовательного процесса специализированной актуальной литературой и современными программными продуктами.

Своевременное информирование граждан, охрана их труда, общественные работы, программы временного трудоустройства, а также психологическая поддержка, материальная помощь и программы переобучения, всё это позволяет молодым людям не беспокоиться о их будущем, т.к. это даёт возможность на создание новых рабочих мест, а также понимание, что они важная часть этой структуры. Без подобных программ и помощи специалистов было бы очень сложно организовать грамотную работу молодёжного рынка труда. [2,1232]

Рынок молодёжного труда в Москве очень обширен и требует многочисленных доработок, улучшений в своей сфере, чтобы повысить его эффективность. Можно выделить основные направления совершенствования рынка труда молодёжи:

Дополнительная помощь в образовательном и профессиональном обучении молодёжи к работе, ее профессиональной ориентации и информировании о ситуации на конкретном рынке труда и подготовке к конкурентной борьбе в своей области деятельности. Здесь стоит рассмотреть вариант, где молодые люди будут более часто проходить практику в организации от университетов и колледжей.

Улучшить регулирование молодёжного рынка труда правилами найма и увольнения молодых работников, с учетом исполнения законов в полном объёме.

Содействие трудоустройству молодёжи в возрасте от 14 до 35 лет, дополнительная поддержка коммерческих организаций и предприятий, создающих рабочие места для молодёжи. Требуется ввести различные гранты, субсидии или поощрения для руководителей организаций, которые будут брать к себе на работу выпускников ВУЗов. [3]

Добиться того, чтобы рабочие места всегда были в нужном количестве.

Создание условий для вторичной занятости молодёжи (возможность работать сменами).

Увеличение числа учреждений, предприятий, предоставляющих работу молодёжи.

Совершенствование деятельности органов социальной защиты молодёжи, такие как страхование продолжительной безработицы, и другие мероприятия, разработка эффективных программ развития молодёжного рынка труда.

Улучшить профессиональную ориентацию учащихся в учебных заведениях.

Молодые люди должны иметь понимание где именно их профессия должна пригодиться ещё до поступления в университет, для этого дать им возможность пройти «мини-практику» в несколько дней на том месте, где требуется эта профессия.

Благодаря реализации этих предложений, можно существенно повысить качество и эффективность поиска рабочей силы среди молодежи.

Организация молодёжного рынка труда является важной составляющей для нашего города. Департамент труда проделывает сложную работу, такую как: выполнение мер социальной поддержки, сбор информации о возникновении свободных рабочих мест, охрана труда, информирование граждан и т.д. Центр занятости молодежи проводит ярмарки вакансий, оказывает материальную помощь, профессиональное обучение и переобучение, психологическую поддержку, программы временного трудоустройства и т.д. Обе эти структуры дают возможность для глубоко контакта с молодёжью и позволяют направить необходимые профессиональные кадры на новые рабочие места.

Таким образом, направления совершенствования молодёжного рынка труда требуют особого внимания, без реализации которых невозможно улучшить работу рынка, повысить его эффективность и значимость для Москвы.

1. Молодежный рынок труда. Оценка и моделирование межрегиональных различий | Вяльшина Анна Александровна, Блинова Татьяна Владимировна. 2016 - с.1

2. Пухова А.Г., Беляева Т.К., Варакина Е.Е., Рузанова Ю.В. Проблемы трудоустройства молодежи на региональном рынке труда // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. 12-7. С. 1232-1244.

3. КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ ОРГАНИЗАЦИИ Иванова С.П., Мясоедов А.И. В сборнике: Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Международной научно-практической конференции. Материалы Круглого стола. 2020. С. 372-377.

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Царева Анна Владиславовна

(ФГБУ Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры)

Малинин Александр Владимирович

(ФГБУ Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры)

Пухов Дмитрий Николаевич

(ФГБУ Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры)

Развитие у детей школьного возраста мотивированного и ценностно-обоснованного интереса к ведению здорового образа жизни и достаточному уровню физической активности, ограниченное тематическими блоками стандартных учебных программ, недостаточно эффективно. Важным является также обращение к новым актуальным образовательным инструментам, предлагающим учащимся позитивный опыт вне рамок стандартной учебной практики. В этом контексте перспективным направлением становится разработка и применение различных цифровых технологий, в том числе мобильных приложений. Разработка мобильных приложений, различных по содержанию и выполняемым функциям, в настоящее время активно продвигается как на рынке информационно-компьютерных технологий, так и в некоммерческой сфере. Онлайн-магазины приложений предлагают значительное количество разработок в области

здорового образа жизни, спорта, фитнеса, онлайн-тренировок и др., в том числе авторства российских разработчиков. Международный магазин-агрегатор приложений AppStore в настоящее время отражает 132 российских мобильных приложения, связанных с фитнесом, спортивными тренировками, подсчетом калорий, режима сна и объема выпитой воды и пр. [1]. На российском ресурсе RuStore можно загрузить 11 российских приложений по фитнесу, различным аспектам здоровья, тренировкам и пр. [2]. В зарубежной образовательной практике создаются онлайн-игровые проекты по теме здорового образа жизни (игры Escape with Your Life и ASPIRE (A Smoking Prevention Interactive Experience), мотивирующие школьников на отказ от курения [3]. Онлайн-информационные проекты, посвященные теме здорового образа жизни, активно внедряются в России. Компания Яндекс разработала игры-викторины «ЗОЖ и спорт» [4] и «Витамины» [5], где игроки с помощью ответов на вопросы могут закрепить знания о ряде аспектов здоровья и занятиях спортом. Задачи комплексного информирования о здоровом образе жизни реализует официальный интернет-ресурс Министерства здравоохранения Российской Федерации – Портал о здоровом образе жизни «ТакЗдорово» (<https://www.takzdorovo.ru/>) [6], который включает в себя информационные материалы, интерактивные сервисы (калькуляторы калорий, энергозатрат и оптимальных параметров веса, возможность ведения собственного дневника физической активности, подбор и расчет индивидуальной тренировки и т.д.). Игровые элементы включает в себя онлайн-портал «Здоровое питание», созданный в рамках Национального проекта «Демография», Федерального проекта «Укрепление общественного здоровья» (<https://школа.здоровое-питание.рф/>) [7].

Разработка информационно-компьютерных технологий, ориентированных на целевую аудиторию школьников, обладает особой спецификой. При разработке мобильных приложений, направленных на формирование культуры здоровья, здорового образа жизни и поощрения физической активности детей и подростков важно принять во внимание ряд особенностей, определяющих преимущества и ограничения данных образовательных инструментов:

1) Взаимосвязь с образом жизни, повседневными привычками, и наиболее распространенными способами общения и досуга учащихся, которые предполагают постоянное использование смартфонов и мобильных приложений. По данным исследования 2015 года [8], в США 66 % детей в возрасте 3-4 лет проводят перед экраном компьютера или мобильным устройством 3 часа в день. К пятилетнему возрасту это время увеличивается до 4-5 часов, а объем времени использования цифровых устройств подростками достигает 7,5-10 часов ежедневно, что становится фактором появления лишнего веса и проблем со здоровьем, связанных с малоподвижным образом жизни. Похожие результаты представляют и российские исследования [9][10]. Как показало исследование использования детьми и подростками цифровых устройств, проведенное в 2021 году Отделением психологии и возрастной физиологии РАО, 67,8% детей и подростков в возрасте 10-18 лет проводят время за экраном от 50 до 100% своего свободного времени. Наибольшая интенсивность использования компьютеров и смартфонов отмечена у возрастной группы 16-летних. Использование настольных компьютеров составляет всего 10,4%. Для получения информации и общения школьники наиболее часто используют смартфоны (77,9%), которые выступают как многофункциональные «окна в цифровой мир» [11].

2) Преодоление пространственных, временных и социальных ограничений. При необходимости учащиеся могут использовать приложение где и когда угодно, разумеется, с учетом организационных ограничений учебного процесса. В то же время следует учитывать, что чрезмерное и повсеместное использование приложений также может являться негативным фактором зависимости от данной технологии.

3) Высокий интерес школьников к «сетевому интеллекту» как каналу коммуникации и социализации, возможность и желание учащихся расширять

взаимодействие в социальном поле, интегрировать онлайн- и оффлайн-отношения, делиться с другими информацией, событиями и достижениями, получать помощь и социальную поддержку с помощью социальных сетей.

4) Персонализация и интерактивность, то есть возможность создания с помощью приложения «цифрового портрета» пользователя, содержащего информацию о его действиях, состояниях и достигнутых результатах, а также возможность учитывать эти результаты при дальнейшем использовании приложения.

Еще одним важным преимуществом при разработке мобильных онлайн-образовательных инструментов и создании контента для образовательной деятельности, направленной на формирование культуры здорового образа жизни и поощрения физической активности, является создание «неформального» информационного продукта, который не ассоциировался бы у школьников с привычной учебной практикой. Это предполагает обращение к методам, использующим развлекательные и игровые подходы [12].

1. *Здоровье и фитнес / App.Store. Онлайн-магазин приложений. URL: <https://itunes.apple.com/ru/genre/id6013> (дата обращения 05.09.2022).*
2. *Здоровье и фитнес / App.Store. Онлайн-магазин приложений. URL: <https://itunes.apple.com/ru/genre/id6013> (дата обращения 05.09.2022).*
3. *Ермилова А. Игры, пропагандирующие здоровый образ жизни. / Игромания. 20.08.2009. URL: https://www.igromania.ru/article/15515/Igry_propagandiruyuschie_zdorovuyu_obraz_zhizni.html (дата обращения 18.08.2022).*
4. *Квиз-игра «Зож и спорт». Яндекс-игры. URL: <https://yandex.ru/games/?app=190898> (дата обращения 16.08.2022).*
5. *Квиз-игра «Витамины». Яндекс-игры. URL: <https://yandex.ru/games/app/192222#info> (дата обращения 19.08.2022).*
6. *Takzdorovo.ru. Портал о правильном питании, здоровом образе жизни и избавлении от зависимостей / Официальный ресурс Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://www.takzdorovo.ru/> (дата обращения 23.08.2022).*
7. *Портал «Здоровое питание». Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: <https://школа.здоровоепитание.рф/> (дата обращения 25.08.2022).*
8. *Allen M.S., Vella S.A. Screen-based sedentary behaviour and psychosocial well-being in childhood: cross-sectional and longitudinal associations // Ment. Health and Phys. Act. 2015. No 9. P.41-47.*
9. *Благополучие детей в цифровую эпоху: Доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (09-12.04.2019, Москва) / А.А.Бочавер, С.В.Докука, М.А.Новикова и др.]. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2019. С.25.*
10. *Безгодова С.А., Микляева А.В., Юмкина Е.А. Смартфон как инструмент обучения: психологический анализ // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. № 3. С.81-91.*
11. *Конференция «Перспективы развития исследований в сфере наук об образовании» объединила специалистов из разных стран // Российская Академия Образования. 7.12.2021. [официальный сайт] URL: <http://rusacademedu.ru/news/konferenciya-perspektivy-razvitiya-issledovaniy-v-sfere-nauk-ob-obrazovanii-obedinila-specialistov-iz-raznykh-stran/> (дата обращения 14.09.2022).*
12. *Царева А.В. Особенности конструирования опыта участников компьютерных игр в социологической перспективе // Дискуссия. 2016. № 8(71). С. 96-102.*

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ XIX СТОЛЕТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЕ (В ИЗЫСКАНИЯХ Г. СПЕНСЕРА)

Цветкова Галина Александровна

(Российский государственный гуманитарный университет)

Проблемы просвещения занимали умы ученых в различные века. Не был исключен из этого направления исследований и XIX век, в котором видную роль занимал Г. Спенсер (1820-1903), считавший, главной функцией просвещения – приготовить людей к полной жизни. «Как жить – вот существенный вопрос, - заявлял он, - это не только как жить чисто в материальном, но и в обширном смысле? Как воспитать свой ум? Как управлять своими делами?» [1, 28] Отсюда можно сделать вывод, что в своих изысканиях, направленных на выявление реальных проблем (умственных, нравственных, психологических и физических) в сфере просвещения и поиск их рациональных решений, он отстаивал применение комплексного подхода. При этом ученый стремился постичь главный смысл не только образования, но и воспитания, считая их неотделимыми и взаимосвязанными элементами одной социальной модели просвещения.

Критикуя действующую в то время систему образования, Г. Спенсер указывал на наиболее актуальные вопросы, заявляя, что формируются не действительно наиболее ценные знания, а те, которые доставляют похвалу, почести и уважение с помощью которых вернее достигается положение и влияние [1, 22], поэтому главное значение в образовании имеет не существенная ценность знаний, а внешнее их воздействие на других. Да и люди руководствуются только обычаями, вкусом и предубеждением, не обращая внимание на рациональность предметов и достоинство заложенных в них знаний, соразмерность выгод соответствующих сведений. Мы часто учимся не для того, чтобы быть, а для того, чтобы казаться лучше, чем мы есть на самом деле, полагал ученый. К сожалению, это практика в большинстве случаев сохраняется

Обращая внимание на важность социально-психологического состояния обучающихся, Г. Спенсер утверждал, что умственной деятельности гораздо более благоприятствует хорошее расположение духа, чем состояние равнодушия и отвращения. Ибо полагал он, каждому известно, что вещи, прочитанные, услышанные или увиденные с интересом, запоминаются гораздо лучше, чем те, которые читаются, слушаются или рассматриваются с апатией. Более того, если способности простимулированы и заняты деятельно, то впечатления от деятельности остаются сильными. [1, 208]. И как следствие, польза обучения соразмерна удовольствию от урока.

К умственной нерадивости, рождаемой в ученике не занимательностью некоторыми предметами, следует прибавить парализующий страх последствий, подчеркивал Г. Спенсер. Хотя этот страх, отвлекая его внимание, увеличивает трудность познания, останавливает мысли на фактах, которые для него отвратительны. К этим фактам добавляются и другие нравственные последствия, проявляющиеся в неспособности к работе, отражающиеся в наружности (холодные взгляды от угроз наказания и пр.), и привычках (бездействия и пр.). Поскольку один ошарашенный усвоением интересных предметов, другой – несчастный, вследствие отвращения к данным занятиям. Влияние успехов или неудач на ум и власть ума над телом обучающегося, - приходит ученый к выводу, - очень значительно: в первом случае, способности развиваются, поэтому характер и здоровье, находясь в благоприятных условиях, положительные; в другом случае, способности притупляются, в связи с этим, существует опасность постоянной угрюмости, робости и даже физической слабости. Никакое нарушение нормального хода отправления не может пройти, не оставив следа. [1, 44].

С учетом отмеченного, Г. Спенсер предлагал в качестве мер для успешного просвещения систематически заниматься формированием знаний, соответствующих различным этапам жизни: знаниям, направленным на самосохранение; знаниям,

востребованным для благосостояния семейства; знаниям, подготавливающим к родительным обязанностям и к гражданской жизни; знаниям, раскрывающим изощрение вкуса и развитие талантов; знаниям, предполагающим обучение различным занятиям (увлечениям), скрашивающим повседневную жизнь. При этом исследователь подчеркивал, что знания о долге родителей должны быть представлены в большем объеме, так как обязанности родителей требуют большего внимания, чем гражданские [1, 29-33]. Согласно его утверждениям, традиционная система образования лишь способствует пассивному усвоению учебного материала вместо активной деятельности обучающихся по самообразованию. Следовательно, Г. Спенсер предлагал формировать логику социальной модели просвещения, исходя из потребностей, удовлетворяющих жизнь людей.

Прошли столетия, но злободневность проблем, о которых писал Г. Спенсер в области просвещения не только сохраняется, но и периодически активизируется. По данным всероссийского опроса «Левада-Центра» [2], в современных условиях приоритетность выбора школьных предметов сильно привязана к выбору специальности и вуза. В этом вопросе мнение родителей является главным, поскольку именно они его часто решают за детей, опираясь на свой опыт работы и опыт поколений, закончивших школу и получивших профессии много лет назад. Ими учитываются и их собственные представления об почитаемых профессиях, приносящих хороший доход. При этом люди, не придавая должного внимания перспективам профессионального рынка труда, часто обращают внимание лишь на удовлетворение повседневных жизненных интересов.

1. Воспитание умственное, нравственное и физическое. Сочинение Герберта Спенсера. Перевод с английского. Санкт-Петербург. Издание Н.Н. Карбасникова. 1877 г. 380 с.

2. Данные Левада-Центра. Школьные предметы. Пресс-выпуск от 05.06.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/05/shkolnye-predmety/> Опрос проведен 24–29 мая 2019 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1616 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ. Исследование проведено на дому у респондента методом личного интервью.

ПРОБЛЕМЫ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ВЫБОРОМ РЕБЕНКА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

*Чекалина Алина Александровна
(ФГБОУ ВО МГППУ)*

Последствия внедрения инноваций в нашу жизнь и глобализации привели к тому, что основная часть молодежи действует по выработанному их родителями шаблону: получить образование в направлении наиболее популярных и всеми известных профессий, таких как юрист, экономист, менеджер.

Перед ребенком, который имеет представления о функционировании мира и взрослой жизни, стоит сложный выбор – правильный путь профессионального самоопределения.

Основной проблемой при выборе профессии является противоречие: с одной стороны – социальная желаемость и востребованность на рынке труда и материальная составляющая, и с другой – собственные интересы, то «к чему лежит душа».

Подросток в силу своих психологических и возрастных особенностей, сталкивается с проблемой, выбирая дело, с помощью которой подросток будет обеспечивать себя, и то, с чем будет связана вся жизнь. Ему важно одобрение своего выбора родителями и группой. Подросток не задумывается о факторах, которые подталкивают на принятие решений в процессе профориентации. Как результат - неправильное принятие такого

решения в долгосрочной перспективе может вылиться во внутреннюю неудовлетворенность своим делом, в конечном счете, может снизиться качество работы.

Основные ошибки, с которыми сталкивается подросток:

При выборе профессии, ребенок в первую очередь рассматривает учебные учреждения, в которых он бы хотел учиться, и только потом рассматривает специальности, которым может обучить этот ВУЗ.

Несвоевременность выбора - подросток осознает, чем он будет заниматься в будущем достаточно поздно, следовательно, решение он принимает по принципу «что легче» или «что первое в голову пришло».

Подросток не ощущает потребности у общества в какой-то определенной специальности. Он не анализирует рынок, не узнает о новых специальностях, которые набирают обороты и в ближайшем будущем будут востребованы.

Ориентированы на получение «корочки» [1].

Также на принятие решения о самоопределении могут оказывать влияние следующие факторы:

Давление со стороны. Родители хотят, чтобы их дети продолжали семейные традиции, и их не интересуют то, чем на самом деле хочет заниматься их ребенок. Сверстники побуждают идти «за компанию».

Способности, развитие которых способствует наиболее благоприятному выбору.

Материальная составляющая.

Информированность.

24 января 2021 года ВЦИОМ исследовал процесс выбора профессии разными категориями населения. Если говорить в целом, то при выборе специальности:

27% - ориентированы на собственные увлечения и интересы,

22% - по стечению обстоятельств,

17% - основное внимание уделяли заработной плате

15% - обращали на престиж профессии и возможность карьерного роста

12% - анализировали рынок труда и изучали востребованность профессии.

Нас заинтересовали показатели молодого поколения. «Половина людей подросткового возраста выбирали профессию под влиянием собственных увлечений и интересов (48%), одинаково часто они полагались на оплату труда и престиж (по 23%), а также на востребованность профессии на рынке труда и стечение обстоятельств (по 13%). Престиж профессии и возможности карьерного роста при выборе профессии для этой возрастной категории более значимы, чем для граждан других возрастов [2]».

Необходимо предоставить ребенку свободы выбора, возможность ознакомиться с разными сферами, путем посещения различных секций и кружков.

При правильном выборе индивидуальные особенности человека совпадают с требованиями профессии, и, следовательно профессию стоит выбирать, опираясь на знания своих особенностей, способностей и возможностей. При правильном их развитии можно стать ценным специалистом, и в силу своих знаний, будет высокий уровень оплаты труда.

Также помощь в выборе профессии должна показывать преимущества разных профессии, тем самым популяризация непопулярных профессий поможет сгладить противоречие.

В процессе профориентационной работы огромную помощь приносят и различные диагностике, тесты и беседы с профессионалами – психологами, владеющими темой профориентации.

Самоопределение молодежи – это важный, трудоемкий и долгий процесс, от которого зависит судьба человека. И грамотный подход, терпение, уважение интересов со стороны педагогов и родителей позволят подростку сделать правильный выбор и не совершать ошибок, которые в дальнейшем будет сложно решиться исправить, а иногда, даже и совершенно невозможно.

1. *Международный журнал экспериментального образования*. – 2013. – № 11 (часть 3) – С. 287-291
2. *Профессия, которую мы выбираем: факторы и мотивы решения*. – [Электронный ресурс]. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-kotoruju-my-vybiraem-factory-i-motivy-reshenija?ysclid=18u0ywwvkh78360776>
3. Савченко И.А. Теоретико-правовые основы системы социальной защиты в России // *Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова*. 2017. № 3 (27). С. 26-35.
4. Токарева А.А., Николаева А.А. Специфика мотивации персонала в системе государственной службы и некоммерческой организации // *Научный журнал Дискурс*. 2018. № 7 (21). С. 191-206.

ШКОЛА-ВУЗ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

*Чердниченко Галина Анатольевна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

Переход к постглобальному миру, особые задачи суверенизации России означают в сфере образования необходимость, в частности, критически рассмотреть, какие социальные последствия имел ряд институциональных преобразований последних 20 лет, шедших с ориентацией на процессы глобализации.

С точки зрения социологии система образования выполняет две основные – системные – функции: обеспечивает трансляцию знаний, подготовку к социальной, профессиональной деятельности и, одновременно, легитимно содействует распределению людей по разнородным в социально-экономическом отношении позициям, обеспечивая социальное воспроизводство и порождая социальное неравенство. В этом важное значение приобретают институционализация средней и высшей школы (структуризация по разным уровням качества подготовки) и механизм перехода от среднего образования к высшему.

При введении с 2002 г. ЕГЭ декларировалось повышение объективности экзаменов и тем самым обеспечение равных возможностей. Оставалось за скобками, что решался ряд управленческих задач оптимизации и реформирования системы российского образования в рамках включения в процессы глобализации.

Сегодня фиксируются гораздо большее, чем 20 лет назад, педагогическое и социальное неравенство получения среднего образования. Вероятность обучения в школах особого статуса, создающих преимущества при поступлении в вуз, коррелируют с высокими социально-экономическим и культурным положением родителей [3: 203-364, 282-310; 6: 228-258]. Усиливалась многообразная дифференциация высшего образования. Превращение ВО в массовое до середины 2010-х гг. шло за счет расширения сектора структурных подразделений, форм и программ обучения сниженного или низкого качества. Одновременно все более обособлялся сектор вузов и программ с высокими конкурсом, стандартами преподавания, требованиями к обучающимся. Поляризация вузов возросла при реализации госпроектов, нацеленных на повышение конкурентоспособности ВО России на глобальном рынке образовательных услуг (признания дипломов и обеспечения мобильности выпускников). Сегодня сложилось как минимум три крупные категории вузов: 1) ведущие (Ассоциация ведущих университетов, «Глобальные университеты», НИУ, федеральные университеты, «Проект 5–100»); 2) опорные (крупные региональные); 3) прочие. Распределение студентов очников 2020 г. между тремя категориями составляло 18% – 10% – 73% соответственно [4: 8].

ЕГЭ, дифференциация средней и высшей школы усилили социальное неравенство доступа к очному и заочному обучению ВО. Сложилось два типа образовательных треков:

1) «11 классов – ЕГЭ – ВО очного обучения» и 2) «9 классов – СПО – ВО заочного обучения (на базе вступительных экзаменов)». Все меньше школьников после 9-го класса переходили в 10-й: в 2000 – 2010 – 2020 гг. 66,8 – 59,7 – 50,0% [1: 240]. В 2000 – 2016 – 2021 гг. при приеме в вузы на очное обучение устойчиво преобладают лица с полным средним образованием (89,2 – 89,1 – 85,9%); при приеме на заочное обучение имеющих среднее полное образование все меньше (36,7 – 21,5 – 18,6%), а с СПО – все больше (55,7 – 68,6 – 75,1%) [7: 262; 2].

1. Доступ в дневной вуз и качество получаемого ВО существенно зависит от факторов, напрямую не отражающих познавательные способности учащихся, а связанных с материальными и культурными ресурсами семей. ЕГЭ интенсифицировал обращение к репетиторству. При одинаковой успеваемости в конце 9-го класса лучше сдают ЕГЭ в среднем на 4–5 баллов дети из высокодоходных групп семей, нежели из групп низкообеспеченных [5]. Среди студентов-очников 2020 г. у 54% матери имеют высшее образование (в т. ч. ученую степень); в ведущих вузах – 62%, в вузах «Проекта 5–100» – 68%, в МГУ и СПбГУ – 73%. 54% относят себя по материальному положению семьи к группам: «Достаточно обеспечены материально, но покупка автомобиля затруднена» и «Материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск». [4: 21–23].

2. Учащиеся малоресурсных групп вынуждены выстраивать стратегии в обход ЕГЭ – после СПО получения ВО заочно. Большинство заочников учатся платно (75,0% в приеме 2020 г.; в сравнении с 38,0% у очников) [2]. Результаты репрезентативного опроса 2019 г. показывают: те, кто получают ВО заочно, на момент окончания школы принадлежали к средне- и малоресурсным группам: среди их отцов 61,7% были рабочими, среди матерей 25,9% специалистами средней и 21,6% – высшей квалификации. При окончании школы жили: 27,5% в крупных городах, 21,2% – больших и средних, 25,2% – малых городах, поселках, селах. На момент поступления в вуз: 58,9% окончили школу и СПО и 26,3% – 11 классов. Учились в престижных вузах – места с 1-го до 50-го в ранге ТОП-100 (РАЕХ) – 10,6% опрошенных, в вузах с 51 по 100-е место – 11,2% и в тех, что не вошли в сотню репутационных, 78,2%. У заочников скошенная структура специальностей подготовки: 54,2% приходится на «Науки об обществе», 24,4% – инженерно-технические специальности, 2,9% – математические и естественные науки, 1,4% – медицина [8: 78, 81, 107, 108, 112]. У студентов очников соответственно: 29–19–20–13% [4: 15].

Сегодняшняя институционализация школьного и высшего образования все больше разделяют школьников и молодежь из семей с разным экономическим, социальным и культурным статусом. Дети привилегированных слоев, в сравнении с выходцами из слоев с пониженными ресурсами, существенно чаще получают доступ в наиболее селективные вузы, к программам наиболее высокого качества, обеспечивающим повышенную отдачу от ВО на рынке труда. Это ведет к искажению принципа интеллектуальной конкуренции (в опоре на природные задатки и познавательные способности), деформации социальной функции ВО как института, назначение которого формировать интеллектуальный потенциал общества, способный отвечать на разнообразные вызовы современности. Сужение человеческого ресурса интеллектуальной селекции при формировании элиты общества ведет к снижению качества этой элиты в ее способности решать задачи, стоящие перед всем обществом; угрожает сохранению интеграции и стабильности общества, адекватному функционированию самих различных социальных страт. Самовоспроизводство интеллектуальной элиты ведет к ее социальной «ущербности»: ее представители с трудом способны осознавать процессы, происходящие в других стратах, выражать интересы всего общества. Нарастание ограничений у малоресурсных групп ведет к снижению мотивации получать высшее образование и интеллектуально развиваться. Это чревато «деградацией» массового работника, которого требуют сегодняшние актуальные задачи развития страны и, в частности, такая насущная, как обеспечение технологического суверенитета.

1. *Индикаторы образования: 2022: статистический сборник. 2022. М.: НИУ ВШЭ. 532 с.*
2. *Министерство науки и высшего образования РФ. <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>*
3. *Образование и социальная дифференциация. 2018. М.: НИУ ВШЭ. 454 с.*
4. *Основные стратегии выбора вуза и барьеры, ограничивающие доступ к высшему образованию: информационный бюллетень. 2021. М.: НИУ ВШЭ. № 17. 48 с.*
5. *Прахов И.А. 2014. Влияние инвестиций в дополнительную подготовку на результаты ЕГЭ. – Вопросы образования. № 3. С. 74-99.*
6. *Чередниченко Г. А. 2014. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М. 559 с.*
7. *Чередниченко Г.А. 2018. Заочная форма получения высшего образования в сравнении с очной (на материалах статистики РФ) – Вопросы образования. № 2. С. 254-282.*
8. *Чередниченко Г.А. Вознесенская Е.Д., Кузнецов И.С. 2020. Заочник высшей школы: социальное поведение в сфере образования и на рынке труда: монография. М.: ФНИСЦ РАН. – 173 с. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=8499.*

МОЛОДЕЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ И ГОТОВНОСТЬ СТАТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ

Черепанова Анастасия Евгеньевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В современном мире значимую роль в развитии экономики играет молодежное предпринимательство. В современных условиях рыночной конкуренции все большее число молодых людей задумываются о перспективах организации собственного дела [1, с. 158].

Цель исследования: изучить отношение молодых людей к молодежному предпринимательству и их готовность стать предпринимателями.

В исследовании приняло участие 180 человек, 48% мужчин и 52% женщин. Возраст опрошенных составляет от 18 до 35 лет включительно.

Молодой предприниматель, по мнению опрошенных – это человек 21-25 лет, занимающийся инициативной деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли. Он является лидером, имеет организаторские способности и склонен к риску. Половина опрошенных (58%) считает, что молодой предприниматель должен иметь высшее образование. Четверть (23%) считает, что достаточно среднего специального образования. Остальные считают, что достаточно и более низких ступень образования.

Респонденты считают, что молодежное предпринимательство осуществляется преимущественно в следующих сферах: торговли и финансово-кредитной (79%), производственной и сельском хозяйстве (58%), инноваций (41%), посредничестве (39%).

Отвечая на вопрос, в каких бы сферах они сами организовали свою предпринимательскую деятельность, практически все выбрали аналогичные варианты ответов, что говорит о том, что их представление о предпринимательстве взаимосвязано с их представлениями о себе в образе предпринимателя.

Выясняя готовность респондентов стать предпринимателями, было выявлено, что половина (47%) оценили свою готовность в этом на 4 балла (где 5 – полностью готовы, а 1 – полностью не готовы). Не готовы (1 и 2 балла) 22%. Среднюю оценку дали 21% респондентов. Полностью готовы стать молодыми предпринимателями лишь 10% ответивших.

При этом, молодежь в возрасте от 18 до 21 года, являющиеся студентами, оценивают свою готовность выше, чем остальные. Среди них 38% оценивают готовность

на 5, 42% оценивают на 4. Не готовы стать предпринимателями 10%. Остальные дали среднюю оценку (10%).

Респонденты сами стали бы предпринимателями имея следующие мотивы: нежелание работать по найму (43%), хороший заработок (40%), возможность удовлетворения собственной потребности (39%), развитие собственной уникальной идеи (36%) и другие.

Таким образом, существует тесная связь между восприятием образа молодого предпринимателя молодежью и тем, каким предпринимателем представляет себя молодежь.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие проблемы, касающиеся развития молодежного предпринимательства, которые выделили респонденты, отметившие высокую готовность к становлению предпринимателями: отсутствие стартовой финансовой базы, слабая развитость системы финансирования бизнес-проектов и информирования о существующих возможностях, недостаток знаний, образования и опыта в сфере предпринимательства.

1. Стибенюк Н.А. Роль малого и среднего предпринимательства // Вестник магистратуры. 2019. №1-2 (88). С. 157-161.

РОССИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ НЕФТЯНЫХ ВУЗОВ О СВОЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

Черкасова Татьяна Васильевна

(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

авторское исследование по вузовской программе "ПРИОРИТЕТ - 2030"

Студенты нефтяных вузов целенаправленно обретают черты успешных молодых специалистов. Они отличаются: проектной креативностью в вопросах освоения природных недр; упорством в познании технологий нефтегазо-химического производства; большим желанием расширить диапазон своих когнитивных практик. Августовский Слет-2021 в Башкортостане создал условия для отдыха и профобщения студенчества с работодателями. Этот факт способствовал проведению автором социологического исследования для вузовской программы «Приоритет 2030». Есть мнение, что студенты не знают всех нюансов выбранной профессии. Опрос выявил достаточно осведомленных респондентов: высокий уровень зарплаты, премии-59,1%; востребованность на рынке труда-45,5%; социальный пакет, льготы, пенсионные бонусы-42,4%; мой добросовестный профессиональный труд будет важен для семьи и полезен для нашей Родины-39,4%; гарантии карьерного роста по коллективному договору-37,9%; научно-исследовательская или изобретательская деятельность-28,8%; заграничные поездки и переговоры с иностранными партнерами-22,7%; сильная корпоративная культура и дресс-код в корпорации-22,7%; командировки по России-19,7%; возможность работать в Министерстве, Главке-15,2%; это-лифт эмигрировать и работать за границей по российскому диплому-10,6%; романтика-мечта осваивать новые природно-ископаемые месторождения, Арктику, Курилы и др.-9,1%; вузовское образование необходимо для своего бизнеса/самозанятости-7,6%; наличие ведомственного жилья/общежития-6,1%; шанс поработать с риском для жизни, с адреналином -4,5%; перспектива для перехода в политический бомонд-депутатский корпус-4,5%. Московские студенты охарактеризовали свой труд в рыночных реалиях: востребованность; высокий уровень зарплаты; труд важен для семьи и Родины; социальный пакет; гарантии карьерного роста; заграничные поездки. Петербуржцы солидаризировались в варианте-труд на пользу Родине, добавили научно-

исследовательский фактор. В их списке: высокие зарплаты; востребованность; гарантии карьерного роста. Аналогично отреагировали томичи – это мой труд для семьи и Родины. Ухтинцы предпочли командировки по России. Казанцы внесли гарантии карьерного роста. Уфимцы поддержали столичников: высокие зарплаты; социальный пакет; востребованность; труд для семьи и Родины; научно-исследовательская деятельность. Итак, респондентам важна востребованность на рынке, высокий материальный уровень жизни; ценность социально защищенного труда ради семьи и страны. Треть привлекает научно-изобретательская перспектива, каждого пятого – ответственная и мобильная работа в нефте-газовых корпорациях с сильной оргкультурой, международными связями, деловыми командировками. Каждому десятому импонирует деятельность в административно-управленческих структурах, за рубежом или в экстремальных условиях. Делегаты определили свою формулу: «деньги-Отечество-наука» и уточнили ее смысл. При условии получения гарантированной высокой оплаты за труд это молодое поколение заявляет о готовности принести реальную пользу Отечеству и научному прогрессу в условиях эпохи цифровизации и освоения нашей Арктики.

НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Чернышова Анна Геннадьевна

(Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта, А.А. Леонова)

Государственная политика затрагивает не только самые необходимые направления развития общества, но и конкретные задачи, стоящие перед различными сферами общественной жизни. [3] В связи с этим политика государства делится на: внутреннюю и внешнюю, политику по вопросам развития политической системы общества и государства, экономическую и социальную, национальную и культурную политику, экологическую и оборонную. Уделяют особое внимание также аграрной, демографической, кадровой, технической политике и т.д. [4]

Среди них есть направление, которое наиболее близко относится ко всей системе потребностей и интересов личности. Это государственная молодежная политика.

Государственная молодежная политика – система приоритетов, решений и действий государства, направленных на расширение возможностей молодежи для эффективной самореализации, успешной социализации и роста человеческого капитала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, конкурентоспособности, национальной безопасности страны. [1]

Осмысливая роль и значение молодежи в новых условиях, следует отдавать себе отчет в том, что молодежь может явить собой не только потенциал позитивных перемен, но и возможный фактор социальной нестабильности.

Формирование жизнеспособного подрастающего молодого поколения становится одной из главных стратегических задач развития страны. В этом смысле, молодежь рассматривается как объект национально-государственных интересов, один из главных факторов обеспечения развития Российского государства и общества. [2]

Для обеспечения развития инновационной экономики молодежь должна стать основным объектом для инвестиций в человеческий капитал. Молодым людям необходимо создать условия и возможности для позитивного развития, предоставив дополнительные возможности для профессиональной и творческой самореализации, обеспечив территориальную, образовательную мобильность, настроив работу «социальных лифтов».

Выделяются следующие приоритетные направления деятельности государства в области молодежной политики:

1. Повышение качества профессионального образования путем развития неформального и информального (самостоятельного) образования, программ социального образования;
2. Поддержка талантливой молодежи, молодежных стартапов и инициатив;
3. Организация профессиональной ориентации молодежи 14-16 (17) лет и помощь в построении образовательной траектории;
4. Трудоустройство молодежи;
5. Пропаганда здорового образа жизни;
6. Профилактика правонарушений среди молодежи;
7. Формирование духовно-нравственных ценностей и гражданской культуры молодежи;
8. Укрепление традиционного института семьи, поддержка молодых семей;
10. Адаптация молодых мигрантов, как внутренних, так и внешних, к условиям жизни в новых местах жительства;
11. Обеспечение реализации мер финансового регулирования;
12. Развитие молодежного медийного пространства.

Государственным приоритетом должно стать развитие молодого человека и формирование условий для его самореализации. Инвестиции в молодежь это не только принципиально новый уровень расходов государства на молодежные проекты, но и принципиально новое понимание места молодежи в обществе, предоставление молодежи не просто гарантий и ресурсов, условий и возможностей, но и обеспечение реализации творческого, интеллектуального, физического потенциала, ее активное вовлечение в жизнь общества, возможность ее развития в экономической, политической, духовной, социальной, демографической сферах.

1. Головина Е.В. Государственная молодежная политика как фактор обеспечения социальной безопасности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Москва, 2006
2. Кирилина Т.Ю. Социальное управление нравственными процессами в современном российском обществе. Материалы Афанасьевских чтений. 2014. № 1. С. 39-43.
3. Салтыков П.П. Социальная политика государства и пути ее реализации. – М.: Лаборатория Книги, 2012. – 95 с.
4. Чернышова А.Г. Специфика молодежной социальной политики на предприятиях ракетно-космической промышленности. В сборнике: Русский космизм: история и современность. Сборник трудов по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции. Технологический университет им. А.А. Леонова. 2020. С. 80-86.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА НА РЫНКЕ МАССОВЫХ ОТКРЫТЫХ ОНЛАЙН КУРСОВ

Чурсина Анна Вадимовна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Пандемия коронавируса наглядно показала, что система непрерывного образования требует существенных изменений. Система онлайн-образования стремительно развивается, а массовые открытые онлайн курсы (МООК) всё больше набирают популярность среди молодежи. Они являются для студенческой молодежи либо дополнительным ресурсом для получения знаний, либо методом повышения рабочей квалификации.

Система высшего профессионального образования также развивается и интегрирует в себя дистанционное образование, уже сейчас есть вузы, которые

предоставляют возможность своим студентам пройти часть курсов не в традиционной форме, а использовать MOOK.

На основе проведенного пилотажного онлайн-исследования можно говорить, что большинство студентов не знает о понятии MOOK, а среди информированных главным источником знания о них является реклама в интернете и социальных сетях. Студенческая молодежь, в основном, заинтересована в прохождении MOOK для общего развития или для того, чтобы подтянуть знания по какому-то предмету.

Наиболее популярными российскими образовательными платформами являются «Лекториум» и «Открытое образование», которые сотрудничают с ведущими учебными заведениями России. Респонденты допускают вероятность, что MOOK станет одним из компонентов профессионального образования.

Были исследованы достоинства и недостатки MOOK по мнению студентов. Среди положительных качеств отмечаются возможность планировать учебную деятельность, сокращение затрат на поездки, а также возможность проходить курсы в любом университете мира. К недостаткам были отнесены отсутствие живого взаимодействия с преподавателем и материальные затраты на обучение, так как некоторые курсы являются полностью платными, а иногда необходимо платить за предоставление сертификата. В среднем студенты готовы отдать пять тысяч рублей за такой курс.

Таким образом, можно смело говорить, что студенческая российская молодежь ориентирована на удовлетворение собственных потребностей в знании. Они готовы тратить свои ресурсы (как временные, так и денежные) на участие в массовых открытых онлайн курсах и получать необходимые и конкретные знания.

ТАК ЛИ ПРИВЛЕКАТЕЛЕН ПЕТЕРБУРГ ДЛЯ МИГРАНТОВ? ФАКТОРЫ, РАЗДРАЖАЮЩИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ ОПРОСА ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

Шекера Екатерина Александровна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Как указано в Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года (далее - Стратегия-2035): «Одним из основных источников роста численности населения Санкт-Петербурга является миграционный прирост, обусловленный высокой привлекательностью Санкт-Петербурга за счет высокого уровня качества жизни, возможностей трудоустройства и доступности жилья по сравнению с другими субъектами Российской Федерации. <...> Ведущую роль в миграционных процессах обеспечивает приток населения из российских регионов». [1] Однако наряду с высокой привлекательностью наличествуют и существенные издержки жизни в Северной столице: приезжая из других регионов внутренние мигранты попадают в иную среду, которая изобилует различными вызовами. Во многом успехи или неудачи ответов мигрантов на данные вызовы влияют на дальнейшие миграционные намерения – продолжить жить в Санкт-Петербурге или его покинуть. В данной работе мы рассмотрим результаты контент-анализа открытого вопроса «Что Вас больше всего раздражает/не нравится в повседневной жизни в Санкт-Петербурге?», который мы задали в рамках анкетного опроса молодежи из Республики Дагестан, проживающей в Санкт-Петербурге, проходившего с 20 апреля по 20 мая 2019 года. В опросе приняло участие 303 человека в возрасте от 16 до 35 лет. Выборка выстраивалась на основе простого случайного отбора, выборка анкетного опроса не является репрезентативной в силу неопределенности параметров генеральной совокупности. Распространение анкеты происходило через некоммерческие организации - КПЦ «Дагестан» и СПБОО «Содружество Молодежи

Дагестана», также была задействована площадка в социальной сети «ВКонтакте», а именно группа, ориентированная на проживающих в Санкт-Петербурге земляков.

Итак, на интересующий нас вопрос ответило 219 человек, всего получено в качестве ответов 265 понятий (слов и словосочетаний). Все понятия были классифицированы по 13 темам, которые вошли в 4 укрупненных рубрики, составляющие факторы, раздражающие в повседневной жизни (5 понятий остались не классифицированными):

Социокультурный фактор (84):

интолерантность среды/ ксенофобия (31);

характеристики людей, проживающих в городе (30);

вредные привычки людей, проживающих в городе (12);

неприспособленность города для нужд мусульман (5);

земляки в большом городе (4);

одиночество (2).

Экологический фактор (78):

климатические условия (77);

экологические условия (1).

Средовой фактор (68):

дискомфорт для жизни (56);

дорогой город (6);

серость будней (4);

благоустроенность (2).

Отсутствие претензий (30).

Таким образом, социокультурный фактор - наиболее раздражающий в повседневной жизни фактор: совокупно получено 84 понятия, отражающие различные взаимодействия, в основном принимающего общества и мигрантов. В то же время при разбивке по темам прослеживается следующая тенденция:

климатические условия (погода (42), климат (12), дождь (5) и т.д.);

дискомфорт для жизни (пробки (13), много времени на дорогу (9), нехватка времени (7) и т.д.);

интолерантность среды/ксенофобия (неприязнь к кавказцам (5), неприязнь к дагестанцам/стереотипы (4), нацизм (4), национализм (4) и т.д.);

характеристики людей, проживающих в городе (безразличие людей (4), неуважение к старшим (4), агрессивность людей (2), озлобленность людей (2), жители города (2), распушенность молодежи (2), менталитет (2) и т.д.).

С большим отрывом первое место по раздражителям занимают климатические условия, далее следует дискомфорт для жизни в большом городе, почти равное распределение приходится на интолерантность среды и характеристики людей, проживающих в городе.

Повседневные раздражители не являются уникальными, их устранение включено в программу стратегических направлений развития Санкт-Петербурга - Стратегию-2035: повышение качества городской среды (решение транспортных проблем, решение проблем экологического характера, комплексного развития городских территорий), развитие межнациональных и межконфессиональных отношений, укрепление здоровья населения и мотивация к ведению здорового образа жизни и т.д.

Так в Стратегии-2035 отмечается, что Санкт-Петербург характеризуется селитебно-трудовой несбалансированностью, связанной с концентрацией мест приложения труда в центральных районах Санкт-Петербурга, а мест проживания населения - в периферийных районах Санкт-Петербурга и за КАД. Селитебно-трудовая несбалансированность приводит к возникновению мощных центростремительных пассажиропотоков в утренние

часы пик и центробежных - в вечерние часы пик. В зоне пешеходной доступности станций метрополитена в 2017 году проживали 35,1% жителей Санкт-Петербурга. Среднее время поездки с трудовыми целями на 28% превышает предельное комфортное время в пути на работу для 8-часового рабочего дня (50 минут) и составляет 64 минуты (в том числе на общественном транспорте - 67 минут, на личном транспорте - 59 минут). В Санкт-Петербурге наблюдается высокий уровень загрязнения воздушного и водного бассейнов, а также уровень автотранспортного шума на территориях жилой и общественной застройки. Социокультурную жизнь города во многом определяет качество коммуникаций между людьми различных национальностей и вероисповеданий, так в 2017 году доля положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в Санкт-Петербурге жителей составила 63,7%. [1] Эти и многие другие проблемы, снижают привлекательность города для мигрантов, однако поиски решений данных проблем уже включены в Стратегию-2035.

Так, повышение уровня комфортности проживания в Санкт-Петербурге включено в приоритет «Комфортный город». Приоритет «Комфортный город» направлен на развитие Санкт-Петербурга как гуманного и удобного для жизни города, отвечающего принципам современного «умного города» в части, касающейся пространственного развития и разнообразия городской среды, экологического благополучия, безопасности и мобильности. Например, согласно данному приоритету, Санкт-Петербург должен стать городом с полицентричной моделью сбалансированного развития территорий. Строительство жилья и размещение населения приближено к создаваемым рабочим местам, что ограничивает необходимость ежедневного перемещения большинства населения на дальние расстояния. Спальные районы постепенно модернизируются, они полностью обеспечены социальной, общественно-досуговой, торговой инфраструктурой, адаптирующейся под меняющиеся запросы жителей. [1]

Развитие эффективной системы внешних и внутренних коммуникаций Санкт-Петербурга включено в приоритет «Открытый город». Так в рамках данного приоритета, будущее выглядит следующим образом: в Санкт-Петербурге проводится сбалансированная миграционная политика, направленная на использование положительного потенциала миграции и привлечение наиболее квалифицированных кадров дефицитных специальностей, при этом созданы условия для эффективной социальной адаптации и интеграции иностранных граждан. Санкт-Петербург стремится быть открытым своим жителям и гостям, людям, которые хотят приехать сюда учиться или работать. Каждый житель стремится быть сопричастным тому, чем живет Санкт-Петербург, и быть неотъемлемой частью его жизни. [1]

Таким образом, основная программа стратегического планирования Санкт-Петербурга направлена на решение всех выявленных факторов раздражения, кроме одного – климатического. И действительно, общая климатическая картина практически диаметрально противоположная, если в *Санкт-Петербурге солнечных дней в году — 87, облачных — 89 и пасмурных — 189*, то в Махачкале: солнечных — 206, облачных — 92 и пасмурных — 65 [2]. Так, архаичная народная мудрость «много разных земель, а родная всех милей», не только про социальное окружение, но и про привычные климатические условия, поскольку сложно с непривычки продуктивно трудиться и учиться, когда кругом дождливая хандра.

1. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года // Закон Санкт-Петербурга от 19 декабря 2018 года № 771-164. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=131201381&backlink=1&&nd=131182607&rdk=1&refoid=131201386> (дата обращения: 15.08.2022).

2. Сколько солнечных дней в году в Санкт-Петербурге // ANYROAD. URL: <https://anyroad.ru/city/weather/sunnydays/%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%82-%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3,%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B>

4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-
%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения:
15.09.2022).

УЧАСТИЕ ВО ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ

Шибеева Арина Игоревна

(Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова)

Социальное самочувствие или самочувствие человека в обществе – это один из важных социальных показателей, который наиболее точно отражает разные социальные изменения, а также даёт возможность оценить успешность политического и экономического развития как на уровне общества в целом, так и в рамках определённой территории.

Проблема изучения факторов социального самочувствия студенческой молодежи является актуальной в современном обществе. Социальное самочувствие является мотивом поведения и может быть выражено в различных формах активности или пассивности личности.

Для студенческой молодежи основными видами деятельности является учебная и внеучебная деятельность. Именно эта активность повышает уровень социального самочувствия студенческой молодежи и снижает уровень асоциального поведения. Данный процесс происходит за счет улучшения ощущения себя студентами в обществе.

Особенно повышение уровня социального самочувствия происходит во время внеучебной деятельности, когда молодежь вступает в различные объединения, расширяет свой кругозор и пробует себя в новых сферах деятельности для дальнейшего развития. Важно выявить основные направления внеучебной деятельности, которые формируют социальное самочувствие студенческой молодежи, и способствовать их развитию.

За последние несколько десятилетий было опубликовано несколько работ, посвященных получению данных о социальном самочувствии студенческой молодежи. О значимости данной проблемы свидетельствует тот факт, что многие ученые, социологи, психологи, философы уделили внимание этой теме в своих работах.

Понятие социального самочувствия появилось в научной лексике в первой половине XIX века и с этого времени активно используется и изучается российскими и зарубежными учеными. Так, Е.И. Головаха, Н.В. Панина и А.П. Горбачик в своей работе «Измерение социального самочувствия: тест ИИСС»[1] определяют социальное самочувствие как обобщенную эмоционально-оценочную реакцию на социальные изменения и свое социальное положение в трансформирующемся обществе. Авторы считают, что изучение социального самочувствия людей является одним из наиболее актуальных аспектов социологического анализа современных тенденций общественного развития в трансформирующемся обществе.

С целью изучения участия студентов во внеучебной деятельности как фактора их социального самочувствия проведено авторское социологическое исследование «Участие во внеучебной деятельности как фактор социального самочувствия студентов ЯрГУ», в котором приняли участие 132 человека: студенты бакалавриата и магистратуры. Возрастной диапазон респондентов – 18-25 лет. Для сбора первичных эмпирических данных проведено авторское социологическое исследование с использованием методики Головахи Е. И., Паниной Н. В., Горбачик А. П. «Измерение социального самочувствия: тест ИИСС».

С помощью вопроса-фильтра «Вовлечены ли Вы во внеучебную деятельность?» было выявлено 87% респондентов, вовлеченных во внеучебную деятельность и 13% респондентов, не вовлеченных во внеучебную деятельность.

Респонденты, у которых внеучебная деятельность является одной из важных сфер жизни, обладают высоким уровнем социального самочувствия. Произведен расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена, который равен $r_s = 0.183$, $p=0,05=0,17$; $p=0,01=0,23$. Корреляция между местом, которое занимает внеучебная деятельность, и и социальным самочувствием достоверно отличается от нуля и обладает высокой значимостью ($p<0,01$). Однако есть респондент с низким уровнем социального самочувствия равным 20, который оценил внеучебную деятельность, как скорее важную.

В среднем по выборке значение социального самочувствия равно 49,07. Исходя из данных используемой методики, значение попадает в интервал 43-60, что свидетельствует о высоком уровне социального самочувствия студентов ЯрГУ. Высокий уровень социального самочувствия характеризуется удовлетворенностью индивидами потребностей в том или ином благе, например в необходимой одежде, мебели, еде или в уверенности в своих силах.

У 18-ти летней девушки, не вовлеченной во внеучебную деятельность, было зафиксировано самое низкое социальное самочувствие, равное 20, что свидетельствует о недостатке базовых благ и неудовлетворенности жизнью. Также встречались респонденты с максимальным, высоким показателем социального самочувствия, равным 60. Стандартное отклонение равно 8,5, что свидетельствует о большой вариативности данных, есть данные, близкие к среднему значению, но есть и те, что отличаются.

Исследуя влияние эмоций, которые испытывают студенты от внеучебной деятельности, на социальное самочувствие, было выявлено, что у респондентов, которые испытывают в большинстве, положительные эмоции: радость, восторг, уверенность, симпатия, удовлетворение и т.д. (91%), уровень социального самочувствия выше и равен в среднем 49,5. У малочисленного количества респондентов, которые испытывают отрицательные эмоции (1 человек), уровень социального самочувствия ниже и равен 39. У респондентов, которые затруднились ответить (9 человек), уровень социального самочувствия еще ниже и равен в среднем 44,7. С помощью Хи-Квадрата Пирсона, который равен 174,89 можно сделать вывод о том, что эмпирическое распределение признака отличается от теоретического и в большинстве своем у респондентов, испытывающих положительные эмоции, имеется высокий уровень социального самочувствия, ответы статистически значимы.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать несколько выводов:

- студенческая молодежь активно участвует во внеучебной деятельности;
- респонденты, участвующие во внеучебной деятельности, обладают высоким уровнем социального самочувствия;
- студенты, испытывающие положительные эмоции от участия во внеучебной деятельности, имеют высокий уровень социального самочувствия.

1. Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 1998. Том. 0. № 10. С. 45-71.

ИЗМЕНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В ПАРАДИГМЕ ПОСТГЛОБАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Шматов Александр Сергеевич

*(Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО))*

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос участия молодежи в политической жизни страны всегда считался острым и довольно провокационным. На протяжении десятилетий молодежная деятельность в

области политики считалась чем-то обособленным и неконструктивным. Примером могут послужить выступления на митингах 2011-2012 и 2018-2022 годов, а также деятельность в медиасфере, нацеленная на раскачку социально-экономической ситуации в стране. За последний год ситуация изменилась и на данный момент молодежь в сфере политики обрела четкую структуру и повестку дня, за которую эта она отвечает.

Анализ столь существенных изменений стоит начать с первопричин, которые и послужили точкой отсчета столь резкого подъема молодежной активности в политической жизни страны. Главной причиной можно назвать системные изменения миропорядка, а также построение нового гражданского общества в рамках существующих российских реалиях. Для дальнейшего разбирательства в данном вопросе необходимо сделать важное замечание, которое касается реформирования роли гражданского общества. Суть замечания гласит, что переустройство стало необратимым следствием, как внешних, так и внутрестрановых событий, а не эволюционной эволюцией гражданского общества.

В связи с осложнением социально-экономической ситуации в стране, возникла необходимость мобилизации общества во всех сферах ее жизнедеятельности, а следственно — качественного диалога между народом и властью. В данном вопросе молодежь быстро завоевала роль транзитного коммуникатора. В настоящее время основным механизмом обратной между обществом и государством являются телеграмм каналы. Юное поколение уже давно облюбовало эту социальную сеть в качестве основного источника информации как для ее получения, так и для ее размещения. Молодые люди, в особенности люди, недавно закончившие высшее учебное заведение имеют необходимый опыт, а также знания для качественного включения и работы в политическом аспекте жизни страны. В особенности это стало реально из-за невозможности государства не реагировать на сигналы снизу, ведь раньше отсутствие достойной реакции в верхах власти, приводило к нарастанию нигилизма в рядах молодежи, а инициатива угасала на корню, оставляя место маргинальным элементам, не приносящим никакого конструктива в политическую повестку.

Также необходимо отметить, что в течении 2022 года политическое пространство покинули практически все маргинальные молодежные группы войдя в состав новой «русской эмиграции». Это в свою очередь открыло дорогу тем группам политически активных студентов и школьников, которые опасались уничтожения медиарепутации в лице сверстников, а также осуждением их мнения и идей, которые они хотели бы продвинуть в массы. Замечательным примером может послужить видеообращение студентов МГИМО, которые высказали свое отношение к решению о проведении Специальной Военной Операции. Такие события стали возможны лишь благодаря здравому отклику со стороны государства, а не замалчиванием данных заявлений.

С прогрессированием подобного рода политических коммуникаций, стало возможно не только самовыражение молодежи по вопросу политических процессов, но и предпринятие конкретных действий. Примером может послужить следующее, гражданские инициативы в сторону органов исполнительной власти возросли кратно за последний год. Вместе с тем процент инициатив поступающий от представителей молодежи возрос на порядок.

Стоит отметить, что эти инициативы касаются не только в вопросах оперативного характера, возникших в результате проведения СВО, но и по вопросам долгосрочной и стратегической перспективы. Уже этот момент стал следствием смены всей мировой системы и переход ее в стадию постглобализма. Этот переход сломал уже существующий жизненный уклад во всех сферах жизни, в том числе и политической. Многие представители власти продолжили жить старым миром и не смогли перестроиться на новый уклад и как следствие, передел системы коснулся и их, постепенно вышвыривая из политического эстеблшмента. В связи с этим возникла потребность во возвращении новой элиты страны, а единственным надежным источником этой элиты могут послужить лишь молодые кадры с мышлением подстать новой реальности. Именно совокупность

этих фактов и стала причиной столь сильного взрыва политической активности в рядах молодежи

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая культура молодежи в настоящее время переживает расцвет в российском обществе, и процесс вовлечения молодого поколения в политическую сферу и постепенную его интеграции в реалии постглобального мира очень важный и закономерный процесс. Главная задача как гражданского общества, так и государства не пустить на самотек столь важный процесс и не дать ему угаснуть, по крайней мере до момента пока он не выполнит своей основной цели—создание обновленной элиты нашей страны.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ

Шупенько Татьяна Игоревна

(Белорусский государственный педагогический университет им. М.Танка)

Проблема социального развития молодежи – актуальное комплексное и сложное явление, так как касается интенсивно протекающих процессов, связанных с наиболее мобильной и подверженной изменениям социально-демографической группой. В определении понятия «социальное развитие молодежи» можно отметить разнообразие подходов исследователей и трудность в определении критериев, на основании которых можно говорить о развитии как о процессе. Научный анализ социального развития молодежи сталкивается с рядом сложностей, которые отмечают российские социологи: «сложность выделения обоснованных критериев развития», недостаточный учет собственно социологических факторов, «игнорирование спонтанных, стихийных тенденций молодежной среды, «общая тенденция стагнации основных показателей развития молодежи» [1].

В социологическом словаре этот термин определен следующим образом. «Социальное развитие молодежи – изменение количественных и качественных характеристик этой социально-демографической группы в процессе ее становления и развития в качестве субъекта общественного воспроизводства. Критерием социального развития молодежи выступает степень (мера) ее субъектности в общественном воспроизводстве. Оценка социальных изменений молодежи осуществляется в соответствии с тем, насколько они влияют на сохранение общества как целостности и одновременно, соответствуют экономическим ориентирам развития» [2].

Российский исследователь Ю.А. Зубок интерпретирует это понятие как «целостный процесс качественных изменений сущностных характеристик этой социально-демографической группы, который ведет к воспроизводству молодым поколением социальной структуры и ее обновлению. Социальное регулирование данного процесса обеспечивается путем формирования общественно значимых критериев развития, а также посредством выработки социальными институтами нормативных требований, получающих воплощение в государственной молодежной политике» [3]. Она также разработала рискологическую концепцию молодежи, в которой рассматривает риск как одно из сущностных свойств молодежи. Согласно этой концепции риск, будучи социально обусловленным, возникает: в связи с переходным состоянием молодости как фазы жизненного пути и реализуется в процессе инновационной деятельности молодых людей; под влиянием нового этапа социокультурной эволюции изменений в процессе передачи социального опыта между поколениями; в силу кардинальных изменений механизма социального взросления как следствие увеличения продолжительности социальной транзитуции [3]. Сущностные характеристики молодежи как субъекта политических отношений выделил Ж. Тощенко: «незавершенность становления собственной

субъектности в социально-политических отношениях; специфика социального положения молодежи (неустойчивость, невысокий социальный статус, ограниченность социальных связей); лабильность, трансгрессивность и экстремальность молодежного сознания» [4, с.428].

Если взять за основу подход Ю.А. Зубок о том, что качественные изменения сущностных характеристик молодежи в какой-то мере зависят от стратегии государственной молодежной политики, то одним из критериев определения особенностей социального развития молодежи можно назвать роль государства. В Республике Беларусь этот критерий можно проанализировать на основе ряда нормативных актов, где определены задачи и цели развития молодежной политики.

В Законе Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» в статье 3. указываются следующие цели государственной молодежной политики: «всестороннее воспитание молодежи, содействие ее духовному, нравственному и физическому развитию; создание условий для свободного и эффективного участия молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии общества; социальная, материальная, правовая и иная поддержка молодежи; расширение возможностей молодежи в выборе жизненного пути [5].

В государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021 - 2025 гг. обозначены следующие задачи: «создание условий для эффективной самореализации молодежи, формирования у молодежи через систему героико-патриотического и духовно-нравственного воспитания активной гражданской позиции, любви к Родине, гордости за ее прошлое и настоящее, ответственности за судьбу Беларуси; формирование ответственного поведения и ценностного отношения молодежи к собственному здоровью как условию личного благополучия и здоровья будущих поколений» [6].

В Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года целями определены: «создание условий для востребованности молодежи в стране, усиление вовлеченности молодых граждан в реализацию государственных задач по общественно-политическому и социально-экономическому развитию Республики Беларусь» [7].

Общим трендом остается проявление особого внимания к роли молодежи как активного актора общественно-политической жизни, а новым является усиление гражданско-патриотического воспитания, что можно выделить как одну из особенностей. При этом важной составляющей молодежной политики является государственная идеология, которая реализуется через деятельность БРСМ (Белорусский республиканский союз молодежи).

Исходя из проанализированных явлений, можно предложить следующую формулировку социального развития молодежи: это процесс изменений качественных характеристик молодежи под влиянием как актуальных тенденций общественного развития, так и реализации государственной молодежной политики, которая определяет цели и идеологическое содержание развития. Государству при разработке стратегии молодежной политики необходимо учитывать и прогнозировать современные тенденции, принимая во внимание скорость общественных изменений и способность молодежи легко и быстро адаптироваться к ним.

Российский социолог Ю.А. Жаданов проанализировал и выявил специфику социального развития российской молодежи. Он выделяет ряд особенностей:

в начале XXI в. процесс социального развития российской молодежи протекал в сложных условиях, что не позволило сформировать целостную систему показателей и эффектов социального развития. Российская молодежь оказалась включенной в контекст генезиса глобального информационного общества, в результате чего обострились проблемы социального развития, породив состояние информационной неопределенности в молодежном сознании.

существуют противоречия в процессе социального развития российской молодежи: негативная оценка процесса социального развития его субъектами; отрицательное отношение к роли государства в социальном развитии российской молодежи; ощущение закрытости каналов восходящей мобильности [8, с. 8].

Частично вышеприведенные утверждения характерны и для Республики Беларусь, в частности схожими являются конкретно-исторические условия протекания трансформационных процессов и причины противоречий, которые они вызвали.

1. Жаданов, А. Ю. Социальное развитие молодежи в современной России / А. Ю. Жаданов // *Общество и право*. – 2013. – №2 (44). – С. 269 – 273.

2. *Терминологический ювенологический словарь [Электронный ресурс]* – Режим доступа:

https://juvenologicheskyy.academic.ru/290/%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E%D0%95_%D0%A0%D0%90%D0%97%D0%92%D0%98%D0%A2%D0%98%D0%95_%D0%9C%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%94%D0%95%D0%96%D0%98 – Дата доступа: 06.04.2022.

3. *Социология молодежи. Электронная энциклопедия. Рискологическая концепция молодежи* Зубок Ю. А. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sotmol.ru/encyclopaedia/theories/99-riskolog-konc.html> – Дата доступа: 06.04.2022.

4. Тощенко, Ж. Т. *Политическая социология : учебник для академического бакалавриата / Ж. Т. Тощенко ; под ред. Ж. Т. Тощенко. – 5е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 659 с.*

5. *Об основах государственной молодежной политики : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 2009 г., № 65-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.*

6. *Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг. : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 января 2021 г. № 57 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.*

7. *О Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 г. : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 июня 2021 г. № 349 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.*

8. Жаданов, А. Ю. *Социальное развитие молодежи в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества начала XXI века : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / А. Ю. Жаданов. – Краснодар, 2013. – 144 л.*

ОСОБЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА

Шустикова Наталья Михайловна

(Московский финансово-промышленный университет «Синергия»)

Воронова Лия Наилевна

(Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет))

Литвак Валерия Семёновна

(Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет))

Репродуктивное поведение, начиная формироваться в ходе социализации с самого раннего детства, приобретает особую актуальность в период пубертата. Подростки, будучи особой социальной группой, находящейся на стадии взросления и полового созревания, наиболее склонны к поиску нового. Сексуальная свобода современного общества влечет за собой и различные социально значимые последствия: во-первых, увеличивается число подростков, страдающих заболеваниями, передающимися половым

путем; во-вторых, снизился возраст сексуального дебюта, что в свою очередь приводит к росту ранних беременностей и аборт; в-третьих, происходит деформации сексуального поведения и потеря подростками моральных ориентиров. В связи с чем возрастает актуальность исследования.

Было проведено пилотное социологическое исследование репродуктивного поведения подростков мегаполиса, в рамках которого приняли участие 94 ученика 8 – 11-х классов ряда московских школ.

Основная масса опрошенных еще не имеет опыта половой жизни. Лишь четверть опрошенных живет половой жизнью, при этом не проявляет высокой половой активности - большинство занимаются сексом не чаще одного раза в неделю. Все подростки, уже имеющие опыт половой жизни, не жалеют о своем первом половом опыте, что свидетельствует, что подростки были уверены в своем выборе. Большинство подростков склонны к постоянству в своих отношениях и готовы хранить верность своему партнеру. По данным исследования большая часть респондентов склонны к гетеросексуальным отношениям, при этом юноши более гетеросексуальны, чем девушки. В основном подростки имеют поверхностные знания о методах контрацепции, инфекциях, передающихся половым путем, путях их передачи. Отношение к беременности в школьном возрасте подростков обеих групп разделились практически поровну: одна половина считает, что беременность в школьном возрасте – это плохо, другой половине все равно. Каждая вторая девушка пойдет за помощью к родителям, а каждая третья не станет рассказывать родителям о случившемся. Аборт рассматривается как один из основных методов решения вопроса нежелательной беременности. При этом большинство знает об основном последствии аборта - о вторичном бесплодии. О других осложнениях для организма женщины после аборта имеет представление гораздо меньше число респондентов. Полученные результаты позволяют говорить о малограмотности учащихся в вопросах полового воспитания, репродуктивного здоровья и поведения, соответственно возникает потребность в необходимости повышения ее уровня в исследуемой области.

Авторы планируют продолжить данное исследование, расширив географию исследования, а также включить в исследование рассмотрение ряда других факторов, влияющих на репродуктивное поведение подростков.

1. Галиева Э.Р. Традиционные и современные модели репродуктивного поведения // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. №1. С. 12-15
2. Информированность, репродуктивные установки и репродуктивное поведение современных студентов / Абиляхас А.А., Шамсутдинова А.Г., Алимбаева Г.Н., Белтенова А.Г., Арапбаева С.Б., Мухамеджанова Ж.М. // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2016. №2. С. 8-9
3. К проблеме детерминации репродуктивного поведения молодежи / Морозова И.С., Белогай К.Н., Борисенко Ю.В., Отт Т.О. // Вектор науки ТГУ. 2014. №1. С. 130–134.
4. Пустарнакова А.А., Соколова С.И. Социокультурные детерминанты репродуктивного поведения татар Самарской области (по данным анкетного опроса) // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. №3. С. 85-90
5. Тенденции репродуктивного поведения молодежи в реалиях современной демографической ситуации / Пестрикова Т. Ю., Юрасова Е. А., Юрасов И.В., Шматкова А.С. // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2019. Т. 15. № 3. С. 89–98

Щелкин Александр Георгиевич
(фнисц ранСоциологический институт РАН (С.-Петербург))

Устойчивый оборот «отцы и дети» обозначает такую смену поколений, в которой фиксируется качественный скачок в состоянии социума (при этом у детей часто нет оснований быть довольными получаемым наследством — «отцы виноград ели, а у нас оскомина»). Онтологический («сущностный») смысл феномена «отцы и дети» состоит в ответе на вопрос, насколько новое поколение улавливает и готово реализовывать «образ потребного будущего», насколько мы имеем дело со «значимым поколением» (1, 2005). В этом плане «дети» — это поколение, которое «детерминировано будущим». «Я хочу будущее сегодня» В. Маяковский.

Но «творцами» или «жертвами» какого будущего готовы добровольно стать «новое поколение»? Сегодня этот вопрос решается не столько в сфере экономики и политики. Здесь велосипед давно изобретен и, как говорил Вольтер по схожему случаю: «Пользуйтесь, но не злоупотребляйте!». Драматургия, задаваемая Будущим, пишется в наши дни на площадке технологических инноваций или, еще точнее, информационной технологии, или еще более точно, «цифрового» интерфейса, которой опосредует отношение человек с Природой, а главное — Человека с Человеком. Этот ход событий существенно перетасовывает карты. «Технологический детерминизм» делает сегодня за спиной человека выбор в пользу «трансгрессивной» и «постчеловеческой» реальности с какими угодно очертаниями.

Какие же «качества» фиксируют социологи у поколений, детерминированных «наступившим будущим». Впечатление такое, что компьютерная компетенция молодых поколений не «дополняется», тем, что в классической традиции А. Печчеи называл «человеческие качества» (1, 1980). А если и «дополняется», то не по принципу «не благодаря, а вопреки». В частности, речь идет о том, у «цифрового», «искусственного» человека именно «социабельные» (онтологически выражаясь, «сущностные») параметры сильно искажены, а частью атрофированы. Эгоцентризм, нарциссизм, гражданский и политический индифферентизм, незнание, какой была жизнь до смартфонов (4, 2000); «фокус решения проблем поколения смещен в личное пространство даже тогда, когда осознается их глобальная природа» (5); и это не говоря, о деструкциях соматического порядка — ожирение, хроническое недосыпание, депрессия, одиночество и проч.

Что делать? — Вопрос, который легче задать, чем ответить. Политика контроля над бесконтрольной (рыночной) интервенцией «цифры» в повседневный мир детства и юности — это не форма «неолуддизма». Ведь в противном случае ломается сама структура феномена «отцы и дети». Отцы и подростки дети, оказываются одинаково детерминированы «цифровым» фактором. И в дуализме «отцов и детей» исчезает обещающая фигура молодости как субъекта «потребного (а не всякого) будущего». — Того будущего, которое спроектировано онтологическим девизом, известного еще со времен Н. Кузанского: «Homo non vult esse nisi homo». Человек не хочет быть ничем иным, кроме как человеком.

1. *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России*. — М.: НЛО, 2005. — 328 с.

2. Печчеи А. *Человеческие качества*. — М.: «Прогресс», 1980. — 302 с.

3. Твенге Дж. *Поколение айфона. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни?* — М.: Издательский Дом ВШЭ, 2020 г — 224 с.

4. Howe, Neil; Strauss, William. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. Knopf Doubleday Publishing Group, 2000.

5. <https://knizhnik.org/dzhin-tvenge/pokolenie-i/3> (дата обращения — 08. 10. 2022)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРОВ-ТВОРЦОВ НА ОСНОВЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Щербакова Лидия Ильинична

*(Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им.
М.И.Платова)*

Новая социальная реальность диктует необходимость обновления инженерного образования, конечной целью которого является подготовка инженера – творца с набором социально-культурных компетенций, готового успешно интегрироваться в региональное экономическое и социокультурное пространство. Именно культурно-воспитательный компонент высшего образования способен оптимизировать социально-патриотическое воспитание и активизировать гражданскую позицию студенческой молодежи.

Южно-Российский государственный политехнический университет(НПИ) имени М. И. Платова – первый вуз на Юге России, 115 лет является центром инженерного образования, науки, культуры и просветительской деятельности.

Сложный полиэтничный состав регионального населения требует от вуза особо выделять в образовательных программах социокультурные и этнокультурные составляющие, которые обеспечивают непрерывность воспроизводства исторических традиций совместного проживания и сотрудничества представителей различных этнических культур, способствуя гармонизации межэтнических отношений и созданию условий устойчивого развития российского социума.

Системная работа по обновлению инженерного образования организуется в рамках инновационного образовательного проекта – федеральной инновационной площадки «Научно-методическое обеспечение разработки и внедрения социокультурных элементов в систему непрерывного инженерного образования в контексте укрепления социальной безопасности молодежи в казачьем регионе». Реализуя программу стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в университете принимаются меры по созданию социокультурного кластера, включающего центр имени А. Ф. Лосева — видного деятеля мировой и отечественной культуры, уроженца Новочеркасска, чье влияние на формирование мировоззрения, религиозной культуры, языкознания и этики заслуживает изучения и популяризации.

Важным ресурсом в обновления инженерного образования в университете, расположенном в казачьем регионе, является исторический опыт и традиции Донского казачества. Получила одобрение на общероссийском уровне работа научно-исследовательского института истории казачества и развития казачьих регионов по популяризации казачьей культуры, по созданию непрерывной системы казачьего образования и воспитания. Платовская казачья сотня стала самостоятельным образовательным комплексом по подготовке кадров для окружных казачьих объединений.

Существенным является аксиологический аспект казачьей составляющей в инженерном образовании, формирующий стремление к личностной самореализации студентов-казаков посредством широкого пласта казачьей культуры, сформированной на идеях патриотизма, православия, беззаветного служения Отечеству.

Таким образом, системная организация социокультурного и военно-патриотического воспитания студенчества на основе возрождение духовных и культурных традиций Донского казачества позволяет подготовить инженера-интеллекта, социально активного и с высокими культурными запросами.

ТЕНДЕНЦИИ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ

Яковлева Ульяна Андреевна

(Балтийский федеральный университет им. И.Канта)

Любая тенденция ведет к последствиям как положительным, так и отрицательным. Последствия внутренней миграционной тенденции России, которые, как показывают данные, достаточно противоречивы, открывают ряд определенных проблем, с которыми придется столкнуться в ближайшем будущем.

Основываясь на статистический бюллетень федеральной службы внутренней статистики за 2021 год, были выявлены следующие данные о внутренней миграции. Самыми привлекательными субъектами для миграции стали Московская область, Краснодарский край, Ленинградская область, г.Санкт-Петербург, г.Москва, Тюменская область, Калининградская область. В Московскую область мигрировало больше всего граждан в 2021 году.

Сравнение миграционного притока за 2021 и 2020 года позволит выявить миграционные тенденции в дальнейшей перспективе. Прежде всего – московская область, за один год количество миграций увеличилось в 2 раза. Краснодарский край также вызывает повышенный интерес людей, стабильно люди активно мигрируют в город Москву, Ленинградскую и Калининградскую область. На основании этого можно предположить, что данные субъекты продолжат принимать граждан со всей страны в 2022 году, а также в последующих.

Однако стоит заметить, что в каждый год бывают определенные субъекты, которые единожды вызывают всплеск миграции. Таким стал город Севастополь в 2020 году, больше 50 тысяч людей переехали. В свою очередь в 2021 году Тюменская область (включая автономные округа) привлекла достаточно много людей, будет ли она оставаться желанным для миграции регионом и в 2022 году, сложно сказать.

Вместе с тем довольно много регионов России, в которых наименьший прирост населения. В основном это субъекты Сибирского и Дальневосточного федерального округа, именно в них общий прирост уходит в минус, а замещение естественной убыли мигрантами достаточно низок. С одной стороны на статистических данных можно заметить, какие регионы развиваются быстрее, чем остальные, где уровень жизни выше, по мнению граждан. С другой стороны такой явный перевес в сторону только определенных субъектов может стать предпосылкой будущих проблем в развитии отдаленных регионов России, а также демографическим дисбалансом в стране.

1. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 году (Статистический бюллетень)/ Федеральная служба государственной статистики (Росстат)/ М.2020 – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 24.9.2022)
2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году (Статистический бюллетень)/ Федеральная служба государственной статистики (Росстат)/ М.2021 – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 24.9.2022)

СЕКЦИЯ 10: СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ НОВЫХ РИСКОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЖАЛОБ В СРЕДЕ ГРАЖДАНСКИХ ИНФРАСТРУКТУР НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Абдулаев Арсен Джапарович
(НИУ "Высшая школа экономики")

В научном исследовании административная жалоба рассмотрена в рамках закона «рыночно-раздаточного» равновесия и определяется как один из сигналов обратной связи и регуляторов потока служебной собственности [1, 11–12]. Отмечается историческая закономерность развития данного института: от элемента повседневности советского населения к современной гражданской форме [2, 155–160]. Административные жалобы развиваются в направлении перехода к цифровым форматам взаимодействия акторов, что создает значимые предпосылки к их институциональной трансформации. Положительные изменения, связанные с возникновением публичных форм контроля за исполнением административных жалоб и кооперации граждан, должны соотноситься с возможными дисфункциями и мутациями института [3, 115–116], вызванными институциональными противоречиями.

Объектом исследования стали обращения граждан по вопросам жилищно-коммунального хозяйства на портале «Наш Санкт-Петербург» [4], где предположительно административные жалобы отражают объективированные локальные запросы населения и инфраструктурные требования в адрес управляющих организаций и региональных органов власти. Таким образом административные жалобы становятся одним из элементов гражданской инфраструктуры, публичным средством отстаивания ожиданий о надлежащем содержании многоквартирного дома [5, 275–277]. В исследовании произведена работа по созданию исследовательской базы данных посредством автоматизированного сбора сведений из публичного доступа [6] и формирования двух наборов данных в разрезе многоквартирного дома и административной жалобы. Определены основные закономерности между техническими характеристиками многоквартирного дома, формой управления и социально-демографической структурой населения с учетом пространственных и временных эффектов. Также произведена оценка локаций кооперации жителей по признаку присоединения к однородным жалобам на платформе и общий фон уровня критичности жителей в разрезе районов и муниципальных образований.

Результатом исследования стало описание групп собственников, наиболее активно вовлеченных в подачу административных жалоб и факторов, способствующих активизации использования данного института.

1. Бессонова, О. Э. Трансформация института административных жалоб в гражданские формы / О. Э. Бессонова // *Экономическая социология*. – 2021. – Т. 22. – № 2. – С. 11–25.

2. Bogdanova E. *Complaints to the Authorities in Russia: A Trap between Tradition and Legal Modernization*. London: Routledge Taylor & Francis Group; 2021. <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9781315143088>. Accessed October 10 2022.

3. Литвинцев, Д.Б. «Жалобы — Не Подарок: Дисфункциональность Института Жалоб в Сфере Жилищно-Коммунального Хозяйства в России.» *Экономическая Социология*. – Т. 23. – № 4. – С. 110–21.

4. Портал «Наш Санкт-Петербург» - URL: <https://gorod.gov.spb.ru> (дата обращения: 10.10.2022).

5. Запорожец, О. Н. Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах / О. Н. Запорожец, Я. А. Багина // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 269–284.

6. Жучкова, С. В. Автоматическое извлечение текстовых и числовых веб-данных для целей социальных наук / С. В. Жучкова, А. Н. Ротмистров // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2020. – № 50–51. – С. 141–183.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСКЛЮЧЕННОСТЬ: УЧАСТИЕ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ

Аксенов Павел Герардьевич

(Благотворительный фонд САМЮ сосьяль Москва)

Захаренко Надежда Андреевна

(МГУ имени М.В. Ломоносова, юридический факультет)

При поддержке Фонда президентских грантов

Социальная исключенность – феномен многогранный, социолог Э. Гидденс характеризует его как механизм, отделяющий группу людей от основного социального потока, а критерием его является отсутствие доступа к экономическим, социальным и культурным благам [1]. Особую актуальность приобретает он в периоды социальной нестабильности, когда вероятность попасть в категорию «отверженных» значительно возрастает даже среди представителей относительно благополучных социальных групп населения. Известно, что сложности с трудоустройством, низкий уровень жизни и нарушение социальных связей являются факторами, провоцирующими переход к состоянию социальной исключенности. Согласно официальным данным, уровень безработицы в России в конце 2022 года составляет 3,9%, однако, по оценкам экспертов, ситуация к началу 2023 года ухудшится. Следует ожидать, что число людей, находящихся в сложной жизненной ситуации, вплоть до попадания в ситуацию бездомности, будет расти. Кроме того, по состоянию на сентябрь 2022 года число беженцев, прибывших в нашу страну, составило 4,3 млн чел. (источник: ТАСС), что также требует решений по их социальной поддержке.

Большинство россиян считают обеспечение благополучия населения прямой обязанностью государства – в 2020 году 60% наших соотечественников отмечали, что именно государство должно заботиться обо всех гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни (Левада-центр, общероссийский опрос, 2020 г.). На государственном уровне был принят ряд системных решений по теме социальной исключенности. Так, по итогам 66-го специального заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Забота о лицах без определенного места жительства и задачи гражданского общества» (апрель 2019 г.) разработаны меры по улучшению доступности социальной помощи, борьбы с дискриминацией при приеме в пункты социальной помощи и при трудоустройстве. Вопросы обеспечения бездомных граждан жильем обсуждались в рамках заседания Совета по вопросам попечительства в социальной сфере при Правительстве РФ (июнь 2021 г.). На уровне Правительства Москвы ведется разработка концепции преемственности медико-социальной помощи бездомным.

Некоммерческий сектор тоже участвует в решении проблемы социальной исключенности, в частности, реализуя в рамках существующей стратегии социальной политики программы социальной и медико-психологической помощи людям, оказавшимся на улице.

Благотворительный фонд САМЮ сосьяль Москва был создан в 2003 году по инициативе доктора Ксавье Эммануэлли и доктора Леонида Рошаля с целью защиты здоровья и социальной поддержки людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Работа ведется по нескольким направлениям, основными из которых являются:

- выездная (мобильная) помощь на улицах города;
- консультации людей, временно проживающих в филиалах Центра социальной адаптации имени Е.П. Глинки, психологом, социальными работниками и врачами фонда, помощь с приобретением лекарственных средств, с восстановлением документов;
- обмен опытом и повышение информированности общества о проблемах бездомности и социальной исключенности.

С начала 2022 года Фонд реализует важный проект - «Социальное сопровождение бездомных граждан с ограниченными возможностями». Осуществляется он при поддержке Фонда президентских грантов и нацелен на обеспечение континуума здоровья бездомных людей, нуждающихся во временном и постоянном уходе, и оказание им поддержки после выписки из учреждений стационарной медицинской помощи. Идея о необходимости данной работы возникла в результате неоднократного выявления лиц, выписанных из столичных больничных учреждений и нуждающихся в длительном восстановительном уходе на дому, но на момент выписки являющихся бездомными. Эти люди не могут обеспечивать надлежащий уход за собой, имея ограничения в повседневной жизнедеятельности, связанные с физическими или психическими нарушениями здоровья. Соответственно, важно помочь им в получении стационарного социального обслуживания в соответствующих учреждениях, в том числе, оказав содействие в оформлении необходимых документов, организовав сдачу анализов, прохождение санитарной обработки, обеспечив вечами первой необходимости и назначенными лекарственными средствами и т.д.

Социальные работники и иные специалисты, имеющие дело с социально исключенными людьми, постоянно сталкиваются с проблемой крайне низкой мотивации с их стороны на обращение за помощью и ее получение. Чтобы понять это феномен, важно учитывать фазы социального исключения, описанные, например, Александром Векслиаром в работе «Бродяга: исследования социальной психологии» [2]. На первом этапе («фаза агрессии») формируется чувство собственного несоответствия окружающим, возникает протест. Второй этап («фаза депрессии и обесценивания») характеризуется замыканием в себе и попытками уйти от реальности, вплоть до суицида. На третьем этапе («фаза фиксации») происходит искажение смыслов, иллюзия личного выбора человеком своего текущего состояния, зачастую отказ от помощи. Затем наступает «фаза брошенности», когда человек становится равнодушен к себе, а его существование сводится к выживанию.

Данные состояния формируются в зависимости от продолжительности пребывания человека в состоянии социальной изоляции. Поскольку большинство бездомных находится на улице от пяти лет и более, трансформации их физического и ментального здоровья, как правило, существенны. Это люди с низкой мотивацией на обращение за помощью, боязнью агрессивного и стигматизирующего к себе отношения, неспособностью разглядеть новые симптомы или прогрессирование имеющихся заболеваний. Основные принципы работы с социально исключенными людьми должны строиться на следующих принципах: низкопороговость (отсутствие изначальных требований к обращающимся), отсутствие осуждения, ориентированность на реальные потребности, доброжелательность и открытость. Эти принципы выработаны в ходе многолетней практики и позволяют установить максимально возможное доверие с нуждающимися и обеспечить системность и эффективность работы с ними в условиях новых общественных рисков.

1. Giddens A., 1998
2. Alexandre Vexliard, 1957

ИМИДЖ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФАНДРАЙЗИНГА

Алексеева Елизавета Игоревна
(СПб ГУП)

Система мер социальной поддержки населения динамична. Развиваются и совершенствуются технологии, формы, методы социальной работы. Интенсивные изменения социальной среды, потребностей населения, появление новых социальных рисков, активизация деятельности некоммерческих организаций в социальной сфере актуализируют необходимость управления имиджем социальной организации.

До недавнего времени категории населения, нуждающиеся в социальной поддержке, имели возможность обращаться исключительно в государственные социальные службы, которые являлись единственным связующим звеном между государством и населением. Это привело к тому, что государственные учреждения не были заинтересованы в увеличении количества получателей услуг, повышении качества оказываемых услуг и привлечении дополнительных ресурсов для реализации уставных целей. Соответственно, вопросы управления имиджем организации зачастую имели второстепенный характер.

Сегодня же ситуация кардинально изменилась. Появление социальных некоммерческих организаций открывает новые возможности для получателей социальных услуг и в то же время создает конкурентную среду для бюджетных организаций. Профессиональный потенциал и готовность некоммерческих организаций к решению возникающих в современном обществе проблем обеспечивает им субсидирование из регионального и федерального бюджетов, развитие и внедрение новых видов услуг приводит к увеличению количества получателей услуг организации. Стоит отметить, что большое внимание в некоммерческих организациях уделяется имиджу.

За последние несколько лет, особенно после периода всеобщей изоляции 2020 года в связи с распространением коронавирусной инфекции, которое привело к массовому психологическому стрессу, снижению уровня благосостояния граждан, лишившихся работы и как результат появлению большого количества новых получателей услуг социальных учреждений, произошел большой толчок в развитии в целом деятельности социальных учреждений государственного сектора и в частности их имиджа. С появлением кризисной ситуации многие учреждения социальной сферы сумели быстро выстроить систему работы, привлечь к деятельности волонтерские движения, осветить проводимую работу в средствах массовой информации, на своих официальных сайтах, создать коммуникационные площадки в социальных сетях. Например, Центр социальной помощи семье и детям Московского района г. Санкт-Петербург, являясь одним из передовых учреждений социальной сферы в районе, уделяет большое внимание как внутреннему, так и внешнему имиджу, ведет активную просветительскую работу в социальных сетях, взаимодействует со спонсорскими организациями, непрерывно совершенствует свою деятельность. Благоприятные характеристики имиджа организации обуславливают заинтересованность органов власти в поддержке ее развития. Так в августе 2022 года на территории района было открыто новое мультимедийное интерактивное пространство для подростков – многофункциональное пространство для полезного досуга.

Правильно подобранные источники информирования, регулярность освещения деятельности социальной организации в средствах массовой информации, развитие бренда, поддержание коммуникаций с населением в среде интернет, социальных сетях обуславливают поддержку от населения, появление новых клиентов, заинтересованность органов власти, спонсоров, спикеров и волонтерских движений во взаимодействии с такими организациями, помогают привлечь новые источники финансирования. Имидж

является действующим инструментом фандрайзинга, т.е. привлечения сторонних ресурсов для реализации социально-значимых целей организаций социальной сферы.

Таким образом, сегодня имидж социальной организации является механизмом, обеспечивающим взаимодействие с получателями услуг и возможность привлечения дополнительных ресурсов. Необходимо понимать важность процесса формирования и управления имиджем организации, так как от этого зависит развитие всей системы социальной поддержки государства.

ВЕКТОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Андреева Ксения Эдуардовна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Яковлев Даниил Фейрузович

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

С переходом России на новый экономический уклад в 1992-1998 годах в период формирования рынка, капитализации экономических и общественных отношений, «шоковой терапии» с последующей экономической и политической нестабильностью, резко изменился привычный уклад жизни, произошла деформация в структуре общества, выразившаяся в расширении контингента населения, нуждающегося в помощи государства. Неравенство присуще современному мироустройству, и существует отдельная категория людей, которая наиболее остро нуждается в поддержке, в том числе и со стороны государства. Это матери и отцы-одиночки, безработные, лица, пострадавшие от природных катаклизмов, социальных конфликтов, лица, лишившиеся кормильца, люди, принадлежащие к расовым или этническим меньшинствам, семьи, имеющие низкий денежный доход, дезадаптированные дети и подростки, студенты, живущие на стипендию, престарелые граждане, не имеющие родственников и нуждающиеся в уходе, лица с определенными заболеваниями (например, инфицированные ВИЧ), лица без определенного места жительства и др. Речь идёт о социально незащищённых категориях населения, то есть людях, которые в силу непреодолимых обстоятельств не имеют должного физического здоровья, материального обеспечения и доступа к полноценной жизни [1].

Российские организации социальной сферы, испытывающие недостаток финансирования в настоящее время, вынуждены быть очень гибкими. Российское законодательство в отношении организаций социальной сферы постоянно развивается и меняется. К сожалению, постоянные изменения не всегда идут на пользу, а наоборот подрывают устойчивость финансирования, тем не менее делают организации социальной сферы в России более гибкими и готовыми к инновациям. Все изменения вносятся с учётом внешних и внутренних изменений жизни человека, государство старается идти в ногу со временем, развивать направление социальной поддержки, делать его доступным и инновационным.

Основные цели российских организаций социальной сферы схожи с целями некоммерческих организаций во всем мире:

- содействие социальной стабильности и позитивным изменениям в обществе;
- разработка инновационных технологий, способствующих удовлетворению общественных потребностей;
- реализация профессиональных, общественных и частных интересов граждан;
- защита прав человека;
- поддержание экологической устойчивости и охрана окружающей среды и т.д.

Государство старается поддерживать социально незащищённое население материально, предоставляя медицинскую помощь, продукты питания и иные виды льгот. Важно отметить, что в последние годы увеличилась численность граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в комплексных мерах социальной поддержки (инвалиды, военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях, лица без определенного места жительства, граждане старшего поколения, безнадзорные и беспризорные дети) [2]. И целью государственной политики в отношении указанных категорий социально уязвимых граждан стало создание условий для реализации и обеспечения им равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации и действующим законодательством. В частности, стало необходимым принятие мер по повышению социального статуса и уровня материального обеспечения военнослужащих, членов их семей, ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации, созданию государственной системы медико-социальной и медико-психологической реабилитации участников боевых действий, жертв вооруженных конфликтов и чрезвычайных ситуаций. Для обеспечения социальной поддержки необеспеченного населения создана разветвленная структура организаций, занимающихся социальной защитой населения на разных уровнях управления: государственном, региональном, муниципальном и корпоративном. В качестве главного субъекта социальной поддержки незащищенных слоев населения выступает государство, обеспечивающее законодательные основы деятельности в области социальной защиты других субъектов, к которым относятся профсоюзы, различные ассоциации работодателей и др.

Принимается ряд законопроектов, распоряжений и программ, целью которых является повышение уровня качества жизни социально незащищённых категорий населения в отношении здоровья, материального и социального благополучия. С 2008 года в России действует Программа «Доступная среда» для инвалидов, действие которой рассчитано до 2025 года, затем программа была продлена и создана подпрограмма, рассчитанная на период с 2011 по 2030 год. Целью программы является оказание воздействия на общественное сознание по преодолению разделения населения по критериям физических возможностей [3]. До принятия государственной программы Российской Федерации "Доступная среда" отсутствовал комплексный подход по отработке формирования доступной среды на уровне субъектов Российской Федерации, как в охвате сфер жизнедеятельности инвалидов, так и потребностей самих инвалидов. Кроме того, не было определено участие общероссийских общественных организаций инвалидов в формировании доступной среды.

Основные направления и система мер социально-экономической политики на среднесрочный период были закреплены в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Основные цели, обозначенные в Указе Президента РФ, были реализованы практикуемыми с 2018 года национальными проектами, направленными на повышение качества жизни населения: «Демография», «Здравоохранение», «Образование», «Культура», «Производительность труда и поддержка занятости», «Жилье и городская среда», которые сегодня объединены в три крупных блока: «Человеческий капитал», «Комфортная для жизни среда» и «Экономический рост» [4 с.117-119]. В каждый из приведенных блоков входят от трех до одиннадцати проектов, направленных на снижение уровня бедности, уровня структурной безработицы, улучшение жилищных условий, развитие городской инфраструктуры и др. Наибольшее значение реализация нацпроектов по повышению качества жизни имеет на региональном уровне в субъектах РФ.

С 2015 года была одобрена стратегическая инициатива «Новое качество жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья» предполагающая запуск пилотных проектов по организации современного производства технических средств реабилитации. Основная

цель инициативы – формирование современной системы социализации инвалидов за счет обеспечения 100% доступа к высокотехнологичным и качественным техническим средствам реабилитации способствующим улучшению качества жизни за счет занятий на тренажерах, обеспечения инвалидов средствами реабилитации: протезами, средствами передвижения ортопедической обувью, и др. В настоящее время разработан проект Концепции развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации лиц с инвалидностью, в том числе детей с инвалидностью, на период до 2025 года, разработан проект Стандарта комплексной реабилитации и абилитации лиц с нарушениями психических функций в стационарных условиях. Создан перечень услуг, которые может получить человек с ограничениями по здоровью, также любые специальные услуги можно заменить на денежные выплаты, для этого достаточно личного заявления льготника. Закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов» предусматривает равенство возможностей инвалидов с другими гражданами в реализации гражданских, экономических, политических и иных прав и свобод, предусмотренных Конституцией.

Социальная защита является неотъемлемым условием социального и экономического развития для всех, но особенно для тех, кто живет в бедности и социальной изоляции. Программы социальной защиты могут сыграть решающую роль в уменьшении и предотвращении бедности и уязвимости для обеспечения благосостояния людей.

1. Слепцова Е.В., Пруидзе А. Влияние национальных проектов на повышение качества жизни граждан РФ // *Economy and Business*. №2-2(60), 2020. -с.117-119
2. Алферова М.Н. О возможном подходе к разработке региональной концепции и программы улучшения качества жизни населения / М.Н. Алферова, В.П. Бабинцев, А.А. Белов, А.А. Гармашев, С.В. Заинчковская // *Технологии качества жизни*. -2002. -№1-2, т.2. — С.1-10
3. Будко Е.Н. Уровень и качество жизни населения: монография / Е.Н. Будко. – М.: *ОнтоПринт*, 2016. – 91 с
4. Россошанский А. И. Качество жизни населения: вопросы оценки и инструменты повышения: монография / А. И. Россошанский ; под науч. рук. А. А. Шабуневой. – Вологда: *ФГБУН ВолНЦ РАН*, 2019. – 143 с

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА СО НКО К ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Архипова Елена Борисовна

(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 19–18–00246–П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемого в СПбГУ.

Сфера социальных услуг в течение последних нескольких лет претерпевает кардинальные институциональные изменения [2]. Доля негосударственных поставщиков услуг постепенно увеличивается и происходит активное переосмысление их роли в социальном обслуживании граждан [3]. На федеральном уровне принят Комплекс мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению. Однако в отдельных субъектах РФ данные процессы происходят по-разному.

В рамках нашего исследовательского проекта мы проанализировали доклады и статистическую информацию Минэкономразвития за 4 года, выявили региональные

особенности включения социально ориентированных некоммерческих организаций в сферу социальных услуг (СО НКО). С 2017 г. по 2020 г. общий объем средств бюджетов субъектов Российской Федерации, переданных СОНКО на оказание услуг в сфере социального обслуживания вырос в 3 раза, с 5,82 до 18,2 млрд. рублей. За тот же период количество СОНКО, которым были переданы на исполнение услуги, предоставляемые за счет бюджета, увеличилось почти в 1,5 раза с 874 до 1236 организаций. То есть, за указанные 4 года не только увеличилось число СО НКО, которые вошли в реестр поставщиков, но также в 2 раза увеличился объем предоставляемых ими социальных услуг.

В числе регионов-лидеров, которые ежегодно попадают в топ-5 рейтинга по итогам реализации механизмов поддержки СО НКО и социального предпринимательства, Ханты-Мансийский автономный округ, Хабаровский край, Москва, Санкт-Петербург, Башкортостан, Пермский край, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ярославская, Самарская, Тюменская области и ряд других. Каждый из вышеуказанных регионов выбирает собственный путь увеличения удельного веса СО НКО и бизнеса в структуре организаций социальной сферы. В одних случаях это реорганизация государственных учреждений в АНО и ООО, с приватизацией имущества и собственности, в других случаях это инициирование создания новых негосударственных поставщиков или расширение деятельности уже действующих коммерческих структур [1].

Однако, в целом, сфера социального обслуживания является наиболее развитой в части передачи государственных и муниципальных услуг СОНКО, чем образование, культура, охрана здоровья граждан, физкультура и спорт, молодежная политика

1. Заболотная Г.М., Ларионов А.В. Региональные практики институционализации негосударственных поставщиков социальных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 72-91.

2. Мецерыкова Л.А., Горбунова В.В., Бруснева В.В. Негосударственный сектор на рынке социальных услуг современной России: проблемы и тенденции развития // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. № 1. С. 103 – 120. <https://doi.org/10.24891/re.17.1.103>

3. Полтавская М.Б., Данилова Е.О., Абашкина Е.В. Перспективы развития некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг: на примере волгоградской области // Logos et Praxis. 2019. Vol. 18. №. 4. С. 74-85.

ОБРАЗ БЛАГОПОЛУЧИЯ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ: КРИТЕРИЙ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

***Афанасьева Валерия Александровна**
(Юго-Западный государственный университет)*

***Нишнианидзе Ольга Олеговна**
(Юго-Западный государственный университет)*

Термин «благополучие» широко распространен в современной отечественной и зарубежной науке, в частности, в психологии, социологии и экономике. На понятии благополучия строится сегодня множество экономико-статистических исследований [3, с. 22]. Благополучие является важной ценностью для жизни людей, и его можно рассматривать как показатель общественного прогресса.

Данная работа построена на следующем определении благополучия: благополучие – это характеристика, складывающаяся из показателей социально-экономического развития, возможностей трудоустройства, экологической обстановки, безопасности и здоровья и позволяющая оценить страну или субъект страны в контексте качества жизни населения.

Среди критериев благополучия выделяют социально-экономическое развитие, возможности трудоустройства, экологическая обстановка, безопасность и здоровье [1, с. 23].

Здоровье, как известно, многомерное понятие, складывающееся из разных аспектов. Чтобы оценить благополучия с точки зрения здоровья населения, были выбраны показатели смертности и продолжительности жизни, поскольку они являются базовыми и наиболее показательными.

Ожидаемая продолжительность жизни является интегрированным демографическим индикатором, который отражает социальное здоровье и уровень благополучия населения [4, с. 39]. Этот показатель демонстрирует, сколько в среднем лет предстоит прожить новорожденному и, в отличие от общего коэффициента смертности, не зависит от изменений в возрастном составе населения. “Ожидаемая продолжительность жизни населения страны и отдельных ее регионов характеризует уровень жизни людей. Изменение ожидаемой продолжительности жизни может быть следствием проведения экономических, политических, социальных реформ, а также изменением идеологии общества” [2 с. 10]

Анализируя имеющиеся данные государственной статистики, можно прийти к выводу о положительной динамике ожидаемой продолжительности жизни в регионах Центрально-Черноземного экономического района. Это свидетельствует о повышении качества жизни в изучаемых регионах, а значит и о тенденции улучшения в сфере экономики и здравоохранения. Чтобы проследить рост ожидаемой продолжительности жизни в регионах Черноземья, обратимся к индексу динамики.

В Белгородской области с 2010 по 2019 год показатель ожидаемой продолжительности жизни увеличился на 4%, что подтверждает положительную динамику данного показателя. По данным индекса динамики можно судить об относительной равномерности роста ожидаемой продолжительности жизни, что косвенно свидетельствует о стабильности региона. Однако средний индекс динамики, равный 1,0045, показывает, что в сравнении с другими регионами Черноземья темпы роста показателя все еще низкие. Отдельно стоит отметить, что из всех субъектов Центрально-Черноземного экономического района только в Белгородской области не наблюдается падение показателя ожидаемого уровня жизни относительно предыдущего года.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни в Воронежской области вырос на 5,92%, что также свидетельствует о тенденции увеличения уровня продолжительности жизни. В 2014 году индекс динамики меньше единицы: это говорит о снижении уровня изучаемого показателя по сравнению с базисным периодом, однако значение индекса 0,999 близко к единице, а значит снижение небольшое.

Рост ожидаемой продолжительности жизни за 10 лет в Курской области выше по сравнению с Белгородской и Воронежскими областями: он составляет 6,52%, или 4,47 года. В 2014 году наблюдается падение показателя с 70,14 до 70,11, о чем свидетельствует индекс динамики 0,999. С 2016 по 2019 год наблюдаются колебания в росте ожидаемой продолжительности жизни от 0,14 года до 1,06 года.

В Липецкой области наблюдается самый высокий показатель средней динамики ожидаемой продолжительности жизни: он составляет 1,077, что свидетельствует о более высоких темпах роста показателя, а значит положительных переменах в регионе. Общий рост показателя в период с 2010 по 2019 год составил 6,9%, или 4,74 года; это самый высокий рост в сравнении с предыдущими регионами Черноземья. В Липецкой области, так же, как и в Воронежской и Курской областях, наблюдается снижение показателя в 2014 году, что может говорить об экономических и социальных проблемах в Черноземье в этот период.

В Тамбовской области в период с 2012 по 2017 год наблюдается относительно стабильный рост ожидаемой продолжительности жизни населения, свидетельствующий в целом о стабильности региона, но при этом в 2017 году происходит снижение показателя

с 73,21 до 72,95, что понятно исходя из коэффициента динамики, равного 0,996. Это падение уровня незначительно больше, чем в остальных регионах и подтверждает общую тенденцию разового падения показателя.

Напрямую с показателем ожидаемой продолжительности жизни связан показатель смертности.

Коэффициент смертности является одним из важнейших демографических показателей, который вычисляется как отношение числа умерших в течение года людей к среднегодовой численности населения. Существует два вида показателей смертности: абсолютные и относительные. В своей работе мы использовали общий коэффициент смертности как относительный показатель в связи с его большей информативностью.

Стоит сказать, что в изучаемых регионах наблюдается средний и местами высокий коэффициент смертности. Это негативное явление, говорящее о недостаточном развитии социальной и экономической составляющих региона. Для более подробного рассмотрения показателей используем коэффициент динамики.

Итак, рассмотрим общие тенденции, присущие коэффициенту смертности в регионах Центрально-Черноземного экономического района. Во-первых, в Черноземье коэффициент смертности приобретает средние и высокие значения. В 2010 году в Воронежской, Курской, Липецкой и Тамбовской областях наблюдалось крайне высокие значения рассматриваемого коэффициента (от 16,7 до 17,6, что по используемой классификации представляет высокие значения), но в последующие годы они начали снижаться. Так, показатели в Воронежской области снизились на 20,6%, в Курской области на 17,3%, в Липецкой области на 16,8% и в Тамбовской области на 16,7%. В Белгородской области в 2010 году был сравнительно низкий показатель смертности, присущий среднему уровню коэффициента - 14,4%, однако к 2019 году он снизился на 8,3%.

Общая картина по регионам, однако, остается положительной: наблюдается сокращение уровня смертности, но при этом в показателях по каждому из пяти регионов можно заметить колебания коэффициента, что вполне естественно и объяснимо упомянутыми выше экзогенными факторами.

С целью исследования взаимосвязи между показателями смертности и ожидаемой продолжительностью жизни будет целесообразно применить коэффициент ранговой корреляции Кендалла. Все необходимые вычисления проводились в компьютерной программе для статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 23.0.

На основе полученных данных, можно сделать вывод о том, что между ожидаемой продолжительностью жизни и смертностью имеется сильная обратно-пропорциональная связь, так как, во-первых, значение имеет отрицательный знак, во-вторых варьируется в пределах от -0,744 до -0,956.

В данной статье был рассмотрен критерий здоровья, в частности, показатели смертности и ожидаемой продолжительности жизни. Показатель смертности является основой показателя продолжительности жизни, и между ними прослеживается тесная взаимосвязь, позволяющая составить общую картину о критерии здоровья и, соответственно, об одной из сторон общего благополучия населения. В целом, в регионах Черноземья прослеживаются положительные тенденции как в показателе продолжительности жизни, так и в показателе смертности, что свидетельствует о развитии субъектов изучаемого района.

Между тем, общий коэффициент смертности все еще демонстрирует высокие показатели в сравнении с другими развивающимися и развитыми странами, а значит политика государства и его субъектов все еще не совершенна.

1. Гоффе Н.В., Монусова Г.А. Социальное благополучие: восприятие реалий // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – №3. – С. 21-36.
2. Звездина Н. В., Иванова Л. В. Ожидаемая продолжительность жизни в России и факторы, влияющие на нее // Вопросы статистики. – 2015. – №7. – С. 10-20.

3. Макарова А.Р., Бочкарева И.В. Рейтинговые методики оценки социально-экономического благополучия населения в субъектах Российской Федерации // *StudNet*. – 2020. – №7. – С. 22-29.

4. Разводовский Ю.Е., Голенков А.В. Макроэкономические показатели и ожидаемая продолжительность жизни в России // *Acta Medica Eurasica*. – 2020. – №2. – С. 36-42.

ПРОБЛЕМА СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И КИТАЕ

Баранов Михаил Владиславович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

С 1995 по 2020 год население земли выросло на 2 млрд. человек с 5.7 до 7.8 млрд. Рост составил около 35.7%. Однако этот рост происходит неравномерно. Например, население Канады выросло на 8,5 млн. человек, британцев на 10 млн., но зато населения Китая, Индии и Нигерии выросло на 200 млн., 416 миллионов, а прирост населения Нигерии за данный период обогнал все население Германии составив около 100 млн. человек, что в процентном соотношении обеспечило Нигерии почти двухкратный прирост населения.

За тот же период население России сократилось с 148.2 млн. до 145.9 млн. В процентном соотношении население нашей страны уменьшилось на 1.5%. В первую очередь такой показатель связан с низким уровнем естественного прироста населения. Проще говоря, на протяжении длительного времени, у нас людей умирало больше, чем рождалось. Показатели смертности и рождаемости были приблизительно равны лишь 5 лет с 2012 по 2016 года. Немалую роль в этом укреплении рождаемости сыграла введение выплаты 450 тыс. рублей. Однако такой подход нельзя назвать системным, ведь если единственной причиной завести ребенка для семьи является выплата денежных средств, то следует учитывать особенности и образованность такой семьи. За тот же период, по официальным данным, население Китая увеличилось на 198.4 млн. человек, что дало прирост в 16%.

Беря во внимание тот факт, что население нашей страны медленно вымирает, а население Китая увеличивается, стоит помнить о том, что население и Китая, и России также медленно стареет. Из-за низкой рождаемости, улучшения условий жизни, развития медицины и других причин население двух стран постепенно стареет. Так, согласно переписи, в Китае проживает 264 млн. человек старше 60 лет, что составляет 18.7% населения.

По состоянию на 2020 год доля людей в возрасте 65 лет и старше в населении России составляет 15,53 %. Данная тенденция наблюдается и в мире. Так, согласно заверениям ООН в 2018 году впервые в истории число людей в возрасте 65 лет и старше превысило число детей в возрасте до пяти лет во всем мире. Согласно прогнозам, число людей в возрасте 80 лет и старше утроится: с 143 млн в 2019 году до 426 млн. в 2050 году.

Старение населения, сам по себе весьма естественный процесс, поэтому несмотря на все опасения ученых он может иметь и положительные стороны. Так, например, из-за повышения качества жизни и развития медицины многие люди даже в пожилом возрасте остаются высококачественными кадровыми ресурсами, которые способны не только работать самостоятельно, но и обучать молодые кадры.

Если рассматривать Китай и его тенденции к увеличению населения, то старение населения и их более длительный рабочий период способствуют тому, что на рынке труда одновременно находится больше кадров, что приводит к увеличению трудовых ресурсов, что в свою очередь может привести к уменьшению затрат на рабочую силу и стимулированию экономики.

Старение населения увеличивает число потребителей, которые способны за счет своих накоплений и средств стимулировать экономику за счет потребления.

Старение населения также способствует накоплению позитивного опыта. Пережив большое количество различных исторических и социальных потрясений, пожилое поколение более рационально и менее импульсивно, что может позитивно повлиять на развитие всего общества.

Несмотря на вышеперечисленные позитивные стороны старения, изучать их принято, как правило, с негативной стороны.

При сокращении трудоспособного населения будет снижен и коэффициент производительности труда, что впоследствии сократит уровень потребления, инвестирования и замедлит рост ВВП. Данная картина на мой взгляд, более реальна для России. На данный момент, как говорилось выше, из-за низкого прироста населения в скором времени наступит период, когда лиц пенсионного возраста будет больше, чем трудоспособных лиц. В таком случае, из-за дефицита бюджета государству придется не индексировать пенсии, повышать налоги или использовать другие инструменты для регулирования этой ситуации. Однако такая ситуация не грозит Китаю, ведь там наоборот наблюдается прирост населения.

Постепенное старение населения ведет к сокращению доли сбережений. По мере уменьшения трудоспособного населения и увеличения лиц пожилого возраста сократится и доля сбережений, так как принято считать, что пожилое население менее способно к накоплению, что также может отразиться на их инвестировании в экономику и тем самым замедлить темпы экономического роста. Для Китая тоже нельзя исключать данных опасений, однако Китай страна более экономически развита, чем Россия, поэтому уровень накоплений у различных семей выше, чем у семей из России. Кроме того, не стоит забывать и о менталитете китайцев. На государственном уровне у них закреплено, что обеспечение семьи в старости ложится на плечи детей. Даже существует такой термин: 养儿防老, что можно перевести как вырастить детей, чтобы обеспечить опору в старости, поэтому последние исследования в Китае говорят о том, что старение населения хоть и ведет к сокращению доли сбережений, однако не имеет достаточно сильного влияния на экономику.

При постепенном старении населения падает их потребительская способность, что ведет к ускоренным темпам инфляции, а также влияет на ценообразование товаров и услуг.

Возрастает давление на трудоспособное население. Из-за дефицита рождаемости и старения населения экономические последствия будут выравниваться за счет трудоспособных налогоплательщиков, путем увеличения налоговой нагрузки.

Заключение. На данный момент в России и Китае сложились совершенно разные демографические картины. В России наблюдается снижение рождаемости, а также отрицательная динамика воспроизводства населения, а в Китае при увеличении естественного прироста населения, также наблюдается рост продолжительности жизни, однако ситуация в наших станах разная и масштаб ущерба тоже разный. Сегодня рождаемость в России можно стимулировать уверенностью в завтрашнем дне, однако постоянный рост цен, падение экономики, а также внешнеполитическая обстановка слабо подходят для стимулирования рождаемости. При хорошем коэффициенте рождаемости, Китай также столкнулся с проблемой старения населения. Хотя на данный момент влияние этого феномена не сильно заметно, однако все страны мира включая Россию и Китай признают такую проблему и ищут эффективные пути ее решения.

1. ООН Старение [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/ageing#:~:text=%D0%92%202018%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83%20%D0%B2%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20%D0%B2,426%20%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%20%D0%B2%202050%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83>.

2. Старение населения и его влияние на экономическое развитие / Екатерина

- Остапенко, Артем Снигирев [Электронный ресурс] URL:
<https://econs.online/articles/ekonomika/starenie-naseleniya/>*
3. *Журнал Мировая экономика и международные отношения* 2012, №1, с. 22-29)
4. *科技经济导刊 包灵芝 人口老龄化对社会经济发展的影响*

ЦИФРОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО АКТИВИЗМА ЗДОРОВЬЯ РОССИИ

*Бердыева София Арслановна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Работа выполнена при поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-18-00261.

В течение последних нескольких лет в российской науке наблюдается повышение интереса к цифровизации некоммерческих организаций (НКО) – внедрению цифровых технологий в их деятельность и освоению сотрудниками цифровых компетенций, при этом сам феномен цифровизации выглядит для самих НКО достаточно многогранно. К примеру, результаты исследования, проведённого в 2021 году НИУ ВШЭ [1], показали, что в сочетании с механистическим восприятием ИКТ как инструмента автоматизации труда представители некоммерческого сектора видят в технологиях важный инструмент повышения репутации организации и выстраивании доверительных отношений с заинтересованными лицами [2, 10-11], что происходит во многом благодаря трансформации коммуникации.

В контексте цифровизации НКО социального активизма здоровья возникает множество возможностей: облегчение поиска и привлечения волонтеров, ускорение фандрайзинга, повышение доступности для маломобильных групп населения участия в деятельности организаций и их услуг, появление новых подходов к просветительской деятельности в области здравоохранения с охватом большей аудитории и привлечением лидеров мнений, а также предоставление площадки для дискуссий между людьми, переживающими общий опыт заболевания, без пространственных ограничений и с возможностью сохранения анонимности. Для достижения большинства вышеперечисленных преимуществ некоммерческими организациями кажутся необходимыми:

- 1) разнообразие каналов коммуникации: веб-сайт, социальные сети и т.д.;
- 2) диверсификация целевой аудитории и грамотное использование каналов коммуникации для каждой из них;
- 3) отслеживание эффективности коммуникации с помощью метрик маркетинга в социальных сетях для последующей корректировки стратегии и подбора контента;
- 4) обратная связь и поддержание диалога со стороны НКО.

На основе вышеизложенных положений и процессной модели стратегий коммуникации НКО в социальных медиа с целью продвижения темы здоровья, предложенной Vedel и др. [3, 6], нами был произведен анализ восьми кейсов онлайн-коммуникации, осуществляемой крупными российскими НКО в сфере здравоохранения. Было выявлено, что, несмотря на лидирующие позиции по показателям цифровизации относительно остальных НКО, большинство организаций использует далеко не весь спектр предоставляемых экосистемами социальных медиа инструментов. При этом наблюдается определённая системность в публикациях с большей степенью осознанности и проактивности у благотворительных фондов. Таким образом можно констатировать, что крупнейшие НКО России в сфере социального активизма здоровья придерживаются умеренной стратегии коммуникации в Интернете с низкой степенью вариативности

контента и его подачи, что оставляет большое пространство для дальнейшего совершенствования и инноваций.

1. Исследование: *Цифровизация некоммерческого сектора: готовность, барьеры, эффекты* [Электронный ресурс]. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=2369&T=m (дата обращения: 01.10.2022).
2. Скокова Ю. А., Корнеева И. Е., Краснопольская И. И., Гусева П. Д., Рыбникова М. А., Фадеев С. О., Зелинская А. И. *Цифровизация некоммерческого сектора: готовность, барьеры и эффекты*. 2021. 78 с.
3. Vedel I., Ramaprasad J., Lapointe L. *Social Media Strategies for Health Promotion by Nonprofit Organizations: Multiple Case Study Design // J Med Internet Res*. 2020. Т. 22. № 4. С. e15586.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В УСЛОВИЯ НОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ РИСКОВ

Бистяйкина Динара Асымовна

(Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имен Н. П. Огарёва)

Панькова Елена Геннадьевна

(Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имен Н. П. Огарёва)

Соловьева Татьяна Владимировна

(Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имен Н. П. Огарёва)

Современное развитие мирового сообщества, в общем, и российского, в частности, сопряжено с рядом рисков: от пандемии новой коронавирусной инфекции до введения санкций в отношении России. В этих условиях многие слои населения оказались в сложных социально-экономических условиях, самыми уязвимыми из которых оказались семьи с детьми. Как показал опрос семей с детьми, проведенный в апреле и сентябре 2022 года в г. Саранске Республики Мордовия, 72,8 % респондентов отметили, что по сравнению с 2021 годом, материальное положение семей значительно ухудшилось. Причем в сентябре 2022 года средний доход опрошенных семей снизился по сравнению с апрелем 2022 года. Основными причинами ухудшения материального положения респонденты назвали следующие:

- повышение цен и сохранение заработной платы на прежнем уровне; общее «подорожание» жизни (84,5 %);
- потеря работы/смена работы с меньшей заработной платой (62,3 %);
- рождение второго и последующих детей (32,4 %);
- отправка ребенка в первый класс (14,6 %);
- другое (4,5 %).

Для сохранения достойного уровня жизни семей с детьми традиционные меры социально-экономической поддержки в 2022 году были расширены и дополнены Указами Президента, Постановлениями Правительства и иными нормативными правовыми актами. Так, в 2022 году в соответствии с Указом Президента РФ от 31 марта 2022 года № 175 «О ежемесячной денежной выплате семьям, имеющим детей» семьям с детьми с низким уровнем доходов предоставляется ежемесячная денежная выплата на детей от 8 до 17 лет. Размер пособия составляет от 50 % до 100 % регионального детского прожиточного минимума [1]. В среднем по стране размер данного пособия составляет от 6 тыс. до 12 тыс. рублей. Как отмечают респонденты, данная выплата стала важным материальным

подспорьем в повседневной жизни, хотя воспользоваться ей смогли 34,9 % опрошенных респондентов.

Отметим, что ежемесячные выплаты семьям с детьми в условиях рисков, являются экстренной мерой социально-экономической поддержки и доказали свою эффективность в 2020 году во время пандемии коронавирусной инфекции, когда уровень жизни семей с детьми значительно снизился и возникла необходимость в их материальной поддержке. Так, Указом Президента РФ от 7 апреля 2020 г. № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» лицам, проживающим на территории Российской Федерации и имеющим право на меры государственной поддержки, предусмотренные Федеральным законом № 256-ФЗ (при условии, что такое право возникло у них до 1 июля 2020 г.) и гражданам Российской Федерации, у которых первый ребенок родился или был усыновлен в период с 1 апреля 2017 г. по 1 января 2020 г., полагались в апреле-июне 2020 г. ежемесячные выплаты в размере 5000 рублей на каждого ребенка в возрасте до трех лет [2]. Указом Президента РФ от 23 июня 2020 г. № 412 «О единовременной выплате семьям, имеющим детей» внес дополнения к предыдущим мерам социальной поддержки в части единовременной выплаты гражданам Российской Федерации, проживающим на территории Российской Федерации и являющимся родителями, усыновителями, опекунами, попечителями детей в возрасте до 16 лет, имеющих гражданство Российской Федерации, в размере 10 000 рублей на каждого такого ребенка [3]. Указом Президента РФ от 17 декабря 2020 г. № 797 «О единовременной выплате семьям, имеющим детей» гражданам Российской Федерации, проживающим на территории Российской Федерации и являющимся родителями, усыновителями, опекунами, попечителями детей в возрасте до восьми лет, имеющих гражданство Российской Федерации, в размере 5000 рублей на каждого такого ребенка [4]. Как показали наши исследования, проведенные в 2020-2021 года относительно мер социальной поддержки семей с детьми в период распространения коронавирусной инфекции в Республике Мордовия [5], респонденты – получатели данных мер оценивают их достаточно эффективно. Причем получателями указанного вида социально-экономической поддержки стали 87,5 % опрошенных. По мнению респондентов, «такие пособия помогли пережить тяжелые времена, когда у многих работников существенно сократился размер заработной платы, а некоторые и вовсе потеряли работу».

Еще одним важным социально-экономическим решением в отношении семей с детьми стало внесение изменений в отношении дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей. Федеральный закон от 1 марта 2020 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала» внес наиболее значимые изменения в реформирование системы материнского (семейного) капитала. Так, в соответствии с данным законом, с 1 января 2020 года право на материнский (семейный) капитал получили семьи при рождении первого ребенка. Первоначально его размер составлял 466 617 рублей. В случае рождения (усыновления) второго ребенка, начиная с 1 января 2020 года, размер материнского капитала увеличивается на 150 000 рублей и составит 616 617 рублей [6]. Последующими законодательными актами предусматривается ежегодная индексация материнского капитала, причем с 1 февраля 2022 года с учетом роста потребительских цен за предыдущий год в соответствии с коэффициентом индексации.

Таким образом, проводимая государством социально-экономическая политика в отношении семей с детьми в условиях новых общественных рисков является, с одной стороны, экстренными мерами, с другой, - доказали свою эффективность. Поэтому некоторые из указанных мер стали постоянными формами социально-экономической поддержки семей с детьми.

- : [справ.-правовая система]. – [М., 2022]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413312/
2. О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 7 апреля 2020 г. № 249 // Консультант-Плюс : [справ.-правовая система]. – [М., 2022]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349618/
3. О единовременной выплате семьям, имеющим детей [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 23 июня 2020 г. № 412. // Консультант-Плюс : [справ.-правовая система]. – [М., 2022]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355630/
4. О единовременной выплате семьям, имеющим детей [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 17 декабря 2020 г. № 797 // Консультант-Плюс : [справ.-правовая система]. – [М., 2022]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83555/
5. Бистяйкина, Д. А. Меры социальной поддержки семей с детьми в период распространения коронавирусной инфекции в Республике Мордовия / Д. А. Бистяйкина // XLIX Огарёвские чтения : материалы научной конференции: в 3 частях, Саранск, 07–13 декабря 2020 года. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2021. – С. 176-180.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала [Электронный ресурс] : Федер. Закон Рос. Федерации от 1 марта 2020 г. № 35-ФЗ // Консультант-Плюс : [справ.-правовая система]. – [М., 2022]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346665/

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В РАБОТЕ УЧРЕЖДЕНИЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ

Веселова Полина Васильевна

(Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ))

В настоящее время важное место в работе учреждений социального обслуживания и социальной защиты занимают цифровые технологии. Благодаря их применению специалист по социальной работе может тратить меньше времени на предоставление услуг, увеличивая количество получателей. Клиенты в свою очередь смогут отслеживать весь процесс предоставления мер социальной поддержки и услуг, что повысит качество и доступность социальных учреждений. Кроме этого, распространение цифровизации позволит решить проблемы граждан независимо от их местоположения.

В социологии для изучения цифровизации может использоваться сетевой подход, который представляет собой комплекс теоретико-методологических направлений, использующих понятие «сеть» для описания характера связей между различными элементами социальной жизни [1]. Так, в рамках данного подхода принято рассматривать анализ социальных связей (формалистское направление) и сетевые теории (реляционалистское направление). Среди наиболее влиятельных концепций сетевого подхода следует отметить такие работы как «Сила слабых связей» М. Грановеттера, «Сетевое общество» М. Кастельса и «Глобальная деревня» М. Маклюэна. Данные концепции могут помочь описать процесс предоставления социальных услуг, а именно взаимоотношения специалиста по социальной работе и получателя, а также оценить способы их коммуникации, проблемы цифрового неравенства, обусловленные доступом к электронным сервисам и цифровым навыкам.

С целью изучения цифровизации провайдеров социальных услуг нами было проведено пилотажное эмпирическое исследование в одном из районов Карелии. На основе анализа первичных результатов, мы можем сделать следующие промежуточные выводы. Во-первых, несмотря на положительное влияние цифровых технологий, связанное с упрощением деятельности по предоставлению социальных услуг и процессом

их получения, было выявлено, что сотрудники организаций часто не воспринимают внедрение информационных и цифровых инноваций из-за дополнительной отчетности при переводе услуг в цифровую форму, в результате чего цифровизация воспринимается в качестве дополнительной нагрузки. Во-вторых, на уровень цифровизации влияют региональные особенности, так как учреждения социального обслуживания и социальной защиты городов в большей степени превосходят сельскую местность по цифровой грамотности сотрудников, получателей услуг и источникам финансирования. Тем не менее, несмотря на существующие барьеры, нам кажется, что более длительное использование цифровых технологий улучшит межведомственное взаимодействие, увеличит финансирование социальных услуг, позволит развивать новые услуги и привлекать новых получателей.

1. Мальцева Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории / Д. В. Мальцева // Социологические исследования. – 2018. – № 4. – С. 3-14

ВОЛОНТЕРСТВО КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ.

*Грачев Дмитрий Сергеевич
(РАНХиГС при Президенте РФ г. Москва)*

Оказанием социальных услуг, наравне с государственными учреждениями, осуществляют и волонтерские объединения. Согласно Федеральному Закону (далее-ФЗ) № 442 имеет место оказание помощи и поддержки волонтеров, которые реализуют социальное обслуживание людей пожилого возраста на всей территории РФ. Таким образом, волонтерские организации также являются субъектами социальной работы в РФ.

ВОО «Молодая Гвардия Единой России» насчитывает более 180 тысяч волонтеров в 85 субъектах РФ. Они осуществляют разного рода социально/бытовые/психологические/педагогические и социальные услуги для людей пожилого возраста.

Согласно проведенному анализу деятельности региональных отделений ВОО «Молодая Гвардия Единой России» города Москвы и Казани, а также городов Нижегородской области были выявлены следующие виды волонтерской деятельности:

в социально-бытовом направлении волонтеры осуществляют уборку дома/квартиры пожилых людей

осуществляют покупку необходимых продуктов питания и лекарственных средств.

Волонтеры города Казани оказывают помощь в накоплении запасов продуктов длительного хранения для людей пожилого возраста на зиму. В малых городах и поселках волонтеры могут наколоть дров про запас, очистить двор от мусора, отремонтировать забор и пр.[1, С.294]

Для того, что пожилые люди побороли свое одиночество организуются встречи, беседы, концерты, вечерние встречи и пр. В эти дни пожилые люди могут пообщаться с другими пожилыми людьми, рассказать свою личную историю, найти поддержку или даже поддержать кого-то. Также, активные пожилые люди могут приобщать подрастающее поколение к патриотизму, любви к родине и своему краю, рассказать, как люди жили 40-50 лет назад.

Все подобные мероприятия помогают людям пожилого возраста почувствовать себя значимыми и нужными людьми, волонтеры могут поддержать пожилых людей, помочь им найти новый смысл жизни, найти радость в столь преклонном возрасте, а также волонтеры могут помочь пожилым людям или вернуться к старым увлечениям или же совместно найти им новое хобби. Эта большая работа способна преодолеть психологические проблемы, вызванные чувством одиночества, утраты смысла жизни, т.к.

главной причиной их одиночества является тот факт, что дети выросли, внуки редко посещают своих старших родственников, усугубляются проблемы со здоровьем. Все это приводит пожилых людей к тоске по прошлой жизни и невозможности что-то поменять.[1, С.294]

Кроме того, волонтерское движение «Молодая Гвардия Единой России» разрабатывают курсы по обучению людей пожилого возраста компьютерной грамотности, чтобы предупредить пожилых людей о возможных способах мошенничества, т.к. пожилые люди являются самой уязвимой группой для внушения и последующей потери имущества.

Благодаря волонтерским движениям значительно снижается нагрузка на государственные организации социального обслуживания. Все вышеназванные формы работы с людьми пожилого возраста значительно повышает уровень жизни, делая ее комфортной, безопасной и интересной.

Особого внимания заслуживают инновационные технологии в социальной работе стационарных организациях по социальному обслуживанию людей пожилого возраста. Наглядный этому пример-это проект по организации совместного времяпровождения людей пожилого возраста из домов престарелых и детей-сирот из детских домов, в городе Москва есть «Центр содействия семейного воспитания». Основная цель работы данного проекта заключается в организации совместной деятельности жильцов домов престарелых и детских домов, т.е. организуется их совместное временное проживание.

Организаторы проекта осуществляют совместные виды деятельности для людей пожилого возраста и детей-сирот. Пожилые люди совместно с детьми-сиротами приятно и интересно проводят время, могут организовать совместный досуг, их взаимоотношения становятся «бабушка/дедушка-внук/внучка. Для пожилых людей-это время вспомнить молодость, когда они воспитывали своих детей, а для детей-сирот и закладки базовых семейных и межпоколенческих отношений, а также выработка уважительного и терпимого отношения к людям старшего поколения.

Для примера, в США работает социальное учреждение «Providence Mount St. Vincent», в котором проживают 400 людей пожилого возраста, а также несколько десятков детей, которые стали частью программы Международного Обучающего Центра (ILC).

С 1991 года компания ILC работает над проектом совместного времяпровождения детей-сирот и людей пожилого возраста. Пять дней в неделю дети-сироты посещают людей пожилого возраста, они могут вместе играть, петь, заниматься рукоделием, играть в шахматы, смотреть телевизор, готовят обед или сладости и пр. Дети-сироты начинают ценить старшее поколение, у них появляется большое количество любящих бабушек и дедушек, а пожилые люди в свою очередь чувствуют свою нужность, востребованность, готовы поделиться своим опытом и любовью.[2, С89]

Вторым положительным примером объединения Домов престарелых и Детских домов является центр «Nightingale House» в районе Уондсуэрт, Лондон. В деятельности этого учреждения имеет место практика апробации методов и способов установления межпоколенческих связей. Около 5 часов в день люди пожилого возраста и дети-сироты проводят совместный досуг. На основе проведенного исследования, данное «межпоколенческое слияние» оказывает благотворное влияние на психическое и физическое здоровье людей пожилого возраста.[2, С89]

Применение в работе центра подобного подхода в организации стационарных социальных учреждений позволяет решить проблему организации досуга не только людей пожилого возраста, но и подрастающего поколения- детей-сирот. Такая технология благотворно влияет на психологическое и эмоциональное состояние пожилых людей, снижается уровень стресса, пожилые люди имеют возможность общаться не только с ровесниками, но и с младшим поколением. Стоит еще отметить, что межпоколенческое общение позволяет снизить возникновение или развитие проблем со здоровьем и самочувствием людей пожилого возраста. Также важным моментом является то, что

пожилые люди легче приспосабливаются к новым социальным условиям, если они прибыли в социальное учреждение недавно.

Подводя итог, мы можем сказать, что в социальном обслуживании людей пожилого возраста значимое место занимает организация для них досуговой. Использование описанных технологий в социальной работе и непрерывный поиск, внедрение новых технологий должно быть целенаправленно на увеличение качества оказываемых социальных услуг для людей пожилого возраста. Следовательно, именно социальные учреждения и волонтерские организации формируют способы и формы по преодолению социально-психологических проблем людей пожилого возраста, в частности, проблему одиночества, а также проблемы, возникающие как последствия долгого одиночества, если не будут предприняты меры по предупреждению и реабилитации у пожилых людей возможных психологических проблем.

1. Грачев Д.С., *Одиноко проживающие пожилые люди: проблемы и пути решения (на примере ВОО «Молодая гвардия Единой России») // Молодежные инициативы как основа развития гражданского общества в Российской Федерации: региональный и местный уровни: IV всероссийская научно-практическая конференция: 6 декабря 2018 г. – Ульяновск: ЗЕБРА, 2018. – 294 с.*
2. Грачев Д.С., Прохорова О.Г., *Социальный проект по объединению домов престарелых и детских домов // Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции по психологии с международным участием/Под общей ред. Е.В. Прониной; Владим.гос.ун-т имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Владимир: Изд-во: Транзит-ИКС, 2020.*
3. *Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» N 442-ФЗ от 23 декабря 2013 года: вступил в силу 1 января 2015 года [дата обращения: 08.10.2022 г.] Доступ через: <http://www.garant.ru>.*
4. Пачина О. А., Головлева Г. С. *Социально-культурная активность людей «Третьего возраста» как средство преодоления одиночества // Вестник ТГУ. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnaya-aktivnost-lyudey-tretiego-vozrasta-kak-sredstvo-preodoleniya-odinochestva> (дата обращения: 08.10.2020).*

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ КАК МЕТОД РАБОТЫ С СУПРУЖЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ

Денисова Алёна Алексеевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Предупреждение конфликта – это вид деятельности субъекта управления, направленный на недопущение возникновения конфликта путем его прогнозирования [5, с. 231]. Суть предупреждения и коррекции супружеских конфликтов заключается в сведении к минимуму вероятности ухода из семьи одного из супругов, потери семейных связей и ценностей, риска развода путем гармонизации отношений через сплочение семьи, а также в поиске внутренних ресурсов, которые можно направить на разрешение проблемных ситуаций [3, с. 74]. Снижение конфликтности в семьях является ключом к созданию и поддержанию позитивной атмосферы в семье, что непосредственно влияет на эмоциональное состояние детей.

Специалисты по социальной работе в своей практике работы с семьями используют такую технологию как конфликтологическое сопровождение семьи, которое включает в себя диагностику факторов возникновения конфликтов, анализ предконфликтной ситуации и самого конфликта, формирование навыков конструктивного поведения в конфликтных ситуациях и конфликтологической компетентности супругов.

Важное место в предупреждении конфликтов в супружеских парах занимает конфликтологическое просвещение, направленное на формирование

конфликтологической компетентности обоих партнеров [2, с. 96]. С точки зрения К.В. Мининой и С.В. Сатиковой, конфликтологическая компетентность - это система знаний и навыков, определяющая успешность в предотвращении и разрешении деструктивных конфликтов на основе системной оценки различных проявлений ситуации конфликта, а также использование коммуникативных приемов и техник, приемов снятия эмоционального напряжения и управления собственными эмоциями и эмоциями участников конфликта для успешного выхода из конфликтной ситуации, с последующим формированием установки на дальнейшее конструктивное взаимодействие [4, с. 201].

Следует особо подчеркнуть неотъемлемую связь конфликтологической компетентности с коммуникативной. Коммуникативная компетентность представляет собой систему внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определенном круге ситуаций межличностного воздействия [1, с. 128].

Конфликтологическое просвещение супружеских пар должно включать в себя информирование о существующих технологиях предупреждения конфликтов, которые представляют собой совокупность приемов, методов и средств воздействия на предконфликтную ситуацию и участников взаимодействия. Имеющиеся данные по изучению конфликтов в супружеских парах позволяют говорить о том, что сущность супружеского конфликта состоит в обострении противоречий при рассогласовании взглядов, несовпадении мотивов поведения членов семьи. Столкновения несовпадающих взглядов, интересов и целей партнеров проявляются в ситуации супружеского конфликта.

Просвещение также включает в себя изучение способов воздействия на ситуацию, чреватую возникновением конфликта, что может проявляться в ориентации супругов на следующие стратегии:

избегание создания ситуаций, способных привести к конфликту, например, исключить темы, заведомо вызывающие разногласия;

изменение своего отношения к проблеме, лежащей в основе противоречия (то есть повлиять на изменение своего поведения);

изменение отношения оппонента к проблеме (то есть воздействовать на его сознание и поведение) [7, с. 131].

В некоторых случаях участники взаимодействия до возникновения конфликта находятся в нейтральных взаимоотношениях, сотрудничая друг с другом. Задача специалиста - поддержать имеющееся сотрудничество, развивать его, тем самым усиливая конструктивность взаимоотношений и предупреждая возникновение конфликтов.

Среди методов поддержания и развития сотрудничества указываются такие как: метод согласия, метод практической эмпатии, метод сохранения репутации партнёра, метод исключения социальной дискриминации и ряд других [6, с. 69].

Супружеские пары должны активно пользоваться этими методами, ознакомление с которыми осуществляется в процессе конфликтологического просвещения, выступающего необходимым основанием для формирования конфликтологической компетентности супругов, позволяющим им не только приходиться к конструктивному решению возникающих споров, но и предупреждать само их возникновение.

Внедрение в социальную работу методов и форм конфликтологического сопровождения способствует развитию комплексной социальной работы с семьей, а также повышению компетентности специалистов по вопросам урегулирования супружеских конфликтов. Стоит также отметить значимость конфликтологического сопровождения в работе с неблагополучными, социально-уязвимыми семьями - конфликты между супругами, возникающие на почве алко- и наркозависимостей, плохих бытовых условий, низкого материального достатка, что крайне отрицательно сказывается на неокрепшей психике детей. Неблагополучность семьи становится фактором, влияющим на меру деструктивности конфликтов (в сравнении с нормотипичными семьями), именно поэтому крайне важно заниматься конфликтологическим просвещением членов таких семей и

способствовать налаживанию партнерства и сотрудничества супругов, тем самым помогая им преодолеть социальную уязвимость.

1. Аницупов А. Я. *Конфликтология: Учебник для вузов. 6-е изд.* / А.Я. Аницупов, А.И. Шипилов. - Санкт-Петербург : Питер, 2019. - 528 с.
2. Карпова Е.А. *Функциональные и дисфункциональные брачно-семейные отношения* / Е.А. Карпова, Т.Г. Кукулите // *Ученые записки СПбУТУиЭ.* – 2017. – № 4 (60). – С. 115-117
3. Королева Е.М. *Диадическое совладание у партнеров на начальном этапе становления их близких отношений* / Е.М. Королева, Т.Л. Крюкова // *Материалы VII Междунар. конф. молодых ученых «Психология - наука будущего» (Москва, 14-15 ноября 2017 г.) / под ред. А. Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко.* – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», – 2017. – С. 419–423.
4. Минина К.В. *Психолого-социальная работа в современном обществе. Формирование конфликтологической компетентности у студентов в системе подготовки специалистов помогающих профессий. Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: материалы международной научно-практической конференции, 18-19 апреля 2019 года* / К.В. Минина, С.В. Сатикова, под общ. ред. Ю.П. Платонова. – СПб.: СПбГИПСП, 2019. – 311 с.
5. Митина, М.А. *Представления о семейных ценностях у супругов с различным стажем семейной жизни* / М.А. Митина // *Человеческий капитал.* – СПб.: Питер, – 2016. – № 3 (87). – С. 29–31.
6. Стволыгин К.В. *Теоретическая и прикладная конфликтология.* / К.В. Стволыгин // БГУ, Фак. философии и социальных наук, Каф. социальной работы и реабилитологии – Минск: БГУ, – 2019. – 81 с.
7. Черников А. В. *Системная семейная терапия : Интегратив. модель диагностики* / А. В. Черников. - М. : Класс, 2018. - 202 с.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Домасевич Ирина Владимировна

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь)

Глобальной мировой тенденцией в последнее время является насильственное изменение социальных связей и структуры общества, стирание границ допустимого и неприемлемого, жесткая «ломка» идентичности. В сложившихся условиях по-прежнему актуальным и важным является поддержка социальной стабильности в обществе, содействие поступательному развитию государства, исключение негативных социальных настроений граждан.

В Республике Беларусь, как социально ориентированном государстве, первостепенное внимание уделяется формированию в стране эффективной системы социальной защиты, совершенствованию социального обслуживания граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В этой связи проблемы, связанные со старением населения, требуют новых подходов к организации социального обслуживания. Возрастающие потребности пожилых людей и инвалидов в значительной степени определяют стратегию развития системы социального обслуживания, целью которой является удовлетворение спроса населения на социальные услуги.

Учитывая непростую экономическую ситуацию, особое значение приобретает задача повышения эффективности использования выделяемых финансовых средств на социальное обслуживание за счет использования новых социальных технологий в этой сфере.

Одним из направлений развития системы социального обслуживания может стать реализация мероприятий по укреплению и развитию сети государственных учреждений социального обслуживания в сочетании с мерами по формированию элементов управляемого государством рынка социальных услуг. Область социального обслуживания

с учетом названных выше факторов не должна оставаться государственной монополией в перспективе. К социальной работе необходимо привлекать общественные и религиозные организации, волонтеров, добровольцев, индивидуальных предпринимателей, организации различных форм собственности.

Современная система социального обслуживания предназначена для удовлетворения социально-культурных, духовных, интеллектуальных потребностей человека, поддержания его нормальной жизнедеятельности. Предоставляет широкий спектр социально-экономических, медико-социальных, психолого-педагогических, правовых, социально-бытовых и иных социальных услуг гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Представляется как государственными учреждениями, так и частным сектором (через механизм государственного социального заказа).

В республике сейчас функционирует 146 территориальных центров социального обслуживания населения, которые предоставляют весь комплекс социальных услуг различным категориям населения (многодетные семьи, пожилые граждане, люди с инвалидностью и др.). В структуре центров открываются специализированные отделения социальной адаптации и реабилитации «Кризисная комната», отделение первичного приема, информации, анализа и прогнозирования, отделение дневного пребывания для инвалидов и граждан пожилого возраста, отделение социальной помощи на дому, отделение круглосуточного пребывания пожилых граждан и инвалидов, отделение сопровождаемого проживания и др.

В настоящее время в Беларуси активно продолжается работа по расширению сети оказания социальных услуг нестационарных и полустационарных форм для пожилых граждан и людей с инвалидностью (замещающие семьи, социальная помощь на дому, сопровождаемое проживание, услуга дневной присмотр и др.).

С целью повышения адресности в организации социального обслуживания, эффективности использования бюджетных средств готовится к обсуждению новая редакция Закона «О социальном обслуживании» (2000 г., 2013 г., 2017 г.).

Вводится *новый механизм определения нуждаемости в социальных услугах: комплексная оценка* (оценка различных сторон жизнедеятельности (физические возможности, средства реабилитации, бытовые условия, доступная среда, участие социума); *индивидуальный подход* (подбор перечня и объема услуг с учетом индивидуальной ситуации конкретного человека); *объективность и прозрачность* (использование специально разработанных опросников и процедуры оценки).

Кроме того, предполагается развитие системы социального ухода: вводится особый вид социальных услуг – услуги по уходу; разграничивается понятие «уход» и «постоянный уход»; разрабатывается механизм поддержки лиц, самостоятельно осуществляющих уход за нетрудоспособными гражданами (неформальный уход) (обучение навыкам ухода; психологическая поддержка; предоставление социальной передышки; материальная поддержка).

Особое внимание будет уделено регулированию деятельности частного бизнеса, оказывающего социальные услуги населению (введение реестра поставщиков социальных услуг (государственных и негосударственных), организация контроля за пожарной и санитарной безопасностью получателей услуг).

Растущий спрос на получение качественных социальных услуг демонстрируют и проводимые в Республике Беларусь социологические опросы. Так, результаты проведенного в 2020 г. по заказу Белорусского института стратегических исследований комплексного социологического исследования позволил выделить в качестве ключевой тенденции у населения Беларуси в смысловом блоке «Государство и суверенитет» высокую ценность суверенитета и независимости страны, устойчивость патерналистских и потребительских установок в сочетании с ожиданиями нового качества «обратной связи» между обществом и государством.

Особенностями выступают ценностное отношение общества к государству; ориентированность на *сохранение сильного государства и обеспечиваемых им социальных гарантий*; выраженный социальный запрос на более мобильную и эффективную коммуникацию по линии «власть – общество»; нацеленность активной части социума на переход от парадигмы сохранения к запросу на развитие и образ будущего.

За период независимости Республики Беларусь население как никогда стало ценить мир, безопасность и порядок в стране – перечисленные ценности значимы практически для всех граждан (почти 100 %). К числу наиболее важных для подавляющего большинства белорусов (от 80 до 90 %) ценностей принадлежат также стабильность, справедливость, солидарность и равенство. Отношение к социально-экономической модели определяется стремлением к благосостоянию и достатку, гарантом обеспечения которых в сознании граждан также выступает государство.

Ответы респондентов на вопрос «Какие из данных социальных гарантий со стороны государства для Вас важны, а какие нет?» распределены следующим образом: гарантия на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения, и отдых (94,1%), *гарантия на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца (94,1%)*, гарантия на труд, выбор профессии, работы и справедливое вознаграждение в соответствии с количеством, качеством и общественным значением результатов трудовой деятельности (93,3%), гарантия на образование, в том числе бесплатное (92,2%), гарантия права молодёжи на духовное, нравственное и физическое развитие, участие в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны (84,1%), гарантия равенства мужчин и женщин в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе, в общественно-политической, культурной и других сферах жизни (79,1%), гарантия на участие в культурной жизни (62,3%) [1].

По мнению большей части общества, в Республике Беларусь уже реализуется оптимальная в представлениях населения модель – государство равных стартовых возможностей, необходимых для жизненной самореализации.

Идеей, способной сплотить белорусский народ, общество в первую очередь считает стремление к материальному успеху – повышению благосостояния и качества жизни (почти 90 % респондентов). В то же время подобный прагматизм сочетается с ярко выраженным патернализмом.

Таким образом, граждане принимают как должное уже обеспеченные им гарантии и блага (бесплатные медицина и образование, социальные льготы и гарантии, помощь уязвимым слоям населения, качественная инфраструктура и т.д.) и стремятся к повышению комфорта. При этом общество готово к более активному участию в обустройстве собственной жизни, ожидая от государства расширения возможностей для частной инициативы, гражданских прав и свобод, учёта мнения белорусов в диалоге с властью как условий повышения эффективности и прозрачности деятельности госаппарата.

Как показало исследование, граждане не рассматривают в качестве насущной необходимость и коренную ломку политической системы страны, а перспективы введения любых новых инструментов и механизмов регулирования социально-политических процессов воспринимают настороженно. Общество демонстрирует нейтральность как к правым, так и к левым идеям, сдержанно относится к выборности органов власти и управления и не готово связывать себя обязательствами партийной деятельности.

САМООРГАНИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ РИСКОВ

Дудина Виктория Ивановна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 22-18-00261

Преобладающая точка зрения на систему общественного здоровья предполагает бинарные отношения, где отдельный человек выступает в роли реципиента, а государственная или частная медицинская организация в роли провайдера медицинской помощи. Деятельность, связанная со здоровьем, очень часто рассматривается как исключительно индивидуальная, не предполагающая возможности объединения. Считается, что люди несут ответственность за поведение, способствующее укреплению собственного здоровья, а проблемы здоровья преимущественно должны решаться в системе «врач – пациент». Принятие решений о здоровье – сложный процесс, он не может быть сведен только к выполнению рекомендаций врача, как это представляют традиционные биомедицинские концепции. Между рекомендациями врачей и их выполнением лежит сложный процесс осмысления назначений, сбора дополнительной информации и формирования окончательного решения самим пациентом. Игнорировать этот процесс — значит упрощать сложные взаимовлияния, которые существуют в данной сфере. То же самое касается, например, принятия решений о вакцинации, которое часто пытаются свести к простой схеме «за – против», игнорируя весь промежуточный спектр установок, который обозначается концептом «вакцинная нерешительность».

Существование схожих проблем в области здоровья и доступа к услугам здравоохранения у разных людей служит основой объединения. С этой точки зрения, модель, в которой превалируют отношения «врач – пациент» или «система здравоохранения – пациент» должна быть дополнена ракурсом рассмотрения групп людей со схожими интересами, объединенных для совместного решения проблем здоровья. Такой, более социологизированный подход принимает во внимание коллективные формы активности в сфере здоровья, учитывая влияние сообществ и социальной структуры на поведение, связанное со здоровьем.

Концепция «ответственного самолечения», или самопомощи (self-care), разработанная Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) предполагает, что люди, обладающие адекватными знаниями и ответственностью, могут сами заботиться о своем здоровье [1]. По определению ВОЗ, самопомощь подразумевает «способность индивидов, семей и сообществ, укреплять здоровье, осуществлять профилактику заболеваний, поддерживать здоровье и справляться с болезнями и недомоганиями самостоятельно или с помощью медицинских работников» [2, 15]. Концепция общественного здравоохранения, как организованного государством, требует дополнения со стороны понимания того, как люди и сообщества решают проблемы здоровья не только внутри сферы официального здравоохранения, но и параллельно с ней, а иногда и вне ее. Научная проблема состоит в необходимости разработки теоретической концепции самоорганизации в сфере заботы о здоровье и самопомощи, понимания закономерностей формирования самоорганизующихся структур в области общественного здоровья. Понимание самоорганизующихся структур в сфере здоровья, как активных агентов общественного здравоохранения может базироваться на выявлении различных типов самоорганизации людей в области заботы о здоровье и самопомощи. И здесь ключевым вопросом может стать вопрос о том, что служит первичным стимулом к подобного рода самоорганизации -

недовольство существующей медицинской помощью, ее недостаточное количество, затрудненный доступ и т.п.

С теоретической точки зрения необходимо переосмысление иерархической бинарной системы отношений «реципиент – донор» и переход от иерархического представления этих отношений к гетерархическому, предполагающему отсутствие закреплённого ранжирования элементов или ранжирование потенциально различными способами. Возможным направлением такого переосмысления может стать дополнение рассмотрения общественного здравоохранения в категориях социальной защиты и медицинской помощи категориями совместного решения проблем в сфере здоровья, низовой социальной активности в сфере заботы о здоровье, пациентского участия, гражданской активности в области здравоохранения. Некоторые авторы обозначают этот процесс как «переход от государственной к государственно-общественной модели управления профессиональной врачебной деятельностью» [3].

Задачами подобного исследования могут стать: выявление социальных паттернов самоорганизации; эмпирическое исследование практик самоорганизации в сфере заботы о здоровье; планирование образовательных мероприятий для оптимизации самоорганизации для определённых категорий пациентов и заинтересованных групп. Изучение самоорганизации в области заботы о здоровье наталкивается в ряде случаев на скептицизм со стороны экспертного медицинского сообщества. Например, изучение мнения медицинских профессионалов и студентов медицинских вузов выявило настороженное отношение респондентов в отношении использования пациентами интернета и возможного самообразования пациентов через интернет, «врачи рассматривали интернет-ресурсы как конкурентов в борьбе за медицинский авторитет и доверие пациента» [4]. В этом отношении интересно обратиться к теоретической модели взаимоотношений врач – пациент, которую разработали Шаш и Марк Холлендер [5]. Авторы выделили три типа отношений: (1) активность/пассивность; (2) руководство /кооперация; (3) партнерство. Хотя при разработке данной модели авторы опирались на анализ реальных клинических ситуаций, а выделенные типы отношений рассматривали как равноценные и зависящие от конкретного контекста взаимодействия, в то же время, представляется, что преобладание того или иного типа отношений в определенной мере зависит и от типа преобладающих рисков в сфере общественного здоровья. Так, например, отношения «активность – пассивность», по мнению авторов модели определяют как свойственные неотложной медицине или педиатрии. В рамках таких отношений, решения полностью принимает врач, а пациенту отводится роль реципиента. В то же время, подобная патерналистская модель пронизывает самые разные контексты взаимодействия, выходя далеко за пределы неотложной помощи или педиатрии и имеет своим истоком представление о преобладании рисков, с которыми потенциальные пациенты не могут справиться самостоятельно и которые они никоим образом не контролируют. В типе «руководство – кооперация» врачу отводится роль «инструктора», а пациент под его руководством выполняет врачебные назначения, добровольно соглашаясь подчиниться авторитету медицинского эксперта. Лечение заболеваний в условиях госпиталя или клиники представляет типичный пример такого вида взаимодействий. И здесь уже актуализируется такой аспект, как права пациентов. Например, возникает необходимость получения информированного согласия для получения определённых врачебных процедур. Тип отношений «партнерство» характерен для ситуации длительно протекающих хронических заболеваний. Такой тип отношений предполагает, что пациент может помочь себе сам, а врач только лишь оказывает определенное содействие. Подобные отношения предполагают более равноправные позиции при взаимодействии врач – пациент и отход от патерналистской модели. Тем не менее, выделенные типы отношений являются в значительной степени идеальными типами и склонность медицинских систем именно к патерналистскому типу отношений в настоящее время становится проблемой в самых разных социокультурных контекстах.

Новые эпидемические риски высветили необходимость пересмотра доминирующих моделей отношений врачей и пациентов не только с точки зрения изменения характеристик межличностного взаимодействия, но, и с точки зрения расширения возможностей самоорганизации сообществ для совместного решения проблем здоровья в условиях недостатка ресурсов системы здравоохранения. Именно самоорганизация в ряде случаев может обеспечить необходимые ресурсы для социальной поддержки людей с заболеванием и облегчить тем самым нагрузку на систему здравоохранения.

1. Толыгина С.Н., Марцевич С.Ю., Концевая А.В., Драпкина О. М. Ответственное самолечение — основополагающие принципы и место в современной системе здравоохранения // *Рациональная фармакотерапия в кардиологии*. 2018. Т. 14. № 1. С. 101—110.
2. WHO. *Self-Care for Health. A Handbook for Community Health Workers & Volunteers*.
3. (2013) *World Health Organization*.
4. Каприна И.А. Социальная самоорганизация в здравоохранении. *Этносоциум*, 12 (102), 2016. С. 59 – 63.
5. Павленко Е.В. Врачи в условиях электронного здравоохранения: отношение специалистов к использованию компьютера и интернета в профессиональной деятельности. *Социология медицины*, 14(2), 2015. С. 30–35.
6. Szasz T. S., Hollender M. H. *The basic models of the doctor-patient relationship // Archives of Internal Medicine*. 1956. Vol. 97. P. 585–592.

ПРОБЛЕМА ДЕФИЦИТА КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СФЕРЫ СПОРТА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Ермилова Анна Вячеславовна
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского)*

Научно-исследовательский интерес именно к культурному капиталу объясняется тем, что последний проявляется во взаимодействии индивидов, положительно влияя на интеракцию агентов непосредственно в самом спортивном поле, что положительно сказывается на результативности и продолжительности их профессионального возраста [1], а также способствует более успешной адаптации представителей спорта после завершения ими спортивной карьеры.

Теоретическим и практическим аспектам изучения культурного капитала, его влиянию на различные направления жизнедеятельности социума посвящены научно-исследовательские разработки большого количества авторов. Тем не менее, основоположниками концепции культурного капитала являются, во-первых, французский социолог П. Бурдьё, который определил следующие состояния культурного капитала: инкорпорированное (воплощающееся в людях), объективированное (выражающееся в материальных предметах, например, картинах) и институционализированное (зафиксированное, например, в форме «академических квалификаций»). По его мнению, культурный капитал – это знание, позволяющее его обладателю понимать и оценивать различные типы культурных отношений и культурных продуктов. Именно он определяет способность человека к труду. [2] Культурный капитал образуется в результате чтения книг, посещения музеев, театров, межличностного общения, что требует личного «вложения времени». [3] Во-вторых, английский экономист Д. Тросби, определяющий его как «совокупность интеллектуальных способностей, образованности, умений, навыков, моральных качеств, квалификационной подготовки индивида или индивидов, которые используются в процессе осуществления социальной деятельности, при этом узаконивают обладание статусом и властью». [4, с. 5] Как актив он воплощает, хранит или обеспечивает культурную ценность в дополнение к любой экономической ценности, которой он может обладать. [4, с. 5] По его мнению, культурный капитал необходимо

дифференцировать на материальный (например, произведения искусства) и нематериальный (идеи, верования, ценности). Известно, что нормы культуры усваиваются в процессе социализации и инкультурации, что является составной частью научения. Следовательно, система образования является важной частью в системе воспроизводства культурного капитала.

Для реализации цели исследования, направленной на выявление проблемы дефицита культурного капитала у спортивных агентов, привлекались данные социологических исследований, проведенных, во-первых, в ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2022 г. с помощью интервьюирования представителей спорта высших достижений (n=30 чел.); во-вторых, на базе УрФУ в 2018 г. С.Б. Абрамовой «Особенности получения высшего образования спортсменами высокого класса», (n=64 чел.), в 2010 г. Л.Н. Рогалевой и В.Р. Малкина «Исследование взаимоотношений тренер-спортсмен в спорте высших достижений» (n=53 чел.).

Известным фактом уровня образования значительной части спортсменов является его невысокий показатель, что обусловлено интеграцией спортсмена преимущественно в сферу спорта. Следует отметить, что спорт, как правило, забирает все силы у спортсмена, что негативно может сказываться на его функционировании в других системах. В связи с этим мы считаем, что культурный уровень спортсменов высших достижений отличается преимущественно своей однонаправленностью, то есть культурный капитал представителя спорта в большей степени сформирован за счет культурных образцов поведения, традиций, принятых в спорте. Однако, немалую роль в приобретении культурного капитала играет система образования, представители которой, по мнению значительной части участников интервью (27 чел.), навешивают ярлыки на учеников/студентов, интегрированных в спорт. Важно заметить, что именно сфера среднего образования чаще всего является субъектом стигматизации спортсменов (17 чел.).

«Учительница математики делала все, чтобы вербально меня унижить по приезду с соревнований» (женщина 47 лет, волейбол)

«Я чувствовал, как меня ненавидят учителя, так как я спортсмен» (мужчина 24 года, хоккей)

«Учителей пора отправлять на повышение квалификации, так как их уровень этики общения с учениками-спортсменами соответствует минимальному уровню» (женщина 36 лет, легкая атлетика)

Как было указано выше, культурный капитал образуется, в том числе в ходе межличностного общения, которое, с одной стороны, призвано нарастить культурный капитал начинающего спортсмена, а с другой, мотивировать к самостоятельному повышению культурного уровня. В результате процесса стигматизации спортсменов в системе образования культурный обмен нарушается, что может способствовать дефициту культуры уже у состоявшихся спортсменов, результатом чего становится рост их девиантного и делинквентного поведения. [5, 6]

Следует иметь в виду, что время получения среднего и высшего образования может совпадать с этапом достижения наивысших спортивных результатов (15-25 лет). Данное обстоятельство может негативно сказываться на уровне образования спортсменов и, соответственно, на их культурном уровне. В данном случае необходимо актуализировать проблему организации учебного, тренировочного, спортивного процессов. Как показывает социологическое исследование, проведенное к.соц.н. С.Б. Абрамовой, 75% спортсменов, обучающихся в системе высшего образования, испытывают трудности совмещения учебы и спорта, которые можно разделить условно на личностные (утомление, усталость, недостаток времени на посещение занятий) и организационные (непонимание преподавателей, совпадение времени проведения занятий с тренировками, отсутствие льгот). При этом трудности организационного порядка имеют особую значимость, т.к. пик трудоспособности, когда тренировки наиболее эффективны, приходится на то же время,

что и аудиторные занятия в ВУЗе. [7] Даже если представитель спорта высших достижений и предпочтет выбрать систему образования как сферу своей реализации, представляя собой одновременно и «национальное» достояние, он лишен такой возможности. Соответственно, особую значимость приобретает вопрос своевременного выбора приоритетной деятельности в процессе реализации спортивной карьеры, который еще в большей степени актуализируется на этапе ее завершения.

Специфика культурного обмена между акторами, например, между тренером и спортсменом, оказывает существенное влияние на результативность в сфере спорта. Вместе с тем социологические исследования, направленные на выявление специфики культурного обмена в системе «тренер-спортсмен», показывают невысокий уровень культурных взаимодействий (75% спортсменов хотели бы покинуть своих наставников [8]), причинами которого могут быть негативные поведенческие проявления со стороны тренеров (7% участников интервью указали на физическое воздействие со стороны тренеров – рукоприкладство), их эмоциональная глухота. Соответственно, актуализируется проблема низкого уровня культурного капитала у некоторой части тренеров, что требует коррекции в системе подготовки тренерского состава.

Актуализируется проблема невысокого уровня культурного капитала как у спортсменов, так и у некоторой части тренеров, что требует повышения их культурной компетентности. Дефицит культурного капитала спортсменов может негативно отразиться на жизнедеятельности спортсменов. Наличие преимущественно модели поведения спортсменов, освоенной в спортивном поле, а именно в процессе построения спортивной карьеры, может привести к дефициту культурного капитала, снижая ресурсность, а, соответственно, и адаптационные возможности акторов в будущем. Скорее всего, их дефицит в дальнейшем может стать причиной, затрудняющей их интеграцию в социум после завершения спортивной карьеры. В результате спортсмен может испытывать трудности в освоении новой модели поведения, с иными установками, ценностными ориентирами, правилами, традициями, которые могут быть не характерны для спортивной сферы деятельности.

1. Ермилова А.В. Профессиональный возраст: к вопросу о социологической концептуализации (на примере профессиональных спортсменов) // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20. № 2. С. 172–181.
2. Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
3. Кажаяева Т.И. Теоретические положения статистического исследования культурного капитала региона // *Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ»*. 2015. Т. 7. № 2. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/123EVN215.pdf> (дата обращения: 12.03.2022).
4. Тросби Д. Экономика и культура / Пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Высшая школа экономики, 2013. 254 с.
5. Из спортсменов в криминальные авторитеты: истории жизни 9-ти известных людей, свернувших не туда [электронный ресурс] URL: <https://mixnews.lv/men/2020/09/04/iz-sportsmenov-v-kriminalnye-avtoritety-istorii-zhizni-9-ti-izvestnyh-lyudej-svernuvshih-ne-tuda/> (дата обращения: 07.09.2022)
6. Кокорин и Мамаев задержаны. Криминал пожирает российский футбол [электронный ресурс] URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/hdfootball/2205788.html> (дата обращения: 07.09.2022)
7. Абрамова С.Б. Особенности получения высшего образования спортсменами высокого класса // XXI Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2018. С. 822–832.
8. Рогалева Л.Н., Малкин В.Р. Исследование взаимоотношений тренер-спортсмен в спорте высших достижений // *Спортивное чтение [Электронный ресурс]*. URL: <http://sportfiction.ru/articles/issledovanie-vzaimootnosheniy-trener-sportsmen-v-sporte-vyssshikh-dostizheniy/> (дата обращения: 14.03.2022).

«ПРОСТРАНСТВО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ»

Зотова Варвара Алексеевна
(НИУ "Высшая школа экономики")

Кирилл Александрович Пузанов
(ВШУ ФГРР НИУ ВШЭ)

Диана Руслановна Кодзокова
(ФГРР НИУ ВШЭ)

В современном мире перед городом стоит задача обеспечивать необходимую для жизнедеятельности и развития горожанина инфраструктуру. Однако документы территориального планирования, являющиеся базисом для инфраструктурного наполнения городов, исходят из парадигмы минимального удовлетворения потребностей горожан. Современные российские нормы территориального планирования опираются на усредненный портрет горожанина, чьи потребности не дифференцированы. Такой подход был справедлив для своего времени, но он перестает отвечать трансформирующимся запросам горожан и требует модернизации. Возможным ответом на этот вызов может стать пересмотр некоторых принципов городского планирования. В частности, переход от функционально-детерминированного принципа планирования городской среды, в рамках которого качество удовлетворения потребностей горожанина вторично по отношению к самому факту их удовлетворения и, зачастую, вырождается в строительство не востребованных объектов инфраструктуры, к использованию ценностно-процессуального подхода, позволяющего проектировать городскую среду как единое пространство развития, реагирующее на запросы горожанина.

Потребности, которые горожанин стремится реализовать в городе, а соответственно и всю предоставляемую ему инфраструктуру можно поделить на две большие категории: needs (базовые потребности) и wishes (желания, стремления). За удовлетворение needs в данном случае отвечает поддерживающая инфраструктура, качественная городская среда, а за удовлетворение wishes – пространство развития, надстройка качественной городской среды, которой горожанин пользуется для закрытия потребностей, превышающих базовые.

Если обратиться к теории человеческой мотивации Маслоу [1] и ее более поздним интерпретациям, можно предположить, что в зависимости от социально-экономического статуса и мотивации горожанина, его запросы к городской инфраструктуре и степени ее соответствия собственным needs и wishes разнятся. Кроме того, соотношение needs и wishes у разных социальных групп не однородно, что создает предпосылку для дифференциации пространства развития в городской среде.

С одной стороны пространство развития рассматривается нами как часть реализации права горожанина на город, как реализация его права на производство городского пространства [2]. С другой стороны, пространство развития может быть рассмотрено и с позиций государственного управления: например, как форма требований города к горожанину, как инструмент, с помощью которого город управляет городскими сообществами и регулирует социальную среду.

Отсюда вытекают следующие исследовательские вопросы: может ли одна и так же единица инфраструктуры рассматриваться и как needs и как wishes? Под влиянием каких факторов не связанные единицы инфраструктуры, удовлетворяющие wishes отдельных категорий горожан, трансформируются в единое пространство развития? Какими параметрами должна обладать качественная городская среда, чтобы возникли предпосылки создания пространства развития на ее основе?

1. Maslow A.H. (1943), *A Theory of Human Motivation*, Originally Published in *Psychological Review*, 50, 370-396
2. Purcell M. (2002), *Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant*, *GeoJournal* 58: 99–108

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ "СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА" О ПРОФЕССИИ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

*Имамвердиева Виктория Джумшудовна
(Петрозаводский государственный университет)*

Аннотация: Профессия «Социальная работа» в совокупности помогающих профессий достаточно молодая, и именно как профессия имеет более скромную историю развития в России. В связи с этим, у данной профессии скопился ряд проблем, обусловленный незнанием российского общества о специфике профессии, её особенностях, и ряде обязанностей, присущих представителям этой профессии. В данном контексте мы можем говорить о том, насколько данная профессия привлекает студентов обучаться на ней.

Достаточно важно, чтобы студенты, обучающиеся по специальности «Социальная работа» сами понимали суть профессии, чтобы у них было представление о своих должностных обязанностях и роде деятельности, в которые они включены.

Методы сбора данных

В данной работе мы изучили представления студентов 1–6 курсов, обучающихся в Петрозаводском государственном университете по направлению «Социальная работа», о выбранной специальности. Чем они руководствовались, при выборе профессии, видят ли студенты своё дальнейшее развитие в социальной сфере? В полной ли мере представляют всю специфику работы, включая нормы, правила, принципы и обязанности? Особо интересным может быть мнение старших и выпускных курсов, так как они стоят на пороге вступления в профессиональную деятельность.

Результаты

Мы получили следующие результаты исследования. Нам было важно узнать, много ли студентов целенаправленно выбирали направление «Социальная работа» при поступлении, то есть, имели ли собственное желание подать документы на направление «Социальная работа». Оказалось, чуть больше половины студентов поступили на данную специальность обдуманно и не случайно. Чаще всего, студенты руководствовались тем, что хотели бы помогать людям в сложных жизненных ситуациях, а также респонденты после окончания для себя видят много перспектив и направлений для работы. Также обучающиеся 1–6 курсов осознают значимость и важность профессии «Социальная работа» как для общества, так и для себя лично. Общим мнением студентов можно выделить то, что во всех трудных, нестабильных ситуациях человеку нужен человек и этот человек фигурирует в образе специалиста по социальной работе.

Однако стоит заметить, немало студентов выбрали данную специальность по остаточному принципу. Также мало осознают значимость профессии. Они не видят своего будущего в данной профессии. Не понимают ценности профессии «Социальная работа».

Среди студентов также есть те, кто изначально не планировал поступать на социальную работу, но проучившись по данной специальности какое-то время поменял свои ориентиры и понял ценность социальной работы. Таким образом, мы можем проследить, влияние образовательной среды на решение и взгляды студентов. Как правильный подход к студентам, грамотная подача материала способна изменить

мировоззрение и отношение к специальности, к которой изначально студент был безразличен.

В результате исследования нам удалось выяснить, что большая часть студентов, обучающихся по специальности «Социальная работа» в Петрозаводском государственном университете, пришла в эту профессию осознанно. Также студенты видят дальнейшую перспективу трудоустройства. У некоторых студентов, в основном магистрантов, уже получилось устроиться по специальности. Помимо этого, студенты понимают суть своей будущей профессии, нормы и готовы соблюдать все принципы, присущие специальности «Социальная работа» (гуманности, терпимости, уважения).

1. Зритнева Е. И. Формирование образа будущей профессии у студентов , обучающихся по направлению подготовки « Социальная работа» // Вестник Северо – Кавказского федерального университета. – 2015. - №5. – 9 с. – URL: <http://socinst.ru/wp-content/uploads/base/books/text/ngu2015.pdf#page=543>

2. Костина Е. Ю. Подготовка бакалавриата социальной работы в современном образовательной пространстве // Специфика профессиональной деятельности социальных работников. – 2015. – 3 с. – URL: <http://socinst.ru/wp-content/uploads/base/books/text/ngu2015.pdf#page=543>

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В ФОКУСЕ СОЦИОТЕХНИЧЕСКИХ РИСКОВ

Каменева Татьяна Николаевна

(ФГБОУ ВО Финансовый университет при правительстве Российской Федерации)

Разов Павел Викторович

(ФГБОУ ВО Финансовый университет при правительстве Российской Федерации)

В сегодняшних условиях большинство российских семей оказались в непростой ситуации. Реалии современного дня характеризуются перманентно случающимися стихийными бедствиями, пандемиями, техногенными катастрофами, экономическими спадами, политическими кризисами, террористическими актами и другими крайне тревожными событиями, которые напрямую отражаются на семье. Семья базовый институт общества, обеспечивающий его человеческими ресурсами. Состояние и уровень жизни семей напрямую характеризует процессы, происходящие в обществе. Обозначенные выше негативные явления, связанные с воздействиями на семью со стороны внешней среды следует понимать, как риски внешней среды.

К рискам, оказывающим влияние на современную семью по мнению ряда исследователей следует относить и характерное для современного общества изменение атрибутов социальности [2], обусловленное «переносом значительной части социальных взаимодействий в виртуальное пространство, появление технических посредников в человеческих взаимодействиях» [1]. Следовательно, виртуализацию и цифровизацию взаимодействий можно в полной мере относить к рискам современной семьи. Под воздействием цифровой среды коммуникации акторов института семьи существенно меняются. Следует, понимать, что такие изменения не всегда носят конструктивный характер. К деструктивным проявлениям внедрения цифровых технологий в жизненный мир исследователи относят снижение ее ценности в обществе в традиционном понимании, приобщение к девиантным практикам семейных коммуникаций [4].

Совокупность разнообразных рисков внешней среды, а также виртуализации и цифровизации можно рассматривать как социотехнические риски современной семьи [5]. Социотехнические риски воздействуя на семью приводят к ее дисфункциям и нарушениям жизненного цикла. В результате интенсификации влияния ряда социотехнических рисков семья перестает в полном объеме реализовывать свои базовые функции, к которым относятся хозяйственно-бытовая, репродуктивная, социализирующая и стабилизирующая.

В результате, в самой ближайшей перспективе следует ожидать еще больший спад рождаемости, увеличение неполных семей, обеднение значительной части семей, рост детских правонарушений, в том числе и киберпреступлений и ряд других негативных тенденций. Так, согласно статистике «в первом полугодии 2022 года рождаемость в России сократилась на 6,3%» [6] и в обозримом будущем данная негативная тенденция будет только усугубляться.

Совершенно очевидно, что семья, испытывая колоссальную рискогенную нагрузку нуждается в помощи.

Безусловно, наше государство оказывает семье существенную поддержку, проводимая политика направлена на укрепление института семьи, семейно-детного образа жизни, популяризацию традиционных ценностей и в целом на защиту семьи от рисков и потрясений.

С учетом событий последнего времени – пандемии коронавирусной инфекции, а затем геополитического конфликта, перешедшего в острую стадию семья выполняя стабилизирующую функцию, зачастую выступает единственным источником поддержки людей, оказавших в трудной жизненной ситуации. Но и сама семья нуждается в дополнительных мерах поддержки, в основу которых должны быть положены традиционные принципы комплексности и адресности. Ключевыми направлениями сегодня должны стать экономические меры поддержки - предупреждение обеднения семей с детьми, гарантии занятости как для матерей, так и для отцов, беспрепятственной возможности устройства детей в учебные заведения различного уровня; обеспечение качественной медицинской помощи; доступность консультативной помощи по различным жизненным ситуациям – связанным со здоровьем, безопасностью, юридическим, бытовым и др.; оказание социально-психологической помощи; социально-бытовая поддержка; формирование навыков цифровой гигиены. Важным аспектом является достоверное информирование семей о возможности получения необходимого вида помощи, осуществляемое посредством цифровых технологий. Безусловно, перечисленные направления не являются исчерпывающими, однако, даже их полноценная реализация обеспечит безопасность жизнедеятельности семьи в условиях эскалации социотехнических рисков.

1. Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. *Социология цифрового общества: монография*. Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 2021. 226 с
2. Зотов В. В., Асеева И. А., Буданов В. Г., Белкина В. А. *Конвертация опасностей социотехнической конвергенции в риски цифровизации // Цифровая социология*. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konvertatsiya-opasnostey-sotsiotekhnicheskoy-konvergentsii-v-riski-tsifrovizatsii> (дата обращения: 10.10.2022).
3. Каменева, Т. Н. *Трансформация семейно-брачных практик в российском обществе риска : специальность 22.00.04 "Социальная структура, социальные институты и процессы" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Каменева Татьяна Николаевна. – Белгород, 2016. – 22 с. – EDN ZQIKTL.*
4. Тараканов Сергей Анатольевич *Основные проявления виртуализации института семьи // Russian Journal of Education and Psychology*. 2012. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-proyavleniya-virtualizatsii-instituta-semi> (дата обращения: 10.10.2022).
5. Щербакова Е. *Демографические итоги I полугодия 2022 года в России Часть 1 // Демоскоп*. № 957 – 958. 20 сентября - 3 октября 2022. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0957/barom04.php>

ПРОАКТИВНАЯ СИСТЕМА КАК ФОРМА ЦИФРОВИЗАЦИИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Коваленко Татьяна Николаевна
(ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»)

В соответствии с Указом Президента от 21.07.2020 № 474 цифровая трансформация – одна из пяти национальных целей. Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года закреплена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.02.2021 № 431-р.

Одной из главных задач органов власти является повышение качества и доступности государственных услуг для граждан и организаций. Особенно важным является вопрос доступности государственных услуг для лиц старшего поколения.

Так, в результате цифровой трансформации в сфере предоставления государственных услуг сокращаются сроки предоставления государственной услуги, количество необходимых документов, а также появляется возможность предоставлять услуги в беззаявительном порядке, так называемое проактивное предоставление государственных услуг.

По данным отдела цифровой трансформации Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения «Городской информационно-расчетный центр» (ГИРЦ) дополнительная мера социальной поддержки в виде единовременной выплаты отдельным категориям граждан к юбилейным датам со дня рождения, а также граждан, достигших возраста старше 100 лет была предоставлена как традиционным способом через подачу заявления, так и в беззаявительном порядке. Традиционными способами подачи в 2022 году воспользовались 16 заявителей.

Традиционный способ предполагает обращение заявителя с заявлением о предоставлении единовременной выплаты (если сведения в ЭСРН отсутствуют) в администрации районов, которые принимают документы, отправляют межведомственные запросы и принимают решение о предоставлении или отказе в выплате, издает распоряжение и информирует о решении заявителя. Это занимает до 10 рабочих дней. Затем копия распоряжения передается в ГИРЦ, где формируется электронное дело получателя и перечисляются денежные средства непосредственно заявителю. Итого максимальный срок ожидания выплаты 18 рабочих дней.

В то время как беззаявительным порядком через сведения в ЭСРН деньги были начислены 6700 заявителям (электронный социальный регистр населения – ЭСРН – это государственный информационный ресурс субъекта Российской Федерации, содержащий информацию о гражданах РФ, зарегистрированных по месту жительства или по месту пребывания в пределах субъекта РФ, имеющих право на получение социальной помощи в соответствии с действующим законодательством, а также о фактически предоставленной гражданам социальной помощи) [1]. Беззаявительный порядок предполагает, что сведения о гражданине содержатся в ЭСРН, на основании них ГИРЦ формирует реестр и перечисляет деньги на карты получателей. Максимальный для этого требующийся срок – 5 рабочих дней (со дня наступления права на выплату), что существенно быстрее и менее трудозатратно по сравнению с традиционным способом.

1. Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Городской информационно-расчетный центр». Долгожители получают выплаты [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://iss.ktsz.spb.ru/ISS/esrn/main/desc.htm?id=1062@webNews> Загл. с экрана. (Дата обращения 08.10.2022)

ИСТОЧНИКИ ФОРМАЛЬНОЙ И НЕФОРМАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТАМИ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ ПРИ СТОЛКНОВЕНИИ С НОВЫМИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ РИСКАМИ

*Кокорева Марина Евгеньевна
(ФГАОУ ВО Российский национальный исследовательский медицинский университет
имени Н. И. Пирогова)*

Роль социальной поддержки в условиях, в которых сегодня существует человечество, сложно переоценить. Экологические проблемы, демографические сдвиги, транснациональные перемещения, масштабные социальные и политические, экономические потрясения – все это создает совершенно новые риски, с которыми пока еще социальным службам и работникам справиться в полной мере не по силам. На это указывают многочисленные данные, предоставляемые ежегодно как отечественными научными институтами [3], так и представителями академического сообщества [1; 2]. Ситуация еще больше усугубилась после двухлетней пандемии, а также с началом мощного кризиса, наступившего в России весной 2022 года.

Современные мировые исследования свидетельствуют о том, что в нынешних условиях обеспечить должный уровень социальной поддержки населения может такая система социальной работы, которая является многокомпонентной, состоит из формального и неформального инструментария. Причем если с формальной поддержкой населения все достаточно очевидно, то неформальные источники в нынешней отечественной социальной практике используются ограниченно.

Прежде всего это касается задействования социальных сетей для массового информирования о способах оперативного действия в новых ситуациях общественного риска, о стратегиях поведения при возникновении новых потенциальных угроз и кризисов. На практике это может быть реализовано путем создания официальных онлайн-групп и сообществ для поддержки людей, оперативного предоставления социальных услуг с помощью цифровых технологий, посредством интеграции социальных сетей и межличностных отношений в мероприятия по социальной охране и поддержки населения и т. д. Привлечение новых источников поддержки позволит не только масштабировать оказываемую социальную помощь, но также и существенно снизить нагрузку на лиц, занимающихся социальной работой с людьми, которые требуют более глубокого и конкретного профессионального участия.

Таким образом, усилия по развитию источников формальной и неформальной поддержки населения в условиях нынешней национальной российской и масштабной геополитической реальности будут играть все более важную роль в службах по социальной работе с населением. Социальные сети и специфические межличностные отношения, выстраиваемые в них, пронизывают каждый аспект жизни большинства современных россиян, и, как следствие, их роль во влиянии на социальное и психологическое благополучие России, вероятно, останется важной областью изучения на долгие годы.

1. Абросимова Е. В., Коваленко Л. В. Актуальные проблемы социальной защиты населения в Российской Федерации // Молодежь и системная модернизация страны. – 2020.

2. Газизова И. З. Политика и проблемы социальной защиты населения в России // Вопросы науки и образования. – 2019.

3. Эксперты НИУ ВШЭ представили доклад о влиянии пандемии на сферу социальной защиты в России. <https://conf.hse.ru/2022/news/586480138.html> (дата обращения 6.10.2022).

ФУНКЦИИ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В ПЕРИНАТАЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ И ЖЕНСКИХ КОНСУЛЬТАЦИЯХ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Колмык Анастасия Олеговна
(Петрозаводский государственный университет)*

Государство проводит социальную политику, которая направлена, в частности на социальную защиту семей с детьми, так как в стране наблюдаются проблемы с рождаемостью. По данным Росстата рождаемость в 1990 г. – 1,9 млн чел., в 2000 г. – 1,2 млн чел., в 2010 г. – 1,7 млн чел. [1]. Рождаемость в РФ имеет форму синусоиды, что говорит о том, что большое поколение рождает такое же большое поколение. Деятельность специалиста по социальной работе связана с социально-психологической подготовкой супругов, формированию установок на ответственное отношение к семье [2, 90]. Особый упор специалист делает на медико-социальную работу.

Медико-социальная работа — это личностно-ориентированная социальная деятельность, взаимодействие с отдельными лицами, которые по существующим нормативно-правовым документам относятся к объекту социальной работы [3].

Проведенное исследование содержит два метода сбора информации: метод сравнительного анализа документов и нарративное интервью.

В первой части исследования мы проанализировали 15 документов (приказы министерств/учреждений здравоохранения), которые отбирались с помощью сайтов данных учреждений (ГБУЗ «Московский областной перинатальный центр» и др.).

Во второй части исследования мы провели интервью со специалистами по социальной работе в перинатальном центре и женской консультации, и выяснили организацию работы, направления деятельности, функции специалиста, методы работы.

В перинатальном центре специалист по социальной работе принимает участие во многих направлениях, к таковым можно отнести: социально-правовые вопросы, вопросы взаимодействия, консультативная деятельность. В женской консультации специалист проводит консультации по социально-правовым вопросам, помогает с пособиями.

В документах и интервью были выделены одинаковые функции: медико-социальный патронаж, медико-психологическая и социальная помощь женщинам-инвалидам, реализация мероприятий о мерах социальной поддержки.

Направлениями деятельности является: консультативная деятельность, помощь в оформлении пособий и льгот, взаимодействие с социальными учреждениями, профилактика трудных жизненных ситуаций.

По итогу, к одинаковым функциям специалиста по социальной работе в перинатальном центре и женской консультации относится консультативная деятельность, сопровождение беременных женщин, реализация информационных мероприятий. К разным функциям - оформление документов на новорожденного, мониторинг новорожденных.

1. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения // Федеральная служба государственной статистики. – 1999-2021.

2. Погорельцева, Ю. О. Специфика деятельности специалиста по социальной работе в перинатальном центре / Ю. О. Погорельцева // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2015. — №2. — С. 89-91.

3. Ведищев, С. И. Аспекты Репродуктивного Здоровья Женщин / С. И. Ведищев // Вестник ТГУ. — 2013. — № 18. — С. 3289-3291.

ПРАКТИКИ ЗАБОТЫ О ТЕЛЕ ЖИТЕЛЕЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19: АСПЕКТ УРБАНИЗАЦИИ

*Латышев Дмитрий Михайлович
(Уральский федеральный университет)*

Тезисы подготовлены в рамках совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20365

Пандемия коронавируса послужила своеобразным толчком развитию новых представлений о теле, его осмыслении и воспроизводству практик заботы о теле, которые могут существенно отличаться от допандемийного периода [1]. Основной вопрос нашего исследования состоит в социологическом анализе практик заботы о теле жителей Среднего Урала, которые проживают в областном центре (Екатеринбург) и провинциальных городах – Каменск-Уральском и Нижнем Тагиле. Результаты исследования основываются на проведенном опросе (N= 1077) среди взрослых (26-65 лет) жителей Екатеринбурга (56 %), Каменска-Уральского (32%) и Нижнего Тагила (12%).

На вопрос о степени согласия с высказыванием «Пандемия не повлияла на отношение к здоровью и телу, так же, как и до пандемии относятся к своему здоровью и телу» жители Екатеринбурга (64, 6%) высказались положительно, среди населения Нижнего Тагила таких чуть больше (70,1%). В Каменске-Уральском так оценили состояние здоровья после пандемии 65 % опрошенных. В этой части можно констатировать, что степень урбанизации городов не повлияла на дисбаланс в воспроизводстве прежних отношение к практикам здоровьесбережения. С высказыванием «Пандемия повлияла на отношение к здоровью и телу, стали больше заботиться о здоровье, бережнее к нему относиться» согласились 28,4 % опрошенных в Екатеринбурге, примерно меньше доля таких в Каменске-Уральском (27,7%). Заметно меньше согласившихся в Нижнем Тагиле (18,7%). Данный разброс в мнении, по нашему предположению, может быть связан с состоянием инфраструктуры для практик заботы о теле в городах области, на что может влиять расположение зеленого каркаса города, экологическая обстановка в населенном пункте, площадки для занятий ОФП и другое.

На вопрос «Какие практики заботы стали использовать чаще, чем в допандемийный период» жители Екатеринбурга в первую очередь отметили физическую активность (28, 9%), что для жителей Каменск-Уральска оказалось на третьем приоритете (29,4%). Соблюдение норм личной гигиены, что предписывалось Роспотребнадзором, отметили первостепенными опрошенные в Нижнем Тагиле (36,6%) и Каменске-Уральском (34 %), для екатеринбуржцев предписания считались второстепенными (26,6%) наряду с приемом витаминов и БАДов. Третьей по значимости практикой заботы о теле среди жителей Екатеринбурга (23, 5%) и Нижнего Тагила (22,4%) считается полноценный сон, что для опрошенных Каменск-Уральска занимает второе место (33,8%).

Таким образом, практики заботы о теле в провинциальных городах были представлены статическим режимом здоровьесбережения (личная гигиена, здоровый сон и т.д.), в то время как в крупном городе динамический режим практик заботы о теле считался значимым.

1. Меренков А. В. Конструирование востребованного тела: до и после пандемии // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2021. – Т. 5. Вып. 2. – С. 145-154.

МИНИМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ РИСКОВ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

*Лебедева Светлана Соломоновна
(СПбГИПСР)*

*Юлия Юрьевна Платонова
(СПбГИПСР)*

Социальная неопределенность породила множество общественных рисков, от которых пострадали социальные страты.

В наибольшей мере эти риски затронули пенсионеров, людей старших возрастных групп и среди них тех, кто нуждается по социально-медицинским показателям в долговременном уходе. В связи с тем, что исторически Санкт-Петербург - город высочайшей культуры в эти группу попадают люди, не только когнитивно сохраненные, но и сохранившие в себе потребность в образовании, постижению культуры, занимающиеся разными видами творчества.

В классификации, предложенной главным геронтологом Москвы Ткачевой О.Н., выделены следующие группы пожилых людей: общественно-активные, индивидуально-активные, зависимые. По социально-медицинским показателям люди, нуждающиеся в долговременном уходе – зависимые. Но по показателям участия в общественной жизни, культуре, образованию – они выступают как общественно-активные (участвуют в общественных союзах и движениях), индивидуально-активные (пишут книги, рисуют картины, занимаются другими видами творчества). К этой группе людей необходимо привлекать государственное и общественное внимание, так как за ними стоит культурный и духовный потенциал нашего города, в опыте культурно-образовательной деятельности этих людей заложены перспективы развития не только молодого поколения, но и будущих поколений.

Среди общественных рисков, которые связаны с этой группой людей выступают следующие:

недооценить опыт организации научных школ в области фундаментальных исследований;

не закрыть «белые пятна» в системе непрерывного образования в таких ведущих областях как подготовка педагогических кадров (Институт образования взрослых РАО, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургский государственный университет педагогического мастерства, в дальнейшем Академия постдипломного педагогического образования);

недостаточно осмыслен Санкт-Петербургский опыт социальной политики города в области подготовки кадров для социальных служб в области поддержки групп риска (СПб Институт психологии и социальной работы).

Эти позиции можно продолжить, но уже государственное внимание к этим направлениям формирует общественное мнение о высочайшей значимости города, его социальных институтов и общественности, и развивает также качество, как гордость за предыдущий социальный исторический этап, необходимость создать новое, испытывать патриотические чувства, которые часто являются двигателем прогностических инициатив, что ведет к минимизации общественных рисков.

Пока не поздно целесообразно было бы записать воспоминания пожилых активно-общественных людей о их прошлой профессиональной деятельности, чтобы этот материал, с одной стороны, лег в общественную копилку достижений города, а с другой стороны, показывал значимость каждого человека, его личные и духовные достижения на благо города.

ПРОБЛЕМЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лобанов Валерий Васильевич
(АО "ВНИИЖТ")

Русинова Елена Евгеньевна
(ООО "IPSOS" (ИПСОС))

Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № 1666) определено, что этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации защищено государством. В Российской Федерации используется 277 языков и диалектов (в государственной системе образования - 105 языков, из них 24 - в качестве языка обучения, 81 - в качестве учебного предмета).

Главным информационным посылом гражданам Российской Федерации в части реализации своих конституционных прав с учетом этнокультурного и языкового многообразия и наличия 190 национальностей (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан) является то, что определены и не скрываются проблемы в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений, в частности, что касается территорий с проживанием коренных малочисленных народов.

Решение данных проблем заложено в основных принципах государственной национальной политики, таких как государственная поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, этнокультурного развития русского народа и других народов Российской Федерации, их творческого потенциала, являющегося важнейшим стратегическим ресурсом российского общества, преемственность исторических традиций народов Российской Федерации, в том числе таких как солидарность и взаимопомощь [1].

Все эти мероприятия являются «государственными догмами» в части национальной политики. Однако региональные особенности и удаленность от «Центра» и конечно же суровые климатические условия вносят свой колорит и выделяют ряд «тонких мест» и «отклонений» от намеченных целей повышения уровня и условий жизни, инвестиционной привлекательности и порой ущемлению прав малочисленных коренных народов в различных сферах общественной жизни.

К стратегическим проблемам, формирующим обеспечение национальной безопасности в Арктике и на территориях Крайнего Севера, относятся:

сокращение численности населения Арктической зоны Российской Федерации;

отсутствие системы государственной поддержки хозяйствующих субъектов, обеспечивающей снижение издержек и рисков при реализации экономических проектов в Арктической зоне Российской Федерации;

низкий уровень развития социальной, транспортной и информационно-коммуникационной инфраструктуры сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации, в том числе в местах традиционного проживания малочисленных народов;

низкие темпы создания наземных транспортных средств и авиационной техники для работы в природно-климатических условиях Арктики (далее - арктические условия), развития отечественных технологий, необходимых для освоения Арктики.

В большинстве случаев данные проблемы вызваны общесистемными ошибками и просчетами в части:

снижения естественного прироста населения, миграционный отток и, как следствие, сокращение численности населения;

отсутствия системы государственной поддержки завоза в населенные пункты, расположенные в отдаленных местностях, топлива, продовольствия и других жизненно необходимых товаров, обеспечивающей возможность их реализации населению и хозяйствующим субъектам по доступным ценам;

низкого уровня доступности качественных социальных услуг и благоустроенного жилья в населенных пунктах, расположенных в отдаленных местностях, в том числе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов;

низкого уровня развития транспортной инфраструктуры, в том числе предназначенной для функционирования малой авиации и осуществления круглогодичных авиаперевозок по доступным ценам, высокая стоимость создания объектов такой инфраструктуры.

отставания сроков развития транспортной инфраструктуры, Северного морского пути, строительства судов ледокольного, аварийно-спасательного и вспомогательного флотов от сроков реализации экономических проектов в Арктической зоне, авиационного кластера малой региональной авиации для районов Крайнего Севера, наличия слабой всепогодной автодорожной инфраструктуры и частичного отсутствия железнодорожного сообщения по проекту Северного широтного хода от станций Обская – Салехард – Надым - Пангоды - Новый Уренгой - Коротчаево» и подходов к ним.

По прогнозам Правительства Российской Федерации, в течение 15 лет на арктических территориях и регионах Крайнего Севера будет создано около 200 тыс. рабочих мест. Сложные природно-климатические условия регионов обусловили посменный характер вахтового труда, что накладывает свой отпечаток на миграционный климат и «инвестиционную осмотрительность» и осторожность в части развития сложных и долгосрочных проектов.

Для целей повышения интереса к работе на северных территориях и привлечения молодого поколения, в том числе из состава этнических меньшинств, проходивших обучение вне региона и их последующего возвращения, с 2020 года начинает функционировать и развиваться «Агентство по развитию человеческого капитала». Основными факторами возрастания уровня инвестиционной привлекательности региона, которые помогут «Агентству» в привлечении молодых специалистов, станут реализация мегакрупных технологических проектов и создание высокооплачиваемых рабочих мест (с учетом использования условий и преференций особой экономической зоны и за счет снижения налогообложения как для малого, так и среднего бизнеса).

Особое внимание будет уделено экономическим проектам коренных и малых народностей. Планируется запустить программу государственной поддержки и повышения уровня занятости трудоспособного населения местных народностей. В отдельное стратегическое направление выделен план развития северного оленеводства для Крайнего Севера в целом [2].

Отдельной и общей проблемой как для государств, так регионов и анклавов являются проблемы, вызывающие национально-этническую и социальную напряженность в обществе (регионе) такие как сохранение и развития этнокультурной среды, запрет или снижение статуса языка малочисленных коренных народов, преобладающих на данных территориях. В том числе отсутствие гибкой и «общепонятной» политики в принятии решений органов государственной и региональной власти как в части удовлетворения «предпочтений» к выбору «государственного/регионального» языка, так и в повышении социального статуса этнических групп в обществе в целом.

Что касается этнокультуры Русского Севера и Дальнего Востока, весьма актуальной проблемой является целенаправленное и постепенное снижение и утрата социокультурной жизнеспособности родных языков коренных малочисленных народов севера.

В то же время в Российской Федерации многие субъекты, например, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край и др., имеют весьма детализированное региональное законодательство, связанное с обеспечением прав малочисленных коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, на изучение и поддержку научно-исследовательскую деятельность в данной сфере.

Необходимо отметить, что для органов государственной власти на местах в части снижения уровня «социально-этнической напряженности» важно и необходимо обеспечить мониторинг и контроль за уровнем социальной напряженности в части соблюдения конституционных прав на национальную и этническую идентичность, как на

местном, так и на региональном уровне, определять и оценивать уровень выполнения и сохранения социальных гарантий и льгот в части финансового обеспечения населения региона и малочисленных коренных народов с учетом соблюдения норм местного законодательства.

Для целей социально-этнического мониторинга необходимо построить предиктивные социально-политические модели поведения этнических и малочисленных групп коренных народностей с целью принятия мер с учетом урегулирования взаимоотношений доминирующей и меньшей по численности этносоциальных групп и общностей, этнических проблем на уровне взаимоотношений этнических групп «равного» социального и правового статуса, актуализации проблемы политической дезинтеграции по этническому признаку, сохранения идентичности и предотвращения процессов исчезновения «родного языка» во всех субъектах Российской Федерации. Для этого необходимо постоянно актуализировать региональные нормативно правовые акты, связанные с определением принципов государственной политики как по отношению к уникальному культурному наследию этих народов в целом, так и по отношению к их родным языкам.

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № 1666).

2. Программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2021 года №978-р).

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК СПОСОБ МИНИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Лоскутова Ирина Мироновна

(Российский национальный исследовательский медицинский университет (РНИМУ) им. Н.И. Пирогова)

Тарченко Вера Сергеевна

(Российский национальный исследовательский медицинский университет (РНИМУ) им. Н.И. Пирогова)

В развитом социуме социальная работа давно уже стала неотъемлемой практикой. Связано это с общей гуманизацией общества и резким ростом сложности социальных систем и степени внутренней дифференциации их элементов.

По нашему мнению, социальная работа представляет собой деятельность по минимизации социальных рисков для индивидов и для общества в целом. И поэтому она может быть рассмотрена на двух уровнях: во-первых, речь идет об оказании социальной помощи конкретному человеку или социальной группе, а во-вторых, речь идет о том, что социальная работа благодаря формированию сложной системы обратной связи между индивидами, социальными группами и государственными структурами влияет на формирование и реализацию социально-экономической стратегии государства.

Социальная работа для своей эффективной реализации требует наличия обратной связи между структурами социальной работы, социальными группами и государственными институтами [1,77].

Однако по мере формирования информационного общества все больше и больше обостряется проблема цифрового неравенства. Произошел переход от диалога в социальном пространстве между государством, партиями и профсоюзами, к диалогу

между различными представителями государственных структур и общественными активистами в информационном пространстве, в котором их позиции не равны.

Мы можем говорить об обострении целого ряда социальных рисков [2,266]. Эти риски могут быть рассмотрены на двух уровнях. Во-первых, это социетальные риски, связанные с трансформацией социальной системы в целом и вероятностью того, что новые инварианты этой системы окажутся не столь адекватны условиям существования как предшествующие.

Во-вторых, это риски, связанные с существованием тех или иных социальных групп, слоев или отдельных индивидов, которые должны адаптироваться к тем или иным внешним изменениям. Каждая такая попытка адаптации предполагает изменение социальной стратегии, что в свою очередь может привести к тому, что социальный слой или группа лишатся возможности самовоспроизводиться или удерживать свой уровень в социальной структуре общества.

1. Саклакова Е. В, Мелешкин В. В. Социальный риск и социальная безопасность: атрибуты современного общества риска. КАНТ Номер: 2 (31) Год: 2019 Страницы: 266-271

2. Уразбаева Г.Т. Сущностное содержание социальной работы. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК Номер: 1-4 Год: 2016 Страницы: 77-81

СЕМЬИ, ПРАКТИКУЮЩИЕ СЕМЕЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

*Ляликова Софья Викторовна
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН)*

Широкий спектр проблем в системе образования [1], обостренный пандемией, продемонстрировал неготовность школ обеспечить условия для реализации качественного образовательного процесса вне образовательной организации. Родители, оказавшиеся вовлеченными в образовательный процесс ребенка, осознали необходимость поиска новых образовательных возможностей, альтернативных подходов при решении образовательных задач для поддержания у детей должного уровня знаний, заинтересованности и включенности в процесс обучения, а также заботе об их эмоциональном и физическом здоровье. Одним из таких вариантов явилось семейное образование, т.е. возможность обучать ребенка в семье, но без лишнего стресса, в спокойной домашней атмосфере с привлечением широкого спектра образовательных технологий и др. Мировая статистика фиксирует рост интереса к данной форме обучения [2]. Наша страна поддерживает данную тенденцию, так, в России с 2016/17 уч.г. численность обучающихся по данной форме увеличилась в 4 раза и в 2021/22 уч.г. достигла 49,1 тыс. человек [3].

Инициативное социологическое исследование «Опыт семейного образования в России» (Часть 1. Метод анкетирования), реализованное во II–III квартале 2020 года среди 656 респондентов из 56 субъектов РФ по целевой выборке. Исследование зафиксировало, что хоумскулеры преимущественно являются горожанами, имеющими высшее образование и состоящими в зарегистрированном браке, свыше 45% опрошенных родители трех и более детей. Специфической чертой социально-демографического портрета респондентов оказывается также и характер занятости, в связи с тем, что образованием детей преимущественно занимаются матери (свыше 60%). Среди участников исследования высока доля домохозяек (около 40%), а также фрилансеров (24%), индивидуальных предпринимателей (примерно 10%) и других форм занятости, предполагающих наличие гибкого графика.

Ключевыми причинами выбора данной формы обучения является не только желание родителей решить вопрос, связанный с низким качеством школьного образования (49,2%), но и желание воспитывать ребенка в традициях семейной преемственности оказывается равноценным по значимости (48,8%) [см.подробнее 4]. Сосредоточенность на внутрисемейном взаимодействии как основе эффективного образовательного процесса и поддержания внутрисемейных отношений делает данную форму привлекательной моделью в процессе борьбы с кризисом семьи, выраженном в девальвации ценности семейно-детного образа жизни [5]. Поддержка подобного типа семей позволит укрепить институт семьи через возвращение образовательной функции и обеспечит реализацию наиболее тесного межпоколенного взаимодействия, основанного на совместной внутрисемейной деятельности родителей и детей.

1. *Adverse consequences of school closures. More on UNESCO's COVID-19 Education Response.* UNESCO, 2020 URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse/consequences> (дата обращения: 10.02. 2022)
2. Ray B. *A Review of research on Homeschooling and what might educators learn? The Journal Pro-Posições.* V. 28, N. 2 (83), 2017. P. 86. <https://doi.org/10.1590/1980-6248-2016-0009>
3. *Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало уч.г. по РФ. Банк документов Министерства просвещения РФ.* URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (дата обращения: 15.02.2022).
4. Ляликова С. В., Карпова В. М. *Основные вопросы семейного образования: результаты социологических исследований // Социология.* — 2022. — № 2. — С. 143–153.
5. *И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов (по результатам социологических исследований) / отв.ред. А.И. Антонов.* М.: Издательство «У Никитских ворот», 2022. – 269 с.

УСТАНОВКИ И ПРАКТИКИ ПОДРОСТКОВ 14-18 ЛЕТ В ПОЛУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Лялина Ирина Николаевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Плутов Леонид Евгеньевич
(СПбГУ)

Золотова Анна Михайловна
(СПбГУ)

Балакина Дарья Владимировна
(СПбГУ)

Благодарим весь состав сотрудников Социологической клиники прикладных исследований и научного руководителя Майю Михайловну Русакову за возможность проведения исследования и научную поддержку.

Современные подростки и их проблемы являются объектом пристального внимания ученых, что связано со спецификой социально-демографической группы. С одной стороны, подростковому периоду свойственны рост самостоятельности, увеличение разнообразия и содержательности отношений с социумом, расширение сфер деятельности.

С другой стороны, переходный возраст - период формирования собственных установок и ценностей, во время которого зачастую происходят конфликты между личностью и окружением.

Профессиональная помощь подросткам в возрасте 14-18 лет - один из способов предотвращения отклоняющегося поведения. Развитие эффективной системы профессиональной помощи требует взгляда самих подростков. Однако наблюдается нехватка знаний именно от лица подростков об их практиках и установках в получении профессиональной психологической помощи. Выявление специфики обращения или не обращения подростков за помощью к специалистам - цель исследования, выступившего эмпирической базой для данной работы.

Исследование состоялось в рамках проекта Социологической клиники прикладных исследований СПбГУ в 2021-2022 гг. и реализовано в два этапа. Применение метода фокус-групп позволило сформировать инструментарий онлайн-опроса: его выборка составила 309 подростков 14-18 лет, преимущественно проживающих в Санкт-Петербурге. Опыт обращения за психологической помощью имели 35% опрошенных подростков: чаще всего они обращались к частным (43%) либо к школьным психологам (41%). Две трети обращались за помощью по своей личной инициативе - в другом сценарии на обращении чаще всего настаивали родители и близкие члены семьи.

Результаты пилотного исследования не считаются репрезентативными, однако позволяют сформулировать рабочие гипотезы будущих исследований в данной проблематике. По итогам прикладного исследования можно сделать несколько выводов.

1) Сценарий обращения подростка за психологической помощью формируется не под воздействием стигмы по Гоффману, что противоречит доминирующему подходу в социологии ментального здоровья. Только 6% подростков считают, что их обращение за профессиональной помощью стигматизируется окружением. Сами подростки не склонны стигматизировать профессиональную помощь и услуги психологов: только 16% подростков считают психологов недобросовестными специалистами, 15% рассматривают психологическую помощь как необходимость только психически больных людей.

2) Ключевыми предикторами обращения подростков за помощью выступают пол и самооценка психологического состояния. Девушки более склонны обращаться за профессиональной помощью. Юноши, являясь не менее уязвимой группой, вероятно, нуждаются в более низкопороговых инструментах помощи. Кроме того, обращение за профессиональной помощью связано с признанием собственных психологических проблем и острой необходимости в их решении. Таким образом, подросткам свойственна осознанная модель обращения за помощью, выступающей важным источником решения подростковых проблем.

ЗАБОТА О ПОЖИЛЫХ, СТРАДАЮЩИХ ДЕМЕНЦИЕЙ: РАЗВИТИЕ НОВЫХ ПРАКТИК В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Мазуро Екатерина Алексеевна

(Петрозаводский государственный университет)

Деменция – заболевание, которое приводит к ухудшению памяти, умственных способностей, способности ориентироваться в пространстве и времени, а также узнавать предметы, людей. Деменция чаще возникает в пожилом возрасте, но это не является нормальным компонентом старения. Во всем мире насчитывается порядка 50 миллионов людей с деменцией. Эксперты ВОЗ опасаются, что к 2030 году число людей с деменцией может увеличиться до 78 миллионов, а к 2050 году до 175,9 миллионов [1]. Следовательно, в настоящее время деменция является одной из важнейших социальных проблем в обществе. В частности, проблема обусловлена тем, что население стареет, то

есть количество заболевших увеличивается. Люди с деменцией нуждаются в комплексном, специальном уходе, который нацелен на создание комфортной и инклюзивной среды для них, а их семьи нуждаются в подготовке и повышении осведомленности по вопросам деменции (например, обучающие курсы, «Школа заботы» etc.).

Теоретической рамкой для анализа проблемы может выступать концепция заботы, рассматриваемая Хохшильд А.Р., Черновой Ж. В., Ткач О.А., Здравомысловой Е.А. Данная концепция описывает: формы заботы о пожилых с деменцией (например, смешанный вариант заботы, фамилистский режим заботы) и осмысление практик плотного ухода о пожилых родственниках с деменцией.

С целью изучения и поиска новых практик по уходу за пожилыми, страдающими деменцией в Республики Карелия, нами было проведено эмпирическое исследование, которое включало в себя: полуформализованное интервью с семьями, члены которых страдают деменцией и включенное наблюдение. Исследование проводилось в пансионатах города Петрозаводска, а также в Альцгеймер-кафе «Незабудка» города Кондопога. На основе анализа полученных результатов, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, существует потребность в ухаживающих центрах с дневным пребыванием для пожилых с деменцией, а также организации инклюзивных мероприятий для них. Во-вторых, отмечается необходимость создания региональной горячей линии, волонтерского движения, дистанционных услуг по вопросам деменции для помощи семьям, члены которых страдают данным заболеванием. В-третьих, необходимо повышение осведомленности населения по вопросам деменции с целью выявления заболевания на ранних этапах, например, посредством размещения информационных плакатов в поликлиниках, аптеках etc. Таким образом, полученные результаты дают нам понять потребности семей, члены которых страдают деменцией. Тем самым, мы можем разрабатывать и внедрять новые практики заботы о пожилых с деменцией и их семей в Республике Карелия.

1. Мировое сообщество не справляется с проблемой деменции —Текст: электронный. Всемирная организация здравоохранения. — URL: <https://www.who.int/ru/news/item/02-09-2021-world-failing-to-address-dementia-challenge>.

АЙТРЕКИНГ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Мартынова Ангелина Павловна

(Петрозаводский государственный университет)

Аннотация: В настоящее время увеличивается количество детей с инвалидностью, которые имеют речевые и опорно-двигательные нарушения. Технология айттрекинг открывает детям с инвалидностью множество перспектив для дальнейшего развития и обучения.

Айттрекинг – это технология слежения за движением и активностью глаз. Технология позволяет ребенку с инвалидностью глазами набирать текст, работать с сетью Интернет, играть в игры, слушать музыку и т.д.

В качестве эмпирических объектов были выбраны: компания «Исток-Аудио» (г. Москва) и КРОО «Поможем нашим детям» (г. Петрозаводск). На основе анализа интервью со специалистами мы выделили способы использования айттрекинга ребенком-инвалидом:

Диагностика состояния ребенка с инвалидностью с помощью айттрекинга

Айтрекер с использованием различных программ (Например, LINKa, Grid 3, Look to Learn), что позволяет продиагностировать умственное состояние ребенка с инвалидностью. В программах есть специальные задания или игры на основании, которых специалисты смогут выявить отклонения, если они есть, или выявить способности ребенка.

Работа с компьютером или планшетом

Айтрекер позволяет ребенку получить доступ ко всем функциям компьютера или планшета. Меню взаимодействия позволяет ребенку использовать различные методы управления компьютером такие как: выбирать любой глаз для управления компьютером, включить клавиатуру, когда ребенку нужно напечатать текст, приблизить текст или картинку с помощью корректировки цели. Респонденты отмечают, что управление компьютером или планшетом с помощью айтрекера и различных программ дает возможность детям: учиться дистанционно или на дому, заниматься хобби, общаться в социальных сетях.

Коммуникация с социумом

Дети, которые не могут разговаривать, работают с айтрекером для написания сообщений, используя только глаза, а затем с помощью компьютера и колонок они могут произносить данные сообщения, то есть синтезировать речь. Респонденты отмечают, что айтрекер помогает ребенку общаться и сообщать окружающим о своих мыслях и просьбах. Озвучка текстов, которые набирает ребенок с помощью айтрекера, позволяет быстро и эффективно наладить с ним контакт.

Упражнения для глаз

Айтрекер применяется также у детей, имеющих косоглазие. В программах для айтрекера можно выбирать игры и задания на один глаз, что позволяет ребенку тренироваться и исправлять дефект. Однако, пока данное направление сложно оценить, так как оно реализуется недавно.

Таким образом, очевидно, что с применением технологии айтрекинга у ребенка с инвалидностью открываются новые возможности и перспективы для дальнейшего развития и обучения, что может существенно улучшить качество жизни ребенка с инвалидностью и его семьи.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

Махкамова Шахло Юлчиевна

(Институт бюджетно-налоговых исследований при министерстве финансов Республики Узбекистан)

Ганиев Омон

(Вестминстерский университет в Ташкенте)

Душамова Ширин Кудрат кизи

(Институт Бюджетно-налоговых исследований при Министерстве финансов Республики Узбекистан)

Одна из важнейших проблем, с которой сталкиваются все страны, заключается в том, что их демографическая структура существенно меняется (Vogel, 2017). Старение населения оказывает негативное влияние на устойчивость государственных пенсионных систем. На основе принципа «Во имя чести и достоинства человека» 28.01.2022 года Президент Республики Узбекистан подписал УП-60 «О стратегии развития нового Узбекистана на 2022 — 2026 годы». В рамках задач по реформированию пенсионной системы, определенных в «Стратегии развития нового Узбекистана на 2022-2026 годы» [1], предусмотрено «Совершенствование системы пенсионного обеспечения» с целью 54.

В связи с этим практический интерес имеет данное исследование. Исследование Morris (2019) посвящено изучению влияния повышения пенсионного возраста для женщин с 60 до 64 лет в Австралии на неравенство доходов населения. Повышение пенсионного возраста проводилось в Австралии постепенно, с 1994 по 2013 г. Результаты исследования показали, что повышение пенсионного возраста в большей степени повлияло на доходы домохозяйств с низкими и средними доходами, в то время как уровень жизни высокодоходных домохозяйств остался практически неизменным. Для тех, на кого реформа оказала влияние, уровень относительной бедности вырос на 2.0–4.4 п.п. (в зависимости от выбранной меры). При этом уровень относительной бедности в наибольшей степени вырос для одиноких женщин, а также для тех, у кого нет жилья в собственности.

В работе (Etgeton, 2018) исследуется влияние повышения пенсионного возраста в Германии на неравенство доходов населения старших возрастов. Увеличение пенсионного возраста с 65 до 67 лет проводится в Германии постепенно в период с 2012 по 2031 г. Исследование фокусируется на определении влияния повышения пенсионного возраста на неравенство доходов мужчин, проживающих в Западной Германии. Результаты моделирования демонстрируют, что в результате повышения пенсионного возраста уровень бедности в старших возрастах растет.

В наибольшей степени риск бедности увеличивается для лиц с низким уровнем образования и нестабильной трудовой историей. Исследование (Fehr et al., 2012) также посвящено анализу эффектов повышения пенсионного возраста для мужчин с 65 до 67 лет в Германии в период с 2012 по 2031 г. Результаты моделирования показывают, что в результате повышения пенсионного возраста уровень бедности среди граждан старших возрастов растет. При этом снижение доходов затрагивает только людей с низкими и средними доходами, люди с высокими дореформенными доходами легче адаптируются к новой институциональной ситуации.

Фанти (2014) исследовал эффекты повышения обязательного возраста в модели OLG модели [2, 619-645]. Это исследование показало, что анний выход на пенсию снижает экономический рост (т.е. ВВП) и представляет угрозу для жизнеспособности солидарной пенсионной системы PAYG, получив следующий результат: когда доля капитала достаточно высока, снижение обязательного возраста выхода на пенсию может благоприятствовать экономическому росту и даже пенсионным выплатам.

Действительно, показано, что краткосрочный и долгосрочные эффекты могут иметь противоположный знак: отсрочка выхода на пенсию увеличивает ВВП в краткосрочной перспективе, но этот положительный эффект распространяется только на поколение, которое является молодым на момент отсрочки.

Для любого последующего поколения ВВП сокращается, быстро приближаясь к более низкому долгосрочному уровню. Таким образом, одно из политических последствий заключается в том, что в развитых странах, страдающих от сильного старения населения, обязательное повышение пенсионного возраста, возможно, в долгосрочной перспективе не является подходящей для поддержания сбалансированности пенсионного бюджета PAYG [3].

Люди всегда и везде негативно относятся к идее повышения пенсионного возраста. Как отмечают некоторые исследователи (Горлин и др., 2018), для принятия решения в отношении пенсионного возраста важное значение имеет необходимость проведения серьезной информационной и разъяснительной работы с населением. Таким образом действовали страны, которые повышали пенсионный возраст [4].

Во многих развитых странах пенсионный возраст повышен, этим путем идут практически все республики СНГ. В среднем по Европе возраст выхода на пенсию составляет 65 лет. Думается, что наступили времена, когда у каждого отдельного человека должен быть индивидуальный пенсионный возраст. И это должно быть прописано в законе.

Как показывают наши расчеты, с увеличением пенсионного возраста увеличивается доход Пенсионного фонда в Республике Узбекистан [5]. Но, к сожалению, наша страна является трудоизбыточной, что не позволяет осуществить данную реформу. Вместе с тем, население нашей страны является относительно молодым - с высоким количеством уровня молодежи.

Результаты наших опросов показали, что с увеличением возраста респондентов увеличивается важность пенсионного обеспечения. Наблюдается четкая тенденция: у малообеспеченных и у занятых с уровнем ниже среднего уровня достатка интереса к выходу на пенсию больше, чем у слоев со средним и высоким уровнем достатка.

По результатам опроса, 40,8% респондентов высказали, что работодатели официально не хотят оформлять трудовое соглашение с ними, и поэтому они и не думают о пенсии. По мнению каждого пятого респондента (20%) «размер пенсии их не удовлетворяет», 7,7%, - «имеют сбережения для обеспечения старости» 6,0% - «думают, что в старости их обеспечат дети»; 12,2% - «пока не задумывались о пенсии».

Результаты опроса показали, что требуется повышение информированности населения о пенсионном обеспечении и об отрицательных последствиях не официальной занятости для общества в целом.

Предлагается повысить пенсионный возраст «не шоковыми», а минимальными шагами. Это в свою очередь поможет избежать общественного недовольства. Рекомендуются этот шаг ограничить 4-мя месяцами в год. При таком шаге, повышение пенсионного возраста (условно) на 5 лет займет 15 лет, что может быть достаточно для реализации мероприятий по повышению производительности труда престарелых работников.

1. *Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2022 йил 28 январдаги 2022 - 2026 йилларга мўлжалланган янги Ўзбекистоннинг тараққиёт стратегияси тўғрисида. ПФ-60-сон Фармони.* <https://lex.uz/docs/5841077> [18.04.2022].
2. *Fanti, L. (2014). Raising the Mandatory Retirement Age and its Effect on Long-run Income and Pay-as-you-go (PAYG) Pensions. Metroeconomica, 65(4), 619-645.*
3. *Macroeconomic Impact of Mandatory Retirement Age Policy to Population Aging in Thailand, Macroeconomic Impact of Mandatory Retirement Age Policy to Population Aging in Thailand | Cuadernos de Economía (cude.es),*
4. *Повышение пенсионного возраста: опыт зарубежных стран и оценка эффектов для России, в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru), [26.07.2022].*
5. *Махкамова Ш. Ўзбекистон Республикасида пенсия таъминотини ислоҳ этиши механизмлари ва ёшлар бандлигини ошириши // Молиячи маълумотномаси. - Тошкент, 2019.-9-сон. www.tcmf.uz*
6. *Skirbekk, Vegard, "Age and Individual Productivity: A Literature Survey," MPIDR WORKING PAPER WP 2003-028 Max-Planck-Institut für demografische Forschung AUGUST 2003 <http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2003-028.pdf>*
7. *van Dalen, Hendrik P., Henkens, Kène, and Schippers, Joop, "How do employers cope with an aging workforce?" Demographic Research Volume 22, Article 32, Pages 1015-1036 Published 04 June 2010. <http://www.demographic-research.org/volumes/vol22/32/22-32.pdf>*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Мерзлякова Алена Сергеевна
(Уральский федеральный университет)

Чигирева Полина Николаевна
(Уральский федеральный университет)

Швецова Анна Андреевна

(Уральский федеральный университет)

На сегодняшний день актуальной проблемой общества является проблема низкой социальной активности людей пожилого возраста. Безусловно, с каждым годом социальная политика разрабатывает все больше и больше социальных программ, направленных на повышение уровня такой активности, и это приносит свои плоды. Однако лишь небольшой процент пожилых людей старше 60 лет готовы вести активную социальную жизнь. Исследователи отмечают, что у людей пожилого возраста довольно высокий уровень стресса, что обуславливает их положение в группе повышенного суицидального риска. И именно это обуславливает необходимость изучения и решения данной проблемы. Поэтому целью данной статьи является изучение основных направлений социальной активности пожилых людей, что позволит понять, как же социальная активность влияет на жизнь людей пожилого возраста.

В настоящее время тенденцией современного общества является увеличение количества людей пожилого возраста, особенно это стало характерным для большинства развитых стран.

Проблемы пожилых людей до последнего времени были мало изучены в нашей стране. С увеличением роста пожилых людей увеличивается и их социальная значимость и возможность влиять на социальные процессы. Поэтому особую актуальность приобретают вопросы о том, как входят пожилые люди в контекст нынешней действительности, насколько свойственные им жизненные представления согласуются с принятыми социальными нормами, насколько они способны воспринять и адаптироваться к переменам, происходящим на макро- и микроуровне.

С выходом на пенсию пожилые люди переживают особый возрастной кризис, особенностью которого является дисбаланс между обстоятельствами жизни и потребностями пожилого человека. Замечается ухудшение здоровья, упадок физических сил, но кроме этого возрастной кризис характерен и психологическими изменениями. Это интеллектуальный и эмоциональный уход во внутренний мир, в переживания, связанные с оценкой и переосмыслением событий жизни.

В понимании исследователя Е. В. Блехарской современный пожилой человек — это человек в возрасте от 64 до 79 лет. До этого периода продолжается зрелость, после него наступает старость [1, с.38].

С точки зрения М. А. Янцена понятие «пожилые люди» не имеет однозначного определения. Социально-демографическая характеристика включает в себя уровни физического, психологического, физиологического, статусного, гендерного, социокультурного, конфессионального, национального, образовательного качества и свойства, с присущими каждому индивиду разнообразными специфическими проявлениями [5, с. 74].

Многими исследователями отмечается что, для людей пожилого возраста характерны проблемы поиска смысла жизни. Такие проблемы присущи человеку в пожилом возрасте не меньше, чем в других возрастных периодах. Люди пожилого возраста продолжают жизнь в качестве социальной единицы и уникальной личности. Также стоит отметить, что наличие смысла жизни у пожилых людей говорит о продолжении развития личности и в старости, ведь будучи существом сознательным и свободным, человек сам определяет варианты развития в старости [4, с. 24].

Термин «социальная активность» предполагает деятельность личности, индивида, направленную на удовлетворение потребностей, создание благоприятных социальных условий, реализацию социальных инициатив, формирование активной жизненной позиции [2, с. 56]. Также социальная активность должна исходить от желания самого человека, быть внутренне необходимой ему [3, с. 103].

Исследователи отмечают, что на социальную активность людей пожилого возраста оказывают влияние как субъективные факторы - личностные качества, уровень

образования, мотивация, жизненная позиция и т.д., так и объективные - отношение общества к пожилым людям, совершенствование социального управления и т.д. [2, с. 55].

Для людей третьего возраста наиболее характерны виды деятельности в трудовой, общественно-политической, семейно-бытовой, культурно-досуговой и образовательной сферах.

Осуществление трудовой деятельности помогает пожилым людям чувствовать свою значимость, важность, востребованность, реализовывать свой потенциал, не чувствовать себя отчужденным от социума. Главной мотивацией к продолжению трудовой деятельности являются жизненные потребности личности, стремление к повышению своих профессиональных компетенций и возможность поделиться имеющимся опытом [2, с. 56].

Участие в общественно-политической и социальной жизни общества зависит от потребностей людей пожилого возраста в участии в различных видах общественной деятельности, что также помогает им ощущать себя востребованными и активными членами общества, сделать свой вклад в его развитие и в значительной мере отсрочить наступление старости в стереотипном ее понимании [2, с. 56]. Проведенное нами исследование показало, что на активность участия пожилых людей в жизни общества немаловажную роль также играет населенный пункт, в котором они проживают, а именно то, организуются ли там какие-либо мероприятия для пожилых, реализуется ли программы по повышению социальной активности людей пожилого возраста.

Социальная активность пожилого человека в семейно-бытовой сфере представлена преимущественно посреднической функцией - пожилые члены семьи являются в какой-то степени связующим звеном в межличностных отношениях среди родственников, а также выполняют роль “хранителей” семейных традиций, историй и воспоминаний [2, с. 56].

Культурно-досуговое и творческое направление деятельности людей пожилого возраста повышает их стремление к активному проживанию старости, развивает и реализует их социально-психологический потенциал, а также совершенствует их креативное мышление. Кроме того, реализация данного направления активности позволяет пожилым людям совершенствовать имеющиеся творческие способности, раскрывать новые таланты и осваивать новые для них виды искусства. Творчество позволяет пожилым людям более структурировано и продуктивно проводить свободное время, развиваться и достигать нового [2, с. 56]. Как показало исследование, пожилые люди проявляют свои творческие способности и организуют свой досуг преимущественно посредством огородно-садоводческой деятельности, вязания, решения головоломок, чтения книг, написания стихов и т.д.

Активность в образовательной сфере способствует непрерывному личностному развитию пожилых людей, тренирует их психические способности, предотвращая или отсрочивая появление когнитивных нарушений. Многие исследования доказывают, что возрастные изменения, присущие людям пожилого возраста, не являются барьером в процессе обучения. При регулярных тренировках память у пожилых людей сохраняется на достаточно оптимальном уровне [2, с. 56]. Лишь половина опрошенных пожилых отметили, что стремятся к изучению чего-то нового, к саморазвитию.

Перечисленные направления социальной активности людей пожилого возраста способствуют сохранению их активной жизненной позиции, приобщению к постоянным изменениям современного общества и сохранению энергии саморазвития. Помимо этого, активная социальная жизнь позволяет пожилым людям понять, что пожилой возраст и старость - это не конец жизни, а лишь очередной ее этап, что не нужно останавливаться на достигнутом, необходимо находиться в постоянном поиске новых эмоций, ощущений и знаний, а также не упускать возможность поделиться накопленным опытом с молодым поколением. Активная жизненная позиция способствует развитию и удовлетворению потребностей людей “третьего возраста” в новых знаниях, образовании, общении, потребности в реализации личностного потенциала, а также в признании и уважении.

1. Блехарская Е. В. *Пожилый возраст как переходный этап жизненного пути человека* // Педагогическое образование в России. - 2017. - №12. - С. 36-43. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozhiloy-vozrast-kak-perehodnyy-etap-zhiznennogo-puti-cheloveka> (дата обращения: 27.05.2022).
2. Марунова Т. Р. *Направления социальной активности пожилых людей* // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. - 2014. - №2. - С. 55-57. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sotsialnoy-aktivnosti-pozhilyh-lyudey> (дата обращения: 27.05.2022).
3. Остапчук Н. В. *Социальная активность личности пожилых людей* / Н. В. Остапчук, О. Е. Сурнина, Е. В. Лебедева // Дискуссия. - 2013. - №11. - С. 103-103. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-lichnosti-pozhilyh-lyudey> (дата обращения: 27.05.2022).
4. Северин А. В. *Социально-психологическая адаптация пожилых людей к изменяющемуся миру: психологические проблемы пожилых и способы их решения : монография / А.В. Северин. – Брест : Альтернатива, 2020. – 84 с. ISBN 978-985-521-705-4.*
5. Янцен М. А. *Социализация пожилых людей: социологический аспект* // Народонаселение. - 2020. - №3. - С.71-82. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-pozhilyh-lyudey-sotsiologicheskiiy-aspekt> (дата обращения: 27.05.2022).

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Мороз Егор Владимирович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В современной социологии процессы социальной адаптации, предполагающие приобщение индивида к нормам и ценностям социальной жизни, формирования его нравственных и поведенческих установок принято рассматривать в рамках понятия социальной компетентности. Социальная компетентность является сложным социальным явлением и в самом общем виде может быть определена как качественная характеристика субъекта, позволяющая ему быть включенным в социальную среду и выстраивать в ней успешное взаимодействие [1, с.9]. Необходимо подчеркнуть, что социальная компетентность не является врожденным качеством и формируется в результате процесса освоения индивидом набора социально-значимых компетенций: усвоения и принятия общественных норм и правил поведения, а также формирования устойчивого навыка их воспроизведения в различных социальных ситуациях. Кроме того, формирование социальной компетентности индивида неразрывно связано с усвоением им общественно-значимых ценностей, выработкой ценностей индивидуальных, а также достижением баланса между общественным бытием и внутренним духовным миром человека [2, с. 146-158].

Вместе с тем, процесс конструирования указанных ценностей внутри общества может являться предметом отдельного научного интереса. В рамках настоящего доклада предлагается рассмотреть концепцию социального конструкционизма, изложенную П. Бергером и Т. Лукманом и теорию дискурса, предложенную Э. Лакло и Ш. Муфф, как методологические основы, способные дать ответ на вопрос о возникновении и распространении ключевых социально-значимых ценностей.

Основной принцип социального конструкционизма заключается в представлении о том, что индивиды сами конструируют как отдельные элементы, так и всю социальную реальность. Данное явление объясняется антропологической особенностью человека, выраженной в стремлении стабилизировать окружающую реальность, классифицировать и управлять ею. Результатом этого является создание индивидом социального порядка, который выступает продуктом человеческой деятельности, обусловленным его

биологической природой. Данный процесс достигается при помощи хабиитуализации – «опривычиванию» человеческой деятельности, благодаря чему она превращается в набор привычных, понятных и предсказуемых действий, явлений и ситуаций. Благодаря хабиитуализации индивид освобождается от необходимости определения каждой ситуации заново, и получает возможность заранее предвидеть те действия, которые нужно выполнять в том, или ином случае [3, p. 26]

Объясняя механизмы установления социального порядка, П. Бергер и Т. Лукман обращаются к понятию институционализации. Институционализация представляет собой наиболее важную часть процесса хабиитуализации социальной реальности, в ходе которой происходит типизация опривыченных действий деятелями разного рода, результатом чего является создание институтов – социальных конструктов, понятных для всех членов социальной группы и определяющих индивидуальные действия ее членов, для которых институты предстают в качестве неизменной и самоочевидной части социальной реальности [3, p. 27].

При этом, отмечается, что для успешного существования института требуется постоянная необходимость поддержания приоритета институциональных определений ситуации над альтернативными (например, создаваемыми самим индивидом). Данная задача может быть достигнута при помощи реификация – перевода явлений социальной реальности из плоскости продукта человеческого творчества во внешнюю по отношению к нему плоскость. В результате процесса реификации, индивид начинает воспринимать социальные явления, как естественные и созданные не его волей, а самим порядком вещей, либо «внешней силой» – богом, природой. Реификация способствует усилению идентичности индивида и социально-предписанными ему типизациями, и, как следствие, усилением контролируемости и предсказуемости его поведения [3, p. 31].

Понимание социальной реальности, в которой существует человечество, как конструкта, являющегося результатом социального взаимодействия индивидов, находит отражение и в теории дискурса, предложенной исследователями Э. Лакло и Ш. Муфф в работе «Гегемония и социалистическая стратегия».

Согласно теории дискурса, вся, без исключения, социальная сфера может пониматься, как процесс, в рамках которой происходит создание значений. В процессе социальной деятельности мы стремимся упорядочить и зафиксировать данные значения в определенных отношениях друг к другу. Любое действие, которое устанавливает отношение среди существующего массива значений обозначается словом «articulation». Понятие дискурса при этом определяется, как структурное единство, возникающее в результате практик фиксации соотношения между понятием и его смысловым наполнением. При этом, все знаки в такой системе могут быть подразделены на «моменты» и «элементы»: моментами являются знаки, значения которых являются зафиксированными в рамках дискурса, а элементами – знаки, значения которых зафиксировано не было [4, с. 49-50].

Однако Э. Лакло и Ш. Муфф отмечают, что такая фиксация может носить лишь временный характер [4, с. 49-50]. Именно в силу существования возможностей альтернативной интерпретации значений, все моменты потенциально продолжают оставаться элементами, что навсегда делает любой дискурс незавершенным и открытым для потенциальных изменений. Кроме того, возможность альтернативных интерпретаций позволяет одновременное существование нескольких различных дискурсов, находящихся в состоянии борьбы [4, с. 51].

Развивая тему о борьбе дискурсов, Э. Лакло и Ш. Муфф обращаются к идее гегемонии, которая интерпретируется как способ установления социального порядка посредством производства значений. [4, с. 55]. В контексте растущего антагонизма между дискурсами – ситуациями, когда между различными дискурсами возникают неразрешимые противоречия – возможным выходом является вмешательство гегемонии, которое представляет собой фиксацию значения антагонизирующих дискурсов посредством силы.

[5, p. 46]. В этом случае один, или несколько дискурсов расформируются и перестают существовать посредством переосмысления их моментов при помощи внешнего вмешательства.

Применение социального конструкционизма и теории дискурса Э.Лакло и Ш. Муфф к общественно-значимым ценностям позволяет нам заключить, что конструирование таких ценностей происходит внутри самого общества при помощи хабиитуализации и институционализации повседневной деятельности общества. В ходе данного процесса сконструированные ценности также подвергаются реификации, и перестают восприниматься в качестве продукта творчества сообщества, поднимаясь на над-человеческий уровень. Фиксирование же содержательного наполнения данных ценностей осуществляется посредством практик фиксации их смыслового наполнения, когда из множества области дискурсивности явлениям выбираются и присваиваются моносемiotичные значения. В этот момент происходит конструирование дискурса о ценностях, как упорядоченной системы отношений между смысловыми компонентами созданных конструкций.

В случаях же, возникновения ситуаций антагонизма между различными дискурсами, гегемония (например, в лице государства), используя имеющиеся в её распоряжении ресурсы, осуществляет расформирование неприемлемых дискурсов и производит переосмысление значений в необходимые «моменты». Таким образом, происходит создание социально-значимых ценностей, как институтов – элементов социальной реальности, определяющих последующее поведение индивидов.

Таким образом, концепция социального конструкционизма и теория дискурса Э.Лакло и Ш. Муфф могут рассматриваться, как непротиворечивые и взаимодополняющие, а их совместное применение позволяет получить более полное представление о процессе конструирования социальных ценностей, являющихся основой социальной компетентности подрастающего поколения.

1. Закудраева Л.Г. Дефиниционный анализ категорий «Социализация», «Социализированность», «Социальная компетентность», «Социальная компетенция», *Актуальные вопросы современной науки*, 2010, с.9-18

2. Губаренко И.В., Коваленко В.И., Коваленко О.В., Соколова О.А. Базовые концепции формирования социальной компетентности будущего специалиста, *Наука, Искусство, Культура*, №3(27), 2020, с. 146-158

3. Peter L. Berger and Thomas Luckmann, *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Penguin Books, 1967, 97 p.

4. Laclau E. Mouffe S. *Hegemony and Socialist Strategy Towards a Radical Democratic Politics*, - London: New Left Books, 2001, 240 p.

5. Луиза Дж. Филлипс и Марианне В. Йоргенсен. *Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. -Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004, 353 с.*

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЫМИ ИНВАЛИДАМИ

Новожилова Ольга Алексеевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Трудоустройство является одной из основных проблем инвалидов на пути к полноценной жизни. Право на труд является неотъемлемым правом человека, в том числе и инвалида [1, 44]. Молодые инвалиды являются особой социальной группой, имеющей стремление жить так же как их сверстники без инвалидности. Многие из молодых людей с инвалидностью поступают наравне с остальными в учебные заведения, не пользуясь отведенными им квотами. Однако в сфере трудоустройства существует множество препятствий для инвалидов, устранить которые помог проект «Социальная занятость инвалидов трудоспособного возраста».

Проект, разработанный Комитетом по труду и занятости Санкт-Петербурга в 2018 году, явился площадкой для взаимодействия государства и НКО в вопросах трудоустройства инвалидов. В рамках социальной занятости НКО ГАООРДИ создала на базе своей организации рабочую группу, в которую входит администратор, координатор-руководитель, инструктор по труду [2]. Реализация проекта происходила на площадках учреждений социального обслуживания г. Санкт-Петербурга, где для инвалидов I и II группы создавались временные рабочие места.

Большим плюсом проекта является то, что инвалиды работают в Центре реабилитации, то есть там, где они привыкли находиться, фактически совмещая работу с реабилитацией и общением со своими друзьями. Кроме того, для участников проекта проводились психологические консультации и тесты, позволяющие выявить профессиональные умения и навыки соискателей, а также их мотивацию к труду. При поддержке инструктора по труду инвалидам проще адаптироваться, понять собственные возможности и желания, влиться в коллектив. По итогам проекта на каждого участника готовится оформленное портфолио и видео-портфолио для представления себя на открытом рынке труда для самых активных участников проекта. Таким образом, данный проект дополняет стандартные практики трудоустройства и является отличной возможностью для инвалидов попробовать себя в профессии и реализовать свое право на труд.

1. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (2005) Политика инвалидности. Проблемы доступной среды и возможности занятости. Социологические исследования, (2): 44-55.

2. Комитет по труду и занятости // Социальная занятость инвалидов URL: <http://rspb.ru/trudoustrojstvo-invalidov/socialnaya-zanyatost-invalidov/> (дата обращения: 01.10.2022)

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ УЛУЧШЕНИЯ

Ноздрин Надежда Николаевна
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Шнейдерман Инна Моисеевна
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-010-00358

Важным источником информации о жилищном положении домохозяйств в России является проводимое Росстатом Комплексное обследование условий жизни населения (КОУЖ). Согласно КОУЖ-2020 (охватывает 60 тыс. домохозяйств), жилищная обеспеченность в расчете на 1 человека сильно зависит от величины и состава домохозяйств, особенно от числа детей [1].

В среднем на 1 члена всех домохозяйств приходится 24,18 кв.м, у тех, кто проживает в отдельных квартирах 22,19 кв.м, а в индивидуальных домах 28,69 кв.м, т.е. домохозяйства, проживающие в индивидуальных домах, имеют на 6,5 кв.м общей площади жилья в расчете на 1 человека больше. Домохозяйства с детьми живут гораздо более стесненно (в среднем имеют 17,15 кв.м на человека), чем домохозяйства без детей (31,34 кв.м): в квартирах 15,46 и 28,48 кв.м/чел и в домах 20,75 и 37,8 кв.м на чел., соответственно.

Чем больше членов в домохозяйстве, тем более тесно они проживают. В домохозяйстве из 5 и более человек в среднем приходится 14,77 кв.м на 1 человека, в

квартирах 11,92 кв.м (при социальной норме 18-20 кв.м), в индивидуальных домах 17,87 кв.м общей площади. Наиболее стесненно проживают многодетные семьи с 3 и более детьми: у них в среднем на человека приходится 13,55 кв.м общей площади жилья, в т.ч в квартирах - 11,38 кв.м, в индивидуальных домах 15,83 кв.м. Число комнат в расчете на 1 домохозяйство у домохозяйств с большим числом членов семьи лишь совсем немного выше: 3,27 комнаты у домохозяйств из 5 и более человек против 2,39 комнаты в среднем (в квартирах 2,77 и 2,13 комнаты, в индивидуальных домах 3,84 и 3,09 комнаты, соответственно).

Все это говорит о том, что у нас отсутствует адекватный механизм улучшения жилищных условий по мере рождения детей и общего роста числа членов домохозяйств. Соотношение числа комнат в жилищном фонде находится в дисбалансе с числом членов семьи российских семей за счет гипертрофированной доли малокомнатных и малогабаритных квартир. В России на долю 1-2-х комнатных квартир суммарно приходится 63,5%, и их доля в новом жилье все возрастает. Рынок жилья, в силу его дороговизны, диктует повышенный спрос на малогабаритные квартиры, который определяет поведение застройщиков.

Расселение в индивидуальных домах, возводимых населением, является значительно более просторным и разрыв с квартирами в многоквартирных домах увеличивается. Увеличение объемов индивидуального строительства ограничено недостаточным уровнем денежных доходов населения и недостаточным развитием ипотечного кредитования ИЖС. Большой резерв видится в том, чтобы заинтересовать институциональных застройщиков переключаться на строительство односемейных домов, т.е. перевести это строительство в определенном смысле «на индустриальные рельсы».

*1. Комплексное наблюдение условий жизни населения/ Росстат. Табл.1.2. [сайт] –
URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html*

ОФИЦИАЛЬНАЯ И РЕАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ОЦЕНКИ НУЖДАЕМОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГАХ

Петухова Ирина Сергеевна

*(Социологический институт РАН (Филиал ФНИСЦ РАН); Петрозаводский
государственный университет)*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

Реформа социального обслуживания 2013-2015 гг., связанная с принятием ФЗ №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» изменила условия оказания социальных услуг, расширила возможности присутствия негосударственного сектора (коммерческого и некоммерческого) на рынке социальных услуг, изменила условия взаимодействия поставщика и получателя социальных услуг etc. К нововведениям закона относится также изменение порядка оценки нуждаемости в услугах.

Наше исследование базируется на материалах интервью со специалистами, социальными работниками, получателями (N=44), собранных в Республике Карелия. Решение о зачислении на социальное обслуживание и форме оказания социальных услуг принимает специальная уполномоченная комиссия на основании заявления получателя или заинтересованных лиц. К заявлению прилагается акт оценки жилищных условий, оценка индивидуальных потребностей, справка о доходах. Подготовка документов, обследование условий проживания, подготовка справок, как правило, относится к срочным социальным услугам государственного сервиса.

На основе анализа ответов информантов о порядке признания граждан нуждающимися в социальных услугах мы выделили две практики: «официальная практика», описанная сотрудниками органов исполнительной власти, руководителями учреждений и заведующими подразделениями, и «реальную практику», описанную специалистами, производящими оценку нуждаемости и принимающими решение о постановке на обслуживание. «Официальная практика» строго формализована в соответствии с документами, она подразумевает выполнение конкретного набора действий, оценку индивидуальных условий проживания, семьи, способностей выполнять те или иные действия (шкала Бартела и шкала Лаутона). В результате потенциальный получатель «набирает» определенное количество баллов, которые и лежат в основе выбора формы обслуживания и перечня социальных услуг, которые будут учтены в индивидуальную программу получения услуг.

«Реальная практика» - это формальная процедура оценки нуждаемости, не носящая индивидуальный характер, то есть не учитывающая физическое состояние, условия проживания, семейное положение получателя. Как правило, документы «подгоняются» друг под друга, в основе выбора услуг лежит только доход получателя и само желание получить постороннюю помощь. Информанты отмечают, что в социальных услугах не отказывают никому, даже тем, кто реально может активизировать свои ресурсы, привлечь членов семьи, родных, соседей. Таким образом, в расхождении «официальной» и «реальной» практики мы можем усмотреть «раздувание» роли клиента социального сервиса» и противоречие главным принципам социального обслуживания – адресности и индивидуальности.

АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ПО СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ ГРАЖДАН БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА В РФ НА ПРИМЕРЕ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА

Пирогова Анастасия Олеговна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В России нет достоверных данных о том, сколько в стране бездомных людей. Власти с начала 2021 года планируют создать единый реестр лиц без определенного места жительства и начать оказывать им социальную и медицинскую помощь [1], но пока этим занимаются в первую очередь благотворительные организации.

На волне пандемии увеличилось число граждан без определенного места жительства, как латентных (не имеющих регистрации по месту пребывания), так и фактических, не имеющих определенного места жительства, в следствии сокращения рабочих мест и финансовой нестабильности.

Согласно данным, Левада-Центра приняли участие в переписи населения около 52% опрошенных респондентов, 42% россиян сообщили, что не принимали участия [2]. Перепись населения учитывает только тех, кто добровольно согласился принять в ней участие, однако, сколько тех, кого сотрудники в силу ряда причин не внесли в перепись неизвестно.

Ввиду того, что данные Росстата на этот счёт не точны, поскольку в опубликованном первом томе результатов переписи населения 2020-2021 года категория «лица, без определенного места жительства отсутствует» [3], а последний их учёт проводился в переписи 2010 года – 64 077 тыс. чел., то следует обратиться к данным некоммерческих организаций занимающихся благотворительностью, поскольку они непосредственно работают с этой группой населения.

Так по данным благотворительной организации «Ночлежка» количество бездомных колеблется 1,5 млн. до максимального количества 4 млн. и это только в среднем по городам Москва и Санкт-Петербург [4].

Причины занижения официальной статистики: 1. переписчики не ищут бездомных людей; 2. бездомные избегают контактов с представителями власти, к тому же переписчики ходят в основном по квартирам, которых у бездомных нет.

Данные Администрации Санкт-Петербурга за 2021 год указывают, что в Центр учёта обратилось 3 352 бездомных, что в сравнении с деятельностью благотворительных организаций, говорит о том, что лишь малому количеству бездомных была оказана социальная помощь [5].

Власти, опираясь на официальную статистику, до настоящего момента не считают проблему бездомных достаточно острой, чтобы создавать и активно развивать государственные учреждения помощи, переложив заботу о них на волонтеров и благотворительные организации, создавая риск увеличения данной категории.

1. В России создадут реестр бездомных. РБК.РУ. 08.07.2021. URL : <https://www.rbc.ru/society/08/07/2021/60e6bb599a7947e1bf58cbbc> (дата обращения 01.10.2022).
2. Участие россиян в переписи. Левада-Центр. 21.12.2021. URL : <https://www.levada.ru/2021/12/21/uchastie-rossiyan-v-perepisi/> (дата обращения 01.10.2022).
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 1. URL : https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения 01.10.2022).
4. Благотворительная организация «Ночлежка» финансовый отчёт за 2021. URL : <https://homeless.ru/upload/iblock/146/Godovoy-otchet-2021.pdf> (дата обращения 01.10.2022).
5. Администрация Санкт-Петербурга. Социальная помощь лицам без определенного места жительства. 31.01.2022. URL : <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/socialnye-voprosy/bomz/> (дата обращения 01.10.2022).

РОЛЬ ПЕШЕХОДНЫХ ЗОН В ОТВЕТСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ ОБЩЕДОСТУПНОЙ СРЕДОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Пятышева Анастасия Владимировна

*(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации)*

Главной целью исследования выступило изучение роли и места пешеходных зон при ответственном управлении общедоступной городской средой, а также выявление ключевых показателей, которые должны учитываться при создании данной разновидности социального пространства Санкт-Петербурга.

Для достижения цели был проведён массовый опрос среди жителей Санкт-Петербурга при выборочной совокупности в 107 человек. Исходя из его результатов была выявлена высокая роль пешеходных зон в городской среде, интерес к проблеме их организации, и в основном положительное отношение к созданию новых пешеходных зон. При этом имеет место недовольство в области транспорта и дорожного движения, средняя удовлетворённость существующими объектами. Также выявлена низкая заинтересованность и осведомлённость в области новостей и создаваемых проектов, официальных документов, связанных с благоустройством и созданием пешеходных зон.

Так, более половины опрошенных (59%) главной проблемой при переустройстве улиц в пешеходные зоны видят в трудностях с парковкой, а чуть меньший процент опрошенных (48,7%) также сталкиваются с пробками и заторами.

43% респондентов отметили актуальность проблемы организации пешеходных зон (рис. 1) (потребность людей в социальной активности [1] может служить одной из причин), при этом 71% опрошенных не проявляют интереса к новостям о благоустройстве и пешеходных зонах, а 70,1% не знакомы с «Концепцией пешеходных пространств и

непрерывных пешеходных маршрутов» [2] в рамках федеральной программы «Формирование комфортной городской среды» [3] на 2018-2022 гг.

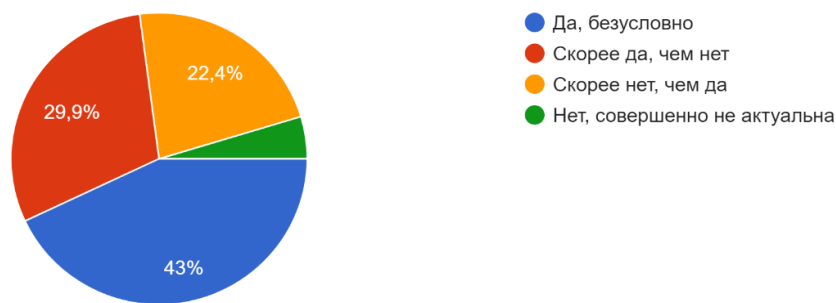

Рис. 1. Структура ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, актуальна ли проблема организации пешеходных улиц (зон)?» (N=107), %

Большинство (64,3%) «за» создание новых пешеходных зон, при этом состояние и качество существующих оценивается респондентами как среднее (самыми популярными оценками являются 5 (22,4%) и 6 (22,4%) баллов из 10-ти возможных) (рис. 2).

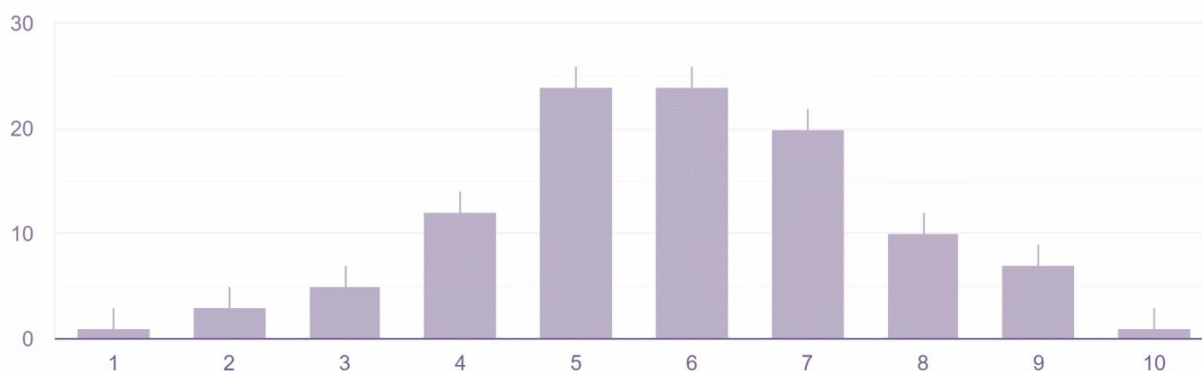

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос «Оцените качество существующих пешеходных улиц (зон)» (шкала «1-10», N=107), %

Наиболее важным (62,6%) при создании пешеходных улиц опрошенные отметили обеспечение ровности и чистоты, отвода дождевой воды, хорошей освещённости, а также замощение улиц, ступеней, пандусов (61,7%) и наличие и доступность укрытий от дождя, ветра солнца (47,7%).

В соответствии с этим можно дать рекомендации, представленные ниже.

Следует стимулировать гражданский активизм петербуржцев в части благоустройства пешеходных пространств. Тема пешеходных пространств должна быть популяризована среди петербуржцев, а также широко распространена информация о том, какой вклад и как может внести каждый в улучшение облика города, чтобы и пешеходы, и пользующиеся личным/общественным наземным транспортом петербуржцы имели возможность «внести свою лепту», предложить свои варианты по организации пешеходных улиц (зон) и/или принять участие в их создании и преобразении.

Пешеходные улицы (зоны) должны быть ориентированы на «человеческий масштаб» и соответствовать принципам: живой город, безопасный город, здоровый город, устойчивый город [4, с. 3 – 8, 63 – 111].

1. Волкова Т.Ф. Гуманизация городской пешеходной среды // *Современные научные исследования и инновации*. 2016. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/12/68458> (дата обращения: 4.01.2021).
2. Для Санкт-Петербурга разработана Концепция пешеходных пространств и маршрутов // *Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/architecture/news/123783/> (дата обращения: 03.01.2022).
3. Приказ Министра России от 06.04.2017 N 691/нр (ред. от 21.12.2017) «Об утверждении методических рекомендаций по подготовке государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды в рамках реализации приоритетного проекта "Формирование комфортной городской среды" на 2018 - 2022 годы» // СПС КонсультантПлюс. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=286393&dst=1000000001&date=13.03.2022> (дата обращения: 04.01.2022).
4. Гейл Я. Города для людей [Текст] / Ян Гейл. – М.: Крост, 2012. – 277 с.
5. Муфтахова А.Н. Значимость биографического метода при анализе социальной депривации, вызванной неудовлетворением жилищной нужды// (Авто)биография как объект социологического анализа. Материалы X чтений памяти В.Б. Голофаства, 3-5 апреля 2018 г. / Под ред. О.Б. Божкова. - СПб.: Норма, 2018. - С. 207-222.

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ СЕГОДНЯ.

Рогова Анна Михайловна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Давыдов Сергей Анатольевич

(Санкт-Петербургский экономический университет)

Трансформация современной семьи влечет за собой как появление многообразных видов семейных отношений, так и изменения содержания социальных ролей и семейного поведения. С одной стороны, семья таким образом реагирует на вызовы времени, адаптируясь к новым условиям, с другой – семья сталкивается с новыми видами социальных рисков, особенно по отношению к детям. Например, снижение уровня брачности увеличивает с одной стороны личную свободу, с другой – отсутствие уверенности в завтрашнем дне приводит к снижению рождаемости и снижает воспитательный потенциал семьи[1].

Социальную работу как область знания и как практику интересует именно социальное самочувствие семей с детьми, создание в семье ситуации для рождения, воспитания и развития ребенка. Важна и своевременная профилактическая работа с семьями группы риска с целью сохранения семейных связей в интересах ребенка.

Меняется и характер рисков, с которыми сталкиваются дети в семье. Помимо рисков социально-экономического характера (снижение уровня и качества жизни в российских условиях), увеличивается число рисков социально-психологического, социально-педагогического характера. Социологи указывают на увеличение числа рисков в современном обществе. Часть социальных рисков для детей и подростков перемещается в Интернет-среду, многие из которых остаются неизученными. Семья не всегда обладает нужной социальной компетентностью в вопросах защиты несовершеннолетних от рисков порождаемых временем.

В тоже время, современную семью многие исследователи рассматриваются как психологическое убежище, как один из стабильных социальных институтов в быстро меняющемся мире. Это важно для детей и для супругов.

Таким образом, одним из актуальных вопросов при оценке ситуации в семье как клиента социальной работы становится изучение ее воспитательного ресурса с целью противостояния социальным рискам, помимо социально-экономических условий.

Как показывают эмпирические исследования, встречаются различные виды и инварианты семейного неблагополучия и социально-опасной ситуации для ребенка: от семей с низким уровнем дохода и девиантным поведением родителей и детей до внешне благополучных семей(постоянный доход, жилье, занятость родителей) со скрытым неблагополучием(сложные и конфликтные отношения в семье)[2].

В правовом поле социальной работы в Федеральном законе №120.семья в социально-опасном положении характеризуется как « где родители или законные представители не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними» [3]. Таким образом, закон обращает внимание на семьи с низким воспитательным потенциалом, что дает возможность использовать его для развития практики психолого-педагогической и социальной работы с семьей.

Инструментарий социальной работы(акты, опросные листы) при обследовании семьи уделяют внимание прежде всего количественным и социально-экономическим показателям для оценки ситуации в семье. Такие показатели, как самочувствие ребенка в семье, его социально-психологическое благополучие чаще всего остаются за кадром. При таком подходе и многие ранние проблемы в детско-родительских отношениях остаются без внимания специалистов, что приводит к росту семей в социально – опасном положении в дальнейшем. В перспективе развития социальной работы с семьей и детьми важна не только оценка социально-экономических рисков, но и социально-психологических и разработка рекомендаций и технологий для их профилактики.

1 Российская семья и ее благополучие: монография/ Авдеева В.П, Бурмыкина О.Н и др; от вред И.И. Елисеева; ФНИСЦ РАН.-М.:СПб.:ФНИСЦ РАН, 2021. – 304с

2 Свищёв К.Г. Социально опасное положение семьи: сущность понятия, критерии и показатели// Материалы конференции Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики. Изд-во Белгород, 26–27 ноября 2015 года С 126-131.

3. Федеральный закон №120-ФЗ от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»

СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЖЕНЩИН-ИНВАЛИДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рочева Яна Сергеевна

(Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный научный центр реабилитации инвалидов им Г.А. Альбрехта» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации)

В настоящее время правовые вопросы регулирования общественных отношений соблюдения прав инвалидов и детей-инвалидов в том числе женщин-инвалидов, девочек-инвалидов в РФ осуществляются на основании: Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. [1], замечаний общего порядка № 3 (2016) о женщинах-инвалидах и девочках-инвалидах от 25 ноября 2018 г. [1], замечаний общего порядка № 6 (2018) от 26.04.2018 по поводу равенства и недискриминации [3], Заключительные замечания Комитета ООН по правам инвалидов по первоначальному докладу Российской Федерации от 9 апреля 2018 г [4]. Объединяет все эти направления проработка вопросов по уменьшению дискриминации и всех видов ограничений с которыми сталкиваются инвалиды, дети-инвалиды, женщины-инвалиды, девочки-инвалиды.

Научные исследования о положении женщин-инвалидов отмечают наличие «гендерной ассиметрии» и использование традиционных управленческих способов

решения социальных проблем [5], стигматизации, стереотипизации женской инвалидности и настаивают на необходимости поддерживать и признавать женщин-инвалидов быть самостоятельными акторами в системе общественных отношений [6.7]. Данные меры позволят усилить учет фактора инвалидности в социальной политике, с целью улучшения положения женщин-инвалидов и построения эффективной социальной политики.

В РФ разработаны меры, направленные на защиту и поощрение прав инвалидов, включая женщин-инвалидов, ликвидацию дискриминации по отношению к ним, обеспечение их права на работу, здравоохранение, образование, полноценное участие в жизни общества, доступ к правосудию, личную неприкосновенность, свободу от эксплуатации и злоупотреблений, свободу передвижения, индивидуальную мобильность, стереотипизацию восприятия. Но положение женщин-инвалидов, девочек инвалидов это меняет очень медленно.

Таким образом, проблемное поле в оценке положения женщин-инвалидов и девочек-инвалидов и соблюдения их прав связано с необходимостью выделения когорты женщин-инвалидов, девочек-инвалидов в системе сбора статистических данных, отражающих их положение в социальной, политической, экономической и культурной жизни страны; повышение общественного статуса женщины-инвалидов, расширение возможностей по самореализации; повышение правовой информированности и знание механизмов по защите их прав, расширить проведение мероприятий, направленных на уменьшение влияния стереотипов в отношении женщин-инвалидов, девочек-инвалидов; учет фактора инвалидности в организации системы управления.

Всероссийский опрос людей с инвалидностью и опрос специалистов всероссийских общественных организаций России (ВОС, ВОГ, ВОИ и ВОРДИ), проведенные ФГБУ ФНЦРИ им Г.А. Альбрехта Минтруда России, проведенных в 2020 году показывают следующее. Проблемы женщин-инвалидов и мужчин-инвалидов не разграничиваются самими людьми с инвалидностью, часть проблем не имеют гендерного характера и являются общими для всех инвалидов. Представители общественных организаций отметили, что намечена положительная динамика в изменении положения женщин инвалидов в вопросах семьи и рождения детей и материальной поддержке, но присутствуют проблемы в сферах образования и трудоустройства. Вопрос дискриминации имеет место быть, инвалидность выступает дополнительным фактором, который ее усиливает. Вопросы соблюдения прав часто остаются без внимания, а ограничения носят латентный характер.

1. Конвенция ООН от 13 декабря 2006 г. «О правах инвалидов» // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2013. – N 6, ст. 468
2. Замечаниями общего порядка № 3 (2016) о женщинах-инвалидах и девочках-инвалидах [Электронный ресурс]. https://fcoz.ru/international_obligations/6/1/6_183.G1626258.pdf (дата обращения: 01.10.2022).
3. Замечания общего порядка № 6 (2018) от 26.04.2018 по поводу равенства и недискриминации. [Электронный ресурс] <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPRiCAqhKb7yhsnbHatvuFkZ%2Bt93Y3D%2Baa2qtJucAYDOCLUtyUf%2BfOZspwnqyqZ6vM98ktKuCPOyUXPuMu4I%2Fg%2F1o3Qyt98oGoW6fAXiVCKzlvX12PllzP> (дата обращения: 01.10.2022)
4. Заключительные замечания по первоначальному докладу Российской Федерации о ходе выполнения Конвенции о правах инвалидов. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: [Электронный ресурс]. Комитет по правам инвалидов ООН. Доступно по ссылке: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/handicapped/272> (дата обращения: 01.10.2022).
5. Каширкина А. А., Морозов А. Н. Европейский опыт оценки гендерной проблематики: совместимость международных стандартов и национальных правовых подходов // Женщина в российском обществе 2021. № 3. С. 3—17

6. Доминелли Л. Гендерно нейтрально? Женский опыт инвалидности// Журнал исследований социальной политики том 2, № 1. С 29-52.

7. Наберушника Э.К. Инвалидность в фокусе урбанфеминизма // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С 142-155. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.12

МУЗЫКА В АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Рубцова София Павловна

(Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена)

Новое направление реабилитации и профилактики когнитивного здоровья пожилых заключается в комбинации методов музыкотерапии с упражнениями адаптивной физической культуры.

Музыка имеет большое влияние на состояние человека, на его сознание. Музыкотерапия является объемной и многогранной дисциплиной.

Ритм, мелодия, тональность, тембр, акцент и т.д. влияют на активность мозга, за счет обострения музыкальной памяти; на настроение человека, что является частью реабилитационного процесса. Музыкотерапия, включает в себя подпевание знакомым песням. Пение улучшает речевые способности, петь легче, чем разговаривать. Музыкотерапия направлена на улучшение памяти в целом.

Влияние на эмоциональное состояние оказывает физическая активность.

Физические упражнения способствуют улучшению настроения, расслаблению и стабильной психике. Это, согласно исследованиям, снижает риск развития депрессии до 30 % и значительно понижает уровень стресса.

Музыкальная адаптивная физическая культура – это комплекс занятий, направленный для профилактики и восстановления когнитивных нарушений (расстройств), в том числе после перенесенных инсультов и ковида. Музыкальные композиции могут быть разными, в зависимости от того, какого результата хочется достичь. Медленная и мелодичная музыка поможет расслабиться и отдохнуть. Её можно использовать во время дыхательной гимнастики или в заключительной части, чтобы снизить частоту сердечных сокращений и артериальное давление. Например, быструю мелодию можно использовать для активных упражнений, она поможет активизировать организм на занятие в вводной, ускорить темп выполняемого упражнения, положительно зарядить человека на предстоящие занятия.

Во время занятий звучат знакомые композиции, которым хочется подпевать, что очень благоприятно влияет на лёгкие. Разрабатываются мышцы грудной клетки, человек тренируется максимально набирать воздух, растягивая стенки легких. Так же улучшается брюшное и перманентное дыхание.

Не стоит включать музыкальные треки, которые могут вызвать негативные ассоциации, про родителей, отрицательную любовь или, например, фильмы с плохим концом.

Соединение методов музыкотерапии с упражнениями адаптивной физической культуры дает лучший результат в реабилитации и профилактики когнитивного здоровья пожилых.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АДРЕСНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ В БЕЛАРУСИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Русак Ирина Николаевна

(Белорусский институт стратегических исследований)

Социальная поддержка населения в Республике Беларусь всегда являлась одним из приоритетных направлений функционирования социально ориентированной

экономической модели, реализуемой в стране с 1994 года. Одним из видов социальной поддержки населения является государственная адресная социальная помощь (далее - ГАСП), которая регламентируется Указом Президента Республики Беларусь «О государственной адресной социальной помощи» [1]. ГАСП введена с 1 января 2001 года для реализации адресного, индивидуального подхода при оказании материальной помощи малообеспеченным и находящимся в трудной жизненной ситуации гражданам и семьям. Основным критерием отнесения граждан к малообеспеченным является бюджет прожиточного минимума в среднем на душу населения как социальный норматив.

Сама система ГАСП состоит из четырех выплат: ежемесячное пособие; единовременное пособие; пособие на приобретение предметов гигиены; обеспечение питания детей первых двух лет жизни.

Решение о предоставлении (об отказе в предоставлении) ГАСП, ее видах, формах, размерах и периоде предоставления принимается комиссией, созданной местным исполнительным и распорядительным органом (местной администрацией) [2].

Общее количество населения, которому предоставлена ГАСП за последние два года сокращается (см. рисунок).

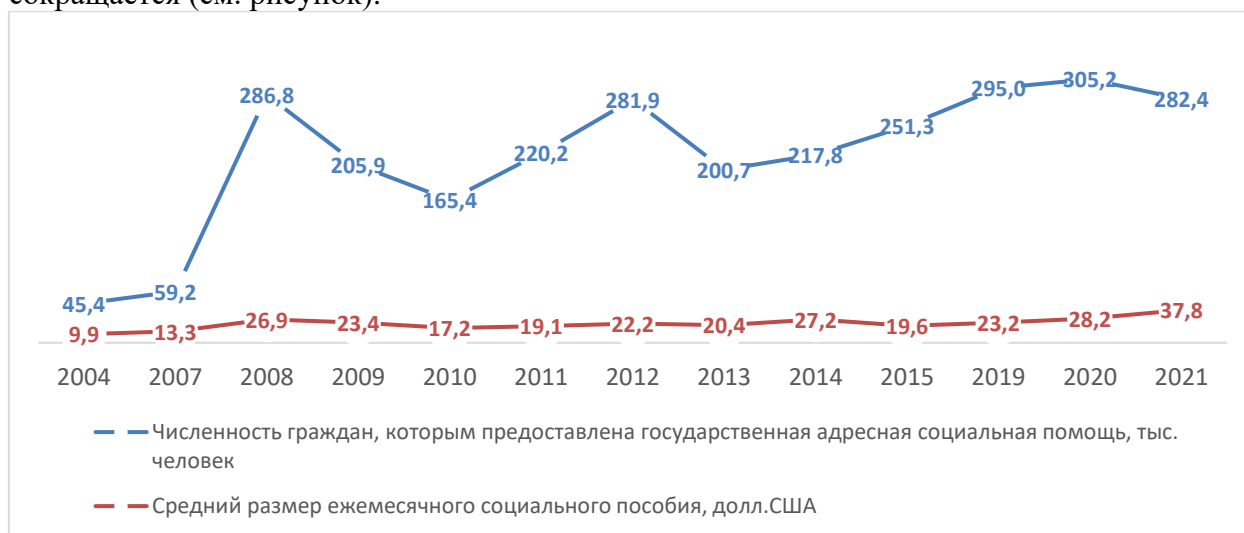

Рисунок – Численность граждан, которым предоставлена ГАСП, тыс. чел.

Источник: составлено на основе [3]

В 2021 г. ГАСП предоставлена 282,4 тыс. человек. Основные получатели ежемесячного социального пособия – многодетные семьи (73% от общего количества получателей). Сумма предоставленной ГАСП составила около 123 млн. рублей и увеличилась на 9,3% по сравнению с 2020 годом [2].

В 2021 году в региональном разрезе ГАСП получили больше всего жителей Гомельской области (50217 чел.), наименьшее количество предоставлено в г. Минске (33225 чел.). Максимальную сумму в денежном эквиваленте предоставили жителям Брестской области (20542,4 тыс. руб.), минимальную – г. Минска (13078 тыс. руб.). Средний размер ГАСП в виде ежемесячного социального пособия составил 96,14 рубля в месяц на одного человека, единовременного социального пособия – 144,55 рубля, социального пособия для возмещения затрат на приобретение предметов гигиены – 378,15 рубля. Средняя стоимость набора продуктов питания для детей до двух лет жизни составила 185,13 рубля [2-3].

В современных условиях поиск резервов для оказания ГАСП и дальнейшей реализации социально-ориентированной модели экономики Беларуси является одной из важнейших задач органов государственного управления всех звеньев и уровней. Социальная защита граждан как приоритет является одним из основных стимулов экономического роста страны и ряда принимаемых управленческих решений на самом высоком уровне.

1. Указ Президента Республики Беларусь от 19 января 2012 г. № 41 «О государственной адресной социальной помощи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 10.08.2022.
2. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.by/ru>. – Дата доступа: 10.08.2022.
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь (официальный сайт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by>. – Дата доступа: 10.08.2022.

ВОЗМОЖНОСТИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЛЯ МАЛООБЕСПЕЧЕННЫХ СЕМЕЙ

Сачук Денис Игоревич

(Петрозаводский государственный университет)

Фадеева Наталья Леонидовна

(Петрозаводский государственный университет)

Одним из рисков нестабильной экономической ситуации является развитие прекариата как особого социального слоя [2,51]. В современной отечественной практике сложно полноценно говорить о российском прекариате, однако общность этого понятия с уязвимыми слоями населения позволяет проводить параллели. Экономическая система России находится под серьёзным внешнеэкономическим давлением. В этих условиях под ударом оказываются не только средние слои, но и основные уязвимые с социально-экономической точки зрения слои населения [1,90]. Очевидно, их представителям придётся пересматривать структуру своих доходов.

Возможным вариантом балансирования бюджета домохозяйств становится система социальной защиты, которая располагает определёнными ресурсами для поддержания уровня жизни уязвимых слоёв населения. Необходимо уточнить уровень осведомлённости малообеспеченных семей о возможностях системы социальной защиты.

Социологическое исследование было реализовано в рамках реализации комплекса мер по развитию социальных практик, направленных на сокращение бедности семей с детьми в Республике Карелия. При сборе эмпирического материала была использована квотная выборка, которая включила все муниципальные округа и городские территории республики. В исследовании приняло участие 817 респондентов.

Данные исследования показывают, что возможности системы социальной защиты в настоящее время используются ограниченно. Малообеспеченные семьи принципиально знают, в какие учреждения необходимо обратиться, однако лишь каждая десятая семья принципиально готова к изменению своего трудового статуса на примере социального контракта.

Причины слабого использования указанного механизма можно разделить на две большие группы. С одной стороны, потенциал социального контракта не раскрыт полностью, поскольку практически половина малообеспеченных семей отмечает недостаток или отсутствие информации о данной мере. Поэтому значимая рекомендация – резкое расширение информационной деятельности структур, связанных с реализацией социального контракта в целях минимизации паузы между утратой позиции на рынке труда и активной деятельностью по содействию занятости.

Вторая значимая причина – опасения потенциальных участников социального контракта в эффективности мероприятий с точки зрения бюрократических барьеров. Необходима массовизация практики, что вновь приводит к необходимости расширения информационной активности системы социальной защиты. Интенсификация усилий по информированию населения о возможностях системы социальной поддержки и

социального контракта в частности, позволит пройти турбулентный этап развития российской экономической системы и рынка труда с минимальными потерями.

1. Еремина А.Е. Экономические санкции: понятие, типология, особенности // *Постсоветский материк*. 2019. №4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-ponyatie-tipologiya-osobennosti>;

2. Стэндинг Гай *Прекариат: новый опасный класс*. - М.: Ад Марингем Пресс, 2014. - 328 с.;

ПРОФИЛАКТИКА РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Смирнова Екатерина Алексеевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Середа Василий Михайлов

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Расстройство пищевого поведения (РПП) одно из наиболее распространенных заболеваний в наше время. Развитие социальных сетей и пандемия подготовили «благоприятную» почву к распространению расстройств пищевого поведения. РПП имеют самый высокий риск смертности среди всех психических заболеваний - 20% заболевших умирают. Каждый день 23 человека в мире умирают от РПП. Количество детей до 12 лет, стационарированных в госпитали в связи с РПП, возросло на 119% за последние 10 лет [3, 282].

В ходе нашего исследования установлено, что 87% респондентов отметили, что каждый из них сталкивался с близкими, страдающими РПП. Респонденты в 93% случаев указали, что испытывают жалость к людям, страдающим данным заболеванием, 91% женщин молодого возраста отметили, что пытаются контролировать свой вес с помощью диет. Исследованием установлено, что 43% опрошенных снимает стресс с помощью еды, а 30% вообще не считают нужным следить за своим питанием.

В социальной работе тема РПП мало освещается и мало изучается, так как принято считать, что РПП - психиатрическая проблема. Однако, специалисты по социальной работе могут и должны заниматься профилактикой РПП, точно также, как и профилактикой злоупотребления алкоголем и наркотиками. Принимая во внимание, что социальная профилактика - это предпринимаемое воздействие на социальный объект с целью сохранения его функционального состояния и предотвращения возможных негативных процессов в его жизнедеятельности[2, 247]. Исследователи выделяют наиболее распространенные причины РПП, которые можно определить, как физиологические, личностные, социальные.

Предотвращение социальных причин РПП можно решать с помощью профилактической социальной работы, которая реализуется в рамках модели уровней вмешательства вместе с моделью риска. Она предполагает проведение превентивных действий на индивидуальном уровне, на уровне групп, сообщества, общества и, в некоторых случаях, на глобальном уровне. Модель уровней вмешательства определяет основные формы превентивного вмешательства, а модель риска определяет, на что должно быть направлено вмешательство: определение уровня рискогенности, снижение риска и создание поддерживающей благоприятной среды[1, 149]

Таким образом, профилактическая социальная работа способна взаимодействовать на общество, индивида, семью для предотвращения распространения заболеваний РПП. Это возможно лишь при интеграции ресурсов государства и общественных организаций. При необходимом взаимодействии модели уровней вмешательства и модели риска.

1. Бородкина О. И. Современные тенденции развития профилактической социальной работы / Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2012. Вып. 3, стр. 146-149
2. Ткаченко, В. Е. Организация социальной работы с многодетными семьями / Молодой ученый. — 2020. — № 30 (320). — С. 246-249
3. Deloitte Access Economics. The Social and Economic Cost of Eating Disorders in the United States of America: A Report for the Strategic Training Initiative for the Prevention of Eating Disorders and the Academy for Eating Disorders. June 2020, p.345-362

ДОСУГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮДЕЙ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

Соловьёва Анна Александровна

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Жанзакова Камилла Руслановна

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Шишова Полина Антоновна

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Современное общество находится в постоянном изменении и требует от пожилых людей быстро адаптироваться к новым условиям. Оно требует от них быть более активными, что может способствовать их благосостоянию. Благосостояние граждан пожилого возраста складывается не только материальным достатком, но и особенностью досуга [1, 1]. Досуг является неотделимой частью жизни пожилого человека. Он способствует всестороннему развитию, самореализации, удовлетворению социокультурных потребностей, преодолению усталости, стресса и наполнению жизни человека третьего возраста положительными эмоциями.

Досуг подразумевает такой род занятий, которые дают человеку ощущение удовольствия, приподнятого настроения и радости [2,]. Он может включать в себя следующие виды деятельности: физическая (все виды участия в спортивной деятельности), художественная (живопись, рисование, литературное творчество), рукоделие (вязание, вышивание, плетение различных изделий и др.), посещение культурных учреждений (музеи, театры, галереи, спектакли и др.), игровая (настольные, компьютерные и интеллектуальные игры), развлечения, коммуникативная.

Данные виды досуга мы наблюдали в ответах респондентов нашего эмпирического исследования. Методом эмпирического исследования стало глубинное интервью с людьми третьего возраста. В группу исследуемых вошли неработающие женщины пенсионного возраста, возрастной диапазон которых составил от шестидесяти одного года и до восьмидесяти трех лет.

Почти у всех респондентов имеется различные варианты проведения досуга (семь человек из восьми). В качестве досуговой деятельности больше половины информантов выделяют вязание (пять из восьми). На втором месте у респондентов находится работа в огороде (четыре из восьми человек). Наименьшую популярность имеют такие виды досуга, как готовка, интеллектуальные игры и чтение книг. Таким образом, наибольшее число респондентов в качестве своего времяпрепровождения предпочитают художественные формы проведения досуга.

Однако досуг пожилых людей в российском обществе мало развит. Этому способствует определенный ряд проблем, зависящих как от объективных, так и от субъективных факторов, например, низкая пенсия, проблемы со здоровьем, чувство одиночества, уменьшение социальных связей и др. Наше исследование подтверждает наличие данных у людей пожилого возраста. Также нашими респондентами отмечалось наличие такой проблемы, как отсутствие специализированного досуга для пожилых в

районах их проживания. Даже если подобные мероприятия организуются, то осведомленность о них достаточно низкая.

Таким образом, можно сказать, что наиболее популярным является любительское, художественное и техническое творчество. В ходе проведения исследования нами были освещены спектр проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди в ходе реализации досуговой деятельности. Данные проблемы решаются комплексно, используя индивидуальный подход, учитывая культурные запросы, возрастные, психологические особенности пожилых людей, компетентно применяя эффективные формы и средства социально-культурной деятельности. Исходя из этого государству и обществу необходимо обратить внимание на организацию досуга людей третьего возраста.

1. Караева А.К. ДОСУГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ // *Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»*. 2018. - Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018006853> (дата обращения: 28.05.2022).

2. Борзых А. В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОСУГА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ С ПОМОЩЬЮ ФОРМ И СРЕДСТВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ // *ФГБОУ ВО ВСГИК, п. Мамакан Иркутской области*. 2020. - Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44607888> (дата обращения: 30.05.2022)

3. Витохина А.А. ПРОБЛЕМЫ ДОСУГА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ // *Вестник магистратуры*. 2015. №1-1 (40). - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-dosuga-pozhilyh-lyudey-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 30.05.2022).

4. Сухова Л. С. Организация досуга и свободного времени пожилых людей // - *Режим доступа: http://shemshur.narod.ru/Portfolio/Sv_Dim_school/Old_Age_Problems_7.pdf* (дата обращения: 29.05.2022).

5. Латкина А.Д., Щербинина А.О. Основные формы досуговой деятельности лиц пожилого возраста Алтайского края // *Скиф*. 2020. №4 (44). - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-formy-dosugovoy-deyatelnosti-lits-pozhilogo-vozrasta-altayskogo-kraja> (дата обращения: 30.05.2022).

6. Григорьева С. А. Развитие социальной активности граждан старшего поколения в условиях города // *Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых*. 2018. №16. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sotsialnoy-aktivnosti-grazhdan-starshego-pokoleniya-v-usloviyah-goroda> (дата обращения: 29.05.2022).

РИСКИ СТРАТЕГИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ НКО

Старшинова Алевтина Викторовна

(Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина)

Исследование выполнено в СПбГУ при поддержке РНФ (Проект № 19–18–00246-П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг»).

Развитие некоммерческого сектора социальных услуг, заметно набирающее темпы в российских регионах с вступлением в действие в 2015 г. Федерального закона № 442, в настоящее время сопровождается нарастанием совокупности проблем, среди них – проблема достижения финансовой устойчивости НКО. Вопрос о способности некоммерческих организаций диверсифицировать источники доходов для предупреждения кризисных ситуаций, вызванных трудностями или даже отсутствием финансирования, находится в центре внимания зарубежных [1;2;3] и отечественных

исследований [4;5]. Анализ результатов проведенного нами исследования методом интервью с руководителями СО НКО (n=27) демонстрирует, что наиболее характерными для организаций стратегиями привлечения доходов являются (1) частные пожертвования т.е. поступления от доноров из среды бизнес-сообщества; (2) предпринимательская деятельность НКО при условии, что приносящая доход деятельность предусмотрена уставом организации; (3) субсидии из региональных бюджетов на выполнение государственных заданий или возмещение затрат за предоставленные услуги гражданам при вхождении НКО в реестры поставщиков социальных услуг; (4) гранты, предоставленные Фондом президентских грантов, средства которого формируются из государственного бюджета, как и гранты, предоставляемые региональными органами управления, и гранты от частных фондов; (5) наконец, многие НКО в настоящее время планируют получение доходов от целевого капитала.

Каждая из обозначенных стратегий привлечения доходов содержит присущие ей риски. Привлечение частных пожертвований зависит от многих рыночных факторов, влияющих на возможности бизнеса для регулярных отчислений средств на нужды НКО, и этим вызваны риски непостоянства или утраты финансирования при взаимодействии организаций с донорами. Серьезным риском, по мнению информантов, является и не сложившаяся в обществе культура пожертвований. Риски предпринимательской деятельности самих НКО связаны с малочисленностью штатного состава организаций и отсутствием у сотрудников необходимых компетенций и навыков коммерческой деятельности. Субсидии из региональных бюджетов не способны обеспечить требуемый уровень доходов НКО из-за несоответствия ресурсных затрат и получаемых доходов при выполнении услуг за счет бюджетных средств, прежде всего в силу устанавливаемых в регионах низких тарифов на услуги. Рискованность получения доходов от целевого капитала определяется не разработанностью этого финансового инструмента, отсутствием у организаций бизнес-партнеров, в том числе из банковского сектора, невозможностью обеспечить должный уровень менеджмента. Грантовая стратегия, в частности гранты от Фонда президентских грантов, является наиболее востребованной и применяемой сегодня многими некоммерческими организациями как основной источник пополнения своих доходов. Однако, по признанию самих представителей НКО, у них наблюдается своеобразная зависимость от грантов, которая усиливает финансовую уязвимость организаций, поскольку ориентированность НКО только на гранты закрывает им развитие иных стратегий привлечения доходов. К этому добавляются и риски снижения объемов финансирования грантов для социально-ориентированных НКО, которые уже наметились в 2021 году. Гранты как главный и единственный способ обеспечения финансирования несет в себе риски превращения возможностей создания инновационных продуктов/услуг и развития организаций в стагнацию, что, по сути, и происходит, когда вся деятельность организации подчинена написанию грантов в соответствии с периодами объявления грантовых конкурсов грантодателями, а получение очередного гранта завершает едва начавшуюся деятельность, которая планировалась в соответствии с предшествующим проектом по гранту. К тому же усиление конкуренции в конкурсном отборе создает риск неполучения гранта и утраты ожидаемого финансирования.

Предупреждение обозначенных рисков и ряда других, характерных для стратегий финансирования и достижения устойчивости, которые получили распространение среди НКО, предполагает диверсификацию доходов и сочетание нескольких источников получения доходов, позволяющих НКО пополнять свои бюджеты. Участники исследования, представляющие региональные НКО, говорили о необходимости разнообразия финансовых источников и обсуждали наиболее перспективные стратегии помимо грантовой, что свидетельствует о понимании проблемы и связанных с ней рисках, но многие из них признавали, что пока не располагают соответствующим человеческим и социальным капиталом. Представляется, что объединение ресурсов малочисленных и пока слабо развитых с точки зрения организационной культуры некоммерческих организаций,

кадровой подготовки могло бы способствовать созданию возможностей для предотвращения наметившихся рисков. Другая перспектива, открывающая возможности некоммерческим организациям снизить угрозы потенциальных рисков, связана с более активной интеграцией с действующими государственными социальными учреждениями, преобладающими в численном отношении на формирующемся рынке социальных услуг и располагающими значительными ресурсами.

1. de Andres-Alonso, P., Garcia-Rodriguez, I., Romero-Merino, M.E. (2016). *Disentangling the Financial Vulnerability of Nonprofits*. *Voluntas*, 27, 2539–2560. <https://doi.org/10.1007/s11266-016-9764-6>
2. Qu, H. (2019). *Risk and diversification of nonprofit revenue portfolios: Applying modern portfolio theory to nonprofit revenue management*. *Nonprofit Management and Leadership*, 30(2), 193-212. DOI: 10.1002/nml.21385
3. Kingma, B.R. (1993). *Portfolio Theory and Nonprofit Financial Stability*. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 22(2), pp. 105-119. 10.1177/089976409302200202
4. Мартынов М. Ю. (2019). Социально-ориентированные некоммерческие предприятия – обретение легитимности? // Социологические исследования. № 10. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013216250007102-5.
5. Степанов В. А. (2020). Эффективность грантовой поддержки российских социально ориентированных некоммерческих организаций (на примере Фонда президентских грантов)//Социологические исследования. № 9. С.79–89. DOI: 10.31857/S013216250009619-3

ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ АКТИВИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С ЛИЦАМИ, ОСВОБОДИВШИМИСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Сулимова Алина Алексеевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00246-П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемого в СПбГУ.

Концепция активизации (эмпауэрмент) - подход, применяющийся для расширения прав и возможностей личности, сообществ, организаций, отдельных социальных групп. Данная концепция предполагает самостоятельное решение проблем клиентом социального учреждения при поддержке помогающего специалиста. В России разработкой тематики эмпауэрмента в социальной работе одними из первых начали заниматься ученые кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского Государственного Университета, интерпретируя его как профилактический ресурс, инструмент активизации ресурсов (семьи), как цель и ценность социальной работы [1, с. 275].

Существуют два подхода к понятию активизации: социально- ориентированный и личностно-ориентированный [2, с. 10]. В случае работы с лицами, освободившимися из мест лишения свободы актуальны оба подхода, потому что:

при социально-ориентированном подходе фокус социальной работы направлен на защиту прав социально уязвимой группы (в данном случае - лиц, освободившихся из мест лишения свободы). Реализация принципа эмпауэрмента в этом случае подразумевает изменения в законодательстве, направленных на поддержку таких людей, а также на работу с обществом, которое систематизирует бывших заключенных и навешивает на них ярлык “зек”.

при личностно-ориентированном подходе лица, освободившиеся из мест лишения свободы рассматриваются как потенциально активные личности, которые чувствуют себя бессильными и беспомощными перед своими проблемами; в таком случае задача социального работника - мотивировать человека на решение его проблем самостоятельно, на выработку ответственности за собственную жизнь и решения.

В начале работы в рамках концепции активизации задача социального работника заключается в установлении доверительных отношений между ним и лицом, освободившимся из мест лишения свободы. Бывший заключенный, в этом случае, рассматривается не как беспомощное существо, за которого социальный работник должен решать все возникающие проблемы, а как отдельная личность, которая испытывает определенные трудности, но, тем не менее, способна их решить самостоятельно. Социальный работник выступает в роли друга, который готов обсудить возможные решения проблем, помочь и подсказать (например, в случае трудоустройства, получения образования). Однако, социальный работник должен только наблюдать за тем, как освободившийся устраивает свою жизнь. Он может подбадривать, мотивировать клиента, но вся ответственность за воплощение своих желаний лежит только на клиенте.

На индивидуальном уровне эмпауэрмента работа с бывшим заключённым строится следующим образом: клиент самостоятельно обращается в учреждение социальной защиты с определенным запросом, затем социальный работник проводит первичную консультацию, на которой выявляет круг проблем клиента. Затем совместно с лицом, освободившимся из мест лишения свободы специалист определяет пути решения проблем и достижения поставленных задач. Однако, дальше должен действовать сам клиент. Специалист может направлять, подсказывать, делиться контактами служб, необходимых человеку, однако вмешиваться и решать проблемы за клиента он не должен. Это оптимальный вид работы с бывшим заключённым, так как только при таком подходе человек может действительно изменить себя и свою жизнь.

Существует два вида группового эмпауэрмента: группы самопомощи и группы, управляемые социальным работником (который является модератором и организатором группы, но не является ее членом). В случае группового эмпауэрмента на группах решаются индивидуальные проблемы ее участников. Бывший заключенный получает от таких групповых встреч большую поддержку, так как вокруг него есть люди, которые прошли через то же самое, что и он. Участники групп понимают и разделяют чувства друг друга. Такой вид эмпауэрмента хорошо подходит для работы с указанной группой населения. Ведь, зачастую, когда один из участников заявляет о своей проблеме, оказывается, что другие члены группы также озадачены данным вопросом, либо же сталкивались с этой проблемой ранее, и готовы подсказать способы ее решения (или, наоборот, расскажут как поступать не стоит). Пройдя этап тюремного заключения - группового проживания, коллективно разделяя ответственность, бывшие заключенные гораздо лучше активизируются в знакомых им условиях.

Однако, этот вид эмпауэрмента таит в себе опасность того, что бывший заключённый остаётся в привычной ему группе. Сохраняются привычные ему интересы, принципы и взгляды на жизнь. Задача социального работника в данном случае - привлекать к участию в групповой работе успешно социализировавшихся лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Успешная социализация здесь подразумевает под собой принятие норм и ценностей общества, трудоустройство, установление позитивных доверительных контактов с людьми не из тюремного круга.

Организационный уровень эмпауэрмента предполагает борьбу организаций (государственных и негосударственных), оказывающих социальные услуги, за права и возможности такой группы населения, как лица, освободившиеся из мест лишения свободы. Эта борьба может быть, например, правовой: отстаивание права бывшего заключенного на жизнь в хороших условиях в той жилой площади, которая принадлежит ему по закону. Однако такой вид эмпауэрмента не окажет должного влияния на бывших

заклученных, потому что им будет комфортно в роли наблюдателя и самостоятельно они ничего не будут предпринимать для решения сложившейся жизненной ситуации.

Тем не менее, подобный вид эмпауэрмента может быть полезен для всех бывших заключённых в целом. В случае, например, борьбы за право на трудоустройство. В России практически все работодатели требуют при поступлении на работу справку об отсутствии судимости (даже в случаях, когда это неправомерно), тем самым вынуждая лиц с судимостью устраиваться на работу нелегально. Нелегальный работник не защищён трудовым законодательством, не имеет права на трудовую пенсию и т.д. Поэтому крайне важна деятельность общественных организаций по разрешению данного вопроса. Дополнительно стоит отметить тот факт, что наше общество стигматизирует лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Низкий социальный статус, недоверие со стороны окружающих не способствуют успешной социальной адаптации. Зачастую, именно общественные организации стремятся помочь социально уязвимым группам выглядеть иначе в глазах общества.

Концепция активизации в настоящий момент полноценно не внедрена в российскую практику социальной работы, однако она имеет большой потенциал в современных условиях социальной неопределенности, когда людям крайне важно находить в себе силы для самостоятельного решения проблем.

1. Киенко Т. Эмпауэрмент (empowerment)-подход как методология исследования и преодоления социальных проблем людей, групп и сообществ в совместной деятельности: обзор и исследовательские рамки // Социологические обозрения 2022, т. 21, № 2, с. 274–303

2. Фирсов М.В. Рецензия на книгу: Активизация в социальной работе с семьей / под ред. О. И. Бородкиной, В. А. Самойловой. СПб: Скифия-принт, 2013. - 176 с // ЖССА. 2015. №5.

СПЕЦИАЛИСТЫ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЕТЕНЦИЯМ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

Тарасов Данил Андреевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Текущему состоянию социальной сферы свойственны различные тенденции, которые обуславливают усиление социальной напряженности и выдвигают ряд требований для её нивелирования или смягчения.

Институт семьи и детства, являясь фундаментальным институтом общественной жизни, претерпевает наиболее выраженное влияние, оказываемое происходящими изменениями. Подобное влияние обуславливает ряд требований к системе социального обслуживания и к соответствующим специалистам социальных служб.

Новые реалии требуют формирования таких компетенций, которые должны способствовать решению «новых» задач, возникающих в профессиональной деятельности специалистов социальных учреждений.

Анализ научной литературы и практический опыт позволяют выделить механизмы, требующие имплементации в социальной практике для формирования требуемых компетенций и их систематической актуализации (в соответствии с предъявляемыми действительностью требованиями).

Большая часть штатного персонала социальных служб не имеет профильного образования (специалист по социальной работе, педагог-организатор, социальный педагог и т.д.). Курсы повышения квалификации, которые проходят специалисты социальных служб, не способны сформировать достаточный перечень компетенций, требующихся для реализации функциональных обязанностей.

Следует выделить перспективные направления:

Развитие и интеграция механизма эффективного контракта, в котором находят отражение показатели эффективности работника [3, с. 37].

Развитие и интеграция концепции «обучение на протяжении всей жизни» («lifelong learning»), которая отражает значимость приобретаемых и подтверждаемых компетенций не только для профессиональной сферы человека, но и для его общественной жизни [2, с. 179].

Формирование позитивного имиджа специалиста социальной сферы, под которым понимается привлекательность профессии для студентов [1]. Последнее должно найти отражение в виде притока молодых и компетентных кадров в социальные службы.

Данные положения формируют необходимость расширения и постоянного обновления с учётом различных изменений теоретико-методологической базы для формирования компетенций и разработку профильных учебно-методических комплексов междисциплинарного характера.

Следует отметить, что представленная тема является актуальной и, следовательно, требует более глубокого осмысления и изучения, на основании которого окажется возможным формирование перечня рекомендаций по совершенствованию подготовки квалифицированных кадров социальных служб.

1. Абраменкова А. В. Современный имиджмейкинг и медиатехнологии в государственных органах (на примере федеральной антимонопольной службы) // *Коммуникология: электронный научный журнал*. 2022. № 1. С. 27–38.

2. Уткин А. В., Шевченко К. В. Экосистемный подход в образовании: от метафоры к методологии и практике // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2022. № 2(107). С. 175–189.

3. Штыкова Н. Н. Эффективный контракт: вопросы правоприменения // *Диалог*. 2017. № 1(6). С. 32–38.

РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ БЛАГОПОЛУЧИЯ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Трушина Маргарита Алексеевна
(МГИМО МИД России)

Актуальность обусловлена тем, что в настоящее время российское общество, как и многие другие, переживает кризисный период своего развития. Огромное влияние оказывают внешние факторы, ситуация на финансовых рынках, правовая ситуация в сфере бизнеса, а также факторы криминального свойства на ситуацию внутри страны. В связи с этим меняется конъюнктура рынка, перераспределяются ресурсы и возникают новые уязвимости [1].

Проблемой данного исследования является отсутствие качественных способов социальной поддержки уязвимых социальных категорий в условиях появляющихся рисков и неопределенности.

Задача на сегодняшний день: стабилизировать социально-экономическую ситуацию в стране с помощью одного из важнейших экономических инструментов (фискального).

Материалы, которые использовались в докладе:

Нормативно-правовая база (Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 10.12.1995 N 195-ФЗ; Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2000 год»; Статистика одиноких матерей в России; данные Росстата; данные Министерства финансов Российской Федерации и бюджета для граждан к Федеральному закону о федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов).

Демографические журналы и статьи на тему Демографии (Демография в России: объединенные панельные данные за 1990-2019 г.),

Научные статьи («Новые уязвимости и риски современного этапа развития российского общества» С.А. Кравченко; «Проблемы интеграции России в мировое хозяйство» Скакунова А.А.; «Прогрессивное налогообложение: зарубежный опыт и перспективы введения в России» Хаджирокова А.А.; «Дотационные регионы России и регионы-доноры» М. Дубовиков)

Данные о системе налогообложения в Великобритании и во Франции.

Ключевые вопросы:

Какие существуют ресурсы социальных служб по поддержанию благополучия различных социальных групп населения?

Ощущается ли та социальная поддержка, которую стремится оказать государство?

Реально ли на N сумму социальной поддержки, которую оказывает государство, обеспечить не нормальное существование (как принято говорить в официальных СМИ), а достойную жизнь ребёнка? [3, 4, 5]

Зачем была введена плоская шкала налогообложения и какие плоды принесло её введение по прошествии 20 лет?

Тезисы:

Проанализировав то, что правовой аппарат государства вкладывает в понятие «Социальное обслуживание» [2] и «Материальная помощь», можно сделать вывод о том, что «Писанное на бумаге» в корне отличается от того, что существует в реальной жизни.

Важно начать совершенствовать систему социального обслуживания в Российской Федерации (и выдвигать разного рода предложения по перераспределению ресурсов государственного бюджета (или социальных служб)).

Необходимо изменение шкалы налогообложения с пропорциональной на прогрессивную, присущую странам «Большой восьмёрки», экономически высокоразвитым странам Западной Европы и странам «Переселенческого капитализма» [6].

Перераспределения налогового бремени в отношении физических лиц может изменить кризисную ситуацию (даже стагнацию) в экономике России [7, 8].

Благодаря уходу от плоской шкалы налогообложения можно добиться таких колоссальных результатов, как рациональный расход средств, поступающих в бюджет, на осуществление социальной политики и других мероприятий, влияющих на благополучие населения.

Тяжёлое налоговое бремя способно повысить уровень стабильности в сфере защиты граждан от разнообразных рисков [9] (Для семьи с доходом N в России, где налоговая ставка 13% применяется ко всему доходу целиком, без дифференциации, налоговые отчисления подоходного налога будут более чем в три раза выше, чем во Франции –при этом Франция считается более социально обеспеченной страной, нежели Россия).

Успехи России в сфере легализации доходов оказались весьма ограниченными. Несмотря на общий прирост в бюджет, пособие значительное не изменилось, что подтверждает безрезультатность введения плоской шкалы налогового бремени.

Прогрессивная ставка налога позволила бы получить определённые экономические и социальные выгоды, выражающиеся, в возрастании налоговых поступлений в бюджет и снятию социального напряжения в государстве.

Увеличение доходов бюджетов регионов, характеризующихся высокой долей граждан с доходами выше среднего, могло бы способствовать развитию дотационных [10] субъектов РФ, а также оказать поддержку кризисным, отсталым и депрессивным субъектам

Существуют риски, из-за которых переход на прогрессивную шкалу налогообложения можно считать опасной. К ним относятся, сокрытие своих доходов; массовые нарушения, которые могут способствовать снижению поступлений в государственный бюджет, вместо их увеличения; обострения неравенства субъектов РФ;

дискриминация по уровню доходов. Несмотря на это, возможны пути решения данных проблем. К ним относятся: ужесточение ответственности за нарушение налогового законодательства; улучшение качества работы налоговых органов; развитие правовой культуры граждан и преодоление правового нигилизма; принятия соответствующих законодательных актов, позволяющих перераспределить денежные средства (способствование более качественному выполнению распределительной функции налогов).

Относительно корпораций, элиты и олигархии, то прогрессивная система может рассматриваться с социальной точки зрения, а именно как помощь малообеспеченным слоям населения. Таким образом, будет проявляться социальная роль бизнеса.

Вывод:

Принимая во внимание все достоинства и недостатки прогрессивной системы налогообложения и опыт западных развитых стран, можно сделать вывод о том, что прогрессивное налогообложение в перспективе должно быть введено в Российской Федерации [11, 12].

Подобного рода нововведения являются необходимыми, однако они не должны вводиться спонтанно (как однажды уже отмечал Президент РФ со ссылкой на возможное непонимание со стороны граждан вследствие русского менталитета). Первоочередно, стоит уделить большое внимание переработке налогового законодательства, изучению экономических, социальных и правовых последствий.

1. Кравченко С.А. Новые уязвимости и риски современного этапа развития российского общества / С.А. Кравченко // *Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков*. - М.: Проспект, 2013. - С. 13-20.
2. Федеральный закон "Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации" от 10.12.1995 N 195-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8574/
3. Демография в России: объединенные панельные данные за 1990-2019 г. (Дата последнего внесения изменений 07.05.2021) <https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-7708234640-dataset2021>
4. Статистика одиноких матерей в России [Электронный ресурс] – URL: <https://obespppravovoe.ru/statistika-odinokih-materej-v-rossii.html>
5. Бюджет для граждан к Федеральному закону о федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов
6. Скакунова А.А. «Проблемы интеграции России в мировое хозяйство»// *Известия ОрелГТУ. Серия Экономические и гуманитарные науки*. 2009. № 1. С. 18-21
7. Налоги в Великобритании [Электронный ресурс] – URL: <https://news-ners.ru.turbopages.org/news.ners.ru/s/nalogi-v-velikobritanii.html>
8. Хаджирокова А.А. Прогрессивное налогообложение: зарубежный опыт и перспективы введения в России / Хаджирокова А.А. // - С. 446 Южно-Российский институт-управления филиал РАНХиГС при Президенте РФ
9. Налоги во Франции [Электронный ресурс] – URL: <https://mirfrance.ru/nalogi-vo-francii/>
10. Дубовиков М. Дотационные регионы России и регионы-доноры. В чём разница? М. Дубовиков 17.12.2019 [Электронный ресурс] – Официальный сайт – Москва – URL: <https://zaimisrochno.ru/articles/4541-dotacionnye-regiony-rossii-i-regiony-donory-v-chem-raznica>
11. Федеральный закон "О федеральном бюджете на 2000 год" от 31.12.1999 N 227-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25636/
12. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2000 год» [Электронный ресурс] – URL: <https://library.fsetan.ru/doc/o-federalnom-byudzhete-na-2000-god/>

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Цыплакова Ольга Геннадьевна

(Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена)

Исследование потенциала пожилых людей долгое время не считалось приоритетным в социальной теории развития российского общества. На практическом уровне старость и старение рассматривались в государственных документах и политических программах по преимуществу с точки зрения пенсионного обеспечения лиц позднего возраста. Центр внимания официальной политики государства до сих пор смещен только в сторону оценки современной системы социального обеспечения пожилых людей.

Глобальные демографические изменения, связанные со снижением смертности и рождаемости, подтолкнули многих исследователей на новое понимание феноменов старости и старения как взаимосвязь личного возрастного развития человека, межпоколенческих отношений, статусом пожилых людей в обществе и социальных проблем. Постарение социума вызывает необходимость разработки комплексных программ в государственной социальной политике, учитывающих потребности и возможности пожилого поколения. Складывающаяся ситуация в стареющем обществе также требует обновления научного поля, теорий и разработок, уточнения проблематики пожилого возраста в социологии, создания новых теорий и переосмысления старости и старения не только с точки зрения одной науки, но и на междисциплинарном уровне. В результате старость становится равноценным и равноправным периодом в возрастной классификации и социальном пространстве, получает статус социальной ценности.

С позиций теоретического осмысления старения и старости преобладает две тенденции. С одной стороны, имеются концептуальные представления о старости как важном этапе жизненного пути личности, характеризующемся особыми противоречиями и нормативными задачами. С другой стороны, существует значительное число работ, в которых старость рассматривается преимущественно как период спада, потерь, регресса, а в некоторых работах пожилые люди считаются маргинальной социальной группой.

Социология пока недостаточно активно анализирует поздний период жизни человека, вполне естественно занимаясь проблемами социализации, адаптации детей, подростков и молодежи. Таким образом, налицо проблема, которая возникает в результате понимания периода старости как периода регресса и инволюции и непрерывно увеличивающегося числа пожилых и старых людей. Отсюда и возникает негативные стереотипы и соответствующее отношение к старости более молодых поколений.

Социальные стереотипы воспроизводятся и тиражируются не только в повседневной жизни, но и в социальной политике: любые теории, пытающиеся найти объяснение феномену старения, конструируют имидж пожилого человека.

Актуализируется необходимость разработки геронтологических теорий, в которых старость рассматривалась бы комплексно, учитывалась многогранность этого феномена, и активно задействовались бы результаты эмпирических исследований в формировании новых концептуальных подходов.

1. Альперович В.Д. Проблемы старения: демография, психология, социология / В. Д. Альперович. — Москва : Астрель, 2018. — 352 с.

2. Доброхлеб В. Г. Потенциал пожилого населения как ресурс развития России / В. Г. Доброхлеб // Народонаселение. - 2014. - № 4. - С. 104-112.

3. Максимова С.Г. Социальная политика в отношении старших возрастных групп как основа преодоления социальной эксклюзии: экспертные оценки // Вестник алтайского государственного аграрного университета. - 2016. - №6(140). - С.177-182.

4. Смирнова, Т. В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция / Т. В. Смирнова // Социологические исследования - 2018. - № 8. - С. 49-55.
5. Щанина Е.В. Интеграция пожилых людей в современный социум // Известия высших учебных заведений. Общественные науки. - 2015. - №1(55). - С.150-162.

ПОДДЕРЖКА НКО В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАНЯТОСТИ ЛЮДЕЙ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Чикова Евгения Викторовна

(Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина)

Тезисы подготовлены в рамках проекта Российского научного фонда № 19-18-00246-П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг»

В России с каждым годом увеличивается число детей с установленным расстройством аутистического спектра (РАС). В 2021 году было зафиксировано уже более 36 тысяч случаев, что свидетельствует о трехкратном увеличении на протяжении последнего десятилетия [1]. Распространенность расстройств аутистического спектра в детской популяции, однако, может быть в десятки раз выше [2].

В перспективе возрастает риск появления в течение ближайших лет значительного числа дезадаптированных взрослых людей с инвалидностью. Это обуславливается тем, что дети с РАС, которые в ближайшие годы перешагнут порог восемнадцатилетия, длительное время лишь опосредованно были интегрированы в систему сопровождения, включающую такие элементы как ранняя диагностика, ранняя помощь и адаптированное образование, в силу несформированности самой системы [3]. По некоторым данным в России уже проживает не менее 800 тысяч людей трудоспособного возраста с РАС [4], и все они сталкиваются с целым рядом барьеров, препятствующих их комфортному жизнеустройству.

Самый важный из них связан с тем, что большинство совершеннолетних с РАС резко попадают в социальную изоляцию, поскольку после окончания специальных и общеобразовательных учреждений только единицы из них оказываются вовлечены в систему профессионального образования, тогда как жизнедеятельность всех прочих ограничивается обособленным проживанием в семье либо в учреждении интернатного типа [5,63]. Люди старше 18 лет с расстройством аутистического спектра также оказываются поражены в правах и в отношении трудовой занятости по причине того, что в России на данный момент отсутствуют государственные программы поддержки трудоустройства и услуги сопровождаемого трудоустройства для лиц с ментальными нарушениями здоровья. Более того, в соответствии с законом, содействие в отношении организации занятости людей с инвалидностью включает в себя помощь в поиске соответствующей вакансии, адаптации на рабочем месте и в обустройстве последнего, перемещении до места работы и обратно, но не сопровождение трудового процесса на рабочем месте, что для людей с РАС может быть критически важно. При этом и работодатели оказываются практически не вовлечены в практики сопровождаемого трудоустройства, поскольку ограничены в понимании особенностей жизнедеятельности людей с РАС и в целом настороженно относятся к найму лиц с ограниченными возможностями здоровья или инвалидностью, связывая это с чрезмерной ответственностью и сложностью перестройки организационных процессов внутри предприятия. Наконец, совершеннолетние с расстройством аутистического спектра имеют разные физические и интеллектуальные возможности, поэтому для них необходимо рассматривать вариант не только трудоустройства, но и социальной занятости.

При изучении перспектив развития стратегии жизнеустройства взрослых с РАС, стоит обратить внимание в сторону деятельности некоммерческих организаций (НКО), которые стояли у истоков формирования комплексной системы сопровождения людей с расстройством аутистического спектра в России.

В рамках работы с совершеннолетними с РАС НКО в первую очередь реализуют проекты по организации социальной занятости. На практике это означает, что люди с РАС и после восемнадцатилетия могут посещать занятия различной направленности в некоммерческой организации, иногда уже в статусе помощников специалистов НКО, вовлекаясь в своеобразный институт наставничества и оказывая поддержку детям с РАС. Социальная занятость для взрослых с РАС в НКО при этом может быть реализована в самых разнообразных формах — инклюзивного волонтерского отряда, молодежного клуба, группы дневного пребывания и т.д.

Трудоустройство совершеннолетних с РАС, даже при посредничестве некоммерческих организаций, пока является редкой практикой, поскольку, как уже было отмечено выше, в первую очередь работодатели не готовы учитывать возможности людей с РАС и на этом основании вносить какие-либо изменения в операционную деятельность собственных предприятий. В качестве альтернативного пути НКО под эгидой социального бизнеса открывают творческие/ремесленные мастерские, в которые в форме частичной занятости могут быть трудоустроены совершеннолетние с РАС. Наконец, в некоторых некоммерческих организациях получается организовать временное трудоустройство совершеннолетнего с расстройством аутистического спектра, связанное с реализацией отдельных грантовых проектов.

Однако как с точки зрения представителей некоммерческого сектора, так и родителей детей с расстройством аутистического спектра, качественный скачок в обеспечении системы занятости и организации процесса встраивания в общество совершеннолетних с РАС станет возможен только при участии государственных институтов и привлечении государственных ресурсов и ознаменуется внедрением системы комплексной поддержки взрослых с расстройством аутистического спектра.

1. Письмо Министерства здравоохранения РФ № 15-3/407 от 15.03.2021. URL: <https://autism.help/uploads/store/uploads/document/35/file/1bf93f56eaaa97007aad1ac623a31cd.pdf> (дата обращения: 01.09.2022)
2. «Известия»: количество детей с аутизмом в России занижено в 10 раз // Проект Благотворительного фонда «Нужна Помощь». 18.12.2017. URL: <https://takiedela.ru/news/2017/12/18/izvestiya-autizm/> (дата обращения: 15.09.2022)
3. Аналитическая справка о численности детей с расстройствами аутистического спектра в субъектах Российской Федерации в 2020 году: https://autism-frc.ru/ckeditor_assets/attachments/3646/analiticheskaya_spravka_monitoring_2020_na_blanke_frts_09_03_21.pdf (дата обращения: 12.09.2022)
4. Программы сопровождаемого трудоустройства для людей с РАС и/или интеллектуальными нарушениями: обзор российского и международного опыта. 2020–2021 // Фонд «Обнаженные сердца». URL: <https://api.nakedheart.online/storage/literature/19/pdf-fe6471cbf53e5c5d69eb1901e330a825.pdf> (дата обращения: 19.09.2022)
5. Семенкова О.С., Сукманов В.В. Мастерские им. В.П. Шмитца: система комплексной поддержки взрослых людей с ментальной инвалидностью // Аутизм и нарушения развития. 2022. Т. 20. № 2. С. 62–77. doi:10.17759/autdd.2022200208

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В УСЛОВИЯХ ВОЗРОСШИХ РИСКОВ В ОБЩЕСТВЕ

Шамкова Светлана Владимировна

(СПб ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»)

Профессия «социальная работа», несмотря на глубинные традиции помощи и взаимопомощи, начала свою официальную историю с 1991 года, появившись в непростой период развития российского общества как ответ на острую необходимость актуализации системы социальной защиты населения. За тридцатилетний период активного формирования сделано очень много: нормативно-правовая база, соответствующая социальной инфраструктура, система подготовки специалистов по социальной работе.

Современная геополитическая и экономическая ситуация является триггером социальной неопределенности и, соответственно, трансформации системы социальной поддержки населения. Своевременным является обращение к социологическим основам, позволяющим переосмыслить потенциал социальной работы, для того, чтобы определить значимые направления в новых условиях. В связи с чем, крайне актуальными представляются социологические теории «общества риска» (У. Бек, Э. Гидденс и др.). В частности, Э. Гидденс считает, что современное общество рискогенно, само производит риски. При этом, рискогенным является не только действие, но и бездействие при возникновении какого-то риска и способствует тому, что общество получает новый, нередко более существенный и сложный риск [1]. Так, социальная работа в условиях возросших рисков общества является важнейшим инструментом и механизмом для предотвращения и назревшего решения традиционных и вновь появившихся проблем.

Необходимость изменений в социальной сфере соответствует принципу неустойчивости. М.А. Лыгина, раскрывая синергетические основания социальной работы, характеризует неустойчивость как открытость и нестабильность системы, которая находится на рубеже между новым и старым качеством [2]. При этом, если обозначить современные реалии как некую точку бифуркации, дальнейшее развитие социальной работы, ее приоритеты зависят от действий «здесь и сейчас».

Рассматривая социальную работу как систему, состоящую из взаимосвязанных элементов, обозначим некоторые важные направления для актуализации в условиях социальной неопределенности, используя классификацию технологий социальной работы по уровням реализации:

Макротехнологии – технологии, реализуемые с большими социальными группами (общество в целом).

Мезотехнологии – технологии «среднего уровня», реализуемые, например, на уровне региона (граждане пожилого возраста Санкт-Петербурга).

Микротехнологии – технологии, реализуемые в конкретной социальной организации.

Важным представляется, чтобы вышеназванные уровни своевременно и синхронно трансформировались и отвечали современным реалиям. Так, если микротехнологии социальной работы не успевают «встроиться» в общий вектор макротехнологий, последуют системные сбои, необходимый синергетический эффект не будет достигнут. При этом, нельзя недооценивать и субъектность микроуровня. Так как именно на уровне функционирования конкретных социальных учреждений осуществляется разработка и апробация технологий, отвечающих изменившимся потребностям получателя социальных услуг, что, в свою очередь, находит отражение в социальной политике.

Социальная политика, теоретические подходы, технологии и практики, субъекты (профессионалы и волонтеры) и объекты (разнообразие групп и социальных проблем) - взаимосвязанный и взаимодействующий комплекс социальной работы, нуждающийся в обновлениях и обладающий мощным инновационным потенциалом, остро

востребованным в современных реалиях. Отметим, что эффективная трансформация и закономерное развитие невозможны без опоры на традиции и имеющийся колоссальный опыт социальной работы. Необходимость актуализации социальной работы, являющейся системным институтом общества, определяется динамикой современного общества, создающего риски и условия неопределенности как для населения в целом и, особенно, для групп риска.

1. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность // *THESIS*. - 1994. - № 5. – С.107-134.
2. Лыгина, М.А. Синергетические основания социальной работы // *Социально-гуманитарные знания*. - 2010. - № 5. - С. 116-129.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕЛЬСКОГО ЖИЛЬЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Шнейдерман Инна
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Шаров Сергей Юрьевич
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Сохранение и развитие сельского расселения в процессе постиндустриальной социально-экономической трансформации имеет стратегическое значение в плане освоенности и контроля над территорией.

Первая сложность при анализе поддержки сельского жилья – определение самой категории сельского жилья. Стандартные определения (по нахождению за официальной чертой города, по предельному размеру поселения, по обеспеченности ипотечным кредитованием, в особенности для домохозяйств с низким доходом) устаревают в связи с развитием агломераций, размыванием границ города и села, сокращением доли сельского населения, занятого в сельском хозяйстве.

Государство имеет в своем распоряжении множество инструментов для удовлетворения жилищных потребностей сельского населения. Однако для повышения их эффективности они должны обеспечиваться адекватным финансированием, необходимо пересмотреть политику и процедуры, чтобы определить области, в которых можно внести улучшения. Для создания сильной местной экономики должны быть обеспечены определенные базовые услуги, социальная и инженерная инфраструктура, включая жилье, строительство дорог, системы водоснабжения, водоотведения, газоснабжения и широкополосную связь. Поскольку сельские поселения не в состоянии распределять расходы на эти услуги самостоятельно за счет средств населения, необходимы государственные, в первую очередь федеральные, вложения и значительные суммы ассигнований на программы развития сельских районов.

Современный уровень бюджетных расходов недостаточен для удовлетворения потребностей сельских жителей в жилье и развитии сельского расселения. Адекватно финансируемые программы развития сельских районов позволяют сельским сообществам решать проблемы, которые в противном случае они не в состоянии решить из-за отсутствия эффекта масштаба. Без государственных программ поддержки жители не в состоянии позволить себе жилье, соответствующее современным нормам качества.

Дополнительную проблему представляет обеспечение эффективности помощи. Это связано с большими территориями, разнообразием поселений, различным их экономическим потенциалом, бюрократическими издержками. Сельские поселения характеризуются различным распределением собственников жилья: местные жители, занимающиеся сельским хозяйством или ездящие на заработок, горожане, имеющие второе жилье в деревне, незначительная в настоящее время, но развивающаяся прослойка

работающих удаленно. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть возможности адаптации международного опыта привлечения к администрированию соответствующих программ помощи некоммерческих организаций.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО, КАК ВАЖНЕЙШЕЕ СРЕДСТВО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Яковлев Даниил Фейрузович

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Андреева Ксения Эдуардовна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

На данный момент такое понятия как, социальная политика, приобрело достаточно большое количество различных определений, причем в широком смысле – это деятельность, направленная на урегулирование всей социальной сферы как таковой. В узком же смысле определение звучит иначе: социальная политика – это целенаправленная деятельность государства и его органов, по выработке и реализации решений, касающихся человека напрямую, а также его положения в обществе, предоставления ему обязательных социальных гарантий с учетом особенностей отдельных групп граждан государства [1]. Так как социальная политика является неотъемлемой частью общей программы государства в социальной сфере, она тесно связывает себя с обществом, уровнем его развития и качеством жизни населения страны.

На наш взгляд в настоящее время повышение уровня жизни населения и его фиксация в определенном значении, является приоритетной задачей государства. Так как, опираясь на средний вариант прогноза взятый с сайта Федеральной службы государственной статистики, к началу 2030 года население страны уменьшится практически на полтора миллиона человек, а если брать статистику, предоставленную отделением народонаселения ООН, то население страны уменьшится на 3,3 миллиона человек [2]. Учитывая нынешнюю ситуацию, то вполне вероятно, что процент убыли населения страны может превысить все ожидаемые прогнозы уже к следующему году.

В стабильное для страны время такое сильное сокращение численности населения в основном связано с уменьшением рождаемости и увеличением смертности, то есть с отрицательным естественным приростом населения.

Причины снижения рождаемости:

нежелание воспроизводить потомство в условиях нестабильной экономической ситуации;

низкие показатели качества жизни населения; высокие расходы на ребенка; страхи, связанные с увеличением количества матерей-одиночек.

Причины увеличения смертности:

низкий уровень развития медицины в регионах;

низкие показатели психологической поддержки населения;

криминальный фактор;

экологическая ситуация;

распространение различного рода зависимостей: алкоголизм, наркомания, курение табачной продукции.

Чтобы хоть как-то разрешить сложившуюся ситуация в нашей стране, требуется реализация эффективных и скоординированных программ. Так как отсутствие четкого плана действий на протяжении длительного периода времени привело к усугублению социального напряжения и развитию социальных противоречий. А социальные права, закрепленные в Конституции Российской Федерации, стали подвергаться давлению.

Так как Россия является социальным государством, она гарантирует защиту социальных прав гражданина. Социальное право регулирует общественные отношения и является одним из важнейших средств осуществления его политики. В таком случае реализация программ направленных на улучшение качества жизни и важнейших ее сфер: здравоохранение, образование, ЖКХ, социальные проекты и правотворческие инициативы, будут лучшим решением для увеличения естественного прироста населения.

1. Ахинов Г.А., Калашиников С.В. «Социальная политика» учебное пособие. — М.: Инфра-м, 2014. – 272 с.
2. <https://www.gks.ru/folder/12781>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Яковлева Диана Витальевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Сиротство — одна из важнейших социальных проблем Российской Федерации. По данным статистики, на конец 2021 года 35291 ребенок находится под надзором в интернатных учреждениях. [4]

Успешное формирование социальных компетенций — важное условие функционирования ребенка в социуме. Благодаря этому дети, постигая процесс социализации, учатся развивать социальные связи, взаимодействовать с окружающим миром, проявлять самостоятельность, а также успешно включаться в современное общество. [2, 363]

Например, для формирования социальной компетентности на уровне человека необходимо владение специальными знаниями и навыками, выраженность социальной рефлексии для реализации своей социальной роли и статуса. [2,364] Всё это легче обеспечить, когда ребенок находится в родительской семье.

Родительская семья также определяет психоэмоциональное развитие ребенка. Так, нарушение эмоциональной связи ребенка и матери, отсутствие заботы и ласки ведут к эмоциональной депривации. В зависимости от возраста, она может вызвать серьезные нарушения психического развития, эмоциональный дисбаланс, поведенческие отклонения. [3, 7]

Эмоциональная депривация у воспитанников детских домов напрямую влияет на формирование социальной компетентности. При утрате «базового доверия» к окружающему миру не получают должного развития новообразования личности: автономия, инициативность, способность к труду и другие. [1, 115] Из-за этого становится затруднительным приобретение специальных знаний и навыков, обеспечивающих включение ребенка во внешнюю социальную среду.

Специфика интерната формирует устойчивую иждивенческую позицию у воспитанников, что ставит в тупик развитие социальной компетентности. Получая длительное попечение со стороны государства, дети не осознают потребность в навыках и знаниях, не развивают способность к социальной рефлексии и занимают пассивную роль.

Формирование социальной компетентности у воспитанников детских домов — одна из приоритетных задач социальной работы. Она должна осуществляться при комплексном взаимодействии с педагогами и психологами учреждения и быть направленной на обучение социально-полезным знаниям и навыкам, развитие социальной рефлексии, преодоление иждивенческого паттерна поведения и стремления к самостоятельности.

1. Жедунова Л.Г., Посысов Н.Н., Юрасова Е.Н. Исследование когнитивной сферы у воспитанников детских домов // Ярославский педагогический вестник. 1999. №1 (19). С. 114-121
2. Келасьев В. Н., Первова И.Л. Социальная компетентность и технологии ее формирования в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2010. №3. С. 356-365
3. Уманская Е.Г. Развитие личности в условиях депривации. Монография // Е.Г. Уманская — М.: Прометей, 2011. 148 с.
4. Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Минпросвещения России, 2022. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans/ (дата обращения: 10.10.22)